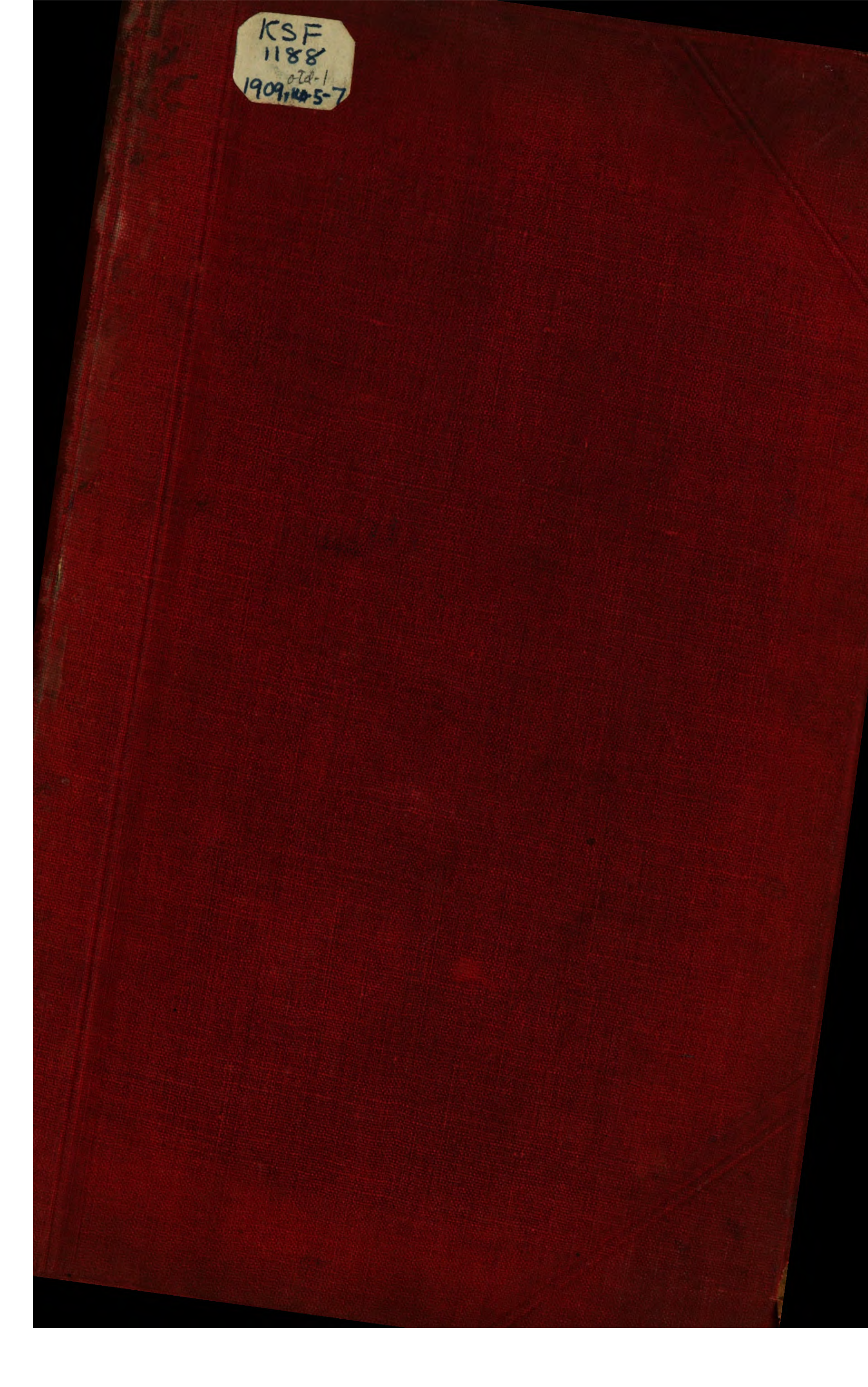

KSF
1188
1909

Исаакъ Файбусевичъ
Бурштынъ

№ 5. 1909.

Вѣстникъ Знанія.

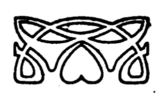
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ.

Редакторъ-издатель В. В. БИТНЕРЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., № 147.
Издательство „Вѣстника Знанія“ (В. В. Битнера).
1909.
7-й годъ изданія.
„Т-во Художеств. Печати“, Спб., Ивановская, 14.

Оглавленіе № 5 см. въ концѣ „Взаимопомощи“.

Къ свѣдѣнію авторовъ.

1) Присылаемыя авторами и переводчиками, **непремѣнно**, подъ **заказными бандеролями**, рукописи должны быть четко написаны (желательно на пишущей машинѣ), только на одной сторонѣ листа, съ оставленіемъ полей и нумераціей страницъ.

2) Рукописи могутъ быть измѣняемы и сокращаемы. Если авторъ не желаетъ измѣненій, то онъ долженъ упомянуть объ этомъ на самой рукописи. Въ такомъ случаѣ, если по редакціоннымъ соображеніямъ, безъ измѣненій рукопись печатаема быть не можетъ—она возвращается автору. Рукописи менѣе 20 тысячъ буквъ и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція не ведетъ переписки.

3) Редакція ни въ какомъ случаѣ не можетъ брать на себя обязательства за помѣщеніе статьи непремѣнно въ назначенный редакціею срокъ; это обозначеніе срока слѣдуетъ понимать лишь въ смыслѣ **желанія** редакціи,—если не встрѣтится какихъ-либо препятствій,—помѣстить статью, приблизительно, въ теченіе указаннаго срока. Рукописи, сданныя въ наборъ, не могутъ быть требуемы авторами обратно иначе, какъ послѣ возмѣщенія стоимости набора.

4) При всѣхъ сношеніяхъ съ редакціею и конторою необходимо прилагать на отвѣтъ марку, а если прислана рукопись, то для полученія ея обратно нужно прислать соотвѣтственное число марокъ на отправку заказною бандеролью; въ противномъ случаѣ стоимость пересылки можетъ быть, по желанію автора, взыскиваема наложеннымъ платежемъ.

5) Каждая рукопись должна быть снабжена подписью автора или переводчика и его подробнымъ адресомъ; къ переводамъ же, кромѣ того, должны быть прилагаемы оригиналы, съ которыхъ сдѣланы переводы. Если же оригиналъ данъ редакціею, то переводчикъ непремѣнно долженъ возвращать его вмѣстѣ съ рукописью, чтобы не произошло задержекъ въ сличеніи оригинала съ переводомъ. Размѣръ присылаемыхъ статей желателенъ не болѣе ½ печатнаго листа (8 страницъ).

6) Гонораръ выдается **послѣ напечатанія** одинъ разъ въ мѣсяцъ; отправка денегъ на счетъ получателя. **Авансы ни въ какомъ случаѣ не выдаются.**

7) Переводы поступаютъ въ полную собственность издателя. То же относится и къ компилятивнымъ и переводнымъ работамъ, помѣщаемымъ въ журналѣ и приложеніяхъ ~~къ нему~~ съ особою нумераціею страницъ, если не было особаго письменнаго соглашенія.

Къ свѣдѣнію подписчиковъ:

1) Редакція ни въ какомъ случаѣ не можетъ взять на себя обязательства за сохраненіе порядка произведеній, даваемыхъ въ приложеніяхъ журналахъ, и оставляетъ за собою право замѣнять, по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ или инымъ соображеніямъ, одно сочиненіе другимъ, приблизительно однороднымъ и равноцѣннымъ. Во всякомъ случаѣ, редакція считаетъ нужнымъ заявить, что она руководится интересами большинства подписчиковъ и разсчитываетъ на ихъ съ этой стороны довѣріе, на которое даетъ ей право опытъ прошлыхъ лѣтъ. Количество даваемаго редакціею матеріала настолько велико, что та маленькая идейная жертва меньшинства (если тутъ можетъ быть рѣчь о жертвѣ), которая вызывается необходимостью въ рѣдкихъ, впрочемъ, случаяхъ замѣны однихъ приложеній другими, будетъ врядъ ли ощутительна.

2) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 к. почтовыми марками; при перемѣнѣ городского адреса на иногородній уплачивается 1 р., а иногородняго на городской 50 к.

3) При заявленіяхъ о неполученіи № журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы необходимо **прилагать адресъ бандероли,** по которому высылается журналъ, или **сообщить его №.** Безъ этого условія наведеніе справокъ и исполненіе просьбъ очень затруднительно.

Адресъ просятъ писать **четко**, иначе часто совершенно невозможно исполнить просьбу подписчика. При отправкѣ денегъ въ контору редакціи, просятъ не писать на переводномъ бланкѣ ничего, кромѣ непосредственно относящагося къ назначенію посылаемыхъ денегъ. Всѣ просьбы въ редакцію и жалобы въ контору надлежитъ писать въ особомъ письмѣ, безъ чего затруднительно исполненіе просьбъ и возможны ошибки.

Финансы.

Н. Столяровъ.

Общее обсужденіе бюджета.

И сбылись, по волѣ Божіей,
Предсказанья моей матушки;
Нѣтъ милѣе, нѣтъ пригожѣе,
Нѣтъ нараднѣй Калистратушки.

Некрасовъ.

Когда вырабатывалось первоначальное учрежденіе Государственной Думы 6 августа, бюрократія, выкраивая бюджетныя «права» для новаго законосовѣщательнаго учрежденія, и не думала поступиться въ пользу его хоть малой долей своей бюджетной власти. По ея мысли, участіе Думы въ обсужденіи бюджета въ сущности должно было ограничиться «выраженіемъ общихъ пожеланій избранныхъ отъ населенія лицъ о тѣхъ или иныхъ измѣненіяхъ смѣтныхъ назначеній и доходныхъ статей на будущее время». (Матеріалы по учрежд. Г. Д., стр. 110). Хотя послѣ манифеста 17 октября, превратившаго законосовѣщательную Думу въ законодательную, она по смыслу вещей должна была получить рѣшающую власть въ распоряженіи народными средствами, тѣмъ не менѣе, на дѣлѣ этого не случилось. Смѣтныя правила 8 марта 1906 года, забронировавшія въ бюджетѣ колоссальныя суммы (по проекту росписи на этотъ годъ—974.061.475 р.) чаще всего наиболѣе уязвимыхъ кредитовъ, на практикѣ приводятъ къ тому, что по отношенію къ этимъ кредитамъ Дума и теперь не далеко ушла отъ того идеала, который увлекалъ булыгинское совѣщаніе *).

А остальная часть бюджета? Вотъ эти 1.657.434.020 р., которые подлежатъ свободному обсужденію Думы? Что съ нею? Пересмотрѣна ли, перещупана ли съ заботой объ общемъ благѣ каждая ея копейка для того, чтобы старый сословно-бюрократическій бюджетъ сдѣлать дѣйствительно конституціоннымъ? Нѣтъ, этого не сдѣлано. Болѣе того, купецко-помѣщичьей Думѣ 3 іюня этого и не сдѣлать. Оторванной отъ широкихъ круговъ населенія и вслѣдствіе этого лишенной дѣйствительной силы, ей это совершенно не по плечу. Въ этомъ, наконецъ, она не очень заинтересована. Если, напримѣръ, вы

*) Собственно забронированные кредиты этой суммой могутъ и не исчерпаться. Дѣло въ томъ, что когда между Гос. Думой и Гос. Совѣтомъ возникнетъ разногласіе относительно размѣра какого-либо незабронированнаго кредита, и когда разногласіе это не будетъ устранено согласительной комиссіей изъ членовъ обѣихъ палатъ, то, по закону, въ новой росписи останется та сумма, которая была назначена по прошлогодней росписи. Этимъ новымъ способомъ бронированія могутъ быть сдѣланы недоступными усмотрѣнію законодательныхъ учрежденій огромныя суммы. И въ этомъ году, какъ и въ прошломъ, по нѣкоторымъ кредитамъ между Гос. Думой и Гос. Совѣтомъ произошло разногласіе. Но согласительная комиссія еще не приступила къ своимъ работамъ. И неизвѣстно какъ велики будутъ тѣ суммы, которыя окажутся внесенными въ роспись только-что указаннымъ способомъ, т. е. на основаніи статей 12 и 13 правилъ 8-го марта 1906 г.

моете руки въ государственномъ, крестьянскомъ или дворянскомъ банкѣ, что вамъ за нужда такая особенно спѣшить съ улучшеніемъ постановки этихъ учрежденій? Этимъ только и можетъ быть объясненъ такой, напримѣръ, бюджетный абсурдъ. Государственная Дума въ трехъ чтеніяхъ обсуждаетъ ежегодную ассигновку въ 200 руб. на наемъ какого-нибудь школьнаго писаря. А что дѣлается съ милліардами рублей, которыми распоряжается бюрократія въ названныхъ банкахъ и въ ссудо-сберегательныхъ кассахъ, объ этомъ въ Думѣ и рѣчи не заходитъ! А между тѣмъ, въ однѣхъ только сберегательныхъ кассахъ въ прошломъ году было народныхъ денегъ болѣе 1.150 милліоновъ... Не сбылись ли и здѣсь предсказанія «матушки»?

И поэтому-то, когда мы видимъ, какъ Дума на курьерскихъ прокатываетъ смѣту за смѣтой, дѣлая въ нихъ несущественныя поправочки и ограничиваясь выраженіемъ «общихъ пожеланій», вліяніе которыхъ на улучшеніе дѣла совершенно ничтожно, этому намъ нечего особенно радоваться. Это—«экспедитивность» работника, а не рачительнаго хозяина, зоркій глазъ котораго видитъ и большое, и малое заразъ. Послѣ этого нечего удивляться тому, что вотъ ужъ второй разъ Дума обходится при разсмотрѣніи бюджета безъ самаго главнаго, именно, безъ общаго обсужденія, а прямо переходитъ къ постатейному и, такимъ образомъ добровольно умаляя свою власть, собственной рукой наноситъ конституціонному принципу ударъ, столь же серьезный, «какъ если бы палата постановила взамѣнъ законодательной власти ограничиться одной законосовѣщательной» (М. Ковалевскій, «Рус. Вѣд.», 26). Къ сожалѣнію, у насъ мало пишутъ и говорятъ объ этомъ. Мало писали въ началѣ разсмотрѣнія бюджета, ничего не пишутъ и теперь, когда роспись уже разсмотрѣна.

А хлопотать, во всякомъ случаѣ, есть изъ-за чего.

Какъ уже упомянуто, обсужденіе бюджета, подобно обсужденію всякаго обширнаго и сложнаго закона, бываетъ двоякое: общее и по статьямъ, т. е. главнымъ подраздѣленіямъ росписи, которыми у насъ являются параграфы или нумера: параграфы въ отдѣльныхъ министерскихъ смѣтахъ и нумера по порядку въ цѣлой росписи, при чемъ каждому нумеру соотвѣтствуетъ параграфъ отдѣльной смѣты. Напримѣръ, нумеру 256 по росписи соотвѣтствуетъ § 1 смѣты департамента земледѣлія, заключающій кредиты на содержаніе центральныхъ учрежденій (245.531 р.).

Въ странахъ, гдѣ бюджетное право народа является «оплотомъ и орудіемъ конституціи», прежде всего приступаютъ именно къ общему обсужденію. И недаромъ, напримѣръ, переходъ правительства Наполеона III къ строго конституціонному режиму ознаменовался, между прочимъ, надѣленіемъ народнаго представительства правомъ предпосылать обсужденію отдѣльныхъ смѣтъ общія пренія о бюджетѣ (Ковалевскій). Предметами общаго обсужденія являются не какіе-либо отдѣльные кредиты и даже не цѣлыя группы ихъ, заключающіяся въ той или другой смѣтѣ, а система государственнаго хозяйства,—тѣ главныя черты въ строеніи бюджета, въ которыхъ запечатлѣвается характеръ и направленіе не только финансовой, но и всей политики страны, ибо первая всегда находится на службѣ у второй. Поэтому одинъ французскій министръ сказалъ: faites-moi de la bonne politique et je vous ferai de bonnes finances (ведите хорошую политику, и я вамъ дамъ хорошо устроенные финансы).

Тамъ, гдѣ между правительствомъ и народнымъ представительствомъ, особенно руководящимъ большинствомъ народной палаты, нѣтъ серьезныхъ треній и несогласій, гдѣ правительство пользуется высокимъ авторитетомъ, а представительство обладаетъ большимъ навыкомъ въ государственныхъ дѣлахъ, гдѣ бюджетные, какъ и всякіе другіе государственные порядки, доведенные до высокой степени совершенства, считаются плодомъ совмѣстной работы правительства и представительства и не подвергаются общей критикѣ по каждому подходящему и неподходящему поводу,—тамъ общія пренія по бюджету естественно сокращаются и, касаясь сравнительно немногихъ предметовъ, почему-

либо особенно интересующихъ палату въ данный моментъ, отнимаютъ меньше времени, чѣмъ въ странахъ съ иными очередными политическими задачами.

«Ораторы,—говоритъ Штурмъ, авторъ превосходной книги о бюджетѣ,—которыхъ приводитъ на трибуну общее обсужденіе, критикуютъ или одобряютъ предположенный бюджетъ въ его общихъ чертахъ, вспоминаютъ прошлое, стараются опредѣлить важнѣйшія черты будущаго, словомъ, витаютъ въ области общихъ разсужденій. Напримѣръ, общія обсужденія новѣйшихъ бюджетовъ (Франціи) спеціально вращались вокругъ сбереженій и измѣненія системы налоговъ».

Наша страна только еще приступаетъ къ обновленію всего своего государственнаго строя на основаніяхъ народной свободы и потому особенно нуждается въ самомъ пристальномъ, всестороннемъ и глубокомъ разсмотрѣніи, въ самой тщательной и вдумчивой критикѣ бюджета, который одинъ даетъ финансовыя силы для жизни и дѣятельности какъ старыхъ, подлежащихъ преобразованію властей, учрежденій и законовъ, такъ и вновь проектируемыхъ и созидаемыхъ.

Управлять, значитъ расходовать. Не расходуя нельзя привести въ дѣйствіе законовъ и учрежденій. Прекращеніе расходовъ означало бы остановку всего государственнаго механизма, распадъ государства, его смерть. Безъ денегъ не на что было бы содержать армію и флотъ, судей и чиновниковъ, не могло бы отправляться управленіе и судъ, не уплачивались бы пенсіи, не производились бы платежи по государственнымъ займамъ и другимъ обязательствамъ.

Но въ какомъ направленіи, въ какомъ объемѣ, въ какой связи съ общей политикой вести намъ разсмотрѣніе и критику, а затѣмъ и перестройку бюджета? Указать и выяснить это и должно общее его обсужденіе, долженствующее привлечь на думскую трибуну лучшихъ ораторовъ и правительства, и партій и освѣтить дѣло со всѣхъ сторонъ въ борьбѣ интересовъ и страстей. Безъ него, безъ этого обсужденія, рядовымъ депутатамъ не подняться до общаго пониманія того краткаго цифрового резюме всей предшествовавшей исторіи страны, какимъ по существу дѣла является бюджетъ. Не подняться и не оріентироваться въ немъ. Что можетъ выйти изъ этого? Плохая осмысленность голосованій и почти слѣпое слѣдованіе указаніямъ лидеровъ и министровъ. Въ Англіи такихъ законодателей безъ особыхъ церемоній называли «обоями» и «голосующими животными».

Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ такой случай. Въ началѣ ноября въ одинъ прекрасный день члену Думы NN, никогда не занимавшемуся финансами, доставлена связка книгъ вышиною до колѣна. Развязавъ ее, депутатъ увидитъ сперва «объяснительную записку министра финансовъ къ росписи доходовъ и расходовъ, напримѣръ, на 1909 г.», страницъ въ 200, а затѣмъ 38 тонкихъ и толстыхъ (иногда въ нѣсколько десятковъ печатныхъ листовъ) книгъ—смѣты отдѣльныхъ министерскихъ департаментовъ и главныхъ управленій. Все это полно безконечныхъ цифръ, вперемежку съ текстомъ, написаннымъ суконнымъ канцелярскимъ языкомъ, испещреннымъ мало понятными или совсѣмъ непонятными техническими словами и выраженіями, безъ всякой заботы и умѣнья сдѣлать разъясняемые предметы доступными пониманію средняго человѣка—неспеціалиста. Кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, въ нѣсколько пріемовъ, прочитывается «объяснительная записка»—темно, темно... Мелькаютъ отдѣльныя мысли и цифры, чувствуется много неладнаго. Но яснаго, живого образа цѣлаго нѣтъ и въ поминѣ. Напрасно NN вспоминаетъ то, что когда-либо, можетъ быть, приходилось читать или слышать о бюджетѣ. Напримѣръ, то, что государственный бюджетъ есть актъ, содержащій предварительное одобреніе государственыхъ доходовъ и расходовъ, или то, что только дѣйствительно конституціонныя страны способны составить правильный бюджетъ, или то, что бюджетное право истекаетъ изъ народнаго верховенства и т. д. Это

мало помогаетъ ему сдѣлаться (хотя бы только теоретически) хозяиномъ въ русскомъ бюджетѣ смѣтнаго періода 1909 года. Просматриваются отдѣльныя смѣты—и того хуже! Нѣкоторыя изъ нихъ, изобилующія всевозможными «легальными титулами», могутъ заинтересовать хотя бы многочисленностью и архаичностью самихъ этихъ титуловъ. Но вотъ смѣты министерства финансовъ, путей сообщенія, морского, военнаго... коэффиціенты, теоретическія нормы, безакцизныя отчисленія, все—вагоны—версты,—гдѣ это разобрать, когда по горло и дѣлъ, и бездѣлья всякаго рода: законопректы, комиссіи, общія думскія собранія, партійныя собранія, частныя дѣла? Какъ разобраться во всемъ этомъ, когда не хватаетъ ни нужныхъ знаній, ни времени? И кончится все это тѣмъ, что нашъ законодатель будетъ знать въ бюджетѣ почти столько же, сколько знаетъ читатель газетъ, пробѣжавшій статью, другую въ освѣдомленномъ органѣ печати. И будетъ голосовать... по указкѣ, подходя вплотную развѣ къ тѣмъ кредитамъ, которые касаются интересовъ его колокольни или которые, по какой-либо другой случайной причинѣ, ему болѣе или менѣе понятны. Но яснаго, широкаго, регулирующаго, государственнаго взгляда на внушительные столбцы росписи доходовъ и расходовъ, но знанія того, что и почему въ этихъ столбцахъ должно быть вычеркнуто или вписано, что и какъ измѣнено и поправлено, не будетъ, т. е. не будетъ самаго главнаго и существеннаго.

А между тѣмъ, такой взглядъ особенно нуженъ, когда роспись приходится сводить съ дефицитомъ, какъ въ прошломъ и нынѣшнемъ годахъ. Какъ покрыть дефицитъ?—Увеличить налоги? Ввести новые? Сдѣлать заемъ? Сократить внесенные въ роспись кредиты? И какіе именно—на водку? на школы? на полицію? на тюрьмы? Или еще какъ-нибудь иначе выйти изъ затрудненія?

Вотъ тутъ-то и скажется истинный духъ, истинное направленіе какъ финансовой, такъ и общей политики. Когда въ распредѣленіи налоговаго бремени не замѣтно никакого стремленія къ равномѣрности, когда выколоченныя изъ голодающаго населенія средства растекаются старыми каналами въ карманы привилегированныхъ группъ,—пусть насъ не увѣряютъ, что государство обновляется: мы этому не повѣримъ; мы знаемъ, что все идетъ по-старому, несмотря ни на какія словеса лукавствія.

Выясненію же этой подлинной правды, какъ нельзя лучше, и содѣйствуетъ общее обсужденіе бюджета, выковывая истинно-государственные критеріи обновленія. Понятно поэтому, почему его избѣгаютъ. Но... шила изъ мѣшка не... вывалить, какъ говорилъ одинъ русскій нѣмецъ.

Но тутъ можетъ возникнуть соображеніе такого рода: и въ прошломъ, и въ позапрошломъ годахъ при внесеніи проектовъ росписей на предстоящіе смѣтные періоды 1908 и 1909 г. г. министромъ финансовъ дѣлались заявленія объ общей финансовой политикѣ, и заявленія эти вызывали общія пренія. Кромѣ того, и въ прошломъ, и въ этомъ году обсужденію смѣтъ государственнаго контроля предшествовали краткіе доклады предсѣдателя бюджетной комиссіи о главнѣйшихъ данныхъ бюджетовъ, и эти доклады также сопровождались въ Думѣ обмѣномъ мнѣній. Въ виду этого, является вопросъ: не могутъ ли эти пренія сойти за общее обсужденіе бюджета!

Конечно, это нѣкоторое подобіе общаго обсужденія. Однако же, только подобіе. Оппозиція, конечно, это понимала. И если она удовлетворилась **такимъ** общимъ обсужденіемъ, то для того только, чтобы не создать прецедента такого рда, что, дескать, можно и совсѣмъ обойтись безъ общихъ преній, лишь бы какъ-нибудь, валя черезъ пень колоду, поскорѣе покончить съ бюджетомъ и имѣть возможность, какъ думаетъ проф. Ковалевскій, разъѣхаться по домамъ до страдной поры. Въ яркой картинѣ дѣятельнсти третьей Думы это «пятно», вѣроятно, обратитъ на себя вниманіе будущаго историка нашего парламента.

Но почему же однако, **такое** обсужденіе только подобіе?

Дѣло въ томъ, что въ обоихъ случаяхъ пренія велись до разсмотрѣнія отдѣльныхъ смѣтъ, до изученія бюджета въ цѣломъ. И понятно поэтому, что и общаго руководящаго доклада бюджетной комиссіи не было и быть не могло. А были лишь соображенія предсѣдателя бюджетной комиссіи, представлявшія собою болѣе или менѣе обоснованный «взглядъ и нѣчто». Дѣловое изслѣдованіе и заключеніе коллегіи замѣнено было болѣе или менѣе субъективнымъ построеніемъ отдѣльнаго лица. Замѣчательно, что даже булыгинское совѣщаніе предусматривало необходимость «подробнаго доклада Думѣ, которая послѣ этого должна перейти на почву общихъ преній» (Матеріалы, 110).

Во-вторыхъ, общій докладъ бюджетной комиссіи по-настоящему долженъ былъ бы быть подкрѣпленъ общимъ же докладомъ комиссіи по исполненію росписи послѣдняго законченнаго контрольной ревизіей смѣтнаго періода. Для бюджета 1909 г. такимъ періодомъ является смѣтный періодъ 1907 года, по которому государственнымъ контролеромъ представленъ отчетъ почти одновременно съ проектомъ росписи на этотъ годъ. Но такого доклада именно и не было, о немъ даже и не заикались, какъ въ прошломъ, такъ и въ этомъ году.

А между тѣмъ, существенно важно, чтобы оба эти доклада предшествовали открытію общихъ преній. При старомъ, «доконституціонномъ» режимѣ государственный контролеръ представлялъ въ департаментъ государственной экономіи Государственнаго Совѣта отчетъ по исполненію росписи 1 октября, а министръ финансовъ вносилъ проектъ росписи 1 ноября. Хотѣли дать возможность членамъ Гос. Совѣта ознакомиться съ отчетомъ и принять данныя, заключающіяся въ немъ, къ свѣдѣнію при обсужденіи новой росписи. И, дѣйствительно, какъ видно изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ государственнаго контролера за 1878 и 1879 г. г., Гос. Совѣтъ засвидѣтельствовалъ, что своевременное представленіе отчетовъ по исполненію росписей предшествовавшихъ смѣтныхъ періодовъ дало ему возможность изложенныя въ отчетѣ данныя принять въ соображеніе при опредѣленіи размѣровъ смѣтныхъ предположеній о доходахъ и назначеніи размѣровъ расходовъ на 1879 и 1880 г. г. (Халютинъ. Введеніе къ русскому переводу книги Бессона «Бюджетный контроль», стр. 37).

Отчеты государственнаго контролера представляются, положимъ, и теперь въ Думу. Но какой изъ нихъ толкъ, разъ комиссія по исполненію росписи на 1906 г., образованная еще въ 1907 г., не только ничего не сдѣлала, но даже и трехъ разъ не собралась, почему, въ силу думскаго наказа, должна была закрыться? Какая польза отъ этихъ отчетовъ, когда они составлены такъ, что рядовому члену Думы доступны еще менѣе, чѣмъ смѣты? И если не ошибаюсь, дѣйствительно, при обсужденіи бюджета въ общемъ собраніи ни одинъ членъ Думы этими отчетами не воспользовался. По крайней мѣрѣ, это какъ-то не бросилось въ глаза. И даже болѣе того: безъ вспомогательныхъ данныхъ, въ частности, безъ представленныхъ государственному контролеру отчетовъ о ходѣ и результатахъ ревизіи, въ этихъ отчетахъ, т. е. отчетахъ государственнаго контроля, никому не разобраться какъ слѣдуетъ. Напрасно смѣялись надъ закрывшейся контрольной комиссіей и даже опубликовали списокъ ея членовъ: дескать, вотъ они эти лѣнивцы или неумѣки... Новая сдѣлаетъ не больше. Вся Дума 3 іюня такъ же, ибо она даже и не думаетъ требовать необходимыхъ дополнительныхъ данныхъ.. Вотъ требовала этихъ данныхъ контрольная комиссія второй Гос. Думы. Но вѣдь... то была «позорной памяти Дума»!.. Нынѣшняя же... о, она купитъ свое существованіе цѣною собственнаго безсилія! И потому ей не нужно ни общихъ преній, ни общихъ докладовъ, ни дополнительныхъ данныхъ!

Вотъ, почему въ прошломъ году сверхсмѣтныхъ кредитовъ израсходовано на 38 милл., но съ Думой объ этомъ вовсе не разговаривали, хотя, согласно статьямъ 16 и 17 смѣтныхъ правилъ 8 марта 1906 г., и должны бы.

Это, кажется, хорошо показываетъ, какимъ ковачомъ счастья народа является нынѣшняя Дума.

Н. Столяровъ.

Публицистика.

Акад. В. М. Бехтеревъ. *)

Объ организацiи славянскаго научнаго комитета при Психо-Неврологическомъ Институтѣ.

Идея научнаго единенiя славянъ у насъ въ Россiи осуществляется въ видѣ организацiи особаго славянскаго научнаго комитета, образованнаго при Психо-Неврологическомъ Институтѣ.

Цѣлью этой новой организацiи, посвященной интересамъ славянъ, является возможно полное сближенiе ученыхъ учрежденiй, научныхъ дѣятелей и творцовъ мысли всего славянскаго мiра въ общечеловѣческихъ интересахъ на основахъ ихъ братской взаимности и уваженiя.

Средствомъ такого сближенiя должно быть образованiе на началахъ взаимности ассоцiацiй научныхъ славянскихъ учрежденiй, организацiя общеславянскихъ научныхъ съѣздовъ по различнымъ специальностямъ, организацiя публичныхъ чтенiй, относящихся къ научной дѣятельности славянъ, рефераты и переводы на русскiй языкъ лучшихъ научныхъ и литературныхъ произведенiй зарубежныхъ славянъ, организацiя лекцiй по этнографiи, археологiи, исторiи, исторiи культуры, исторiи литературы, политической экономiи и проч. отдѣльныхъ славянскихъ народовъ, устройство славянскихъ научныхъ выставокъ и т. п.

Эти средства достаточно широки, чтобы славянскiе народы могли научно соединиться между собой ко взаимной ихъ пользѣ и къ пользѣ всего человѣчества.

Каковы-бы ни были политическiе идеалы отдѣльныхъ славянскихъ народовъ, какъ-бы ни скрещивались ихъ взаимные интересы, всѣ вообще славянскiе народы могутъ научно работать сообща, взаимно помогая другъ другу для общей пользы всего человѣчества. Мы глубоко убѣждены, что на этой примиряющей почвѣ скорѣе всего выработаются и окрѣпнутъ тѣ идеалы свободы, равенства, братства и любви, которые возвѣщались на бывшемъ Пражскомъ съѣздѣ, и которые къ глубокому прискорбiю славянства еще не изгладили розни въ политическихъ идеалахъ отдѣльныхъ славянскихъ народовъ.

---

*) Предыдущая статья почтеннаго нашего сотрудника сопровождалась редакцiоннымъ примѣчанiемъ, которое понадобилось въ виду недостаточно яснаго выдѣленiя В. М. Бехтеревымъ его собственныхъ взглядовъ отъ передававшихся имъ рѣчей другихъ участниковъ славянскаго съѣзда. Настоящая статья устраняетъ это недоразумѣнiе.

Редакцiя

Уже на Пражскомъ съѣздѣ мы видѣли примѣры, съ одной стороны, мотивированнаго отказа отъ братскаго единенія отдѣльныхъ славянскихъ народовъ, съ другой стороны,—жалобы на притѣсненія одного народа другимъ, напримѣръ, поляковъ русскими и галицко-русскихъ ихъ сосѣдями поляками.

Въ своемъ отчетѣ о бывшемъ Пражскомъ съѣздѣ (см. «Вѣстникъ Знанія», февраль и мартъ 1909 г.) я не счелъ возможнымъ приводить фамилію того делегата-священника, который особенно оттѣнялъ обиды русскихъ въ Галиціи, не желая усиливать взаимныя распри и счеты славянскихъ народовъ и ихъ представителей въ сѣверо-восточной части Австрійскаго государства.

Будучи убѣжденъ, что съ прибытіемъ украинцевъ на съѣздъ и эти шероховатости взаимныхъ славянскихъ отношеній разъяснились бы окончательно, и безъ сомнѣнія, нашлась-бы почва для общей культурной работы всѣхъ безъ исключенія представителей славянъ, не исключая и украинцевъ, съ полнымъ уваженіемъ взаимныхъ правъ спорящихъ сторонъ, я утверждаю, что славянскимъ народамъ достаточно тѣснѣе сблизиться другъ съ другомъ на научно-культурной почвѣ, чтобы постепенно исчезли взаимное непониманіе и рознь, губящія все славянство, чтобы отдѣльныя вѣтви славянства прониклись взаимнымъ уваженіемъ и любовью другъ къ другу, и чтобы были признаны права всѣхъ славянскихъ народовъ на самобытное ихъ развитіе безъ малѣйшаго исключенія.

По нашему глубокому убѣжденію, признаніе правъ каждаго славянскаго народа на свободное соревнованіе въ отношеніи своего развитія явится прямымъ и ближайшимъ слѣдствіемъ взаимной работы славянъ на научно-культурной почвѣ.

Наука и культура представляютъ собою именно ту почву, на которой могутъ сойтись славянскіе представители самыхъ различныхъ политическихъ тенденцій, сойдясь-же они ближе познаютъ другъ друга и проникнутся взаимнымъ уваженіемъ къ политическимъ взглядамъ и идеаламъ отдѣльныхъ славянскихъ народовъ, а отсюда ближайшій и прямой путь къ взаимному примиренію и братскому сближенію на пользу всего славянства и въ общечеловѣческихъ интересахъ.

У насъ въ Россіи рознь политическихъ взглядовъ по отношенію къ славянскимъ вопросамъ обозначается также рѣзкими чертами, но это не можетъ мѣшать научнымъ представителямъ разныхъ направленій работать сообща въ общихъ научно-культурныхъ интересахъ славянъ, уважая право каждаго народа на самобытное научное развитіе.

Какъ упомянуто выше, одной изъ основныхъ цѣлей образованнаго при Психо-Неврологическомъ Институтѣ научнаго славянскаго комитета является между прочимъ ознакомленіе русской публики путемъ переводовъ, рефератовъ и лекцій съ лучшими научными и литературными твореніями западныхъ славянъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не отмѣтить того печальнаго явленія, что многія прекрасныя научныя изслѣдованія и литературныя творенія западныхъ славянъ остаются совершенно неизвѣстными русской публикѣ, и только съ нѣкоторыми изъ нихъ мы, русскіе, къ нашему стыду знакомимся по нѣмецкимъ переводамъ.

Нѣтъ надобности доказывать, что надлежитъ какъ можно скорѣе положить предѣлъ этой пагубной для насъ самихъ отчужденности отъ западно-славянскаго научно-литературнаго міра, проявившаго себя уже въ разныхъ областяхъ науки и литературы такими изслѣдованіями и твореніями, которыя моглибы быть предметомъ гордости и у насъ въ Россіи.

Въ виду этого нельзя не привѣтствовать добраго почина матеріальной поддержки этимъ цѣлямъ комитета со стороны г-жи В. Глѣбовой, пожертвовавшей капиталъ въ 6.000 рублей въ Психо-Неврологическій Институтъ съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала, а въ случаѣ надобности и временное позаимствованіе изъ него въ предѣлахъ до 1000 рублей, шли на поддержку переводовъ и изданій лучшихъ научныхъ и литературныхъ твореній западныхъ славянъ на русскомъ языкѣ.

Пришедшая во время эта матеріальная поддержка, могущая побудить и другихъ имущихъ лицъ откликнуться такъ или иначе на дорогое всѣмъ сочувствующимъ славянскому сближенію дѣло, дастъ возможность славянскому науч-

ному комитету въ ближайшее-же время приступить къ осуществленію своихъ задачъ, имѣющихъ конечною цѣлью болѣе тѣсное сближеніе и взаимную поддержку научно-культурнаго развитія всѣхъ безъ исключенія славянскихъ народовъ.

В. Бехтеревъ.

Проф. К. Жаковъ.

Единеніе славянъ на почвѣ науки и философіи.

I.

Современное человѣчество вращается около двухъ идей, равно великихъ и дальнометныхъ, имѣющихъ внутреннюю связь между собою. Первая идея (повидимому, отвлеченная) касается цѣнности научнаго знанія. Науки только-ли знаютъ явленія и законы и не въ состояніи опредѣлить смыслъ жизни, нравственной цѣнности личности, или, наоборотъ, науки и философія знаютъ не только явленія и законы, но въ нѣкоторой степени постигаютъ и закономѣрность „объективнаго“, лежащаго въ основаніи явленій, и претендуютъ, слѣдовательно, на уясненіе смысла мірозданія и нравственной оцѣнки личности? Труды Гартмана, Вундта, Дюринга, Соловьева рѣшаютъ вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ.

Вмѣстѣ съ этимъ возникаетъ вопросъ о грядущемъ значеніи всѣхъ тѣхъ народностей и племенъ, которыя еще не прилагали своихъ усилій для рѣшенія кардинальныхъ вопросовъ жизни и науки. Современныя, господствующія теченія мысли въ Западной Европѣ, среди романскихъ и германскихъ народовъ, имѣютъ характеръ только позитивный и отказываются отъ рѣшенія всегда волновавшихъ человѣчество вопросовъ о сущности мірозданія и о значеніи человѣка въ исторіи земли, потому что эти направленія довольствуются констатированіемъ научныхъ фактовъ и избѣгаютъ трансцендентнаго ихъ истолкованія.

Эти направленія соотвѣтствуютъ среднимъ классамъ Европы, достигшимъ, повидимому, равновѣсія своихъ силъ, уже далѣе не предпринимающимъ исканія истины. Это то свойство Западной Европы, которое отталкивало отъ нея представителей болѣе юной Россіи, каковы Герценъ, Данилевскій, Достоевскій, Страховъ, Толстой. Невольно навязывается сейчасъ мысль, что новые народы предназначены на дальнѣйшія усилія въ области философіи и жизненнаго идеализма. Міровой духъ ищетъ новыхъ сосудовъ для своего обнаруженія. И въ этомъ вторая великая идея нашего времени, которую можно назвать „антропологизмомъ“. Она выражается въ измѣненіи отношенія культурныхъ, завершившихъ свое дѣло, народовъ, къ ихъ братьямъ, къ племенамъ новымъ, только что выступающимъ или, по крайней мѣрѣ, далеко не завершившимъ своего призванія народностямъ. Отнынѣ отношеніе первыхъ должно быть ко вторымъ, какъ отношеніе много совершившаго старика къ многообѣщающему юношѣ, пока еще не опытному, но горячо ищущему новыхъ путей жизни и мысли, дабы подвинуть міровое дѣло впередъ. Греки намъ дали философію Платона и Аристотеля, римляне—юриспруденцію, Германія и романскіе народы новыя философскія системы и индуктивныя науки, теперь, повидимому, очередь за Россіей и азіатскими народами.

II.

Уже имѣются факты, что мечты прежнихъ славянофиловъ (Аксаковыхъ, Кирѣевскихъ, Хомякова и др.) имѣютъ культурное значеніе. Положимъ, не только славянофилы, но и мыслители Запада высказывали предположеніе о великомъ значеніи славянства. Такъ, Ренанъ въ своемъ Discours et Conférences говоритъ слѣдующее о Тургеневѣ: „Когда будущее откроетъ намъ вполнѣ всѣ неожиданности, хранящіяся въ этомъ изумительномъ славянскомъ духѣ, съ его пламенной вѣрой, съ его глубокой проницательностью, съ его особеннымъ пониманіемъ жизни и смерти, съ его потребностью мученичества, съ его жаждою идеала,

тогда изображенія Тургенева будутъ безцѣнными документами, чѣмъ-то въ родѣ геніальнаго человѣка въ дѣтствѣ. Тургеневъ исполнилъ роль выразителя, истолкователя одного изъ великихъ племенъ человѣчества". Великіе писатели: Гоголь, Тургеневъ, Достоевскій, Толстой—показали такое глубокое пониманіе человѣка и его психики, такую чуткость къ міровымъ проблемамъ и нравственнымъ вопросамъ, что этимъ обнаружили богатыя начала славянскихъ народовъ, ихъ правомощность въ рѣшеніи тѣхъ умственныхъ и соціальныхъ загадокъ, которыя не вполнѣ рѣшены народами, раньше вступившими на поприще сознательной жизни. Съ другой стороны, философы (Лобачевскій, Хомяковъ, Вл. Соловьевъ, Трубецкой), доказываютъ возможность новой постановки вопросовъ гносеологіи, метафизики и морали, а слѣдовательно, и новыхъ отвѣтовъ о смыслѣ жизни. Эти философы и писатели вмѣстѣ съ тѣмъ выражаютъ чрезвычайную тенденцію славянскаго племени къ соціальности (соборности) и къ всемірности. Всемірный союзъ народовъ, вселенская церковь религіи Духа—одушевляли геніальныхъ представителей славянской философіи и литературы.

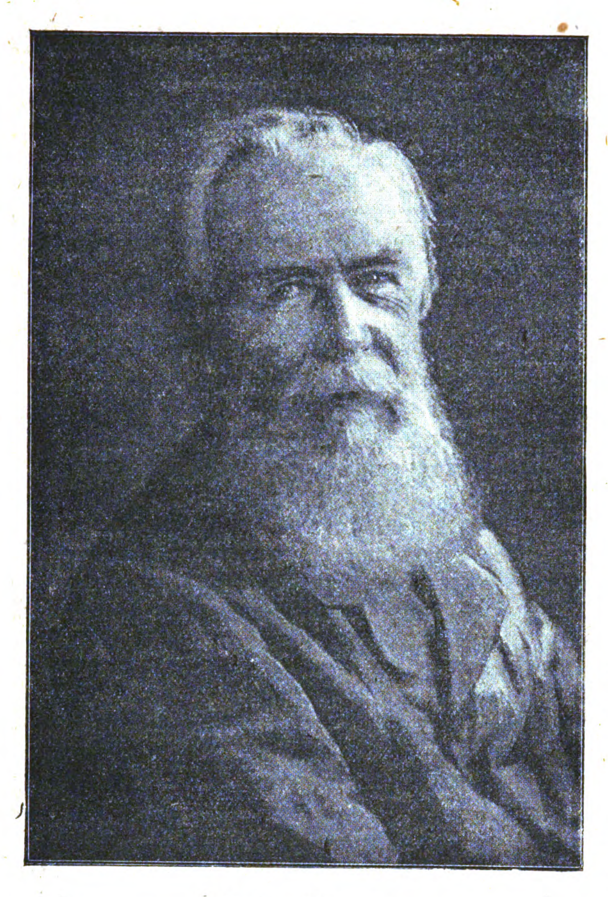
Отсюда ясно, что развитіе оригинальныхъ, типичныхъ сторонъ славянства имѣетъ общечеловѣческое значеніе. Если панславизму дать внутреннее содержаніе, культурно-идейное, то онъ окажется прогрессивной силой, а не задерживающей, реакціонной. Соглашеніе мыслей и чувствъ, лелѣемыхъ отдѣльными славянскими мыслителями, учеными и писателями, поможетъ развиться тому зерну, религіозно-философскому, пока спящему въ сердцѣ человѣка, усыпленному господствующимъ западно-европейскимъ позитивизмомъ и существующими историческими религіями. Это зерно религіи духа, созрѣвши, дастъ новыя нравственныя и культурныя цѣнности, которыя оживятъ умъ и волю и помогутъ человѣчеству преодолѣть историческую инерцію и теперешній упадокъ духа и нравственное одиночество, на почвѣ которыхъ быстро развивается съ одной стороны пессимизмъ соціологическій, интелектуальный, моральный и философскій, а съ другой стороны, темныя формы мистицизма.

III.

Вдумываясь въ эти соображенія, легко приходишь къ заключенію, что наступила пора солидарной работы еще свѣжихъ, славянскихъ народовъ на почвѣ науки, философіи и литературы. Надо спѣшить объединеніемъ и знакомствомъ между собою славянскихъ мыслителей, работниковъ науки и писателей.

Необходима организація съѣздовъ по всѣмъ спеціальностямъ особливо по дисциплинамъ, касающимися вопросовъ человѣческаго познанія и его культурнаго шествія, т. е. по наукамъ гуманитарнымъ: психологіи, философіи и литературѣ. Во всякомъ случаѣ эти идеи, морально-философскія, и научные интересы, были въ основаніи побужденій учредить при Психо-Неврологическимъ институтѣ славянскій комитетъ, имѣющій своей цѣлью устроивать всеславянскіе съѣзды ученыхъ мыслителей и способствовать всячески взаимному ознакомленію съ цѣнностями (умственно-моральными), добытыми усиліями русскихъ, польскихъ, чешскихъ и др. славянскихъ народностей на благороднѣйшей почвѣ умственныхъ изысканій, оправдывающихъ великое званіе человѣка. Поэтому, славянскій комитетъ, надо надѣяться, встрѣтитъ сочувствіе всѣхъ тѣхъ, кому дорогъ прогрессъ, самосознаніе націй, нравственное преуспѣяніе на пути всемірнаго союза народовъ, разрѣшеніе великихъ вопросовъ познанія и бытія, обогащеніе человѣческой жизни развитіемъ особенныхъ, оригинальныхъ чертъ каждаго племени, ибо жизнь человѣка подобна радугѣ, играющей разными цвѣтами, только постигшій всѣ цвѣта психической жизни племенъ, возносится до постиженія мірового духа, оживляющаго природу и человѣка.

К. Жаковъ.

Эрнстъ Геккель.
(съ послѣдняго портрета 1908 года).

По поводу юбилея Геккеля.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Начало 1909 года принесло съ собой два юбилея, два праздника науки, полныхъ глубокаго культурнаго значенія. 12 февраля весь культурный міръ вспоминалъ столѣтнюю годовщину со дня рожденія Чарльза Дарвина, 16 февраля мы должны были отмѣтить семидесятипятилѣтіе со дня рожденія Эрнста Геккеля. Обѣ эти годовщины заставляютъ вспомнить исторію и судьбу величайшаго пріобрѣтенія научной мысли въ XIX вѣкѣ—теоріи эволюціи, заставляютъ оглянуться на громадный путь, пройденный естествознаніемъ за послѣднее столѣтіе. Февральскій номеръ нашего журнала мы посвятили памяти Дарвина, творца теоріи, и этотъ громкій юбилей естественно отодвинулъ на мигъ личность одного изъ самыхъ великихъ послѣдователей и продолжателей дарвиновскаго ученія. Помѣщая нынѣ рѣчь Геккеля, еще разъ говорящую намъ о заслугахъ Дарвина и о колоссальныхъ успѣхахъ естествознанія за истекшее столѣтіе, мы сочли полезнымъ предпослать этой рѣчи краткую замѣтку г-на Н. Крогина, въ общихъ чертахъ знакомящую читателей съ жизнью и личностью знаменитаго естествоиспытателя.

Эрнстъ Геккель.

16-е февраля текущаго года явилось однимъ изъ праздниковъ науки, однимъ изъ тѣхъ дней, въ какіе все культурное человѣчество чествуетъ въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей постоянный и неуклонный ростъ человѣческаго духа, непрерывное побѣдное шествіе научной мысли, одну за другой вырывающей у природы извѣчныя тайны ея творчества. Въ этотъ день исполнилось 75 лѣтъ со дня рожденія Эрнста Геккеля, одного изъ величайшихъ натуралистовъ и философовъ нашего времени. Много завоеваній естественно-научной мысли связано съ именемъ Геккеля. Одинъ изъ первыхъ и самыхъ рѣшительныхъ сторонниковъ дарвиновской теоріи эволюціи онъ всю свою жизнь посвятилъ защитѣ и дальнѣйшему развитію этой теоріи, дополняя и обогащая ее

своими самостоятельными открытіями, способствуя выработкѣ стройнаго синтетическаго міровоззрѣнія, покоющагося на строго научныхъ основахъ и охватывающаго въ единой цѣлостной системѣ все необозримо сложное прошедшее и настоящее органическаго міра.

Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что если принципъ эволюціи въ наше время проникаетъ собою все человѣческое знаніе и служитъ руководящей нитью во всякой отрасли любой науки, и если, съ другой стороны, основная идея матеріалистическаго монизма находитъ себѣ все больше и больше приверженцевъ,—то и всеобщимъ признаніемъ этого плодотворнаго принципа, и широкимъ распространеніемъ этой здоровой, творческой идеи мы въ самой значительной мѣрѣ обязаны трудамъ Геккеля. Въ самомъ дѣлѣ, тонкій, внимательный и исключительно трудолюбивый наблюдатель, собравшій тысячи мелкихъ фактовъ, посвятившій многіе годы точному изученію и описанію отдѣльныхъ частностей, Геккель обладаетъ истинно нѣмецкой философской складкой ума, и это свойство его богато одаренной натуры всегда влекло его къ философскимъ обобщеніямъ, всегда заставляло его группировать разрозненные частные факты и данныя опыта или наблюденія въ грандіозную законченную картину. По этому то Геккель остается не только выдающимся зоологомъ, или, шире, біологомъ, но и замѣчательнымъ философомъ, творцомъ широкихъ обобщеній, всеобъемлющихъ гипотезъ, плодотворныхъ даже и тогда, когда онѣ позднѣе оказывались ошибочными. Поэтому, громадный запасъ своихъ знаній онъ всюду старается использовать какъ матеріалъ для созданія проникнутаго единымъ началомъ и обнимающаго всю природу міровоззрѣнія. Опытъ такого исчерпывающаго объясненія мірозданія и представляютъ собой двѣ работы Геккеля „Міровыя загадки" и „Чудеса жизни"—работы, которыя по мысли автора должны явиться заключеніемъ, выводомъ изъ труда его жизни.

Авторъ настоящей замѣтки далекъ отъ мысли указать здѣсь во всемъ ихъ объемѣ научныя заслуги автора „Общей морфологіи организмовъ", одного изъ отцовъ современной эмбріологіи, творца основного біогенетическаго закона и теоріи гастреи, ученаго, сдѣлавшаго блестящую попытку дать раціональную систему животнаго царства, основанную на филогеніи животныхъ *). Одно перечисленіе его трудовъ заняло бы уже слишкомъ много мѣста. Моей задачей является лишь въ немногихъ словахъ напомнить читателю объ общемъ характерѣ дѣятельности Геккеля и о его жизни, столь небогатой внѣшними фактами и событіями и столь громадной по своему идейному содержанію.

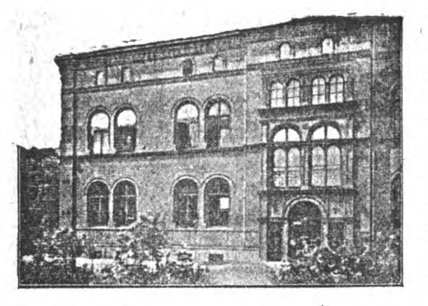
Эрнстъ Геккель родился 16 февраля 1834 года въ Потсдамѣ въ трезвой и дѣловой семьѣ, пользовавшейся всеобщимъ уваженіемъ. Отецъ его по профессіи былъ юристъ. Юношескіе годы будущій великій ученый провелъ въ Мерзебургѣ, гдѣ онъ окончилъ начальную народную школу, а затѣмъ гимназію. Въ университетѣ (въ Берлинѣ и Вюрцбургѣ) онъ, по желанію своего отца, изучилъ медицину. Получивъ степень доктора, Геккель около года практиковалъ въ Берлинѣ, но въ назначенные имъ часы пріема (отъ 5 до 6 утра) его кабинетъ за это время посѣтило только трое больныхъ. Далѣе ему удалось, наконецъ, получить у отца позволеніе отдаться своимъ любимымъ наукамъ—зоологіи и ботаникѣ. 1859—60 годы молодой ученый, ставшій отнынѣ на свою настоящую дорогу,

Домъ, въ которомъ родился Геккель, въ Потсдамѣ; въ комнатѣ, гдѣ онъ родился, въ верхнемъ этажѣ налѣво закрыты ставни.

*) Читатели, интересующіеся этой теоріей и геккелевской родословной животнаго міра, могутъ обратиться, конечно, прежде всего къ трудамъ самого Геккеля, а затѣмъ въ частности къ книгѣ Каруса Штерне «Міръ, его прошлое, настоящее и будущее», издаваемой «Вѣстникомъ Знанія» («Научная Библіотека»—Отдѣлъ біологическій).

провелъ въ Неаполѣ и Мессинѣ, изучая флору и фауну Средиземнаго моря. Въ 1862 году мы видимъ его уже приватъ-доцентомъ, а три года спустя ординарнымъ профессоромъ въ Іенскомъ университетѣ, въ гостепріимныхъ стѣнахъ котораго и протекла бо̀льшая часть его жизни, полной непрестаннаго служенія наукѣ. Несмотря на многочисленныя приглашенія самыхъ крупныхъ университетовъ Германіи, Геккель остался вѣренъ маленькому Тюрингенскому университету, и здѣсь, въ тиши музеевъ и кабинетовъ, подъ историческими сводами которыхъ прошло столько великихъ ученыхъ, почти полвѣка создавалъ онъ свои труды, отсюда отражалъ ядовитыя нападки враговъ, посягавшихъ на самое дорогое для него—научную истину и свободу научнаго изслѣдованія *) и не щадившихъ даже его кристально чистую личность.

Зоологическій институтъ Іенскаго университета съ рабочей комнатой Геккеля въ первомъ этажѣ налѣво.

Къ началу пребыванія Геккеля въ Іенѣ относится женитьба его на Аннѣ Зете, умершей $1^1/_2$ года спустя, въ самый день его рожденія. Впослѣдствіи, уступая желанію своей матери, онъ женился вторично, но память о первомъ супружествѣ навсегда сохранилась у него, и всякій разъ, когда празднуется день его рожденія онъ въ теплыхъ, глубоко прочувствованныхъ словахъ вспоминаетъ ту, которой онъ „обязанъ счастливѣйшимъ годомъ своей жизни“.

Также съ началомъ дѣятельности Геккеля въ Іенѣ совпадаетъ знакомство его съ теоріей Дарвина, оказавшее рѣшающее вліяніе на всю его дальнѣйшую жизнь. Выше говорилось уже объ отношеніи Геккеля къ этой теоріи и о его значеніи для нея. Рѣшительное выступленіе Геккеля въ защиту теоріи трансформизма доставило ему не мало горькихъ минутъ. Одни отшатнулись отъ него съ отвращеніемъ, другіе съ обиднымъ непониманіемъ; много отравленныхъ стрѣлъ посыпалось на него изъ разныхъ лагерей. Но энергія борца за истину стояла выше этихъ уколовъ. Въ рядѣ работъ, потребовавшихъ сверхчеловѣческаго напряженія силъ, онъ далъ блестящее обоснованіе своихъ взглядовъ и сразу занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди апостоловъ новаго ученія. Его двухтомная „Общая морфологія“ (Generelle Morphologie), уже въ 1866 году вышедшая вторымъ изданіемъ, представляетъ едва ли не единственное въ своемъ родѣ сочиненіе, на которомъ покоится вся современная біологія **). Вскорѣ затѣмъ появилась его „Естественная исторія мірозданія“ (Natürliche Schöpfungsgeschichte), книга, имѣвшая колоссальный успѣхъ и доставившая ему славу основателя и выдающагося представителя новѣйшаго монизма.

Значеніе Геккеля, какъ ф и л о с о ф а, было уже отмѣчено выше. Его заслуги въ области б і о л о г і и давно уже признаны всѣми. Но наше знакомство съ этой богатой и разносторонней натурой было бы совсѣмъ не полно, если бы мы не указали здѣсь на присущее Геккелю глубокое э с т е т и ч е с к о е ч у в с т в о и его яркій л и т е р а т у р н ы й т а л а н т ъ, съ особенной силой проявившійся въ его описаніяхъ своихъ многочисленныхъ путешествій. Этимъ эстетическимъ чувствомъ, быть можетъ, и объясняется то предпочтеніе, которое онъ оказывалъ изученію морскихъ животныхъ съ ихъ удивительно правильными и въ то же время разнообразными формами. Это же чувство заставляло его проводить цѣлые часы надъ микроскопомъ, вдохновенно отдаваться изслѣдованію творческихъ

*) Пусть припомнятъ читатели книгу Геккеля „Борьба за свободу мысли“, появившуюся въ изданіи «Вѣстника Знанія» 1907 г.

**) Значительная часть статей въ „Словарѣ біологическихъ наукъ“ „Вѣстника Знанія“ принадлежитъ перу Геккеля: онѣ взяты между прочимъ и изъ „Общей морфологіи“.

тайнъ природы; оно же руководило имъ и тогда, когда въ своихъ философскихъ сочиненіяхъ онъ пытался обнять всю красоту міра. Глубокимъ пониманіемъ этой красоты дышатъ и его путевыя замѣтки, въ литературномъ отношеніи принадлежащія къ лучшимъ образцамъ этого рода прозы. Назовемъ его „Индійскія путевыя письма“ (Indische Reisebriefe—1882 г.), его „Арабскіе кораллы“ (Arabische Korallen — 1876 г.) и „Съ индійскихъ острововъ (Aus Insulinde 1901 г.)...

Геккель (слѣва) и его ассистентъ Н. Н. Миклуха-Маклай (знаменитый русскій путешественникъ) — на Ланцаротѣ, одномъ изъ Канарскихъ острововъ, въ февралѣ 1887 года.

Говоря о личности Геккеля, д-ръ Рэ въ своей статьѣ въ нѣмецкомъ „Umschau“ рисуетъ намъ его какъ человѣка въ высшей степени гуманнаго и отзывчиваго, добраго и вѣрнаго друга и товарища, нѣжнаго и преданнаго сына. При личныхъ сношеніяхъ съ ними всякаго поражаетъ его обаятельная любезность и простота, его неизсякаемый юморъ. Его правдивость и искренность доводили его до того, что имѣя дѣло съ завѣдомо злостными и намѣренными извращеніями со стороны своихъ противниковъ, онъ всегда бывалъ склоненъ счесть эти извращенія за добросовѣстную ошибку. Отличительной чертой его характера является его чрезвычайная скромность. Всѣ свои заслуги, всѣ достоинства своихъ трудовъ онъ всегда готовъ приписать своимъ родителямъ, своимъ учителямъ и друзьямъ, лишь очень немногое оставляя на свою долю. И какъ несправедливъ столь часто раздававшійся по его адресу упрекъ, будто онъ мнитъ себя папой естествознанія и свои теоріи и гипотезы возводитъ въ непогрѣшимыя догмы! Чтобы отразить это вздорное обвиненіе, достаточно напомнить его предисловіе къ „Міровымъ загадкамъ“, гдѣ онъ пишетъ: „Отвѣтъ, который я даю здѣсь, естественно можетъ быть только субъективнымъ и только отчасти правильнымъ. Мои познанія о дѣйствительной природѣ и мой разумъ, дающій оцѣнку ея объективной сущности, такъ же ограничены, какъ и познанія и разумъ всѣхъ остальныхъ людей. Единственно на что я претендую здѣсь, и чего я долженъ желать отъ самыхъ рѣшительныхъ моихъ противниковъ, это признанія, что моя монистическая философія отъ начала до конца—честна, т. е. представляетъ собой полное выраженіе того убѣжденія,

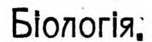

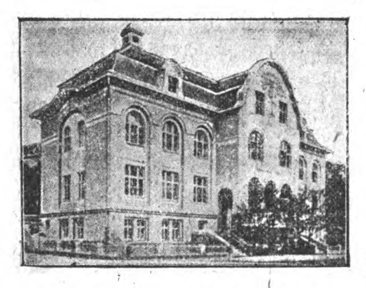
Эрнстъ Геккель—двадцатилѣтній студентъ и его родители.

которое сложилось у меня въ результатѣ сорокалѣтняго усерднаго изслѣдованія природы и непрестаннаго размышленія объ истинной основѣ ея явленій“.

Неутомимо отстаивая повсюду свои идеи, Геккель всю свою жизнь провелъ внѣ политической борьбы. Онъ былъ слишкомъ поглощенъ своей наукой, любимые интересы заполняли все поле его зрѣнія. И въ этомъ, быть можетъ, онъ избралъ благую часть; это, быть можетъ, дѣлаетъ въ нашихъ глазахъ его могучую фигуру еще болѣе цѣльной. Дѣло въ томъ, что этотъ безстрашный новаторъ въ сферѣ своей науки, этотъ пытливый изслѣдователь, не слагавшій остраго оружія своего критическаго анализа ни передъ какими догмами, ни передъ какими идолами религіи и метафизики, этотъ непреклонный боецъ, стойко принимавшій на свой щитъ всѣ нападенія, всѣ клеветы и извѣты, всѣ насмѣшки представителей стараго міра, поборниковъ вѣковой тьмы и духовнаго застоя,—онъ примыкалъ въ области политической и соціальной къ консервативнымъ взглядамъ, былъ восторженнымъ почитателемъ Бисмарка, проводившаго „политику крови и желѣза“. Только позднѣе, отчасти подъ вліяніемъ своихъ дружескихъ отношеній къ Вильгельму Бельше, Геккель сталъ склоняться на сторону болѣе лѣвыхъ партій, къ которымъ раньше относился крайне враждебно. Но такова сила научной мысли, такова желѣзная логика честнаго и непредвзятаго научнаго изслѣдованія, что всѣ добытые на этомъ пути результаты идутъ на благо культуры, на благо прогресса во всѣхъ областяхъ многосторонней жизни человѣчества. Далекій отъ политической и соціальной борьбы, Геккель своей „честной“ монистической философіей, своей упорной борьбой съ застарѣлыми предразсудками, быть можетъ, больше, чѣмъ кто-либо, содѣйствуетъ торжеству новыхъ идеаловъ соціальной жизни,—идеаловъ, которые ему самому оставались чужды. Наряду съ его спеціально-научными заслугами исторія всегда отмѣтитъ и его великое значеніе для современнаго общественнаго развитія, всегда укажетъ въ немъ мощнаго дѣятеля прогресса общественнаго.

Н. Крогинъ.

Филетическій музей въ Іенѣ.

Эрнстъ Геккель.

Старое и новое естествознаніе.

(Юбилейная рѣчь, сказанная при передачѣ Филетическаго музея Іенскому Университету 30-го іюля 1908 г.).

Высокочтимое собраніе!

Черезъ два дня мы собираемся праздновать 350-лѣтній юбилей нашего Тюрингенскаго университета въ Іенѣ. Это представляетъ для меня благопріятный случай—увеличить количество научныхъ пособій нашего университета передачей ему Филетическаго музея, въ зданіи котораго я васъ привѣтствую. Выражая вамъ свою благодарность за то, что вы приняли мое приглашеніе, я присоединяю къ ней и надежду, что, какъ ваше дружеское участіе, такъ и блескъ предстоящаго торжества послужатъ хорошимъ предзнаменованіемъ для этого перваго музея теоріи эволюціи.

Слово „эволюція" — у всѣхъ на устахъ; интересъ къ ученію эволюціи снова широко охватилъ образованные круги. Поэтому могло бы показаться совершенно излишнимъ выяснять здѣсь общее значеніе и проблемы этого ученія. И, однако же, это—существенно необходимо въ виду того, что въ окончательномъ созиданіи этой теоріи участвуютъ ужъ слишкомъ различныя современныя направленія. Теперь исполнилось какъ разъ 50 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Чарльзъ Дарвинъ (въ іюлѣ 1858 г.) сдѣлалъ въ Линнеевскомъ Лондонскомъ Обществѣ первое сообщеніе о своей, задолго до этого выработанной, теоріи эволюціи, основанной на ученіи о подборѣ. Цѣльное представленіе о послѣднемъ дано было имъ въ слѣдующемъ году въ начавшемъ новую эру сочиненіи „О происхожденіи видовъ". Оно, какъ извѣстно, имѣло безпримѣрный успѣхъ и реформировало всю область біологіи. Разгадывая вѣковую загадку о твореніи живыхъ формъ, оно въ то же время пролило яркій свѣтъ на „вопросъ всѣхъ вопросовъ",—на „мѣсто человѣка въ природѣ". На результаты, полученные другомъ Дарвина Томасомъ Гёксли уже въ 1863 г. — въ дѣлѣ разрѣшенія этой важнѣйшей изъ проблемъ теоріи эволюціи, и на дальнѣйшіе успѣхи этого послѣдняго ученія я указываю въ своемъ юбилейномъ сочиненіи, выпускаемомъ мною къ сегодняшнему дню. Въ немъ я излагаю основы ученія о „рядѣ нашихъ предковъ" (progonotaxis hominis) въ дальнѣйшемъ развитіи той филетической гипотезы (т. е. гипотезы о видѣ), которую я уже въ 1866 г.—пытался набросать въ своей „общей морфологіи организмовъ". Такъ какъ въ этомъ сочиненіи исторія развитія вида, или филогенезисъ, была выдѣлена мною, какъ самостоятельная отрасль ученія о развитіи, то область послѣдняго значительно расширилась.

До тѣхъ поръ, т. е. уже въ теченіе 42 л., подъ понятіемъ „исторія развитія" разумѣли почти исключительно исторію развитія органическаго индивида, т. е. то, что мы теперь различаемъ, какъ исторію развитія зародыша, или онтогенезисъ. Послѣднюю также кратко обозначали, какъ эмбріологію, потому что эмбріонъ, или зародышъ, какъ у животныхъ, такъ и у растеній, большею частью, представляетъ ту стадію, изъ которой развивается зрѣлый организмъ. Объектомъ, въ которомъ особенно ясно развертывались передъ жаждущимъ знанія человѣческимъ умомъ удивительные процессы развитія, — было куриное яйцо. Уже давно знали, что изъ его шаровиднаго желтка,—съѣдаемаго нами ежедневно въ видѣ пищи,—при надлежащемъ насиживаніи, по истеченіи трехъ недѣль, вполнѣ развивается тѣло птицы со всѣми его органами. Все, что собственно происходило при этомъ, какія удивительныя превращенія имѣли мѣсто,—все это было показано уже въ 1759 Каспаромъ Фридрихомъ Вольфомъ въ его докторской диссертаціи. Эти изслѣдованія были положены имъ въ основу его новой „Theoria generationis", т. е. ученія объ эпигенезисѣ. Но это замѣчательное открытіе противорѣчило господствующимъ ученіямъ о преформаціи, почему оно и было отвергнуто знаменитѣйшими авторитетами физіологіи съ Альбрехтомъ фонъ Галлеромъ во главѣ и предано забвенію. Оно снова пріобрѣло значеніе лишь послѣ того, какъ Лоренцъ Окенъ здѣсь, въ Іенѣ, въ 1806 г. представилъ самостоятельное изслѣдованіе о насиженныхъ куриныхъ яйцахъ и подтвердилъ наблюденія Вольфа. Послѣднія тогда же были обстоятельно обоснованы и расширены въ классической „Исторіи развитія животныхъ" Карла Эрнста фонъ Бэра въ 1828 г.

Десять лѣтъ спустя, 1838 г., здѣсь же было сдѣлано одно изъ огромнѣйшихъ завоеваній въ біологіи—положено было основаніе клѣточной теоріи Маттіасомъ Шлейденомъ. Послѣдняя принадлежитъ къ наиболѣе блестящимъ, славнѣйшимъ заслугамъ нашего университета, такъ какъ знаніе того, что всѣ многочисленные органы различныхъ животныхъ и растеній развиваются изъ одного и того же первичнаго органа,—органической клѣтки,—имѣло не только огромнѣйшую теоретическую цѣнность для пониманія сущности этихъ органовъ, но и практическую—для обращенія съ ними. Многіе милліоны микроскопическихъ клѣтокъ являются самостоятельными гражданами, объединенными въ зако-

номѣрномъ и цѣлесообразномъ порядкѣ въ цѣлое клѣточное государство, какъ въ нашемъ собственномъ человѣческомъ организмѣ, такъ и въ организмахъ всѣхъ гистоновъ (т. е. всѣхъ образующихъ ткани—растеній и животныхъ). На этой же основной мысли зиждется и целлюлярная патологія, при помощи которой Рудольфъ Вирховъ, 50 лѣтъ тому назадъ, произвелъ реформу научной медицины. То же можно сказать и о целлюлярной физіологіи Макса Ферворна и объ юной целлюлярной психологіи, къ которой насъ приводятъ сравнительныя наблюденія надъ психикой клѣтки. Въ одноклѣточныхъ простѣйшихъ (protista), какъ въ растительныхъ (protophyta), такъ и въ животныхъ protozoa) организмахъ, клѣтка несомнѣнно выступаетъ передъ нами въ роли самостоятельнаго элементарнаго организма,—морфологическаго, физіологическаго и психологическаго цѣлаго.

Въ томъ же достопамятномъ 1838 г.,—т. е. около 70 л. назадъ,— Готфридъ Эренбергъ обнародовалъ свою работу объ инфузоріяхъ. Въ ней впервые былъ описанъ во взаимной связи, въ систематическомъ порядкѣ и иллюстрированъ многочисленными рисунками микроскопическій, невидимый для простого глаза „міръ мельчайшей жизни." Между тѣмъ, знаменитый авторъ былъ весьма далекъ отъ знанія истинной сущности послѣдняго. Болѣе того,—до самой своей смерти (1877 г.) онъ придерживался ошибочнаго взгляда, что инфузоріи (къ которымъ онъ причислялъ также діатомеи и другія одноклѣточныя растенія) являются „совершенными, полными организмами", снабженными тѣми же самыми органами:—нервами, мускулами, кишечникомъ и т. д., какъ и высшія животныя. Опровергнуть это предвзятое мнѣніе удалось, спустя десять лѣтъ, Карлу Теодору фонъ-Зибальдъ. Въ своемъ учебникѣ сравнительной анатоміи онъ (1848 г.) помѣстилъ инфузорій и корненожекъ въ особый классъ первичныхъ животныхъ (protozoa) и доказалъ ихъ одноклѣточный характеръ. Высокое значеніе этой работы выяснилось въ 1860 г., когда Максъ Шульце, на основаніи своего сравнительнаго изученія клѣтокъ, показалъ, что живое тѣло простѣйшихъ животныхъ есть не что иное, какъ кусочекъ полужидкой слизи, содержащей ядро, и что эта „первичная слизь" (въ томъ смыслѣ, который придавалъ ей Окенъ), по существу, тождественна съ „живой субстанціей", которая, въ видѣ протоплазмы, представляетъ важнѣйшую и активнѣйшую часть всѣхъ клѣтокъ какъ въ животныхъ, такъ и въ растительныхъ организмахъ. Вліяніе этой „плазмо-теоріи" (или протоплазмо-теоріи) на всѣ наши воззрѣнія относительно „механизма жизни" стало особенно замѣтнымъ во второй половинѣ XIX в. Во-первыхъ, широко поставленныя изслѣдованія глубинъ океана, произведенныя впервые съ огромнымъ успѣхомъ англійской экспедиціей Челленджера подъ руководствомъ сэра Уэвилля Томсона (Wyville Thomson) и сэра Муррэя (John Murray) 1873—1876 г., познакомили насъ съ поразительнымъ изобиліемъ чудесныхъ одноклѣточныхъ живыхъ формъ, прежде всего, радіолярій (лучистыхъ). Въ четырехъ слишкомъ тысячахъ родовъ этихъ замѣчательныхъ корненожекъ,—описанныхъ мной въ отчетахъ „Чэлленджера,— живая субстанція одноклѣточныхъ организмовъ раскрыла чудеса своего пластическаго искусства въ построеніи красивѣйшихъ и разнообразнѣйшихъ кремневыхъ панцырей. Во-вторыхъ, изслѣдованія жизни клѣтокъ въ тканяхъ „гистоновъ" (много-клѣточныхъ растеній и животныхъ), получившія возможность проникнуть глубже, благодаря усовершенствованнымъ инструментамъ и новымъ методамъ, показали, что вся разностороннѣйшая жизнедѣятельность организма, даже самая совершенная и высшая дѣятельность—психическая, можетъ быть сведена къ физическимъ и химическимъ особенностямъ плазмы.

Въ этомъ отношеніи, особенно важнымъ было открытіе, что и яйца многоклѣточныхъ, состоящихъ изъ тканей организмовъ, повсюду являются лишь простыми клѣтками, и что все построеніе тканей и органовъ покоится только на непрерывномъ дѣленіи оплодотворенной яйцеклѣтки и на раздѣленіи труда между происшедшими изъ нея клѣтками.

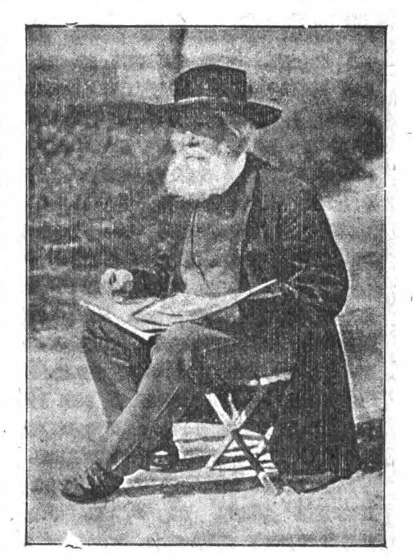
Многія яйца, благодаря ихъ огромной величинѣ и сложности, казалось, со-

всѣмъ нельзя было подвести подъ понятіе простой клѣтки. Это относилось въ особенности къ классическому куриному яйцу, старѣйшему и наиболѣе изученному объекту эмбріологическихъ изысканій. Здѣсь, въ Іенѣ, въ 1871 г. Карлъ Гегенбауръ впервые доказалъ, что и большой желточный шаръ неоплодотвореннаго птичьяго яйца, (а также большихъ, богатыхъ питательнымъ желткомъ яицъ рептилій, селахій и др.) является простой клѣткой.

Сравнительныя изслѣдованія эмбріональнаго развитія различныхъ животныхъ видовъ, которыя я самъ производилъ въ 1866—1879 гг., исходя изъ низшихъ группъ — губокъ, полиповъ, кораловъ, медузъ, сифонофоръ и т. д., привели меня къ заключенію, что оба слоя клѣтокъ, образующіеся повторнымъ дѣленіемъ изъ оплодотворенной яйцеклѣтки—оба, такъ называемые, „первичные зародышевые листка"—равнозначущи, или гомологичны, во всемъ животномъ царствѣ.

Вездѣ образуются, по однимъ и тѣмъ же законамъ, сходные между собой клѣточные сегменты, или бластомеры—продукты повторнаго дѣленія. Хотя строящійся изъ послѣднихъ зародышъ животнаго въ различныхъ классахъ принималъ, казалось, весьма различныя формы и описывался подъ различнѣйшими именами, однако, мнѣ удалось свести всѣ эти разнообразныя формы зародышей metazoa (многоклѣточныхъ животныхъ) къ одной и той же прародительской формѣ—gastrula. Этотъ „зародышевый кубокъ" похожъ на простой снабженный двумя стѣнками кубокъ, полость котораго служитъ для питанія и, какъ простая „первичная кишка", представляетъ древнѣйшій органъ metazoa. Ея простое отверстіе есть „первичный ротъ" и служитъ для принятія пищи. Внутренній клѣточный слой, выстилающій „первичную кишку", есть энтодерма, или желудочный листокъ; онъ представляетъ, какъ „внутренній зародышевый листокъ",—первичный кишечный эпителій, настоящую ткань. Наружный клѣточный слой представляетъ защитительный покровъ—эктодерму, или „наружный зародышевый листокъ"; онъ завѣдуетъ воспріятіемъ и движеніемъ.

Такъ какъ процессы гаструляціи (образованія „гаструлы", одной изъ стадій развитія зародыша) одни и тѣ же во всемъ царствѣ metazoa, и такъ какъ многоклѣточныя ткани всѣхъ организмовъ развиваются по однимъ и тѣмъ же законамъ, начиная съ низшихъ полиповъ и червей и кончая муравьями и человѣкомъ, то я и вывелъ изъ тождественности исторіи развитія зародыша соотвѣтствующее единство исторіи развитія вида. Я пришелъ, такимъ образомъ, къ монофилетической гипотезѣ, т. е. къ выводу, что сотни тысячъ формъ metazoa, различаемыхъ нами, какъ виды, произошли отъ одной и той же коренной формы — гастреи. И до сихъ поръ существуютъ ткани животныхъ, которыя лишь весьма незначительно удалились отъ этой гипотетической общей коренной формы; напр.: общеизвѣстный прѣсноводный полипъ (Hydra), первичная форма губокъ (Olynthus), турбелляріи (Convoluta) и т. д. Открытый Монтичелли въ 1895 г. Pemmatodiscus, является даже не измѣненнымъ потомкомъ гастреи. Изложивъ основныя черты этой теоріи гаструлы впервые въ 1872 г. въ своей біологіи известковыхъ губокъ (т. I стр. 464), я и послѣ, въ различныхъ изслѣдованіяхъ по „теоріи гаструлы", старался сдѣлать изъ нея дальнѣйшіе выводы и примѣнить ихъ для защиты моего „основного біогенетическаго закона". Примѣнить ее къ исторіи развитія человѣка въ частности я пытался въ своей антропологіи въ 1874 г. (V изданіе 1903 г.).

Геккель въ Рапалло.

Попытки установить единый основный біогенетическій законъ были сдѣланы задолго до Дарвина. Уже въ 1811 г. анатомъ Меккель въ Галле говорилъ о сходствѣ между развитіемъ каждаго зародыша и цѣлаго животнаго царства. Однако, Фрицъ Мюллеръ (Desterro) впервые въ 1869 г. въ своей маленькой высокоталантливой работѣ „Въ защиту Дарвина“ доказалъ на примѣрѣ класса Crustaceae, сколь важные выводы можно сдѣлать на основаніи сравнительной эмбріологіи какого-нибудь богатаго формами животнаго класса относительно его гипотетическаго происхожденія отъ одной общей коренной формы.

Когда я затѣмъ попытался въ 1866 г. въ моей „Общей Морфологіи организмовъ“ вывести изъ теоріи эволюціи механическое обоснованіе ученія о формахъ организмовъ, то прежней „исторіи развитія зародыша, или онтогенезису“ я противопоставилъ, какъ равноправную отрасль исторіи органическаго развитія, — новую „исторію вида, или филогенезисъ“. Внутреннюю причинную зависимость между обоими отраслями я формулировалъ въ слѣдующемъ предложеніи: „Онтогенезисъ есть краткое повтореніе филогенезиса“, или подробнѣе: „Онтогенезисъ (развитіе индивида) есть краткое и быстрое, обусловленное законами приспособленія и наслѣдственности, повтореніе филогенезиса, или развитія соотвѣтственнаго вида, т. е. всѣхъ предшественниковъ, совокупность которыхъ составляетъ историческую цѣпь предковъ даннаго индивида“.

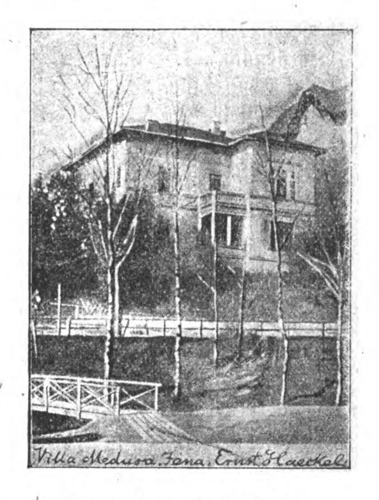
Подведя такимъ образомъ всѣ организмы подъ дѣйствіе основного біогенетическаго закона, я уже тогда подчеркнулъ необходимость всегда имѣть въ виду обѣ стороны этого закона: палингенетическую и зеногенетическую. Повтореніе, представляемое палингенезисомъ, обусловленное законами наслѣдственности никогда не бываетъ совершеннымъ. Въ теченіи многихъ милліоновъ лѣтъ, протекшихъ съ начала возникновенія органической жизни на землѣ, эта краткая запись исторіи развитія безчисленное множество разъ нарушалась зеногенезисомъ (задержаннымъ или прерваннымъ развитіемъ), причиной чего является законъ приспособленія. Съ одной стороны, сокращенная, связанная съ первоначальнымъ своимъ ходомъ, исторія зародыша, съ другой—вторженіе новыхъ и чуждыхъ стадій. Общепонятнымъ примѣромъ можетъ служить превращеніе лягушки. Головастикъ или личинка лягушки, которую мы, каждую весну, видимъ плавающею массами въ нашихъ прудахъ, имѣетъ, въ сущности организацію рыбы. Хвостъ, служащій ей рулемъ, есть настоящій рыбій хвостъ. Она дышетъ въ водѣ при помощи жабръ и не имѣетъ еще легкихъ для дыханія на воздухѣ. Соотвѣтственно этому, и сердце ея устроено просто, какъ у рыбы, и содержитъ только венозную, насыщенную углеродомъ кровь. Только во время превращенія обитающаго въ водѣ безногаго головастика въ четвероногую, прыгающую по сушѣ лягушку происходитъ, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, исчезновеніе рыбьяго хвоста и замѣна жабернаго дыханія легочнымъ. Въ то же время предсердіе дѣлится на двѣ части, а во внутреннемъ строеніи тѣла происходятъ многочисленныя и глубокія измѣненія.

Изъ всего этого мы съ полнымъ правомъ заключаемъ, что лягушка, подобно всѣмъ другимъ амфибіямъ, произошла отъ рыбъ, и даже можемъ, при помощи палеонтологіи, положительно указать тотъ періодъ въ исторіи земли, въ теченіе котораго совершился этотъ историческій процессъ. Окаменѣлости амфибій (панцырныя амфибіи или Stegocephalia) появляются впервые въ каменноугольный періодъ. Въ предыдущій длинный девонскій періодъ позвоночныя представлены лишь обитающими въ водѣ рыбами.

Было бы, однако, совершенно ошибочно думать, что современные головастики даютъ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ по внѣшнему виду, такъ и по внутреннему строенію, вѣрную картину тѣхъ первобытныхъ каменноугольныхъ панцырныхъ амфибій и ихъ ближайшихъ предшественниковъ—девонскихъ рыбъ, которыя, по прямой линіи, являются предками амфибій. Болѣе того,—несомнѣнно, что въ теченіе милліоновъ лѣтъ зародышевая стадія амфибій такъ же многообразно измѣнилась во всѣхъ отношеніяхъ, какъ и зрѣлыя формы ихъ. Въ концѣ концовъ, этотъ примѣръ имѣетъ огромный интересъ и для нашего

родословнаго дерева, потому что въ настоящее время всѣми учеными зоологами и анатомами принято единогласно, что млекопитающія и человѣкъ происходятъ отъ древнѣйшихъ амфибій, и что также и девонскія рыбы, строеніе которыхъ приблизительно повторяется въ нашихъ современныхъ головастикахъ, принадлежатъ къ ряду предковъ человѣка.

Итакъ, это превращеніе лягушки можетъ быть понято и объяснено лишь въ причинной связи съ исторіей развитія цѣлаго класса; то же самое представляетъ общеизвѣстный метаморфозъ насѣкомыхъ. Гусеница, изъ которой развивается шестиногая, снабженная крыльями бабочка, есть приблизительное палингенетическое возсозданіе многоногой myriapodes и ея болѣе раннихъ предковъ—аннелидъ (кольчатыхъ червей), изъ которыхъ въ палеозойскую эру (вѣроятно, въ—девонскій періодъ) произошли прародительскія формы насѣкомыхъ. Однако, и здѣсь мы не можемъ признать, что какая-либо личинка насѣкомыхъ представляетъ во всѣхъ отношеніяхъ точное повтореніе этихъ давно вымершихъ предковъ. Скажемъ болѣе,—современныя гусеницы насѣкомыхъ во многихъ отношеніяхъ такъ же зеногенетически измѣнены, какъ и головастики. И покоящаяся куколка, внутри которой совершается преобразованіе похожей на кольчатаго червя гусеницы въ крылатое насѣкомое, есть, въ высшей степени, зеногенетическая стадія, которая была выработана позже черезъ приспособленіе къ полезному состоянію покоя—«сна куколки». Подобныя доказательства всеобщаго примѣненія основного біогенетическаго закона и необходимости постоянно строго различать обѣ стороны послѣдняго,—палингенезисъ, или сокращенное развитіе и зеногенезисъ, или нарушенное, задержанное развитіе,—въ изобиліи представляетъ намъ онтогенія, т. е. исторія развитія индивида у безпозвоночныхъ. Вспомнимъ только замѣчательные метаморфозы иглокожихъ, моллюсковъ, оболочниковыхъ (tunikata) и т. д. Особенно поучительна въ этомъ отношеніи полная загадокъ исторія развитія звѣздчатыхъ животныхъ, пятилучевыхъ иглокожихъ (морскихъ звѣздъ, морскихъ ежей, голотурій и т. д.).

Вилла Геккеля въ Іенѣ.

При критическомъ примѣненіи основного біогенетическаго закона и при вытекающемъ изъ него объясненіи онтогенетическихъ фактовъ при помощи филогенетической гипотезы, выступаютъ на сцену всѣ тѣ законы наслѣдственности и приспособленія, которые я впервые формулировалъ въ 19 главѣ „Общей морфологіи“ въ 1866 г., а послѣ повторилъ въ заключеніи въ „Естественной исторіи мірозданія“ (Natürliche Schöpfungsgeschichte). При этомъ я придаю особенное значеніе совокупному дѣйствію консервативной и прогрессивной наслѣдственности, такъ какъ переданныя по наслѣдству прародительскія „наслѣдственно-прирожденныя особенности“ постоянно измѣняются подъ вліяніемъ „передачи пріобрѣтенныхъ особенностей“. Эти послѣднія я обозначилъ, какъ „прогрессивныя“ въ противоположность „консервативной“ наслѣдственности перваго рода; въ настоящее время, кажется, однако, болѣе цѣлесообразнымъ будетъ обозначать ихъ, какъ „видоизмѣняющую наслѣдственность“ („transformative Vererbung“), такъ какъ рядомъ съ подавляющей массой прогрессивныхъ измѣненій должны быть, все-же, принимаемы въ расчетъ многочисленныя регрессивныя образованія, какъ, напр., рудиментарные органы дегенерировавшихъ паразитовъ и т. д.

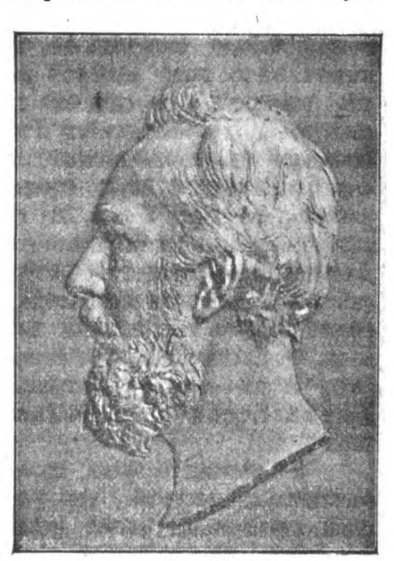
Въ многочисленныхъ сочиненіяхъ о наслѣдственности, появившихся въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ, видоизмѣняющая наслѣдственность нашла, въ высшей степени, разнородную оцѣнку. Большинство морфологовъ, въ особенности

сравнительные анатомы, придаютъ ей огромное значеніе. Я самъ раздѣляю это воззрѣніе и разсматриваю ее, какъ основу всей теоріи эволюціи. Съ другой стороны, многіе эмбріологи, а именно приверженцы новой механики развитія, или вообще отрицаютъ „передачу пріобрѣтенныхъ особенностей“, или оспариваютъ ея значеніе. При этомъ, они, главнымъ образомъ, опираются на остроумно построенную „теорію зародышевой плазмы“ Августа Вейсманна, который, какъ послѣдователь ученія объ естественномъ подборѣ, оказалъ величайшія услуги теоріи эволюціи. Я лично вынужденъ назвать ошибочнымъ основаніе его сложной молекулярной теоріи, а также не могу раздѣлить его взгляда на „всемогущество естественнаго подбора“, хотя и придаю послѣднему большое значеніе. Въ гораздо большей степени раздѣляю я то воззрѣніе на громадное измѣняющее и наслѣдственное вліяніе прямого приспособленія, которое было высказано уже болѣе ста лѣтъ назадъ великимъ Жаномъ Ламаркомъ въ его „Philosophie zoologique“. Пользуюсь случаемъ, чтобы снова подчеркнуть, что принципіальной противоположности между Дарвиномъ и Ламаркомъ въ указанномъ вопросѣ совершенно не существуетъ, и она лишь искусственно создается въ послѣднее время. Изъ многихъ мѣстъ сочиненій Дарвина ясно видно, что онъ былъ такъ же глубоко убѣжденъ въ огромномъ значеніи трансформативной наслѣдственности, какъ и его прозорливый предшественникъ Ламаркъ. Существенное различіе между обоими основателями теоріи эволюціи лежитъ не въ этомъ пунктѣ, а — въ созданіи новой теоріи подбора. Я лично имѣлъ счастіе трижды посѣтить славнаго основателя послѣдней теоріи въ его имѣніи въ Доунѣ и обсуждалъ съ нимъ важнѣйшія проблемы его ученія. Каждый разъ слышалъ я изъ его собственныхъ устъ, что онъ считаетъ „передачу пріобрѣтенныхъ особенностей“ неизбѣжнымъ краеугольнымъ камнемъ всего ученія. Это же было твердымъ убѣжденіемъ великаго морфолога Карла Гегенбаура, съ которымъ я здѣсь часто обсуждалъ этотъ вопросъ. Этотъ всеобъемлющій натуралистъ,— примѣняя здѣсь, въ Іенѣ, къ области сравнительной анатоміи болѣе, чѣмъ сорокъ лѣтъ тому назадъ теорію эволюціи и доводя, благодаря этому, эту философскую, въ смыслѣ Гете, естественную науку до высшей степени совершенства,—постоянно подчеркивалъ зависимость организма отъ созидающаго вліянія внѣшняго міра, жизненныхъ условій и дѣятельности органовъ. Но новообразованія лишь тогда могутъ прочно укрѣпиться, когда новыя, пріобрѣтенныя, благодаря приспособленію, привычкамъ и дѣятельности, особенности будутъ передаваться, по наслѣдству, потомкамъ.

Въ послѣднее время появилось множество сочиненій, въ которыхъ старательно отыскивается какой нибудь неоспоримый примѣръ „передачи пріобрѣтенныхъ особенностей“, и значеніе его подвергается сомнѣнію. При этомъ особенно громко высказывается требованіе, чтобы это значеніе „было доказано экспериментально“. Между тѣмъ, уже цѣлыя тысячелѣтія существуютъ такіе удачные эксперименты въ положительныхъ результатахъ естественнаго подбора между животными и растеніями. Съ другой стороны, слѣдуетъ помнить, что многіе вполнѣ историческіе процессы не доступны для экспериментальныхъ доказательствъ, такъ какъ намъ не извѣстны вызвавшія ихъ причины и условія. На всѣ нападки выше упомянутыхъ скептиковъ можно лишь возразить, что они „не видятъ лѣса за деревьями“. Напомнимъ только общеизвѣстный фактъ фамильнаго сходства. Каждый знаетъ, что отъ родителей и дѣдовъ передаются дѣтямъ по наслѣдству не только общія черты лица, цвѣтъ волосъ и глазъ, звукъ голоса, но также психическія черты,—темпераментъ и таланты, даже почеркъ и опредѣленныя формы движенія. А эти „черты наслѣдственнаго характера“, большею частью, были пріобрѣтены, благодаря особенному образу жизни и привычкамъ отдѣльныхъ индивидовъ, при помощи употребленія ихъ органовъ и отправленія ихъ функцій, а затѣмъ переданы наслѣдственностью ихъ потомкамъ. Если эти доказательства не согласуются съ пресловутой „теоріей зародышевой плазмы“, то это лишь потому, что основная мысль ея ошибочна.

Гораздо болѣе яркій свѣтъ, чѣмъ многочисленныя работы о зародышевой

плазмѣ и связанной съ нею теоріи хромозомъ, пролита на темную и запутанную проблему наслѣдственности новая теорія памяти (Mnemetheorie). Уже въ 1870 г. физіологъ Эвальдъ Герингъ опредѣлилъ въ своемъ маленькомъ превосходномъ сочиненіи память „какъ всеобщую функцію организованной матеріи". Опираясь на это пытался я въ 1875 г. въ своей работѣ „Die Perigenesis der Plastidule" показать, какимъ образомъ явленія приспособленія и наслѣдственности, въ особенности совокупность ихъ обоихъ въ прогрессивной наслѣдственности,—могутъ быть объяснены, при помощи элементарной памяти пластидулы, или плазмомолекулы. Многочисленныя доказательства такой „безсознательной психической дѣятельности" живой субстанціи нашелъ я въ сравнительной психологіи простѣйшихъ, особенно радіолярій (лучистыхъ). Специфическая наслѣдственная передача болѣе чѣмъ 4000 характеристическихъ формъ скелета въ одномъ этомъ классѣ обязана образующей дѣятельности безформенныхъ непостоянныхъ ложноножекъ, исходящихъ лучеобразно изъ простого, большею частью, шаровиднаго протоплазматическаго тѣла. Объяснить этотъ фактъ возможно, лишь принявъ, что безформенная, безструктурная полужидкая масса живой плазмы обладаетъ воспріятіемъ, пластическимъ чувствомъ пространства, волей и памятью, короче — безсознательной простѣйшей психической жизнью. Но, равнымъ образомъ, должны мы допустить такую же примитивную безсознательную душу, съ такой же пластической дѣятельностью, въ тѣхъ клѣткахъ тканей metazoa и metaphyta (многоклѣточныхъ животныхъ и растеній), которыя строятъ ткани и органы послѣднихъ вполнѣ закономѣрно. Блестящее доказательство этому, подкрѣпленное физіологическими опытами, далъ въ 1904 г. Рихардъ Семонъ въ своемъ знаменитомъ произведеніи: „Die Mneme, als erhaltendes Prinzip im Wechsel des organischen Geschehens" Я раздѣляю воззрѣніе выдающагося психолога и изслѣдователя муравьевъ Августа Фореля, что названное сочиненіе доказываетъ тождество между процессами— памяти и наслѣдственности. Я усматриваю въ ней, кромѣ того, могучую опору, какъ для основного біогенетическаго закона, такъ и для моей клѣточной психологіи.

Профиль Геккеля.
(Работа скульптора І. Копфа, 1899 г.).

Если бы біогенетическія явленія были преимущественно палингенетическими, то было бы гораздо легче выводить, изъ непосредственныхъ наблюденій надъ исторіей развитія зародыша, соотвѣтствующіе процессы въ гипотетической исторіи развитія вида. Однако, въ большинствѣ случаевъ дѣло обстоитъ не такъ. Зеногенетическія нарушенія первоначальной картины развитія, въ большинствѣ случаевъ, настолько могущественны, что они затемняютъ, измѣняютъ или даже совершенно закрываютъ эту картину. Въ такомъ случаѣ, мы должны, при построеніи нашей біогенетической гипотезы, обратиться къ двумъ другимъ отраслямъ исторіи вида—къ фактамъ сравнительной анатоміи и палеонтологіи. Взаимно дополнять эти три великія науки и подкрѣплять одну другой— имѣетъ для насъ огромное значеніе. Это, однако, требуетъ какъ широкаго знакомства съ фактами, такъ и осторожной критики.

Древнѣйшая изъ этихъ трехъ основныхъ отраслей знанія есть сравнительная анатомія (или точнѣе морфологія). Она собственно много старше, чѣмъ теорія эволюціи, такъ какъ уже Аристотель въ четвертомъ вѣкѣ до Рождества Христова заложилъ ея основаніе въ своемъ сочиненіи „Части живот-

ныхъ“. Врачи классической древности, въ особенности великій Галенъ (во II в. по Р. Х.), основатель анатоміи и физіологіи человѣка, пріобрѣтали свои знанія не столько изъ собственныхъ изслѣдованій человѣческаго тѣла, сколько изъ изученія родственныхъ человѣку млекопитающихся, прежде всего—обезьянъ. Существенное сходство между ними какъ во внутреннемъ строеніи тѣла, расположеніи и взаимоотношеніи важнѣйшихъ органовъ, такъ и въ физіологической дѣятельности столь велико, что должно было броситься въ глаза каждому мыслящему наблюдателю. Однако, особенное значеніе этихъ замѣчательныхъ фактовъ стало выясняться впервые лишь къ концу 18-го столѣтія.

Основателемъ современной сравнительной анатоміи принято, и съ полнымъ правомъ, называть Жоржа Кювье Въ это же самое время, т. е. въ началѣ 19 вѣка, онъ довелъ и палеонтологію до степени самостоятельной науки. Благодаря богатству познаній въ систематикѣ, ему удалось объединить данныя обѣихъ выше указанныхъ дисциплинъ и установить(1812 г.) естественную систему животныхъ, которая покоилась на раздѣленіи животнаго царства на 4 типа и 16 классовъ и оставалась господствующей до 1898 г. Своимъ яснымъ острымъ взоромъ проникъ онъ во взаимозависимость всѣхъ животныхъ, соединенныхъ въ каждую изъ большихъ группъ (Позвоночныхъ, Членистыхъ, Мягкотѣлыхъ, Лучистыхъ). Однако, такъ какъ онъ придерживался линнеевскаго ученія о постоянствѣ видовъ, то въ этомъ единствѣ различно построенныхъ организмовъ одного типа онъ усматривалъ не слѣдствіе дѣйствительнаго родства (которое было провозглашено его современникомъ Ламаркомъ еще въ 1809 г.), а вліяніе таинственнаго трансцендентальнаго творческаго плана. И Іоаннъ Мюллеръ, овладѣвшій вполнѣ всѣми отраслями морфологіи и физіологіи и справедливо названный нѣмецкимъ Кювье, не смогъ проникнуть за завѣсу этой мистической тайны творенія. Вскорѣ послѣ его смерти появилось первое сообщеніе Чарльза Дарвина, озарившее эту тайну яркимъ свѣтомъ. Какое значеніе имѣлъ этотъ свѣтъ для пониманія морфологіи, какимъ образомъ тысячи проблемъ этой интересной области изслѣдованія могутъ быть разумно разрѣшены только при помощи теоріи эволюціи, для которой онѣ въ то же время представляютъ твердую точку опоры—все это показалъ здѣсь, въ Іенѣ, уже 40 лѣтъ тому назадъ Карлъ Гегенбауръ въ своихъ классическихъ „Основахъ сравнительной анатоміи“.

Въ настоящее время, конечно, для нашего Іенскаго университета является особенно интереснымъ, что уже болѣе 80 лѣтъ назадъ величайшій нѣмецкій геній страстно занимался здѣсь разрѣшеніемъ этихъ проблемъ. Въ нашемъ скромномъ анатомическомъ кабинетѣ сидѣлъ тогда Вольфгангъ Гете и самымъ усерднымъ образомъ изучалъ подъ руководствомъ фонъ Ледера скелетъ позвоночныхъ и, въ особенности, ихъ черепъ.

Его труды были вознаграждены открытіемъ межчелюстныхъ костей (ossa intramaxillaria) у человѣка и позже знаменитой „позвоночной теоріей черепа“. Хотя я и отдалъ должное этой заслугѣ въ моей юбилейной работѣ („О рядѣ нашихъ предковъ“), все-же, я хочу и здѣсь хотя бы кратко упомянуть о томъ, что Гете много опередилъ своихъ современниковъ въ научныхъ познаніяхъ. Не безъ основанія провозглашаютъ его, въ послѣднее время, предтечей какъ Кювье, такъ и Дарвина. Знаменитое сочиненіе о межчелюстныхъ костяхъ было написано уже въ 1784 г., а въ 1795 г. появилась очень значительная морфологическая работа Гёте: „Первый набросокъ общаго введенія въ сравнительную анатомію на основаніи остеологіи“ („Der erste Entwurf einer allgemeinen Einleitung in die vergleichende Anatomie, ausgehend von der Osteologie“). 5 лѣтъ спустя Кювье началъ чтеніе своихъ первыхъ лекцій по сравнительной анатоміи. Во всякомъ случаѣ, достойно замѣчанія, что эти работы по морфологіи занимали въ духовной жизни нашего величайшаго поэта и мыслителя въ теченіе шестидесяти лѣтъ весьма значительное мѣсто. Гете началъ работать по сравнительной анатоміи еще студентомъ въ Страсбургѣ и продолжалъ заниматься этой наукой до послѣднихъ дней своей жизни.

Между многими объектами сравнительной анатоміи особенно поучительнымъ является скелетъ позвоночныхъ съ млекопитающими во главѣ. Именно здѣсь критическому взгляду морфолога представляется возможность глубоко и непосредственно проникнуть въ родство формъ, которое съ полнымъ правомъ можетъ быть истолковано, только какъ видовое родство. Мы видимъ прямо, что скелетъ и человѣка, и человѣкообразныхъ обезьянъ состоитъ изъ тѣхъ же самыхъ 200 костей, расположенныхъ и соединенныхъ между собой по однимъ и тѣмъ же законамъ. Мы узнаемъ, что хотя и имѣются на лицо многія различія въ костяхъ по ихъ виду и величинѣ, но эти различія совершенно не касаются сущности цѣлаго удивительнаго строенія и обусловливаются лишь неравномѣрнымъ ростомъ данныхъ костей у разныхъ видовъ и индивидовъ; а это опять зависитъ отъ приспособленія къ особеннымъ жизненнымъ условіямъ и отъ употребленія органовъ.

Интереснѣйшей и важнѣйшей частью костнаго скелета является черепъ, крѣпкая коробка, служащая для защиты и опоры благороднѣйшаго органа, мозга, и высшихъ органовъ чувствъ. Богатѣйшая литература, трактующая въ теченіе болѣе, чѣмъ ста лѣтъ о строеніи и значеніи черепа, представляетъ два расходящихся другъ отъ друга направленія. Сравнительная краніологія старается, при помощи критическаго синтеза, найти общіе законы образованія черепа, свести его къ ряду позвоночныхъ сегментовъ головы и доказать ихъ первоначальное тождество у всѣхъ позвоночныхъ (вопреки различію въ величинѣ и формѣ отдѣльныхъ костей).

Основаніе для такой морфологіи черепа было заложено здѣсь, въ Іенѣ, впервые Гёте, который уже въ 1790 г. изложилъ въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей свою основную мысль по этому поводу. Позднѣе, въ 1807 г. Окенъ, самостоятельно пришедшій къ той же идеѣ, развилъ ее въ своей вступительной лекціи по естественной исторіи. Основная мысль этого старѣйшаго ученія о черепѣ, какъ преобразованномъ головномъ позвонкѣ позвоночнаго столба, была вѣрна. Но обоснованіе ея было ошибочно. Оно было исправлено 65 лѣтъ спустя (опять въ Іенѣ) Карломъ Гегенбауромъ, который въ своихъ классическихъ „Изслѣдованіяхъ о скелетѣ головы позвоночныхъ" (1872) („Untersuchungen über das Kopfskelett der Wirbeltiere") выводитъ образованіе развитого черепа высшихъ позвоночныхъ изъ простой хрящевой коробки древнѣйшихъ рыбъ (selachia—широкоротыя рыбы). Черепъ человѣка, какъ и другихъ млекопитающихъ, отличается отъ черепа остальныхъ позвоночныхъ весьма важными особенностями; но, несмотря на это, его происхожденіе изъ черепа древнѣйшихъ амфибій является доказаннымъ.

Въ совершенно иномъ направленіи, чѣмъ эта сравнительная и филетическая (видовая) краніологія, двигалось точное изслѣдованіе черепа, которое за 50 лѣтъ достигло могучаго развитія. Сторонники этого метода старались при помощи точнѣйшаго анализа, измѣренія и описанія отдѣльныхъ костей, отношенія ихъ величинъ и угловъ наклоненія, достигнуть совершеннаго математическаго познанія отдѣльнаго черепа и прочно установить его отличіе отъ другихъ. Составленіемъ безконечныхъ статистическихъ таблицъ и сравненіемъ отношеній размѣровъ надѣялись получить возможность установить особенное отличіе человѣческаго черепа, съ одной стороны,—для оцѣнки степени духовнаго развитія человѣка, съ другой—для классификаціи высшихъ и низшихъ расъ. Огромныя надежды, которыя возлагались на эту точную краніометрію (какъ ранѣе—на психологическое ученіе о черепѣ фонъ Галля), осуществились лишь отчасти, многое оказалось безполезной работой Данаидъ. Ея односторонность выступала впередъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе она шла въ разрѣзъ съ сравнительной краніологіей; особенно съ 1877 года, когда Рудольфъ Вирховъ, величайшій авторитетъ изъ сторонниковъ этого направленія въ Германіи, рѣзко выступилъ противъ дарвинизма и особенно боролся противъ доказательствъ происхожденія человѣческаго черепа изъ черепа обезьяны.

Противоположность между обоими, одинаково полноправными методами

изслѣдованія, сравнительно-историческимъ и строго-описательнымъ, снова выступила въ послѣднее время въ другихъ областяхъ науки—въ физіологіи и эмбріологіи.

Между тѣмъ какъ сравнительная онтогенія (исторія развитія индивида) нашла единство въ исторіи развитія различныхъ зародышей и старается объяснить его при помощи исторіи развитія вида, современная механика развитія, напротивъ, довольствуется пріобрѣтеніемъ возможно точныхъ познаній онтогенетическихъ процессовъ, при помощи видимо точнаго описанія и экспериментальнаго изслѣдованія послѣднихъ и сведенія ихъ прямо къ простымъ физическимъ причинамъ, безъ отношенія къ исторіи развитія вида (филогеніи). А благодаря этому, теряется великая историческая почва, въ которой кроются истинныя первопричины исторіи развитія зародыша, оставляется въ сторонѣ исторія развитія вида.

Односторонность этой безплодной „механики развитія“ зашла въ послѣднее время такъ далеко, что она вообще отрицаетъ цѣнность историческаго изслѣдованія и считаетъ только тѣ явленія достойными изслѣдованія объектами, которыя доступны непосредственно точному наблюденію и измѣренію. Она вѣритъ, что узнаетъ ихъ первопричины, какъ только сможетъ непосредственно свести ихъ къ физическимъ и химическимъ законамъ. Ошибочность этой не исторической „механики“ вытекаетъ уже изъ самого стараго названія „исторія развитія“ (Naturgeschichte), такъ какъ каждый процессъ развитія покоится на бывшемъ, случившемся, то и все существующее, происшедшее можетъ быть познано только при помощи изученія процесса его образованія. И мы, конечно, разсматриваемъ всѣ измѣненія какъ механическіе процессы и стараемся свести ихъ, въ концѣ концовъ, къ физическимъ законамъ. На заглавномъ листѣ и во введеніи къ своей „Общей морфологіи“ въ 1866 г. я очень ясно сказалъ объ этихъ „механическихъ (въ широкомъ смыслѣ) обоснованіяхъ“. Однако, и самые простые, непосредственно наблюдаемые при гаструляціи эмбріологическіе процессы объясняются не непосредственно физическими и химическими особенностями соединенныхъ въ первичные сегменты клѣтокъ, но при посредствѣ филогенетическихъ процессовъ, которые много милліоновъ лѣтъ назадъ привели простѣйшихъ предковъ къ образованію первой совокупности клѣтокъ и далѣе, при помощи раздѣленія труда, между соединенными въ общество клѣтками, къ образованію первой ткани въ зародышевыхъ листкахъ. Тѣ сложныя историческія явленія, которыя теперь совершаются передъ нашими глазами подъ видомъ, по внѣшности, простыхъ физическихъ процессовъ, возникли, какъ результатъ безчисленныхъ наслѣдственныхъ передачъ и точныхъ отпечатковъ, въ памяти объединенныхъ клѣтокъ.

Въ то время, какъ наше историческое пониманіе постоянно встрѣчаетъ въ областяхъ знанія, касающихся органической жизни, массу возраженій, причемъ много разъ оспаривалась справедливость нашей филетической гипотезы даже въ общемъ,—это пониманіе въ наукахъ о неорганической природѣ принято уже давно. Ни одинъ астрономъ не станетъ сомнѣваться въ томъ, что безчисленныя небесныя тѣла развились исторически,—все равно, принимаетъ ли онъ болѣе старую космогонію Канта и Лапласа, или болѣе новую гипотезу метеоритовъ Локье и др. Точно также всѣ геологи убѣждены въ томъ, что современное состояніе земной коры есть конечное слѣдствіе ряда великихъ метаморфозъ, и что могучія цѣпи горъ образовались сами собой въ различныя эпохи. Милліарды случайныхъ причинъ дѣйствовали вмѣстѣ въ постоянной смѣнѣ границъ суши и моря, горъ и низменностей, и тысячи ихъ дѣйствуютъ ежедневно и теперь, постоянно измѣняя видъ и величину каждой рѣки, каждаго холма. Ни одинъ геологъ не думаетъ, что это естественное саморазвитіе есть предопредѣленное слѣдствіе какого-то мудраго творческаго плана или видимое проявленіе цѣлесообразно дѣйствующей творческой силы.

Та же самая измѣнчивая игра наличныхъ силъ природы, которая признается въ геологіи и астрономіи единственной „истинной первопричиной“, является также единственнымъ творческимъ факторомъ въ органической жизни нашей планеты, и такого же признанія ея мы требуемъ и въ области общей

біологіи, и, въ частности, въ филогеніи (исторіи вида). Если же для исторіи развитія органическаго міра, въ противоположность этому, принимается особая, управляющая „жизненная сила“ или даже „премудрое провидѣніе“, то такой многопрославленный „неовитализмъ“ знаменуетъ шагъ назадъ на цѣлую половину столѣтія, такъ какъ уже въ 1858 г. мистическія мечтанія объ особенной сверхъестественной жизненной силѣ, т. е. старый витализмъ, были такъ же изгнаны изъ области ученія о развитіи, какъ недавно—изъ современной физіологіи въ одномъ отдѣлѣ ученія о функціяхъ. Правда, они еще и теперь процвѣтаютъ въ области психологіи и поддерживаются какъ атанистами (вѣрующими въ безмертіе души), такъ спиритами и оккультистами. Но и здѣсь, безспорно, рано или поздно, должны будутъ они уступить мѣсто тому естественному монистическому воззрѣнію, которое добивается для цѣлаго міра исключительнаго дѣйствія твердо установленныхъ неизмѣнныхъ законовъ природы.

Если мы, такимъ образомъ, должны считать геологію твердой опорой нашего историческаго пониманія біологіи, то это еще болѣе относится къ той наукѣ, которая занимаетъ средину между обѣими первыми отраслями знанія и находится въ тѣснѣйшей внутренней связи съ обѣими—палеонтологіи, такъ какъ окаменѣлости прямо говорятъ намъ объ исторической послѣдовательности геологическихъ періодовъ, которые смѣняли другъ друга въ теченіе милліоновъ лѣтъ органической исторіи земли, и о послѣдовательныхъ рядахъ родственныхъ, по происхожденію, животныхъ и растеній, жившихъ въ теченіе каждаго періода. Единство и связь филетическаго родства (видового родства), соединяющія сходныя и не сходныя формы каждаго вида другъ съ другомъ, могутъ быть познаны лишь при помощи теоріи эволюціи. Къ сожалѣнію, изученіе окаменѣлостей, которое прежде игнорировалось геологами, еще и теперь совершенно пренебрегается большинствомъ зоологовъ и ботаниковъ. Поэтому, въ настоящее время палеонтологія еще не играетъ въ естествознаніи той главной роли, на которую она имѣетъ право, какъ древнѣйшая отрасль филогеніи (исторіи вида).

Ея огромное значеніе для исторіи нашего собственнаго вида становится совершенно яснымъ, когда мы бросимъ взглядъ на историческую послѣдовательность рядовъ окаменѣлыхъ позвоночныхъ, лежащихъ другъ на другѣ въ слояхъ земной коры. Въ силурійской системѣ впервые появляются первыя рыбы—selachia, т. е. широкоротыя и ганоидныя *).

За ними слѣдуютъ въ девонской системѣ — Dipneusta (двоякодышащія) переходная форма отъ рыбъ къ амфибіямъ. Затѣмъ въ каменноугольный періодъ появляются первыя, обитающія и на сушѣ четвероногія животныя, древнѣйшія амфибіи изъ группы панцырныхъ амфибій (Stegocephalia).

Въ слѣдующій пермскій періодъ встрѣчаемъ мы первыхъ животныхъ, у которыхъ развивается amnion (amnion, или водная оболочка, одна изъ плодовыхъ оболочекъ, т. е. оболочекъ, развивающихся изъ зародыша и одѣвающихъ послѣдній въ яйцѣ. Ея нѣтъ ни у рыбъ, ни у амфибій) и даже ящерицеобразныхъ рептилій изъ порядка Токозавровъ. Но только въ началѣ мезозойской эры слѣдуютъ за этими холоднокровными низшими позвоночными теплокровныя млекопитающія. Сначала въ тріасѣ несущіе яйца „птицезвѣри“ (Monotremata—однопроходныя), затѣмъ въ юрскій періодъ—сумчатыя, наконецъ въ мѣловой—древнѣйшія плацентныя. Впрочемъ, вполнѣ развилась богатая видами группа плацентныхъ лишь въ позднѣйшую третичную эпоху; въ теченіе ея отдѣльныхъ періодовъ появляются одно за другимъ, въ поражающемъ разнообразіи и совершенствѣ многочисленныя семейства хищныхъ, грызуновъ, копытныхъ и обезьянъ съ человѣкомъ во главѣ.

Эти величайшей важности факты палеонтологіи вполнѣ подтверждаютъ тѣ филетическія представленія, которыя мы хотѣли выработать себѣ на основаніи двухъ другихъ наукъ: сравнительной анатоміи и онтогеніи (исторіи развитія инди-

---

*) Ганоидныя рыбы—лишены костнаго скелета и чешуи. Примѣръ ихъ—осетръ. (Перев.).

вида). Эти три объединенныя отрасли знанія укрѣпляютъ истинность теоріи эволюціи, тогда какъ, съ другой стороны, только, благодаря послѣдней, онѣ достигли своего значенія и выясненія. Гармонія этихъ большихъ группъ явленій убѣждаетъ насъ въ полной пригодности и необъятномъ значеніи нашей истинной „естественной исторіи“.

Одинъ изъ всеобъемлющихъ геніевъ классической древности, Аристотель, достойный удивленія и какъ наблюдательнѣйшій изслѣдователь природы—аналитикъ, и какъ синтетикъ—умозрительный философъ, можетъ быть, по справедливости, удостоенъ имени „отца естествознанія“. Его творенія царили въ зоологическихъ наукахъ въ продолженіе болѣе чѣмъ двухъ тысячелѣтій. И въ началѣ новаго времени, въ шестнадцатомъ вѣкѣ, когда начали развиваться новыя самостоятельныя теченія въ изслѣдованіи природы, это „старое естествознаніе“, въ сущности, осталось не тронутымъ. Лишь девятнадцатый вѣкъ,—удивительное „столѣтіе естествознанія“,—привелъ насъ, при помощи своего поразительнаго прогресса во всѣхъ областяхъ знанія, своего могучаго усовершенствованія въ методахъ и средствахъ изслѣдованія,—къ той реформѣ въ естественныхъ наукахъ и къ тому, основанному на послѣднихъ, монистическому міросозерцанію, которымъ мы теперь, по справедливости, должны гордиться. Когда ученіе о происхожденіи видовъ, набросанное Ламаркомъ въ 1809 г., было 50 лѣтъ спустя развито Дарвиномъ, мы могли пріити къ тому великому единому міросозерцанію, которому еще въ концѣ восемнадцатаго вѣка было положено основаніе нашимъ Гете. Наше новое естествознаніе, созданію котораго долженъ служить этотъ филетическій музей, введетъ насъ, по словамъ Гете, въ святилище истиннаго Бога—природы. Поэтому мы вполнѣ можемъ сказать вмѣстѣ съ нимъ:

„Was kann der Mensch im Leben mehr gewinnen,
Als dass sich Gott-Natur ihm offenbare,
Wie sie das Feste lässt zu Geist verrinnen,
Wie sie das Geisterzeugte fest bewahre“ *).

Отвѣты.

Подп. И. Ф. Дѣеву. Нами изданъ «Лечебникъ» доктора Вигдорчика, ц. 38 к. «Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мир. судьями» изд. 1902 г. ц. 30 к. можно, если желаете, выслать вамъ по полученіи отъ васъ стоимости этихъ книгъ, а пересылка—наложеннымъ платежемъ.

Подп. Н. Димитрову. По элементарной механикѣ паровыхъ машинъ можемъ указать: Гуммель, А. Краткій общедоступный курсъ по паровымъ машинамъ для самообученія. 1 р. 50 к.—Кесслеръ, Г. Паровыя машины. Въ 3-хъ частяхъ, ц. 2 р. 60 к. за три части.

Подп. Секретарю Городецкаго О-ва Трезвости И. Л. Жукову и И. Духову. Чтобъ получить патентъ на изобрѣтеніе, необходимо обратиться въ Министерство Финансовъ съ прошеніемъ и приложить: 1) ясный и подробный рисунокъ или модель изобрѣтенія—въ двухъ экземплярахъ, 2) подробное описаніе изобрѣтенія—въ двухъ экземплярахъ и 3) деньгами—30 р. и гербовыми марками—2 р. Въ Министерствѣ Фин. разсмотрятъ, наведутъ справки и, мѣсяца черезъ два, вышлютъ охранительное свидѣтельство, а когда изобрѣтатель представитъ въ Министерство готовый экземпляръ изобрѣтенія—ему выдадутъ патентъ,—это въ томъ случаѣ, если изобрѣтеніе будетъ признано новымъ и полезнымъ. Въ противномъ случаѣ—вышлется отказъ. Патентъ даетъ изобрѣтателю право продать, кому пожелаетъ, свое изобрѣтеніе и преслѣдовать судомъ всякаго, кто безъ его (изобрѣтателя) разрѣшенія будетъ выдѣлывать и продавать изобрѣтенный предметъ.

Подп. А. Краденову. Такого метеорологическаго кружка, который сразу выдавалъ бы безплатно барометры и другіе инструменты для наблюденій, нѣтъ. Главная Физич. Обсерваторія, если признаетъ желательнымъ имѣть наблюденія метеорологическихъ и другихъ явленій природы, можетъ Вамъ выслать нѣк. инструменты. Адресъ ея: (Васил. остр., 23 линія, д. 2. СПБ.).

---

*) Какое высшее благо можетъ пріобрѣсти человѣкъ въ своей жизни, чѣмъ если Богъ-Природа откроетъ ему, какимъ путемъ претворяетъ она твердую матерію въ духъ, а творенія духа сохраняетъ въ твердо закрѣпленныхъ формахъ.

Психіатрія.

Прсф. Чезаре Ломброзо.

Счастье у безумныхъ и у геніевъ.

„Безсознательно всякій находитъ мечту, а мечта—это міръ для души человѣка“—справедливо заключилъ великій флорентійскій поэтъ *). Но если вѣрно, что всякій человѣкъ приходитъ къ самообману для того, чтобы примирить себя съ дѣйствительностью бытія, то приходится согласиться и съ тѣмъ, что состояніе счастья скорѣе исключеніе, чѣмъ общій законъ. Наслажденіе почти всегда мимолетно и чаще всего сопровождается тоской, усталостью, раскаяніемъ и пресыщеніемъ; страданіе всегда болѣе глубоко и продолжительно, одно отсутствіе его уже вызываетъ чувство довольства. Мнѣ удалось въ моей лабораторіи найти много весьма точныхъ методовъ для изученія силы и продолжительности страданія, и ни одного, хотя бы только приблизительнаго, для изученія наслажденія. Это происходитъ, быть можетъ, именно потому, что намъ съ трудомъ удается прослѣдить эту эмоцію, въ виду ея мимолетности и того, что непосредственно вслѣдъ за нею является рѣзкая реакція. Кромѣ того, условія нашей цивилизаціи нынѣ таковы, что нѣтъ той вершины человѣческаго чувства, которая, по достиженіи, не казалась бы намъ слишкомъ ничтожной и не вызывала бы желанія еще большей.

I. Счастье у безумныхъ.

Какъ ни странно, но то полное и продолжительное счастье, котораго недостаетъ человѣку здоровому, мы находимъ, быть можетъ, у безумныхъ. Кто случайно проводитъ нѣсколько часовъ въ домѣ умалишенныхъ, обыкновенно бываетъ пораженъ нестерпимыми криками, «словами злобы, дикимъ всплескомъ рукъ» **) и думаетъ, что попалъ въ мѣсто самаго отчаяннаго страданія. Но какъ только онъ слегка освоится со всѣмъ, то приходитъ къ убѣжденію, что только здѣсь можетъ найти подобіе настолько полнаго счастья, чтобы изучить и постигнуть механизмъ радости, который такъ неуловимъ у нормальнаго человѣка. Сначала можетъ показаться прямо невѣроятнымъ, что именно человѣкъ, который на первый взглядъ кажется несчастнымъ, грязнымъ, шатающимся и дрожащимъ, съ неясной и боязливой рѣчью и письмомъ, больнымъ, пораженнымъ паралитическимъ прогрессивнымъ безуміемъ, являющимся какъ бы жертвой нашей развратной цивилизаціи,—можетъ дать намъ образъ наиболѣе полнаго и глубокаго чувства радости.

---

*) Ciascun confusamente un bene apprende, Nel qual si queti l'animo. (Dante, Чистилище, 17-я пѣснь, ст. 127—128).

**) Данте, Адъ, 3-я пѣснь, ст. 27.

Наиболѣе частый пунктъ помѣшательства—богатство: милліоны лиръ (франковъ), пятьсотъ милліардовъ, все золото міра, все, что находится въ области фантазіи и математическаго образованія больного, проносится въ его больномъ воображеніи безъ видимой связи и логики. Весь организмъ паралитика кажется возбужденнымъ, радостнымъ, какъ бы отъ всеобщаго опьяненія. И это постоянное ликованіе свѣтится въ воспаленныхъ очахъ и во всемъ внѣшнемъ обликѣ; въ то время, какъ его организмъ и душевныя силы стремятся къ катастрофѣ, онъ обрѣтаетъ покой и познаетъ себя (см. у Танци). Сперва больной гордится только своими воображаемыми физическими преимуществами; такъ, напримѣръ, онъ великолѣпно поетъ, обладаетъ стальной грудью, пробѣгаетъ тысячу миль въ минуту, называетъ свою мочу рейнскимъ виномъ, а экскременты—золотомъ; онъ прорываетъ тунель подо всѣмъ міромъ, умѣетъ играть на ключѣ, пѣть баритономъ, имѣетъ тысячи одалисокъ въ своемъ гаремѣ, обѣщаетъ дворцы и почести взамѣнъ малѣйшей услуги или ласковаго слова. Женщины гордятся красотой, драгоцѣнностями, дѣтьми, которыхъ онѣ рождаютъ четыре раза въ день и чаще отъ князей и императоровъ (см. у Крепелина). И чѣмъ больше опускается въ бездну разумъ, тѣмъ все увеличивается счастье и радость. Одна паралитичка, совершенно безумная, неспособная связать двухъ мыслей, все повторяла въ послѣдніе дни жизни: «Ахъ, какъ я счастлива! Какъ я довольна!» Несомнѣнно ея безумная радость не была связана никакой ассоціаціей идей. Вскрытіе паралитика ясно показываетъ, что у больного поражены всѣ ткани не только мозга, но и печени, нервовъ, кровяныхъ и лимфатическихъ сосудовъ, мозговыхъ мембранъ и нервныхъ клѣточекъ, которыя кажутся омертвѣвшими, опухнувшими и просачивающими, съ явнымъ жировымъ и пигментнымъ вырожденіемъ. Это ужасное разрушеніе происходитъ въ силу наслѣдственности и туберкулезныхъ или инфекціонныхъ болѣзней тканей; эти болѣзни поражаютъ одновременно всѣ элементы позвоночника, но прежде всего вызываютъ болѣе возбужденную циркуляцію крови во всей периферіи тѣла до волосныхъ сосудовъ артерій, которыя въ свою очередь возбуждаютъ мозговыя клѣточки, дѣйствуя также на сердце и дыханіе, ускоряя ихъ дѣйствіе до лихорадочной силы. Разсматривая больного съ физической стороны, мы останавливаемся сперва на быстротѣ пульса, затѣмъ на значительномъ пониженіи артеріальнаго давленія и сильномъ расширеніи всѣхъ кровяныхъ сосудовъ до волосныхъ. Паралитикъ веселъ, именно благодаря этой внезапной преувеличенной дѣятельности кровообращенія всего тѣла и въ особенности мозга; онъ мечтаетъ о своемъ величіи, чтобы объяснить и оправдать себѣ неожиданное ощущеніе блаженства. Разрушеніе организма вызываетъ радость, потому что при полной дезорганизаціи нервныхъ тканей въ больномъ нѣтъ наблюдающаго и запрещающаго контроля и оцѣнки переживаемаго.

Чтобы пополнить вышеизложенныя наблюденія, Дюма присутствовалъ при освобожденіи заключенныхъ. Онъ замѣтилъ, что артеріальное напряженіе сперва уменьшалось, затѣмъ снова увеличивалось, пульсъ и дыханіе учащались; наблюдалась сильная жестикуляція и мускульная дѣятельность, вызванная радостью, что является какъ бы кровопусканіемъ для гиперелитическаго мозга человѣка. Такимъ образомъ наблюденіе Дюма подтвердило мнѣніе Ланге, который говоритъ, что радость происходитъ главнымъ образомъ отъ расширенія мозговыхъ артерій всей периферіи, вслѣдствіе общаго возбужденія нервныхъ клѣтокъ.

II. Круговое безуміе. (Follia circolare).

Бываетъ еще безуміе другого рода, которое мы назовемъ круговымъ безуміемъ. Пораженные этой болѣзнью обыкновенно въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ очень веселы и дѣятельны; они придумываютъ всевоз-

можныя коммерческія предпріятія, болтливы и преувеличенно альтруистичны. Но эта возбужденность, часто не дающая имъ покоя и ночью, сразу исчезаетъ, и тогда больной остается неподвижнымъ въ постелѣ и отказывается отъ сношеній съ людьми и отъ пищи. Въ первомъ періодѣ болѣзни у нихъ также происходитъ расширеніе сосудовъ и мозговыхъ артерій, но только въ меньшей степени, а затѣмъ слѣдуютъ явленія совершенно противоположныя. Вслѣдствіе же того, что мозгъ бываетъ пораженъ меньше, и радость у нихъ значительно меньше. Многіе геніальные художники и писатели были поражены круговымъ безуміемъ, но не сознавали этого и часто сожалѣли о своемъ временномъ исцѣленіи. Жераръ-де-Норваль въ своемъ сочиненіи: „Мечта и жизнь“ старался описать переживанія своей долгой болѣзни. „Но, — говоритъ онъ,—я несправедливо называю это болѣзнію, ибо никогда я не чувствовалъ себя лучше, чѣмъ въ то время. Творческая дѣятельность тогда у меня была удвоенной, мнѣ казалось, что я все знаю, все постигаю; работа доставляла мнѣ безконечное наслажденіе. Пріобрѣтая снова то, что люди называютъ разумомъ, я терялъ силу и наслажденіе“. Его видѣнія были такъ прекрасны, онъ былъ такъ краснорѣчивъ, описывая ихъ, что его друзья (Теофиль Готье и др.) спрашивали себя, должны ли они сожалѣть о немъ, или завидовать ему, и не есть ли безуміе—такое состояніе, въ которомъ душа болѣе возвышена, болѣе тонко воспринимаетъ невидимыя откровенія, недоступныя взору другихъ. И онъ, поэтъ, спрашивалъ себя, не было ли для него худшимъ изъ несчастій именно то, что безумное Я было вытѣснено властью Я разумнаго. То же происходитъ съ Эдгардомъ По, Шопенгауеромъ, Верленомъ, Бодлэромъ и Контомъ.

III. Манія величія. (Megalomanià).

Еще болѣе кратковременное блаженство встрѣчаемъ мы у мегаломановъ, которое по внѣшнему виду кажутся наиболѣе счастливыми.

По мнѣнію Мейнерта, честолюбивыя идеи врождены намъ, у всѣхъ насъ есть немного честолюбія въ скрытомъ состояніи, даже у дѣтей, но здоровый умъ имѣетъ силу подавить его. Когда же возникаетъ болѣзнь ума, прерывающая цѣпь нормальныхъ ассоціацій и вызывающая ненормальныя, тогда честолюбивыя стремленія прорываются все болѣе и болѣе. Въ общемъ они развиваются чаще всего у людей, которые были высокаго мнѣнія о себѣ и равнодушны по отношенію ко всѣмъ другимъ людямъ. Въ началѣ у нихъ бываютъ сны величія, стремленіе къ спасенію человѣчества, а въ концѣ концовъ они превращаются въ князей, королей, боговъ... За этимъ счастливымъ бредомъ всегда слѣдуетъ меланхолія и бредъ преслѣдованія. Одержимый маніей величія кажется счастливымъ, но у него, какъ у истинно великихъ людей, есть завистники, которые не признаютъ его, тревожатъ, покушаются отравить его, и онъ спасается отъ нихъ, отказываясь отъ пищи.

Я помню въ Павіи одну очень умную вязальщицу, допившуюся до бѣлой горячки, которая воображала себя дочерью Наполеона отъ юношеской связи его съ одной зеленщицей и считала себя поэтому законной императрицей Франціи. Она держала себя съ большимъ достоинствомъ съ фельдшерами и сидѣлками и устраивала себѣ мантію изъ различныхъ бездѣлушекъ.

Но въ одинъ прекрасный день, замѣтивъ, что съ ней обращаются не серьезно, она возненавидѣла всѣхъ до такой степени, что заперлась въ комнатѣ, чтобы никого не видѣть. Ее охватила манія преслѣдованія, ей казалось, что ей кладутъ змѣиный ядъ въ супъ и яйца (объ этомъ лѣкарствѣ она могла слышать, я употреблялъ его при нѣкоторыхъ неврозахъ). Помню, этотъ бредъ преслѣдованія продолжался до послѣдняго

дня ея жизни, и на смертномъ одрѣ она закрывала глаза, чтобы не видѣть предполагаемаго врага, который окружалъ ее заботами.

Особенно интересенъ историческій примѣръ великаго Торквато Тассо, подверженнаго отъ рожденія маніи величія, которая давала ему величайшее счастіе, но и бездну страданій, страшную мнительность и бредъ преслѣдованія. Особенно важно письмо, которое онъ писалъ изъ Мантуи Сципіону Гонзаго: «Удивляюсь, что не писалъ вамъ до сихъ поръ о томъ удовлетвореніи, какое испытываю, награждая самъ себя подарками, почестями и милостями отъ имени фиктивныхъ императоровъ и королей». Въ другомъ письмѣ онъ жалуется на то, что всѣ преслѣдуютъ и стремятся предать его: „Иностранцы томятъ меня, и дьяволъ крадетъ у меня деньги во время сна (письмо къ Энею Тасси отъ 1581 года). Онъ убѣжденъ, что его осудили за невѣріе, и признается въ своей винѣ передъ св. Инквизиціей (см. мои: Новые очерки о геніи. 1906).

IV. Геній и манія величія.

Геній чувствуетъ свои силы, знаетъ себѣ цѣну и, понятно, не обладаетъ монашескимъ смиреніемъ, но все же и у него гордость часто переходитъ границы разумнаго. Тассо и Кардано тайно, Магометъ открыто считали себя вдохновленными Богомъ; самая легкая критика была для нихъ нестерпима. Говорятъ, Ньютонъ былъ бы способенъ растерзать своихъ научныхъ противниковъ. Аббатъ Каньоли считалъ свое произведеніе «Избіеніе въ Аквилеѣ» великимъ и приходилъ въ бѣшенство, если какой-либо литераторъ не кланялся ему. „Какъ, вы не знаете Каньоли?»

Руэль, основатель химіи во Франціи, поссорился со всѣми своими учениками, писавшими о химіи, которые были, по его мнѣнію, «невѣжды, цирульники и плагіаторы». Послѣдній эпитетъ имѣлъ для него такое ненавистное значеніе, что онъ примѣнялъ его къ величайшимъ преступникамъ и, чтобы выразить, напримѣръ, ужасъ, который внушалъ ему отравитель Дамьенъ, говорилъ, что онъ былъ... плагіаторъ

Свифтъ унижаетъ и осмѣиваетъ министровъ и пишетъ одной герцогинѣ, желавшей познакомиться съ нимъ, что чѣмъ выше общественное положеніе людей, тѣмъ болѣе они должны унижаться предъ нимъ. Ленау унаслѣдовалъ отъ матери гордость патриція и въ безуміи считалъ себя королемъ Венгріи.

Ветцель сперва мечтаетъ основать банкъ и печатаетъ кредитные билеты, потомъ считаетъ себя богомъ и издаетъ свои сочиненія подъ заглавіемъ: „Творенія бога Ветцеля“. Когда однажды княжна Конти сказала Малербу: „Я хочу показать вамъ прекраснѣйшіе стихи въ мірѣ, которыхъ вы еще не видѣли“,—тотъ отвѣтилъ: «Извините, сударыня, я ихъ видалъ; если они прекраснѣйшіе въ мірѣ, то только я самъ могъ ихъ написать!»

«Викторъ Гюго, какъ справедливо замѣтилъ Дюма (1887), былъ преслѣдуемъ навязчивой мыслью, сдѣлаться величайшимъ поэтомъ и величайшимъ человѣкомъ всѣхъ временъ и народовъ» этотъ фактъ можетъ объяснить, продолжаетъ Дюма, всю жизнь, всѣ перемѣны Гюго, который былъ сперва католикомъ-монархистомъ, но вскорѣ отказался отъ этихъ воззрѣній, считая ихъ неудобными, потому что этотъ родъ правленія и культъ не давалъ ему свободы слова и возможности первенствовать. Нѣкоторое время слава Наполеона привлекаетъ Гюго, стремящагося стать Наполеономъ поэзіи; но въ скоромъ времени онъ уже не въ силахъ перенести чьей-нибудь славы подлѣ себя, а потому великій вождь долженъ уступить великому поэту, гигантъ дѣйствія—гиганту мысли. Викторъ Гюго считаетъ себя величайшимъ изъ всѣхъ людей; онъ не называетъ себя геніемъ, но твердо вѣритъ въ то, что міръ скажетъ это».

V. Меланхолія генія.

Можно было бы сказать, что геній въ своемъ воображаемомъ величіи счастливѣйшій среди людей. Однако, это не такъ: бредъ преслѣдованія ослабляетъ, какъ у обыкновенныхъ безумныхъ, сильнѣйшую радость и у геніевъ. Большая часть мыслителей склонна къ меланхоліи, которая соотвѣтствуетъ ихъ болѣзненной чувствительности. Вошло въ поговорку изреченіе: «Испытывать страданіе сильнѣе всѣхъ другихъ людей—это терновый вѣнецъ генія». Аристотель сказалъ, что всѣ геніи меланхоличны, и теперь то же повторяетъ Юргенъ-Бона Мейеръ. Джіордано Бруно говорилъ о себѣ: „Я въ веселіи—печаленъ, а въ печали—веселъ". Флоберъ писалъ: „Я не созданъ для радости". Альфіери въ послѣдніе годы не показывался никому и со слугами никогда не говорилъ, съ секретаремъ же Тасси объяснялся знаками. Гете, холодный Гете, признается: „Мое существо находится между крайней радостью и крайней меланхоліей". И въ другомъ мѣстѣ: „Всякое увеличеніе знанія есть увеличеніе печали"; онъ, какъ замѣчаетъ его біографъ Гагенъ, не помнитъ болѣе четырехъ радостныхъ недѣль, проведенныхъ имъ въ теченіе всей жизни.

Джіусти страдалъ ипохондріей до безумія; часто считалъ себя подверженнымъ водобоязни, называлъ себя „больнымъ внутренностями и стихами" и не рѣдко повторялъ: „То, что кажется улыбкою—есть страданіе". Байронъ страдалъ ужасными припадками ипохондріи. „Я просыпаюсь всегда,—пишетъ онъ,—съ отчаяніемъ и отвращеніемъ по отношенію ко всему, даже къ тому, что мнѣ нравилось вчера". Куперъ былъ несчастенъ и тосковалъ всю жизнь (Тэнъ): „День и ночь, замѣчаетъ онъ въ своей автобіографіи, я былъ подверженъ пыткѣ, ложился съ ужасомъ и вставалъ съ отчаяніемъ".

Бернсъ сообщаетъ въ одномъ письмѣ: «Мое существованіе разрушено со дня рожденія глубокой меланхоліей, отравляющей мнѣ жизнь".

Нѣтъ недостатка въ причинахъ печали у геніевъ; геній видитъ дальше другихъ и разрѣшаетъ величайшія проблемы. Онъ не имѣетъ привычекъ толпы и, подобно безумному, многое у него безпорядочно, а потому остается непонятымъ и непризнаннымъ большинствомъ, которое не въ силахъ выяснить себѣ всего процесса творчества, но отлично чувствуетъ разницу между заключеніями его и своего и странность поведенія. Стоитъ только вспомнить, что Россини за „Севильскаго Цирульника" и Бетховенъ за „Фиделіо" были освистаны, то же случилось и съ Бойто за „Мефистофеля" и съ Вагнеромъ.

„Нѣтъ ни одной свободной мысли, пишетъ Флоберъ, которая былабы популярна, нѣтъ ничего истиннаго, что не смутило бы большинства; нѣтъ великаго человѣка, котораго бы не распяли и не истязали". Сколько академиковъ сострадательно улыбалось, глядя на бѣднаго Марцоло, который открылъ новые горизонты въ филологіи! Болье, открывшій четвертое измѣреніе и антиэвклидову геометрію [1]), былъ названъ геометромъ сумасшедшихъ и его сравнивали съ мельникомъ, хотѣвшимъ сдѣлать муку изъ песка. Всѣ знаютъ, какъ относились къ Колумбу, Фультону и Папину, а въ наше время къ Піатти, Брагѣ и извѣстному Шлиманну, который нашелъ Иліонъ тамъ, гдѣ никто его не искалъ, и раскопалъ его среди еще не умолкнувшихъ насмѣшекъ ученыхъ академиковъ. Гете въ апогеѣ своей литературной славы видитъ совершенно непризнанными со стороны академиковъ свои наблюденія надъ растеніями и позвоночникомъ человѣка. Во всемъ этомъ есть много

---

[1]) Основателемъ геометріи 4 и n измѣреній считаютъ проф. Казанскаго университета Ник. Ив. Лобачевскаго (1793—1856). Нѣкоторые полагаютъ, что открытіе это принадлежитъ и Болье.

такого, что можетъ оборвать самый радостный полетъ мегаломана. О переходѣ высокомѣрнаго настроенія мегаломана въ глубочайшую печаль мы привели историческій примѣръ писемъ Т. Тасса. Еще болѣе очевидныя доказательства даютъ намъ Контъ, Кардано, Колумбъ, Леопарди и др.

«Контъ, пишетъ Дюма, мечталъ о переворотѣ всего міра; и, дѣйствительно, у него была гордость, присущая всѣмъ реформаторамъ». Но и къ его маніи величія присоединяется манія преслѣдованія; онъ слишкомъ легко вѣритъ тайнымъ заговорамъ противъ него. Какъ всѣ безумные, онъ распространяетъ свой страхъ на цѣлую категорію людей, такъ, нипримѣръ, полемика съ Базаромъ превращается у него въ войну со всѣми революціонерами утопистами, которые будто бы хотятъ похитить его идеи. Кардано считалъ себя седьмымъ геніемъ со времени созданія міра, прибавляя что геніи рождаются только разъ въ тысячелѣтіе; онъ утверждалъ также, что изучилъ греческій и латинскій языки въ три дня, что разрѣшилъ 100 тысячъ проблемъ и сдѣлалъ болѣе 200 тысячъ открытій, которыя будутъ найдены среди его бумагъ. 24 сентября, говорилъ онъ, день моего рожденія, есть также день рожденія Августа; Цезарь былъ властелиномъ міра, но я заслужилъ себѣ своими твореніями безсмертіе. Мнѣ кажется, достаточно этихъ примѣровъ для опредѣленія его меланхоліи. При томъ онъ обладалъ такой извращенной чувствительностью, что чувствовалъ себя хорошо только при физическомъ страданіи, а потому часто искусственно вызывалъ его, кусая до кровигубы и руки. Чтобы спастись отъ враговъ онъ носилъ странныя одежды: покрывалъ голову, лицо и тѣло толстой кожей, а ночью покрывалъ лицо черной шерстяной тканью и вооружался съ ногъ до головы, несмотря на правительственное запрещеніе. Итакъ червь страданія и бредъ преслѣдованія разрушаютъ счастье мегаломана генія.

VI. Счастіе генія въ творчествѣ.

Но все же есть моменты краткаго, сверхчеловѣческаго счастья въ жизни генія. Это моменты творчества, которые по многимъ признакамъ походятъ на припадки эпилептиковъ, но, происходя не въ мозгу заурядной личности, а генія, даютъ намъ, вмѣсто дикихъ проклятій и преступленій, геніальное произведеніе. «Часто, пишетъ Биконсфильдъ, я чувствую, что только шагъ отдѣляетъ мое творчество отъ безумія. Я не въ состояніи описать, что я испытываю въ то мгновеніе, когда мои ощущенія такъ тонки и прекрасны, каждый предметъ кажется мнѣ тогда одушевленнымъ, мои чувства безсвязны, я перестаю быть увѣреннымъ въ своемъ существованіи. Часто мнѣ приходилось прибѣгать къ книгѣ, чтобы увидѣть свое имя напечатаннымъ и убѣдиться въ томъ, что... я живъ». Подобныя ощущенія находимъ въ исповѣди св. Павла, у Нитцше и у Достоевскаго «Вдругъ, пишетъ послѣдній въ «Бѣсахъ», что-то открылось передъ нимъ, необычайный внутренній свѣтъ озарилъ его душу: это продолжалось можетъ быть полсекунды... Бываютъ моменты, продолжаются они не болѣе пяти—шести секундъ, когда вдругъ чувствуешь присутствіе вѣчной гармоніи... Это явленіе ни земное, ни небесное; это чувство ясное, несомнѣнное. Сразу кажется, что соприкасаешься со всей природой и говоришь: Да, это такъ. Когда Богъ создавалъ міръ, онъ говорилъ въ концѣ каждаго дня: да это такъ, это хорошо. И это не нѣжность, не радость, не прощеніе, ибо нѣтъ ничего, что бы должно было прощать. И не любовь это, это чувство выше любви! Страшна та поразительная ясность, съ какой чувствуешь радость, наполняющую тебя... Если бы это состояніе продолжалось болѣе пяти секундъ, душа не могла бы выдержать и должна была бы умереть. Въ продолженіе этихъ пяти секундъ я переживаю цѣлое существованіе человѣка; за него я отдалъ бы всю свою жизнь, и мнѣ казалось бы, что я не слишкомъ дорого заплатилъ.—Вы не эпилептикъ?—

Нѣтъ — Вы станете имъ; я слыхалъ, что именно такъ начинается... Человѣкъ, страдающій этой болѣзнью (повидимому самъ Достоевскій), подробно описалъ мнѣ свои ощущенія, предшествующія припадку, и, слушая васъ, мнѣ показалось, что слышу его. Онъ также говорилъ мнѣ о пяти секундахъ и о томъ, что было невозможно дольше оставаться въ такомъ состояніи. Вспомните кубокъ Магомета, когда онъ опустошался, пророкъ леталъ въ рай. Этотъ кубокъ—ваши пять секундъ, ваша гармонія—рай, а Магометъ былъ эпилептикъ. (Бѣсы, I часть). Въ «Идіотѣ читаемъ (часть I, стр. 296): «Я помню между прочимъ явленіе, которое предшествовало у него приступамъ эпилепсіи. Среди полнаго упадка, помраченія душевныхъ силъ и тоски, которую онъ испытывалъ, были мгновенія, когда вдругъ сразу воспламенялся его мозгъ и всѣ жизненныя силы внезапно достигали чрезвычайной напряженности. Ощущенія жизни и сознанія какъ бы удесятерялись, вспыхивали подобно молніи въ эти мгновенія. Необычайный свѣтъ сіялъ въ его умѣ и сердцѣ. Всѣ сомнѣнія разсѣивались въ этой высшей гармоніи въ этомъ ясномъ и вполнѣ раціональномъ спокойствіи. Но эти блестящія моменты были только прелюдіей той послѣдней секунды, за которой немедленно слѣдовалъ припадокъ. Когда уже, выздоровѣвъ, князь размышлялъ о ней, онъ говорилъ себѣ: эти бѣглыя мгновенія, въ которыя проявляется высочайшее самосознаніе и, поэтому, высочайшая жизнь, обязаны только болѣзни, только разрыву нормальнаго бытія; и если такъ, то жизнь нормальная не есть высшая, наоборотъ—жизнь низшаго порядка.

Развѣ онъ не имѣлъ въ этотъ моментъ видѣній, подобныхъ фантастическому сну, вызванному опьяненіемъ гашишемъ, опіемъ и виномъ? Онъ хорошо могъ обсудить все послѣ припадка. Эти моменты отличаются чрезвычайно развитымъ чувствомъ внутренняго откровенія. Въ послѣднюю минуту сознанія передъ припадкомъ больной могъ сказать ясно и съ полнымъ сознаніемъ: Да за это мгновеніе можно и стоитъ отдать жизнь.

Безъ сомнѣнія, въ это мгновеніе эпилептикъ понимаетъ намекъ Магомета, говорившаго, что онъ посѣщаетъ всѣ мечети въ болѣе краткое время, чѣмъ было необходимо для опустошенія кубка воды».

Великій Бетховенъ пишетъ: „Вдохновеніе есть для меня то мистическое состояніе, когда кажется, что міръ образуетъ необъятную гармонію, когда каждое чувство, каждая мысль звучитъ во мнѣ, когда всѣ силы природы становятся средствами для меня, трепетъ охватываетъ все тѣло мое, когда волосы поднимаются на головѣ...“ Эти превосходящія всѣ виды человѣческой радости, мгновенія, которыя по своей краткости и по мгновенному возникновенію не зависятъ отъ сознанія, подобны, или вѣрнѣе, даже суть психическіе эквиваленты эпилепсіи, тѣмъ болѣе, что часто они возникаютъ у настоящихъ эпилептиковъ, одаренныхъ геніемъ. Геній часто бываетъ близокъ къ эпилептику, хотя только онъ даетъ человѣчеству первое зерно научныхъ открытій и великія художественные произведенія.

Такимъ образомъ мы видимъ, что счастье и въ домахъ умалишенныхъ рѣдкій цвѣтокъ, который затопляется горькими слезами.

Полное же счастіе находится, по странному контрасту, только у безумныхъ въ послѣдней стадіи прогрессивнаго паралитическаго безумія и у генія въ высочайшія мгновенія творчества; и, по контрасту еще болѣе странному и жестокому, у первыхъ оно продолжается годами, а у второго оно, правда плодотворно, но мимолетно, какъ молнія.

Свенъ Гединъ, извѣстный изслѣдователь Тибета.

Свенъ Гединъ.

Открытія, сдѣланныя въ Тибетѣ.

Если вы раскроете передъ собою карту Тибета въ новѣйшемъ изданіи карманнаго атласа Штилера или заглянете въ карту, выпущенную въ свѣтъ «Королевскимъ Географическимъ Обществомъ»,—то вы увидите, что на обѣихъ картахъ нанесены всѣ пути за исключеніемъ моего послѣдняго путешествія. Англійская карта является болѣе полной, такъ какъ на ней отмѣчены мои путешествія 1899—1902 годовъ. Изъ нея видно, что западный Тибетъ довольно обильно испещренъ путями, пройденными Наинъ Сингхомъ, Бауэромъ, Уэльби, Дези, Раулингомъ, Литтльдэлемъ и мною. Равнымъ образомъ на картѣ обширнаго восточнаго Тибета не осталось уже значительныхъ неизслѣдованныхъ пространствъ. Карта, изображающая эту мѣстность, заполнена трудами Пржевальскаго, Бонвало, Литтльдэля, Рокгиля, Уэльби, Бауэра, де-Рена, Юнгусбанда и моими. Но между двумя указанными областями черезъ карту Тибета тянется въ направленіи меридіана довольно широкій поясъ, который почти цѣликомъ остается бѣлымъ. По нему проходятъ только три поперечныя полоски обслѣдованныхъ мѣстностей—а именно: на сѣверѣ дорога Уэльби, посрединѣ дорога Бауэра и на югѣ дороги Наинъ Сингха, Литтльдэля и моя, лежащія довольно близко другъ къ другу. Ранѣе вся эта громадная область была неизвѣстна, и на мою долю выпало счастье пройти большую часть ея за мое путешествіе въ Шигатсе—путешествіе, стоившее круглымъ счетомъ полугода времени, сотни вьючныхъ животныхъ и двадцати тысячъ рупій. На этомъ пути, сдѣланномъ по діагонали черезъ весь Тибетъ, самымъ важнымъ открытіемъ было открытіе гигантской горной цѣпи, которую мы пересѣкли въ проходѣ Зела-ла на высотѣ 19.000 футовъ. Какъ мало догадывались о существованіи этой цѣпи, видно, между прочимъ, изъ высказаннаго Т. Гольдишемъ предположенія, что большія центральныя озера (Дангра-юмъ-тсо, Югангъ-тсе-тсо, и др.) должны служить источниками для сѣверныхъ притоковъ Брамапутры, другими словами, что должна находиться относительно низкая мѣстность тамъ, гдѣ фактически мы имѣемъ теперь высочайшую изъ горныхъ цѣпей земного шара. Ее можно сравнить только съ Гималаями, Куенъ-Лунь, Кара-корумъ и Арка-тахъ. Спѣшу прибавить, что О'Конноръ на основаніи слуховъ догадывался о существованіи такой цѣпи. Горная цѣпь Нинъ-ченъ-тангъ-ла, лежащая къ югу отъ Тенгри-Норъ, была хорошо извѣстна, и черезъ нее проходили Литтльдэль, Рокгиль и др. Но никто не зналъ, что эта цѣпь простирается еще на западо-сѣверо-западъ почти на 200 шведскихъ миль, какъ это теперь найдено мною. Вполнѣ достовѣрно, что та же цѣпь идетъ еще и въ восточномъ направленіи, и все ея про-

тяженіе равняется добрымъ 300 милямъ. Въ средней ея части проходы ея на нѣсколько сотъ метровъ выше, чѣмъ проходы Гималаевъ; они имѣютъ почти такую же высоту, какъ проходы Кара-корумъ и Арка-тахъ. Вездѣ, гдѣ я проходилъ этой цѣпью, она представляетъ собой только одинъ гребень, образующій водораздѣлъ. Это—простая цѣпь, тогда какъ Гималаи и Куенъ-Лунь состоятъ изъ различныхъ параллельныхъ цѣпей, при чемъ цѣпь Гималаевъ, служащая водораздѣломъ, является относительно низкой и плоской. Вновь открытая цѣпь не имѣетъ вершинъ, которыя можно было бы сравнить съ вершинами Гималаевъ; въ ней встрѣчается нѣсколько группъ возвышенностей, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ и глетчерами. На остальномъ своемъ протяженіи она представляется относительно плоской, и гигантскія вершины, встрѣчающіяся въ этой части Тибета, поднимаются или къ сѣверу, или къ югу отъ нея.

Какъ ни громадна эта мощная складка земной поверхности, но у жителей Тибета всетаки нѣтъ общаго названія для всей описываемой цѣпи горъ. Различныя части ея обозначаются безчисленными мѣстными именами. Однако, въ будущемъ эта цѣпь должна войти не только въ науку землевѣдѣнія, но и въ школьные учебники, и потому она должна носить какое либо имя. Поскольку я могу судить, лучше всего было бы сохранить для всей цѣпи уже извѣстное названіе самой высокой ея части, а именно: Нинъ-ченъ-тангъ-ла. По направленію отъ востока къ западу я пересѣкалъ эту цѣпь по слѣдующимъ проходамъ: Зела-ла, Тьянгъ-ла-подла, Ангденъ-ла, Тсети-латьянъ-ла и Дукти-ла; всѣ они—громадной высоты, и послѣдній лежитъ къ сѣверу отъ Гартока. Тамъ, гдѣ мнѣ не удавалось прослѣдить дальнѣйшее направленіе этихъ проходовъ, я пытался собрать свѣдѣнія, которыя позволили бы опредѣлить приблизительно ихъ положеніе.

Найденная мною цѣпь цѣликомъ измѣняетъ карту Тибета и образуетъ гигантскую складку, наряду со многими другими, вздымающимися на Тибетской возвышенности, самой мощной изъ всѣхъ возвышенностей на поверхности земли. Не слѣдуетъ, однако, представлять себѣ эту цѣпь, какъ узкій, рѣзко очерченный гребень. Она расходится широко раскинутыми, густыми отвѣтвленіями, а къ нимъ примыкаютъ отроги, идущіе по всѣмъ направленіямъ. Южныя отвѣтвленія простираются до верховьевъ Брамапутры (Тсанпо). Сѣверныя,—поскольку я видѣлъ,—заканчиваются настоящимъ лабиринтомъ горъ и долинъ, между которыми тамъ и сямъ встрѣчаются озера—напримѣръ, большое озеро Шуру-тсо къ югу отъ Дангра-юм-тсо. Въ то время, какъ Арка-тахъ напримѣръ, въ сѣверномъ Тибетѣ играетъ въ качествѣ водораздѣла сравнительно ничтожную роль, Нинъ-ченъ-тангъ-ла представляетъ въ этомъ отношеніи гораздо болѣе высокое значеніе—болѣе высокое даже, чѣмъ Гималаи. На востокѣ онъ служитъ водораздѣломъ между Сальвенъ и Брамапутрой; въ средней своей части—между Брамапутрой и центральной областью озеръ, т. е. между океаномъ и той частью Азіи, которая лишена выхода къ морю; на западѣ—между обоими рукавами Инда и далѣе между единымъ Индомъ и неимѣющимъ истока Панггонгъ-тсо, между Индомъ и его большимъ притокомъ Шейокъ и, наконецъ, повидимому, еще между Индомъ и Пенджемъ, принадлежащими къ системѣ Аму-Дарьи и Аральскаго моря. Если съ помощью имѣющагося матеріала удастся установить, что Гинду-Кушъ является продолженіемъ Нинъ-ченъ-тангъ-ла, то длина этой громадной горной складки увеличится еще примѣрно на сто шведскихъ миль. Было бы великой и соблазнительной задачей собрать и привести въ порядокъ все то, что извѣстно о восточной и западной частяхъ этой горной цѣпи, и сравнить съ тѣмъ новымъ матеріаломъ, какой полученъ мною. Никто не думалъ, что Нинъ-ченъ-танъ-ла къ югу отъ Тенгри-Норъ представляетъ собой ту же самую цѣпь, которая мощнымъ гребнемъ вздымается южнѣе Панггонгъ-тсо. Страннымъ также кажется и тотъ фактъ, что въ 1907 году,

въ то время, когда весь земной шаръ уже былъ такъ полно изслѣдованъ, удалось, въ буквальномъ смыслѣ слова, открыть систему горъ, тянущуюся на 300 шведскихъ миль—я говорю «открыть», хотя нѣкоторыя части этой системы были извѣстны уже и ранѣе. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что другое подобное открытіе не можетъ имѣть мѣста въ будущемъ, ибо нигдѣ на картѣ земной поверхности не существуетъ такого обширнаго незаполненаго пространства, чтобы на немъ могла помѣститься подобная горная система.

Многіе изъ моихъ друзей въ Индіи удивлялись тому, что мнѣ удалось проѣхать черезъ весь Тибетъ, добраться до Шигатсе и даже проникнуть въ самое сердце города, не встрѣтивъ при этомъ препятствій—и удалось какъ разъ въ такое время, когда страна считалась замкнутой надежнѣе, чѣмъ въ какой-либо другой періодъ. Узнавъ позднѣе о политическомъ характерѣ момента, я и самъ изумился своему успѣху, и теперь все это путешествіе кажется мнѣ сказкой или сновидѣніемъ. Въ этомъ

Западная часть озера «Лаке Лигтенъ» въ сѣв. Тибетѣ.

нѣтъ какой либо заслуги съ моей стороны, и то, что я могъ бы разсказать въ настоящее время, представляетъ собой длинную и запутанную повѣсть. Большой удачей было то, что мы попали какъ разъ во время приготовленій къ празднованію новаго года. Это такой моментъ, когда тибетцы похожи на токующихъ глухарей: они ничего не видятъ и не слышатъ. Переговоры, которые я полтора мѣсяца велъ съ китайскимъ резидентомъ въ Тибетѣ, Тангъ Дариномъ, съ Ліенъ Дариномъ амбаномъ въ Лхассѣ, съ Говъ Далоемъ въ Гьянгтсе и съ двумя представителями тибетскаго правительства,—эти переговоры такъ великолѣпны, что они составятъ чрезвычайно увлекательную и характерную главу въ описаніи моего путешествія. Говъ Далой написалъ мнѣ очень грубо, что я не имѣю никакого права находиться на территоріи Тибета и что если я явлюсь въ Гьянгтсе, то онъ арестуетъ меня и препроводитъ подъ стражей до индійской границы. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прислалъ мнѣ выдержку изъ трактата, заключеннаго между Англіей и Китаемъ; въ этой выдержкѣ значилось, что ни одинъ европеецъ, въ томъ числѣ и англичанинъ, не имѣетъ права, безъ позволенія Китая, вступать на тибетскую территорію. Въ своемъ отвѣтѣ я сравнительно вѣжливымъ тономъ указалъ на то, зачѣмъ они не остановили меня своевременно, если мое присутствіе для нихъ непріятно, теперь же на нихъ самихъ лежитъ отвѣтственность за

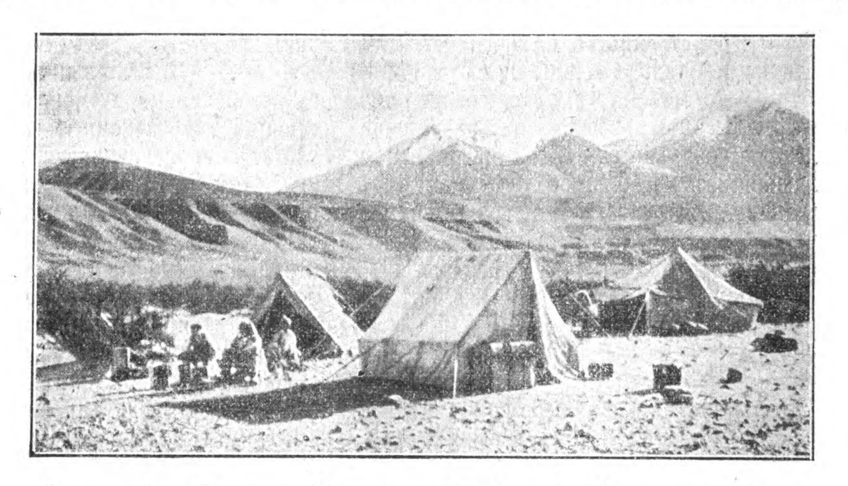
этотъ фактъ, а равно и отвѣтственность за безопасность моего возвращенія. Оба высокопоставленные мандарина изъ Лхассы отвѣтили мнѣ весьма учтивыми письмами и уговаривали меня идти обратно тѣмъ же путемъ, какимъ я пришелъ. Я обѣщалъ сдѣлать это, если они снабдятъ меня 100 лошадьми и провіантомъ на полгода (я зналъ, что они не въ состояніи исполнить это условіе). Тогда китайцы попытались прибѣгнуть къ хитрости. Говъ Далой написалъ, что онъ питаетъ ко мнѣ величайшее довѣріе и совѣтовалъ мнѣ просить у мандариновъ милостиваго позволенія направиться черезъ Гьянгтсе въ Индію. Я не отвѣтилъ ему ни слова и написалъ Тангу, что если меня принудятъ вернуться въ Индію, то всѣ мои 26 слугъ, горные жители Ладака, перемрутъ отъ туземной лихорадки, а такъ какъ эти слуги—англійскіе подданные, онъ самъ долженъ будетъ понести отвѣтственность за послѣдствія. Это помогло. Идти черезъ Гьянгтсе въ Индію я боялся больше всего на свѣтѣ. Если бы я былъ вынужденъ къ этому, то мое пятое путешествіе кончилось бы печально и прервалось бы прежде, чѣмъ была бы разрѣшена половина той задачи, которую предстояло разрѣшить. Тогда посланные изъ Лхассы спросили мои условія, и я сообщилъ имъ, какой путь намѣченъ мною. Мнѣ изготовили открытый листъ. Онъ далеко не удовлетворялъ моимъ желаніямъ, но во всякомъ случаѣ содержалъ значительныя уступки. И я думалъ: лишь только мы отойдемъ подальше отъ Лхассы, мы повернемъ тамъ дѣло по своему. На нѣсколько недѣль мнѣ данъ былъ китайскій конвой. Онъ совсѣмъ не мѣшалъ мнѣ. Напротивъ, это были превосходные и вѣжливые люди, и они какъ слѣдуетъ понукали кочевниковъ. Но я всетаки радъ былъ разстаться съ ними, ибо я предпочиталъ двигаться, сообразно своему желанію. Мы продвинулись къ сѣверо-западу, далеко за границы, предусмотрѣнныя моимъ открытымъ листомъ, перешли Нинъ-ченъ-тангъ-ла и расположились лагеремъ у подножія величественной группы священныхъ глетчеровъ Таргутъ-гангри, близъ южнаго берега Дангра-юмъ-тсо. Но здѣсь насъ задержали двадцать вооруженныхъ людей, находившихся подъ начальствомъ Хладье Тсеринга, и принудили насъ, сообразно нашему открытому листу, двинуться на юго-западъ, при чемъ мы еще разъ перешли новую горную цѣпь. Это была моя вторичная тщетная попытка достичь священнаго озера.

Во время спуска было, между прочимъ, открыто Шуру-тсо, одно изъ крупнѣйшихъ озеръ Тибета. Въ общемъ вся эта поѣздка на сѣверъ имѣла громаднѣйшее значеніе: она дополнила наблюденія, сдѣланныя мною во время зимняго путешествія, и я получилъ возможность составить точную карту запутанной системы притоковъ, которые, подобно вѣтвямъ дерева, окружаютъ Ми-тью и вливаются въ Брамапутру.

На ряду съ этимъ было сдѣлано нѣсколько меньшихъ поѣздокъ на сѣверъ, а также поѣздка на югъ, къ тому мѣсту, гдѣ Таярта-тсанпо, одинъ изъ главнѣйшихъ притоковъ Брамапурты, соединяется съ этой рѣкой. Я имѣлъ въ своемъ распоряженіи лодку и позаботился измѣрить всюду количество воды въ Тсампо и ея притокахъ, чтобы составить обоснованную характеристику гидрографическихъ отношеній. Основательно изслѣдовавъ и изучивъ всѣ относящіеся сюда факторы, я могъ собрать богатый матеріалъ для ознакомленія съ вѣчно мѣняющейся жизнью рѣки на протяженіи всего года,—матеріалъ, касающійся ея замерзанія, вскрытія, прибыли и убыли воды въ ней, ея состоянія въ періодъ дождей и т. д. Въ Савадзангѣ умеръ мой превосходный проводникъ Мухамедъ Иза. Мы торжественно погребли его въ пустынѣ.

Въ Традумѣ, куда мы достигли настрого запрещенными путями, мы познакомились въ лицѣ начальника города съ отъявленнымъ плутомъ. Однако, онъ былъ весьма обходителенъ и любезенъ. Онъ былъ золъ на правительство Лхассы и на мандариновъ и относился ко мнѣ чрезвычайно дружелюбно. Какъ только я попалъ къ нему, я получилъ возможность

идти всюду, куда мнѣ угодно, и изо всѣхъ путей, лежавшихъ передъ мной, я избралъ дорогу, ведущую къ югу. Я уже достаточно ознакомился съ Нин-чен-танг-ла и хотѣлъ осмотрѣть водораздѣлъ сѣверной цѣпи Гималаевъ между Тибетскимъ плоскогорьемъ и Индійской низменностью. Я отправился въ путь со свѣжими лошадьми и съ пятью людьми, перешелъ рѣку и спустился черезъ Коре-ла въ Непалъ. Проходъ возвышается надъ рѣкой приблизительно лишь на сто метровъ и было бы бездѣлицей при помощи канала обратить верхнее теченіе Брамапутры въ притокъ Ганга съ сѣверной стороны. Въ Непалѣ я всетаки не чувствовалъ себя въ безопасности; я сказалъ себѣ, что если я спущусь далѣе, то мнѣ, быть можетъ, помѣшаютъ вернуться назадъ въ Тибетъ. Поэтому, я заблаговре-

Стоянка Свена-Гедина въ Памсалѣ въ сѣв. Ладакѣ, гдѣ еще встрѣчаются кустарники.

менно сдѣлалъ крюкъ, и по-прежнему запретными путями, продолжалъ идти по отрогамъ и долинамъ, которыя спускаются по сѣверному склону Гималаевъ. Эти отроги и долины—очень малы и незначительны, и встрѣчающіеся въ нихъ водные потоки, за нѣсколькими исключеніями, представляютъ собой маленькіе ничтожные ручьи.

Со времени Наинъ Синга и до настоящаго времени, послѣ англійской экспедиціи, рѣка Маріум-тю, идущая далеко на западъ отъ Маріум-ла, разсматривается, какъ первоначальный истокъ Брамапутры. Со своей стороны, я никогда не вѣрилъ этому, ибо считалъ невозможнымъ, чтобы такая большая рѣка могла имѣть свое начало на совершенно низкомъ, сѣдлообразномъ возвышеніи въ продольной долинѣ. Для участниковъ англійской экспедиціи рѣшеніе вопроса было, во всякомъ случаѣ, не такъ легко, потому что они путешествовали зимой, когда страна покрыта снѣгомъ, и всѣ рѣки скованы льдомъ. Для меня рѣшить эту проблему было гораздо легче: я обладалъ лодкой,—я при помощи инструментовъ измѣрилъ всѣ рѣки, образующія Брамапутру, и прослѣдилъ самую большую изъ нихъ до того пункта, гдѣ она сама беретъ начало изъ тающихъ снѣговъ. Здѣсь потоки воды, рождающіеся съ трехъ гигантскихъ глетчеровъ изъ громадной группы глетчеровъ Куби-гангри, несутся внизъ къ Куби-тсанпо,—это и есть Брамапутра.

Я перехожу теперь къ послѣдней и, быть можетъ, наиболѣе интересной части моего путешествія. Изъ Токтіена я отослалъ обратно въ Ладакъ 12 человѣкъ, чтобы имѣть дѣло съ маленькимъ, легкоподвижнымъ караваномъ. Съ этими людьми былъ отправленъ весь лишній багажъ. Я оставилъ себѣ только четырехъ лошадей и двухъ муловъ; люди должны

были идти пѣшкомъ; провизію мы находили у кочевниковъ; я и мой спутникъ А. Робертъ изъ Лагоры, прекрасный малый,—питались исключительно тѣмъ, что давали намъ земля, воздухъ и вода.

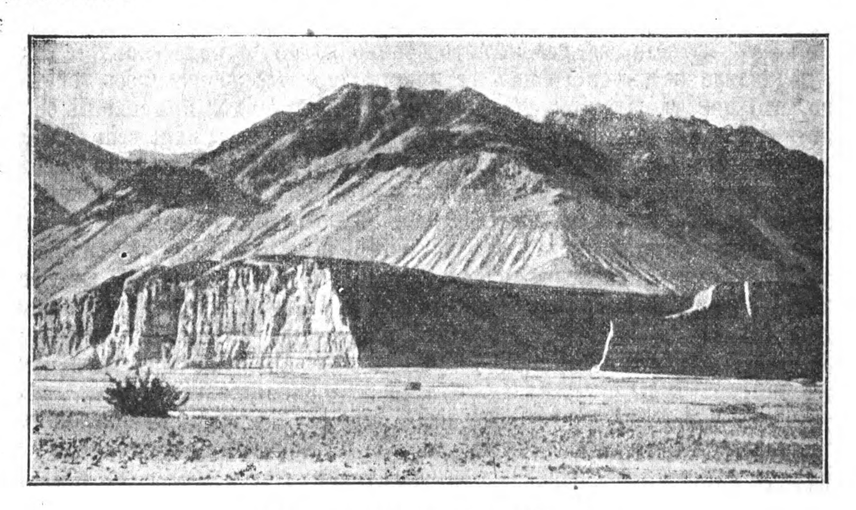
Мы пошли внизъ по теченію и расположились лагеремъ на восточномъ берегу священнаго озера Мансароваръ, священнѣйшаго и славнѣйшаго изъ всѣхъ озеръ земли. Оно представляетъ вожделѣнную цѣль паломничества безчисленныхъ индусскихъ пилигримовъ; оно воспѣто въ религіозныхъ гимнахъ со временъ ведъ; послѣдователями ламаизма оно почитается, какъ родина боговъ. Во время моего пребыванія въ Индіи я получалъ письма отъ индусовъ, просившихъ меня посѣтить это озеро и священную гору Кайласъ (по-тибетски Кангъ-Римпотье), снѣговой куполъ которой возвышается надъ озеромъ съ сѣвера. Мои корреспонденты писали, что если я смогу доставить имъ точное описаніе озера и горы, то они будутъ поминать меня въ своихъ молитвахъ, и ихъ боги пошлютъ мнѣ благословеніе. Пользоваться милостью индусскихъ боговъ уже само по себѣ весьма заманчиво, но была и другая причина, которая еще въ большей степени побуждала меня разбить мою палатку на берегахъ Мансаровара. Стиснутое между двумя высочайшими горами земного шара—Кайласъ на сѣверѣ и Гурла Мандатта на югѣ—и горными цѣпями, надъ которыми эти горы возносятъ свои вершины, вѣчно одѣтыя ослѣпительно бѣлымъ снѣжнымъ покровомъ,—священное озеро имѣетъ почти круглую форму съ діаметромъ около 25 километровъ. Какъ часто я былъ близокъ къ тому, чтобы заплакать отъ радости при видѣ этой изумительно величественной картины! И это неудивительно. Какимъ образомъ могли бы Мансароваръ и Кайласъ стать предметомъ божескаго почитанія для двухъ столь различныхъ религій, какъ религія индусовъ и ламаизмъ, если бы ихъ мощная красота не говорила особенно много человѣческому чувству и не подавляла человѣка своимъ величіемъ, если бы не казалось дѣйствительно, что они скорѣе принадлежатъ небу, чѣмъ землѣ? Купанье въ озерѣ обезпечиваетъ индусу освобожденіе отъ наказанія за грѣхи; если житель Тибета обойдетъ гору или озеро въ направленіи движенія стрѣлки часовъ, то избавляется отъ мукъ адскаго огня и во вѣки вѣковъ будетъ покоиться на колѣнахъ божества и вкушать тсамба съ золотыхъ блюдъ.

На западъ отъ прохода, въ которомъ рождается самый западный рукавъ Брамапутры, подвергающійся затѣмъ на своемъ пути къ югу различнымъ превратностямъ судьбы,—течетъ маленькая рѣчка Таге-тсанпо. На берегахъ ея не былъ еще ни одинъ европеецъ. Во время моего посѣщенія этой мѣстности Таге-тсанпо приносила въ Мансароваръ 11 кубическоихъ метровъ воды въ секунду. Эта рѣчка—значительно больше, чѣмъ всѣ другіе ручьи, вливающіеся въ озеро въ различныхъ направленіяхъ. Въ общемъ итогѣ озеро получаетъ по 31 кубическому метру воды въ секунду. Я пришелъ къ заключенію, что такая масса воды не можетъ испаряться, но что избытокъ ея долженъ подземными путями вытекать изъ озера къ его западному сосѣду Ракасъ-талю.

Прежде чѣмъ разстаться съ Таге-тсанпо, я долженъ прибавить, что у берега ея бьютъ два кристально чистые ключа, окруженные сверкающими гранитными глыбами, а также мачтами и шестами, которые украшены рогами антилопъ, хвостами яковъ и тысячами дощечекъ со священными изреченіями. Когда вѣтеръ проносится по этимъ дощечкамъ, и онѣ колеблются и шелестятъ подъ его дуновеніемъ,—къ горнимъ селеніямъ, лежащимъ далеко за предѣлами земной жизни, возносятся молитвы, дающія счастье и благословеніе дѣтямъ земли. Если путникъ или пилигримъ приближается къ источнику, онъ обѣими руками черпаетъ изъ него воду и льетъ ее себѣ на голову—это предохраняетъ его отъ нападенія разбойниковъ и защищаетъ отъ другихъ несчастій. Ту же воду льетъ путникъ на гриву лошади, и эту лошадь уже никогда не тронетъ волкъ. Больные,

погрузившись съ головой въ эту чудотворную воду, тотчасъ выздоравливаютъ—это Лурдъ въ миньятюрѣ. Я долго сидѣлъ на краю источника, пока мои спутники черпали оттуда воду. Я сидѣлъ и мечтательно прислушивался къ мистической музыкѣ шелестевшихъ подъ порывами вѣтра молитвенныхъ флаговъ и находилъ, что этотъ чудесный Тибетъ становится все чудеснѣе и загадочнѣе съ каждымъ шагомъ, который я дѣлаю впередъ.

Перехожу къ увлекательному вопросу. Я никогда не вѣрилъ, чтобы такая большая рѣка, какъ Сатледжъ, могла брать начало въ той неглубокой и бѣдной влагой долинѣ, къ которой на картахъ относятъ истоки этой рѣки. Уже при первомъ знакомствѣ съ Таге-тсанпо я видѣлъ въ ней не что иное, какъ верхнее теченіе Сатледжа. Таге-тсанпо впадаетъ въ Мансароваръ, избытокъ воды котораго подземнымъ путемъ изливается въ Ракасъ-таль (это мнѣ удалось наблюдать непосредственно). Раньше Сатледжъ вытекалъ изъ Ракасъ-таля; старое русло его существуетъ еще и сейчасъ. Но теперь рѣка отрѣзана отъ озера. Если бы изъ Ракасъ-таля совсѣмъ не было выхода для воды, то озеро, согласно физическимъ законамъ, должно бы было стать соленымъ. Однако, вода его—такая же прѣсная, какъ и вода любого другого источника. Я проѣхалъ по старому руслу, самая высокая часть котораго лежитъ на 10—20 метровъ надъ теперешней поверхностью озера. Если дойти до тѣхъ частей русла рѣки, которыя лежатъ ниже теперяшняго уровня озера, то мы встрѣчаемъ многочисленные бьющіе изъ него ключи, и эти ключи, которые внизъ по теченію рѣки становятся все обильнѣе водою, могутъ быть обязаны своимъ происхожденіемъ только Ракасъ-талю.

Рѣчныя терассы въ Тьянгъ-Тьенмо.

При помощи инструментовъ я произвелъ точное изслѣдованіе разницы высотъ въ обоихъ озерахъ и нашелъ, что Ракасъ-таль на 44 фута глубже, чѣмъ Мансароваръ. Впрочемъ, это число имѣетъ призрачное значеніе, ибо оно несомнѣнно измѣняется по годамъ и по временамъ года. Если разсматривать вопросъ генетически, Таге-тсанпо представляетъ верховье Сатледжа, и то обстоятельство, что въ двухъ мѣстахъ на весьма короткомъ промежуткѣ рѣка течетъ подъ поверхностью земли,—не мѣняетъ дѣла. Во всякомъ случаѣ наступитъ день, когда верхнее теченіе будетъ отрѣзано, когда озера, которыя теперь фактически опускаются, будутъ лишены истока, когда Ракасъ-таль, подобно Пангонгъ-тсо, будетъ отрѣзанъ отъ системы Инда и, подобно названному озеру, станетъ соленымъ. Весь

Тибетъ находится въ періодѣ десиккаціи (постепеннаго осушенія), и всѣ его озера теряютъ влагу. Теперь избытокъ воды просачивается сквозь слои песка и кругляка, но современемъ уровень озера опустится такъ низко, что оно будетъ окружено слоемъ ледниковой и аллювіальной глины, и тогда Ракасъ-таль отдѣлится отъ системы Инда.

Цѣлый мѣсяцъ провели мы на берегахъ Мансаровара. Я наблюдалъ, какъ индусы при восходѣ солнца совершали свои сложныя ритуальныя купанья и омовенія—тѣ же сцены, какъ и въ Бенаресѣ. При помощи многочисленныхъ измѣреній мною произведено было точное изученіе озера, была изслѣдована его глубина, строеніе дна и береговъ. Здѣсь, я ограничусь лишь указаніемъ, что наибольшая глубина находится въ юго-западной части озера и достигаетъ 81,8 метра. Я проплылъ вокругъ всего озера, чтобы ознакомиться съ контурами его береговъ, и посѣтилъ всѣ восемь „гунпасъ", или монастырей, расположенныхъ вокругъ озера. Мною было предпринято также нѣсколько подъемовъ на горы, съ главной цѣлью—измѣрить количество воды, стекающей въ Мансароваръ съ окрестныхъ горъ.

Я не располагаю сейчасъ достаточнымъ временемъ, чтобы описать всѣ опасныя приключенія, какія пришлось пережить мнѣ и двумъ гребцамъ, отправившимся со мной на маленькой складной лодочкѣ. Я понималъ, конечно, какъ рискованно было плаваніе по такому большому озеру на нашей орѣховой скорлупкѣ. Но я хотѣлъ осмотрѣть священнѣйшее изъ озеръ земли, и ничто не удерживало бы меня отъ этого намѣренія. Первые два дня мы выжидали. Днемъ дулъ довольно сильный вѣтеръ, стихавшій къ ночи. Яркимъ свѣтомъ заливала луна зеркальную поверхность, когда въ девять часовъ вечера мы отчалили отъ берега, чтобы пройти первую и самую длинную линію измѣреній. Намъ понадобилось 16 часовъ, чтобы сдѣлать 28 километровъ: гребцы были еще новичками въ этомъ дѣлѣ, и къ утру они выбились изъ силъ. Изъ всѣхъ картинъ, какія я видѣлъ за годы моихъ скитаній, ни одна не сравнится съ исключительной красотой этой ночной поѣздки. Здѣсь я какъ бы слышалъ тихіе и въ то же время мощные удары сердца природы, слышалъ, какъ его біеніе замираетъ въ объятіяхъ ночи и оживаетъ вновь при блескѣ утренней зари. Какъ будто этотъ ландшафтъ, мѣнявшійся по мѣрѣ того, какъ медленно тянулись часы, не принадлежалъ землѣ, а находился за самыми крайними предѣлами необозримаго мірового пространства—гораздо ближе къ небу, таинственному сказочному царству грезъ и фантазіи, надежды и блаженства, чѣмъ къ землѣ со всѣми ея людьми и грѣхами, ея суетой и мишурой. Мѣсяцъ описывалъ свою дугу, и серебристый путь дрожалъ и струился подъ ударами веселъ. Каждыя двадцать минутъ я измѣрялъ глубину и отмѣчалъ температуру воды на днѣ и на поверхности и температуру воздуха—все это при свѣтѣ фонаря, который я закрывалъ въ промежуткахъ. Полночь миновала, близилось утро. Горы на востокѣ одѣлись легкимъ туманомъ, и вдругъ ихъ силуэты выступили такъ рѣзко, какъ будто они были вырѣзаны изъ черной бумаги. Съ востока шелъ день, и владычество ночи было сломлено. Нужно было бы обладать волшебной кистью и заколдованными красками, что изобразить картину, которая представилась моему взору въ тотъ моментъ, когда первые золотые лучи восходящаго солнца упали на вершину Гурла-Мандатта. Въ побѣдоносномъ свѣтѣ зари гора съ ея снѣжными полями и кружевомъ льдовъ представлялась еще бѣлой и холодной—теперь же самые верхніе зубцы вершины засверкали пурпуромъ, какъ расплавленное желѣзо. И этотъ пурпурный покровъ медленно спускался по склонамъ горы, легкія и бѣлыя утреннія облачка, рѣявшія значительно ниже вокругъ горы, подобно кольцу Сатурна, и отбрасывавшія на нее тѣнь,—въ свою очередь стали золотыми и багряными, какъ пурпурная мантія, описать которую не дано ни одному смертному. Вотъ

появился дискъ солнца, и дневной свѣтъ разлился по всему озеру. Послѣ пронизывающаго холода ночи стало тепло и радостно. Четыре раза пришлось намъ преодолѣть натискъ бури, но это были лишь короткіе порывы, не помѣшавшіе намъ переплыть озеро. Тридцать одинъ часъ я провелъ безъ перерыва за работой и даже не вспомнилъ о своей палаткѣ, когда мы, наконецъ, заснули на западномъ берегу.

Проходя третью линію измѣреній, мы принуждены были выдержать жестокую бурю, въ которой едва не погибло наше утлое суденышко. Позднѣе я узналъ, что ламы храма Тугу-гунпасъ, откуда мы отправились въ путь, видя какъ треплетъ буря нашу ладью, начали сожигать благовонныя куренья и молить боговъ Тсо Маванга (Мансаровара), чтобы они избавили насъ отъ ярости волнъ. Рѣдко случалось, чтобы другіе знаки симпатіи и сочувствія такъ горячо трогали мое сердце.

Оставимъ теперь священное озеро. О немъ одномъ я могъ бы написать большую и толстую книгу; уже обзоръ восьми окружающихъ его монастырей занялъ бы нѣсколько главъ. Но у меня нѣтъ для этого времени; я долженъ перейти къ дальнѣйшему—къ моей поѣздкѣ по озеру Ракасъ-таль (по тибетски Лангакъ-тсо).

(Окончаніе слѣдуетъ).

Отвѣты.

Подп. Лысянскому. Сердечное спасибо за стихотворенія, которыя вы посвятили В. Б., но конечно, печатать ихъ нельзя.

Подп. Вас. Мих. Алкявкину (неразборчиво).—Изъ рабочихъ въ канцелярскіе писцы не совѣтуемъ, да и осуществленіе при этихъ условіяхъ идеала „учиться и учить“, къ которому вы стремитесь,врядъ ли возможно. Ужъ если сходить съ теперешней дороги, то на прямую дорогу народнаго учителя.

Подп. П. А. Попову.—Вопросъ о новомъ языкѣ, якобы болѣе удобномъ, чѣмъ эсперанто, сложнѣе, чѣмъ вы думаете. Вѣдь дѣло не въ томъ, лучше ли новый языкъ, а въ томъ, можно ли разсчитывать на его распространеніе. Эсперанто уже довольно распространился, естественная эволюція этого языка не тормозится, а регулируется особымъ комитетомъ, который слѣдитъ за тѣмъ, чтобы этотъ языкъ не искажался провинціализмами и оставался, такимъ образомъ, понятнымъ всѣмъ народамъ. Эсперанто уже имѣетъ литературу и немало лицъ, владѣющихъ этимъ языкомъ; наконецъ, онъ становится торговымъ языкомъ. Новый языкъ,—предположивъ даже, что онъ много легче и что онъ быстро сталъ бы распространяться,—не сталъ бы международнымъ, такъ какъ одна уже мысль, что завтра можетъ быть изобрѣтенъ другой новый языкъ, еще болѣе легкій, способна отбить охоту изучать этотъ языкъ. Надо держаться эсперанто потому, что онъ уже международный языкъ, что онъ достаточно совершененъ для цѣлей международныхъ сношеній, и что естественная его эволюція находится подъ контролемъ особой коммиссіи лицъ компетентныхъ. Всякія попытки созданія новаго языка въ настоящее время вредны, такъ какъ онѣ вносятъ сумятицу въ головы непосвященныхъ...

Подп. изъ Нахичевани. — Почему бы вамъ не написать своихъ соображеній во „Взаимопомощи“?

Подп. К. Второву.—Получено. Спасибо.

Подп. Евсею Федеру. О перемѣнѣ адреса см. на оборотѣ титула. На другой вопросъ отвѣтъ могъ бы быть только очень длинный и всетаки не удовлетворилъ бы васъ, такъ какъ созданіе такого журнала дѣло настолько нелегкое, что оно не удавалось до сихъ поръ никому, и вамъ, конечно, не по силамъ. Лучше попытайтесь, вмѣстѣ съ товарищами попробовать въ этой области свои силы во „Взаимопомощи“.

Подп. А. П. Груздеву, Кохма. — Очень рады, что журналъ удовлетворяетъ и рабочихъ. По одному номеру, однако, судить нельзя. Напишите намъ, какъ нравятся дальнѣйшіе номера.

Подп. Карлъ Говъ, Одесса. Не удивительно, что вашу фамилію все перевираютъ, такъ какъ вы, по обыкновенію многихъ, все пишете очень разборчиво, даже на машинѣ, а фамилію съ росчерками... Мы и теперь не увѣрены, правильно-ли напечатано. Ваша идея очень интересна и мы ее изложили въ передовой.

С. О. Грузенбергъ.

Къ обоснованію философскаго критицизма.

Вышедшая недавно отдѣльнымъ изданіемъ небольшая, но въ высшнй степени цѣнная монографія профессора Петербургскаго университета А. И. Введенскаго „Новое и легкое доказательство философскаго критицизма“ (СПБ. 1909) отмѣчаетъ совершенно новое русло въ исторіи русскаго неокантіанства: съ этой стороны новый выдающійся трудъ едва ли не самаго крупнаго изъ современныхъ представителей этого теченія въ нашей литературѣ пріобрѣтаетъ высокій научный интересъ не только благодаря новизнѣ конструкціи философскаго критицизма, но и какъ своеобразная попытка обосновать положенія Кантовой философіи на новыхъ гносеологическихъ предпосылкахъ.

Оригинальная черта теоріи А. И. Введенскаго заключается въ томъ, что предполагаемая имъ новая конструкція философскаго критицизма, необычайно простая и ясная по художественной архитектоникѣ своей, приводитъ чисто аналитическимъ путемъ—и при томъ совершенно независимо отъ кантовскихъ предпосылокъ и доказательствъ—къ строго научной апологіи Кантовской теоріи познанія и творческой переработкѣ ея основныхъ положеній. Задача философскаго критицизма *) и понынѣ отмѣчающаго наиболѣе крупное русло философскаго теченія въ Россіи и Германіи, сводится въ конечномъ итогѣ къ слѣдующему вопросу: если допустить, какъ фактъ, что математика и естествознаніе и впрямь образуютъ достовѣрное знаніе, то *каковы тѣ условія*, которыя дѣлаютъ логически позволительнымъ такое допущеніе, сообщая логическую правомѣрность нашей увѣренности въ достовѣрности математики и естествознанія?

Кантовское рѣшеніе этой проблемы сводится, въ краткихъ чертахъ, къ слѣдующимъ выводамъ:

I. Предметъ математики и естествознанія—время, пространство и все вообще данныя внутренняго и внѣшняго опыта раскрываютъ передъ нами не истинную сущность вещей, каковы онѣ сами по себѣ, т. е. *безотносительно къ* намъ, а всего лишь наши представленія о вещахъ, т. е. внѣш-

---

*) Характеристику философскаго критицизма и современныхъ его развѣтвленій читатель найдетъ въ блестящей статьѣ проф. А. И. Введенскаго „Что такое философскій критицизмъ“ („Новое Слово“ 1909 г. кн. I).

нюю оболочку, изнанку вещей, какъ онѣ отпечатлѣваются въ нашемъ сознаніи, преломляясь въ призмѣ нашихъ представленій въ зависимости отъ своеобразной организаціи нашего интеллекта (или—выражаясь языкомъ Канта—не самыя „вещи въ себѣ“, а всего лишь „явленія“, т. е. внѣшнія закономѣрныя обнаруженія, чувственные отпечатки, копіи истинныхъ сущностей, или „вещей въ себѣ“).

Къ такому выводу,—учитъ Кантъ,—логически неизбѣжно приводитъ насъ самый фактъ нашей непоколебимой увѣренности въ достовѣрности математики и естествознанія, какъ науки, такъ что,—какъ формулируетъ этотъ тезисъ профессоръ А. И. Введенскій,—„если мы убѣждены въ достовѣрности математики съ естествознаніемъ, то обязаны считать всѣ изучаемые ими предметы всего лишь явленіями (т. е. представленіями о бытіи), а не вещами въ себѣ (не истиннымъ бытіемъ)“.

II. Никакая метафизика въ смыслѣ знанія о „вещахъ въ себѣ“ не въ правѣ притязать на авторитетъ науки: всѣ притязанія метафизики—познать истинную сущность вещей („вещей въ себѣ“) завѣдомо обречены на полную безплодность и несостоятельность, такъ какъ вещи въ себѣ, будучи непознаваемыми (не по своей природѣ, а по природѣ нашихъ познавательныхъ способностей), навсегда сокрыты отъ насъ: не только природа, но даже и самый фактъ существованія „вещей въ себѣ“ остается для насъ безнадежно неразрѣшимой загадкой.

III. Признавъ знаніемъ математику, естествознаніе и метафизику, мы тѣмъ самымъ логически неизбѣжно вынуждены признать полную несостоятельность всякой вообще метафизики, какъ знанія о вещахъ въ себѣ, „ибо,—какъ поясняетъ авторъ,—тѣ самыя условія, которыя создаютъ право считаться знаніемъ для математики и естествознанія, они-то и служатъ непреодолимымъ препятствіемъ для метафизики считаться знаніемъ“.

Такова въ краткихъ чертахъ сущность философскаго критицизма, „если отбросить въ немъ все вторичное, т. е. и все дополнительное, и все выводное, а ограничиться лишь его основными пунктами“.

Вмѣсто крайне громоздкаго аппарата сбивчивыхъ и противорѣчивыхъ аргументовъ Канта, какъ они изложены въ его „Критикѣ чистаго разума“ и „Пролегоменахъ ко всякой метафизикѣ, возможной въ смыслѣ науки будущаго“, аргументовъ,—представляющихъ подчасъ неодолимыя трудности даже для серьезно подготовленнаго читателя, проф. А. И. Введенскій—въ этомъ, собственно, и заключается оригинальность его творчества и высокая научная цѣнность его стройной теоріи—предлагаетъ дѣйствительно „новое и легкое доказательство философскаго критицизма“, доказательство,—необычайно изящное по своей чисто художественной архитектоникѣ и пластической ясности.

По словамъ автора „критицизмъ очень легко можетъ быть доказанъ посредствомъ разсмотрѣнія способа дѣйствія логическихъ законовъ мышленія“—т. е. съ той именно перспективы, которая напередъ заявляетъ отводъ противъ всѣхъ вообще напередъ данныхъ догматовъ философской вѣры, примиряя враждебныя школы и теченія самыхъ разнообразныхъ философскихъ толковъ (матеріализмъ, спиритуализмъ, эмпиризмъ, солипсизмъ, панпсихизмъ и т. д.).

Такова постановка вопроса.

Любопытна своеобразная и необычайно стройная по гибкости неотразимой діалектики аргументація автора:

Если допустить, что математика и естествознаніе и впрямь образуютъ достовѣрное знаніе, то такое допущеніе логически позволительно лишь подъ тѣмъ неотъемлемымъ условіемъ, „чтобы мы имѣли неоспоримое право пользоваться въ нихъ умозаключеніями“. Въ противномъ случаѣ (если бы мы хотя на минуту усомнились въ этомъ неоспоримомъ правѣ), мы неизбѣжно лишились бы права считать знаніемъ всякую теорему, всякій законъ природы, такъ какъ, вѣдь, и математическія положенія, и законъ природы устанавливаются нами не иначе, какъ черезъ посредство умозаключеній; а такъ какъ умозаключенія

„обусловлены логическими законами мышленія“ и представляютъ собой не что иное, какъ „особые случаи проявленія дѣйствія этихъ законовъ“, то никакія умозаключенія недопустимы тамъ, гдѣ нельзя (т.-е. логически непозволительно) опереться на логическіе законы мышленія. Отсюда явствуетъ, что для рѣшенія вопроса: не препятствуютъ ли условія, (логически) позволяющія считать математику и естествознаніе знаніемъ, признавать таковымъ (знаніемъ) метафизику?—необходимо сперва изслѣдовать логическую природу законовъ мышленія, т. е. выяснить въ первую голову слѣдующій вопросъ: „каковы они по способу своего дѣйствія—естественные или нормативные?“ „Естественными законами“ авторъ называетъ „тѣ законы, которые дѣйствуютъ сами собой, независимо отъ нашего умысла и даже часто вопреки нашему желанію“ (законъ тяжести), а подъ „нормативными законами или нормами“ слѣдуетъ по терминологіи автора,—разумѣть „такіе законы, исполненіе или неисполненіе которыхъ зависитъ отъ насъ самихъ, отъ нашего умысла“ (государственный законъ).

Вопреки традиціонной классификаціи четырехъ основныхъ логическихъ законовъ мышленія (законовъ исключеннаго третьяго, достаточнаго основанія, тожества и противорѣчія), относящей заразъ всѣ эти законы либо къ естественнымъ, либо къ нормативнымъ, авторъ полагаетъ, что они—„отчасти естественные, а отчасти—нормативные“.

Законъ исключеннаго третьяго (согласно коему, данное сказумое либо утверждается, либо отрицается относительно своего подлежащаго) обнаруживаетъ всѣ признаки естественнаго закона: утверждая или отрицая данное сказуемое относительно его подлежащаго, законъ этотъ toto genere исключаетъ возможность такой третьей связи между ними, которая могла бы замѣнить собою утвержденіе или отрицаніе, и тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ о чисто естественной (не зависящей отъ нашей воли) невозможности допустить такое третье соотношеніе между подлежащимъ и сказуемымъ. „Мы—по словамъ автора,—дѣйствительно не въ состояніи мыслить такое отношеніе, которое оказалось бы ни утвердительнымъ, ни отрицательнымъ... и какъ бы мы ни старались, мы прямо-таки не въ силахъ придумать его. Болѣе того: мы не въ состояніи понять, въ чемъ оно могло бы состоять“...

Въ такой же мѣрѣ бросается намъ въ глаза и естественный характеръ закона тожества: „мы прямо-таки не въ силахъ при всемъ нашемъ желаніи поставить себя въ такія условія, чтобы продолжать мыслить данную мысль и все-таки не отожествлять ее съ ней самой“; стоитъ намъ попробовать хотя бы на минуту прекратить такое отожествленіе, какъ тотчасъ же „прекратится и мышленіе о данномъ понятіи“.

Напротивъ,—законъ достаточнаго основанія—чисто нормативный законъ. Предписывая намъ не соглашаться ни съ одной мыслью до тѣхъ поръ, пока намъ не приведутъ основанія, достаточнаго для того, чтобы принудить насъ согласиться съ данной мыслью, законъ этотъ отнюдь не исполняется нашимъ мышленіемъ самъ собою, т. е. независимо отъ нашей воли или даже вопреки ей; напротивъ, мы—по словамъ автора—„систематически, путемъ упорныхъ и трудныхъ стараній должны пріучить себя къ основательности, къ привычкѣ соглашаться только съ такими мыслями, для которыхъ извѣстны основанія, достаточныя, чтобы принудить насъ соглашаться съ ними“; не принудительная сила, а лишь сознаніе полезности исполненія этого закона заставляетъ насъ соблюдать его; въ сущности, вѣдь, и задача школьнаго преподаванія сводится къ тому, чтобы пріучить насъ къ основательности, воспитать ее въ нашемъ мышленіи, т. е. привить намъ привычку—соблюдать этотъ законъ, столь полезный для объясненія правилъ умозаключенія.

Гораздо сложнѣе четвертый логическій законъ мышленія—законъ противорѣчія или—какъ называлъ его Гамильтонъ—„законъ непротиворѣчія“. Анализъ этого послѣдняго закона и составляетъ центральный пунктъ всѣхъ соображеній и оригинальныхъ построеній автора. Законъ этотъ носитъ двойственный

характеръ и, по ближайшемъ анализѣ, оказывается заразъ и естественнымъ, и нормативнымъ. Съ одной стороны, какъ показываетъ самонаблюденіе, мы прямо-таки не можемъ представить себѣ осуществленнымъ какое-либо противорѣчіе, допустить, напримѣръ, что солнце одновременно и существуетъ, и не существуетъ; съ другой стороны, однако, законъ этотъ носитъ какъ будто чисто нормативный характеръ.

Какъ показываетъ опытъ „намъ приходится стараться избѣгать противорѣчія въ своихъ мысляхъ, а оно еще не устраняется и не исключается изъ нихъ само собою, какъ это дѣлается съ тѣмъ третьимъ отношеніемъ сказуемаго къ подлежащему, которое запрещается закономъ исключеннаго третьяго“. Уже тотъ фактъ, что намъ приходится инстинктивно дѣлать надъ собой извѣстное усиліе, чтобъ избѣжать противорѣчія, воочію свидѣльствуетъ о томъ, что законъ этотъ—не естественный, а нормативный. Чѣмъ-же объясняется такой двойственный характеръ закона противорѣчія? Ключъ къ объясненію этого явленія кроется въ смѣшеніи понятій „представленіе“ и „мышленіе“. По словамъ автора, „надо отличать представленіе и мышленіе; психологическій составъ того и другого переживанія безразличенъ для нашихъ соображеній, но намъ важенъ фактъ существованія какой-то разницы между мышленіемъ и представленіемъ... Эта разница съ полной ясностью обнаруживается въ томъ, что мы можемъ даже ясно мыслить и то, чего не въ силахъ представить, хотя-бы и смутнымъ образомъ... Мы можемъ мыслить, и при томъ—съ величайшей ясностью, — и то, о чемъ вовсе не имѣемъ никакого представленія, даже и неяснаго; напримѣръ: мы можемъ съ полной ясностью мыслить четырехмѣрное пространство, доказывать теоремы о немъ, не взирая на то, что у насъ нѣтъ вовсе представленія такого пространства, можемъ мыслить Бога, душу, платоновы идеи, не будучи, однако, въ состояніи представить ихъ себѣ.

Стоитъ намъ отрѣшиться отъ этой иллюзіи—непримѣтнаго для насъ самихъ смѣшенія понятій „мышленіе“ и „представленіе“,—и законъ противорѣчія тотчасъ-же утрачиваетъ свой мнимо двойственный характеръ: „если мышленію доступно то, что рѣшительно недоступно представленію, то естественный законъ представленій еще не долженъ быть естественнымъ закономъ мышленія... Законъ противорѣчія, несомнѣнно, составляетъ естественный законъ представленій, но, какъ законъ мышленія, онъ—законъ нормативный. Дѣйствительно, противорѣчіе непредставимо и неосуществимость его для представленій—чисто естественный фактъ; но мыслить противорѣчіе мы въ состояніи: такъ, мы въ состояніи мыслить, хотя и не въ состояніи представить, круглый квадратъ, тріединаго Бога; мы понимаемъ, что значитъ каждое изъ этихъ названій, слѣдовательно—мы мыслимъ обозначаемыя ими понятія, хотя въ нихъ, несомнѣнно, содержится противорѣчіе“. Въ самомъ дѣлѣ: не будь мы въ состояніи мыслить, напримѣръ, круглый квадратъ, тріединаго Бога, мы не могли-бы, очевидно, и разъяснить наглядными примѣрами, въ чемъ состоитъ понятіе тріединаго Бога, круглаго квадрата и т. п. Не мышленіе, а всего лишь представленіе подчинено закону противорѣчія; поэтому, законъ противорѣчія, будучи естественнымъ закономъ представленій, составляетъ въ то же время нормативный законъ мышленія; иллюзія двойственнаго характера этого закона объясняется смѣшеніемъ не только понятій, но и терминовъ „мыслимый“ и „представимый“: „слово «немыслимо» обозначаетъ сразу и неосуществимость чего-либо для мышленія, и логическую непозволительность мыслить то, что фактически мыслимо“.

Тенденція подчинять мышленіе совершенно чуждому ему закону представленій объясняется тѣмъ, что „мы обыкновенно провѣряемъ результаты мышленія представленіями, обыкновенно считаемъ несуществующимъ то, что непредставимо... Нужно не мало критицизма, чтобы отвыкнуть думать, будто бы непредставимое не можетъ существовать; если-же такъ, если, провѣряя мыш-

леніе представленіями, мы при этомъ стремимся согласовать мышленіе съ представленіями, то вполнѣ понятно, что законъ противорѣчія, будучи естественнымъ закономъ представленій, становится въ нашихъ глазахъ нормой мышленія"...

Что касается умозаключеній, то и они точно также почерпаютъ санкцію своей достовѣрности въ довѣріи къ закону противорѣчія: „вѣдь, выводъ любого правильнаго умозаключенія становится обязательнымъ для насъ вслѣдствіе нашего согласія съ посылками лишь постольку, поскольку мы противорѣчіе считаемъ неосуществимымъ". Но гдѣ порука въ неосуществимости противорѣчія? Порука эта—единственно лишь въ неосуществимости противорѣчія въ представленіяхъ, поскольку они подчинены естественному закону противорѣчія—стремясь согласовать мышленіе съ представленіями, мы преднамѣренно подчиняемъ его совершенно чуждому ему закону представленій—закону противорѣчія.

„До сихъ поръ мы могли относиться ко всѣмъ даннымъ опыта (и къ пространству, и къ времени, къ внутреннему, и къ внѣшнему міру) какъ угодно: считать-ли ихъ истиннымъ бытіемъ, вещами въ себѣ, какъ это дѣлаетъ наивный реализмъ, или какъ-нибудь иначе—это безразлично. „Но теперь—говоритъ проф. А. И. Введенскій—наступаетъ моментъ, когда мы приходимъ къ обязанности разсматривать ихъ по-кантовски, если хотимъ сохранить убѣжденіе въ достовѣрности математики и естествознанія".

Этотъ важный выводъ логически неизбѣжно вытекаетъ изъ анализа закона противорѣчія: умозаключенія логически позволительны лишь о представленіяхъ и совершенно непозволительны о вещахъ въ себѣ, поскольку онѣ непредставимы, т. е. ускользаютъ отъ нашихъ представленій; умозаключая о вещахъ въ себѣ, мы неизбѣжно должны опираться въ своихъ умозаключеніяхъ на законъ противорѣчія, господство коего надъ вещами въ себѣ завѣдомо недоказуемо, „поэтому—говоритъ проф. А. И. Введенскій—наши умозаключенія о такихъ предметахъ, т. е. о вещахъ въ себѣ, не могутъ имѣть никакого обязательнаго значенія".

Отсюда логически неизбѣжно вытекаетъ признаніе завѣдомой непознаваемости вещей въ себѣ, — тезисъ, составляющій краеугольный камень всей критической философіи.

Отсюда съ тою же логической неизбѣжностью вытекаетъ и другой важный тезисъ философскаго критицизма: такъ-какъ знаніе о вещахъ въ себѣ или хотя-бы только о самомъ фактѣ ихъ существованія невозможно безъ посредства умозаключеній, а умозаключенія позволительныя лишь о представленіяхъ, утрачиваютъ всякій raison d'être въ отношеніи вещей въ себѣ, то о метафизикѣ въ смыслѣ знанія о вещахъ въ себѣ не можетъ быть и рѣчи: всякая метафизика, поскольку она притязаетъ на ореолъ науки, завѣдомо несостоятельна.

Отсюда, въ свою очередь, вытекаетъ слѣдующій выводъ: если математика и естествознаніе и впрямь образуютъ достовѣрное (строго научное) знаніе, то всѣ предметы, изучаемые этими науками, т. е. время, пространство и всѣ вообще данныя внутренняго и внѣшняго опыта (включая сюда и внутреннія воспріятія насъ самихъ) — не вещи въ себѣ, а всего лишь наши представленія о вещахъ. Нѣтъ и не можетъ быть науки о вещахъ въ себѣ; поле научнаго знанія исчерпывается исключительно лишь областью явленій, т. е. нашихъ неизбѣжныхъ представленій о вещахъ.

Изъ непознаваемости вещей въ себѣ вытекаетъ полная невозможность не только доказать, но и опровергнуть ихъ бытіе. Такъ какъ бытіе вещей въ себѣ въ равной мѣрѣ недоказуемо и неопровержимо, то логически позволительно считать всякую метафизику вѣрой: въ этомъ смыслѣ никому не возбраняется исповѣдывать любую метафизику какъ вѣру, но вѣру не слѣпую, не догматическую („credo, quia absurdum est"—„я вѣрую, потому что это абсурдъ"—слова Тертуліана), а критическую, т. е. свободную отъ всякихъ опасеній впасть въ противорѣчіе съ наукой. Поэтому, если какія-либо побужденія (мо-

ральныя, эстетическія) въ экономіи духовныхъ силъ человѣка властно требуютъ, постулируютъ признаніе завѣдомо недоказуемыхъ, но за то и неопровержимыхъ вещей въ себѣ (напр. Бога, души, свободы воли), то наука логически не въ правѣ налагать свое veto на такую вѣру, не въ правѣ воспретить намъ увѣровать по моральнымъ побужденіямъ въ существованіе такихъ „трансцендентныхъ“ (т. е. выходящихъ за предѣлы опыта и посему недоступныхъ нашему познаванію) вещей. Въ этомъ, но и только въ этомъ смыслѣ всякая метафизика дозволительна не какъ знаніе, а всего лишь какъ морально обоснованная вѣра. Въ этомъ же смыслѣ и самъ творецъ „Критики чистаго разума“ называлъ свою нравственную философію не наукой, а морально обоснованной вѣрой, неуязвимой для науки.

Такимъ образомъ, отправляясь отъ анализа логическихъ законовъ мышленія, талантливый авторъ пришелъ совершенно независимо отъ предпосылокъ Канта къ тѣмъ же выводамъ о гносеологической цѣнности математики, естествознанія и метафизики, что и творецъ „Критики чистаго разума“.

Семенъ Грузенбергъ.

Отвѣты.

Подп. А. Джалагонія. „Бирж. Вѣд.“ — первое изданіе—стоитъ въ годъ 10 р. Адресъ главной конторы: Галерная ул., соб. домъ, № 40.

Подп. Домашней библіотеки членовъ Тюменской почт.-тел. конторы. Книгу Н. Рубакина „Среди книгъ“ можно выписать, какъ уже не разъ заявлялось, черезъ нашу контору, которая доставляетъ всѣ имѣющіяся въ продажѣ изданія.

Подп. Платнировскому 2-хъ классному Александровскому училищу. Въ Кіевѣ: „Высшіе женскіе курсы, съ медицинскимъ отдѣленіемъ (правительственные)“, „Частные женскіе историко-литературные и общеобразовательные курсы“, „Частный Фребелевскій институтъ“; „Самаритянскіе женскіе курсы (медицинскіе)“, „Курсы для подготовки учительницъ рукодѣлія“, „Коммерческій институтъ“ (для лицъ обоего пола) и „Частные кіевскіе техническіе курсы“ (для лицъ обоего пола). Въ Одессѣ: „Высшіе женскіе курсы“, „Женскіе педагогическіе курсы“. Подробные адреса этихъ учебн. заведеній намъ неизвѣстны, но достаточно указать городъ,—почта найдетъ адресата.

Подп. № 27420. Для поступленія въ „Училище судовыхъ механиковъ торговаго флота“ (въ Петербургѣ) требуется: 1) окончаніе курса приготовительной мореходной школы, или городского училища по Положенію 31 мая 1872 г., или выдержаніе соотвѣтствующаго экзамена, 2) возрастъ не менѣе 15 лѣтъ и 3) совершеніе пробнаго плаванія въ морѣ не менѣе двухъ мѣсяцевъ. Для поступленія въ одно изъ земледѣльческихъ средне-учебн. заведеній требуется имѣть не болѣе 16½ лѣтъ—если поступать въ первый классъ,—слѣдовательно, это для васъ недостижимо. Есть на южномъ берегу Крыма „Никитское училище садоводства и винодѣлія“ (при Императ. Никитскомъ садѣ),—туда можно поступить и въ вашемъ возрастѣ,—для этого необходимо выдержать при поступленіи экзаменъ за двухклассное сельское училище, или—что труднѣе — за уѣздное или городское училище; плата на полномъ содержаніи 175 р. въ годъ, а если у васъ будетъ свое платье, обувь и бѣлье, то 125 р.

Подп. А. Крюкову. Если вы имѣете знакомыхъ среди студентовъ, то найдете очень недорогого репетитора и сможете прожить въ Москвѣ на 30—35 р. въ мѣсяцъ. Сколько времени понадобится вамъ для подготовки къ аттестату зрѣлости—сказать трудно: все будетъ зависѣть отъ вашихъ способностей прилежанія и умѣнья репетитора руководить вашими занятіями.

— **Подписч. А. Осипову.** „Лига Образованія“ ставитъ своею цѣлью содѣйствіе постановкѣ образованія въ Россіи, включаетъ въ кругъ своихъ интересовъ общее образованіе на всѣхъ его ступеняхъ: высшее, среднее, низшее и такъ называемое внѣшкольное образованіе, занимается теоретической разработкой вопросовъ образованія, проведеніемъ ихъ въ жизнь и основаніемъ различныхъ учрежденій, соотвѣтствующихъ ея цѣлямъ“. Такъ гласятъ офиціальныя свѣдѣнія. Адресъ: Большая Конюшенная, д. 1. СПБ.

— **Подписч. Н. Хорошавину.** Можемъ указать: Безчинскій, А. „Путеводитель по Крыму“. Изд. „Рус. м.“ СПБ. 1903 г. 1 р. 50 к.—Юрьевъ. „На южномъ берегу Крыма“. Изд. Вcход. СПБ. 25 коп.—Мечъ С. „Кавказъ“ 3-е изд., 50 коп. М. 93 г. Пахомовъ. „Путевые очерки Кавказа“. Изд. Всход. СПБ. ц. 25 к.—Надеждинъ. „Кавказскій край, природа и люди Кавказа“. 901 г.—2 р. 50 к. Марковъ Е. „Очерки Крыма“. Изд. 3-е СПБ. 1902 г. ц. 5 р.

Г-жа Зеннуръ.

Г-жа Зеннуръ.

Роль турецкой женщины въ турецкой революціи.

Событія послѣдняго времени привлекають къ Турціи взоры всѣхъ. Мы позволяемъ себѣ напомнить нашимъ читателямъ страничку изъ Пьера Лоти, гдѣ онъ описываетъ Константинополь въ дни конституціи 1876 г. Великій писатель былъ тогда въ Стамбулѣ съ Азіадэ, жившимъ въ святомъ кварталѣ Эюбъ (имя сотоварища пророка), его любимой части города. Ниже помѣщенъ отрывокъ изъ этихъ воспоминаній, говорящихъ о прошломъ того движенія, которое нынѣ одержало побѣду. Что же касается слѣдующихъ непосредственно строкъ, то онѣ принадлежатъ перу турецкой писательницы, портретъ которой здѣсь прилагаемъ.

Въ революціи, недавно измѣнившей политическій строй оттоманской имперіи, женщина сыграла очень дѣятельную, хоть и анонимную роль. Турецкая женщина была необходимымъ элементомъ для эволюціи своей страны, и она ее подготовила. Въ блестящее, но клонившееся къ упадку царствованіе султана Азиза турецкая женщина, имѣвшая дворецъ въ Босфорѣ, конакъ въ Стамбулѣ, выѣзжавшая только въ каретѣ или каикѣ въ сопровожденіи нѣсколькихъ рабовъ, желала лишь одного: походить возможно больше на свою западную сестру, у которой она переняла только ея крикливые туалеты и эксцентрическую прическу. Примѣръ двухъ имперій во Франціи былъ несчастнымъ для этихъ плѣнницъ, которымъ давали больше брилліантовъ, чѣмъ свободы; больше ласкъ, чѣмъ уваженія. Какъ велики были ихъ страданія въ тотъ день, когда онѣ прозрѣли, когда изъ иностранной литературы онѣ узнали, что кромѣ украшенія тѣла, есть еще украшеніе души. Тогда ихъ охватило желаніе все читать, все узнать сразу. И онѣ узнали столько, что ихъ страданія стали нестерпимыми.

Но страшная война и паденіе двухъ любимыхъ султановъ пробудили ихъ отъ этого дурного сна. Передъ лицомъ опасности онѣ поняли вдругъ свою роль и свои обязанности. Изъ одалисокъ онѣ стали матерями и супругами, борясь за спасеніе отечества, идеи, семейнаго очага.

Многія изъ нихъ умерли на войнѣ, другія ухаживали за ранеными или заботились о сиротахъ. И въ дальнѣйшемъ у нихъ была только одна цѣль: дать дѣтямъ воспитаніе и образованіе, недостатокъ котораго ими самими такъ чувствовался. Годы, слѣдовавшіе за войной, прошли относительно спокойно; казалась, страна хочетъ отдохнуть послѣ тяжкихъ испытаній; она не только потеряла важнѣйшія провинціи, но и вѣрныхъ подданныхъ, своихъ единственныхъ защитниковъ. Смѣнившіе ихъ мечтали только сохранить возможно дольше существующее положеніе. Но новый монархъ, на ряду съ другими измѣненіями въ новомъ курсѣ управленія, захотѣлъ, можетъ быть, какъ бы въ вознагражденіе, подарить Оттоманскую имперію нѣсколькими сотнями безплатныхъ школъ для дѣвочекъ. Въ Стамбулѣ было 2 лицея для молодыхъ дѣвушекъ; одинъ изъ нихъ приготовлялъ преподавательницъ. Вѣковой покой бездѣлья нѣсколькихъ поколѣній создалъ молодыя существа, умственно превосходившія не только мужчинъ своей страны, но и далекихъ сестеръ Запада. Это былъ первый шагъ къ той эволюціи женщины, которая, конечно, не кончена, которая, подготовитъ ее къ прекраснѣйшей эпохѣ турецкой женской литературы. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ выходилъ журналъ, издаваемый нашими лучшими писательницами и поэтессами. Тамъ можно было встрѣтить прекрасныя литературныя произведенія, статьи о классическихъ и новѣйшихъ произведеніяхъ Запада, споры о феминизмѣ, но ни слова о злободневной политикѣ, хотя многія женщины, напр. Семанэ, Нигюръ, Е. Семье Ханумсъ могли бы заняться политическими вопросами имперіи и ликвидировать разъ навсегда псевдовосточный балканскій вопросъ.

Но, увы, цензура, становившаяся все строже, закрыла журналъ, и редакторъ его былъ отправленъ въ Іеменъ въ безсрочную ссылку.

Женскій міръ былъ этимъ глубоко взволнованъ, его гордость пострадала и не простила этого оскорбленія, но ни звука жалобы не раздалось. Это враждебное чувство прибавилось ко многимъ другимъ, и революціонное настроеніе съ этого дня повысилось. Одинъ изъ нашихъ лучшихъ писателей, другъ и ученикъ знаменитаго Митхада, въ одинъ прекрасный день исчезъ и никто не посмѣлъ спросить, что съ нимъ сдѣлали. Его библіотека была разграблена, его произведенія пущены по вѣтру. За этимъ послѣдовали другія изгнанія въ такой же мѣрѣ несправедливыя. Въ теченіе одной зимы сотни учениковъ военной школы были высланы въ Центральную Аравію. Матери обезумѣли отъ горя. Отцы, мужья, братья въ одинъ прекрасный день исчезали неизвѣстно почему, покидая женщинъ однѣхъ, часто безъ средствъ, безъ возможности прибѣгнуть къ благотворительности изъ страха скомпрометировать домъ, въ который онѣ бы постучались.

Одна мать, — вдова бывшаго министра,—была сослана за то только, что переписывалась со своимъ сыномъ, бывшимъ тогда въ Женевѣ.

Не забудемъ, что у каждаго младотурка есть мать, сестра, жена. И подчасъ нѣсколько соединившихся привязанностей могутъ сыграть бòльшую роль для распространенія идей, чѣмъ вся пресса.

Въ 1901 и 1903 годахъ глухіе протесты были подавлены по своему зоркой полиціей правительства Абдулъ Гамида. Это не подавило въ женщинахъ желанія дѣйствовать для осуществленія своей мечты во что бы то ни стало. Всѣ выполняли свой долгъ. Это было единственное занятіе настоящаго момента, единственная цѣль въ будущемъ.

Мужчины жили тогда въ страхѣ, близкомъ къ сумасшествію. Даже не бывшіе въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ султаномъ испытывали чувство поднадзорности и отчаянія. Всякій домъ былъ одиночной тюрьмой, гдѣ мало-мальски реакціонный хозяинъ превращалъ свой домъ въ адъ.

Сколько женщинъ, несмотря на эти условія все же сумѣли воспитать дѣтей въ идеяхъ либерализма и справедливости. Ни одинъ лицей, ни одинъ институтъ не внушитъ человѣку сознанія своего долга и чувства

добра и истины, если мать не содѣйствуетъ развитію этихъ идей; только женщина можетъ привить дѣтямъ въ самомъ первоначальномъ воспитаніи деликатность, тактъ, уваженіе къ человѣческой личности—вещи, существенно необходимыя и въ дни, охваченные революціей, и въ теченіе медленной, но неуклонно желаемой эволюціи. Женщинѣ обязанъ мужчина тѣмъ мужествомъ, съ которымъ онъ переносилъ въ теченіе долгихъ лѣтъ это рабство, это унизительное иго. Ей обязанъ онъ тѣмъ, что вышелъ изъ него гордымъ—сильный въ своемъ правѣ, твердый въ обязанностяхъ, готовый сражаться до конца за идею, съ терпѣніемъ, силой, энергіей и успѣхомъ. Ничего не могло быть для султана легче, какъ объявить младотуркамъ 30 лѣтъ тому назадъ эту глухую войну, уничтожившую ихъ дѣло безъ надежды на возрожденіе. Тогда по невѣжеству противъ нихъ была почти половина націи. Но уже очень давно гордая и молчаливая работаетъ въ этомъ направленіи женщина и часто рискуетъ жизнью, укрывшись подъ своимъ чернымъ покрываломъ.

Никто не могъ больше ея радоваться успѣхамъ ея соотечественниковъ; она радуется въ тѣни, ничего еще не требуя для себя; она знаетъ, что ея рабство давно уже стало только вопросомъ политики, что оно должно неизбѣжно исчезнуть. Когда наступитъ день, въ который вспомнятъ и о ней, увидятъ, что она требуетъ немного. Она никогда не была слишкомъ требовательной. Она не стремилась быть «суфражисткой», но добивалась только, чтобы на нее смотрѣли, какъ на существо мыслящее.

Зенкуръ.

Пьеръ Лоти

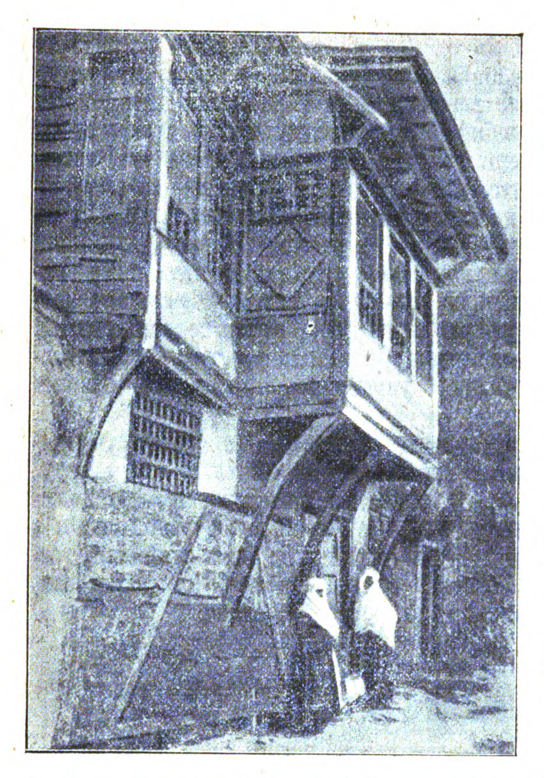
Турецкая свадьба *).

„Мой супругъ предлагаетъ мнѣ руку и уводитъ меня въ первый этажъ, куда я являюсь, какъ похищенная, подводитъ меня къ трону о 3-хъ ступенькахъ, на который я и усаживаюсь, раскланивается со мной и удаляется; его роль окончена до вечера. Я смотрю, какъ онъ удаляется, какъ сталкивается съ потокомъ дамъ, заполнившимъ всѣ лѣстницы, залы, потокъ легкаго газа, драгоцѣнныхъ камней, голыхъ плечъ; ни одной украшенной бриллiантами головы, съ лицомъ, скрытымъ подъ вуалью: всѣ чарчафъ упали на порогѣ; ихъ можно принять за толпу европейскихъ женщинъ въ вечернихъ туалетахъ, и, мнѣ кажется, что новобрачный смущенъ, онъ никогда не видѣлъ, да и не увидитъ ничего подобнаго. Единственный мужчина въ этомъ морѣ женщинъ, осматривающихъ его съ головы до ногъ. Онъ кончилъ, но мнѣ предстоитъ цѣлый день изображать собой рѣдкостное и любопытное зрѣлище на моемъ парадномъ креслѣ. Подлѣ меня съ одной стороны M-lle Естеръ, съ другой Зейнебъ и Мелекъ, онѣ тоже сняли чарчафъ и тоже въ открытыхъ платьяхъ, въ бриллiантахъ и цвѣтахъ. Я просила ихъ остаться со мной на время безконечнаго дефилированія передъ моимъ трономъ.

Родственницы, подруги, просто знакомыя, всякая мнѣ задаетъ вопросъ, способный повергнуть въ отчаяніе: „Ну, душечка, какъ онъ вамъ нравится“? Да развѣ я знаю: какъ нравится мнѣ человѣкъ, на лицо котораго я еле взлянула, почти не слышала его голоса, котораго даже не узнаю на улицѣ. Слова не идутъ съ языка. Я отвѣчаю улыбкой, или вѣрнѣе гримасой, похожей на улыбку.

---

*) Эта картина турецкой свадьбы, заимствованная изъ Пьера Лоти, можетъ служить иллюстраціей того момента жизни турецкой женщины, когда либерализмъ ея не шелъ дальше перемѣны костюма на европейскій образецъ. *Прим. ред.*

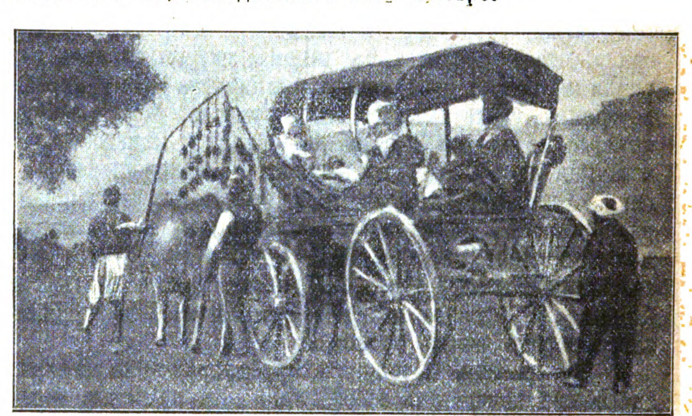

Уголокъ улицы въ Стамбулѣ. Рѣшетчатыя окна гарема.

Однѣ спрашиваютъ это съ ироніей и злостью: это—раздраженныя, протестующія; другія стараются подбодрить меня: это—примѣнившіяся, покорившіяся; но во взглядахъ большинства я читаю безысходную печаль, жалость къ одной изъ своихъ сестеръ, поглощаемой сегодня общей пучиной, становящейся собратомъ по униженію и несчастью. А мои губы все улыбаются. Итакъ, замужество и есть то, что я представляла себѣ.

Теперь я увѣрена въ этомъ. Я прочла это въ глазахъ у нихъ всѣхъ. Тогда на своемъ тронѣ новобрачной я начинаю мечтать о томъ, что въ концѣ концовъ есть способъ освободиться, стать самостоятельной въ своихъ поступкахъ, мысляхъ, во всей своей жизни, средство разрѣшенное Аллахомъ и Пророкомъ. Какъ хорошо! Я разведусь. И какъ я не подумала объ этомъ раньше?... Уединившись въ толпѣ, сосредоточившись въ себѣ самой, все улыбающаяся, я придумываю новый планъ кампаніи, учитываю уже счастливый разводъ. Въ концѣ концовъ, вѣдь, когда пожелаешь развода въ нашей странѣ, это дѣлается такъ быстро.

Но однако, какъ красиво это дефилированіе; я бы живо имъ заинтересовалась, если бы сама не была тѣмъ идоломъ, на который и пришли посмотрѣть всѣ эти женщины. Только и видишь: кружева, газъ, свѣтлые и веселые цвѣта; само собой разумѣется, ни одного чернаго платья, которыя попадаются на вашихъ европейскихъ балахъ, точно чернильныя пятна.

Турецкія дамы на прогулкѣ.

Право, я, кажется, начинаю забавляться, какъ будто все это шествіе изъ-за другой, и я здѣсь не при чемъ. Вотъ картина внезапно измѣнилась и съ высоты моего трона такъ хорошо все видно: на улицу открыли всѣ двери настежь, входить всякій кому вздумается, приглашенные или

нѣтъ, впускается всякая женщина, пожелавшая увидѣть новобрачную. И входятъ такія необыкновенныя изъ этихъ неизвѣстныхъ, всѣ въ чарчафъ или въ яшмакъ, какъ призраки съ лицами, закрытыми по модѣ ихъ провинцій. Старинные дома, обнесенные двойными рѣшетками, раскрываются и выпускаютъ своихъ жилицъ или случайныхъ гостей; изъ всѣхъ сундуковъ вынимаются старинныя матеріи. Приходятъ женщины, съ головы до ногъ закутанныя въ азіатскіе шелка, такъ причудливо затканные золотомъ и серебромъ, входятъ блестящія сиріянки, входятъ персіанки, закутанныя въ черное, входятъ сгорбленныя столѣтнія старухи, опираясь на палку. „Галлерея костюмовъ“ шепчетъ мнѣ тихонько Мелекъ, которую это тоже забавляетъ.

Считаемъ не безынтереснымъ по поводу событій, происходящихъ теперь въ Турціи, привести еще нижеслѣдующую забытую страничку изъ Пьера Лоти, рисующую настроеніе всѣхъ разнообразныхъ народностей Оттоманской имперіи въ 1876 г., въ моментъ пробужденія молодой Турціи.

Первое дуновеніе свободы.

Сегодня, 22 января, министры и высшіе сановники имперіи, собравшись въ торжественномъ засѣданіи въ Высокой Портѣ единодушно рѣшили отклонить предложенія Европы, за которыми, какъ имъ казалось, скрываются поползновенія Россіи. И со всѣхъ концовъ имперіи посыпались поздравительные адреса людямъ, принявшимъ, казалось, такое отчаянное рѣшеніе. Великъ былъ національный энтузіазмъ въ этомъ собраніи, гдѣ въ первый разъ можно было видѣть это необыкновенное зрѣлище: христіане засѣдали рядомъ съ мусульманами, армянскіе прелаты рядомъ съ дервишами и шейхъ-уль-исламомъ; тамъ въ первый разъ изъ магометанскихъ устъ раздались эти неслыханныя слова: «Наши братья христіане». Великій духъ единенія и братства сблизилъ тогда въ виду общей опасности различныя религіозныя общины отоманской имперіи, и армяно-католическій прелатъ произнесъ на этомъ собраніи эту странную воинственную рѣчь:

«Эффенди!

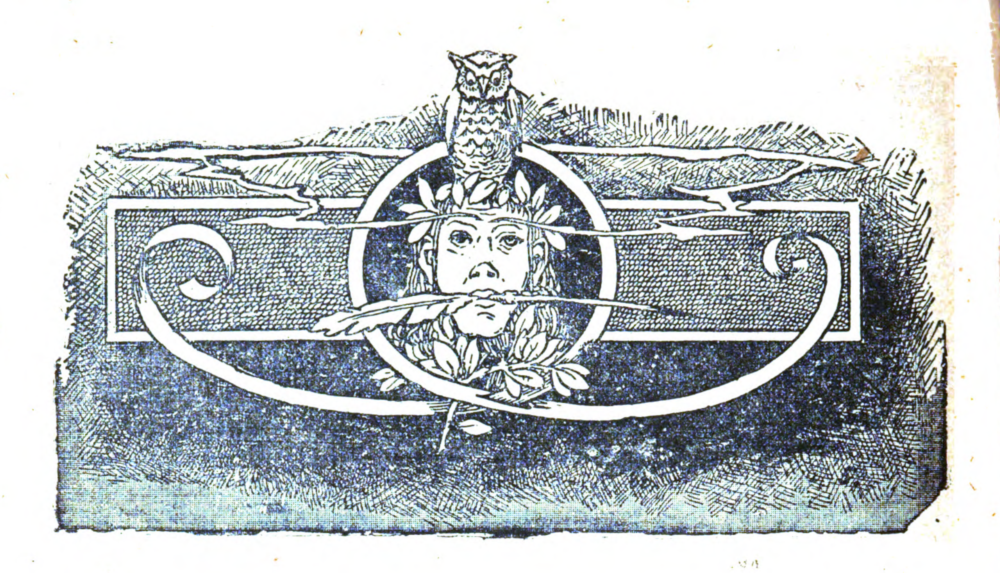
«Прахъ отцовъ всѣхъ насъ почіетъ уже 5 столѣтій въ этой землѣ нашего отечества. Первѣйшая изъ нашихъ обязанностей защитить эту землю, доставшуюся намъ въ наслѣдіе.

Недавно еще мы были безжизненнымъ тѣломъ. Дарованная намъ хартія оживила и укрѣпила это тѣло. Сегодня въ первый разъ мы сходимся въ этотъ совѣтъ. Приносимъ нашу благодарность Его Величеству Султану и министрамъ Высокой Порты. Впредъ да не выйдетъ религіозный вопросъ изъ области совѣсти; да идетъ мусульманинъ въ свою мечеть и христіанинъ въ свою церковь, но передъ лицомъ всеобщихъ интересовъ, передъ лицомъ общаго врага да пребудемъ въ единеніи».

Отвѣты.

Посланы отвѣты письмами:

В. Спиридонову, М. Черномазову, А. И. Нашивочникову, А. Сиротину, Ѳ. Ященко, А. И. Полтава, А. Крылаеву, И. Синицеру, В. Лобасъ, Н. Бородинову, А. Устинову, Н. Григорьеву, Я. Озерскому, А. Рыбникову, Н. Германову, Русанову, К. Фридману, Э. К. Везе, С. Пашкевичу, Л. Смѣлянскому, Я. Литвину, В. Стоянову, Н. В. Попову, Елкину, Васильеву, П. Дмитріеву, М. К. Плетневу, И. Краснякову, Швизу; А. Хаурову, Ф. В. Гайке, К. Ю. Бумберу, П. Рыскину, Пентюховой, В. Смирнову, П. Гончарову, Л. Райхесу, Г. Гуляеву, Е. Майструкъ, И. Потемкину, А. Ержову, И. Степченкову.

Поль Лафаргъ и Фрицъ Тишлеръ.

Матеріалистическое пониманіе исторіи и математики *).

I.

Математика не обращаетъ вниманія на большую часть физическихъ свойствъ тѣла, а разсматриваетъ всегда лишь опредѣленныя его свойства, благодаря чему работа наблюденія и экспериментированія стала для нея излишней и замѣнилась спекулятивной работой мысли. Однако, это обстоятельство никоимъ образомъ не даетъ еще права утверждать, будто математика ничѣмъ не обязана опыту. Она представляетъ собою систему умозрительныхъ теоремъ, выведенныхъ изъ небольшого числа аксіомъ, въ истинности которыхъ никто не сомнѣвается. Слѣдовательно, существенное значеніе имѣютъ именно аксіомы: поскольку онѣ не даны математикамъ, не существуетъ и математическихъ наукъ, и въ случаѣ ихъ ошибочности должны также пасть всѣ чисто-умозрительные выводы изъ нихъ. Но аксіомы—$2\times2=4$; прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками; черезъ данную точку можно провести только одну линію параллельно данной (послѣдняя, крайне важная аксіома носитъ названіе „эвклидова постулата“) и т. д.,—недоказуемы. Лейбницъ тщетно пытался доказать, что $2\times2=4$. Дѣло въ томъ, что аксіомы даны намъ не разумомъ, а опытомъ, и при томъ—добавлю я—экономическимъ опытомъ.

Многія аксіомы, вѣроятно, унаслѣдованы нами еще отъ животныхъ. Такъ, напр., утки, направляясь къ водѣ, избираютъ обыкновенно прямую линію, какъ кратчайшій путь. Голуби хорошо знаютъ, что $1+1=2$, такъ какъ они начинаютъ высиживать птенцовъ лишь послѣ того, какъ снесли два яйца и т. д. Экономическій опытъ придалъ этимъ, унаслѣдованнымъ

*) Первая изъ предлагаемыхъ замѣтокъ, объединенныхъ общностью темы, принадлежитъ перу П. Лафарга, вторая—д-ра Ф. Тишлера. *Ред.*

отъ животныхъ аксіомамъ особую цѣнность и, кромѣ того, привелъ къ открытію другихъ, столь же важныхъ аксіомъ, какъ напр. «эвклидова постулата».

Извѣстно, что дикари обладаютъ весьма ограниченной способностью къ счету, что многіе изъ нихъ умѣютъ считать только до двадцати, и что первымъ пяти числамъ они даютъ названія пальцевъ, такъ какъ присчетѣ отгибаютъ и называютъ одинъ палецъ за другимъ. Эту способность къ счету дикарямъ и варварамъ приходится расширять по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ число принадлежащихъ имъ животныхъ и предметовъ; когда же послѣднихъ становится такъ много, что ихъ уже нельзя пересчитать по пальцамъ, дикари пользуются для счета небольшими камнями; на эту связь указываетъ еще французское слово, употребляемое для обозначенія „счета" — calcul, которое происходитъ отъ латинскаго calculus — „камень". Чтобы опредѣлить приростъ своего имущества люди должны были изобрѣсти сложеніе, эту исходную точку ариѳметики и алгебры, которыя въ сущности представляютъ лишь дальнѣйшія варіаціи этого основного дѣйствія, усложненнаго сверхъ того еще неизвѣстными, мнимыми и упрощенными величинами. А для того, чтобы опредѣлить уменьшеніе своего имущества, люди должны были изобрѣсти дѣйствіе вычитанія, которое въ свою очередь есть не что иное, какъ сложеніе остающейся части съ исчезнувшей—т. е. съ той неизвѣстной величиной, которую надо отыскать. Еще римляне пользовались при счетѣ камнями, что ясно показываютъ выраженія: calculum ponere— положить камень, и calculum subducere—отнять камень; какъ видно изъ этихъ выраженій, римляне производили дѣйствія сложенія и вычитанія, прибавляя или отнимая камни. Когда предметовъ обмѣна стало больше, явилась необходимость вычислять, сколько предметовъ одного рода слѣдуетъ отдать въ обмѣнъ за данное число предметовъ другого рода; такимъ образомъ пришлось изобрѣсти умноженіе, представляющее только длинный, упрощенный рядъ сложеній. Крупные купцы побережья Малой Азіи производили умноженія задолго до того, какъ Пиѳагоръ составилъ таблицу умноженія, которая получила отъ него свое названіе *), а въ дѣйствительности, быть можетъ, была изобрѣтена именно этими купцами. Чтобы распредѣлить прибыль экспедиціи соотвѣтственно числу участниковъ и величинѣ ихъ вкладовъ, придумали дѣленіе, представляющее комбинированный рядъ умноженій и вычитаній. Лишь спустся много вѣковъ послѣ того, какъ экономическія потребности заставили человѣка изобрѣсти четыре основныхъ дѣйствія ариѳметики, математика теоретически обосновала ихъ.

Если обладаніе стадами и движимымъ имуществомъ развило способность къ счету и заставило изобрѣсти ариѳметическія дѣйствія, то плетеніе корзинъ и изготовленіе сосудовъ для жидкостей создало представленіе о емкости, а производство болѣе дорогихъ жидкостей, какъ напр. вина и масла, заставило обратиться къ измѣренію емкости сосудовъ.

Пока дикарь жилъ охотой и рыбной ловлей и питался дико-растущими плодами, онъ и не помышлялъ объ измѣреніи земельныхъ площадей; но какъ только онъ сталъ земледѣльцемъ и долженъ былъ раздѣлить годную для обработки землю между отдѣльными семьями, ему пришлось научиться землемѣрію. Греческіе философы, не отличавшіеся, какъ извѣстно, чрезмѣрной скромностью, приписывали изобрѣтеніе геометріи египтянамъ, такъ какъ послѣднимъ приходилось послѣ каждаго разлива Нила возстановлять границы между полями.

Конечно, не было никакой необходимости всѣмъ народамъ пойти на выучку къ египтянамъ: ежегодные передѣлы пахотной земли и безъ того освоили людей съ первыми элементами геометріи. Дикіе землепашцы, ко-

---

* По-французски таблица умноженія наз. „Table de Pythagore".

торымъ не было еще извѣстно измѣреніе поверхностей, разрѣшили проблему равномѣрнаго распредѣленія земли слѣдующимъ образомъ: данное поле, имѣвшее въ общемъ болѣе или менѣе плоскую поверхность, они раздѣляли на узкія, длинныя полосы одинаковой длины и ширины. Полосы эти имѣли форму прямоугольниковъ, ихъ стороны были параллельны: ограничивавшія ихъ прямолинейныя борозды отстояли на всемъ своемъ протяженіи на одинаковомъ разстояніи одна отъ другой. Сохраненіе этихъ прямыхъ бороздъ въ неприкосновенномъ видѣ было настолько важно, что на многихъ языкахъ слово „прямой“ обозначаетъ также — справедливый“. Чтобы борозды получались одинаковой длины, къ каждой изъ нихъ прикладывали одинаковое число разъ палку, служившую мѣрой. Палка эта получила въ глазахъ людей той эпохи столь важное значеніе, что въ египетскихъ іероглифахъ она служитъ символомъ справедливости и истины. Русскіе крестьяне называютъ палки, употребляемыя для измѣренія земли, „святой мѣрой“. Гакстгаузенъ, присутствовавшій около 1846 г. при подобномъ раздѣлѣ земли въ Россіи, разсказываетъ, что эти неграмотные люди производятъ измѣренія съ такой точностью, какую можно было бы ожидать только отъ имѣющаго научную подготовку землемѣра. Такое измѣреніе земли первобытнымъ способомъ, какъ мы можемъ наблюдать его въ сельскихъ общинахъ Индіи, создало,—говоритъ Поль Таннери, ученый авторъ „Науки эллиновъ“, — „цѣлый рядъ слабо связанныхъ между собою пріемовъ для разрѣшенія проблемъ повседневной жизни; доказательство же правильности этихъ пріемовъ основывалось на предпосылкахъ, которыя считались самоочевидными, но строго научно были доказаны лишь значительно позже, если онѣ вообще не были отброшены какъ ложныя“. Одной изъ такихъ предпосылокъ и является знаменитый „эвклидовъ постулатъ“. Еще задолго до созданія научной геометріи, эта эмпирическая геометрія научила египтянъ, грековъ и другіе народы воздвигать памятники, поражающіе своей величиной, прочностью и гармонической пропорціональностью частей даже нашихъ инженеровъ.

Первобытные землепашцы разсматривали площадь поля, подлежавшаго раздѣлу, какъ плоскость. И геометрія Эвклида исходитъ изъ гипотезы, что поверхность есть плоскость, вслѣдствіе чего двѣ прямыя линіи, проведенныя на одинаковомъ другъ отъ друга разстояніи, параллельны и такъ же точно не могутъ встрѣтиться въ пространствѣ Эвклида, какъ на полѣ землепашца. Лишь къ срединѣ XIX вѣка въ науку проникло представленіе о кривой поверхности. Лобачевскій, Риманъ и другіе математики отвергли „эвклидовъ постулатъ“ и построили, такъ называемую, не-эвклидову геометрію. Ихъ теоремы, выведенныя строго научнымъ путемъ, стоятъ въ полномъ противорѣчіи къ теоремамъ эвклидовой геометріи, которыя болѣе двухъ тысячелѣтій считались единственно истинными. И хотя уже къ концу XVIII в. знаменитый математикъ Гауссъ постигъ возможность не-эвклидовой геометріи, онъ однако, опасаясь „мнѣнія толпы“, осмѣливался говорить объ этомъ только въ частныхъ письмахъ, лишь недавно опубликованыхъ. Новая геометрія ниспровергаетъ всѣ прежнія представленія и, какъ утверждаютъ математики, даетъ съ чисто математической точки зрѣнія болѣе простое рѣшеніе вопросовъ, чѣмъ старая геометрія. Впрочемъ, послѣдняя сохраняетъ все свое практическое значеніе, потому что инженеры, землемѣры и архитекторы, когда имъ приходится имѣть дѣло съ поверхностями небольшого размѣра, такъ же мало считаются съ ихъ незначительной кривизной, какъ это дѣлали первобытные землепашцы. Напротивъ, творцы новыхъ геометрическихъ системъ обращаютъ вниманіе на каждую, даже самую незначительную кривизну поверхности. И поэтому-то математики полагаютъ, что не-эвклидовыхъ системъ геометріи существуетъ столько же, сколько мѣстъ на земномъ шарѣ.

Откуда же взялось это представленіе о кривизнѣ пространства?

Первобытный землепашецъ смотрѣлъ на свое поле, какъ на плоскость. „Когда люди составили себѣ представленіе о землѣ,—говоритъ Архелай,—они считали ее плоской, какъ стекло. Когда же купцы, жившіе вокругъ Средиземнаго моря, замѣтили, что одни мѣста на землѣ освѣщаются солнцемъ позже, чѣмъ другія, они рѣшили, что земля есть вогнутое полушаріе, края котораго естественно освѣщаются солнцемъ раньше, чѣмъ дно. Но астрономическія наблюденія, сдѣланныя около V вѣка до Р. Х., заставили грековъ представить себѣ землю въ формѣ цѣлаго шара. Однако, это представленіе о шарообразной формѣ земли осталось, какъ въ практическомъ, такъ и въ теоретическомъ отношеніяхъ, безплоднымъ. Только въ XV в. оно дало практическій результатъ, когда Колумбъ, введенный въ заблужденіе неправильнымъ вычисленіемъ Птоломея, вмѣсто морского пути въ Остъ-Индію открылъ Америку. Но послѣ Колумба должны были пройти еще цѣлые вѣка, прежде чѣмъ шарообразная форма земли, доказательства которой каждый день снова приносили торговые корабля, заставила математиковъ сдѣлать необходимые выводы и въ теоріи. На основаніи наблюденій, собранныхъ мореходами, купцами, путешественниками и учеными, геометры пришли къ выводу, что земля—шаръ, сплюснутый у полюсовъ и выпуклый на экваторѣ, и окруженный соотвѣтствующей его формѣ атмосферой. Поэтому, всѣ конструируемые на землѣ поверхности неизбѣжно искривлены, равно какъ и всѣ линіи на этихъ поверхностяхъ. Кривизна плоскостей и линій варіируетъ, смотря по большей или меньшей удаленности отъ экватора. Такимъ образомъ, „эвклидовъ постулатъ", который лежитъ въ основѣ старой геометріи и такъ же мало можетъ быть доказанъ разумомъ, какъ то, что 2+2=4,—этотъ постулатъ оказался при опытной провѣркѣ ложнымъ; ближе къ истинѣ подходятъ не-эвклидовы системы геометріи. Потребность въ размежеваніи пахотной земли и въ архитектурныхъ постройкахъ породила въ головахъ математиковъ представленіе объ *абсолютно плоской поверхности*. Но съ тѣхъ поръ, какъ сухопутныя и морскія путешествія купцовъ распространили идею шарообразности земли и окружающей ее атмосферической оболочки, прежнее представленіе начинаетъ вытѣсняться представленіемъ о *кривой поверхности*.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что совершенно не правы тѣ, которые утверждаютъ, будто исторія математики опровергаетъ марксистскій методъ.

II.

Въ своей статьѣ *Лафаргъ* дѣлаетъ попытку объяснить развитіе математики съ марксистской точки зрѣнія. Наряду съ крайне интересными разсужденіями о возникновеніи основныхъ понятій математики у первобытныхъ народовъ въ связи съ хозяйственными работами, онъ пытается также представить историческое развитіе эвклидовой и не-эвклидовой геометріи. Приведенный имъ примѣръ вызываетъ съ нашей стороны цѣлый рядъ возраженій; въ-то же время мы хотѣли бы вообще вскрыть тѣ недоразумѣнія, на которыя обыкновенно наталкиваются при примѣненіи матеріалистическаго пониманія исторіи къ естествознанію и математикѣ.

У *Лафарга* отношеніе между эвклидовой и не-эвклидовой геометріей представлено въ такомъ видѣ, будто послѣдняя *пришла на смѣну* первой. Онъ говоритъ: «Эвклидовъ постулатъ, который лежитъ въ основѣ старой геометріи и такъ же мало можетъ быть доказанъ разумомъ, какъ и то, что 2×2=4,—этотъ постулатъ оказался при опытной провѣркѣ ложнымъ; ближе къ истинѣ подходятъ не-эвклидовы системы геометріи». Но это совершенно невѣрно. Ложнымъ оказался не эвклидовъ *постулатъ*, а лишь тѣ *наблюденія*, изъ которыхъ онъ, по допущенію *Лафарга*,

былъ выведенъ. Эвклидовъ постулатъ удовлетворяетъ всѣмъ правильно сдѣланнымъ наблюденіямъ, и эвклидова геометрія сохраняетъ свое значеніе наряду съ геометріей Лобачевскаго: ее можно разсматривать, какъ частный случай болѣе общаго ученія о многообразіи. Напротивъ, мы не знаемъ рѣшительно ни одного наблюденія, которое могло бы привести къ не-эвклидовымъ системамъ геометріи,—и, слѣдовательно, невѣрно, будто послѣднія «ближе подходятъ къ истинѣ».

Источникъ ошибки Лафарга, очевидно, кроется въ томъ, что онъ полагаетъ, будто „представленіе о кривой поверхности проникло въ науку лишь къ срединѣ XIX вѣка“. Вѣдь сферическая геометрія отнюдь не возникла изъ идей Лобачевскаго, Римана и др. Она, правда, не зависитъ отъ эвклидова постулата о параллельныхъ линіяхъ, но она опирается на другой его постулатъ—о кругѣ; и поскольку сферическая геометрія находила примѣненіе при разрѣшеніи практическихъ вопросовъ геометріи, она всегда оставалась геометріей въ эвклидовомъ пространствѣ. Пашни на землѣ, конечно, не плоскости, какъ полагали древніе, а части поверхности шара. Но изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, что „прежнее представленіе (объ абсолютно плоской поверхности) начинаетъ вытѣсняться представленіемъ о кривой поверхности“. Плоскость существуетъ въ дѣйствительности,—любая стѣна дома можетъ служитъ примѣромъ ея,—и представленіе о плоскости вполнѣ совмѣстимо съ представленіемъ о кривой поверхности: оба эти представленія могутъ существовать рядомъ.

Также и историческій ходъ развитія показываетъ, что Лафаргъ ошибается. Лобачевскій и другіе основатели не-эвклидовой геометріи жили въ первой половинѣ XIX вѣка. Между тѣмъ сферическая геометрія была извѣстна уже въ древности. Такъ, уже Архимедъ вычислилъ поверхность шара и шарового отрѣзка. Канторъ въ своей «Исторіи математики» *) говоритъ: «Самъ Архимедъ изъ всѣхъ своихъ открытій выше всего ставилъ тѣ, которыя онъ изложилъ въ двухъ книгахъ о шарѣ и цилиндрѣ“. Астрономъ Менелай Александрійскій, жившій въ Римѣ около 98-го года по Р. Х., далъ уже даже опредѣленіе сферическаго треугольника и подробно разсмотрѣлъ его особенности **). Такимъ образомъ, какъ оказывается, сферическая геометрія не только логически независима отъ не-эвклидовой, но и исторически значительно предшествуетъ ей.

Но и мнѣніе Лафарга, будто у древнихъ грековъ „представленіе о шарообразной формѣ земли осталось, какъ въ практическомъ, такъ и въ теоретическомъ отношеніяхъ, безплоднымъ“,—опровергается исторіей. Канторъ разсказываетъ объ Эратосѳенѣ, жившемъ отъ 276-го до 194-го года до Р. Х., слѣдующее:

«Грекомъ впервые была сдѣлана попытка точно опредѣлить величину земли. Онъ нашелъ, что градусъ равняется 126.000 метровъ, тогда какъ дѣйствительная длина градуса широты въ Египтѣ составляетъ 110.802,6 метра, такъ что Эратосѳенъ ошибся въ своемъ вычисленіи почти на 13¾ проц.,—ошибка, которую мы не найдемъ особенно значительной, если примемъ во вниманіе, что Эратосѳенъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи дѣйствительные результаты измѣренія земли, самое большее, до второго катаракта, а въ вычисленіи верхней части страны до изгибовъ Нила и по направленію къ Мероэ онъ зависѣлъ отъ весьма неопредѣленныхъ показаній немногихъ путешественниковъ, отмѣтившихъ главнѣйшія остановки и выразившихъ разстоянія между ними въ дневныхъ переходахъ“ ***).

*) M. Cantor: „Geschichte der Mathematik“, 2-е изд. Leipzig 1904 г., стр. 293.

**) Ср. A. von Braunmühl: „Geschichte der Trigonometrie“, Leipzig 1900 г., т. I, стр. 15.

***) Цитир. соч., стр. 312.

Ясно, что попытка Лафарга объяснить возникновеніе не-эвклидовой геометріи открытіемъ Америки совершенно несостоятельна во всѣхъ отношеніяхъ.

Попытаемся же поставить этотъ вопросъ, равно какъ и вопросъ о развитіи математики вообще, на правильную почву.

«Естествознаніе, говоритъ Эрнстъ Махъ *), можно разсматривать, какъ своего рода коллекцію орудій (Instrumentensammlung), служащихъ для логическаго завершенія тѣхъ или иныхъ частично данныхъ фактовъ, или для того, чтобы ввести въ опредѣленныя рамки наши ожиданія относительно случаевъ, которые представятся намъ въ будущемъ». Если смотрѣть на естествознаніе, какъ на особый отдѣлъ техники, а законы его разсматривать, какъ орудія,—тогда только станетъ понятнымъ процессъ его развитія. Но прежде, чѣмъ подробнѣе остановиться на этомъ процессѣ, необходимо вкратцѣ разсмотрѣть, съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи, развитіе орудій вообще.

Марксово положеніе, что «вся существовавшая до сихъ поръ исторія есть исторія борьбы классовъ», относится само собой понятно, только къ исторіи человѣческаго общества. Но исторія классовыхъ отношеній не только предполагаетъ другую исторію, но и прямо къ ней примыкаетъ и только изъ нея можетъ быть понята. Исторія земли, исторія жизни растеній и животныхъ—вотъ та предпосылка, безъ которой вообще невозможна исторія человѣческаго общества. Но и не вся дѣятельность людей представляетъ собою классовую борьбу. Широкое основаніе, которое обусловливаетъ развитіе классовой борьбы, и которое, Марксъ называетъ экономическими отношеніями,—это основаніе включаетъ въ себя также всю технику. Исторія экономическихъ отношеній обнимаетъ, слѣдовательно, кромѣ исторіи природы, также исторію открытій и изобрѣтеній, въ которой человѣкъ выступаетъ, какъ активный факторъ развитія. Экономическія отношенія имѣютъ свою собственную исторію, которая лишь постольку зависитъ отъ исторіи классовъ, поскольку эта послѣдняя опредѣляетъ, съ одной стороны, потребность данныхъ классовъ въ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, а съ другой—количество рабочей силы, направляемой на удовлетвореніе этой потребности.

По отношенію ко «всей надстройкѣ правовыхъ и политическихъ учрежденій, равно какъ и религіозныхъ, философскихъ и прочихъ представленій каждаго историческаго періода», Марксъ и Энгельсъ **) часто обозначали совокупность производственныхъ отношеній, какъ реальную основу, которая въ конечномъ счетѣ должна объяснить эту надстройку. Это совершенно правильно: «надстройка» возвышается прежде всего надъ классовыми отношеніями, но такъ какъ послѣднія съ своей стороны опираются на техническія условія, то и они, въ свою очередь, являются надстройкой по отношенію ко всему основанію. Но въ занимающемъ насъ здѣсь вопросѣ необходимо прежде всего—въ совокупности производственныхъ отношеній проводить ясное различіе между техническими и общественными предпосылками производства. Техническія предпосылки обусловливаютъ общественныя.

Орудія, вообще, какъ и естествознаніе (включая математику), въ частности, принадлежатъ не къ «надстройкѣ» классовыхъ отношеній, а къ ихъ базису—къ техническимъ условіямъ.

---

*) Mach: „Erkenntniss und Irrtum", Leipzig 1905 г., стр. 447.

**) Напр., въ „Критикѣ политической экономіи" говорится: „Совокупность производственныхъ отношеній образуетъ экономическую структуру общества, реальный базисъ на которомъ возвышается юридическая надстройка..."

Естествознаніе—не рефлексъ, не идеологія классовыхъ отношеній, какъ это, пожалуй, можно сказать о большей части философскихъ дисциплинъ. Естествознаніе имѣетъ гораздо болѣе прочныя основы которыя, измѣняются не въ зависимости отъ классовыхъ отношеній, а лишь какъ часть всей совокупности техническихъ условій производства.

Исторія техническихъ условій производства, поскольку человѣкъ оказываетъ на нее воздѣйствіе, т. е. исторія открытій и изобрѣтеній, естественно, находится въ зависимости и отъ самихъ этихъ условій—отъ даннаго состоянія техники.

Успѣхъ, достигнутый въ одной области техники и науки, дѣлаетъ возможными успѣхи и въ другихъ областяхъ. Но движущей силой этого прогрессивнаго развитія является классовая потребность. Всегда существуетъ, по крайней мѣрѣ, одинъ классъ, для котораго улучшеніе орудій означаетъ улучшеніе жизненныхъ условій. И эта постоянная классовая потребность удовлетворяется путемъ измѣненія техническихъ условій, послѣдствіемъ чего въ дальнѣйшемъ можетъ явиться также измѣненіе классовыхъ отношеній и всей «надстройки».

Подобно тому, какъ всякое орудіе труда можетъ превратиться въ орудіе игры, такъ и наука можетъ перейти въ «чистую науку». И какъ большинство орудій игры имѣетъ цѣлью устранить или предупредить чувство физической неудовлетворенности, такъ и наука,—употребляя выраженіе Маха [1],—кромѣ практическихъ цѣлей можетъ возникать также «для устраненія интеллектуальной неудовлетворенности».

По Маху, всякую науку можно разсматривать, съ одной стороны, какъ приспособленіе мыслей къ фактамъ, а съ другой,—какъ приспособленіе мыслей другъ къ другу. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ непроизвольное или намѣренное наблюденіе матеріальной среды, т. е. опытъ, во второмъ случаѣ—устраненіе противорѣчій въ самомъ пониманіи добытаго наблюденіемъ матеріала и возможно болѣе наглядную и единообразную систематизацію его. Что же касается математики, то тутъ приспособленіе мыслей къ фактамъ совершилось уже на первыхъ ступеняхъ развитія при производствѣ первобытныхъ работъ [2]). Ничтожное опытное содержаніе, лежащее въ ея основѣ, было добыто очень скоро, и вся дальнѣйшая математическая работа была направлена на приспособленіе мыслей другъ къ другу.

Поэтому, понять математику, какъ опытную науку, можно только въ томъ случаѣ, если обратиться къ первобытнымъ начаткамъ ея. Вмѣстѣ съ тѣмъ становится ясно, гдѣ лежитъ источникъ тѣхъ недоразумѣній относительно основъ математики, которыя мы встрѣчаемъ у большинства математиковъ, особенно же у кантіанцевъ. Они видятъ только современную стадію развитія, которая заключается въ простомъ приспособленіи мыслей другъ къ другу, тогда какъ соотвѣтствующіе опыты, продѣланные обществомъ, относятся къ далекому прошлому; даже отдѣльный индивидъ продѣлываетъ эти опыты въ столь раннемъ дѣтствѣ, что къ тому времени, когда онъ способенъ разсуждать о своемъ развитіи, онъ находитъ уже все въ готовомъ видѣ «въ головѣ». Особенно у Канта такое пониманіе математики образуетъ одну изъ тѣхъ непро-

---

[1]) «Анализъ ощущеній».

[2]) За весьма немногими исключеніями, какое напр. представляетъ пышный расцвѣтъ теоріи вѣроятностей подъ вліяніемъ потребностей современнаго страхового дѣла.

ходимыхъ пропастей, которые отдѣляютъ его отъ воззрѣній современнаго естествознанія и тѣмъ самымъ также отъ матеріалистическаго пониманія исторіи.

Крайне интересно отмѣтить, что послѣдовательные выводы изъ Марксъ-Энгельсовскаго пониманія исторіи вполнѣ совпадаютъ съ воззрѣніями современной естественно-научной теоріи познанія. Въ своемъ новомъ, чрезвычайно глубокомъ и содержательномъ сочиненіи [1]), Эрнстъ Махъ подробно изложилъ свое пониманіе математики. Приведемъ оттуда нѣкоторыя мѣста, чтобы показать родство его воззрѣній съ историческимъ матеріализмомъ и въ то же время познакомить читателя съ замѣчательнымъ объясненіемъ возникновенія математики, какъ орудія, соотвѣтственно матеріальнымъ потребностямъ. Въ главѣ: «Число и мѣра» Махъ говоритъ: «Часто называютъ числа «продуктомъ свободнаго творчества человѣческаго духа». Въ этомъ сказывается вполнѣ понятное удивленіе человѣческаго ума предъ лицомъ законченнаго, импозантнаго зданія ариѳметики. Но мы гораздо лучше поймемъ этотъ продуктъ человѣческаго творчества, если обратимся къ инстинктивнымъ начаткамъ его и разсмотримъ тѣ обстоятельства, которыя создали самую потребность въ немъ. Тогда мы, быть можетъ, придемъ къ заключенію, что первыя относящіяся сюда образованія возникли безсознательно, будучи біологически навязаны человѣку матеріальными условіями; цѣнность ихъ онъ могъ познать лишь послѣ того, какъ они уже были на-лицо и въ множествѣ случаевъ оказались полезными. Только пройдя школу такихъ болѣе простыхъ образованій, интеллектъ человѣка могъ постепенно возвыситься до болѣе свободныхъ и сознательныхъ изобрѣтеній, быстро приспособляющихся къ каждой данной потребности. Сношенія и торговля, купля и продажа требуютъ развитія ариѳметики. Чтобы облегчить себѣ вычисленія, первобытная культура прибѣгаетъ къ помощи простыхъ приборовъ или счетныхъ машинъ, какъ напр., римской счетной доски (abakus) или китайской счетной машины; послѣдняя при посредствѣ русскихъ проникла и къ намъ и даже получила права гражданства въ нашихъ первоначальныхъ школахъ. Всѣ эти приборы символизируютъ подлежащіе счету объекты въ формѣ подвижныхъ кружочковъ, пуговицъ, шариковъ или другихъ значковъ, замѣняя ими болѣе тяжелые объекты. Группы десятковъ, сотенъ и т. д. представлены особыми значками, для которыхъ въ счетной машинѣ отведены особыя отдѣленія. Если придать понятію машины (вспомогательнаго прибора) нѣсколько болѣе свободное и широкое значеніе, то въ нашихъ арабскихъ (индійскихъ) цифрахъ съ ихъ десятичной системой, въ которой случайно непредставленная группа обозначается нулемъ, легко будетъ также узнать счетную машину, и при томъ такую, которую можно въ любой моментъ соорудить при помощи бумаги и карандаша. Тутъ наше вниманіе получаетъ еще большее облегченіе, благодаря тому, что цифры дѣлаютъ излишнимъ сосчитываніе членовъ каждой группы. Такимъ образомъ матеріальная обстановка отнюдь не остается безъ всякаго вліянія на развитіе ариѳметическихъ понятій, какъ это нерѣдко допускаютъ. Если бы физическій опытъ не училъ насъ, что существуетъ множество эквивалентныхъ, неизмѣнныхъ, постоянныхъ вещей, если бы біологическая потребность не заставляла насъ соединять ихъ въ группы, то сосчитываніе предметовъ не имѣло бы ни смысла, ни цѣли. Къ чему намъ было бы сосчитывать предметы, если наша обстановка абсолютно непостоянна, если она каждый моментъ измѣняется, какъ во снѣ? Если бы, съ другой стороны, простое сосчитываніе предметовъ для опредѣленія болѣе значительнаго количества ихъ не было практически

[1]) Ernst Mach: „Erkenntnis und Irrtum. Skizzen zur Psychologie der Forschung“.

невозможно, вслѣдствіе чрезвычайной траты времени и труда, то ничто не заставило бы людей обратиться къ изобрѣтенію системъ счисленія, представляющихъ косвенное сосчитываніе. При помощи простого сосчитыванія мы констатируемъ только то, что фактически дано нашимъ чувствомъ. А такъ какъ счисленіе есть только косвенное сосчитываніе, то и съ помощью его мы не можемъ узнать о чувственномъ мірѣ ничего существенно новаго, ничего такого, чего намъ не могло бы дать уже простое сосчитываніе. Первые начатки ариѳметики развились на службѣ у практической жизни. Дальнѣйшіе успѣхи обусловлены тѣмъ, что занятіе ариѳметикой становится особой профессіей. Кто часто производитъ одинаковыя вычисленія, тотъ легко приходитъ къ мысли о возможности упрощенія и сокращенія операцій. Такимъ путемъ возникаетъ алгебра, общіе символы которой не обозначаютъ опредѣленныхъ чиселъ, и которая направляетъ вниманіе скорѣе на форму операцій. Алгебра разъ навсегда разрѣшаетъ всѣ одинаковые по формѣ вопросы, такъ что остается только вычислить формулу, подставивъ въ нее опредѣленныя числа. Замѣтимъ при этомъ, что и языкъ математическихъ знаковъ въ свою очередь представляетъ особаго рода машину, которой мы пользуемся для облегченія нашей мыслительной способности, символически выполняя на ней операціи, которыя въ противномъ случаѣ утомили бы насъ».

Приведемъ еще слѣдующее мѣсто изъ главы: „Психологія и естественное развитіе геометріи“:

„Если бы даже мы не имѣли извѣстнаго указанія Геродота на возникновеніе геометріи изъ измѣренія полей у египтянъ, и если бы даже до насъ не дошелъ отчетъ Эндема (извѣстный по исторіи Прокла) о первоначальной исторіи геометріи,—мы все же не могли бы сомнѣваться въ томъ, что существовала до-научная стадія геометріи. Первыя геометрическія представленія были получены случайно и непроизвольно, благодаря хозяйственному опыту, при самыхъ различныхъ занятіяхъ. И произошло это въ такое время, когда научный интересъ къ сведенію во-едино опытовъ этого рода былъ еще весьма слабо развитъ. Это ясно видно даже изъ той скудной исторіи начальнаго періода геометріи, которая имѣется въ нашемъ распоряженіи, но еще яснѣе изъ общей исторіи культуры, показывающей существованіе практическихъ геометрическихъ приборовъ въ такой ранній и варварскій періодъ, когда нельзя и предполагать научныхъ стремленій. Всѣ дикія племена занимаются плетеніемъ, прибѣгая при этомъ, какъ и при черченіи, рисованіи и выдѣлкѣ корзинъ, къ разнаго рода орнаментамъ, составленнымъ изъ простѣйшихъ геометрическихъ формъ. Дѣло въ томъ, что послѣднія, какъ и чертежи нашихъ дѣтей, соотвѣтствуютъ упрощенному, типическому и схематическому пониманію объектовъ, снимками съ которыхъ онѣ призваны служить, а съ другой стороны, эти именно формы наиболѣе соотвѣтствуютъ способностямъ и орудіямъ первобытныхъ людей. Такого рода орнаментъ, составленный изъ ряда одинаковыхъ по формѣ треугольниковъ, обращенныхъ вершинами поперемѣнно то вверхъ, то внизъ, или изъ ряда параллелограммовъ, легко приводитъ къ опыту, что сумма трехъ угловъ треугольника, при сложеніи вершинъ, составляетъ два прямыхъ. Этотъ опытъ не могъ также остаться неизвѣстнымъ для ассирійскихъ, египетскихъ, китайскихъ и греческихъ рабочихъ, которые складывали обычныя въ то время мозаики и мостовыя изъ одинаковыхъ по формѣ разноцвѣтныхъ камней. Когда при укладкѣ мостовой одинаковые по формѣ треугольники ставились рядомъ такъ, чтобы основанія ихъ составляли одну прямую линію, то это въ свою очередь должно было повести къ крайне важному геометрическому открытію. Если передвигать треугольникъ на плоскости вдоль прямой линіи (т. е. не вращая его), то всѣ его точки, въ томъ числѣ и точки его сторонъ, проходятъ одинаковый путь. Слѣдовательно, данная сторона его, взятая

въ обоихъ положеніяхъ, образуетъ пару прямыхъ, на всемъ своемъ протяженіи равно удаленныхъ другъ отъ друга. Вмѣстѣ съ тѣмъ операція эта обнаруживаетъ равенство угловъ, образуемыхъ обѣими прямыми даннной пары съ линіей передвиженія; а это показываетъ, что сумма внутреннихъ угловъ, образуемыхъ одной стороной съ линіей передвиженія, равна двумъ прямымъ. Тѣмъ самымъ было установлено эвклидово положеніе о параллельныхъ линіяхъ. Передвиженіе треугольника вдоль линейки до сихъ поръ еще осталось самымъ простымъ и естественнымъ способомъ провести параллельныя линіи. Врядъ ли еще необходимо отмѣтить, что положеніе о суммѣ угловъ и положеніе о параллельныхъ линіяхъ связаны между собой, представляя только двѣ различныя формы одного и того же опыта. Нѣтъ возможности провести рѣзкую границу между инстинктивнымъ, промышленнымъ и научнымъ пріобрѣтеніемъ геометрическихъ представленій. Въ общемъ, конечно, можно сказать, что съ раздѣленіемъ хозяйственныхъ задачъ и спеціализаціей занятій инстинктивное добываніе знаній отступаетъ на задній планъ, уступая мѣсто промышленному. Когда же, наконецъ, само измѣреніе, какъ таковое, становится цѣлью и профессіей, тогда и согласованіе отдѣльныхъ измѣрительныхъ операцій представляетъ сильный экономическій интересъ,—и мы вступаемъ въ періодъ научнаго развитія геометріи".

Поскольку рѣчь идетъ о послѣднемъ (научномъ) періодѣ, мы хотимъ коснуться только вопроса, послужившаго исходнымъ пунктомъ нашихъ разсужденій, именно, вопроса о возникновеніи не-эвклидовой геометріи. Послѣдняя представляетъ собою лишь приспособленіе мыслей другъ къ другу, чисто логическую дедукцію, не вызванную никакимъ новымъ опытомъ. Отбросивъ аксіому о параллельныхъ линіяхъ, Лобачевскій совершилъ логическій экспериментъ, чтобы посмотрѣть, какія изъ этого получатся слѣдствія. Махъ полагаетъ, что Лобачевскій предпринялъ свою попытку въ надеждѣ, путемъ отказа отъ эвклидовой аксіомы, придти къ противорѣчіямъ, но, обманувшись въ своемъ ожиданіи, онъ имѣлъ интеллектуальное мужество сдѣлать изъ этого всѣ выводы. Выводы же эти показывали, что, кромѣ геометріи въ эвклидовомъ пространствѣ нашего опыта, можно построить еще другую, свободную отъ противорѣчій въ себѣ, логическую систему отношеній,—стоитъ только для этого спеціальнаго случая отвлечься отъ одного изъ нашихъ опытовъ. Эту новую систему назвали «не-эвклидовой геометріей». Она, слѣдовательно, представляетъ собою только новую группировку понятій въ имѣющемся уже опытномъ матеріалѣ.

Въ заключеніе приведемъ еще возраженія Маха противъ того мнѣнія, будто математика, сужденія которой такъ достовѣрны, должна была возникнуть «изъ головы»:

«Убѣдительность геометріи (и всей математики) основывается не на томъ, что ученія ея будто бы добыты путемъ совершенно особаго рода познанія, а лишь на томъ, что ея опытнымъ матеріаломъ мы можемъ особенно легко и удобно пользоваться, что онъ особенно часто подвергался провѣркѣ и въ любой моментъ снова можетъ быть провѣренъ. Въ то же время область пространственнаго опыта значительно уже области всего опыта въ цѣломъ.

Поэтому скоро появляется убѣжденіе, что пространственный опытъ въ существенныхъ чертахъ уже исчерпанъ, а это и порождаетъ необходимую увѣренность. Но подобную же увѣренность имѣетъ, безъ сомнѣнія, также композиторъ, опирающійся на богатый опытъ въ области звуковыхъ ощущеній, или живописецъ—въ области цвѣтовыхъ ощущеній. Если геометру не можетъ встрѣтиться ни одна пространственная форма, элементы которой не были бы ему хорошо извѣстны, то и ком-

позиторъ или живописецъ не можетъ наткнуться на совершенно новыя звуковыя или цвѣтовыя комбинаціи.

А безъ опыта, начинающій изучать геометрію будетъ пораженъ и разочарованъ результатами своей дѣятельности не меньше, чѣмъ молодой музыкантъ или живописецъ. Математикъ, композиторъ, живописецъ и естествоиспытатель, которые предаются умозрѣнію поступаютъ совершенно аналогично, несмотря на все различіе матеріала и цѣли ихъ дѣятельности. При этомъ, конечно, первый (математикъ), въ виду наибольшей ограниченности матеріала, пользуется наибольшимъ преимуществомъ въ смыслѣ достовѣрности добытыхъ результатовъ, послѣдній же (естествоиспытатель) по противоположнымъ основаніямъ находится въ наименѣе выгодномъ положеніи».

Мы марксисты можемъ спокойно смотрѣть въ будущее; зданіе, построенное нашимъ учителемъ, въ различныхъ частяхъ нуждается еще въ отдѣлкѣ, но фундаментъ, заложенный имъ все болѣе укрѣпляется. Лучше всего это показываетъ современная естественно-научная теорія познанія, непосредственно примыкающая къ нашимъ воззрѣніямъ. Это объясняется не тѣмъ, что Марксъ былъ богомъ, а просто тѣмъ, что онъ не ограничился, по примѣру своихъ утопическихъ предшественниковъ, отраженіемъ классовыхъ отношеній, а создалъ методъ, орудіе для классовой борьбы. Ибо научное знаніе тѣмъ и отличается отъ вѣры и простыхъ мнѣній, что оно учитъ людей, а не просто отражаетъ то, что происходитъ.

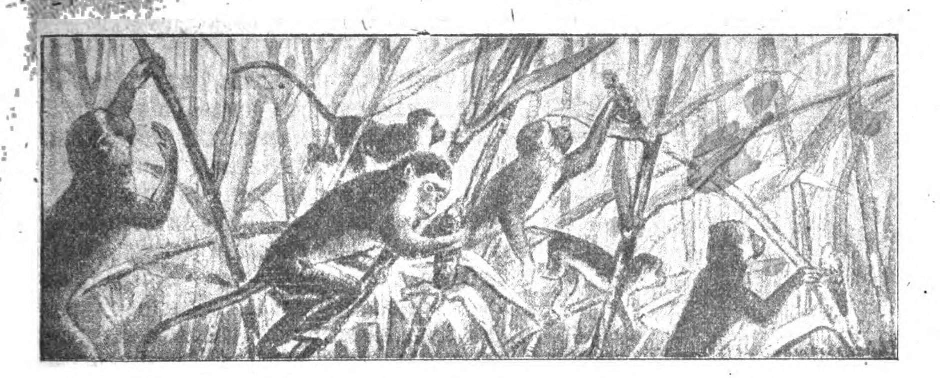
Отвѣты.

Подп. 22813. Малороссійскую бандуру можете выписать изъ магазина Юл. Генр. Циммермана—СПБ., Морская, 34—или изъ склада музыкальныхъ инструментовъ Якова Петр. Розмыслова—СПБ. Садовая, 38. Тотъ и др. магазины высылаютъ свои каталоги безплатно.

Подп. № 33935. Вы сами сообщаете, что Горецкое Зем. Таксаторское училище будетъ преобразовано, и его программа измѣнится,—какъ же мы можемъ заранѣе знать, подойдетъ ли вашъ образовательный цензъ къ новой, еще не изданной программѣ? Для поступленія въ существующія землемѣрныя училища (въ городахъ: Курскѣ, Псковѣ, Пензѣ, Тифлисѣ и Уфѣ) необходимо представить свидѣтельство объ успѣшномъ окончаніи 4-хъ кл. реальн. училища или 5 классовъ гимназіи; если же такого свидѣтельства не имѣете, то придется держать экзаменъ за 4 класса реальн. учил. Вѣд. Мин. Нар. Просв.—по Закону Бож., рус. яз., ариѳметикѣ, алгебрѣ, геометріи и исторіи. Получившіе на экзаменахъ, по каждому изъ этихъ предметовъ, баллы не менѣе 4-хъ могутъ разсчитывать на стипендію (120 р.) Минист-ва Юстиц. Въ указанныя землемѣрныя училища принимаются лица не старше 19 лѣтъ, но дѣлаются исключенія въ тѣхъ случаяхъ, если лица старше этого возраста на пріемномъ экзаменѣ окажутъ знанія выше средняго. Тогда наводятся справки о поведеніи и образѣ жизни поступающаго и о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя воспрепятствовали ему поступить въ пріемномъ возрастѣ. Окончившіе курсъ ученія въ этихъ училищахъ съ особымъ отличіемъ опредѣляются на гражданскую службу, безъ различія состоянія, съ правомъ на чинъ XIV кл., а оказавшіе только хорошіе успѣхи получаютъ званіе частныхъ землемѣровъ. Ученики 1-й категоріи могутъ, по собственному желанію, поступить на казенный счетъ въ Константиновскій Межевой Институтъ.—Чтобъ сказать, сможете ли вы подготовиться къ сдачѣ экзамена въ августѣ этого года, надо бы знать ваши способности, степень подготовки и пр.

Подп. г. Буйволову. Такъ какъ лѣченіе по системѣ Кнейпа обходится безъ медикаментовъ, то давать совѣты согласно этой системѣ возможно безъ всякихъ разрѣшеній; но для открытія лѣчебницы, конечно, необходимо испросить разрѣшеніе.

Подп. А. Мартинату. Пунктъ 11-й приложенія къ статьѣ 1516 (прим. 3) св. зак. т. XI ч. I (по продолж. 1895 г.) гласитъ: .... имѣющіе аттестаты объ удовлетворительномъ окончаніи курса въ сихъ (среднихъ учебныхъ) заведеніяхъ подвергаются только сокращенному испытанію" на званіе учителя средняго училища. А сокращенное испытаніе производится только изъ главныхъ предметовъ, избираемыхъ самими испытуемыми. Слѣдовательно, вамъ придется держать экзаменъ только по географіи. Это правило распространяется на лицъ, окончившихъ во всѣхъ учительскихъ семинаріяхъ (а не только Привислянскаго края), гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ и въ другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Обезьяны, опустошающія маисовое поле.

Зоологія.

Д-ръ Т. Целль.

Параллели въ царствѣ животныхъ.

Фактъ, что многія животныя, хотя и принадлежащія къ совершенно различнымъ порядкамъ или даже классамъ, имѣютъ между собой большое сходство,—слишкомъ рѣзко бросается въ глаза наблюдателю, и потому подобнаго рода наблюденія мы встрѣчаемъ уже въ древности. Какой путь могъ быть болѣе естественнымъ, чѣмъ путь сравненія иноземныхъ животныхъ съ тѣми изъ животныхъ родной страны, съ которыми первыя представляютъ всего болѣе сходства? Это родство животныхъ видовъ выражали соотвѣтствующими названіями, и такимъ образомъ мы и теперь еще можемъ легко установить его. Такъ, нашихъ жирафовъ греки называли «верблюдо-пантерами», обозначая этимъ, что данное животное окраской походитъ на леопарда, а фигурой—на верблюда. Страуса также уподобляли верблюду. Нильскій крокодилъ получилъ свое имя по сходству съ однимъ изъ видовъ туземныхъ ящерицъ. Во многихъ случаяхъ, однако, это сходство можно открыть только съ большимъ трудомъ. Что общаго съ благороднымъ конемъ имѣетъ неуклюжая нильская лошадь, представляющая собой собственно громадную водяную свинью? Будто бы она ржетъ, но на самомъ дѣлѣ издаваемые ею звуки походятъ на какой то ревъ. Грива и хвостъ у нея отсутствуютъ.—Гіена по нѣмецки называется «свинья». Надо порядкомъ поломать голову, прежде чѣмъ додуматься до того, что у обоихъ животныхъ одинаково взъерошены волосы на спинѣ. Римляне называли слоновъ «луканійскими быками», потому что они познакомились съ этими, дотолѣ неизвѣстными имъ созданіями въ Луканіи, во время войны съ Пирромъ. Нѣкоторыя породы обезьянъ мы, нѣмцы, называемъ «морскими кошками», и это названіе удачно выбрано, ибо и тѣ, и другія суть древесныя животныя, имѣютъ приблизительно одинаковую величину и обладаютъ хвостомъ. Что касается морскихъ свинокъ, то здѣсь уже необходимо большое напряженіе фантазіи, чтобы найти сходство, и то, кромѣ своеобразнаго хрюканья, тупого ума, сосредоточеннаго исключительно на пожираніи пищи, и большой плодовитости, — намъ не удается открыть тутъ ничего общаго. Древніе греки говорили о «медвѣдеобезьянахъ», и мы съ полнымъ правомъ принимаемъ, что подъ этимъ названіемъ они подразумѣвали самыхъ сильныхъ и самыхъ крупныхъ обезьянъ—напримѣръ, гориллу. Въ самомъ дѣлѣ, сходство этого исполина среди обезьянъ съ нашимъ «мишкой»—чрезвычайно велико. У обоихъ—одинаковая плотная, мускулистая фигура; у обоихъ—короткая шея; оба лазаютъ по деревьямъ; оба во время борьбы пускаютъ въ ходъ свои зубы и, въ особенности, мощныя лапы, которыми они задавливаютъ противника;

Попугаи на маисѣ.

оба, нападая на врага, идутъ на четырехъ лапахъ. Гуго фонъ-Коппенфельсъ, первый европеецъ, который несомнѣнно убилъ гориллу, сравниваетъ этого Геркулеса между обезьянами съ медвѣдемъ. Доминикъ равнымъ образомъ подтверждаетъ большое сходство между обоими животными. И Доминикъ, конечно, можетъ судить въ этой области съ полнымъ знаніемъ дѣла, ибо ему первому удалось поймать взрослаго гориллу.

Изъ другихъ случаевъ сходства, подмѣченныхъ народомъ, стоитъ упомянуть здѣсь о сходствѣ между мышами и летучими мышами. Это наблюденіе основано главнымъ образомъ на фигурѣ и ночномъ образѣ жизни обоихъ животныхъ. Между тѣмъ какъ летучія мыши охотятся исключительно за насѣкомыми (преимущественно за ночными бабочками)—мыши, какъ извѣстно, ѣдятъ другія вещи, а именно предпочитаютъ медъ и сало, хотя не брезгаютъ и насѣкомыми. Для летучей мыши ея сходство съ мышью оказалось въ высшей степени вреднымъ, ибо изъ-за этого ее часто подозрѣвали въ томъ, что она ѣстъ сало, и даже дали ей названіе «сальной мыши» (по нѣмецки—Speckmaus).

Еще меньше сходства между собаками и летучими собаками, между лисицами и летучими лисицами и т. д. Въ этихъ случаяхъ причиной для даннаго наименованія послужила почти исключительно фигура животнаго. Въ другихъ случаяхъ, напримѣръ, что касается нѣмецкаго названія рѣчной выдры, представляющей, какъ извѣстно, видъ куницъ, питающійся рыбой,—то здѣсь змѣиныя движенія вытянутаго тѣла выдры подали поводъ сравнить ее съ гадюкой *).

Приведенные примѣры могутъ послужить достаточнымъ доказательствомъ того, что между животными часто наблюдается сходство, и это сходство уже давно было отмѣчено народомъ.

Нѣчто иное, чѣмъ простое сходство, представляютъ собой параллели.

Въ строгомъ смыслѣ слова о настоящихъ параллеляхъ въ животномъ царствѣ можно говорить лишь тогда, когда какому либо млекопитающему соотвѣтствуетъ птица, и оба вида ведутъ одинаковый образъ жизни. То, чего птица достигаетъ при помощи летанья,—млекопитающимъ можетъ быть достигнуто, само собою разумѣется, только при помощи лазанья.

Такія паралели встрѣчаются въ дѣйствительности, и нѣкоторыми изъ нихъ мы хотимъ здѣсь заняться подробнѣе.

Случаи замѣчательнаго единства между различными животными не укрылись, конечно, отъ внимательнаго взора естествоиспытателей. Такъ, напримѣръ, попугаевъ нерѣдко называли пернатыми обезьянами. И дѣйствительно, сходство между ними изумительно велико.

Обезьяны и попугаи живутъ только въ теплыхъ странахъ; они—древесныя животныя; временемъ ихъ дѣятельности является день; они

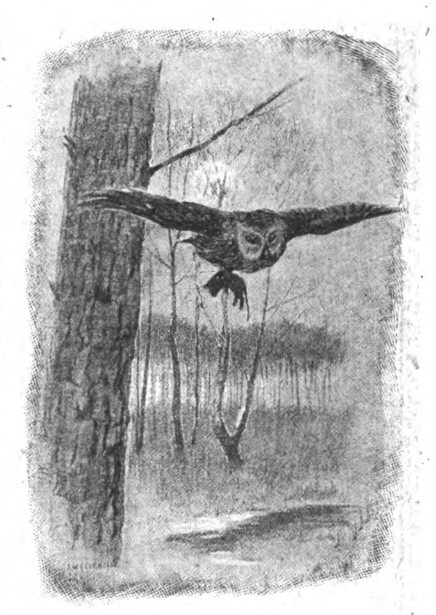
*) Выдра по нѣмецки Fischotter, что значитъ буквально—„рыбная гадюка".

чувствуютъ себя хорошо только въ обществѣ; они добросовѣстные отцы семейства; они оживляютъ лѣса своимъ крикомъ, ѣдятъ главнымъ образомъ плоды, но какъ обезьяны, такъ и многіе виды попугаевъ въ неволѣ становятся всеядными и. т. д.

Почитайте описанія того, какъ попугаи грабятъ поля, и вы тотчасъ подумаете о мартышкахъ. И тѣ, и другія—злѣйшіе опустошители полей; и тѣ, и другія, когда заняты грабежемъ, преодолѣваютъ свою склонность къ крику; и тѣ, и другія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ считаются священными, и въ такомъ случаѣ они съ особеннымъ безстыдствомъ обираютъ благодушнаго человѣка.

Но еще больше—духовное сходство между попугаями и обезьянами. Попугай, какъ справедливо подчеркиваетъ Бремъ, перенесъ въ птичье царство всѣ свойства и страсти обезьяны, ея хорошія стороны и дурныя, ея добродѣтели и недостатки. Онъ — умнѣйшая птица, какую мы только знаемъ, но онъ всегда остается обезьяной, остается капризнымъ, перемѣнчивымъ. За минуту передъ тѣмъ онъ былъ любезнѣйшимъ компаньономъ, спустя минуту, онъ—невыносимое созданіе. Попугай—понятливъ внимателенъ, разсудителенъ, остороженъ, хитеръ, очень проницателенъ. обладаетъ превосходной памятью и, благодаря этому, въ высшей степени способенъ къ обученію. Онъ сознаетъ свое достоинство, онъ—гордъ и смѣлъ, привязчивъ даже до самопожертвованія, нѣженъ по отношенію къ любимымъ существамъ, вѣренъ до смерти, благодаренъ—сознательно благодаренъ. Его можно воспитать, превратить въ послушное, вѣжливое животное. Всѣ эти качества мы наблюдаемъ и у обезьяны. Но съ другой стороны, попугай—раздражителенъ, золъ, коваренъ, лукавъ и нанесенныя ему оскорбленія забываетъ такъ же мало, какъ и оказанныя ему благодѣянія; онъ—безпощаденъ къ слабымъ и, за рѣдкими исключеніями, не любитъ безпомощныхъ или несчастныхъ—все это у него обще съ обезьяной. Вообще говоря, его существо—это смѣсь всевозможныхъ свойствъ.

Не такъ извѣстно сходство между совами и кошками, но оно удивительно велико и можно съ полнымъ правомъ назвать совъ пернатыми кошками. И совы, и кошки — ночныя животныя, ихъ главный органъ чувствъ — глаза. И совы, и кошки—хищныя животныя и питаются по преимуществу мышами. И тѣ, и другія отправляются на охоту въ одиночку. И тѣ, и другія достигаютъ своей цѣли не посредствомъ грубой силы, а при помощи того, что они безшумно движутся и врасплохъ нападаютъ на свою жертву.

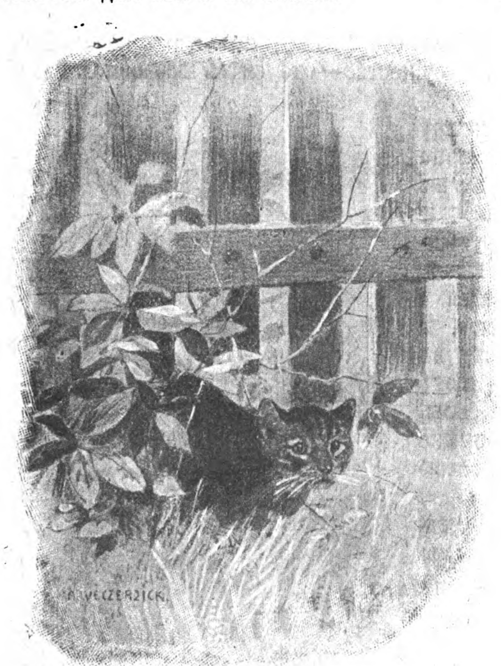

Сова съ добычей.

Всѣ нѣмецкія совы, говоритъ Бремъ, ѣдятъ по преимуществу мышей, и мы знаемъ, что ихъ дѣятельность въ этомъ направленіи—одна изъ самыхъ успѣшныхъ. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда ненавистные грызуны чувствуютъ себя всего привольнѣе, принимаются совы за свое дѣло. Неслышно проносятся онѣ надъ самой землей или съ высоты внимательно осматриваютъ почву, и по общему правилу намѣченная мышь навѣрняка будетъ схвачена. Для этого служатъ совамъ ихъ короткіе подвижные пальцы и острые, какъ иглы, сильно изогнутые когти. Схвачен-

ная совой мышь погибла безвозвратно: когти хищника пронзятъ ее прежде, чѣмъ она успѣетъ подумать о бѣгствѣ.

Отдѣльныя совы охотятся точь въ точь такъ же, какъ и кошки—сидя на своемъ мѣстѣ, онѣ не упускаютъ изъ вида ни одной мышиной норки. Отецъ Брема наблюдалъ это, напримѣръ, у ястребиной совы. Эта птица, говоритъ онъ, отличается отъ родственныхъ ей видовъ тѣмъ, что она не выискиваетъ свою добычу, т. е. не старается настичь ее, пролетая низко надъ землей. Она поджидаетъ свою жертву, какъ убійца, сидя на мѣстѣ.

Поэтому, для своей охоты она должна выбирать такія мѣста, гдѣ кишмя кишатъ мыши. Такую картину представлялъ одинъ участокъ поля. На немъ было накопано столько мышиныхъ норъ, что его края походили на рѣшето. Сова выбирала здѣсь неособенно высокіе предметы, съ которыхъ можно было свободно видѣть, что дѣлается кругомъ. При такихъ условіяхъ хищница могла сейчасъ же замѣтить выходящую изъ норы мышь и поймать ее. Однажды мы видѣли, какъ птица схватила свою добычу. Она была спугнута съ кочки, которая служила для нея прекраснѣйшимъ наблюдательнымъ пунктомъ, и сѣла на вершину высокой сосны, отстоявшей метровъ на пятнадцать. Вдругъ она спустилась оттуда на землю, и раздавшійся мышиный пискъ показалъ, какъ вѣрно она прицѣлилась. Вслѣдъ за этимъ сова поднялась съ кучкой травы въ когтяхъ и понесла находившуюся въ этой кучкѣ мышь къ группѣ стоявшихъ неподалеку высокихъ сосенъ, гдѣ и скрылась изъ глазъ. Безъ сомнѣнія, она тамъ и сожрала свою добычу, ибо, подобно другимъ родственнымъ видамъ, она проглатываетъ ее почти цѣликомъ и потому не имѣетъ нужды спускаться для этого на землю.

Кошка на охотѣ.

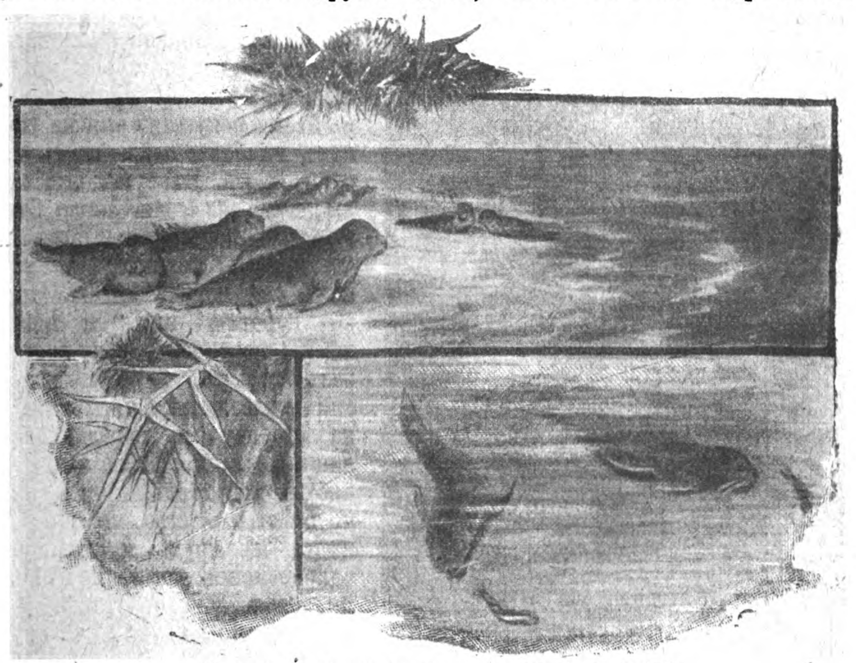
Я убѣжденъ, говоритъ Бремъ-отецъ, что совѣ при ея охотѣ такъ же помогаетъ ея тонкій слухъ, какъ и ея острое зрѣніе. Мышь, которую она схватила у насъ на глазахъ, находилась отъ нея на разстояніи, по крайней мѣрѣ, двадцати пяти шаговъ и была скрыта густой травой. Очевидно, сова услыхала ничтожный шумъ, производимый мышью въ сухой травѣ, и только тогда обратила свои взоры въ эту сторону и замѣтила добычу.

Тонкость слуха кошекъ, воспринимающихъ малѣйшія движенія мыши, не разъ приводила въ изумленіе наблюдателей. Въ теплый тихій день, говоритъ Ленцъ, я сѣлъ у себя на дворѣ на скамью въ тѣни дерева и хотѣлъ читать. Одна изъ моихъ кошекъ мурлыча и ласкаясь подошла ко мнѣ и по усвоенной ей привычкѣ взобралась мнѣ на плечи. При чтеніи это было неудобно, и потому я помѣстилъ кошку на предназначенной для этого подушкѣ у себя на колѣняхъ, тихонько придержалъ ее, и черезъ десять минутъ она, повидимому, крѣпко уснула. Я могъ спокойно читать, и во-

кругъ насъ пѣли птички. У кошки голова, а слѣдовательно и уши были обращены къ югу. Вдругъ она со страшной быстротой прыгнула въ противоположную сторону. Я съ удивленіемъ смотрѣлъ ей въ слѣдъ: къ сѣверу отъ насъ отъ одного куста къ другому пробѣжала мышь по гладкой каменной плитѣ, на которой она естественно не могла произвести шума. Я смѣрилъ разстояніе, на которомъ кошка услышала мышь позади себя: оно равнялось полнымъ 44 футамъ.

Мяуканье кошекъ въ пору любви можетъ въ соединеніи съ другими звуками составить такую гармонію, которая, какъ извѣстно, въ состояніи размягчить камни и привести человѣка въ бѣшенство. Столь же дурной славой пользуется и крикъ совы. Въ издаваемомъ ею звукѣ: «Kuwitt» народу слышется обращенный къ больнымъ призывъ: «Komm mit»—пойдемъ со мной, т. е. пойдемъ на кладбище. Непріятный крикъ филина, крупнѣйшей изъ нашихъ совъ, послужилъ поводомъ къ сказкѣ о дикомъ охотникѣ.

Какъ мы держимъ кошекъ, чтобы избавиться отъ мышей, такъ итальянцы съ тою же цѣлью держатъ совъ. Чтобы въ такихъ совахъ не было недостатка, итальянцы, разсказываетъ Ленцъ, заботливо устраиваютъ для нихъ подъ крышей хорошія, темныя убѣжища, легко доступныя въ то же время для человѣка. Изъ гнѣздъ берутъ и выкармливаютъ лишь такое количество птенцовъ, какое нужно для дома или для продажи на рынкѣ; остальнымъ предоставляютъ полнѣйшую свободу. Для итальянца ручныя совы—настоящіе друзья дома; часто онѣ съ подрѣзанными

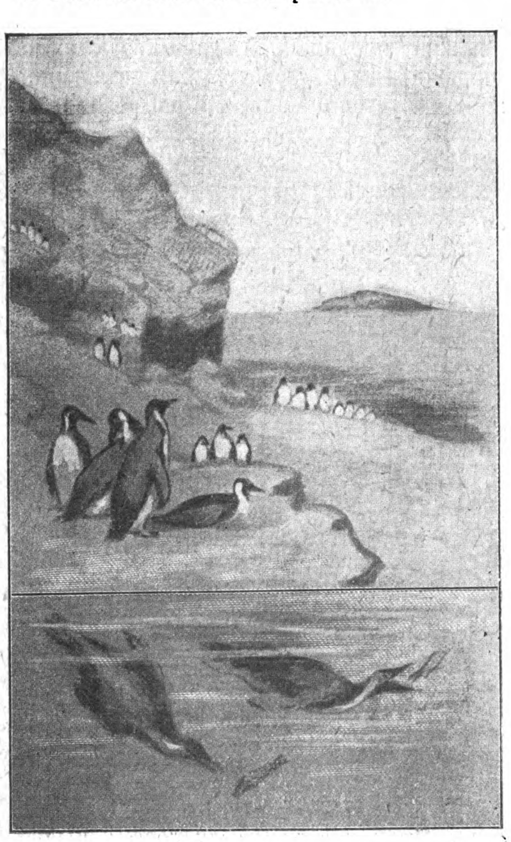
Тюлени во время отдыха и на охотѣ за рыбой,

крыльями свободно ходятъ по дому, двору и саду, всюду ловятъ мышей и особенно охотно устраиваются въ хорошо огороженныхъ садахъ, гдѣ онѣ уничтожаютъ слизняковъ и всевозможныхъ вредныхъ насѣкомыхъ, не причиняя со своей стороны никакого вреда. Когда сапожникъ, портной или горшечникъ работаетъ по тамошнему обычаю на улицѣ, то рядомъ съ нимъ очень часто можно видѣть привязанныхъ къ жердочкѣ его любимцевъ—двухъ, трехъ или четырехъ совъ, съ которыми онъ какъ можно чаще обмѣнивается нѣжными взглядами. Такъ какъ онъ не всегда бы-

ваетъ въ состояніи запастись мясомъ для этихъ милыхъ обжоръ, то пріучаетъ ихъ, при недостаткѣ мяса, довольствоваться полентой.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что у совы, какъ хищной птицы, на первомъ мѣстѣ въ качествѣ оружія стоятъ когти, а клювъ имѣетъ лишь второстепенное значеніе. Точно такъ же поступаетъ и кошка, у которой лапы играютъ болѣе важную роль, чѣмъ зубы.

Въ заключеніе мы напомнимъ еще о пингвинахъ, которыхъ многіе естествоиспытатели сравниваютъ съ дельфинами. Согласно описаніямъ этихъ ученыхъ, пингвины не только ведутъ соотвѣтствующій образъ жизни, но походятъ на этотъ хищный видъ китовъ даже своими движеніями. Строеніе ихъ тѣла предназначаетъ ихъ для жизни въ морѣ; въ водѣ они движутся съ безподобной ловкостью. Вслѣдствіе тяжести и густоты ихъ оперенія, они, какъ замѣчаетъ Грульдъ, плаваютъ очень глубоко въ водѣ— такъ что на поверхности остается только голова и шея, рѣже задъ. Достойна удивленія сила, съ которой они передвигаются въ глубинѣ воды. Они пользуются при этомъ одновременно своими короткими крыльями и ногами и плывутъ такъ сильно, что съ величайшей легкостью преодолѣваютъ волны бурнаго моря и даже во время сильнѣйшихъ бурь ныряютъ и всплываютъ на поверхность.

Пингвины на сушѣ и въ водѣ.

При помощи сильнаго удара крыльями пингвины быстро поднимаются надъ поверхностью воды, показываются на мгновенье въ воздухѣ и снова исчезаютъ въ волнахъ. Неизвѣстно, на какую глубину они могутъ нырять, но можно признать, что въ этомъ искусствѣ они не уступятъ наиболѣе одареннымъ имъ существамъ. На сушѣ они также двигаются очень ловко. Строеніе ихъ ногъ принуждаетъ ихъ къ прямой походкѣ; а такъ какъ они могутъ дѣлать только короткіе шаги и принуждены переносить одну ногу черезъ другую, то при ходьбѣ они переваливаются со стороны на сторону и передвигаются лишь медленно. Если ихъ что нибудь испугаетъ, и имъ нужно бѣжать быстро, то они ложатся на грудь и, пользуясь одновременно крыльями и ногами, скользятъ съ такой скоростью, что идущій человѣкъ съ трудомъ догонитъ ихъ. Добравшись до крутого утеса, они, наполовину скользя, наполовину катясь, бросаются въ море, и лишь только они снова очутились въ водѣ, скрываются изъ глазъ. Съ корабля бываетъ видно, какъ они бо́льшими или меньшими группами плывутъ въ опредѣленномъ направленіи, разрѣзая волны быстрѣе, чѣмъ самое скорое судно. Вся стая при этомъ находится въ непрерывно мѣняющемся движеніи: одни ныряютъ въ глубину и поя-

вляются снова далеко впереди въ направленіи пути; за это время другіе, не ныряющіе, а только плывущіе, обгоняютъ первыхъ, и отставшіе пловцы стараются наверстать потерянное разстояніе. Такое плаваніе является для нихъ въ то же время и охотой; ныряютъ они только съ намѣреніемъ поймать добычу. Послѣдняя состоитъ изъ самыхъ различныхъ рыбъ, а иногда и изъ ракообразныхъ и моллюсковъ, которыхъ они собираютъ съ коралловыхъ рифовъ или разыскиваютъ среди водяныхъ растеній.

Пингвины, какъ извѣстно, не могутъ летать, благодаря чему ихъ сходство съ млекопитающими выступаетъ еще ярче. По способу плаванія они во всякомъ случаѣ больше походятъ на дельфиновъ, чѣмъ на тюленей, но если принять во вниманіе весь ихъ образъ жизни, то ихъ надо назвать скорѣе пернатыми тюленями, чѣмъ пернатыми дельфинами. Дельфины всегда остаются въ водѣ, пингвины и тюлени посѣщаютъ сушу—для отдыха и для того, чтобы вывести дѣтенышей. Далѣе, оба вида животныхъ живутъ главнымъ образомъ въ негостепріимныхъ холодныхъ странахъ и живутъ стадами или стаями. И тѣ, и другіе безпомощны на сушѣ и ищутъ спасенія въ морѣ. И тѣ, и другіе питаются по преимуществу рыбой. Если сравнить пойманныхъ тюленей и пингвиновъ въ неволѣ, то способъ ловли рыбы у нихъ почти одинаковъ. И снова намъ приходится удивляться чрезвычайной ловкости обоихъ видовъ.

Возможно, что дальнѣйшія изслѣдованія обнаружатъ еще новыя параллели въ животномъ царствѣ. Я хотѣлъ бы только особенно подчеркнуть то, что для наличности параллелей требуются не отдѣльныя черты сходства, но сходство всей суммы признаковъ. Это можно подтвердить примѣромъ: Флорике кратко указалъ на то, что нашъ удодъ съ цѣлью самозащиты распространяетъ непріятный запахъ. Этого обстоятельства еще далеко недостаточно, чтобы назвать удода пернатой вонючкой, ибо различія въ остальномъ образѣ жизни слишкомъ глубоко раздѣляютъ два названные вида.

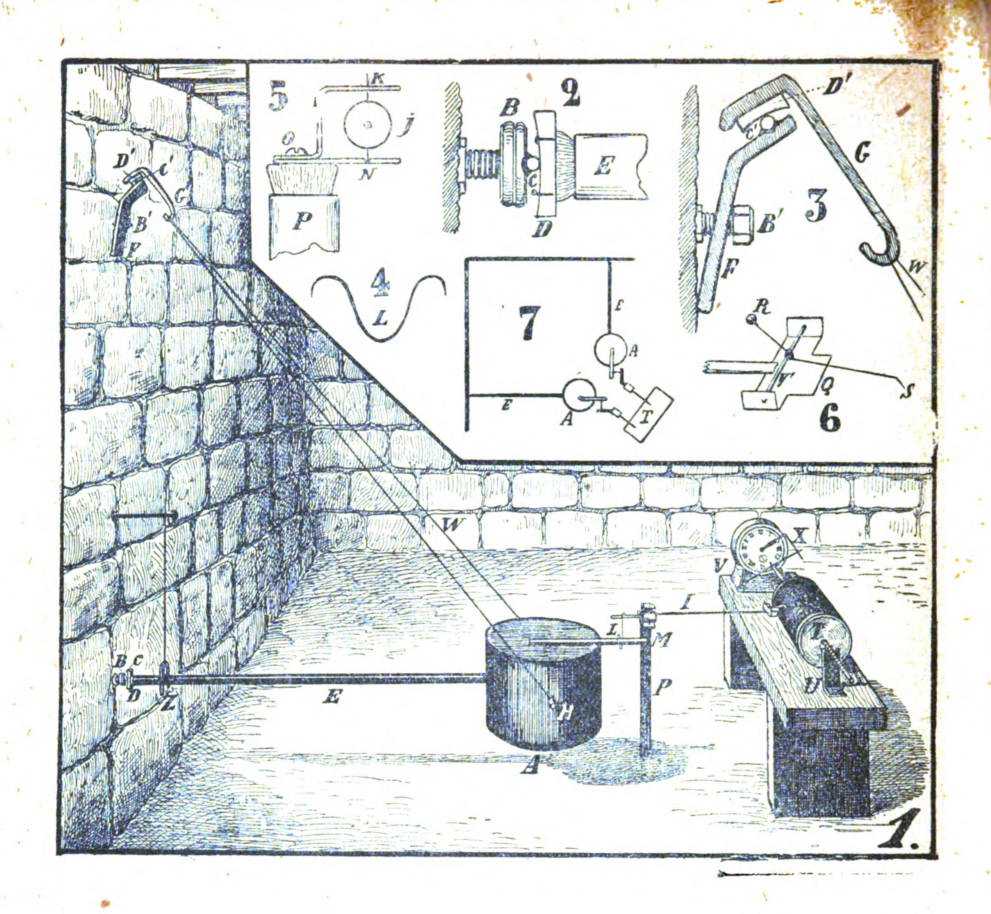
Отвѣты по сельскому хозяйству.

— **Подписч. Вал. Дульсону.** Зола кизяка содержитъ около 11,3% солей калія и потому можетъ быть употребляема съ пользою въ тѣхъ случаяхъ, о которыхъ вы спрашиваете. На огородѣ она примѣнима для овощей, требующихъ калійнаго удобренія, какъ, напр., брюква, рѣпа садовая, свекла столовая. Относительно выщелачиванія эта зола находится въ сравнительно благопріятныхъ условіяхъ, такъ какъ поглотительная способность почвы по отношенію къ калію наиболѣе велика.—Кормовая свекла особенно удачно культивируется въ Привислянскомъ краѣ, западныхъ губерніяхъ и нестепной черноземной полосѣ; полевая ея культура не заходитъ сѣвернѣе приблиз. Лифляндіи, южныхъ частей Новгор. губ. и Верхняго Поволожья. По отношенію къ почвѣ она хотя и гораздо менѣе требовательна, чѣмъ сахарная свекла, но во влагѣ нуждается; очень часто примѣняемое къ кормовой свеклѣ окучиваніе въ сухой мѣстности должно быть производимо съ осторожностью, такъ какъ оно изсушаетъ почву еще больше. Изъ руководствъ заслуживаетъ вниманія книга Н. В. Сидорскаго. Воздѣлываніе кормовой свекловицы и выращиваніе сѣмянъ ея въ своемъ хозяйствѣ. Ц. 60 к. Изд. А. Ф. Девріена.

— **Подп. № 30565.** См. предыд. отвѣтъ. Зола кизяка годна въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется калійное удобреніе.

— **Подп. С. Демину.** Въ Зап. Европѣ хозяйство ведется преимущественно интенсивное, т. е. его доходность обусловливается большою затратою капитала. Земля обрабатывается усовершенствованными, нерѣдко дорого стоющими орудіями и получаетъ достаточное количество искусственныхъ минеральныхъ удобреній. Установленіе правильныхъ, научно-обоснованныхъ сѣвооборотовъ также помогаетъ наиболѣе продуктивному использованію почвы. Этимъ и достигаются высокіе урожаи.

— **Подп. В. В. Любимову.** С. Ю. Раунеръ. Искусственное орошеніе земельныхъ угодій. Ц. 2 р. 75 к.—Флиннъ. Ирригаціонные каналы и относящіяся къ нимъ сооруженія. Ц. 1 р. 80 к. Сочиненій, отвѣчающихъ спеціально на вашъ вопросъ, на русск. языкѣ не имѣется.

Сейсмологія.

А. А. Чикинъ.

Сейсмографъ, устроенный домашними средствами *).

Страшное мессинское землетрясеніе пробудило въ широкой публикѣ интересъ къ сейсмологіи, т. е. наукѣ, занимающейся изслѣдованіемъ землетрясеній и ихъ причинъ. Въ самомъ дѣлѣ, эти таинственныя содроганія земной коры, эта длительная агонія нашей остывающей планеты должна вызывать глубокій интересъ, такъ какъ въ этой области еще многое остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ—мы, по справедливому замѣчанію одного писателя, знаемъ химическій составъ звѣздъ, отстоящихъ отъ насъ на милліарды миль, и находимся почти въ полномъ невѣдѣніи относительно того, что у насъ подъ ногами, на глубинѣ хотя бы 20-ти верстъ. Землетрясенія, какъ извѣстно, случаются чрезвычайно часто, и едва-ли проходитъ недѣля, чтобы въ томъ или иномъ мѣстѣ земного шара не произошло большаго или меньшаго колебанія земной коры. Хотя на пространствѣ Европейской Россіи серьезныхъ землетрясеній и не бываетъ, тѣмъ не менѣе всякій желающій можетъ наблюдать эту загадочную пульсацію земли при помощи прибора сейсмографа. Такой приборъ, отмѣчающій сотрясенія земной оболочки, происходящія часто за тысячи верстъ отъ мѣста наблюденія, очень легко устроить самому при помощи самыхъ простыхъ инструментовъ и съ ничтожными затратами. Генри Риггсъ, президентъ Евфратскаго колледжа въ Харпутѣ, въ Турціи, построилъ такой сейсмографъ,—не игрушку, а серьезный научный инструментъ,—истративъ на его изготовленіе менѣе 3-хъ

*) Докладъ, читанный въ Русскомъ О-вѣ любителей міровѣдѣнія, 16 марта 1909 г.

долларовъ, т. е. меньше 6-ти руб. Этотъ сейсмографъ въ теченіи 16-ти мѣсяцевъ отмѣтилъ 160 землетрясеній.

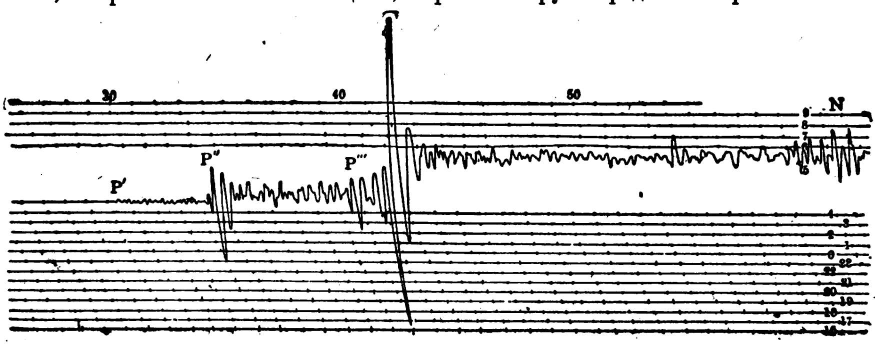
Существеннѣйшей частью прибора является горизонтальный маятникъ, назначеніе котораго оставаться въ покоѣ во время землетрясенія. Онъ представляетъ собой (см. рис. 1) цилиндръ изъ листового желѣза A, наполненный гравіемъ или крупнымъ пескомъ вѣсомъ около $2^1/_2$ пудовъ. (Для упрощенія работы можно воспользоваться старымъ желѣзнымъ ведромъ, слегка укоротивъ его и плотно задѣлавъ сверху). Къ этому цилиндру надежно прикрѣплена желѣзная газовая труба E въ дюймъ толщиной; свободный конецъ ея упирается въ солидную стѣну. Къ этой же стѣнѣ цилиндръ подвѣшенъ при помощи крючка G, на который накинута проволока, крѣпко замотанная за стержень H, проходящій черезъ цилиндръ перпендикулярно трубкѣ E. Маятникъ, во избѣжаніе тренія, и упирается, и виситъ не непосредственно, а при помощи особенныхъ подкладокъ, которыя отдѣльно изображены на чертежѣ 2-мъ и 3-мъ. (рис. 2 и 3). Нижній упоръ устроенъ такъ. Въ конецъ трубы E (рис. 2) вколочена пробка изъ твердаго дерева, и къ этой пробкѣ маленькими гвоздиками прикрѣплена пластинка изъ закаленной стали D, имѣющая слегка вогнутую поверхность. Эта поверхность упирается въ $^1/_4$ дюймовый велосипедный шарикъ C, приклеенный воскомъ или варомъ въ небольшомъ углубленіи, сдѣланномъ въ головкѣ машиннаго $^1/_2$ дюймоваго болта B, который плотно ввинчивается въ гайку, задѣланную въ стѣну. Верхній же упоръ устроенъ слѣдующимъ образомъ (рис. 3). Въ крѣпко вдѣланную въ стѣну гайку такъ же ввинчивается болтъ B′, который удерживаетъ согнутую полосу желѣза F ($1^1/_8 \times {}^3/_8$ д.). Въ верхнемъ концѣ этой полосы такъ же сдѣлано углубленіе и въ немъ такъ же приклеенъ велосипедный $^1/_4$-дюймовый шарикъ C′. Въ этотъ шарикъ упирается опять вогнутая пластинка закаленной стали D′, приклеенная къ другому крючку G, за нижній конецъ котораго и зацѣплена проволока W, удерживающая цилиндръ маятника.

Чтобы маятникъ нашъ не свалился на сторону, мы должны установить его такъ, чтобы точки его упоровъ пришлись на совершенно вертикальной линіи, что достигается осторожнымъ поворачиваніемъ вправо или влѣво нижняго конца не плотно прижатой болтомъ къ стѣнѣ полосы F. Тогда завинчивая или вывинчивая нижній болтъ B, мы можемъ регулировать періоды качанія нашего маятника. Вѣрно поставленный маятникъ, выведенный изъ положенія покоя, долженъ совершать одно качаніе взадъ и впередъ въ теченіе 40—50 секундъ. Завинчиваніе болта B въ гайку укорачиваетъ этотъ періодъ, вывинчиваніе—удлинняетъ, а если болтъ вывинченъ очень далеко, то маятникъ не будетъ качаться взадъ и впередъ противъ упора, а будетъ качаться болѣе или менѣе въ одной сторонѣ. Такъ какъ, однако, однимъ только поворачиваніемъ полосы F невозможно установить маятникъ абсолютно точно, то на трубку E въ нѣсколькихъ дюймахъ отъ ея свободнаго конца опускается на длинной ниткѣ маленькій грузъ въ 15—18 золотниковъ. Гвоздь, на которомъ виситъ этотъ грузъ, вколоченъ въ стѣну съ такимъ расчетомъ, чтобы прикрѣпленный къ спускающейся съ него ниткѣ грузъ производилъ нѣкоторое давленіе на упоръ E, уравновѣшивающее наклонность маятника сворачиваться на какую-нибудь одну сторону.

Второю частью прибора является чувствительный рычагъ I и перо (рис. 1 и 5). Устройство его таково. Передъ цилиндромъ маятника вколачивается глубоко въ землю такая же какъ и E газовая трубка P, въ верхній конецъ которой такъ же всажена пробка изъ крѣпкаго дерева. Къ этой пробкѣ привинчены винтомъ O мѣдныя тонкія пластинки, какъ показано на рис. 5. Въ верхней пластинкѣ пробуравлено крошечное отверстіе K, а въ нижней, какъ разъ противъ него, маленькое коническое углубленіе N. Въ это отверстіе ушкомъ проходитъ швейная игла, а остріе ея упирается въ углубленіе N. На иглу одѣта обыкновенная пробка j, въ противоположные концы которой вставлены плечи рычага, такъ что все это сооруженіе представляетъ собой весьма чувствительный шарниръ, вращающійся въ горизонтальномъ направленіи. Короткое плечо рычага состоитъ

изъ кусочка, длиной въ 3 дюйма, мѣдной (№ 12) проволоки, которая приблизительно на разстояніи одного дюйма отъ пробки, слегка расплющена сверху и здѣсь сдѣлано маленькое коническое углубленіе. Въ это углубленіе однимъ концомъ упирается соединитель L—кусочекъ фортепіанной проволоки, согнутый, какъ на рис. 4, другой же его конецъ упирается въ такое же коническое углубленіе, сдѣланное въ мѣдной пластинкѣ M, лежащей на цилиндрѣ маятника, такъ что малѣйшее колебаніе маятника этимъ соединителемъ передается короткому плечу чувствительнаго рычага I. Длинное плечо рычага—крѣпкая соломинка въ 14 дюймовъ длины. Оба плеча рычага должны почти уравновѣшиваться, что должно быть исполнено еще до привинчиванія шарнира къ деревянной пробкѣ винтомъ O, и чего легко достигнуть, напаивая каплю олова или кусочекъ вара на короткое плечо. На концѣ длиннаго плеча рычага находится перекладина Q, (фиг. 6) вырѣзанная изъ тонкаго алюминіеваго листочка, края котораго загнуты такъ, чтобы образовалась поддержка для иголки V′, оба конца которой упираются въ маленькія углубленія, сдѣланныя въ этихъ краяхъ. Кусочекъ тонкой (№ 24) алюминіевой проволоки дважды обертывается вокругъ иголки V′ и неподвижно приклеивается къ ней каплей воска. Одинъ конецъ этой проволоки въ дюймъ длиной затачивается конусомъ и загибается такъ, чтобы упереться въ барабанъ T, а другой конецъ загибается къ верху и оставляется кусочекъ всего въ 1/2 дюйма—остальное отрѣзается. Восковой шарикъ R почти уравновѣшиваетъ это короткое плечо маленькаго алюминіеваго рычажка съ длиннымъ, т. е. съ остріемъ, или стилюсомъ. Такимъ образомъ, когда остріе опущено, оно прикасается къ барабану T чрезвычайно легко и, когда толчекъ отброситъ его кверху, короткое плечо не коснется барабана.

Барабанъ, на которомъ отмѣчается запись—простая цилиндрическая жестянка, закрытая съ обоихъ концовъ, черезъ которую продѣта и припаяна ось

Запись бухарскаго землетрясенія, случившагося болѣе чѣмъ за 300 верстъ отъ Харпута, полученная на сейсмографѣ домашняго устройства,

т. е. 1/4-дюймовой толщины стержень, проходящій приблизительно какъ разъ по оси цилиндра. Во всякомъ случаѣ барабанъ этотъ такъ же слѣдуетъ уравновѣсить по оси, припаивая къ нему по мѣрѣ надобности кусочки олова или вара. Ось его покоится на стойкахъ U изъ полосокъ желѣза, привинченныхъ къ скамейкѣ, на которой установленъ этотъ барабанъ. На оси барабана на одномъ концѣ дѣлается „винтовая нарѣзка“, для чего берется мягкая мѣдная проволока и обвивается вокругъ стержня приблизительно въ 30 оборотовъ, а затѣмъ концы ея припаиваются къ стержню. Рѣзьба эта упирается въ край стойки U и медленно подвигаетъ барабанъ впередъ, если мы станемъ вращать его на оси. Вращаютъ эту ось обыкновенные двухрублевые часы. Они крѣпко придѣланы къ подставкѣ V на скамейкѣ такъ, чтобы центръ ихъ какъ разъ приходился противъ оси барабана. Стекло съ нихъ удаляется и вдоль минутной стрѣлки во всю ея длину и даже къ ея шляпкѣ припаивается мѣдная проволока X, согнутая подъ прямымъ угломъ къ стрѣлкѣ и стало быть параллельно оси барабана. Этотъ согнутый конецъ ея упирается въ проволоку, припаянную къ оси барабана, слу-

жащую поводкомъ, за который стрѣлка и вращаетъ барабанъ. Поводокъ этотъ долженъ выступать на одинаковую длину отъ центра оси, чтобы не нарушать равновѣсія барабана *). Поворачиваемый такимъ образомъ минутной стрѣлкой, барабанъ въ то же время подвигается и вдоль своей оси. На барабанъ накладывается листикъ гладкой бѣлой бумаги, который удерживается на мѣстѣ разъемными пружинными кольцами или кольцами изъ жесткой проволоки. Затѣмъ бумага сильно закапчивается при поворачиваніи снятаго со стоекъ барабана надъ большимъ коптящимъ пламенемъ керосиновой плошки.

Точные размѣры прибора не играютъ роли. Цилиндръ А, между прочимъ, имѣетъ 1 футъ въ діаметрѣ. На слѣдующіе же пункты Генри Риггсъ предлагаетъ обратить особенное вниманіе:

1) Стѣна, на которой виситъ маятникъ должна быть особенно солидной и даже лучше будетъ, если она будетъ находиться ниже поверхности земли (подвалъ) и не будетъ подвергаться большому и перемѣнному давленію, такъ какъ смѣщеніе верхней ея части хотя-бы на одну милліонную дюйма, уже даетъ замѣтный толчекъ на отмѣчающемъ барабанѣ. Короткія же сотрясенія отъ проходящаго не подалеку поѣзда или экипажа не имѣютъ серьезнаго вліянія.

2) Стальныя пластинки упоровъ D и D' послѣ того какъ будутъ сдѣланы слегка вогнутыми, чего можно достигнуть шлифуя ихъ крупнымъ наждакомъ съ водой при помощи полукруглаго конца деревянной ручки какого-нибудь инструмента въ родѣ напильника или шила, подвергаются закалкѣ до крѣпости напильника **), и затѣмъ вогнутости тщательно полируются самымъ мелкимъ наждакомъ и кожей.

3) Шарниръ рычага I, соединитель L и перо RS должны быть построены особенно тщательно. Острія иголокъ К и V' и соединителя L должны быть остры и гладки. Коническія углубленія, въ которыя они упираются, могутъ быть сдѣланы вращеніемъ остро отточеннаго шила. Въ странахъ, гдѣ сильныя землетрясенія не рѣдкость, углубленія эти должны быть достаточно глубокими во избѣжаніе выскакиванія иголокъ. Иголка К должна стоять совершенно вертикально.

4) Такъ какъ наибольшее треніе сейсмографъ испытываетъ въ остріѣ пера S, то слѣдуетъ стараться, чтобы остріе это еле касалось бумаги и нажатіе его было только таково, чтобы процарапать умѣренной толщины слой сажи. Широкая часть перекладины Q должна быть загнута нѣсколько кверху, чтобы не давать перу падать слишкомъ низко, что можетъ имѣть мѣсто въ томъ случаѣ, когда перо отскочитъ отъ бумаги во время сильнаго толчка при землетрясеніи.

5) Если въ помѣщеніи, гдѣ установленъ сейсмографъ имѣется сквознякъ, то инструментъ долженъ быть тщательно огражденъ отъ него.

Чтобы записи сейсмографа давали цѣнный для науки матеріалъ, необходимо, чтобы на нихъ точно было отмѣчено время и съ частыми интервалами. Этого легко достигнуть, если воспользоваться еще одними часами и по возможности уже точными ***). Если къ колесу секундной стрѣлки этихъ часовъ припаять крошечный кусочекъ платиновой проволоки, а другой кусочекъ такой же проволоки укрѣпить изолированно и неподвижно, такъ, чтобы при каждомъ оборотѣ колеса происходило короткое соединеніе этихъ проволокъ и затѣмъ ввести и колесо, и неподвижный кусочекъ проволоки посредствомъ провода въ цѣпь съ парой сухихъ элементовъ и магнитомъ электрическаго звонка, то у насъ получится настоящій хронографъ. Прилагаемый рисунокъ В показываетъ планъ включенія. Проводъ слѣдуетъ соединять прямо съ магнитомъ звонка, а не съ вибра-

---

*) На рисункѣ прибора Генри Риггса, помѣщенномъ въ Scientific American и въ описаніи его поводокъ одноконечный, но слѣдуетъ, повторяемъ, дѣлать двухконечный, иначе барабанъ будетъ вращаться неравномѣрно.

**) За неимѣніемъ подъ руками хорошей инструментальной стали, ихъ можно изготовить и изъ стараго плоскаго напильника, отломавъ отъ него два приблизительно квадратныхъ куска и отжегши ихъ въ печи.

***) Стѣнные съ гирями предпочтительнѣе пружинныхъ.

торомъ, при чемъ колокольчикъ, т. е. гонгъ, удаляется прочь. При каждомъ контактѣ, т. е. каждую минуту происходитъ встряхиваніе молоточка. Если къ молоточку припаять кусочекъ свинца въ 12—18 золотниковъ вѣсомъ, то эффектъ сотрясенія еще усилится, и если мы пристроимъ нашъ звонокъ перпендикулярно къ столбику P, то каждая минута будетъ отмѣчаться на нашемъ барабанѣ короткой поперечной черточкой, такъ какъ каждую минуту стержень P будетъ испытывать короткій толчокъ, точнѣе миніатюрное землетрясеніе.

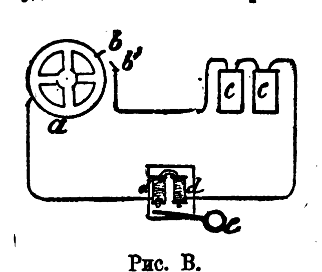

Рис. B.

a—колесо секундной стрѣлки, *b*—кусочекъ платиновой проволоки, *b'*—кусочекъ такой же проволоки, неподвижный и соединенный съ проводомъ, *cc*—сухіе элементы, *dd*—магнитъ звонка, *e*—молоточекъ звонка.

Веденіе записей производится слѣдующимъ образомъ. Разъ въ 24 часа, послѣ отмѣтки на закопченной бумагѣ точнаго времени послѣдней минутной черты, бумага осторожно снимается съ барабана, и на него кладется новый листъ, закапчивается, и часы заводятся. На снятомъ закопченномъ листѣ отмѣчаютъ тутъ же на копоти начало каждаго часа, дату, т. е. число, мѣсяцъ и годъ, степень увеличенія рычага и часовую ошибку, послѣ чего запись фиксируется довольно жидкимъ лакомъ, наносимымъ кистью на обратную сторону листка. При производствѣ серьезныхъ научныхъ наблюденій слѣдуетъ отмѣчать по крайней мѣрѣ слѣдующія данныя: 1) время начала перваго предварительнаго сотрясенія P; 2) начало слѣдующаго предварительнаго сотрясенія P''; 3) начало первой группы большихъ, главныхъ волнъ P'''; 4) время максимума движенія; 5) амплитуду максимума движенія (измѣряется отъ положенія пера въ покоѣ до крайняго его размаха въ обѣ стороны; это показаніе должно быть раздѣлено на степень увеличенія рычага); 6) періодъ времени максимума (т. е. время отъ одного гребня самыхъ большихъ волнъ до другого); 7) время конца главнаго сотрясенія; 8) конецъ послѣднихъ сотрясеній.

Что касается опредѣленія мѣста, гдѣ случилось землетрясеніе, то Генри Риггсъ, въ случаѣ большихъ отдаленныхъ землетрясеній, могъ сразу приблизительно опредѣлить мѣсто толчка по записи сейсмографа. Для этого нужно два элемента: разстояніе и направленіе. Такъ какъ первое предварительное сотрясеніе распространяется гораздо скорѣе, чѣмъ главныя, большія волны, то разница во времени ихъ прибытія и даетъ мѣру для разстоянія до мѣста образованія ихъ. Для вычисленія скорости распространенія предварительныхъ сотрясеній существуютъ формулы, и нѣкоторыя изъ нихъ довольно сложны. Риггсъ же полагаетъ, что если принять для скорости распространенія ихъ одну формулу, именно 3° дуги большого круга въ минуту (т. е. 312 верстъ), то такое допущеніе будетъ недалеко отъ истиннаго для всякихъ разстояній, т. е. что для каждой минуты, которая проходитъ отъ начала перваго предварительнаго сотрясенія P' и до начала первой группы большихъ волнъ P''', принимается 3° дуги большого круга. Такое допущеніе даетъ точность до $^1/_{10}$ истиннаго разстоянія.

Для точнаго же опредѣленія направленія, къ которому слѣдуетъ отнести найденное разстояніе, одного только горизонтальнаго маятника недостаточно. Нужно имѣть два маятника, расположенныхъ другъ къ другу подъ прямымъ угломъ, при чемъ короткія плечи ихъ чувствительныхъ рычаговъ загнуты по отношенію къ длиннымъ подъ угломъ въ 135°, отчего длинныя устанавливаются параллельно, какъ показано на рис. 7. При этомъ одинъ маятникъ слѣдуетъ расположить въ направленіи съ сѣвера на югъ, а другой съ запада на востокъ, тогда полученныя отъ этихъ двухъ маятниковъ координаты уже дадутъ возможность судить о настоящемъ направленіи толчка. Чтобы опредѣлить направленіе, слѣдуетъ обратить вниманіе на самыя первыя черты первыхъ предварительныхъ сотрясеній. Извѣстно, что предварительныя волны суть волны, которыя, подобно звуковымъ волнамъ, движутся по направленію, параллельному къ линіи распространенія, тогда какъ главныя волны имѣютъ движеніе подъ прямымъ угломъ

къ нему наподобіе волнъ свѣта. Эти послѣднія, однако,—черезвычайно сложныя, и, поскольку могъ замѣтить Генри Риггсъ, первыя предварительныя колебанія всегда начинаются съ самаго слабаго колебанія въ сторонѣ отъ этого землетрясенія, а за нимъ уже слѣдуютъ сравнительно большія колебанія по направленію образованія толчка. А потому, когда начало этихъ колебаній достаточно ясно отмѣчено на барабанѣ, то возможно посредствомъ сравненія сѣверо-южныхъ и восточно-западныхъ слагающихъ этихъ двухъ движеній опредѣлить направленіе, откуда пришли эти волны. Прилагаемый схематическій рисунокъ, (рис. C.), представляющій сильно увеличенную часть записи сейсмографа [2]), достаточно разъясняетъ, какъ это можно сдѣлать. Задача въ этомъ случаѣ сводится къ опредѣленію направленія равнодѣйствующей, которая легко находится изъ построенія параллелограмма силъ. Мы имѣемъ: a и b — запись восточно-западнаго маятника, a′ и b′— запись сѣверо-южнаго, c d — первая черта толчка перваго маятника и e f— первая черта второго. Тогда отложивъ равныя имъ силы c′ d′ и e′ f′ получимъ направленіе равнодѣйствующей MP. Приложивъ затѣмъ транспортиръ, не трудно узнать, на сколько градусовъ къ сѣверу намъ слѣдуетъ провести прямую отъ мѣста нашего наблюденія, а отмѣтивъ на ней узнанное ранѣе разстояніе, мы можемъ уже по картѣ приблизительно точно опредѣлить мѣсто, гдѣ произошло землетрясеніе.

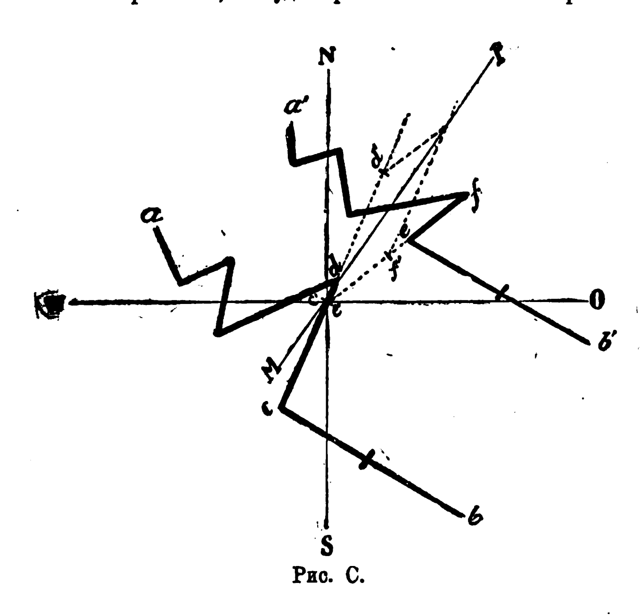

Рис. C.

Считаемъ нужнымъ прибавить, что при сооруженіи своего прибора Генри Риггсъ обращался за совѣтами къ профессору Марвину въ метеорологическое бюро въ Вашингтонѣ и профессору Мильну, члену комитета Британской сейсмологической ассоціаціи, и оба эти ученые отнеслись съ полнымъ вниманіемъ къ его прибору.

А. Чикинъ.

---

2) На самомъ дѣлѣ a b′ и a b′ отстоятъ по записи другъ отъ друга почти на половину длины записывающаго барабана.

Э. К. Данини.

Культура лѣкарственныхъ, душистыхъ и пряныхъ растенiй.

Одною изъ главныхъ причинъ малой доходности нашихъ хозяйствъ является крайняя косность самихъ хозяевъ и отсутствiе предпринимательской инициативы. Конечно, далеко не всегда легко проявить инициативу при гнетущихъ условiяхъ нашей дѣйствительности, сковывающей волю хозяина желѣзными цѣпями экономической зависимости—малоземелья, отсутствiя рынковъ, дороговизны улучшенныхъ орудiй производства, эксплоатацiи скупщиковъ и пр., и пр. Но есть въ этой дѣйствительности два великихъ зла—могущественные тормазы сельско-хозяйственнаго нашего прогресса,—успѣхъ борьбы съ которыми въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ сознательнаго почина со стороны самого земледѣльца. Эти два зла—во-первыхъ, отсутствiе навыковъ общественной жизни, недостатокъ стремленiй къ объединенiю въ трудовой жизни, обособленность каждаго хозяина, связанная съ подавленностью всей русской общественной жизни; и, во-вторыхъ, первобытное состоянiе нашихъ агрономическихъ свѣдѣнiй, какъ результатъ всероссiйскаго невѣжества вообще. Объединенiе трудящихся, развитiе производительныхъ товариществъ—вотъ средство, которое можетъ пробить огромную брешь въ консерватизмѣ сельскихъ хозяевъ: очень многiя предпрiятiя, съ которыми отдѣльный хозяинъ не можетъ справиться, вполнѣ посильны товариществу, которое, производя продукты въ массѣ, гораздо легче находитъ рынокъ, не нуждается въ услугахъ скупщика и безо всякой зависимости отъ посредника продаетъ товаръ по хорошей цѣнѣ, а производитъ его лучше и дешевле. Съ другой стороны, пополненiе свѣдѣнiй по сельскому хозяйству, знакомство съ данными земледѣльческой науки должно расширить кругозоръ хозяина, раскрыть передъ нимъ новые пути. Стоитъ хозяевамъ понять все значенiе этихъ двухъ началъ—объединенiя и прiобрѣтенiя сельско-хозяйственныхъ знанiй,—и брешь будетъ пробита: множество новыхъ общественныхъ начинанiй оживитъ хозяйственную жизнь страны, возникнетъ рядъ новыхъ отраслей, о которыхъ прежде земледѣлецъ не помышлялъ, или которыя прежде были маловыгодны и неосуществимы для его одинокихъ усилiй. Расширенiе круга задачъ, которыя привыкъ ставить передъ собой земледѣлецъ, путемъ сообщенiя свѣдѣнiй о новыхъ, малоиспользованныхъ отрасляхъ хозяйства, могущихъ у насъ привиться и значительно повысить доходность русскихъ хозяйствъ,—вотъ, одна изъ главнѣйшихъ цѣлей, какими мы задаемся при веденiи настоящихъ бесѣдъ. Русскому хозяину надо преодолѣвать свою консервативность не только углубленiемъ, но и расширенiемъ

своей дѣятельности,—не только улучшеніемъ новыми пріемами искони ведущихся культуръ, но и введеніемъ новыхъ культуръ, новыхъ хозяйственныхъ предпріятій. Путь къ этому открывается ознакомленіемъ съ такими культурами и облегчается объединеніемъ хозяевъ для совмѣстнаго (кооперативнаго) веденія этихъ культуръ.

Къ числу культуръ, способныхъ приносить значительный доходъ, относится воздѣлываніе всевозможныхъ промышленныхъ растеній. Къ нимъ причисляются различныя масличныя, какъ ленъ-сѣмянка, подсолнечникъ, горчица, рыжикъ, рапсъ, сурѣпка, китайская рѣдька, макъ; фабричныя, какъ сахарная свекла, картофель (на крахмалъ и винокуреніе), табакъ, цикорій, ворсянка; прядильныя—ленъ, конопля, въ Азіи—хлопчатникъ; наконецъ, лѣкарственныя, душистыя и пряныя растенія, которыхъ существуетъ очень большое число. О нихъ и будетъ рѣчь въ настоящей бесѣдѣ.

Въ Россію ежегодно ввозится нѣсколько тысячъ пудовъ различныхъ эфирныхъ маслъ да, кромѣ того, болѣе 10 тысячъ пудовъ косметическихъ издѣлій. При этомъ многіе десятки тысячъ переплачиваются иностраннымъ фабрикантамъ. Между тѣмъ, на примѣрѣ анисоваго масла видно, сколько мы могли бы выгадать, культивируя душистыя растенія и у себя же добывая изъ нихъ цѣнные продукты. Изъ Россіи вывозится необработаннаго аниса въ Германію, Австро-Венгрію, Францію и Англію свыше 200.000 пудовъ въ годъ (1900 г.—241.731 п.) и за границей качества русскаго аниса цѣнятся выше всякаго другого. *) Мы же покупаемъ потомъ за границей анисовое масло, выгнанное, быть можетъ, изъ русскаго же сѣмени. Невыгодность такой операціи ясна сама собою. Между тѣмъ, это не единственный примѣръ. Огромное же большинство душистыхъ и аптечныхъ продуктовъ добывается изъ растеній, у насъ не воздѣлываемыхъ, но нѣкоторые опыты, произведенные въ русскихъ хозяйствахъ, и высокая доходность этихъ культуръ за границею показываютъ, что многія лѣкарственныя растенія могли бы составить у насъ прибыльную отрасль хозяйства при умѣломъ ихъ выборѣ, отечественной обработкѣ и организаціи сбыта готовыхъ продуктовъ на внутренніе рынки.

До какихъ предѣловъ можетъ развиться культура благовонныхъ растеній и производство эфирныхъ маслъ при умѣломъ удовлетвореніи спроса, можно видѣть на примѣрѣ главной въ Европѣ производительницы ароматныхъ продуктовъ—Франціи.

Въ департаментѣ морскихъ Альпъ

	Получалось ежегодно по даннымъ 1889 г	Получалось по даннымъ, I. Rouché, Revue générale des sciences, 1897 **).
Померанцевыхъ цвѣтовъ	109.800 пуд.	155.000 пуд.
Розъ	73.200 „	122.000 „
Жасмина	10.980 „	12.200 „
Фіалокъ	12.200 „	9.150 „
Цвѣтовъ акаціи	1.830 „	9.150 „
Туберозъ	4.880 „	— „
Цвѣтовъ резеды	1.220 „	— „
Въ городѣ Грассъ того же департ.: Лаванднаго масла	6.100 „	— „
Тимьяннаго „	2.440 „	— „
Розмариннаго „	1.500 „	— „
Всего во Франціи ароматныхъ продуктовъ на	30.000.000 фр. = около 12 милл. р.	75.000.000 = около 27 милл. р.

*) Эфирность русскаго аниса выше эфирности зап.-европейскаго.

**) А. Бazаровъ и Н. Монтеверде. Душистыя растенія и эфирныя масла. 2-е изд. 1899.

Что касается Италіи, то изъ одной Мессины еще 20 лѣтъ назадъ вывозилось эфирныхъ маслъ, главнымъ образомъ померанцеваго, бергамотнаго и пр., болѣе чѣмъ на 2 милл. р., окрестности Генуи производили фіалокъ до 2.500 пудовъ и т. д. Болгарія въ то время уже добывала до 160 пудовъ драгоцѣннаго розоваго масла болѣе чѣмъ на 800 000 р. (теперь это производство сильно разрослось). Въ Англіи больше всего культивируется лаванда и перечная мята. Въ Германіи производство эфирныхъ маслъ особенно развито въ Тюрингіи и Саксоніи: разводятся кудрявая и перечная мята, дягиль и пр., а съ 1891 г. близъ Лейпцига отлично развивается культура розъ.

О возможной доходности цѣнныхъ культуръ можно судить по даннымъ фабриканта Massignon въ Каннѣ, приводимымъ г. Базаровымъ.

	Урожай съ 1 десят. въ пудахъ.	Цѣна пуда цвѣтовъ въ рубляхъ.	Сумма выручки въ рубляхъ.	Расходъ культуры въ рубляхъ.	Чистый доходъ съ десятины въ рубляхъ
Жасминъ .	333,3	16,38	5460	2325	3135
Тубероза .	133,3	39,30	5239	2325	2914
Фіалка . .	100,0	22,90	2290	651	1639
Резеда . .	233,3	11,45	2671	1111	1557
Роза . . .	266,6	4,90	1307	594	713

Эти данныя относятся къ наиболѣе цѣннымъ растеніямъ, разведеніе которыхъ у насъ возможно только въ самыхъ южныхъ районахъ; но и при русскихъ условіяхъ производства культура розы даетъ доходу отъ 432—576 р. съ десятины (на Кавказѣ). Другія же растенія, продукты которыхъ мы ввозимъ, хотя въ большинствѣ не такъ цѣнны и прибыльны, но все же могутъ значительно повысить доходность многихъ хозяйствъ. Однако, лѣкарственныя и пряныя растенія культивируются у насъ въ крайне ничтожномъ количествѣ. Сравнительно широкое распространеніе имѣетъ только хмель, котораго особенно много разводится въ районахъ волынскомъ, западномъ, гуслицкомъ (московск. и рязанск. губ.), нѣсколько меньше въ Среднемъ Поволжьѣ. Остальныя растенія представляютъ лишь рѣдкія исключенія. Среди нихъ до сихъ поръ имѣлъ серіозное промышленное значеніе только анисъ, разводимый, главнымъ образомъ, въ Воронежской губ. (уѣзды Бирюченскій, Валуйскій и Острогожскій) на пространствѣ не менѣе 4000 десятинъ при среднемъ урожаѣ въ 32 пуда съ дес. Менѣе значительна культура аниса въ Подольской губ. и гораздо меньше—въ Курской, Херсонской, Тамбовской, Харьковской, Таврической. Въ Ворон. губ. существуютъ спеціально анисовыя ярмарки въ слободахъ Красной и Алексѣевкѣ. При расходѣ на культуру въ 30—35 р. на десятину анисъ даетъ здѣсь до 32 рублей чистой прибыли (въ продажу идетъ необработанный анисъ).

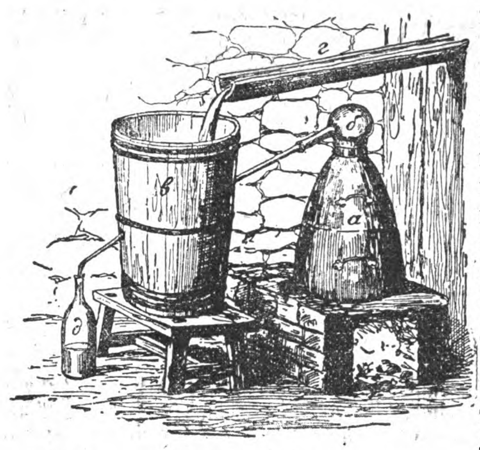
Въ незначительномъ количествѣ разводится у насъ мята (напр., въ Яросл. губ. въ Епифан. и Богород. у. Тульской губ.), тминъ, укропъ, шалфей, коріандръ (кшинецъ), иръ; розы культивируются въ Кубинскомъ у. Бакинской губ. и Нухинскомъ у. Елисаветпольск. губерн. Въ разныхъ мѣстахъ Россіи можно встрѣтить и другія растенія, культура которыхъ, однако, по своимъ размѣрамъ лишена всякаго значенія.

Несомнѣнно, что русскіе хозяева могли бы извлечь не малую пользу изъ введенія въ свои хозяйства новыхъ культуръ. Но такъ же несомнѣнно, что браться за это начинаніе слѣдуетъ съ крайнею осторожностью, отнюдь не переоцѣнивая его значенія и не усматривая въ немъ спасительнаго талисмана, способнаго кореннымъ образомъ измѣнить условія доходности хозяйства. Дѣлаемъ эту оговорку потому, что страна наша еще не оскудѣла всякаго рода спасителями отечества, проповѣдующими среди хозяевъ разныя новинки и диковинныя затѣи, какъ панацею отъ тяжкихъ послѣдствій разоренности нашего хозяйства.

Такая проповѣдь не только является вовлеченіемъ въ невыгодную сдѣлку, предлагая частными мѣрами устранить общія причины, но и затемняетъ въ гла-

захъ хозяевъ пониманіе этихъ причинъ, истиннаго смысла протекающихъ въ сельскохозяйственной жизни явленій. Такія общія причины—малоземелье, чрезмѣрное сокращеніе кормовой площади и пр., и съ ними-то бороться надлежитъ прежде всего; но и введеніе новыхъ растеній изъ числа промышленыхъ можетъ быть весьма полезно, если соотвѣтствуетъ мѣстнымъ природнымъ и экономическимъ условіямъ. Во всякомъ случаѣ, никогда не слѣдуетъ предпринимать культуру цѣлаго ряда растеній, разведеніе которыхъ возможно въ данной мѣстности. Необходимо избрать не болѣе 1—2 растеній, сбытъ которыхъ наиболѣе обезпеченъ. Для этого нужно предварительно выяснить условія рынка—мѣстнаго или отдаленнаго: войти въ сношенія съ оптовыми покупателями (съ крупными фирмами, напр., аптекарскими, но во всякомъ случаѣ безъ посредничества скупщиковъ) и выяснить, какія изъ возможныхъ для разведенія растеній могутъ быть продаваемы съ наибольшею выгодою, принимая во вниманіе стоимость культуры. Очень малыя партіи продукта трудно сбывать оптовикамъ—причина, мѣшающая мелкимъ хозяевамъ заводить новыя культуры. Здѣсь-то и выступаетъ все значеніе **коопераціи**. Объединяясь въ артели, хозяева могутъ покрывать цѣнными культурами большія площади и сбывать оптомъ большія партіи однороднаго продукта на гораздо болѣе выгодныхъ условіяхъ, тѣмъ болѣе, что многіе накладные расходы сокращаются при совмѣстномъ образѣ дѣйствій. Въ настоящее время вмѣсто производительныхъ расходовъ наживаются скупщики, напр., въ томъ же анисовомъ районѣ Ворон. губерніи. Неудивительно, что культура аниса нерѣдко (особенно въ неурожайные годы) оказывается мало выгодною, благодаря крайне низкой расцѣнкѣ товара, на которомъ долженъ нажить посредникъ. Другимъ очень важнымъ условіемъ выгодности производства является **переработка сырого продукта на мѣстѣ культуры въ болѣе цѣнный продуктъ. Предпринимательская прибыль заводчика останется тогда въ карманѣ хозяина-производителя, а отбросы производства скармливаются скоту или идутъ на удобреніе.** Такая переработка сырого продукта поднимаетъ выгодность культуры на значительный процентъ. Къ сожалѣнію, этой второю стадіей производства у насъ въ Россіи почти не занимаются, чѣмъ и тормозится дальнѣйшее развитіе культуры лѣкарств. растеній, не достаточно прибыльной при такой комбинаціи невыгодныхъ условій. Такъ, при ввозѣ изъ-за границы множества эфирныхъ маслъ, у насъ внутри страны производятся только масла анисовое (его вывозъ въ 1898 г.—4.239 п., 1899 г.—3.443 п., 1900 г.—2.229 п.—послѣдовательное паденіе), мятное (губ. Яросл., Тульская и отчасти Сарат., Казанская и нѣк. др., кишнецовое (Ворон. губ.), ирное (въ Лубнахъ), розовое (въ Кахетіи). Изъ другихъ эфирныхъ маслъ ни одно не образуетъ сколько-нибудь замѣтной отрасли производства. Между тѣмъ, обработка большинства лѣкарственныхъ растеній не представляетъ существенныхъ затрудненій. Въ частности, добываніе эфирныхъ маслъ изъ душистыхъ растеній вполнѣ доступно крестьянамъ. Бо̀льшая часть нашихъ лѣкарственныхъ культуръ развивается въ крестьянскихъ, только меньшая часть—въ частновладѣльческихъ хозяйствахъ; было бы весьма важно крестьянамъ научиться и заводской переработкѣ продуктовъ.

Эфирныя масла чаще всего добываются посредствомъ перегонки. Они кипятъ и перегоняются большею частью между 150° и 250° Ц. Но при такой температурѣ развиваются нѣкоторые побочные, нежелательные для производства процессы. Можно перегонять масла и при пониженной температурѣ, если нагрѣвать ихъ вмѣстѣ съ другой, ниже кипящею жидкостью, какъ, напр., вода. Это и есть наиболѣе распространенный способъ добыванія эфирнаго масла. При этомъ, чтобы растительный матеріалъ не пригаралъ, соприкасаясь съ нагрѣтыми огнемъ стѣнками перегоннаго куба, устраиваютъ въ кубѣ рѣшетку, на которой матеріалъ лежитъ, не прикасаясь къ дну; или кубъ кипятится не на огнѣ, а на нагрѣваемой водяной банѣ; или, наконецъ, кубъ дѣлается съ двойнымъ дномъ, а въ промежуткахъ между днами пускаютъ водяной паръ. Этимъ способомъ пользуются въ Болгаріи крестьяне при добываніи розоваго масла, національнаго

Кубъ для добыванія розоваго масла.

продукта этой страны. Ихъ кустарные заводики, подобные нашимъ скипидарнымъ, устроены крайне просто (см. рис.). Мѣдный кубъ (а) стоитъ на самомъ простомъ очагѣ и составляется изъ двухъ половинъ, соединенныхъ между собою въ видѣ усѣченнаго конуса. Высота конуса не болѣе $1^1/_2$ аршинъ, діаметръ посрединѣ высоты нѣсколько меньше аршина. Оканчивается кубъ шейкою, на которую надѣта шейка мѣднаго же шлема (б) вышиною $6^1/_2$ вершковъ; изъ шлема выходитъ длинная жестяная пріемная труба, проходящая змѣйкой черезъ холодильникъ первобытнаго устройства — кадка (в), куда вода попадаетъ самотекомъ по желобу (г) сверху. Кадка помѣщается на подставкѣ, чтобы подъ выходящую изъ кадки трубку могла быть подставлена бутыль (д). Розы кипятятся въ кубѣ, пары охлаждаются въ холодильникѣ, розовое масло собирается въ бутыли (д). Устройство такого завода при одномъ кубѣ обходится въ 40—50 рублей *).

У насъ въ Тамбовской губерніи встрѣчаются крестьянскіе анисовые заводики. Промышленные заводы эфирныхъ маслъ стали у насъ развиваться за послѣднія 15—20 лѣтъ. Первый анисовый заводъ былъ построенъ В. И. Миллеромъ въ 50-хъ годахъ въ Острогожскѣ, Ворон. губ., и просуществовалъ 12 лѣтъ. Послѣ этого, преимущественно въ Острог. уѣздѣ, открывались и закрывались въ разное время довольно многіе заводы, при чемъ отъ 1872 г. до 1885 г. работало въ Воронеж. губ. ежедневно по 2—3 завода, 1886—1896 гг. по 1 заводу, 1897—1898 гг. по 3 зав., 1899—1900 по 6 завод. и въ 1901 г. 7 заводовъ, гнавшихъ, главнымъ образомъ, анисовое масло. Отдѣльные заводы эфирныхъ маслъ встрѣчаются также въ Купянскомъ у. (с. Павловка), въ Усманскомъ у. (г. Усмань и с. Красное), въ Крестецкомъ у. (Новг. губ., ст. Бурга—мятное масло), въ Славянскомъ у. (им. Боженково К. И. Дебу—мятн. м.), въ Лубнахъ. Но производство не организовано и развивается довольно случайно; кооперативные крестьянскіе заводы эфирныхъ маслъ были бы весьма умѣстны въ соотвѣтствующихъ районахъ.

Кромѣ перегонки съ водою, эфирныя масла перегоняются нерѣдко съ паромъ, доставляемымъ изъ отдѣльнаго паровика, съ цѣлью полнаго устраненія пригоранія. Въ такихъ случаяхъ кубъ дѣлаютъ изъ дерева. Тѣ масла, которыя при 100° Ц. подвергаются разложенію, слѣдуетъ перегонять подъ уменьшеннымъ давленіемъ, вызывающимъ кипѣніе воды ниже, чѣмъ при 100°. Изъ растеній, содержащихъ масло въ большомъ количествѣ близъ поверхности, эфирное масло выжимаютъ путемъ скобленія, выдавливанія или прессованія. Тѣ масла, которыя и при низкомъ давленіи разлагаются отъ перегонки съ водою, добываютъ погруженіемъ цвѣтовъ на 12—24 часа въ смѣсь воловьяго жира и свиного сала, нагрѣваемую до 50° на водяной банѣ; затѣмъ цвѣты вынимаютъ и замѣняютъ новыми разъ 10—15. Жиръ, насыщенный эфирнымъ масломъ, застываетъ въ ароматичную п о м а д у. Или же настаиваютъ на цвѣтахъ жирное масло, чаще всего оливковое, и тогда получаютъ б л а г о в о н н о е м а с л о. Настаивая 80—90° спиртъ на помадѣ или благовонномъ маслѣ недѣли 3—4 при частомъ взбалтываніи, получаютъ душистыя жидкости—э к с т р а к т ы. Изъ цвѣтовъ, не удерживающихъ въ себѣ, а испаряющихъ эфирныя масла по мѣрѣ ихъ образованія, послѣднія

*) А. И. Б а з а р о в ъ. Разведеніе душистыхъ растеній и производство эфирныхъ маслъ. „Плодоводство“, 1897 г. № 7.

добываются поглощеніемъ—на стеклянныя пластины, тонко смазанныя жиромъ, насыпаютъ цвѣтовъ и нѣсколько десятковъ рамъ съ пластинами ставятъ одну на другую; нѣсколько недѣль замѣняютъ цвѣты свѣжими 1—2 раза въ день, а потомъ соскабливаютъ со стекла готовую помаду; или вмѣсто стекла на натянутыя проволочныя сѣтки кладутъ толстый холстъ, пропитанный оливковымъ масломъ, и тѣмъ же путемъ настаиваютъ благовонное масло, выжимаемое затѣмъ изъ холста. Наконецъ, нѣкоторыя эфирныя масла извлекаютъ жидкостями, кипящими при низкой температурѣ, чаще всего бензиномъ (кип. при 40—55°). Когда растворитель насыщенъ, онъ отгоняется и въ остаткѣ получается эфирное масло. Но этотъ способъ дорогъ и даетъ менѣе чистые продукты. — Добытыя изъ растенія, эфирныя масла обычно еще очищаются отстаиваніемъ, фильтраціей или вторичной перегонкой.

Что касается культуры самыхъ растеній, дающихъ аптечные, благовонные, пряные и наркотическіе продукты, то въ большинствѣ случаевъ она несложна и не отличается существенно отъ обычной полевой, огородной или садовой культуры—смотря по свойствамъ растенія. Однако же, общіе пріемы приходится въ большей или меньшей степени измѣнять въ различномъ направленіи, примѣняясь къ особенностямъ каждаго вида. Есть и такія растенія, которыя требуютъ совершенно особыхъ пріемовъ ухода. Въ техническомъ отношеніи разсматриваемыя растенія дѣлятъ на группы смотря по тому, какою своею частью растенія намъ служатъ: различаютъ группы растеній, полезныхъ своими подземными частями и надземными (плодами и сѣменами и вообще разными надземными частями). Воздѣлываніе же представляетъ рядъ особенностей по отношенію къ растеніямъ однолѣтнимъ и двухлѣтнимъ съ одной стороны и многолѣтнимъ—съ другой.

Растенія, въ ботаническомъ смыслѣ однолѣтнія и двухлѣтнія, размножаются только посѣвомъ сѣмянъ. „Посѣвъ для однихъ, болѣе выносливыхъ и скорѣе созрѣвающихъ (ромашка, дурманъ, снотворный макъ. буркунъ, мальва, фенхель и др.), дѣлается прямо на мѣста,—на грядахъ ли, въ полѣ ли, подготовленномъ надлежащимъ образомъ. Другія же какъ, напримѣръ, клещевина, выводятся въ парникахъ или же высѣваются сперва въ горшки, плошки и ящики, помѣщенные въ теплицѣ, а полученную разсаду высаживаютъ въ грунтъ уже по миновании всякихъ опасностей замерзанія“*) Земля въ горшкахъ и ящикахъ употребляется рыхлая дерновая съ парниковымъ перегноемъ и рѣчнымъ пескомъ. Всходы разсаживаютъ въ мелкіе горшечки или пикируютъ въ новый ящикъ, либо парникъ. Развившіеся всходы пересаживаютъ въ грунтъ.—Самый лучшій посѣвъ въ грунтъ на гряды—рядовой, въ борозды. Мелкія сѣмена сѣются и въ разбросъ, смѣшанныя на $^1/_2$ или $^2/_3$ съ сухой землей во избѣжаніе излишней густоты посѣва. Съ посѣвомъ слѣдуетъ торопиться, пока почва достаточно влажна. Всходы прорѣживаются въ два пріема и подвергаются дальнѣйшему уходу сообразно особенностямъ даннаго вида растеній.

Многолѣтнія растенія размножаются сѣменами, дѣленіемъ кустовъ, отводками, стеблевыми и корневыми черенками, корневищами, клубнями, луковицами и бульбами; изъ этихъ способовъ только размноженіе сѣменами является общимъ для всѣхъ многолѣтниковъ. Способъ посѣва и уходъ за посѣвами такой же, какъ для однолѣтнихъ. Разведеніе дѣленіемъ примѣняется къ растеніямъ сильно кустящимся съ развитіемъ самостоятельныхъ корней у каждаго стебля (мята, шалфей, иссопъ, мелисса, лаванда и др.). Ку-

Лимонная мята, или цитронъ-мелисса.

*) См. В. В. Пашкевичъ. Культура лѣкарственныхъ растеній. Изд. 2. 1902 г.

сты дѣлять въ періодъ покоя, осенью или раннею весной. Очень многіе виды разводятъ кусками корневища, разрѣзаннаго на части (аиръ, касатикъ флорентинскій, копытникъ, хрѣнъ и др.).

Приводимъ краткія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ лѣкарственныхъ, душистыхъ и пряныхъ растеніяхъ, воздѣлываніе которыхъ въ Россіи можетъ оказаться наиболѣе цѣлесообразнымъ.

Анисъ (Pimpinella Anisum, сем. зонтичныхъ, однолѣтн.) хорошо удается на свѣжихъ, легкихъ и плодородныхъ почвахъ—черноз., суглинк., известк., мерг., при солнечномъ, не влажномъ мѣстоположеніи. Мѣсто въ сѣвооборотѣ послѣ корнеплодовъ или озимей. Однолѣтнія сѣмена высѣваются въ грунтъ раннею весной въ разбросъ (45—55 ф.) или рядами (рядъ отъ ряда на 8 вершк. 25—30 ф. на дес.), на 2-мъ году по навозному удобренію. Почва тщательно вспахивается съ осени на 3—4 в., раздѣлывается бороной (+экстирпаторъ) весною, пропалывается не менѣе 1 раза. Всходы появляются черезъ $2^1/_2$—$3^1/_2$ недѣли. Медленный ростъ 16—20 недѣль, прорѣживаніе на 3—4 в., усиленное полотье, мотыженіе. Созрѣваніе 15—25 іюля, срѣзаніе серпомъ или осторожное (осыпается) выдергиваніе съ корнями. Просушка въ тѣни, вымолачиваніе 52 — 100 п. (средн. 35 — 40 п.) сѣмянъ съ дес., 75—150 п. соломы и немного мякины (хорошій кормъ въ смѣси съ другимъ). Сѣмена продаются по 1 р. 50 к. — 3 р. за 1 п., масло 2 р. — 2 р. 50 к. 1 ф. (получ. раздавливаніемъ и намачиваніемъ сѣмянъ въ водѣ 1 ф. изъ 50 — 60 ф. сѣмянъ, водной перегонкой 1 ф. изъ 34—40 ф.).

Аиръ.

Коріандръ = кишнецъ (Coriandrum sativum L., сем. зонт., однолѣтн.) любитъ такую же почву и мѣстоположеніе (удается и на менѣе хорошей почвѣ), удобр. перегнивш. навозомъ (во 2—3 году по удобр.) и фосфатами. Двухлѣтн. сѣмена высѣваютъ въ грунтъ раннею весною или осенью рядами или въ разбросъ (ряды на 8 вершк., раст. въ рядахъ на 3—4 в.) и прорастаютъ черезъ $2^1/_2$—3 недѣли. Мотыженіе 1 — 2 раза, ростъ дружный, затѣняетъ сорныя травы. Вегетація 90—125 дней, созрѣваютъ неравномѣрно, въ Средн. Россіи сѣмена не всегда хорошо вызрѣв. Сильное осыпаніе, поэтому уборка ранѣе полнаго вызрѣванія — срѣзка зонтиковъ во время росы. Сѣмянъ много, 60—120 п. съ дес. Сборъ въ концѣ іюля, просушка сѣмянъ на холстѣ. Масла выходитъ 1 ф. изъ 64 — 100 ф. сѣмянъ, цѣна 1 ф. масла 15—16 р. Культура возможна вмѣстѣ съ корнеплодами, салатомъ, редисомъ и пр. Употр.—прян., масличн., лѣкарств.

Тминъ (Carum carvi L., сем. зонт., двухлѣтн.), какъ сорная трава, заходитъ значительно сѣвернѣе полярнаго круга. Выносливъ, нетребователенъ, но предпочитаетъ глубокообработанную влажную песчано-или известково-суглинистую, либо черноземную почву на 2—3-й годъ по навозу. Какъ двухлѣтникъ, высѣвается (около 6 ф.) подъ покровное растеніе (морковь, рапсъ, овесъ, ячмень, горохъ, бобы, чечевица). Ряды тмина идутъ перпендикулярно покровному растенію (или въ его междурядіяхъ). Безъ покрова на разбросный посѣвъ сѣмянъ тмина идетъ до 40 ф., на рядовой 20 — 30 ф. (4 — 6 вершк. въ рядахъ и между рядами). Покровъ сѣется рѣже тмина и, если тѣснитъ его, то скашивается на зеленый кормъ. Безъ покрова тминъ сѣется попозже въ іюлѣ, чтобы не зацвѣлъ въ первый же годъ или не заглохъ отъ сорныхъ травъ. Отъ послѣднихъ — нѣсколько перепашекъ поля. Посѣвъ лунками (на $1^1/_2$—2 ф. одна отъ другой) даетъ сборы 5—6 лѣтъ благодаря самосѣву, но сильно истощаетъ и засоряетъ почву. При посѣвѣ съ яровыми—рыхленіе, окучиваніе, послѣ снятія покрова снова мотыженіе, сборъ въ іюнѣ, іюлѣ слѣд. года. Срѣзка осторожная (осыпается). Урожай 70—150 пуд. сѣмянъ по 1 р.—2 р. 50 к. пудъ, выхо-

дитъ масла (лучшее масло изъ сѣвернаго тмина) 1,6—3,5 ф. изъ пуда сѣмянъ; масло идетъ по 2—3 р. за фунтъ.

Фенхель, или аптечный укропъ (Foeniculum officinale All., сем. зонт., двухлѣтн.) разводится больше всего въ Галиціи. Требуетъ южнаго мѣстопол. и культивируется, какъ коріандръ. Ранній посѣвъ 40—55 ф. въ разбросъ и 30—40ф. рядами (10—12 в. между ряд. и 6—8 в. въ рядахъ). Полка и прорѣживаніе, при рядовой культ., мотыженіе, осенью окучиваніе (иначе зимой вымерзаетъ) или прикрытіе листьями (въ Средн. Россіи ежегодно замерзаетъ, поэтому культив. посадкой въ іюнѣ разсады на 1 футъ и даетъ осенью сборъ, какъ однолѣтникъ; если не гибнетъ, то главный сборъ, все же, на 2-й годъ). Срѣзка зонтиковъ по мѣрѣ созрѣванія, молотьба. Урожай 50—80 пуд., выходъ фенхелеваго масла— 1 ф. изъ 18—30 ф. намоченныхъ въ водѣ сѣмянъ, цѣна масла 2—3 р. фунтъ. Солома скармливается или, изрубленная въ сѣчку, продается на водочный заводъ (даетъ пріятн. вкусъ водкѣ). Сѣмена, какъ пряность, получ. и на огородахъ.

Дягиль садовый (ангелика, Archangelica officinalis Hoffm., сем. зонт., двухлѣтн.), даетъ изъ корня „англійскую горечь“; годенъ для вареній, лѣкарств. экстрактовъ. во Франціи даетъ 2 эфирн. масла — изъ корней и изъ сѣмянъ. Удается въ умѣренно тепломъ климатѣ на глубокообработ., рыхлой, влажной или умѣр. сухой почвѣ, удобр. перепрѣвшимъ навозомъ. Посѣвъ весною или осенью въ грунтъ (ряды 12×12 в. или въ разбросъ)или въ разсадникъ (осенью ее садятъ на 1—$1^1/_2$ фут.). Рыхленіе почвы, поливка, окучиваніе (высоко, для отбѣливанія стебля). Корневища сильныхъ двухлѣтнихъ растеній выкапываются передъ цвѣтеніемъ, быстро сушатся, сохраняются, хорошо закупоренныя, въ сухомъ мѣстѣ. Изъ 1 п. сырого корня получ. 10 ф. сухого. Эф масла выходитъ изъ 25 пудовъ сѣмянъ 11—12 ф.

Дягиль.

Сумбулъ (Ferula Sumbul Hook. fil, сем. зонт., многол.), изъ Средней Азіи у насъ впервые роскошно развился въ Можайск. у. Моск. губ. у А. П. Федченко. Корни облад. сильнымъ мускуснымъ запахомъ особаго эф. масла, сокъ— противосудорожными свойствами, примѣнимъ противъ холеры. Сѣется въ плодородную, рыхлую, глубоко обраб. почву на солнечномъ тепломъ мѣстѣ, весной или, лучше, осенью въ гряды (въ разсадникѣ), весною всходитъ и пересаж. въ грунтъ на $1^1/_3$ арш. одно раст. отъ другого, такъ какъ ростъ превышаетъ сажень. Плодоношеніе на 4 — 5-й годъ, созрѣванію мѣшаетъ сырое лѣто, наибольшій успѣхъ культура можетъ имѣть на нашемъ югѣ и юго-востокѣ. Масло цѣнно въ косметикѣ, какъ фиксаторъ, поглощающій ароматъ другихъ эф. маслъ. Изъ пуда сырого матеріала получается только 0,07—0,15 фунт. масла, которое цѣнится поэтому въ 180 руб. фунтъ.

Базиликъ (Ocymum basilicum L., сем. губоцвѣтныхъ, однолѣтн.) хорошо развивается при солнечномъ мѣстоположеніи въ черной огородной почвѣ, удобр. перепрѣл. навозомъ и фосфатами. На югѣ сѣется въ грунтъ, въ средней полосѣ въ парникъ въ мартѣ съ высадкой разсады въ маѣ на разст. 1 фута (послѣ пересадки поливка). Вегетація длится 20 — 24 недѣли. Срѣзка и сушка цвѣтущихъ растеній; употребленіе для аромат. ваннъ, травяного нюхат. табаку, благов. воды и пр. Эфирное масло цѣною 20—25 р. фунтъ получ. изъ свѣжихъ зеленыхъ частей (1 ф. изъ 60—120 пуд.). Очень доходное растеніе.

Мята кудрявая, или нѣмецкая (Mentha crispa, L.) и перечная, или англійская (M. piperita, L.) многолѣтникъ изъ губоцвѣтныхъ. Вторая изъ нихъ—высшаго качества и требуетъ больше влаги. Мята нуждается въ солн.

мѣстоположеніи, песчано-суглинистой почвѣ, умѣренномъ удобреніи. Посадка съ осени, можно и весною, корневыми отпрысками, черенками, дѣленіемъ кустовъ. Полка и окучиваніе, прикрытіе на зиму листьями. Вымоканію и вымерзанію наиболѣе подвержены старыя гряды, поэтому лучше оставлять мяту не долѣе 3—4 лѣтъ. Срѣзка травы 1—2 раза въ лѣто (передъ цвѣтеніемъ съ поливкой послѣ срѣзки и дов. поздно осенью); второй сборъ (на югѣ) меньше и продуктъ хуже. Собранная мята поступаетъ на заводъ или сушится пучками. 4—5 п. сырой массы даютъ 1 п. сухой. Всего съ десят. сухой травы получ. 70—150 пудовъ. 1 ф. масла выходитъ изъ 18—20 пуд. сырой травы въ цвѣту, изъ 30 п. травы до цвѣтенія и изъ $2^1/_2$—5 пудовъ сухой травы. Масло перечной мяты цѣнится въ 7—15 р. за фунтъ, кудрявой въ среднемъ 4 р. фунтъ. При тщательной культурѣ и урожаѣ 180 ф. масла съ десятины валовая выручка составляетъ 1260—2160 р.; при менѣе тщат. полевой культурѣ и урожаѣ 150 пуд. сухой мяты, дающихъ 40 ф. масла по 8 р., выручимъ 320 р. валовыхъ (данныя г. Н. Васильева, „Записки Императ. Общества Сельск. хоз. Южной Россіи“ за 1899 годъ).

Лаванда французская (Lavandula vera D. C., сем. губоцв. многолѣтн.) разводится на возвышенныхъ, солнечныхъ мѣстахъ въ легкой, рыхлой, не жирной умѣренно унавоженной почвѣ, хорошо разработанной для противодѣйствія сорнымъ травамъ. Можно размножать ее черенками или дѣленіемъ, можно и осеннимъ посѣвомъ 1—2 лѣтн. сѣмянъ на грядѣ въ разсадникѣ съ высадкой на 2-й годъ рядами на 1 футъ. Тщательная полка плантаціи, особенно для удаленія другихъ губоцвѣтныхъ, портящихъ запахъ лаванднаго масла. Если обрѣзать верхушки и въ первомъ году не давать цвѣсти, развивается роскошный полукустарникъ вышиною $1^1/_2$—$2^1/_2$ фута съ торчащими вверхъ вѣтвями, покрытыми густо бѣловатыми волосками, и синевато-фіолетовыми цвѣтами. Ослабѣвшіе кусты отмолаживаютъ, срѣзая ихъ при землѣ. Но каждыя 4—5 лѣтъ лаванду надо переносить на новое мѣсто. Соцвѣтія съ верхнею частью стебля срѣзаются въ началѣ цвѣтенія рано утромъ и сушатся въ тѣни или свѣжими доставляются на заводъ эф. маслъ, гдѣ лаванда обрабатывается обязательно водной перегонкой. 1 фунтъ масла получ. изъ 125 ф. цвѣтовъ, всего же съ десят. можно получать масла фунтовъ 35—50. Масло улучшается съ теченіемъ времени, повышаясь въ качествѣ до 5 лѣтъ, и цѣнится въ 20—25 р. за фунтъ. Масло италіанской лаванды или благовоннаго колоса (Lavandula Spica D. C.), хотя и выгоняется въ количествѣ въ $2^1/_2$ раза большемъ, чѣмъ изъ L. vera (1 ф. изъ 50 ф. цвѣтовъ), но хуже качествомъ, употребляется, какъ фальсификатъ настоящаго, и стоитъ въ среднемъ только 1 р. 50 к. фунтъ. Лав. масло идетъ на духи и медицинскіе препараты. Лаванда особенно пригодна для юго-зап. губерній.

Клещевина.

Шалфей (Salvia officinais L., сем. губоцв., многолѣтн. полукустарникъ) любитъ солнце и сухую глинисто-черноземную известковатую почву на 2-й годъ по удобренію. Разводится въ садахъ и огородахъ повсюду—дѣленіемъ куста, черенками (рѣже), сѣменами при массовой культурѣ. въ южной и юго-западной губ. весною пораньше прямо въ грунтъ, 2—3 лѣтн. сѣменами, рядами (на 8—12 в. рядъ отъ ряда), съ пересаживаніемъ на 6—8 в. и задѣлкой не глубже 1 дюйма. Лѣтомъ рыхленіе и полка. На одномъ мѣстѣ ш. не держатъ дольше 3-хъ лѣтъ. Срѣзка серпомъ травянистыхъ верхушекъ стебля съ цвѣтами и листьями передъ самымъ цвѣтеніемъ. Имѣетъ хорошій сбытъ эф. масло и сушеные листья.

Клещевина (Ricinus communis L., сем. мо-

лочайныхъ, однолѣтн.), доставляетъ сѣменами касторовое масло и особеннаго вниманія заслуживаетъ въ южныхъ губерніяхъ. Она требуетъ защищеннаго южнаго мѣстоположенія и жирной хорошо обработаной почвы. При раннемъ посѣвѣ опасны утренники, поэтому посѣвъ производится въ парникъ въ концѣ февраля, началѣ марта. Всходы высаживаются лунками одна отъ другой на 3 фута; корни очень нѣжны, требуютъ осторожности. Значительную выгоду представляетъ культура на черноморскомъ побережьѣ, гдѣ возможенъ посѣвъ въ грунтъ. Сѣмена даютъ до 50% кастороваго масла.

Сафлоръ (Carthamus tinctorius L.. сем. сложноцвѣтныхъ, однолѣтникъ) даетъ цвѣты и сѣмена, употребляютъ для медицинскихъ цѣлей (слабительное средство); цвѣты служатъ также для фальсификаціи шафрана, давая краску. На югѣ весьма пригоденъ для массовой культуры на черноземѣ на 2—3-й годъ по удобр.; высѣвается въ грунтъ рядами (8—10 в. между рядами и 6—8 в. въ рядахъ), 1—лѣтникъ, сѣменами. При посѣвѣ въ апрѣлѣ цвѣтетъ въ іюлѣ—августѣ: Въ сѣвооборотѣ занимаетъ мѣсто послѣ унавоженной озими или свеклы, кукурузы, картофе я. Вспашка съ осени на 4 вершка. Послѣ пропашныхъ посѣвъ предпочтителенъ разбросный. Тогда на 1 дес. 40—80 ф. сѣмянъ, при рядовомъ 30 — 40 ф. Разбросаный посѣвъ прскапывается, рядовой съ появл. всходовъ мотыжится, черезъ 2 — 3 недѣли окучивается. Цвѣты собираются, когда свѣтло-красный цвѣтъ ихъ потемнѣлъ, сушатся, насыпаются кучками, придавл. доской, и ежедневно переворачиваются, пока не перестанутъ нагрѣваться. Средній урожай—200 ф. (иногда 500 ф.) сушеныхъ цвѣтовъ. Уборка же на сѣмена производится поздней осенью, когда листья пожелтѣли, а сѣмена затвердѣли и блестятъ. Урожай можно косить и, подсушивъ на полѣ, молотить. Сѣмянъ получается 70—100 пуд.; сафлоровое масло лучше подсолнечнаго, выходъ его изъ сѣмянъ доходитъ до 20%. Цѣна: сѣмена—коп. 75 за пудъ.

Сафлоръ.

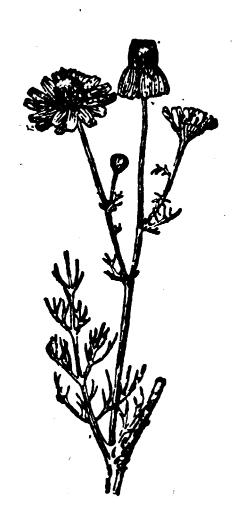
Кардобенедиктъ.

Кардобенедиктъ (Cnicus benedictus Gärtn., сем. сложноцв., однолѣтн.) даетъ въ Малороссіи лѣкарств. сѣмена (сборъ въ сент.) и зелень (сборъ въ іюнѣ—іюлѣ), нуждается въ глинистой почвѣ. Сѣмена высѣваются въ апрѣлѣ рядами, всходы прорѣживаются на 1—1½ фута. Культура очень прибыльна.

Ромашка римская (Anthemis nobilis L., сем. сложноцв., многолѣтн.) даетъ лѣкарств. цвѣты на сухихъ, солнечныхъ участкахъ жирнаго, умѣр.-рыхлаго чернозема. Легко размн посѣвомъ на запасныхъ грядахъ, дѣленіемъ куста, отпрысками. Посадка въ апрѣлѣ на 1×1 футъ, цвѣтеніе съ іюля до осени, ручной сборъ цвѣтовъ при появленіи срединныхъ цвѣтковъ даетъ до 300 пудовъ съ дес. Быстрая сушка въ тѣни. Обновленіе плантаціи черезъ 3—4 года. Свѣжіе цвѣты даютъ и эфирное масло.

Римская ромашка.

Ромашка обыкновенная.

Ромашка обыкновенная (Matricaria chamomilla L., сем. сложноцв., однолѣтн.) годится для посѣва на супесч. черноземѣ послѣ раннихъ картофеля, овощей, гороха, по жнивью. Почва только разрыхляется киркою. Цвѣты для ускоренія собираются желѣзнымъ гребнемъ въ родѣ чесалки. Аптеки могутъ платить за сухіе цвѣты 20—25 р. за пудъ.

Есть и еще не мало довольно доходныхъ растеній, какъ аиръ, цитронъ-мелисса и др. О горчицѣ, макѣ, табакѣ, хмелѣ, цикоріѣ у насъ будутъ помѣщены въ дальнѣйшемъ особыя бесѣды. Хотѣлось бы вѣрить, что наши хозяева обратятъ вниманіе на цѣнность культуры новыхъ растеній.

Э. Н. Данини.

Отвѣты по сельскому хозяйству.

— **Подписчику П. С. Ярошъ, № 22196.** Спеціально для вашей мѣстности руководствъ нѣтъ. Можемъ порекомендовать книгу А. С. Гребницкаго „Уходъ за плодовымъ садомъ“. Изд. А. Ф. Девріена. Ц. 1 р. 50 к.— Плодовые питомники можемъ указать К. И. Вагнера (Рига), графа Сиверса (гор. Венденъ Лифляндской губ.), Регеля и Кессельринга (СПБ., Лабораторное шоссе), Н. В. Спиридонова (ст. „Дно“ Моск.-Винд.-Рыб. жел. дор., имѣніе Марьина Дуброва), гр. Уварова (Порѣчье Уваровское почт. телегр. отд., Моск. губ.). Каталогъ всѣ высылаютъ безплатно.

— **Подп. Кишинскому № 17172.** „Земледѣлецъ“ — СПБ., Итальянская, 15. Ц. 2 р. «Крестьянское земледѣліе»—СПБ., Невскій, 120. Ц. 1 р. 50 к. „Сѣверное хозяйство“— СПБ., ул. Жуковскаго, Ц. 3 р. въ годъ. Но вы пишете объ Оренбургѣ—вѣдь это въ восточной, а не сѣверо-зап. Россіи...

— **Подп. А. Горохову.** Прейсъ-куранты земл. орудій можете получить отъ фирмы „Земледѣлецъ“ (СПБ., Моховая, д. 42) или „Работникъ“ (СПБ., Марсово Поле, д. 1/7), отъ Гельферихъ-Саде (Харьковъ), отъ Леппъ и Вальманъ (г. Александровскъ, Екатеринославской губ.). О масличныхъ растеніяхъ и растительныхъ маслахъ прочтете въ книгахъ: **К. И. Дебу.** Сельско-хоз. маслобойня и мельница для небольшихъ хозяйствъ. Изд. „Сельско-хоз. библіотеки“ Сойкина—СПБ., Стремянная ул. — **Никитскій.** Маслобойное производство. Ц. 20 к.—**П. Сидорскій.** Бѣлая горчица. Ц. 70 к.—**А. Леонтьевъ.** Подсолнечникъ и его воздѣлываніе. Ц. 15 к. **А. Г. Клинге.** Культура и обработка (добываніе эфирныхъ маслъ) лѣкарственныхъ и душистыхъ растеній. Анисъ, фенхель, укропъ, тминъ, кишнецъ, ромашка, аиръ донникъ, трифоль, горицвѣтъ, Ц. 40 к.— **А. Г. Клинге.** Культура мяты. Добываніе эфирнаго масла. Ц. 30 к. — **Ростовцевъ.** Мята, анисъ, тминъ. Ц. 10 к.—По садоводству: **Н. И. Кичуновъ.** Руководство къ веденію плодоваго питомника и плодоваго сада въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ. Ц. 1 р.—По огороднич.: **Рытовъ.** Руководство по огородничеству 8 книжки—1 р. 80 к.— По скотов.: **А. Муромцева.** Практика скотоводства. Бесѣды со скотниками. Ц. 30 к. Книги можно выписать черезъ нашу контору.

— **Подп. № 26778. Ю Виланъ.** Въ Швейцаріи молочнохозяйственный институтъ находится въ Рютти. Кромѣ того, во Фрейбургѣ (Freburgi) имѣется сельско-хоз. институтъ, одно изъ отдѣленій котораго— школа молочнаго хоз. Сюда принимаются молодые люди 16 лѣтъ. Обученіе продолжается 1 годъ. Теоретич. занятія ежедневно не менѣе 3-хъ часовъ. Практика заключ. въ приготовленіи сыровъ, въ лабораторныхъ занятіяхъ, въ управленіи амбарами для склада сыровъ. — Въ Германіи кафедры по молочному хоз. имѣются при университетахъ и с.-хоз. институтахъ въ Галле, Бреславлѣ, Кенигсбергѣ, Лейпцигѣ, Мюнхенѣ и др. Оттуда получите подробныя свѣдѣнія объ условіяхъ пріема и обученія, равно какъ и о спеціальныхъ молочно-хозяйственныхъ институтахъ и опытныхъ молочныхъ станціяхъ съ курсами молочнаго хозяйства. — Женское молочнохозяйственное образованіе особенно тщательно поставлено въ Швейцаріи, гдѣ въ каждомъ кантонѣ организованъ спеціальный курсъ для обученія женщинъ молочному хозяйству и кухонному производству.

Отдѣлъ юридическій.

Отвѣты юрисконсульта.

Подп. Мечкову. Дѣти личныхъ почетныхъ гражданъ причисляются въ мѣщанство (ст. 527 т. IX) и никакими особыми правами не пользуются.

Подп. В. Л. Брейтману. 1) Согласно рѣш. Прав. Сената 1895 г. 4 Октября № 6816,: евреи, проживающіе внѣ черты осѣдлости, обязаны числиться въ призывныхъ участкахъ по мѣсту нахожденія городовъ и волостей, къ коимъ сіи лица приписаны. 2) Видъ на жительство Вы можете получить отъ полиціи въ мѣстѣ постояннаго жительства (ст. 5 Уст. Пост.).

Подп. № 34079. На основаніи ст. 80 Уст. о Воинск. Повин., освобождаются отъ дѣйствительной службы преподающіе во всѣхъ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ тѣ предметы, которые по уставамъ сихъ заведеній преподовать положено, при чемъ необходимо въ теченіе 5 лѣтъ послѣ призыва представлять удостовѣренія начальства о продолженіи соотвѣтствующихъ занятій. Согласно Цирк. М. В. Д. 16 сентября 1874 г. № 78, означенной въ статьѣ 80 льготой домашніе учителя не пользуются. Согласно Рѣш. Прав. Сената 15 сентября 1888 г. № 6987 пользованіе льготою по ст. 80 не зависитъ отъ того обстоятельства, поступило ли призываемое лицо на должность учителя до наступленія призывного возраста или же послѣ, если только заведеніе, въ которомъ лицо состоитъ на этой должности, принадлежитъ къ числу правительственныхъ заведеній, а предметъ преподаванія—къ числу тѣхъ предметовъ, кои по уставамъ сихъ заведеній положено преподавать.

Подп. № 30649. 1) Согласно касс. рѣш. 1889 г. № 122 и др., бывшіе крѣпостные крестьяне дѣлаются правоспособными къ пріобрѣтенію земли ихъ бывшаго помѣщика лишь со времени полученія ими данной на надѣльную землю. Лица же постороннія вправѣ пріобрѣтать надѣльную землю по давности на общемъ основаніи, если окажутся на лицо требуемыя закономъ условія для давности пріобрѣтательной. 2) Согласно ст. I Отд. III Указа 9 ноября 1906 года подворные участки, какъ предоставленные въ подворное владѣніе крестьянъ при надѣленіи ихъ землею, такъ и укрѣпленные впослѣдствіи въ личную собственность отдѣльныхъ крестьянъ изъ общинныхъ земель... составляютъ личную собственность домохозяевъ, за коими эти участки значатся по землеустроительнымъ актамъ, общественнымъ приговорамъ, постановленіямъ крестьянскихъ учрежденій, актамъ объ отчужденіи и рѣшеніямъ судебныхъ мѣстъ. 3) Согласно ст. 326 Улож. о Нак.: кто, отлучаясь изъ отечества, не явится обратно по вызову правительства, тотъ... почитается безвѣстно отсутствующимъ, а имѣніе его берется въ опекунское управленіе на основаніи постановленныхъ для сего законами о состояніяхъ правилъ.

Подп. № 3189. Студенты С.-Петербургскаго Политехническаго Института имѣютъ право на отсрочку до 27 лѣтъ. Прошеніе объ отсрочкѣ подается не позже, какъ за 2 мѣсяца до призыва съ приложеніемъ удостовѣренія учебнаго начальства о продолженіи образованія. Отсрочка дѣйствительна лишь на время пребыванія въ данномъ учебномъ заведеніи или же въ случаѣ перехода въ другое русское учебное заведеніе той же категоріи. Переходъ въ заграничное учебное заведеніе лишаетъ права на отсрочку. Полученіе отсрочекъ студентами заграничныхъ учебныхъ заведеній регулируется осо-

быми правилами и связано съ затрудненіями. Къ прошенію объ отсрочкѣ въ этихъ случаяхъ надо приложить засвидѣтельствованныя въ подлинности русскимъ посольствомъ или миссіею удостовѣренія отъ начальства того учебнаго заведенія, въ которомъ они обучаются, о безупречномъ ихъ поведеніи и прилежномъ ученіи. (ст. 143, 145 и прил. IX къ ст. 64 Уст. о Воинск. Повин.)

Подп. № 30347. Особенныя права, какими пользуются почетные граждане, весьма немногочисленны: 1) отсутствіе обязанности приписки къ податнымъ обществамъ и 2) право именоваться во всѣхъ актахъ почетными гражданами.

Подписчикамъ №№ 21312 и 33519. Согласно ст. II Именного Указанія за 5 октября 1906 года, сельскіе обыватели освобождаются отъ исполненія личныхъ натуральныхъ повинностей и отъ несенія общественной службы на все время прохожденія курса въ учебныхъ заведеніяхъ. Относительно же освобожденія означенныхъ лицъ отъ денежныхъ повинностей ни въ этой, ни въ иныхъ статьяхъ Указа не упоминается.

Подп. № 20367. По смыслу п. 2 Выс. Утв. Положенія Комитета Министровъ 17 апрѣля 1905 года, православные родители лишь въ томъ случаѣ могутъ крестить ребенка по лютеранскому обряду, если оба они предварительно перейдутъ въ лютеранство. Въ противномъ случаѣ дѣти должны быть крещены по православному обряду. Никакія частныя свидѣтельства не могутъ замѣнить метрики, являющейся по закону доказательствомъ правъ состоянія.

Подп. № 21167. Редакція рекомендуетъ Вамъ Общее Положеніе о крестьянахъ изд. Земскаго Отдѣла. Цѣна 3 руб.

Подписчику С. Г. Согласно ст. 1316 Уст. Граж. Суд., убытки, причиненные неправильными дѣйствіями должностныхъ лицъ административнаго вѣдомства, взыскиваются не съ казны, а съ чиновниковъ, виновныхъ въ неправильныхъ дѣйствіяхъ. Посему Вы никоимъ образомъ не можете взыскивать убытки съ таможни, но могли бы предъявить искъ только къ тому чиновнику таможни, который потребовалъ отъ Васъ уплаты чрезмѣрной пошлины. Но въ Вашемъ случаѣ для предъявленія подобнаго иска нѣтъ основаній, такъ какъ причиной понесенныхъ Вами убытковъ была несостоятельность покупателя, не имѣющая ничего общаго съ неправильными дѣйствіями таможенныхъ чиновниковъ.

Подп. № 31965. Свѣдѣнія о мѣстѣ жительства интересующаго Васъ лица Вы можете получить въ Уѣздномъ Полицейскомъ Управленіи, для чего необходимо подать прошеніе съ приложеніемъ двухъ марокъ по 75 коп. Паспортъ въ указанномъ Вами случаѣ возвращается въ полицію.

Подп. Басову. См. отвѣтъ № 23010 въ № 3 журнала.

Подп. № 27941. 1) Согласно ст. 45 Зак. Гражд., бракъ можетъ быть расторгнутъ: 1) въ случаѣ доказаннаго прелюбодѣянія супруга, или неспособности его къ брачному сожитію; 2) въ случаѣ, когда одинъ изъ супруговъ приговоренъ къ наказанію, сопряженному съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, или же сосланъ на житіе въ Сибирь, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и 3) въ случаѣ безвѣстнаго отсутствія другого супруга. 2) Съ разводомъ прекращаются личныя и имущественныя права, изъ супружества возникающія. Впрочемъ, жена, пріобрѣвшая вступленіемъ въ бракъ права состоянія мужа, не теряетъ ихъ при разводѣ. Засимъ обѣ стороны вправѣ вступить въ новый бракъ. 3) Указать Вамъ повѣреннаго редакція затрудняется, такъ какъ не знаетъ, гдѣ производится Ваше бракоразводное дѣло.

Подп. № 2906. Согласно ст. 7 Уст. Торг., срокъ служенія прикащиковъ, ихъ жалованье, или рядная плата, также жилище и содержаніе, зависятъ отъ взаимнаго ихъ съ хозяевами условія и опредѣляются письменнымъ о наймѣ ихъ договоромъ. Если же такового договора заключено не было,—то прикащикъ можетъ быть уволенъ во всякое время и никакихъ правъ не имѣетъ.

Подп. № 21075. 1) Премущественное право на дѣтей обоего пола принадлежитъ отцу, хотя въ каждомъ случаѣ право это можетъ быть признано и за матерью, если, по усмотрѣнію Суда, благо дѣтей требуетъ оставить ихъ при матери (касс. рѣш 1890 г. № 18). Искъ объ отобраніи ребенка долженъ быть предъявленъ въ Окружномъ Судѣ по мѣсту жительства отвѣтчицы.

2) Согласно ст. 106 т. X ч. I Зак. Гр., мужъ обязанъ доставлять женѣ содержаніе, хотя бы супруги и не жили вмѣстѣ. Исключеніе допускается лишь въ томъ случаѣ, если раздѣльная жизнь произошла по винѣ жены.

3) Просить о расторженіи брака можетъ лишь тотъ супругъ, который потерпѣлъ отъ прелюбодѣянія другого супруга; но отнюдь не тотъ, кто самъ виновенъ въ прелюбодѣяніи. Въ противномъ случаѣ невѣрнымъ мужьямъ было бы слишкомъ легко освобождаться отъ своихъ женъ и обзаводиться новыми; этому законъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ потакать.

Подп. № 2934. 1) Согласно ст. I Указа 9 ноября 1906 г., каждый домохозяинъ, владѣющій надѣльною землею на общинномъ правѣ, можетъ во всякое время требовать укрѣпленія за собою въ личную собственность причитающейся ему части изъ означенной земли. 2) Возбужденіе производства объ учрежденіи опеки по расточительности надъ крестьянами зависитъ отъ административной власти въ лицѣ Генералъ-Губернатора и Губернатора, который собранныя о расточительности крестьянина свѣдѣнія предлагаетъ на обсужденіе соотвѣтствующаго сельскаго схода, приговоръ коего объ учрежденіи опеки подлежитъ, затѣмъ, разсмотрѣнію Губернскаго Правленія и можетъ быть приведенъ въ исполненіе лишь по опредѣленію сего Правленія, но въ подлежащихъ случаяхъ съ разрѣшенія Главнаго Начальника Губерніи. Такимъ образомъ, Вамъ надлежитъ обратиться съ прошеніемъ въ Гу-

бернское Правленіе. При этомъ имѣйте ввиду, что дѣла о назначеніи опеки по случаю расточительности тянутся очень долго, такъ что расточитель успѣетъ въ это время промотать все имущество.

Подписчику № 25242. 1) Согласно ст. 48 Уст. Воинск. Повин., наличіе брата, способнаго къ труду и ненаходящагося на дѣйствительной службѣ, исключаетъ всякія льготы по семейному положенію. 2) Согласно ст. 80 прим. 4 Уст. Воинск. Повин. „... учителя начальныхъ... и другихъ училищъ, поступающіе, для усовершенствованія своего въ преподованіи, въ учебныя заведенія для приготовленія учителей (учительскіе институты, семинаріи, школы и т. п.) пользуются предоставленною имъ, по ихъ званію, льготою отъ исполненія воинской повинности во все время нахожденія ихъ въ учительскихъ заведеніяхъ, и призываются на дѣйствительную службу въ томъ только случаѣ, если не пробудутъ въ должности учителя полные пять лѣтъ со времени зачисленія въ запасъ, не включая въ этотъ срокъ времени нахожденія, послѣ вынутія жребія, въ означенныхъ заведеніяхъ". Такимъ образомъ Вашъ вопросъ не находитъ прямого отвѣта въ законѣ.

Подп. Рябову. Согласно ст. 29 Уст. о Воинск. Повин., сельскіе обыватели во время состоянія на дѣйствительной службѣ освобождаются отъ всѣхъ взимаемыхъ подушно государственныхъ, земскихъ и общественныхъ сборовъ, равнымъ образомъ они освобождаются лично и отъ натуральныхъ повинностей. Въ отношеніи же къ имуществамъ, имъ принадлежащимъ, означенныя лица обязаны платежемъ податей и иныхъ сборовъ и отбываніемъ слѣдуемыхъ съ тѣхъ имуществъ повинностей на общемъ основаніи.

Подп. № 30809. Согласно прим. къ ст. 12 Прил. XXX къ ст. 327 Уст. о Воинск. Повин., временно освобождаются отъ неявки въ учебные сборы ратники, находящіеся на постоянномъ жительствѣ въ такихъ волостяхъ, волостныя Правленія которыхъ отстоятъ отъ уѣздныхъ городовъ далѣе 15 верстъ и не связаны съ ними желѣзною дорогою.

Подп. Бондаренко. Въ Уставѣ Лѣсномъ не содержится запрещенія лѣсничимъ заниматься частною дѣятельностью. Обстоятельство это вообще ни въ какомъ отношеніи не можетъ затрогивать чьихъ либо интересовъ. Если же въ своей служебной дѣятельности лѣсничій нарушаетъ въ чемъ либо права частныхъ лицъ,—то таковыя вправѣ жаловаться по начальству.

Подп. Оселкому. 1) Дѣло о 1/2 надѣла представляется спорнымъ и зависитъ отъ того, на какихъ условіяхъ земля была передана обществу, и на какихъ условіяхъ общество передало эту землю Вамъ. Болѣе подробное разъясненіе могло бы быть дано только по обозрѣніи копій рѣшенія Волостного Суда и жалобы истцовъ. 2) Вы не имѣете права требовать выдѣла Вамъ земли въ любомъ мѣстѣ по Вашему усмотрѣнію.

Подп. № 32870. Недѣйствительный бракъ считается какъ бы вовсе небывшимъ, а потому супруги возстановляются въ прежнемъ состояніи, независимо отъ вѣроученія, къ которому они принадлежатъ.

Подп. № 24443. Вамъ надлежитъ предъявить искъ въ Окружномъ Судѣ о признаніи законности рожденія въ порядкѣ ст. 1346—1356 Уст. Гражд. Суд. (Указъ Сената 9 окт. 1900 г. № 11329 и 18 сентября 1900 г. № 9828).

Подп. Кузьменко. Такъ какъ, приписавшись къ мѣщанскому сословію, отецъ Вашъ вышелъ изъ сельскаго общества,—то, согласно ст. 10 Пол. Крест. влад., ни онъ, ни Вы не имѣете права на пользованіе мірской землею, а, слѣдовательно, и на укрѣпленіе таковой въ личную собственность.

Подп. № 33135. Согласно ст. 76 и 90 Полож. Уст. Крест., жалобы на распоряженія Земскихъ Начальниковъ, въ порядкѣ надзора за опекунствами, учрежденными надъ личностью и имуществомъ малолѣтнихъ сиротъ сельскаго состоянія,—приносятся Уѣздному Съѣзду. Посему, опекуншѣ надлежитъ подать соотвѣтствующее прошеніе Земскому Начальнику, а въ случаѣ отказа, обжаловать его распоряженіе въ Уѣздный Съѣздъ.

Подп. № 20730. На основаніи ст. 33 и 34 Общ. Пол. о Крест. Общество вправѣ, въ случаѣ неисправности домохозяина въ платежѣ повинностей, отобрать отъ него участокъ и передать въ пользованіе другихъ домохозяевъ на время до слѣдующаго передѣла или на болѣе краткій срокъ. Посему разрѣшеніе вопроса о томъ, правильно ли отобраны отъ Васъ участки, зависитъ отъ того, на какихъ условіяхъ они были въ свое время переданы Вамъ въ пользованіе.

Подп. № 21092. Согласно Цирк. Гл. Упр. В. У. З. 17 апрѣля 1885 года № 27, время, проведенное на службѣ учителями и воспитателями въ настоящихъ должностяхъ еще до вынутія ими жребья, не принимается въ счетъ пяти лѣтъ, упомянутыхъ въ ст. 80 Уст. о Воинск. Повин.

Подп. Давиду С. Обратитесь съ жалобой по начальству.

Подп. Квашенко. На основаніи ст. 33 Общ. Пол. о Крест., общество имѣло законное право отобрать надѣлы отъ Вашей матери, которая не имѣетъ нынѣ никакихъ основаній требовать ихъ обратно.

Подп. Мельничанскихъ. Вы настолько неясно изложили Ваше дѣло въ письмѣ на имя редактора,—что юрисконсультъ не только лишенъ возможности дать Вамъ какое-нибудь указаніе, но даже не въ состояніи понять, въ чемъ состоитъ Ваше дѣло. Самое лучшее, если Вы обратитесь за совѣтомъ къ какому-нибудь мѣстному повѣренному и передадите ему веденіе Вашего дѣла.

Подп. Важенцеву. Для отвѣта на Вашъ вопросъ необходимо знать, при какихъ обстоятельствахъ и на какихъ условіяхъ передана земля опекунами въ распоряженіе общества.

Подп. Казарновскому. См. послѣдній отвѣтъ въ № 3 журнала.

Подп. № 22438. Согласно ст. 224 Общ. Пол. о Крест., Вашъ зять долженъ считаться усыновленнымъ его дядей. Наслѣдуетъ ли

онъ въ имуществѣ усыновителя—зависитъ отъ мѣстныхъ обычаевъ (ст. 13 Общ. Пол.).

Подп. Г. Мишурному. Согласно Рѣш. Прав. Сен. 12 августа 1881 г. № 5501, пріемыши только при условіи усыновленія ихъ до 10-лѣтняго возраста въ установленномъ закономъ порядкѣ могутъ считаться за родныхъ сыновей въ семействѣ, принявшемъ ихъ на воспитаніе и какъ таковые, пользоваться льготами при отбываніи воинской повинности; фактическое же нахожденіе пріемышей съ малолѣтства при воспитателяхъ значенія не имѣетъ.

Подп. № 27231. Редакція „Вѣстника Знанія“ не имѣетъ никакой возможности содѣйствовать своимъ подписчикамъ въ полученіи обратно денегъ, внесенныхъ въ редакцію другого періодическаго изданія. Вамъ слѣдуетъ обратиться въ ту редакцію, куда Вы внесли деньги.

Подп. изъ Одессы. Если Вы желали отбывать воинскую повинность на правахъ вольноопредѣляющагося, Вамъ надлежало представить свидѣтельство о припискѣ къ призывному участку. Такое свидѣтельство Вы могли получить не позднѣе 31 декабря того года, когда Вамъ исполнилось 20 лѣтъ. Заявлять о правахъ на льготу Вы можете до жеребьеметанія. При отбываніи воинской повинности по жеребью, Вы обязаны состоять на дѣйствительной службѣ два года и никакими иными правами не пользуетесь.

Подп. № 26167. Согласно ст. 28 кн. VIII особаго Прил. къ IX т. Св. Зак. (Правила о переселеніи на казенныя земли), надѣлы переселенцевъ отбираются въ случаяхъ самовольнаго оставленія отведенныхъ земель, а также въ случаѣ перехода на другое мѣсто съ надлежащаго разрѣшенія. Что же касается права завѣдывающихъ переселеніями лицъ отбирать отведенныя земли на указанномъ Вами основаніи,—то о таковомъ правѣ никакихъ указаній въ Правилахъ о переселеніи на казенныя земли не содержится.

Подп. № 27219. Такъ какъ Вы не имѣете въ Вашемъ селѣ усадебной осѣдлости и землею не владѣете,—то Вы могли бы укрѣпить въ личную собственность участокъ надѣльной земли лишь въ томъ случаѣ, если бы были надѣлены землею при слѣдующемъ передѣлѣ,—а для сего Вамъ необходимо обзавестить осѣдлостью въ Вашемъ селѣ.

Подп. (неразборчиво). Согласно ст. 12 Прил. къ ст. 68 Уст. о Пасп., брать съ собою во внутреннія губерніи приказчиковъ изъ евреевъ предоставлено лишь евреямъ купцамъ первой гильдіи; на евреевъ же нижнихъ чиновъ льгота эта не распространяется.

Подп. Шаревскому. Изъ сопоставленія ст. V Указа 5 октября 1906 года со ст. 71 и 75 Уст. о Пасп. изд. 1903 года можно сдѣлать выводъ, что льготы, указанныя въ ст. V Указа распространяются и на евреевъ, имѣющихъ право повсемѣстнаго жительства въ имперіи.

Подп. № 32872. Согласно ст. 53 Уст. о Воинск. Повин., неспособными къ труду въ семействѣ считаются совершенно не имѣющіе возможности работать вслѣдствіе увѣчья или болѣзненнаго разстройства. Указываемый же Вами недостатокъ Вашего брата, не лишающій его возможности работать, не может служить основаніемъ для признанія его неспособнымъ къ труду, а потому и не служитъ основаніемъ къ признанію за Вами льготы 1 разряда.

Подп. Ремизову. Согласно Указа 9 ноября 1906 г., Вы вправѣ требовать укрѣпленія въ личную собственность, кромѣ усадебнаго участка, всѣхъ участковъ общинной земли, которые состоятъ въ настоящее время въ Вашемъ постоянномъ пользованіи. Домъ Вашъ можетъ находиться на прежнемъ мѣстѣ.

Подп. № 25499. На основаніи ст. I Отд. I Указа 9 ноября 1906 г. каждый домохозяинъ, владѣющій надѣльною землею на общинномъ правѣ, можетъ во всякое время требовать укрѣпленія за собою въ личную собственность причитающейся ему части изъ означенной земли. Но такъ какъ Вы никогда домохозяиномъ не были, то право это и не можетъ Вамъ принадлежать.

Подп. № 21234. Согласно ст. 48 Уст. о Воинск. Повин., лица, непосредственно слѣдующія по возрасту за братомъ, находящимся по призыву на дѣйствительной службѣ, пользуются по семейному положенію льготою третьяго разряда.

Подп. М. Г. Граве. По воспослѣдованіи Указа 5 октября 1906 г., даровавшаго право свободнаго передвиженія лицамъ бывшаго податнаго сословія, исчезло послѣднее практическое преимущество личнаго почетнаго гражданства, а посему нынѣ особенныя права, коими пользуются почетные граждане, сводятся къ праву именоваться во всѣхъ актахъ почетными гражданами.

Подп. № 34609. 1) Согласно п. 1 ст. 48 Уст. о Воинск. Повин., Вы имѣете льготу 1 разряда по семейному положенію. 2) Согласно ст. 13 Прил. XXX къ ст. 327 уст. о Воинск. Повин., служба Ваша въ должности лѣсного кондуктора не освобождаетъ Васъ отъ явки въ учебные сборы. 3) Для отвѣта на вопросъ о припискѣ необходимо знать, къ какому сословію Вы принадлежите.

Подп. № 33570. Для дѣйствительности долговой росписки не требуется ни засвидѣтельствованія у нотаріуса, ни оплаты гербовымъ сборомъ.

Подп. Д. П. В. Судя по обстоятельствамъ дѣла (преклонный возрастъ при поступленіи на службу, короткій срокъ службы, отсутствіе несчастнаго случая), интересующее Васъ лицо не имѣетъ права на пенсію,—и подобный искъ представляется безнадежнымъ.

Подп. № 2861. Подписанный Вами заказъ на изданіе „Вся Природа“ для Васъ обязателенъ. Но если на судѣ Вы докажете, что Вамъ показывали не тѣ книги, которыя впослѣдствіи выслали,—то судъ можетъ освободить Васъ отъ отвѣтственности. Подобныя дѣла обыкновенно производятся въ Петербургѣ у Мировыхъ Судей, по мѣсту нахожденія издательской фирмы.

Подп. № 32144. 1) Высочайшимъ Указомъ 5 октября 1906 года повелѣно: отмѣнить обязательное исключеніе сельскихъ обывателей и лицъ другихъ бывшихъ податныхъ состояній изъ обществъ... вообще при

пріобрѣтеніи ими высшихъ правъ состоянія, разрѣшивъ этимъ лицамъ оставаться въ составѣ своихъ обществъ, пользуясь, впредь до добровольнаго выхода изъ нихъ, или перечисленія соотвѣтственно пріобрѣтеннымъ ими правамъ въ иное сословное общество,—всѣми связанными съ принадлежностью къ своимъ обществамъ правами. Посему, будучи награждены званіемъ потомственнаго почетнаго гражданина и получивъ грамоту, Вы не обязаны выходить изъ состава сельскаго общества и можете продолжать пользоваться усадебною и надѣльною землею. Согласно ст. 520 т. IX лицамъ, возведеніе коихъ въ званіе почетнаго гражданина можетъ совершаться не иначе, какъ Высочайшими повелѣніями и Указами, Сенатъ выдаетъ грамоты тогда уже, когда онѣ будутъ надлежащимъ образомъ утверждены въ почетномъ гражданствѣ. Посему, Вы уже теперь вправѣ именоваться почетнымъ гражданиномъ, хотя еще и не получили грамоты.

Подп. № 24028. Манифестомъ 11 августа 1905 года дарованы льготы арендаторамъ, но вовсе не покупщикамъ удѣльныхъ земель.

Подп. № 22773. Обратитесь въ мѣстное Казначейство.

Подп. № 16825. Земля при указанныхъ Вами условіяхъ могла перейти въ собственность сосѣда силою давности владѣнія. Для болѣе точнаго отвѣта необходимы болѣе подробныя свѣдѣнія.

Подп. Сѣкарину. Всякое лицо, владѣющее крестьянскимъ надѣломъ, обязано нести всѣ установленныя повинности. При выходѣ же изъ общества прекращается эта обязанность но вмѣстѣ съ тѣмъ прекращается и право пользованія землею.

Подп. № 33434. Рѣшеніе Волостного Суда совершенно неправильно, такъ какъ линейный сторожъ былъ уволенъ со службы по собственной своей винѣ, а не по винѣ Вашего отца. Надо полагать, что Уѣздный Съѣздъ отмѣнитъ приговоръ Волостного Суда и откажетъ въ искѣ. Отецъ, съ своей стороны, независимо отъ оправдательнаго приговора суда, вправѣ искать вознагражденіе за убытки, причиненные необходимостью леченія, а также и за поврежденіе здоровья если таковое дѣйствительно произошло.

Подп. Борзому. Права и обязанности ревизіонныхъ комиссій изложены въ уставахъ подлежащихъ обществъ.

Подп. Яковлеву, Иванюшину и Спиричеву. Вслѣдствіе неясности вопросовъ отвѣты не могутъ быть даны.

Подп. № 1933. Подробный перечень документовъ, на основаніи коихъ можетъ быть совершена продажа участковъ надѣльной земли, Вы найдете въ ст. 2 отд. 11 Указа 9 ноября 1906 года. Вамъ слѣдуетъ получить отъ Общества такой же приговоръ на два участка, какой составленъ на третій участокъ.

Подп. № 27357. Согласно п. 29 ст. 371 Уст. о Прям. Нал. государственному промысловому налогу подлежатъ лишь тѣ личныя промысловыя занятія, которыя поименованы въ приложеніи V къ ст. 368 Устава. Въ числѣ же лицъ, означенныхъ въ этомъ приложеніи, артельщики Биржевыхъ артелей не значатся.

Подп. П. В. Охлонину. На основаніи Временныхъ Правилъ объ обществахъ и союзахъ, лица, желающія образовать общество, обязаны представить о томъ письменное заявленіе губернатору... (ст. 17). Въ заявленіи должны быть указаны: а) цѣль общества, б) имена, отчества, фамиліи, званія и мѣста жительства его учредителей, в) районъ его дѣйствій, г) порядокъ избранія распорядителя общества, а если предполагается учредить въ обществѣ правленіе, то способы его образованія и пополненія, а также мѣсто нахожденія правленія или распорядителя и д) порядокъ вступленія и выбытія членовъ.

Подп. № 28100. Согласно ст. 20 Учр. Прав. Сен., жалобы на Губернскія по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія приносятся Второму Департаменту Правительствующаго Сената. Въ виду сложности дѣла Редакція лишена возможности дать вамъ совѣтъ по существу, такъ какъ для сего необходимо ознакомиться въ подлинникѣ съ производствомъ, а изложеніе дѣла въ краткомъ письмѣ недостаточно.

Подп. П. И. Вавилову. Интересующій васъ вопросъ представляется спорнымъ: все зависитъ отъ убѣжденія судей. За тещу говоритъ непрерывное владѣніе въ теченіе давности, а за торговый домъ—ремонтъ и страхованіе на его средства. Надежда есть, но предсказать исходъ дѣла невозможно.

Подп. № 26297. 1) Дѣло, однажды рѣшенное компетентнымъ судомъ, не можетъ быть вторично рѣшаемо судебными установленіями. 2) Согласно ст. 8 Положенія о взаимномъ страхованіи, всѣ сельскія постройки, какъ частныя, такъ и общественныя, находящіяся въ чертѣ крестьянской усадебной осѣдлости, подлежатъ обязательному страхованію; однако, по силѣ ст. 10 того же положенія, исключаются изъ обязательнаго страхованія тѣ изъ поименованныхъ въ ст. 8 строеній, которыя застрахованы не ниже размѣра обязательнаго страхованія въ другихъ страховыхъ отъ огня учрежденіяхъ, какъ общественныхъ такъ и частныхъ.

Подп. И. Кейль. 1) Согласно ст. 30 Общ. Пол. о крест., приговоръ объ условіяхъ передѣла вступаетъ въ силу послѣ утвержденія его Съѣздомъ. Приговоръ же только провѣренный, но еще не утвержденный не есть приговоръ, а только проектъ приговора. Посему и на точномъ основаніи ст. 2 и 3 Отд. 1 Указа 9 ноября, если заявленіе объ укрѣпленіи земли въ личную собственность подано въ промежутокъ отъ провѣрки приговора до его утвержденія, то укрѣпленіе должно послѣдовать на основаніи послѣдняго предшествующаго приговора. Впрочемъ подобные случаи еще не доходили до разсмотрѣнія Сената, и не исключена возможность, что изъ практическихъ соображеній послѣдуетъ иное рѣшеніе этого вопроса. 2) Согласно ст. 428 т. X ч. I, если рѣка составляетъ границу между прилежащими къ ней владѣніями, то каждый изъ владѣльцевъ по береговому праву можетъ ею поль-

зоваться отъ своего берега до средины. Таким образомъ, вашъ вопросъ разрѣшается утвердительно.

Подп. № 9000. 1) Навсегда отъ службы въ войскахъ освобождаются лица, острота зрѣнія коихъ въ правомъ глазу ниже 1/4 вслѣдствіе стойкихъ измѣненій глаза или недостатка рефракціи. 2) Политическая неблагонадежность не служитъ препятствіемъ къ отбыванію воинской повинности.

Подп. В. Рождественскому. 1) За разъясненіемъ предлагаемыхъ Вами вопросовъ слѣдуетъ обратиться въ Кіевскій Коммерческій Институтъ, такъ какъ это учебное заведеніе открылось недавно и въ спискахъ не значится. 2) Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ по отношенію къ отбыванію воинской повинности принадлежитъ къ учебнымъ заведеніямъ перваго разряда т. е. даетъ тѣ же права, что и университеты.

Подп. № 27688. 1) Требовать представленія подлинной купчей крѣпости Д-ыми можно только въ томъ случаѣ, если будетъ доказано, что купчая эта находится у нихъ. 2) Слѣдуетъ установить свидѣтельскими показаніями, что К. Д. З-нъ владѣлъ землей и домомъ спокойно, безспорно и непрерывно въ видѣ собственности въ теченіе 10 лѣтъ То обстоятельство, что страховали домъ Д-ы, что поправки снесены на счетъ Д-ыхъ ухудшаетъ, конечно, положеніе г-жи З-ой.

Подп. В. И. Цирулису. 1) Въ виду того что вексель подписанъ Вами до наступленія совершеннолѣтія, притомъ безъ согласія попечителя, обязательство это недѣйствительно какъ по т. X, ч. I. Св. Зак., такъ и по законамъ, дѣйствующимъ въ губерніяхъ прибалтійскихъ (ст. 220 т. X, ч. 1; ст. 354 Свода Гражд. Узакон. губ. прибалт.). 2) Рѣшеніе первой инстанціи Вы можете обжаловать независимо отъ Вашего товарища. Деньги можно получить обратно послѣ отмѣны рѣшенія; въ случаѣ выигрыша Вами дѣла во второй инстанціи, судебныя и за веденіе дѣла издержки будутъ присуждены въ Вашу пользу, если Вы будете просить объ этомъ.

Подп. № 7669а. Для отвѣта на Вашъ вопросъ необходимо знать, въ какомъ порядкѣ и по чьему рѣшенію была произведена распланировка.

Продп. № 8448. Права на государственную службу Вы не потеряли. Получить отъ губернатора требуемое свидѣтельство Вы можете, если у него не имѣется какихъ-либо свѣдѣній, полученныхъ неоффиціальнымъ путемъ.

Подп. № ...... 1) Обратитесь къ фабричному инспектору, а если онъ Вамъ не поможетъ, можете, искать деньги судебнымъ порядкомъ, Вамъ придется установить хотя бы свидѣтельскими показаніями время поступленія на фабрику; что же касается размѣра заработанной платы, то можете установить его экспертизой, если не было договора, хотя бы и словеснаго. 2) За сверхурочную работу Вы можете искать судебнымъ порядкомъ.

Подп. С. Батюшину. Повидимому, есть какія-либо обстоятельства, не сообщенныя Вами, въ силу которыхъ Волостной судъ, удовлетворивъ просьбу брата, отклонивъ Вашу. Если рѣшеніе съѣзда Земскихъ Начальниковъ Васъ не удовлетворитъ, можете подать жалобу въ Губернское Присутствіе.

Подп. № 25499. Согласно ст. 194 т. X ч. I. дѣти обязаны,—хотя бы они были совершенно отдѣлены отъ родителей, если сіи послѣдніе находятся въ бѣдности, дряхлости и немощахъ, доставлять имъ пропитанее и содержаніе по самую ихъ смерть. Примѣненіе этой статьи къ каждому отдѣльному случаю и размѣръ присуждаемаго вознагражденія зависитъ отъ суда, рѣшающаго дѣло по существу. Указанную въ 194 ст. обязанность несутъ всѣ дѣти, какъ сыновья, такъ и дочери, каждый соразмѣрно своимъ средствамъ.

Подп. № 25499. Пріобрѣтеніе крестьяниномъ личнаго дворянства есть переходъ въ другое сословіе. На основаніи ст. 10 Положенія Крест. Влад., съ переходомъ въ другое сословіе, крестьянинъ теряетъ право на пользованіе мірскою землею того общества, изъ котораго онъ происходитъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Большое, все возрастающее количество юридическихъ вопросовъ, требующихъ отъ юрисконсульта и его помощника громаднаго количества труда и времени, заставляетъ насъ *напомнить* читателямъ, что во избѣжаніе вполнѣ естественнаго *запаздыванія* отвѣтовъ при слишкомъ большомъ ихъ накопленіи, читатели не-подписчики могутъ разсчитывать на полученіе отвѣтовъ только *послѣ* удовлетворенія *подписчиковъ*, если у юрисконсульта остается время, а въ журналѣ свободное мѣсто. Поэтому, просимъ при запросахъ прилагать *бандерольный адресъ* и только въ крайности его копію (съ указаніемъ *№ подписчика*).

Отдѣлъ беллетристическій.

Л. Ж. БЕТИСОНЪ.

БѢЛАЯ НОЧНАЯ БАБОЧКА.

I

Со средины марта прошлаго года я гостилъ въ имѣніи у полковника Вильямса. Уже семнадцать лѣтъ, какъ полковникъ былъ въ отставкѣ и почти все это время провелъ въ путешествіяхъ по южному Египту, такъ какъ онъ былъ страстный любитель египетскихъ древностей.

Въ домѣ у полковника насъ въ это время было четверо: лейтенантъ Кириллъ Голисъ, капитанъ Эдмундъ Розитеръ и я, докторъ Трелей.

На второй день моего пріѣзда, когда я въ своей комнатѣ торопливо переодѣвался къ обѣду, вдругъ раздался стукъ колесъ медленно двигающейся повозки и послышался голосъ полковника съ безпокойствомъ восклицавшаго: „ради Бога, Кларксонъ, будьте осторожнѣе!“ Кларксонъ былъ лакей полковника. Черезъ минуту повозка остановилась, послышался шумъ тяжелыхъ шаговъ, какъ будто люди несли что-то тяжелое по лѣстницѣ. На второй площадкѣ шаги остановились, а затѣмъ снова раздались въ нижней комнатѣ, и опять тотъ же взволнованный голосъ полковника повторилъ нѣсколько разъ: „осторожнѣе, Кларксонъ, осторожнѣе!“

Десять минутъ спустя, когда я сходилъ внизъ по лѣстницѣ въ столовую, то на второй площадкѣ снизу я непроизвольно остановился, по всему моему тѣлу пробѣжала дрожь и меня охватило странное чувство, какъ будто какая-то невидимая сила сковала мои мускулы. Это ощущеніе хорошо знакомо неврастеникамъ, когда они переутомлены. Но меня, вполнѣ здороваго и очень крѣпкаго человѣка, не страдающаго неврастеніей, все это немало встревожило.

„Вѣроятно, на меня подѣйствовала сегодняшняя жара, или я схватилъ легкую простуду“, пробормоталъ я для своего собственнаго успокоенія. Но тутъ-же почувствовалъ, что не вѣрю самъ себѣ. Постоявъ съ полминуты въ нерѣшительности, я снова сдѣлалъ шагъ впередъ и опять та же дрожь и опять то же ощущеніе невидимой силы, сковывающей мои движенія и препятствующей мнѣ двинуться впередъ.

На лѣстницѣ въ это время было совсѣмъ темно. Я сталъ правой рукой нащупывать кнопку электрической лампы, но никакъ не могъ ее найти, и въ нетерпѣніи довольно грубо выругался. Я упоминаю объ этомъ для того, чтобы указать до какой степени я былъ взволнованъ и потерялъ самообладаніе. Наконецъ, устыдившись своего малодушія и пересиливъ свое волненіе, я рѣшительно двинулся впередъ и быстро сбѣжалъ внизъ по лѣстницѣ.

Капитанъ Розитеръ и полковникъ Вильямсъ уже сидѣли въ столовой передъ огнемъ, ярко пылавшемъ въ старомодномъ каминѣ. Было тепло и уютно въ этой большой столовой съ ея древней меблировкой, рѣзными потолками, со стѣнами, украшенными дорогими портретами, со шкафами, на полкахъ которыхъ блестѣли хрусталь и серебро. Те-

пл(ст)а, свѣтъ и уютность обстановки подѣйствовали на меня благотворно и пережитое мною волненіе исчезло безъ слѣда.

„Однако Голисъ запоздалъ“,—сказалъ полковникъ и, какъ мнѣ показалось, въ голосѣ у него звучало нѣкоторое волненіе, указывавшее, что у него на душѣ какое-то безпокойство, отъ котораго онъ хотѣлъ бы избавиться.

Не успѣлъ полковникъ закончить свою фразу, какъ въ столовую вошелъ лейтенантъ Голисъ.

„Мнѣ очень досадно, что я заставилъ васъ такъ долго ждать себя“,—пробормоталъ онъ едва внятно.

Эта фраза была произнесена такимъ тономъ, что заставила меня взглянуть на говорившаго и мнѣ сразу бросилось въ глаза, что съ нимъ произошло нѣчто ужасное. Его молодое, красивое, почти женственное лицо было крайне блѣдно. Обѣими руками крутилъ онъ свои усы и въ то же время посматривалъ на каждаго изъ насъ съ какимъ-то страннымъ вызывающимъ выраженіемъ.

Во время обѣда, который немедленно подали, я все время наблюдалъ за Голисомъ и замѣтилъ, что онъ былъ крайне молчаливъ, мало ѣлъ и много пилъ. Но полковникъ, который безъ умолку толковалъ о богослужебныхъ обрядахъ древняго Египта, конечно, не обратилъ вниманія на странное состояніе Голиса. То же можно сказать о капитанѣ Розитерѣ, который былъ весь поглощенъ труднымъ дѣломъ удовлетворить свой невѣроятный аппетитъ.

Когда окончился обѣдъ, Голисъ отозвалъ меня въ сторону и спросилъ:

„Какъ вы думаете, докторъ, не боленъ ли я? пощупайте мой пульсъ“.

Я взялъ его руку, нащупалъ пульсъ, который бился ускореннымъ лихорадочнымъ темпомъ, но не придалъ этому значенія, приписавъ повышенный пульсъ дѣйствію вина.

„Ну, вы сегодня не умрете“,—сказалъ я ему, смѣясь,—„что васъ такъ волнуетъ?“

„Можетъ быть я схватилъ простуду?“—спросилъ онъ.

„Не думаю, по крайней мѣрѣ, пока нѣтъ никакихъ признаковъ“.

„Мнѣ кажется, что все это послѣдствіе сегодняшней жары“, — замѣтилъ Голисъ.

Послѣднее замѣчаніе Голиса заставило меня невольно вздрогнуть. Это были тѣ же слова, которыя я произнесъ во время моего приключенія на лѣстницѣ. Неужели Голисъ испыталъ то же тяжелое и непріятное ощущеніе, какъ и я, но о которомъ я уже успѣлъ забыть. Его спальня была рядомъ съ моею, и ему такъ же, какъ и мнѣ, спускаясь въ столовую, надо было пройти по той площадкѣ, на которой я испыталъ такое сильное волненіе. Эти мысли быстро пробѣжали у меня въ головѣ, но логика взяла верхъ, и я пересталъ объ этомъ думать.

Повидимому, Голисъ скоро успокоился. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ изъ комнаты, и я пошелъ за нимъ, такъ какъ его манеры мнѣ показались странными, и мнѣ интересно было посмотрѣть, что онъ намѣренъ дѣлать. Онъ поднялся по лѣстницѣ на вторую площадку, остановился на ней, постоялъ съ минуту, потомъ прошелся по ней раза два или три, попробовалъ открыть выходящую на нее дверь, которая оказалась запертой, и спустился внизъ. Краска возвратилась на его лицо, повидимому, тяжесть угнетавшая его, какъ бы свалилась, и весь остальной вечеръ онъ былъ веселъ, смѣялся, болталъ и курилъ больше, чѣмъ кто бы то ни было изъ насъ.

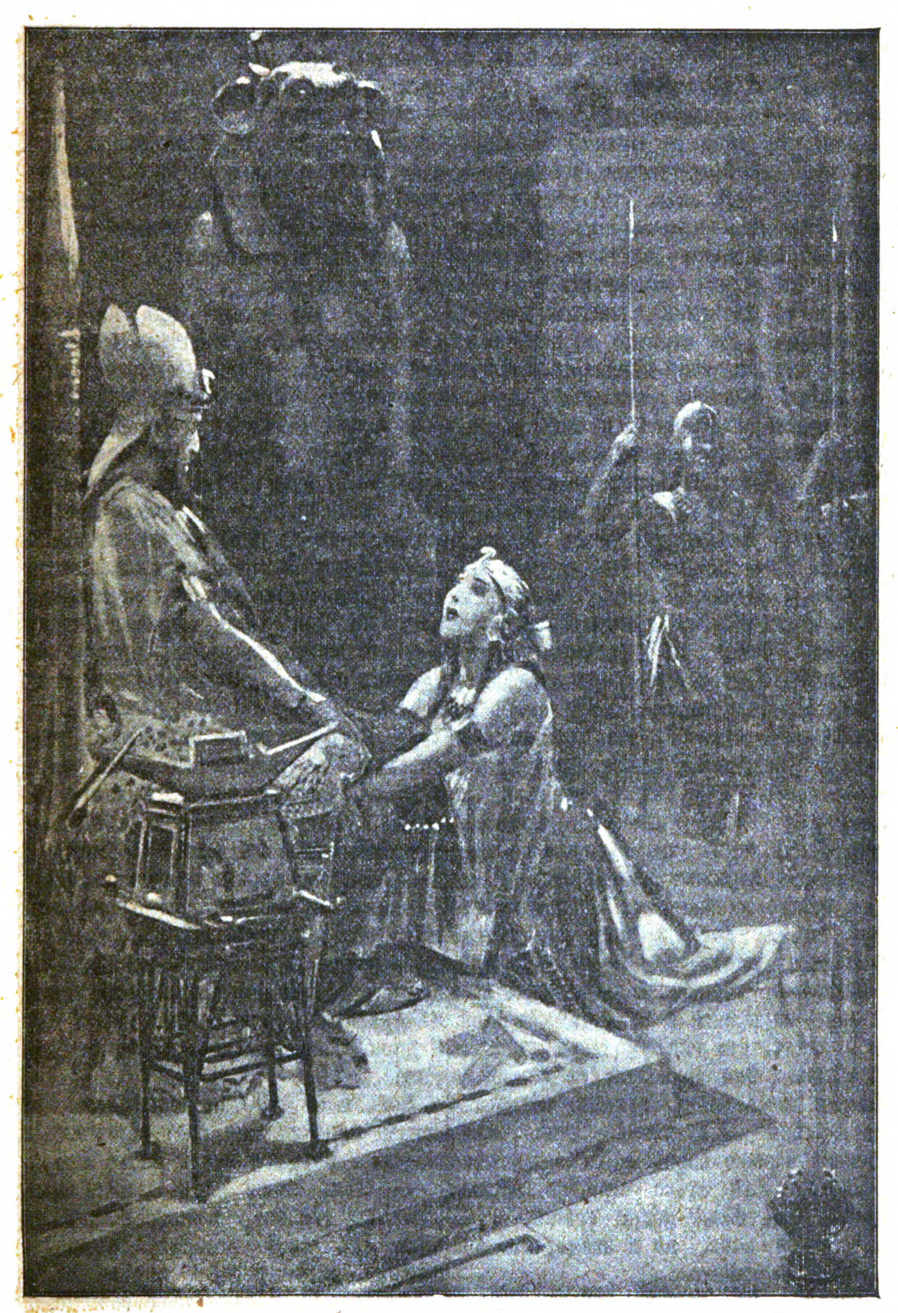
Я тщательно наблюдалъ за нимъ, мнѣ не нравился его видъ, и меня неотступно занималъ вопросъ о томъ, что могло быть за запертой дверью.

II

На другой день утромъ, когда лейтенантъ Голисъ спустился къ завтраку, онъ показался мнѣ постарѣвшимъ на пять лѣтъ, угрюмое выраженіе его лица, странныя манеры, нервная раздражительность, совершенно несоотвѣтствовавшія тому человѣку, который обыкновенно былъ душою нашей маленькой компаніи. Все это вмѣстѣ показывало, что онъ переживаетъ что-то тяжелое. Весь день онъ провелъ въ комнатѣ за чтеніемъ книгъ, и только, когда вновь зажгли лампы, лицо его нѣсколько прояснилось, и онъ немного разговорился.

— Вы, господа, вѣроятно удивлялись, глядя на меня сегодня и не разъ, должно быть, задавали себѣ вопросъ, что со мною произошло,—началъ онъ.—Теперь я вамъ разскажу, а вы послушайте.

Прошлую ночь мнѣ снился странный сонъ и ощущенія, пережитыя во время этого сна, были такъ реальны, что я никогда его не забуду. Я очутился во дворцѣ съ чрезвычайно высокими колон-

нами. Между этими колоннами, которыя были изъ гранита, находились огромныя, высѣченныя изъ чернаго камня фигуры какихъ-то крылатыхъ существъ; это очевидно, были грубыя произведенія младенческой фантазіи. Были и другія такія же колоссальныя фигуры людей со звѣриными головами и звѣрей съ людскими головами. Тамъ я насчиталъ сто колоннъ и между каждыми двумя колоннами по одной фигурѣ. Надъ каждой фигурой висѣла серебряная лампада, свѣтившая таинственнымъ свѣтомъ и

распространявшая легкій ароматъ. Не смотря на такое количество лампъ свѣтъ совершенно пропадалъ, не достигая сводовъ дворца.

Чувствовалось что-то трагическое въ этомъ дворцѣ, приводившее меня въ ужасъ. Казалось, онъ принадлежалъ къ другому міру, въ которомъ не было ни благородства, ни симпатіи, ни человѣческой любви. Я переходилъ отъ колонны къ колоннѣ, пока не вышелъ на широкое, свободное пространство, проходившее по срединѣ всей залы. По обѣимъ сторонамъ стояло, выстроившись въ линію, огромное количество людей съ длинными пиками въ рукахъ, съ мечемъ у лѣваго бедра и съ колчанами, полными стрѣлъ, за плечами. На головѣ у нихъ были надѣты металлическіе шлемы, и все тѣло ихъ было покрыто стальною броней. Всѣ головы повернулись ко мнѣ, каждая пара глазъ наблюдала за мной, во всѣхъ взорахъ сверкалъ гнѣвъ и угроза.

Въ эту минуту раздался пронзительный крикъ, огласившій этотъ мрачный дворецъ. Этотъ крикъ тысячу разъ повторился, отражаясь отъ каменныхъ стѣнъ и колоннъ и постепенно замиралъ, казалось будто бы каменныя губы огромныхъ фигуръ что-то съ насмѣшкой прошептали. Я устремилъ свой взоръ въ направленіи между двумя линіями воиновъ и увидѣлъ въ концѣ дворца высокій тронъ изъ бѣлаго мрамора, на которомъ сидѣлъ какой-то человѣкъ. Онъ былъ одѣтъ въ пышныя одежды, сверкавшія дорогими каменьями. У его ногъ стояла на колѣняхъ женщина, черные волосы которой широкой волной ниспадали внизъ до пола. Ея губы произносили горячія мольбы и хотя я не могъ ее понять и не видѣлъ ея лица, но я зналъ, что она умоляетъ даровать ей жизнь. Она поднялась съ колѣнъ и бѣлыми, какъ снѣгъ руками обхватила его колѣни. Его темное лицо, окаймленное черною бородою, было искажено гнѣвомъ. Мнѣ стало страшно за женщину. Она была полна граціи, я не видѣлъ ея лица, но я зналъ, что она необычайно красива.

Голосъ на минуту пріостановился. Очевидно, что даже простой пересказъ сна сильно волновалъ его. Я взглянулъ на Розитера, и меня взяла злость—онъ дремалъ. Другое дѣло—полковникъ: на его выразительномъ лицѣ ясно отражалось волненіе и глубокій интересъ. Онъ весь подался впередъ и крутилъ окурокъ сигары, который давно уже потухъ.

— Ну, ну!—воскликнулъ онъ,—что же произошло дальше?

— Человѣкъ, сидѣвшій на тронѣ, очевидно это былъ царъ, вскочилъ на ноги. Стража загремѣла оружіемъ. Онъ протянулъ руку и ему передали копье. Схвативъ оружіе въ свою руку, онъ высоко поднялъ его и со всей силой вонзилъ его въ женщину. Она упала на мраморный полъ, пробормотала нѣсколько словъ, которыя я не разслышалъ, и умерла...

Въ ту же минуту изъ ея густыхъ волнистыхъ волосъ вылетѣла бѣлая ночная бабочка. Тотъ, который нанесъ смертельный ударъ, видѣлъ это. Страшный ужасъ охватилъ его, копье выпало изъ руки и зазвенѣло на мраморномъ полу. Онъ, повидимому, не въ состояніи былъ пошевелиться и только полными ужаса глазами слѣдилъ за летающимъ насѣкомымъ. Бабочка кружилась вокругъ его головы. Наконецъ она спустилась къ нему на лобъ, онъ испустилъ пронзительный крикъ, раскинулъ руки и опрокинулся назадъ. Въ эту минуту я проснулся.

Я долженъ вамъ сознаться, что я проснулся въ такомъ тяжеломъ состояніи, въ какомъ рѣдко бываетъ человѣкъ. Конечно, я ясно сознавалъ, что нахожусь здѣсь въ домѣ, но мнѣ казалось, что темная комната полна чего-то ужаснаго. Въ теченіе цѣлаго часа я лежалъ безъ движенія, чувствуя, какъ холодный потъ катился съ моего лба. Только когда разсвѣтъ проникъ черезъ ставни, я стряхнулъ съ себя охватившее меня и парализовавшее мои движенія чувство ужаса.

Вотъ и все. Но не попытайтесь объяснять мой ужасный сонъ обремененіемъ желудка. Вчера я очень плохо ѣлъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! Здѣсь больше смысла, чѣмъ вы думаете,—воскликнулъ полковникъ, на лицѣ котораго выразилось сильное волненіе. Вы видѣли во снѣ дѣйствительно происшедшее событіе, или вѣрнѣе сказать весьма старинную легенду, написанную іероглифами на памятникѣ Бетанаса, царя семнадцатой династіи древняго Египта.

Вы, вѣроятно, когда-нибудь слышали эту легенду, но потомъ ее забыли.

Голисъ отрицательно покачалъ головою...

— Тогда это удивительно. Болѣе, чѣмъ удивительно,—это поразительно. Я не могу понять... Во всякомъ случаѣ я долженъ вамъ сказать...

— Что сказать?—спросилъ Голисъ.

Розитеръ въ это время совсѣмъ проснулся. Я и онъ съ удивленіемъ смотрѣли на полковника.

— Дѣло въ томъ,—началъ полковникъ,—что могилу Бетанаса открыли всего года два тому назадъ, и я въ этомъ участвовалъ. Мнѣ ужасно хотѣлось пріобрѣсти мумію этого царя для моей коллекціи египетскихъ реликвій. Я васъ прошу, господа, никому не говорить о томъ, что вы услышите. Итакъ, мнѣ очень хотѣлось завладѣть тѣломъ Бетанаса, которое замѣчательно хорошо досохранилось. Но это было дѣло не легкое. И я долженъ сознаться, что мнѣ пришлось дѣйствовать не совсѣмъ прямыми путями и кое-кому втереть очки. Въ концѣ концовъ я достигъ своей цѣли.

— Какъ?!—воскликнулъ я—у васъ...

— Да, эта мумія у меня въ домѣ, ее наконецъ привезли вчера ночью послѣ многихъ приключеній во время перевозки.

Я почувствовалъ, какъ по мнѣ пробѣжала дрожь и мною овладѣло волненіе. Я взглянулъ на Голиса и замѣтилъ, что онъ испытываетъ то-же самое, но въ гораздо болѣе сильной степени. Онъ налилъ себѣ полный стаканъ вина, руки его замѣтно дрожали. Онъ быстро выпилъ вино и глухимъ голосомъ произнесъ:

„Это объяснnетъ мой сонъ. Скажите, ради Бога, полковникъ, къ чему вамъ понадобилось держать подобныя вещи здѣсь въ домѣ?“

Полковникъ самъ былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы обратить вниманіе на этотъ вопросъ. „Вы должны знать,—сказалъ онъ,—что Бетанасъ разбилъ во время сраженія прекрасную царицу Нагарану, полюбилъ ее, сдѣлалъ ее своей возлюбленной, а когда она надоѣла ему, то убилъ ее своей собственной рукой въ своемъ дворцѣ. Но египетскій богъ Сети помѣстилъ ея духъ въ бѣлую ночную бабочку, которая поцѣловала въ лобъ Бетанаса, и этотъ послѣдній упалъ мертвымъ. Такъ что вы видите, господа, насколько необыченъ сонъ Голиса“.

Капитанъ Розитеръ въ первый разъ вмѣшался въ разговоръ.

„Намъ надо пойти и посмотрѣть эту мумію“,—сказалъ онъ, вставая.

Остальные послѣдовали его примѣру. Я было думалъ воспротивиться, боясь за капитана Голиса, который былъ въ страшно возбужденномъ состояніи. Но, взглянувъ на него еще разъ, я убѣдился, что разсказъ полковника такъ на него подѣйствовалъ, что онъ не успокоится пока не разслѣдуетъ все до конца, и мои совѣты ни къ чему не послужатъ.

Полковникъ сталъ подыматься по лѣстницѣ и каково же было мое удивленіе, когда онъ остановился на той площадкѣ, на которой я вчера испыталъ такое волненіе. Конечно, я долженъ былъ догадаться, что именно въ этой комнатѣ лежала мумія, такъ какъ слышалъ вчера, что туда проносили что-то тяжелое. Но это какъ то совсѣмъ исчезло изъ моей памяти, и я былъ страшно пораженъ и взволнованъ, когда полковникъ остановившись на площадкѣ и пошаривъ въ карманѣ, вытащилъ связку ключей и открылъ дверь.

Полковникъ, а за нимъ и мы вошли въ комнату. Насъ охватилъ тяжелый, сырой, нездоровый воздухъ, вызвавшій у меня минутное головокруженіе. Комната была большая, продолговатая; она вся была наполнена различнаго рода древностями погибшей культуры Египта и его царей. Темныя тяжелыя занавѣсы были спущены на закрытыя окна. Въ комнатѣ царила тишина. Полковникъ повернулъ кнопку электрической лампы и комната освѣтилась.

„Ну, вотъ мы сейчасъ и посмотримъ“,—сказалъ онъ.

Мумія лежала на спинѣ въ открытомъ ящикѣ; вся она съ головы до ногъ была забинтована мягкимъ полотномъ. Итакъ, передъ нами лежалъ давно умершій царь и лежалъ онъ десять тысячъ лѣтъ, пока не попалъ сюда.

Полковникъ Вильямсъ уже совсѣмъ забылъ о Голисѣ и пустился въ длинныя объясненія о способахъ бальзамированія, иллюстрируя свою лекцію примѣрами того, какъ долго и хорошо со-

храняются правильно бальзамированные трупы.

„Все это очень интересно“,—замѣтилъ Розитеръ,—но давайте посмотримъ теперь на этого такъ давно умершаго царя-воина.

Полковникъ сталъ разматывать полотняный бинтъ и черезъ минуту открылась голова египетскаго царя.

„Поразительно сохранился!“—прошепталъ восхищенный полковникъ.

И дѣйствительно, онъ имѣлъ полное право восхищаться: голова вполнѣ сохранилась, ни малѣйшаго поврежденія—глаза, носъ, губы, уши были вполнѣ цѣлы. Даже выраженіе лица сохранилось. На немъ, было какъ бы написано ощущеніе боли и ужаса. Большая черная борода украшала лицо, въ ушахъ были серьги.

Странное впечатлѣніе производила на насъ вся эта обстановка. Десятокъ тысячъ лѣтъ тому назадъ умершій царь смотрѣлъ на насъ, одѣтыхъ въ современные европейскіе костюмы, и свѣтъ электрическихъ лампъ отражался въ его безжизненныхъ глазахъ. Только капитанъ Розитеръ не былъ взволнованъ; но его спокойствіе не дѣйствовало на насъ,—не было заразительно. И насъ заставилъ вздрогнуть его голосъ, когда онъ внезапно воскликнулъ:

„Посмотрите, какая мѣтка на лбу у древняго Бетанаса! Посмотрите тамъ по срединѣ между глазами. Неужели дѣйствительно есть какое-нибудь основаніе для этой глупѣйшей легенды?“

Мы взглянули и увидѣли на лбу у царя ранку. Она была похожа скорѣе на царапину, темно-красную по срединѣ и постепенно блѣднѣющую къ краямъ. Я, наклонясь, разсматривалъ внимательно царапину, какъ вдругъ раздался глубокій вздохъ, какой издаетъ человѣкъ, пораженный на смерть. Я выпрямился и оглянулся.

Лейтенантъ Голисъ стоялъ передъ нимъ а изъ оконъ, устремивъ свой взоръ на какую-то точку на занавѣси окна. Лицо его выражало страшный ужасъ. Мы бросились къ нему.

„Боже мой, какъ все это странно!“—воскликнулъ полковникъ.

„Случайное сочетаніе,—замѣтилъ Розитеръ и поднялъ руку.

„Не трогайте ее! не трогайте!—закричалъ Голисъ.

На темной мтеріи занавѣси сидѣла огромная бѣлая ночная бабочка.

Розитеръ опустилъ руку. „Какой странный видъ у этого насѣкомаго“,—замѣтилъ онъ.—„Эта бабочка, вѣроятно, влетѣла въ окно“.

„Которое закрыто“,—замѣтилъ я.

„Ну, такъ черезъ дверь“.

Никто не отвѣтилъ. Мы всѣ молча стояли, устремивъ свои взоры на бѣлую бабочку. Она имѣла не менѣе четырехъ дюймовъ при раскрытыхъ крыльяхъ. Я прежде никогда не видѣлъ такихъ большихъ ночныхъ бабочекъ, и, нужно сознаться, присутствіе этого огромнаго насѣкомаго въ комнатѣ вызывало дрожь по всему тѣлу. Казалось, бабочка, сидя на занавѣси, наблюдала и прислушивалась къ нашимъ разговорамъ. Голисъ воскликнулъ:

„Ради Бога уничтожьте эту проклятую мумію!“

„Что общаго между бабочкой и муміей?—отвѣтилъ полковникъ.—Неужели вы думаете... Ахъ, ты проклятая тварь!

Въ другое время восклицаніе полковника вызвало бы смѣхъ. Но въ настоящую минуту мы всѣ быстро отскочили назадъ, такъ какъ огромное насѣкомое полетѣло почти прямо на насъ. Мы устроили за нимъ погоню. Изъ угла въ уголъ преслѣдовали мы его. Бабочка бросилась къ окну, крылья ея стучали по стеклу, потомъ она быстро отскочила отъ стекла, вылетѣла въ открытую дверь и исчезла.

„Ну, и дураки же мы были“,—сказалъ Розитеръ.

III.

Весь остальной вечеръ капитанъ смѣялся надъ нашимъ приключеніемъ. Повидимому, онъ никакъ не могъ заговорить о чемъ-нибудь другомъ. Манеры его были рѣзкія и живыя. Онъ первый пошелъ спать. Полковникъ послѣдовалъ за нимъ, оставивъ насъ съ Голисомъ однихъ.

„Ну, что вы думаете обо всемъ этомъ, докторъ?—спросилъ меня лейтенантъ Голисъ.

„Я думаю,—сказалъ я,—что на ночь играть въ карты пріятнѣе, чѣмъ обсуждать удивительные сны и странныя совпаденія“.

Мы сѣли съ нимъ играть и играли до

полуночи. Затѣмъ, мы поднялись наверхъ и разошлись по своимъ комнатамъ.

Войдя въ свою комнату и подойдя къ окну, чтобы опустить занавѣси, я обратилъ вниманіе, что ночь была ясная, тихая, небо чистое, и только кое-гдѣ совсѣмъ прозрачныя облака прикрывали собою, какъ вуалью, звѣзды.

Я легъ и довольно скоро уснулъ. Но часа черезъ два внезапно проснулся. Это было одно изъ тѣхъ пробужденій, когда человѣкъ моментально переходитъ отъ глубокаго сна къ полному бодрствованію и непосредственно овладѣваетъ всѣми своими чувствами. У меня осталось сознаніе, что меня разбудилъ крикъ. Но кругомъ все было тихо. Изъ зала раздавалось равномѣрное тиканіе большихъ часовъ, и больше ничего. Очевидно, мой слухъ былъ чрезвычайно напряженъ, если я могъ различать изъ своей комнаты тиканіе часовъ, находившихся въ нижнемъ этажѣ дома, въ столовой. Лунные лучи проникали черезъ зеленыя ставни и слегка освѣщали комнату таинственнымъ свѣтомъ.

„Несомнѣнно, этотъ крикъ мнѣ приснился“,—убѣждалъ я самъ себя. „Все тихо кругомъ и ничто не могло разбудить меня“.

Но я не ложился, я чувствовалъ себя чрезвычайно неспокойнымъ, не сознавая почему. Въ эту минуту послышались приближающіеся шаги къ моей двери.

Мертвый Ветанасъ!!

Настолько овладѣлъ нами суевѣрный ужасъ въ эту ночь, что я вскочилъ съ постели съ намѣреніемъ закрыть на ключъ свою дверь.

Но раньше, чѣмъ я успѣлъ подбѣжать къ двери, ручка повернулась, дверь тихонько отворилась и въ комнату вошелъ капитанъ Розитеръ въ ночномъ костюмѣ.

Не знаю почему, я вдругъ разсердился.

„Что вы шляетесь по ночамъ?“—воскликнулъ я.

„Не слышали ли вы что-нибудь нѣсколько минутъ тому назадъ?“—сказалъ капитанъ страннымъ, глухимъ голосомъ. „Мнѣ показалось, что кто-то закричалъ и я рѣшилъ обойти весь домъ. Не хотите ли пойти со мною?“

Я вскочилъ съ постели, набросилъ на себя халатъ, надѣлъ туфли и пошелъ вслѣдъ за капитаномъ Розитеромъ. Когда мы вышли на площадку, то увидѣли полковника Вильямса, спускавшагося сверху. Онъ услышалъ шаги Розитера и наши голоса и рѣшилъ спуститься къ намъ, но никакого крика онъ не слышалъ.

„Пойдемте въ комнату къ Голису“,—сказалъ полковникъ.

Мы подошли къ дверямъ Голиса и постучали. Нѣтъ отвѣта. Мы постучали сильнѣе. Нѣтъ отвѣта. Полковникъ открылъ дверь, и мы вошли въ комнату. Тамъ было темно.

„Тутъ что-то неладно“,—сказалъ Розитеръ хриплымъ голосомъ.

Полковникъ повернулъ кнопку электрической лампочки и передъ нашими глазами предстала ужасная картина.

Лейтенантъ Голисъ лежалъ лицомъ кверху поперекъ кровати. Очевидно, онъ вскочилъ съ постели и сейчасъ-же упалъ на нее обратно. Одного взгляда, брошеннаго на его блѣдное лицо было достаточно, чтобы убѣдиться въ его смерти. Присмотрѣвшись внимательнѣе, я увидѣлъ у него на лбу ясно очерченный отпечатокъ, въ четыре дюйма ширины, точное изображеніе формы огромной бѣлой бабочки, которую мы видѣли днемъ.

Мы подбѣжали къ бѣдному Голису, но онъ уже не нуждался въ нашей помощи.

„Смерть отъ разрыва сердца“, такъ гласило медицинское свидѣтельство. Сердечная болѣзнь была ясно установлена. Родные Голиса примирились съ этимъ рѣшеніемъ, я его не оспаривалъ. Зачѣмъ мнѣ было оспаривать? Вѣдь всякій человѣкъ съ больнымъ сердцемъ можетъ внезапно умереть.

А между тѣмъ.....?

Е. ШТОЛЬДЕРЪ.

ВСТРѢЧА.

Я собиралась ѣхать по дѣлу въ Москву 28 іюля, но вдругъ заволновалась,— какой-то сильный, могучій, внутренній голосъ внушилъ мнѣ выѣхать 26-го. Шесть лѣтъ я жила въ Крейцбургѣ, а это лѣто я поселилась съ сыномъ въ Гомелѣ у своей единственной родственницы, у нея оставила ребенка, а сама должна была пріѣхать въ Москву, чтобы поговорить съ издателемъ относительно одной своей работы. Когда я брала билетъ, то взяла его не на Брянскъ-Москва, а на Брянскъ-Орелъ-Москва, настроеніе у меня было тревожное, нервы напряжены страшно, точно я находидась подъ какимъ-то гипнозомъ; уже лѣтъ 5 не было со мною такого состоянія. Томило все, раздирающая душу, тоска, громадная обида, но все же я продолжала владѣть собой а тутъ что-то новое и непонятное...

День стоялъ чудный, тихій и ясный; солнце ярко свѣтило; на голубомъ небѣ не было ни облачка. Раскинутый на горѣ, Брянскъ показался мнѣ сегодня особенно красивымъ. Нарядная Десна спокойно бѣжитъ среди зеленыхъ береговъ, по ней плывутъ лодки и маленькій пароходъ. Мчится поѣздъ мимо станцій «Бѣлые берега» въ густомъ сосновомъ лѣсу, а вотъ и «Семь дубовъ», гдѣ по преданію, былъ прикованъ на семи дубахъ Соловей-разбойникъ; въ памяти воскресли уроки по русской литературѣ у В. С. Станкевича, лекціи о народныхъ былинахъ. Вотъ и Карачевъ съ его громадными, дремучими сказочными лѣсами; проѣхали чудное дачное мѣсто Нарышкино; тутъ вѣчно на вокзалѣ масса бабъ съ громадными корзинами бѣлыхъ грибовъ, то свѣжихъ, то сушеныхъ.

Поѣздъ мѣрно качается на своихъ нульмановскихъ платформахъ. Дивный воздухъ, безъ всякой пыли, врывается въ окно, около котораго я стою, смотрю и не въ силахъ оторвать глазъ отъ синяго неба, яркой зелени полей, а нервы все не успокаиваются. Близокъ Орелъ, вотъ мостъ черезъ Оку, нарядный городъ, красиво и величаво разбросался на горѣ, весь утопая въ зелени, вотъ и тихая пристань—женская обитель, пріютившая Лизу изъ „Дворянскаго гнѣзда", а вотъ и вокзалъ.

Я пересѣла въ другой поѣздъ, пришедшій изъ Курска. Носильщикъ взялъ вещи, принесъ въ вагонъ 2-го класса; купэ всѣ заняты, я сѣла въ общемъ вагонѣ, почти пустомъ, на мою долю достался цѣлый диванъ, напротивъ сидѣлъ господинъ и читалъ «Русскія Вѣдомости». Онъ былъ въ сѣромъ лѣтнемъ костюмѣ, лицо его было скрыто газетой. Присутствіе

этого человѣка окончательно взволновало меня, я не видѣла его лица, но чутьемъ знала, кто это, съ его любимой газетой въ рукахъ. Я настолько была охвачена внезапнымъ волненіемъ, что забыла даже дать деньги насильщику, пока наконецъ онъ самъ не напомнилъ мнѣ объ этомъ. Я, молча, подала ему мелочь, сама же поспѣшила надвинуть шляпу и опустить густую вуаль. Чтобы не обратить на себя вниманія своего vis-á-vis я вынула изъ портъ-пледа книгу, хотя она была знакомая и любимая, но я отъ волненія не могла бы читать и понять ее, но все же она давала мнѣ возможность за нѣсколько минутъ набраться спокойствія и дѣлать видъ, что я занята. Господинъ читалъ газету, совершенно не обращая вниманія на вновь пришедшую. Мнѣ была видна только его правая рука безъ всякихъ колецъ, я стала украдкой слѣдить за его лѣвой рукой,—не увижу —ли на ней кольца съ двумя аметистами и нѣтъ-ли тамъ обручальнаго кольца. Пришлось ждать долго, тревога моя росла, наконецъ, онъ повернулъ лѣвую руку такъ, что можно было видѣть и пальцы,—я облегченно вздохнула,—обручальнаго кольца не было, и я увидѣла знакомое кольцо съ аметистами, подаренное мною. Тутъ я поняла, что мое тревожное состояніе съ самаго Гомеля не было случайное, а просто я черезъ пространство чувствовала присутствіе человѣка, когда-то для меня страшно дорогого. Я боялась повернуться, чтобы не обратить на себя его вниманія. Сердце усиленно стучало; я еще ниже надвинула свою шляпу. Стало темнѣть, я положила на столикъ книгу, vis-á-vis отложилъ газету, подошелъ къ окну напротивъ, вынулъ папиросу и началъ курить. Мнѣ хорошо былъ виденъ его профиль, обращенный въ сторону, обратную паровозу. Лицо носило отпечатокъ грусти; онъ долго, долго смотрѣлъ, выкурилъ еще папиросу совершенно машинально, такъ какъ весь былъ поглощенъ своими думами, потомъ громко вздохнулъ и вдругъ безпомощно поникъ головой. У меня явилось непреодолимое желаніе позвать его, броситься къ нему на шею, разогнать его тоску, но моментально я почувствовала чувство страшной обиды, которое и сдержало меня. Я даже перестала наблюдать. Въ вагонѣ зажгли огонь, я попросила уборщика задернуть синюю штору около фонаря. Началъ накрапывать дождь, черезъ 1/4 часа онъ уже крупными каплями стучалъ по стеклу. Я снова невольно повернулась въ сторону своего спутника, онъ высунулъ голову въ окно, точно стараясь освѣжить ее; подулъ порывистый вѣтеръ, мой старый знакомый вытеръ свою мокрую голову носовымъ платкомъ, вдохнулъ полной грудью свѣжій воздухъ, поднялъ окно и сѣлъ на свое мѣсто, потомъ взялъ книгу, которую я положила на столикъ и спросилъ:

„Вы позволите?"

Я молча, кивнула головой. Онъ открылъ книгу на удачу, какъ это дѣлаютъ иногда при гаданіи.

„Вотъ не ожидалъ, чтобы въ вагонѣ можно было встрѣтить I томъ соч. Кони. Вы, вѣроятно, жена судейскаго?"

— При звукахъ когда-то милаго голоса, я снова взволновалась, но скоро оправилась и однимъ словомъ отвѣтила: —нѣтъ.

„Такъ дочь судейскаго?"

— Нѣтъ.

„Можетъ быть, слушательница юридическаго факультета?"

— Нѣтъ.

„Въ такомъ случаѣ я еще больше пораженъ, что нашелъ эту книгу здѣсь. Если вамъ непріятно мое любопытство, то извините меня, и я постараюсь быть менѣе назойливымъ Но я часто въ дорогѣ, вѣрнѣе больше живу въ вагонѣ, и у меня явилась дорожная привычка говорить съ посторонними, незнакомыми людьми"

„Николай Ивановичъ Добролюбовъ", сказалъ онъ, вставая и кланяясь — „все, что хотите, только не нахалъ. Скажите, эта книга интересуетъ васъ или случайно попала къ вамъ?"

— Очень интересуетъ.

„Почему же?"

— Я люблю аналитическій умъ автора, цѣню его, какъ рѣдкостнаго психолога, какимъ является онъ съ его удивительнымъ знаніемъ всѣхъ оттѣнковъ души человѣка. Люблю его изящный литературный слогъ. Какой онъ художникъ слова, какая образная рѣчь и рѣдкостное умиленіе предъ памятью извѣстнаго филантропа доктора Гааза.

„Это все вѣрно, но только женщины не читаютъ его. Теперь все больше Чеховъ".

— Нѣтъ и не Чеховъ, а вотъ „Соціальное ученье о государствѣ“ Менгера, труды Бебеля, въ литературѣ же нитцшеанство и декаденство: Мэтерлинкъ. Гауптманъ, Ибсенъ и пр.

„А Чехова вы любите?“

— Мнѣ больше всего нравится „Вишневый садъ“, который считаю chef d'oluvre'омъ его трудовъ.

„Вѣроятно за символизмъ, который многіе видятъ въ рубкѣ лѣса,—паденіе всего стараго такъ сказать?“

— Нѣтъ, мнѣ нравится психологическая вѣрность, эта фотографія безвольныхъ людей, нравится передача, но я не на сторонѣ его героевъ.

„Почему же?“

— По натурѣ я довольно активная, нахожу, что всегда можно добиться выхода изъ положенія труднаго, минутами бываетъ тяжело, но вѣчно ныть невозможно и скучно. Нужна борьба. Мнѣ симпатиченъ образъ Лопахова. Пора энергіи занять мѣсто лѣни и праздной мечтательности.

„Вы любите Максима Горькаго?“

— Нѣтъ не скажу, чтобы очень любила. Въ произведеніяхъ его мнѣ больше всего понравилась мѣткая фраза въ „Мѣщанахъ“, въ послѣднемъ актѣ, сказанная пьяницей Т... „Никогда не давайте человѣку больше того, что онъ стоитъ, чтобы не развить въ немъ чувство ростовщика“. Какъ это вѣрно! Мы сами портимъ людей, снисходя къ ихъ слабостямъ, избѣгая говорить о послѣднихъ, прощая многое, а главное раздувая всякій мало-мальски честный и благородный поступокъ, точно человѣкъ не обязанъ быть таковымъ, а когда, привыкшій къ лести, онъ натолкнется на чье-либо правдивое судженіе, ему дѣлается непріятно, какъ какъ онъ мнитъ о себѣ очень много, въ правдивомъ же человѣкѣ—видитъ своего врага.

„Вѣрно и это. А какъ вы находите „На днѣ“?“

— Мнѣ понравилась новизна и оригинальность сюжета.

„Въ будущемъ я не жду отъ Горькаго ничего. Это матеріалистъ до мозга костей. Его талантъ, какъ эѳиръ, быстро выдыхается. Человѣкъ живъ, а талантъ умеръ,—живой мертвецъ. Сколько такихъ“,—задумчиво сказалъ мой собесѣдникъ, вздохнулъ и умолкъ.

Теперь я близко видѣла выраженіе его лица, оно было очень серьезно, съ оттѣнкомъ печали, глубокая складка мысли между бровями врѣзалась еще больше; на головѣ, въ густыхъ каштановыхъ волосахъ серебрилась сѣдина Мнѣ стало снова жаль его. Видно было, что эти шесть лѣтъ прошли для него не даромъ.

Я успокоилась, что онъ не узналъ меня, мое лицо было закрыто, голосъ измѣнился, такъкакъ я охрипла отъ сильнаго лярингита. Поѣздъ мчался, мысли одна за другой воскресали событія изъ памяти прошлаго, милаго сначала и оскорбительнаго потомъ. Стала тревожиться за сынишку, эта была моя первая разлука съ нимъ. Вотъ онъ ложится спать, а мама не около его постели, не перекрестила его, не обхватили сегодня его рученки мою шею... Кроткое его личико стояло у меня передъ глазами и все остальное ушло на второй планъ...

Подъѣхали къ станціи; vis-à-vis вышелъ изъ вагона напиться чаю. Мнѣ тоже хотѣлось пить, но я боялась быть узнанной. Шляпа и вуаль надоѣли мнѣ страшно. Какъ только Добролюбовъ, вышелъ я сняла шляпу, положила свою маленькую подушечку на диванъ, и такъ какъ у меня не было ничего больше съ собою, то накрыла свою голову полотенцемъ, чтобы не видно было лица.

Когда вернулся мой спутникъ, то прямо подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть въ него. Нервы мои начали слегка успокаиваться. Я не могла уже разобраться въ своихъ чувствахъ: сержусь или нѣтъ я на этого человѣка; потомъ стала дремать,—весь день нервы напрягались, сильный кашель, пріемъ наркотическаго порошка, все это меня утомило. Не знаю, сколько времени продолжалась моя дремота, я не спала, а была въ какомъ-то забытьѣ, подъ стукъ колесъ въ ушахъ звучали мотивы изъ „Карменъ“. Вдругъ ко мнѣ нагнулся Добралюбовъ и взволнованнымъ голосомъ спросилъ: „вы спите?“

— Что вамъ нужно? отвѣтила я страшно уставшая и недовольная. „Ради Бога скажите мнѣ, чья это книга I томъ. Кони, которую вы читали?“

— Моя.

— Господи! А кто писалъ на первой страницѣ: „Изъ книгъ А. Н. Морозовой“.

Ради Бога, умоляю васъ—скажите.

Тутъ только я вспомнила, что на первой страницѣ была эта помѣтка, какъ и вообще на всѣхъ моихъ книгахъ. Ложь мнѣ всегда была противна: сказать, что я не я, не хотѣлось, по тону же его его голоса чувствовалось, что онъ искалъ эту женщину, и она дорога ему.

Я сѣла на диванъ и молча сняла полотенце.

— Аня, родная, наконецъ-то!

Онъ схватилъ мои руки и покрывалъ ихъ поцѣлуями, слезы градомъ лились изъ его глазъ, меня же онѣ душили. Моментально все старое, глубокое чувство любви проснулось и охватило меня съ новой силой.

За что ты бросила меня? Я не зналъ жива ты или нѣтъ? Всѣ шесть лѣтъ я, несчастный, путешествую, и все напрасно.

Во Владикавказѣ—на мѣстѣ твоей родины, узналъ только, что твой мужъ умеръ и больше ничего. Гдѣ ты жила? Въ сколькихъ только городахъ не перебывалъ я?

— Въ Крейцбургѣ.

Ну, объ этомъ я не зналъ, тамъ и не искалъ.

— Потому-то я туда и поѣхала и жила все время у своей старой гувернантки Берты Романовны.

Какъ же ты жила?

— Тяжко, очень было на душѣ, въ работѣ топила свое горе. Работать же надо было много, для добыванія средствъ къ жизни, пенсіи всего 25 руб. Все мое развлеченіе состояло изъ прогулокъ по берегу Двины, иногда каталась въ лодкѣ по ней. Изрѣдка заходила въ необитаемый замокъ барона Корфа и просила показать мнѣ картины. Старый слуга Іоганнъ водилъ меня по наряднымъ, громаднымъ комнатамъ, я любовалась картинами, гравюрами. Стѣны замка знаютъ много тайнъ, онѣ копили ихъ 400 лѣтъ; внутри этой постройки масса эстетики. Я входила въ маленькую башню замка и восхищалось чуднымъ видомъ красивой, широкой, могучей Двины, завидовала ей, что она нашла свое русло, тихо, спокойно и гордо бѣжитъ въ немъ, я же все еще металась и искала выхода. Она была уравновѣшенная, а я бурлила, какъ нашъ родной Терекъ; тотъ съ шумомъ вырываетъ камни,—въ моей же груди былъ страшный ропотъ протеста: я металась, рвалась, навязывала себѣ мысли одна грустнѣе другой. Чаще всего мнѣ приходило въ голову, что вы женаты, вычеркнули меня изъ своей памяти; любите страстно кого-то.

А я тутъ одинокій, искалъ каждый день слѣдовъ, причину твоего поступка.

— Часто въ минуты грусти мнѣ хотѣлось погрузиться въ вѣчный сонъ въ холодныхъ объятіяхъ Двины, но тогда я скорѣе бросалась къ Левушкѣ и несла его на своихъ рукахъ въ сосновый лѣсъ; послѣ, усталая, но успокоенная дивнымъ воздухомъ и близостью малютки, я сознавала свое безуміе и возвращалась домой.

Съ какимъ Левушкой?

— Мой сынъ.

Ты вторично вышла замужъ?—спросилъ Добролюбовъ хриплымъ голосомъ; все лицо его поблѣднѣло.

— Нѣтъ.

Когда же онъ родился?

— Черезъ 5 мѣсяцевъ послѣ того, какъ мы съ вами видѣлись въ послѣдній разъ.

Лучъ счастія освѣтилъ всю физіономію моего собесѣдника: «Аня, да какъ же ты могла скрыть отъ меня это важное обстоятельство. Вѣдь, это мой ребенокъ! Бѣдняжка, по твоей винѣ онъ росъ безъ отца».

— Я считала, что поступила правильно.

— Да почему же? Почему я даже не зналъ, что будетъ ребенокъ? За что ты бросила меня такъ внезапно?

— Въ послѣдній день нашего свиданія вы были сначала очень рады, что разводъ съ моимъ мужемъ можетъ состояться, потомъ я спросила васъ, догадывается ли вашъ братъ о нашихъ отношеніяхъ? А вы мнѣ отвѣтили: «конечно, онъ вообще ни одну женщину не считаетъ порядочной». Этого было совершенно достаточно для разрыва, я поняла, что вы не считаете порядочной женщиной ту, которая ради любви пожалѣла любимаго человѣка и сошлась съ нимъ.

Да вѣдь я молился на тебя, любилъ страстно, ты была моя жена предъ Богомъ и моею совѣстью.

Эта фраза не относилась къ тебѣ, въ ней высказывался общій взглядъ моего брата на женщинъ.

— Но у васъ не хватило чутья умолчать объ этомъ. Глубоко оскорбленная, я бѣжала отъ васъ.

— Даже безъ объясненія причинъ?

— Я думала, что вы сами знали, что мною руководило.

— Если бы былъ мой взглядъ въ этой фразѣ, то я бы понялъ, но тутъ 6 лѣтъ ломаю голову. Братъ же говорилъ вообще о женщинахъ.

— Мы женщины во всѣхъ принципіальныхъ вопросахъ слабы, въ основѣ всякаго дѣла у насъ лежитъ всегда свое личное я.

— Правда. Это свойство женскаго ума, женской психологіи, потому что мы мыслимъ представленіями, а вы образами. Если мужчина говоритъ «домъ», то имѣетъ представленіе о жилищѣ человѣка, а женщина сію минуту создаетъ цѣлую картину: такой-то домъ, подъ такой-то крышей, столько-то комнатъ, опредѣленная обстановка, то-то въ домѣ и проч.

— А тутъ для меня былъ щекотливый вопросъ о женщинахъ. Я не могла поступить иначе.

— Понимаю тебя, но вѣришь ли, что у меня не было умысла; такъ сорвалось.

— Вѣрю.

— А почему я не зналъ, что ожидается ребенокъ?

— Я радовалась этому обстоятельству, но боясь встрѣтить иное отношеніе съ вашей стороны, я откладывала со дня на день это сообщеніе, а потомъ внезапно все измѣнилось, и я хвалила себя за скрытность.

— Ты плохо знала меня, а я бы радовался надеждѣ имѣть ребенка. Почему же ты потомъ молчала, когда онъ родился? Ты не имѣла нравственнаго права лишать ребенка отца.

— Я усумнилась въ вашемъ чувствѣ и уваженіи ко мнѣ. Говорить же потомъ о сынѣ не считала удобнымъ, такъ какъ знала, что изъ чувства порядочности вы не бросите его и мать, дѣлать же, ради малютки, васъ прикованнымъ къ себѣ, я не желала. Дорога я сама по себѣ, а не потому, что грѣшно бросить женщину, если она мать. Не хотѣлось мнѣ стоять подъ флагомъ сына.

— Милая ты моя. Сколько ты, бѣдняжка вынесла!

— Да, очень много. Главное—разочарованіе въ близкомъ человѣкѣ, но все же благодарна ему за мои радости материнства.

— Гдѣ же нашъ сынъ? Въ Москвѣ или Крейцбургѣ?

— Нѣтъ, онъ въ Гомелѣ у моей старой родственницы.

— Такъ вернемся со слѣдующей станціи къ нему, я хочу скорѣе прижать его къ своей груди, тамъ мы можемъ послѣ-завтра и обвѣнчаться. Ты 6 лѣтъ уже мать я же лишенъ радости быть отцомъ эти годы.

— Подожди, другъ мой, вѣдь, рано утромъ мы будемъ въ Москвѣ, я нѣсколько часовъ проведу тамъ, а потомъ вернемся къ Левушкѣ. Относительно же вѣнчанія, подожди, хотя мѣсяцъ.

— Это почему? и такъ 7 лѣтъ жду.

— Мы долго не видѣли другъ друга; оба могли измѣниться къ худшему. Скороспѣлая свадьба можетъ поставить насъ въ заколдованный кругъ, изъ котораго оба не выйдемъ.

— Аня, да вѣдь я знаю тебя 7 лѣтъ.

— 6 лѣтъ не въ счетъ; за это время могла тебя жизнь измѣнить, къ чему же одѣвать путы, хотя бы ради сына. Только я думаю, что ты все тотъ же; я наблюдала за тобой, сидя тутъ въ вагонѣ.

— Я же такъ былъ поглощенъ своими грустными мыслями, что не замѣтилъ, что ты тщательно скрываешь свое лицо отъ меня; если бы не эта книга, то я еще долго искалъ бы тебя.

— А я такъ сразу узнала, даже, когда не видѣла тебя.

— Это какимъ образомъ?

— Помнишь, еще 7 лѣтъ тому назадъ, когда ты шелъ ко мнѣ, то я за 1/4 часа чувствовала твое приближеніе. Входя въ театръ, я не видѣла лицъ но всегда угадывала, тутъ ты или нѣтъ. Теперь, вмѣсто 28, вдругъ ночью рѣшила выѣхать, даже не поправившись отъ кашля; все время волновалась, взяла билетъ на дальній, а не на ближній путь; но когда увидѣла тебя, то тогда только стало проходить это состояніе тревоги. Я поняла, что нервы мои еще не окрѣпли, и снова нахожусь подъ твоимъ гипнозомъ, даже черезъ пространство.

— Однако, на свадьбу послѣ завтра не соглашаешься. Голубка, давай прямо съ

вокзала отправимся въ какую-нибудь ближайшую церковь и обвѣнчаемся въ Москвѣ. Вечеромъ же вези къ Левушкѣ его папу.

— Ужъ очень скоро, надо бы тебя и себя хорошенько провѣрить, да и не вѣнчаться же въ черномъ платьѣ?

— Платье мы купимъ у твоей старой поставщицы—Авроры. Мѣсяцъ не дастъ намъ новыхъ знаній другъ о другѣ. 6 лѣтъ и такъ отняли много счастья. Полно упрямиться. Вѣдь, и тебѣ не легка была разлука. Посмотри на свои блѣдныя щеки. Я право не хотѣлъ обижать тебя. Женюсь не ради Левушки, а потому, что моею завѣтною мечтою было назвать тебя своею предъ людьми.

Въ 11 час. утра мы уже стояли предъ налоемъ. Въ сердцѣ моемъ на страшныхъ развалинахъ погибшаго кумира зажегся новый горячій огонь любви, вѣра въ торжество правды, и этотъ огонь будетъ горѣть яркимъ пламенемъ и погаснетъ только съ жизнью моею. Этимъ огнемъ я отогрѣю душу мужа и дамъ тепло сыну. А главное — пламя уничтожитъ всю горечь, которая наслаивалась въ теченіе 6 лѣтъ. Образъ вдумчиваго Левушки ясно стоялъ передъ глазами. Я радовалась за него. Если жизнь не будетъ милостива къ нему потомъ, то въ свѣтлые дѣтскіе годы онъ будетъ окруженъ любовью родителей.

Елена Штольдеръ.

ДЖУЗЕППЕ ДЖАКОЗА.

ПРАВА ДУШИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Паоло.
Маріо.
Анна.
Магдалина, служанка.

Сцена представляетъ виллу въ Бріанцѣ. Дѣйствіе происходитъ въ наши дни. Барская, но просто обставленная комната. Старинная но не поношенная мебель. Каминъ. Софа. Письменный столъ. Въ глубинѣ—обѣденный столъ. Налѣво дверь, ведущая въ комнату Анны. Направо окно.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Паоло и Магдалина.

Паоло—сидитъ за столомъ, на которомъ разбросана груда перерытыхъ бумагъ. Входитъ Магдалина.

Паоло. Ну, вернулся?

Магдалина. Нѣтъ еще.

Паоло. Однако, тебѣ понадобилось много времени, чтобы отыскать его.

Магдалина. Я была въ кафэ и на почтѣ...

Паоло. Я сказалъ тебѣ, чтобы ты посмотрѣла въ его комнатѣ или въ саду. Нужно тебѣ было ходить по всему городу!

Магдалина. Тамъ его не было; я думала.... Его не было даже въ кафэ. Но мнѣ сказали, гдѣ онъ находится. Ему надо бы уже скоро вернуться. Онъ пошелъ на вокзалъ въ Поджіо, чтобы встрѣтить тамъ инженера—какъ его... гидротехника. Управляющій видѣлъ какъ онъ шелъ туда пѣшкомъ. Онъ всегда ходитъ пѣшкомъ. Но оттуда онъ вернется въ омнибусѣ, хотя бы изъ уваженія къ инженеру. Омнибусъ долженъ быть здѣсь черезъ нѣсколько минутъ, Во всякомъ случаѣ... Вы меня слушаете?

Паоло. Нѣтъ. Можешь идти.

Магдалина. Слушаю. Во всякомъ случаѣ, если дѣйствительно инженеръ гидротехникъ пріѣхалъ, вашъ братъ завтра не сможетъ уѣхать. Вы съ барыней расчитываете отправиться въ путь завтра, не правда-ли?

Паоло. Да, ступай. Не знаю... Да, поѣдемъ завтра. Оставь меня въ покоѣ.

Магдалина. Ну, вотъ посмотрите, ошибаюсь ли я: я говорю, что вашъ братъ завтра не поѣдетъ. Даже послѣ завтра—и то врядъ ли. Вотъ что.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Тѣ же и Маріо.

Маріо. Правда, что вы здѣсь ищете меня?

Паоло. Да, уже съ часъ.

Магдалина. Господинъ Паоло спрашивалъ меня сейчасъ...

Паоло. Ничего я у тебя не спрашивалъ. Ступай прочь. (Беретъ ее за руку и выводитъ за дверь.)

Маріо. Что случилось?

Паоло. Это невыносимо... Не подслушиваетъ ли она сейчасъ у дверей?

Маріо. Нѣтъ, успокойся. Слышишь, она уже въ саду. Что случилось? У тебя все лицо искажено.

Паоло (послѣ паузы). Знаешь, почему Лючіано убилъ себя?

Маріо. Нѣтъ.

Паоло. Онъ убилъ себя изъ-за любви. Изъ за любви къ Аннѣ. У меня имѣются доказательства. Они тамъ... Я узналъ объ этомъ сегодня, всего лишь нѣсколько минутъ тому назадъ. Онъ убилъ себя изъ-за любви къ моей женѣ... Ты и я были его единственными родственниками; онъ былъ моимъ другомъ дѣтства, самымъ лучшимъ моимъ товарищемъ. И онъ пытался заставить ее любить себя... Анна отвергла его желанія. Онъ настаивалъ. Анна отвѣтила ему очень рѣзко. Тогда онъ въ изступленіи убилъ себя...

Маріо. Какъ ты узналъ объ этомъ?

Паоло. У меня есть доказательства, говорю тебѣ. Я ихъ перечитываю вотъ уже цѣлый часъ и все еще ошеломленъ ими. Они были здѣсь въ теченіе цѣлаго мѣсяца... Ты знаешь уже, едва только ко мнѣ въ Миланъ пришла изъ Лондона телеграмма съ извѣстіемъ о самоубійствѣ Лючіано, я побѣжалъ къ нему на квартиру, собралъ всѣ его бумаги и запечаталъ ихъ въ конвертъ, который потомъ принесъ сюда.

Маріо. Я сказалъ тебѣ, чтобы ты ихъ сжегъ.

Паоло. Я такъ и хотѣлъ сдѣлать, но потомъ нашелъ, что лучше будетъ подождать, пока администрація госпиталя, какъ наслѣдникъ покойнаго, провѣрить всѣ счета. Часъ тому назадъ сюда пришелъ по порученію субъ-префекта городской голова и вручилъ мнѣ бумажникъ, который былъ найденъ при трупѣ и который былъ пересланъ мнѣ нашимъ консуломъ изъ Лондона черезъ министерство иностранныхъ дѣлъ. Я собирался уже запереть ихъ въ письменный столъ, какъ вдругъ мнѣ пришло, не знаю какъ, въ голову искать тамъ причину этого самоубійства, которое никто изъ насъ не могъ себѣ объяснить.

Маріо (дѣлаетъ движеніе).

Паоло. Ты знаешь? Ты угадалъ причину?

Маріо. Угадалъ?..

Паоло. Подозрѣвалъ? Скорѣе... Ты зналъ объ этой любви?

Маріо. Дальше, дальше... Ну, разсказывай. Не приходи въ такое изступленіе.

Паоло. Нѣтъ, отвѣть мнѣ, ты зналъ?

Маріо. Да, я замѣтилъ, что Лючіано уѣзжалъ отсюда съ нѣсколько растеряннымъ видомъ.

Паоло. И ты ничего не сказалъ мнѣ объ этомъ?

Маріо. Что я могъ тебѣ сказать? Я слышалъ это отъ другихъ: такія вещи всегда разносятся въ преувеличенномъ видѣ и при томъ въ самой оскорбительной формѣ. И затѣмъ, я могъ, наконецъ, ошибаться... Я вижу тебя и Анну только въ короткіе промежутки твоего дачнаго пребыванія въ деревнѣ. Если ты, который живешь съ ней круглый годъ, ничего не замѣтилъ... Съ другой стороны, Анна пользовалась всегда такимъ уваженіемъ съ моей стороны, такъ безукоризненно всегда себя вела...

Паоло. Ахъ, Анна! Анна—это святая. Я всегда считалъ ее такой. Но теперь...

Маріо. Дальше, продолжай твой разсказъ.

Паоло. Я нашелъ въ бумажникѣ письмо и въ надписи на немъ узналъ почеркъ Анны.

Маріо. Такъ естественно, что твоя жена пишетъ нашему двоюродному брату.

Паоло. Въ высшей степени естественно... Я его прочелъ. Вотъ оно.

Маріо (дѣлаетъ движеніе, чтобы взять письмо).

Паоло. Нѣтъ, вотъ послушай.

(читаетъ).

„Ты пишешь мнѣ...

(говоритъ).

Безъ обращенія!

(читаетъ).

„Ты пишешь мнѣ, что если я не отвѣчу, ты сейчасъ же вернешься... Я люблю моего мужа—вотъ мой отвѣтъ. Этотъ, только этотъ, вѣчно этотъ отвѣтъ. Умоляю тебя не мучить меня больше. Анна...

Маріо. Ну, конечно.

Паоло. Каналья.

Маріо. Когда написано это письмо?

Паоло. Лючіано самъ позаботился о томъ, чтобы сдѣлать мнѣ извѣстнымъ день и часъ, когда оно было ему вручено Здѣсь внизу написано карандашемъ: „получено сегодня, 20 іюня, въ 11 часовъ утра.“ Онъ застрѣлился около полудня.

Маріо. Бѣдняга! повидимому, онъ сдѣлалъ это въ припадкѣ безумія, сама надпись доказываетъ это.

Паоло. Ты понимаешь, что я не остановился на этомъ. Я вскрылъ конвертъ. Тамъ я нашелъ еще четыре письма Анны, всѣ на ту же тему и въ томъ же тонѣ. Первое изъ нихъ было написано еще три года тому назадъ. Въ немъ всего лишь нѣсколько словъ: она возвращала Лючіано письмо, которое тотъ ей написалъ. Я искалъ это письмо Лючіано, но его здѣсь нѣтъ. Быть можетъ, она его уничтожила. У меня въ рукахъ были только ея письма. Есть еще одна записочка изъ Рима. Ты знаешь, что прошлой зимой Анна жила мѣсяцъ у своей матери. Нужно замѣтить, что нашъ другъ слѣдовалъ за ней по пятамъ, но Анна не хотѣла его даже видѣть. Затѣмъ, здѣсь есть одно длинное письмо, которое должно относиться къ тому времени, когда онъ былъ боленъ послѣ паденія съ лошади. Единственное длинное изъ всѣхъ пяти... Написано въ сердечныхъ выраженіяхъ, разсудительно и нѣсколько умоляюще. Чудное письмо, хорошее, благородное... Прочти его, на! прочти.

Маріо. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ...

Паоло. Ну, хоть послушай только...

Маріо. Нѣтъ, мнѣ не хочется.

Паоло. Она тамъ только и говоритъ обо мнѣ, о нашей счастливой молодости. Она упоминаетъ тамъ и о тебѣ тоже...

Маріо. Нѣтъ прошу тебя... Это совершенно излишне. Я знаю, что эта женщина—моя невѣстка, и мнѣ не нужно никакихъ доказательствъ ея честности. Зачѣмъ возвращаться къ этимъ несчастнымъ письмамъ? Тебѣ жаль, что ты узналъ о нихъ?

Паоло. Жаль? Жаль что ты не продолжаешь оплакивать этого фальшиваго родственника, который хотѣлъ украсть у меня...

Маріо. Оставь. Онъ умеръ и ничего не укралъ у тебя. И если бы даже онъ былъ живъ, онъ все равно ничего бы не сдѣлалъ тебѣ. Анна знала...

Паоло. А это? А то, что она это знала? Ты это не ставишь ни во что? Это тоже достойно сожалѣнія? Я никогда не имѣлъ даже тѣни сомнѣнія на счетъ Анны, никогда! Мнѣ даже въ голову не приходила подобная мысль... Но одно дѣло—не сомнѣваться и не думать совсѣмъ, и другое—имѣть такое ясное и несомнѣнное доказательство ея вѣрно-

сти, ея любви. „Люблю моего мужа"... Это основной мотивъ всѣхъ ея писемъ.

Маріо. Не хватало только, чтобы она сказала тебѣ объ этомъ лично.

Паоло. Она не говорила этого мнѣ, говорила ему. Ему говорила это, понимаешь? Лючіано имѣлъ всѣ качества, какія только могутъ прельстить женщину. Онъ былъ моложе, красивѣе меня, говорилъ такъ увлекательно, краснорѣчиво, былъ полонъ огня и мужества!

Маріо. Какъ это нужно, не правда ли: хвалить его теперь...

Паоло. Жаль!.. Ты говоришь: жаль!.. А если бы я сжегъ, какъ ты хотѣлъ, всѣ эти бумаги и если бы затѣмъ въ одинъ прекрасный день мнѣ удалось узнать объ этой любви, кто могъ бы вырвать изъ моего мозга сомнѣнія, порожденныя этимъ страшнымъ знаніемъ?..

Маріо. Увѣренность дѣлаетъ тебя подозрительнымъ.

Паоло. Что ты хочешь этимъ сказать?

Маріо. Ну да! Если бы ты имѣлъ эти опасенія годъ тому назадъ, можетъ быть того, что произошло сейчасъ, вовсе бы и не случилось. Я сдѣлалъ плохо, что тогда не открылъ тебѣ глазъ. Удаленный отъ тебя, Лючіано, можетъ быть, не убилъ бы себя.

Паоло. Но тогда у меня не было бы доказательствъ.

Маріо. Твое спокойствіе очень дорого стоитъ... другимъ.

Паоло. Не думаешь ли ты, что я стану сожалѣть объ участи Лючіано?

Маріо. Я не говорю о немъ.

Паоло. О комъ же?

Маріо. О твоей женѣ. Подумай, каково должно быть ея состояніе.

Паоло. Ты думаешь, что она припишетъ вину себѣ?

Маріо. Ну, конечно.

Паоло. Я видѣлъ ее очень грустной, но не возбужденной.

Маріо. Ты не замѣчаешь длительныхъ явленій; видишь только внезапныя. Съ другой стороны, Анна умѣетъ владѣть собой.

Паоло. Она исполнила свой долгъ.

Маріо. Она исполняетъ его уже не въ первый разъ.

Паоло. О, я сумѣю прояснить ея лицо, сумѣю утѣшить ее! Увидишь, Маріо! Мнѣ кажется, что я возвращаюсь къ первымъ днямъ нашего супружества, что я обладаю ею только сегодня.

Маріо. Предоставь все это времени. Ты прочелъ, узналъ — и довольно. Излишне, чтобы Анна знала о томъ, что тебѣ извѣстны эти письма.

Паоло. Она была здѣсь нѣсколько минутъ тому назадъ, когда городской голова вручилъ мнѣ этотъ бумажникъ, но тотчасъ же ушла.

Маріо. Значитъ она не знаетъ еще, что ты прочелъ ихъ...

Паоло. Можетъ догадаться объ этомъ.

Маріо. Нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, она будетъ тебѣ очень признательна, если ты сдѣлаешь видъ, что ничего не знаешь.

Паоло. Ну, довольно, не будемъ заниматься такими мелочами. Ничего не можетъ быть безполезнѣе предварительнаго обдумыванія линіи поведенія въ такихъ случаяхъ. То, что сдѣлала Анна, она сдѣлала ради меня. Теперь — моя очередь подумать о томъ, какимъ образомъ вознаградить ее за это. Вѣдь, она сдѣлала это ради меня, ради меня, ради меня, понимаешь?

Маріо. Кто же утверждаетъ противное? Видишь, какъ ты волнуешься.

Паоло. Волнуюсь! Разумѣется, я не пойду, чтобы сказать ей: я прочелъ твои письма и очень тебѣ благодаренъ за нихъ. Понятно, что когда я говорю о томъ, что сумѣю разогнать тѣни на ея лицѣ и утѣшить ее, я намѣренъ сдѣлать это со всей нѣжностью, на какую только я способенъ, и съ самымъ неограниченнымъ довѣріемъ... Я всегда поступалъ именно такимъ образомъ. И она меня такъ всегда любила! Нѣтъ никакихъ основаній мѣнять эту линію поведенія, если даже она тебѣ и не нравится.

Маріо. Боже мой, какъ ты къ ней относишься!

Паоло. Это ты относишься къ ней плохо. Не сказалъ мнѣ до сихъ поръ ни одного вѣрнаго слова. Я совсѣмъ не ожидалъ этого отъ тебя. Если послушать тебя, такъ это открытіе будетъ, пожалуй, несчастіемъ? Лючіано умеръ уже мѣсяцъ тому назадъ, первое горе безъ сомнѣнія прошло... Если бы даже я продолжалъ еще оставаться въ невѣдѣніи относительно всѣхъ этихъ вещей,

онъ, все равно, не вернулся бы уже къ жизни. Ему не удалось причинить мнѣ то зло, которое онъ замышлялъ... Миръ его праху! На мою долю остается увѣренность въ любви моей жены и это—думай что хочешь—радуетъ меня, какъ наивысшее счастье, какое только могло выпасть мнѣ на долю.

Маріо. Поди сюда. (Кладетъ ему на плечо руку). Ты не сомнѣваешься въ томъ, что я хочу тебѣ добра?

Паоло. Да.

Маріо. Въ такомъ случаѣ мы оба остаемся довольными другъ другомъ? Да?

Паоло. Да. Теперь ступай, приготовь нашъ багажъ.

Маріо. Ахъ, кстати, завтра мнѣ нельзя будетъ ѣхать.

Паоло. Нѣтъ? Почему?

Маріо. Пріѣхалъ инженеръ Фальки. Послѣзавтра у насъ собраніе гидротехническаго общества.

Паоло. Пошли его къ черту!

Маріо. Не могу: я—предсѣдатель.

Паоло. Вѣдь, отъѣздъ назначенъ былъ на сегодня. Мы отложили его исключительно ради тебя.

Маріо. Какъ же быть? А мнѣ нужно продать сѣно во что бы то ни стало. Это—вопросъ трехъ, самое большее, четырехъ дней.

Паоло. А что, если бы пока отправились только мы съ Анной? Chalet нанято уже пятнадцать дней тому назадъ и приходится платить за него. Ты могъ бы пріѣхать къ намъ сейчасъ же, какъ только станешь свободнымъ.

Маріо. Если ты находишь...

Паоло. Я тебѣ скажу вотъ что. Послѣзавтра—именины Анны. Пока дѣла задерживали меня въ Миланѣ на весь іюль, мы всегда проводили этотъ день одни: я и Анна. Мы дѣлали это не умышленно, а просто потому, что такъ складывались обстоятельства. Въ прошломъ году я сумѣлъ наконецъ освободиться отъ дѣлъ къ началу іюля, и мы пріѣхали сюда, съ намѣреніемъ не двигаться отсюда до самаго сентября. Ну, такъ вотъ за три дня до своихъ именинъ Анна попросила меня, чтобы я повезъ ее въ небольшое путешествіе по Швейцаріи. Она, разумѣется, не сказала мнѣ причины своего желанія, но настаивала, чтобы мы ѣхали какъ можно скорѣе. Мы отправились въ Интерлакенъ, а оттуда поднялись до Муррена. Въ день св. Анны мы были уже въ Мурренѣ. Мѣсто показалось намъ обоимъ такимъ очаровательнымъ, Аннѣ оно такъ понравилось, что съ того времени я намѣтилъ тамъ одно маленькое chalet и на этотъ годъ. Пятнадцать дней тому назадъ ты, который никогда не трогаешься съ мѣста, предложилъ неожиданно сопровождать насъ...

Маріо. Ты находишь это неумѣстнымъ?

Паоло. Нѣтъ. Ты видѣлъ, что Аннѣ это доставило большое удовольствіе. Она очень расположена къ тебѣ.

Маріо. Я это знаю.

Паоло. Когда ты вынужденъ былъ запоздать нѣсколько, именно она предложила, чтобы мы тебя подождали. Но первое твое опозданіе еще позволяло намъ пріѣхать во время въ Мурренъ; это второе, напротивъ, отнимаетъ у насъ эту возможность, и я, собственно, особенно въ данный моментъ, хотѣлъ бы быть тамъ въ назначенный день. Это ребячество, если хочешь...

Маріо. Нѣтъ, нисколько! Хорошо, я догоню васъ нѣсколько позже.

Паоло. Чтобы подождать тебя, отъѣздъ былъ отложенъ на завтра. Но такъ какъ ты сейчасъ не ѣдешь, то намъ можно было бы выѣхать сегодня вечеромъ.

(Вскакивая).

Ну, мнѣ пора наконецъ подняться. Я долженъ уйти. Эти письма меня...

Маріо. Сожги ихъ. Дай ихъ мнѣ.

Паоло. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, пока...

Маріо. Уѣзжай, уѣзжай сегодня же вечеромъ: такъ будетъ лучше. Но готова ли Анна?

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Тѣ же и Анна.

Анна (входя). Къ чему?

Маріо. Я сказалъ Паоло, что завтра я не могу уѣхать, мнѣ хватитъ еще дня на три—на четыре работы. Вамъ совершенно не къ чему будетъ оставаться здѣсь и ждать меня. Паоло къ первымъ числамъ сентября долженъ быть уже въ Миланѣ. Каждый день его отсрочки сокращаетъ его пребываніе здѣсь. Я, слава Богу, нахожусь въ такомъ возрастѣ, когда можно путешествовать и

одному. Какъ только освобожусь, поѣду вслѣдъ за вами. Какъ ты находишь?

Анна. Какъ хотите.

Маріо. Мнѣ даже было бы очень пріятно заняться этимъ временемъ генеральной чисткой дома и сада. Ваше присутствіе только помѣшало бы, а мое, напротивъ, является необходимымъ.

Паоло. Такъ какъ Маріо сейчасъ остается, то я говорю, что можно было бы уѣхать сегодня вечеромъ.

Анна. Такъ скоро?

Паоло. Твои вещи уже почти уложены.

Маріо. Вы выигрываете цѣлый день. Въ это время года лучше путешествовать ночью, чѣмъ днемъ. Ночи теперь стоятъ лунныя. Готардская дорога прямо очаровательна...

Анна. (разсѣянно и неохотно) Да, да.

Маріо (къ Паоло) Въ такомъ случаѣ, иди сейчасъ на площадь за извозчикомъ и скажи ему, чтобы онъ былъ готовъ со своимъ экипажемъ... Въ которомъ часу отходитъ поѣздъ изъ Поджіо?

Паоло. Въ шесть двадцать.

Маріо. Скажи ему, чтобы онъ былъ здѣсь ровно въ шесть. Я послалъ бы за нимъ Баптиста, но инженеръ взялъ его съ собою. Съ другой стороны, пожалуй, не лишне будетъ выбрать получше экипажъ: онъ долженъ быть крытымъ, на случай дождя.

Паоло. Не пойдешь ли за нимъ ты? Ты знаешь извозчиковъ лучше, чѣмъ я, и знакомъ со всѣмъ ихъ арсеналомъ.. Ты сумѣлъ бы лучше. Извини...

Маріо. Вѣрно! Анна, прислать тебѣ Магдалину, чтобы помочь тебѣ увязать вещи?

Анна. Да, спасибо, Маріо. Пришли мнѣ Магдалину, чтобы она помогла мнѣ.

Маріо (уходя.) Значитъ, мы обѣдаемъ въ 5 часовъ.

Паоло. Да.

(Маріо уходитъ).

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Паоло и Анна.

(Молчаніе. Анна дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по направленію къ письменному столу. Паоло порывисто приближается къ ней, обнимаетъ ее и цѣлуетъ).

Анна (освобождаясь съ усиліемъ). Ахъ, какой ужасъ! (Эти слова слетаютъ съ ея устъ невольно, сказанныя скорѣе про себя, чѣмъ вслухъ).

Паоло (въ ужасѣ) Анна!

Анна. Въ этомъ бумажникѣ было одно мое письмо...

Паоло. Да, было.

Анна. Ты его прочелъ?

Паоло. Да.

Анна. Я убила человѣка, и ты за это поцѣловалъ меня.

Паоло. Я не хотѣлъ... У меня не было намѣренія говорить тебѣ объ этомъ. Мнѣ это совѣтовалъ и Маріо. Но потомъ я посмотрѣлъ на тебя... Ты была такъ великодушна по отношенію ко мнѣ. Но какое слово ты произнесла, Анна!

Анна. Прости меня. И обѣщай, что ты никогда не станешь говорить мнѣ обо всемъ этомъ, ни вблизи, ни издали, ни прямо, ни косвенно—никогда!

Паоло. Обѣщаю тебѣ это.

Анна. Ты не сдержишь обѣщанія.

Паоло. О!

Анна. Не сдержишь, я тебя знаю. Какое несчастіе, что ты прочелъ эти письма! Я сейчасъ же, какъ только вошла, увидѣла по твоимъ глазамъ, что ты узналъ уже... Я такъ надѣялась, что ты никогда не будешь знать объ этомъ!.. Молилась даже. Но едва я вошла—увидѣла сейчасъ же. (Съ незамѣтнымъ выраженіемъ иронической жалости) У тебя былъ такой скромный, виноватый видъ! Ахъ, я тебя знаю, хорошо знаю. Хочешь послушать? Когда Маріо предложилъ тебѣ идти за экипажемъ, я подумала: не пойдетъ. Когда ты послалъ его, я не могла не улыбнуться.

Паоло. Я видѣлъ это, но не понялъ.

Анна. Да? Правда? Маріо тоже видѣлъ мою улыбку, но онъ понялъ.

Паоло. Не говори этого. Что ты читаешь мои мысли—это понятно.

Анна. Мы читаемъ ихъ взаимно, не правда-ли? Смотри, когда Маріо собирался уходить, я опять подумала: теперь, едва только мы останемся одни, онъ подойдетъ ко мнѣ и обниметъ меня.

Паоло. Ты хорошо видишь...

Анна. Что это тоже было вполнѣ естественно, не правда ли?

Паоло. Я такъ люблю тебя, Анна! (длинная пауза) Странно, что ты меня нѣсколько стѣсняешь... Говорю тебѣ что-нибудь—и сейчасъ же думаю: долженъ ли я былъ говорить это? Не лучше ли

было бы промолчать? Первый разъ я испытываю такое чувство въ твоемъ присутствіи. Мы оба нуждаемся въ томъ, чтобы разсѣяться немного.

Анна. Да, но сегодня я, знаешь ли, не поѣду.

Паоло. Какъ не поѣдешь? Но ты сказала...

Анна. Я передумала. Да къ тому-же не хватило бы и времени для сборовъ.

Паоло. Твои вещи уже уложены.

Анна. Ахъ, тамъ не хватаетъ еще очень многаго.

Паоло. Въ нашемъ распоряженіи еще восемь часовъ времени.

Анна. Я устала.

Паоло. Маріо пошелъ уже нанимать извозчика.

Анна. Пріѣдетъ въ другой разъ.

Паоло. Тогда—завтра во всякомъ случаѣ.

Анна. Только не сегодня—вотъ и все.

Паоло. Я не знаю даже, какъ сказать объ этомъ Маріо. Это похоже на капризъ.

Анна. Ахъ, Маріо пойметъ!

Паоло. Лучше меня?

Анна. Я не хотѣла вовсе этого сказать.

Паоло. Анна, ты не хочешь простить мнѣ того, что я прочелъ тѣ письма.

Анна. Смотри, ты уже опять начинаешь говорить о нихъ. Ну, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, бѣдный Паоло, не въ этомъ дѣло. Мнѣ не въ чемъ прощать тебя, повѣрь мнѣ. Во мнѣ нѣтъ ни гнѣва, ни горечи. Я дала бы не знаю что, лишь бы ты не зналъ объ этихъ письмахъ... Для тебя, для твоего блага, для твоего спокойствія,—не для себя. Но я уже чувствовала, что рано или поздно... (пауза) Это было безполезной трагедіей, увидишь.

Паоло. Что ты хочешь сказать этимъ?

Анна. Не знаю... Не слушай меня... Прости...

(хочетъ уйти).

Паоло. Уходишь?

Анна. Да.

Паоло. Такимъ образомъ, ты не говоришь мнѣ даже: ѣдемъ ли мы завтра, или нѣтъ?

Анна. Впереди еще достаточно времени, чтобы рѣшить.

(Анна уходитъ).

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Паоло, потомъ Маріо.

Паоло (молчаніе). Безполезная трагедія! (садится, упершись локтями въ колѣни и сжавъ руками голову).

Маріо (входитъ). Ну вотъ и сдѣлано. Гдѣ Анна?

Паоло. Тамъ.

Маріо. Магдалина сейчасъ придетъ. Она была на рѣчкѣ. Ну? Идемъ, встряхнись! Прогони отъ себя эту навязчивую мысль. Понятно, въ первый моментъ... Ты хорошо дѣлаешь, что хочешь уѣхать сейчасъ же. Путешествіе тебя разсѣетъ.

Паоло. Мы не ѣдемъ.

Маріо. Какъ?

Паоло. Анна не хочетъ.

Маріо. Почему?

Паоло. Ну...

Маріо. Ты ей сказалъ?..

Паоло. Она поняла и сама спросила меня... не могъ же я въ самомъ дѣлѣ, отрицать.

Маріо. Она спросила тебя такъ, ни съ того, ни съ сего, безъ всякаго повода съ твоей стороны?

Паоло. Сдѣлай мнѣ одолженіе, не устраивай сейчасъ этого допроса. Если бы ты зналъ только, что творится сейчасъ въ моей головѣ!

Маріо. Хочешь я попробую поговорить съ ней? Я прямо убѣжденъ, что оставаться здѣсь хуже.

Паоло. Попробуй... Кто знаетъ: ты ее понимаешь такъ хорошо. Это сказала мнѣ она сама.

Маріо. Но ты мнѣ обѣщаешь не фантазировать больше?

Паоло. Стоитъ ли обѣщать. Я вѣдь не сдерживаю своихъ обѣщаній... Это тоже сказала она. Она знаетъ меня! А ты меня не знаешь?

Маріо. Она въ своей комнатѣ?

Паоло. Думаю, что да.

Маріо. Ну, предоставь мнѣ устроить все.

Паоло. Ахъ, послушай... Если... Нѣтъ, ступай, ступай... ступай, ступай, увидимъ послѣ.

(Маріо уходитъ).

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Паоло, затѣмъ Магдалина.

Паоло (беретъ изъ бумажника письмо,

читаетъ его задумчиво, ясно скандируя отдѣльныя слова).

„Ты пишешь мнѣ, что если я не отвѣчу, ты сейчасъ же вернешься...

(говоритъ).

Ты пишешь... Гдѣ бы могло быть это письмо?

(читаетъ).

„Люблю моего мужа, вотъ мой отвѣтъ. Этотъ, только этотъ, вѣчно этотъ отвѣтъ. Умоляю тебя не мучить меня больше..“.

(говоритъ).

Умоляю тебя не мучить меня. Гмъ...

Магдалина. Вотъ я.

Паоло. Ты не нужна... Ты больше не нужна пока. Когда понадобишься, мы тебя позовемъ.

Магдалина. Простите, господинъ Паоло: правда то, о чемъ говорятъ сейчасъ въ городѣ?

Паоло. Что такое?

Магдалина. Что городской голова принесъ вамъ сегодня утромъ бумажникъ господина Лючіано съ большими деньгами, которыя онъ оставилъ на бѣдныхъ.

Паоло. Что ты болтаешь.

Магдалина. Мнѣ сказала это сейчасъ на рѣчкѣ служанка городского головы.

Паоло. Что за ерунда! Ничего тамъ не было внутри, это прекрасно видѣлъ и самъ городской голова.

Магдалина. Ахъ, почему вы насъ не порадовали пріятной вѣсточкой! Господинъ Лючіано рѣдко пріѣзжалъ въ наше мѣстечко, но когда онъ заглядывалъ сюда, то бывалъ всегда очень щедръ.

Паоло. Радуюсь за него.

Магдалина. Въ прошломъ году тоже, знаете—Либерата, вдова шахтера, которая отправлялась въ Америку къ своему сыну... Вы еще дали ей тогда 50 лиръ... Ну, а господинъ Лючіано далъ ей цѣлыхъ сто.

Паоло. Что за выдумки! Его совсѣмъ и не было здѣсь.

Магдалина. Какъ его не было? Я его видѣла...

Паоло. Ахъ, оставь пожалуйста... Та женщина получила извѣщеніе о томъ, что ея мужъ умеръ въ шахтѣ, и что сынъ зоветъ ее въ Америку, какъ разъ наканунѣ того дня, когда я уѣхалъ въ Швейцарію, годъ тому назадъ: я помню это потому, что могъ отдать ей тогда то небольшое количества золота, которое оказалось у меня подъ руками... Она должна была уѣхать черезъ два дня.

Магдалина. Вотъ именно.

Паоло. То есть, какъ это такъ: „вотъ именно“! Лючіано въ то время не было здѣсь, я это знаю.

Магдалина. Онъ пріѣхалъ въ тотъ день, когда Либерата отправилась въ путь.

Паоло. А! Два дня спустя послѣ нашего отъѣзда.

Магдалина. Да, около того будетъ. Онъ пріѣхалъ утромъ.

Паоло. Въ свою виллу?

Магдалина. Нѣтъ, нѣтъ, сюда. Но онъ нашелъ здѣсь только одного господина Маріо. Ему было скучно, бѣдняжкѣ: онъ сейчасъ же уѣхалъ обратно.

Паоло. А—а!.. Этого я не зналъ. Въ такомъ случаѣ, права ты. А—а!.. Такъ значитъ онъ пріѣзжалъ сюда? Права ты. О, онъ былъ очень щедръ. Онъ все свое состояніе завѣщалъ госпиталю.

Магдалина. Да, но знаете,—госпиталь...

Маріо (извнутри, зоветъ). Магдалина!

Магдалина. Вотъ я.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

Тѣ же и Маріо.

Маріо. Ступай туда, ты нужна барынѣ.

(Магдалина уходитъ. Къ Паоло).

Я уговорилъ ее.

Паоло. Какое счастье имѣть хорошаго адвоката.

Маріо. И какъ видишь, для этого не потребовалось слишкомъ многаго.

Паоло. Готовъ держать пари, что я угадаю, какъ ты подходилъ къ ней.

Маріо. О, очень просто: я ей...

Паоло. Нѣтъ, дай сказать мнѣ. Мнѣ хочется имѣть это маленькое удовольствіе. Ты отказался отъ дѣлъ, которыя тебя задерживали, и рѣшилъ ѣхать съ нами.

Маріо. И это также.

Паоло. Да? Видишь теперь, что я зналъ это? Когда ты уходилъ туда, къ ней, я хотѣлъ сказать тебѣ это, но потомъ рѣшилъ посмотрѣть, что выйдетъ... И такъ, теперь Анна сразу стала расположена къ отъѣзду?

Маріо. Тебѣ это непріятно?

Паоло. Ну, вотъ еще! Чѣмъ больше насъ... Развѣ мы не отправляемся толь-

ко для того, чтобы разсѣяться? Дорога, панорамы, гостиницы... Да, это очень хорошо. Но компанія! Для того, чтобы бѣжать, нужно быть въ возможно меньшемъ числѣ.

Маріо. Что ты говоришь?

Паоло (кладетъ ему обѣ руки на плечи и трясетъ его, пристально глядя въ глаза). Для того чтобы бѣжать,—понимаешь?—нужно быть въ возможно меньшемъ числѣ. Чтобы бѣжать, какъ сдѣлали это Анна и я въ прошломъ году.

Маріо. Не понимаю.

Паоло. Ты даже не сказалъ мнѣ, что Лючіано былъ здѣсь въ прошломъ году, не сказалъ даже дня, когда онъ былъ тутъ.

Маріо. Не знаю, не помню...

Паоло. Къ черту, къ черту, къ черту, ты зналъ это! И зналъ также, что Анна рѣшила уѣхать съ цѣлью избѣжать его. А я то такимъ счастливымъ бѣжалъ вмѣстѣ съ ней. Полюбуйся на мужа, который беретъ поѣздъ и... прочь изъ дому, пока не явился его соперникъ.

Маріо. Допустимъ, что это такъ. Это говоритъ тебѣ ни болѣе, ни менѣе, какъ то же самое, что сказали письма.

Паоло. Нѣтъ, немного болѣе того. Все это говоритъ мнѣ немного болѣе. Зернышко по зернышку, составляютъ цѣлый камень, который въ концѣ концовъ раздавливаетъ человѣка. Да-съ, это говоритъ немного болѣе. Одно дѣло—держать его на почтительномъ разстояніи отъ себя, и совсѣмъ другое—бѣжать отъ него. Отстраняютъ личность, которая надоѣдаетъ, но бѣгутъ только отъ того, кого боятся.

Маріо. Ого!

Паоло. И потомъ смотри, смотри, смотри, давай проанализируемъ немного положеніе вещей; такъ только, между прочимъ. Посмотримъ. Невозможно, чтобы онъ написалъ ей, что собирается пріѣхать сюда. Несомнѣнно даже, что онъ ей этого не писалъ, потому что въ противномъ случаѣ она отвѣтила бы ему: „Ты пишешь, мнѣ, что ѣдешь... Люблю моего мужа, умоляю тебя остаться.“

Маріо. Охъ!

Паоло. Это она, слѣдовательно, предвидѣла его намѣренія... Она предчувствовала его пріѣздъ... Тѣмъ прозрѣніемъ...

Маріо. Ты—первый мужъ, злящійся на то, что жена его исполнила свой долгъ.

Паоло. Угу! Долгъ. Скверное слово!

Маріо. Если только существуетъ на свѣтѣ честная женщина...

Паоло, Женщина или жена?

Маріо. Это все равно.

Паоло. Нѣтъ, нѣтъ. Женщина для всѣхъ, жена—только для меня одного.

Маріо. Паоло!

Паоло. Любитъ ли она его? Любила ли она его? И отвергла ли она его именно изъ-за добродѣтели или изъ-за долга? Скажи! Что же теперь такое представляю собой я? Если бы онъ былъ живъ, я могъ бы бороться, могъ бы побѣдить его... но онъ умеръ, но онъ убилъ себя изъ-за любви къ ней. Если она его дѣйствительно любила, то никакая сила уже не вырветъ его изъ ея сердца.

Маріо. Ты думаешь...

Паоло. Не знаю. Въ томъ то и дѣло, что не знаю. Но хочу знать это, хочу, чтобы она крикнула мнѣ это въ лицо. Она мнѣ скажетъ. Охъ, я предчувствовалъ это, едва лишь прочелъ первое письмо. Я еще ничего не понималъ, даже раздумывалъ... „Люблю моего мужа“... Но потомъ сразу почувствовалъ вотъ здѣсь ударъ, словно молотомъ, который причинилъ мнѣ такую боль! Все-таки, тогда я еще не зналъ, въ чемъ дѣло. Охъ, нужно время для того, чтобы нѣкоторыя опасенія успѣли воплотиться въ дѣйствительность. Сначала они грызутъ, терзаютъ душу... и не знаешь еще въ чемъ дѣло. Я былъ доволенъ... Я говорилъ тебѣ, что былъ доволенъ, хотѣлъ лишь убѣдиться, но ты видѣлъ, что меня грызли опасенія. Что, если она его любила? О, я увѣренъ въ этомъ! Тѣмъ восхитительнѣе, не правда ли? Весь міръ можетъ быть въ восторгѣ отъ этого. Хорошая манера! Я самъ восхищался бы ею на колѣняхъ передъ Анной, если бы она, Анна, была женой другого. Но она моя! Развѣ я не судья моей жены? Я веду тяжбу съ ней: развѣ я не могу судить ее? Я ея владѣлецъ... Она моя, моя собственность. Я долженъ восхищаться ею, потому что будучи въ состояніи обокрасть меня всего, она обокрала меня лишь наполовину! Я обращаю вниманіе на то, что у меня отнято, чертъ возьми, а не на то, что у меня остается!

Маріо. Ты сошелъ съ ума!

Паоло. Но ты видишь, что я ей ненавистенъ!

Маріо. Боже мой!

Паоло. Ненавистенъ! Ты не былъ здѣсь минуту тому назадъ. Подумай только, вѣдь, она нуждается въ томъ, чтобы ты помогъ ей выносить мое присутствіе.

Маріо. Сегодня — да. Потому что знаетъ, что ты прочелъ ея письмо. Не говорилъ ли я тебѣ?.. Потому что она поставлена, дѣйствительно, въ очень неловкое положеніе.

Паоло. Не только сегодня. Ты никогда не двигался отсюда, никогда. За всѣ пятнадцать лѣтъ твоего хозяйничанья въ имѣніи ты не пробылъ ни одной недѣли внѣ его. А пятнадцать дней тому назадъ тебѣ вдругъ пришла идея путешествовать по бѣлу свѣту. Тебя просила она!

Маріо. Клянусь тебѣ...

Паоло. Не вѣрю. Пусть мнѣ скажетъ объ этомъ сама Анна (хочетъ уйти).

Маріо. Что ты дѣлаешь?

Паоло. Иду спросить ее.

Маріо. Нѣтъ, Паоло...

Паоло. Оставь меня.

Маріо. Ну, нѣтъ... Тамъ Магдалина.

Паоло. Ахъ, поэтому...(зоветъ громко) Анна! Анна!

Маріо. Ты — неблагодарное существо.

Паоло. Если она любила меня, ей немного стоило оттолкнуть его. Если любила его—я не обязанъ ей никакой признательностью.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ.

Тѣ же и Анна.

Анна. Ты звалъ меня?

Паоло (къ Маріо, который дѣлаетъ движеніе чтобы уйти). Нѣтъ, нѣтъ, останься. Да, Анна. Я хотѣлъ спросить тебя кой о чемъ. Какой бы ни былъ твой отвѣтъ, я тебѣ вѣрю.

Анна. Я убѣждена въ этомъ.

Паоло. Это ты попросила Маріо ѣхать вмѣстѣ съ нами? Не сегодня только: понимаешь?

Анна. Ни сегодня, ни раньше.

Маріо. Видишь?

Анна. Не просила его и не предлагала ему этого. Должна, однако, сказать, что если бы Маріо не поѣхалъ съ нами, я бы тоже не двинулась съ мѣста.

Паоло. Сегодня... А пятнадцать дней тому назадъ?

Маріо. Ахъ, послушай, вѣдь это же смѣшно наконецъ! Она тебѣ сказала уже...

Анна. Нѣтъ, Маріо, не смѣшно. Вполнѣ естественно, что Паоло желаетъ знать это, и онъ имѣетъ полное право спрашивать меня.

Паоло. Я не хочу заставлять васъ трудиться надъ оцѣнкой моихъ правъ.

Анна. Напрасно. Нужно заставлять цѣнить свои права и въ то же время уважать права другихъ. Пятнадцать дней тому назадъ я поѣхала бы и съ тобой однимъ.

Маріо. Боже милосердный!

Паоло. Ты боялся, а? Что она отвѣтитъ отрицательно? Да?

Анна. Но его предложеніе сопровождать насъ было для меня большимъ облегченіемъ.

Паоло. То есть, другими словами, моя компанія была тебѣ въ тягость!

Анна. Не въ тягость, но она безпокоила бы меня.

Паоло. Можно узнать, почему?

Анна. Теперь во всякомъ случаѣ можно. Потому, что тогда случилось несчастье, причины котораго тебѣ еще не были извѣстны, тогда какъ теперь ты ихъ знаешь. Ты поймешь, какъ я должна была быть потрясена этимъ. Но для твоего блага, но ради твоего спокойствія я должна была скрыть отъ тебя мое смущеніе и имѣла право сдѣлать это, потому что мнѣ не въ чѣмъ было упрекнуть себя по отношенію къ тебѣ. Ты поймешь, что вдвоемъ, всегда вмѣстѣ, труднѣе притворяться. Каждый часъ... Каждую минуту... Тогда какъ присутствіе третьяго лица...

Маріо. Ну, вотъ смотри, смотри...

Анна. Маріо пришла въ голову очень счастливая идея сопровождать насъ.

Паоло. Зналъ ли что-нибудь обо всемъ этомъ Маріо?

Анна. Этого не знаю.

Паоло. Онъ никогда не говорилъ тебѣ объ этомъ?

Маріо. Не отвѣчай ему Анна, уходи: онъ боленъ... не понимаетъ, что онъ дѣлаетъ... Бѣдняга!.. Это пройдетъ, тогда онъ пойметъ...

Анна. Охъ, нѣтъ... Это—безполезно.

Паоло. Безполезная трагедія, не правда ли, Анна?

Анна, Больше ничего неимѣешь приказать мнѣ?

Паоло (ослѣпленный, повелительно).Да! Хочу видѣть тѣ письма, которыя тебѣ написалъ Лючіано!

Анна. Это—вполнѣ справедливо. Иду за ними (собирается уходить).

Паоло. Всѣ!

Анна (возвращается и даетъ ему ключъ). Они находятся въ моемъ письменномъ столѣ, въ первомъ ящикѣ на право. Перевязаны черной лентой.

Паоло. Хорошо (уходитъ).

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ.

Анна, Маріо, потомъ Паоло.

Маріо. Прости его Анна, онъ не знаетъ, что дѣлаетъ. Онъ такъ любитъ тебя! У него только слишкомъ слабый характеръ.

Анна. Охъ, онъ положительно не знаетъ состраданія!

Маріо. Какъ и всѣ слабые. Но онъ тебя любитъ, онъ любитъ тебя!

Анна. Такъ плохо любитъ! Онъ совсѣмъ потерялъ голову.

Маріо. Нѣтъ, тебѣ нужно будетъ поддержать его.

Анна. До тѣхъ поръ, пока это будетъ нужно.

(Паоло возвращается съ письмами въ рукѣ, подходитъ къ письменному столу, собираетъ остальныя, бросаетъ ихъ всѣ въ каминъ и зажигаетъ).

Маріо. Что онъ дѣлаетъ? Смотри, Анна!

Анна (суровая, неподвижная смотритъ на горящія письма и бормочетъ вполголоса, словно въ полузабытьи): Прочь! Прочь! Прочь! Прочь!

Паоло (идетъ по направленію къ Аннѣ съ заломленными въ умоляющемъ жестѣ руками, разражается плачемъ и падаетъ передъ ней на колѣни).

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ.

Анна и Паоло.

Паоло (на колѣняхъ) Теперь... можешь простить меня?

Анна (сопротивляясь, кладетъ ему на голову руку, потомъ снисходительно и сердечно) Встань, встань!

Паоло. Скажи мнѣ, что ты меня прощаешь! Клянусь тебѣ, что я хотѣлъ бы умереть вотъ здѣсь, сейчасъ же.

Анна. Да, да. Встань, не стой такъ: мнѣ тяжело...

Паоло. Я не знаю, что это мнѣ взбрело въ голову... Но я такъ страдалъ!

Анна. Да, это было видно... да... успокойся.

Паоло. У Маріо нѣтъ такта. Это онъ разстроилъ меня съ самаго начала.

(Анна дѣлаетъ движеніе чтобы уйти)

Не уходи, останься здѣсь на одно мгновеніе...

(Анна садится на софу)

Смотри, у меня сразу прошла эта вспышка безумія. Она произошла именно потому, что здѣсь былъ Маріо. Маріо добръ, разсудителенъ, но его присутствіе меня положительно возбуждало. Да, да, ты была права. Но ты должна также понять и мое состояніе.

(Поднимается и начинаетъ ходить)

Въ концѣ концовъ, что обозначаетъ вся эта буря? Только то, что я тебя люблю, и это, мнѣ думается, самое главное. Нужно смотрѣть всегда въ корень вещей. Со времени нашей женитьбы прошло вотъ уже пять лѣтъ, и ты сама можешь сказать, давалъ ли я тебѣ когда нибудь самый малѣйшій поводъ жаловаться на меня. Я думаю, что такихъ поводовъ не было, и пять лѣтъ такъ и остаются пятью годами. Я составилъ себѣ трудомъ хорошее положеніе, ты всегда фигурировала въ обществѣ... Я никогда не позволялъ себѣ излишнихъ развлеченій, хотя у меня были друзья, былъ большой кружокъ близкихъ лицъ. Другіе мужья уже черезъ годъ послѣ женитьбы позволяли себѣ по вечерамъ... Я отказался отъ всего. Не хочу вмѣнять себѣ этого въ заслугу, но...

Анна. Сдѣлай мнѣ одолженіе, не ходи такъ.

Паоло. Прости. Позволишь мнѣ сѣсть здѣсь, рядомъ съ тобой?

(долгое молчаніе)

Когда я увижу тебя съ улыбкой на лицѣ, Анна? Нѣтъ, не вставай.

Иначе—не правда, что ты меня простила.

Анна. Чего ты хочешь, Паоло, а?.. Чего ты хочешь отъ меня? Скажи сейчасъ же!

Паоло. Ты заставила меня пообѣщать тебѣ никогда не говорить...

Анна. Охъ, но я сказала тебѣ сразу, что ты не сдержишь этого обѣщанія. Однако, ты не совсѣмъ правъ, повѣрь мнѣ. Не спрашивай у меня ничего. Когда не будетъ больше никакой опасности, обѣщаю тебѣ—а я сдерживаю свои обѣщанія—что я скажу все не дожидаясь твоихъ разспросовъ. Такъ будетъ хорошо для насъ обоихъ. Но судьей настоящаго момента хочу быть я.

Паоло. Ну, хорошо, не говори мнѣ ничего, но поѣдемъ со мной, со мной однимъ. Позабочусь уже я о томъ, чтобы убѣдить Маріо остаться. Онъ хотѣлъ ѣхать только ради того, чтобы доставить тебѣ удовольствіе, и будетъ гораздо болѣе доволенъ, когда увидитъ, что мы поѣхали одни, въ знакъ полнаго примиренія. Понимаю, что тебѣ противно, будить тѣ воспоминанія: ну, такъ вмѣсто того, чтобы пробуждать ихъ, я заставлю тебя ихъ забыть. Клянусь тебѣ! Клянусь, что никогда о нихъ не будетъ и рѣчи! Только поѣдемъ со мной и ты увидишь, съ какой любовью...

Аннна. Не требуй этого, Паоло. Конечно, если ты будешь на этомъ настаивать,—я исполню, но...

Паоло. Нѣтъ, нѣтъ я не хочу настаивать... Смотри, вѣдь, я умоляю тебя, я не хочу навязывать тебѣ насильно моихъ желаній. Но послушай еще, послушай еще. Знаешь, я очень признателенъ тебѣ за то, что ты сдѣлала. О, я сумѣю вознаградить тебя за это... Всей моей жизнью, всей жизнью! Признаю, что нѣтъ въ мірѣ женщины болѣе святой, чѣмъ ты. Но ты должна хоть немного заглянуть въ мою душу и имѣть ко мнѣ хоть каплю состраданія.

Анна (горько смѣется). Ха-ха-ха!

Паоло. Зачѣмъ ты хочешь продлить мнѣ это мученіе? Когда не будетъ больше опасности,—сказала ты? Развѣ есть опасность? Отъ кого зависитъ эта опасность? Отъ тебя или отъ меня? Что можетъ измѣнить въ насъ время? Я тебя любилъ всегда и—смотри—въ этотъ моментъ люблю, какъ никогда еще не любилъ. Дай мнѣ руку, только руку! Боже! Анна! Ты такъ красива! И ты моя, моя жена, и клятва, которую ты мнѣ дала наканунѣ нашей женитьбы, была не только клятвой вѣрности, но также и любви! Ѣдемъ же, ѣдемъ...

Анна. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ...

Паоло. Нѣтъ? Боишься, а? Боишься быть ему невѣрной?

Анна. Паоло! Паоло!

Паоло. А если я хочу?

Аннна. Ты не можешь хотѣть этого.

Паоло. А если хочу?

Анна. Паоло!

Паоло. Если приказываю!

Анна. Разрушить въ одинъ моментъ все, что я задумала! Хорошо. Но не забудь, что твое насиліе для меня является освобожденіемъ.

Паоло. Ну, что же! Ну, говори!

Анна. Ты все-таки хочешь этого? Ну, мы пришли наконецъ къ послѣднему предѣлу, за которымъ уже... все кончается. Я сдѣлала все, что могла...

Паоло. Да. Впередъ, говори!

Анна. Я любила Лючіано и сейчасъ еще люблю его.

Паоло. Охъ!

Анна. Я его любила. Любила: слышишь? Я безумно любила его и испытываю сейчасъ громадное наслажденіе, говоря тебѣ это. Ты не видишь, что я сейчасъ умираю отъ желанія крикнуть, позвать его... Когда я увидѣла, какъ ты преслѣдуешь меня своимъ жестокимъ любопытствомъ, я сказала себѣ: вотъ оно, роковое... приближается, приближается... Ты подошелъ наконецъ вплотную къ этому вопросу. Да, я его любила и люблю его. Во всемъ мірѣ только онъ одинъ былъ дорогъ мнѣ, и я чувствую сейчасъ угрызенія совѣсти за мою добродѣтель. Теперь ты знаешь.

Паоло. Хорошо (собирается уйти).

Анна. Ахъ, нѣтъ! Теперь останься ты, теперь ты меня выслушай. Ты хотѣлъ, чтобы я сказала все... Вотъ я говорю. Теперь моя очередь задержать тебя нѣсколько минутъ. Ты поймешь прекрасно, что послѣ такого разговора, какъ этотъ, между тобою и мной—все кончено. Нужно, значитъ, высказаться до конца. Я тебя выслушивала, выслушаю еще, если хочешь, но и ты долженъ выслушать меня. Что ты сдѣлалъ для меня до сихъ поръ? Когда и какую помощь мнѣ оказалъ? Умѣлъ ли ты видѣть тогда, когда нужно было видѣть? Умѣлъ ли хотя подозрѣвать? Нужно было, чтобы человѣкъ

умеръ... да что, даже и не это... Когда ты не страдалъ такъ, какъ страдаешь сейчасъ, сумѣлъ ли ты замѣтить, какъ страдала и что переживала я? Тебѣ казалось, что мое горе было лишь горемъ о смерти твоего родственника! Ты не понялъ, я была внѣ себя отъ отчаянія! Ты спалъ около меня—и не замѣтилъ, что въ первыя ночи я кусала простыни, чтобы не разразиться криками.

Въ одинъ прекрасный моментъ ты узнаешь всѣ факты. Что это за факты? Что я, твоя жена, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ молча защищала твое спокойствіе, исполняла то, что люди называютъ моимъ долгомъ. Тогда твое любопытство проснулось и, чтобы вознаградить себя за потерянное время, ты захотѣлъ грубо ворваться въ мою душу, проникнуть до самаго ея дна. Ахъ, нѣтъ, Паоло, нѣтъ: такъ нельзя поступать, такъ нельзя... Ни для тебя, ни для меня. Нѣтъ, не слѣдуетъ никогда знать всего. Въ душу не проникаютъ такъ легко и просто. Туда можно проникнуть только благодаря предательству. Ты захотѣлъ распахнуть передъ собой настежь мою душу... Ну, вотъ: теперь ты увидѣлъ, что въ ней для тебя нѣтъ уже ничего больше.

Паоло. Нѣтъ? Права значитъ ты. А' Ты права, это вѣрно: даже я пр[illegible]знаю, что ты права. Такъ значитъ твоей любви я не имѣлъ никогда, а? Такъ ты сказала? Никогда я не былъ любимъ тобою? Тогда... права ты. И все таки знаешь, что я сдѣлаю? Выгоню тебя вонъ изъ своего дома.

Анна (ликуя). О, я уйду, уйду, уйду и никогда больше не возвращусь. И знаешь—не проси теперь меня, не приходи ко мнѣ. У меня нѣтъ больше силъ быть сострадательной къ тебѣ. Когда я скажу тебѣ: „прощай"—я умерла для тебя.

(Бѣжитъ въ свою комнату. Паоло, неподвижный, ожидаетъ въ ужасѣ. Анна возвращается со шляпой и мантильей, проходитъ черезъ комнату и хочетъ уйти.)

Паоло. Нѣтъ, Анна, нѣтъ, нѣтъ нѣтъ! Анна, нѣтъ! Ради Бога, подожди! Мы оба сумасшедшіе. Что станется съ нами? Ты мнѣ необходима.

(Заискивающе суетится около нея).

Не уходи, я не хочу, останься! Я былъ безумцемъ... Не уходи! Увидишь: вся жизнь...

(Анна хочетъ уйти).

Нѣтъ, ради Бога!.. Уйдешь ли ты, покинешь ли меня, станешь ли говорить что либо—я чувствую, что оно неизбѣжно... Останься, Анна...

Анна (уходя). Прощай.

(Занавѣсъ.)

ФРИДРИХЪ НАТТЕРОТЪ.

ЗИМНЕЕ УТРО.

Холодное, морозное утро на вокзалѣ въ предмѣстьѣ Берлина. Скоро пробьетъ семь часовъ. Тяжело дыша, по лѣстницѣ вокзала подымается нѣсколько человѣкъ, стиснувъ билеты своими окоченѣвшими отъ холода руками. Желѣзнодорожные чиновники контролируютъ ихъ билеты и пропускаютъ впередъ. Они входятъ въ натопленный залъ третьяго класса, лишь я одинъ хожу по открытой платформѣ промѣнявъ тепло на опалившій меня, рѣжущій холодъ и вдыхая полной грудью чистый морозный воздухъ. Мерцающія лампы тускло горятъ при свѣтѣ сумрачнаго дня. По ту сторону вокзала, гдѣ когда то работали каменотесы, плотники, столяры, все покрыто бѣлоснѣжною пеленою. Одиноко заброшеннымъ стоитъ домъ,

который успѣли достроить лишь до второго этажа. Изъ за чего-же его бросили строить—изъ-за холода или... онъ пошелъ съ молотка? О, это все равно: трое рабочихъ, которые вошли въ него и ищутъ тамъ свои инструменты, остались безъ работы... Далеко, далеко по открытому полю тянутся ряды длинныхъ улицъ; вездѣ новые дома и постройки, вездѣ они безжизненны и пустынны. Изъ отверстій оконъ какъ какой то призракъ пробивается разсвѣтъ. Но въ нѣкоторыхъ домахъ временно вставлены стекла, и куски картона и мѣшки не пускаютъ холодъ проникнуть во внутрь дома. Маляры, печники, водопроводчики работаютъ въ нихъ. Сырое, только что выстроенное зданіе должно быть готово къ Новому Году и отдано въ наемъ.

Торжественно спѣша, къ станціи подходитъ поѣздъ. На платформу выходятъ также двое дѣтей, двѣ маленькія дѣвочки. Отъ долгаго ожиданія въ жарко натопленной залѣ ихъ крошечныя щечки стали красными, какъ вишни, а теперь внезапно охватившая ихъ стужа пробирается подъ ихъ легкія ситцевыя юбочки. Жутко смотрѣть, какъ эти малютки безпомощно жмутся отъ холода...

Веселый довольный и благодарный судьбѣ, которая въ эту зиму была ко мнѣ милостива и не такъ часто, какъ прежде, заставляла меня голодать, я усаживаюсь въ уголкѣ вагона, прислонившись къ окну. Поѣздъ уже снова двинулся, какъ вдругъ на всемъ ходу распахнулась дверь и въ вагонъ ввалился человѣкъ. Я услышалъ крикъ кондуктора: „Не смѣть вскакивать!“. Но его предостереженіе оказалось слишкомъ позднимъ. Затѣмъ дверь съ трескомъ захлопнулась. Человѣкъ поднимается съ пола вагона. Садится противъ меня. Я посмотрѣлъ на него. Это высокій мужчина, лѣтъ сорока, узкогрудый, съ большими испуганными глазами и страдающимъ выраженіемъ лица. Нерасчесанные скомканные усы свѣшиваются надъ блѣдными безкровными губами. Онъ хочетъ что-то сказать, извиниться за свое гнусное вторженіе, но, запыхавшись отъ бѣготни, онъ не можетъ промолвить ни одного слова. Я стараюсь ободрить его, говоря;

— Послѣдній поѣздъ для насъ, мой милый!

Онъ киваетъ мнѣ нѣсколько разъ головой и невнятно бормочетъ:

— Да, да! Но я долженъ былъ поспѣть на него! Во что бы то ни стало! Мѣсто.,. мѣсто, вѣдь иначе кто-нибудь могъ бы занять мѣсто!

Онъ разглаживаетъ листокъ газеты, держа ее въ судорожно сжатыхъ рукахъ вмѣстѣ съ кошелькомъ и билетомъ. Читаетъ мнѣ водя по строкамъ закорузлыми и длинными пальцами:

„Ищутъ человѣка среднихъ лѣтъ для домашней работы. Желательно ремесленника, 15 марокъ въ недѣлю. Адр. Вилла-Гроссъ-Лихтерфельде, Линденштрассе 3; обращаться съ 8 до 9 утра“.

Онъ смотрѣлъ на меня съ какимъ-то упованіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ недовѣріемъ, но у меня не достаетъ духу отнять у него эту маленькую, теплящуюся въ немъ искорку надежды,—я занялъ это мѣсто уже вчера вечеромъ...

ЛЕО БЕЛЬМОНТЪ.

БОРЬБА ЧУДЕСЪ.

...Старикъ Аронъ вернулся домой...

Жена скромно вышла за дверь. Была „немытой“, собиралась въ микву. Оставила на столѣ ключъ отъ кладовой, она не могла передать, его мужу боясь, чтобъ случайно ея „немытая“ женская рука не коснулась чистой руки мужа.

Прошла осторожно около сына Іоэля, что бы его не осквернить, такъ повелѣваетъ обычай „чистоты“, неизмѣнно существующій у Израиля тысячи лѣтъ.

Іоэль вошелъ въ комнату. Встрѣтивъ тамъ отца—покраснѣлъ. Совѣсть была нечиста.

Онъ видѣлъ, что старикъ отецъ весь сгорбился въ креслѣ, что его лицо, сморщенное жизнью, воспитаніемъ 12 дѣтей и тяжелымъ трудомъ, вдвойнѣ покрылось

морщинами, что съ его коралловыхъ вѣкъ упала серебряная слеза на серебряную бороду, скатилась и пропала въ черныхъ складкахъ халата.

Сердце Іоэля больно стучало въ груди. Зналъ, что онъ причина этой слезы,—зналъ, что отецъ сейчасъ заговоритъ съ нимъ.

— Іоэль!

Придвинулся и остановился около отца въ почтительной позѣ съ слегка опущенной головой, съ лицомъ благороднымъ, оживленнымъ мыслью рано въ немъ пробудившейся.

— Іоэль!.. ты мнѣ не нравишься...

Молодой человѣкъ молчалъ.

Отецъ вздохнулъ.

— Іоэль!.. Когда ты молился утромъ, я видѣлъ, что ты не раскачивался... Ты слишкомъ гордый... Ты хочешь быть выше царя Давида, который раскачивался.

Сынъ молчалъ. Лишь согнутыми пальцами слегка нервно проводилъ по чистому халату.

— Іоэль!.. Мнѣ не нравится твой халатъ. Напрасно ты думаешь о томъ, что когда ты, поступивъ на фабрику, сталъ на себя работать, то ты уже можешь выдумывать какой угодно покрой халата.

Сынъ молчалъ. Въ его молчаніи скрывалось глубокое уваженіе къ отцу. Лишь тяжело вздымавшаяся грудь говорила о происходившей въ ней внутренней борьбѣ.

— Іоэль!.. вчера равинъ замѣтилъ мнѣ, что ты совершенно не носишь пейсовъ. Ты бреешься до самыхъ ушей. Но все же я, какъ отецъ, защитилъ тебя. Ты слышалъ, я сказалъ ему, что мы теперь находимся въ неволѣ, а потому не можемъ всего исполнять, что повелѣваетъ законъ... Я гордился тобой... Я сказалъ равину, что ты знаешь на память триста страницъ Тосефты и двѣсти страницъ Мишны, если ихъ проколоть булавкой и указать тебѣ какую-либо страницу изъ этихъ пятисотъ, то ты отвѣтишь, какое слово напечатано на проколотомъ мѣстѣ... И равинъ прокололъ, а ты не отвѣтилъ...

— Забылъ,—тихо проговорилъ сынъ, глубоко вздохнувъ.

— Я знаю, что ты лжешь. Еще годъ тому назадъ ты зналъ, когда тебѣ было семнадцать лѣтъ. Ты не хотѣлъ отвѣтить равину—и также не хотѣлъ мнѣ сдѣлать удовольствія... ты не хотѣлъ, чтобы я гордился тобою... Я знаю... Ты пересталъ читать Талмудъ.

Молодой человѣкъ повернулся въ креслѣ.

— Іоэль!.. Ты уже не хочешь слушать, что говоритъ отецъ. А съ женщиной небось разговариваешь... Вчера цѣлый вечеръ...

— Разговаривалъ съ сестрой Ройзой...

— Я тоже это утверждаю... Разговариваешь съ женщиной... Развѣ это прилично?.. Развѣ въ этомъ скрывается твоя скромность... Развѣ для того ты постигъ науку?.. Сколько ты мнѣ стоилъ!.. Сколько я заплатилъ твоему меламеду!.. А ты потерялъ умъ... Ты дурно повліялъ на сестру свою. Вчера она ушла за городъ и вернувшись не желала сказать матери, откуда пришла... Но я все знаю... Она проговорилась Сарѣ, а Сара сказала матери...

Брови старика грозно нахмурились:

— Она была въ этой... Филармоніи... На какомъ-то чтеніи... Что можно услышать тамъ умнаго?.. Я боюсь, Іоэль, ты также былъ тамъ... Я надѣюсь, что ты не сидѣлъ около сестры, Іоэль!.. скажи мнѣ правду! Смилуйся надъ старикомъ отцемъ.

— Я не былъ вмѣстѣ съ ней... не сидѣлъ съ ней,—твердо проговорилъ сынъ.

Но лицо его сдѣлалось пасмурнымъ. Лгалъ. Стыдился того, что лгалъ,—однако же, долженъ былъ солгать.

— Придвинься, Іоэль, ко мнѣ,—проговорилъ старикъ и морщинистой рукой слегка коснулся рукава сына. То была великая отцовская ласка.

— Видишь, Іоэль, ты невиновенъ, ты находишься подъ вліяніемъ дурного человѣка. Ты имѣешь плохого товарища. Зачѣмъ тебѣ этотъ студентъ? Ради твоей просьбы я нанялъ его, чтобы онъ училъ тебя польскому языку. Ты достаточно уже изучилъ его, а потому въ немъ больше не нуждаешься. Но не смотря на это ты продолжаешь ходить къ нему. Я знаю о твоихъ посѣщеніяхъ... Что полезнаго принесетъ тебѣ этотъ человѣкъ. Чему еще онъ научитъ тебя?.. Развѣ ты не имѣешь въ своемъ распоряженіи лучшую въ мірѣ духовную литературу. Прочти еще разъ „Пѣснь пѣсней“—пѣснь Соломона къ нашей излюбленной Іерусалимской святынѣ. Раби Акива сказалъ, что лучше пускай погибнетъ весь міръ, чѣмъ погибнетъ эта пѣсня.

А что тебѣ можетъ сказать этотъ христіанскій пурицъ? Я знаю, что онъ тебѣ скажетъ,—однажды я разговаривалъ съ однимъ ксендзомъ,—онъ, тебѣ скажетъ, что эта пѣсня о Іерусалимской святынѣ, таившая въ себѣ все наше существованіе,—гимнъ ихъ храму.

Они очень глупы. Съ ними можно вести дѣла, въ этомъ они не имѣютъ ровно никакого понятія, и безъ насъ погибли бы, но съ ними нельзя говорить о религіи, въ которой они ничего не смыслятъ. Ихъ книги написаны людьми—у насъ же онѣ написаны Богомъ.

— И у насъ также онѣ написаны людьми,—гордо возразилъ сынъ и умолкъ.

— Іоэль, это очень неостроумный отвѣтъ съ твоей стороны. Какіе пишутъ у насъ люди?.. Пишутъ люди, знающіе законъ. Они не пишутъ новаго, но коментируютъ то, что Богъ продиктовалъ Моисею... А этотъ твой глупый „пурицъ“...

Руки Іоэля задрожали.

— Нѣтъ, онъ не глупый... Онъ не вѣритъ въ такую чушь, что пѣснь Соломона написана для церкви. И... также не вѣритъ во многіе другіе пустяки...

Здѣсь голосъ его окрѣпъ. Лицо покрылось яркимъ румянцемъ... Молодая грудь глубоко дышала... Умные глаза зажглись воодушевленіемъ... Забылся... Мимолетно ему показалось, что онъ потокомъ фразъ увлечетъ отца...

— Татэ!.. онъ мнѣ говоритъ умныя рѣчи... онъ говоритъ мнѣ очень умныя рѣчи... онъ мнѣ говоритъ очень полезныя рѣчи... Онъ говоритъ мнѣ чудныя рѣчи, которыхъ никто не произносилъ среди насъ!..

Лицо старика потемнѣло. Онъ привсталъ съ кресла и въ полу-удивленіи, полу-раздраженіи дрожащими руками схватился за ермолку.

— Какъ? такъ никто изъ насъ не произносилъ?!.. Этотъ глупый пурицъ тебя совсѣмъ свелъ съ ума... Когда послѣдній разъ я громко читалъ для тебя исторію Іоны, то ты уже больше не восхищался ею; однако же прежде, когда ты былъ небольшимъ, я всегда читалъ тебѣ ее, не могу точно опредѣлить 17 или 70, но сколько бы я ее ни читалъ, тебѣ она всегда одинаково нравилась и ты каждый разъ просилъ меня повторить ее...

— Отецъ, я уже больше не вѣрю въ это! Я не вѣрю въ чудо!..

Уста старика раскрылись широко. Онъ задыхался. Словно сраженный громомъ упалъ въ кресло. Его побѣлѣвшія губы зашептали:

— Апикойресъ!.. Отступникъ!.. Итакъ, по твоему Іона не былъ проглоченъ китомъ?..

— Былъ! Но только не жилъ въ желудкѣ... Это невозможно!..

— По твоему Богъ не сдѣлалъ этого?.. Адонай этого не могъ сдѣлать?!..

Рука старика приподнялась вверхъ и опустилась. Казалось, что онъ сейчасъ ударитъ по лицу сына. Но въ очахъ сына таилась такая глубокая печаль и во всей фигурѣ было столько гордости, что рука отца безсильно упала на кресло. Отеревъ краснымъ платкомъ потъ съ чела и овладѣвъ волненіемъ, старикъ полу-насмѣшливо, полу-ласково, словно желая разумнымъ доводомъ сломить убѣжденіе сына,—спросилъ его:

— Скажи же мнѣ, какія чудныя рѣчи разсказываетъ тебѣ твой мудрый „пурицъ“?..

Глаза Іоэля опять засверкали восхищеніемъ...

— Онъ мнѣ разсказывалъ,—говорилъ Іоэль, съ трудомъ переводя дыханіе,—что въ каплѣ воды... слышишь, татэ?.. въ каплѣ воды съ булавочную головку... живутъ сто, а быть можетъ и тысячи мелкихъ существъ... Несмотря на то, что эта капля кажется совершенно чистой, все же въ ней живутъ эти мелкія существа... двигаются и поѣдаютъ другъ друга... Онъ мнѣ говорилъ о такомъ стеклѣ... микроско...

— Іоэль! Іоэль!..—ужаснулся отецъ и всталъ съ кресла, заломивъ руки...

— Что этотъ гой сдѣлалъ съ твоей мудрой еврейской головой!.. Ты уже больше не вѣришь, что Іона жилъ въ огромномъ китѣ, но вѣришь, что тысячи существъ живутъ въ малой каплѣ воды!.. Отойди! Отойди! Ты мышугене! сумасшедшій!..

Іоэль тихо вышелъ изъ комнаты. Чрезъ двери врывались къ нему рыданія молившагося отца. Іоэль холодно сжалъ искривленныя болью уста.

Научныя новости.

Астрономія, физика.

Къ вопросу о сохраненіи энергіи. Натянутая стальная пружина заключаетъ въ себѣ, какъ извѣстно, потенціальную энергію. Эта пружина можетъ привести въ движеніе рядъ колесъ, какъ напр., въ часовомъ механизмѣ, т. е. развить кинетическую (двигательную), энергію. Тѣмъ же свойствомъ обладаетъ согнутая пластинка; необходимая для ея сгибанія работа превратилась въ потенціальную энергію, а когда эта пластинка возвращается въ свое первоначальное состояніе, то ея потенціальная энергія превращается въ двигательную.

Такіе и подобные имъ факты устанавливаютъ основной физическій принципъ сохраненія энергіи.

Но оправдывается ли этотъ принципъ въ химическихъ процессахъ, напримѣръ, при растворенiи металловъ въ кислотахъ? Иначе говоря, куда дѣвается въ такихъ случаяхъ энергія натянутой пружины, или свернутой стальной или мѣдной проволоки? На этотъ чрезвычайно любопытный вопросъ, который до сихъ поръ не разрѣшался, даетъ отвѣтъ Кюль (Hugo Kühl) въ своихъ простыхъ, но доказательныхъ опытахъ.

Апріори можно было предположить, что покоящаяся въ стальной пружинѣ потенціальная энергія превращается при раствореніи въ химическую; въ такомъ случаѣ раствореніе свернутой стальной пластинки должно было бы происходить быстрѣе или медленнѣе, чѣмъ раствореніе такой же самой не свернутой пластинки. Затѣмъ, можно было допустить, что потенціальная энергія превращается въ энергію движенія (кинетическую) послѣ того, какъ сталь отчасти растворилась въ кислотѣ. Наконецъ, возможны,—конечно, въ теоріи,—комбинированные случаи, равно какъ возможны переходы потенціальной энергіи въ тепловую и электрическую.

Чтобы опредѣлить, какая „возможность" осуществляется въ дѣйствительности, Кюль пользовался часовой спиральной пружиной и мѣдными проволоками, тщательно очищенными отъ жира, солей, пыли и т. д. При помощи микрометрическаго винта Кюль измѣрялъ толщину пружины и проволокъ и бралъ для опытовъ только тѣ ихъ части, которыя оказывались въ этомъ отношеніи совершенно тождественными. Температура во время опытовъ сохранялась неизмѣнной, продолжительность ихъ измѣрялась самымъ точнымъ образомъ при помощи хронометра.

Пружина опредѣленной длины равномѣрно сгибалась, и концы ея прикрѣплялись къ двумъ стеклянным палочкамъ, расположеннымъ другъ отъ друга на разстояніи полу-сантиметра. Затѣмъ приборъ опускался въ чашку съ сѣрной кислотой опредѣленной крѣпости. Опытъ начался въ 11 час. 22 мин. 15 сек., и первая стадія его закончилась въ 2 час. 37 мин. 18 сек.; въ этотъ моментъ пружина лопнула въ точкѣ своего наибольшаго сгиба. Лопнувшую пружину Кюль оставлялъ въ кислотѣ до полнаго ея растворенія и опредѣлялъ все протекшее время.

Такой же опытъ Кюль производилъ надъ пружиной не свернутой, т. е. не заключавшей потенціальной энергіи. И оказалось, что такая пружина растворялась быстрѣе первой.

Чтобы измѣнить условія опыта, Кюль замѣнилъ сѣрную кислоту соляной, крѣпостью въ 40 проц. Пружина лопалась по прошествіи 7 секундъ въ точкѣ наибольшаго изгиба. Если опущенная въ ту же кислоту пружина была очень слабо согнута, то она лопалась по прошествіи 3 ч. 2 мин. 48 с.

Изъ этихъ опытовъ вытекаетъ, что покоющаяся въ согнутой пружинѣ потенціальная энергія превращается въ химическую и механическую, т. е. въ одну изъ извѣстнымъ намъ формъ энергіи. Опыты надъ мѣдными проволоками привели Кюля къ тѣмъ же выводамъ.

Чтобы оцѣнить значеніе опытовъ Кюля, нужно вспомнить, что признанный въ общемъ принципъ сохраненія энергіи возбуждалъ нѣкоторую „тревогу", когда подходили къ химическимъ процессамъ. Эта „тревога" объяснялась трудностью экспериментальнаго доказательства въ случаяхъ растворенія, разложенія и т. д. Между прочимъ, „осторожные" теоретики ставили вопросъ: какъ доказать, что потенціальная энергія молекулярныхъ процессовъ, не обнаруживающаяся въ легко наблюдаемыхъ эффектахъ движенія, свѣта, тепла, не пропадаетъ безслѣдно. А пока это не доказано, всякое сомнѣніе, вѣдь, законно.

Кюль далъ одно необходимое доказательство, установивъ, что раствореніе натянутой пружины происходитъ быстрѣе растворенія ненатянутой. Принципъ сохраненія энергіи оказывается соблюденнымъ въ молекулярныхъ процессахъ. Вопросъ теперь заключается въ томъ, послѣдуютъ ли за первымъ доказательствомъ и другія, еще болѣе тонкія и убѣдительныя.

Новый радій. Въ американскихъ газетахъ находимъ любопытныя свѣдѣнія объ открытіи доктора Скильмана Бэли, лектора медицинской школы въ Чикаго. Во время происходившаго въ Новомъ Орлеанѣ медицинскаго конгреса Бэли произнесъ рѣчь, въ которой сообщилъ, что онъ открылъ вещество, подобное радію, но болѣе безвредное и дешевое, которое онъ называетъ радіоторомъ или торрадиксомъ. Произведенные, по словамъ Бэли, опыты съ этимъ веществомъ обнаружили его столь поразительныя цѣлебныя свойства, что оно заставляетъ предвидѣть переворотъ въ медицинской практикѣ.

Добывается оно изъ находимой въ Коло-

радо смоляной обманки и обладаетъ многими свойствами радія съ той лишь разницей, что примѣненіе его въ медицинѣ не ведетъ къ вреднымъ послѣдствіямъ, какъ примѣненіе радія. Что касается количества его, которое можно добыть, то оно неограничено.

Между прочимъ, примѣняя торрадиксъ для излѣченія паралича конечностей, Бэли достигъ весьма удачныхъ результатовъ. Посредствомъ этого же вещества ему удавались фотографическіе снимки черезъ шестидюймовую доску. Помѣщенное на отрицательный полюсъ магнита, вещество становится свѣтящимся. Въ настоящее время, по словамъ Бэли, всѣ усилія его направлены къ тому, чтобы основательнѣе изучить это вещество и дать теоретическое обоснованіе его свойствамъ, послѣ чего онъ опубликуетъ способъ его добыванія.

Водные пары въ атмосферѣ Марса. Еще сравнительно недавно англійскій натуралистъ Руссель Уоллесъ на вопросъ: „обитаемъ ли Марсъ?", отвѣтилъ категорическимъ отрицаніемъ. Этотъ отвѣтъ покоился, главнымъ образомъ, на томъ соображеніи, что въ атмосферѣ Марса не содержится водяныхъ паровъ, и, слѣдовательно, органическая жизнь на этой планетѣ немыслима.

Однако, въ послѣдніе два года американскіе астрономы, руководясь методами знаменитаго Лоуэлля, установили при помощи спектрограммъ наличность паровъ въ атмосферѣ Марса. Нѣкоторыя линіи спектра планеты убѣждали въ этомъ съ полной несомнѣнностью. Оставался еще вопросъ о количествѣ этихъ паровъ, измѣреніе котораго представляло большія затрудненія. Профессоръ Вери преодолѣлъ эти затрудненія и разрѣшилъ количественную сторону вопроса. Наблюденія Вери были произведены въ лабораторіи Лоуэлля (въ Соед. Шт.), расположенный на значительной возвышенности. Профессоръ Вери установилъ, что нѣкоторыя изъ характерныхъ полосъ спектра Марса въ 4,5 раза интенсивнѣе соотвѣтствующихъ полосъ луннаго спектра. Изъ этихъ данныхъ Вери, путемъ сравнительныхъ исчисленій, вывелъ, что атмосфера Марса, въ моментъ полученія его спектрограммы—содержитъ въ 1,75 раза больше водяныхъ паровъ, чѣмъ ихъ содержится въ тотъ же моментъ въ воздушной атмосферѣ, находящейся непосредственно надъ лабораторіей.

Принимая, согласно Вери, что въ воздушной атмосферѣ слой водяныхъ паровъ составлялъ 8 милиметровъ, можно допустить, что этотъ слой водяныхъ паровъ въ атмосферѣ Марса достигалъ 14 милиметровъ.

Работа Вери проливаетъ новый свѣтъ на вопросъ о современномъ состояніи планеты Марсъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько выясняетъ споръ объ его обитаемости. Фотографическія и спектроскопическія наблюденія и изслѣдованія, все болѣе примѣняющіяся въ области астрономіи, являются, какъ явствуетъ изъ работъ Вери, надежнымъ подспорьемъ. Если въ числѣ причинъ, не позволявшихъ допустить предположеніе объ обитаемости Марса, указаніе на „сухость" его атмосферы играло свою видную роль, то сила этого указанія теперь поколеблена работами проф. Вери.

Новыя планеты. Бывшій директоръ парижской обсерваторіи Гейо увѣдомилъ академію наукъ, что имъ установлено существованіе двухъ новыхъ планетъ которыя замѣчены имъ рядомъ съ Нептуномъ.

Медицина, физіологія и біологія.

Антитуберкулезная сыворотка. Въ одной изъ испанскихъ газетъ читаемъ:

„Докторъ Эдуарде Бланко изъ Гвадалахары окончательно рѣшилъ проблему лѣченія туберкулеза при помощи открытой имъ сыворотки. Въ ближайшемъ будущемъ Бланко сообщитъ о своемъ открытіи мадридской медицинской академіи. Какъ увѣряютъ, Бланко примѣнялъ лѣченіе своей сывороткой во множествѣ случаевъ и всегда съ полнымъ успѣхомъ".

Сахаръ, какъ пищевой продуктъ. Послѣднія наблюденія и опыты доказали съ полной очевидностью, что сахаръ играетъ очень важную роль, какъ питательное вещество. Онъ служитъ, главнымъ образомъ, для образованія мускульной ткани. Поэтому, людямъ, занимающимся физическимъ трудомъ, а также дѣтямъ необходимо употреблять въ пищу значительное количество сахару. Лабораторные опыты, доказавшіе это, подтверждены наблюденіями надъ животными. Лошадямъ, возящимъ омнибусы или перевозящимъ товары, теперь часто даютъ сахаръ и тѣмъ значительно поддерживаютъ ихъ силы. Нѣмецкимъ солдатамъ во время утомительныхъ переходовъ тоже даютъ много сахара. Поэтому, сладкія кушанья и варенье не слѣдуетъ считать прихотью, они должны составлять необходимую часть питанія. Въ настоящее время потребленіе сахара составляетъ въ среднемъ въ Западной Европѣ 25 фунтовъ въ годъ на человѣка, между тѣмъ человѣкъ можетъ съ пользой съѣдать отъ одного до двухъ фунтовъ въ день.

Вредное дѣйствіе ультрафіолетовыхъ лучей на человѣческій глазъ. Многіе изслѣдователи изучали вліяніе ультрафіолетовыхъ лучей на человѣческій организмъ, и въ результатѣ этихъ работъ явилось терапевтическое примѣненіе такихъ лучей для излѣченія нѣкоторыхъ болѣзней кожи при помощи производимаго ими искусственнаго воспаленія. Найдено было, что ультрафіолетовые лучи, съ малой длиной волны, очень интенсивно дѣйствуютъ на поверхность кожи, а съ большей длины волны — проникаютъ внутрь ея на нѣкоторую глубину. Дѣйствіе этихъ лучей на глазъ также является предметомъ изученія.

Изслѣдованія Шанца и Стокгаузена показали, что воспаленіе глазъ отъ электрическаго свѣта (ophthalmia electrica) происходитъ вслѣдствіе присутствія въ немъ ультрафіолетовыхъ лучей. Та же болѣзнь, хотя и

въ менѣе характерной формѣ, причиняется многими другими источниками свѣта, дающими большой процентъ ультрафіолетовыхъ лучей. Снѣговая слѣпота обнаруживаетъ сходные симптомы съ электрической слѣпотой и подобнымъ же образомъ причиняется ультрафіолетовыми лучами, содержащимися въ отраженномъ отъ снѣга солнечномъ свѣтѣ.

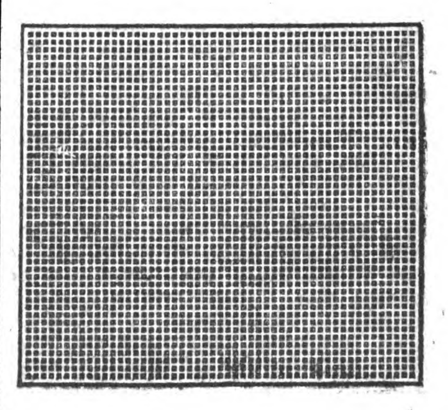
Что дѣйствіе ультрафіолетовыхъ лучей не ограничивается внѣшними частями глаза, но вліяетъ и на болѣе глубокія части его, видно изъ того, что эти лучи способны производить сильную флуоренсценцію глазного хрусталика. Хрусталикъ, такимъ образомъ, превращаетъ невидимые лучи короткой волны въ видимые лучи и, слѣдовательно, является какъ бы предохранителемъ для ретины или сѣтчатой оболочки. Люди, у которыхъ хрусталикъ былъ удаленъ операціей, подвержены припадкамъ эритропсіи („красныя видѣнія"), особенно въ случаѣ сильнаго освѣщенія. Эти приступы бываютъ и съ нормальнымъ глазомъ на большихъ высотахъ. Такъ какъ далѣе сильное освѣщеніе съ присутствіемъ ультрафіолетовыхъ лучей производитъ легкое помутнѣніе хрусталика, то можно предположить, что старческая катаракта является слѣдствіемъ прогрессивнаго перерожденія хрусталика.

Предполагая увеличеніе процентнаго содержанія ультрафіолетовыхъ лучей съ повышеніемъ температуры источника свѣта, Шанцъ и Стокгаузенъ изслѣдовали свѣтъ наиболѣе употребительныхъ источниковъ съ помощью кварцеваго спектрографа и получили слѣдующіе результаты: спектръ грубыхъ масляныхъ лампъ и свѣчей почти не выходитъ за предѣлы видимыхъ лучей. Область ультрафіолетовыхъ лучей, однако, сразу возрастаетъ съ прибавленіемъ ламповаго стекла. Тотъ же результатъ получается, если повысить температуру пламени, производя воздушную тягу, и еще болѣе широкій спектръ можно получить, присоединивъ къ лампѣ калильный колпачекъ; но самый длинный ультрафіолетовый спектръ даютъ электрическіе источники свѣта, изъ которыхъ впереди всѣхъ стоятъ ртутная лампа съ кварцевой оболочкой и дуговая лампа. Лампа Нернста также излучаетъ большое количество ультрафіолетовыхъ лучей. Во всѣхъ электрическихъ лампахъ, снабженныхъ какой-нибудь стеклянной оболочкой, лучи короткой волны поглощаются стекломъ.

Изслѣдователи обращаютъ вниманіе на тотъ фактъ, что синія защитительныя очки не являются защитой отъ ультрафіолетовыхъ лучей, а дымчатыя очки ослабляютъ весь спектръ, вслѣдствіе чего не годятся для практическихъ цѣлей. Въ виду большой важности этого вопроса они предприняли изготовленіе новаго сорта защитительнаго стекла, которое уже теперь появилось на рынкѣ подъ названіе „эйфосъ" (euphos). Это стекло, имѣющее легкую зеленовато-желтую окраску, обязано своей замѣчательной способностью поглощенія ультрафіолетовыхъ лучей не столько своему цвѣту, сколько своему химическому составу. Составъ можетъ быть приспособленъ для каждаго сорта лампъ.

Съ очень небольшой потерей свѣта (отъ 3 до 5 процентовъ) это стекло совершенно задерживаетъ всѣ ультрафіолетовые лучи. Спеціальные опыты, произведенные надъ животными, показываютъ, что оно, дѣйствительно, является надежной защитой для глазъ.

Оптическій обманъ. Мы видимъ какой-либо предметъ ясно только тогда, когда мы разсматриваемъ его на надлежащемъ разстояніи отъ глаза; если же мы его приблизимъ къ глазу, то зрительный образъ становится не яснымъ. Но и на такомъ разстояніи мы можемъ сдѣлать такъ, чтобы снова видѣть предметъ отчетливо; для этого мы должны разсматривать его черезъ какую нибудь узкую скважину или черезъ проколотое булавкою въ бумагѣ отверстіе. Если предметъ раздѣленъ на рѣзкія темныя и бѣлыя части, то его можно воспринимать и тогда, когда онъ почти касается глаза. Но въ такихъ случаяхъ иногда имѣетъ мѣсто странное исчезновеніе нѣкоторыхъ линій. Примѣромъ того, какъ своеобразно могутъ сложиться условія при наблюденіи, служитъ прилагаемый рисунокъ. Онъ представляетъ собою черное поле, перекрещенное бѣлыми линіями. Если держать его на надлежащемъ разстояніи отъ глаза, то вы ясно различаете бѣлыя и черныя линіи. Если разсматривать его на этомъ разстояніи, затѣмъ закрыть одинъ глазъ, и потомъ приблизить рисунокъ на три сантиметра къ открытому глазу, то наступаетъ обратное явленіе, т. е. на бѣломъ полѣ кажутся проведенными черныя линіи. Это объясняется тѣмъ, что, вслѣдствіе небольшого разстоянія между глазомъ и рисункомъ, лучи, исходящіе отъ бѣлыхъ линій, образуютъ правильную картину лишь позади сѣтчатой оболочки глаза. Передъ ней они неясны и расплывчаты и вслѣдствіе этого образуютъ на сѣтчатой оболочкѣ бѣлыя, расширенныя полосы, между которыми расположены лишь узкія, темныя промежуточныя пространства. Такъ какъ мы всегда видимъ ту картину,

какая образуется на сѣтчатой оболочкѣ, то и въ данномъ случаѣ мы видимъ черныя полосы на бѣломъ полѣ. — Но съ этимъ рисункомъ мы можемъ предпринять и другіе опыты. Возьмемъ, напримѣръ, кусокъ твердой

бумаги, напр. открытое письмо и сдѣлаемъ на немъ тонкій, узкій разрѣзъ. Этотъ разрѣзъ приблизимъ къ глазу, при чемъ будемъ держать бумагу такъ, чтобы разрѣзъ былъ перпендикуляренъ къ глазу. Другой глазъ закроемъ. Если мы теперь будемъ разсматривать рисунокъ приблизительно на разстояніи 3 сантиметровъ отъ глаза, то намъ покажется, что на черномъ фонѣ имѣются лишь перпендикулярныя бѣлыя линіи, черныя же линіи совершенно исчезли. При этомъ перпендикулярныя линіи выдѣляются такъ отчетливо, какъ будто бы мы разсматривали рисунокъ на надлежащемъ разстояніи. Если же мы будемъ медленно отдалять рисунокъ на извѣстное растояніе отъ глаза, причемъ разрѣзъ будетъ находиться въ томъ же перпендикулярномъ положеніи передъ глазомъ, то мы увидимъ, что исчезнувшія горизонтальныя бѣлыя линіи снова появляются на извѣстномъ разстояніи, тогда какъ, наоборотъ, вертикальныя линіи совершенно исчезаютъ. Такимъ образомъ, есть разстояніе, на которомъ рисунокъ кажется перерѣзаннымъ только перпендикулярными линіями, и есть разстояніе, на которомъ онъ кажется перерѣзаннымъ лишь вертикальными линіями. Это явленіе объясняется тѣмъ, что при прохожденіи свѣтовыхъ лучей черезъ узкій разрѣзъ имѣютъ мѣсто своеобразныя явленія преломленія свѣта. Вертикальныя линіи сжимаются въ узкомъ отверстіи, такъ что лежащія между ними горизонтальныя линіи исчезаютъ. Но за отверстіемъ онѣ снова расширяются. Если теперь держать глазъ такъ близко позади отверстія, что исчезнувшія горизонтальныя линіи становятся снова ясно видимыми, то рисунокъ покажется намъ состоящимъ только изъ вертикальныхъ линій. То же имѣетъ мѣсто и относительно горизонтальныхъ линій, если мы будемъ измѣнять разстояніе отъ рисунка вышеприведеннымъ образомъ.

Техника.

Новый источникъ энергіи. Одна изъ крупнѣйшихъ американскихъ электрическихъ компаній „Great Western Power Companiy“ недавно осуществила одно колоссальное предпріятіе, которое обѣщаетъ для всего штата Калифорніи неисчислимыя выгоды. Предпріятіе это состоитъ въ томъ, что компанія для полученія электрической энергіи приспособила огромныя массы водъ рѣки Фидеръ, и въ непродолжительномъ времени компанія будетъ обладать такимъ источникомъ электрической энергіи, который по количеству вырабатываемой энергіи будетъ превосходить Ніагару. Работы, на которыя уже затрачено около десяти милліоновъ долларовъ, были начаты два года тому назадъ и состояли въ прорытіи въ горахъ Сіерра-Невада туннеля въ три мили длиной, черезъ который спущены воды Фидера въ видѣ огромнаго водопада. У основанія водопада находятся особыя сооруженія и, когда работы будутъ доведены до конца, то въ распоряженіи названной электрической компаніи будетъ двигатель въ 144 тысячи лошадиныхъ силъ. О величинѣ этой силы можно судить по тому, что до сихъ поръ самымъ могущественнымъ источникомъ электрической энергіи считались ніагарскія сооруженія, которыя вырабатывали лишь сто тысячъ лошадиныхъ силъ. Производительность новыхъ сооруженій настолько велика, что добываемой энергіи достаточно для обслуживанія трамвайнаго движенія въ городѣ Санъ-Франциско, для освѣщенія его и для обслуживанія всѣхъ находящихся въ немъ фабрикъ и заводовъ.

„Бакелитъ“. Въ научныхъ иностранныхъ журналахъ находимъ очень интересное сообщеніе о новомъ химическомъ продуктѣ, изобрѣтенномъ американцемъ Баклэндомъ и названномъ въ честь изобрѣтателя „бакелитомъ“. Новый составъ, судя по его свойствамъ, найдетъ себѣ самое обширное примѣненіе въ промышленности, и въ эту сторону, въ сущности, и направлено все вниманіе изобрѣтателя.

Бакелитъ представляетъ собой искусственно приготовленную смолу, обладающую, прежде всего, свойствомъ совершенно не подвергаться разрушительному дѣйствію большинства кислотъ, а также огня, что уже даетъ ей возможность успѣшно конкурировать съ такимъ распространеннымъ веществомъ, какъ целлулоидъ, какъ извѣстно, легко воспламеняющимся. Въ горячей водѣ бакелитъ вполнѣ сохраняетъ свой видъ и начинаетъ плавиться только при температурѣ въ 300°. Въ жидкомъ же видѣ бакелитъ представляетъ лакъ. Любой предметъ, погруженный въ такой лакъ и затѣмъ обсушенный подъ давленіемъ въ нѣсколько атмосферъ, покроется чернымъ глянцемъ, который по своей прочности превосходитъ самый лучшій японскій лакъ и, главное, совершенно не поддается дѣйствію спирта.

Точно такимъ же образомъ можно пропитать бумагу и картонъ, и если сдѣлать изъ такого картона столовую посуду или коробки, то по своей непроницаемости, легкости и прочности онѣ смѣло могутъ конкурировать съ обыкновенной посудой и съ коробками, сдѣланными изъ жести. Повидимому, изобрѣтатель и разсчитываетъ, главнымъ образомъ, примѣнить свой химическій продуктъ въ этой области, указывая, что бакелитъ долженъ произвести большой переворотъ въ консервной промышленности, вытѣснивъ дорого стоющую жестянку.

Кромѣ того, какъ показалъ опытъ, бакелитъ является прекраснымъ изоляторомъ какъ для теплоты, такъ и для электричества, а также можетъ быть примѣнимъ для изготовленія разнаго рода игрушекъ и украшеній, которыя до сихъ поръ приготовлялись изъ целлулоида.

№ 6. 1909.

Вѣстникъ Знанія.

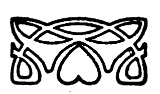
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ.

Редакторъ-издатель В. В. БИТНЕРЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., № 147.
Издательство „Вѣстника Знанія“ (В. В. Битнера).
1909.
7-й годъ изданія.
„Т-во Художеств. Печати“, Спб., Ивановская, 14

Оглавленіе № 6 см. въ концѣ „Взаимопомощи".

Къ свѣдѣнію авторовъ.

1) Присылаемыя авторами и переводчиками, непремѣнно, подъ заказными бандеролями, рукописи должны быть четко написаны (желательно на пишущей машинѣ), только на одной сторонѣ листа, съ оставленіемъ полей и нумераціей страницъ.

2) Рукописи могутъ быть измѣняемы и сокращаемы. Если авторъ не желаетъ измѣненій, то онъ долженъ упомянуть объ этомъ на самой рукописи. Въ такомъ случаѣ, если по редакціоннымъ соображеніямъ, безъ измѣненій рукопись печатаема быть не можетъ—она возвращается автору. Рукописи, менѣе 20 тысячъ буквъ, и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція не ведетъ переписки.

3) Редакція ни въ какомъ случаѣ не можетъ брать на себя обязательства за помѣщеніе статьи непремѣнно въ назначенный редакціею срокъ: это обозначеніе срока слѣдуетъ понимать лишь въ смыслѣ желанія редакціи,—если не встрѣтится какихъ-либо препятствій—помѣстить статью, приблизительно, въ теченіе указаннаго срока. Рукописи, сданныя въ наборъ, не могутъ быть требуемы авторами обратно иначе, какъ послѣ возмѣщенія стоимости набора.

4) При всѣхъ сношеніяхъ съ редакціею и конторою необходимо прилагать на отвѣтъ марку, а если прислана рукопись, то, для полученія ея обратно, нужно прислать соотвѣтственное число марокъ на отправку заказною бандеролью; въ противномъ случаѣ стоимость пересылки можетъ быть, по желанію автора, взыскиваема наложеннымъ платежемъ.

5) Каждая рукопись должна быть снабжена подписью автора или переводчика и его подробнымъ адресомъ; къ переводамъ же, кромѣ того, должны быть прилагаемы оригиналы, съ которыхъ сдѣланы переводы. Если же оригиналъ данъ редакціею, то переводчикъ непремѣнно долженъ возвращать его вмѣстѣ съ рукописью, чтобы не произошло задержекъ въ сличеніи оригинала съ переводомъ. Размѣръ присылаемыхъ статей желателенъ не болѣе ½ печатнаго листа (8 страницъ).

6) Гонораръ выдается послѣ напечатанія одинъ разъ въ мѣсяцъ; отправка денегъ на счетъ получателя. Авансы ни въ какомъ случаѣ не выдаются.

7) Переводы поступаютъ въ полную собственность издателя. То же относится и къ компилятивнымъ и переводнымъ работамъ, помѣщаемымъ въ журналѣ и приложеніяхъ къ нему съ особою нумераціею страницъ, если не было особаго письменнаго соглашенія.

Къ свѣдѣнію подписчиковъ.

1) Редакція ни какомъ случаѣ не можетъ взять на себя обязательства за сохраненіе порядка произведеній, даваемыхъ въ приложеніяхъ-журналахъ, и оставляетъ за собою право замѣнять, по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ или инымъ соображеніямъ, одно сочиненіе другимъ, приблизительно однороднымъ и равноцѣннымъ. Во всякомъ случаѣ, редакція считаетъ нужнымъ заявить, что она руководится интересами большинства подписчиковъ и разсчитываетъ на ихъ съ этой стороны довѣріе, на которое даетъ ей право опытъ прошлыхъ лѣтъ. Количество даваемаго редакціею матеріала настолько велико, что та маленькая идейная жертва меньшинства (если тутъ можетъ быть рѣчь о жертвѣ), которая вызывается необходимостью въ рѣдкихъ, впрочемъ, случаяхъ замѣны однихъ приложеній другими, будетъ врядъ ли ощутительна.

2) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 к. почтовыми марками; при перемѣнѣ городского адреса на иногородній уплачивается 1 р., а иногородняго на городской 50 к.

3) При заявленіяхъ о неполученіи № журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы необходимо прилагать адресъ бандероли, по которому высылается журналъ, или сообщить его №. Безъ этого условія наведеніе справокъ и исполненіе просьбъ очень затруднительно.

Адресъ просятъ писать четко, иначе часто совершенно невозможно исполнить просьбу подписчика. При отправкѣ денегъ въ контору редакціи, просятъ не писать на переводномъ бланкѣ ничего, кромѣ непосредственно относящагося къ назначенію посылаемыхъ денегъ. Всѣ просьбы въ редакцію и жалобы въ контору надлежитъ писать въ особомъ письмѣ, безъ чего затруднительно исполненіе просьбъ и возможны ошибки.

Общественная этика.

В. А. Поссе.

Союзъ Возрожденія.

Здоровье—одна изъ основъ счастья какъ для каждаго отдѣльнаго человѣка, такъ и для всего человѣчества.

Только здоровому человѣку доступны радость и красота жизни, только здоровому человѣку вполнѣ доступенъ разумъ или смыслъ жизни.

Жизнь—радость, красота и разумъ, если физическія и духовныя силы человѣческой природы гармонично развиваются, если воля отдѣльнаго человѣка сливается съ волей всего человѣчества, волей, направленной къ созданію свѣтлаго царства свободнаго труда, братской любви и всѣмъ доступнаго знанія, проникающаго не только въ прошлое, но и въ будущее.

Но для такой жизни человѣчество должно быть здоровымъ.

«Въ здоровомъ тѣлѣ—здоровая душа?»

Въ здоровомъ человѣчествѣ—здоровая культура, здоровый прогрессъ.

Но можно-ли назвать здоровыми современную «культуру», современный «прогрессъ»?

Убивающая духъ и тѣло нищета трудящихся массъ; развращающія духъ и тѣло праздность и роскошь «господъ»; насилія и надругательства надъ человѣческой личностью; подневольный, утомительный, «проклятый» трудъ; вмѣсто отдыха, вмѣсто удовольствій, возвышающихъ душу,—праздный разгулъ, пьянство, азартныя игры; дьявольскій кругъ преступленій и наказаній, убійствъ и казней; изобрѣтательность человѣческаго ума, подчиненная наживѣ, изобрѣтательность, создающая не столько чудеса, сколько чудовища истребленія и порабощенія человѣка человѣкомъ.

Вотъ что бьетъ въ глаза тому, кто осмысленно всматривается въ современную «жизнь» какъ у насъ, такъ и за-границей.

Но развѣ это заслуживаетъ названія жизни?

Въ какомъ-то кошмарѣ бродятъ толпы больныхъ людей, бродятъ съ злобой и завистью въ душѣ.

Сходятъ съ ума, заживо сгниваютъ отъ болѣзней разврата, въ отчаяніи сами убиваютъ себя... Растетъ число сумашествій и самоубійствъ...

Отъ солнца, источника жизни и здоровья, отъ природы, изъ зеленѣющихъ полей и лѣсовъ бѣгутъ въ подземныя шахты, въ душныя мастерскія, тѣснятся въ каменныхъ громадахъ городовъ подъ тучами чернаго отъ угля дыма-тумана.

Умираютъ отъ безработицы, когда поля истощаются отъ недостаточной обработки; умираютъ отъ голода и холода, когда склады ломятся отъ съѣстныхъ продуктовъ и одеждъ, не находящихъ покупателей. Есть отчего прійти въ отчаяніе, есть отчего сдѣлаться пессимистомъ. И въ душѣ подымается суровый вопросъ: не вырождается ли все человѣчество, не къ смерти ли ведетъ путь современнаго прогресса?

Но сознаніе не хочетъ мириться съ вырожденіемъ. И въ сознаніи тѣхъ, кто позналъ опасность и смотритъ ей въ глаза, готовый къ упорной борьбѣ,—въ этомъ сознаніи надежда на возрожденіе.

Этимъ сознаніемъ укрѣпляется воля къ жизни, воля къ здоровью. Въ больномъ организмѣ начинается возрождающая его работа разумной творческой воли, направленной къ устраненію основныхъ общественныхъ причинъ болѣзни.

Но въ то же время сознается необходимость воспитанія, если не большинства, то хотя бы меньшинства людей здоровыхъ тѣломъ и духомъ, здоровыхъ вопреки нездоровымъ общественнымъ условіямъ. Эти здоровые люди необходимы, чтобы сознаніе новой общественной жизни перешло въ дѣло.

Общечеловѣческое возрожденіе предполагаетъ предварительное возрожденіе наиболѣе сознательныхъ людей. Борьба за возрожденіе всѣхъ требуетъ борьбы за возрожденіе самого себя и своихъ дѣтей.

Необходима борьба съ элементами вырожденія въ себѣ самомъ.

Необходима безпрерывная, ежеминутная борьба съ порочными привычками, съ больной «потребностью» одурманивать, заглушать разумъ и совѣсть, заглушать спиртомъ, табакомъ, азартными играми.

И эту борьбу, какъ всякую другую, легче вести въ союзѣ, объединенными усиліями.

Мало союзовъ производительныхъ, потребительныхъ, профессіональныхъ, научныхъ и т. д., необходимы союзы здоровья физическаго и духовнаго, необходимы союзы возрожденія.

Подъ вліяніемъ тяжелыхъ впечатлѣній отъ жизни значительной части петербургскихъ интеллигентовъ, въ особенности литераторовъ, я въ одной изъ «современныхъ думъ», помѣщаемыхъ мною въ петербургской газетѣ «Слово», поставилъ вопросъ о желательности у насъ въ Россіи союза возрожденія. Въ краткихъ словахъ я намѣтилъ задачи союза и просилъ лицъ, сочувствующихъ идеѣ личнаго возрожденія, подѣлиться со мною своими соображеніями. Другія газеты я просилъ перепечатать мою небольшую замѣтку о «Союзѣ возрожденія». Газеты моей просьбы не исполнили. Только «Современное Слово» привело отрывокъ изъ моей «думы», чтобы попытаться высмѣять ее, какъ «маниловскій выходъ къ гоголевскому дню». Цѣликомъ перепечаталъ мою думу о Союзѣ возрожденія «Вѣстникъ Теософіи», одинъ изъ органовъ теософическаго общества, имѣющаго цѣлью «основать ядро международнаго братства безъ различія расы, вѣры, пола, касты и т. п.; поощрять сравнительное изученіе религій, философій и наукъ; изслѣдовать необъясненные законы природы и скрытыя силы человѣка».

Редакторъ «Вѣстника Теософіи», уважаемая А. А. Каменская, присылая мнѣ майскую книгу журнала съ перепечаткой моей замѣтки о «Союзѣ Возрожденія», пишетъ, что «редакція, которая служитъ идеѣ всемірнаго братства и одухотворенія человѣчества, не можетъ не сочувствовать каждому духовному начинанію и искреннему стремленію къ добру и истинѣ».

Привѣтъ редакціи «Вѣстника Теософіи» меня очень радуетъ, такъ какъ то религіозно-философское движеніе, которое называется теософическимъ, и въ основѣ котораго лежитъ вѣра въ совершенствованіе безсмертныхъ человѣческихъ душъ, мѣняющихъ бренныя тѣлесныя оболочки—является тоже борьбой за возрожденіе человѣческаго рода.

Меня радуетъ, что и редакторъ «Вѣстника Знанія» В. В. Битнеръ, отнесся сочувственно къ моей идеѣ, предложивъ мнѣ на страницахъ его журнала изложить задачи «Союза возрожденія» болѣе подробно, чѣмъ я могъ это сдѣлать въ газетѣ «Слово».

«Вѣстникъ Знанія» собралъ вокругъ себя обширный кругъ читателей, которые, какъ я увѣренъ, серьезно отнесутся къ идеѣ «Союза возрожденія». Изъ круга читателей «Слова» я получилъ нѣсколько серьезныхъ откликовъ, нѣсколько искреннихъ пожеланій принять дѣятельное участіе въ созданіи Союза возрожденія.

На основаніи полученныхъ мною писемъ я нѣсколько измѣнилъ проектъ организаціи Союза.

Раньше мнѣ казалось, что союзъ долженъ состоять изъ секцій борьбы съ алкоголизмомъ, борьбы съ куреніемъ табаку, борьбы съ половымъ развратомъ, борьбы съ азартными играми, и что въ началѣ доступъ въ союзъ можетъ быть открытъ каждому, сочувствующему основной цѣли его и способному быть дѣятельнымъ членомъ хотя-бы одной изъ секцій, т. е. способному воздерживаться хотя бы, напр., только отъ игры въ карты на деньги или отъ употребленія спиртныхъ напитковъ.

Теперь я думаю, что и въ началѣ каждый, вступающій въ Союзъ, долженъ быть непьющимъ, некурящимъ, неиграющимъ на деньги, не развратнымъ. Только при этомъ условіи возможна дѣйствительная этическая сплоченность, только при этомъ условіи съ перваго момента союзъ въ состояніи вести борьбу личнымъ примѣромъ. Для многихъ пьющихъ, курящихъ и т. д., но желающихъ отдѣлаться отъ этихъ привычекъ, вступленіе въ союзъ укрѣпитъ добрую волю.

Итакъ, первою задачей Союза возрожденія должно быть единеніе людей, неодурманивающихъ себя алкоголемъ или табакомъ, неразвратничающихъ въ половомъ отношеніи и непредающихся денежному азарту (игра въ карты, тотализаторъ и т. д.).

Разъяснять необходимость борьбы съ пьянствомъ—излишне, но для многихъ является спорнымъ вопросъ о вредѣ умѣреннаго употребленія спиртныхъ напитковъ, въ особенности легкихъ винъ, пива и т. д.

Существуетъ даже мнѣніе, что умѣренное употребленіе алкоголя полезно. Это мнѣніе я бы отнесъ къ вреднымъ предразсудкамъ.

Прежде всего, какъ опредѣлить «умѣренность?» Кто и какъ можетъ контролировать, гдѣ кончается умѣренное потребленіе и начинается злоупотребленіе?

Далѣе въ обширной литературѣ объ алкоголизмѣ собрано много неопровержимыхъ данныхъ, доказывающихъ что постоянное потребленіе даже самыхъ небольшихъ количествъ алкоголя дѣйствуетъ разрушающе на организмъ.

Алкоголь—ядъ, и какъ ядъ, онъ можетъ быть въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаяхъ полезенъ для борьбы съ острымъ заболѣваніемъ, какъ могутъ быть полезны опіумъ, ртутные препараты и т. д., но говорить о пользѣ постояннаго умѣреннаго употребленія алкоголя столь же неосно-

вательно, какъ говорить о пользѣ постояннаго употребленія какого-нибудь сильно дѣйствующаго яда—лѣкарства.

Ядовитое дѣйствіе алкоголя объясняется прежде всего свойствомъ его вбирать въ себя воду, вытягивая ее изъ тканей, приходящихъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Вводимый въ человѣческій организмъ, алкоголь сушитъ нервныя клѣтки и волокна человѣческаго мозга, временно нарушая или даже совершенно останавливая ихъ дѣятельность. Сначала засыхаютъ, съеживаются и замираютъ наиболѣе тонкія, наиболѣе нѣжныя клѣтки и волокна, завѣдующія способностью сужденія, затѣмъ болѣе грубыя, завѣдующія движеніемъ мускуловъ, и, наконецъ, волокна и клѣтки, завѣдующія рефлексами. Эта постепенность распространенія дѣйствія алкоголя на мозговое вещество проявляется въ различныхъ стадіяхъ опьяненія. При частыхъ отравленіяхъ алкоголемъ въ мозговыхъ клѣткахъ и волокнахъ происходитъ уже не временное, а постоянное измѣненіе; онѣ теряютъ способность функціонировать съ нормальной быстротой, отчетливостью, ясностью; онѣ быстро измѣняются, можно сказать, портятся наиболѣе тонкія, наиболѣе нужныя развѣтвлѣнія, идущія отъ нервныхъ клѣтокъ мозга, а имъ соотвѣтствуютъ наивысшія проявленія человѣческой души, человѣческаго характера.

Отравленное алкоголемъ нервное вещество (плазма) вызываетъ у хроническаго алкоголика постоянно или періодически, особенно при утомленіи, нервномъ потрясеніи, вообще при нарушеніи „душевнаго равновѣсія", непріятныя ощущенія, чувства недовольства, тоски. Чтобы заглушить ихъ, отравленный снова прибѣгаетъ къ яду-алкоголю.

Алкоголь разрушаетъ не только нервную систему,—его дѣйствіемъ объясняются многія болѣзни печени, почекъ, желудка и т. д. Онъ отравляетъ и губитъ не только того, кто пьетъ, но и его потомство. Болѣе половины ненормальныхъ дѣтей (идіотовъ, малолѣтнихъ преступниковъ и т. д.) происходятъ отъ родителей-алкоголиковъ. Какіе факты, доказывающіе пользу умѣреннаго употребленія алкоголя, могутъ противопоставить его защитники противъ данныхъ, доказывающихъ страшный вредъ, приносимый имъ?

На изготовленіе и продажу этого яда, который является однимъ изъ главныхъ виновниковъ вырожденія, человѣчество тратитъ массу силъ, массу энергіи, выражающуюся въ милліардахъ рублей.

Нѣтъ, людямъ, объединяющимся во имя возрожденія, нельзя быть снисходительными къ такому врагу, какъ алкоголь. Они должны отказаться и отъ умѣреннаго употребленія даже легкихъ винъ и пива.

Нелѣпый обычай пить опьяняющіе напитки за здоровье друзей, у членовъ союза возрожденія долженъ быть оттѣсненъ привычкой никогда ни при какихъ условіяхъ не пить спиртныхъ напитковъ.

Вредъ отъ табаку съ заключающимся въ немъ ядомъ—никотиномъ—не такъ великъ и, во всякомъ случаѣ, не такъ очевиденъ. Но несомнѣнно, что и табакъ вызываетъ болѣзнь какъ у курящихъ, такъ и у ихъ потомства.

Очевидно, что вдыхать въ легкія ядовитый дымъ вредно. Хуже всего, что курильщики заставляютъ дышать дымомъ своихъ женъ, своихъ дѣтей и вообще всѣхъ, кто самъ не куритъ, но бываетъ среди курящихъ.

О пользѣ куренія табаку не можетъ быть и рѣчи, а между тѣмъ, на изготовленіе сигаръ, папиросъ и другихъ табачныхъ продуктовъ уходитъ масса человѣческаго труда и масса здоровья. Если табакъ вредитъ курящимъ, то еще больше вредитъ онъ тѣмъ работникамъ и въ особенности работницамъ, которыхъ нужда заставляетъ работать на табачныхъ фабрикахъ.

Члены союза возрожденія не могли бы крѣпко объединиться, если бы дѣлились на курящихъ и некурящихъ. Всѣ должны быть некурильщиками, тогда имъ легко остановить отъ куренія и своихъ дѣтей.

Въ недавно вышедшихъ „Запискахъ педагога“ авторъ ихъ г. Аркадій Велскій разсказываетъ, какъ онъ отучалъ отъ куренія ученика приготовительнаго класса.

„Случайно зайдя,—пишетъ г. Велскій,—во время уроковъ въ ретирадное мѣсто, я засталъ тамъ одного мальчугана приготовительнаго класса, курящаго какой-то грязный окурокъ. Позвавъ его съ собой въ кабинетъ, я предложилъ ему сѣсть, вынулъ изъ кармана портъ-сигаръ и поднесъ ему, сказавъ:

— Курите, Иванъ Ивановичъ!

Приготовишка сидѣлъ, вытаращивъ глаза, красный, какъ кумачъ.

— Что же ты не куришь? Табакъ хорошій, здѣсь чисто, скипидаромъ не воняетъ и во всякомъ случаѣ здѣсь курить не такъ вредно, какъ тамъ, кури.

— Мнѣ нельзя...

— Почему?

— Я маленькій...

Тогда я разсказалъ ему, что такое табакъ, какое дѣйствіе производитъ онъ на организмъ, и, поговоривъ съ мальчикомъ, отпустилъ его...“

Г. Велскій, самодовольно разсказывая о своей находчивости, не замѣчаетъ, что у мальчугана противъ учителя былъ одинъ убійственный аргументъ:

— Если табакъ вреденъ, зачѣмъ же вы курите? Вы взрослый, умный, образованный, вамъ бы и не курить. Мы, мальчуганы, куримъ, подражая вамъ; намъ хочется быть похожими на взрослыхъ.

Съ виномъ и табакомъ нерѣдко соединяются азартныя игры.

Въ основѣ азартныхъ игръ лежитъ желаніе безъ труда добиться денегъ, принадлежащихъ другому, построить свое маленькое денежное счастье на несчастьѣ другого.

Впрочемъ, «счастье» везетъ въ азартныхъ играхъ обыкновенно мошенникамъ или шулерамъ.

„Сильныя ощущенія“, связанныя съ игрой на деньги, не возвышаютъ, а понижаютъ человѣка.

Сколько времени и здоровья теряется на карточныя игры, длящіяся нерѣдко цѣлыя ночи!

Противъ такого „отдыха“ Союзъ возрожденія долженъ бороться рѣшительно и безъ всякихъ компромиссовъ.

Половой развратъ нельзя ставить на одну плоскость съ алкоголизмомъ, куреніемъ табаку и азартными играми.

Половой развратъ—уклоненіе отъ удовлетворенія нормальной жизненной потребности, уничтожить которую невозможно.

Половая жизнь—основа жизни вообще, и она можетъ быть прекрасна и радостна.

Съ половымъ развратомъ слѣдуетъ бороться не во имя лицемѣрнаго аскетизма, а во имя радостей нормальной половой любви.

Воздержаніе отъ половой любви не можетъ быть цѣлью Союза возрожденія; но одною изъ его цѣлей должна быть борьба съ проституированіемъ половой жизни, съ продажей и покупкой половыхъ объятій, т. е. съ проституціей и связанной съ ней порнографіей.

Члены „Союза возрожденія“ не могутъ, конечно, посѣщать не только „домовъ терпимости“, но и тѣхъ „садовъ“ и увеселительныхъ заведеній, которые спекулируютъ на искусственное возбужденіе сладострастія и т. д.

Возрожденіе требуетъ любви свободной, ибо нѣтъ ничего непримиримѣе, какъ любовь и насиліе. Возрожденіе требуетъ любви свободной, но въ то же время с е р ь е з н о й, в ѣ р н о й, любви, чуждой фривольностей и двусмысленностей, любви ц ѣ л о м у д р е н н о й. Цѣломудріе не нару-

шается тѣлеснымъ единеніемъ, разъ это тѣлесное единеніе является слѣдствіемъ единенія духовнаго.

* * *

Чистота личной жизни должна быть фундаментомъ Союза возрожденія. Но на этомъ фундаментѣ необходимо воздвигнуть зданіе, зданіе высокое, свѣтлое, красивое.

Прежде всего Союзъ возрожденія позаботится о правильной постановкѣ образованія и воспитанія своихъ дѣтей, т. е. дѣтей лицъ, вошедшихъ въ Союзъ.

Нужны новыя школы, школы труда и возрожденія.

Въ этихъ школахъ меньше всего должно быть «классныхъ» занятій.

Учиться дѣти будутъ, работая въ образцовыхъ фермахъ, мастерскихъ, лабораторіяхъ, совершая экскурсіи, посѣщая музеи, читая совмѣстно съ своими учителями-друзьями произведенія классиковъ и т.-д. Въ основу школъ возрожденія долженъ быть положенъ трудовой принципъ. Дѣти уже съ 10-лѣтняго возраста часть времени будутъ отдавать производительному труду.

Они должны научиться работать не только головой, но и руками, должны уважать всякій полезный трудъ.

Школы возрожденія не могутъ утомлять дѣтей, и въ этихъ школахъ не нужны длинныя лѣтнія каникулы; напротивъ, лѣто даетъ возможность учиться, работая въ поляхъ и лѣсахъ.

Введеніе въ школьныя занятія физическаго труда лучше всего предупредитъ преждевременное половое развитіе и связанныя съ нимъ ненормальности.

Далѣе Союзъ позаботится о прiисканiи здоровыхъ и полезныхъ занятій и для своихъ взрослыхъ сочленовъ, входя въ тѣсную связь съ существующими кооперативными товариществами и самъ создавая таковыя.

Это одна изъ наиболѣе трудныхъ задачъ, выполнить которую Союзъ возрожденія будетъ въ состояніи, вѣроятно, не скоро. Легче организовать нормальный отдыхъ, нормальныя, полезныя, возвышающія человѣка развлеченія. Здѣсь на первомъ мѣстѣ стоятъ совмѣстныя поѣздки въ Россіи и за-границей.

Уже въ 1910 году можно бы организовать поѣздку по Европѣ для изученія кооперативныхъ учрежденій, свободныхъ школъ и другихъ учрежденій З. Европы.

Не послѣднее мѣсто займетъ и организація любительскихъ оркестровъ и хоровъ.

На собраніяхъ и съѣздахъ Союза возрожденія должны быть и рѣчи, и лекціи, и пѣніе, и музыка.

Таковы въ общихъ чертахъ задачи Союза возрожденія. Задачи эти, конечно, должны и будутъ развиваться и пополняться.

Такъ, напр., въ Союзѣ возрожденія, навѣрное, найдутся лица, которыя позаботятся о выясненіи возможности или невозможности вегетаріанства; затѣмъ несомнѣнно придется позаботиться о выработкѣ плана нормальныхъ жилищъ, о введеніи нормальной одежды, въ особенности, для женщинъ. Что касается организаціи самого Союза, то возможенъ или одинъ всероссійскій Союзъ съ отдѣленіями въ различныхъ мѣстностяхъ; или рядъ отдѣльныхъ Союзовъ, связанныхъ между собою лишь общими съѣздами. Это въ значительной степени будетъ зависѣть отъ условій легализаціи. Союзъ долженъ быть, разумѣется, легализованъ, т. е., по просту говоря, разрѣшенъ правительственной властью.

Думаю, что разрѣшенія удастся добиться, такъ какъ Союзъ не на словахъ только, а на дѣлѣ будетъ не только безпартійнымъ, но и чуждымъ какой-бы то ни было „политики“.

Что касается до матеріальныхъ средствъ, то ихъ должны дать членскіе взносы. Мнѣ казалось-бы, что каждый членъ долженъ вносить въ кассу или кассы Союза извѣстный % съ своего заработка или съ своихъ доходовъ; но всѣ члены одинаково имѣютъ право пользоваться учрежденіями и начинаніями Союза.

Убѣжденъ, что удастся преодолѣть всѣ препятствія и собрать средства, разъ за дѣло возьмутся люди энергичные, искренніе, умѣющіе всѣмъ сердцемъ любить дѣло, создаваемое совмѣстными усиліями на общую пользу.

На своихъ слабыхъ плечахъ я бы не вынесъ организаціи подобнаго Союза, но я сталъ-бы въ рядъ съ другими и пошелъ бы не отставая, на сколько хватило бы моихъ силъ.

Пусть же откликнутся всѣ, кому дорога идея возрожденія, пусть сообщатъ свои надежды и сомнѣнія, пусть соглашаются или не соглашаются, но пусть отнесутся къ моимъ словамъ также серьезно, какъ серьезно писалъ я ихъ.

Письма по поводу Союза возрожденія прошу адресовать на мое имя (Владимиръ Александровичъ Поссе) въ редакцію „Вѣстника Знанія".

Всѣ письма будутъ внимательно прочитаны, и сводка высказанныхъ въ нихъ мнѣній напечатана въ одной изъ книжекъ „Вѣстника Знанія".

В. Поссе.

Отъ Редакціи.

Помѣщая настоящую статью передовою, хотя по своему характеру и общему тону она была бы болѣе умѣстна въ отдѣлѣ „Взаимопомощь", мы хотимъ обратить вниманіе возможно большаго круга читателей на затронутую авторомъ важную тему.

Не предрѣшая вопроса о необходимости особаго Союза возрожденія, на чемъ, надо полагать, не настаиваетъ и самъ В. А. Поссе, мы считаемъ крайне важнымъ возбужденіе вопроса о духовномъ обновленіи нашего общества, находящагося въ состояніи, въ лучшемъ случаѣ, какой-то спячки, какого-то безразличія къ важнѣйшимъ задачамъ человѣческой личности, какой-то прострацiи. Если же принять во вниманіе, съ одной стороны, общеизвѣстныя уродливыя явленія нашей жизни, находящія свое выраженіе въ цѣломъ рядѣ такихъ, напримѣръ, фактовъ, какъ, возникновеніе обществъ „огарковъ", „лигъ свободной любви", успѣхъ разныхъ хиромантовъ и гадалокъ, необыкновенное развитіе клубнаго азарта, разныя хулиганскія выступленія и т. п., съ другой—всѣмъ извѣстное отсутствіе у насъ вѣры въ себя, потерю всякой иниціативы и др. проявленія общественной „усталости", даже „истощенія",—то для всѣхъ должно быть ясно, что настало, наконецъ, время подумать и объ оздоровленіи общества.

Какія принять для этого мѣры, что д ѣ л а т ь (чего н е дѣлать — это достаточно ясно сказано В. А. Поссе въ помѣщаемой выше статьѣ),—вообще, что предстоитъ предпринять обществу, въ частности читателямъ „Вѣст. Зн.", не безразличнымъ къ вопросамъ, поднятымъ нашимъ талантливымъ сотрудникомъ — все это, мы надѣемся, найдетъ свое выраженіе на страницахъ „Взаимопомощи". Просимъ читателей отнестись къ вопросу серьезно и заняться какъ обсужденіемъ его, такъ и проведеніемъ въ жизнь соотвѣтствующихъ мѣропріятій съ тою энергіею, на какую способны лучшіе представители стремящейся къ обновленію Россіи.

Редакція.

Проф. Рудольфъ Эйкенъ.

Проблема истины.

Истина и счастье кажутся человѣку непримиримыми. Стремясь къ истинѣ человѣкъ находитъ свое непосредственное бытіе слишкомъ тѣснымъ и узкимъ. Онъ хочетъ уйти отъ этой узости и, претворивъ внутреннее во внѣшнее, слиться съ жизнью вещей и безконечностью. Здѣсь, какъ ему кажется, онъ освободится отъ смутныхъ аффектовъ, отъ случайностей изолированной воли, и передъ нимъ уже встаетъ чистая, благородная, безконечная жизнь, которую даже такой сдержанный мыслитель, какъ Аристотель, называетъ божественной. Охваченный стремленіемъ къ истинѣ, человѣкъ ставитъ совершенно на задній планъ свое субъективное самочувствіе и охотно жертвуетъ имъ, гдѣ того требуетъ исканіе истины. Совсѣмъ не то при исканіи счастья. Здѣсь центръ тяжести переносится во внутренній, субъективный міръ человѣка: все то, что его волнуетъ, двигаетъ, побуждаетъ къ дѣйствію, концентрируется въ одно цѣлое. И всякое переживаніе всякая любовь, ненависть, страсть получаютъ свою оцѣнку отсюда, поскольку онѣ содѣйствуютъ счастью человѣка. Все, что уменьшаетъ счастье, отбрасывается, какъ лишній баластъ; все, что увеличиваетъ его, должно быть усилено. Такимъ образомъ, при исканіи счастья,—на первомъ планѣ—субъектъ, при исканіи истины—объектъ; тамъ—энергичная концентрація, здѣсь—безграничная экспансія, тамъ—стремительность жизненнаго аффекта, здѣсь—оттѣсненіе его. Исканіе истины съ точки зрѣнія счастья—холодно, блѣдно; стремленіе къ счастью съ точки зрѣнія истины—узко и эгоистично.

Эта противоположность отражается и въ философіи и порождаетъ два различныхъ типа мышленія. Наиболѣе осязательно воплощаютъ ее въ себѣ Августинъ и Спиноза. Пламенная жажда счастья воодушевляетъ все мышленіе Августина; только она, эта жажда, дѣлаетъ его могучимъ, способнымъ преодолѣть всѣ препятствія. Онъ хочетъ всѣмъ овладѣть, все претворить въ собственную жизнь; даже въ са́момъ, повидимому, отдаленномъ онъ видитъ лишь отношенія и связи съ субъектомъ и цѣпляется за него страстно и горячо. Все существующее для Августина непосредственно—либо добро, либо зло, день—ночь, блаженство—проклятіе. Спиноза, напротивъ, возстаетъ противъ такого подчиненія міра человѣческимъ чувствамъ и аффектамъ, считая это грубымъ искаженіемъ картины міра. Безвольное мышленіе у Спинозы—выше жизни; оно учитъ созерцать вещи sub specie aeternitatis (съ точки зрѣнія вѣчности), все обособленное объединять всеобъемлющей связью, не осмѣивать и не оплакивать совершившееся, а понимать его. Все величіе здѣсь въ томъ, чтобы уничтожить въ себѣ изолированное и воспринять безконечное.

Кто же изъ нихъ правъ, чей идеалъ долженъ быть признанъ высшимъ? съ одной стороны они слишкомъ рѣзко противорѣчатъ другъ другу, съ другой—каждый изъ нихъ требуетъ себѣ дополненія въ другомъ. Вѣдь, истина, отъ которой мы столько ждемъ, и которая стоитъ намъ столько труда и рвенья,—какимъ нибудь образомъ связана съ нашей сущностью и съ нашимъ стремленіемъ къ самосохраненію; въ противномъ случаѣ, развѣ могла бы она насъ такъ сильно возбуждать и влечь къ себѣ? А если бы счастье не преступало границъ субъекта, не расширяло нашего жизненнаго круга и не дѣлало изъ насъ чего то бóльшаго, то оно едва ли могло бы удовлетворить разумное существо. Такимъ образомъ, въ стремленіи къ истинѣ кроется глухая жажда счастья, и эта жажда не въ состояніи обойтись безъ внутренняго просвѣтленія, которое даетъ борьба за истину.

Понятіе истины принадлежитъ къ такимъ, которыя на первый взглядъ кажутся простыми, но которыя обнаруживаютъ всю свою сложность, когда подходишь къ нимъ ближе. Когда въ обыденной жизни рѣчь идетъ объ истинѣ, то все состоитъ тутъ въ томъ, чтобы сравнить наше мнѣніе, утвержденіе съ дѣйствительнымъ фактомъ; пока фактъ лежитъ въ сферѣ опыта, истина—согласованіе нашего представленія съ предметомъ (adaequatio rei et intellectus). Но надъ такимъ пониманіемъ истины человѣка подымаетъ его духовная природа, давая ему способность выдѣляться изъ сцѣпленія явленій, мыслить о мірѣ и взвѣшивать свое отношеніе къ нему. Человѣкъ строитъ свой собственный міръ мыслей, отличаетъ его отъ міра вещей и не можетъ не спросить, какъ относятся цѣлое къ цѣлому, его мышленіе о вещахъ къ собственному бытію послѣднихъ. И здѣсь-то понятіе истины, какъ оттиска дѣйствительности, какъ согласованія представленія о мірѣ съ его бытіемъ, обнаруживаетъ всю свою ложность. Матеріальный міръ, сообщаясь человѣку, поневолѣ приспособливается къ его натурѣ, его специфическимъ свойствамъ и, слѣдовательно, становится другимъ, совершенно отличнымъ отъ бытія своего въ себѣ. Невозможность одолѣть это препятствіе ощущается тѣмъ яснѣе, чѣмъ болѣе независимой дѣлаетъ прогрессирующая культура внутреннюю жизнь. Но даже, если бы вещи могли сообщаться человѣку не видоизмѣненными, то онъ не могъ бы, во всякомъ случаѣ, провѣрить соотвѣтствіе своего мышленія о мірѣ бытію послѣдняго, такъ какъ, вѣдь, онъ не можетъ стать на третью точку зрѣнія. Однако, разъ, несмотря на такую очевидную невозможность разрѣшенія, желаніе истины съ всеохватывающей силой побуждаетъ человѣка бороться, то необходимо существенное измѣненіе его отношенія къ дѣйствительности; лишь оно можетъ дать надежду достичь какъ-нибудь невозможнаго—истины. И задача философіи на протяженіи всей исторіи была направлена на уничтоженіе указаннаго выше противорѣчія (между мышленіемъ и бытіемъ); не было ни одного великаго мыслителя, который бы не пытался искать собственнаго пути въ этомъ направленіи. Да и возможность самой философіи, равно какъ ея основной характеръ, опредѣляется больше всего разрѣшеніемъ этого противорѣчія. Стремленія современности находятся подъ сильнымъ воздѣйствіемъ этихъ усилій исторической мысли; поэтому для того, чтобъ намъ оріентироваться въ нашей проблемѣ, мы прослѣдимъ въ общихъ чертахъ ея развитіе.

Для античной философіи вселенная, міръ вещей, существуетъ незыблемо и внѣ всякихъ сомнѣній. Вся духовная энергія направлена на уясненіе отношенія къ міру человѣка. Цѣль стремленій къ истинѣ здѣсь—познаніе міра, духовное постиженіе его, интеллектуальное претвореніе въ немъ. Главнѣйшія эпохи развитія греческой мысли различнымъ образомъ стремились къ этому, выработавъ въ то же время ходъ развитія мыслей, являющійся типичнымъ для всей послѣдующей исторіи. Сначала господствуетъ мысль о сродствѣ между сущностью вселенной и человѣкомъ съ его мышленіемъ; затѣмъ это сродство исчезаетъ, субъектъ

долженъ въ себѣ искать критерій истины; наконецъ, мышленію приписывается способность развить въ себѣ собственный міръ, настолько широкій, необъятный, что онъ вмѣщаетъ противоположеніе „субъектъ-объектъ".

Хотя въ классическую эпоху Платона и Аристотеля олицетвореніе міра исчезаетъ, все же наивное мышленіе, антропоморфное міровозрѣніе еще держится. Вселенная движется тѣми же силами, побужденіями, что и человѣкъ. Міръ и человѣкъ связаны внутреннимъ сродствомъ, въ силу котораго человѣкъ можетъ своимъ мышленіемъ познавать истину. Истина здѣсь—согласованіе субъекта съ объектомъ, мышленія съ бытіемъ: познаніе—не есть что либо иное, какъ развитіе сродства между вселенной и духомъ. Здѣсь человѣка охватываетъ радостная надежда проникнуть въ глубину вещей и познать жизнь самое въ себѣ. При такомъ пониманіи истины мышленіе вбираетъ въ себя нѣкоторую вещественность, получаетъ пластическую форму и приближается къ чувственному созерцанію. Научный трудъ представляетъ своего рода художественное творчество, приближеніе къ себѣ и внутреннее оживленіе вещей, претвореніе многообразія въ единство, хаоса чувственныхъ впечатлѣній въ цѣльный космосъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ—радостный подъемъ всего человѣческаго существа.

Ярко проявляется художественно пластичный характеръ мышленія у Платона; у Аристотеля, съ самостоятельностью научныхъ изслѣдованій, этотъ характеръ, правда, блѣднѣетъ, но не исчезаетъ. Тѣсная связь между жизнью человѣка и вселенной остается, и всѣ усилія направлены къ тому, чтобы превратить міръ во внутреннее сцѣпленіе цѣлей и силъ и сдѣлать его для человѣка интеллектуально—прозрачнымъ; вселенная энергично расчленяется, приводится въ строгую систему. Однако, скрытый здѣсь антропоморфизмъ не могъ долѣе остаться незамѣченнымъ. Вся эта цѣльная система должна была скоро стать невыносимой, вслѣдствіе смѣшенія мышленія и бытія, перенесенія субъективнаго въ объективное.

На новый путь вступаетъ стоическая школа... Она также не сомнѣвается въ бытіи міра, принадлежности къ нему человѣка. Но указанная выше тѣсная связь между обоими рушится; за исходную точку стоицизмъ беретъ субъектъ и отсюда стремится опредѣлить, что дѣйствительно и истинно. Масса энергіи направляется на отысканіе признаковъ, отличающихъ истинное познаніе отъ кажущагося. Изслѣдованіе не погружается тутъ въ жизнь и сущность вещей реальнаго міра, а скорѣе набрасываетъ общіе контуры цѣльнаго. Связь между философіей и отдѣльными отраслями знанія, связь характерная для Аристотеля, уничтожена, и отдѣльныя науки идутъ теперь своею дорогой. Взамѣнъ того на первый планъ выдвигается этическая задача. Этическіе вопросы получаютъ преобладающее значеніе, рѣшеніе ихъ даетъ истину; для подтвержденія послѣдней выступаетъ личность со всей своей силой воли, со своимъ героизмомъ. Но игнорируемый міръ реальныхъ вещей мститъ за себя: противорѣчіе между мышленіемъ и бытіемъ еще рѣзче выступаетъ наружу. Истина, вѣра въ нее колеблется и готова рухнуть. Скепсисъ заявляетъ свои права, сомнѣніе распространяется все больше и больше, и всякій доступъ къ истинѣ, повидимому, закрытъ человѣку совершенно.

Но вотъ опять разгорается всеохватывающее спекулятивное мышленіе, и скепсисъ преодолѣвается Плотиномъ. Внѣ мышленія нѣтъ никакого познанія. Раздвоеніе субъекта и объекта падаетъ, въ то время, какъ само мышленіе становится объектомъ познанія, и послѣднее есть не что иное, слѣдовательно, какъ самопознаніе мышленія. Цѣль изслѣдованій—анализъ мыслительной дѣятельности и претвореніе въ нее всего реальнаго міра. Такимъ образомъ, по ученію Плотина, мышленіе—субстратъ жизни и душа реальныхъ вещей. Здѣсь развивается созерцаніе вещей во внутрь, отъ цѣльнаго къ единичному, дѣйствительность одухотворяется, различныя ея сферы становятся ступенями единаго всеобъемлющаго движенія. Въ связи съ этимъ выдвигается идея о безконечности, охватывающая всѣ противоположности и объединяющая ихъ. Съ особой силой выступаетъ тутъ взаимная зависимость вещей, непрерывность жизненнаго потока,

интуитивная необходимость идеи всеобщаго единства. Съ другой стороны дѣйствительность превратилась бы здѣсь въ схему логическихъ отношеній, въ канву формъ и формулъ, если бы цѣлаго не охватывало и не одушевляло религіозное настроеніе. Благодаря послѣднему, познаніе, достигнувъ тутъ своей вершины, вдругъ превращается въ сплошное чувство, настроеніе.

Таково движеніе античной философской мысли. Всѣмъ его фазамъ обща идея о томъ, что бытіе міра не подлежитъ сомнѣнію, и всѣ усилія направлены на уясненіе отношенія къ нему человѣка. Перевѣсъ одерживаетъ здѣсь мышленіе, которому и надлежитъ руководительство жизнью. Существенно мѣняется цѣль и характеръ стремленія къ истинѣ съ христіанствомъ, помѣщающимъ въ центрѣ жизни Бога, не во внутрь міра, а надъ нимъ. Познаніе стремится теперь опредѣлить отношеніе человѣка къ Богу. Достичь этого не въ состояніи ни изслѣдованія науки, ни, вообще, способности человѣка, и только откровеніе самого Божества можетъ намъ пролить свѣтъ на эти отношенія. Не знаніе, а безусловная вѣра—путь къ истинѣ и спасенію человѣка. Вѣра къ тому же, въ противоположность знанію, доступна и понятна каждому, даже самому неразвитому уму. Содержаніе истины—великіе этическіе міровые факты: все вращается вокругъ проблемы о грѣховномъ паденіи и спасеніи, остальное является лишь обстановкой, второстепеннымъ. Знать важно лишь то, что касается Бога и души. Управляемый свободной Божественной личностью, міръ исполненъ этическихъ задачъ, которыя связываютъ человѣка съ сокровеннѣйшими глубинами дѣйствительности. Только такое этически-религіозное міропониманіе раскрываетъ человѣку глубочайшіе тайники реальныхъ вещей, являющихся образами, символами того, чему учитъ священная исторія.

Однако, понятіе вѣры, которымъ обусловливается здѣсь вся достовѣрность, заключаетъ въ себѣ противорѣчіе, грозящее въ концѣ концовъ поколебать ее. При одновременномъ существованіи двухъ сферъ, знанія и вѣры, рождается вопросъ объ ихъ отношеніи между собой. Римско-католическая церковь беретъ знаніе, какъ низшую ступень того, что достигаетъ законченности въ вѣрѣ. По этому воззрѣнію вѣра, хотя и представляетъ высшее божественное откровеніе, все же есть родъ знанія, подвергающійся систематической обработкѣ мышленія. Въ протестантизмѣ знаніе отдѣляется отъ вѣры. Послѣдняя есть актъ свободнаго рѣшенія воли отдѣльнаго лица. Вѣра не можетъ быть доказана; факты, на которыхъ она зиждется, берутся такими, каковы они на самомъ дѣлѣ—какъ историческіе. Знаніе же направляется на изученіе дѣйствительности и опирается на опытъ. Эта противоположность интеллектуалистическаго и волюнтаристическаго пониманія вѣры еще и до сихъ поръ охватываетъ умы, и, вообще, едва ли возможно тутъ примиреніе. Христіанство въ одно время хочетъ быть историческимъ фактомъ и имѣть универсальное значеніе; смотря по тому, что беретъ перевѣсъ, развивается то или другое воззрѣніе на вѣру.

Вѣра съ самаго начала пожелала стать выше знанія; оправдать свое притязаніе она могла-бы лишь доказавъ свое Божественное происхожденіе. Существуютъ ли доказательства такого рода, рѣшить можетъ только знаніе, и, такимъ образомъ, оно должно предшествовать вѣрѣ. Римскій католицизмъ пытался побороть трудность, признавъ за церковью Божественное учительское назначеніе. Но это утвержденіе само нуждается въ доказательствѣ, наталкиваясь на весьма вѣскія возраженія со стороны историческаго изслѣдованія. Во всякомъ случаѣ, окончательный отвѣтъ принадлежитъ знанію, наукѣ, и, слѣдовательно, вѣра находится въ зависимости отъ того, надъ чѣмъ она хотѣла возвыситься. Въ обыденной жизни вѣра—принятіе за истину того, что основано на традиціи и авторитетѣ. Въ противоположность этому, протестантизмъ видитъ источникъ вѣры непосредственно въ самомъ вѣрующемъ субъектѣ, которому факты религіи должны быть близки и сами по себѣ ясны. Что далеко не такъ происходитъ на дѣлѣ, въ томъ не можетъ быть въ настоящее время никакихъ сомнѣній. Фундаментомъ вѣры въ современную намъ эпоху можетъ быть лишь сочетаніе личныхъ душевныхъ переживаній и историческихъ фактовъ: психологія и

исторія должны итти рука объ руку къ одной цѣли. Между тѣмъ, изслѣдованіе, наука разбила достовѣрность внутреннихъ (душевныхъ), и внѣшнихъ (историческихъ) актовъ. Такимъ образомъ вѣра поколеблена. Она можетъ сохранять свою силу только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ человѣкъ сроднился съ религіознымъ міромъ и бытіе Бога также очевидно для него, какъ его собственное. Гдѣ подобнаго нѣтъ, тамъ вѣра теряетъ всякое значеніе, изъ надежной основы познанія истины становится трудно разрѣшимой проблемой.

Новое время стоитъ передъ сложной задачей. Религіозное міровоззрѣніе въ корнѣ поколеблено; возвращеніе къ античному пониманію невозможно, такъ какъ, благодаря христіанству, развившееся внутреннее самоуглубленіе заявляетъ свои требованія. Гдѣ же искать истину? Какой смыслъ еще можетъ имѣть это понятіе? Въ конечномъ счетѣ человѣкъ можетъ искать ее только въ себѣ самомъ. Его собственная жизнь должна имѣть глубину, онъ долженъ претворить дѣйствительность въ себѣ, въ себя, долженъ конструировать ее изнутри. Истина здѣсь—возвращеніе жизни въ свой первоисточникъ, порывъ и исканіе своей сущности, стремленіе къ независимости, самовозвышенію и творчеству, рождающему дѣйствительность, какъ цѣльное, законченное бытіе.

Мѣсто античнаго міра и христіанскаго Бога занимаетъ теперь имманентный человѣку разумъ. Разумъ строитъ міръ, все существующее должно ему подчиниться, къ нему приспособиться. Движеніе, исходящее отсюда, не терпитъ всего, что не согласуется съ его необходимостями, законами. Человѣческая дѣятельность становится теперь самостоятельной, гораздо болѣе активной, болѣе продуктивной, чѣмъ раньше, и въ то же время болѣе безпокойной, критической. Конструируя міръ, развивая реальныя вещи изъ ихъ глубочайшихъ естественныхъ основъ, она стремится также и къ господству надъ ними. Послѣднимъ опредѣляется характеръ современной науки, оно же ведетъ къ полнѣйшему обновленію человѣческаго бытія.

Это послѣдующее движеніе философской мысли можно разбить на три главныя ступени; эпоху просвѣщенія (Декартъ, Спиноза, Лейбницъ),—критической философіи (Кантъ), и — конструктивной спекуляціи (Фихте, Шеллингъ, Гегель).

За исходную точку эпоха просвѣщенія беретъ мыслящаго субъекта, разумъ съ его врожденными идеями, представляющими „вѣчныя истины“. Разумъ —источникъ всеобщей и непогрѣшимой истины. Все, что не можетъ устоять передъ его проникновеннымъ взглядомъ, отбрасывается, какъ заблужденіе. Возникаетъ раціональная культура, подвергающая строгому анализу все историческое наслѣдіе и разрушающая все, что лишено яснаго и отчетливаго разумнаго обоснованія. Разумъ потому обладаетъ такой просвѣтляющей силой, что онъ не есть нѣчто субъективное, а сливается съ міровымъ мышленіемъ: не столько мы мыслимъ, сколько мыслятъ въ насъ. И, по ученію Спинозы, мы должны освободить мышленіе отъ воздѣйствія всевозможныхъ человѣческихъ аффектовъ, цѣлей, страстей; мы должны подчиниться необходимостямъ реальнаго міра, которыя открываетъ намъ мышленіе. Одно только чистое мышленіе, лишенное аффектовъ, безвольное созерцаніе способно открыть намъ истинную глубину безконечной жизни и дать намъ полное счастье. Въ то же время мышленіе соотвѣтствуетъ внѣшнему міру, бытію. Мышленіе и бытіе представляютъ два параллельныхъ ряда, подчиненныхъ однимъ и тѣмъ же законамъ. Но тутъ мы наталкиваемся на серьезное затрудненіе въ системѣ Спинозы. Оба ряда у него неравноцѣнны: всегда одинъ подчиняется другому. Либо мышленіе—лишь отраженіе бытія, либо оно—субстратъ дѣйствительности, а бытіе—кажущееся, явленіе. Кромѣ того, невольно рождается сомнѣніе: при невозможности всякаго сравненія бытія и мышленія между собой, не является ли идея параллелизма ихъ немыслимой и содержащей противорѣчіе. Ошибка Спинозы—въ томъ, что, желая отдѣлить въ человѣкѣ міровое, космическое отъ узко-человѣческаго, онъ отождествилъ первое исключительно съ интеллектуальной дѣятельностью, совершенно игнорируя все остальное. Благодаря этому, изъ дѣйствительности реальнаго міра

у него получились бы схемы логическихъ формулъ, если бы мистически-религіозное чувство страстно не охватывало всего цѣлаго.

На новую ступень подымается исканіе истины у Канта. Здѣсь впервые становится вполнѣ яснымъ, что истина въ смыслѣ соотвѣтствія мышленія съ внѣшнимъ ему міромъ—безсмыслица. Уже не мышленіе согласуется съ бытіемъ, а бытіе воспринимается, согласно законамъ и условіямъ мышленія, согласно формамъ нашей духовной организаціи. Изъ познанія вещей истина превращается въ самопознаніе человѣческаго духа, строющаго себѣ міръ. Это самопознаніе превосходитъ все, что дали въ этомъ направленіи предшествующія эпохи; оно пріобрѣтаетъ несравненно болѣе богатое содержаніе, изслѣдуя внутреннюю структуру и сложную ткань жизни человѣческаго духа вообще. Создается новый родъ воззрѣнія; воззрѣніе трансцендентальное, изслѣдующее вопросъ о внутренней возможности познанія вообще, въ противоположность эмпирически-психологическому, изслѣдующему происхожденіе и развитіе его у отдѣльнаго человѣка.

Такимъ образомъ, ища истину, человѣкъ не можетъ выйти за предѣлы себя, субъекта; познавая, онъ не можетъ достичь той точки, гдѣ прекращается у него соприкосновеніе съ міровымъ бытіемъ, его кругъ мыслей не можетъ предъявлять притязаній всеобщности и абсолютности, такъ какъ мышленіе человѣка условно и неспособно изначально, независимо создавать. Но если этотъ переходъ отъ субъекта къ объекту глубоко принижаетъ познаніе человѣка и грозитъ низвести истину на степень чего-то относительнаго, за то мы попадаемъ въ гораздо болѣе счастливое положеніе въ сферѣ практическаго разума, въ морали; здѣсь, согласно Канту, человѣкъ въ состояніи свободно созидать, откинуть специфически-человѣческое и достичь полной истины. Послѣдній смыслъ жизни — моральный; участвуя въ немъ, человѣкъ подходитъ къ истинѣ, достигаетъ величія и красоты. Это все происходитъ благодаря не научному изслѣдованію, а внутреннему созерцанію, на подобіе вѣры, благодаря свободному признанію.

Съ Кантомъ начинается новая эра въ исканіи истины. Потерявъ связь съ внѣшнимъ міромъ, человѣкъ, взамѣнъ того, открываетъ въ себѣ собственный міръ, этическій, представляющій гораздо болѣе простую и надежную основу, чѣмъ могъ дать интеллектуализмъ до Канта.

Но въ то же время Кантъ своей системой породилъ страстное движеніе и безконечный споръ. Съ одной стороны, теоретическій разумъ, какъ училъ Кантъ, не можетъ вывести насъ за предѣлы субъекта, съ другой—мы находимъ въ практическомъ разумѣ, въ морали—средство свободно, самостоятельно создать и охватить абсолютную истину. Не есть ли эта мораль также субъективное, специфически-человѣческое, связанное? Отсюда—новые пути, стремящіеся къ единству. Мышленіе, которое Кантъ рѣзко отдѣлилъ отъ реальнаго міра, становится созидателемъ дѣйствительности, міровымъ процессомъ, рождающимъ бытіе, внутренне проникающимъ цѣлое. Начавшись съ Фихте, это движеніе получаетъ съ Гегелемъ законченную форму и высоту.

Мышленіе является здѣсь субстратомъ историческаго развитія; само изъ себя порождая противорѣчія, оно ихъ преодолѣваетъ, пока не овладѣетъ всѣмъ бытіемъ и не обнаружитъ передъ послѣднимъ абсолютную истину. Человѣкъ способенъ проникнуть въ это самораскрытіе жизни духа, освободивъ себя отъ ограниченнаго, узкаго стремленія и кругозора; тогда онъ становится причастнымъ истинѣ, и имъ овладѣваетъ гордое и радостное чувство обладанія ею. Все разнообразіе явленій объединяется единственной тканью, все обособленное принимаетъ характеръ строгой зависимости, все покоящееся, неподвижное уносится въ живомъ потокѣ, все совершающееся логически просвѣтляется и раціонализируется.

Слѣдствіемъ такого развитія философской мысли былъ необыкновенный подъемъ обобщающаго познанія, который уже не можетъ исчезнуть; но, какъ разрѣшеніе проблемы истины, философія Гегеля наткнулась скоро на противорѣчіе; она отождествила духовную жизнь человѣчества съ жизнью абсолютнаго духа и тѣмъ слишкомъ преувеличила человѣческую способность мышленія, съ чѣмъ не могъ примириться именно 19-й вѣкъ съ его возрастающимъ познаніемъ за-

висимости человѣка отъ все болѣе и болѣе вдаль уходящихъ сцѣпленій и связей. Затѣмъ, претворить дѣйствительность въ мыслительный процесъ она могла либо при помощи царства безкровныхъ мыслей и схемъ, либо, прибѣгая къ заимствованію у болѣе богатаго міра мыслей и тѣмъ покидая избранный путь. Мы знаемъ, какъ быстро рухнула вся система, рухнула потому, что мыслительный процессъ, абсолютное мышленіе не могло одержать перевѣса надъ субъектомъ, потому что субъектъ смѣло рванулъ къ себѣ это мышленіе и породилъ безграничный субъективизмъ, не признающій всеобщей и возвышающейся надъ нимъ истины.

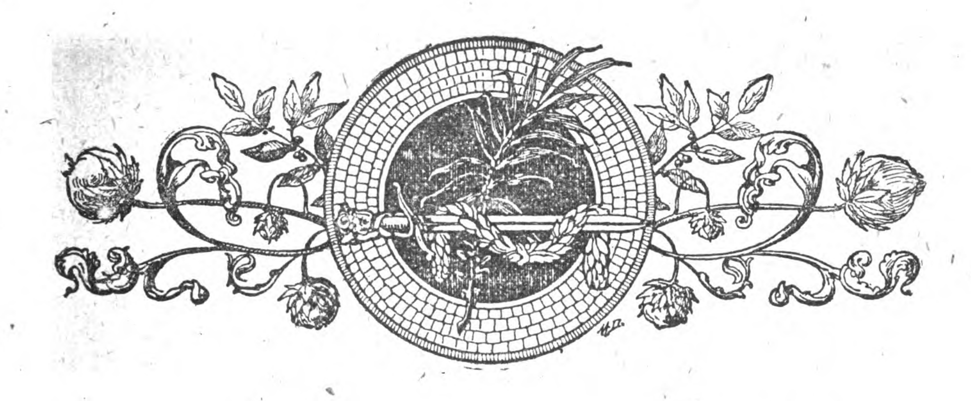
Такимъ образомъ мы находимся въ критическомъ и затруднительномъ положеніи по отношенію къ проблемѣ истины. Историческое движеніе мысли пробудило въ насъ требованія, удовлетворить которыя наша способность мышленія, повидимому, не въ состояніи, но отъ которыхъ мы все же не можемъ отказаться. Конечно, нѣтъ недостатка въ попыткахъ съузить требованія и безъ помощи метафизики искать истины. Такъ, позитивизмъ превращаетъ познаніе въ простое констатированіе, описаніе взаимныхъ отношеній вещей: прагматизмъ видитъ въ познаніи средство и орудіе человѣческаго благополучія. Однако, сознаніе, что, при всѣхъ усиліяхъ нашихъ, мы не можемъ уйти за предѣлы поверхности вещей въ ихъ глубь, въ ихъ сущность, порождаетъ въ сильной натурѣ мучительное чувство, требующее себѣ исхода. Было ли это случайностью, что О. Контъ, въ концѣ концовъ создалъ себѣ новые идеалы, что Милль, Спенсеръ чувствовали узость и недостаточность предложеннаго ими рѣшенія? Человѣкъ можетъ строить свои отношенія къ природѣ, какъ къ чему то внѣшнему, но онъ не можетъ стать въ подобныя отношенія къ другимъ людямъ, а равно и къ самому себѣ. Вмѣстѣ съ этимъ падаетъ позитивизмъ, знающій одни лишь внѣшнія отношенія.

Что касается прагматизма, то нужно отдать должную дань его стремленію, освободивъ проблему истины отъ обычной изолированности, тѣснѣе связать ее съ жизненнымъ цѣлымъ; только такая связь поможетъ надежно обосновать истину. Все дѣло въ томъ, какъ понимать эту связь. Если послѣдняя не что иное, какъ исторически сложившаяся соціальная связь, то истина должна быть подчинена, принесена въ жертву пользѣ; къ тому же, вѣдь, не соціальная связь является масштабомъ, которому мы подчиняемъ свое духовное бытіе, а, наоборотъ, въ зависимости отъ нашего духа развивается соціальный организмъ. Такимъ образомъ нужна связь другого рода, нужна высшая сфера—и мы снова попадаемъ на путь метафизики: стремленіе къ истинѣ снова становится освобожденіемъ отъ узко-человѣческаго, специфически-человѣческаго и пріобрѣтеніемъ новой, глубокой жизни. Такъ оправдывается слово Гегеля, что высоко развитый народъ безъ метафизики—словно храмъ безъ Святого Святыхъ. Только метафизику не надо понимать, какъ нѣчто праздно придуманное, вымышленное и прицѣпленное къ законченному міру, а какъ энергичное претвореніе бытія въ живую и глубокую дѣйствительность.

Такимъ образомъ мы должны вернуться къ метафизикѣ и идти путемъ, къ которому привело насъ историческое развитіе; не реальный міръ, не Богъ, не изолированныя позитивное знаніе и мораль—должны вести насъ къ истинѣ, а претвореніе процесса человѣческой жизни въ изначальную, самодѣятельную, творческую жизнь, захватывающую все дѣйствительное цѣлое. Движеніе, раскрытіе подобной жизни охватываетъ въ одно время противоположность субъекта и объекта, внутреннее и внѣшнее и даетъ намъ впервые понятіе о жизни духа, всеобщаго, всеобъемлющаго и вѣчно-двигающагося впередъ *).

---

*) Настоящая статья, при всѣхъ ея достоинствахъ, не можетъ, конечно, выражать взгляды Редакціи, или, тѣмъ менѣе, претендовать на рѣшеніе вопроса. Имѣя намѣреніе дать и другія статьи по этому предмету, мы приглашаемъ также и читателей къ выраженію своихъ взглядовъ. Особенно рады были бы мы статьямъ, трактикующимъ вопросъ въ духѣ монистическаго матеріализма. *Редакція.*

ВОСПОМИНАНІЯ.

Столичная бюрократія въ 70-хъ годахъ.

(Окончаніе).

II.

Продолжаю характеристику бюрократическаго Петербурга въ 70-хъ годахъ.

Министерство народнаго просвѣщенія, какъ уже сказано, помѣщалось хуже другихъ вѣдомствъ, въ томъ числѣ и коннозаводства. Бюджетъ его былъ самый скудный.

Даже для министра не было казеннаго помѣщенія, а это, въ приказной средѣ, явный признакъ второстепенности, вѣрнѣйшее свидѣтельство, что не тутъ кроется мощь и опора государственнаго строя. Въ наши дни прибавился новый департаментъ, а цѣлый вѣкъ довольствовались однимъ. Теперь два товарища министра, а въ оное время и одному нечего было дѣлать, и часто не знали даже, кто занимаетъ это мѣсто. Расширеніе штатовъ не означаетъ, однако, развитія просвѣтительной дѣятельности. Наша образованность, со всѣми знаніями, литературой, книгами и печатью, всегда возбуждала болѣе или менѣе сильныя сомнѣнія и вызывала сугубые надзоры или даже преобразованія въ обратную сторону, въ смыслѣ пресѣченія «тлетворнаго» вліянія разума и опасныхъ мудрствованій, не бывшихъ на предварительномъ разсмотрѣніи и утвержденіи начальства. По начальственнымъ же понятіямъ, сегодня классики влекутъ къ республикѣ, а завтра естествознаніе колеблетъ катехизисъ Филарета. Считалось, что безопаснѣе держаться подалѣе отъ древа познанія добра и зла. Чтобъ оберечь себя и свои оклады, министерству народнаго просвѣщенія чаще всего приходилось самому обращаться въ отдѣлъ «III-го отдѣленія», создавать тормазы научному развитію и споспѣшествовать мыслебоязни. Какъ извѣстно, педагоги весьма предрасположены къ рутинѣ и постепенному отупленію, отъ повторенія изъ года въ годъ одного и того-же и постояннаго принаровленія къ дѣтскому пониманію средняго уровня. Министерство народнаго просвѣщенія склонно было все общество, весь народъ, приравнивать къ низшимъ классамъ гимназіи. Соотвѣтственно этому, направлялась цензура, одобрялись или запрещались книги и повременныя изданія.

Въ «освободительное время», послѣ кратковременнаго роздыха временъ Ковалевскаго и Головина, просвѣщеніе попало въ «участковую атмосферу» гр. Д. А. Толстого, а за тѣмъ подъ незримое вліяніе побѣдоносцевскаго мракобѣсія. Всѣ вѣдомства оказались болѣе просвѣтительными, нежели министерство народнаго просвѣщенія. Особенно это справедливо по отношенію къ военному управленію Д. А. Милютина.

Открытіе училищъ безъ разрѣшенія и преподаваніе безъ диплома

были равносильны преступленію. Родители не имѣли права приглашать къ дѣтямъ учителей по своему выбору. Ихъ обязывали вѣрить лишь патентамъ просвѣтительнаго вѣдомства. Извѣстный профессоръ Ровинскій, какъ всѣ говорили, долженъ былъ держать экзаменъ на школьнаго учителя, чтобъ руководить школой въ своемъ имѣніи.

Если вникнуть во всѣ эти «мѣропріятія», то получится ясный выводъ, что въ министерствѣ народнаго просвѣщенія господствовали самые крайніе и узкіе полицейскіе взгляды и застарѣлые приказные навыки. Просвѣщаться можно было лишь контрабанднымъ путѣмъ, домашнимъ чтеніемъ, самообразованіемъ, ученіемъ за рубежемъ Россіи, или въ другихъ вѣдомствахъ, обходя подальше учрежденія, тормазы и надзоры министерства у Чернышева переулка. Но и въ другихъ вѣдомствахъ, просвѣтительные порывы были поставлены на случайную почву, въ зависимости отъ личности начальника вѣдомства и времени. Противъ реформы Милютина, поднявшаго уваженіе къ арміи и возвратившаго прежній вѣсъ военной службѣ, расточались всевозможныя обвиненія.

Въ 1869 г. бюрократическія козни нанесли первый ударъ гласности и той долѣ свободы обсужденія, которыя оживили военное вѣдомство послѣ Крымскаго погрома. Подъ предлогомъ „единства“ политики и направленія, былъ учрежденъ «Правительственный Вѣстникъ», вмѣсто «Сѣверной Почты», а «Русскій Инвалидъ» превратился въ листокъ приказовъ и скудныхъ оффиціальныхъ извѣстій. Послѣ катастрофы 1 марта, съ уходомъ Милютина, быстро пошли на убыль просвѣтительныя стремленія военнаго вѣдомства; возстановлены были кадетскіе корпуса, а маршировка и выправка предпочтены наукамъ. Тайна, отсутствіе свободы обсужденія, внѣшняя дисциплина и «все обстоитъ благополучно» снова, какъ въ дореформенное время,—признаны были главнѣйшими основами воинской мощи. Притупленные зубристикой штабные офицеры властвовали надъ умами не только арміи, но и всего народа, предпочитая гражданскія, полицейскія и административныя должности скучной вознѣ съ войсками. И опять оказалось, въ концѣ концовъ, что одерживать побѣды надъ газетами и безправными обывателями несравненно легче, нежели отражать нападеніе болѣе цивилизованнаго врага, не дремавшаго, не пятившагося отъ свѣта въ отжившую, темную старину.

Достаточно было войти въ министерство народнаго просвѣщенія, чтобы замѣтить, что въ немъ царило что-то казенное, мертвенное, чуждое новыхъ условій жизни. Чиновники облечены были въ синіе вицъ-мундиры и многіе украшались орденами даже не въ табельные дни. Справки можно было добывать только чрезъ дежурнаго. Свободное, явное общеніе съ дѣлопроизводителями было пресѣчено. Всегда надо было безпокоить высшее начальство. Свои недоумѣнія по этому поводу мнѣ удалось какъ-то передать директору департамента.

— Видите-ли, — отвѣчалъ онъ,—мы требуемъ строгаго выполненія служебнаго долга въ учебныхъ заведеніяхъ и сами не должны допускать ни малѣйшей распущенности.

Но вся эта казенщина и чопорность не мѣшали затягивать на цѣлые годы разрѣшеніе самыхъ обычныхъ ходатайствъ объ учрежденіи училищъ и не препятствовали закулиснымъ проискамъ при назначеніи на должности. Ходили недобрые слухи, будто въ иныхъ случаяхъ не обходилось безъ «хожденія съ задняго крыльца». И въ учебномъ дѣлѣ «тайна» и подавленіе свободы обсужденія считались вѣрнѣйшимъ залогомъ успѣха и благополучія. Печати, то и дѣло, запрещалось касаться гимназій и университетовъ, особенно студентовъ.

Въ 60—70 годахъ считалось неприличнымъ являться въ формѣ въ общество и въ частной жизни. На службѣ ею тяготились и облекались въ разныя „выпушки и петлички“ только въ оффиціальныхъ случаяхъ, при докладахъ министру или въ какихъ-нибудь засѣданіяхъ. Въ обще-

гражданскомъ платьѣ люди гораздо проще и привѣтливѣе. Въ частныхъ учрежденіяхъ обычная одежда нисколько не мѣшаетъ быстрой работѣ и вѣжливымъ отношеніямъ къ публикѣ. Казенныя облаченія весьма часто подстрекаютъ къ грубому обращенію и забвенію, что служба предназначена на пользу общества и частныхъ лицъ. Съ разгаромъ реакціи усилилась мундироманія. Общественныя собранія, театры, даже частные обѣды и вечера запестрѣли свѣтлыми пуговицами, цвѣтными воротниками и „статскими генералами". Чиновники, «казенные люди» обособляются, берутъ верхъ надъ простыми смертными. Это характерный признакъ возврата къ приказной старинѣ. Передъ взрывомъ современнаго «освободительнаго движенія» развилась особая любовь къ внѣшнимъ отличіямъ, къ кокардамъ, разнаго рода нагруднымъ значкамъ. Забывалась пословица, что „по одеждѣ встрѣчаютъ, по уму провожаютъ".

По мѣрѣ уклона вспять, возстановлялись и старыя язвы.

Откупа были упразднены, хозяйственные способы наживы въ полкахъ и взятки изъ судовъ исчезли. Но на смѣну явились желѣзнодорожныя концессіи, подряды, разные виды строительства, казенные заказы и совмѣстительство, захваты должностей общественныхъ и частныхъ. Концессіонеры безспорно понизили стоимость сооруженія желѣзныхъ дорогъ и выработали менѣе дорогіе пріемы управленія ими; но старыя отношенія къ казенному пирогу нашли и на этой почвѣ такіе способы наживы, о которыхъ не могли и мечтать прежніе откупщики, инженеры и интенданты. Путейцы, всѣ служащіе въ правленіяхъ и на высшихъ должностяхъ желѣзныхъ дорогъ получали оклады, во много разъ превосходившіе жалованіе чиновниковъ.

Естественно, что и они захотѣли взять свою долю въ открывшемся «золотомъ рунѣ». Одинъ начальникъ отдѣленія въ министерствѣ путей сообщенія оставилъ послѣ своей смерти болѣе четырехъ милліоновъ; черезъ его руки проходила выдача концессій. Дервизы, Меки, Поляковы, Губонины нажили десятки милліоновъ, какъ по мановенію волшебнаго жезла.

Вліятельные сановники, отъ которыхъ зависѣла выдача концессій, приглашались въ правленія или получали учредительскія акціи. Когда это было запрещено, одинъ изъ министровъ добродушно жаловался на разореніе и убытки.

— Насъ лишили гражданскихъ правъ; любой подрядчикъ можетъ заботиться о своемъ благосостояніи, а намъ запрещено. Это произволъ! — заявлялъ «пострадавшій». Въ подобныхъ случаяхъ и «сановники» вопіютъ противъ произвола. Въ возмѣщеніе этихъ сомнительныхъ потерь, ему былъ пожалованъ милліонъ изъ «негласныхъ кредитовъ». Гласное участіе въ предпріятіяхъ смѣнилось негласнымъ.

Подобныя же явленія происходили въ банкахъ и крупныхъ промышленныхъ компаніяхъ. Въ качествѣ предсѣдателей совѣтовъ и правленій являлись бывшіе или будущіе министры. Подобныя «связи» были необходимы для успѣха тѣхъ или другихъ ходатайствъ, для кредита въ государственномъ банкѣ, для полученія выгодныхъ заказовъ.

Въ Петербургѣ постоянно проживалъ представитель Круппа, въ качествѣ чрезвычайнаго посла знаменитаго германскаго заводчика. Онъ не скрывалъ, что каждый заказъ оплачивался очень щедро въ тѣхъ «комитетахъ», которые составляли и подписывали «журналы» о необходимости заграничныхъ заказовъ, хотя въ Петербургѣ былъ отличнѣйшій пушечный заводъ.

Возникали и открыто существовали различные посредничества и коммиссіонеры для составленія акціонерныхъ уставовъ, исходатайствованія необходимыхъ разрѣшеній и для облегченія переговоровъ и сближенія съ кѣмъ слѣдуетъ. Этого рода услуги оказывали и мужчины, и женщины. Помимо нихъ, долгіе годы проходили на собираніе всевозможныхъ «свѣдѣній и

заключеній» и сочинялись такіе уставы, при которыхъ двинуться было нельзя безъ самого стѣснительнаго надзора и спеціальныхъ разрѣшеній.

Учредительскіе капиталы лежали въ это время праздно или истрачивались «на хожденія» безъ всякаго успѣха. Прямая выгода побуждала платить «посредникамъ» и тѣмъ, кто за ними скрывался. «Подмазки» двигали и облегчали разрѣшеніе и обезпечивали въ нѣкоторой степени осуществленіе дѣла.

Были и теперь имѣются въ Петербургѣ лица, существованіе которыхъ представляетъ истинную загадку для непосвященныхъ. Ничего не имѣя, ничего не дѣлая, они держатъ открытый столъ, задаютъ лукуловскіе завтраки, обѣды или ужины. Ихъ «патріотическія» рѣчи раздаются во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ. Можно подумать, что не было битвы, на сушѣ и на морѣ, помимо геройскаго участія краснорѣчиваго оратора, и не возникало такого великаго дѣла, которое не было-бы обязано ему своимъ осуществленіемъ. Защита Севастополя, паденіе Плевны, спасеніе Россіи отъ пожаровъ, проведеніе великаго пути къ Великому Океану; даже укрѣпленіе благонадежности, искренней преданности Престолу, отечеству и православію,—всѣ эти заслуги принадлежатъ счастливому дѣятелю, никогда и нигдѣ не трудившемуся. Дѣйствительная служба его не шла далѣе адъютанства въ молодости и засѣданія въ старости въ какомъ-то совѣтѣ, мнѣній котораго никто никогда не спрашиваетъ. Само собою разумѣется, что непремѣнный вдохновитель юбилейныхъ обѣдовъ никогда въ сраженіяхъ не бывалъ и пороху не нюхалъ. Тѣмъ поразительнѣе, что толпы своихъ поклонниковъ онъ сумѣлъ убѣдить, что отъ его руки питаются даже знаменитые «киты», на которыхъ земля наша держится.

Однажды, въ порывѣ откровенности и въ доказательство своего умѣнья устраивать дѣла, онъ похвасталъ, что по его почину вся Россія была «поставлена на колѣни».

— Разскажите, будьте добры,—попросили его,—какъ и для чего вы это устроили?

— А вотъ какъ... Помните опасную болѣзнь... (Онъ назвалъ высокопоставленную больную). Меня возмутило, что по этому поводу нѣтъ никакихъ проявленій чувствъ и распоряженій. Ѣду къ митрополиту Исидору, въ лавру. Доложите, что по весьма спѣшному и важному дѣлу. Доложили... Подхожу подъ благословеніе и говорю... «Ваше высокопреосвященство, отъ имени прихожанъ собора почтительнѣйше прошу разрѣшить молебенъ о здравіи»... А владыка мнѣ въ отвѣтъ:—«Желаніе похвальное, но такіе молебны не могутъ состояться безъ вѣдома и особаго соизволенія»... Но со стороны епархіальнаго начальства препятствій нѣтъ?..—«Безъ сомнѣнія, нѣтъ и быть не можетъ».. Только того мнѣ и надо было. Откланялся и прямо отъ владыки на телеграфъ. Телеграфирую въ Ливадію, министру Двора: «По единодушному желанію прихожанъ и съ благословенія владыки, имѣю счастье испрашивать разрѣшеніе на молебенъ о ниспосланіи исцѣленія»... Ну, все, какъ принято излагать, въ подобныхъ случаяхъ.

На другой день приносятъ отвѣтъ: разрѣшено и благодарятъ. Я опять въ лавру. Владыка не только благословилъ, но и самъ принялъ участіе въ молебнѣ, да и Синоду сообщилъ объ этомъ.

Загудѣли колокола во всѣхъ церквахъ столицы, а по синодальному указу и по всей Россіи. Молебенъ, какъ полагается, былъ съ колѣнопреклоненіемъ. Вотъ какимъ образомъ поставилъ я Россію на колѣни; другія исповѣданія послѣдовали примѣру православныхъ...

Мы узнали отъ словоохотливаго разсказчика, что можно сдѣлать по волѣ и почину частнаго лица, когда все считается запрещеннымъ; но не слышали отъ него, что лежитъ въ основѣ подобной предпріимчивости и въ какой мѣрѣ руководитъ ею чистое, неподдѣльное чувство. Это «тайна» хлопотуновъ и посредниковъ, нуждающихся въ связяхъ.

Въ данномъ случаѣ, замѣчательно, что духовенство ждало почина отъ частнаго лица и не рѣшалось молиться безъ особого дозволенія. Таковы послѣдствія казенщины и полицейскихъ привычекъ даже въ церковныхъ и религіозныхъ дѣлахъ. На дняхъ, просматривалъ я «Исторію Екатерины Второй», В. А. Бильбасова. Описывая дѣло Мировича, вздумавшаго освободить «шлиссельбургскаго узника» (злосчастнаго Ивана Антоновича) и верховный судъ, учрежденный по этому поводу, авторъ сообщаетъ. что во время слѣдствія, духовные члены суда, изъ высшаго, правящаго духовенства, требовали подвергнуть «судимаго» пыткѣ, для допроса о сообщникахъ, которыхъ онъ не могъ назвать, ибо ихъ и не было. Большинство членовъ суда отвергло пытку. Тогда преосвященные передали въ коммиссію, вырабатывавшую «сентенцію», письменное «показательство изъ священнаго писанія объ уваженіи чести царской» и письменно-же сообщили верховному суду, что они предвидятъ, что «Мировичъ за его злодѣйство, съ сообщниками, достоинъ жесточайшей казни, слѣдственно, какая потому будетъ заключена сентенція, отъ оной не отрицаются; но поелику они духовнаго чина, то къ подписанію на смерть сентенціи приступить не могутъ».

По духовному чину, высшіе іерархи не могутъ подписывать смертные приговоры; но предупредительно подсказывать «жесточайшія казни» и требовать даже пытки сердобольные святители считаютъ умѣстнымъ. Отъ истязаній людей и жестокихъ убійствъ они «не отрицаются»; только подписи не даютъ.

Еще одно замѣчаніе изъ «былого» полтора вѣка назадъ. Когда совершилась казнь Мировича, толпа «ахнула» отъ ужаса, какъ выразился Державинъ. Двадцать два года не было казней въ Россіи (при Елизаветѣ Петровнѣ), и многіе ожидали, что Мировичъ будетъ помилованъ, тѣмъ болѣе, что къ убійству своего мужа Екатерина отнеслась иначе, отнеслась какъ къ счастливой случайности.

— «Какая отсталость»!—могутъ воскликнуть по этому поводу не смущаемые казнями истинно-озвѣрѣлые черносотенцы XX вѣка, вдохновляемые ретроградными газетами.

Чтобы дополнить картинку бюрократическаго Петербурга 70-хъ годовъ, разскажу еще одинъ эпизодъ, весьма немногимъ извѣстный.

Въ 1874 году разрабатывался проектъ коренной тюремной реформы и карательной системы вообще. Учрежденный по этому поводу особый Комитетъ засѣдалъ въ министерствѣ юстиціи, подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта Зубова.

Членами были товарищи министровъ и особо назначенные представители всѣхъ «прикосновенныхъ» вѣдомствъ. Въ основѣ работъ Комитета находились предположенія коммиссіи, состоявшей подъ предсѣдательствомъ графа Сологуба, извѣстнаго романиста.

Какъ водится издавна, члены всѣхъ комитетовъ и коммиссій засѣдаютъ и говорятъ; а журналы, опредѣленія засѣданій и проекты составляютъ дѣлопроизводители.

Въ данномъ случаѣ ихъ было три: Я. И. Утинъ, я и В. Н. Коковцовъ. Всѣ трое живы и до сихъ поръ, хотя и находятся не въ одинаковомъ положеніи и здравіи. Младшимъ изъ нихъ былъ В. Н. Коковцовъ. Онъ едва начиналъ тогда свою службу, выдаваясь своими способностями и трудолюбіемъ. Занятые другими обязанностями по службѣ, мы охотно валили на него всѣ болѣе длинныя и особенно непріятныя работы по оформленію безконечныхъ рѣчей и преній Комитета. Безъ сомнѣнія, мы поступали-бы осторожнѣе, еслибъ могли предвидѣть, что самый младшій изъ насъ, розовенькій и миловидный молодой правовѣдъ, — далеко обгонитъ самыхъ старшихъ,—въ оправданіе пророчества: «первые будутъ послѣдними, а послѣдніе первыми». Изъ всѣхъ членовъ Тюремнаго Комитета уцѣлѣлъ, до послѣднихъ дней, только Э. В. Фришъ, недавній предсѣдатель Госу-

дарственнаго Совѣта, которому суждено было открыть первую Государственную Думу; но и онъ уже отошелъ въ вѣчность...

Въ 1874 г. Э. В. Фришъ былъ въ числѣ выдающихся оберъ-прокуроровъ Сената и за однѣ «думы» о Государственной Думѣ, при его содѣйствіи, легко было угодить далече.

Конечно, наше вниманіе болѣе всего привлекалъ графъ Сологубъ, авторъ извѣстнаго «Тарантаса» и другихъ произведеній, теперь уже устарѣлыхъ. Графъ Сологубъ былъ весь въ звѣздахъ, но выглядѣлъ бариномъ и пошатывался, какъ подагрикъ; онъ очень любезно балагурилъ и острилъ, когда оффиціальная часть засѣданій не начиналась или прерывалась. Во всякомъ случаѣ, немного странно было видѣть писателя и аристократа среди бюрократовъ по ремеслу, въ качествѣ представителя министерства внутреннихъ дѣлъ, да еще около одного изъ самыхъ темныхъ дѣлъ этого вѣдомства. Но «нужда скачетъ, нужда пляшетъ». Иные представители оскудѣвшаго сословія и не до этого потомъ спустились...

Графъ Сологубъ горячо отстаивалъ свой проектъ всевозможныхъ улучшеній тюремнаго дѣла и, между прочимъ, учрежденіе новаго, полусамостоятельнаго управленія.

Съ этого, какъ водится, начинаются всѣ преобразованія; но этимъ-же весьма часто и кончаются наши благія улучшенія. Новое вино нельзя лить въ старые мѣха; но въ новыхъ мѣхахъ нерѣдко заводится старая бурда—изъ «кашинскихъ виноградниковъ».

Послѣ долгихъ обсужденій, потребность въ новомъ управленіи и въ «тюрмовѣдахъ» признана была единодушно. Но, для болѣе успѣшнаго и коренного преобразованія, рѣшено было передать тюремное дѣло въ министерство юстиціи. Всѣ признали, что надо было оторвать «исполнительное правосудіе» отъ полиціи и полицейскихъ навыковъ. Графъ Сологубъ былъ очень доволенъ; представители министерства юстиціи, финансовъ и контроля просвѣщенно привѣтствовали это рѣшеніе.

Не прошло и недѣли, какъ разнеслась вѣсть, что въ засѣданіе Комитета желаетъ пожаловать лично шефъ жандармовъ, графъ П. А. Шуваловъ. Онъ былъ тогда въ зенитѣ своего вліянія, и всѣ знали, что противорѣчій и противодѣйствій графъ не жалуетъ. Въ Комитетѣ всѣ какъ-бы подтянулись и засѣданія не начинали. Наконецъ, послышались шаги, дверь залы отворилась, всѣ встали и привѣтствовали поклономъ нежданнаго гостя. Графъ Шуваловъ былъ въ голубомъ мундирѣ, высокаго роста, блондинъ съ просѣдью, очень пріятной наружности. На лицѣ его сіяла улыбка, и все обращеніе было изысканно-вѣжливое, даже до избытка. Можетъ быть, во мнѣ говорило предубѣжденіе, но мнѣ казалось, что въ этомъ обращеніи проявлялась гордость и нѣчто кошачье. Ласковое, но съ когтями въ запасѣ.

Шефъ жандармовъ кое-кому подалъ руку, удѣлилъ другимъ два три кивка головы и мягкимъ, почти пѣвучимъ голосомъ попросилъ предсѣдателя открыть засѣданіе и выслушать нѣсколько словъ отъ него, гр. Шувалова, которыя онъ, въ качествѣ шефа жандармовъ, считаетъ долгомъ сообщить Комитету.

Всѣ усѣлись, всѣ глаза обратились къ голубому мундиру. Графъ Шуваловъ заявилъ, что ему извѣстны труды Комитета, и онъ вполнѣ имъ сочувствуетъ. Его вѣдомство, болѣе другихъ обязано заботиться объ упорядоченіи тюремнаго дѣла, чтобъ наказаніе исправляло преступниковъ, а не служило источникомъ повторительныхъ и болѣе тяжкихъ злодѣяній. Онъ вполнѣ одобряетъ намѣреніе учредить совершенно новое тюремное управленіе, но никакъ не можетъ согласиться на передачу этого дѣла въ министерство юстиціи. Очень можетъ быть, что въ теоріи такая передача и имѣла-бы основанія, но практическія соображенія заставляютъ желать оставленія тюремнаго управленія въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ. Графъ Шуваловъ надѣется, что Комитетъ не будетъ настаивать на своемъ рѣшеніи. Онъ не судебное мѣсто и можетъ измѣнять свои предположенія, принявъ во вниманіе новые доводы.

Эти доводы теперь-де извѣстны и графу Шувалову остается лишь извиниться за нѣкоторое отвлеченіе отъ очередныхъ работъ и пожелать успѣшнаго окончанія возложенной на Комитетъ важной задачи.

Затѣмъ, шефъ жандармовъ, звеня саблей и шпорами, всталъ, пожалъ руку предсѣдателю, сдѣлалъ общій поклонъ и удалился. Въ Комитетѣ царило молчаніе. Иные поглядывали на двухъ представителей III Отдѣленія, участниковъ всѣхъ работъ и постановленій Комитета; но тѣ смотрѣли по сторонамъ или перелистывали печатные журналы засѣданій.

— Такъ, какъ же будетъ угодно г.г. членамъ?—раздался голосъ предсѣдателя.

Господамъ членамъ ничего не было угодно, тѣмъ болѣе, что графъ Шуваловъ никакихъ, ни старыхъ, ни новыхъ доводовъ не излагалъ. Онъ ограничился лишь выраженіемъ своего мнѣнія и желанія.

Неловкое молчаніе прервалъ, наконецъ,—Э. В. Фришъ. Онъ сжато изложилъ доводы въ пользу прежняго рѣшенія, принятые единодушно Комитетомъ, а затѣмъ произнесъ цѣлую рѣчь, въ которой было разобрано мнѣніе гр. П. А. Шувалова. Въ заключеніи этой рѣчи оказалось, что существуетъ много основаній и въ пользу оставленія тюремнаго дѣла тамъ, гдѣ оно привыкло быть и гдѣ къ нему привыкли. Это-де дѣло не принципа, а удобства. И разъ высшее, наиболѣе компетентное въ данномъ случаѣ, вѣдомство настаиваетъ на необходимости учрежденія главного тюремнаго управленія при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, то и не слѣдуетъ противодѣйствовать этому удобству. Въ силу этихъ соображеній Э. В. Фришъ заявилъ, что онъ присоединяется къ мнѣнію графа П. А. Шувалова.

Всѣ члены Комитета вздохнули свободнѣе, посвѣтлѣли, какъ-бы говоря: «спасибо, выручилъ, голубчикъ»,—и одинъ за другимъ, въ свою очередь, присоединились къ мнѣнію графа П. А. Шувалова.

Мы, въ качествѣ дѣлопроизводителей, были тремя зрителями этой комедіи. Мы слышали сильнѣйшіе доводы и единогласное рѣшеніе въ пользу министерства юстиціи; не только слышали, но и внесли ихъ въ журналы, уже напечатанные. Теперь передъ нами произошла не менѣе единогласная метаморфоза, по мановенію болѣе властной, бюрократической руки. Представители всѣхъ вѣдомствъ, видные члены Комитета преклонились предъ жандармомъ. На клочкѣ бумаги я написалъ два слова и передалъ своимъ товарищамъ. Они прочли и улыбнулись. Два эти слова были: «Принцъ-собачка». Не помню, кому пришлось «увѣковѣчить» для архивовъ это характерное засѣданіе. Вскорѣ виновникъ «переворота», всесильный гр. Шуваловъ впалъ въ немилость и очутился посломъ въ Лондонѣ. Тюремный Комитетъ напрасно поусердствовалъ; но постановить третье рѣшенье, для возстановленія перваго, было уже неловко. Тюремное управленіе было учреждено при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и только много лѣтъ спустя перешло въ министерство юстиціи.

Печальное положеніе этого дѣла, заторможеннаго недостаткомъ средствъ, отсутствіемъ умѣлыхъ исполнителей и общимъ реакціоннымъ духомъ, хорошо извѣстно.

Была еще интересная коммиссія—объ упраздненіи чиновъ, по поводу которой много шутили въ бюрократическихъ сферахъ. Коммиссія пришла къ мудрому заключенію объ основательности той мысли, во имя которой она была учреждена. Рѣшено было упразднить чины. Затѣмъ, всѣ члены коммиссіи были награждены чинами за свои успѣшные труды и продолжали и продолжаютъ,—буде живы,—получать ихъ и до нынѣ.

Не только исторія, но и маленькія, совершавшіяся въ тиши, «исторійки»,—которыя сатирикъ называлъ: «сконапель истуаръ»,—полезны для правильной оцѣнки того, что было, что есть и чему надо быть.

Григорій Градовскій.

ГИГІЕНА.

Д-ръ А. В. Бекетовъ.

Болотная лихорадка и комары.

Болотная, или перемежающаяся лихорадка, или малярія, представляетъ одну изъ самыхъ распространенныхъ инфекціонныхъ болѣзней на всемъ земномъ шарѣ. Являясь бичемъ тропическихъ странъ, она не щадитъ и мѣстностей съ умѣреннымъ климатомъ. Ее можно встрѣтить и въ Италіи, и въ холодной Финляндіи. Благодаря маляріи, многія мѣстности остаются незаселенными. На Кавказѣ, въ Абхазіи, среди самой роскошной, но безлюдной природы можно видѣть цѣлыя кладбища русскихъ поселенцевъ, совершенно вымершихъ здѣсь въ теченіе 8—10 лѣтъ отъ маляріи. Насколько велики опустошенія, производимыя послѣдней, можно судить по слѣдующимъ даннымъ. Въ Италіи, этой классической странѣ маляріи, ежегодно заболѣваетъ до двухъ милліоновъ человѣкъ (при населеніи немногимъ болѣе 30 милліоновъ), изъ которыхъ умираетъ 20 тысячъ человѣкъ. Въ теченіе 1897 года изъ общаго контингента британскихъ войскъ въ Индіи, численностью въ 178.197 чел., было принято въ госпитали 75.821 (почти 43%) больныхъ маляріей солдатъ. Въ томъ же году изъ общей массы индійскаго населенія погибло отъ «лихорадокъ» 5.026.725 человѣкъ.

По мѣрѣ приближенія къ сѣверу какъ количество заболѣвающихъ болотной лихорадкой, такъ и злокачественность послѣдней уменьшаются,

но тѣмъ не менѣе она и тамъ продолжаетъ оставаться одной изъ несносныхъ болѣзней.

Наиболѣе опасной и часто ведущей къ смерти является тропическая форма маляріи. Въ Европейской Россіи она извѣстна уже на широтѣ Воронежа, гдѣ считается очень обыкновенной. Сѣвернѣе наблюдаются менѣе опасныя и рѣже оканчивающіяся смертью формы маляріи.

Прежде полагали, что малярія наблюдается, если не исключительно, то, главнымъ образомъ, въ болотистыхъ мѣстностяхъ, откуда собственно и произошло названіе болѣзни. Теперь извѣстно, что она можетъ встрѣчаться даже и въ гористыхъ мѣстностяхъ. Она бываетъ не только въ деревняхъ и небольшихъ городахъ, но и въ такихъ, гдѣ трудно найти незамощенный клочокъ земли.

Несмотря на такую распространенность и важность маляріи, до самаго послѣдняго времени не имѣлось точныхъ данныхъ о причинахъ ея возникновенія.

Правда, еще въ 1881 году французскій врачъ Лаверанъ нашелъ въ крови малярійныхъ больныхъ особаго паразита. Но эта находка не дала ключа къ открытію способовъ зараженія маляріей.

Если просмотрѣть всѣ учебники до половины девяностыхъ годовъ, то въ нихъ можно встрѣтить очень подробное описаніе того, гдѣ и при какихъ условіяхъ легче всего распространяется малярія, но главнаго—какъ малярійный ядъ, малярійная зараза попадаетъ въ тѣло человѣка,—не найти.

Въ нихъ описывается паразитъ Лаверана, но онъ стоитъ какъ то въ сторонѣ отъ интересующаго насъ вопроса о способахъ зараженія маляріей.

На ряду съ нимъ говорится о какихъ то гипотетическихъ міазмахъ, передающихъ человѣку болотную лихорадку. Что такое представляютъ эти выдѣляющіеся изъ почвы міазмы, и какое отношеніе они имѣютъ къ паразиту маляріи, уяснить себѣ изъ чтенія этихъ книгъ невозможно.

Такая неясность существовала вплоть до 1895 года, когда изслѣдованія профессора Ливерпульской школы тропическихъ болѣзней Рональда Росса пролили яркій свѣтъ на эту область. Изслѣдованія Росса показали, что посредникомъ въ дѣлѣ зараженія человѣка болотной лихорадкой является комаръ.

Теперь постараемся изложить сущность открытія.

Лаверановскій кровяной паразитъ принадлежитъ къ большой группѣ споровиковъ изъ отдѣла простѣйшихъ животныхъ (protozoa). Слѣдовательно, по своей организаціи онъ стоитъ выше возбудителей всѣхъ другихъ заразныхъ болѣзней—бактерій, которыя относятся къ растительнымъ формамъ.

У человѣка онъ наблюдается (при маляріи) въ трехъ разновидностяхъ, отличающихся одна отъ другой кое-какими несущественными особенностями и соотвѣтствующихъ различнымъ типамъ перемежающейся лихорадки: plasmodium praecox—вызываетъ ежедневную лихорадку, plasmodium vivax—вызываетъ трехдневную лихорадку (приступы черезъ день) и plasmodium malariae—вызываетъ четырехдневную лихорадку (приступы черезъ 2 дня). Нѣкоторые ученые, напр., Кохъ, признаютъ на ряду съ тремя описанными разновидностями, еще одну форму, соотвѣтствующую особому типу тропическихъ лихорадокъ.

Въ самой первой стадіи своего существованія совсѣмъ еще молодой, только что начинающій развиваться паразитъ представляетъ очень маленькое, круглое, прозрачное и безцвѣтное протоплазматическое тѣльце, своимъ внѣшнимъ видомъ и движеніями напоминающее амебу, снабженное ядромъ и ядрышкомъ и живущее внутри краснаго кровяного шарика (рис. 1, 2). Паразитъ растетъ въ послѣднемъ, питаясь на счетъ его

вещества. По мѣрѣ роста, движенія его становятся менѣе оживленными, а затѣмъ и почти совсѣмъ прекращаются. Паразитъ принимаетъ болѣе или менѣе шарообразную форму и заполняетъ собой въ большей или меньшей степени полость краснаго кровяного шарика (рис. 1, 6 и 7). Постепенно въ тѣлѣ паразита отлагаются черныя зернышки меланина, представляющаго собой не что иное, какъ поглощенный и переваренный паразитомъ гемоглобинъ кровяного шарика; самъ же этотъ шарикъ по мѣрѣ роста пожирающаго его паразитнаго организма все болѣе и болѣе обезцвѣчивается (вслѣдствіе потери гемоглобина) и постепенно уничтожается.

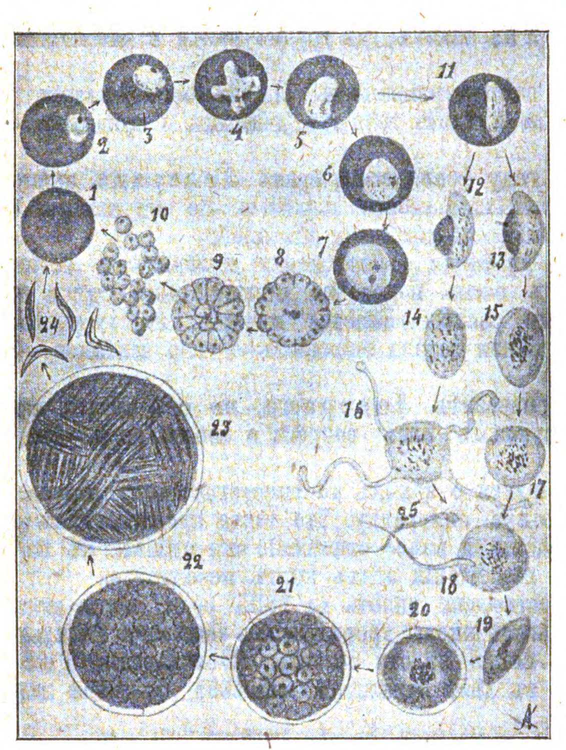

Рис. 1. Схематическое изображеніе метаморфоза Plasmodium praecox. [По Бляншару]. Сильно увеличено.

1—10 **шизогонія** (безполое развитіе).
11—24 **спорогонія** (половое развитіе).
1—свободное, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 11—содержащее паразитовъ красное кравяное тѣльце.
12—14—16—растущее тѣльце развивается въ микрогаметоцитъ (16).
13—15—17—растущее тѣльце развивается въ макрогаметъ (17).
25—бичикъ, или микрогаметъ.
18—оплодотвореніе макрогамета микрогаметомъ.
19—зиготъ, или опладатворенный макрогаметъ.
20—23—осумковавшаяся въ стѣнкѣ желудка **зигота**, размножающаяся дѣленіемъ для образованія спорозоитовъ.
24—свободные **спорозоиты**, готовые попасть въ кровь человѣка.

Поглотивъ содержимое краснаго кровяного шарика и не находя въ немъ болѣе пищи, паразитъ приступаетъ къ размноженію (безполымъ способомъ—шизогонія). При этомъ ядро его дѣлится на нѣсколько частей, на столько же частей дѣлится и протоплазма; тогда весь паразитъ превращается въ фигуру, болѣе или менѣе напоминающую розетку (рис. 1, 8 и 9), состоящую изъ различнаго числа одинаковыхъ частей — такъ называемыхъ мерозоитовъ. Эти мерозоиты затѣмъ разъединяются между собой и выходятъ наружу изъ разрушеннаго кровяного шарика въ кровяную плазму *), начиная каждый отдѣльную самостоятельную жизнь (рис. 1, 10). На счетъ плазмы они жить не могутъ, но, какъ настоящіе паразиты красныхъ кровяныхъ шариковъ, каждый изъ этихъ молодыхъ плазмодіевъ снова проникаетъ въ шарикъ и, разрушивъ его, опять приступаетъ къ размноженію такъ, какъ было описано выше. Отсюда сильное развитіе малокровія у долго страдающихъ маляріей.

Такимъ образомъ, кровь является мѣстомъ быстраго и непрестаннаго развитія паразитовъ. Когда

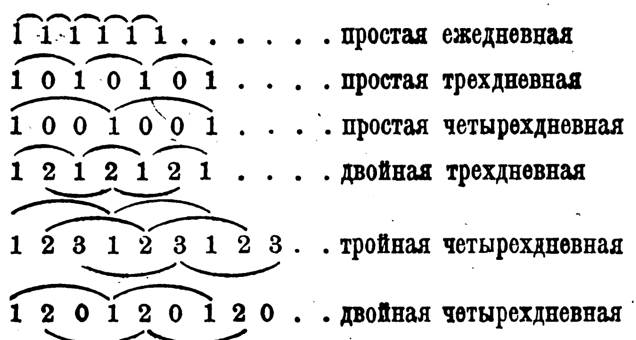
*) Какъ извѣстно, кровь состоитъ изъ безцвѣтной жидкости—плазмы съ плавающими въ ней красными и бѣлыми кровяными шариками.

они размножатся въ большомъ количествѣ, то появляется лихорадка, возобновляющаяся затѣмъ съ очень большой правильностью.

Существованіе лихорадки и правильность ея объясняются слѣдующимъ образомъ. Развитіе паразитовъ одного и того же типа лихорадки совершается всегда въ одинъ и тотъ же промежутокъ времени. Всѣ паразитмолодого поколѣнія появляются въ крови въ одно и то же время или уже въ крайнемъ случаѣ, въ очень короткій промежутокъ времени. То же самое можно сказать и о разрушеніи заключающихъ въ себѣ паразитовъ красныхъ кровяныхъ тѣлецъ. Въ послѣднихъ находятъ себѣ пріютъ живые плазмодіи, которые питаются ихъ веществомъ и выдѣляютъ вокругъ себя продукты обмѣна. Пока кровяные шарики цѣлы, эти ядовитыя вещества остаются внутри ихъ; какъ только шарики распадаются, эти вещества растворяются въ кровяной плазмѣ—и появляется лихорадка. Послѣдняя зависитъ отъ отравленія организма выдѣленіями паразитовъ: она продолжается до тѣхъ поръ, пока выдѣленія эти не будутъ удалены почками.

Такимъ образомъ припадки или приступы маляріи (ознобъ, жаръ и пр.) совпадаютъ съ размноженіемъ плазмодій и, слѣдовательно, вызываются этимъ явленіемъ въ жизни паразитовъ. Отсюда само собою понятно, что plasmodium praecox, циклъ развитія котораго отъ момента проникновенія въ красный кровяной шарикъ до распаденія послѣдняго и образованія молодыхъ плазмодій совершается въ 24 часа, вызываетъ ежедневную лихорадку, plasmodium vivax, развивающійся въ 48 часовъ,— лохорадку черезъ день (трехдневную) и plasmodium malariae, требующій для своего развитія 72 часа, — лихорадку черезъ 2 дня (четырехдневную).

Очень часто бываетъ, что въ крови находится нѣсколько поколѣній плазмодіевъ, которыя въ различное время распадаются на мерозоиты. Такъ, напримѣръ, два поколѣнія плазмодіевъ, которыя сами по себѣ вызываютъ каждый третій день лихорадку, могутъ такъ чередоваться между собою, что каждый день наступаетъ лихорадочный приступъ. Такая лихорадка носитъ названіе «двойной трехдневной». Точно также три поколѣнія плазмодіевъ четырехдневной лихорадки въ сочетаніи другъ съ другомъ могутъ дать опять таки ежедневную лихорадку, называемую въ такомъ случаѣ «тройной четырехдневной». Могутъ быть и другія болѣе сложныя комбинаціи; такъ, два поколѣнія плазмодіевъ четырехдневной лихорадки дадутъ такъ называемую «двойную четырехдневную» лихорадку (2 дня—приступъ, третій—свободный). Все это хорошо выражается слѣдующей схемой предложенной Маннабергомъ, при чемъ цифрою нуль обозначены безлихорадочные дни, цифрами 1, 2, 3—дни лихорадки, вызываемой отдѣльными поколѣніями плазмодіевъ, а скобками соединены дни приступовъ лихорадки одного и того же поколѣнія.

Разсмотрѣнное здѣсь безполое размноженіе (шизогонія) маляріинаго плазмодія является единственной формой размноженія этого паразита, которая наблюдается въ тѣлѣ

человѣка, и которая можетъ повторяться хотя и неопредѣленно долгое, но все же не безконечное время.

Послѣ цѣлаго ряда такихъ, слѣдующихъ другъ за другомъ процессовъ, раньше или позже, въ крови больного маляріей начинаютъ появляться другіе элементы серпообразной или округлой формы (рис. 1, 12, 13, 14 и 15), извѣстные подъ названіемъ гаметовъ. Въ тѣлѣ человѣка они остаются безъ измѣненія, а потому и значеніе ихъ долгое время оставалось невыясненнымъ. Только изслѣдованія военнаго врача въ Индіи Рональда Росса и профессора Римскаго университета Грасси дали возможность прослѣдить ихъ дальнѣйшую судьбу. Оказалось, что гаметы могутъ подвергаться послѣдующимъ измѣненіямъ лишь въ тѣлѣ комара, который и является распространителемъ маляріи. Эти изслѣдованія показали, что комаръ является тѣснѣйшимъ образомъ связаннымъ съ маляріей человѣка и что при отсутствіи комара самое существованіе паразита маляріи было бы немыслимымъ.

Для пониманія дальнѣйшаго изложенія намъ слѣдуетъ нѣсколько

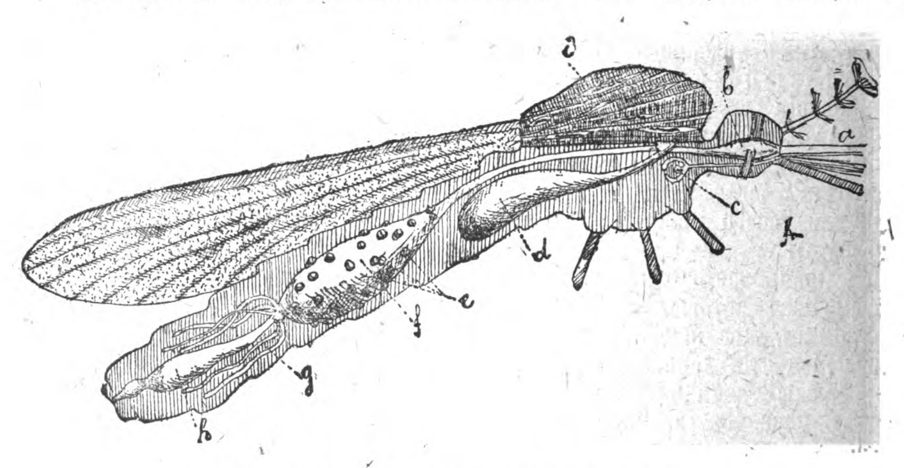

Рис. 2. Анатомія комара (По Бляншару).

a—хоботъ; *b*—ротъ; *c*—слюнная железа; *d*—зобъ; *e*—паразитныя кисть на наружной поверхности желудка; *f*—желудокъ; *g*—Мальпигіевы или мочевые канальцы; *h*—кишечникъ; *i*—грудныя мышцы.

остановиться на строеніи тѣла комара (рис. 2). Рисунокъ представляетъ продольный разрѣзъ комара. Впрочѣмъ, это только схематическая фигура. На ней хоботокъ и лапки изображены отрѣзаными недалеко отъ ихъ основанія. Пищеварительный аппаратъ представленъ цѣликомъ, такъ какъ онъ играетъ важную роль въ явленіяхъ, которыя мы будемъ излагать. Здѣсь надо обратить вниманіе на слюнную железу (*c*), хоботокъ (*a*), ротъ (*b*), желудокъ (*f*) и кишечникъ (*h*). Этихъ общихъ анотомическихъ свѣдѣній достаточно для пониманія дальнѣйшаго.

Когда комаръ кусаетъ больного, въ крови котораго содержатся малярійныя паразиты въ различныхъ стадіяхъ своего развитія, то въ желудкѣ этого насѣкомаго остаются живыми только гаметы. Другія формы паразита подвергаются перевариванію вмѣстѣ съ содержащими ихъ кровяными тѣльцами.

Вскорѣ послѣ того, какъ гаметы попадутъ съ кровью въ желудокъ комара, они принимаютъ сферическую форму и нѣкоторыя изъ нихъ, отличающіеся болѣе прозрачной протоплазмой выпускаютъ на своей поверхности до 4 длинныхъ и тонкихъ нитей (рис. 1, 16). Нѣкоторое время эта нить остается въ связи съ гаметомъ, изъ котораго выступила, а затѣмъ

совершенно отдѣляется отъ него, становясь самостоятельнымъ тѣльцемъ, называемымъ бичикомъ, или микрогаметомъ (рис. 1, 25). Гаметъ, изъ котораго эти бичики вышли, называется микрогаметоцитомъ.

Бичики перейдя въ кровь начинаютъ самостоятельную жизнь и отличаются чрезвычайной подвижностью; они собираются къ неподвижнымъ гаметамъ, съ менѣе прозрачной протоплазмой, и называемымъ макрогаметами (рис. 1, 17) и проникаютъ въ нихъ. Въ каждый макрогаметъ проникаетъ только одинъ бичикъ, микрогаметъ (рис. 1, 18). Послѣдній, составляя часть ядра микрогаметоцита, изъ котораго онъ вышелъ, проникнувъ въ протоплазму макрогамета, сливается съ ядромъ его, и такой оплодотворенный макрогаметъ получаетъ названіе зиготы (рис. 1, 19).

Такъ происходитъ оплодотвореніе однихъ элементовъ другими, и самое явленіе это, имѣющее мѣсто въ желудкѣ комара, представляетъ собою начало полового размноженія— оплодотворенія однихъ гаметовъ другими, при чемъ микрогаметоциты являются мужскими, а макрогаметы—женскими особями.

Зигота внѣдряется въ толщу желудочной стѣнки комара, увеличивается, окружается оболочкой (кистой), продолжаетъ въ ней расти дальше, затѣмъ въ концѣ концовъ подвергается въ своей кистѣ цѣлой серіи послѣдовательныхъ дѣленій (рис. 1, 20—23). Образующіяся при дѣленіи частички сперва бываютъ округленными (рис. 1, 21, 22), а затѣмъ вытягиваются въ веретено (рис. 1, 23). Между тѣмъ, кисты все болѣе и болѣе увеличиваются и образуютъ выступы на наружной сторонѣ желудка комара въ видѣ темныхъ узелковъ (рис. 2, е). Въ заключеніе тонкая оболочка кисты лопается и заключенныя въ ней тѣльца, называемыя спорозоитами (рис. 1, 24), выходятъ изъ нея и попадаютъ въ полость тѣла комара.

Такъ происходитъ половое размноженіе паразита маляріи человѣка, извѣстное подъ названіемъ спорогоніи. Она, какъ мы видѣмъ, цѣликомъ совершается въ тѣлѣ комара.

Вышедши изъ зиготы, спорозоиты странствуютъ по направленію къ слюннымъ железамъ комара (рис. 2, с) и, наконецъ, проникаютъ до ихъ выводнаго протока. Если теперь комаръ укуситъ совершенно здороваго человѣка, то онъ вмѣстѣ съ своей раздражающей слюной пуститъ ему въ кровь нѣкоторое количество спорозоитовъ, которые тотчасъ же нападутъ на красныя кровяныя тѣльца, проникнутъ внутрь ихъ, начнутъ тамъ расти и размножаться уже описаннымъ образомъ—путемъ шизогоніи (безполаго размноженія).

Такимъ образомъ, комаръ является однимъ изъ тѣхъ двухъ существъ, въ которыхъ должны совершаться всѣ стадіи превращеній малярійнаго паразита.

Слѣдовательно, въ общемъ можно сказать, что безполое размноженіе малярійнаго паразита совершается въ тѣлѣ человѣка, а половое—въ тѣлѣ комара. Послѣдній представляетъ изъ себя истиннаго хозяина паразита, тогда какъ человѣкъ является для него промежуточнымъ или временнымъ хозяиномъ.

Развитіе паразита маляріи въ тѣлѣ комара находится въ тѣснѣйшей связи съ температурой. Чѣмъ она выше, тѣмъ успѣшнѣе оно совершается. Наиболѣе благопріятною является температура 28° — 30° *C*. При ней все развитіе паразита въ тѣлѣ комара, до появленія спорозоитовъ въ слюнныхъ железахъ включительно, совершается въ теченіе 8 дней. При температурѣ болѣе низкой развитіе идетъ тѣмъ медленнѣе, чѣмъ она ниже. Предѣломъ ея можно считать 17° *C* (= 13° *R*), такъ какъ ниже этой температуры вовсе не наблюдалось образованія зиготъ въ желудкѣ комара.

Какъ долго остаются живыми въ слюнныхъ железахъ комара спорозоиты — еще въ точности неизвѣстно. Грасси доказалъ, что они не переносятъ зимняго времени и погибаютъ; слѣдовательно зимующій комаръ не содержитъ въ себѣ паразитовъ маляріи. Послѣдніе точно также погибаютъ со смертью комара. Не передаются они и потомству: яйца, личинки и куколки комара, а равно и окрыляющіеся комары никогда не содержатъ въ себѣ паразитовъ маляріи. Отсюда слѣдуетъ, что какъ человѣкъ непосредственно отъ человѣка естественнымъ путемъ, такъ и комаръ отъ комара тѣмъ же путемъ не могутъ заражаться паразитомъ маляріи.

Эти данныя приводятъ къ слѣдующему чрезвычайно важному заключенію. Въ странахъ умѣренныхъ и холодныхъ маляріиный паразитъ можетъ оставаться живымъ въ теченіе зимы лишь въ крови человѣка, страдающаго маляріей, (а не въ тѣлѣ зимующаго маляріинаго комара). Появляющіеся весной комары, какъ перезимовавшіе, такъ и вновь окрылившіеся, совершенно свободны отъ паразита. Только по мѣрѣ нападенія ихъ на больныхъ маляріей, они заражаются паразитомъ ея и становятся опасными передатчиками болѣзни. Отсюда вытекаетъ одинъ изъ самыхъ естественныхъ способовъ борьбы съ маляріей въ данной мѣстности. Стоитъ только въ теченіе зимы уничтожить въ тѣлѣ маляріиныхъ больныхъ паразитовъ или удалить такихъ больныхъ изъ этой мѣстности — и малярія должна прекратиться. Тогда не будутъ страшны и укусы комаровъ, такъ какъ комары не будутъ имѣть возможности заразиться паразитами маляріи.

Грасси дѣлалъ опыты надъ группой жителей, которые въ предшествующемъ году всѣ были одержимы маляріей. Къ концу зимы онъ назначалъ имъ методически и регулярно смѣсь сѣрно - кислаго хинина и мышьяковистой кислоты. Продолжительнымъ примѣненіемъ этого средства паразиты крови были постепенно убиты, такъ что съ наступленіемъ сезона комаровъ эти послѣдніе не могли болѣе заражаться, высасывая человѣческую кровь. Послѣ этого болотная лихорадка поневолѣ должна была исчезнуть, при томъ предположеніи, что въ среду леченаго такимъ образомъ населенія не будутъ попадать зараженные маляріей и приносить съ собой источникъ новой заразы. Результатъ этого опыта былъ замѣчательный. Даже въ самый разгаръ лихорадочнаго сезона никто не испыталъ ни одного припадка лихорадки.

Мы описали одинъ изъ методовъ борьбы съ маляріей. Нечего и говорить, что онъ не вездѣ и не всегда (напр., въ жаркихъ странахъ) примѣнимъ. Поэтому, были предложены другіе способы — уничтоженіе комаровъ и защита отъ ихъ укусовъ. Для полнаго уясненія этихъ способовъ необходимо знакомство съ жизнью комара и его размноженіемъ, но объ этомъ въ слѣдующей статьѣ...

В. А. Бекетовъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

С. А-нскій

История.

Рабочій вопросъ во Франціи въ XV—XVI столѣтіяхъ.

I.

Новѣйшія изслѣдованія по исторіи цеховыхъ организацій въ Западной Европѣ представляютъ намъ въ совершенно новомъ свѣтѣ соціальный характеръ и экономическое значеніе этихъ организацій въ послѣдніе вѣка ихъ существованія. Вмѣсто установившагося взгляда, что цехи не знали ни рѣзкаго экономическаго неравенства, ни классоваго антагонизма, выступаетъ противоположное мнѣніе, что начиная съ XIV—XV вѣка именно цехи являются очагомъ крайне обостренной борьбы между мастерами и рабочими, между капиталомъ и трудомъ.

М. М. Ковалевскій, опровергая мнѣніе, такъ называемыхъ, катедеръ-соціалистовъ, будто въ средніе вѣка «ремесленные цехи не устанавливали никакого различія между мастеромъ и работникомъ",—доказываетъ, на основаніи богатаго архивнаго матеріала, что уже въ концѣ XIII вѣка „относительно раздѣленія промышленнаго населенія не двѣ категоріи, предпринимателей и работниковъ, не можетъ быть сомнѣнія", и что всѣ запретительныя постановленія въ регламентаціи труда „были вызваны нечѣмъ инымъ, какъ желаніемъ охранить интересы хозяевъ" [1]. Не менѣе категорически высказывается авторъ по данному вопросу и въ своемъ капитальномъ трудѣ по исторіи современной демократіи.

Подобный же взглядъ на характеръ и значеніе цеховыхъ организацій въ послѣднее время ихъ существованія встрѣчаемъ мы и въ недавно появившейся книгѣ г. Озера (Hauser) „Ouvriers du temps passé" и, отчасти, въ изслѣдованіяхъ гр. д'Авнеля, по исторіи собственности, рабочей платы, хлѣбныхъ и другихъ цѣнъ съ 1200 по 1800 г. Изслѣдованіе г. Озéра, составленное на основаніи богатаго матеріала, почерпнутаго, главнымъ образомъ, изъ провинціальныхъ архивовъ, представляетъ для насъ особый интересъ потому, что оно обнимаетъ періодъ времени—конецъ XV и почти все XVI ст.,—котораго М. М. Ковалевскій касается въ своихъ трудахъ лишь мимоходомъ. Говоря о рамкахъ своего изслѣдованія, г. Озеръ пишетъ: „Если бы оказалось необходимымъ установить для изучаемаго нами періода точныя даты—мы указали бы, съ одной стороны, на 1467 г., въ которомъ былъ обнародованъ главный „ордонансъ о ре-

[1] М. М. Ковалевскій. „Развитіе народнаго хозяйства въ Западной Европѣ", стр. 71—74.

меслахъ" Людовика XI, и, съ другой стороны, на 1581 г., когда великимъ ордонансомъ Генриха III цеховая организація была распространена не все государство". Остановиться именно на этомъ періодѣ автора побудили слѣдующіе мотивы: „Въ XIII и XIV вѣкахъ Франція имѣла сравнительно однообразную и прочно установленную организацію труда. Это былъ золотой вѣкъ индустріальныхъ общинъ. Въ XVII вѣкѣ, при Кольберѣ, мы имѣемъ уже, въ окончательно установленномъ видѣ, новый корпоративный режимъ, сильно организованный и строго подчиненный государственной власти... Но періодъ, заключающійся между этими двумя эпохами, отличается совершенно особымъ интересомъ.

Въ теченіе этого переходнаго времени постепенно расшатывался режимъ индустріальныхъ и религіозныхъ общинъ времени Людовика Святого, и государство захватывало въ области экономической ту власть, которая къ XVII вѣку, сдѣлалась въ ея рукахъ абсолютной. Экономическая революція, вызванная открытіемъ Америки; соціальная революція, отмѣченная выступленіемъ буржуазіи; политическая революція, подготовившая тріумфъ королевской власти; научная и индустріальная революція, вызванная, „Возрожденіемъ"; наконецъ, сама религіозная революція—вотъ событія этого періода, вліявшія на измѣненіе условій жизни и труда рабочаго класса" [1]). Далѣе авторъ заявляетъ, что онъ приступилъ къ своему изслѣдованію, не какъ соціологъ, а какъ историкъ, и, не принадлежа ни къ одной изъ крайнихъ политическихъ партій, онъ въ своихъ изысканіяхъ „не руководствовался никакими партійными соображеніями". Тѣмъ конечно, цѣннѣе выводы, къ которымъ онъ приходитъ...

II.

Въ теченіе XIII и XIV вѣковъ организація ремесленныхъ обществъ, соотвѣтствовавшихъ стремленіямъ и нуждамъ трудящагося населенія, совершалась почти произвольно. Правительство почти не вмѣшивалось въ дѣло организаціи труда, ограничиваясь простымъ утвержденіемъ постановленій цеховыхъ администрацій.

Цеховая организація, зародившаяся въ глубинѣ среднихъ вѣковъ и имѣвшая цѣлью огражденіе интересовъ труда, постепенно теряла свой первоначальный характеръ. Уже начиная съ XIII вѣка, въ самихъ цехахъ начинаютъ все болѣе и болѣе выдѣляться два враждебныхъ другъ другу элемента: хозяева-мастера, обладатели орудій производства, и рабочіе всѣхъ разрядовъ, ничего не имѣвшіе, кромѣ рабочихъ рукъ. Къ срединѣ XV вѣка уже совершенно опредѣленно выступаетъ антагонизмъ этихъ двухъ классовъ. Организаціи, раньше одинаково охранявшія интересы и мастеровъ, и рабочихъ, переходятъ всецѣло въ руки первыхъ и становятся орудіемъ для порабощенія вторыхъ. Цехъ превращается въ наслѣдственную касту, всѣ усилія которой направлены на то, чтобы не дать рабочимъ выйти изъ состоянія эксплуатируемыхъ и чтобы какъ можно больше ихъ эксплуатировать. Съ своей стороны, и рабочіе, ясно сознавая свои интересы, начинаютъ упорную борьбу противъ мастеровъ, создаютъ свои собственныя ассоціаціи. Въ общемъ, по мнѣнію Озера, борьба между капиталомъ и трудомъ была 3—4 вѣка тому назадъ столь же острая, какъ и въ настоящее время. „Чрезвычайно увеличилась—говоритъ онъ,—не острота вопроса, а число лицъ, заинтересованныхъ въ его рѣшеніи. Хотя—прибавляетъ онъ—не слѣдуетъ слишкомъ уменьшать число рабочихъ въ XVI вѣкѣ" [2]). Это же самое говоритъ и д'Авнель: „компаньоны XV вѣка, какъ и рабочіе XIX вѣка, жаловались на эгоистическія притязанія своихъ хозяевъ. Послѣдніе, съ своей стороны, возмущались непокорностью своихъ рабочихъ. Въ XVI вѣкѣ города имѣли уже свой пролетаріатъ въ полномъ смыслѣ этого слова, пролетаріатъ, игравшій большую роль въ тогдашнихъ политическихъ и религіозныхъ распряхъ. Между 1400 и

[1]) „Ouvriers du temps passé", стр. XII—XIII.
[2]) Ib., стр. XXX.

1500 г. имѣли мѣсто конфликты, не менѣе рѣзкіе, чѣмъ въ наши дни; конфликты, при которыхъ рабочіе, вооруженные палками, кинжалами и саблями, нападали на мастеровъ и на компаньоновъ, не принимавшихъ участія въ ихъ борьбѣ. Были тогда и стачки, если не столь обширныя, то такія же серьезныя, какъ и въ наши дни. Чтобы добиться повышенія заработной платы, сокращенія рабочаго дня или улучшенія пищи, компаньоны одного города иногда, всѣ вмѣстѣ, покидали работу, уходили изъ города, бойкотировали его—и случалось, что, вслѣдствіе этого, нѣкоторые мѣстные промыслы совершенно погибали“ [1]).

Въ своей борьбѣ съ рабочими, корпораціи мастеровъ не довольствовались естественными преимуществами своего соціальнаго и экономическаго положенія и прибѣгали еще къ помощи королевской власти, которая сразу совершенно опредѣленно стала на сторону болѣе сильныхъ. „Мастера находили поддержку, въ своей борьбѣ съ рабочими, и у мѣстныхъ властей, и у городскихъ самоуправленій, и у королевской власти“. Вмѣшательство этихъ властей въ дѣло организаціи труда было направлено исключительно на то, „чтобы поддержать въ старомъ режимѣ все то, что было выгодно для мастеровъ“ [2]).

Людовикъ XI „освятилъ новый періодъ въ исторіи труда“ и намѣтилъ опредѣленный путь, по которому пошли всѣ его преемники. Вмѣшательство этого короля въ организацію труда выражалось въ томъ, что онъ, съ одной стороны, распространялъ цеховый режимъ на свободныя ремесла, а, съ другой, вводилъ въ цехи все болѣе строгую регламентацію. И то, и другое дѣлалось имъ въ интересахъ мастеровъ и по ихъ требованію. Для Людовика XI было выгодно, и въ матеріальномъ отношеніи, и въ политическомъ, идти на встрѣчу требованіямъ мастеровъ. Цеховые старшины, стоявшіе во главѣ муниципалитетовъ, фактически являлись полными хозяевами городовъ и представляли собою политическую силу, которую Людовику было очень важно имѣть на своей сторонѣ. Помимо этого, основаніе новыхъ цеховъ служило для короля источникомъ дохода: „Когда король обращаетъ какое-нибудь свободное ремесло въ цеховое—онъ этимъ открываетъ для себя новую статью дохода“. Не безвыгодна была для короля и усиленная регламентація цеховъ, такъ какъ „большая половина налоговъ и штрафовъ, уплачиваемыхъ цеховыми рабочими, шла въ королевскую казну.“ И такимъ образомъ, благодаря общности интересовъ, „съ конца XV и въ теченіе XVI вѣковъ образовалось нѣчто въ родѣ „молчаливаго союза“ между королевской властью и классомъ мастеровъ“ [3]).

Въ своемъ ордонансѣ отъ 1467 г. Людовикъ мотивировалъ свое вмѣшательство въ организацію цеховъ тѣмъ, что этого требуютъ интересы мастеровъ, потребителей, рабочихъ и государства. Что касается мастеровъ, то имъ это вмѣшательство было, за очень рѣдкими исключеніями, въ самомъ дѣлѣ очень выгодно. Для публики, для потребителей, цеховой режимъ имѣлъ и свои хорошія, и свои дурныя стороны. Что же касается рабочихъ, то для нихъ правительственная регламентація труда была во всѣхъ отношеніяхъ невыгодна. „Начиная съ XV вѣка, всѣ измѣненія, вносимыя правительствомъ въ организацію труда, происходили въ одномъ направленіи,—въ направленіи, наиболѣе неблагопріятномъ для рабочихъ. Постоянно соображаясь съ интересами мастеровъ, король никогда не думалъ и не заботился объ интересахъ рабочихъ“ [4]).

Въ своемъ покровительствѣ мастерамъ король не руководствовался разъ на всегда установленнымъ принципомъ и иногда нарушалъ въ интересахъ какой-нибудь одной корпораціи или отдѣльныхъ мастеровъ общую систему цеховой организаціи, или, какъ онъ самъ это называлъ: „расширялъ ее въ одномъ пунктѣ и

---

[1]) Vicomte d'Avenel. „Paysans et ouvriers depuis sept cent ans“, Paris, 1900, стр. 107—108.

[2]) Hauser. „Ouvriers etc“, стр. XXXVII.

[3]) Ib., стр. 2—10.

[4]) Ib., стр. 12.

суживалъ въ другомъ“. Рабочимъ строго воспрещалось заниматься работой на дому, не менѣе строго воспрещалась и „работа при свѣчахъ“—но и то, и другое разрѣшалось въ тѣхъ случаяхъ, когда этого требовали интересы отдѣльныхъ цеховъ или мастеровъ. Иногда король руководствовался въ своихъ нарушеніяхъ системы цеховой организаціи интересами общественнаго характера: при какихъ-нибудь особенно спѣшныхъ городскихъ работахъ разрѣшалось пользоваться трудомъ пришлыхъ рабочихъ, которыхъ, въ обычное время, было строго воспрещено допускать къ работѣ. Подобныя же отступленія допускались и въ тѣхъ случаяхъ, когда создавалось какое-нибудь новое мастерство или оказывалось необходимымъ способствовать быстрому развитію существующаго.

Король мало церемонился съ цеховыми статутами, когда нарушеніе ихъ обѣщало ему какія-нибудь выгоды. Такъ онъ самъ, помимо цеховъ, выдавалъ за опредѣленную плату „мастерскіе дипломы“ („Maître es lettres“) рабочимъ, которые не держали экзамена и даже не были компаньонами. Существовалъ особый классъ „дворцовыхъ рабочихъ“, пользовавшихся различными привилегіями. Вообще, въ тѣхъ случаяхъ, когда работа производилась для „двора“ или даже просто для „знатныхъ и благородныхъ лицъ“, цеховые статуты теряли всякую силу и значеніе. Помимо этого, отъ цеховой регламентаціи были освобождены, такъ называемые, „луврскіе рабочіе“, состоявшіе почти исключительно изъ артистовъ: художниковъ, скульпторовъ, граверовъ и др. Король, по своему личному усмотрѣнію, освобождалъ отъ обязательнаго экзамена и платежей такихъ рабочихъ, которые выдѣлялись какими-нибудь талантами, изобрѣтеніями и т. д.

III.

Какова была организація труда во Франціи въ теченіи XV—XVI в.?

Г. Озеръ, въ своемъ изслѣдованіи категорически возстаетъ противъ установившагося мнѣнія, что въ XVI в. цехи были общимъ явленіемъ, а свободныя ремесла—исключеніемъ. „Красиво составленные ордонансы и статуты,—пишетъ онъ,—настолько поразили воображеніе изслѣдователей, что они приняли за реальную дѣйствительность то, что существовало лишь на бумагѣ, въ видѣ желаній правительства и мастеровъ. Составляя свои изслѣдованія почти исключительно по документамъ парижскихъ архивовъ, изслѣдователи эти обобщали для всей Франціи режимъ парижскихъ ремеслъ, упуская при этомъ изъ вида, что Парижъ, гдѣ королевская власть постоянно находилась на лицо, и гдѣ, съ XVI в., муниципалитетъ не пользовался ни малѣйшей автономіей, — находился въ совершенно исключительныхъ условіяхъ. Правительство, правда, добивалось повсемѣстнаго введенія цеховой организаціи „по образцу города Парижа“, но эти старанія, бо̀льшей частью, оставались безуспѣшными... По словамъ писателя XVI вѣка (Loyseau) „до ордонанса 1581 г. въ большей части городовъ и почти во всѣхъ селахъ Франціи трудъ былъ свободенъ“. Типичнымъ примѣромъ можетъ служить въ данномъ случаѣ городъ Ліонъ, въ то время не второй, а первый коммерческій и индустріальный городъ который до XVII в. не имѣлъ цеховой организаціи“ [1]). Въ общемъ, во Франціи въ XVI в. „свободный трудъ былъ общимъ явленіемъ, а цеховой—исключеніемъ“ [2]).

Свободныя ремесла не знали никакихъ обязательныхъ іерархій, не были обставлены никакими регламентами. Всякій рабочій имѣлъ право въ какихъ угодно размѣрахъ заниматься своимъ мастерствомъ, не сдавая никакихъ экзаменовъ, не спрашивая ничьихъ разрѣшеній. Единственная власть, которую знали свободныя ремесла, были муниципальные инспектора.

Цеховая организація, напротивъ, была всецѣло основана на іерархическихъ началахъ и обставлена цѣлой сѣтью ограниченій. На низшей ступени іерархической лѣстницы стоялъ ученикъ, который отдавался родителями, опеку-

---

1) Ib., стр. 111—112.
2) Ib., стр. XXIX.

нами или благотворительными обществами мастеру въ обученіе на опредѣленное число лѣтъ (отъ 2 до 7, всего чаще на 5 лѣтъ). Въ большинствѣ ремеслъ мастеръ имѣлъ право держать лишь ограниченное число учениковъ, большей частью—двухъ, иногда даже только одного.

Положеніе ученика было крайне незавидное. Хозяинъ-мастеръ распоряжался имъ неограниченно. Онъ имѣлъ право примѣнять къ нему какія угодно „мѣры исправленія“ и „мѣры наказанія“, лишь бы онѣ не влекли за собою увѣчій; онъ имѣлъ право, съ разрѣшенія цеховыхъ старшинъ, передать его другому мастеру. Обученіемъ ученика мастерству занимались обыкновенно не хозяева, а подмастерья. Послѣдніе не могли относиться особенно дружелюбно къ ученику, въ которомъ видѣли въ будущемъ—конкурента, а въ настоящемъ—орудіе въ рукахъ мастера въ его борьбѣ съ рабочими. Неудивительно, поэтому, что побѣги учениковъ были въ то время очень часты. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что въ свободныхъ ремеслахъ положеніе ученика, попадавшаго не въ семью мастера, а въ мастерскую, было еще безотраднѣе.

По окончаніи условленнаго срока обученія, ученикъ становился „компаньономъ“. Для полученія этого званія, ученикъ долженъ былъ имѣть отъ своего мастера-учителя свидѣтельство о знаніи мастерства, о хорошемъ поведеніи и о томъ, что онъ, мастеръ, остался имъ доволенъ.

„Компаньонъ“ былъ частнымъ рабочимъ, но далеко не свободнымъ. Онъ не имѣлъ права ни самостоятельно работать, ни оставаться безъ хозяина, ни даже выбирать по собственному желанію хозяина. До 1581 г. компаньонъ имѣлъ право работать только въ томъ городѣ, гдѣ онъ обучался мастерству. Для полученія званія мастера, компаньонъ обязанъ былъ оставаться опредѣленное число лѣтъ подмастерьемъ. Упомянутый выше Loyseau пишетъ: „Орданансъ требуетъ, чтобы ученикъ оставался у одного и того же хозяина три года... Потомъ онъ становится компаньономъ, можетъ быть принятымъ въ мастера“ [1]). Впрочемъ, не всюду и не во всѣхъ ремеслахъ былъ обязателенъ трехлѣтній срокъ „компаньонства“.

Мастеръ имѣлъ право держать, помимо своихъ дѣтей и родныхъ, ограниченное число компаньоновъ (отъ 2 до 6), смотря по ремеслу. Мастеръ, у котораго оказывалось однимъ или нѣсколькими компаньонами больше установленной регламентомъ нормы, обязанъ былъ передать ихъ товарищу, имѣвшему меньше нормы, и послѣдній обязанъ былъ ихъ принять.

По отбытіи обязательнаго срока компаньонства, подмастерье, для вступленія въ корпорацію мастеровъ, долженъ былъ, въ видѣ экзамена, сдѣлать по своему мастерству работу или вещь—(„chef d'oeuvre“), внести въ кассу цеха вступительный взносъ („droits d'entrée“), уплатить налогъ въ пользу казны, устроить банкетъ для цеховыхъ старшинъ и т. д. Если послѣ всѣхъ этихъ расходовъ и платежей у компаньона остались еще средства для устройства собственной мастерской,—онъ переходилъ въ разрядъ мастеровъ.

Компаньоны составляли лишь небольшую часть рабочаго класса того времени. Они образовывали собою нѣчто въ родѣ „ядра“, вокругъ котораго группировалась большая, неорганизованная и неустойчивая масса рабочихъ различныхъ категорій.

Надо замѣтить, что и компаньоны были не всѣ одной категоріи. Рядомъ съ окончившими учениками, добивающимися званія мастера, были и такіе, которые по недостатку средствъ или другимъ причинамъ, принуждены были всю жизнь оставаться наемными рабочими. Было не мало компаньоновъ и изъ разорившихся мастеровъ. И чѣмъ строже становилась цеховая регламентація, чѣмъ сложнѣе становился процессъ производства, тѣмъ все болѣе и болѣе увеличивалось и число этихъ безсрочныхъ „компаньоновъ“.

За компаньонами слѣдовала другая большая категорія рабочихъ „поденщиковъ“ („manoeuvres“). Это были рабочіе, которые не нашли мѣста или не

[1]) Ib., стр. 49.

могли ужиться въ тѣсныхъ рамкахъ цехового режима. За ними шла еще одна категорія „базарныхъ рабочихъ“ („ouvriers de foire“), состоявшая главнымъ образомъ изъ пришлыхъ или иностранцевъ, которые оффиціально не имѣли права работать въ чужомъ городѣ ни отъ хозяина, ни самостоятельно. И вотъ, вся эта масса рабочихъ, голодныхъ, безправныхъ, гонимыхъ съ мѣста на мѣсто составляла, выражаясь метафорически, „туманный хвостъ“ къ основному „ядру“ рабочаго класса, компаньонамъ. Продавая свой трудъ крайне дешево или занимаясь „тайной работой“, эти „полурабочіе“ выступали конкурентами то компаньоновъ, то мастеровъ и жестоко преслѣдовались и тѣми, и другими, а всего больше правительствомъ.

Далеко не однородную массу представляла собою и корпорація мастеровъ. Благодаря систематической капитализаціи ремеслъ, часть мастеровъ начинаетъ спекулировать то своими капиталами, то своими привилегіями. Въ одномъ мѣстѣ, напримѣръ, цирюльникъ отдаетъ компаньону въ аренду свою лавочку и свои права. Въ другомъ мѣстѣ цѣлыя общины отдаютъ единичнымъ лицамъ или общинамъ же свои права и привилегіи въ аренду. Въ суконномъ производствѣ выдѣляются мастера двухъ типовъ: одни работаютъ, а другіе („drapiers-drapants“) доставляютъ имъ заказы и матеріалы, а сами не работаютъ. „Эти послѣдніе,—говоритъ Озеръ,—представляли собою положительно акціонерныя компаніи, которыя снабжали рабочихъ деньгами, занимались покупкою матеріаловъ и сбытомъ товара. То же самое встрѣчаемъ мы и въ шелковомъ производствѣ въ Тулузѣ и (въ концѣ XVI в.) въ типографскомъ дѣлѣ“ [1]).

IV.

Цехи находились всецѣло въ рукахъ мастеровъ. Они составляли цеховые статуты; изъ ихъ среды выбирались старшины для завѣдыванія дѣлами корпораціи. Эти привилегіи обходились мастерамъ не дешево. „Чтобы получить право на профессіональную монополію,—пишетъ М. М. Ковалевскій,—цехъ долженъ былъ быть признанъ непосредственно государствомъ. Признаніе влекло за собою очень крупныя издержки; цехъ обязывался дѣлать ежегодно королю опредѣленные взносы“, которые король „отдавалъ на откупъ... и даже надѣлялъ ими на правахъ феодальнаго пожалованія“ [2]).

Цеховые статуты, составленные мастерами и подтвержденные королевскимъ ордонансами XV и XVI вв., имѣли опредѣленныя тенденція классоваго характера. Но рядомъ съ этимъ въ нихъ систематически преслѣдовалась и другая цѣль—строгое уравненіе условій конкуренціи между мастерами одного цеха, недопущеніе ничего такого, что могло бы дать одному члену преимущество передъ другими. Въ виду этого статуты и ордонансы постоянно ограничивали, обуздывали всякія индивидуальныя стремленія членовъ корпораціи къ наживѣ на почвѣ конкуренціи съ товарищами. Цеховой регламентъ строго ограничиваетъ число учениковъ и рабочихъ, трудомъ которыхъ одинъ мастеръ имѣетъ право пользоваться. „Въ ту эпоху, когда человѣческая энергія была главнымъ орудіемъ индустріальнаго производства, мастеръ, которому удалось бы захватить въ свои руки большее количество „человѣческаго капитала“, получилъ бы убійственное превосходство надъ своими товарищами“ [3]). „Цеховые статуты сознательно стремятся къ тому, чтобы обезпечить мастерамъ возможность закупки сырья по одинаково низкой цѣнѣ... и настаиваютъ на томъ, чтобы каждый ремесленникъ не занималъ своимъ товаромъ болѣе одного прилавка, т. е. былъ бы поставленъ въ одинаковыя условія съ товарищами въ дѣлѣ отчужденія своихъ мануфактуръ“ [4]).

---

[1]) Ib. стр. 76.
[2]) „Развитіе народнаго хозяйства etc“, стр. 68.
[3]) „Ouvriers etc“, стр. 60.
[4]) М. М. Ковалевскій „Происхожденіе современной демократіи“. Томъ I, стр. 213.

Ограничивая, съ одной стороны, индивидуальныя стремленія своихъ членовъ къ наживѣ, цехи, съ другой стороны, употребляли всяческія усилія монополизировать все производство страны путемъ распространенія цеховой организаціи на всѣ города и всѣ ремесла. Подобная монополія была въ высшей степени важна для мастеровъ въ ихъ борьбѣ съ рабочими. „Если бы рабочіе, трудъ которыхъ плохо оплачивался, могли найти внѣ цеховъ болѣе высокій заработокъ по другому мастерству въ томъ же городѣ или по своему мастерству въ другомъ городѣ, рухнула бы вся система. Въ силу закона спроса и предложенія недостатокъ рабочихъ рукъ неминуемо привелъ бы къ повышенію заработной платы въ цеховыхъ городахъ и ремеслахъ" [1]). И правительство, повинуясь настоятельнымъ требованіямъ мастеровъ, издаетъ одинъ за другимъ десятки ордонансовъ о подчиненіи не-цеховыхъ городовъ и свободныхъ ремеслъ цеховому режиму.

Помимо свободныхъ ремеслъ, цехи имѣли еще серьезныхъ конкурентовъ въ лицѣ рабочихъ, тайно занимавшихся самостоятельной работой на кліентовъ, такъ наз., „фальшивыхъ рабочихъ" («faux ouvriers»). Эти „фальшивые рабочіе", свободные отъ всякихъ платежей, конечно, могли работать гораздо дешевле цеховыхъ мастеровъ и составляли послѣднимъ сильную конкуренцію. За то же они и преслѣдовались жестоко, и цехами и правительствомъ. Ни ученикъ, ни рабочій не имѣли права, безъ приказа мастера, заходить къ кліенту. Рабочему воспрещалось брать на домъ даже хозяйскую работу, чтобы подъ ея прикрытіемъ не заниматься самостоятельной работой. Людовикъ XI издалъ цѣлый рядъ ордонансовъ противъ „работы на дому". Чтобы сдѣлать ее невозможной „запрещалось рабочимъ держать на дому инструменты ихъ ремесла", часто „подъ страхомъ конфискаціи, лишенія свободы и тѣлеснаго наказанія" [2]). Несмотря, однако, на эти преслѣдованія и строгости, „фальшивая", тайная работа процвѣтала и, что особенно характерно, поддерживалась самими мастерами, которые, тайно другъ отъ друга, пользовались дешевымъ трудомъ „фальшивыхъ рабочихъ".

Стремясь подчинить регламенту всѣхъ своихъ тайныхъ и явныхъ конкурентовъ, цехъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, настойчиво добивался возможно большаго ограниченія числа мастеровъ, такъ какъ выгоды каждаго мастера были обратно пропорціональны числу членовъ цеха.

Полученіе степени мастера для рабочаго становилось съ каждымъ годомъ все труднѣе и труднѣе. Техника производства постоянно совершенствовалась; создавались новыя отрасли индустріи съ чисто механическимъ производствомъ (типографская, шелководство и др.). Для открытія мастерской требовалась все болѣе крупная сумма денегъ. Съ другой стороны, и мастера употребляли всѣ усилія, чтобы не допускать компаньоновъ въ разрядъ мастеровъ. Старшины-экзаменаторы были до крайности строги и придирчивы, требовали, чтобы „шедевръ" былъ сдѣланъ изъ самаго лучшаго матеріала и съ такой тщательностью, что на его производство требовались недѣли, мѣсяцы и даже годы. „Не разъ,—пишетъ М. Ковалевскій,—парижскому превоту купцовъ приходилось разбирать жалобы лицъ, которыхъ цехъ поставилъ въ необходимость цѣлыхъ два года сидѣть за chef d'oeuvre въ надеждѣ получить доступъ къ мастерству". Работа эта „обходилась подмастерью крайне дорого и вела за собою нерѣдко, по словамъ современниковъ, полное его разореніе" [3]). Помимо всего этого, приходилось еще давать подарки старшинамъ, устраивать имъ банкеты, вносить „вступительныя", платить въ казну, въ пользу „братьевъ" и т. д., и т. д.

Что мѣры эти имѣли главной своей цѣлью заграждать компаньонамъ доступъ въ корпорацію мастеровъ, видно изъ того, что сыновья и родственники мастеровъ были почти совершенно освобождены отъ всѣхъ мытарствъ и платежей. „Сыновья мастеровъ, а также ихъ зятья, или рабочіе, женившіеся на вдовахъ мастеровъ, освобождались отъ дорого стоившаго и труднаго chef d'oeuvre и подвер-

---

1) „Ouvriers etc.", стр. XXXIII.
2) „Происхожд. совр. демокр." Т. I, стр. 218.
3) Тамъ же. стр. 219.

гались лишь „легкому испытанію“ (expérience légère). Такимъ путемъ корпорація мастеровъ постепенно превращалась въ замкнутую наслѣдственную касту“ [1]).

V.

Чтобы имѣть постоянно въ своемъ распоряженіи нужное количество рабочихъ и не быть вынужденными въ то же время иногда повышать рабочую плату, мастерамъ необходимо было ограничить свободу рабочихъ. И они этого добились при помощи ордонансовъ, ровно настолько, насколько имъ это было выгодно. Они не закрѣпостили рабочихъ, но, такъ сказать, обрѣзали имъ крылья. Рабочій былъ какъ будто свободенъ юридически, но какъ только его свобода начинала грозить интересамъ мастеровъ, онъ ея лишался.

Мы видимъ уже, что ученики и компаньоны не имѣли права свободно располагать не только своимъ трудомъ, но отчасти и своей личностью. Не многимъ свободнѣе были и рабочіе другихъ категорій. Контрактъ, по которому они нанимались, не былъ свободнымъ договоромъ: его текстъ былъ, въ главныхъ пунктахъ, опредѣленъ цеховыми статутами и, что особенно важно, по истеченіи срока контрактъ не терялъ своей силы: „онъ возобновлялся «молчаливымъ соглашеніемъ», если рабочій за извѣстное время (отъ 8 дней до одного и даже двухъ мѣсяцевъ) до истеченія срока не предупреждалъ мастера. За нарушеніе контракта рабочій подвергался денежному штрафу, а при несостоятельности, тюремному заключенію или наказанію кнутомъ“ [2]). Даже и во-время сдѣланнаго предупрежденія еще недостаточно было для того, чтобы освободиться отъ хозяина. Послѣдній имѣлъ въ своемъ распоряженіи не мало средствъ, чтобы удержать рабочаго, если ему это было выгодно. Самымъ страшнымъ изъ этихъ средствъ было заявленіе хозяина, что онъ „не былъ доволенъ“ своимъ рабочимъ. Послѣ такого заявленія рабочій нигдѣ не находилъ работы. „Мастерамъ запрещается,—говорится въ одномъ изъ ордонансовъ,—принимать рабочаго, которымъ прежній хозяинъ остался недоволенъ“. Судьи были завалены жалобами по нарушенію контрактовъ—и жалобы эти шли почти исключительно отъ мастеровъ. Рабочіе рѣдко рѣшались жаловаться на хозяевъ: „за подобную дерзость цехъ подвергалъ рабочаго „отлученію“: ни одинъ мастеръ не имѣлъ права нанимать его подъ угрозою штрафа“ [3]).

Свобода рабочихъ ограничивалась не столько этими мѣрами, сколько драконовскимъ закономъ, по которому „никакой рабочій не имѣлъ права оставаться безъ снозяина“. Въ теченіе XVI в. было издано много ордонансовъ противъ „лѣнтяевъ“, т. е. безработныхъ. Особенно характеренъ ордонансъ Франциска I отъ 1534 г.: „Всѣ бродяги, лѣнтяи, безпаспортные и проч.,—говорится въ немъ,—не имѣющіе средствъ, не работающіе и живущіе, очевидно, грабежемъ и разбоемъ, должны уйти, исчезнуть (s'absenter) изъ предѣловъ превотства въ теченіе трехъ дней подъ угрозой наказанія кнутомъ, тюремнаго заключенія и (жестокая иронія!) конфискаціи имущества“. Если черезъ три дня послѣ высылки высланные окажутся въ городѣ, „превотъ можетъ ихъ сослать на вѣчную работу въ галеры или, сковавъ попарно, поставить на общественныя работы, давая въ пищу только хлѣбъ и воду“ [4]). Закономъ этимъ мастера получали безграничное „право на трудъ“... рабочихъ. Когда рабочій нуженъ, онъ обязанъ работать: когда онъ не нуженъ—само его существованіе превращается въ преступленіе. При такомъ режимѣ, мастера конечно, не могли чувствовать недостатка въ рабочихъ рукахъ и были совершено свободны въ установленіи рабочей платы.

---

1) „Ouvriers etc,“ стр. 123.
2) Ib., стр. 69.
3) Ib., стр. 71.
4) Ib., стр. 63.

Рабочая плата, впрочемъ, была разъ навсегда установлена статутами и ордонансами. Въ большинствѣ цеховъ,—пишетъ Озеръ,—„такса рабочей платы устанавливалась правительствомъ, сеньорами или муниципалитетами... Такса эта была не минимальная, какъ теперь требуютъ соціалисты, а максимальная“ [1]). Подобная регламентація и неподвижность рабочей платы были выгодны для мастеровъ въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, уравнивались условія конкуренціи между мастерами, членами одного цеха; во-вторыхъ, при безпрерывномъ вздорожаніи продуктовъ, систематически увеличивалась разница между цѣнностью труда и рабочей платой. Что касается правительства, то оно не только не выступало противъ этой вопіющей несправедливости, но еще усугубляло ее. Когда какія-нибудь стихійныя бѣдствія, вродѣ голода, мора, войны, истребляя большую часть трудового населенія, дѣлали неизбѣжнымъ повышеніе заработной платы, правительство клало свое veto, не позволяя ни платить, ни требовать больше того, что установлено статутами. „Въ общемъ,—резюмируетъ Озеръ,—все было направлено къ тому, чтобы удержать рабочую плату на уровнѣ, по возможности близкомъ къ тому минимуму, ниже котораго рабочему грозила бы голодная смерть“. Если „желѣзный законъ заработной платы имѣлъ когда-либо свое полное выраженіе, то это было именно въ XVI вѣкѣ“ [2]).

Что касается рабочаго дня, то продолжительность его зависѣла отъ сезона. Въ теченіе лѣтняго сезона (отъ марта до сентября) рабочій день продолжался обыкновенно 13—14 часовъ (отъ 5 у. до 6—7 ч. веч.) въ теченіе зимняго (отъ сентября до марта)—всего 11—12 час. (отъ 5—7 у. до 5—6 веч.). Эта зависимость рабочаго дня отъ сезона обусловливалась тѣмъ, что ночная работа, правильнѣе сказать, работа при свѣчахъ, за рѣдкими исключеніями, была воспрещена во избѣжаніе пожаровъ и изъ опасенія порчи товара при дурномъ освѣщеніи. Впрочемъ, несмотря на это, въ нѣкоторыхъ ремеслахъ продолжительность рабочаго дня доходила до 17 и даже до 19 часовъ (отъ 2 ч. у. до 9 ч. ночи)!

Цеховой режимъ обнималъ не только мужской трудъ, но и женскій. Уже во время Людовика святого было нѣсколько ремеселъ, находившихся исключительно въ рукахъ женщинъ (напр., производство шелковыхъ тканей). Въ концѣ XIII в. существовало уже около 15 спеціально женскихъ ремеселъ, изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ стояло бѣлошвейное. Женщины-работницы имѣли такія же цеховыя организаціи, какъ мужчины. Отличались женскіе цехи отъ мужскихъ тѣмъ, что мастерицамъ разрѣшалось имѣть неограниченное число ученицъ,

---

[1]) Ib., стр. 93.

[2]) Ib., стр. 100. Графъ д'Авнель въ цитированной выше книгѣ „Paysans et ouvriers“. высказываетъ мнѣніе, что вся эта регламентація рабочей платы на практикѣ не имѣла никакого значенія. Заработная плата, по его мнѣнію, устанавливалась исключительно условіями труда и спросомъ и предложеніемъ рабочихъ рукъ; противъ него всякіе статуты были безсильны (стр. 106—7). Однако, нѣсколько дальше онъ отмѣчаетъ огромную разницу, существовавшую между поденной платой рабочихъ разныхъ категорій. Такъ, напр., „одни обойщики получали поденно 3 фр. 50 сантимовъ, другіе годовые получали по 42 сант. въ день. Кожевники получали: годовые рабочіе по 173 фр., поденные—по 1 фр. 20 с. въ день, что составляетъ 300 фр. въ годъ (считая только рабочіе дни)“ (стр. 123). Объясняетъ онъ это тѣмъ, что, сильно страдая отъ безработицы, тогдашній рабочій „до того дорожилъ обезпеченнымъ кускомъ хлѣба и кровомъ, что не колебался пожертвовать для этого третью и даже половиною того, что онъ получалъ бы при поденной работѣ“ (стр. 122—123). Давая такое объясненіе, авторъ упустилъ изъ виду, что при безработицѣ и, слѣдовательно, конкуренціи между рабочими, и поденный рабочій долженъ былъ бы, въ погонѣ за кровомъ и кускомъ хлѣба, если не обезпеченными надолго, то временными договорами, сбить рабочую плату до минимума. Не будетъ ли правильнѣе объяснить отмѣченную разницу въ таксѣ рабочей платѣ тѣмъ, что годовые или мѣсячные рабочіе, нанимавшіеся по письменнымъ условіямъ, были гораздо болѣе связаны цеховымъ регламентомъ, чѣмъ поденные рабочіе, которые могли легко ускользать отъ его строгостей и установленій.

такъ какъ правительство смотрѣло на эти мастерскія, какъ на школы для будущихъ хозяекъ.

Помимо спеціально женскихъ цеховъ, были смѣшанные цехи, въ которыхъ женщины были то мастерицами, то работницами, то простыми содержательницами унаслѣдованной отъ отца или мужа мастерской.

Рабочая плата женщинъ была и тогда гораздо ниже мужской. По словамъ Д'Авнеля, въ концѣ XIV вѣка отношеніе между рабочей платой женщины и мужчины—было 3:4; въ XV в. оно упало до 1/2, а въ XVI в. еще болѣе понизилось. (Въ настоящее время отношеніе между ними равно 3:5).

VI.

Рабочіе, скованные по рукамъ и ногамъ нуждой, статутами и ордонансами, имѣя передъ собою сплоченный и организованный классъ мастеровъ, могли хоть сколько-нибудь отстаивать свои интересы только при помощи подобныхъ же сплоченныхъ организацій.

Уже въ глубинѣ среднихъ вѣковъ существовали, независимо отъ профессіональныхъ корпорацій, рабочіе союзы (братства, конфреріи), имѣвшіе религіозно благотворительный характеръ. Рядомъ съ этими братствами и, часто подъ ихъ прикрытіемъ, въ средѣ рабочихъ то и дѣло организовывались коалиціи чисто классоваго характера,—рабочіе синдикаты, въ полномъ смыслѣ этого слова, которые устраивали стачки, даже подымали возстанія. Рабочіе добивались главнымъ образомъ повышенія заработной платы или сокращенія рабочаго дня безъ пониженія платы.

Подобныя рабочія организаціи строго преслѣдовались. Стачки и возмущенія жестоко подавлялись. Но не на долго. Въ 20-хъ годахъ XVI в., вслѣдствіе бывшаго тогда голода, большая часть рабочаго населенія Ліона поднялась противъ богатыхъ („plus gros“). Подавленное въ 1520 г. возстаніе вспыхнуло при слѣдующемъ голодѣ, въ 1529 г. На площадяхъ были расклеены афиши, созывавшія народъ на опредѣленный день и часъ на площадь Кордельеръ. Въ назначенный день 2000 человѣкъ, среди которыхъ было 200 женщинъ, выступили при звонѣ набата и принялись разбивать магазины и дома купцовъ, чиновниковъ и вообще богачей. На слѣдующій день королевское войско жестоко расправилось съ возставшими. Но организація, поднявшая это возстаніе, („горожане“) не исчезла и мы находимъ ея руку въ замѣчательной стачкѣ 1539—1571 г. Стачка эта волновавшая въ теченіи 33 лѣтъ парижскихъ и ліонскихъ типографовъ и въ теченіе трехъ лѣтъ (1539—1542) почти совершенно прекратившая типографское дѣло въ обоихъ городахъ, представляетъ собою одинъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ исторіи XVI в. „Кризисъ этотъ, — говоритъ по поводу нея Озеръ,—имѣлъ всѣ характерныя черты современной стачки: тамъ были и требованія о повышеніи рабочей платы, и протесты противъ ея преднамѣреннаго пониженія, и замѣчательная дисциплинированность рабочихъ и т. наз. насиліе надъ „свободою труда“ (насильно заставляли не принимавшихъ участіе въ стачкѣ бросать работу) и наконецъ, вмѣшательство власти, сперва мѣстной, затѣмъ и центральной“ [1]). Въ общемъ нельзя въ извѣстной мѣрѣ не согласиться съ этимъ изслѣдователемъ, когда онъ заключаетъ, что „явленія, считающіяся продуктомъ самаго послѣдняго времени, были уже хорошо извѣстны три, четыре и даже пять вѣковъ тому назадъ“...

С. Ан-скій.

---

[1]) Ib., стр. 178.

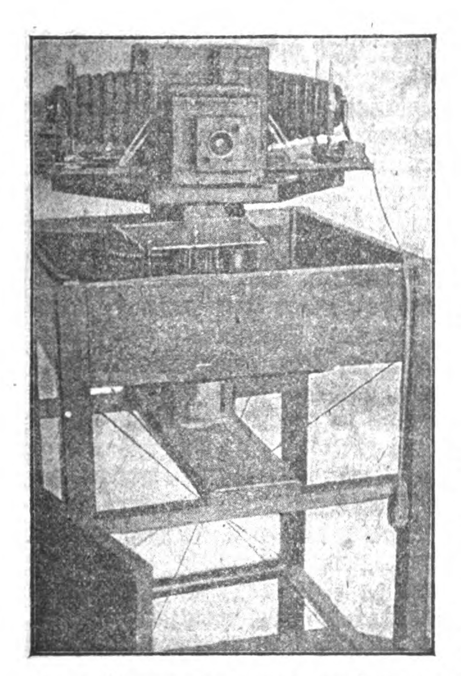

Рис. 1. Движущаяся камера для фотографированія молній.

Дж. Мильсъ.

Новыя открытія относительно молніи.

Хотя фотографическіе снимки молніи не представляютъ собою чего-либо новаго, тѣмъ не менѣе снимки, сдѣланные недавно Смитсоновскимъ Институтомъ, возбудили необычайное вниманіе въ ученомъ мірѣ. Довольно любопытно то, что изслѣдованія въ этомъ направленіи были вызваны почти что случайностью. Около года тому назадъ секретаремъ института получено было письмо со справкой объ одномъ изданіи института по фотографіи. Оно было написано не на чистомъ англійскомъ языкѣ: его авторомъ былъ Алекс. Ларсенъ, незадолго до того переѣхавшій въ Америку изъ Даніи. Въ письмѣ онъ между прочимъ упомянулъ о фотографіи молніи, снятой имъ при помощи движущагося небольшого аппарата, приводившагося въ движеніе отъ руки. При письмѣ онъ прилагалъ одинъ изъ снимковъ и спрашивалъ, не представляютъ ли они научнаго интереса.

Идея фотографированія молніи движущимся аппаратомъ хотя и не была нова для членовъ института, однако показалась имъ заслуживающей дальнѣйшаго изслѣдованія. Они завязали переписку съ молодымъ датскимъ изслѣдователемъ и нашли, что имѣютъ дѣло съ широко образованнымъ человѣкомъ. Его матеріальныя средства были ограничены, и потому аппаратъ, съ которымъ онъ производилъ опыты, былъ, конечно, довольно грубъ, и самые опыты производились изслѣдователемъ въ рѣдкія минуты, свободныя отъ борьбы за существованіе.

Представители института нашли нужнымъ оказать поддержку молодому Ларсену и ассигновали изъ фонда Годжкинса необходимую сумму для пріобрѣтенія превосходнаго фотографическаго аппарата, для сооруженія движущаго прибора и для матеріальной поддержки самому Ларсену на время продолженія его опытовъ.

Результаты опытовъ оказались достойными вниманія. Въ нихъ подверглось анализу то особенное миганіе (или колебаніе) большинства молній, которое древніе приписывали сверхъестественнымъ причинамъ; при этомъ получено было нѣсколько удачныхъ снимковъ, которые ясно показываютъ, что почти всякая молнія состоитъ изъ нѣсколькихъ разрядовъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ черезъ короткіе промежутки по пути, обозначенному первымъ разрядомъ. Поэтому, теперь положительно установлено, что разрядъ молніи состоитъ не изъ одного колебанія, какъ принято считать, а изъ цѣлаго ряда небольшихъ разрядовъ или «вспышекъ».

Какъ быстро эти вспышки слѣдуютъ одна за другой, можно судить по тому, что одна молнія можетъ состоять изъ сорока такихъ вспышекъ,

а вся продолжительность молніи менѣе половины секунды. Перпендикулярный разрядъ обнаруживается на негативѣ въ видѣ широкой полосы, а на отпечатанномъ снимкѣ можно сосчитать число отдѣльныхъ вспышекъ. Продолжительность разряда нетрудно вычислить, зная ширину полосы на пластинкѣ и скорость движенія стола, вмѣстѣ съ которымъ движется аппаратъ. По вычисленіямъ Ларсена, продолжительность отдѣльныхъ вспышекъ колеблется между тремя сотыми и двумя тысячными долями секунды.

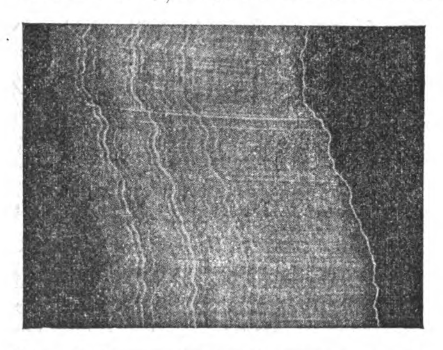

Рис. 2. Фотографическій снимокъ молніи, показывающій отдѣльные разряды и темный разрядъ.

Самымъ замѣчательнымъ результатомъ этихъ опытовъ является открытіе «темной вспышки» въ разрядѣ молніи, то есть неощутительнаго для глазъ разряда. Какъ это ни странно кажется на первый взглядъ, однако, существуетъ невидимая молнія. Чтобы подтвердить и обосновать это утвержденіе, намъ стоитъ только обратиться къ рис. 2, на которомъ воспроизведена фотографія, снятая 1-го сентября 1908 года въ 9 часовъ вечера. Гроза, во время которой былъ сдѣланъ снимокъ, началась въ 7 часовъ вечера при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, являющемся большой рѣдкостью для Чикаго. Вѣтеръ постепенно перешелъ въ сѣверный и наконецъ сѣверозападный, температура все время была около 24 град. Цельсія, а показанія барометра колебались между 29,89 и 29,92. Снимокъ былъ сдѣланъ въ самомъ разгарѣ грозы и при сильнѣйшемъ ливнѣ.

Эта молнія состоитъ изъ сорока отдѣльныхъ разрядовъ, образующихъ одну ленту, которая, повидимому, слагается изъ множества отдѣльныхъ вспышекъ или колебаній, близкихъ другъ къ другу по времени, и одного темнаго разряда. Этотъ темный разрядъ дѣлаетъ фотографію особенно интересной; на снимкѣ видно, что онъ идетъ параллельно по обѣ стороны первой яркой вспышки, и крайняя линія его болѣе отчетливо обозначена съ внутренней стороны. Отъ темнаго разряда отходятъ нѣсколько боковыхъ вѣтвей въ обѣ стороны, изъ нихъ одна широкая вѣтвь довольно отчетливо видна проходящей черезъ всѣ остальныя вспышки. Эти боковыя вѣтви, всѣ наклоненныя внизъ, указываютъ на то, что темный разрядъ былъ направленъ внизъ, и заставляютъ предположить, что ему пришлось преодолѣть большое сопротивленіе. Онъ, должно быть, прочистилъ путь для перваго блестящаго разряда, который, вѣроятно, былъ направленъ отъ земли вверхъ. Разница въ ширинѣ нижней и верхней части блестящаго разряда какъ бы подтверждаетъ это мнѣніе изслѣдователя, ибо она почти вдвое больше въ нижней части, чѣмъ въ верхней.

Здѣсь возникаетъ интересный вопросъ: имѣемъ ли мы въ данномъ случаѣ дѣло съ двумя отдѣльными разрядами, имѣющими различныя величины колебаній и идущими одновременно по одному и тому же пути? Возможно ли такое явленіе? По мнѣнію изслѣдователя, оба разряда занимали отдѣльные пути одинъ внутри другого, такъ что одинъ разрядъ представилъ собою какъ бы трубку, внутри которой прошелъ второй. Можно также допустить, что яркій разрядъ является частью темнаго, сдѣлавшейся вслѣдствіе какихъ-то причинъ болѣе свѣтящейся. Это объясненіе можетъ

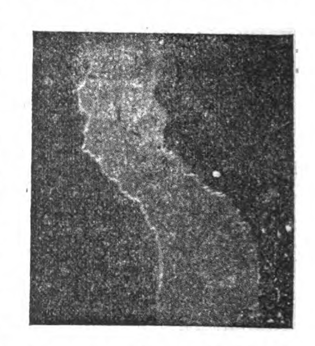

Рис. 3. Фотографическій снимокъ молніи, показывающій большой интервалъ между разрядами.

быть правильнымъ, хотя на фотографіи яркій разрядъ кажется совершенно самостоятельнымъ. Измѣреніе ширины различныхъ частей обоихъ разрядовъ подтверждаетъ это мнѣніе.

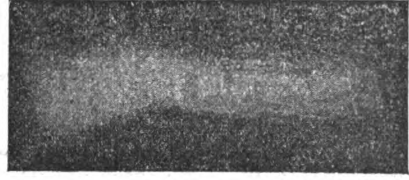
Ученые сильно расходятся въ объясненіяхъ причинъ этихъ темныхъ вспышекъ. Нѣкоторые изъ нихъ выдвинули мнѣніе, что въ дѣйствительности нѣтъ темнаго разряда, и что полученное на пластинкѣ изображеніе его могло быть результатомъ обратнаго дѣйствія яркой вспышки, вслѣдствіе чрезвычайной яркости ея. Такое объясненіе возможно, если понимать подъ словомъ «яркость» усиленную актиничность (способность дѣйствія на свѣточувствительную пластинку) свѣта. Въ настоящемъ снимкѣ темнаго разряда это химическое дѣйствіе должно было быть чрезвычайно сильно, вслѣдствіе того факта, что тончайшіе волосные края боковыхъ вѣтвей отчетливо воспроизведены на снимкѣ черными, по сравненію съ болѣе широкими и, повидимому, болѣе сильными разрядами, послѣдовавшими потомъ.

Сначала считали возможнымъ, что мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ интерференціи, но это мнѣніе было отвергнуто. Затѣмъ предложена была мысль, что темный разрядъ объясняется медленными колебаніями (его ширина какъ бы подтверждаетъ это), и то, что являлось на снимкѣ чернымъ, могло на самомъ дѣлѣ быть темнокраснымъ разрядомъ на слегка освѣщенномъ фонѣ. Красный цвѣтъ, конечно, представился бы на фотографіи чернымъ. Это мнѣніе также должно было быть отвергнуто, такъ какъ, если бы оно было правильнымъ, то боковыя вѣтви темнаго разряда должны были бы сгладиться подъ вліяніемъ слѣдующихъ разрядовъ.

Такимъ образомъ, остается лишь одинъ способъ объясненія даннаго явленія, заключающійся въ томъ, что разрядъ долженъ былъ испускать лучи, длина волны которыхъ много меньше длины волны видимаго свѣта, и сила которыхъ была достаточно велика, чтобы сдѣлать ту часть пластинки, куда они попали, нечувствительной къ обыкновенному свѣту. Такой разрядъ показался бы чернымъ на слегка освѣщенномъ фонѣ или былъ бы совсѣмъ невидимъ.

Темные разряды наблюдались изслѣдователемъ нѣсколько разъ и при томъ только во время очень сильнаго дождя. Они представляются глазу такими же, какими представляются субъективныя изображенія, получающіяся послѣ того, какъ посмотрѣть на яркую вспышку. Такое изображеніе сохраняется глазомъ на нѣсколько мгновеній, но не смѣшивается имъ съ дѣйствительной вспышкой.

Рис. 3 снятъ былъ 1 октября. Здѣсь мы имѣемъ молнію, состоящую изъ двухъ яркихъ разрядовъ, непосредственно послѣдовавшихъ одинъ за другимъ, затѣмъ идетъ перерывъ, приблизительно въ четверть секунды, въ теченіе котораго, вѣроятно, происходили болѣе слабыя колебанія (на это указываютъ поперечныя линіи), и, наконецъ, еще четыре яркихъ вспышки.

Рис. 4. Спектръ искры отъ статической машины.

Въ теченіе лѣта Ларсеномъ предприняты были новыя изслѣдованія, цѣлью которыхъ было получить спектральныя фотографіи молніи.

Спектроскопическія изслѣдованія молніи дѣлались многими, но, въ большинствѣ случаевъ, наблюденія производились на глазъ и потому могли въ лучшемъ случаѣ являться лишь грубыми приближеніями къ истинѣ въ вопросѣ о числѣ линій и ихъ относительномъ положеніи. Для изслѣдованія былъ построенъ аппаратъ, состоящій изъ камеры съ призмой передъ объективомъ, причемъ экранъ съ щелью не примѣнялся, такъ какъ разрядъ молніи представляетъ собою сравнительно узкую полосу свѣта,

дающую почти параллельный лучъ. Съ помощью этого аппарата получено было нѣсколько фотографій, изъ которыхъ одна представлена на рис. 4, а для сравненія съ ней на рис. 5 данъ спектральный снимокъ искры отъ статической электрической машины. Первая представляетъ собою спектръ одной изъ тѣхъ извилистыхъ горизонтальныхъ вспышекъ, которыя часто видны подъ конецъ долгой грозы. Она значительно отличается отъ второго снимка, на которомъ отсутствуетъ часть линій. Ларсенъ еще пока не далъ какого-либо опредѣленнаго отвѣта относительно значенія измѣненій этихъ линій въ различныхъ вспышкахъ, такъ какъ нужно накопить больше матеріала, чтобы можно было сдѣлать какое-либо положительное утвержденіе.

Движущаяся камера (рис. 1) для фотографированія молній представляетъ собою довольно простой приборъ, оказавшійся, однако, вполнѣ подходящимъ для названной цѣли. Пружинный механизмъ (въ родѣ тѣхъ, какіе употребляются иногда въ окнахъ магазиновъ для вращенія подставокъ съ выставленными на нихъ предметами) помѣщенъ внутри стола, построеннаго спеціально для даннаго случая, а подставка для камеры прикрѣплена къ оси механизма. Чтобы уменьшить колебанія прибора и достигнуть болѣе равномѣрнаго вращенія, ось удлинялась книзу, такъ что конецъ ея можно было опустить въ сосудъ съ жидкостью, помѣщенный подъ столомъ. Подставка обыкновенно совершаетъ одинъ оборотъ въ десять секундъ, такъ какъ эта скорость найдена была наиболѣе подходящей для обыкновенныхъ цѣлей. Достиженіемъ равномѣрности вращенія имѣлось въ виду получить возможность точно измѣрять продолжительность вспышекъ и промежутки между отдѣльными вспышками.

Рис. 5. Спектръ искры молніи.

Фотографъ любитель, который пожелалъ бы дѣлать снимки молніи, не нуждается въ такомъ приборѣ для вращенія камеры, такъ какъ ее возможно вращать рукой справа налѣво и назадъ, дѣлая каждое качаніе приблизительно въ одну секунду и уголъ поворота въ 60° (это есть уголъ объектива).

Обыкновенный многозарядный аппаратъ является для этого самымъ удобнымъ, вслѣдствіе быстрой смѣны пластинокъ; это очень важно для дѣла, такъ какъ наиболѣе благопріятное для полученія хорошихъ снимковъ время очень непродолжительно и рѣдко превышаетъ десять—пятнадцать минутъ.

Лучшій способъ держать аппаратъ—это прижать его къ себѣ, слегка приподнимая его для того, чтобы получить на снимкѣ какъ можно большую часть неба, и поворачиваться всѣмъ тѣломъ изъ стороны въ сторону. При небольшомъ навыкѣ можно съ большой точностью регулировать время и уголъ поворота. При всей тщательности работы, успѣхъ все-таки въ большой степени зависитъ отъ удачи, и все дѣло требуетъ терпѣнія и настойчивости.

Д-ръ Эрнесто Манчини.

Прстое-ли существо человѣкъ или двойное? *).

Приведенное выше заглавіе легко можетъ показаться страннымъ и бьющимъ на эффектъ; оно указываетъ, однако, на оригинальныя воззрѣнія, на взгляды, которые, основываясь на фактахъ, приводятъ къ интереснымъ заключеніямъ.

Въ концѣ концовъ, догма, утверждающая, что человѣкъ представляетъ собою одно только существо, не соотвѣтствуетъ истинѣ: человѣкъ образованъ изъ двухъ существъ, принужденныхъ существовать совмѣстно.

Скажутъ, что это воззрѣніе уже не ново, и что служащіе ему опорой аргументы были извѣстны уже съ давнихъ поръ; съ подобной-же основательностью это было сказано и тогда, когда по случаю „радіобовъ" Бурке и любопытныхъ опытовъ Ледюка общественное вниманіе было увлечено проблемой воспроизведенія жизни **). Теперь явился проф. Сабатье, который говоритъ намъ: разсмотрите человѣка на анатомическомъ столѣ, и вы сразу найдете доказательства его двойственности въ мозгу и въ нервной системѣ, раздѣленныхъ на двѣ отдѣльныхъ части; эту двойственность мы находимъ также въ легкихъ, въ конечностяхъ тѣла, органахъ чувствъ, почкахъ и т. д. Ничего не будетъ страннаго, слѣдовательно, если мы поневолѣ придемъ къ убѣжденію, что на мраморѣ

*) Настоящая статья (перев. С. Полтавскаго) итальянскаго ученаго, реферирующаго работы другихъ ученыхъ, для нашихъ старыхъ читателей, знакомыхъ съ подробнымъ изложеніемъ даннаго вопроса по книгѣ В. Битнера „Въ область таинственнаго", должна представить нѣкоторый интересъ, благодаря кое-какимъ новымъ даннымъ. Читатели же, не имѣвшіе возможности познакомиться съ этимъ вопросомъ по упомянутой книгѣ, вѣроятно, найдутъ здѣсь не мало любопытныхъ фактовъ, которые побудятъ ихъ заняться изученіемъ вопроса.

Редакція.

**) См. „Вѣстн. Зн."

анатомическаго стола лежатъ дѣйствительно два существа, соединенныхъ другъ съ другомъ.

Многочисленныя и разнообразныя доказательства, подтверждающія эту очевидную двойственность, собраны и приведены Сабатье въ довольно внушительной формѣ въ журналѣ „Revue générale des Sciences pures et appliquées".

Начнемъ ab ovo, т. е. отыскивая первоначальные аргументы въ эмбріологіи. Эволюція яйца начинается и протекаетъ послѣ оплодотворенія съ цѣлымъ рядомъ подраздѣленій, сегментацій его центральной массы; подраздѣленій сначала на двѣ, потомъ на четыре, восемь и т. д. частей, или бластомеръ, до тѣхъ поръ, пока подраздѣленіе это, наконецъ, прекращается, и начинаютъ появляться органическіе элементы. Мы имѣемъ тогда первое подраздѣленіе (2-я стадія), которое опредѣляетъ плоскость симметріи во взросломъ существѣ, а два сегмента дадутъ начало клѣткамъ, которыя въ ихъ послѣдующемъ размноженіи навсегда сохранятъ свое отличіе другъ отъ друга, даже въ томъ случаѣ, когда однѣ изъ нихъ вторгнутся въ область другихъ. Кромѣ того, на эти два вида клѣтокъ будутъ различнымъ образомъ, въ зависимости отъ ихъ положенія,—вліять условія окружающей ихъ среды, развивая въ обоихъ клѣточныхъ семействахъ спеціальныя особенности и способности, которыя мало-по-малу дѣлаются все болѣе и болѣе рельефными, отмѣчая основы двойственности будущаго существа—двойственности, которая проявляется не только подъ анатомическимъ скальпелемъ, но и на самой зарѣ жизни, подъ увеличительнымъ стекломъ микроскопа.

Въ асцидіяхъ, красивыхъ живыхъ морскихъ цвѣтахъ, яйца оплодотворяются внѣ тѣла животнаго. Основываясь на этомъ фактѣ, Шабри нѣсколько лѣтъ тому назадъ пришелъ къ мысли взять одно изъ такихъ только что оплодотворенныхъ, слѣдовательно, достигшихъ второй стадіи развитія яицъ, и проколоть его такъ, чтобы убить одну изъ двухъ частей, на которыя было раздѣлено яйцо. Ему выпала на долю неожиданность увидѣть, какъ на асцидіи, такъ и на лягушкахъ, что оставшаяся невредимой половина яйца продолжала развиваться, давая начало полу-личинкѣ, а затѣмъ и полу-индивиду. Итакъ, изъ этихъ опытовъ выясняется вѣскій аргументъ противъ первоначальнаго единства двухъ упомянутыхъ выше животныхъ, такъ какъ, если бы каждое яйцо съ самаго начала представляло собою одно цѣлое, то умерщвленіе одной половины должно было бы вызвать смерть также и другой половины, тогда какъ въ дѣйствительности обѣ части проявляютъ признаки своей собственной, отдѣльной жизни.

Дришъ, производя опыты надъ морскими ежами и др. иглокожими, получилъ изъ половины яйца полную личинку, и даже изъ единичныхъ клѣтокъ, находящихся въ высшей стадіи развитія, добылъ тѣхъ-же самыхъ полныхъ индивидовъ, но лишь карликовыхъ размѣровъ.

Эти изысканія Дриша, аналогичныя съ опытами Вильсона надъ ланцетникомъ—рыбкой, которая является самой простой изъ позвоночныхъ, подтверждаютъ въ самой рѣзкой формѣ первоначальную двойственность яйца; однако, это полу-животное имѣетъ для насъ большую теоретическую цѣнность, такъ какъ наглядно указываетъ на необходимость для двухъ первоначальныхъ существъ слить и закрѣпить вмѣстѣ свои существованія. Карликовое существо является для насъ лишь какъ-бы примѣромъ, какъ-бы своего рода рѣдкостью, въ то время, какъ индивидъ представляетъ собою нормальую дѣйствительность; только этотъ послѣдній можетъ быть исходнымъ пунктомъ правильныхъ разсужденій, первое-же приводитъ къ ошибочнымъ заключеніямъ.

Страннымъ покажется то, что отъ „двойственности" естественнымъ становится переходъ къ „множественности", который является вполнѣ неожиданнымъ и ставитъ въ затруднительное положеніе. Извѣстно, что, прибѣгая къ послѣдовательному дробленію яйца, Вильсонъ получалъ полныхъ индивидовъ изъ одной четвертой части яйца ланцетника; Морганъ добавилъ къ этому однородные результаты съ $^1/_8$ яйца у червей, а Сойя—съ $^1/_{16}$ у медузъ. Въ настоящее время такому подраздѣленію зародыша не поддаются лягушки и нѣкоторыя рыбы;

кромѣ того нѣкоторые гастероиды не даютъ ни цѣлыхъ, ни половинныхъ зародышей, а части животнаго воспроизводятся отдѣльными частями яйца. Эта различная потенціальность развитія вызвала различныя гипотезы; наиболѣе допустимой изъ нихъ кажется та, что въ двухъ первыхъ половинахъ яйца дифференціація устанавливается съ различной скоростью; для окончательнаго вывода, въ виду невозможности экспериментальнаго изслѣдованія, можно считать, что даже у высшихъ позвоночныхъ, особенно у человѣка, такая дифференціація будетъ настолько ускоренной, что одна половина яйца, находящаяся во второй стадіи развитія, дала-бы начало полу-индивиду. Возможно также, что множественнымъ развитіемъ яйца объясняется характеръ колоніи, свойственный нѣкоторымъ видамъ, напримѣръ, морскимъ звѣздамъ или червямъ.

Симметрія человѣческаго тѣла не является столь совершенной, какъ симметрія кристалла; напротивъ, обѣ части тѣла никогда не бываютъ ни абсолютно сходными между собой, ни симметричными. Изъ второстепенныхъ органовъ, находящихся въ зависимости отъ жизненныхъ потребностей, желудокъ имѣетъ искривленную форму, сердце передвинуто налѣво, оба легкія замѣтно отличаются другъ отъ друга формою и развѣтвленіями; воспроизводятся сліянія, порождаются атрофіи, и все это не подъ вліяніемъ внѣшнихъ силъ, а скорѣе, какъ говорится, для біологической формальности. Всѣ эти скручиванія, уклоненія, атрофіи обозначаютъ самымъ точнымъ образомъ отсутствіе единства, являются слѣдствіями борьбы, произошли отъ столкновеній, сжиманій двухъ существъ, оставляющихъ въ индивидѣ явственные слѣды шрамовъ и искаженій.

Ища доказательствъ такого органическаго дуализма въ прогрессивномъ развитіи индивида, мы найдемъ очевидною двойственность нѣкоторыхъ органовъ, мозга, легкихъ, почекъ, или скрытую въ атрофіи печени или—очень отдаленную—въ первыхъ зачаткахъ сердца, нервной системы, селезенки: органы, которые при зарожденіи получили каждый одинаковое число клѣтокъ изъ обѣихъ частей яйца, и которые изъ жизненныхъ соображеній соединились въ одинъ органъ. И это,—говоритъ Сабатье,—просходитъ не только подъ вліяніемъ тѣхъ механическихъ или физическихъ силъ, которыя придаютъ неорганическому міру характеръ вполнѣ замѣтной симметріи, но также и благодаря „жизненной энергіи“, способной вызывать процессы въ высшей степени сложные и разнообразные.

Результатомъ анатомической двойственности органовъ является двойственность способностей, вызванная различіемъ самихъ органовъ. Такъ, напримѣръ, правая половина мозга болѣе тяжела и удлиннена, чѣмъ лѣвая; для легкихъ различія были уже отмѣчены выше. Изъ всего этого вытекаетъ, что лѣвая часть тѣла надѣлена меньшей мускульной силой, чѣмъ правая и отличается меньшей подвижностью. Обыкновенный языкъ содержитъ подтвержденія такой разницы; такъ, французы имѣютъ слова: „gauche, gaucherie“, связанныя съ болѣе низкимъ значеніемъ лѣвой стороны, которымъ у насъ соотвѣтствуютъ „правый, правота (destro, destrezza)“, происходящія отъ превосходства правой стороны. Несмотря на это, мозгъ лѣвой части головы является мѣстопребываніемъ важнѣйшихъ умственныхъ способностей, каковыми являются устная и письменная рѣчь.

И эта двойственность существуетъ не только по отношенію къ физическимъ и умственнымъ способностямъ. Обѣ стороны тѣла (правая и лѣвая) проявляютъ также различную воспріимчивость къ нѣкоторымъ болѣзнямъ. Наконецъ, вступая въ духовную область, мы видимъ, что болѣзнь, извѣстная подъ именемъ „раздвоенія личности“ свидѣтельствуетъ часто о существованіи въ насъ двухъ личностей, одной—доброй и кроткой, другой—дурной и буйной. Это заставляетъ насъ задуматься надъ платоновскими и аристотелевскими идеями относительно множественности душъ, идеями, противъ которыхъ возставалъ Данте, говоря:

И это противъ той ошибки, что считаетъ,
Что зажигается въ насъ духъ одинъ во слѣдъ другому.

Итакъ, возвращаясь къ двойственности способностей у существъ высшаго разряда, слѣдуетъ замѣтить, что отъ соединенія органовъ происходитъ болѣе совершенный способъ ихъ примѣненія, слѣдовательно — большее напряженіе въ

мірѣ неорганическомъ и болѣе гармоническое сотрудничество въ мірѣ органическомъ.

Извѣстно затѣмъ, что правая часть мозга господствуетъ надъ лѣвой частью тѣла и наоборотъ, лѣвое мозговое полушаріе реагируетъ на правую сторону; при одностороннемъ параличѣ, напримѣръ, поврежденіе, которое служитъ ему причиной находится въ мозговомъ полушаріи противоположной стороны. Двѣ отдѣльныхъ нервныхъ связки предназначены для передачи двумъ половинамъ мозга внѣшнихъ впечатлѣній, получаемыхъ обѣими сторонами тѣла. Однако, каждое изъ двухъ соединенныхъ въ одно цѣлое существъ, можетъ воспринимать также впечатлѣнія, относящіяся ко всему тѣлу, посредствомъ немногочисленныхъ мелкихъ нервныхъ связокъ, соединяющихъ оба вышеуказанныхъ полушарія. Они представляютъ какъ бы два государства, которыя, не отрекаясь отъ своей обоюдной независимости, имѣютъ посланниковъ, предназначенныхъ для поддержки взаимныхъ сношеній.

Вмѣстѣ съ прогрессирующимъ развитіемъ, съ увеличеніемъ потенціальности мозга въ мірѣ животныхъ, связки обоихъ мозговыхъ полушарій увеличиваются, и какъ самыя связки, такъ и мозгъ достигаютъ болѣе сложной формы, чѣмъ у человѣка. Ясно, что, совершенствуя свою собственную работу, сохраняя за ней характеръ двойственности, природа въ то же время увеличивала средства сообщенія между двумя мозговыми массами, перекидывая при помощи клѣтокъ рядъ мостовъ, протягивая цѣлую сѣть телефонныхъ линій между обѣими упомянутыми массами, какъ бы для того, чтобы сдѣлать болѣе интимными и тѣсными сношенія двухъ сосуществующихъ индивидовъ и чтобы придать характеръ единства проявленіямъ ихъ дѣятельности.

И это еще не все. Оба мозговыхъ полушарія не только находятся въ сношеніяхъ между собою, но дополняютъ одно другое въ своей работѣ, словно хорошіе товарищи. Подтверждая идею Браунъ-Секара, что каждое полушаріе представляетъ собою полный мозгъ, способный удовлетворять всѣмъ функціямъ обѣихъ частей тѣла, русская женщина-врачъ, Манасеина, сдѣлала поразительныя наблюденія. Она выяснила, что во время сна у лѣвшей засыпаетъ правое мозговое полушаріе (лѣвое—у лицъ, привыкшихъ владѣть правой рукой), въ то время, какъ другое полушаріе остается бодрствующимъ. Препятствуя затѣмъ самымъ абсолютнымъ образомъ сну собакъ, она замѣтила черезъ 20 часовъ такой вынужденной безсонницы, что у несчастныхъ животныхъ наблюдалось странное явленіе: одна половина ихъ тѣла становилась совершенно нечувствительной на нѣкоторый промежутокъ времени, приблизительно около получаса, а потомъ эта нечувствительность переходила на другую половину тѣла и т. д. У собаки каждый разъ спала, слѣдовательно, одна половина; иначе говоря, было два сосуществующихъ индивида, которые прибѣгали попеременно къ послѣднему средству, которымъ они могли бороться противъ внѣшнихъ возбужденій, лишавшихъ ихъ необходимаго отдыха.

Въ заключеніе, двойственность, появляющаяся въ яйцѣ съ перваго же момента, укрѣпляется все болѣе и болѣе въ зародышѣ и затѣмъ, какъ мы видимъ, мало-по-малу и во взросломъ индивидѣ. Отпечатокъ двойственности въ человѣческой природѣ получаетъ столь неизгладимый характеръ, что позволяетъ создать новую философію, въ которой основное дуалистическое воззрѣніе, подтвержденное наукой, сможетъ бросить новый свѣтъ на современную общественную эволюцію.

Вотъ, что утверждаетъ Сабатье. Во всякомъ случаѣ, если даже его точка зрѣнія слишкомъ смѣла,—она имѣетъ уже то достоинство, что собираетъ и систематизируетъ цѣнныя завоеванія новѣйшихъ изслѣдователей тайнъ жизни, въ надеждѣ, что весь этотъ матеріалъ, скопляясь, образуетъ ту гору, упоминаемую знаменитымъ біологомъ, проф. Грасси, въ одной изъ его великолѣпныхъ рѣчей,—гору, съ вершины которой, можетъ быть, будетъ суждено, наконецъ, увидѣть далекій желанный горизонтъ.

Какусенъ Токундага.

Старое и новое искусство въ Японіи.

Японское искусство можетъ быть разсматриваемо, какъ продуктъ китайскаго. Оно долго находилось подъ его вліяніемъ, и натуралистическая школа китайской живописи, достигшая своего расцвѣта во время династіи Мингъ, въ XV и XVI вв., была его наставницей въ наиболѣе славный періодъ, который знало японское искусство. Японскіе мастера, впрочемъ, превзошли скоро своихъ учителей проницательнымъ умомъ, выказаннымъ ими въ изображеніяхъ природы. Кюмаширо Юки (Kumashiro Juki) и Со Шизеки (So Shiseki) писали цвѣты и птицъ тончайшими линіями, въ прелестномъ колоритѣ, строгимъ подражаніемъ которому довольствовались китайцы.

Во всемъ слѣдуя китайскимъ образцамъ, Маріяма Оки (Maruyama Oky) изучилъ, однако, и западную живопись. Великая революція послѣдняго вѣка имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что искусства такъ-же, какъ и науки Европы, ея промышленность, учрежденія, нравы и обычаи, начали проникать въ Японію, гдѣ они въ настоящее время пытаются вытѣснить туземную цивилизацію. Прежде всего многіе японскіе художники,—въ особенности Кавамура (Kavamura), Жамамото (Jamamoto), Асаі (Asai), и нѣсколько другихъ,—перенимаютъ европейскій способъ употребленія масляныхъ красокъ, и хотя поборники традиціи отвергаютъ это новое направленіе, развитіе идетъ своимъ чередомъ. Рисованіе въ школахъ преподается по европейскому образцу, т. е., обращается особенное вниманіе на точность формъ и цвѣтовъ, а подобное обученіе не можетъ не оказать сильнаго вліянія на направленіе художниковъ молодого поколѣнія. Копіи и гравюры картинъ итальянскихъ, французскихъ и англійскихъ мастеровъ, которыя имѣются въ большомъ количествѣ въ Японіи, позволили художникамъ войти въ наиболѣе близкое соприкосновеніе съ художественнымъ идеаломъ Европы.

Промышленное искусство особенно европеизировалось. Иллюстраціи обозрѣній и книгъ все больше и больше выполняются въ европейскомъ стилѣ, и картины, писанныя масляными красками, украшаютъ квартиры богатыхъ и знатныхъ. Нѣкоторыя афиши иллюстрируются тоже масляными красками. Все меньше удовлетворяетъ контурный рисунокъ, присущій старой японской техникѣ, но неспособный передать то, что обѣщаетъ,—все больше стремятся къ точности и пластичности экспрессіи.

Архитектура въ послѣднее время совсѣмъ вступила на европейскій путь. Зданія правительственныхъ учрежденій такъ же, какъ дворцы бога-

той буржуазіи, построены по-европейски. Стѣнная живопись исполняется въ европейскомъ вкусѣ, имѣются масляныя картины, мраморныя статуи и мебель во французскомъ, англійскомъ и итальянскомъ стилѣ. Чиновники, офицеры и студенты также переняли европейскую одежду, и японскій духъ исчезъ даже изъ той среды, гдѣ царилъ нѣкогда абсолютно-національный эстетическій вкусъ.

Однако, въ области чистаго искусства, взращиваемаго для самого себя и независимо отъ матеріальныхъ условій, старый японскій духъ сохранилъ свою силу. Сообразно традиціямъ классической школы, люди и природа, цвѣты и птицы, розовые кусты и рыбы, водопады и снѣжныя поля—изображаются съ одухотворенной тонкостью отдѣлки, создающей искреннюю поэзію и очаровательную мечту объ этихъ людяхъ и этой природѣ. Японская живопись и теперь еще пропитана пантеизмомъ, и всѣ подражанія европейскаго искусства никогда не смогутъ достичь эффектовъ, подобныхъ тѣмъ, которыми она располагаетъ. Простота японской техники съ ея нѣсколькими линіями, какъ-бы свидѣтельствующая о легкости, напротивъ, ближе къ внѣшнему превосходству, чѣмъ какая-нибудь другая техника. Она одна позволяетъ почувствовать ту невидимую душу, которая живетъ въ глубинѣ вещей, и изъ ихъ изображеній сдѣлать символъ таинственныхъ мыслей природы.

Въ средѣ этихъ школъ возникаетъ новое направленіе. Абсолютно оставаясь послѣдователями классической техники, нѣкоторые художники изображаютъ жизнь большихъ городовъ, страданія и надежды бѣдныхъ, борьбу духовныхъ силъ прошедшаго и настоящаго, всѣ тѣ мотивы соціальнаго искусства, которые не могутъ быть переданы старой школой, гдѣ все—воображеніе и мечта. Чтобы ихъ трактовать, чтобы придать имъ цѣнность, нуженъ только реализмъ непреклонной истины. Отсюда вытекаетъ, что молодые японскіе художники старой школы, отказавшись отъ европейской техники, которая, по ихъ мнѣнію, есть дѣло моды и служитъ только практическимъ цѣлямъ, рѣшили слить традиціонный китайскій натурализмъ съ натурализмомъ европейскимъ. Эти художники,—во главѣ ихъ находится Зованъ Шикюза (Sowan Chikusa) изъ Кіото,—дали значительныя произведенія соціальнаго искусства, и,—кто знаетъ? — открыли, быть можетъ, новую дорогу японскому искусству.

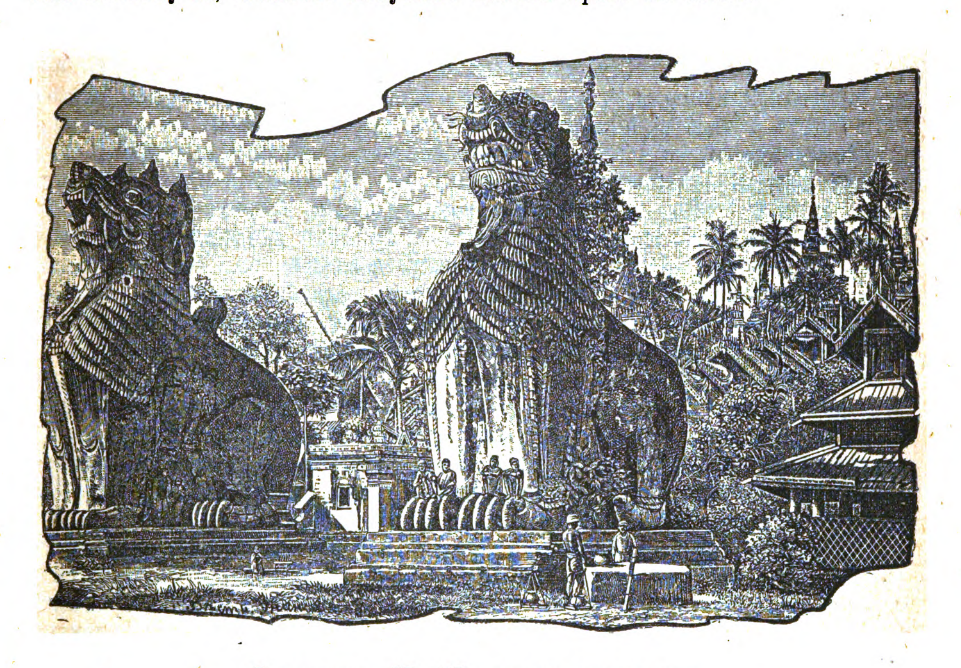
Много занимаются въ настоящее время живописью на kami (японская или китайская бумага) и пробуютъ изображать, согласно древнимъ китайскимъ образцамъ, душу растеній и животныхъ, черныхъ расъ и народовъ. Этому возрожденію стараго китайскаго искусства посвящаютъ себя молодые художники школы Бижутсуинъ (Bijutsuin). Но будучи достаточно чуждыми научному духу нашей эпохи, они впали, благодаря своей, всегда фантастической, манерѣ воспроизведенія дѣйствительности, въ старую ошибку китайскаго искусства, которое въ изображеніи природы искало декоративныхъ мотивовъ. Другіе испробовали новый родъ живописи на шелкѣ, принимая во вниманіе перспективу, свѣтъ и тѣни и анатомію, стараясь сохранить въ людяхъ и пейзажахъ ихъ характеръ.

Школы Мюзеквеи (Museikwai) въ Токіо и Гейкокваи (Heigokwai) въ Кіото пытались обновить искусство путемъ научнаго изученія и надѣялись выразить своей техникой всѣ эффекты живописи масляными красками. Но какъ при помощи красокъ, смѣшанныхъ съ желатиномъ, получить въ одно и то же время теплый и блестящій колоритъ? Вотъ какой вопросъ задаютъ себѣ любители искусства, критики, художники старой школы, точно такъ же, какъ любители-европейцы, находящіеся въ Японіи.

Въ современной художественной живописи Японіи можно отмѣтить нѣсколько различныхъ и враждебныхъ направленій: прошлое борется съ настоящимъ, традиція съ модой, національный духъ съ иноземными вліяніями. Что будетъ? Возродится-ли старое искусство, найдетъ-ли оно само

себя послѣ смутъ настоящей эпохи, будетъ-ли продолжать свое творчество въ прежнемъ направленіи? Будетъ-ли оно побѣждено европейскимъ искусствомъ, или осуществится синтезъ этихъ двухъ направленій?

Японская живопись расширила область художественнаго изображенія человѣческой жизни и природы. Она заставляетъ насъ испытывать тѣ самыя эмоціи, тѣ чувства, которыми полны всѣ, даже самыя низшія созданія. Поэтому-то, японское искусство имѣетъ право на жизнь.

Ананда К. Кооварасвами.

Искусство Индіи.

Нѣтъ, быть можетъ, ни одного истиннаго произведенія индусскаго искусства, которое воспроизводило бы жизнь, реальный образецъ, ни одной религіозной картины, которая имѣла бы своей основой дѣйствительность. Воспоминаніе, воображеніе, душевная интуиція—вотъ постоянныя средства индусскаго художника, цѣлью котораго всегда является живописное изображеніе той идеи, что живетъ за внѣшнимъ покровомъ чувственнаго міра; и не его задача—описывать детали посюсторонняго видимаго міра, являющагося для него лишь иллюзіей. Ибо, вопреки пантеистическому понятію о проникающемъ вселенную божественномъ разумѣ, природа для индусскаго ума есть лишь покровъ, а не откровеніе. Искусство не можетъ сводиться къ изображенію внѣшняго міра,—оно должно угадывать и дѣлать видимымъ значеніе самой сущности вещей.

Индусское искусство часто упрекаютъ въ пренебреженіи реализмомъ. Но что такое реализмъ? Что такое истина? Индусскій мыслитель отвѣчаетъ: природа, міръ явленій, познается имъ лишь при помощи внѣшнихъ чувствъ, и ничто не можетъ заставить его повѣрить, будто чувственныя воспріятія даютъ ему дѣйствительное знаніе о внутренней жизни вещей. Онъ идетъ даже далѣе и спрашиваетъ себя, существуетъ-ли вообще реальность внѣ его собственныхъ душевныхъ представленій. Воспроизведеніе этихъ представленій и этихъ идей—вотъ, съ его точки зрѣнія, цѣль искусства, болѣе высокая, нежели воспроизведеніе матеріальныхъ предметовъ.

Съ другой стороны, индусское искусство упрекаютъ въ несовершенствѣ техники, и особенно, указываютъ на недостатокъ гармоніи въ его пониманіи человѣческой формы.

Да, но, вѣдь, индусъ до сихъ поръ не имѣетъ понятія о законахъ индивидуальной красоты. Его вниманіе, цѣликомъ и всегда направленное на идею, его искусство, стремящееся къ выраженію сверхъ-человѣческаго,—знаютъ только міръ чудовищнаго, уродливаго, необыкновеннаго. Типическая красота, отвѣчающая религіозному или историческому преданію, всегда сильнѣе привлекаетъ индуса, нежели преходящая прелесть, свойственная чисто случайнымъ чертамъ конкретнаго существа; искусство для него прекраснѣе самой природы, такъ какъ, съ его точки зрѣнія, оно изъ случайнаго беретъ истинное и абсолютное. Съ другой стороны, въ мірѣ нѣтъ ничего нечистаго, недостойнаго; вся жизнь для индуса священна; нѣтъ ни одной вещи менѣе священной, чѣмъ другая, ибо всѣ онѣ суть лишь проявленія, внѣшнія оболочки безконечнаго бытія, разлитаго въ мірѣ. Въ каждомъ предметѣ можно видѣть какъ-бы символъ вѣчности, и всякимъ предметомъ можно пользоваться постольку, поскольку онъ есть этотъ символъ. Такимъ образомъ, художникъ во всемъ старается вскрыть, воспроизводя земныя вещи, безконечную сущность міра, показать вѣчныя цѣнности въ цѣнностяхъ земныхъ; отказываясь сдѣлать понятной безконечную и абсолютную сущность самого божества, онъ пытается дать почувствовать безконечное въ конечномъ, онъ въ любви половъ видитъ и изображаетъ порывы души къ міровому духу, а въ человѣческомъ поклоненіи природѣ—чувство интимной связи съ міромъ—божествомъ. Никогда онъ не изобразитъ предметъ для предмета, но всегда имѣетъ въ виду то, что есть въ немъ божественнаго.

Природа, отраженная черезъ призму человѣческаго разума, имѣетъ, съ его точки зрѣнія, больше значенія, чѣмъ дѣйствительность. Возьмите, напримѣръ, архитектуру: зданія также должны символизировать, проявлять безконечное. Каждый камень храма или города имѣетъ трансцендентное значеніе. Не личные планы осуществляетъ строитель: его вдохновеніе есть нѣчто, неотдѣлимое отъ мірового разума,—и онъ стремится воплотить эту интеллектуальную цѣнность въ камнѣ, чтобы камни отражали въ себѣ безконечность.

Все декоративное искусство индусовъ проникнуто религіознымъ духомъ. Художникъ любитъ божественную природу и выбираетъ для декорацій птицъ, цвѣты, животныхъ,—словомъ, всю ту жизнь, съ которой онъ чувствуетъ себя нераздѣльно-единымъ, но никогда онъ не старается изобразить ее реалистически; онъ беретъ ее изъ своей памяти, изъ своего воображенія, онъ обобщаетъ живыя существа, придавая имъ чисто фантастическія черты и достигая этимъ извѣстнаго единства.

Въ вопросѣ о направленіи и традиціи Индія занимаетъ совершенно особое положеніе, не похожее на положеніе Европы. Направленіе и традиція для нея одно и то же: цѣнности, ставшія историческими и необходимыми, заключаются для нея въ языкѣ, созданномъ поколѣніями, этомъ средствѣ, позволяющемъ художнику пробуждать, путемъ условныхъ знаковъ, у всѣхъ своихъ культурныхъ соотечественниковъ идеи, подобныя тѣмъ, какими полно его собственное сердце. «Если-бъ нужно было, чтобы каждый художникъ или даже каждая группа художниковъ стали независимо создавать этотъ языкъ—они очутились-бы въ положеніи человѣка, языкъ котораго понятенъ лишь маленькому племени, и который всему чуждъ вмѣстѣ со всѣми его произведеніями». Такимъ образомъ объясняется то обстоятельство, что искусство Индіи по существу своему консервативно,—тѣмъ болѣе, что индусскій идеалъ, это желаніе индуса одухотворяться до тѣхъ поръ, пока не произойдетъ его полнаго сліянія съ великимъ «Все»,—этотъ идеалъ остается неизмѣннымъ на протяженіи

многихъ вѣковъ. Этимъ объясняется и то, что произведенія индусскаго искусства, любого художника любой эпохи, абсолютно однородны, не будучи, однако, подражаніемъ одного другому. Много вѣковъ ушло на то, чтобы воспроизвести сидящаго Будду, точно такъ же, какъ стремленія христіанской эры воплощались въ образѣ распятаго Христа или Дѣвы-Матери.

Идеалъ Индіи—это вѣчный покой, неизмѣнность, составляющая самую сущность божества, и вотъ почему Будда, символъ этого послѣдняго, воплощаетъ въ себѣ великую простоту и концентрированный духъ, абсолютно свободный отъ всего матеріальнаго. Фигура Будды, въ концѣ концовъ, представляетъ собой олицетвореніе генія и развитія индусскаго народа. Она стоитъ въ центрѣ и надъ всѣмъ національнымъ искусствомъ.

Правда, въ наши дни, Индія, кажется, пришла къ поворотному пункту своей исторіи, а потому—и своего искусства. Древній индусскій идеализмъ и его западная оцѣнка столкнулись на почвѣ Индіи—и въ ея школахъ изящныхъ искусствъ, и въ ея журналахъ, и вообще въ средѣ мыслящихъ людей. Многія освященныя временемъ традиціи рушатся, вмѣсто нихъ намѣчаются новыя перспективы. Но и древній идеализмъ подъ внезапнымъ напоромъ пробуждается во всемъ своемъ первобытномъ могуществѣ, въ сознаніи своего значенія и становится живой силой, волнующей души сыновъ Индіи.

Въ ея артистическихъ кружкахъ кипитъ интенсивная жизнь въ то время, какъ вся нація въ цѣломъ находится въ состояніи соціальнаго и интеллектуальнаго возбужденія. И если дѣйствительно изъ современной борьбы направленій рождается новая индусская цивилизація, то скоро родится также новое искусство, новая традиція въ живописи, поэзіи и прозѣ, родятся новыя идеи и новыя чувства.

Отвѣты.

Подп. № 34809. Мы не въ состояніи указать, гдѣ вы могли бы занять нужную вамъ сумму, если не имѣете знакомыхъ, которые одолжили бы ее. Ваша болѣзнь можетъ зависѣть или отъ плохого питанія и малокровія, или отъ недостатка чистоты, или отъ того и другого вмѣстѣ,—въ этомъ направленіи и необходимо бороться съ болѣзнью. Возможно, наконецъ, что послѣдняя имѣетъ нервное происхожденіе. Во всякомъ случаѣ, нашъ совѣтъ: оставьте всѣ рекламныя средства и обратитесь къ врачу, который пропишетъ леченіе, дѣйствующее на корень болѣзни.

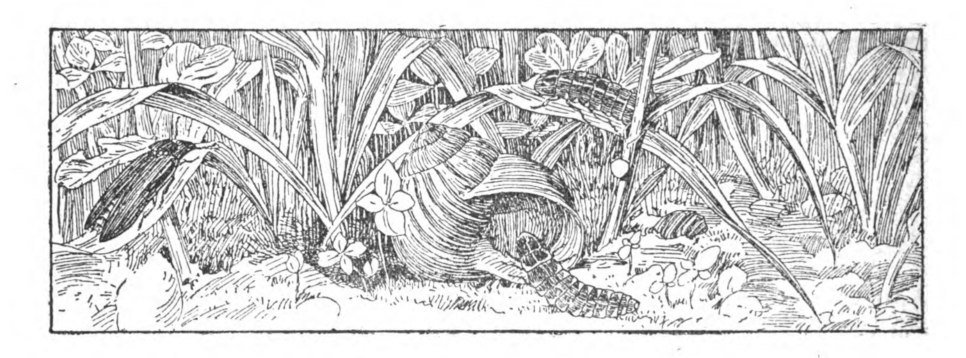
Подп. №№ 31371 и 29280 Укажемъ на книги по математикѣ: Давыдовъ. Начальная алгебра. Ц. 1 р. 65 к. Шапошниковъ и Вальцовъ. Сборникъ алгебраическихъ задачъ. 2 части. 1 р. 40 к. Киселевъ. Элементарная геометрія. 1 р. 25 к. Давыдовъ. Элементарная геометрія. 1 р. 85 к. Пржевальскій. Собраніе геометрич. теоремъ и задачъ. 1 р. 60 к. Шапошниковъ. Курсъ прямолинейной тригонометріи. 80 к. Верещагинъ. Сборникъ тригонометрическихъ задачъ. 1 р. 50 к. Гюнтеръ. Аналитическая геометрія. 3 р. 75 к. Андреевъ К. Основной курсъ аналитической геометріи. 2 части. 3 р. 50 к. Лоренцъ, Г. Элементы высшей математики. 2 тома. 5 р. 50 к. Нернстъ и Шенфишъ. Основанія высш. математики. Аутенгеймеръ. Курсъ дифф. и интеграл. исчисленій. Изд. 2-ое. 2 р. 20 к. Шиффъ В. Сборникъ упражненій по аналит. геометріи на плоскости и въ пространствѣ. 1 р. 25 к. Френэ. Сборникъ задачъ по анализу безконечно-малыхъ. 3 части. 3 р. Руководства по рус. литературѣ найдете въ № 4 „В. З.", на стр. 556, въ отвѣтѣ подп. А. Бондаренко.

Подп. Ф. Ф. Статкевичу. Руководствъ по скульптурѣ на русскомъ языкѣ не имѣется.

Подп. А. Д. Орлову и И. И. Никулину. Адресъ журн. „Спортъ"—Съѣзжинская, 11. (ц. 5 р. въ годъ). По гимнастикѣ и спорту имѣются книги: Анохинъ. Система Мюллера. Система Росса. Ц. 75 к.—Ганковъ. Джю-Джицу. Система физич. развитія и атлетики у японцевъ. 1 р. 20 к.—Кистеръ. Англійскій боксъ. 50 к.—Соловьевъ. Какъ быть борцомъ и атлетомъ. 1 р. Скоро будетъ данъ и нами серьезный трудъ проф. Блюнчли, съ прилож. „Самообороны".

Подп. № 5611. Общество „Эсперо" до своего закрытія помѣщалось: Спб., Николаевская, 83. Книги по практической электротехникѣ найдете въ № „В. З.", въ отвѣтѣ под. Г. Самарцу (стр. 514). Объ „Артист. О-вѣ портретовъ" въ Парижѣ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, кромѣ общихъ относительно так. рода сомнительн. предпріятій.

Подп. № 17100. Чертежные инструменты можете выписать отъ И. Я. Урлауба (Петер. Морская, 27) или Рихтера,—СПБ. Адмиралтейская пл. Предварительно попросите ихъ выслать вамъ каталоги (высылаются безплатно),—увидите, что и за какую цѣну можно пріобрѣсти.

Живые фонарики въ травѣ.
Слѣва самецъ Lampuria noctiluca, справа внизу самка того же вида; наверху самка L. splendidula.

Энтомологія.

Д-ръ Флерике.

Ночное освѣщеніе лѣса.

Кто не испытывалъ чуднаго очарованія прохладной лѣтней ночи? Даже горожанинъ невольно вздыхаетъ полной грудью, когда послѣ удушливаго дневного зноя по накаленнымъ солнцемъ улицамъ повѣетъ живительной прохладой вечера. Зато какое наслажденіе за городомъ въ зеленомъ лѣсу, когда солнце садится на дальнемъ горизонтѣ, окрашиваетъ облака въ нѣжно-розовые цвѣта и обдаетъ на прощанье кусты и деревья золотомъ, когда въ напоенномъ ароматомъ воздухѣ кругомъ съ новой силой раздается пѣніе птицъ!

Затѣмъ становится тише и тише. Смолкаютъ одинъ за другимъ пернатые пѣвцы; доносится только грустное чириканіе малиновки. Наконецъ, смолкаетъ и она. Царитъ торжественная тишина, и на дремлющій лѣсъ тихо опускается непроницаемая мгла. Но и лѣсъ имѣетъ свое освѣщеніе.

Здѣсь и тамъ въ покрытой росою травѣ вспахиваетъ, какъ маленькій фонарикъ, золотисто-зеленоватый свѣтъ; огоньки двигаются взадъ и впередъ или собираются вмѣстѣ, какъ настоящій сверкающій дождь необыкновенной красоты. Вполнѣ понятно поэтому что даже римляне, которые ужъ никакъ не отличались поэтической мечтательностью, говорили о летающихъ звѣздахъ.

И даже мы, современные люди, живущіе въ столѣтіе техническихъ изобрѣтеній, посрамлены свѣтлякомъ.

Уже милліоны лѣтъ носитъ онъ на мягкихъ кольцахъ тѣла такой свѣтъ, какой не въ состояніи произвести наши инженеры, свѣтъ „холодный“, при которомъ вся энергія дѣйствительно обращается въ свѣтъ, между тѣмъ какъ даже при наилучшихъ способахъ нашего освѣщенія значительная часть (95—98%) энергіи теряется въ формѣ теплоты, слѣдовательно, не можетъ быть использована для освѣщенія.

Свѣтъ невзрачныхъ ивановскихъ червячковъ самый живой, экономный, дешевый и, сравнительно, самый сильный изъ всѣхъ существующихъ. Это—идеальнѣйшій свѣтъ, какой можно себѣ представить; онъ свѣтитъ, не развивая теплоты. По крайней мѣрѣ, теплота эта такъ ничтожна, что даже большой американскій свѣтлякъ, при свѣтѣ котораго можно читать мельчайшую печать, по изслѣдованію Лянглея поднимаетъ температуру на четверть милліонной части градуса.

Газовое пламя такой-же яркости, какъ заднія кольца насѣкомаго, излучало бы въ пятьсотъ разъ болѣе теплоты. Свѣтлякъ, называемый также ива

новскимъ червячкомъ, такъ какъ онъ зажигаетъ свою чудесную лампу только съ Иванова дня, принадлежитъ къ семейству щелкуновъ (Elateridae), одинъ изъ представителей котораго извѣстенъ подъ названіемъ кузнеца. Называется онъ такъ потому, что если положить его на спину, онъ подскакиваетъ вверхъ, производя трескъ и такимъ образомъ снова становится на ноги; его прожорливая личинка, сильно вредящая молодымъ посѣвамъ, внушаетъ ужасъ сельскимъ хозяевамъ. Въ Германіи имѣется три вида свѣтляковъ: преобладающій въ южной Германіи Lampyris splendidula, крылатый самецъ котораго въ пору спариванія обыкновенно безпокойно летаетъ взадъ и впередъ; въ сѣверной Германіи встрѣчается болѣе крупный Lampyris noctiluca, самецъ котораго менѣе подвиженъ и свѣтитъ очень слабо; наконецъ, только изрѣдка встрѣчается на картофельныхъ поляхъ Phosphaenuss hemipterus, у котораго оба пола лишены крыльевъ и потому обречены на ползающій образъ жизни; его часто можно видѣть большими группами на клубняхъ картофеля.

Чѣмъ далѣе мы подвигаемся на югъ, тѣмъ значительнѣе становится число свѣтляковъ, тѣмъ стройнѣе ихъ тѣло и ярче испускаемый ими свѣтъ. У тропиковъ они достигаютъ поистинѣ чудной красоты, о чемъ Александръ Гумбольдтъ писалъ съ поэтическимъ увлеченіемъ: „Безчисленныя насѣкомыя сверкали красноватымъ фосфорическимъ блескомъ на покрытой травою землѣ. Почва сверкала живыми огнями, какъ будто на лугъ опустилось звѣздное небо“.

Въ Чикаго, въ наказаніе за опустошенія, производимыя на сахарныхъ плантаціяхъ, креолки прикрѣпляютъ свѣтляковъ въ газовыхъ мѣшечкахъ къ чернымъ волосамъ и къ бѣлымъ бальнымъ платьямъ, и сказочный свѣтъ, презираемаго обыкновенно, червяка служитъ дамскимъ украшеніемъ. Про нѣкоторыя индѣйскія племена разсказываютъ, что они садятъ большихъ свѣтляковъ въ бутылки и опускаютъ въ воду, чтобы волшебнымъ свѣтомъ ихъ привлечь рыбу въ свои сѣти.

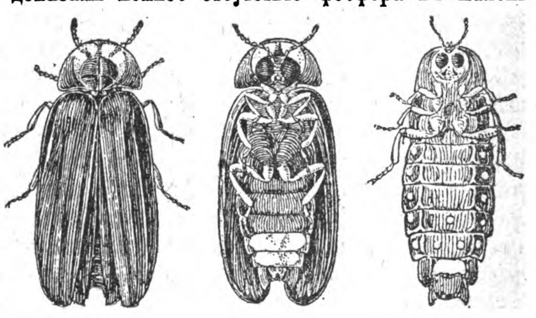
Если мы поймаемъ въ лѣсу маленькаго свѣтляка, то мы сильно разочаруемся, видя въ рукѣ невзрачное, темно окрашенное насѣкомое, которое по своимъ мягкимъ покровамъ напоминаетъ скорѣй муху, чѣмъ жука. Гораздо невзрачнѣе еще безкрылая, неподвижно сидящая на травѣ, похожая на личинку самка. Глядя на нее, мы понимаемъ, почему народъ называетъ это насѣкомое свѣтящимся „червякомъ“. Разсмотримъ же внимательнѣе свѣтящіеся органы. Крылатый самецъ Lampyris splendidula имѣетъ по двѣ свѣтящихся пластинки на брюшной сторонѣ предпослѣдняго и третьяго отъ конца кольца задней части тѣла; самка же имѣетъ не меньше четырнадцати свѣтящихся органовъ, расположенныхъ на шести сегментахъ тѣла. Поэтому самка и свѣтится сильнѣе, чѣмъ гораздо болѣе многочисленные самцы, хотя она только въ исключительныхъ случаяхъ заставляетъ сверкать всѣ четырнадцать фонариковъ; тогда насѣкомое кажется буквально погруженнымъ въ огонь. Еще сильнѣе проявляется это половое различіе у Lampyris noctiluca. Между тѣмъ какъ самецъ этого вида выдѣляетъ слабый свѣтъ только съ брюшной стороны послѣдняго кольца тѣла и, слѣдовательно, заслуживаетъ только родовое названіе Lampyris—свѣтящійся хвостикъ, самка, хотя у нея свѣтовые органы развиты также только на трехъ брюшныхъ сегментахъ свѣтится такъ, что все ея тѣло кажется буквально пропитаннымъ таинственнымъ огнемъ. Свѣтъ этотъ до извѣстной степени прорывается изъ всѣхъ поръ и съ такой силой, что его можно замѣтить уже за нѣсколько сотъ метровъ. У Phosphaenus'а также довольно сильный свѣтъ выдѣляется исключительно изъ предпослѣдняго брюшного кольца.

Цѣлыми днями сидятъ свѣтляки на нижней сторонѣ листьевъ травъ и другихъ низкихъ растеній и только съ наступленіемъ вечера самка поднимается наверхъ, чтобы выйти на открытое мѣсто и привлечь свѣтомъ своего фонаря свободно летающихъ и всегда болѣе многочисленныхъ самцовъ. Яйца свои свѣтлякъ кладетъ у корней травы. Изъ нихъ выходятъ похожія на червей прожорливыя личинки, которыя, хотя и не пренебрегаютъ растительными веществами, но, повидимому, питаются главнымъ образомъ маленькими улитками. Въ концѣ

концовъ, личинки окукливаются въ предварительно опустошенной раковинѣ улитки. Похожее на кисть, удлинненіе задней части тѣла служитъ для очистки отъ слизи улитки, которой онѣ пачкаются во время питанія. Удивительнѣе всего, что свѣтятся не только личинки и куколки, но также и яйца, хотя и въ болѣе слабой степени.

Хотя объ этомъ предметѣ имѣются многочисленныя и тщательныя работы извѣстныхъ ученыхъ, вопросъ о томъ, какимъ, собственно говоря, образомъ происходитъ свѣченіе, разрѣшенъ еще далеко недостаточно. Именно эта сторона удивительныхъ животныхъ менѣе всего выяснена изслѣдованіемъ. Окончательное сужденіе относительно этого вопроса тѣмъ болѣе затруднительно, что мнѣнія разныхъ изслѣдователей идутъ порой въ разрѣзъ другъ съ другомъ.

Наука, конечно, не могла удовлетвориться благочестивой сказкой, будто ивановскій червячокъ обязанъ своимъ свѣтомъ святому, имя котораго онъ носитъ и отъ прикосновенія котораго на немъ навѣки сохранилось сіяніе. Спеціалисты ученые полагали сначала, что здѣсь имѣетъ мѣсто простое фосфорецированіе, но изслѣдованія Матеуччи доказали полное отсутствіе фосфора въ маленькой чудесной лампѣ. Уже Споллацани доказалъ, что брюшная кожа свѣтящихся сегментовъ имѣетъ строеніе пористой яичной скорлупы, т. е. обладаетъ множество мелкихъ отверстій, черезъ которыя льется свѣтъ. Сами свѣтящіеся органы состоятъ изъ многочисленныхъ многостороннихъ, тонкостѣнныхъ, похожихъ на капсулы, клѣтокъ, которыя частью прозрачны, а частью содержатъ мягкую, мелкозернистую, жирную, легко-выдавливающуюся массу. Это—вещество, которое въ свою очередь состоитъ, повидимому, изъ двухъ различныхъ и, вѣроятно, другъ на друга химически дѣйствующихъ слоевъ, и представляетъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, источникъ свѣта; но съ увѣренностью мы не можемъ сказать, какъ это на самомъ дѣлѣ происходитъ.

Свѣтлякъ Lampuria splendidula (увелич.) Слѣва: самецъ сверху; въ серединѣ—самецъ снизу; справа: самка. Свѣтлыя части—свѣтящіеся органы.

Обильная вѣтвистая сѣть тонкихъ древовидно развѣтвленныхъ трахей, сплетающихся около свѣтящихся тѣлъ, дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе, что при свѣченіи происходитъ, поддерживаемое кислородомъ, сгораніе химически еще неизвѣстныхъ веществъ, которыя можетъ быть тождественны или родственны съ люцифериномъ и люциферазой Дюбуа. Многое говоритъ за, но кое-что и противъ этой гипотезы, которая, во всякомъ случаѣ, наиболѣе понятна. Дюбуа того мнѣнія, что здѣсь не происходитъ окисленія, но что свѣченіе представляетъ просто сопутствующее явленіе кристаллизаціи мочевинно-кислаго аммонія, который встрѣчается въ большихъ количествахъ въ свѣтящихся тѣлахъ.

Келлерманъ подозрѣваетъ, что въ свѣтящихся органахъ дѣйствуютъ общіе теперь козлища отпущенія бактеріи; основывается онъ на томъ фактѣ, что свѣтящіеся органы, долгое время спустя послѣ смерти животнаго, снова выдѣляютъ свѣтъ, если ихъ смочить теплой водой или молокомъ. Повидимому, необходима извѣстная степень влажности и теплоты, что имѣетъ мѣсто въ природѣ только въ теченіе немногихъ вечеровъ и ночей въ опредѣленное время года. Наиболѣе сильное образованіе свѣта происходитъ при температурѣ въ 40—50° C., между тѣмъ какъ при бо̀льшей теплотѣ и уже умѣренномъ холодѣ свѣченіе вовсе исчезаетъ. Поэтому Гофманъ предполагаетъ, что сгоранію предшествуетъ разложеніе свѣтящагося вещества ферментами. Малишъ создалъ такъ называемую фотогенную теорію, согласно которой данные организмы выдѣляютъ особое свѣтящееся вещество.

Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ горючее вещество, употребляемое этими маленькими волшебными лампами, почти неугасимой силы. Даже послѣ высыханія въ теченіе мѣсяцевъ, ихъ можно снова заставить свѣтиться, что приводитъ въ величайшее изумленіе всѣхъ изслѣдователей. Свѣтящееся вещество сверкаетъ даже подъ водою, возбуждается къ большей яркости сѣрной и азотной кислотой и уничтожается только, столь враждебной всему живому, синильной кислотой.

Даже масса растертаго свѣтящагося вещества можетъ еще выдѣлять свѣтъ, и буквы, написанныя ею на темной стѣнѣ (для этого опыта пользовались сильнѣе свѣтящимся итальянскимъ видомъ насѣкомаго), фосфоресцируетъ долгое время, а когда буквы потухнутъ, онѣ могутъ быть путемъ смачиванія доведены снова до свѣченія. Свѣтъ свѣтляка даетъ спектръ, отличающійся отсутствіемъ красныхъ и фіолетовыхъ лучей и большой силой зеленой части, почему онъ намъ и кажется золотисто-зеленымъ.

Мураока, посредствомъ обширныхъ опытовъ, думалъ доказать, будто свѣтъ этотъ родственень рентгеновскимъ лучамъ и можетъ дѣйствовать черезъ картонъ, дерево и даже мѣдныя пластинки. Хотя провѣрка показала, что японецъ ошибся въ этомъ, но во всякомъ случаѣ замѣчательно, что лучи свѣта ивановскаго червячка отклоняются, подобно рентгеновскимъ лучамъ, преломляются извѣстными веществами, а также имѣютъ несомнѣнное сходство съ лучами радія. Несмотря на это, свѣтъ жука едва ли имѣетъ къ нимъ какое-либо отношеніе, потому что это вѣроятно „произведенный солнцемъ, преобразованный въ живомъ организмѣ естественный свѣтъ“.

Большинство новѣйшихъ изслѣдователей утверждаетъ, что сіяніе совершенно независимо отъ субъективной воли жуковъ. Я не могу съ этимъ согласиться, а думаю, что животное, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, можетъ влiять своей волей на свою таинственную способность свѣтиться. Къ этому убѣжденію я пришелъ не путемъ философскихъ разсужденій и лабораторныхъ опытовъ, а изъ наблюденій въ природѣ. Взволнованный жукъ свѣтитъ совершенно иначе, чѣмъ спокойный; спѣшащій къ спариванію свѣтится съ гораздо большей силой, между тѣмъ какъ преслѣдуемый очевидно старается приглушить или совсѣмъ загасить свой фонарикъ. Если по близости отъ спокойно сидящихъ самокъ произвести шумъ, то онѣ темнѣютъ.

Развѣ волевое воздѣйствіе несовмѣстимо съ допущеніемъ химическаго процесса? Развѣ нельзя предположить, что жукъ можетъ потушить свой фонарь, либо, изолируя усиліемъ своихъ нервовъ свѣтящіяся вещества, или же закрывая свои трахеи, и такимъ образомъ лишая свѣтящіяся клѣтки воздуха, въ которомъ онѣ нуждаются, чтобы развить свою дѣятельность?

Если, наконецъ, поставить вопросъ,—какую же цѣль имѣетъ свѣченіе для самихъ животныхъ, которыя, конечно, вовсе не стремятся просто украшать ночной лѣсъ сказочной игрой летающихъ искръ,—то, съ одной стороны, полагаютъ, что здѣсь рѣчь идетъ о средствѣ привлеченія и узнаванія стремящихся къ спариванію половъ, а съ другой стороны, именно новѣйшіе изслѣдователи, думаютъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло со средствомъ отпугиванія преслѣдующихъ враговъ. Противъ теоріи привлеченія можно возразить, что и личинки и даже яйца обладаютъ слабой способностью свѣченія, тогда какъ здѣсь не можетъ быть вовсе рѣчи о половой жизни, но вѣдь легко себѣ представить, что положенное яйцо получаетъ часть обильнаго свѣтящагося вещества матери, или что свѣтовые органы, равно какъ и другіе, имѣются уже въ зачаткѣ у личинки. Точное гистологическое изслѣдованіе выяснило бы этотъ вопросъ.

На основаніи собственныхъ наблюденій я безусловно склоняюсь къ первому мнѣнію, такъ какъ я часто видѣлъ, что летучія мыши ловятъ „летающія звѣздочки“, несмотря на ихъ блескъ, а жабы спокойно хватаютъ наиболѣе ярко свѣтящихся самокъ. Ноллъ былъ также свидѣтелемъ, какъ лягушка съѣла свѣтляка. „Безъ дальнихъ разсужденій она подскочила и съѣла его. Бѣдное животное свѣтило сколько было силъ, такъ что глотка разбойника буквально сверкала. Но ничто не помогло“.

Противники возражаютъ на это, что итальянскій свѣтлякъ испускаетъ прерывающійся свѣтъ, на подобіе свѣта маяковъ, вспыхиваніе и потуханіе котораго должно безусловно сбить съ толку преслѣдующую летучую мышь. На это я могу возразить, что это средство могло бы имѣть смыслъ только по отношенію къ животному, обладающему острымъ зрѣніемъ, но не къ летучей мыши, которая, преслѣдуя добычу, вообще не полагается на свое плохое зрѣніе, а руководствуется исключительно прекрасно развитымъ слухомъ и осязаніемъ. Повидимому жуки сознаютъ опасность, какую представляютъ ихъ фонарики, такъ какъ при приближеніи врага они тотчасъ же подгибаютъ заднюю часть тѣла, чтобы скрыть свѣтовой органъ. Но когда животное чувствуетъ себя въ безопасности, оно видимо старается придать свѣту возможно большую силу и для этого выгибаетъ нижнюю часть тѣла наверхъ и наружу; а тамъ, гдѣ болѣе яркій фонарь самки среди темной ночи указываетъ путь къ радостямъ любви, тамъ тотчасъ-же вспыхиваютъ брачные факелы безчисленныхъ самцовъ.

Отвѣты.

Под.—камъ И. С. Опилину и Г. Карaташу и др. Приносимъ вамъ, дорогіе товарищи, сердечную благодарность какъ за пожертвованія на покрытіе штрафа, такъ и за письма къ читателямъ и читательницамъ, призывающія ихъ послѣдовать вашему совѣту. Къ сожалѣнію, тѣ же условія, которыя подали вамъ поводъ къ соболѣзнованію, лишаютъ насъ возможности помѣстить ваши письма. Но повѣрьте, что и безъ этихъ обращеній и призывовъ проявленія сочувствія вашихъ товарищей къ нашему положенію не прекращаются,—за это мы шлемъ всѣмъ подписчикамъ и читателямъ наше спасибо.

Под. Л. Марулису.—Если вы новый подписчикъ, тогда ваши вычисленія имѣютъ нѣкоторую долю основанія, но и въ такомъ случаѣ вамъ не стоило изощрять свое остроуміе, такъ какъ изданіе выходитъ уже семь лѣтъ, и до сихъ поръ вычисленія, подобныя вашему, ни разу не оправдались.

Подп. Калтунову и С. Гладкому. Вы правы, письмо говорило такую общеизвѣстную, правду, что никто даже на него не обратилъ бы вниманія, если бы не этотъ печальный случай. Но съ другой стороны, теперь ясно, въ какихъ условіяхъ мы находимся.

Подп-камъ Л. Кагану, Н. Егоркину, Зобсу, Эд. Гр., Р. К., кружку фармацевтовъ и др.—Спасибо, дорогіе товарищи, за поздравленіе! Въ гимнѣ крупная ошибка: надо „жизнью“, а не иначе.

Подп. № 30770.—Спасибо.

Подп. Тихомирову. — Да, гипнотизмъ единственное средство въ данномъ случаѣ. У васъ въ Кіевѣ есть проф. Сикорскій, кот., во всякомъ случаѣ, можетъ направить дальше.

Подп. Гургенидзе.—Объ изданіяхъ Психологическаго Издательства мы уже давали суровый отзывъ.

Подп. Семину.—Журнала „Славн. Міръ“ мы получили только № 1. Никакихъ ручательствъ за дальнѣйшій выходъ дать не можемъ; журналъ не иллюстрированъ.

Подп. Купалову. — За сочувствіе и замѣчанія спасибо! Стихи плоховаты. Учитесь, упражняйтесь. Скоро мы введемъ особый отдѣлъ, въ кот. будемъ помѣщать ради поощренія, стихи читателей. Гонорара за нихъ платиться не будетъ: цѣль отдѣла дать возможность начинающимъ, у кот. имѣются задатки поэзіи, увидѣть свои пробы пера на страницахъ журнала. Редакціи другихъ изданій, печатающихъ стихи (мы рѣшили отказаться отъ этого, дѣлая исключеніе лишь съ педагогической цѣлью), ознакомившись съ опытами нѣкоторыхъ „самородковъ“ могутъ приглашать ихъ для сотрудничества и, такъ обр., „извлекать изъ неизвѣстности“. Остальные же читатели ничего не потеряютъ, такъ какъ мы отведемъ мѣста этимъ „опытамъ“ немного и будемъ выбирать сносныя стихотворенія. Ваша проба пера не могла бы появиться въ этомъ отдѣлѣ. Надо еще учиться и не выбирать такихъ банальныхъ темъ.

Подп. № 32582. — Поставленная вами задача тѣмъ затруднительнѣе, что мы не знаемъ всѣхъ условій вашей жизни. Быть можетъ, чтеніе съ одной стороны, съ другой —экскурсіи за границу, васъ удовлетворятъ? Онѣ расширили бы вашъ кругозоръ, дали бы извѣстную встряску душѣ, усталой отъ окружающей сѣрой дѣйствительности, показали бы другіе пути въ томъ же направленіи (и эти пути могли бы, быть можетъ, васъ удовлетворить); вы ежегодно лѣтомъ отдыхали бы душой за границей и жили бы надеждою отъ лѣта до лѣта, накопляя деньги для этихъ путешествій, во время которыхъ можетъ быть, открылись бы, благодаря общенію съ товарищами, и другія перспективы.

Подп. № 15100.—Почему сочиненія не заканчиваются въ ближайшихъ №№, а идутъ съ промежутками?—По техническимъ условіямъ; но большею частью задержки происходятъ по винѣ авторовъ и переводчиковъ, или изъ-за иллюстрацій и пр.

Подп. И. А. Филатову. — Издательство Маркса—предпріятіе солидное, которое всѣ обѣщанія выполняетъ, а будетъ ли законченъ упоминаемый вами „Географическій Словарь“—этого мы съ увѣренностью не сказали бы, такъ какъ фирма, издающая его, по меньшей мѣрѣ, намъ неизвѣстна.

Археологія.

А. Граденвицъ.

Археологическія изслѣдованія германскаго восточнаго общества.

Хотя нашъ вѣкъ характеризуется, главнымъ образомъ, напряженной промышленной дѣятельностью и быстрымъ развитіемъ тѣхъ отраслей знанія, которыя направлены къ улучшенію нашей матеріальной жизни, тѣмъ не менѣе нельзя сказать, что въ немъ слишкомъ мало мѣста удѣляется упорной работѣ археолога, настойчиво стремящагося постигнуть духъ исчезнувшихъ цивилизацій. Наоборотъ, можно съ увѣренностью утверждать, что никогда изученіе жизни давно минувшихъ вѣковъ не дѣлало столь быстрыхъ успѣховъ, какъ въ послѣднія нѣсколько десятилѣтій, благодаря той систематичности, съ которой наиболѣе культурные народы вели археологическія раскопки. Въ результатѣ этихъ трудовъ, тѣ представленія, которыя до сихъ поръ существовали объ относительной важности древнихъ цивилизацій, находятся наканунѣ полнаго переворота, такъ какъ археологи все болѣе и болѣе убѣждаются въ томъ, что слишкомъ много значенія приписывалось до сихъ поръ оригинальности и важности греческой цивилизаціи, которая въ дѣйствительности основана на далеко превосходящихъ ее по грандіозности египетской и вавилонской (и вообще семитической) цивилизаціяхъ. Если нѣкоторыя стороны нашей современной цивилизаціи кажутся мелкими по сравненію съ пышной греко-римской культурой, то болѣе древнія цивилизаціи, изъ которыхъ эта послѣдняя возникла, въ свою очередь затмеваютъ ее своей несравненно бо̀льшей величественностью.

Интересъ археологовъ видимо сосредоточивается на Восточной Африкѣ и Западной Азіи, которая является колыбелью человѣчества и его цивилизаціи. Такъ какъ частная иниціатива не въ состояніи бороться съ политическими и финансовыми затрудненіями, осаждающими археологовъ въ ихъ работѣ, то передовыя націи организовали спеціальныя общества подъ покровительствомъ своихъ правительствъ. Германское восточное общество, основанное лишь десять лѣтъ тому назадъ подъ покровительствомъ императора и насчитывающее среди своихъ членовъ лучшихъ ученыхъ и передовыхъ общественныхъ дѣятелей, много и успѣшно способствовало развитію нашего постоянно растущаго знанія древней цивилизаціи. Мессопотамія— древняя Страна Двухъ Рѣкъ, расположенная въ долинахъ рѣкъ Тигра и Евфрата, является главнымъ центромъ работы этого общества. Городъ Вавилонъ съ его стѣнами и каналами и королевская цитадель Навуходоносcора и его отца,

Набополассара, въ настоящее время почти совершенно откопаны. Эсагила, національное святилище древнихъ вавилонянъ, храмъ Мардука, ихъ высшаго божества,— снова увидѣло дневной свѣтъ, точно также и ворота богини Иштаръ. Пролежавъ скрытыми подъ землею тысячи лѣтъ, башни этихъ воротъ теперь снова поднимаются на высоту 40 футовъ, и рельефы быковъ и драконовъ, украшающіе ихъ стѣны, вмѣстѣ съ разнообразными эмалевыми черепицами, даютъ еще и теперь нѣкоторое представленіе о быломъ великолѣпіи цвѣтовъ этого сооруженія. Благодаря, главнымъ образомъ, неутомимымъ трудомъ профессора Кольдуэя, который, въ теченіе почти десяти лѣтъ, оказывалъ цѣнную помощь обществу, сложные и обширные планы этого гигантскаго города, такъ долго правившаго міромъ, будутъ въ скоромъ времени возстановлены во всей полнотѣ.

Главная квартира германскихъ раскопокъ въ Вавилонѣ, несмотря на свое уединенное мѣстоположеніе вдали отъ европейской цивилизаціи, обставлена съ относительной роскошью и комфортомъ. Общество произвело успѣшныя работы на мѣстѣ расположенія древняго Ассура. Дворцы Салманасара I (около 1300 г. до Р. Х.), Тиглатъ-Пилезара I (1100 г. до Р. Х.) и Ассурнасирпала (900 г. до Р. Х.), храмъ Ассура, высшаго ассирійскаго бога, съ его стройной башней, Цикурратомъ, были откопаны до основанія. Городскія стѣны, толщиной въ 23 фута, защищенныя набережной по берегу Тигра, съ ихъ сводчатыми воротами и хорошо сохранившимися валами откопаны изъ окружавшихъ ихъ обломковъ. Найдены были огромныя городскія ворота съ мощными двойными дверями, расположенными одна за другой, шесть тяжелыхъ базальтовыхъ угловыхъ камней, которые стоятъ еще на старомъ мѣстѣ. Особенный интересъ представляютъ гробницы, найденныя въ срединѣ города и отчасти нетронутыя. Онѣ показываютъ, что погребеніе и сожженіе труповъ практиковались одновременно въ позднѣйшемъ Ассурѣ. Далѣе множество частныхъ домовъ впервые даетъ возможность взглянуть на устройство и внутреннее распредѣленіе ассирійскихъ жилищъ.

Въ связи съ раскопками въ Мессопотаміи германское восточное общество произвело успѣшныя работы того же рода въ Палестинѣ, именно, у Тель-эль-Мутезелима (который, вѣроятно, представляетъ собою древній Мегидо), гдѣ оно, совмѣстно съ германскимъ палестинскимъ обществомъ, откопало городскія стѣны съ ихъ воротами и множество гробницъ, а также въ древней Галилеѣ, гдѣ искали двѣнадцать синагогъ, главнымъ образомъ, въ Тель-гумѣ, на развалинахъ хорошо извѣстнаго библейскаго мѣста Капернаума. Недавно отправилась экспедиція для раскопокъ древняго Іерихона.

Первой замѣчательной находкой, сдѣланной на развалинахъ Вавилона, была ручка съ гиттскими надписями, которая какъ бы предсказывала еще болѣе важныя открытія, ожидающія восточное общество. Дѣйствительно, совсѣмъ недавно обществу, производившему раскопки совмѣстно съ костантинопольскимъ оттоманскимъ музеемъ, удалось откопать столицу нѣкогда могущественной гиттской области въ центрѣ Малой Азіи, а неожиданное открытіе архива, содержащаго тысячи глиняныхъ дощечекъ съ клинообразными письменами, относящимися къ тринадцатому вѣку до Р. Х., поразило и взбудоражило ученый міръ.

Египетъ очень рано сдѣлался ареной такой же дѣятельности германскаго восточнаго общества. Въ Абуширѣ были открыты нѣсколько пирамидъ-гробницъ и храмовъ-кладбищъ нѣсколькихъ правителей такъ называемаго Стараго Царства (около 2500 л. до Р. Х.); они впервые даютъ ясное понятіе о царскихъ гробницахъ этой ранней эпохи исторіи Египта. Ихъ рельефы могутъ быть поставлены въ ряды прекраснѣйшихъ произведеній египетскаго искусства тѣхъ временъ. Многочисленныя колонны, частью превосходно сохранившіяся, были найдены въ храмахъ, а богато вызолоченныя вазы, украшенныя синими фаянсовыми инкрустаціями, употреблявшіяся въ связи съ культомъ умершихъ царей, даютъ рѣдкое удовольствіе даже нашимъ пресыщеннымъ глазамъ. Въ Абуширъ-эль-Мелекѣ у входа въ Фаюмъ открыто было обширное древнее кладбище (приблизительно 3500 л. до Р. Х.), могилы котораго, съ ихъ богатымъ содержаніемъ, представляютъ высокую важность для исторіи самаго ранняго еги-

петскаго декоративнаго искусства. Пробныя раскопки, сдѣланныя у Тель-Амарны, повидимому даютъ хорошее предзнаменованіе на будущее время и могутъ привести къ полному возстановленію египетскаго города Аменотепа IV.

Чрезвычайно интересной находкой, недавно сдѣланной въ Нижнемъ Египтѣ, является папирусъ съ арамейскими надписями клинообразными и семитическими письменами; онъ содержитъ свѣдѣнія о богатой еврейской колоніи, существовавшей тамъ за пять вѣковъ до Р. Х. Самымъ интереснымъ фактомъ, почерпнутымъ изъ этихъ надписей (разобранныхъ профессоромъ Сахау), является то, что храмъ Іеговы, въ которомъ библейскій обрядъ совершался во всѣхъ мелочахъ, существовалъ тамъ одновременно со вторымъ Іерусалимскимъ храмомъ. Это, независимо отъ существованія множества синагогъ, разбросанныхъ по всему цивилизованному міру тѣхъ временъ, является сильнымъ аргументомъ противъ нѣкоторыхъ современныхъ критиковъ іудаизма, которые стремятся низвести его на степень узкаго мѣстнаго культа, лишеннаго общечеловѣческихъ идей.

Кромѣ непосредственныхъ работъ по раскопкамъ, германское восточное общество задалось также цѣлью сообщать образованному міру о достигнутыхъ результатахъ и для этого оно ежегодно издаетъ для своихъ членовъ отъ четырехъ до шести иллюстрированныхъ отчетовъ и нѣсколько научныхъ изданій, разсчитанныхъ на то, чтобы они показали людямъ, интересующимся археологіей.

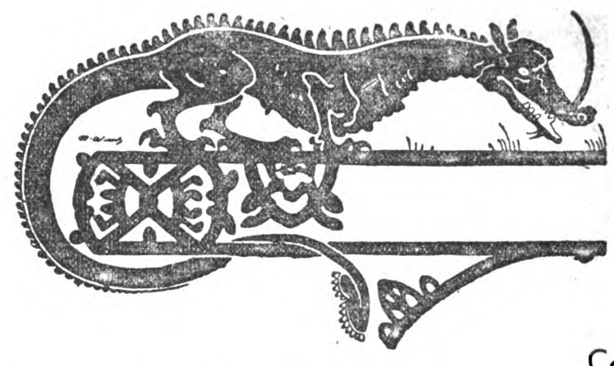
Отвѣты.

Подп. Ѳ. Р. Савинову. Вашъ вопросъ, по меньшей мѣрѣ, страненъ. Вы просите указать курсы—„одногодичные“, „спеціальные“, „безплатные“—и въ то же время—„не ниже курса средн. учеб. заведеній“ по объему даваемыхъ ими знаній“. Согласитесь, что въ одинъ годъ никакіе курсы не могутъ давать среднее образованіе—ни общее, ни спеціальное. Уже это одно обстоятельство дѣлаетъ излишнимъ входить въ подробное разъясненіе необходимости, чтобы вы сказали опредѣленно, что именно желательно вамъ.

Подп. А. И. Астапову. Мы полагаемъ, что вамъ слѣдуетъ обратиться къ образованному врачу, а не къ книгѣ. Такой врачъ опредѣлитъ, прежде всего, причину замедленія въ развитіи произношенія вашей дочери и, затѣмъ, найдетъ средства къ уничтоженію этой причины,—будетъ ли послѣдняя заключаться въ общей слабости, въ нервности или въ чемъ другомъ.

Подп. № 21810. Въ военно-фельдшерскія школы (въ Москвѣ, Петербургѣ, Кіевѣ, Тифлисѣ и Кронштадтѣ) принимаются въ I-й классъ отъ 13 до 15-лѣтняго возраста, во II кл.—отъ 13 до 16 лѣтъ, въ III кл.—отъ 15 до 17 лѣтъ. При этомъ лѣта разсчитываются до 10 августа пріемнаго года. Прошенія подаются на имя Завѣдующаго школой въ періодъ отъ 1 янв. до 15 мая. При прошеніи должны быть приложены: 1) метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи; 2) медицинское свидѣтельство о привитіи оспы и о томъ, что желающій поступить въ школу не имѣетъ никакихъ физическихъ недостатковъ, препятствующихъ успѣшному выполненію фельдшерскихъ обязанностей и 3) послужной списокъ или паспортъ, или указъ объ отставкѣ отца. Опекуны должны представлять свои виды на жительство и указы, или другіе документы, удостовѣряющіе ихъ опекунство. Пріемные экзамены бываютъ въ первыхъ числахъ августа. Прежде всего принимаются выдержавшіе пріемныя испытанія сыновья нижнихъ воинскихъ чиновъ, а на оставшіяся свободныя вакансіи принимаются по конкурсу дѣти всѣхъ сословій. Экзаменъ при поступленіи въ I кл. производится по Закону Божьему—требуется знаніе общеупотребительныхъ молитвъ, Символа вѣры и 10 заповѣдей—съ переводомъ ихъ на русскій языкъ и съ объясненіемъ,—тропари двунадесятыхъ праздниковъ; по ариѳметикѣ—словесное и письменное счисленіе до 1000 (впередъ и обратно) сложеніе и вычитаніе дадъ числами до 1000; по русскому яз.—чтеніе гладкое и со смысломъ, съ пониманіемъ прочитаннаго, списываніе съ книгъ безъ всякихъ пропусковъ и ошибокъ. За полученное въ школѣ воспитаніе воспитанники обязаны прослужить, въ званіи военнаго фельдшера, за каждый годъ обученія въ школѣ по 1½ года. Это потому, что учащіеся въ военно-фельдш. школахъ находятся на казенномъ содержаніи, а приходящіе ученики обучаются безплатно.—Минимальный возрастъ при поступленіи въ Учительскій Институтъ—15 лѣтъ, максимальный не установленъ,—слѣдовательно, 30 лѣтъ не могутъ явиться помѣхой для пріема въ Институтъ. Если народный учитель уже прослужилъ 2 года, то можетъ быть принятъ въ это учебн. заведеніе.—Сказать, долго ли продолжится дѣятельность землеустроительныхъ коммисій, очень трудно: это зависитъ и отъ отношенія крестьянства къ закону 9 ноября, отношенія, которое можетъ мѣняться, и отъ степени энергіи, съ какой комиссіи стремятся провести въ жизнь этотъ законъ.

Поэтому, трудно говорить и о томъ, будутъ ли обезпечены работой и зачислены на государственную службу тѣ лица, которыя сейчасъ подготовляются на особыхъ землемѣрныхъ курсахъ къ работѣ въ землеустроительныхъ комиссіяхъ.

Рудольфъ Брода.

Соціологическія школы въ современной Индіи.

Индія представляетъ изъ себя какъ бы обширную лабораторію, въ которой природа служитъ матеріаломъ для любопытнѣйшихъ опытовъ соціальнаго развитія. Въ процессѣ отложенія различныхъ расъ—арійцевъ, дравидійцевъ и мѣстнаго первобытнаго населенія, на протяженіи вѣковъ образовалась чудовищная система соціальныхъ кастъ, поддерживающаяся и понынѣ и являющаяся неистощимымъ полемъ для соціологическаго изслѣдованія. Религіозныя и философскія системы съ поразительнымъ разнообразіемъ смѣняли другъ друга. Греческая, мусульманская и англо-европейская цивилизаціи были послѣдовательно принесены сюда и смѣшивались съ туземной индусской цивилизаціей. Все это извѣстно; но едва ли извѣстно, что въ самой Индіи существуетъ обильная соціологическая литература, оригинально трактующая всѣ эти проблемы и изучающая въ духѣ современной критики всѣ вопросы, общіе для Индіи и Запада.

Основной проблемой для Индіи является система кастъ,—ею тамъ наиболѣе и занимаются. Одни (напр., Babu Nagendranath Vasu—въ своемъ новомъ произведеніи The Casts and Sects of Bengal) стараются объяснить ея происхожденіе исторически и этнографически, и мнѣ кажется, что изысканія въ этомъ родѣ могутъ быть вообще съ успѣхомъ примѣнены къ изученію образованія соціальныхъ пластовъ и позволитъ сдѣлать нѣкоторые выводы по аналогіи—для разрѣшенія вопроса о происхожденіи классовъ у насъ, въ Европѣ. Другіе подходятъ къ проблемѣ съ точки зрѣнія соціальной полезности,—и въ этомъ пунктѣ между двумя школами возникаетъ абсолютный антагонизмъ.

Консервативная школа имѣетъ своихъ замѣтныхъ и интеллигентныхъ представителей, особенно, въ ученой кастѣ браминовъ. Она пытается установить, что наслѣдственная передача способностей, пріобрѣтенныхъ, благодаря точно ограниченному, длящемуся столѣтія труду, (строгое раздѣленіе труда между индивидами и полами), позволяетъ спеціальнымъ навыкамъ достигнуть ихъ полнаго расцвѣта и, слѣдовательно, имѣетъ своимъ результатомъ усовершенствованіе всѣхъ отраслей промышленнаго и интеллектуальнаго труда. А широкое развитіе индусской промышленности и чудесный расцвѣтъ браманской философіи, повидимому, способны доставить солидныя доказательства въ пользу представителей этой школы.

Съ другой стороны, Брама Сàмая (Brahma Samaj), представители современной западной демократіи,—настаиваютъ на томъ, что кастовая система

притупляетъ профессіональную дѣятельность, что не только методы, но и результаты работы передаются по наслѣдству, — въ силу этого, всякій прогрессъ становится невозможнымъ. И историческая эволюція даетъ въ ихъ руки рѣшительный аргументъ: дѣйствительно, если индусскія массы такъ легко восприняли иноземное господство,—мусульманское и гораздо позднѣе англійское,—и погубили, такимъ образомъ, независимое развитіе индусской цивилизаціи, такъ это единственно потому, что, привыкнувъ въ теченіе столѣтій безгласно выносить господство высшихъ кастъ, онѣ должны были увидѣть въ новыхъ завоевателяхъ лишь новую высшую касту. Эти теоріи Brahma Samaj все болѣе и болѣе проникаютъ въ интеллигентные слои страны и, такимъ образомъ, индусская цивилизація и кастовая система понимаются, мало-по-малу, въ современномъ западно-европейскомъ смыслѣ.

Что лучше для правильнаго развитія расы—система кастъ или свобода выбора профессій? Не такъ легко, какъ можно думать, рѣшается съ абсолютной точностью эта антитеза, которая представляетъ изъ себя не что иное, какъ споръ между Ламаркомъ и Дарвиномъ, перенесенный въ область соціальной жизни и доведенный до его послѣднихъ выводовъ, до вопроса: осуществляется ли прогрессъ расы путемъ наслѣдственной передачи способностей, пріобрѣтенныхъ черезъ приспособленіе, или путемъ подбора лучшихъ, этого орудія борьбы за существованіе. Кастовая система благопріятствуетъ наслѣдственной передачѣ; современная демократія—подбору. Чтобы судить объ этихъ двухъ системахъ соціальной организаціи, необходимо предварительно разрѣшить біологическую проблему.

Съ вопросомъ о кастахъ тѣсно связанъ вопросъ о политическомъ режимѣ. Защитники восточнаго деспотизма и сторонники конституціоннаго управленія ведутъ между собою ожесточенную полемику. Націоналисты берутъ своей численностью и страстностью, но, въ общемъ, можно сказать, что исходъ спора склоняется въ пользу западнаго конституціоннаго идеала. Предметомъ изученія часто служатъ также крупные экономическіе вопросы, какъ, напримѣръ, исчезновеніе въ Индіи домашней промышленности, исчезновеніе, которое представляетъ много аналогичнаго съ уничтоженіемъ ея въ Европѣ, съ разореніемъ мелкихъ силезскихъ ткачей, изображеннымъ Гауптманомъ въ его знаменитой драмѣ; изучаются явленія, сопутствующія образованію въ зарождающейся крупной промышленности Индіи промышленнаго пролетаріата.

Въ индусской жизни есть одно совсѣмъ особое явленіе—дѣтскіе браки, явленіе, которое имѣетъ свое происхожденіе и оправданіе въ религіозныхъ понятіяхъ, но которое влечетъ за собой одно изъ наиболѣе пагубныхъ послѣдствій съ соціальной точки зрѣнія. Слишкомъ большая рождаемость, имъ обусловливаемая, приводитъ къ перенаселенію со всѣми бѣдствіями послѣдняго. Болѣе того, эти союзы, заключаемые въ возрастѣ, когда тѣло не достигаетъ еще полной зрѣлости, даютъ жизнь лишь слабымъ физически существамъ и способствуютъ, такимъ образомъ, вырожденію расы. Вотъ почему въ Индіи появляются пропагандисты неомальтузіанства, доктрины, которая, какъ мнѣ кажется, гораздо болѣе умѣстна здѣсь, нежели въ Европѣ, ибо въ Индіи періодическія голодовки (вслѣдствіе неурожаевъ отъ засухъ) представляютъ невѣроятное зрѣлище уничтоженія излишка въ народонаселеніи, путемъ голодной гибели милліоновъ людей.

Одно изъ характерныхъ и совершенно незнакомыхъ въ Европѣ явленій состоитъ въ томъ, что, не допуская никакой мысли о сопротивленіи своей судьбѣ, индусы, изнемогающіе отъ голода, ждутъ смерти съ безконечно апатической покорностью. Причины этого явленія соціологи ищутъ, съ одной стороны, въ восточномъ фатализмѣ, съ другой,—въ духѣ повиновенія, привитомъ народнымъ массамъ кастовой системой и усиленномъ въ продолженіе многихъ вѣковъ наслѣдственностью,—ищутъ эту причину и въ физической разслабленности несчастныхъ.

Индусская наука останавливается, затѣмъ, на законахъ умственнаго и религіознаго развитія. Она базируется на методахъ астрономіи, медицины и естественныхъ наукъ, которые рѣзко отличаются отъ научныхъ методовъ, недавно занесенныхъ изъ Европы. Тутъ имѣются въ настоящее время системы научнаго преподаванія, являющіяся результатами различныхъ историческихъ эволюцій, — изученіе и сравненіе ихъ особенностей приводитъ къ очень интереснымъ заключеніямъ относительно механизма развитія человѣческаго духа.

Съ своей стороны, религіозная и соціальная философія теософической школы, центръ которой находится въ Бенарэсѣ, пытается установить, что всѣ великія религіи міра психологически тождественны, что ихъ божества,— напримѣръ, браманская троица и троица христіанская,—суть тождественныя понятія, лишь называемыя различно, въ силу отличной эволюціи національныхъ языковъ и характеровъ, и надѣленныя различными аттрибутами, отражающими соотвѣтствующую національную среду. Я уже имѣлъ случай нѣсколько лѣтъ тому назадъ обсуждать эту проблему съ вождями указанной школы, главнымъ образомъ, съ Багвай—дасомъ (Baghvau-Das'омъ), секретаремъ теософическаго общества Бенарэса. Это по ихъ инціативѣ основано въ Бенарэсѣ большое учебное заведеніе, гдѣ изслѣдуются упомянутые выше вопросы.

Еще болѣе интересной представляется мнѣ попытка философа Трипати (Tripathi). Этотъ послѣдній задумалъ слить воедино философію Веддъ,—съ ихъ удивительной, личной и коллективной душой, доступной совершенствованію отъ ея зарожденія вплоть до ея окончательнаго сліянія съ великимъ „Все“,—задумалъ слить эту философію съ идеями современной эволюціонной теоріи, изысканіями Дарвина и Спенсера и создать, такимъ образомъ, грандіозную систему философіи религіознаго развитія и изученія физическихъ явленій, построенную на принципахъ теоріи развитія.

Очень важна, по-моему, и его идея объяснить психологически-соціальный контрастъ, существующій между развитіемъ Индіи и Европы, противоположностью индусскаго ума, сосредоточеннаго на самомъ себѣ, уму западно-европейскому, активному, рвущемуся къ измѣненію и переустройству внѣшняго міра. Saraswatichandra — безсмертный трудъ Tripathi — открываетъ передъ читателемъ совершенно новый міръ идей, логически вытекающихъ изъ эволюціонной доктрины.

Отвѣты.

Подп. № 34894. Такого (рус.—нѣм.—фр.—англ.) словаря (карманнаго, съ распредѣленіемъ словъ въ порядкѣ взаимной связи по содержанію), о которомъ вы спрашиваете, мы не знаемъ. Есть составленный Рейфомъ „Русско-фр. словарь, въ которомъ рус. слова расположены по происхожденію“, ц. за 2 тома 8 р. 60 к., но это очень старое изданіе. Имѣется еще „Словарь на семи языкахъ (фр.—нѣм.—анг. —ит.—исп. —порт.—гол. — рус.)“, сост. А. и В. Поповы, ц. за 2 тома 7 р. Наконецъ, составленные тѣмъ же Рейфомъ—Новые параллельные словари языковъ: рус., фр., нѣм. и англ. Ц. каждой части 3 р. Если вы пожелаете, то наша контора пріобрѣтетъ вамъ одно изъ указанныхъ изданій и діаграммы проф. Озерова и вышлетъ наложеннымъ платежемъ. Цѣна каждой брошюрки съ діаграммой 25 к.; число брошюрокъ около 10. Кромѣ того, уже появились въ продажѣ открытки съ діаграммами проф. Озерова.

Подп. Студенту А. Мостовову. По философіи математики укажемъ: Фрейсинэ, Ш. Очерки по философіи математики. 2-ое изд. „Обр.“ 60 к.—Шереметевскій, В. Значеніе математическаго анализа для изученія природы. 40 к.—О. Контъ. Курсъ положит. философіи. Т. I Философія математики. 75 к.

Подп. В. М. Лютикову. Сказать заранѣе, что ваши статьи будутъ непремѣнно приняты въ отдѣлъ „Познанія Россіи“ — не можемъ. Если онѣ коротенькія, пришлите—посмотримъ.

Подп. № 32994. Микроскопы разной цѣны, въ зависимости отъ силы увеличенія, имѣются въ слѣдующихъ магазинахъ Петербурга: И. Я. Урлаубъ (Морская ул., д. 27), Карлъ Цейссъ (Казанская ул., 2), И. Э. Милькъ (Невскій, 46) и Эрнстъ Лейтцъ (Воскресенскій пр., 11). Обратитесь въ эти магазины,—и вамъ вышлютъ каталогъ, пользуясь которымъ вы выберете то, что вамъ требуется. Изъ руководствъ по составленію естеств.-историческихъ коллекцій укажемъ: „Руководство для собиранія ест.-ист. коллекцій и наблюденія природы“ С. Исакова. Ц. 50 к., изд. „В. З.“—Кауфманъ, Б. Гербаріумъ. Собираніе и засушиваніе цвѣтовъ и растеній. Ц. 1 р.—Таліевъ. Руководство къ сознательной гербаризаціи. Изд. Павлен. ц. 75 к. Гинтервальдеръ. Руков. соб. кол. ц. 3 р.

Трое спутниковъ Хладіе Тсеринга.

Землевѣдѣніе.

Свенъ Гединъ.

Открытія, сдѣланныя въ Тибетѣ.

(*Окончаніе* *)

Покончивъ свои изслѣдованія на озерѣ Мансароваръ, я совершилъ поѣздку на лежащее близъ него и соединенное съ нимъ подземнымъ протокомъ озеро Ракасъ-таль. На этомъ озерѣ, во всѣхъ отношеніяхъ столь непохожемъ на своего сосѣда, свирѣпствуютъ постоянные югозападные вѣтры. По этому я могъ пройти здѣсь только три короткія, но весьма опасныя линіи измѣреній. Очень занимательна была поѣздка, предпринятая нами на маленькій скалистый островъ, поднимающійся изъ волнъ озера. Вѣтеръ былъ попутный, но если бы я зналъ, что берегъ острова такъ высокъ и обрывистъ, я никогда не рискнулъ бы приблизиться къ нему на своей лодкѣ. При высадкѣ на берегъ мы всѣ трое получили холодную ванну, ибо лодку нашу буквально бросило на крутой берегъ. Возвратиться къ мѣсту нашей стоянки было совершенно немыслимо. Не перемѣнивъ платья и не имѣя никакой провизіи, мы провели холодную ночь на островѣ.

Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ воспоминаній этой поѣздки, столь богатой испытаніями и лишеніями, является для меня путешествіе вокругъ священной горы Кайласъ, или Кангъ-Нимпотье, какъ ее называютъ тибетцы. По вѣрованіямъ индусовъ, на вершинѣ этой горы сидитъ на тронѣ въ своемъ раю Сива, и только по временамъ богъ нисходитъ къ берегамъ Мансаровара, чтобы въ видѣ бѣлаго лебедя омыться въ его прозрачныхъ струяхъ. Для жителей Тибета гора Кайласъ является особенно священной; она—жилище „великихъ боговъ, подобныхъ звѣздамъ въ необъятномъ пространствѣ". Отъ горныхъ хребтовъ дальняго востока, отъ Накцонга и Амдо, отъ черныхъ палатокъ, разбросанныхъ по пустыннымъ долинамъ Тибета, подобно пятнамъ на шкурѣ пантеры, и изъ Ладака въ горахъ далекаго запада—тысячи паломниковъ стекаются сюда ежегодно, чтобы медленно, погрузившись въ глубокія размышленія, обойти пѣшкомъ четыре мили вокругъ священнѣйшей изъ горъ земли. Тѣмъ же путемъ, какимъ идутъ паломники, я обошелъ вокругъ Кангъ-Нимпотье.

*) См. № „Вѣстн. Зн." 1909 г. стр.

Я видѣлъ длинные ряды пилигримовъ, принадлежавшихъ къ обоимъ поламъ и ко всѣмъ возрастамъ, видѣлъ мужчинъ съ дѣтьми, съ цѣлыми семействами, стариковъ, желающихъ совершить передъ смертью послѣдній благочестивый подвигъ, преступниковъ, стремящихся искупить свои злодѣянія, священниковъ и кочевниковъ. Неутомимо жужжитъ молитвенная мельница, и пестрая лента человѣческихъ судебъ тянется по тернистой, или, лучше сказать, каменистой дорогѣ, которая ведетъ къ вѣчному свѣту блаженства и успокоенія по ту сторону потока смерти. Часто надежда обманываетъ старика, ему не удается окончить кругъ прежде, чѣмъ приходитъ смерть и уноситъ его. Я видѣлъ одного старца, который навсегда закончилъ свое земное странствіе; холодный и недвижимый лежалъ онъ на краю дороги между двумя кусками гранита.

Намъ понадобилось три дня, чтобы сдѣлать вокругъ горы четыре мили. Я по большей части ѣхалъ верхомъ, но мои четыре ладакійца (они были ламаисты) въ точности выполняли всѣ обязанности, лежащія на правовѣрномъ пилигримѣ. Мы обогнали между прочимъ двухъ молодыхъ ламъ изъ Кама. Они не шли, какъ простые паломники, но измѣряли дорогу вокругъ горы длиной своего собственнаго тѣла. Они вытягивались во всю длину на землѣ, складывали надъ головой руки, читали молитву и дѣлали знакъ на дорогѣ. Затѣмъ они поднимались, снова складывали руки надъ головой, снова бормотали молитву, дѣлали два шага до отмѣченнаго ими мѣста и опять ложились. Эти церемоніи имъ предстояло продѣлать вокругъ всей горы. Для такого обхода требуется двадцать дней. Когда мы видѣли этихъ ламъ, они прошли только половину пути и намѣревались дважды обойти гору. Такой способъ путешествія равносиленъ тринадцати обыкновеннымъ обходамъ пѣшкомъ. Я спросилъ ихъ, чего ожидаютъ они себѣ за это, и мнѣ отвѣтили, что послѣ смерти они вѣчно будутъ сидѣть въ кругу боговъ Кангъ-Нимпотье и по близости отъ нихъ. Отъ Кама они шли сюда цѣлый годъ, а ихъ родина лежитъ еще въ нѣсколькихъ мѣсяцахъ пути къ востоку отъ Лхассы. Одинъ изъ нихъ по совершеніи паломничества долженъ былъ вернуться домой. Другой—ему едва исполнилось двадцать лѣтъ—разсчитывалъ остатокъ своей земной жизни провести во тьмѣ въ пещерѣ при одномъ изъ монастырей на берегу верхняго теченія Тсанпо.

Нѣкоторые ламы въ своемъ религіозномъ самоистязаніи доходятъ до этой жизни въ темнотѣ, до этого абсолютнаго отреченія отъ міра, отъ жизни, отъ себѣ подобныхъ, отъ свѣта солнца. Въ монастырѣ Линга я получилъ удивительныя свѣдѣнія объ этомъ рѣдкомъ обычаѣ. Въ одной изъ тамошнихъ пещеръ у подошвы скалы уже три года былъ замурованъ лама. Никто не зналъ его, никому не было извѣстно, откуда онъ пришелъ и какъ его зовутъ. Да если бы и зналъ, то все равно не могъ бы произнести его имя передъ смертными. Но мнѣ разсказали, что въ день, когда онъ вступилъ во тьму, всѣ монахи монастыря въ своихъ красныхъ одеждахъ тихой и торжественной процессіей сопровождали его до грота. По исполненіи всѣхъ предписанныхъ священными книгами обрядовъ узкое отверстіе грота было замуровано.

— Слышитъ онъ, какъ мы говоримъ?—спросилъ я ламу-настоятеля Линга.

— О, нѣтъ. Онъ не слышитъ и не видитъ, онъ день и ночь погруженъ въ глубокія размышленія.

— Откуда вы знаете, что онъ живъ?

— Знаемъ, потому что пища которую ему приносятъ каждый день подземнымъ проходомъ, на утро оказывается съѣденной. Если бы мы когда нибудь нашли блюдо нетронутымъ, мы поняли бы, что онъ умеръ. Внутри пещеры бьетъ источникъ, откуда онъ получаетъ воду.

Въ другомъ храмѣ, такъ же, какъ и Линга, ранѣе совершенно неизвѣстномъ европейцамъ,—одинъ лама, замурованный такимъ образомъ, прожилъ шестьдесятъ девять лѣтъ! И я слышалъ еще четыре подобныхъ разсказа, полныхъ чарующей мистики. Ходъ мысли таковъ: что значитъ краткая земная жизнь въ сравненіи съ цѣлой вѣчностью въ сіяющемъ свѣтѣ! Пребываніе во тьмѣ только подготовленіе къ этому свѣту. Отдѣленный отъ внѣшняго міра и его искушеній, свободный отъ помѣхи, какую представляетъ свѣтъ и озаряемые имъ предметы, ночи и годы проводящій въ одиночествѣ,—ищетъ погруженный въ размышленія лама рѣшеніе загадки жизни и смерти. Когда онъ вступаетъ во мракъ, онъ знаетъ, что ему нельзя уже покинуть гротъ до тѣхъ поръ, пока его бездушный, разлагающійся прахъ будетъ вынесенъ другими монахами, быть можетъ, новымъ поколѣніемъ, ибо то, которое въ молчаніи проводило его въ гротъ, уже давно сойдетъ въ могилу. И за всѣ годы, быть можетъ, за цѣлый человѣческій вѣкъ, который онъ проведетъ въ пещерѣ, никто, кромѣ смерти, не можетъ навѣстить его. Для внѣшняго міра онъ умираетъ въ то мгновеніе, когда его закладываютъ камнями. Для своихъ родственниковъ и друзей онъ не существуетъ болѣе. И все таки онъ живетъ тамъ внутри, живетъ шестьдесятъ девять лѣтъ и уже больше не принадлежитъ землѣ. Онъ съ тоской жаждетъ освобожденія, но какъ часто ему приходится проводить въ ожиданіи одно десятилѣтіе за другимъ. Наконецъ, приходитъ смерть, дружески протягиваетъ ему руку и выводитъ его изъ мрака „въ міръ, гдѣ вовѣки вѣковъ будутъ не смолкать для него благочестивыя пѣснопѣнія и таинственные звуки трубъ“.

Какъ и всѣ ламы, начиная отъ Тачи-лама и кончая послѣднимъ изъ ихъ іерархіи, затворникъ долженъ умереть .сидя. Но такъ какъ онъ остается одинъ и въ моментъ смерти, вѣроятно, теряетъ сознаніе, то одновременно съ нимъ въ пещеру помѣщаютъ деревянный станокъ, въ который онъ залѣзаетъ, когда чувствуетъ приближеніе смерти. Этотъ станокъ не позволяетъ замурованному ламѣ упасть ничкомъ или на сторону, и онъ умираетъ въ томъ святомъ положеніи, въ какомъ мы встрѣчаемъ Будду на тысячахъ изображеній, находимыхъ нами въ монастырскихъ храмахъ.

Придя въ Тибетъ для изученія географіи страны, я не могъ конечно найти время и силы и для того, чтобы проникнуть въ тайны ламаизма и попробовать разобраться въ крайне запутанныхъ тонкостяхъ этого вѣроученія. Изученіе религіи я безъ зависти предоставляю спеціалистамъ въ этой отрасли. Съ своей стороны, я посѣтилъ въ предѣлахъ Тибета и описалъ 31 храмъ, описалъ также различныя святыни и особо замѣчательныя изображеніи боговъ. Въ моей коллекціи совершенно новыми являются сотни эскизовъ, представляющихъ внутренній и внѣшній видъ храмовъ. У меня есть также матеріалъ для самаго точнаго воспроизведенія повседневной жизни ламъ, ихъ занятій, классовъ и ступеней ихъ іерархіи, ихъ ежедневно повторяющихся церковныхъ богослуженій и ихъ праздниковъ. Всюду меня встрѣчали дружески и гостепріимно, и только временами въ женскихъ монастыряхъ проглядывала при моемъ посѣщеніи легкая непріязнь къ чужеземцу. Вся эта монастырская жизнь Тибета поражала и восхищала меня сильнѣе, чѣмъ я это въ состояніи выразить. Все здѣсь такъ живописно, такъ необычно и богато красками. Почему только живописцы не ѣдутъ сюда, вмѣсто того, чтобы сидѣть дома и рисовать коровъ и кучи навоза?

Всего восхитительнѣе въ Тибетѣ—это церковная музыка. Въ тѣни тяжелыхъ черныхъ драпировокъ, близъ открытой галлереи раздаются изъ свѣжихъ юношескихъ устъ чудные гимны, полные мира, спокойствія и тоски. Подобно грому прокатывается грохотъ тромбоновъ, ритмически звучатъ цимбалы, флейты присоединяютъ свою тонкую мелодію и роко-

чущіе барабаны гремятъ въ высоты церковныхъ хоръ. Но лучше всего всетаки пѣніе, такъ далеко уноситъ оно слушателя отъ скорбей земли.

Изъ всего, что я видѣлъ въ Тибетѣ, самымъ интереснымъ, можетъ быть, были большіе праздники, докторскій диспутъ въ присутствіи Тачи-ламы, процессіи сотенъ монахинь, которыя съ непокрытой головой и коротко

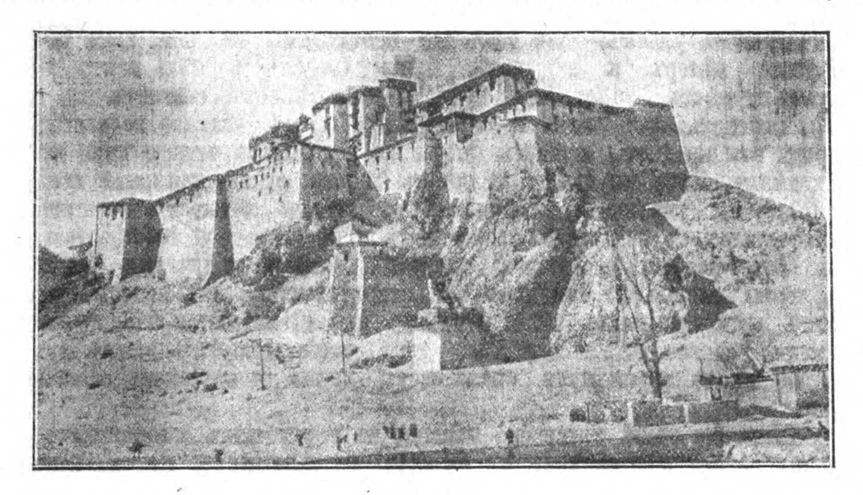

Ладакійцы растапливаютъ ледъ, чтобы напоить животныхъ. Стоянка на нѣсколько сотъ метровъ выше вершины Монблана.

остриженныя, какъ мужчины, поднимались къ священному Лагангу, чтобы получить благословленіе Тачи-ламы; далѣе дьявольскіе танцы и всѣ другіе танцы, исполняемые съ цѣлью отогнать злыя силы; ежедневныя лекціи, за которыми объемистыя писанія Канджута читаютъ нараспѣвъ множество ламъ, сидящихъ въ желтыхъ одѣяніяхъ на диванахъ посреди красныхъ столбовъ и свѣшивающихся внизъ пестрыхъ церковныхъ знаменъ; сверху съ улыбкой смотрятъ на нихъ раззолоченные боги, слабо освѣщенные масляными лампами. Монастыри и жизнь въ нихъ довольно сходны во всемъ Тибетѣ и въ другихъ частяхъ ламаистскаго міра. И всетаки какъ различны по большей части другъ отъ друга эти храмы. Обзоръ ихъ никогда не утомлялъ меня, ибо всякій разъ можно было найти что либо новое. Самымъ выдающимся изъ храмовъ безспорно остается Лагангъ. Съ ослѣпительнаго солнечнаго свѣта вы входите внутрь храма; нужно подождать нѣсколько минутъ, чтобы привыкнуть къ мраку. Изъ высокаго четыреугольнаго отверстія въ крышѣ слабо брезжитъ дневной свѣтъ. Между двумя рядами колоннъ виситъ цѣлый лѣсъ знаменъ, жертвенныхъ повязокъ, кистей и драпировокъ. По сторонамъ стоятъ барабаны и другіе инструменты; стѣны покрыты искусно лакированными дощечками, на которыхъ красной краской и золотомъ написаны гигантскіе фоліанты Канджута и другія священныя книги. Вдоль задней стѣны, прямо противъ входа занимаютъ мѣста изображенія боговъ; передъ ними на длинныхъ узкихъ столахъ стоитъ длинный рядъ съѣдобныхъ жертвоприношеній въ чашахъ изъ желтой мѣди, сверкающихъ, какъ червонное золото. Между этими чашами горятъ масляныя лампы, тщетно борющіяся съ мракомъ; мѣстами поднимаются синеватые столбики благовонныхъ куреній и сливаются подъ крышей въ легкое облачко дыма. Подъ сводами храма вѣчно царитъ таинственный полумракъ, все здѣсь такъ полно порабощающей мистики, такъ спокойно и тихо, что едва осмѣливаешься шептать; я могъ по цѣлымъ часамъ просиживать здѣсь на диванѣ, предаваясь грезамъ и со-

зерцанію. Ламаизмъ дѣйствительно представляетъ собой католичество буддизма. По временамъ скользятъ мимо монахи—босые, съ обнаженной головой, въ своихъ красныхъ «римскихъ» тогахъ; монахи наполняютъ жертвенныя чаши водой и цамбо, оправляютъ коптящія свѣтильни лампъ, приводятъ въ порядокъ столбики благовонныхъ куреній, дѣлаютъ множество другихъ вещей—все, чтобы угодить богамъ. Они скользятъ тихо, какъ духи, и посредствомъ павлиньяго пера брызгаютъ святой водой изъ серебрянной кропильницы на пришедшихъ со мной ладакійцевъ.

Весь Тибетъ полонъ святынями. На всякомъ перевалѣ, гдѣ проходитъ самая незначительная дорога, бываетъ воздвигнута «хла», каменная пирамида, окруженная нѣсколькими кучами камня. Въ послѣднихъ укрѣплены шесты, между которыми протянуты веревки, обвѣшанныя развѣвающимися флагами. На всѣхъ флагахъ написана священнѣйшая изъ молитвенныхъ формулъ: „онъ мани падме хумъ“. На выступахъ скалъ вдоль дороги устроены кубическіе „творіенъ“, окрашенные въ красную и бѣлую краску, увѣшанные лоскутками, „кадако“, и другими жертвенными дарами. По сторонамъ на гранитныхъ утесахъ, отполированныхъ вѣтромъ и непогодой, то и дѣло встрѣчаются высѣченныя на камнѣ гигантскія изображенія Будды. На обвалившихся глыбахъ мы читаемъ написанную исполинскими буквами вѣчную формулу «онъ мани падме хумъ“. Эти шесть слоговъ, изъ которыхъ каждый глубже цѣлаго моря и обладаетъ неизмѣримымъ значеніемъ,—всѣ вмѣстѣ открываютъ путь къ высшей и болѣе счастливой формѣ существованія. Почти ежедневно мы проѣзжаемъ мимо „манерингмо“—каменныхъ стѣнъ, которыя зачастую идутъ на сотню метровъ параллельно дорогѣ. Онѣ густо устланы аспидными плитами, и на этихъ плитахъ вырѣзана священная чудодѣйственная формула: «онъ мани падме хумъ». Такіе памятники нерѣдко въ высокой степени живописны. На обоихъ концахъ часто возвышаются маленькія кубическія башенки, снабженныя нишей, въ полутьмѣ которой путешественникъ часто замѣчаетъ вырѣзанныя на камнѣ изображенія боговъ высокаго художественнаго совершенства. На безчисленныхъ жертвенныхъ кучахъ сложено множество череповъ яковъ, дикихъ барановъ и антилопъ. На рогахъ яковъ и ихъ побѣлѣвшихъ черепныхъ костяхъ вырѣзана вѣчная формула, закрашенная краснымъ или другимъ изъ священныхъ цвѣтовъ. На всѣхъ крышахъ домовъ въ городахъ и селеніяхъ возвышается цѣлый лѣсъ шестовъ съ флагами самыхъ пестрыхъ и яркихъ цвѣтовъ. Во всѣхъ

Шигатсе.

мѣстахъ, гдѣ идутъ дороги къ Тсанпо и другимъ рѣкамъ, или гдѣ пролегаютъ пути каравановъ, поставлены мачты съ флагами и воздвигнуты каменныя «хла».

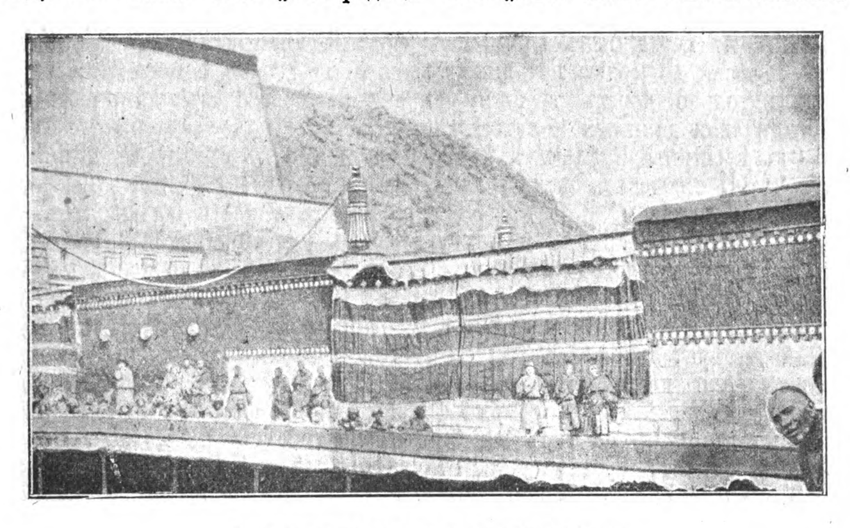
Въ каждомъ караванѣ, по крайней мѣрѣ, одинъ, а обычно и многіе путники имѣютъ при себѣ молитвенный цилиндръ. При помощи груза цилиндръ приводится во вращеніе вокругъ своей оси. Онъ туго набитъ бумажками, на которыхъ тысячи разъ напечатаны священныя формулы. Цѣлые дни, пока длится путешествіе, благочестивый путникъ вертитъ свою молитвенную машину и ритмически тянетъ нараспѣвъ: «онъ мани падме хумъ». Когда мы оставили Шигатсе, насъ сопровождала тибетская и китайская стража. Первая имѣла при себѣ переносный храмъ съ алтаремъ для помѣщенія изображеній божества, съ круглымъ столикомъ для чашъ, лампъ и благовонныхъ куреній. По истинѣ художественно было внутреннее убранство ихъ храма-палатки, въ сумракѣ которой въ облакахъ благовоннаго дыма возвышались сверкающіе золотомъ боги. Вечеромъ китайцы распѣвали свои гимны подъ аккомпаниментъ барабановъ и цимбаловъ.

Повседневная жизнь тибетца опутана цѣлой цѣпью религіозныхъ предписаній. Проѣзжая мимо жертвенной кучи камней, онъ прибавляетъ къ ней свой камень. Минуя памятникъ, онъ никогда на забываетъ оставить его у себя по правую сторону, ибо иначе высѣченная на камнѣ молитва можетъ не пойти ему на пользу. Когда онъ замѣчаетъ одну изъ священныхъ горъ, онъ непремѣнно простирается передъ ней и касается лбомъ земли. Когда онъ кладетъ тяжесть на своего яка, онъ шепчетъ вѣчное «онъ мани падме хумъ». Эти слова постоянно все снова и снова раздаются въ моихъ ушахъ; я слышу ихъ, когда ложусь и когда встаю, иной разъ и въ пустынѣ я не могу отдѣлаться отъ нихъ, ибо ихъ напѣваютъ мои ладакійцы. Эти слова принадлежатъ Тибету; они составляютъ съ нимъ одно; безъ нихъ я не могу представить себѣ пустынныя горы Тибета; они такъ же тѣсно связаны съ этой страной, какъ жужжанье пчелъ съ пчелинымъ ульемъ,—они такъ же неотдѣлимы отъ нея, какъ вѣчный западный вѣтеръ и завываніе бури. Смыслъ и цѣль всѣхъ этихъ флаговъ и мачтъ, каменныхъ кучъ и памятниковъ состоитъ въ томъ, чтобы отогнать злыя силы и оградить себя отъ всякаго несчастья. Въ природѣ эти предметы играютъ такую же роль, какъ четыре царя духовъ въ храмахъ. Нѣтъ ни одного храма въ Тибетѣ, стѣны прихожей котораго не были бы украшены изображеніями этихъ четырехъ властителей, исполненными съ большимъ искусствомъ и съ восточной пышностью красокъ. Эти фигуры вооружены топорами, мечами и другими доспѣхами; ихъ черты дьявольски безобразны и отвратительны; ихъ волосы представляютъ лѣсъ кровавыхъ змѣй; изъ тѣлъ ихъ вырываются огненные языки пламени. Все это устраивается для того, чтобы напугать злыхъ духовъ, которые иначе проникнутъ подъ своды храма и нарушатъ спокойствіе боговъ.

Было бы очень интересно нанести на карту всего ламаистскаго міра большія дороги паломниковъ къ различнымъ святынямъ. На дальнемъ сѣверѣ мы получили бы тогда цѣлую сѣть дорогъ, которыя, какъ спицы въ колесѣ, сходятся къ Да-Куренъ, храму Майдарисъ въ Ургѣ. Но еще гуще были бы радіусы, сбѣгающіеся къ самому важному изъ всѣхъ центровъ ламаизма—къ Лхассѣ. Нѣсколько меньше было бы число дорогъ, ведущихъ въ Тачи-Лунпо; первосвященникъ этого храма стоитъ гораздо ниже по святости сравнительно съ своимъ братомъ далай-ламой. За то цѣлое множество путей стекаются къ Кангъ-Нимпотье, священной горѣ Кайласу. Между этими главными центрами на картѣ нашли бы себѣ мѣсто множество меньшихъ святынь, привлекающихъ къ себѣ толпы богомольцевъ.

Отъ калмыцкихъ кибитокъ на низовьяхъ Волги, изъ земли тургутовъ на сѣверѣ, изъ рѣчныхъ долинъ, населенныхъ бурятами въ Восточной

Сибири, изъ степей Монголіи, съ Гималаевъ, изъ Ладака, Непала, Сиккима и Бутана, изъ областей, лежащихъ на границѣ Сечуана и Юннана—со всѣхъ концовъ необозримаго ламаистскаго міра безчисленные паломники ежегодно направляются къ святымъ городамъ Тибета. Надъ половиной Азіи, какъ постоянный аккомпаниментъ людской жизни и людскихъ странствій, раздается вѣчное «онъ мани падме хумъ». Эта фраза повторяется чаще, чѣмъ какія-либо „Богородица" или „Отче нашъ". Но и ламаизмъ,

Терасса надъ воротами въ Тачи-Лунпо.

подобно католичеству, имѣетъ свои тѣневыя стороны. Динарій св. Петра такъ же пышно процвѣтаетъ въ Тачи-Лунпо, какъ и въ Римѣ, и безъ денегъ или иныхъ даровъ не удаются дѣла благочестія. За звонкую монету священники продаютъ блаженство оптомъ и въ розницу, и на эти доходы ведутъ привольную и безпечную жизнь въ тѣнистыхъ кельяхъ монастырей. Многіе храмы здѣсь очень богаты, владѣютъ большими пространствами земли и стадами.

Уже высоко въ верховьяхъ Тіангъ-танга мы встрѣтили перваго ламу изъ странствующаго братства нищенствующихъ монаховъ, которые цѣлую жизнь бродятъ по всему ламаистскому міру; выходя за предѣлы Тибета, они отправляются и въ далекія страны и живутъ подаяніемъ. Иногда мнѣ попадались монахи, путешествующіе группами; они не разъ исполняли передъ моей палаткой религіозные танцы и пѣсни. То здѣсь, то тамъ встрѣчаются также и странствующія монахини, принадлежащія къ различнымъ нищенствующимъ орденамъ. Эти монахини проходятъ пѣшкомъ безконечныя пространства и собираютъ милостыню у кочевниковъ. Въ лежащихъ по обѣимъ сторонамъ великой рѣки юго-восточныхъ частяхъ Тибета, тамъ, гдѣ обрабатываются поля и селенія окружены садами, мы часто видали женщинъ, которыя въ одиночку или вдвоемъ пробираются между домами и показываютъ большія картины, укрѣпленныя на шестѣ, въ то же время онѣ нерѣдко чистымъ и звучнымъ голосомъ распѣваютъ текстъ, объясняющій эти простыя сцены изъ священной исторіи.

Въ заключеніе, чтобы не пройти молчаніемъ еще одну группу вѣрныхъ, хотя и эгоистичныхъ, служителей религіи, я хочу упомянуть объ отшельникахъ, о тѣхъ святыхъ, которые, независимо отъ какихъ-либо храмовъ или монастырей, проводятъ жизнь въ уединенныхъ пещерахъ. Они живутъ милостыней, которую подаютъ имъ окрестные кочевники. Я видѣлъ одну такую пещеру на отвѣсно возвышающемся утесѣ на вы-

сотѣ 50 метровъ надъ поверхностью земли. Внутрь горы велъ совершенно темный, круто поднимающійся проходъ. Отшельникъ уже три года прожилъ въ этой пещерѣ, не видя людей, но его убѣжище открывалось въ долину и солнечный свѣтъ все-таки проникалъ туда. Пустынникъ этотъ пользовался репутаціей большой святости: два служащихъ брата и двѣ монахини изъ Непала считали для себя за высокую честь жить въ пещерѣ, находившейся подъ пещерой отшельника, и доставлять ему все необходимое. Обѣ женщины отличались дикой, причудливой, безыскусственной прелестью, но когда былъ принесенъ фотографическій аппаратъ, онѣ безслѣдно исчезли во mракѣ потайныхъ закоулковъ горы. Самого отшельника я видѣлъ только черезъ трещину въ днѣ пещеры и слышалъ, какъ онъ бормоталъ свои длинныя молитвы.

Отъ вершины Кайласа я направился прямо къ сѣверу въ Дири-пугунпа, чтобы разыскать начало Инда. Здѣсь впервые я долженъ былъ позаботиться о караванѣ, ибо намъ все время приходилось бороться съ политическими затрудненіями, и я хотѣлъ быть увѣреннымъ, что эти трудности не подадутъ повода къ какимъ-либо роковымъ осложненіямъ. Мнѣ все таки удалось добиться отъ властей въ Гарка позволенія сдѣлать обходъ къ сѣверу съ пятью людьми и шестью лошадьми. Это была чрезвычайно замѣчательная, богатая событіями и очень рискованная поѣздка по совершенно неизвѣстной мѣстности. Въ одну изъ ночей мы расположились лагеремъ на томъ мѣстѣ, гдѣ вытекаетъ изъ горы одинъ истокъ Инда, на томъ мѣстѣ, которое тибетцы называютъ Синги-кабай, что значитъ «уста» (уста, откуда выходитъ Индъ).

Это мѣсто является святыней въ глазахъ жителей Тибета, здѣсь воздвигнуты каменные памятники и насыпаны кучи камня. На одной изъ каменныхъ плитъ было художественно высѣчено изображеніе боговъ, которое я довольно безбожно забралъ съ собой.

Быть можетъ, читатель сумѣетъ представить себѣ, съ какимъ чувствомъ благодарной радости стоялъ я тамъ и смотрѣлъ, какъ струится Индъ изъ нѣдръ скалы. Я стоялъ и смотрѣлъ, какъ этотъ незначительный ручей спускается въ долину, и думалъ о всѣхъ превратностяхъ судьбы, какія предстоитъ ему испытать прежде, чѣмъ, пройдя между скалистыми стѣнами, онъ донесетъ свои журчащія волны до моря, гдѣ въ Караки ходятъ суда и грузятъ и разгружаютъ свои товары. Я думалъ о его загадочномъ странствіи черезъ западный Тибетъ, черезъ Ладакъ и Балтистанъ, мимо Скарду, гдѣ стоятъ по берегамъ и склоняются надъ водой абрикосовыя деревья, черезъ Дурдистанъ и Кугистанъ мимо Пешавера и черезъ равнины западнаго Пенджаба, гдѣ онъ, наконецъ, пропадаетъ въ соленомъ морѣ, этой нирванѣ и мѣстѣ успокоенія всѣхъ усталыхъ рѣкъ. Я стоялъ и думалъ о томъ, какъ Александръ Македонскій, переходя черезъ Индъ 2.200 лѣтъ тому назадъ, имѣлъ лишь отдаленнѣйшее предчувствіе о томъ, гдѣ находится источникъ этой рѣки. И меня радовало сознаніе, что я—первый европеецъ, нога котораго ступала у истоковъ Инда. Несмотря на всѣ трудности, на мою долю выпало торжество найти истоки и Брамапутры, и Инда, найти начало обѣихъ всемірноисторическихъ рѣкъ, которыя, подобно двойной клешнѣ исполинскаго краба, охватываютъ Гималаи, самую мощную изъ горныхъ цѣпей нашей планеты. Съ небесныхъ высотъ падаютъ ихъ первыя капли, и онѣ катятъ свои воды по необъятной низменности, чтобы дать жизнь и пищу пятидесяти милліонамъ людей. Здѣсь наверху на ихъ берегахъ спокойно стоятъ бѣлыя громады храмовъ, въ Индіи въ ихъ струяхъ отражаются пагоды и мечети. Здѣсь въ Тибетѣ по обѣимъ рѣкамъ находятъ себѣ пріютъ волки, куланы, горные бараны и антилопы, ниже на равнинѣ, какъ горящіе угли, сверкаютъ въ джунгляхъ глаза тигровъ и леопардовъ, рыскающихъ по берегамъ. Мнѣ казалось, я слышу журчанье великаго потока времени, потока, въ

которомъ сливаются судьбы безчисленныхъ людей и поколѣній, родившихся, жившихъ и умиравшихъ по берегамъ этихъ рѣкъ. Не безъ гордости, но и съ благодарнымъ чувствомъ говорилъ я себѣ, что я—первый бѣлый человѣкъ, который проникъ къ истокамъ Инда и Брамапутры съ тѣхъ поръ, какъ Ной вышелъ изъ ковчега.

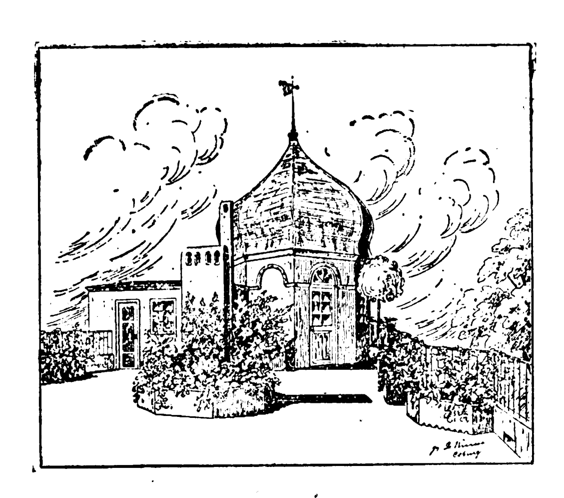
Отъ истока Инда я направилъ путь къ сѣверо-востоку и дошелъ до 32° сѣверной широты по совершенно неизвѣстной дорогѣ и не подвергаясь никакому надзору. Даже если бы мѣстныя власти и захотѣли отыскать насъ, это было бы не легко, ибо разстояніе между двумя стоянками кочевниковъ равняется въ общемъ пяти днямъ безостановочнаго пути. Я сдѣлалъ множество интересныхъ наблюденій относительно той торговли шерстью, какая ведется здѣсь съ Индіей и Ладакомъ.

Наконецъ, я двинулся на западо-юго-западъ прямо въ Гартокъ, гдѣ я нашелъ мой главный караванъ въ прекрасномъ состояніи. Исполнилось ровно полгода со времени моего отъѣзда въ Шигатсе.

Составленная мной до сихъ поръ карта моего пути заключаетъ въ себѣ 765 листовъ, изъ которыхъ почти каждый относится къ еще неизслѣдованной до сего времени мѣстности. Мои замѣтки занимаютъ 4.900 страницъ; 60 точекъ опредѣлено астрономически; собрано въ горахъ 900 образцовъ минераловъ; срисовано нѣсколько сотъ видовъ, ибо на каждой стоянкѣ и часто въ промежуткѣ между двумя стоянками я зарисовывалъ весь видимый ландшафтъ, чтобы быть въ состояніи дать вѣрную картину общаго характера мѣстности. Въ качествѣ матеріала для иллюстрацій я располагаю многими сотнями фотографій и 500 рисунками перомъ. Все время я безъ перерыва велъ метеорологическій журналъ, въ которомъ три раза въ день отмѣчались наблюденія. Хотя послѣднее мое путешествіе продолжалось не полные два года, но въ смыслѣ географическихъ результатовъ оно богаче и важнѣе, чѣмъ всѣ мои прежнія путешествія, потребовавшія около трехъ лѣтъ, богаче, чѣмъ какое-либо другое изъ предпринятыхъ доселѣ путешествій по Тибету.

Въ заключеніе еще нѣсколькихъ словъ о рельефѣ тибетской возвышенности. Я хочу сказать, что матеріала, имѣющагося теперь въ нашемъ распоряженіи, достаточно, чтобы получить ясное и отчетливое представленіе объ орографическомъ строеніи этой возвышенности, пяти большихъ горныхъ цѣпей (Квенлунъ, Арка-тахъ, Кара-корумъ, Нинъ-ченъ-тангъ-ла и Гималаи), а также безчисленныхъ меньшихъ, болѣе или менѣе обособленныхъ цѣпей, разбросанныхъ между пятью главными. При помощи всѣхъ собранныхъ уже опредѣленій высотъ, мы можемъ вычислить среднюю высоту плоскогорій и высоты переваловъ различныхъ цѣпей. Я лично во время моего путешествія измѣрялъ посредствомъ коховскаго термометра и трехъ барометровъ-анероидовъ высоты всѣхъ проходовъ, озеръ, рѣчныхъ переправъ, и лагерныхъ стоянокъ. Особенно интересно то, что къ сѣверу отъ Брамапутры находится громадная возвышенность тамъ, гдѣ ожидали встрѣтить относительно плоское плато. Послѣ того, какъ найдены истоки всѣхъ большихъ рѣкъ, мы можемъ опредѣлить границы центральной области, не имѣющей выхода къ морю, и вычислить площадь, занимаемую этой областью.

Истоки Гвангъ-го—открыты Пржевальскимъ, сѣверные истоки Янгъ-тсе-кіанга—Уэльби, южные—Рокгилемъ. Извѣстны также истоки рѣкъ Индокитая, хотя теченіе Янгъ-тсе-кіанга и Брамапутры (Дикангъ) еще не изслѣдованы въ подробностяхъ. Въ этой части земной поверхности геологи будущаго найдутъ истинное Эльдорадо величественныхъ, труднѣйшихъ и увлекательнѣйшихъ проблемъ.

Садъ съ бесѣдкой на крышѣ.

Садовый инженеръ Л. Книзе.

Сады на крышахъ.

Въ большихъ городахъ сады почти вытѣснены строеніями. Въ пригородахъ употребляютъ въ послѣднее время всѣ усилія, чтобы сохранить сады у виллъ и палисадники передъ домами, въ центрѣ же города и послѣдній клочекъ цвѣтущей земли уступаетъ мѣсто промышленности.

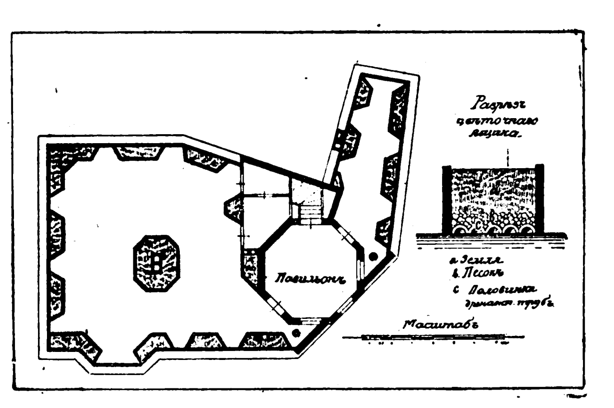
Была сдѣлана попытка возмѣстить это, устраивая колоніи садовъ за предѣлами города, но гораздо современнѣе мысль—использовать мѣста на плоскихъ крышахъ и какимъ-нибудь способомъ развести тамъ цвѣты.

Проще всего достигается это тѣмъ, что устраиваютъ стѣны изъ плюща и разводятъ цвѣты въ ящикахъ. Такіе деревянные ящики можно поставить всюду, но они не прочны. Цинковые же ящики неудобны, такъ какъ земля легко закисаетъ, вслѣдствіе недостаточнаго доступа воздуха. Тамъ, гдѣ конструкція крышъ такова, что въ состояніи выдержать большую нагрузку и непроницаема для воды, можно завести сады на крышѣ, которые нисколько не уступаютъ нашимъ садамъ за исключеніемъ того, что тамъ нельзя разводить деревья. Вокругъ крыши устраивается барьеръ изъ кирпича, приблизительно въ 30 сантиметровъ вышиною, съ отверстіями для просачивающейся воды. На крышу кладется слой песку и затѣмъ до верха барьера хорошая земля.

Поверхности дорожекъ заполняются выше пескомъ или обкладываются цементными плитами. На поверхности земли можно устроить цвѣточныя куртины и посѣять траву; можетъ расти тамъ и невысокій кустарникъ. Съ открытой стороны или кругомъ должны быть устроены предохранительные заборчики, которые могутъ быть покрыты вьющимися растеніями. Точно также голыя стѣны можно покрыть цѣпкимъ дикимъ виноградомъ или плющемъ. Тутъ же можно устроить бесѣдку, закрытую вьющимися растеніями.

Само собою понятно, что здѣсь, наверху, растенія требуютъ болѣе тщательнаго ухода, чѣмъ внизу, на землѣ. Особенно не должно быть недостатка въ необходимой влагѣ. Желательно также, чтобы такіе сады не подвергались цѣлый день дѣйствію солнца (рис. 1).

Пишущій эти строки имѣлъ случай проектировать и устроить садъ занимающій приблизительно среднее мѣсто между обоими указанными типами. Покрыть землею всю крышу было неудобно изъ опасенія перегрузки. Поэтому, были приняты слѣдующія мѣры, чтобы распредѣлить грузъ на внѣшнія стѣны. Домъ стоитъ на совершенно открытомъ мѣстѣ и имѣетъ, покрытую асфальтомъ крышу съ слабымъ наклономъ къ улицѣ.

Планъ сада на крышѣ съ бесѣдкой.

Вокругъ крыши былъ устроенъ каменный барьеръ въ 40 сантим., и на немъ была укрѣплена ограда. Барьеръ этотъ, въ которомъ были устроены отверстія для воды, служилъ одновременно стѣною; къ стѣнѣ этой пристроили ящики, какъ видно на рисункѣ. Для лучшаго отвода воды въ ящики на дно положены дренажныя полу-трубы, разрѣзомъ внизъ, къ крышѣ. Затѣмъ слѣдуетъ слой крупнаго песку и сверху хорошая земля.

Посадка въ ящикахъ со стороны ограды была заполнена вьющимися растеніями (дикій виноградъ, японскій хмѣль, капуцинскій крессъ, (настурціи) мышиный горошекъ). Вдоль гладкой стѣны зданія посадили плющъ и цѣпкій виноградъ. Изъ цвѣтовъ были выбраны лѣтніе цвѣты, затѣмъ геліотропы, пеларгоніи и т. д., изъ которыхъ болѣе свѣшивающіяся были посажены съ края ящика, чтобы скрыть борта. Для весенней посадки предпочтительнѣе луковичныя растенія.

Отвѣты.

Подп. № 27003. „Махаевщина" или „махаевцы"—не партія, а ограниченная группа лицъ, проповѣдующихъ своеобразные взгляды. Характерной особенностью ихъ міровоззрѣнія является утвержденіе, что изъ двухъ классовъ, на которые дѣлится всякое общество, — эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ — къ эксплуатируемымъ относятся не всѣ наемные рабочіе, а только тѣ, что занимаются физическимъ трудомъ. Умственные работники и вся, такъ называемая, интеллигенція, согласно этому ученію, относятся къ классу эксплуататоровъ. Родоначальникомъ этого ученія былъ Махайскій (А. Вольскій) отсюда и названіе Махаевцы, т. е. послѣдователи Махайскаго. По этому поводу имѣется цѣлая литература. См. А. Вольскій. «Умственный рабочій", 2 ч. Ц. 90 к. Еще болѣе ярый послѣдователь этого ученія Лозинскій: «Что такое интеллигенція?». Основательная критика этого ученія изложена въ брошюрѣ Иванова-Разумника: «Что такое махаевщина?» Объективное изложеніе ученія можно найти въ «Русской Мысли» за текущій годъ въ послѣдней части работы подъ заглавіемъ „Критика соціалъ-демократіи слѣва".

Подп. М. Зиновичу. Воротнички изъ композиціи очень распространены, и до сихъ поръ не было слышно, чтобы ихъ примѣненіе вызывало накожную сыпь. Конечно, ихъ гигіеничность можетъ подлежать сомнѣнію въ тѣхъ случаяхъ, когда при ихъ выработкѣ, примѣняются вещества не безвредныя. Возможно, что въ вашей мѣстности распространены воротнички фабрики, которая прибѣгаетъ именно къ такимъ вреднымъ составнымъ частямъ (какимъ—мы не можемъ знать),—въ такомъ случаѣ, не слѣдуетъ покупать воротнички, изготовленные на этой фабрикѣ. Но возможно, что указанная вами распространенность накожн. сыпи среди пользующихся воротничками „Композиція" объясняется какими-либо другими причинами. Не мѣшаетъ обратить вниманіе на необходимость содержанія этихъ воротничковъ въ особенной чистотѣ, такъ какъ при нихъ не происходитъ всасыванія.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВО ФРАНЦІИ.

(Къ 200-лѣтію Полтавской битвы).

Недавно вышло въ Парижѣ сочиненіе виконта де-Гишена *), бывшаго секретаря французскаго посольства въ Петербургѣ, о дипломатическихъ сношеніяхъ Россіи и Франціи до Петра, о пребываніи его во Франціи въ 1717 г. и заключеніи перваго договора между упомянутыми державами 15 августа 1717 г., сочиненіе составленно по французскимъ архивнымъ документамъ, и г. П. Орловъ знакомитъ съ нимъ читателей „Н. В.“ Изъ его изложенія мы заимствуемъ нѣкоторыя выдержки, полагая, что въ настоящій моментъ, когда полтавскій юбилей привлекаетъ взоры всѣхъ къ петровской эпохѣ, — для читателей „Вѣстника Знанія“ будетъ интересна эта страничка изъ жизни великаго преобразователя Россіи. *Ред.*

Петръ Великій.
(Съ портрета Мора).

—

Пріѣзжавшіе въ Россію французы разсказывали Петру много о своемъ отечествѣ. Онъ страстно желалъ посѣтить Францію главнымъ образомъ съ цѣлью заключить съ нею союзъ, ибо ясно видѣлъ общность политическихъ интересовъ; а между тѣмъ отношенія были весьма на-

*) Vicomte de Guichem. Pierre Le Grand et le premier traité franço-russe (1682—1717).

тянутыя; Петру предстояла нелегкая задача.

25 апрѣля (числа по новому стилю) 1717 г. царя прибылъ въ Кале. Его супруги Екатерины, съ нимъ не было, хотя до сихъ поръ она сопровождала его во всѣхъ походахъ. Французы объясняли, что Петръ опасался представить въ современныхъ Аѳинахъ знаменитую ливонскую служанку.

Регентъ, герцогъ Филиппъ Орлеанскій, управлявщій Государствомъ въ малолѣтство короля Людовика XV, прислалъ де-Майи маркиза де-Нель привѣтствовать высокаго гостя.

Въ Кале Петръ пробылъ до 4 мая, праздновалъ Пасху и проводилъ время въ осмотрѣ укрѣпленій, порта и морскихъ сооруженій.

Когда пришло время отъѣзда въ Парижъ, и для Петра принесли дорожныя носилки, въ которыхъ обыкновенно тогда путешествовали знатныя особы, то царь потребовалъ, чтобы къ нимъ придѣлали оглобли, и чтобы ѣхать на лошадяхъ, какъ въ почтовой повозкѣ. 5 мая онъ пріѣхалъ въ гор. Аббевиль, гдѣ осматривалъ фабрику тонкаго сукна; 6-го проѣхалъ, нигдѣ не останавливаясь, черезъ Амьенъ и прибылъ въ Бретейль; 7-го прослѣдовалъ черезъ Бове и достигъ Бомона. Въ Амьенѣ была приготовлена торжественная встрѣча. Всѣ собрались въ покояхъ епископа, гдѣ былъ приготовленъ ужинъ,—но онъ только перемѣнилъ лошадей и двинулся дальше. Точно также въ Бове епископъ ожидалъ царя на ночлегъ и приготовилъ для этого свой домъ. Но и здѣсь царь ограничился обѣдомъ въ 18 франковъ и поспѣшилъ уѣхать, имѣя въ головѣ одну мысль—скорѣе добраться до Парижа; 7-го мая въ 9—10 ч. вечера московскій царь пріѣхалъ въ Парижъ. Петръ возбуждалъ самое живое любопытство. Придворныя дамы сгорали отъ желанія видѣть балтійскаго медвѣдя, донского казака, который былъ равнодушенъ къ прекраснымъ парижанкамъ. До 1716 года имя побѣдителя подъ Полтавой не появлялось въ спискѣ государей Европы, печатавшемся въ Парижѣ.

Теперь увидѣли царя. Онъ былъ высокаго роста, великолѣпно сложенъ и очень худощавъ; въ его лицѣ виднѣлись энергія и умъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно было сурово, повелительно и постоянно перекашивалось нервнымъ тикомъ,—послѣдствіе чрезмѣрнаго употребленія спиртныхъ напитковъ; движенія рѣзки, походка надменна; когда онъ говорилъ, то казалось, что онъ въ гнѣвѣ; его величественность имѣла характеръ дикій.

Скупой на слова, онъ только спрашивалъ. Одежда была такъ проста, какъ будто бы онъ еще чувствовалъ себя плотникомъ въ Саардамѣ; круглый парикъ и длинный кафтанъ съ золотыми пуговицами, безъ манжетъ. Часто Петръ не носилъ шляпы. Занятый постоянно изученіемъ западной цивилизаціи, чтобы перенести ее въ свое государство, онъ тратилъ на представительность лишь строго ограниченное время; онъ былъ просто охваченъ страстью къ изученію; ему было достаточно видѣть что-нибудь чтобы знать; онъ обладалъ необычайной способностью моментально схватывать предметы самые сложные и разнородные. Въ общемъ въ немъ нашли душу татарина, геній великаго человѣка, снисходительность дикаго деспота, который самъ цивилизовался.

Свита царя давала обильную пищу всеобщему любопытству своими странностями. Одинъ Толстой могъ почти правильно объясняться по-французски. Шутъ Зотовъ имѣлъ обязанность развлекать царя среди его многочисленныхъ заботъ. Это—старый карликъ, съ длинными, бѣлыми волосами, падавшими по плечамъ; его безобразіе и уродливость были непомѣрны: онъ походилъ на лягушку. Священникъ говорилъ лишь по-русски и только и дѣлалъ, что пьянствовалъ; данныя для церковной службы свѣчи онъ продавалъ въ городѣ. Съ членами свиты невозможно было вести какое-нибудь дѣло, потому что они праздновали Пасху и всѣ были пьяны, „кромѣ его царскаго величества, который никогда не напивался до потери сознанія".

По прибытіи въ столицу царя провели въ старый Лувръ, богато убранный именно для высокаго гостя. Петръ въ нѣсколько минутъ прошелъ всѣ залы, удивился подобной пышности и заявилъ желаніе получить помѣщеніе попроще. „Я хочу быть свободнымъ",—добавилъ онъ. Поспѣшно приготовили отель Ледигьеръ, около арсенала, и въ полночь туда при-

былъ царь. Въ 4 ч. утра онъ ужъ всталъ и сѣлъ за столъ, чтобы начать работать, не теряя времени.

Въ тотъ же день регентъ съ многочисленной свитой сдѣлалъ ему визитъ, причемъ Петръ показалъ себя очень искуснымъ въ утонченныхъ придворныхъ разговорахъ.

Онъ нѣсколько разъ поцѣловалъ принца и заявилъ, что желаніе пріѣхать во Францію у него явилось въ ту минуту, какъ пришло извѣстіе, что принцъ сдѣлался регентомъ. „Говорятъ,—добавилъ онъ,—что вы имѣете истиннаго друга, такого, какимъ былъ для меня мой бѣдный Лефортъ“.

— Ваше величество,—отвѣчалъ регентъ,—у меня есть много истинныхъ друзей: де-Носе, де-Ноайль, де-Сентъ-Симонъ, де-Канійакъ.

— Я понимаю. Это вѣрные слуги, но не друзья. Я говорю о создателѣ тройственнаго союза, Дюбуа.

— Вотъ онъ, ваше величество. Дѣйствительно, я его люблю, какъ человѣка большого ума и отмѣченнаго своими заслугами.

Тогда кардиналъ Дюбуа сказалъ въ свою очередь:

— Ваше Величество, имя Лефорта, знаменитаго вашей августѣйшей дружбой, извѣстно во всей Европѣ, и я недостоинъ сравниваться съ нимъ.

— Оставьте такія слова завистникамъ,—возразилъ царь, и разсыпался въ похвалахъ Дюбуа, который вѣдь былъ нужнымъ человѣкомъ въ предстоявшихъ переговорахъ о союзѣ.—Я желалъ бы имѣть такихъ людей, какъ вы. Короли не дѣлаютъ великихъ министровъ, но министры дѣлаютъ великихъ королей.

10 мая царю сдѣлалъ визитъ семилѣтній король Людовикъ XV со своими воспиталемъ, маршаломъ Виллеруа. Король повторилъ слова регента, выражалъ радость по случаю прибытія Петра во Францію, увѣрялъ въ уваженіи къ его личности и въ желаніи сдѣлать все ему угодное.

Очарованный такимъ отношеніемъ, Петръ нѣсколько разъ поцѣловалъ короля, сказавъ: «ваше величество, это не поцѣлуи Іуды». Черезъ четверть часа онъ проводилъ его до кареты и на прощанье добавилъ: «Я желаю отъ всего сердца, чтобы ваше величество выросли среди благополучія и царствовали со славой. Быть можетъ придетъ время, когда мы будемъ нужны другъ другу и окажемъ взаимныя услуги» *).

Въ тотъ же день, между одиннадцатью и двѣнадцатью часами назначено было привѣтствіе царю отъ города. Къ 11 ч. городскія власти собрались въ думѣ (hôtel de ville), облеклись въ бархатныя одѣянія и въ 11½ час. поѣхали въ шести каретахъ, въ строгомъ порядкѣ по чинамъ, въ сопровожденіи отряда изъ 70 стрѣлковъ.

Въ гостиницѣ Ледигьеръ ихъ ожидалъ главный церемоніймейстеръ. Четыре человѣка принесли подарки отъ города. По обычаю подарки состояли: изъ двѣнадцати дюжинъ бѣлыхъ восковыхъ свѣчей, въ 2 фунта каждая, связанныхъ въ пачки голубыми лентами и уложенныхъ въ три тонкихъ бѣлыхъ ивовыхъ корзины, закрытыхъ бѣлой тафтой; двѣнадцати дюжинъ коробокъ сухого варенья, связанныхъ въ пакеты голубыми лентами и уложенныхъ въ три корзины, закрытыя бѣлой тафтой.

Главный церемоніймейстеръ ввелъ представляющихся въ галерею гостиницы, гдѣ стоялъ его царское величество со своими придворными. Купеческій старшина приблизился къ нему и сказалъ рѣчь. Царскій толмачъ перевелъ ее, а равно и отвѣтъ царя.

Тогда представлявшіеся сдѣлали глубокій поклонъ и удалились подъ руководствомъ главнаго церемоніймейстера.

Съ тѣхъ поръ Петръ началъ путешествовать по Парижу, „одѣтый,—по словамъ современника,—какъ самый простой буржуа, въ сопровожденіи одного изъ своихъ офицеровъ и Фонтенеля, который ему понравился“.

Всѣ замѣчали его жадное стремленіе все узнать, его вѣрныя сужденія и крайнее разнообразіе его познаній. Онъ хотѣлъ все видѣть, все знать, подтверждая вполнѣ свою репутацію. Онъ не пользовался своей пышной каретой и разъѣзжалъ въ простой двуколкѣ. Прежде

*) По этому поводу Петръ такъ писалъ Екатеринѣ: „Объявляю вамъ, что въ прошлый понедѣльникъ визитовалъ меня здѣшній коралица, который пальца на два болѣе Луки нашего (карликъ); дитя зѣло изрядная образомъ и станомъ, и по возрасту своему довольно разуменъ, которому седмь лѣтъ“.

всего онъ посѣтилъ арсеналъ, потомъ пушечно-литейный заводъ, наконецъ ботаническій садъ. По пути онъ остановился у королевскаго плотника, смотрѣлъ на работу, самъ работалъ съ мастерами, освѣдомлялся о названіи и назначеніи различныхъ инструментовъ. То же сдѣлалъ онъ у придворнаго столяра. Наконецъ, онъ отправился къ королю. Увидѣвши, что маленькій Людовикъ спѣшитъ къ нему на встрѣчу въ каретѣ, Петръ выскочилъ изъ нея, побѣжалъ къ королю, поднялъ его на руки, сердечно поцѣловалъ и внесъ по лѣстницѣ въ залъ; здѣсь разговоръ начался.

— Государь, мой братъ, — сказалъ онъ.—Давно уже я хотѣлъ видѣть французскаго короля во всей славѣ его величества. Сегодня я удовлетворенъ, увидавъ молодого короля, который обѣщаетъ все великое своихъ предковъ. Я знаю много языковъ, но я желалъ бы позабыть ихъ всѣ и знать только одинъ французскій, чтобы разговаривать съ вашимъ величествомъ. Вы начинаете ваше царствованіе, а я свое кончаю; я надѣюсь, что вы удостоите своей дружбой моего преемника.

Одинъ изъ лучшихъ портретовъ Петра Великаго.

— Развѣ вы уже такъ стары, ваше величество? — возразилъ король. — Подождите, когда волосы ваши такъ же посѣдѣютъ, какъ у моего дѣдушки.

— Увы, я очень боюсь, что у меня не хватитъ времени, чтобы окончить мою работу. Вамъ, государь, я предсказываю, что вы превзойдете вашего предка мудростью, славой и могуществомъ.

— Я не надѣюсь,—сказалъ Людовикъ XV.

Въ первые же три дня своего пребыванія въ Парижѣ Петръ произвелъ наилучшее впечатлѣніе среди лицъ, окружавшихъ регента. Маршалъ Виллеруа писалъ маркизѣ Ментенонъ 12 мая: „Я долженъ вамъ сказать, что этотъ принцъ вовсе не варваръ, какъ о томъ предполагаютъ: онъ выказалъ величіе, великодушіе и обходительность, которыхъ мы не ожидали“.

12 мая Петръ посѣтилъ фабрику гобеленовъ. Съ видимымъ удовольствіемъ обратился онъ къ рабочимъ: „Господа, вы соперничаете со славой королей!“ Замѣтивъ маленькихъ дѣтей, не болѣе семилѣтняго возраста, онъ трогательно ихъ приласкалъ. Работы, которыя производились въ его присутствіи, такъ его заинтересовали, что 15 іюня онъ второй разъ пріѣхалъ на фабрику. Тогда ему поднесли четыре гобелена, сдѣланные съ картинъ Жувене: „Чудесный ловъ рыбы“, „Воскрешеніе Лазаря“, „Іисусъ, исцѣляющій паралитичнаго“, „Изгнаніе торговцевъ изъ храма“. Въ письмѣ къ Меньшикову отъ 23 мая царь даетъ самыя подробныя указанія относительно фабрикаціи подобныхъ вещей въ Россіи.

13 мая Петръ посѣтилъ зеркальную мануфактуру въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ; 14 — оперу вмѣстѣ съ регентомъ. Во время спектакля онъ уснулъ и въ другой разъ въ оперу не пошелъ.

16 мая онъ направился къ инвалидомъ. Его солдатское сердце заговорило: энергичнымъ жестомъ онъ схватываетъ стаканъ вина, съ одушевленіемъ пьетъ за товарищей и пожимаетъ руку каждому изъ храбрецовъ.

Неожиданно прибылъ онъ въ механическую мастерскую Père Sébastien, на площади Моберъ, и пробылъ тамъ два часа. Когда ему подавали вещи, сдѣланныя недостаточно хорошо, онъ ихъ отбрасывалъ и, напротивъ, долго любовался предметами отлично сработанными—сейчасъ видно было знатока съ правильнымъ взглядомъ.

Наряду съ такими замѣчательными качествами, „русская душа выказалась въ немъ вполнѣ“. Страсть къ вину унижала его достоинство. Говорятъ, невоздержность разгула дошла до того, что царь жестоко оскорбилъ регента, который такъ разсердился, что даже грозилъ Бастиліей. Однако, ничего не вышло наружу. Послѣ оргій у герцогини Беррійской, дѣйствующія лица этого скандала: регентъ, царь и герцогиня обязались торжественной клятвой ничего никому не говорить и запечатлѣли примиреніе поцѣлуями.

Однажды, на охотѣ въ Фонтебло, онъ и его свита такъ напились, что ихъ должны были на повозкѣ доставить въ городъ.

На монетномъ дворѣ, который онъ осматривалъ 28 мая, вычеканили въ его присутствіи и поднесли ему золотую медаль. Оказался большой сюрпризъ для монарха, когда на одной сторонѣ онъ нашелъ свое изображеніе, а на другой—рѣку, катящую вдаль свои волны; наверху надпись: „Uires acquirit eundo“.

25 мая царь въ первый разъ пріѣхалъ въ Версаль, но, узнавъ, что въ Парижѣ будетъ процессія, поспѣшно возвратился туда. Бѣдный маршалъ Тессе, состоявшій при русскомъ государѣ, едва успѣлъ достать для него два балкона въ архіерейскомъ домѣ.

29 мая герцогъ д'Антенъ, „самый утонченный куртизанъ своего вѣка“, далъ Петру торжественный обѣдъ, „какого, говоритъ легенда того времени, давно, давно не случалось даже при французскомъ дворѣ“.

Въ первые же дни своего пребыванія во Франціи царь выразилъ желаніе видѣть m-me Ментенонъ,—„эту живую реликвію великаго вѣка“. Однажды, воспользовавшись посѣщеніемъ Версаля, онъ отправился въ Сенъ-Сиръ, гдѣ жила m-me Ментенонъ. Фагонъ, почти столѣтній придворный, служилъ Петру проводникомъ.

Когда доложили о царѣ, m-me Ментенонъ (ей было 82 года) выслала сказать, что она тронута великой честью визита принца, но что по болѣзни не можетъ его принять. „Это ничего,—сказалъ онъ,—я не хочу ее безпокоить, но мнѣ необходимо ее видѣть и засвидѣтельствовать мое почтеніе, потому что эта дама оказала много услугъ королю и королевству; она сдѣлала имъ много добра и никакого зла, исключая гугенотовъ, да и это по простотѣ и суевѣрію“. Не ожидая отвѣта, онъ вошелъ. Она лежала на кровати, съ задернутыми занавѣсками. Петръ немного ихъ раздвинулъ, привѣтствовалъ больную самымъ вѣжливымъ образомъ и сѣлъ въ ногахъ кровати. Онъ извинился, что пришелъ къ ней въ неподходящее время, но, пріѣхавъ во Францію, чтобы видѣть все самое замѣчательное въ Парижѣ и Версали, онъ не могъ не сдѣлать визита маркизѣ и не увѣрить ее въ своемъ глубокомъ уваженіи. Потомъ его величество спросилъ, отчего она больна.

— Отъ старости!—отвѣчала маркиза слабымъ голосомъ.

— Это болѣзнь, которой мы всѣ подвержены, если долго живемъ.

Наконецъ, онъ поднялся, пожелалъ ей наилучшаго здоровья и откланялся.

Кардиналъ Дюбуа разсказываетъ этотъ эпизодъ немного иначе.

Въ 7 часовъ вечера царь вошелъ въ комнату, не говоря ни слова, отдернулъ занавѣски кровати, сѣлъ въ ногахъ, и спросилъ: „Вы больны, мадамъ?“

— Фагонъ хочетъ уморить меня съ голоду,—отвѣчала Ментенонъ,—онъ не даетъ мнѣ даже супа.

— Какая же ваша болѣзнь?

— Мои большіе годы.

— Это болѣзнь, отъ которой не излѣчиваются.

Въ комнатѣ становилось темно, а потому Петръ нагнулся къ Ментенонъ.

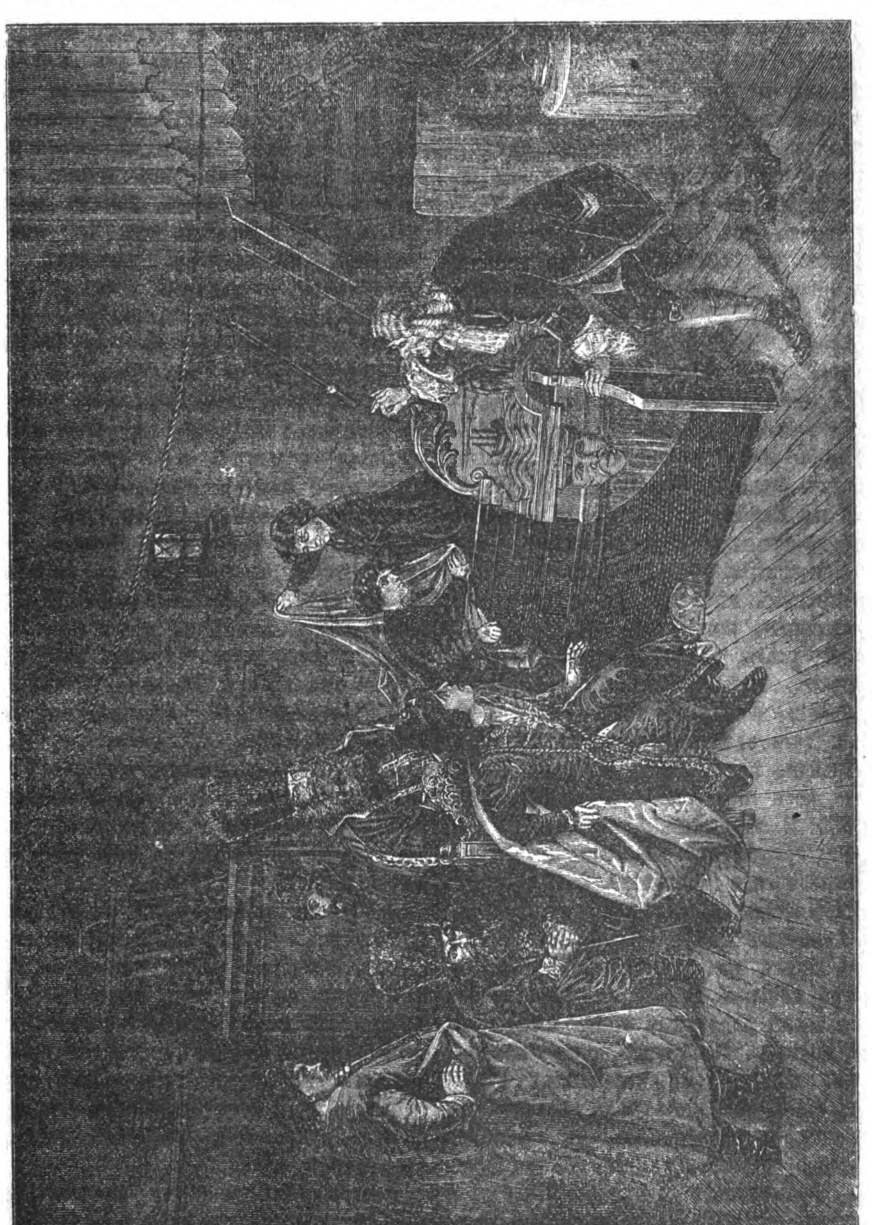
— Ваше величество, вы заставляете меня краснѣть!—воскликнула старая фаворитка.

Царь ничего не возразилъ и вышелъ быстро и молча. Больше онъ не возобновлялъ разговора о m-me Ментенонъ.

3 іюня онъ посѣтилъ Сорбонну. Ученые сейчасъ же ему представили, какъ легко было бы достигнуть соединенія церквей. Его величество удостоилъ ихъ отвѣтомъ, что дѣло это слишкомъ важное, его невозможно устроить въ короткій срокъ, а кромѣ того онъ занимается болѣе дѣлами военными. Впрочемъ, если они желаютъ, то имъ стоитъ только написать къ русскимъ епископамъ, потому что такое важное дѣло потребуетъ собора духовенства.

Ученые доктора составили по этому вопросу мемуаръ и послали въ Россію; къ 1720 году предложеніе Сорбонны было отклонено.

Дюбуа прибавляетъ, что въ 1718 г. Петръ изгналъ іезуитовъ изъ своего царства, а своего шута Зотова назвалъ папой въ священной коллегіи пьяницъ.

Юный Петръ I у корабельнаго мастера.
(Съ картины Н. Мясоѣдова).

Неутомимо царь продолжалъ свою работу: то онъ бесѣдовалъ съ Вариньономъ, извѣстнымъ профессоромъ математики, то у Пижона покупалъ механически поворачивающійся глобусъ, поднимался на башню Notre-Dame, посѣщалъ фабрику гобеленовъ, обсерваторію, химика Жоффруа, географа Делиля и мн. друг. Делилю 18 іюня утромъ онъ объяснялъ положеніе и пространство русскаго государства по двумъ рукописнымъ картамъ, сдѣланнымъ по повелѣнію Петра. „Онъ обратилъ особенное вниманіе Делиля на новую крѣпость, которую велѣлъ

построить въ Татаріи, и на свои новыя пріобрѣтенія въ этой странѣ посредствомъ подчиненія одного татарскаго царя, который сдѣлался его вассаломъ, и присоединенія ста тысячъ калмыковъ“ („Mercure de France“, 1717). Можетъ быть, здѣсь идетъ рѣчь о калмыцкомъ ханѣ Аюкѣ?

Въ королевской библіотекѣ аббатъ Лувуа представилъ нѣсколько греческихъ рукописей, богато илюстрированныхъ; нѣкоторыя изъ нихъ царь поднесъ къ губамъ и поцѣловалъ.

19 іюня, въ парламентѣ, его помѣстили въ разукрашенную ложу, откуда онъ могъ спокойно обозрѣвать весь залъ. Послѣ рѣчей Мишо и Герена, главный прокуроръ де-Ламуаньонъ, поднялся и сказалъ, что было много примѣровъ, когда государи просили совѣта по наиболѣе важнымъ дѣламъ ихъ государствъ, но чтобы монархъ страны, столь удаленной отъ Франціи и раскинувшейся широко въ Европѣ и въ Азіи, самъ захотѣлъ присутствовать на засѣданіи,—случай очень рѣдкій. Онъ заслуживаетъ быть занесеннымъ въ лѣтописи парламента и переданнымъ потомству. Засѣданіе кончилось; уходя, царь привѣтствовалъ сенаторовъ, которые были въ красныхъ одѣяніяхъ, и президентовъ, одѣтыхъ въ мѣха, чего не было со временъ Карла V.

Покидая залъ, Петръ публично выразилъ свое почтеніе къ министерству юстиціи и сказалъ: „Законы нуждаются въ поддержкѣ; ихъ уважаютъ настолько, насколько ихъ заставляютъ уважать“.

Совершенно неожиданно царь пріѣхалъ въ Академію Наукъ и нашелъ тамъ лишь двухъ членовъ, которые, однако, быстро нашлись, выразили ему почетъ и показали различныя вновь изобрѣтенныя машины. Посѣщеніе царя было занесено подробно въ протоколъ, а затѣмъ, уже послѣ отъѣзда Петра изъ Франціи, президентъ Академіи Биньонъ написалъ о желаніи выбрать его членомъ французской Академіи Наукъ и поднести ему труды Академіи съ 1699 г., какъ то полагается каждому академику.

Арешкинъ, первый медикъ царя, отвѣчалъ письмомъ о согласіи его величества. Тогда, въ засѣданіи 22 декабря 1717 г., послѣ прочтенія этого письма, Петръ съ восторгомъ былъ избранъ академикомъ „внѣ всякихъ ранговъ“.

Прошло со времени пріѣзда въ Парижъ болѣе шести недѣль; приближался срокъ отъѣзда. Царь повидалъ въ этотъ періодъ болѣе, чѣмъ иной въ цѣлый годъ; ни осталось ни одной сколько-нибудь извѣстной фабрики или мастерской, которая не была бы имъ осмотрѣна. Съ грустью покидалъ онъ Парижъ съ его удивительными чудесами. Во Франціи онъ оставлялъ самое лучшее о себѣ впечатлѣніе. Лувиль въ письмѣ отъ 17 іюня писалъ, что царь имѣетъ гораздо болѣе достоинствъ, нежели недостатковъ; по внѣшности онъ не очень вѣжливъ, недостаточно любезенъ, не интересуется женщинами, потому что предпочитаетъ рабынь; но онъ много знаетъ, и во Франціи нѣтъ столь же умѣлаго человѣка ни среди моряковъ, ни въ арміи, ни среди военныхъ инженеровъ; онъ любитъ искусства и ненавидитъ роскошь; ни минуты онъ не остается празднымъ; ложится спать въ 9 час. вечера и встаетъ въ 4 часа утра.

Дюбуа такъ восхитился Петромъ, что даже хотѣлъ было ѣхать съ нимъ въ Россію, гдѣ „я былъ бы министромъ, а можетъ быть папой на мѣсто шута Зотова... Страхъ кнута удержалъ меня“.

Царь уѣхалъ изъ Парижа 20 іюня въ Спа. Проѣзжая черезъ одну деревню, онъ увидѣлъ человѣка, одѣтаго иначе, чѣмъ крестьяне, и работавшаго въ своемъ небольшомъ саду. Узнавъ, что это священникъ, онъ вошелъ въ садъ и спросилъ его: развѣ прихожане не помогаютъ ему въ работѣ?

— Очень рѣдко, мосье!,— отвѣчалъ священникъ.—Когда кто-нибудь изъ нихъ имѣетъ свободное время, они охотно мнѣ помогаютъ, но они сами имѣютъ столько заботъ, что вѣчно заняты. Впрочемъ, моя служба оставляетъ мнѣ достаточно времени для обработки моего маленькаго клочка земли, и я могъ заработать нѣсколько сотъ ливровъ въ годъ отъ продажи фруктовъ и шелка.

Восхищенный монархъ записалъ имя священника и сказалъ своимъ спутникамъ: „Напомните мнѣ по возвращеніи въ Россію. Я посмотрю, можно ли привлечь нашихъ деревенскихъ поповъ къ обраборткѣ земли и вытащить изъ бѣдности и лѣности“.

Во все время пребыванія царя въ Парижѣ велись дѣятельно переговоры о сою-

зѣ Франціи, Россіи и Пруссіи. 19 іюня, наканунѣ его отъѣзда, всѣ статьи договора уже были выработаны, но изъ-за прусскаго уполномоченнаго Книпгаузена дѣло затянулось и пришлось продолжать переговоры въ Голландіи.

Петръ пользовался водами въ Спа до 25 іюля, а затѣмъ переѣхалъ въ Амстердамъ, гдѣ 15 августа былъ заключенъ договоръ канцлеромъ Головинымъ, Шафировымъ м Борисомъ Куракинымъ — съ русской стороны, французскимъ посломъ въ Голландіи Шатопеформъ—со стороны Людовика XV, и барономъ Книпгаузеномъ —со стороны прусскаго короля. Договоръ состоялъ изъ шести статей.

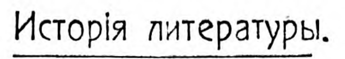
Русскій царь и короли французскій и прусскій обязались поддерживать миръ, возстановленный трактатами Утрехтскимъ и Баденскимъ, также охранять договоры, которые имѣютъ прекратить Сѣверную войну. Для утвержденія союза между тремя державами, подданные ихъ пользуются взаимно всѣми выгодами, какія имѣютъ націи, наиболѣе покровительствуемыя. Договаривающіеся государи предоставляютъ себѣ взаимное право сохранить всѣ другіе свои договоры и союзы, не противные настоящему союзу; особенно король французскій выговаривалъ себѣ союзъ съ Англіей и Голландіей. Договаривающіеся государи гарантируютъ договоры Ухтрехтскій и Баденскій, равно какъ тѣ, которые прекратятъ Сѣверную войну.

Кромѣ того, были еще три статьи секретныя. Если одинъ изъ союзниковъ подвергнется нападенію, то другіе обязаны вытребовать ему удовлетвореніе отъ обидчика; но если эти средства не помогутъ, то, спустя четыре мѣсяца, союзники должны помогать войсками или деньгами. Царь всероссійскій и король прусскій обязуются принять посредничество французскаго короля для прекращенія Сѣверной войны, при чемъ французскій король не. долженъ употреблять никакого понужденія ни противъ которой стороны; король французскій обязуется также, по истеченіи срока договора, существующаго между его государствомъ и Швеціею (срокъ кончался въ апрѣлѣ 1718 г.), не вступать ни въ какое новое обязательство со Швеціею.

Петръ Великій.
(Голова статуи работы **Антокольскаго).**

Первымъ послѣдствіемъ Амстердамскаго договора была посылка изъ Франціи въ Россію Кампредоуна въ качествѣ полномочнаго министра и Виллардо — консуломъ. Такъ началось дипломатическое представительство, которое сохранилось и впослѣдствіи. Не то вышло съ союзомъ: къ невыгодѣ обѣихъ державъ, тотчасъ послѣ кончины Петра былъ разорванъ союзъ, заключенный имъ съ большими трудностями, и Россія въ 1726 г. вступила въ союзъ съ Австріей, который оказывалъ давленіе на ея европейскую политику въ теченіе 80 лѣтъ.

Только въ 1893 г. русская политика вновь твердо вступила на путь, указанный великимъ преобразователемъ русскаго государства.

Исторія литературы.

М. Е. Салтыковъ.
(1826—1889).

Н. В. Горкинъ.

Сатирикъ русской общественности.

„...Итакъ, не станемъ приходить въ отчаяніе, а будемъ вѣрить. Жизнь не останавливается и не изсякаетъ. Если горькимъ насильствомъ не суждено ей проявиться непосредственно, она просочится сквозь тѣ честныя сердца, которыя воспримутъ сѣмя ея и сторицею возвратятъ ей посѣянное“...

Изъ журнальныхъ статей *М. Е. Салтыкова* („Совр.“ 1863 г.)

Во второй половинѣ 1856 года въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, принадлежавшемъ тогда еще къ либеральному лагерю, появились „Губернскіе очерки“ Н. Щедрина. Авторъ ихъ не былъ новичкомъ въ литературѣ, и въ литературныхъ кругахъ хорошо помнили его первые опыты—повѣсти „Противорѣчіе“ и „Запутанное дѣло“, напечатанныя еще въ сороковыхъ годахъ. Но „Губернскіе очерки“ сразу создали скрывшемуся за псевдонимомъ надворнаго совѣтника Щедрина—М. Е. Салтыкову широкую извѣстность. Они представили собой одно изъ самыхъ крупныхъ явленій въ сатирической и обличительной литературѣ того времени, породили множество подражателей, развили у читающей публики вкусъ къ разсказамъ „въ щедринскомъ родѣ“. Этимъ произведеніемъ, встрѣтившимъ одинаково теплый пріемъ и у тогдашней передовой публики, и, за единственнымъ исключеніемъ (Писаревъ), у тогдашней передовой критики, началась дѣятельность самаго блестящаго и самаго глубокаго изъ русскихъ сатириковъ.

Съ этого времени въ продолженіе болѣе тридцати лѣтъ раздавался его полный скорбнаго негодованія голосъ, безпощадно обличавшій пошлость и тупость, наглое злопыхательство и елейное лицемѣріе, мелкую корысть и крупную низость, торжество необузданной силы и безсиліе попраннаго права. Твердой рукой талантливый сатирикъ неутомимо вскрывалъ всѣ общественныя язвы своего времени и, „проповѣдуя любовь враждебнымъ словомъ отрицанья“, указывая дорогу къ лучшему будущему, будилъ всѣ здоровыя силы родной страны, призывая ихъ къ осуществленію идеаловъ добра и правды.

Долгій и славный, тернистый и мучительный путь общественнаго служенія... Велика заслуга писателя, такъ стойко и беззавѣтно державшаго свое знамя, не склонявшаго его ни передъ прямыми и открытыми нападеніями, ни передъ замаскированными, предательскими ударами изъ-за угла. Велико значеніе Салтыкова и въ исторіи русской литературы, и въ исторіи русской общественности.

Все воспитательное значеніе щедринской сатиры въ полной мѣрѣ испытало на себѣ предшествующее поколѣніе, но и для нашихъ современниковъ эта сатира не стала чуждой, не утратила своего глубокаго, захватывающаго интереса. Читателямъ безъ сомнѣнія, много разъ случалось убѣждаться, какое современное, слишкомъ современное значеніе сохраняютъ и для нашихъ дней страстныя, него-

дующія обличенія Салтыкова. Перечитывая теперь эти вѣщія строки, не знаешь чему поражаться болѣе: изумительной ли прозорливости автора, умѣвшаго такъ тонко подмѣтить еще едва обрисовавшіяся, едва оформившіяся явленія и въ творческомъ синтезѣ претворить ихъ въ живые и цѣльные художественные образы, или исключительной, роковой живучести тѣхъ разъѣдающихъ нашу жизнь язвъ, которыя такъ давно заклеймила уже „бичующая лира" Салтыкова.

И безстрастный интересъ историческій, и жгучій интересъ современности одинаково влекутъ насъ къ этому имени. Ровно два десятилѣтія назадъ оборвалась дѣятельность Салтыкова, но живутъ неувядающей жизнью его произведенія, какъ, къ несчастью, живутъ въ русской дѣйствительности и созданные имъ типы. Надо думать, что читатель не посѣтуетъ на насъ, если мы воспользуемся печальной годовщиной 28 апрѣля 1889 года, чтобы на послѣдующихъ страницахъ въ краткихъ чертахъ напомнить жизнь великаго художника и основные мотивы его творчества.

— По своему происхожденію Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ принадлежалъ къ той же дворянской средѣ, которая дала столько крупныхъ силъ русской литературѣ. Родители его были довольно богатые помѣщики Калязинскаго уѣзда Тверской губерніи. 15 января 1826 года у Евграфа Васильевича и Ольги Михайловны Салтыковыхъ родился сынъ Михаилъ,—рожденіе котораго было въ точности предсказано однимъ изъ прозорливцевъ-юродивыхъ. Дѣтскіе годы писателя протекли въ заурядной обстановкѣ помѣщичьяго дома, бокъ-о-бокъ со всѣми прелестями крѣпостническаго произвола, не боявшагося и не предчувствовавшаго для себя въ то время никакихъ ограниченій. Салтыковъ-мальчикъ росъ и развивался въ одномъ изъ тѣхъ „дворянскихъ гнѣздъ",

...гдѣ жизнь отцовъ... безплодна и пуста,
Текла среди пировъ, безсмысленнаго чванства,
Разврата грязнаго и мелкаго тиранства,
Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ
Завидовалъ житью послѣднихъ барскихъ псовъ...

И эти впечатлѣнія дѣтства глубоко запали въ отзывчивую душу ребенка. Въ „Пошехонской старинѣ", гдѣ мы встрѣчаемъ не мало автобіографическихъ подробностей, Салтыковъ отъ лица своего героя, разсказываетъ, какъ въ 8-9 лѣтнемъ возрастѣ, когда юный умъ его сталъ разбираться въ окружающихъ отношеніяхъ,—передъ нимъ, подъ вліяніемъ чтенія евангелія, всталъ человѣческій образъ тамъ, гдѣ „по силѣ общеустановившагося убѣжденія существовалъ только поруганный образъ раба". Еще ярче обрисовываютъ тотъ же процессъ слѣдующія слова Затрапезнаго: „Крѣпостное право сближало меня съ подневольной массой. Это можетъ показаться страннымъ, но я и теперь еще сознаю, что крѣпостное право играло громадную роль въ моей жизни, и что, только переживъ всѣ его фазисы, я могъ прійти къ полному сознательному и страстному отрицанію его". Въ этихъ словахъ звучитъ та же „аннибалова клятва", которой всю жизнь оставался вѣренъ Тургеневъ, и впослѣдствіи это отрицаніе крѣпостного права превратилось у Салтыкова въ такое же „полное сознательное и страстное отрицаніе" всей окружавшей общественной неправды и поруганія человѣческой личности.

Первоначальное воспитаніе Салтыкова ничѣмъ не отличалось отъ обычнаго воспитанія помѣщичьихъ дѣтей того времени. Первыми учителями его были крѣпостной человѣкъ, живописецъ Павелъ, и сестра писателя Надежда Евграфовна. Въ 1836 г. домашнее обученіе окончилось, и Салтыковъ поступилъ въ Московскій дворянскій институтъ, а оттуда спустя два года перешелъ въ лицей. Здѣсь, въ учебномъ заведеніи, гдѣ такъ живы еще были воспоминанія о вышедшемъ изъ его стѣнъ Пушкинѣ, зародилось у юнаго Салтыкова влеченіе къ литературѣ. Здѣсь изъ-подъ его пера вышли первые стихотворные опыты, впослѣдствіи имъ оставленные. Здѣсь же стало складываться его общественно-политическое міросозерцаніе, опредѣлилась его склонность къ тому общественному теченію—западничеству, къ которому онъ примкнулъ затѣмъ на всю жизнь.

По окончаніи курса М. Е. Салтыковъ былъ въ 1844 г. зачисленъ въ канцелярію военнаго министра, но служба его здѣсь оказалась недолгой. Молодой чиновникъ не оставлялъ своихъ литературныхъ занятій, и первые же шаги на этомъ поприщѣ заставили его столкнуться съ отеческой заботливостью николаевскаго режима. Двѣ повѣсти начинающаго писателя, названныя нами выше, послужили поводомъ къ тому, что онъ былъ признанъ особо опаснымъ, и 28 апрѣля 1848 года почтовая тройка уже уносила его, помимо его воли, въ далекую Вятку.

На подробностяхъ пребыванія М. Е. въ Вяткѣ мы не будемъ останавливаться. Чудную характеристику среды читатель найдетъ въ „Губернскихъ очеркахъ“, а о дѣятельности ихъ автора, служившаго тогда въ канцеляріи губернатора, а затѣмъ въ губернскомъ правленіи,—свѣдѣнія наши довольно бѣдны. Эта служебная ссылка продолжалась около восьми лѣтъ, и только съ новымъ царствованіемъ и новыми вѣяніями Салтыковъ получилъ разрѣшеніе вернуться въ Петербургъ. Началась новая полоса его служебной и, въ особенности, его литературной работы.

20 іюня 1856 года, бывшій ранѣе совѣтникомъ Вятскаго губернскаго правленія, Салтыковъ былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и вскорѣ командированъ для ревизіи дѣлопроизводства ополченскихъ комитетовъ въ губерніи Владимірскую и Тверскую. Здѣсь, въ гораздо большемъ масштабѣ, чѣмъ прежде, Салтыкову пришлось наблюдать все тѣ же картины широкихъ хищеній и злоупотребленій, когда „всякій спѣшилъ какъ-нибудь поближе пріютиться около пирога, чтобы нѣчто урвать, утаить, ушить, укроить, и вообще, по силѣ возможности, накласть въ загорбокъ любезному отечеству“, когда отечество „безсознательно, но, тѣмъ не менѣе, безпощадно... продавалось всюду и за всякую цѣну...“ Ревизія дала Салтыкову матеріалъ для обширной и краснорѣчивой служебной записки и въ то же время снабдила его обильнымъ запасомъ фактовъ и образовъ для его литературнаго творчества. Если сравнить данныя записки о ревизіи съ очерками („Тяжелый годъ“, „Отголоски“ и др.), печатавшимися въ эпоху кампаніи 1877—78 года, то въ послѣднихъ мы найдемъ запечатлѣннымъ въ художественныхъ, обобщающихъ образахъ многое изъ того, что живымъ и литературнымъ, но дѣловымъ языкомъ излагала упомянутая записка.

Изъ другихъ работъ, возложенныхъ за этотъ періодъ на Салтыкова по службѣ, мы отмѣтимъ только составленныя имъ „предположенія“ объ устройствѣ земскихъ повинностей и объ устройствѣ градскихъ и земскихъ полицій. Какъ это ни грустно, но всякій мало-мальски безпристрастный наблюдатель нашей жизни найдетъ и для теперешняго времени лишь слишкомъ умѣренной общую характеристику полицейской „дѣятельности“, встрѣчаемую нами здѣсь. „Въ Россіи благотворное дѣйствіе полиціи почти незамѣтно; что касается до ея злоупотребленій и сопряженныхъ со всеобщимъ ущербомъ вмѣшательствъ въ частные интересы, то они не только замѣтны, но оставляютъ по себѣ, несомнѣнно, весьма вредное впечатлѣніе. Въ провинціи существуетъ не дѣйствіе, а произволъ полицейской власти, совершенно убѣжденной, что не она существуетъ для народа, а народъ для нея“—такъ гласила оффиціальная записка, составленная полвѣка назадъ. Оглянитесь кругомъ, и вы убѣдитесь, что, вопреки древнему философу, есть вещи, которыя не текутъ и не измѣняются въ нашемъ мірѣ.

Намъ излишне напоминать читателю, съ какими годами совпадаютъ успѣхи служебной карьеры М. Е. Салтыкова. Это было время Ростовцевыхъ и Милютиныхъ, когда Чернышевскій писалъ свои „Письма безъ адреса“, когда зарубежный „Колоколъ“ Герцена являлся чуть ли не руководящимъ органомъ для тѣхъ, кто вершилъ судьбы Россіи. Послѣ тяжелаго севастопольскаго разгрома Россія дореформенная пыталась найти новую дорогу, новымъ духомъ вѣяло и въ бюрократическихъ рядахъ. Немудрено, что талантливый и энергичный, неподкупный и дѣятельный администраторъ, и къ тому же воспитанникъ привилегированнаго заведенія, принадлежавшій къ правящему классу общества,—быстро двигался впередъ. Въ началѣ 1858 года мы видимъ Салтыкова вице-губерна-

торомъ въ Рязани; спустя два года, изъ-за столкновеній съ губернаторомъ по поводу одного крестьянскаго дѣла, его переводятъ на ту же должность въ Тверь, гдѣ онъ неоднократно исполняетъ обязанности губернатора. Въ Твери же прервалась административная дѣятельность Салтыкова съ первымъ его выходомъ въ отставку въ 1862 году. Очевидно, условія службы становились для него болѣе тяжелыми, либеральныя вѣянія развѣялись, какъ мимолетный сонъ, чувствовалось приближеніе реакціи, реформаторскій пылъ увядалъ, не успѣвши расцвѣсть. Съ другой стороны, Салтыкова слишкомъ сильно тянуло къ литературѣ, его давилъ казенный вицъ-мундиръ, хотѣлось сбросить эту стѣснительную одежду и цѣликомъ отдаться завѣтному призванію.

Чтобы покончить со служебной карьерой интересующаго насъ писателя, замѣтимъ тутъ же, что послѣ короткаго промежутка Салтыковъ снова поступаетъ на службу, на этотъ разъ по министерству финансовъ. 6 ноября 1864 года онъ получаетъ назначеніе предсѣдателемъ пензенской казенной палаты, затѣмъ переходитъ на то же мѣсто въ Тулу, а впослѣдствіи снова въ Рязань и, наконецъ, лѣтомъ 1868 года окончательно покидаетъ службу.

Было бы въ высшей степени интересно остановиться подробно на служебной дѣятельности Салтыкова, но недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ сдѣлать это. Въ біографіяхъ писателя мы находимъ множество отзывовъ его сослуживцевъ или сталкивавшихся съ нимъ въ то время лицъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какимъ замѣчательнымъ явленіемъ былъ этотъ человѣкъ—чиновникъ по занимаемому имъ положенію, по духу же такъ глубоко отличавшійся отъ обычнаго типа нашей бюрократіи. Суровый по внѣшности, но въ сущности изумительно добрый и отзывчивый, требовательный къ себѣ, неутомимый работникъ, непреклонно справедливый и стойко защищавшій то, что было его убѣжденіемъ, глубокій знатокъ своего дѣла, отличавшійся исключительной гуманностью и готовностью прійти на помощь,—онъ оставлялъ благодарную память у всѣхъ кто приходилъ съ нимъ въ соприкосновеніе и, въ особенности, у мелкаго люда, зависѣвшаго отъ его власти. Вездѣ, гдѣ онъ служилъ, и въ частности, напримѣръ, въ Рязани, М. Е. становился центромъ, около котораго группировались всѣ лучшіе представители мѣстной интеллигенціи. Въ общемъ и цѣломъ, Салтыковъ являлся настоящимъ бѣлымъ ворономъ въ чиновничьей семьѣ, яркимъ лучемъ свѣта въ темномъ царствѣ нашего чиновничества.

Вернемся къ Салтыкову, какъ къ художнику и журналисту.

Сразу выдвинувшись своими „Губернскими очерками“, Салтыковъ и въ дальнѣйшемъ успѣвалъ урывать отъ своихъ служебныхъ занятій время для литературной работы. Съ выходомъ въ отставку онъ еще полнѣе отдался литературѣ. Не получивъ разрѣшенія на изданіе задуманнаго имъ журнала, онъ вступаетъ въ редакцію „Современника“, и эти годы (1863—64) являются одними изъ самыхъ богатыхъ по количеству и разнообразію написанныхъ имъ вещей. Наряду съ сатирическими очерками беллетристическаго характера, художественными картинами, изображавшими дореформенный бытъ и ломку переходнаго времени, онъ помѣщаетъ въ журналѣ массу статей по самымъ различнымъ вопросамъ, критическихъ замѣтокъ, рецензій, обозрѣній и т. п. Изъ написаннаго за этотъ періодъ отдѣльнымъ изданіемъ вышли „Невинные разсказы“, „Признаки времени“, „Помпадуры и помпадурши“. Журнальныя же статьи Салтыкова въ большинствѣ своемъ не вошли въ собраніе его сочиненій и интересующихся ими мы отсылаемъ къ обстоятельной статьѣ А. Н. Пыпина „Журнальная дѣятельность М. Е. Салтыкова“, напечатанной въ „Вѣстникѣ Европы“, 1889 года, книги 10, 11 и 12.

Реакція, высоко поднявшая голову послѣ польскаго возстанія, и обострившійся гнетъ цензуры тяжело отозвались на литературной дѣятельности Салтыкова. Быть можетъ, именно эти причины, въ связи съ недостаткомъ матеріальныхъ средствъ, заставили его вновь поступить на службу. Проведенные здѣсь годы почти совершенно пропали у него для литературной работы. Только въ 1868 году Салтыковъ снова и на этотъ разъ безповоротно возвращается къ

литературѣ, становясь соредакторомъ „Отечественныхъ Записокъ“, а по смерти Н. А. Некрасова и отвѣтственнымъ редакторомъ этого журнала.

Семидесятые и отчасти восьмидесятые годы были самымъ блестящимъ и плодотворнымъ періодомъ литературнаго служенія Щедрина, временемъ наивысшаго расцвѣта его таланта. Теперь онъ весь безъ остатка принадлежитъ литературѣ и, помимо своего творческаго труда художника, беретъ на себя массу черновой редакторской работы. Читая замѣтки близко знавшихъ его сотрудниковъ, удивляешься, откуда брались у него время и силы для такой всепоглощающей, изнурительной, неустанной дѣятельности. Корректура и обработка рукописей, веденіе хозяйственной стороны журнала, постоянные споры и пререканія съ цензурой, участіе въ разныхъ благотворительныхъ сборникахъ—все это принималъ онъ на свои могучія плечи, ни на минуту не переставая создавать свои яркіе чеканные образы, не переставая горькимъ смѣхомъ своимъ клеймить и преслѣдовать ликующихъ, празднобоотающихъ и обагряющихъ руки въ крови. За это время появились: „Письма изъ провинціи“, „Исторія одного города“, „Господа Головлевы“, „Господа Ташкентцы“, „Дневникъ провинціала“, „Благонамѣренныя рѣчи“, „Въ средѣ умѣренности и аккуратности“, „Современная идиллія“, „Круглый годъ“, „За рубежомъ“, многія изъ „Сказокъ“, „Мелочи жизни“ и т. д.

Но все больше сгущалась угрюмая мгла реакціи, и въ то же время преклонные годы дѣлали свое разрушительное дѣло. Все болѣе желчной и злой становилась сатира Щедрина, жизнь не давала ему свѣтлыхъ впечатлѣній. Закрытіе „Отечественныхъ Записокъ“ 1884 г. было тяжелымъ ударомъ для Салтыкова. Вскорѣ онъ опасно заболѣлъ и до конца дней своихъ не могъ оправиться отъ послѣдствій этой болѣзни. Въ эти послѣдніе годы онъ печаталъ свои вещи въ „Вѣстникѣ Европы“, „Недѣлѣ“ и „Русскихъ Вѣдомостяхъ“. Послѣднимъ произведеніемъ Салтыкова, законченнымъ имъ незадолго до смерти, явилась „Пошехонская старина“, о которой мы поговоримъ ниже. Уже послѣ смерти автора было напечатано начало новаго задуманнаго имъ труда „Забытыя слова“. Эта вещь должна была послужить какъ бы литературнымъ завѣщаніемъ много поработавшаго писателя и напомнить новому поколѣнію дѣйствительно з а б ы т ы я имъ с л о в а, потускнѣвшіе въ то жестокое время общественные идеалы. А время дѣйствительно было жестокое, и какія мучительныя минуты переживалъ на склонѣ дней своихъ великій художникъ,—это лучше всего покажетъ намъ набросанная имъ мрачная картина: „Сѣрое небо, сѣрая даль, наполненная скитающимися сѣрыми призраками. Въ сѣрѣющемъ окрестъ болотѣ кишатъ и клубятся сѣрые гады; въ сѣромъ воздухѣ беззвучно рѣютъ сѣрыя птицы; даже дорога словно сѣрымъ пепломъ усыпана. Сердце мучительно надрывается подъ гнетомъ загадочной, неизмѣримой тоски. Удручаютъ сѣрые тоны, но еще болѣе удручаетъ безмолвіе. Ни звука, ни шороха, ничего, кромѣ печати погибели. И чѣмъ больше я углубляюсь въ это оголтѣлое царство, тѣмъ болѣе всѣмъ существомъ овладѣваетъ оторопь и сознаніе отупѣлой безнадежности, въ которой все кругомъ застыло и онѣмѣло. Ощущеніе оскудѣнія постепенно заползаетъ во все существо, и я начинаю чувствовать, что недалеко тотъ моментъ, когда и внутри меня все омертвѣетъ“.

28 апрѣля 1889 года не стало великаго писателя и гражданина. Смерть навсегда вырвала изъ его ослабѣвшихъ рукъ его карающее перо. Неудержимымъ потокомъ полилась во слѣдъ покойному ядовитая клевета охранительной печати, и лишь сдержанно, полусловами и полунамеками могла помянуть свою тяжелую утрату прогрессивная литература, задавленная цензурной пятой. И надъ гробомъ Салтыкова снова приходилось вспомнить тѣ слова, какими рисуетъ Некрасовъ образъ поэта-обличителя:

Его преслѣдуютъ хулы,
Онъ ловитъ звуки одобренья
Не въ сладкомъ ропотѣ хвалы,
А въ дикихъ крикахъ озлобленья...

— Литературное наслѣдство, оставленное намъ М. Е. Салтыковымъ, такъ обширно и сложно, что въ предѣлахъ короткой журнальной статьи мы совершенно лишены возможности хотя приблизительно исчерпать все богатство и разнообразіе темъ писателя, всю разносторонность и глубину созданныхъ имъ типовъ. Полная оцѣнка всего содержанія и значенія литературной дѣятельности занимающаго насъ автора потребовала бы обстоятельной критической монографіи, и мы поневолѣ должны ограничиться тѣмъ, что, по возможности въ хронологическомъ порядкѣ, разсмотримъ наиболѣе выдающіяся изъ его произведеній.

Глухую безпросвѣтную ночь дореформенной русской жизни рисуютъ передъ нами „Губернскіе очерки". Здѣсь та же среда и тѣ же люди, надъ которыми сквозь слезы смѣялся Гоголь. Одинъ за другимъ проходятъ передъ читателемъ всѣ боги губернскаго Олимпа („Прошлыя времена"... „Мои знакомые" и др.) и представители подвластной имъ массы („Богомольцы, спутники и проѣзжіе" и „Въ острогѣ"). „Озорники", съ одной стороны, униженные и оскорбленные—съ другой. Это безпощадный обвинительный актъ, направленный противъ николаевской Россіи, дававшей полный просторъ Порфиріямъ Петровичамъ и имъ подобнымъ дѣльцамъ, обезпечивавшей безнаказанность Фейеровскихъ и Живоглотовскихъ подвиговъ, порождавшей откровенно циничный типъ чиновника, который заявляетъ о себѣ: „Если вы думаете, что мы имѣемъ дѣло съ этою грязью, avec cette canaille, то весьма ошибаетесь. На это есть писаря, ну, и другіе тамъ; это ихъ обязанность, они такъ созданы... Повторяю вамъ, вы очень ошибаетесь, если думаете, что вотъ я призову мужика, да такъ и начну его собственными руками обдирать... фи! Вы забыли, что отъ него тамъ Богъ знаетъ чѣмъ пахнетъ... да и не хочу я совсѣмъ давать себѣ этотъ трудъ. Я просто призываю писаря или тамъ другого и т. д.".. (очеркъ „Озорники"). Даже у лучшихъ типовъ этой дворянско-чиновничьей среды, у „талантливыхъ натуръ" „Губернскихъ очерковъ", по справедливому приговору Добролюбова, „лѣнь, отвращеніе отъ труда составляютъ одну изъ существенныхъ сторонъ ихъ характеровъ". И вотъ мы видимъ здѣсь губернскаго Мефистофеля, Корепанова, у котораго подъ печоринской маской бьется въ груди пустое сердце и безсильно висятъ ненужныя руки, „гуманнаго" помѣщика Буеракина, не могущаго отстоять своихъ крѣпостныхъ отъ звѣрской расправы управляющаго нѣмца, видимъ опустившагося Лузгина и и не лишеннаго добрыхъ задатковъ, но дошедшаго до воровства и шулерства Горехвастова.

Безотрадность этой картины смягчается нѣсколько тѣмъ, что изображаемыя здѣсь мрачныя явленія авторъ отчасти относитъ съ прошлому. Переломъ, совершавшійся въ то время въ русской жизни, заставляетъ его считать своихъ героевъ уже покидающими историческую сцену; въ послѣднихъ строкахъ мы сталкиваемся съ похоронной процессіей и на вопросъ автора раздается въ отвѣтъ: „Прошлыя времена хоронятъ"...

Выше уже было отмѣчено, въ какой моментъ появились „Губернскіе очерки", и какой пріемъ былъ оказанъ имъ критикой. Для характеристики послѣдняго приведемъ заключительныя слова статьи Н. Г. Чернышевскаго, давшаго подробную оцѣнку этой книги: „Губернскими очерками" гордится и долго будетъ гордиться наша литература. Въ каждомъ порядочномъ человѣкѣ русской земли Щедринъ имѣетъ глубокаго почитателя. Честно имя его между лучшими и полезнѣйшими и даровитѣйшими дѣтьми нашей родины. Онъ найдетъ себѣ многихъ панегиристовъ, и всѣхъ панегириковъ достоинъ онъ. Какъ бы ни были высоки тѣ похвалы его таланту и знанію, его честности и проницательности, которыми поспѣшатъ прославлять его наши собратія по журналистикѣ, мы впередъ говоримъ, что всѣ эти похвалы не будутъ превышать достоинствъ книги, имъ написанной".

За „Губернскими очерками", хоронившими „прошлыя времена" глуповской жизни, слѣдуютъ „Невинные разсказы" и „Сатиры въ прозѣ", рисующіе обитателей Глупова въ переходную эпоху, въ ту пору, когда вершители глуповскихъ судебъ почувствовали себя выбитыми изъ колеи, и ими овладѣлъ „кон-

фузъ", заставившій ихъ опустить свои бойкія длани передъ новымъ временемъ, которое частью повергало ихъ въ недоумѣніе, частью пугало и заставляло дѣлать неуклюжія попытки приспособиться.

И въ этихъ сатирахъ, бичуя своихъ героевъ, авторъ предрекаетъ имъ скорую гибель. Онъ не раздѣляетъ съ аллегорической Матреной Ивановной ея вѣру въ незыблемость глуповскаго air fixe, въ то, что на смѣну новоглуповцамъ будутъ приходить глуповцы новѣйшіе и самоновѣйшіе, и т. д. до скончанія вѣковъ. Напротивъ, онъ заявляетъ, что „я даже чувствую нѣкоторую симпатію къ новоглуповцу. Онъ милъ мнѣ потому, что онъ послѣдній изъ глуповцевъ".

Описывая настоящее Глупова, Салтыковъ дѣлаетъ экскурсію и въ область его прошлаго, показываетъ намъ, какъ генетически сложилось это настоящее. Въ „Исторіи одного города", которую можно считать заключительнымъ, обобщающимъ аккордомъ для щедринской сатиры 60-хъ годовъ,—передъ нами проходитъ рядъ градоправителей съ органчикомъ въ головѣ или съ фаршированной головой, насадителей просвѣщенія, фантастическихъ путешественниковъ, усмирителей и сластолюбцевъ, градоначальниковъ-либераловъ истребителей либерализма; проходятъ картины правленія „озорныхъ дѣвокъ" и т. п. Съ другой стороны, здѣсь находитъ себѣ мѣсто и изображеніе глуповскаго головотяпства, глуповскаго бунта и покаянія, пассивной покорности глуповцевъ, терпѣливо сносящихъ всевозможныя и просвѣтительныя, и умопомрачительныя мѣропріятія власть имущихъ.

Было бы ошибкой, однако, видѣть въ „Исторіи одного города" сатиру историческую, какъ это сдѣлалъ одинъ изъ критиковъ того времени („Вѣстникъ Европы", 1871 г., кн. 4), упрекавшій Щедрина за бѣдность историческаго содержанія его сатиры и забвеніе множества характерныхъ фактовъ изъ исторіи XVIII вѣка. Противъ такого пониманія категорически протестуетъ самъ Салтыковъ въ своемъ письмѣ къ Пыпину, опубликованномъ въ „Вѣстн. Евр." 1889 г. „Историческая форма разсказа—пишетъ онъ—была для меня удобнѣе потому, что позволяла мнѣ свободнѣе обращаться къ извѣстнымъ явленіямъ жизни... Тѣ же самыя основы жизни, которыя существовали въ XVIII вѣкѣ, существуютъ и теперь... Слѣдовательно, историческая сатира вовсе не была для меня цѣлью, а только формою... Такимъ образомъ: Парамоша совсѣмъ не Магницкій только, но вмѣстѣ съ тѣмъ и NN. И даже не NN, а всѣ вообще люди извѣстной партіи, и нынѣ не утратившей своей силы".

Въ томъ же письмѣ Салтыковъ отвергаетъ и другой упрекъ, упрекъ въ глумленіи надъ народомъ. Правда, мы вообще должны отмѣтить, что громы нашего сатирика сыплются не на однихъ только нелѣпыхъ и невѣжественныхъ, взбалмошныхъ, самодурныхъ и жестокихъ градоначальниковъ. И въ „Исторіи одного города", и въ „Помпадурахъ и помпадуршахъ", и въ другихъ своихъ произведеніяхъ онъ съ той же энергіей и негодованіемъ осмѣиваетъ и обывательскую массу, забитыхъ, униженныхъ, колѣнопреклоненныхъ глуповцевъ, лишенныхъ всякой инициативы и самодѣятельности, щеголяющихъ пустой болтовней „Современныхъ Нарциссовъ" или безсловесной угодливостью исконнаго молчалинства. Какъ ни тяжки эти гнѣвные укоры, но они сто кратъ заслужены и нашей исторіей, и нашей дѣйствительностью, и по пословицѣ не приходится „пенять на зеркало", если и т. д. И вотъ, защищая свою негодующую правоту и правоту своего негодованія, Салтыковъ справедливо пишетъ: „въ словѣ „народъ" надо отличать два понятія: народъ историческій и народъ, представляющій собою извѣстную идею... Первому, выносящему на своихъ плечахъ Бородавкиныхъ, Бурчеевыхъ и т. п., я, дѣйствительно, сочувствовать не могу. Второму я всегда сочувствовалъ, и всѣ мои сочиненія полны этимъ сочувствіемъ..."

Недологъ былъ „конфузъ", который испытали растерявшіяся на мгновенье темныя силы глуповскаго міра. Вскорѣ онѣ оправились отъ минутнаго смущенія, поняли, что далеко не все и далеко не такъ уже перемѣнилось вокругъ, и вмѣсто того, чтобы исчезнуть или приспособиться къ новымъ временамъ, съ удвоенной энергіей принялись приспособлять эти времена къ своимъ аппетитамъ. Похоронная процессія, представлявшаяся автору „Губернскихъ очер-

ковъ", не дошла до кладбища. Въ новыхъ формахъ, лишь въ слегка измѣненномъ видѣ, проявлялась та же старая сущность, и эпоха семидесятыхъ годовъ продолжала давать обильный матеріалъ творчеству сатирика, повторяя въ исправленномъ и дополненномъ видѣ смолкнувшіе было на время мотивы.

На смѣну градоправителямъ добраго стараго времени пришли новые типы, богатую коллекцію которыхъ даютъ „Помпадуры и помпадурши". Мы остановимся на минуту на двухъ представителяхъ этой формаціи. Яркій образъ измѣнчивости политическихъ вѣяній мы имѣемъ въ „Помпадурѣ борьбы", Феденькѣ Кротиковѣ. Получивъ, подобно многимъ другимъ администраторамъ, свое образованіе въ ресторанѣ Дюссо и заведеніи искусственныхъ минеральныхъ водъ, Феденька къ полнѣйшей своей неожиданности попадаетъ помпадурствовать въ градъ Навозный. Здѣсь въ порывѣ либерализма онъ въ открытомъ экипажѣ катается со стрижеными нигилистками по городу, но либерализмъ быстро исчезаетъ; Феденька водружаетъ „знамя борьбы", начинаетъ яростно разыскивать корни и нити и въ результатѣ—„многіе либералы подверглись расточенію, а многіе распороли себѣ животы, предпочтя напрасную смерть постыдному ф ю и т ь, которое раздавалось въ ихъ ушахъ, безпрерывно угрожая существованію".—Къ тому же „фюить", этой альфѣ и омегѣ административной мудрости въ глазахъ изображаемой Щедринымъ среды,—приходитъ въ существѣ дѣла со своимъ реформаторскимъ усердіемъ и помпадуръ новой складки Сережа Быстрицынъ („Зиждитель"), прославившійся своими успѣхами по части свиноводства, создавшій „школу чухломскихъ администраторовъ" и призванный осчастливить своимъ правленіемъ Паскудскъ. Интересна та отповѣдь помпадуру-зиждителю, какую влагаетъ авторъ въ уста своего постояннаго собесѣдника Глумова: „помни, что ты—помпадуръ, и что твое дѣло не созидать, а слѣдить за цѣлостью созданнаго. Созданы, напримѣръ, гласные суды—ты, какъ левъ, стремись на защиту ихъ! Созданы земства—смотри, чтобы даже вѣтеръ не смѣлъ вѣнуть на нихъ! Тогда ты будешь почтенъ и даже при жизни удостоишься монумента. Творчество же оставь". Эта тирада интересна между прочимъ, какъ лучшее опроверженіе тѣхъ критиковъ, которые напали на Щедрина за отрицательное отношеніе къ только что введеннымъ земскимъ учрежденіямъ, выразившееся будто бы въ очеркѣ „Новый Нарциссъ, или влюбленный въ себя" и („Признаки времени"). На самомъ дѣлѣ—„Новый Нарциссъ"—злая сатира на пустыхъ и самодовольныхъ болтуновъ, наполнившихъ земства, и она свидѣтельствуетъ лишь о томъ, какъ глубоко и широко понималъ авторъ задачи этихъ учрежденій, и какъ скептически относился онъ къ овладѣвшему ими, внутренно разлагающемуся дворянскому сословію. Справедливость требуетъ прибавить, что дѣйствительная жизнь подтвердила его суровый приговоръ. Возьмите въ особенности послѣдніе годы, ознаменовавшіеся побѣдой въ земствахъ черной сотни и какимъ-то повальнымъ самоупраздненіемъ земства.

Освобожденіе крестьянъ, явившееся самымъ крупнымъ преобразованіемъ такъ называемой «эпохи великихъ реформъ», послужило отчасти новымъ толчкомъ, отчасти исходной точкой для коренного переворота въ экономическихъ отношеніяхъ Россіи. Съ отмѣной крѣпостного права рухнула основа стараго помѣщичьяго паразитизма, расшатались всѣ устои дореформеннаго быта, и прежнее дворянство, и прежняя бюрократія оказались на одинъ моментъ висящими въ воздухѣ. Этимъ, конечно, далеко не была устранена почва для всяческаго хищничества и чиновничьяго самоуправства, и хищники не замедлили возродиться въ новыхъ видахъ и новыхъ мундирахъ. Семидесятые годы выдвинули цѣлыя толпы искателей легкой наживы, рыцарей первоначальнаго накопленія, цивилизаторовъ и обрусителей, прожигателей жизни, не имѣвшихъ за душой ничего, кромѣ девиза: „жрать!", всяческихъ „сорванцовъ исполнительности", и за страхъ, и за совѣсть покорявшихъ и расточавшихъ супостатовъ внутреннихъ или супостатовъ внѣшнихъ.

Вѣрный своему призванію отражать въ своей сатирѣ всѣ явленія русской общественности, Салтыковъ набросалъ рядъ безподобныхъ характеристикъ, объединивъ подъ именемъ ташкентцевъ всѣхъ печальныхъ героевъ этого времени.

Вотъ опредѣленіе Ташкента и ташкентцевъ: „Какъ терминъ отвлеченный, Ташкентъ есть страна, лежащая всюду, гдѣ бьютъ по зубамъ, и гдѣ имѣетъ право гражданственности преданіе о Макарѣ, телятъ не гоняющемъ. Ташкентъ удобно мирится съ устностью, гласностью, однимъ словомъ, со всѣми выгодами, которыми справедливо гордится такъ называемая цивилизація. Прибавьте только къ этимъ выгодамъ маленькое слово: фюить!—и вы получите такой Ташкентъ, лучше котораго желать не надо“... „Ташкентецъ—это просвѣтитель. Просвѣтитель вообще, просвѣтитель во что бы то ни стало; и притомъ просвѣтитель свободный отъ наукъ, не смущающійся этимъ, ибо наука, по мнѣнію его, создана не для распространенія, а для стѣсненія просвѣщенія“... О характерѣ просвѣтительной дѣятельности господъ ташкентцевъ, „вѣчно несытыхъ, но вѣчно жрущихъ“ и вѣчно облюбовывающихъ „класическаго въ потѣ лица снискивающаго свою лебеду человѣка“, можно судить уже по тѣмъ категоріямъ, на которыя дѣлитъ ихъ авторъ, приступая къ писанію ташкентскихъ нравовъ. Онъ обѣщаетъ изобразить: „ташкентца цивилизующаго in partibus; ташкентца, цивилизующаго внутренности; ташкента, разрабатывающаго собственность казенную; ташкентца, разрабатывающаго собственность частную; ташкентца промышленнаго, ташкентца, разрабатывающаго смуту внѣшнюю; ташкентца, разрабатывающаго смуту внутреннюю,—и такъ далѣе почти до безконечности.—Очень часто эти люди весьма различны по виду; но у всѣхъ имѣется одинъ соединительный крикъ: „жрать!!“

Внѣ всякаго сомнѣнія, эти опредѣленія напомнятъ читателю что-то до крайности близкое. Это все тотъ же нашъ родной Глуповъ подвергся нападенію ташкентскихъ ордъ; страна, гдѣ мы живемъ, стонетъ отъ этихъ мѣропріятій, начинающихся „бараньимъ рогомъ“ и кончающихся „макаровыми телятами“. Такъ и хочется ко всѣмъ разновидностямъ ташкентства дать имена, и при томъ не только имена историческія, но и имена нашихъ современниковъ. Ибо если тридцать лѣтъ назадъ сатирикъ писалъ: „я былъ бы очень радъ, если бы могъ сказать: читатель! смотри—вонъ издыхающій Ташкентъ, но—увы—я не имѣю въ запасѣ такого утѣшенія“, если уже тогда его „пугала преемственность Ташкентовъ“,—то теперь горькій опытъ только подтверждаетъ намъ эту роковую, проклятую преемственность, эту неизбывность всероссійскаго Ташкента. Перечтите третью главу этихъ очерковъ, вглядитесь въ черты этихъ ташкентцевъ, обратившихся внутрь, и съ далекихъ страницъ, которыя такъ хотѣлось бы уже отнести къ исторіи литературы, на васъ пахнетъ всѣми больными ужасами самаго недавняго нашего прошлаго и самаго подлиннаго настоящаго.—Не ограничиваясь описаніемъ ташкентскихъ подвиговъ, проницательный сатирикъ не преминулъ показать и то, какъ зрѣютъ эти продукты нашей общественности. Въ „ташкентцахъ приготовительнаго класса“, съ обычной для Салтыкова яркостью, выведены фигуры ташкентцевъ въ потенціи, въ состояніи зарожденія. Мы знакомимся здѣсь съ ташкентцемъ-администраторомъ въ лицѣ Персіанова, съ ташкентцами отъ одинаково беззастѣнчивыхъ прокуратуры и адвокатуры (Нагорновъ и Тонкачевъ), съ типичнѣйшимъ изъ ташкентцевъ-усмирителей, потомкомъ исправничьяго рода, еще въ школѣ получившимъ кличку палача—Хмыловымъ, и, наконецъ, съ ташкентцемъ, нарочито разрабатывающимъ собственность частную—финансистомъ Велентьевымъ.

Но ташкентцами не исчерпывается, конечно, все зло пореформенной жизни, и вѣрная дѣйствительности сатира отразила и иные типы. Въ „Дневникѣ провинціала“ передъ нами разыгрывается цѣлая вакханалія хищничества. Потокъ прожектеровъ, искателей концессій, строющихъ дороги чуть ли не на тверди небесной, заливаетъ петербургскіе канцеляріи, гостиныя и рестораны. Слѣдомъ за рушащимся дворянствомъ, несообразность финансовыхъ и политическихъ проектовъ котораго соотвѣтствуетъ только несоразмѣрности его аппетитовъ, идутъ и хищники въ поддевкахъ, эти Деруновы изъ „Благонамѣренныхъ рѣчей“ или Разуваевы („Убѣжище Монрепо“). Разухабистыхъ хищниковъ подкрѣпляютъ болѣе сдержанные по внѣшности, но столь же вредные и, быть можетъ, еще болѣе

злостные пѣнкосниматели (см. заключеніе „дневника провинціала“). Тутъ же жуируетъ, доѣдая послѣднія выкупныя свидѣтельства, и беззаботный Прокопъ, въ своемъ родѣ россійскій Фальстафъ, собирательный типъ всѣхъ прожигателей жизни.

Разоряющіеся владѣльцы Монрепо и генералы Утробины („Благонамѣренныя рѣчи“) попадаютъ въ цѣпкія лапы Деруновыхъ и приходятъ къ своему естественному концу, испытывая попутно воздѣйствіе современныхъ администраторовъ, Колотовыхъ и Граціановыхъ, выпскивающихъ и пресѣкающихъ неблагонамѣренность и поощряющихъ качества ей обратныя. На сцену выступаетъ новый типъ бюрократа, бюрократа столичнаго съ его узколобымъ консерватизмомъ, съ его непоколебимой твердостью въ дѣлѣ искорененія и пресѣченія (см. „Круглый годъ“—разговоры автора съ его племянникомъ Неустроевымъ). Общимъ фономъ для этой картины служатъ разнообразнѣйшія воплощенія молчалинскаго типа („Въ средѣ умѣренности и аккуратности“), сѣрые будничные люди задавленные тоскливыми „мелочами жизни“—и сами въ свою очередь создающіе эти жестоко безсмысленныя мелочи,—и наконецъ, въ послѣднемъ счетѣ основой всей этой пирамиды являются безгласные и безправные Мосеичи („Сонъ въ лѣтнюю ночь“), трагическій образъ которыхъ съ такой потрясающей реальностью данъ въ аллегорической сказкѣ о „Конягѣ“.

Широкую арену для самаго беззастѣнчиваго хищничества и послѣдовательнаго проведенія въ жизнь ташкентскаго девиза: жрать! представляетъ собой всякое народное бѣдствіе. Такую арену создала, разумѣется, и война 1877—78 г. Въ то же время война, какъ и всякій моментъ тяжелаго напряженія національныхъ силъ, съ особенною наглядностью обнажила застарѣлыя язвы общественной жизни. Отзывчивая сатира Салтыкова и здѣсь поспѣшила дать свой откликъ. Въ „Отголоскахъ“ („На досугѣ“ и „Тряпичники-очевидцы“) предстаетъ передъ нами ослѣпительная фигура Балалайкина, прожженаго адвоката, мечтающаго осчастливить дунайскую армію гнилыми кильками и подмоченной махоркой. И глубоко вѣрная черта—это побѣдоносная изворотливость Балалайкина, выскочившаго изъ петли, которой задавили его возмущенные разсказчикъ и Глумовъ, и конечный тріумфъ изобличеннаго и публично ошельмованнаго Балалайкина. И какъ гордъ Балалайкинъ въ сознаніи своей неуязвимости, когда онъ заявляетъ, что вѣшать его рѣшительно не за что: „Вотъ если бы я распространялъ превратныя идеи,—ну, тогда не спорю... Но кильки, и при томъ по такой дешевой цѣнѣ...“

Возьмите далѣе дутый патріотизмъ, казенныя проявленія энтузіазма, порою искренніе, но непродуманные восторги россіянъ, привѣтствовавшихъ „освободительную“ войну; возьмите этихъ благотворительныхъ дамъ, эти пожертвованія далеко не всегда добровольныя, эту щедрость главнымъ образомъ за счетъ „апчественнаго ящичка“; возьмите эту патріотическую прессу, газетное „долгоязычіе“, изображенное въ каррикатурныхъ, но полныхъ глубокаго смысла похожденіяхъ „Тряпичкиныхъ-очевидцевъ“... Все это съ неподражаемой реальностью изобразила мастерская кисть художника, и снова какія это близкія и близко знакомыя намъ, живущимъ на порогѣ XX вѣка, картины... Здѣсь больше, чѣмъ гдѣ либо, хотѣлось бы провести параллели съ недавними явленіями современности. Но сдѣлать это намъ не позволяетъ не только недостатокъ мѣста; есть другія и болѣе вѣскія причины:

„Ходить бываетъ склизко
По камешкамъ инымъ,
Итакъ, о томъ, что близко,
Мы лучше умолчимъ“.

Изъ произведеній восьмидесятыхъ годовъ мы возьмемъ только „Пошехонскую старину“, самую крупную вещь изъ этого періода, да и изъ всего написаннаго Салтыковымъ. Наша статья слишкомъ разростается и намъ приходится только указать читателю на „Письма къ тетенькѣ“ и „Пестрыя письма“, появившіяся въ пору самой глухой реакціи, въ пору торжества старыхъ принциповъ Дыбъ и Удавовъ и упразднительно - обновительныхъ проектовъ Стрѣлова. Въ этихъ письмахъ снова и снова встаетъ во весь ростъ и дряблая податли-

вость глуповскаго общества, зачастую только изображающаго собой тотъ сочувственный хоръ, который сопровождаетъ скандальныя операціи, производимыя торжествующей свиньей надъ замученной правдой (см. „За рубежомъ“), и удручающая неистощимость бичей и скорпіоновъ, расточаемыхъ свыше.

„Пошехонская старина“—это грандіозная картина крѣпостного права, того крѣпостного права, которое, какъ писалъ Салтыковъ въ другомъ мѣстѣ („Признаки времени“),—„остается до сихъ поръ единственнымъ живымъ мѣстомъ въ нашемъ организмѣ. Оно живетъ въ нашемъ темпераментѣ, въ нашемъ образѣ мыслей, въ нашихъ обычаяхъ, въ нашихъ поступкахъ“. Наслѣдіе крѣпостной старины чувствовалось и въ пореформенную эпоху; оно вошло цѣликомъ и въ пореформенное хищничество („послѣднее слово крѣпостного хищничества было: получай въ зубы, и да величитъ душа твоя. Это же послѣднее слово и хищничества современнаго.“); оно не было изжито и къ восьмидесятымъ годамъ. Приближаясь къ могилѣ, геніальный писатель со всей мощью своего таланта еще разъ изобразилъ злое прошлое, служившее той почвой, изъ которой махровымъ цвѣтомъ разростались многія изъ позднѣйшихъ безобразій русской жизни.

Уже съ первыхъ страницъ авторъ напоминаетъ о томъ, что крѣпостное право было основой и оборотной стороной пошехонскаго раздолья, спустя десятилѣтія все еще остававшагося предметомъ воздыханія для многихъ. „И крѣпостное право и пошехонское раздолье были связаны такими неразрывными узами, что когда рушилось первое, то вслѣдъ за нимъ въ судорогахъ покончило свое постыдное существованіе и второе. И то, и другое одновременно заколотили въ гробъ и снесли на погостъ“... Салтыковъ допускаетъ, что изображаемое имъ „было и быльемъ поросло“, но спрашиваетъ онъ—„почему же она (фабула этой были) и до сихъ поръ такъ ярко выступаетъ передъ глазами отъ времени до времени? Не потому ли, что, кромѣ фабулы въ этомъ трагическомъ прошломъ было нѣчто еще, что далеко не поросло быльемъ, а продолжаетъ и до днесь тяготѣть надъ жизнью?“

На этотъ вопросъ въ полной мѣрѣ даетъ отвѣтъ читателю „Пошехонская старина“. Стройной вереницей проходятъ на ея страницахъ тѣни этой былой были, страдальческія и торжествующія, мучители и замученные, пасынки жизни и баловники ея, на чью долю выпало наслаждаться“ пошехонскимъ раздольемъ“. Съ теплой любовью рисуетъ авторъ крѣпостную массу. Вы видите и строптивую рабу Аннушку, которая всего болѣе безпокоила господъ своей рабской философіей безусловной покорности и грядущаго воздаянія на небесахъ, и вольную Маврушу, охотой пошедшую въ рабство, но не могшую смириться, и безотвѣтнаго, отупѣлаго раба Конона, идеалиста Сатира, вѣрнаго слугу Федота, исковерканнаго по барской прихоти Ваньку-Каина, загубленную помѣщичьей корыстью и самодурствомъ Матренку—безсчастную. И, быть можетъ, всего сильнѣе хватаетъ за душу въ этомъ разсказѣ его объективная простота, лишь изрѣдка прерываемая страстными лирическими отступленіями. На другомъ полюсѣ крѣпостной жизни встаютъ тѣни господъ съ ихъ тусклымъ, отравленнымъ существованіемъ: помѣщица-пріобрѣтательница, Анна Павловна, тетенька-звѣрь и тетенька-сластена, поѣздки за женихами въ Москву и тамошнее житье пошехонскихъ обывателей, назойливое ухаживанье за богатыми родственниками, мелкое тиранство и непрерывное измывательство надъ личностью крѣпостныхъ. Шествіе заканчиваютъ сосѣди: разоряющійся послѣ эмансипаціи предводитель Струнниковъ, спускающій шкуру съ крестьянъ Пустотѣловъ, идеалистъ сороковыхъ годовъ Бурмакинъ.—Одинаково выпуклыми чертами рисуетъ авторъ и вѣру рабовъ въ неизбѣжное паденіе рабства и столь же прочную увѣренность господъ, свято убѣжденныхъ въ незыблемости крѣпостного строя. Къ лучшимъ страницамъ „Пошехонской старины“ принадлежитъ описаніе дѣтства героя. Много теплаго лиризма вложено въ эти картины, такъ хорошо передающія внутреннюю жизнь помѣщичьей усадьбы.

Объ автобіографическомъ значеніи „Пошехонской старины“ уже говорилось выше, и теперь интересно будетъ только сопоставить эту книгу съ „Господами Головлевыми“, о которыхъ мы намѣренно умолчали до сихъ поръ. Въ

обѣихъ этихъ крупныхъ работахъ Салтыковъ является не только сатирикомъ, но прежде всего бытописателемъ и художникомъ. Если оставить въ сторонѣ общественное значеніе этихъ хроникъ, гдѣ каждая строка вопіетъ противъ царившихъ и еще царящихъ неправды и зла,—то за ними останется высокая художественная цѣнность. Іудушка Головлевъ со своимъ „пустословіемъ, пустомысліемъ и пустоутробіемъ“ это прежде всего художественный типъ лицемѣра, достойный занять мѣсто въ ряду вѣчныхъ созданій міровой литературы. По своему общественному содержанію „Господа Головлевы“—по словамъ Скабичевскаго—„произведеніе, въ которомъ вы находите изображеніе старинной дореформенной помѣщичьей семьи во всемъ ужасающемъ безобразіи нравственной распущенности, отсутствія духовныхъ интересовъ и полнаго разложенія подъ личиною цинически-наглаго лицемѣрія. „Вотъ какую культуру васъ призываютъ охранять и насаждать“, сказалъ Салтыковъ этимъ своимъ лучшимъ сочиненіемъ“. Любопытно отмѣтить, что многія фигуры „Господъ Головлевыхъ“ снова появляются на страницахъ „Пошехонской старины“. Арина Петровна Головлева это тотъ же типъ неутомимой стяжательницы, какъ и Анна Павловна Затрапезная; и тамъ, и здѣсь мы встрѣчаемъ нелюбимаго матерью, непокорнаго Степку-балбеса, а Гриша-тихоня въ семьѣ Затрапезныхъ это будущій Порфирій Владимировичъ Головлевъ.

Много практической головлевщины осталось и по днесь въ русской жизни. Имя Іудушки, для котораго весь „міръ въ его глазахъ есть гробъ, могущій служить лишь поводомъ для безконечнаго пустословія“,—стало нарицательнымъ. Чтобы не приводить много примѣровъ, напомнимъ о широко извѣстномъ подъ этимъ названіемъ нововременскомъ публицистѣ, который расточаетъ потоки „словеснаго гноя“ съ систематичностью, способной привести въ уныніе далеко не слабодушнаго человѣка. Увы! и какъ представители опредѣленной среды, и какъ общечеловѣческіе типы, Іудушки еще въ изобиліи живутъ среди насъ и своимъ елейнымъ пустосвятствомъ тормозятъ дѣло жизни.

Среди многихъ томовъ, написнныхъ Салтыковымъ, особое мѣсто занимаетъ небольшой томикъ его „Сказокъ“. Новыхъ общественныхъ мотивовъ, которыхъ салтыковская сатира не давала бы уже намъ въ другихъ мѣстахъ,—мы, пожалуй, не найдемъ здѣсь. Но что особенно заставляетъ остановиться на этихъ сказкахъ, такъ это ихъ оригинальная форма, ихъ тонкая, художественная отдѣлка, чрезвычайная глубина ихъ содержанія. Въ этихъ миніатюрахъ читателя поражаетъ широкая, общечеловѣческая постановка „проклятыхъ“ вопросовъ, въ своемъ родѣ философская обработка соціальныхъ проблемъ, наряду съ прозрачной политической аллегоріей и захватывающимъ лиризмомъ.

Въ формѣ ли животнаго эпоса, или въ видѣ отвлеченныхъ, если можно такъ выразиться, безтѣлесныхъ фигуръ авторъ выводитъ тѣ же типы, на которые все время обрушивалась его сатира, тонкими и мѣткими штрихами рисуетъ онъ политическія или соціальныя явленія русской общественности. Въ „Орлѣ-меценатѣ“—сказкѣ, долгое время бывшей подъ цензурнымъ запретомъ—нашелъ свое выраженіе принципъ безудержнаго самодурства, которымъ доселѣ проникнута наша убогая жизнь. Тѣ же ноты, которыя мы слышали въ „Помпадурахъ“ или, отчасти, въ „Ташкентцахъ“, звучатъ и въ „Недреманномъ окѣ“ съ подвигами Прокурора Куралесыча, и въ „Медвѣдѣ на воеводствѣ“, въ этихъ „Топтыгиныхъ“, изъ которыхъ одинъ, задавшись цѣлью учинить большое кровопролитіе, всего на всего съѣлъ чижика, „бездѣльнымъ обычаемъ прыгавшаго по воеводской тушѣ“, а затѣмъ въ поискахъ корней и нитей цѣлый лѣсъ основъ выворотилъ и кончилъ тѣмъ, что „забрался ночью въ типографію, станки разбилъ, шрифтъ смѣшалъ, а произведенія ума человѣческаго въ отхожую яму свалилъ“... Та же тема на лицо и въ „Праздномъ разговорѣ“, при чемъ интересно сопоставить выводъ разоткровенничавшагося губернатора съ приведенными выше словами Глумова помпадуру-зиждителю.—Объ отношеніяхъ различныхъ общественныхъ классовъ, психологіи ретроградныхъ и „просвѣщенныхъ“ слоевъ „первенствующаго сословія“ и вѣковѣчной тяготѣ мужика—говорятъ намъ другія сказки. Таковы—„Дикій помѣщикъ“, взмолившійся объ избавленіи его отъ

мужика и впавшій затѣмъ въ звѣриное состояніе, „Коняга“ надрывающійся надъ своей полосой подъ веселое гоготанье своихъ братьевъ Пустоплясовъ; мужикъ, кормящій генераловъ *); „Сосѣди“, изъ которыхъ одинъ хирѣетъ и бѣднѣетъ, выбиваясь изъ силъ на своей пашнѣ, а другой ѣздитъ по теплымъ водамъ и насаждаетъ прогрессъ и благополучіе посредствомъ „Азбуки-копѣйки“ и „общества самопомощи“.

Отъ характеристики политическихъ и общественныхъ отношеній мы можемъ перейти къ характеристикѣ собирательныхъ типовъ, на почвѣ которыхъ слагаются эти отношенія. Сказка „Либералъ“ въ столь же краткой, сколь и блестящей формѣ, изображаетъ безславную эволюцію россійскаго либерализма, рвавшагося „благое дѣло дѣлать“, но очень скоро принявшагося орудовать „въ предѣлахъ“ и проводить свои програмныя требованія сначала „по возможности“, потомъ „хоть что нибудь“ и въ заключеніе—„примѣнительно къ подлости“. Эти лапидарныя опредѣленія, вошедшія въ пословицу, и до сихъ поръ остаются въ полной силѣ. Инымъ типомъ является дуракъ въ сказкѣ того же названія: этотъ не урѣзываетъ и не уступаетъ, слѣдуя во всемъ и всюду только велѣніямъ собственнаго нутра. И дурость дурака еще рѣзче оттѣняется мудростью „премудрыхъ пискарй“, отъ всего отступившихся, всю жизнь дрожащихъ за свое жалкое существованіе. Не менѣе жалки, впрочемъ, и „караси-идеалисты“, наивно мечтающіе внушить щукѣ понятіе о справедливости и не могущіе воспринять своимъ нѣжнымъ сердцемъ реалистическую философію ерша.

Вопросы о положеніи русской печати и отношеніяхъ между литературой того времени и читающей публикой всегда глубоко волновали Салтыкова, давшаго дивныя картины засилья газетчиковъ Подхалимовыхъ, успѣха изданій въ родѣ „Чего изволите“, „Красы Демидрона“ и т. п. Естественно, что онъ откликнулся на нихъ и своими сказками. Этой темѣ посвящены „Обманщикъ-газетчикъ и легковѣрный читатель“ и „Приключеніе съ Крамольниковымъ“—сказка-элегія. О послѣдней намъ придется нѣсколько подробнѣе сказать ниже.

Какова же сущность человѣческихъ отношеній, и что готовитъ намъ будущее? Если съ этимъ вопросомъ, далеко выходящимъ за предѣлы политической злобы дня и современныхъ формъ соціальной жизни,—обратиться къ сказкамъ Салтыкова, то на первый взглядъ отвѣтъ сатирика покажется проникнутымъ глубокимъ пессимизмомъ, безнадежной скорбью, которую порождаетъ роковая и безпощадная неизбѣжность борьбы человѣка съ человѣкомъ. Возьмите „Бѣднаго волка“, который „однако-жъ, не по своей волѣ такъ жестокъ, а потому, что комплекція у него каверзная; ничего онъ кромѣ мясного ѣсть не можетъ. А чтобы достать мясную пищу, онъ не можетъ иначе поступать, какъ живое существо жизни лишить. Однимъ словомъ, обязывается учинять злодѣйство, разбой.-Возьмите далѣе результаты ходатайствъ „Ворона-челобитчика“, услыхавшаго отъ самаго кречета, что міръ не можетъ вмѣстить правды, что и самъ кречетъ хотя и краемъ глаза, но все же смотрящій на солнце, не въ силахъ глянуть въ очи правдѣ. Наконецъ, не о томъ же ли самомъ говорятъ разсужденія философа - практика ерша, уличающаго карася въ поѣданіи ракушекъ, или еше лучше — мораль „здравомысленнаго зайца“, который приходитъ къ такому, подтверждаемому его собственной судьбой обобщенію: „всякому звѣрю свое житье: льву — львиное, лисѣ—лисье, зайцу—заячье“? — Но указанный выше выводъ совершенно не соотвѣтствовалъ бы дѣйствительному міросозерцанію Салтыкова. Уже „Рождественская сказка“ съ ея извѣчной правдой божественной любви вноситъ свѣтлую, примиряющую ноту. Но еще ярче и полнѣе звучитъ эта бодрая нота въ чудной по силѣ проникающаго ее лиризма „Христовой ночи“ **). И, наконецъ, вспомните сказку

*) Эту сказку читатели найдутъ полностью ниже, въ отдѣлѣ беллетристики.

**) Мы не цитируемъ, ибо и эту чарующую сказку-преданіе читатели встрѣтятъ нѣсколькими страницами далѣе.

„Пропала совѣсть“, дышащую бодрой вѣрой въ тѣ грядущія времена, когда „исчезнутъ всѣ неправды, коварства и насилія, потому что совѣсть будетъ не робкая и захочетъ распоряжаться всѣмъ сама“. Нѣтъ, вѣра въ ясное, отрадное будущее никогда не покидала Салтыкова, и скорбный путь человѣчества, въ его глазахъ, велъ къ конечному и прочному торжеству правды-истины и правды-справедливости.

— На предыдущихъ страницахъ мы пытались показать читателю, какъ выполнялъ безсмертный сатирикъ нашей общественности свой великій обѣтъ общественнаго служенія, чему училъ онъ и противъ чего боролся. Намъ осталось теперь сказать въ немногихъ словахъ о томъ, какъ понималъ этотъ писатель свою задачу, какъ смотрѣлъ онъ на литературу, и въ какихъ условіяхъ велась его работа, въ какихъ условіяхъ вдохновенная мысль претворялась въ живое и животворящее слово.

„Одна литература изъята изъ законовъ тлѣнія,—писалъ Салтыковъ въ „Кругломъ годѣ“,—она одна не признаетъ смерти. Несмотря ни на что, она вѣчно будетъ жить и въ памятникахъ прошлаго, и въ памятникахъ настоящаго, и въ памятникахъ будущаго... Ничто такъ не соприкасается съ идеей вѣчности, ничто такъ не поясняетъ ея, какъ представленіе о литературѣ... Общество, не имѣющее литературы не сознаетъ себя обществомъ, а только безпорядочнымъ сбродомъ индивидуумовъ; страна, лишенная литературы, стоитъ внѣ общей міровой связи и привлекаетъ любопытство лишь въ качествѣ диковины.“— Таково великое значеніе печатнаго слова, и этой вѣчностью литературы опредѣляются задачи ея служителей: „мнѣ кажется, говоритъ Салтыковъ въ одномъ частномъ письмѣ, что писатель, имѣющій въ виду не одни интересы минуты, не обязывается выставлять иныхъ идеаловъ, кромѣ тѣхъ, которые изстари волнуютъ человѣчество; а именно: свобода, равноправность и справедливость“. Нужно ли добавлять, что этимъ завѣтамъ геніальный страстотерпецъ литературы оставался вѣренъ всю свою жизнь? Со своей страстной любовью къ литературѣ, готовый принять ее „со всѣми уклоненіями и осложненіями, даже съ московскими кликушами“, со своей беззавѣтной преданностью высокимъ идеаламъ человѣчества— онъ дѣйствительно „всѣ силы своего ума и сердца посвятилъ на то, чтобы возстановлять въ душахъ своихъ присныхъ представленіе о свѣтѣ и правдѣ и поддерживать въ ихъ сердцахъ вѣру, что свѣтъ придетъ, и мракъ его не обниметъ“.

И сколько нужно было имѣть душевной силы, чтобы не поддаваться надвигавшемуся со всѣхъ сторонъ мраку въ той обстановкѣ, какую русская жизнь создала своему сатирику. Въ самомъ началѣ своей дѣятельности Салтыковъ вкусилъ скорпіоновъ николаевской цензуры, и то же зло тяготѣло надъ нимъ на всемъ его долгомъ пути. „Нѣтъ на свѣтѣ мукъ страшнѣе муки слова“, того сдавленнаго, искаженнаго, не доходящаго до „друга-читателя“ слова, которое уродуется въ цензурномъ застѣнкѣ, которое „задушить можетъ, если его не вымолвить“. Всѣ эти муки въ полной мѣрѣ пришлось испытать первому сатирику земли русской. Слишкомъ три десятилѣтія провелъ онъ въ борьбѣ съ тѣмъ вѣдомствомъ, гдѣ, по остроумному экспромту Минаева,—

...Надъ статьями совершаютъ
Вдвойнѣ цивическій обрядъ:
Ихъ, какъ евреевъ, обрѣзаютъ
И, какъ католиковъ, крестятъ.

Салтыкова „обрѣзали“, и „крестили“ безпощадно. Сколько труда и неимовѣрныхъ усилій воли надо было тратить ему для того, чтобы кипучій потокъ своего праваго гнѣва ввести въ узкія цензурныя границы, чтобы умѣрить свободный полетъ творческаго вдохновенія. Писателю пришлось создать особый „эзоповскій стиль“ и пріучить своего читателя понимать порою запутанныя фигуры и иносказанія, приходилось молчать о томъ, что наполняло грудь жгучимъ негодованіемъ, и говорить о мелочахъ, лишь намекомъ давая понять читателю, что рѣчь идетъ о коренныхъ и основныхъ вопросахъ русской жизни. И всетаки, даже

при такихъ условіяхъ, сатирикъ наносилъ своимъ врагамъ тяжелые, не забывающіеся удары. Намъ вполнѣ понятна та бѣшеная ярость, съ какой преслѣдовала Салтыкова охранительная печать, начиная съ пошлыхъ пасквилей *) и кончая самой безпардонной клеветой, злобно шипѣвшей даже надъ отверстой могилой писателя (см. объ этомъ статью К. Арсеньева въ „Вѣстн. Европы“, 1889, кн. 6). Наряду съ гоненіями цензуры много горечи влили эти ожесточенныя, наглыя и лживыя нападки въ безъ того горькую чашу честнаго подвижника пера. О томъ, чего стоилъ писателю его трудъ въ такихъ условіяхъ, намъ говоритъ Салтыковъ: „Ахъ это писательское ремесло! Это не только мука, но цѣлый душевный адъ. Капля по каплѣ сочится писательская кровь прежде нежели попадетъ подъ печатный станокъ. Чего со мною не дѣлали! И вырѣзывали, и урѣзывали, и перетолковывали, и цѣликомъ запрещали, и всенародно объявляли, что я вредный, вредный, вредный“. И все это тѣмъ больнѣе бередило кровавыя раны художника, что волна извращеній, клеветъ и инсинуацій захлестывала и извѣстную часть публики. Все это развивалось и возводилось въ систему „читателемъ-ненавистникомъ“, съ довѣріемъ встрѣчалось „солиднымъ читателемъ“, подчиняло своему вліянію „читателя-простеца“, и только къ „читателю-другу“ могъ обратить Салтыковъ свой отчаянный призывъ: „защити!“

Какой тяжелый ударъ нанесло Салтыкову, напримѣръ, закрытіе „Отечественныхъ Записокъ“ можно судить по „Приключенію съ Крамольниковымъ“, который „однажды утромъ проснувшись, совершенно явственно ощутилъ, что его нѣтъ“, его бытіе внезапно превратилось въ небытіе. Эта сказка-элегія съ удивительной яркостью передаетъ психологію писателя, у котораго вырвали изъ рукъ перо, его первое оружіе и единственную отраду. Въ скорбномъ образѣ Крамольникова мы въ правѣ видѣть самого автора, и мы всецѣло могли бы охарактеризовать Салтыкова тѣми самыми словами, какими онъ характеризуетъ героя своей сказки: „Крамольниковъ былъ коренной пошехонскій литераторъ, у котораго не было никакой иной привязанности, кромѣ читателя, никакой иной радости, кромѣ общенія съ читателемъ... Въ этой привязанности къ отлеченной личности было что-то исключительное, до болѣзненности страстное. Цѣлые десятки лѣтъ она одна питала его и съ каждымъ годомъ дѣлалась все больше и больше настоятельною. Наконецъ, пришла старость и всѣ блага жизни, кромѣ одного высшаго и существеннѣйшаго, окончательно сдѣлались для него безразличными и ненужными... Все разнообразіе жизни представляется фиктивнымъ; весь интересъ ея сосредоточивается въ одной свѣтящей точкѣ“.

Въ наши дни, когда эпизоды, подобные приключенію Крамольникова, удручающе часты, такой близкой и понятной остается сатира Щедрина. Безсмертны произведенія его какъ созданія художественнаго творчества, и инымъ, живымъ безсмертіемъ до сихъ поръ, къ несчастью, безсмертны его герои, какъ историческія лица; не умерла еще та среда, откуда онъ черпалъ свои образы. Но мы всетаки убѣждены, что если бы Салтыковъ былъ живъ, то, заклеймивъ по новому старое и преобразившееся зло, онъ всетаки со своимъ бодрымъ оптимизмомъ повторилъ бы:

„Итакъ не станемъ приходить въ отчаяніе, а будемъ вѣрить. Жизнь не останавливается и не изсякаетъ. Если... не суждено ей проявиться непосредственно, она просочится сквозь тѣ честныя сердца, которыя примутъ сѣмя ея и сторицею возвратятъ ей посѣянное“.

Н. Горкинъ.

---

*) Напримѣръ, статья „Господинъ Щедринъ или расколъ въ нигилистахъ“, появившаяся въ 1864 г. въ „Эпохѣ“, которую издавалъ—увы!—Достоевскій

(ПРЕДАНІЕ).

М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА.

Равнина еще цѣпенѣетъ, но среди глубокаго безмолвія ночи подъ снѣжною пеленою уже слышится говоръ пробуждающихся ручьевъ. Въ оврагахъ и ложбинахъ этотъ говоръ принимаетъ размѣры глухого гула и предостерегаетъ путника, что дорога въ этомъ мѣстѣ изрыта зажорами. Но лѣсъ еще молчитъ, придавленный инеемъ, словно сказочный богатырь желѣзною шапкою. Темное небо сплошь усыпано звѣздами, льющими на землю холодный и трепещущій свѣтъ. Въ обманчивомъ его мерцаніи мелькаютъ траурныя точки деревень, утонувшихъ въ сугробахъ. Печать сиротливости, заброшенности и убожества легла и на застывшую равнину, и на безмолвствующій проселокъ. Все сковано, безпомощно и безмолвно, словно задавлено невидимой, но грозной кабалой.

Но вотъ въ одномъ концѣ равнины раздалось гудѣніе полночнаго колокола; навстрѣчу ему съ противоположнаго конца, пронеслось другое, за нимъ— третье, четвертое. На темномъ фонѣ ночи вырѣзались горящіе шпили церквей, и окрестность вдругъ ожила. По дорогѣ потянулись вереницы деревенскаго люда. Впереди шли люди сѣрые, замученные жизнью и нищетою, люди съ истерзанными сердцами и поникшими долу головами. Они несли въ храмъ свое смиреніе и свои воздыханія; это было все, что они могли дать воскресшему Богу. За ними, поодаль, слѣдовали въ праздничныхъ одеждахъ деревенскіе богатѣи, кулаки и прочіе властелины деревни. Они весело гуторили межъ собою и несли въ храмъ свои мечтанія о предстоящемъ недѣльномъ ликованіи. Но скоро толпы народныя утонули въ глубинѣ проселка; замеръ въ воздухѣ послѣдній ударъ призывного благовѣста, и все опять торжественно смолкло.

Глубокая тайна почуялась въ этомъ внезапномъ перерывѣ начавшагося движенія, — какъ будто за наступившимъ молчаніемъ надвигалось чудо, долженствующее вдохнуть жизнь и возрожденіе. И точно: не успѣлъ еще заалѣть востокъ, какъ желанное чудо совершилось. Воскресъ поруганный и распятый Богъ!

Воскресъ Богъ, къ Которому искони огорченныя и недугующія сердца вопіютъ: „Господи, поспѣшай!“

Воскресъ Богъ и наполнилъ Собою вселенную. Широкая степь встала навстрѣчу Ему всѣми своими снѣгами и буранами. За степью потянулся могучій лѣсъ и тоже почуялъ приближеніе Воскресшаго. Подняли матерыя ели къ небу мохнатыя лапы; заскрипѣли вершинами столѣтнія сосны; загудѣли овраги и рѣки; выбѣжали изъ норъ и берлогъ звѣри, вылетѣли птицы изъ гнѣздъ; всѣ почуяли, что изъ глубины грядетъ нѣчто свѣтлое, сильное, источающее свѣтъ и тепло, и всѣ вопіяли: „Господи! Ты ли?“

Господь благословилъ землю и воды, звѣрей и птицъ, и сказалъ имъ:

— Миръ вамъ! Я принесъ вамъ весну, тепло и свѣтъ. Я сниму съ рѣкъ ледяныя оковы, одѣну степь зеленою пеленою, наполню лѣсъ пѣніемъ и благоуханіями. Я напитаю и напою птицъ и звѣрей и наполню природу ликованіемъ. Пускай законы ея будутъ легки для васъ; пускай она для каждой былинки, для каждаго чуть замѣтнаго насѣкомаго начертитъ кругъ, въ которомъ они останутся вѣрными прирожденному назначенію. Вы не судимы, ибо выполняете лишь то, что вамъ дано отъ начала вѣковъ. Человѣкъ ведетъ непрестанную борьбу съ природой, проникая въ ея тайны и не предвидя конца своей работѣ. Ему необходимы эти тайны, потому что онѣ составляютъ неизбѣжное условіе его благоденствія и преуспѣянія. Но природа сама себѣ довлѣетъ, и въ этомъ ея преимущество. Нѣтъ нужды, что человѣкъ мало-по-малу проникаетъ въ ея нѣдра—онъ покоряетъ себѣ только атомы, а природа продолжаетъ стоять передъ нимъ въ своей первобытной неприступности и подавляетъ его своимъ могуществомъ. Миръ вамъ, степи и лѣса, звѣри и пернатые! и да согрѣютъ и оживятъ васъ лучи Моего Воскресенія!

Благословивши природу, Воскресшій обратился къ людямъ. Первыми вышли навстрѣчу къ Нему люди плачущіе, согбенные подъ игомъ работы и загубленные нуждою. И когда Онъ сказалъ имъ: „миръ вамъ!“—то они наполнили воздухъ рыданіями и пали ницъ, молчаливо прося объ избавленіи.

И сердце Воскресшаго вновь затуманилось тою великою и смертельною скорбью, которою оно до краевъ переполнилось въ Геѳсиманскомъ саду, въ ожиданіи чаши, Ему уготованной. Все это многострадальное воинство, которое пало передъ Нимъ, несло бремя жизни имени Его ради; всѣ они первые преклонили ухо къ Его слову и навсегда запечатлѣли его въ сердцахъ своихъ. Всѣхъ ихъ Онъ видѣлъ съ высотъ Голгоѳы, какъ они метались вдали, окутанные сѣтями рабства, и всѣхъ Онъ благословилъ, совершая Свой крестный путь, всѣмъ обѣщалъ освобожденіе. И всѣ они съ тѣхъ поръ жаждутъ Его и рвутся къ Нему. Всѣ съ беззавѣтною вѣрою простираютъ къ Нему руки: „Господи! Ты ли?“

— Да, это Я,—сказалъ Онъ имъ.— Я разорвалъ узы смерти, чтобъ прійти къ вамъ, слуги Мои вѣрные, сострадальцы Мои дорогіе! Я всегда и на всякомъ мѣстѣ съ вами, и вездѣ, гдѣ пролита ваша кровь,—тутъ же пролита и Моя кровь вмѣстѣ съ вашею. Вы чистыми сердцами беззавѣтно увѣровали въ Меня потому только, что проповѣдь Моя заключаетъ въ себѣ правду, безъ которой вселенная представляетъ собой вмѣстилище погубленія и адъ кромѣшный. Люби Бога и люби ближняго, какъ самого себя,—вотъ эта правда, во всей ея ясности и простотѣ, и она наиболѣе доступна не богословамъ и начетчикамъ, а именно вамъ, простымъ и удрученнымъ сердцамъ. Вы вѣрите въ эту правду и ждете ея пришествія. Лѣтомъ, подъ лучами знойнаго солнца, за сохою, вы служите ей; зимой, длинными вечерами, при свѣтѣ дымящейся лучины, за скуднымъ ужиномъ, вы учите ей дѣтей вашихъ. Какъ ни кратка она сама по себѣ, но для васъ въ ней замыкается весь смыслъ жизни и никогда не изсякающій источникъ новыхъ и новыхъ собесѣдованій. Съ этой правдой вы встаете утромъ, съ нею ложитесь на сонъ грядущій и ее же приносите на алтарь Мой въ видѣ слезъ и воздыханій, которыя слаще аромата кадильнаго растворяютъ сердце Мое. Знайте же: хотя никто не провидитъ впередъ, когда пробьетъ вашъ часъ, но онъ уже приближается. Пробьетъ этотъ желанный часъ, и явится свѣтъ, котораго не побѣдитъ тьма. И вы сверг-

нете съ себя иго тоски, горя и нужды, которое удручаетъ васъ. Подтверждаю вамъ это, и какъ нѣкогда съ высотъ Голгоѳы благословлялъ васъ на стяжаніе душъ вашихъ, такъ и теперь благословляю на новую жизнь въ царствѣ свѣта, добра и правды. Да не уклонятся сердца ваши въ словеса лукавствія, да пребудутъ они чисты и просты, какъ до-днесь, а слово Мое да будетъ истина. Миръ вамъ!

Воскресшій пошелъ далѣе и встрѣтилъ на пути Своемъ иныхъ людей. Тутъ были и богатѣи, и міроѣды, и жестокіе правители, и тати, и душегубцы, и лицемѣры, и ханжи, и неправедные судьи. Всѣ они шли съ сердцами, преисполненными праха, и весело разговаривали, встрѣчая не Воскресеніе, а грядущую праздничную суету. Но и они остановились въ смятеніи, почувствовавъ приближеніе Воскресшаго.

Онъ также остановился передъ ними и сказалъ:

— Вы—люди вѣка сего и духомъ вѣка своего руководитесь. Стяжаніе и любоначаліе — вотъ двигатели вашихъ дѣйствій. Зло наполнило все содержаніе вашей жизни, но вы такъ легко несете иго зла, что ни единый скрупулъ вашей совѣсти не дрогнулъ передъ будущимъ, которое готовитъ вамъ это иго. Все окружающее васъ представляется какъ бы призваннымъ служить вамъ. Но не потому овладѣли вы вселенною, что сильны сами по себѣ, а потому, что сила унаслѣдована вами отъ предковъ. Съ тѣхъ поръ вы со всѣхъ сторонъ защищены, и сильные міра считаютъ васъ присными. Съ тѣхъ поръ вы идете съ огнемъ и мечомъ впередъ и впередъ; вы крадете и убиваете, безнаказанно изрыгая хулу на законы божескіе и человѣческіе, и тщеславитесь, что таково искони унаслѣдованное вами право. Но говорю вамъ: придетъ время,—и недалеко оно,—когда мечтанія ваши разсѣются въ прахъ. Слабые также познаютъ свою силу: вы же сознаете свое ничтожество передъ этою силой. Предвидѣли ли вы когда-нибудь этотъ грозный часъ? смущало ли васъ это предвидѣніе за себя и за дѣтей вашихъ?

Грѣшники безмолвствовали на этотъ вопросъ. Они стояли, потупивъ взоры и какъ бы ожидая еще горшаго. Тогда Воскресшій продолжалъ:

— Но во имя Моего Воскресенія Я и передъ вами открываю путь къ спасенію. Этотъ путь—судъ вашей собственной совѣсти. Она раскроетъ передъ вами ваше прошлое во всей его наготѣ, она вызоветъ тѣни погубленныхъ вами и поставитъ ихъ на стражѣ у изголовій вашихъ. Скрежетъ зубовный наполнитъ дома ваши, жены не познаютъ мужей, дѣти—отцовъ. Но когда сердца ваши засохнутъ отъ скорби и тоски, когда ваша совѣсть переполнится, какъ чаша, не могущая вмѣстить переполняющей ее горечи,—тогда тѣни погубленныхъ примирятся съ вами и откроютъ вамъ путь къ спасенію. И не будетъ тогда ни татей, ни душегубцевъ, ни мздоимцевъ, ни ханжей, ни неправедныхъ властителей, и всѣ одинаково возвеселятся за общей трапезой обители Моей. Идите же и знайте, что слово Мое—истина!

Въ эту самую минуту востокъ заалѣлъ, и въ рѣдѣющемъ сумракѣ лѣса выступила безобразная человѣческая масса, качающаяся на осинѣ. Голова повѣсившагося, почти оторванная отъ туловища, свѣсилась книзу; вороны уже выклевали у нея глаза и выѣли щеки. Самое туловище было по мѣстамъ обнажено отъ одеждъ и, зіяя гнойными ранами, размахивало по вѣтру руками. Стая хищныхъ птицъ кружилась надъ тѣломъ, а болѣе смѣлыя безстрашно продолжали дѣло разрушенія.

То было тѣло предателя, который самъ совершилъ судъ надъ собою.

Всѣ предстоявшіе съ ужасомъ и отвращеніемъ отвернулись отъ представившагося зрѣлища; взоръ Воскресшаго воспылалъ гнѣвомъ.

— О, предатель!—сказалъ Онъ:—ты думалъ, что вольною смертью избавился отъ давившей тебя измѣны; ты скоро созналъ свой позоръ и поспѣшилъ окончить расчеты съ постыдною жизнью. Преступленіе такъ ясно выступило передъ тобой, что ты съ ужасомъ отступилъ передъ общимъ презрѣніемъ и предпочелъ ему душевное погубленіе. „Единый мигъ,—сказалъ ты себѣ, — и душа моя погрузится въ безразсвѣтный мракъ, а сердце перестанетъ быть доступнымъ угрызеніямъ совѣсти“. Но да не будетъ такъ. Сойди съ древа, предатель, да возвратятся тебѣ выклеванныя очи твои, да закроются гнойныя раны, и да возстановится позорный

твой обликъ въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ былъ въ ту минуту, когда ты лобзалъ предаваемаго тобой. Живи!

По этому слову, передъ глазами у всѣхъ, предатель сошелъ съ дерева и палъ на землю передъ Воскресшимъ, моля Его о возвращеніи смерти.

— Я всѣмъ указалъ путь къ спасенію,—продолжалъ Воскресшій:—но для тебя, предатель, онъ закрытъ навсегда. Ты проклятъ Богомъ и людьми, проклятъ на вѣки-вѣковъ. Ты не убилъ друга, раскрывшаго передъ тобой душу, а застигъ его врасплохъ и предалъ на казнь и поруганіе. За это я осуждаю тебя на жизнь. Ты будешь ходить изъ града въ градъ, изъ веси въ весь и нигдѣ не найдешь крова, который бы пріютилъ тебя. Ты будешь стучаться въ двери, и никто не отворитъ ихъ тебѣ; ты будешь умолять о хлѣбѣ—и тебѣ подадутъ камень; ты будешь жаждать — и тебѣ подадутъ сосудъ, наполненный кровью проданнаго тобой. Ты будешь плакать, и слезы твои превратятся въ потоки огненные, будутъ жечь твои щеки и покрывать ихъ струпьями. Камни, по которымъ ты пойдешь, будутъ вопіять: „предатель, будь проклятъ!“ Люди на торжищахъ расступятся предъ тобой, и на всѣхъ лицахъ ты прочтешь: „предатель, будь проклятъ!“ Ты будешь искать смерти и на сушѣ, и на водахъ—и вездѣ смерть отвернется отъ тебя и прошипитъ: „предатель, будь проклятъ!“ Мало того: на время судьба сжалится надъ тобою, ты обрѣтешь друга и предашь его, и этотъ другъ изъ глубины темницы возопитъ къ тебѣ: „предатель, будь проклятъ!“ Ты получишь способность творить добро, но добро это отвратитъ души облагодѣтельствованныхъ тобой. „Будь проклятъ, предатель!“— возопіютъ онѣ:—„будь проклятъ и ты, и всѣ дѣла твои!“ И будешь ты ходить изъ-вѣка-въ-вѣкъ съ неусыпающимъ червемъ въ сердцѣ, съ погубленною душою. Живи, проклятый, и будь для грядущихъ поколѣній свидѣтельствомъ той безконечной казни, которая ожидаетъ предательство. Встань, возьми вмѣсто посоха древесный сукъ, на которомъ ты чаялъ найти смерть,—и иди!

И едва замерло въ воздухѣ слово Воскресшаго, какъ предатель всталъ съ земли, взялъ свой посохъ, и скоро шаги его смолкли въ той необъятной, загадочной дали, гдѣ его ждала жизнь изъ-вѣка-въ-вѣкъ. И ходитъ онъ до-днесь по землѣ, разсѣевая смуту, измѣну и рознь...

ПОВѢСТЬ

О томъ, какъ мужикъ двухъ генераловъ прокормилъ.

Жили да были два генерала, и такъ какъ оба были легкомысленны, то въ скоромъ времени, по щучьему велѣнію, по моему хотѣнію, очутились на необитаемомъ островѣ.

Служили генералы всю жизнь въ какой-то регистратурѣ; тамъ родились, воспитались и состарѣлись, слѣдовательно, ничего не понимали. Даже словъ никакихъ не знали, кромѣ: „примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности“.

Упразднили регистратуру за ненадобностью и выпустили генераловъ на волю. Оставшись за штатомъ, поселились они въ Петербургѣ, въ Подьяческой улицѣ, на разныхъ квартирахъ; имѣли каждый свою кухарку и получали пенсію. Только вдругъ очутились на необитаемомъ островѣ, проснулись и видятъ: оба подъ однимъ одѣяломъ лежатъ. Разумѣется, сначала ничего непоняли и стали разговаривать, какъ будто съ ними ничего не случилось.

— Странный, ваше превосходительство, мнѣ нынче сонъ снился,—сказалъ одинъ генералъ:—вижу, будто живу я на необитаемомъ островѣ...

Сказалъ это, да вдругъ какъ вскочитъ. Вскочилъ и другой генералъ.

— Господи! да что-жъ это такое? гдѣ мы?—вскрикнули оба не своимъ голосомъ.

И стали другъ друга ощупывать, точно ли не во снѣ, а на-яву съ ними случилось такая оказія. Однако, какъ ни старались увѣрить себя, что все это не больше, какъ сновидѣніе,—пришлось убѣдиться въ печальной дѣйствительности.

Передъ ними съ одной стороны разстилалось море, съ другой стороны лежалъ небольшой клочокъ земли, за которымъ стлалось все то же безграничное море. Заплакали генералы въ первый разъ послѣ того, какъ закрыли регистратуру.

Стали они другъ друга разсматривать и увидѣли, что они въ ночныхъ рубашкахъ, а на шеяхъ у нихъ виситъ по ордену.

— Теперь бы кофейку испить хорошо!—молвилъ одинъ генералъ, но вспомнилъ, какая съ нимъ неслыханная штука случилась, и во второй разъ заплакалъ.

— Что же мы будемъ, однако, дѣлать?—продолжалъ онъ сквозь слезы:—ежели теперича докладъ написать—какая польза изъ этого выйдетъ?

— Вотъ что,—отвѣчалъ другой генералъ:—подите вы, ваше превосходительство, на востокъ, а я пойду на западъ, а къ вечеру опять на этомъ мѣстѣ сойдемся; можетъ-быть, что-нибудь и найдемъ.

Стали искать, гдѣ востокъ и гдѣ западъ. Вспомнили, какъ начальникъ однажды говорилъ: „если хочешь сыскать востокъ, то встань глазами на сѣверъ, и въ правой рукѣ получишь искомое“. Начали искать сѣверъ, становились такъ и сякъ, перепробовали всѣ страны свѣта, но такъ какъ всю жизнь служили въ регистратурѣ, то ничего не нашли.

— Вотъ что, ваше превосходительство: вы пойдете направо, а я налѣво; этакъ-то лучше будетъ! —сказалъ одинъ генералъ, который, кромѣ регистратуры, служилъ еще въ школѣ военныхъ кантонистовъ учителемъ каллиграфіи и, слѣдовательно, былъ поумнѣе.

Сказано—сдѣлано. Пошелъ одинъ генералъ направо и видитъ—растутъ деревья, а на деревьяхъ всякіе плоды. Хочетъ генералъ достать хоть одно яблоко, да всѣ такъ высоко висятъ, что надобно лѣзть. Попробовалъ полѣзть—ничего не вышло, только рубашку изорвалъ. Пришелъ генералъ къ ручью, видитъ: рыба тамъ, словно въ садкѣ на Фонтанкѣ, такъ и кишитъ, и кишитъ.

„Вотъ кабы этакой-то рыбки да на Подъяческую!“—подумалъ генералъ и даже въ лицѣ измѣнился отъ аппетита.

Зашелъ генералъ въ лѣсъ, а тамъ рябчики свищутъ, тетерева токуютъ, зайцы бѣгаютъ.

— Господи! ѣды-то! ѣды-то!—сказалъ генералъ, почувствовавъ, что его уже начинаетъ тошнить.

Дѣлать нечего, пришлось возвращаться на условленное мѣсто съ пустыми руками. Приходитъ, а другой генералъ ужъ дожидается.

— Ну, что, ваше превосходительство, промыслили что-нибудь?

— Да вотъ нашелъ старый нумеръ „Московскихъ Вѣдомостей“, и больше ничего!

Легли опять спать генералы, да не спится имъ натощакъ. То безпокоитъ ихъ мысль, кто за нихъ будетъ пенсію получать; то припоминаются видѣнные днемъ плоды, рыбы, рябчики, тетерева, зайцы.

— Кто бы могъ думать, ваше превосходительство, что человѣческая пища, въ первоначальномъ видѣ, летаетъ, плаваетъ и на деревьяхъ растетъ?—сказалъ одинъ генералъ.

— Да,—отвѣтилъ другой генералъ:—признаться, и я до сихъ поръ думалъ, что булки въ томъ самомъ видѣ родятся, какъ ихъ утромъ къ кофею подаютъ.

— Стало-быть, если, напримѣръ, кто хочетъ куропатку съѣсть, то долженъ сначала ее изловить, убить, ощипать, изжарить... Только какъ все это сдѣлать?

— Какъ все это сдѣлать?—словно эхо, повторилъ другой генералъ.

Замолчали и стали стараться заснуть; но голодъ рѣшительно отгонялъ сонъ. Рябчики, индѣйки, поросята такъ и мелькали передъ глазами, сочные, слегка подрумяненные, съ огурцами, пикулями и другимъ салатомъ.

— Теперь я бы, кажется, свой собственный сапогъ съѣлъ!—сказалъ одинъ генералъ.

— Хороши тоже перчатки бываютъ, когда долго ношены!—вздохнулъ другой генералъ,

Вдругъ оба генерала взглянули другъ на друга: въ глазахъ ихъ свѣтился зловѣщій огонь, зубы стучали, изъ груди вылетало глухое рычаніе. Они начали медленно подползать другъ къ другу и въ одно мгновеніе оба остервенились. Полетѣли клочья, раздался визгъ и оханье; генералъ, который былъ учителемъ каллиграфіи, откусилъ у своего товарища орденъ и немедленно проглотилъ. Но видъ текущей крови какъ будто образумилъ ихъ.

— Съ нами крестная сила!—сказали они оба разомъ:—вѣдь этакъ мы другъ друга съѣдимъ.

— И какъ мы попали сюда! кто тотъ злодѣй, который надъ нами такую штуку сыгралъ.

— Надо, ваше превосходительство, какимъ-нибудь разговоромъ развлечься, а то у насъ тутъ убійство будетъ!—проговорилъ одинъ генералъ.

— Начинайте!—отвѣчалъ другой генералъ.

— Какъ, напримѣръ, думаете вы, отчего солнце прежде восходитъ, а потомъ заходитъ, а не наоборотъ?

— Странный вы человѣкъ, ваше превосходительство! но вѣдь и вы прежде встаете, идете въ департаментъ, тамъ пишете, а потомъ ложитесь спать?

— Но отчего же не допустить такую перестановку: сперва ложусь спать, вижу различныя сновидѣнія, а потомъ встаю?

— Гм!.. да... А я, признаться, какъ служилъ въ департаментѣ, всегда такъ думалъ: вотъ теперь утро, а потомъ будетъ день, а потомъ подадутъ ужинать—и спать пора.

— Но упоминовеніе объ ужинѣ обоихъ повергло въ уныніе и пресѣкло разговоръ въ самомъ началѣ.

— Слышалъ я отъ одного доктора, что человѣкъ можетъ долгое время своими собственными соками питаться,—началъ опять одинъ генералъ.

— Какъ такъ?

— Да такъ-съ. Собственные свои соки будто бы производятъ другіе соки, эти въ свою очередь еще производятъ соки, и такъ далѣе, покуда, наконецъ, соки совсѣмъ не прекратятся...

— Тогда что-жъ?

— Тогда надобно пищу какую-нибудь принять...

— Тьфу!

Однимъ словомъ, о чемъ ни начинали генералы разговоръ, онъ постоянно сводился на воспоминаніе объ ѣдѣ, и это еще болѣе раздражало аппетитъ. Положили: разговоры прекратить и, вспомнивъ о найденномъ нумерѣ: „Московскихъ Вѣдомостей“, жадно принялись читать его.

„Вчера,—читалъ взволнованнымъ голосомъ одинъ генералъ,—у почтеннаго начальника нашей древней столицы былъ парадный обѣдъ. Столъ сервированъ былъ на сто персонъ съ роскошью изумительною. Дары всѣхъ странъ назначили себѣ какъ бы рандэ-ву на этомъ волшебномъ праздникѣ. Тутъ была и „шекснинска стерлядь золотая“, и питомецъ лѣсовъ кавказскихъ—фазанъ, и столь рѣдкая на нашемъ сѣверѣ въ февралѣ мѣсяцѣ земляника...“

— Тьфу ты, Господи! да неужто-жъ, ваше превосходительство, не можете найти другого предмета? —воскликнулъ въ отчаяніи другой генералъ и, взявъ у товарища газету, прочелъ слѣдующее:

„Изъ Тулы пишутъ: вчерашняго числа, по случаю поимки въ рѣкѣ Упѣ осетра (происшествіе, котораго не запомнятъ даже старожилы, тѣмъ болѣе, что въ осетрѣ былъ опознанъ частный приставъ Б.), былъ въ здѣшнемъ клубѣ фестиваль. Виновника торжества внесли на громадномъ деревянномъ блюдѣ, обложеннаго огурчиками и держащаго въ пасти кусокъ слёни. Докторъ П., бывшій въ тотъ же день дежурнымъ старшиною, заботливо наблюдалъ, дабы всѣ гости получили по куску. Подливка была самая разнообразная и даже почти прихотливая...“

—Позвольте, ваше превосходительство, и вы, кажется, не слишкомъ осторожны въ выборѣ чтенія! — прервалъ первый генералъ и, взявъ въ свою очередь газету, прочелъ:

„Изъ Вятки пишутъ: одинъ изъ здѣшнихъ старожиловъ изобрѣлъ слѣдующій оригинальный способъ приготовленія ухи: взявъ живого налима, предварительно его высѣчь; когда же отъ огорченія, печень его увеличится...“

Генералы поникли головами. Все, на что бы они ни обратили взоры,—все свидѣтельствовало объ ѣдѣ. Собственныя ихъ мысли злоумышляли противъ нихъ, ибо какъ они ни старались отгонять представленія о бифштексахъ, но представленія эти пробивали себѣ путь насильственнымъ образомъ.

И вдругъ генерала, который былъ учителемъ каллиграфіи, озарило вдохновеніе...

— А что ваше превосходительство,—сказалъ онъ радостно: — если бы намъ найти мужика?...

— То-есть какъ же... мужика?

— Ну да, просто мужика... какіе обыкновенно бываютъ мужики! Онъ бы намъ сейчасъ и булокъ бы подалъ, и рябчиковъ бы наловилъ, и рыбы!

— Гм!.. мужика... но гдѣ же его взять, этого мужика, когда его нѣтъ?

— Какъ нѣтъ мужика! мужикъ вездѣ есть,—стоитъ только поискать его! Навѣрное онъ гдѣ-нибудь спрятался, отъ работы отлынивает!

Мысль эта до того ободрила генераловъ, что они вскочили какъ встрепанные и пустились отыскивать мужика.

Долго они бродили по острову безъ всякаго успѣха, но, наконецъ, острый запахъ мякиннаго хлѣба и кислой овчины навелъ ихъ на слѣдъ. Подъ деревомъ, брюхомъ кверху и положивъ подъ голову кулакъ, спалъ громаднѣйшій мужичина и самымъ нахальнымъ образомъ уклонялся отъ работы. Негодованію генераловъ предѣла не было.

— Спишь, лежебокъ! — накинулись они на него: — небось и ухомъ не ведешь, что тутъ два генерала вторыя сутки съ голода умираютъ! Сейчасъ маршъ работать!

Всталъ мужичина: видитъ что генералы строгіе. Хотѣлъ-было дать отъ нихъ стречка, но они такъ и закоченѣли, вцѣпившись въ него.

И зачалъ онъ передъ ними дѣйствовать.

Полѣзъ сперва-на-перво на дерево и нарвалъ генераламъ по десятку самыхъ спѣлыхъ яблоковъ, а себѣ взялъ одно, кислое. Потомъ покопался въ землѣ—и добылъ оттуда картофелю; потомъ взялъ два куска дерева, потеръ ихъ другъ о дружку—и извлекъ огонь. Потомъ изъ собственныхъ волосъ сдѣлалъ силокъ и поймалъ рябчика. Наконецъ, развелъ огонь и напекъ столько разной провизіи, что генераламъ пришло даже на мысль: не дать ли и тунеядцу частичку?

Смотрѣли генералы на эти мужицкія старанія, и сердца у нихъ весело играли. Они уже забыли, что вчера чуть не умерли съ голоду, а думали: «вотъ какъ оно хорошо быть генералами—нигдѣ не пропадешь!»

— Довольны ли вы, господа генералы?—спрашивалъ между тѣмъ мужичина-лежебокъ.

— Довольны, любезный другъ, видимъ твое усердіе!—отвѣчали генералы.

— Не позволите ли теперь отдохнуть!

— Отдохни, дружокъ, только свей прежде веревочку.

Набралъ сейчасъ мужичина дикой конопли, размочилъ въ водѣ, наколотилъ, помялъ—и къ вечеру веревка была готова. Этою веревкою генералы привязали мужичину къ дереву, чтобъ не убѣгъ, а сами легли спать.

Прошелъ день, прошелъ другой; мужичина до того изловчился, что сталъ въ пригоршнѣ супъ варить. Сдѣлались наши генералы веселые, рыхлые, сытые, бѣлые. Стали говорить, что вотъ они здѣсь на всемъ готовомъ живутъ, а въ Петербургѣ между тѣмъ пенсіи ихнія все накапливаются да накапливаются.

— А какъ вы думаете, ваше превосходительство, въ самомъ ли дѣлѣ было вавилонское столпотвореніе, или это только такъ, одно иносказаніе?—говоритъ, бывало, одинъ генералъ другому, позавтракавши.

— Думаю, ваше превосходительство, что было въ самомъ дѣлѣ, потому что иначе какъ же объяснить, что на свѣтѣ существуютъ разные языки

— Стало-быть, и потопъ былъ?

— И потопъ былъ, потому, что въ противномъ случаѣ какъ же было бы объяснить существованіе допотопныхъ звѣрей? Тѣмъ болѣе, что въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ повѣствуютъ...

— А не почитать-ли намъ «Московскихъ Вѣдомостей“?

Сыщутъ нумеръ, усядутся подъ тѣнью, прочтутъ отъ доски до доски, какъ ѣли въ Москвѣ, ѣли въ Тулѣ, ѣли въ Пензѣ, ѣли въ Рязани—и ничего, не тошнитъ!

Долго ли, коротко ли, однако, генералы соскучились. Чаще и чаще стали они припоминать объ оставленныхъ ими въ Петербургѣ кухаркахъ и втихомолку даже поплакивали.

— Что-то теперь дѣлается въ Подъяческой, ваше превосходительство? — спрашивалъ одинъ генералъ другого.

— И не говорите, ваше превосходительство, все сердце изныло!—отвѣчалъ другой генералъ.

— Хорошо-то оно хорошо здѣсь—слова нѣтъ, а все, знаете, какъ-то неловко барашку безъ ярочки, да и мундира тоже жалко!

— Еще какъ жалко-то! Особливо какъ четвертаго класса, такъ на одно шитье посмотрѣть—голова закружится!

И начали они нудить мужика: представь да представь ихъ въ Подьяческую! И что-жъ! оказалось, что мужикъ знаетъ даже Подъяческую, что онъ тамъ былъ, медъ-пиво пилъ, по усамъ текло, въ ротъ не попало!

— А вѣдь мы съ Подъяческой генералы!—обрадовались генералы.

— А я, коли видѣли! виситъ человѣкъ снаружи дома, въ ящикѣ на веревкѣ, и стѣну краской мажетъ, или по крышѣ словно муха ходитъ—это онъ самый я и есть!—отвѣчалъ мужикъ.

И началъ мужикъ на бобахъ разводить, какъ бы ему своихъ генераловъ порадовать за то, что они его, тунеядца, жаловали и мужицкимъ его трудомъ не гнушались. И выстроилъ онъ корабль не корабль, а такую посудину, чтобъ можно было океанъ-море переплыть вплоть до самой Подъяческой.

— Ты смотри, однако, каналья, не утопи насъ!—сказали генералы, увидѣвъ покачивавшуюся на волнахъ ладью.

— Будьте покойны, господа генералы, не впервой! отвѣчалъ мужикъ и сталъ готовиться къ отъѣзду.

Набралъ мужикъ пуху лебяжьяго-мягкаго и устлалъ имъ дно лодочки. Устлавши, уложилъ на дно генераловъ и, перекрестившись, поплылъ. Сколько набрались страху генералы во время пути отъ бурь да отъ вѣтровъ разныхъ, сколько они ругали мужичину за его тунеядство—этого ни перомъ описать, ни въ сказкѣ сказать. А мужикъ все гребетъ да гребетъ, да кормитъ генераловъ селедками.

Вотъ, наконецъ, и Нева-матушка и Екатерининскій славный каналъ, вотъ и Большая Подъяческая! Всплеснули кухарки руками, увидѣвши, какіе у нихъ генералы стали—сытые, бѣлые да веселые. Напились генералы кофею, наѣлись сдобныхъ булокъ и надѣли мундиры. Поѣхали они въ казначейство, и сколько тутъ денегъ загребли—того ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать!

Однако, и о мужикѣ не забыли—выслали ему рюмку водки, да пятакъ серебра: веселись, мужичина!

ТОРЖЕСТВУЮЩАЯ СВИНЬЯ,

или

РАЗГОВОРЪ СВИНЬИ СЪ ПРАВДОЮ.

Прерванная сцена.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Свинья, разъѣвшееся животное; щетина ощерилась и блеститъ вслѣдствіе безпрерывнаго обхожденія съ хлѣвной жидкостью.

Правда, особа, которой по штату полагается быть вѣчно юною, но уже изрядно побитая. Прикрыта, по распоряженію начальства, лохмотьями, сквозь которыя просвѣчиваетъ классическій полный мундиръ, т.-е. нагота.

Дѣйствіе происходитъ въ хлѣву.

Свинья (кобенится). Правда ли, сказываютъ, на небѣ-де солнышко свѣтитъ?

Правда. Правда, свинья.

Свинья. Такъ ли, полно? Никакихъ я солнцевъ, живучи въ хлѣву, словно не видывала?

Правда. Это оттого, свинья, что когда природа создавала тебя, то создаваючи, приговаривала: не видать тебѣ, свинья, солнца краснаго!

Свинья. Ой ли? (Авторитетно). А по-моему, такъ всѣ эти солнцы—одно лжеученіе... ась?

Правда безмолвствуетъ и сконфуженно поправляетъ лохмотья. Въ публикѣ раздаются голоса: „Правда твоя, свинья! лжеученія! лжеученія!“

Свинья (продолжаетъ кобениться). Правда ли, будто въ газетахъ печатаютъ: свобода-де есть драгоцѣннѣйшее достояніе человѣческихъ обществъ?

Правда. Правда, свинья.

Свинья. А по-моему, такъ и безъ того у насъ свободы по горло. Вотъ я безотлучно въ хлѣву живу—и горюшка мало! Что мнѣ! Хочу рыломъ въ корыто уткнусь, хочу—въ навозѣ кувыркаюсь... какой еще свободы нужно! (Авторитетно). Измѣнники вы, какъ я на васъ погляжу... ась?

Правда вновь старается прикрыть

наготу. Публика гогочетъ. „Правда твоя, свинья! Измѣнники! измѣнники!“ Нѣкоторые изъ публики требуютъ, чтобы правду отвели въ участокъ. Свинья самодовольно хрюкаетъ, сознавая себя на высотѣ положенія.

Свинья. Зачѣмъ отводить въ участокъ? Вѣдь тамъ для профомы подержать, да и опять выпустятъ. (Ложится въ навозъ и впадаетъ въ сентиментальность). Ахъ, нынче и участковые однимъ языкомъ съ фельетонистами говорятъ! Намеднись я въ одной газетѣ вычитала: оттого-де у насъ слабо, что законы только для проформы пишутся...

Правда. Такъ ты и читаешь, свинья?

Свинья. Почитываю. Только понимаю не такъ, какъ написано... Какъ хочу, такъ и понимаю!.. (Къ публикѣ). Такъ вотъ что, други! въ участокъ мы ее не отправимъ, а своими средствами... Сыскивать ее станемъ... сегодня вопросецъ зададимъ, а завтра—два... (Задумывается). Сразу не покончимъ, а постепенно чавкать будемъ... (Сопя подходитъ къ Правдѣ, хватаетъ ее за икру и начинаетъ чавкать). Вотъ такъ!

Правда пожимается отъ боли; публика грохочетъ. Раздаются возгласы: „Ай да свинья! вотъ такъ затѣйница!“

Свинья. Что? сладко? Ну, будетъ съ тебя! (Перестаетъ чавкать). Теперь сказывай: гдѣ корень зла?

Правда (растерянно). Корень зла, свинья? корень зла... корень зла... (Рѣшительно и неожиданно для самой себя): Въ тебѣ, свинья!

Свинья (разсердилась). А! такъ ты вотъ какъ поговариваешь! Ну, теперь только держись! Правда ли, сказывала ты: общечеловѣческая-де правда противъ околоточно-участковой не въ примѣръ превосходнѣе?

Правда (стараясь изловчиться). Хотя, при извѣстныхъ условіяхъ жизни, невозможно отвергать...

Свинья. Нѣтъ, ты хвостомъ-то не верти! Мы эти момо̀-то слыхивали! Сказывай прямо! точно ли, по мнѣнію твоему, есть какая-то особенная правда, которая противъ околоточной превосходнѣе?

Правда. Ахъ, свинья, какъ измѣннически подло...

Свинья. Ладно, объ этомъ мы послѣ поговоримъ. (Наступаетъ плотнѣе и плотнѣе). Сказывай дальше. Правда ли, что ты говорила: законы-де одинаково всѣхъ должны обезпечивать, потому-де, что, въ противномъ случаѣ, человѣческое общество превратится въ хаотическій сбродъ враждующихъ элементовъ?.. Объ какихъ это законахъ ты говорила? По какому поводу и кому въ поученіе, сударыня, разглагольствовала? ась?

Правда. Ахъ, свинья!

Свинья. Нечего мнѣ „свиньей“-то въ рыло тыкать. Знаю я и сама, что свинья. Я—Свинья, а ты—Правда... (Хрюканье свиньи звучитъ ироніей). А нутко, свинья, погложи-ка Правду! (Начинаетъ чавкать. Къ публикѣ. Любо, что ли, молодцы?

Правда корчится отъ боли. Публика приходитъ въ неистовство. Слышится со всѣхъ сторонъ: „Любо! Нажимай, свинья, нажимай! Гложи ее! чавкай! Ишь вѣдь, распостылая, еще разговаривать вздумала!“

. . . .

На этомъ colloquium былъ прерванъ. Далѣе я ничего не могъ разобрать, потому что въ хлѣву поднялся такой гвалтъ, что до слуха моего лишь смутно долетало: „правда ли, что въ университетѣ...?“ „правда ли, что на женскихъ курсахъ...?“ Въ одно мгновеніе ока Правда была опутана цѣлою сѣтью дурацки-предательскихъ подвоховъ, при чемъ всякая попытка распутать эту сѣть встрѣчалась чавканьемъ свиньи и грохотомъ толпы: „Давай, братцы, ее своимъ судомъ судить... народнымъ!!“.

Я лежалъ, какъ скованный, въ ожиданіи, что вотъ-вотъ сейчасъ и меня начнутъ чавкать. Я, который всю жизнь въ легкомысленной самоувѣренности повторялъ: „Богъ не попуститъ, свинья не съѣстъ!“—я вдругъ во все горло заоралъ: „Съѣстъ свинья! съѣстъ!“

М. Е. Салтыковъ-Щедринъ.

ОВЕНЪ ОЛИВЕРЪ.

МОЛЛИ.

Вы просто не повѣрите, что люди говорятъ обо мнѣ. Они противорѣчатъ другъ другу, а иногда сами себѣ.

Взгляните, напримѣръ, на школьную аттестацію. Учительница математики пишетъ: „занимается хорошо и есть надежда, что исправится въ своемъ поведеніи“. Мы называемъ ее „психопатка Фло“.

Классная наставница, миссъ Лэнъ, настоящая милашка, пишетъ: „въ своихъ занятіяхъ она не сдѣлала тѣхъ успѣховъ, какіе я ожидала, поведеніе ея прекрасно“. Кто же изъ нихъ двухъ говоритъ правду?

Старуха Старчъ, начальница нашей школы, пишетъ: „она неисправимая шалунья, но съ хорошими задатками; несомнѣнно, исправится“. Хорошій англійскій языкъ у нашей наставницы! Какъ же такъ я исправлюсь, если я неисправима?

Учительница французскаго языка аттестаціи не пишетъ. Ей не даютъ писать аттестаціи, вѣроятно, потому, что она плохо пишетъ по англійски. Интересно, что бы она написала обо мнѣ. Я бы не хотѣла, чтобы папа прочелъ это! Однажды она сказала обо мнѣ миссъ Лэнъ: „это ужасный дѣвошекъ, онъ переворашивалъ весь клясъ дно верхъ“. Развѣ можно ее не дразнить? Въ будущемъ полугодіи я здорово ей задамъ. Нынче же я обѣщала миссъ Лэнъ не трогать француженку. Миссъ Лэнъ хитрая, она умѣетъ съ вами сдѣлать все, что хочетъ. Возьметъ васъ за руку, погладитъ васъ, улыбнется вамъ и говоритъ:

— Я знаю, моя милая, что вы мнѣ поможете.

Она постоянно находитъ васъ хорошей и вамъ хочется быть такой. Если вы спросите ее обо мнѣ, она отвѣтитъ: „О, Молли это прекрасная дѣвочка“. Если же вы укажете ей на мои мысли, то и тутъ она найдется и воскликнетъ: „О, она вѣдь еще такъ молода, это только необдуманность!“ Но вы не вѣрьте ей, многія вещи я дѣлаю очень обдуманно.

Подумайте только, какія прозвища они мнѣ даютъ. Нашъ докторъ называетъ меня „брезгушка“ потому что, когда я была маленькой, то отдавала кошкѣ лѣкарства, которыя онъ мнѣ прописывалъ. Послѣ того намъ пришлось завести новую кошку. Однажды я ему сказала: „вмѣсто того, чтобы пить ваши лѣкарства, я бы предпочла давать ихъ вамъ“.

Ректоръ *) называетъ меня самой капризной прихожанкой.

Мнѣ кажется, что онъ меня любитъ, хотя заявилъ въ слѣдующій разъ, что не позволитъ мнѣ принять участіе въ украшеніи церкви на Рождество.

Дѣло въ томъ, что въ прошломъ году поступилъ новый кюратъ, длинный, какъ палка, молодой человѣкъ; онъ называлъ меня: „до-огое дитя“.

До-огое дитя стояло на верхнихъ ступенькахъ лѣстницы, и оттуда полетѣла ему

*) Ректоромъ въ Англіи называютъ настоятеля приходской или городской церкви; кюратами—младшихъ священниковъ.

на голову цѣлая охапка остролистника *). Что онъ сказалъ тогда, я не знаю; но во всякомъ случаѣ не „до-огое дитя“. Теперешній кюратъ лучше, онъ какъ-то сказалъ мнѣ: „если вы будете помогать украшать церковь, то я захвачу съ собою зонтикъ“.

Дома—то же самое. Мама называетъ меня „невмѣняемой“; Тиза называетъ „дерзкой“; дядя Вилли „безпокойнымъ духомъ“; тетя Мери — „повѣсой“; по мнѣнію дѣдушки я „маленькая овечка“; а папа говоритъ, что я „ангелъ“. Если вы хотите кому нибудь повѣрить, то уже лучше всего повѣрьте папѣ. Но вы не вѣрьте никому, кромѣ Дика Бенсона. Дѣло въ томъ, что мы съ Дикомъ товарищи, и онъ очень хорошо знаетъ меня. Онъ уже не будетъ имѣть права жаловаться, если женится на мнѣ, когда мы будемъ большими. Повидимому, онъ въ этомъ убѣжденъ. И кажется — я буду согласна.

Онъ такой спокойный, хладнокровный малый и всегда добивается того, чего хочетъ.

Просто смѣшно, какъ мы познакомились съ нимъ.

Это произошло совершенно случайно, или почти совершенно случайно. Онъ былъ пансіонеромъ въ гимназіи, ему было семнадцать лѣтъ, а мнѣ тринадцать. Я часто встрѣчала его, идя изъ школы, онъ часто посматривалъ на меня. Обыкновенно я не обращаю вниманія на мальчиковъ, но онъ имѣлъ такой положительный видъ, казалось, ничто не могло нарушить его спокойствія. И я рѣшила заставить его подпрыгнуть, хоть разъ въ жизни. Однажды, когда по улицѣ шла корова, я подбѣжала сзади, не къ коровѣ, а къ Дику, толкнула его и закричала; „быкъ! быкъ“!..

Я думала, что онъ повернется и скажетъ: „это не быкъ, а корова“. И приготовилась отвѣтить: „я сама знаю, а вы въ дуракахъ“.

Но тогда я еще не знала, какой онъ ловкій.

Онъ взялъ меня за руку и, сказавъ: „о! я защищу васъ отъ него“, провелъ меня мимо коровы, а потомъ прибавилъ: „я пойду съ вами дальше, на всякій случай, если быкъ побѣжитъ обратно“. Мнѣ уже было неловко сознаться, и я сказала ему: „что боюсь быковъ даже

тогда, когда они коровы и желала бы избавиться отъ этого страха“.

— Я научу васъ, какъ избавиться отъ этого страха!—воскликнулъ онъ.— Это дѣло привычки. Каждый день я буду поджидать васъ на концѣ улицы и провожать, пока вы не привыкнете къ коровамъ и быкамъ. На это потребуется всего нѣсколько недѣль.

Я не могла не разсмѣяться и замѣтила:

— Тогда я и къ вамъ привыкну.

— О!—сказалъ онъ,—на это потребуется больше времени, ко мнѣ труднѣе привыкнуть, чѣмъ къ коровѣ, и при этомъ улыбнулся. Онъ хорошо зналъ, что это была корова и понялъ, что я это знала. Я никогда не встрѣчала такого ловкаго малаго, какъ Дикъ.

— А я, я опаснѣе быка! воскликнула я, и совѣтую вамъ беречься.

Онъ спокойно отвѣтилъ, что будетъ беречь меня, если я позволю. Я не могла не позволить, потому что онъ постоянно встрѣчалъ меня. Черезъ двѣ недѣли я привыкла къ коровамъ. Онъ посовѣтовалъ пріучиться къ чему-нибудь болѣе опасному.

— Вы, вѣроятно предполагаете себя— отвѣтила я и покачала головой.

— О, нѣтъ!—воскликнулъ онъ, —это еще слишкомъ рано, я предполагалъ мышей“.

*) Остролистникомъ на Рождество въ Англіи убираютъ комнаты и церкви, такъ же, какъ у насъ на Троицу березами.

Онъ подарилъ мнѣ бѣлую мышь, которая бѣгала по моей рукѣ, взбиралась ко мнѣ на плечо и на голову. Онъ обѣщалъ зайти къ намъ вечеромъ посмотрѣть, какъ я управляюсь съ мышью. Я улыбнулась про себя и подумала: „какъ будетъ поражена мама, увидя его, и какъ она поразитъ его“.

Мама дѣйствительно была поражена, а онъ — нисколько, даже не смутился и тогда, когда мама направила на него свои очки; а вѣдь, и я побаивалась маминыхъ очковъ.

— Я не понимаю, зачѣмъ вы къ намъ пожаловали“, сказала мама, и очки повернулись въ мою сторону.

— Дѣло въ томъ,—отвѣчалъ Дикъ,— что мои родители въ Индіи, и я одинъ, и мнѣ очень скучно. Мы познакомились съ Молли, я подарилъ ей бѣлую мышь и обѣщалъ зайти посмотрѣть, какъ она за ней ухаживаетъ. Развѣ мнѣ нельзя иногда заходить къ вамъ навѣстить ее?

Мама сняла очки и усмѣхнулась.

— Кого, бѣлую мышь?—спросила она.

Предполагалась иронія и всякій другой мальчикъ покраснѣлъ бы и смутился, но Дикъ—нисколько, и спокойно отвѣтилъ:

— Нѣтъ, конечно, Молли.

Мама опять надѣла очки и направила ихъ на меня.

— Я не сумѣю одна ухаживать за мышью,—начала я, да и онъ бѣдный совсѣмъ одинъ.

— Ну, хорошо,—отвѣтила мама,—я вамъ позволяю, Дикъ, но съ однимъ условіемъ: Молли страшная шалунья, и вы, конечно, не сможете ее удержать, но за то вы должны обѣщать мнѣ, что не будете помогать ей въ шалостяхъ.

Дикъ торжественно обѣщалъ.

И я убѣдилась, какую обузу навязала себѣ. Я должна была предвидѣть. что Дикъ постарается мѣшать моимъ шалостямъ, а вѣдь онъ упрямъ какъ козелъ.

Повидимому слово „иногда“ Дикъ понялъ „всегда“. И сталъ бывать у насъ безвыходно. Онъ набивалъ гвозди для маминыхъ вьющихся растеній, помогалъ ей поливать въ оранжереѣ цвѣты, поправлялъ проколотыя шины у нашихъ велосипедовъ, починилъ сломанное кресло папы и толковалъ съ нимъ о греческомъ языкѣ. (Папа это очень любитъ).

— Развѣ у васъ остается время для приготовленія уроковъ, Дикъ? спросилъ однажды папа.

— Конечно, быстро отвѣтилъ тотъ.

— Какъ слѣдуетъ?

— Конечно,--спокойно отвѣтилъ Дикъ.

— Въ какомъ вы классѣ?

— Въ шестомъ.

— Которымъ въ классѣ?

— Первымъ,—сказалъ Дикъ.

Я была поражена, потому-что въ шестомъ классѣ, какъ я знала, всѣ другіе ученики были старше Дика.

— Имѣете стипендію?

— Да, одну отъ школы, другую—директорскую.

Повидимому, это произвело сильное впечатлѣніе на папу. Онъ навелъ справки у директора, и директоръ колледжа, Ридъ, отвѣтилъ, что Дикъ очень способный мальчикъ, твердаго благороднаго характера, любимецъ товарищей. Послѣ этого папа сталъ готовить съ Дикомъ его уроки по латинскому и греческому. Папа всегда мечталъ имѣть сына, съ которымъ онъ могъ бы заниматься. Благодаря этимъ занятіямъ, папа очень полюбилъ Дика. Да и всѣ полюбили его. Дикъ вообще очень хорошій малый; только ужь слишкомъ любитъ все дѣлать по своему и заставлять другихъ поступать такъ, какъ онъ хочетъ. Я рѣшила, что не позволю ему командовать собою, но мои попытки взять верхъ, къ сожалѣнію, окончились неудачей.

Первое пораженіе я потерпѣла изъ за

маминаго дяди. Онъ пріѣхалъ къ намъ погостить.

Это былъ высокій, толстый человѣкъ съ лысой головой и очень горлый. Его лысая голова меня смѣшила, и мнѣ всегда хотѣлось что нибудь на ней нарисовать. Однажды утромъ онъ заснулъ на диванѣ (это было на праздникахъ). Мухи цѣлыми кучами садились къ нему на лысину. Я побѣжала на верхъ за своими красками и, возвратившись, нарисовала у него на лысинѣ огромнаго паука и паутину, чтобы отпугивать мухъ. А затѣмъ пошла гулять.

Когда я возвратилась домой, то уже не застала дяди Джона. Онъ, уложивъ свои вещи, уѣхалъ отъ насъ. Мама была такъ разстроена, что слегла въ постель. Тиза напала на меня съ упреками. Она увѣряла, что онъ лишитъ маму наслѣдства, а когда вернется папа, то будетъ интересно, что-то онъ скажетъ мнѣ. Я не знала, что дѣлать. Больше всего меня смущало, какъ я буду говорить съ папой, что я скажу ему. Какъ я глупо поступила, развѣ можно раскрашивать старика дядю!

Вообще я не любила, когда Дикъ вмѣшивался въ мои дѣла; но въ эту минуту мнѣ было очень тяжело, мнѣ такъ хотѣлось съ кѣмъ нибудь посовѣтоваться, что я рѣшила обратиться къ Дику. Надѣла шляпу и побѣжала на крикетное поле, гдѣ у нихъ былъ матчъ. Въ ту минуту, когда я прибѣжала, онъ не былъ въ очереди. Я разсказала ему все и спросила, какъ-бы объяснить все дѣло папѣ такъ, чтобы оправдаться передъ нимъ.

— Глупости!—воскликнулъ онъ--вы не можете оправдаться, вы не правы и хорошо знаете это.

— Очень хорошо, Дикъ, я теперь въ бѣдѣ, такъ добивайте меня.

Сказавъ это, повернулась къ нему спиной и хотѣла уйти, но онъ не пустилъ меня.

Вашъ дядя живетъ въ Бендлѣ, не правда ли?—спросилъ онъ. Я кивнула головой, и онъ продолжалъ—это всего 12 миль *), приведите вашъ велосипедъ, и если игроки меня отпустятъ, мы поѣдемъ съ вами туда.

И, не ожидая моего согласія, побѣжалъ въ крикетный павильонъ, черезъ нѣсколько минутъ возвратился, но уже съ велосипедомъ и нахмурившись.

— Ну, ѣдемъ!—сказалъ онъ.

— Что они васъ ругали за то, что вы бросили игру?—спросила я.

— Да,—отвѣтилъ онъ коротко,—ну, ѣдемъ!

Онъ былъ не очень сердитъ, а когда мы выѣхали за городъ, то сталъ совсѣмъ милымъ.

— Ну,—сказалъ онъ,—я думаю, вы жалѣете о томъ, что случилось.

— Да,—отвѣтила я, —но вѣдь это была шутка.

— Я знаю,—сказалъ онъ нетерпѣливо,—это было для васъ очень забавно! Если бы

я облысѣлъ, то не хотѣлъ бы, чтобы меня разрисовывали; вотъ и теперь у меня имѣется маленькая плѣшина. А вы хотѣли бы?

— Теперь я понимаю,—воскликнула я,—почему онъ такъ обидѣлся! Бѣдный дядя Джонъ,—какъ мнѣ жаль.

И я дѣйствительно была огорчена, Раньше мнѣ не приходило въ голову, что онъ можетъ обидѣться.

— Ну, вотъ такъ и скажите ему,—посовѣтовалъ Дикъ,—подите и скажите ему; это самое лучшее, что вы можете сдѣлать.

Я думала, что это легко, но когда увидѣла дядю Джона, то оказалось не такъ-то легко. Онъ былъ страшно раздраженъ: напалъ на меня съ упреками, бранилъ меня и называлъ разными обид-

*) Миля—полторы версты.

ными словами. Онъ говорилъ, что я рада обидѣть его и насмѣяться надъ его старостью, а придетъ день, когда я сама состарюсь; онъ не вѣрилъ въ мое раскаяніе, говорилъ, что я только боюсь перемѣны въ его духовномъ завѣщаніи,—и подъ конецъ добавилъ, что это мама послала меня, и назвалъ ее хищницей. Тогда я разсердилась,—вѣдь, вы знаете, какъ я вспыльчива,—и стала кричать на него.

— Мама тутъ не при чемъ,—кричала я,—мнѣ было жаль того, что я сдѣлала, а теперь я этого не жалѣю. Я буду очень рада, если онъ вычеркнетъ меня изъ своего противнаго завѣщанія, но несправедливо и глупо съ его стороны нападать на маму за то, что у нея такая дочь.

Кажется, тутъ ничего смѣшнаго не было, однако дядя Джонъ сталъ смѣяться. Онъ смѣялся, смѣялся пока не упалъ въ кресло. Затѣмъ, вытеръ очки, посмотрѣлъ на меня и покачалъ головой.

— Ахъ, Молли,—сказалъ онъ, невесело состариться, облысѣть и сдѣлаться предметомъ насмѣшекъ маленькой внучатой племянницы.

— О, дядя, милый дядя, это не такъ, неправда-ли, вѣдь это не такъ?

— Нѣтъ, голубчикъ, это такъ,—сказалъ онъ.

Мнѣ стало стыдно за себя.

— Я... я очень люблю васъ, дядя Джонъ!—воскликнула я, бросилась къ нему на шею и стала цѣловать его.

— Вы не очень стары,—продолжала я, а когда у меня наберется денегъ, я куплю вамъ парикъ.

Онъ опять засмѣялся и сказалъ, что я уморю его.

Я дала обѣщаніе никогда больше не шутить надъ нимъ и убѣждала его, что краску легко смыть, и, замѣтивъ въ одномъ мѣстѣ слѣды краски, побѣжала наверхъ, принесла горячей воды и фланель и стала обмывать ему лысину. Дядя обѣщалъ возвратиться къ намъ на слѣдующій день и хотѣлъ дать мнѣ полькроны, но я отказалась, сказавъ, что не заслужила.

Когда мы возвращались домой, Дикъ сказалъ мнѣ, что я не очень скверная маленькая дѣвочка,—не знаю почему, у меня показались слезы.

— Я помѣшала вашей игрѣ и ввела въ непріятности,—сказала я.—Ахъ, какая я злая, и зачѣмъ вы дружите со мною?

— Дѣло привычки,—отвѣтилъ Дикъ.

— Да, но привычка не дѣлаетъ меня лучше,—грустно замѣтила я. Но, конечно, не хотѣла, чтобы онъ повѣрилъ этому.

Мама была очень рада, когда мы возвратились и разсказали ей, что все обошлось благополучно.

— Слушай, Молли,—сказала мама, когда ушелъ Дикъ,—въ слѣдующій разъ, когда ты задумаешь какую-нибудь шалость, вспомни, что Дикъ отчасти расплачивается за это.

Я помнила и въ теченіе почти двухъ недѣль не сдѣлала ничего особеннаго.

Но, вѣроятно, я дѣйствительно очень скверная, такъ какъ слѣдующій разъ я устроила большую непріятность самому Дику. Это было такъ ужасно, такъ низко; мнѣ стыдно вспомнить. Повѣрьте, мнѣ стыдно. Дикъ готовился къ конкурсному экзамену, работалъ день и ночь, приходилъ къ намъ рѣдко, я очень скучала. Однажды мама позвала Дика къ обѣду, и къ чаю—на весь день, такъ какъ пріѣхалъ дядя Джонъ и очень хотѣлъ видѣть Дика. Дикъ отвѣтилъ, что ему трудно будетъ прійти, потому что онъ долженъ выполнить очень трудную экзаменаціонную работу. Мама предложила ему въ этотъ день работать въ кабинетѣ папы.

Я надѣялась, что онъ скоро кончитъ работу, придетъ къ намъ, будетъ играть со мною, акомпанировать мнѣ. Но онъ

все не шелъ и показался только подъ вечеръ. Я была очень сердита и не хотѣла съ нимъ говорить. Тиза непріязненно посмотрѣла на меня и на зло мнѣ стала любезничать съ нимъ. Онъ ей акомпанировалъ, она поетъ гораздо лучше меня, ей двадцать одинъ годъ. Я думала, что она ему нравится больше меня. Конечно, она красивѣе меня; но я не хочу, чтобы Дикъ такъ думалъ, онъ мой другъ, а не ея.

Я бросилась внизъ, въ кабинетъ; тамъ я нашла работу Дика: много, исписанныхъ страницъ, очень чисто и четко исписанныхъ. Я была такъ зла, что схватила листки и изорвала ихъ. Не говорите ничего,—я сама знаю, что это очень низко!

Какъ только я изорвала работу, я сама пожалѣла объ этомъ. Что мнѣ было дѣлать, не могла же я сказать объ этомъ Дику. Я рѣшилась написать письмо директору колледжа Дика.

Я написала ему обо всемъ подробно и просила его не винить Дика. Мы съ нимъ знакомы, и онъ былъ всегда очень ласковъ со мною. Онъ называлъ меня своей невѣстой. Я даже разъ поцѣловала его подъ остролистникомъ. Онъ старикъ, у него сѣдые волосы. Мальчики называютъ его Бадтеръ. Дикъ очень уважаетъ его.

На другой день я получила отъ него письмо:

„Дорогая Молли,

„Вы могли и не писать. Дикъ Бенсонъ представилъ во время свою работу. Она была исполнена хорошо, но хуже обыкновеннаго. Я думаю, онъ работалъ всю ночь и былъ соннымъ; да, вѣроятно, не мало взволнованъ и огорченъ.

„Конечно, онъ могъ сказать мнѣ, что сдѣлалъ работу, но ее разорвали. Я повѣрилъ бы ему; и онъ зналъ, что я повѣрилъ бы ему. Но, очевидно, онъ боялся разспросовъ: „какъ это могло случится". Я сказалъ ему о вашемъ письмѣ и о томъ, что хотя вы были скверной, злой дѣвочкой, когда разорвали его работу, но очень милой дѣвочкой, когда писали письмо.

„Слушайте, Молли, вы большіе друзья съ Дикомъ, я не хочу смѣяться надъ вами. Я съ своею женою былъ такъ же друженъ, когда она была дѣвочкой. Но теперь вы уже достаточно взрослая барышня для подобныхъ дѣтскихъ шалостей, какъ ваша послѣдняя выходка. Вамъ нужно бросить одно или другое—шалости или Дика.

Вашъ преданный другъ

Артуръ Ридъ"

Вскорѣ пришелъ Дикъ? Я позвала его въ садъ, въ оранжерею. Хотѣла объяснить ему все. Но мнѣ было очень трудно говорить, я сунула ему письмо Рида и пробормотала:

— Мнѣ очень жаль, Дикъ.

— Правда?—спросилъ онъ и... и поцѣловалъ меня.

— Вѣдь,—продолжалъ онъ,—мы съ вами настоящіе, искренніе друзья.

— Конечно,—отвѣчала я,—прочтите письмо.

Онъ прочелъ и улыбнулся.

— Вы никогда не бросите своихъ шалостей, замѣтилъ онъ.

— Я никогда не брошу васъ,—отвѣтила я ему.

И я его не бросила. Правда, иногда я бывала капризной и злой, ужасно злой и глупой, но все-таки я теперь лучше, чѣмъ прежде.

И, если вы не вѣрите, спросите Дика. Вы можете, если хотите, смѣяться надъ нимъ по поводу меня. Онъ на это не обидится, онъ къ этому привыкъ дома. Тамъ его постоянно дразнятъ изъ-за меня.

Разъ Тиза попробовала посмѣяться надъ нами.

— Дикъ ухаживаетъ за мной,—сказала она тетѣ Мери (разсчитывая, что я разсержусь и скажу, что онъ ухаживаетъ не за нею, но я только засмѣялась и посмотрѣла на Дика).

— Я буду вашимъ братомъ,—сказалъ Дикъ,—если Молли захочетъ, когда мы будемъ взрослыми.

— Судя по вашимъ чуднымъ усамъ, я и теперь васъ считала взрослымъ,—продолжала Тиза, подразумѣвая три волоса на губѣ Дика, да уже и ваша невѣста тоже взрослая.

— О, нѣтъ,—отвѣтилъ Дикъ, мы знаемъ, что мы еще очень молоды, мы пока только привыкаемъ другъ къ другу.

— Если вы хотите знать мое мнѣніе,—замѣтилъ папа,—то ваша тактика гораздо разумнѣе, чѣмъ тактика Тизы.

Она заслужила это замѣчаніе. Она постоянно занимается флиртомъ.

— Благодаря практикѣ, человѣкъ совершенствуется,—замѣтилъ Дикъ.

Вѣроятно, потребуется много времени, чтобы мнѣ сдѣлаться совершенствомъ. Мнѣ думается, что я никогда имъ не буду. Но я становлюсь лучше, благодаря дружбѣ съ Дикомъ.

ГАБРІЕЛЬ Д'АННУНЦІО.

БУНТЪ.

Издали доносится смутный гулъ бунтующей толпы, донъ Филиппо Кассаура внезапно раскрылъ глаза.

— Слышалъ? — спросилъ онъ, обращаясь къ стоявшему около него Мецагронья, сильная дрожь голоса выдавала его душевное волненіе. Дворецкій, улыбаясь отвѣтилъ.

— Не бойтесь, эччеленца, сегодня Петровъ день. Это жнецы гуляютъ.

— Старикъ сталъ прислушиваться, оперпшись на локоть и поглядывая на балконъ. Занавѣски распахивались отъ дуновенія знойнаго вѣтра. Ласточки стаями кружились надъ дорогой, словно стрѣлы пронизывая раскаленный воздухъ. Красныя и сѣрыя крыши домовъ на склонѣ горы накалялись. Кромѣ крышъ съ балкона видно было и неизмѣримое пространство роскошныхъ полей, сверкавшихъ золотомъ въ эти дни жатвы. Старикъ опять спросилъ:

— Да ты слышалъ, Джованни? — И дѣйствительно, доносившіеся теперь голоса звучали вовсе не радостно. Свистъ вѣтра, то доносилъ ихъ явственно, то заглушалъ ихъ, то смѣшивался съ ихъ гуломъ, дѣлая звуки голосовъ странными и непонятными.

— Не обращайте вниманія, эччеленца,—это вамъ послышалось. Успокойтесь!

И Меццагронья подошелъ къ одному изъ оконъ-балконовъ. Это былъ приземистый сильный человѣкъ, ноги дугой, руки огромныя, покрытыя волосами какъ у обезьяны; глаза смотрѣли какъ то вкось и были безцвѣтны, какъ у альбиносовъ, все лицо было усѣяно веснушками, на вискахъ торчали жидкія пряди жидкихъ рыжихъ волосъ, а на затылкѣ выступали жесткіе и темные бугры, похожіе на каштаны. Онъ постоялъ немного между двухъ занавѣсокъ, которыя надулись какъ паруса и оглянулъ разстилавшуюся передъ глазами мѣстность. По дорогѣ къ Фара поднималась пыль, какъ отъ большого стада; густыя облака ея закручивались вѣтромъ и столбомъ поднимались къ небу. Время отъ времени въ этихъ облакахъ что-то сверкало, словно за ними скрывались вооруженные люди.

— Ну, что? — съ безпокойствомъ спросилъ донъ Филиппо.

— Да ничего, — отвѣчалъ Меццагронья; но брови его нахмурились и образовали на лбу глубокія морщины. Новый порывъ вѣтра опять донесъ издали зловѣщіе крики. Одна изъ занавѣсокъ, вырвавшись изъ сдерживавшаго ее подхвата, взлетѣла на воздухъ и стала развѣваться какъ флагъ. Гдѣ-то съ трескомъ захлопнулась дверь, такъ что окна задребезжали; лежавшія на столѣ бумаги разлетѣлись по комнатѣ.

— Запри, запри! — закричалъ испуганный старикъ. — А гдѣ мой сынъ? — Лежа на своей постели, онъ съ трудомъ переводилъ дýхъ, задыхаясь отъ ожирѣнія, не имѣя возможности подняться, такъ какъ вся нижняя часть тѣла его была разбита параличомъ. Безпрерывная дрожь потрясала мускулы шеи, локти и колѣна. Руки, лежавшія поверхъ простыни, были скрючены и узловаты, какъ вѣтки старыхъ оливъ. Обильный потъ стекалъ съ лысаго черепа по розоватому, нездоровому лицу, покрытому мелкими красными жилками.

— Чортъ!—пробормоталъ сквозь зубы Меццагронья, съ трудомъ закрывая ставни. —Чего добраго!

Теперь по дорогѣ къ Фара у крайнихъ домовъ мѣстечка ясно виднѣлась волнующаяся толпа людей, а къ ней съ минуты на минуту прибывали все новыя и новыя волны отъ еще большей массы людей, которая была не видна за линіей крышъ, и изъ-за дубовой рощицы Санъ-Піо. Значитъ,— люди сосѣднихъ деревень сбирались помогать бунтующимъ. Мало по малу толпа стала разсѣиваться по улицамъ мѣстечка, исчезая какъ муравьи въ лабиринтѣ муравейника. Крики, то заглушаемые, то отражаемые стѣнами, доносились теперь подобно безпрерывному неясному гулу. Порою они стихали и тогда слышался только могучій шумъ большихъ вязовъ передъ замковъ.

— Сынъ мой гдѣ? — снова спросилъ старикъ, визгливымъ отъ страха голосомъ.—Позови его. Я хочу его видѣть.

Онъ весь дрожалъ на своей постели, не только отъ паралича, но и отъ страха. При первыхъ признакахъ бунта наканунѣ этого дня, когда онъ слышалъ подъ окнами неистовые крики молодыхъ парней, возмущенныхъ противъ послѣдняго насилія герцога д'Офэна, его охватилъ такой безумный страхъ, что онъ плакалъ, какъ баба, и всю ночь призывалъ на помощь всѣхъ святыхъ календаря. Мысль о смерти или опасности наполняла стараго на половину умершаго паралитика неописуемымъ ужасомъ, и отравляла послѣдніе дни его жизни.

Ему не хотѣлось умирать.

— Луиджи! Луиджи! — кричалъ онъ, безпомощно взывая къ сыну.—Весь домъ былъ полонъ звона оконныхъ стеколъ, разбиваемыхъ вѣтромъ. Время отъ вре-

мени съ грохотомъ захлопывались двери или раздавались поспѣшные шаги и короткіе возгласы.—Луиджи!

II.

Герцогъ вбѣжалъ въ комнату. Онъ былъ блѣденъ и разстроенъ, хотя и старался казаться спокойнымъ. Онъ былъ высокъ ростомъ и крѣпко сложенъ, еще совершенно черная борода густо покрывала нижнюю часть лица съ массивной челюстью; ротъ съ властнымъ складомъ губъ, глаза — мутные и хищные, носъ большой и красный съ дрожащими ноздрями.

— Ну, что? — спросилъ хриплымъ, задыхающимся голосомъ донъ Филиппо.— Не бойтесь ничего, отецъ,—я здѣсь,— отвѣчалъ герцогъ, подходя къ постели и стараясь изобразить на своемъ лицѣ безпечную улыбку. Меццагронья стоялъ передъ однимъ изъ балконовъ и пристально всматривался въ даль. Криковъ уже не было слышно и людей не было видно. Солнце спускалось съ безоблачнаго неба къ горизонту, какъ красный пламенный дискъ, и, казалось, пылало сильнѣе, достигая вершины холмовъ. Все кругомъ словно горѣло. Молодой мѣсяцъ поднимался изъ за лѣса. Оконныя стекла въ Поджіо-Ривелли, Ричіано, Рока ди Форка сверкали вдали, и вѣтеръ доносилъ оттуда колокольный звонъ. Мѣстами зажигались уже огоньки; удушливый зной стоялъ въ воздухѣ.

Герцогъ д'Офэна своимъ грубымъ и сиплымъ голосомъ сказалъ: — Это Шоли всѣхъ бунтуетъ. Ну, погоди-жъ ты. И онъ сдѣлалъ угрожающій жестъ; затѣмъ подошелъ къ Меццагронья. Онъ безпокоился о Карлетто Груа, котораго еще не было видно. Тяжелыми шагами прошелся онъ по комнатѣ; затѣмъ снялъ со стѣны два пистолета и принялся ихъ внимательно осматривать. Отецъ широко раскрытыми глазами слѣдилъ за всѣми его движеніями и тяжело дышалъ, какъ умирающее животное. Время отъ времени онъ своими изуродованными руками встряхивалъ простыню, чтобы немножко освѣжиться. Раза два-три онъ спросилъ у Меццажонья: — Что ты видишь. Вдругъ Меццагронья закричалъ:— Вонъ бѣжитъ Карлетто вмѣстѣ съ Дженнаро! — Послышался неистовый стукъ парадной двери, и минуту спустя Карлетто и лакей вбѣжали въ комнату блѣдные, испуганные, запачканные кровью, покрытые пылью. Герцогъ, увидя Карлетто громко вскрикнулъ. Онъ обнялъ его и принялся ощупывать его, чтобы найти, гдѣ онъ раненъ. — Что они тебѣ сдѣлали? Скажи — что они тебѣ сдѣлали?.. Юноша ревѣлъ какъ женщина.— Вотъ тутъ,—сказалъ онъ, рыдая. Онъ нагнулъ голову и показалъ на затылкѣ слипшіяся окровавленныя пряди волосъ. Герцогъ осторожно расправилъ волосы, чтобы отыскать рану. Онъ любилъ мальчика противоестественной любовью и заботился о немъ, какъ влюбленный.—Тебѣ больно?—спросилъ онъ. Юноша зарыдалъ сильнѣе. Онъ былъ тонокъ, какъ дѣвочка, съ женственнымъ лицомъ, чуть-чуть покрытымъ бѣлокурымъ пушкомъ; волосы довольно длинные, ротъ прелестный, голосъ звонкій и высокій, какъ у кастратовъ. Онъ былъ сирота, сынъ кондитера въ Беневенто и служилъ камердинеромъ у герцога.

— Они идутъ сюда! — сказалъ онъ дрожа всѣмъ тѣломъ, обративъ полные слезъ глаза къ балкону, откуда снова доносились теперь уже болѣе громкіе и страшные крики. Лакей, у котораго была глубокая рана на правомъ плечѣ и вся рука до локтя въ крови, — запинаясь разсказывалъ, какъ за ними гналась разъяренная толпа.—Вдругъ Меццагронья, который между тѣмъ продолжалъ слѣдить за тѣмъ, что происходило внѣ дома, закричалъ: — Вотъ они! Идутъ сюда, вооруженные!

Донъ Луиджи, оставивъ Карлетто, побѣжалъ смотрѣть.

III.

Дѣйствительно по широкой дорогѣ, ведущей вверхъ къ замку, поднималась толпа, крича и потрясая оружіемъ съ такой яростью, такъ дружно, что казалось двигались не отдѣльные люди, а какая-то слѣпая, движимая непреодолимой силой масса. Въ нѣсколько минутъ толпа достигла замка и, какъ длинная змѣя, кольцами, окружила громадное зданіе. Нѣкоторые держали въ рукахъ длинныя зажженныя трости въ видѣ факеловъ, которые бросали на лица красноватый мерцающій свѣтъ. Отъ нихъ

съ звонкимъ трескомъ летѣли искры. Другіе тѣсно сплотились вокругъ длиннаго шеста, наверху котораго раскачивался трупъ человѣка. Жестами и голосами они грозили смертью. Среди ругательствъ ясно слышалось имя: Кассаура! Кассаура!

Герцогъ д'Офена закусилъ свою губу, когда узналъ въ висѣвшемъ на шестѣ трупѣ изуродованное тѣло Винченцо Мурро, посланнаго имъ ночью, чтобы просить помощи вооруженной силы. Онъ указалъ Меццагронья на повѣшеннаго, и дворецкій тихо проговорилъ:— Значитъ все кончено!—Но донъ Филиппо услышалъ его и поднялъ такой жалобный вой, что у всѣхъ сжалось сердце и духъ захватило. Всѣ слуги столпились въ дверяхъ, блѣдные, какъ смерть и дрожащіе отъ страха. Одни плакали, другіе взывали къ какому нибудь святому, нѣкоторые замышляли предательство. —Что если бы они, выдавъ своего господина крестьянамъ, могли этимъ спасти свою жизнь?—Пять или шесть изъ нихъ, наименѣе совѣстливые, тутъ же держали по этому поводу совѣтъ и разжигали другъ друга.

— На балконъ! на балконъ! неистово кричала толпа.—На балконъ!

Герцогъ д'Офэна потихоньку совѣщался съ Меццагронья. Затѣмъ, обращаясь къ дону Филиппо, сказалъ: — Сядьте въ кресло, отецъ, такъ будетъ лучше.—Между слугами появился легкій ропотъ. Двое выступили впередъ, чтобы помочь паралитику слѣзть съ кровати. Двое другихъ подкатили кресло на колесикахъ. Дѣло было не легкое. Тучный старикъ пыхтѣлъ и стоналъ, наваливаясь руками на шеи поддерживавшихъ его слугъ. Потъ лилъ съ него ручьями, и, такъ какъ ставни были закрыты, комната наполнилась невыносимымъ запахомъ. Когда его наконецъ усадили въ кресло, ноги его начали непроизвольно въ тактъ стучать объ полъ. Огромное мягкое брюхо трепетало на его колѣняхъ, словно наполовину пустой кожанный мѣхъ. Герцогъ сказалъ Меццагронья, — Джованни, теперь иди! — Тотъ рѣшительнымъ движеніемъ отворилъ ставни и вышелъ на балконъ.

IV.

Его встрѣтилъ ужасный ревъ толпы. Пять, десять, двадцать зажженныхъ факеловъ собрались вмѣстѣ подъ балкономъ. Огонь ихъ освѣщалъ возбужденныя лица, стальные стволы ружей и желѣзныя лезвія топоровъ и косъ. У тѣхъ, которые

держали факелы, лица были засыпаны мукой для защиты отъ летящихъ искръ и на этомъ бѣломъ фонѣ глаза ихъ странно блестѣли. Черный дымъ поднимался отъ факеловъ и тотчасъ же разсѣевался въ воздухѣ. Всѣ огни длинными языками склонялись вѣтромъ въ одну сторону и шипѣли какъ адскія змѣи. Болѣе тонкія и сухія трости разгорались сильнѣе, извивались и лопались, какъ ракеты.—Меццагронья! Меццагронья! Смерть подлецу! Смерть косоглазому! кричали всѣ, толпясь къ балкону, чтобы поближе крикнуть ему ругательство. Меццагронья протянулъ руку, какъ бы желая утишить шумъ; собралъ всѣ силы своего голоса и началъ именемъ короля, какъ будто провозглашая какой то законъ.

— Во имя его величества Фердинанда II, милостіею Божіею короля обѣихъ Сицилій, Іерусалима.

— Смерть вору!—Среди этихъ криковъ раздались два или три выстрѣла, и говорившій, раненый въ грудь и въ лобъ, зашатался, замахалъ руками и упалъ впередъ. При паденіи голова его попала между двумя брусками балконной рѣшетки и свѣсилась внизъ, какъ тыква. Кровь стекала на землю. Толпа начала хохотать. Крики неслись къ звѣздному небу.—Тогда тѣ, которые несли шестъ съ повѣшеннымъ, подошли къ балкону и приблизили Винченцо Морро къ дворецкому. Пока шестъ раскачивался въ воздухѣ, толпа внимательно глядѣла на соединеніе обоихъ труповъ и молчала. Вдругъ какой-то поэтъ импровизаторъ во все горло выкрикнулъ двустишіе на бѣлесоватые глаза Меццагронья и на кривоглазаго Мурро. Толпа наградила его громкимъ хохотомъ. И хохотъ переходя отъ одного къ другому раскатился, какъ шумъ ручья бѣгущаго съ высоты по камнямъ.—Другой шутникъ выкрикнулъ другое двустишіе и раскаты хохота усилились. Еще многія двустишія полетѣли по адресу Меццагронья. Радостная жестокость безумія охватила души. Видъ и запахъ крови опьянялъ тѣхъ, которые стояли ближе. Томазо Беффи и Рокко Фурчи начали состязаться въ ловкости кто удачнѣе попадетъ въ свѣшивающуюся съ балкона еще неостывшую голову убитаго. При каждомъ ударѣ голова шевелилась и изъ нея сочилась кровь. Наконецъ камень Рокко Фурчи попалъ въ самую середину черепа и издалъ сухой стукъ. Зрители зааплодировали. Однако теперь уже всѣмъ надоѣло возиться съ Меццагронья и снова раздался крикъ:—Кассаура! Кассаура! Герцога! Смерть ему!

Фабриціо и Фердинандо Шоли толкались среди толпы и возбуждали самыхъ смѣлыхъ. Камни частымъ градомъ полетѣли въ окна замка раздались выстрѣлы стекла падали на самихъ осаждающихъ, а камни отскакивали назадъ отъ ставней. Многіе изъ близь стоявшихъ были ушиблены и ранены. Когда камней не осталось и вышли заряды, Фердинандо Шоли закричалъ.—Ломайте двери!—И этотъ крикъ, повторяемый разъяренной толпой, отнялъ у герцога д'Офэна послѣднюю надежду на спасеніе.

V.

Никто не осмѣлился затворить балконъ, поперекъ котораго лежалъ трупъ Меццагронья. Такъ какъ бунтовщики, желая имѣть свободныя руки, оставили прислоненнымъ къ рѣшеткѣ шестъ съ окровавленнымъ трупомъ Винченцо Мурро, у котораго топоромъ были отрублены ноги и руки, вся эта картина видна была изъ комнаты между надутыми вѣтромъ гардинами. Ночь была темная, и небо усѣяли безчисленныя звѣзды. Вдали мѣстами горѣли копны соломы.

Услышавъ стукъ въ двери, герцогъ д'Офэна захотѣлъ сдѣлать еще одну попытку къ спасенію. Донъ Филиппо, одурѣвшій отъ страха, закрылъ глаза и не говорилъ ни слова. Карлетто Груа съ обвязанной головой, прижавшись въ уголкѣ, дрожалъ, стуча зубами, отъ страха и своими выпученными отъ ужаса глазами слѣдилъ за каждымъ движеніемъ своего господина. Слуги почти всѣ попрятались по чердакамъ, лишь немногіе оставались въ комнатахъ. Донъ Луиджи собралъ ихъ вмѣстѣ и старался ободрить. Онъ вооружилъ ихъ пистолетами и ружьями и каждому указалъ мѣсто за выступомъ окна между ставнями балконовъ. Они должны были стрѣлять въ толпу, молча, не выступая впередъ и стараясь, чтобы выстрѣлы не пропадали даромъ.—Впередъ! Стрѣльба началась. Донъ Луиджи надѣялся нагнать панику Самъ онъ неустанно заряжалъ и

разряжалъ свои длинные пистолеты съ удивительной ловкостью и быстротой.

Народъ густой толпой собрался внизу и потому каждый выстрѣлъ попадалъ въ кого нибудь. Поднимавшіеся каждый разъ крики возбуждали слугъ и усиливали ихъ рвеніе. Толпа смолкла и уже начала рѣдѣть. Многіе бѣжали, оставляя на землѣ раненыхъ. Тогда изъ среды слугъ раздался торжествующій возгласъ: Да здравствуетъ герцогъ д'Офэна!

Эти трусы считали себя теперь героями, увидѣвъ, что непріятель отступаетъ. Они стрѣляли теперь уже не изъ-за угла, не куда попало, а старались попадать въ цѣль. И каждый разъ какъ падала жертва, они орали: Да здравствуетъ герцогъ!—Вскорѣ замокъ былъ освобожденъ отъ осаждающихъ. Остатки горѣвшихъ тростей, которыя еще тлѣли на землѣ, бросали мерцающій свѣтъ на трупы, отражались странными обликами въ лужахъ крови и шипѣли, погасая. Вѣтеръ усилился и крутилъ вершинами вязовъ. Отовсюду доносился отчаянный лай собакъ.

Опьяненные побѣдой, утомленные борьбой и напряженіемъ, слуги сошли внизъ, чтобы подкрѣпиться. Всѣ были живы и здоровы. Всѣ принялись пить безъ мѣры и болтали безъ умолку. Нѣкоторые называли имена тѣхъ, кого они убили, или ранили и, издѣваясь, припоминали, какъ кто упалъ. Доѣзжачіе употребляли охотничьи выраженія, словно вернулись съ охоты. Одинъ поваръ похвастался, что убилъ самого знаменитаго Рокко Фурчи. Чѣмъ больше пили, тѣмъ больше хвастались.

VI.

Герцогъ д'Офэна, увѣренный въ томъ, что онъ, по крайней мѣрѣ, на эту ночь устранилъ опасность, ухаживалъ теперь за хныкавшимъ Карлетто, какъ вдругъ въ зеркалѣ отразились внезапныя вспышки и снова, вмѣстѣ со свистомъ и воемъ вѣтра, подъ окномъ раздались крики. Въ ту же минуту прибѣжали пять или шесть слугъ; они, пьяные, заснули въ нижнихъ комнатахъ и чуть не задохнулись отъ дыма. Они еще не вполнѣ очнулись, шатались и едва ворочали языкомъ. Затѣмъ прибѣжали другіе: Пожаръ! пожаръ! кричали они, дрожа отъ страха и сбившись въ кучу, какъ стадо овецъ. Природная трусость снова овладѣла ими. Всѣ они были еще въ полусознательномъ состояніи, какъ во снѣ, и не знали, что дѣлать, гдѣ искать спасенія. Герцогъ сначала былъ смущенъ этой неожиданностью, но Карлетто Груа, видя врывавшійся дымъ и слыша страшное рычаніе, производимое разгорающимся пламенемъ, началъ такъ пронзительно визжать и метаться, какъ изступленный, что донъ Филиппо пробудился отъ своего тяжелаго забытья и увидѣлъ смерть.

Смерть была неизбѣжна. Огонь, раздуваемый бурей, съ невѣроятной быстротой распространялся по всему старому остову зданія, пожирая все на своемъ пути. Языки пламени легко бѣжали по стѣнамъ комнатъ, какъ то нерѣшительно лизали портьеры, принимали странные измѣнчивые оттѣнки. Огонь проникалъ въ ткань тысячами тончайшихъ иглъ, какъ бы давая минутную жизнь фигурамъ, вызывая мгновенную улыбку на лицахъ нимфъ и богинь и заставляя двигаться навѣки застывшіе члены. Языки эти неслись дальше и дальше, становясь все ярче и ярче, охватывали деревянныя части, которыя тогда на мгновенье казались выдѣланными изъ рубина и потомъ вдругъ разваливались и разсыпались прахомъ. Звуки пламени были разнообразны до безконечности, составляя цѣлый хоръ, глубокую гармонію, словно лѣсъ съ милліонами листьевъ, или органъ съ безчисленнымъ множествомъ трубъ. Время отъ времени черезъ прогорѣвшія отверстія уже виднѣлось чистое звѣздное небо. Теперь весь дворецъ былъ во власти огня.—„Спаси меня! спаси меня!“ вопилъ старикъ, дѣлая тщетныя усилія подняться на ноги и чувствуя, что полъ уже проваливается подъ нимъ, а огонь слѣпитъ глаза.—„Спаси меня!“ Съ невѣроятнымъ усиліемъ ему удалось наконецъ встать, и онъ пустился бѣжать, наклонивъ туловище впередъ, подпрыгивая короткими путающимися шагами, словно подталкиваемый усиливающимся постепенно, импульсомъ, и наконецъ свалился словно сраженный громомъ, уже объятый пламенемъ и опадая, какъ вздутый мѣхъ, изъ котораго выходитъ воздухъ. Теперь время отъ времени доносились крики толпы, поднимаясь выше огня пожара. Обезумѣвшіе отъ ужаса и страданія

слуги, наполовину обгорѣлые, выбрасывались изъ оконъ и падали внизъ, одни мертвыми, другіе полумертвыми и тогда ихъ доканчивали. Послѣ каждаго такого паденія крики поднимались сильнѣе и громче.—Герцога! герцога! кричали самые разъяренные, которымъ хотѣлось видѣть какъ упадетъ тиранъ со своимъ возлюбленнымъ.—„Вотъ онъ! вотъ онъ! Иди! иди! тебя то намъ и надо! Умри, собака! Смерть; смерть ему!“ У главнаго входа, какъ разъ напротивъ толпы показался донъ Луиджи въ горящей одеждѣ, держа на плечахъ безчувственное тѣло Карлетто Груа. Лицо его было обожжено, почти неузнаваемо: ни волосъ, ни бороды почти не было. Онъ былъ живъ только благодаря ужасному мученію, которое поддерживало его духъ. Въ первую минуту народъ оцепенѣлъ. Затѣмъ вновь разразился криками и угрожающими движеніями, съ жестокой яростью ожидая, чтобы главная жертва вышла наружу.

— Сюда! сюда, собака! мы хотимъ видѣть какъ ты умрешь!

Донъ Луиджи черезъ огонь услышавъ ругательства и оскорбленія, повернулся и исчезъ навсегда тамъ, гдѣ громче всего ревѣло пламя.

Переводъ съ итальянскаго, *М. Тимофеевой.*

ТИГРЪ И ЛИСА.

(Китайская сказка *).

На горѣ лиса встрѣтилась съ тигромъ. Тигръ хотѣлъ тотчасъ-же растерзать и съѣсть лису.

— Нѣтъ,—сказала лиса надменнымъ и безстрашнымъ тономъ—ты не смѣешь умертвить меня: я царь звѣрей! я всѣхъ сильнѣе! Немедленно, несчастный, низенько преклонись предо мной, и я тогда прощу тебя за дерзость.

Тигръ настаивалъ:—Нѣтъ, нѣтъ,—я царь; я сильнѣй тебя!

— А! не вѣришь? замѣтила лиса,—такъ слѣдуй за мной и посмотри, что будутъ дѣлать всѣ другіе звѣри.

Оба звѣря пошли вмѣстѣ. Завидя тигра на горѣ, всѣ остальныя звѣри стали прятаться или бросилась бѣжать. Тигръ, думая, что всѣ бѣгутъ изъ страха предъ лисой, что лиса и вправду царь, тоже давай Богъ ноги отъ лисы.

ЗАМУЖЕСТВО КРЫСЫ.

(Японская сказка *).

Старая крыса имѣла дочь, которую рѣшила выдать замужъ за наисильнѣйшаго въ мірѣ.

Сначала она пошла къ лунѣ, думая, что луна всѣхъ сильнѣе въ мірѣ. Но луна сказала,—мнѣ очень часто мѣшаетъ облако, и я не въ силахъ прогнать его.

Тогда она обратилась къ облаку, считая, что облако сильнѣе луны. Но облако сказало: Меня всегда гонитъ вѣтеръ, и я не могу ему сопротивляться.

Пошла крыса къ вѣтру, думая, что вѣтеръ сильнѣе облака. Но вѣтеръ сказалъ:—Стѣна останавливаетъ меня, и я не могу проникнуть сквозь нее.

Наконецъ, она пошла къ стѣнѣ, считая ее сильнѣе вѣтра, но стѣна сказала:—Ваше племя постоянно прогрызаетъ меня, и передъ вами я безсильна.

Поняла тутъ старая крыса, что крыса должна вступать въ бракъ только съ крысой, и потому, вернувшись домой, выдала свою дочь за юнаго сына своего сосѣда.

Съ эсперанто перевелъ *А. Парамоновъ.*

*) Помѣщаемыя здѣсь двѣ сказки взяты изъ журнала Iapana esperantisto. № 4. 1909 г.).

Отвѣты по сельскому хозяйству.

Подп. № 23438. О культурѣ сѣменного клевера найдете много свѣдѣній въ книгахъ: Витмакъ. Сѣмена кормовыхъ травъ. 1903.—Семполовскій. Руководство къ разведенію сѣмянъ. 1897.—Фрувиртъ. Основы сельскохоз. сѣменоводства. 1904.—Древесныя опилки сами по себѣ почти не имѣютъ цѣнности въ качествѣ удобренія, но они во многихъ отношеніяхъ являются отличною подстилкою для скота и въ такомъ случаѣ входятъ въ навозное удобреніе. Что касается золы, то она всегда съ пользою можетъ быть употреблена на удобреніе, и если въ хозяйствѣ получается много золы,—необходимо этимъ пользоваться.

Подп. Н. Бударинок. На югѣ среднія сельскохоз. училища существуютъ въ Херсонѣ, Харьковѣ (ст. Дергачи возлѣ Х.), Саратовск. губ. (ст. Маріинская, Ряз.-Уральской жел. дор.), Новочеркасскѣ. Среднее училище садоводства находится въ Умани, Кіевской губ. Среднихъ школъ лѣсоводства въ Россіи нѣтъ. За свѣдѣніями и программами можно обратиться въ каждое изъ названныхъ училищъ по указанному здѣсь адресу.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Мы лишены возможности дать въ этомъ № очередную статью по вопросамъ сельскаго хозяйства, ибо завѣдовавшій этимъ отдѣломъ Эмилій Камилловичъ Данини внезапно скончался.

Въ одномъ изъ ближайшихъ №№ „Вѣстника Знанія“ мы разсчитываемъ помѣстить краткія біографическія свѣдѣнія о нашемъ безвременно почившемъ сотрудникѣ и портретъ его.

Отдѣлъ юридическій.

Отвѣты юрисконсульта.

Подп. № 34679. Вамъ слѣдуетъ подать мѣстной полиціи письменное заявленіе о потерѣ вида. Полиція въ этомъ случаѣ обязана: 1) Выдать удостовѣреніе о сдѣланномъ заявленіи для исходатайствованія новаго вида на жительство отъ учрежденія, выдавшаго видъ. 2) Выдать временное свидѣтельство на срокъ не болѣе 6 мѣсяцевъ. (ст. 27).

Подп №№ 1) Статьи 51^1 и 51^2 Уст. о Нак. караютъ только сельскаго рабочаго, обязавшагося срочнымъ договоромъ,—за самовольный уходъ, а также лицо, завѣдомо нанявшее затѣмъ подобнаго сельскаго рабочаго. Рабочіе же въ лѣсу въ подобныхъ случаяхъ отвѣчаютъ предъ нанимателемъ только въ гражданскомъ порядкѣ.

2) Согласно Ук. 2 Деп. Сената отъ 16 марта 1904 г. № 2165 взысканія съ крестьянъ по частнымъ долгамъ не могутъ быть обращены на надѣльныя ихъ земли и строенія, находящіяся на надѣльной землѣ. Что же касается движимаго имущества крестьянъ, то на это имущество взысканіе можетъ быть обращено въ общемъ порядкѣ за долги того именно лица, которому имущество принадлежитъ.

Подп. № 25519. Вамъ слѣдуетъ послать прошеніе о скорѣйшемъ разрѣшеніи дѣла.

Подп. №№ 1) Вы можете получить видъ на жительство изъ мѣщанской Управы мѣста приписки или же отъ полицейскаго управленія мѣста вашего жительства. (ст. V указа 5 октября 1906 г.) Согласія родителей не требуется (ст. 12 уст. о пасп.).

2) Для отвѣта на второй вопросъ необходимо болѣе подробное и ясное изъясненіе дѣла.

Отвѣтъ сообщается не письмомъ, а на страницахъ журнала, такъ какъ вы не указали ни вашей фамиліи, ни адреса.

Подп. № 2 Душевная болѣзнь одного изъ супруговъ, начавшаяся послѣ вступленія въ бракъ, не служитъ основаніемъ для расторженія брака.

Подп. Купцову. Согласно ст. 430 т. X ч. 1, кладъ (сокрытое въ землѣ сокровище) принадлежитъ владѣльцу земли, и безъ позволенія его не только частными лицами, но и мѣстнымъ начальствомъ отыскиваемъ быть не можетъ.

Подп. № 30565. Указанные вами тѣлесные недостатки не указаны въ расписаніи болѣзней, навсегда освобождающихъ отъ службы въ постоянныхъ войскахъ, но въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ Воинское Присутствіе въ правѣ освободить отъ службы лицо, страдающее и такими недостатками, которые въ расписаніи не указаны.

Подп. № 33358. 1) Такъ какъ у васъ, конечно, имѣется свидѣтельство о зачисленіи васъ въ ополченіе, то вамъ нечего бояться вторичнаго призыва. Исправить же метрику во всякомъ случаѣ желательно.

2) Права повѣреннаго опредѣляются содержаніемъ его довѣренности. Въ довѣренности излагаются всѣ тѣ права, которыя довѣритель желаетъ предоставить повѣренному. Довѣренность должна быть подписана довѣрителемъ и засвидѣтельствована у нотаріуса.

Подп. № 29335. 1) По общему закону (220 ст. X т. I ч.) обязательства, выдаваемыя несовершеннолѣтними безъ согласія попечителей, недѣйствительны. Но подписки объ обязательной службѣ по окончаніи учебнаго курса, выдаваемыя лицами, воспитывающимися на казенный счетъ, имѣютъ вовсе не характеръ обязательства, а, наоборотъ, предоставляютъ тѣмъ лицамъ право, вмѣсто платы за ученіе, отслужить въ опредѣленномъ вѣдомствѣ опредѣленное количество лѣтъ. Кто не желаетъ, можетъ не служить, но обязанъ внести плату за ученіе.

2) Земскій фельдшеръ не остается на государственной службѣ, а потому и не имѣетъ права на чинъ.

3) Окончившіе юнкерское училище переименовываются въ портупей-юнкера и пор-

тупей—урядники, и производятся въ офицеры по представленію своего ближайшаго начальства (ст. 549, т. XV Св. Воен. Пост.).

4) Для поступленія въ высшія военно-учебныя заведенія необходимо выдержать спеціальный экзаменъ.

Подп. № 16459. Обратитесь въ Дворянское Депутатское Собраніе.

Подп. № 33313.—Согласно п. 7 ст. 62 Общ. Пол. разрѣшеніе семейныхъ раздѣловъ подлежитъ вѣдѣнію сельскаго схода. Самый же раздѣлъ производится наслѣдниками или ихъ опекунами по добровольному соглашенію, а въ случаѣ отсутствія соглашенія—Волостнымъ Судомъ.

Подп. З. Б. Крикливому.—1) Для отвѣта на вопросъ о порядкѣ возбужденія ходатайства о перемѣнѣ фамиліи надлежитъ знать, къ какому сословію вы принадлежите. Во всякомъ случаѣ полезно указать основательныя причины, по которымъ испрашивается другая фамилія.

2) Указанныя вами дѣйствія скорѣе всего подходятъ подъ статью 38 уст. о нак. и караются арестомъ не свыше семи дней или денежнымъ взысканіемъ не свыше двадцати пяти рублей.

Подп. № 25963. — Если вашъ отецъ не можетъ ѣхать для совершенія купчей крѣпости, то онъ можетъ выдать кому либо соотвѣтствующую довѣренность, и это лицо уже совершитъ съ вами купчую. Для совершенія довѣренности вы можете пригласить нотаріуса изъ ближайшаго уѣзднаго города. Это будетъ во всякомъ случаѣ практичнѣе и дешевле, чѣмъ выдавать какія то фиктивныя обязательства и допускать недвижимость до публичнаго торга.

Подп. № 28760. — Освобождаются отъ испытанія при производствѣ въ первый классный чинъ лица, окончившія уѣздныя и тому подобныя училища, особо поименованныя въ ст. 303 уст. о сл. гражд.

Подп. № 32706. — Согласно ст. 516 и 517 т. IX Свод. Зак. при прошеніи о причисленіи къ личному почетному гражданству должны быть представлены документы, доказывающіе право на оное, а также удостовѣреніе мѣстнаго губернатора о вѣроисповѣданіи просителя.

Подп. № 28544.—Согласно разъясненіямъ Сената отлучка на годъ въ городъ для леченія не лишаетъ еврея права вернуться въ селеніе.

Подп. № 35442.—Въ указанномъ вами случаѣ призываемое лицо будетъ или совершенно освобождено отъ отбыванія воинской повинности, или же воспользуется отсрочкой на годъ, смотря по степени развитія болѣзни.

Подп. Кебурову. — Интересующія васъ правила предусмотрѣны статьей 1539 т. X., ч. I, которая гласитъ: „Если словесный смыслъ представляетъ важныя сомнѣнія, тогда договоры должны быть изъясняемы по намѣренію ихъ и доброй совѣсти, наблюдая при томъ... ..2) не ставить въ вину, когда въ договорѣ упущено такое слово или выраженіе, которое вообще и обыкновенно въ договорѣ употребляется, и которое потому само собой разумѣется; ...5) если всѣ правила, вышепостановленныя, недостаточны будутъ къ ясному истолкованію договора, тогда, въ случаѣ равнаго съ обѣихъ сторонъ недоумѣнія, сила его изъясняется болѣе въ пользу того, кто обязался что либо отдать или исполнить, по тому увѣренію, что отъ противной стороны зависѣло опредѣлить предметъ обязательства съ большею точностью.

Подп. № 20599.—Такъ какъ земля куплена на имя брата, то онъ и является собственникомъ этой земли, и вы не въ правѣ требовать раздѣла.

Подп. № 33779.—Согласно ст. 1130 т. X., ч. I каждая дочь при живыхъ сыновьяхъ, т. е сестра при братѣ, получаетъ изъ всего наслѣдственнаго недвижимаго имѣнія четырнадцатую часть. Такимъ образомъ, ваша мать имѣла право получить послѣ дѣда 1/14 его недвижимости, если, конечно, послѣ него не осталось духовнаго завѣщанія. Иски о правѣ собственности на недвижимости предъявляются въ Окружномъ Судѣ.

Подп. № 24837.—Освидѣтельствованіе и пріемъ на службу лицъ, состоящихъ подъ гласнымъ надзоромъ, производится по истеченіи срока надзора. На отсрочку въ этомъ случаѣ при поступленіи въ университетъ разсчитывать трудно.

Подп. № 32713.—Лица, окончившія учительскую семинарію, отнесены ко 2 разряду по отбыванію воин. повинности.

Относительно освобожденія сихъ лицъ отъ испытанія при производствѣ въ первый классный чинъ въ законѣ не указано.

Испытанія производятся при гимназіяхъ, прогимназіяхъ, уѣздныхъ и другихъ училищахъ, смотря по тому, какое изъ сихъ учебныхъ заведеній имѣется въ данномъ городѣ.

Подп. № 25681.—Лица, имѣющія право на льготу I разряда, являться къ призыву не обязаны (ст. 157), но должны заявить о своемъ правѣ на льготу въ воинское присутствіе до жребьеметанія.

Подп. № 24258.—На основаніи ст. 569 и 684 т. X., ч. I вы въ правѣ требовать отъ нарушителя договора возмѣщенія всѣхъ понесенныхъ вами убытковъ. Въ виду краткости сообщенныхъ вами свѣдѣній количество убытковъ Редакція опредѣлить затрудняется.

Подп. № 29153.—Согласно разъясн. М. В. Д. 9 апрѣля 1907 года № 11554, Указомъ 9 ноября 1906 года укрѣпленные въ личную собственность участки сохраняютъ свойства надѣльной земли. Посему, по мнѣнію Редакціи, Волостные Суды въ правѣ при спорахъ объ этихъ земляхъ примѣнять рѣшеніе Прав. Сен. 21 мая 1894 года и признавать эти дѣла себѣ подсудными. Но рѣшенія Волостныхъ Судовъ въ указанныхъ вами случаяхъ неправильны по существу по слѣдующимъ соображеніямъ. Согласно Указа 9 ноября, отчужденіе участковъ, укрѣпленныхъ въ личную собственность, совершается общимъ крѣпостнымъ порядкомъ. Посему, если покупщикъ подобнаго участка и уплатилъ всю или часть покупной цѣны, а продавецъ отказывается отъ совершенія купчей крѣпости,—то покупщикъ имѣетъ право

требовать отъ продавца возвращенія уплаченныхъ денегъ и искать съ него вознагражденіе за убытки, но вовсе не въ правѣ требовать, чтобы Волостной Судъ замѣнилъ собою Старшаго Нотаріуса и призналъ за покупщикомъ право собственности на запроданный ему участокъ. Такимъ образомъ, подобныя рѣшенія Волостныхъ Судовъ подлежатъ отмѣнѣ со стороны Уѣздныхъ Съѣздовъ. Но съ другой стороны, если подобное рѣшеніе не обжаловано и вступило въ законную силу,—то оно обязательно для всѣхъ мѣстъ и лицъ Имперіи, а въ томъ числѣ и для Старшаго Нотаріуса.

Подп. № 26354.—Вамъ слѣдовало, конечно, указать въ свое оправданіе на дѣйствительнаго виновника уже въ періодѣ предварительнаго слѣдствія. Но вы можете указать на это обстоятельство и на Судѣ, и теперь же въ прошеніи на имя Суда. Судъ можетъ, но не обязанъ, направить дѣло къ дослѣдованію для выясненія дѣйствительно виновнаго. Во всякомъ случаѣ, обвиненъ будетъ одинъ изъ васъ, такъ какъ виновность одного исключаетъ въ данномъ случаѣ виновность другого.

Подп. Ермолаеву. — Такъ какъ вами выкуплены душевые надѣлы до выхода изъ общества, то послѣдующій переходъ въ мѣщане не можетъ лишить васъ права на вашу землю, такъ какъ таковая посредствомъ выкупа выходитъ изъ состава общинной земли. Но, повидимому, вы сами ввели въ заблужденіе Земскаго Начальника. Очевидно, вы подали заявленіе объ укрѣпленіи за вами участковъ на основаніи закона 9 ноября 1906 года; тогда какъ этотъ порядокъ примѣняется лишь въ отношеніи общинныхъ земель; а у васъ въ виду выкупа должна была быть данная на вашъ участокъ. Но во всякомъ случаѣ попробуйте перенести дѣло въ Съѣздъ и укажите именно на то, что земля выкуплена до перехода въ мѣщане.

Подп. Морозову.—1) Подайте заявленіе въ Кубанское Областное Правленіе.

2) Если земля вашего дѣда была пріобрѣтена имъ самимъ,—то онъ имѣлъ право завѣщать таковую по своему усмотрѣнію, и въ этомъ случаѣ ваша мать не имѣетъ права получить больше того, что ей завѣщано, при томъ, конечно, условіи, что не имѣется основаній оспорить дѣйствительность завѣщанія. Если же земля досталась дѣду въ порядкѣ законнаго наслѣдованія, и является, такимъ образомъ, родовымъ имуществомъ, то въ этомъ случаѣ дѣдъ не имѣлъ права завѣщать эту землю, и мать въ правѣ получить законную одну четырнадцатую часть, т. е. свыше сорока десятинъ.

Подп. № 15582. Льгота третьяго разряда предоставляется только лицу, непосредственно слѣдующему по возрасту за братомъ, находящимся по призыву на дѣйствительной службѣ. Слѣдовательно, если у старшаго сына нѣтъ другихъ основаній для льготы, онъ не можетъ воспользоваться ею на томъ только основаніи, что его младшій братъ находится на службѣ.

Подп. № 29579. Согласно ст. 68 Уст. о воинск. пов. вы пользуетесь льготой второго разряда по отбыванію воинской повинности. Но, къ сожалѣнію, теперь уже поздно заявлять ходатайство объ этомъ, такъ какъ доказательства, удостовѣряющія право на льготы при отбываніи воинской повинности, могутъ быть представляемы лишь до выниманія жеребья. (Прим. къ ст. 162 Уст. о воин. пов.)

Посланы отвѣты письмами:

А. М. Кутьину, Ш. Индриксону, С. И. Попову, М. Е. Камишкерцеву, Е. И. Рачинской, Петрунину, П. А. Посѣчнику, Ф. П. Стрѣлкову, О. Мословскому, И. Шлейчуку, Т. Вакуленко, А. И. Чернелевскому, Н. И. Разумовскому, В. Пчелинцеву, А. А. Сажину, М. О. Крыжановскому, Пилихину, Е. Задорожному, С. А. Колтунову, Готковскому, Сахарову, П. Устинову, Д. П. Купотадзе, Ф. И. Кононову-Грязнову, И. Д. Максимову, С. М. Стрижевичу, А. Пуковскому.

Отвѣты общіе.

Подп. № 31570. Что можемъ мы вамъ посовѣтовать? Одно: „толците и отверзится", подавайте прошенія, по возможности въ большемъ числѣ губерній, на имя директоровъ народныхъ училищъ и въ земскія управы. Вѣдь, когда нѣтъ протекціи, а ищущихъ мѣстъ—масса,—тогда одна надежда на свою собственную энергію. Указать, гдѣ имѣются свободныя учительскія мѣста, мы рѣшительно не въ состояніи, знаемъ только, что на каждое мѣсто есть десятки кандидатовъ. Приходить въ отчаяніе, конечно, нѣтъ основанія,—съ молодой энергіей, въ концѣ концовъ, добьетесь своего.

Подп. №№ 22470 и 34094. Отвѣты на свои вопросы вы найдете въ № 5 „В. З." въ статьѣ „Свѣдѣнія для экстерновъ".

Подп. Ан. Іо. Пур. На русскомъ языкѣ имѣются въ продажѣ слѣдующія книги о радіи: Гизель. О радіоактивныхъ веществахъ и ихъ лучахъ. Изд. Сытина, ц. 35 к.—Гофманъ. Радій и его лучи. 70 к.—Рентгенъ. Новый родъ лучей, 30 к. — Складовская-Кюри. Радій и радіоактивн. вещества. 40 к.—Содди. Радіоактивность. 2 р. — Хвольсонъ. Лучи Рентгена. 40 к. и др.

Подп. №№ 21329 и 29866. Символъ, о которомъ вы спрашиваете, означаетъ рядъ подъемовъ отъ нуля до нѣкоторой высоты и паденій съ этой высоты до нуля; этотъ рядъ заключенъ между двумя безконечностями.—Капитолій въ Римѣ находится въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Тарпейской скалой. Въ Капитоліи вѣнчали тріумфаторовъ, а съ Тарпейской скалы свергали преступниковъ.

Подп. Л. Плавскому. Имѣются три способа предохранить деревянные столбы отъ гніенія въ землѣ: 1) обжиганіе, 2) обжиганіе и обертываніе кровельнымъ толемъ и 3) пропитываніе эксикаторомъ — жидкостью, уничтожающею древесные грибки; эксикаторъ продается въ большихъ аптекарскихъ складахъ банками—5 и болѣе пудовъ.

Мелкія сообщенія изъ области науки.

Біологія, ботаника и медицина.

Интересные „сіамскіе близнецы“. „Сіамскіе близнецы“ встрѣчаются какъ среди людей, такъ и среди различныхъ млекопитающихъ; но эти индивиды всегда принадлежатъ къ одному и тому же полу. На основаніи прежнихъ опытовъ П. Бертса и недавнихъ опытовъ Зауербруха и Гейде, стремившихся получить близнецовъ искусственнымъ путемъ, въ наукѣ господствовало мнѣніе, что продолжительное соединеніе возможно лишь между индивидами одинаковаго возраста и пола. Профессоръ общей патологіи въ Туринѣ Морцурго пробовалъ соединять особей различнаго пола, и его опыты увѣнчались успѣхомъ. Онъ соединилъ брюшныя полости двухъ крысъ различнаго пола въ возрастѣ 35—40 дней отъ рожденія; по прошествіи нѣкотораго времени онъ могъ констатировать, что эти полученные искусственнымъ путемъ сіамскіе близнецы росли вполнѣ нормально, при чемъ каждый изъ нихъ обнаруживалъ черты, свойственныя его полу. Нѣкоторое время самки соединенныхъ паръ были безплодны, но затѣмъ черезъ $5^1/_2$ мѣсяцевъ послѣ соединенія самка, жившая съ свободнымъ самцомъ, оказалась беременной. Многочисленные зародыши развивались въ общей брюшной полости, принадлежавшей самцу. Въ опредѣленное время самка принесла девять нормальныхъ дѣтенышей, изъ которыхъ въ живыхъ осталось только четверо. Интересно, что непосредственно послѣ рожденія самецъ ослабѣлъ куда больше, чѣмъ самка; это объясняется, повидимому, некомпенсированнымъ пониженіемъ кровяного давленія, стоящаго въ связи съ быстрымъ уменьшеніемъ содержанія брюшной полости. Груди самца не развивались, такъ что онъ не могъ помогать самкѣ при кормленіи дѣтенышей. Несмотря на это, онъ спокойно сидѣлъ рядомъ съ самкой и ея дѣтенышами и энергично защищалъ ихъ.

На этихъ и на другихъ парахъ (одинаковаго и разнаго половъ) Морцурго могъ наблюдать, что, несмотря на смѣшеніе соковъ тѣла, индивидуальность животныхъ не теряется. Обыкновенно такіе индивиды пьютъ и ѣдятъ не одновременно, часто движутся въ противоположныхъ направленіяхъ и дерутся одинъ съ другимъ. При такомъ соединеніи, повидимому, не происходитъ компенсаціи органическихъ силъ; наоборотъ, ученые наблюдали, что при соединеніи болѣе слабаго индивида съ болѣе сильнымъ, первый отстаетъ отъ второго въ своемъ развитіи и, несмотря на хорошее питаніе, въ концѣ концовъ, умираетъ отъ общей слабости.

Новыя изслѣдованія о хлорофиллѣ. „Крайне заманчиво и интересно“, какъ выразился докторъ Мартенсъ, „было установить тѣсную связь между хлорофилломъ растеній и краснымъ красящимъ веществомъ крови животныхъ; ученые стремились доказать, что оба эти вещества, такъ абсолютно необходимыя для жизни, должны быть похожи по своей химической природѣ“.

Благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ, въ настоящее время ученые могутъ установить химическую процентную формулу обѣихъ молекулъ.

Извѣстно, что гемоглобинъ, или красящее вещество крови, содержитъ, въ числѣ другихъ элементовъ, также и желѣзо, которому въ физіологіи приписывается совершенно особая роль, желѣзо принимаетъ участіе какъ въ процессѣ дыханія, при разложеніи въ животномъ тѣлѣ ненужныхъ болѣе органическихъ веществъ и ихъ превращеніи въ воду и углекислоту, а также и при процессѣ ассимиляціи.

На основаніи точныхъ, неопровержимыхъ изслѣдованій удалось установить, что молекула гематина, или красящаго вещества крови, состоитъ изъ слѣдующихъ веществъ (принимая количество желѣза за 1 атомъ):

Углеродъ 33 атома; водородъ 33 атома; кислородъ 5 атомовъ; азотъ 4 атома; желѣзо 1 атомъ.*)

Профессоръ докторъ Рихардъ Вильштеттеръ въ Цюрихѣ сдѣлалъ попытку получить въ чистомъ видѣ хлорофиллъ, или красящее вещество, обусловливающее зеленую окраску растенія; онъ хотѣлъ путемъ химическаго элементарнаго анализа опредѣлить молекулу этого важнаго тѣла, которое играетъ главную роль какъ при процессѣ дыханія, такъ и при процессѣ ассимиляціи растеній.

Зеленыя составныя части растеній содержатъ въ себѣ желѣзо; этотъ фактъ далъ право высказать гипотетическое, никѣмъ не доказанное предположеніе, что чистый хлорофиллъ долженъ, подобно красящему веществу крови, представлять собою соединеніе желѣза; теперь весь вопросъ заключался въ томъ, чтобы установить дѣйствительный составъ хлорофилла.

Рихардъ Вильштеттеръ съ обычнымъ для него мастерствомъ взялся за рѣшеніе этой проблемы. Онъ получилъ изъ вытяжки зеленыхъ листьевъ цѣлый рядъ красящихъ веществъ, которыя онъ могъ отдѣлить одно отъ другого. Они имѣли или зеленые оттѣнки (Phytochlorine) или красные (Phytorhodine) и отличались другъ отъ друга формой, въ которой они кристаллизовались, и другими физическими свойствами.

---

*) Наименьшее число атомовъ въ молекулѣ 76; атомный вѣсъ водорода 1, углерода 12, кислорода 16, азота 14, желѣза 55,6; поэтому для молекулы гематина мы получаемъ:
$C_{33} H_{33} O_5 N_4 Fe$, или молекул. вѣсъ=761,6.

Во время этихъ работъ обнаружилось важное открытіе, а именно, что чистый хлорофиллъ, молекула зеленаго красящаго вещества растеній не является ни соединеніемъ кальція, ни соединеніемъ фосфора, ни соединеніемъ желѣза; желѣза, этого важного вещества крови, здѣсь нѣтъ совершенно; наоборотъ, въ качествѣ составного элемента молекулы хлорофилла на первый планъ выступает другой металлъ, **магній**, который, правда, всегда находили въ золѣ растеній, но которому никогда не приписывали болѣе значительной активной роли. Металлъ магній выполняетъ въ хлорофиллѣ такія же важныя функціи, какъ желѣзо въ красящемъ веществѣ крови.

Недавно Рихардъ Вильштеттеръ установилъ химическую эмпирическую формулу молекулы хлорофилла (Liebigs Annalen Bd. 350, стр. 48, 60 и Bd 358, стр. 205, 268), при чемъ онъ вычислилъ относительное число атомовъ молекулы, считая магній за 1 атомъ. Вотъ что сообщается о кристаллахъ хлорофилла:

Кристаллизованная субстанція поражаетъ насъ своей красотою. Цвѣтъ растворовъ, спектръ, индифферентизмъ по отношенію къ раствореннымъ кислотамъ и щелочамъ,— все это показываетъ намъ, что мы имѣемъ дѣло съ неизмѣненнымъ хлорофилломъ. Такимъ образомъ, оказывается возможнымъ проанализировать молекулу хлорофилла; въ результатѣ анализа мы получаемъ магнійное соединеніе; пепелъ (5,64⁰|o) состоитъ изъ чистой окиси магнія. Исходя отъ одного атома магнія, получаемъ молекулярный вѣсъ равнымъ 716 съ слѣдующимъ процентнымъ содержаніемъ:

Углеродъ	66,41%	(Атомный вѣсъ	12)
Водородъ	6,27%	» »	1
Магній	3,40%	» »	24
Азотъ	7,46%	» »	14
Кислор.	16,46%	» »	16
	100,00%		

На основаніи этого мы можемъ вычислить химическую формулу: Углеродъ 38 атомовъ, водородъ 24 атома, кислородъ 7 атомовъ, азотъ 14 атомовъ, магній 1 атомъ *).

Слѣдовательно, по мнѣнію Рихарда Вильштеттера, хлорофиллъ представляетъ собою магнійныя соединенія, но не соединенія желѣза. Этимъ обнаруживается существенная разница въ составѣ красящаго вещества крови и красящаго вещества растеній, а также и въ физіологическомъ дѣйствіи ихъ.

Изъ чистаго хлорофилла можно (съ помощью алкоголята калія при температурѣ въ 140⁰ Ц.) приготовить новое кристалл. соединеніе, растворы котораго имѣютъ великолѣпный синій цвѣтъ и флуоресцируютъ интенсивнымъ краснымъ цвѣтомъ. При 200⁰ Ц. образуется продуктъ превращенія темно-краснаго цвѣта. Всѣ эти производныя являются магнійными соединеніями. Красному видоизмѣненію дано имя „родофиллинъ“ (Rhodophyllin); оно кристаллизуется въ красивыхъ блестящихъ призмахъ постояннаго состава, который, на основаніи элементарнаго анализа (при принятіи магнія за 1 атомъ) выражается слѣдующей молекулярной формулой: Углеродъ 33 атома; водородъ 34 атома; кислородъ—4 атома; азотъ 4 атома; магній 1 атомъ *). А это даетъ намъ право сдѣлать предположеніе, что хлорофиллъ растеній и гематинъ крови имѣютъ одинаковый отъ углеродистый остовъ, но отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что существенной частью хлорофилла является магній, а существенной частью красящаго вещества крови—желѣзо.

*) $C_{38}H_{42}O_7N_{14}Mg$; молек. вѣсъ = 839.

*) $C_{33}H_{34}O_4N_4Mg$; молек. вѣсъ = 724.

На основаніи этихъ трудовъ, крайне цѣнныхъ съ научной точки зрѣнія, мы можемъ сдѣлать выводы, которые имѣютъ большое значеніе для общаго познанія о питаніи растеній.

Растенія питаются минеральными веществами; въ Швейцаріи, какъ это мнѣ лично извѣстно, въ дѣлѣ питанія растеній большую роль играютъ стассфуртскія калійныя соли. Уже въ теченіе многихъ лѣтъ мы обращали главное вниманіе на достаточное питаніе растеній фосфорными солями и лишь въ послѣдніе годы узнали важное значеніе калійныхъ солей. Подобно другимъ изслѣдователямъ, намъ удалось установить, что вслѣдствіе недостатка въ каліи большое число растеній заболѣваютъ голоднымъ тифомъ и становятся какъ бы туберкулезными. Эта болѣзнь проявляется въ томъ, что листья желтѣютъ, изгибаются и отмираютъ, хотя на растеніи нельзя обнаружить ни одного паразита. Мы не разъ пробовали бороться съ этой болѣзнью и съ блѣдной немочью растеній примѣненіемъ солей желѣза, но безуспѣшно; мы замучивали бѣдныя растенія до смерти, но не могли спасти ихъ; наоборотъ, питая корни стассфуртскими калійными солями, мы достигали того, что растеніе развивалось вполнѣ.

Огромныхъ успѣховъ достигали мы, примѣшивая къ истощенной почвѣ питательныя соли, содержавшія фосфорныя кислоты и каинитъ, и это, послѣ того какъ мы познакомились съ работами Рихарда Вильштеттера, заставило насъ признать за магніемъ большее значеніе въ дѣлѣ питанія растеній, чѣмъ мы это дѣлали до сихъ поръ.

Стассфуртскія растительныя и питательныя соли—это двойныя соли калія и магнія; то, что фосфорная кислота (наряду съ известью и азотомъ) и калій играютъ главную роль въ дѣлѣ питанія растеній, не подлежитъ уже никакому сомнѣнію; напротивъ, для естествоиспытателя открываются новыя точки зрѣнія относительно значенія магнія, какъ главной составной части молекулы хлорофилла, и эта точка зрѣнія можетъ имѣть значеніе для рѣшенія вопроса о генезисѣ жизни.

Проф. Россель.

Свѣтовые лучи и горловая чахотка. На происходившемъ въ Фрейбургѣ съѣздѣ ларингологовъ, собравшемъ около 150 представителей этой отрасли медицины, д-ръ

Брюнингъ прочиталъ очень интересный докладъ о леченіи горловой чахотки. Вмѣстѣ съ д-ромъ Альбрехтомъ онъ произвелъ цѣлый рядъ опытовъ лѣченія горловой чахотки различными лучами, въ томъ числѣ и солнечнымъ свѣтомъ. Опыты производились надъ кроликомъ, у котораго искусственно была вызвана горловая чахотка. Наиболѣе успѣшные результаты дало лѣченіе рентгеновскими лучами. Подъ ихъ вліяніемъ исчезали въ горлѣ различные опухоли и нарывы. Микроскопическія изслѣдованія убѣдили далѣе обоихъ экспериментаторовъ въ возможности излѣченія этими лучами и горловой чахотки у человѣка, при чемъ д-ръ Брюнингъ уже демонстрировалъ изобрѣтенный имъ съ этой цѣлью аппаратъ, очень удобный и сравнительно дешевый.

Астрономія.

Новыя изслѣдованія Марса. Вотъ уже болѣе сорока лѣтъ, какъ извѣстный французскій астрономъ Камиллъ Фламмаріонъ занятъ наблюденіемъ этой замѣчательной планеты, испускающей красные лучи. Уже въ 1864 году онъ составилъ карту Марса, которую онъ теперь постоянно дополняетъ на основаніи новыхъ наблюденій въ телескопъ. Наиболѣе загадочными для астрономовъ являются, какъ извѣстно, открытые въ 1877 году Скіапарелли прямые, часто двойные каналы необыкновенной длины, которые, вслѣдствіе происходящихъ въ нихъ частыхъ измѣненій, считались нѣкоторыми наблюдателями за оптическій обманъ. Фламмаріонъ уже давно утверждалъ, что эти странныя образованія существуютъ въ дѣйствительности и, повидимому, подобно сѣти, покрываютъ всю поверхность Марса; недавно же въ крайне интересной статьѣ (въ „Illustration") онъ доказалъ правильность своего взгляда, сравнивъ прежнія наблюденія въ телескопъ съ прекрасными отчетливыми снимками, сдѣланными Парсивалемъ Лоуэллемъ и его помошниками на спеціально устроенной для наблюденія Марса обсерваторіи въ Флагстаферѣ (2210 метровъ высоты, въ пустынѣ Аризона) и въ обсерваторіи въ Чилійскихъ Андахъ; надо замѣтить, что эти фотографическіе снимки были произведены при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Наблюденія, которыя начали производиться тамъ съ 1904 года, доставили очень много цѣнныхъ данныхъ: такъ напримѣръ, можно было ясно видѣть зеленый цвѣтъ такъ наз. морей, которыя Лоуэлль, Пикеринг и Дугласъ, вслѣдствіе ихъ измѣнчивости, были болѣе склонны считать за равнины, покрытыя растительностью, чѣмъ за водныя пространства. Изъ, приблизительно, 10000 фотографическихъ снимковъ не оказалось ни одного, на какомъ бы не было каналовъ, наоборотъ, на нѣкоторыхъ снимкахъ имѣлось часто 25 и 30 такихъ каналовъ; часть этихъ каналовъ, безусловно, являются двойными. Поэтому предположеніе Фламмаріона кажется намъ вполнѣ основательнымъ, такъ какъ свѣточувствительная пластинка совершенно безпристрастна и не даетъ простора фантазіи; вотъ почему она можетъ гарантировать точность наблюденія.

„Имена „моря" и „каналы", пишетъ онъ, „соотвѣтствуютъ нашимъ впечатлѣніямъ. Что же касается ихъ природы, то она намъ пока еще неизвѣстна. Мы стремимся всегда найти объясненіе вещей. Это, быть можетъ, нѣсколько наивно; мы хотимъ, чтобы всѣ другіе міры походили на нашъ міръ: это—ребяческій способъ мысли. Все же весьма возможно, что Марсъ и Венера болѣе похожи на землю, чѣмъ планеты системы Сиріуса, Антареса или Альдебарана. Въ данномъ случаѣ нельзя не обратить вниманіе на сосѣднія планеты. Но если мы захотимъ примѣнить наши свѣдѣнія о землѣ къ Марсу, то быстрое измѣненіе въ его внѣшнемъ видѣ, мы можемъ объяснить лишь наличностью растительности и воды. Внимательное изслѣдованіе всѣхъ измѣненій, видимыхъ на его поверхности, всецѣло производитъ впечатлѣніе тѣхъ измѣненій, которыя вызываетъ циркуляція воды. Вода—это крайне подвижная стихія, которая постоянно стремится къ тому, чтобы занять горизонтальное положеніе. Поверхность Марса кажется намъ довольно плоской. Жизнь протекаетъ тамъ такъ, какъ будто бы Марсъ былъ плоскимъ міровымъ тѣломъ, на поверхности котораго вода распространяется въ видѣ множества каналовъ, какъ естественныхъ, такъ и искусственныхъ для достиженія лучшаго развѣтвленія воды; однако, несомнѣнно, что тамъ встрѣчаются также (и весьма часто) и большія водныя пространства, которыя видны даже намъ.

„Вслѣдствіе большого количества каналовъ, намъ кажется, что они часто мѣняютъ свои мѣста; это объясняется тѣмъ, что одни изъ нихъ высыхаютъ и становятся невидимыми, тогда какъ другіе наполняются и даже выходятъ изъ своихъ береговъ. Наводненія, повидимому, случаются тамъ весьма часто. Совершенно сухими на Марсѣ, какъ кажется, являются, только тѣ области, которыя представляются намъ совершенно желтыми. Луга, лежащіе вокругъ каналовъ, могутъ измѣнять свои оттѣнки въ зависимости отъ сырости. Воспринимаемыя нами линіи и суть, безусловно, эти луга. Я вспоминаю, что когда однажды я пролеталъ на воздушномъ шарѣ на высотѣ 25000 метровъ надъ Кельномъ, Рейнъ представлялся мнѣ тонкой ниточкой, а Рейнская долина казалась самой рѣкой".

Измѣненія, замѣчаемыя нами на поверхности Марса, находятся, по мнѣнію Фламмаріона, въ связи съ таяніемъ полярнаго льда и временами года. Если „моря" и представляютъ собою долины, покрытыя растительностью, то они могутъ быть прорѣзаны

каналами и болѣе или менѣе длинными и сильно измѣняющимися водяными потоками, и даже во многихъ мѣстахъ покрыты водою, которая недостаточно глубока и прозрачна, чтобы мы могли видѣть дно. Вода образуется, главнымъ образомъ, отъ таянія снѣговыхъ массъ на полюсахъ, она наполняетъ „моря“, которыя представляютъ собою не что иное, какъ болотистыя долины, выходитъ за ихъ края и выливается въ каналы. Сюда могутъ присоединиться, хотя и очень слабыя, теченія, вызванныя двумя спутниками Марса и солнцемъ; такія теченія измѣняютъ объемъ воды въ той или другой точкѣ и заставляютъ ее наводнять берега, чтобы затѣмъ снова отойти назадъ.—Но если допустить существованіе такихъ массъ воды, которыя постоянно должны испаряться, то чѣмъ же объяснить тотъ фактъ, что мы лишь очень рѣдко видимъ на Марсѣ облака и тучи. На это возраженіе французскій астрономъ отвѣчаетъ, что водяной паръ можетъ оставаться невидимымъ, какъ это имѣетъ мѣсто съ воздухомъ, которымъ мы дышимъ. Нужны особыя условія, которыхъ, быть можетъ, на Марсѣ нѣтъ. „Какъ бы то ни было“, заключаетъ онъ, „каналы—это не миѳъ, и вода играетъ важную роль въ жизни этого мірового тѣла. Безъ сомнѣнія, тамъ имѣются также и другія стихіи, свойственныя исключительно Марсу или, по крайней мѣрѣ, тамъ имѣютъ мѣсто такія жизненныя условія, которыя рѣзко отличаются отъ условій, существующихъ на нашей землѣ“.

Географія и этнографія.

Новая экспедиція къ Сѣверному полюсу. Изъ Христіаніи сообщаютъ, что планъ новой экспедиціи къ Сѣверному полюсу уже окончательно обдуманъ и рѣшенъ иниціаторомъ ея Роальдомъ Амундсеномъ, какъ извѣстно, уже побывавшимъ на сѣверѣ. Экипажъ предназначеннаго для экспедиціи „Фрама“ уже набранъ, и снаряженіе судна быстро подвигается впередъ. Отъѣздъ предполагается 2-го января 1910 г., а въ іюнѣ того же года Амундсенъ предполагаетъ прибыть въ Санъ-Франциско. Послѣдній населенный пунктъ, который посѣтитъ „Фрамъ“, будетъ Портъ-Баррой, расположенный на крайнемъ сѣверѣ западнаго берега Америки. Тутъ имѣется почтовая станція, обслуживающая китолововъ и охотниковъ. Вопреки совѣтамъ, Амундсенъ не пожелалъ устроить на „Фрамѣ“ приспособленій для безпроволочнаго телеграфа, какъ вслѣдствіе ихъ дороговизны,—такъ и изъ боязни, что могущія получаться дурныя извѣстія будутъ скверно вліять на участниковъ экспедиціи. Зато „Фрамъ“ снабженъ мощнымъ моторомъ въ 200 лошадиныхъ силъ, значительно увеличивающимъ его скорость и доставляющимъ электрическій свѣтъ. Кромѣ того, „Фрамъ“ снабжается также приспособленіями по воздухоплаванію и захватитъ съ собою значительное количество „воздушныхъ змѣй“. Амундсенъ разсчитываетъ, что лѣтомъ 1914 и 1915 года экспедиція достигнетъ свободнаго отъ льда пространства между Гренландіей и Шпицбергеномъ—тамъ, гдѣ полярное теченіе огибаетъ восточный берегъ Гренландіи.

Блоха—священное животное. Кто бы могъ ничтожную блоху принять за священное животное, приносящее великія опустошенія? Кто бы могъ подумать, что въ честь ея читаются молитвы? Но...

У камчадаловъ блоха считается священнымъ звѣремъ.

Въ ихъ миѳахъ она играетъ выдающуюся роль. Жители Камчатки, хотя и обороняются отъ этого надоѣдливаго священнаго звѣрька—когда онъ совершаетъ на нихъ свои нападенія,—но дѣлаютъ это только съ долгими молитвами и большими церемоніями. Блохи по сказаніямъ камчадаловъ, производятъ... землетрясенія, и вотъ такимъ образомъ: богъ ада Туилъ ѣздитъ по преисподней на собакахъ. Когда собака встряхивается, обороняясь отъ блохъ, то земля отъ этого приходитъ въ движеніе и начинается землетрясеніе.

Камчадалы вѣрятъ также, что и всѣ бури производятъ блохи. Въ миѳахъ разсказывается, что невѣста Вѣтра, богиня Утахча, это—безобразная бранчливая женщина съ ребенкомъ, приросшимъ на спинѣ. Когда къ этому маленькому дитяти приходятъ священные звѣрки—блохи, раздается громкій плачъ. И чѣмъ сильнѣе и назойливѣе кусаютъ эти маленькіе кровопійцы, тѣмъ сильнѣе плачъ и тѣмъ злѣе и сильнѣе завываніе бури.

Ртутное озеро. Въ горахъ, находящихся близъ Вера-Круца (Мексика), обнаружено ртутное озеро, глубина котораго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигаетъ 16 метровъ при общей поверхности озера около одного гектара. Возникаетъ спеціальная компанія капиталистовъ для эксплоатаціи этого ртутнаго бассейна, при чемъ стоимость заключающейся въ озерѣ ртути, по приблизительному расчету, опредѣляется въ 500 милліономъ долларовъ.

Запасы селитры на землѣ. Неоднократно уже выражалось опасеніе, что запасы селитры въ Чили скоро изсякнутъ, и что тогда сельское хозяйство культурныхъ странъ окажется въ ужасномъ положеніи. Недавно изъ Чили были получены свѣдѣнія (Adolf Ortuzar „Экономическое положеніе Чили“), что тамъ за послѣдніе годы были найдены крайне богатыя и обширныя залежи селитры, а именно въ провинціяхъ Талталъ, Аутофогастра и Токапилла, тогда какъ до 1904 г. это цѣнное удобрительное средство находили лишь въ провинціи Тарапака. Судя по сообщеннымъ свѣдѣніямъ, вновь открытыя залежи въ двадцать разъ больше прежнихъ и и смогутъ удовлетворять потребность въ селитрѣ сельскаго хозяйства земли въ теченіе, приблизительно, 350 лѣтъ.

№ 7. 1909.

Вѣстникъ Знанія.

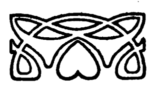
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ.

Редакторъ-издатель В. В. БИТНЕРЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., № 147.
Издательство „Вѣстника Знанія“ (В. В. Битнера).
1909.
7-й годъ изданія.
„Т-во Художеств. Печати“, Спб., Ивановская, 14.

Оглавленіе № 7 см. въ концѣ „Взаимопомощи".

Къ свѣдѣнію авторовъ.

1) Присылаемыя авторами и переводчиками, **непремѣнно**, подъ **заказными бандеролями**, рукописи должны быть **четко** написаны (желательно на пишущей машинѣ), только на одной сторонѣ листа, съ оставленіемъ полей и нумераціей страницъ.

2) Рукописи могутъ быть измѣняемы и сокращаемы. Если авторъ не желаетъ измѣненій, то онъ долженъ упомянуть объ этомъ на самой рукописи. Въ такомъ случаѣ, если по редакціоннымъ соображеніямъ, безъ измѣненій рукопись печатаема быть не можетъ,—она возвращается автору. Рукописи, менѣе 20 тысячъ буквъ, и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція не ведетъ переписки.

3) Редакція ни въ какомъ случаѣ не можетъ брать на себя обязательства за помѣщеніе статьи непремѣнно въ назначенный редакціею срокъ: это обозначеніе срока слѣдуетъ понимать лишь въ смыслѣ **желанія** редакціи,—если не встрѣтится какихъ-либо препятствій,—помѣстить статью, приблизительно, въ теченіе указаннаго срока. Рукописи, сданныя въ наборъ, не могутъ быть требуемы авторами обратно иначе, какъ послѣ возмѣщенія стоимости набора.

4) При всѣхъ сношеніяхъ съ редакціею и конторою необходимо прилагать на отвѣтъ марку, а если прислана рукопись, то, для полученія ея обратно, нужно прислать соотвѣтственное число марокъ на отправку **заказною** бандеролью; въ противномъ случаѣ стоимостъ пересылки можетъ быть, по желанію автора, взыскиваема наложеннымъ платежемъ.

5) Каждая рукопись должна быть снабжена подписью автора или переводчика и его подробнымъ адресомъ; къ переводамъ же, кромѣ того, должны быть прилагаемы оригиналы, съ которыхъ сдѣланы переводы. Если же оригиналъ данъ редакціею, то переводчикъ непремѣнно долженъ возвращать его вмѣстѣ съ рукописью, чтобы не произошло задержекъ въ сличеніи оригинала съ переводомъ. Размѣръ присылаемыхъ статей желателенъ не болѣе ½ печатнаго листа (8 страницъ).

6) Гонораръ выдается **послѣ напечатанія** одинъ разъ въ мѣсяцъ; отправка денегъ на счетъ получателя. **Авансы ни въ какомъ случаѣ не выдаются.**

7) Переводы поступаютъ въ полную собственность издателя. То же относится и къ компилятивнымъ и переводнымъ работамъ, помѣщаемымъ въ журналѣ и приложеніяхъ къ нему съ особою нумераціею страницъ, если не было особаго письменнаго соглашенія.

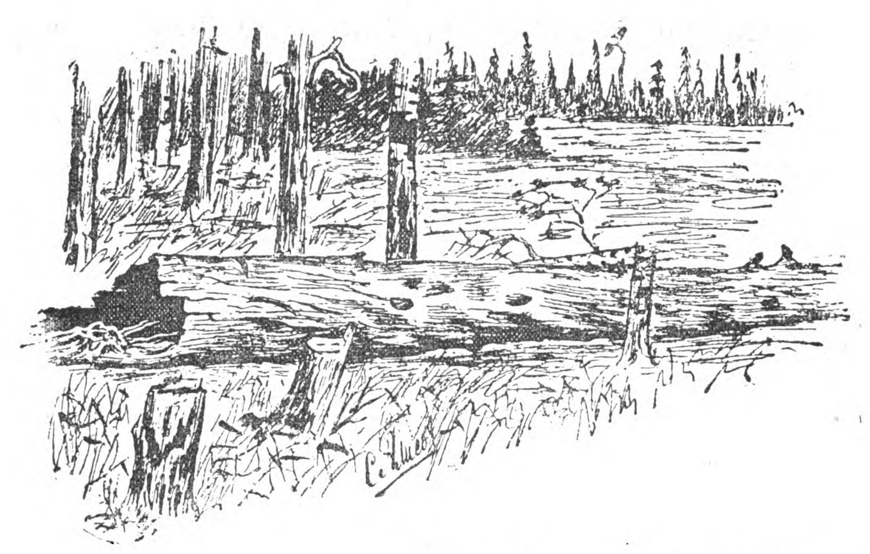
Къ свѣдѣнію подписчиковъ.

1) Редакція ни въ какомъ случаѣ не можетъ взять на себя обязательства за сохраненіе порядка произведеній, даваемыхъ въ приложеніяхъ-журналахъ, и оставляетъ за собою право замѣнять, по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ или инымъ соображеніямъ, одно сочиненіе другимъ, приблизительно однороднымъ и равноцѣннымъ. Во всякомъ случаѣ, редакція считаетъ нужнымъ заявить, что она руководится интересами большинства подписчиковъ и разсчитываетъ на ихъ съ этой стороны довѣріе, на которое даетъ ей право опытъ прошлыхъ лѣтъ. Количество даваемаго редакціею матеріала настолько велико, что та маленькая идейная жертва меньшинства (если тутъ можетъ быть рѣчь о жертвѣ), которая вызывается необходимостью въ рѣдкихъ, впрочемъ, случаяхъ замѣны однихъ приложеній другими, будетъ врядъ ли ощутительна.

2) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 к. почтовыми марками; при перемѣнѣ городского адреса на иногородній уплачивается 1 р., а иногородняго на городской 50 к.

3) При заявленіяхъ о неполученіи № журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы необходимо **прилагать адресъ бандероли**, по которому высылается журналъ, или **сообщить его №**. Безъ этого условія наведеніе справокъ и исполненіе просьбъ очень затруднительно.

Адресъ просятъ писать **четко**, иначе часто совершенно **невозможно** исполнить просьбу подписчика. При отправкѣ денегъ въ контору редакціи, просятъ не писать на переводномъ бланкѣ ничего, кромѣ непосредственно относящагося къ назначенію посылаемыхъ денегъ. Всѣ просьбы въ редакцію и жалобы въ контору надлежитъ писать въ особомъ письмѣ, безъ чего затруднительно исполненіе просьбъ и возможны ошибки.

Государственное хозяйство.

И. С. Столяровъ.

Государственный контроль.

Оцѣнивая значеніе контроля государственныхъ доходовъ и расходовъ, Рене Штурмъ говоритъ: контроль и финансовое благополучіе идутъ вмѣстѣ: «контроль открываетъ и порождаетъ финансовое благополучіе, онъ есть въ одно и то же время и его показатель, и его причина». Причина—потому, что онъ поддерживаетъ и охраняетъ законность и порядокъ: прямо и непосредственно въ государственномъ хозяйствѣ и косвенно—въ народномъ. Показатель—потому, что эта законность и этотъ порядокъ тѣмъ выше и совершеннѣе, чѣмъ благоустроеннѣе всѣ стороны народной и государственной жизни. Вотъ почему предсѣдатель бюджетной комиссіи Гос. Думы проф. М. М. Алексѣенко могъ сказать, что «безъ раціональной постановки государственнаго контроля всѣ бюджетныя постановленія могутъ оставаться пустымъ звукомъ».

Организація финансоваго контроля можетъ быть разная. Но задача его всюду и всегда одна и та же: обезпечить бюджетнымъ законамъ точное и неуклонное исполненіе. Само собою разумѣется, что наиболѣе совершенной организаціей будетъ та, при которой законы исполняются наилучшимъ образомъ. И, наоборотъ, не менѣе очевидно и то, что по закону солидарности общественныхъ явленій не можетъ случиться такъ, чтобы бюджетные законы исполнялись неукоснительно, а всякіе другіе, особенно тѣ, которые опредѣляютъ государственное управленіе и публичныя права населенія, попирались ногами. Нѣтъ, этого быть не можетъ; напротивъ, пренебреженіе законностью въ общемъ управленіи сведетъ къ нулю и «всѣ бюджетныя постановленія», даже и въ томъ случаѣ, когда организація контроля сама по себѣ и не дурна. Въ атмосферѣ беззаконія, безправія и деморализаціи должностныхъ лицъ она мало-по-малу будетъ обезсилена и сведена до уровня «неограниченныхъ возможностей». А прямымъ и несомнѣннымъ результатомъ всего этого, между прочимъ, будетъ то, что когда захотятъ сдѣлать заемъ за границей, то получатъ 85 за 100, а, можетъ быть, и того меньше...

Можетъ показаться невѣроятнымъ, что реформы «конституціонной» эпохи не только не усилили у насъ государственнаго контроля, какъ этого по смыслу вещей можно бы было ожидать, а какъ разъ наоборотъ, еще болѣе ослабили его. Къ сожалѣнію, это такъ. Онъ и безъ того никогда не былъ не только всемогущъ, а просто достаточно силенъ, такъ какъ прежде всего цѣлый рядъ учрежденій *) и донынѣ остается свободнымъ отъ повѣрки имъ ихъ отчетности.

Да и въ дѣлахъ, которыя закономъ были введены въ его компетенцію, контроль не обладалъ и не обладаетъ надлежащей силой... быть можетъ, правильнѣе было бы сказать—никакой силой. Ему, положимъ, не доставляютъ отчетности—у него нѣтъ средствъ добиться наказанія виновныхъ. Статья 377 общаго устава счетнаго и статья 366 уложенія о наказаніяхъ даетъ право начальству дѣлать за это замѣчанія и выговоры виновнымъ. Но это право дано только начальству, а не контролю. Контроль можетъ только просить и жаловаться. Но просьбы или жалобы, хотя бы и служебныя, можно и не уважить при крайне низкомъ уровнѣ государственнаго сознанія русскаго чиновничества. И вотъ, контроль вынужденъ оффиціально констатировать «полную неспособность закона предотвращать несвоевременность доставленія отчетности на ревизію» (Объяснительная записка къ проекту Устава Ревизіи, стр. 15).

Далѣе, контроль, положимъ, постановилъ наложить на чиновника начетъ или посадить его на скамью подсудимыхъ за злоумышленное дѣяніе, причинившее казнѣ ущербъ (ст. 373—374 общ. уст. счет.). Но тутъ выступаетъ на сцену ужаснѣйшее орудіе деморализаціи чиновничества, такъ называемая административная гарантія, въ силу которой на чиновника (а въ иныхъ случаяхъ и не на чиновника, а просто на служащаго въ правительственномъ учрежденіи, хотя бы онъ чиновъ и не имѣлъ и даже не могъ получать ихъ) не можетъ быть наложено никакого наказанія безъ согласія начальства. Опять контролю остается писать — просить и жаловаться. Но на отвѣтъ не назначено даже срока. И поэтому контроль можетъ писать и подтверждать годъ, другой, третій, четвертый... сперва «лицу или мѣсту равному», потомъ высшему», вплоть до министра, потомъ опять сначала и до конца, сколько угодно разъ, сколько угодно кому. А отвѣта все-равно не будетъ. Служебные нравы въ этомъ отношеніи, какъ кажется, весьма мало извѣстны. Иначе о нихъ невозможно было бы не завести рѣчи въ Думѣ при обсужденіи смѣты государственнаго контроля или во

*) Приложеніе къ ст. 195 общаго устава счетнаго по продолженію 1906 г.: 1) Министерство Императорскаго Двора и Удѣловъ со всѣми принадлежащими къ составу его учрежденіями, 2) Собственная Его Императорскаго Величества Канцелярія, 3) Собственная Его Императорскаго Величества Канцелярія по учрежденіямъ Императрицы Маріи съ принадлежащими къ ея вѣдѣнію учрежденіями, 4) Хозяйственное управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ, относительно спеціальныхъ средствъ духовнаго вѣдомства и суммъ, отпускаемыхъ изъ казны на духовно-учебныя учрежденія, 5) Министерство Иностранныхъ Дѣлъ въ чрезвычайныхъ издержкахъ на предметы тайнѣ подлежащіе и извѣстные Его Императорскому Величеству, 6) Министерства и Главныя Управленія относительно суммъ, ассигнуемыхъ на извѣстное Его Императорскому Величеству употребленіе, 7) Департаментъ Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій относительно суммъ, означенныхъ въ счетномъ уставѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (стр. 86, прим. 2 и 3), 8) Земскія, городскія, общественныя и сословныя учрежденія относительно оборотовъ принадлежащихъ имъ суммъ, за исключеніемъ: а) дворянскихъ опекъ и сиротскихъ судовъ и б) городскихъ учрежденій въ тѣхъ городскихъ поселеніяхъ, въ коихъ не введено въ дѣйствіе городовое положеніе, 9) Императорское человѣколюбивое общество, 10) Пенсіонная касса народныхъ учителей и учительницъ и 11) С.-Петербургскій градоначальникъ относительно расходовъ производимыхъ изъ суммы, назначенной въ его распоряженіе на непредвидѣнныя надобности по полиціи.

время даже того якобы общаго обсужденія бюджета, которое такъ полюбило наше якобы народное представительство.

Но вотъ черезъ много, быть можетъ, лѣтъ, послѣ того какъ бумаги исписано столько, что стоимость ея превышаетъ сумму начета, этотъ послѣдній наконецъ наложенъ. Но пока шло дѣло, чиновникъ ушелъ со службы, и мѣсто жительства его не извѣстно—подите ищите его по всей Россіи, чтобы взыскать начетъ! Есть спеціальный законъ для розысканія казенныхъ долговъ. Но при нашихъ разстояніяхъ и служебныхъ нравахъ, благодаря которымъ даже лично-заинтересованному частному лицу невозможно бываетъ добиться взысканія по исполнительному листу, разыскать что-нибудь по этому закону удается развѣ въ рѣдчайшихъ случаяхъ. Вообще же всѣ розыски должны кончаться ничѣмъ. Казна не получитъ ничего. Она только потратитъ деньги на публикаціи, лишнія чернила, бумагу и трудъ разныхъ агентовъ государства. Но если служащій остается даже и на службѣ, все равно начетъ можетъ остаться и не взысканнымъ, такъ какъ начальство имѣетъ «возможность откладывать взысканіе начетовъ на неопредѣленное время». (Объяснительная записка къ проекту Устава Ревизіи, ст. 58).

Повторяю, и до «конституціи» контроль обладалъ не Богъ вѣсть какою силою. Но, по крайней мѣрѣ, онъ былъ тогда самостоятеленъ и независимъ относительно лицъ и учрежденій, которыя были обязаны предъ нимъ отчетностью. Если и нельзя сказать, чтобы политика совсѣмъ не врывалась тогда въ его сферу и не вносила безпорядка въ его дѣятельность, то нельзя также утверждать и того, чтобы общей политикѣ въ такой мѣрѣ открыта была возможность въ каждую минуту вмѣшаться въ работу контрольной машины, какъ теперь. Эта возможность открылась съ тѣхъ поръ, какъ государственный контролеръ былъ сдѣланъ (въ 1905 г.) членомъ «объединеннаго», но безотвѣтственнаго правительства.

Было бы слишкомъ долго выяснять все значеніе этой перемѣны. Достаточно будетъ сказать, что теперь ни одинъ контролеръ, добросовѣстно исполняющій свой служебный долгъ, служащій дѣлу, а не лицамъ, т. е. энергично настаивающій на точномъ исполненіи бюджетныхъ законовъ, не можетъ быть увѣренъ, что «за это ему ничего не будетъ». Если, напр., государственный контролеръ принималъ участіе въ постановленіи совѣта министровъ перевести кредиты изъ одного параграфа росписи въ другіе, или изъ одной смѣты въ другую, если передвинутые такимъ образомъ кредиты расходуются распорядительными управленіями, то, спрашивается, что дѣлать въ такомъ случаѣ рядовому контролеру? По законамъ, онъ долженъ признать такой расходъ неправильнымъ и поднять дѣло о начетѣ. Но пусть попробуетъ! И тогда онъ увидитъ, съ кѣмъ ему придется имѣть дѣло! Передъ нимъ окажется самъ государственный контролеръ, отъ котораго зависитъ все будущее не только его самого, но и его семьи, даже послѣ его смерти, когда зайдетъ рѣчь о пенсіи и пособіяхъ. Попробуйте же въ виду этого быть «героемъ»! Вспомните въ виду этого о «героизмѣ», когда «прохожденіе службы» въ канцелярской обстановкѣ, убивающей не только «героизмъ», но нерѣдко и простую порядочность, приведя васъ къ болѣе или менѣе отвѣтственному служебному положенію, въ то же время привело и къ мысли, что въ случаѣ борьбы съ начальствомъ вы окажетесь абсолютно беззащитны и безпомощны, что васъ могутъ истолочь въ порошокъ, что, только будучи совсѣмъ «зелененькимъ», можно серьезно думать о какой-то «борьбѣ»! Можетъ ли быть въ такомъ случаѣ рѣчь о дѣйствительномъ контролѣ? И не правильнѣе ли будетъ говорить о безграничной деморализаціи и контролеровъ, и контролируемыхъ?

Во всякомъ случаѣ о самостоятельности и независимости контроля, какъ существеннѣйшихъ условіяхъ его плодотворности, тутъ говорить не приходится. Впрочемъ, о плодотворности повидимому не очень-то и заботятся. Иначе не понять, какъ могла явиться «теорія» такого рода, что, дескать,

контролеры—помощники администраціи. Боюсь только, что честь созданія этой теоріи едва-ли принадлежитъ П. А. Харитонову, который ее исповѣдуетъ, быть можетъ, первый изъ русскихъ государственныхъ контролеровъ. Она была провозглашена во Франціи 100 лѣтъ тому назадъ, въ разгаръ наполеоновскаго цезаризма, или конституціоннаго самодержавія. Бывшій членъ конвента, членъ государственнаго совѣта, докладчикъ въ законодательномъ корпусѣ по проекту учрежденія счетной палаты, Дефермонъ, желая подслужиться своему господину, говорилъ въ сентябрѣ 1807 г.: «цѣль учрежденія помогать (курс. мой. Ст.), а не мѣщать дѣйствіямъ правительства, направить строгость разслѣдованія на подотчетныхъ лицъ, а не на распорядителей. Оно не можетъ судить правительство». И оно, дѣйствительно, не судило... до тѣхъ поръ, пока народное представительство не сдѣлалось изъ размалеванной человѣческими фигурами ширмы мощнымъ органомъ государства.

А впрочемъ... les beaux esprits se rencontrent (блестящіе умы сходятся). Какъ знать? Быть можетъ, г. Харитоновъ до своей «теоріи» и «собственнымъ умомъ дошелъ»! Что же? Говоря словами Нельсона, England expects every man to do his duty (Англія ждетъ отъ каждаго, что онъ выполнитъ свой долгъ)...

Итакъ, вмѣсто независимой силы, грозно охраняющей государственную казну и властно требующей къ отвѣту всѣхъ нарушителей бюджетныхъ законовъ, словомъ, „мѣшающей“ своекорыстнымъ или просто неправильнымъ дѣйствіямъ, отъ кого бы они ни исходили... послушные „помощники“!.. Удивительно ли, что перерасходы за эти «конституціонные» годы расцвѣли такимъ пышнымъ цвѣтомъ! Собственно, въ точности никто не знаетъ, какъ велики они въ дѣйствительности. Думаю, и самъ государственный контроль тоже. Государственная Дума также, несмотря на свою мнимую работоспособность и освѣдомленность въ бюджетѣ. Иначе она не оставила бы до сего времени неразсмотрѣнными отчеты государственнаго контроля за 1906 и 1907 гг. Въ ноябрѣ будетъ представленъ ей новый отчетъ по исполненію росписи и на 1908 г. И толкъ изъ него будетъ тотъ же: будетъ валяться въ комиссіи, какъ opus desasperatum, (безнадежное дѣло), къ которому нѣтъ силъ и охоты подойти. И наши свѣдѣнія о перерасходахъ попрежнему будутъ болѣе или менѣе случайны, неполны и отрывочны. Всетаки и то, что мы знаемъ на сей счетъ, т. е. относительно перерасходовъ, не возбуждаетъ особыхъ восторговъ. За прошлый, напримѣръ, годъ, по свѣдѣніямъ «Вѣстника Финансовъ», перерасходовано 38 мил. руб., не считая перерасходовъ желѣзнодорожныхъ, которые по однимъ газетнымъ свѣдѣніямъ достигаютъ 30 мил., а по другимъ — 50 мил. руб. Значитъ, за одинъ годъ взято сверхъ смѣтъ 70—90 мил. Да и все ли еще здѣсь? Нѣтъ ли и у другихъ вѣдомствъ такъ или иначе скрытыхъ превышеній противъ смѣтъ? Но пусть даже будетъ только эта цифра: 70 — 90. И въ такомъ случаѣ все-таки окажется, что съ 1880 г., когда дополнительные кредиты въ теченіе предшествовавшаго десятилѣтія достигли наибольшей высоты, именно 56 мил., такихъ превышеній въ мирное время не знала ни одна наша «доконституціонная» роспись. Я уже не говорю о томъ, что въ то время дополнительные кредиты испрашивались черезъ Государственный Совѣтъ, а теперь они разрѣшаются безъ вѣдома и согласія законодательныхъ учрежденій, или просто дѣлаются на счетъ казны долги. Что при такихъ условіяхъ не можетъ быть рѣчи о порядкѣ въ государственномъ хозяйствѣ, въ частности о бюджетномъ равновѣсіи, это можетъ быть не ясно лишь человѣку гусарскаго склада ума и образованія.

Что же, однако, дѣлать? Какую реформу проектировать въ занимающей насъ области, т. е. въ области контроля доходовъ и расходовъ? Я долженъ прежде всего оговориться, что, по моему мнѣнію, механизмъ го-

сударственнаго контроля задуманъ и разсчитанъ на наши условія весьма удачно. Намъ не подходитъ ни бумажный централизованный контроль счетныхъ палатъ Франціи, Бельгіи, Италіи, ни единоличный и также бумажный и централизованный контроль Англіи. Учредить отдѣльное и независимое вѣдомство государственнаго контроля съ его общими присутствіями въ центрѣ и на мѣстахъ, имѣющими право рѣшать дѣла самостоятельно и окончательно, это, мнѣ кажется, мысль вполнѣ раціональная и плодотворная, свидѣтельствующая о широкомъ государственномъ умѣ Татаринова, творца нынѣшнихъ контрольныхъ учрежденій и порядковъ. Смѣю думать, что это мысль не только плодотворная, но и оригинальная, такъ какъ ничего подобнаго не было и нѣтъ на Западѣ. Необходимо держаться ея и проводить до конца. Потребуются болѣе или менѣе существенныя, но частичныя поправки. Суть же должна остаться неприкосновенной. Прежде всего необходимо позаботиться о надлежащей подготовкѣ личнаго состава, который въ настоящее время далеко не всегда на высотѣ задачи. Неавторитетный контролеръ просто смѣшенъ. Но авторитетныхъ контролеровъ не воспитать подъ дѣйствіемъ 3-го пункта. Лакеевъ—сколько угодно, но контролеровъ—нѣтъ, не воспитать. Поэтому, необходимо обезпечить—твердыми гарантіями матеріальное и правовое положеніе служащихъ. Идеаломъ здѣсь должна бы быть судейская несмѣняемость. Необходимо уничтожить всякія ограниченія компетенціи государственнаго контроля и бюджетно-административную гарантію и строго ограничить закономъ кругъ тѣхъ оснований, по которымъ дѣла могутъ быть переносимы изъ общихъ присутствій въ совѣтъ государственнаго контроля, а изъ этого послѣдняго въ Сенатъ. Я не пишу подробнаго проекта реформы государственнаго контроля и потому не указываю всѣхъ поправокъ, которыя полезно бы было внести въ нынѣшнюю организацію. Остановлюсь лишь на главной, безъ которой всѣ другія никакого значенія имѣть не могутъ: необходимо сдѣлать изъ контроля дѣйствительную и независимую отъ правительства и его агентовъ силу. А это всего легче было бы достигнуть при томъ условіи, если бы государственный контролеръ, подобно англійскому генералъ-контролеру, сталъ независимъ отъ правительства и, въ извѣстномъ смыслѣ слова, несмѣняемъ.

Какъ извѣстно, въ Англіи генеральный контролеръ, назначается короной. Онъ не входитъ въ составъ кабинета и ни въ какомъ отношеніи отъ него не зависитъ. Онъ получаетъ содержаніе изъ консолидированнаго фонда, т. е. изъ той постоянной части бюджета, которая не подвергается ежегодному разсмотрѣнію палатъ. Онъ не смѣняемъ, пока хорошо ведетъ себя (during good his behaviour). Смѣненъ этотъ высокій сановникъ можетъ быть только по заявленію обѣихъ палатъ. Заявленіе представляется въ формѣ адреса.

Было бы, конечно, наивно думать, что если бы послушной Г. Думѣ 3 іюня и нынѣшнему Г. Совѣту дать право охранять независимость государственнаго контролера, то контроль отъ этого и въ самомъ дѣлѣ сталъ бы могущественнымъ.

Конечно, нѣтъ. Для этого необходимо, чтобы сами палаты были всемогущи. Но гдѣ же у нихъ это всемогущество? Откуда имъ взять его? Широкіе круги населенія, устраненные отъ избирательныхъ урнъ и не видящіе пользы отъ работы «истинныхъ представителей народа», въ сущности мало интересуются и нынѣшней Думой, и нынѣшнимъ Совѣтомъ. Что имъ Гекуба? А Гекуба помнитъ: съ Богомъ не ссорься, съ сильнымъ не борись. Гекуба знаетъ, кто «ее волшебной властью изъ ничтожества воззвалъ», знаетъ и... послушно голосуетъ... При такихъ условіяхъ правительству или «безотвѣтственнымъ вліяніямъ», когда потребовалось бы спихнуть государственнаго контролера съ мѣста, не такъ ужъ трудно было бы добиться отъ палатъ заявленія о несоотвѣтствіи того или другого лица своему назначенію.

Все же, мнѣ думается, если бы поставить государственнаго контролера подъ защиту даже и этихъ палатъ, то и такое измѣненіе въ его положеніи нѣсколько усилило бы контрольное вѣдомство. Какъ никакъ пришлось бы давать объясненія, вынести дѣло на судъ общественнаго мнѣнія. И хотя послѣднее не Богъ вѣсть какъ высоко цѣнится въ Россіи, а всетаки... Но отношенія палатъ, особенно «народной», къ государственному контролеру не должны ограничиваться только охраной его независимости. Нѣтъ, дѣло должно идти гораздо дальше: государственный контролеръ долженъ стать дѣятельнымъ, постояннымъ и вѣрнымъ сотрудникомъ и помощникомъ охранителя народныхъ средствъ, т. е. народнаго представительства. Это его прямое назначеніе. Уже нынѣшнее представительство столько же «охранястъ», сколько оно—и «народное». И недаромъ отъ него такъ охраняются источники познанія истиннаго положенія дѣлъ, въ частности всеподданнѣйшіе отчеты государственнаго контролера!

Но замѣчательно, что и здѣсь П. А. Харитоновъ не оригиналенъ. Такіе документы всюду прятались... разумѣется по «теоріи», ибо каждая практика имѣетъ свою теорію. Напримѣръ, возставая противъ публикаціи бюджетныхъ докладовъ, представляемыхъ королю, генеральный прокуроръ при французской счетной палатѣ Шоненъ въ 1832 г. восклицалъ: «вы, конечно, можете, господа, приказать предать гласности путемъ печати докладъ королю. Но отсюда можетъ послѣдовать, что возложенная вами на счетную палату обязанность публиковать докладъ *) отразится на этомъ докладѣ, и что вмѣсто того, чтобы заключать нѣкоторые яркіе факты, которые могутъ повести далеко, онъ будетъ лишь блѣдной копіей того, чѣмъ могъ бы быть безъ этой публичности».

Я не знаю, что могъ бы къ этому прибавить нынѣшній государственный контролеръ. Знаю только, что онъ такъ бережетъ свои всеподданнѣйшіе доклады по исполненію росписи, что, по сообщенію газетъ, теперь даже не печатаетъ ихъ, а переписываетъ! Упаси Богъ—вдругъ какъ-нибудь попадутъ въ руки членовъ Думы! Вдругъ въ Думѣ и странѣ узнаютъ правду о томъ, какіе «яркіе факты» наблюдаются у насъ при расходованіи средствъ государства!..

Просто даже удивительно, какъ быстро и хорошо мы «обновляемся»!..

Да, Штурмъ правъ: «контроль и финансовое благополучіе идутъ вмѣстѣ»...

И. Столяровъ.

Отвѣты.

Подп. № 32134. Д-ръ Жозефъ, какъ и многіе авторы научныхъ сообщеній, знакомитъ только съ успѣхами въ области хирургіи. Но изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что онъ самъ долженъ заниматься лѣченіемъ,—это дѣло хирурговъ-практиковъ. Въ Петербургѣ, несомнѣнно, имѣются хорошіе хирурги, которымъ не чужда и ринопластика.

Подп. Васильеву. Объ отличительныхъ признакахъ растительнаго и животнаго царства вы можете прочесть въ книгахъ по біологіи, ботаникѣ и зоологіи, а также въ работахъ о микроорганизмахъ, въ бактеріологіи и многихъ другихъ. Конечно, чѣмъ ниже мы спускаемся по лѣстницѣ развитія этихъ царствъ, тѣмъ отличія между ихъ представителями становятся меньше. Но и въ микробахъ наблюдается то же отличіе. Почитайте изд. нами книги Бельше, Геккеля, Тейхмана, Дайбера, Кона и др. См. также статью Ледюка въ этомъ №.

Подп. 5386. Въ спорахъ между гомеопатами и аллопатами совокупность точной науки становится на сторону послѣднихъ. Микроскопическія дозы могутъ благодѣтельно дѣйствовать на человѣка, но вліяніе этихъ дозъ относятся скорѣе къ области психопатологіи, гипнотизма, самовнушенія и т. п. Такая доза играетъ въ этомъ случаѣ роль, близкую къ дѣйствію медикаментовъ на разстояніи. По этому поводу имѣется обширная литература.

— **И. П. Похомову** (изъ Таганрога). Просимъ повторить ваши вопросы: въ послѣдн. письмѣ вы не даете ни адреса, ни № бандероли.

---

*) Теперь доклады счетной палаты главы государства печатаются и раздаются членамъ палаты по закону 21 апрѣля 1832 г.

Осмотическія произростанія, полученныя путемъ введенія раствора сахара со слѣдами желѣзо-синсродистаго калія въ растворъ мѣднаго купороса.

Проф. Стефанъ Ледюкъ.

Физическія основы жизни и біогенезисъ.

Вопросъ о самопроизвольномъ зарожденіи представлялъ особый интересъ во время полемики между Пушэ, Руаномъ и Пастёромъ. Этотъ послѣдній доказалъ, что микроорганизмы не зарождаются самопроизвольно въ настойкѣ сѣна, какъ это полагалъ Пушэ. Послѣ этого думали, что Пастёръ уже исчерпалъ вопросъ о самопроизвольномъ зарожденіи; однако его работы не позволяютъ еще подвести окончательный итогъ.

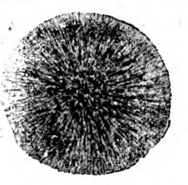
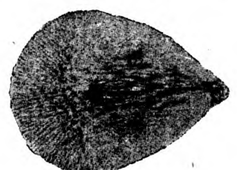
Астрономія и геологія учатъ насъ, что земля когда-то имѣла температуру, несовмѣстимую съ жизнью, что живыя существа появились только послѣ ея охлажденія, и что, наконецъ, необходимо признать самопроизвольное зарожденіе изъ земныхъ матеріаловъ. Вопросъ о самопроизвольномъ зарожденіи существуетъ, и никто не въ силахъ его уничтожить. Поразительно, что опыты Пастёра могли его похоронить на цѣлыхъ тридцать лѣтъ.

Матерію раздѣляютъ на органическую—субстанція живыхъ существъ—и неорганическую; отсюда двѣ химіи: органическая и неорганическая. Синтезомъ мочевины Велеръ нанесъ первый ударъ этой преградѣ, работы же знаменитаго Бертело и теперешнія изысканія Фишера, въ Берлинѣ, все больше и больше ее разрушаютъ. Проблемы, предстоящія разрушенію,—того же порядка, что и уже разрушенныя. Нѣтъ больше преградъ! Химія едина: субстанція живыхъ существъ—та же что и неживыхъ тѣлъ.

Для облегченія изученія, и вслѣдствіе незнанія переходныхъ типовъ, живыя существа раздѣлены на животныхъ и на растенія, а затѣмъ на виды. Однако, факты, собранные эволюціонистами, доказываютъ, что нѣтъ никакихъ границъ ни между видами, ни между животными и растеніями,—вездѣ имѣется постепенный незамѣтный переходъ. Могла ли теорія эволюціи, примѣнявшаяся для возстановленія звеньевъ между видами, оставить порванной цѣпь между живымъ міромъ и минеральнымъ? Здѣсь такъ же продолжается цѣпь, имѣется постепенный переходъ, и нѣтъ никакого раздѣленія.

Жизнь представляется намъ особой формой движенія матеріи, проявленіемъ тѣхъ же молекулярныхъ энергій, которыя одушевляютъ неживую матерію. Всякая матерія заключаетъ жизнь въ потенціальномъ состояніи. Наши пищевые продукты, обладаютъ жизнью въ потенціальномъ состояніи, послѣ же ихъ ассимиляціи, они переходятъ въ активную жизнь.

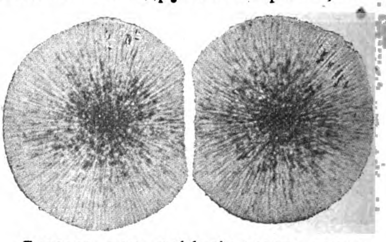
Палеонтологія говоритъ намъ, что первыя существа появились въ соленой водѣ въ ту эпоху, когда температура на землѣ была выше настоящей, когда атмосфера содержала больше водяныхъ паровъ и электрическія явленія были гораздо интенсивнѣе. Съ другой стороны, всѣ

Силовое поле диффузіи

Монополярное. Капля крови въ болѣе концентрированномъ соляномъ растворѣ.

Биполярное, между двумя разноименными полюсами, образованными каплей крови и крупинкой соли.

Силовое поле диффузіи между двумя одноименными полюсами—двумя каплями крови въ болѣе концентрированномъ растворѣ.

живыя существа состоятъ изъ растворовъ кристаллоидовъ и коллоидовъ, отдѣленныхъ проницаемыми перегородками, черезъ которыя совершается постоянный обмѣнъ. Наконецъ, современныя моря, эти обширныя лабораторіи жизни, суть такъ же растворы кристаллоидовъ и коллоидовъ. Слѣдовательно, въ изученіи этихъ растворовъ и нужно искать природу жизни. Нужно стараться, дѣйствуя на эти растворы физическими силами, вызвать явленія жизни: морфогенезисъ, питаніе, организацію, ростъ, размноженіе и т. д. Это—область новой науки, синтетической біологіи.

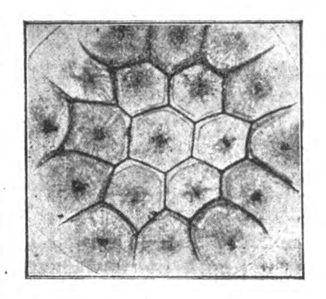
Нѣсколько ученыхъ рѣшительно пошли по этому пути синтетической біологіи: проф. Бенедиктъ въ Вѣнѣ, проф. Рафаэль Дюбуа въ Ліонѣ и проф. Жюль Феликсъ въ Брюсселѣ.

Основателемъ этой науки необходимо считать аббата Ноллэ, открывшаго осмозъ. Одинъ изъ его учениковъ, Рейссъ, какъ будто предвидѣлъ всю важность изученія растворовъ, диффузіи и осмоза. Грэхэмъ, раздѣлившій тѣла на кристаллоиды и коллоиды, утверждалъ, что диффузія кристаллоидовъ совершается въ коллоидахъ, а, слѣдовательно, и въ плазмѣ, какъ въ чистой водѣ. Это положеніе Грэхэма было подтверждено Вохтлендеромъ. Фикъ назвалъ коэффиціентомъ диффузіи — количество вещества, которое въ единицу времени проходитъ единицу сѣченія жидкой колонны, принятой за единицу длины, при чемъ между двумя концами ея существуетъ единица различія концентрацій или, какъ впослѣдствіи опредѣлилъ Нернстъ,— единица разности осмотическаго давленія.

Вантгофъ сравнивалъ растворенныя вещества съ газами. Аналогичнымъ давленію газа является осмотическое давленіе, къ которому можно примѣнить абсолютно всѣ законы, установленные для газовъ.

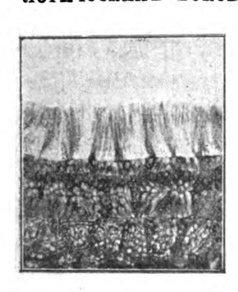
Многочисленные опыты позволили мнѣ доказать, что диффузія въ коллоидахъ совершается иначе, чѣмъ въ чистой водѣ. Если заставлять диффундировать капли одного и того же щелочного раствора въ различныхъ градусовъ концентраціи желатинъ, къ которому прибавленъ фталеиновый фенолъ, то констатируютъ, при помощи окрашиванія, что диффузія совершается тѣмъ медленнѣе, чѣмъ больше концентрированы растворы; различія эти весьма велики. И, дѣйствительно, каждая среда представляетъ различныя сопротивленія диффузіи, въ зависимости отъ ея природы и концентраціи. То же можно сказать относительно полу-проницаемыхъ перепонокъ, которыя, въ противность до сихъ поръ господствовавшему ученію, вовсе не являются проницаемыми для воды и непроницаемыми для растворенныхъ веществъ, но обладаютъ непроницаемостью неодинаковой для различныхъ веществъ, молекулъ и іоновъ. Въ общемъ, диффузія въ коллоиды и черезъ перепонки повинуется законамъ, аналогичнымъ законамъ Ома въ ученіи объ электричествѣ. Скорость или интенсивность диффузіи пропорціо-

нальна разностямъ осмотическаго давленія и обратно пропорціональна сопротивленію; она также зависитъ отъ природы диффундирующей субстанціи.

Искусственныя жидкія клѣтки, образованныя окрашенными каплями раствора хлористаго натрія въ менѣе концентрированномъ растворѣ той же соли.

Сопротивленіе плазмы и осмотическихъ перепонокъ диффузіи есть понятіе общей біологіи. Оно принимаетъ участіе во всѣхъ явленіяхъ жизни. Въ силу различныхъ сопротивленій, встрѣчаемыхъ іонами, послѣдніе раздѣляются или соединяются. Это неодинаковое сопротивленіе органической среды движеніямъ молекулъ и іоновъ оказываетъ самое важное вліяніе на метаболизмъ, который почти исключительно зависитъ отъ него. Неравенству сопротивленія движеніямъ іоновъ приписываютъ электрическія явленія въ живыхъ существахъ, образованіе электродвигательныхъ силъ и различныхъ физіологическихъ токовъ.

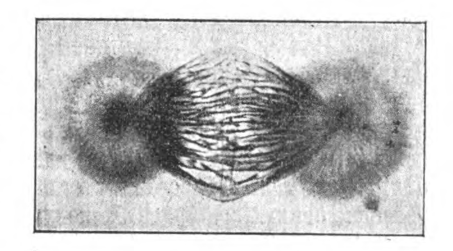

Жидкія клѣтки съ рѣсничными отростками, образованныя окрашенными каплями соленой воды въ соленой водѣ меньшей концентраціи. Содержимое клѣтокъ подверглось сегментаціи.

Въ общемъ, жизнь является какъ бы равнодѣйствующей двухъ физическихъ силъ: одной активной,—осмотическое давленіе, приводящее въ движеніе молекулы и іоны; другой пассивной,—сопротивленіе, оказываемое плазмой и перепонками этимъ движеніямъ. Неравенство сопротивленій по отношенію къ различнымъ молекуламъ и іонамъ является, повидимому, причиной, опредѣляющей химическіе акты жизни: синтезы, разложеніе, ассимиляціи (усвоенія) и дезассимиляціи (выдѣленія).

Я доказалъ, что можно представить явленія, имѣющія мѣсто въ жидкостяхъ, въ томъ же видѣ, какъ Фарадей представилъ магнетическія и электрическія явленія,—въ видѣ центровъ, или полюсовъ, и силовыхъ полей.

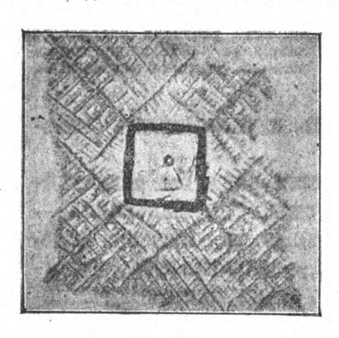
Въ какой бы то ни было жидкости, всякая точка, большей концентраціи чѣмъ окружающая среда, гипертоническая (перенапряженная) точка, есть центръ силъ, положительный полюсъ диффузіи; точка же меньшей концентраціи, гипотоническая (недонапряженная) точка, — отрицательный полюсъ диффузіи; между нимипроисходятъ тѣ же дѣйствія, что и между полюсами магнитными или электрическими. Всѣ понятія, пріобрѣтенныя при изученіи электро-магнитныхъ полей силъ, могутъ быть непосредственно перенесены на силовыя поля, образованныя взаимными динамическими дѣйствіями полюсовъ диффузіи.

Изображеніе каріокинеза, вызваннаго диффузіей. Центросмы, диски, пучокъ, экваторіальная плоскость.

Взаимныя дѣйствія полюсовъ диффузіи управляютъ динамическими и кинетическими дѣйствіями организма. Эти полярныя дѣйствія опредѣляютъ теченія жидкостей, увлекающія вмѣстѣ съ собой находящіеся въ нихъ шарики. При ихъ посредствѣ совершаются тропизмы и тактизмы, которые, можетъ быть, цѣликомъ можно подвести подъ осмотропизмъ или осмотактизмъ, неизвѣстные намъ до сихъ поръ. Эти самыя полярныя дѣйствія, собирая шарики или другія какія частицы, вокругъ положительнаго полюса диффузіи, образуютъ такимъ образомъ, явленіе, называемое агглютинаціей. Въ клѣточной статикѣ эти явленія играютъ особенно важную роль.

Впуская въ 5—10% растворы желатина нѣсколько капель желтой кровяной соли [$Fe\ K_4\ (CN)_6$], тоже 5—10%, я получилъ клѣточную ткань. Каждая клѣтка имѣетъ свою наружную оболочку, свою протоплазму и ядро. Изъ растворовъ поваренной соли я получалъ совершенно жидкія клѣточныя ткани. По желанію можно образовать всевозможныя клѣточныя формы; мнѣ даже удалось получить жидкія клѣтки съ рѣсничатыми образованіями. Эти клѣтки представляютъ двойное осмотическое теченіе и молекулярный метаболизмъ. Когда онѣ высыхаютъ, движенія прекращаются; онѣ представляютъ тогда собою скрытую жизнь зерна или коловратки (Rotifera), ибо ихъ движенія возобновляются, какъ только придать имъ достаточное количество влаги.

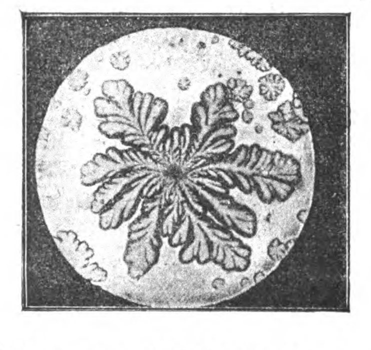

Молекулярное дѣйствіе кристаллизаціи. Силовое поле вокругъ образующагося кристалла хлористаго натрія.

Въ клѣткахъ, во время ихъ дѣленія, Германъ Фоль открылъ любопытныя фигуры, которыя, какъ онъ говоритъ, напоминаютъ магнитный спектръ. Эти фигуры долго интриговали ученыхъ. Не было извѣстно ни одной физической силы, которая могла бы образовать подобныя фигуры въ электролитическихъ растворахъ, какъ въ живыхъ жидкостяхъ и плазмѣ. Объясненіе ихъ представляетъ замѣчательный примѣръ силы воображенія ученыхъ. Руководствуясь понятіемъ силоваго поля диффузіи, мнѣ удалось воспроизвести въ электролитическихъ жидкостяхъ не только фигуры каріокинеза, но и ихъ послѣдовательный порядокъ. Другими словами, удачно примѣненныя осмотическія силы образуютъ, несмотря на ихъ крайнюю сложность, всѣ фазы клѣточнаго дѣленія, слѣдующія точно въ томъ же порядкѣ, что и въ каріокинезѣ. Сперва я произвелъ ахроматическую фигуру, затѣмъ явленія дѣленія ядра въ искусственной плазмѣ, помѣщая окрашенную гипотоническую каплю (каплю слабой по отношенію къ плазмѣ концентраціи), между двумя окрашенными каплями болѣе сильной концентраціи. Каждая изъ обѣихъ боковыхъ капель образуетъ центросому, окруженную сіяющей короной, звѣздой. Въ это же время центральное ядро принимаетъ форму закрученной нити (спиремы), съ двумя контурами, имѣющей боковые узелки. Эта нить раздваивается на ленты, которыя сначала частью располагаются по экваторіальной плоскости, а вскорѣ затѣмъ образуютъ V-образныя фигуры, обращенныя своими вершинами къ центру; такимъ образомъ, получается экваторіальная корона. Наконецъ, хроматиновыя нити раздваиваются и направляются къ центросомамъ, которыхъ однако онѣ никогда не достигаютъ вполнѣ. Тутъ онѣ собираются въ двѣ нуклеиновыя массы, образуя ядра обѣихъ конечныхъ клѣтокъ. Можно подумать, что я передаю здѣсь описаніе каріокинеза, взятое изъ какого нибудь классическаго учебника. А между тѣмъ я ограничиваюсь только простымъ описаніемъ послѣдовательныхъ фигуръ, сфотографированныхъ явленій, полученныхъ мной при помощи диффузіи.

Въ этихъ опытахъ капли, помѣщенныя съ одной и съ другой стороны искусственнаго ядра, играютъ роль центросомъ, приносимыхъ сперматозоидомъ въ оплодотворяемое яйцо. Чтобы вызвать въ другихъ клѣткахъ каріокинетическое дѣленіе, достаточно образовать въ цитоплазмѣ два полюса диффузіи, что обозначаетъ установленіе двухъ метаболическихъ центровъ. Въ каждой точкѣ анаболизма, синтеза, число молекулъ уменьшается, осмотическое давленіе слабѣетъ, это отрицательный полюсъ диффузіи; въ каждой же точкѣ катаболизма, дезассимиляціи, число молекулъ возрастаетъ, осмотическое давленіе усиливается,—это положительный полюсъ диффузіи. Сохраненіе клѣтокъ связано, слѣдовательно, съ симметріей метаболизма вокругъ ядра, какъ центра. Размноженіе клѣтокъ въ злокаче-

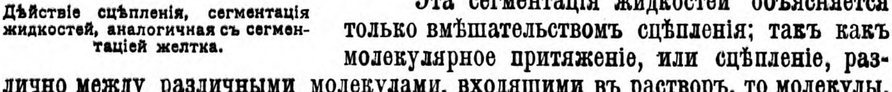
ственныхъ опухоляхъ, напримѣръ, при ракѣ, есть слѣдствіе установленія въ плазмѣ двухъ центровъ метаболизма.

Живыя существа образованы изъ растворовъ кристаллоидовъ и коллоидовъ различной степени концентраціи. Когда концентрація увеличивается, начинается вмѣшательство молекулярныхъ силъ концентраціи. Каждый центръ кристаллизаціи имѣетъ вокругъ себя поле силъ, которое, какъ это показываетъ микро-фотографія, отличается большою сложностью.

Молекулярное дѣйствіе кристаллизаціи. Морфологическій эффектъ кристаллизаціи хлористаго натрія въ коллоидальномъ растворѣ.

Когда рядомъ съ силой кристаллизаціи дѣйствуютъ другія силы, какъ напр., различія осмотическаго давленія, то въ результатѣ получаются формы, напоминающія морфологію живыхъ существъ. Такъ какъ крѣпкія ткани живыхъ существъ суть слѣдствіе затвердѣнія растворовъ коллоидовъ и кристаллическихъ веществъ, то силы кристаллизаціи обязательно должны принимать участіе въ ихъ морфогенезисѣ и вліять на ихъ строеніе.

Дѣйствіе сцѣпленія, сегментація жидкостей, аналогичная съ сегментаціей желтка.

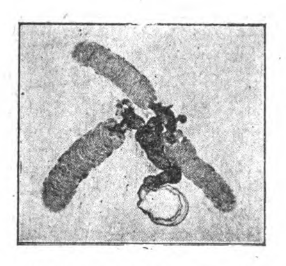
Когда въ какой-либо растворъ впустить безразлично въ какомъ порядкѣ нѣсколько окрашенныхъ капель одного раствора, но различныхъ концентрацій, то эти капли сперва диффундируютъ, но затѣмъ, когда движенія диффузіи становятся очень медленны, можно наблюдать, какъ жидкость сегментируется, принимаетъ зернистый видъ, какъ показано на воспроизводимыхъ нами фотографіяхъ.

Эта сегментація жидкостей объясняется только вмѣшательствомъ сцѣпленія; такъ какъ молекулярное притяженіе, или сцѣпленіе, различно между различными молекулами, входящими въ растворъ, то молекулы, притягивающіяся съ наибольшей силою, переносимыя медленными теченіями диффузіи въ сферѣ ихъ взаимнаго притяженія, соединяются въ шарообразныя грануляціи, какъ только сила сцѣпленія больше силы диффузіи, увлекающей молекулы.

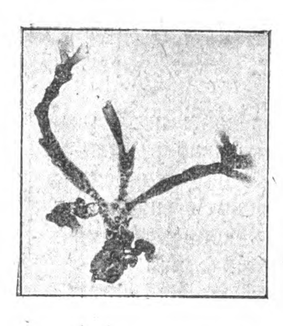

Ростъ искусственной клѣтки.

Сегментація желтка въ оплодотворенномъ яйцѣ представляетъ одно изъ самыхъ таинственныхъ явленій жизни. Мы не имѣемъ никакого представленія о какой-либо физической силѣ, которая въ состояніи была бы воспроизвести подобные результаты. И вотъ оказывается, что высиживаніе представляетъ аналогичныя условія съ нашими опытами: повышенная температура вызываетъ испареніе на поверхности яйца, увеличивающее концентрацію поверхностныхъ слоевъ, и образуетъ медленныя теченія диффузіи, слѣдствіемъ чего, какъ показываетъ опытъ, должна быть сегментація массы. Между прочимъ, сегментація, полученная мною въ жидкостяхъ поразительно сходна съ сегментаціей желтка.

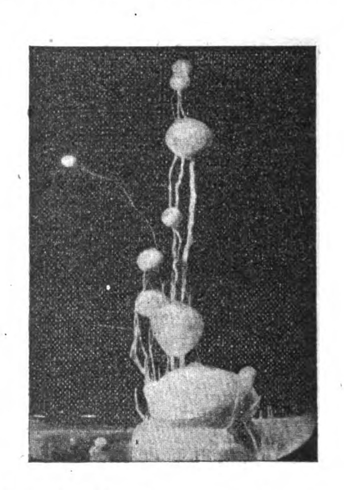

Ростъ искусственной клѣтки; конечные органы въ формѣ сережекъ.

Ростъ искусственной клѣтки; конечные органы въ формѣ шиповъ.

Наконецъ, я осуществилъ физическими силами явленія питанія, организаціи, роста. Я изготовляю зерна сѣрнокислой мѣди и сахара и опускаю ихъ въ растворы, содержащіе желтую кровяную соль, поваренную или какую-нибудь иную и желатинъ; зерно окружается пленкой желѣзо-ціанистой мѣди, проницаемой для воды и іоновъ и почти совершенно непроницаемой для сахара; послѣдній образуетъ внутри сильное осмотическое давленіе, которое притягиваетъ воду, и мы можемъ наблюдать, какъ клѣтка прорастаетъ и увеличивается. Она выпускаетъ вертикальный стебель, который можетъ достигать 30 сантиметровъ высоты, а иногда и боковыя листья. Эти стебли несутъ конечные органы въ формѣ шариковъ, шляпокъ, иголъ и т. д. Продуктъ роста, имѣющій видъ растенія, можетъ достигнуть объема въ 300 разъ бо́льшаго, чѣмъ объемъ первоначальнаго зерна. Необходимое для увеличенія берется у окружающей среды. Питаніе совершается, слѣдовательно, всасываніемъ. Организація сложна, такъ какъ, помимо дифференціаціи на горизонтальныя корневища, вертикальные стебли, иглы и конечные органы, долженъ существовать аппаратъ для циркуляціи, въ которомъ вещества, порождающія пленку и сахаръ, подымались бы до высоты въ 30 сантиметровъ. Эти три функціи: питаніе всасываніемъ, ростъ и организація, разсматриваемыя до сихъ поръ, какъ характерныя для жизни, реализованы исключительно физическими силами. Ростъ искусственныхъ клѣтокъ весьма чувствителенъ къ физическимъ и химическимъ раздраженіямъ; онѣ заживляютъ свои раны; когда стебель сломанъ, до окончанія роста, то обломки его, приложенные другъ къ другу, спаиваются,—и ростъ возобновляется. Одну только еще функцію нужно реализовать, чтобы закончить синтезъ жизни, это—размноженіе. Я разсматриваю его какъ вопросъ того же порядка, какъ и рѣшенный *).

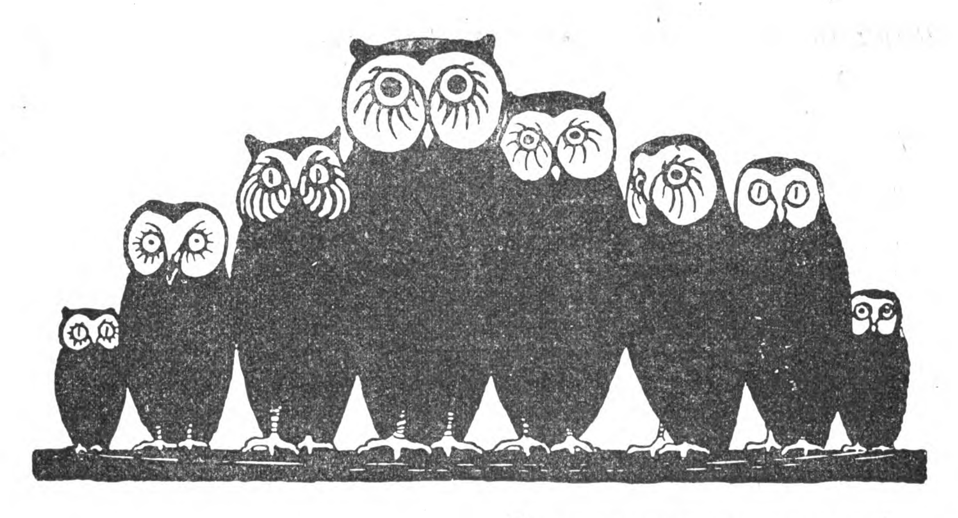

Конечные органы шаровидной формы.

Отвѣты.

Подп. № 29283. Земскіе учителя,—да и всѣ другіе—не пользуются правомъ безплатнаго проѣзда по жел. дор. Только въ нѣкоторыхъ случаяхъ выдаются безплатные билеты—это, когда учителя отправляются на какой-либо съѣздъ, устраивается какая-нибудь образовательная поѣздка и т. п. Тогда мѣстное учебное начальство или земства хлопочутъ — черезъ Мин. Нар Просв. и Мин. Вн. Д.—въ Мин. Путей Сообщенія, которое удовлетворяетъ (или не удовлетворяетъ) ходатайство.

*) Настоящая статья имѣетъ въ виду уже нѣсколько подготовленныхъ читателей; тѣ же, которымъ она покажется нѣсколько трудною, могутъ познакомиться съ сущностью первоначальныхъ опытовъ Ледюка по статьѣ д-ра В. Гольштейна „Подражаніе жизни и ея созданіе“. (Вѣстн. Зн. 1907 г. № 2).

Кооперативное движеніе.

В. Ѳ. Тотоміанцъ.

Лиги потребителей или покупателей.

I.

Какъ въ наукѣ, такъ и въ обществѣ второй половины прошлаго столѣтія почти совершенно отсутствовало сознаніе той огромной роли, которая принадлежитъ, по праву, потребителямъ. Политико-экономы съ любовью и по долгу останавливались на производствѣ, ничего или очень мало говоря о потребленіи. Казалось, всѣ совершенно забыли, что производство должно находиться въ зависимости и въ подчиненіи у потребителей для того, чтобы правильно выполнять свою соціальную миссію.

Въ свою очередь масса потребителей была такъ не сознательна, такъ легко шла на эксплуатацію, такъ мало чувствовала, что работодатель собственно она сама, такъ мало сознавала свою отвѣтственность за значительную часть соціальныхъ золъ, что было очень трудно организовать ее въ этомъ направленіи.

Единственнымъ исключеніемъ изъ всей огромной массы потребителей являлся фабрично-заводскій пролетаріатъ, который съ середины прошлаго столѣтія сталъ, подъ давленіемъ нужды, организоваться въ потребительныя общества. Но широкую массу потребителей это движеніе пока еще мало захватило. Эта масса пока еще мало подготовлена и дисциплинирована для того, чтобы стать носительницей болѣе сложныхъ потребительныхъ обществъ, Къ тому же въ ея средѣ имѣются элементы, которые настолько обезпечены, что ихъ не привлекаютъ матеріальныя преимущества потребительныхъ обществъ.

Между тѣмъ, зло, причиняемое неорганизованностью зажиточнаго потребителя, очевидно. Эта неорганизованность отражается на рабочемъ классѣ, который принужденъ подвергаться потогонной системѣ, являющейся результатомъ погони всѣхъ потребителей за дешевкой. Она дѣлаетъ трудъ рабочаго нерегулярнымъ и негигіеничнымъ. Наконецъ, она является нерѣдко причиной болѣзней, эпидемій и отравленія.

Честь пробужденія среди потребителей отвѣтственности за тяжелыя условія труда принадлежитъ американской женщинѣ, Жозефинѣ

Лоуэль, которую граждане Соединенныхъ Штатовъ прозвали „святой“. Ж. Лоуэль, рано овдовѣвъ, всецѣло отдалась соціальной работѣ. Она взяла на себя роль помощницы семьямъ рабочихъ во время стачекъ. Но она помогала не только матеріально, но и духовно, соглашаясь вести переговоры съ предпринимателями и всячески поддерживая энергію стачечниковъ. Въ ея поведеніи не было ничего такого, что не совмѣщается съ самолюбіемъ рабочихъ. Ей были чужды манеры дамы-патронессы, и это обстоятельство содѣйствовало ея огромной популярности.

Но заслуга Лоуэль не состоитъ только въ этомъ. Гораздо важнѣе то, что она внесла въ жизнь идею новой организаціи, оживила женское движеніе новымъ дѣломъ, которое демократизируетъ это движеніе и приноситъ пользу не однимъ только женщинамъ.

Дѣятельность Лоуэль началась съ организаціи частнаго благотворительнаго общества. Затѣмъ она была назначена однимъ изъ членовъ правительственнаго „отдѣла благотворительности“ въ Нью-Іоркѣ, оказавъ въ этой роли помощь болѣе чѣмъ 5000 безработныхъ во время кризиса 1893 года. Чтобы сдѣлать помощь болѣе раціональной, она организовала метеніе улицъ и оздоровленіе домовъ бѣдняковъ. Особенно сблизилась она съ рабочими во время стачекъ въ Нью-Іоркѣ изготовительницъ перьевъ для украшенія и портныхъ (1894 г.), работающихъ на дому.

На идею учрежденія лиги потребителей ее навело слѣдующее обстоятельство. Въ 1890 году „профессіональный союзъ работницъ“ поручилъ ей руководство анкетой розничныхъ магазиновъ Нью-Іорка.

Эта анкета обнаружила полное пренебреженіе правилами гигіены, пониженіе заработной платы штрафами, несоблюденіе закона о правѣ служащихъ садиться, вотированнаго парламентомъ въ 1881 году. Въ такой эксплуатаціи были виновны не одни только коммерсанты. Оказалось, что покупательницы во многихъ случаяхъ виновнѣе хозяевъ. Своими покупками въ послѣднюю минуту, своею требовательностью по отношенію къ приказчицамъ, своей погоней за дешевкой, покупательница часто заставляетъ коммерсанта переутомлять служащихъ и понижать ихъ заработную плату. Поэтому, не достаточно обнаруживать публикѣ тяжелыя условія приказчичьяго труда, а нужно также указывать пальцемъ на тѣхъ, кто является безсознательнымъ сообщникомъ эксплуататоровъ.

Для достиженія послѣдней цѣли Лоуэль немедленно организовала митингъ, который вотировалъ слѣдующую резолюцію, служащую до сихъ поръ руководствомъ для дѣятельности всѣхъ лигъ:

1) Потребитель долженъ давать себѣ ежедневно отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ и о послѣдствіи каждой своей покупки.

2) Потребитель отвѣтственъ за тяжелое положеніе, въ которомъ находится наемный рабочій. Это онъ падокъ на всякую дешевку, не спрашивая результатомъ чего она является.

3) Поэтому, долгъ потребителя познакомиться съ тѣмъ, при какихъ условіяхъ произведены товары, которые онъ покупаетъ, и требовать, чтобы условія эти были сносны и позволяли рабочему жить съ достоинствомъ.

Чтобы позволить потребителю исполнить свой долгъ элементарной справедливости, образуется комитетъ, который будетъ содѣйствовать женскому профессіональному союзу въ составленіи списка, заключающаго магазины, которые обходятся со своими служащими хорошо. Такимъ образомъ, воздѣйствіе и общественное мнѣніе могутъ поощрять преприниматедей, которые эксплуатируютъ только въ силу конкурренціи, къ улучшенію условій труда.

Выводъ изъ анкеты, а также планъ организаціи соціальныхъ лигъ

принадлежалъ Лоуэль. „Такъ какъ промышленность зависитъ отъ спроса,—разсуждала она,—то слѣдуетъ попытаться увеличить спросъ предметовъ, сдѣланныхъ при благопріятной обстановкѣ. Если торговцы и фабриканты слѣдуютъ нашимъ вкусамъ, что касается моды, то мы можемъ заставить ихъ удовлетворять наши желанія относительно хорошаго обращенія съ приказчиками и рабочими“ *).

Далѣе она аргументировала приблизительно слѣдующимъ образомъ. Въ одиночку наши силы будутъ ничтожны, ибо купецъ не измѣнитъ порядковъ своей фирмы изъ-за одного покупателя. Напротивъ того, группа кліентовъ, соединившихся для преслѣдованія одной цѣли, можетъ рѣшительно проводить свои желанія. Съ другой стороны, мы должны сообщать публикѣ имена и адреса тѣхъ хозяевъ, которые готовы идти на жертвы для улучшенія положенія своихъ служащихъ.

Послѣдняя мысль Лоуэль дала начало такъ называемымъ бѣлымъ спискамъ, представляющимъ въ сущности даровую рекламу добросовѣстныхъ фирмъ, дѣлаемую покупателями.

Прежде чѣмъ составить „бѣлый списокъ“, нужно было выяснить, какія реформы возможны въ магазинахъ. Лоуэль не стала придумывать теоретическаго типа „хорошей фирмы“, а рѣшила держаться того, что уже сдѣлали нѣкоторые большіе магазины Нью-Іорка.

Вотъ что въ формулировкѣ Лоуэль называется „хорошей фирмой“:

Заработная плата.—Хорошей можетъ быть названа та фирма, которая соблюдаетъ принципъ „за одинаковую работу—одинаковая плата“, гдѣ минимумъ заработной платы для взрослыхъ женщинъ равняется 6 долларамъ въ недѣлю, гдѣ плата выдается въ недѣлю разъ, гдѣ штрафы, если они взимаются, идутъ на фондъ въ пользу служащихъ.

Рабочее время.—Хорошей можетъ быть названа та фирма, въ которой рабочій день начинается въ 8 часовъ утра и кончается въ 6 вечера (съ $^3/_4$ часа на обѣдъ), въ которой служащимъ дается еженедѣльно полъ-дня для отдыха, не считая, конечно, праздниковъ, а въ теченіе года двухмѣсячный отпускъ лѣтомъ, наконецъ, хороша та фирма, гдѣ сверхъ-урочный трудъ оплачивается.

Гигіеническія условія.—Хорошей можетъ быть названа та фирма, гдѣ комнаты, предназначенныя для ѣды, отдыха и работы отдѣлены другъ отъ друга и удовлетворяютъ требованіямъ гигіены, гдѣ законъ о правѣ служащихъ садиться соблюдается.

Другія условія.—Хорошей можетъ быть названа та фирма, гдѣ между хозяиномъ и служащими установлены человѣческія отношенія, гдѣ вѣрная многолѣтняя служба вознаграждается, какъ слѣдуетъ, гдѣ не служатъ дѣти моложе 14 лѣтъ.

Съ небольшимъ количествомъ сотрудниковъ Лоуэль всецѣло посвятила себя осуществленію программы, произведя разслѣдованія въ магазинахъ Нью-Іорка, посылая тысячи писемъ для ознакомленія купцовъ съ лигой. Естественно, что въ началѣ она натолкнулась на препятствія. Одно изъ нихъ было даже совсѣмъ неожиданнымъ. Нашлась хорошая фирма, которая не захотѣла фигурировать въ бѣломъ спискѣ. Тѣмъ не менѣе, Лоуэль включила и ее въ списокъ.

Благодаря своей энергіи, она преодолѣла всѣ затрудненія. Въ 1891 году восемь магазиновъ фигурировали въ бѣломъ спискѣ. Это какъ разъ соотвѣтствовало желанію Лоуэль и ея помощницы Натанъ: начать съ небольшого количества магазиновъ, чтобы на нихъ развить свою силу. И будущее показало, что она была права. Изъ маленькаго

---

*) Цитировано по H. Bruhnes. Ligues sociales d'acheteurs. Paris, 1907, стр. 6.

зерна выросло большое дерево, развѣтвленія котораго покрыли цѣлый рядъ столицъ.

Въ 1897 году возникли лиги потребителей въ Филадельфіи, Бостонѣ и Чикаго. Всѣ эти и другія лиги преслѣдуютъ тѣ же цѣли, что и нью-іорскская, но вмѣстѣ съ тѣмъ каждая изъ нихъ обращаетъ свое особое вниманіе на что нибудь одно. Такъ, лиги въ Филадельфіи и Бруклинѣ покровительствуютъ больше всего женщинамъ и подросткамъ, занятымъ продажей тканей. Лига въ Чикаго покровительствуетъ дѣтямъ, ея первый бѣлый списокъ, появившійся въ 1897 году, содержалъ 30 магазиновъ, которые не имѣли служащихъ моложе 16 лѣтъ и закрывались въ 6 часовъ вечера.

Въ 1898 году возникла лига потребителей въ Массачузетсѣ, которая, въ отличіе отъ прежнихъ, не ограничилась одними торговцами, а обратила свое вниманіе также на фабрикантовъ. Впрочемъ, большинство старыхъ лигъ около этого же времени тоже расширили сферу своего вліянія. Воздѣйствуя на продолжительность труда и гигіену магазиновъ, гдѣ продаются товары, онѣ логически должны были дойти до мѣстъ ихъ производства.

Такое расширеніе сферы дѣятельности лигъ привело къ очень важному послѣдствію: къ федераціи всѣхъ мѣстныхъ лигъ, по той простой причинѣ, что нѣкоторые товары, продаваемые въ Нью-Іоркѣ, фабрикуются въ Пенсильваніи, или, напримѣръ, магазины Чикаго могутъ получать товары изъ Нью-Іорка.

Изъ этого слѣдуетъ, что, напримѣръ, инспектора нью-іоркской лиги должны имѣть право входа на фабрики другихъ штатовъ, и что различныя лиги должны имѣть одинаковыя правила относительно мастерскихъ и фабрикъ. Далѣе нужно, чтобы члены лигъ могли отличать въ магазинахъ товары, производимые на фабрикахъ, рекомендуемыхъ лигами. Этой цѣли хорошо служатъ марка или лэбель, которыми отмѣчаются тотъ или другой товаръ.

Въ 1899 году въ Нью-Іоркѣ учредилась (Лоуэль въ это время уже не было въ живыхъ) федерація лигъ Нью-Іорка, Пенсильваніи, Иллинойса, Массачузетса подъ названіемъ „Національной лиги“.

Требованія, представляемыя послѣднею фабрикантамъ, таковы:

1) Соблюденіе законовъ о защитѣ рабочихъ.

2) Запрещеніе найма дѣтей моложе 16 лѣтъ.

3) Рабочій день, не превосходящій 10 часовъ въ день или 50 часовъ въ недѣлю. Никто не долженъ работать послѣ 9 часовъ вечера и до 6 часовъ утра.

4) Мастерскія и фабрики должны подчиняться ревизіи представителей или инспекторовъ лигъ и проводить указываемыя ими улучшенія.

Чтобы публика умѣла узнавать и требовать товары, производимые при хорошихъ условіяхъ, лиги снабжаютъ фабрикантовъ, включенныхъ въ бѣлые списки, особыми марками, которыя могутъ быть отняты, если обнаружится, что фабрикантъ пересталъ соблюдать поставленныя ему условія.

Въ виду невозможности включенія въ списки всѣхъ фабрикантовъ, „Національная лига“ ограничила свои усилія нѣсколькими родами фабрикъ, подобно тому, какъ мѣстныя лиги простираютъ свою власть не на всѣ магазины. Выбираются фабрики, на которыхъ больше работаютъ женщины: мастерскія бѣлья, корсетовъ, поясовъ, юбокъ и т. д. Въ качествѣ же представительницы „Національной лиги“ разъѣзжаетъ и осматриваетъ фабрики и мастерскія въ различныхъ штатахъ г-жа Келлей, состоявшая прежде на государственной службѣ въ Иллинойсѣ въ роли фабричнаго инспектора.

Въ 1899 году 5 фабрикъ заключили условіе съ „Національной

лигой“ и получили право пользоваться ея маркой. Въ 1902 году въ бѣломъ спискѣ „Національной лиги“ стояло уже 34 фабрики, магазиновъ же въ спискѣ одной только нью-іоркской лиги было 39. Всего же лигъ было 14 въ тринадцати штатахъ Сѣверной Америки.

Въ мартѣ 1902 года имѣлъ мѣсто въ Нью-Іоркѣ первый конгрессъ „Національной лиги“, который показалъ, что это дѣло, несмотря на то, что руководительницами его являются дамы изъ буржуазіи, отъ которыхъ оно требуетъ матеріальныхъ жертвъ, имѣетъ будущее.

Въ самомъ дѣлѣ, развитіе „Національной лиги“ въ слѣдующіе годы не остановилось. Въ 1905 году въ „Національную лигу“ входило уже 63 мѣстныхъ лиги; 60 фабрикъ включены въ бѣлый списокъ „Національной лиги“, и 50 магазиновъ фигурируютъ въ спискѣ самой большой изъ мѣстныхъ лигъ, нью-іоркской.

Въ настоящее время американскія лиги, во имя человѣческой солидарности, хорошо защищаютъ отъ эксплуатаціи хозяевъ не только дѣтей и женщинъ, но также потребителей—отъ фальсификаціи пищевыхъ продуктовъ и заразы, которую носятъ въ себѣ предметы, сдѣланные въ грязныхъ помѣщеніяхъ.

Анкеты лигъ производятся такъ умѣло, что фабричные инспектора ищутъ ихъ помощи. Бываетъ, что показанія лигъ требуются и принимаются во вниманіе на судѣ. Кромѣ того, мнѣніе ихъ принимается во вниманіе при дополненіяхъ и измѣненіяхъ въ соціальномъ законодательствѣ.

Напримѣръ, благодаря лигѣ въ Нью-Іоркѣ, законъ о работѣ на дому нью-іоркскаго штата обогатился весьма важнымъ параграфомъ: „торговцы обязаны имѣть списокъ съ именами и адресами лицъ, работающихъ на нихъ у себя на дому; копія этого списка должна представляться фабричному инспектору“.

Нью-Іоркскіе инспектора имѣютъ право наблюденія за мастерскими на дому и могутъ остановить работу въ случаѣ нечистоплотности, переполненія и заразительныхъ болѣзней.

Важность такого параграфа, уничтожающаго промышленную анонимность, станетъ понятной всякому, кто глядя на выставки магазиновъ готоваго платья, съ ужасомъ спрашивалъ себя, въ какихъ берлогахъ и за какую плату шьется мужское и женское платье.

„Національная лига“ потребителей находитъ скрытыя злоупотребленія, которыя поддерживаютъ потребители въ силу своей беззаботности. Она проникаетъ не только въ магазины и фабрики, а также взяла на себя борьбу съ потогонной системой, открывая передъ потребителями картину эксплуатаціи работниковъ на дому.

Особенно энергичной становится пропаганда лигъ подъ Рождество, когда покупатели особенно затрудняютъ приказчиковъ, приказчицъ и рабочихъ, пригнавъ всѣ свои покупки и заказы къ праздникамъ. Съ ноября мѣсяца лиги вывѣшиваютъ свои объявленія въ трамваяхъ, почтовыхъ отдѣленіяхъ и т. д., напоминая покупателямъ, что они должны дѣлать свои покупки заранѣе такъ, чтобъ не заставлять служащихъ и рабочихъ переутомляться въ послѣдніе дни передъ Рождествомъ и Новымъ годомъ. Подъ вліяніемъ лигъ священники произносятъ проповѣдь на эту тему, рекомендуя дѣлать закупки въ началѣ декабря.

II.

Въ Англіи не имѣется лигъ потребителей въ виду колоссальнаго развитія потребительныхъ обществъ. За то въ ея колоніи, въ Австраліи, онѣ довольно развиты. Достойны вниманія лиги потребителей въ колоніи Викторіи, борющіяся главнымъ образомъ съ потогонной системой. Инспектора лигъ не встрѣчаютъ тамъ почти никакихъ затрудненій,

ибо фирмы нерѣдко сами просятъ объ изслѣдованіи условій труда у нихъ для того, чтобы удостоиться попасть въ бѣлый списокъ.

Примѣру американскихъ лигъ на континентѣ Европы впервые послѣдовало въ декабрѣ 1902 года нѣсколько парижанокъ, передъ тѣмъ занимавшихся традиціонной благотворительностью. Онѣ начали съ обслѣдованія мастерскихъ своихъ портнихъ, причемъ, вопреки ожиданіямъ, не встрѣтили со стороны хозяекъ сопротивленія. Нѣкоторыя изъ нихъ очень тяготились дамской привычкой заказывать платья чуть ли не наканунѣ, затѣмъ заставлять крайне усталыхъ портнихъ передѣлывать ихъ и т. д.

Къ концу 1903 года нашлось уже болѣе 20 хозяекъ портнихъ и модистокъ, сочувствовавшихъ цѣлямъ лиги.

На основаніи анкетъ, произведенныхъ въ ихъ мастерскихъ, были выработаны слѣдующія правила лиги:

1) Никогда не дѣлать заказовъ, не спросивъ заранѣе, не поведетъ ли это къ работѣ ночью или въ воскресенье.

2) Избѣгать заказовъ въ послѣднюю минуту, особенно въ моменты особаго оживленія.

3) Отказываться отъ пріема готоваго заказа послѣ 7 часовъ вечера и въ воскресенье, чтобы не быть косвенной виновницей удлинненія рабочаго дня для посыльныхъ, приказчицъ и ученицъ.

4) Платить счета регулярно и безъ опозданій“.

Послѣ этого лига приступила къ вербованію членовъ и взиманію взносовъ. Она нашла довольно много сочувствующихъ не только въ средѣ буржуазныхъ дамъ, но и интеллигенціи, литераторовъ, ученыхъ и даже среди вожаковъ рабочихъ. Назовемъ профессоровъ-экономистовъ парижскаго университета, Р. Жэ, П. Ковеса, Ж. Блонделя, литераторовъ Ж. Альфаса, Леви и вожака могучей профессіональной федераціи рабочихъ печатнаго дѣла Кефера. Послѣдній соціалистическій вожакъ настолько оцѣнилъ вновь возникшую лигу, что записалъ въ ея члены также и свою федерацію.

Парижская лига, несмотря на свою слабость, не является слѣпой подражательницей американскихъ лигъ. Она обратила свое вниманіе на кондитерскія, прачечныя, на помѣщенія домашней прислуги.

Не ограничиваясь обслѣдованіемъ названныхъ заведеній и помѣщеній, она занимается общимъ воспитаніемъ покупателей-потребителей, издавая журналъ и особенно листовки. Остановимся на томъ, что намъ не встрѣчалось при ознакомленіи съ американскими лигами.

Вотъ, напримѣръ, въ январѣ 1905 года парижская лига выпустила слѣдующую прокламацію **противъ безработицы**:

„Послѣ переутомленія конца года наступаетъ зимній мертвый сезонъ: январь и февраль.

Если хозяйки мастерскихъ платья и бѣлья почти не имѣютъ работы въ январѣ и февралѣ, то это **наша вина**.

Если хозяйки въ разгаръ зимы разсчитываютъ много работницъ, то это **наша вина**.

Если эти работницы страдаютъ отъ холода и голода, то это **наша вина**.

Итакъ сохранимъ часть нашихъ заказовъ для января и февраля“ *).

Не ограничиваясь моральной проповѣдью, парижская лига матеріально содѣйствуетъ мастерской для безработныхъ швеекъ, въ ко-

---

*) Bulletin de la Ligue sociale d'Acheteurs. Paris, 4 trimestre 1906 стр. 166.

торой въ мертвый сезонъ работаетъ около 300 человѣкъ. Эта мастерская организована профессіональнымъ союзомъ швеекъ.

Въ августѣ 1906 года лига выпустила другую прокламацію съ содержаніемъ новымъ и для Америки.

„Не нанимайте квартиры, не осмотрѣвъ комнаты для прислуги, не осмотрѣвъ кухни, не осмотрѣвъ помѣщенія швейцара.

Помѣщенія прислуги, швейцаровъ или дворниковъ и кухни, плохо устроенныя и содержимыя, забытыя всѣми, начиная съ домовладѣльца и кончая квартирантами,—мстятъ за такое преступное пренебреженіе ими, дѣлаясь очагами туберкулоза, угрожающаго обитателямъ всего дома".

Въ ноябрѣ 1906 года открылось отдѣленіе лиги въ Марселѣ, которое, между прочимъ, приняло рѣшеніе заказывать визитныя карточки, объявленія, книги и т. п. только въ тѣхъ типографіяхъ, гдѣ рабочіе профессіонально организованы.

Марсельское отдѣленіе лиги съ первыхъ же шаговъ проявило много энергіи, организовавъ обслѣдованіе кондитерскихъ, мелочныхъ лавокъ, молочныхъ съ цѣлью выяснить, соблюдаютъ ли онѣ законъ о воскресномъ отдыхѣ, условія труда и гигіены. Первый бѣлый листъ былъ составленъ въ Марселѣ совмѣстно съ профессіональнымъ союзомъ наборщиковъ.

Вслѣдъ за Франціей послѣдовала Швейцарія, гдѣ въ февралѣ 1906 года возникла лига потребителей съ центромъ въ Бернѣ. Эта лига, подобно другимъ, рекрутируетъ большинство своихъ членовъ среди женщинъ, спеціально среди тѣхъ, которыя уже участвуютъ въ женскихъ обществахъ.

Въ февралѣ 1907 года учредилась лига покупателей въ Берлинѣ. Въ президіумѣ этой лиги состоятъ, между прочимъ, профессоръ Э. Франке, редакторъ извѣстнаго экономическаго журнала „Sociale Praxis" и г-жа Диренфуртъ, изслѣдовательница положенія работницъ. Въ ноябрѣ 1907 года въ бѣломъ листѣ лиги числилось 50 фирмъ, а за первый семестръ дѣятельности удалось привлечь 297 членовъ, не считая цѣлыхъ обществъ, вошедшихъ въ лигу. Уже при учрежденіи лиги 17 ферейновъ заявили о своемъ согласіи дѣйствовать среди своихъ членовъ въ духѣ лиги. Это, по бо́льшей части, женскія благотворительныя, феминистскія и профессіональныя общества. Пять такихъ обществъ съ 25.000 членовъ уже сдѣлались членами лиги.

20 сентября 1907 года лига созвала большое народное собраніе, гдѣ одинъ мужчина и двѣ женщины говорили за закрытіе магазиновъ въ 8 часовъ вечера *)

Что касается внутренней организаціи самой лиги, то она очень проста. Установленъ минимальный предѣлъ членскаго взноса, равняющійся 1 маркѣ въ годъ. Для обществъ минимальный членскій взносъ опредѣленъ въ 5 марокъ. Правленіе выбирается общимъ собраніемъ членовъ на 2 года и состоитъ изъ трехъ предсѣдателей, трехъ секретарей, двухъ казначеевъ и, по меньшей мѣрѣ, 5 кандидатовъ.

Отношеніе къ берлинской лигѣ покупателей со стороны профессіональной организаціи рабочихъ, несмотря на участіе въ ней аристократіи, не дурное, что видно изъ отзыва центральнаго органа свободныхъ профессіональныхъ союзовъ „Correspondezblatt der Gewerkschaften", проявившагося вскорѣ послѣ учрежденія лиги.

Наконецъ, въ апрѣлѣ 1908 года образовалась лига потребителей въ Вѣнѣ, какъ послѣдствіе непрекращающейся дороговизны продуктовъ.

*) Geschäftsbericht des Käuferbundes, 23 November 1907, стр. 7.

Такимъ образомъ, вѣнская лига ставитъ себѣ еще одну цѣль, преслѣдуемую также потребительными обществами, борьбу съ дороговизной. Предсѣдатель лиги въ своей рѣчи на первомъ собраніи заявилъ, что въ послѣднія три десятилѣтія законодательство и администрація совершенно забыли о потребителяхъ и послѣднимъ остается вступить на путь самопомощи *).

Вѣнская лига ставитъ, между прочимъ, своей задачей пропаганду улучшенія подвоза съѣстныхъ припасовъ въ Вѣну и вообще въ большіе города, пропаганду полезныхъ, но еще не признанныхъ всѣми, пищевыхъ продуктовъ, контроль надъ рыночными цѣнами, улучшеніе организаціи продажи на рынокъ и согласованіе дѣятельности съ потребительными обществами.

Такой широкій планъ дѣятельности вѣнской лиги превратитъ ее въ вполнѣ демократитеское учрежденіе, въ которомъ будутъ играть роль не только однѣ женщины, но и мужчины.

Вообще же лиги цѣнны потому, что даютъ до сихъ поръ инертной и не организованной женщинѣ всѣхъ классовъ возможность принести пользу въ знакомой для нея сферѣ. Въ лигахъ потребителей въ отличіе хотя бы отъ обществъ для достиженія равноправія, женщина перестаетъ быть односторонней, ибо ей въ связи съ организаціей покупательной силы приходится интересоваться рабочимъ вопросомъ, фабричнымъ законодательствомъ, соціальной гигіеной, профессіональной организаціей и коопераціей. Чѣмъ являются лиги покупателей, какъ не первымъ шагомъ въ области коопераціи. Роль лигъ скромна, но отъ нихъ до потребительнаго общества всего одинъ шагъ. Беря на себя воспитаніе невѣжественныхъ и не сознающихъ своей мощи потребителей, лиги, если онѣ быстро разрастутся теперь, могутъ оказать большую услугу кооперативному движенію.

В. Тотоміанцъ.

Отвѣты.

— **Подп. М. И. Воробьеву.** Учебникъ пчеловодства Л. А. Потѣхина, ц. 60 к., можно выписать черезъ насъ.

Подп. № 33694 и др. Правила для испытаній на званіе учителя уѣздн. училища и домашн. учителя: „Лица, не имѣющія свидѣтельства объ окончаніи полнаго курса въ среднемъ уч. заведеніи, подвергаются полному испытанію: изъ главнаго предмета—въ объемѣ гимназич. курса, а изъ общихъ и вспомогательныхъ—въ объемѣ курса уѣзднаго училища (ст. 5 и 11 Высоч. утв. 22 апр. 1868 г. мн. госуд. сов.). Главный предметъ выбирается по желанію экзаменующагося.—Лица, имѣющія упомянутыя свидѣтельства, подвергаются сокращенному испытанію, т. е. только изъ главныхъ предметовъ, избираемыхъ самими испытуемыми. Окончившіе курсъ учительскихъ семинарій и шести классовъ реальныхъ училищъ подвергаются испытанію въ полномъ объемѣ.

Подп. Н. Полницкому. Адресъ К. Фламмаріона: „Societé astronomique" Paris. Онъ состоитъ предсѣдателемъ этого общества.—Наша „Настол. Энц." вполнѣ замѣнитъ энциклоп. словарь.—Свѣдѣнія о томъ, какъ дешевле устроить телескопъ, найдете въ № 4 „В. З.", въ отвѣтѣ подп. Полякову (стр. 110).

Подп. № 20948. Адресъ журналовъ: „Домашній докторъ", ц. 1 р. 20 к. въ годъ, и „Попул. литератур. Медицин. журнала" ц. 4 р. (оба подъ ред. д-ра Окса).—СПБ., Морская, 27.

Подп. А. Должонскому. Коммерческій Институтъ Моск. О-ва распростр. Коммерч. Образованія въ Москвѣ — высшее учебное заведеніе, имѣющее два отдѣленія или факультета: экономическій и коммерческо-техническій. Институтъ является высшею школою естеств.-истор., техническихъ и коммерческихъ знаній, дающею научную подготовку для изученія и эксплуатаціи естественныхъ богатствъ Россіи, для самостоятельнаго участія въ экономической, торговой и промышленной жизни страны и для спеціальныхъ предметовъ въ коммерческихъ учебныхъ заведеніяхъ.

*) См. органъ австрійскихъ потребительныхъ обществъ „Der Konsumverein". Wien, 8 April 1908.

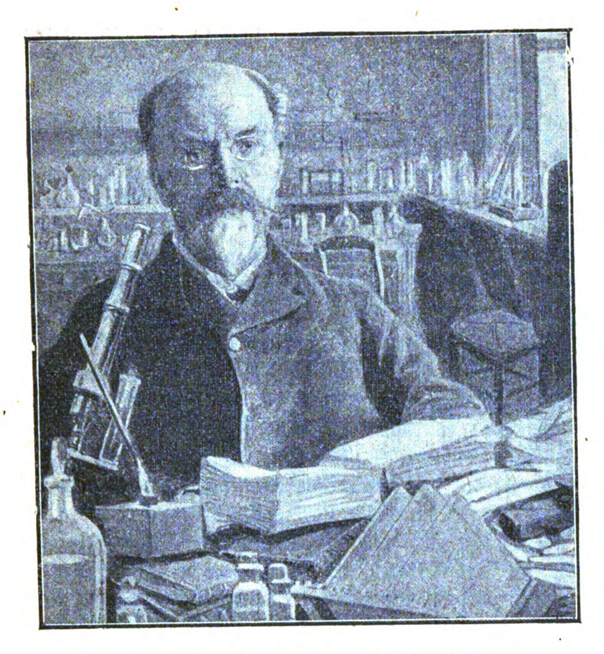

Рис. 1. Проф. Липпманъ въ своей лабораторіи.

Проф. Невенгловскій.

Цвѣтная фотографія.

Хотя и ста лѣтъ не прошло съ тѣхъ поръ, какъ открыто фотографированіе, но главнѣйшіе факты, на которыхъ оно основано, были замѣчены еще въ XVI столѣтіи. Такъ, напр., потемнѣніе хлористаго серебра подъ вліяніемъ свѣта было замѣчено впервые алхимикомъ Фабриціемъ. Съ другой стороны, появленіе изображеній, или отпечатковъ, въ темной комнатѣ было замѣчено еще въ среднихъ вѣкахъ нѣкіимъ Мороли: внутри совершенно темной комнаты, куда свѣтъ проникаетъ черезъ единственное отверстіе, продѣланное въ оконной ставнѣ, на противоположной стѣнѣ появляются изображенія предметовъ, помѣщенныхъ снаружи, передъ отверстіемъ. Позднѣе, около 1560 года, неаполитанскій физикъ Порта, повторяя эти опыты, внесъ въ нихъ значительныя усовершенствованія: онъ сталъ вставлять въ отверстіе двояковыпуклое, т. е. обычное увеличительное, стекло. Вслѣдствіе этого нововведенія отпечатки получались болѣе точными и болѣе ясными: въ нихъ ярко выступало даже то, что люди не замѣчали раньше вовсе или считали неинтереснымъ. Затѣмъ, явилось естественное желаніе: нельзя ли закрѣпить надолго эти преходящія изображенія темной комнаты, со всѣми ихъ качествами, т. е. ихъ форму, ихъ движенія и ихъ цвѣта.

Послѣ открытія дагерротипіи явилась увѣренность, что воспроизведеніе цвѣтовъ вполнѣ возможно. Дагерръ сдѣлалъ въ этомъ направленіи нѣсколько опытовъ, которые, правда, не увѣнчались успѣхомъ, но сами по себѣ оказались очень поучительными и интересными. Изучая явленія фосфоресценціи, онъ открылъ порошокъ, который, будучи подвергнутъ предварительно дѣйствію лучей краснаго свѣта, удерживалъ потомъ способность издавать красный свѣтъ. Затѣмъ, онъ нашелъ другой порошокъ, который, подъ вліяніемъ синяго свѣта, фосфоресцировалъ синимъ свѣтомъ. При такихъ же условіяхъ найденъ былъ и третій порошокъ, фосфоресцировавшій зеленымъ свѣтомъ. Затѣмъ, говоритъ Араго, „онъ смѣшалъ всѣ эти порошки механически въ однородный порошокъ, который обладалъ оригинальной способностью: на красномъ становиться краснымъ, на синемъ—синимъ и на зеленомъ—зеленымъ“. Затѣмъ, когда Дагерръ въ фотографическомъ аппаратѣ экспонировалъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ пластинку, покрытую этимъ смѣшаннымъ порошкомъ, то оказалось, что при изслѣдованіи въ темнотѣ эта пластинка давала—правда—скоро преходящее, но все-таки цвѣтное изображеніе тѣхъ предметовъ, которые помѣщались передъ аппаратомъ. Здѣсь мы видимъ первый зародышъ того метода, о которомъ скажемъ дальше, и который мы будемъ называть трихромнымъ методомъ, т. е. методомъ трехъ цвѣтовъ.

Только въ 1848 г. академику Эдмонду Беккерелю впервые удалось, наконецъ, получить настоящую цвѣтную фотографію. Въ качествѣ чувствительнаго слоя, онъ бралъ посеребренную мѣдную пластинку или хорошо отполированную серебряную пластинку, на поверхности которой онъ вызывалъ образованіе очень тонкаго слоя хлористаго серебра. На такой пластинкѣ цвѣта воспроизводились превосходно, но, къ сожалѣнію, ихъ не могли фиксировать (закрѣплять, сохранять); полученныя такимъ образомъ фотохромы (цвѣтныя изображенія) для сохраненія приходилось держать въ темнотѣ.

Лишь сорокъ три года спустя, послѣ этихъ опытовъ Беккереля, проблема прямого фотографированія цвѣтовъ была, наконецъ, разрѣшена. Въ февралѣ 1891 г. проф. Липпманъ представилъ Академіи Наукъ первую цвѣтную фотографію спектра, которую можно было сохранять даже при полномъ свѣтѣ.

Методъ Липпмана состоитъ въ слѣдующемъ. Внутрь свѣточувствительнаго слоя вводится нѣкоторое количество серебра—съ структурой, аналогичной структурѣ тѣхъ перламутровъ яркихъ цвѣтовъ, которые жители Востока извлекаютъ изъ раковинъ устрицъ для инкрустаціи своихъ знаменитыхъ перстней. Эти перламутры образуются изъ ряда параллельныхъ пластиночекъ, раздѣленныхъ интервалами, заполненными или водой, или воздухомъ; интервалы эти, какъ и толщина самихъ пластинокъ, такъ малы, что въ одномъ миллиметрѣ помѣщается нѣсколько тысячъ такихъ пластинокъ. Пройдя всѣ эти листочки и отразившись на послѣднемъ къ поверхности слоѣ, свѣтъ, наконецъ, доходитъ до глаза наблюдателя и даетъ знакомую всѣмъ картину великолѣпной перламутровой радужности. Цвѣтъ зависитъ отъ величины интерваловъ, раздѣляющихъ двѣ послѣдовательныя пластинки.

Чтобы получить такую структуру внутри свѣточувствительнаго слоя, Липпманъ пользуется плоскимъ зеркаломъ, образованнымъ изъ ртутной поверхности [1]).

Практическое примѣненіе цвѣтной фотографіи по такъ называемому интерферренціальному методу проф. Липпмана въ теченіе многихъ лѣтъ было очень затруднительно. Въ настоящее же время множество фотографовъ очень легко достигаютъ прекрасныхъ результатовъ. Въ продажѣ уже имѣются многочисленные образцы ртутныхъ касетъ. Съ другой стороны, Е. Ротэ [2]) показалъ, что интерферренціальныя фотохромы можно получить и безъ ртутной касеты, съ помощью любого фотографическаго аппарата. Прежде приходилось каждый разъ приготовлять самому прозрачную свѣточувствительную эмульсію, теперь же имѣются фабриканты,—правда, ихъ пока немного,—которые снабжаютъ фотографовъ пластинками, спеціально приготовленными по интерферренціальному методу.

Какъ ни замѣчательны опыты Липпмана по своимъ практическимъ результатамъ, они еще болѣе замѣчательны въ другомъ отношеніи: его открытіе явилось не дѣломъ случая; оно было слѣдствіемъ глубокихъ теоретическихъ соображеній

---

[1]) Каждый лучъ свѣта, проходя всю толщу чувствительной пластинки прокладываетъ свойственную ему одному волнистую норку, соотвѣтствующую длинѣ свѣтовой волны, раздвигая при этомъ по сторонамъ заключающееся въ пластинкѣ серебро.

Если послѣ того проявить и фиксировать пластинку, т. е. фиксировать серебро, то въ формѣ этихъ норокъ мы получимъ закрѣпленные слѣды волнъ, черезъ которые могутъ проходить только лучи данной длины волны, т. е. даннаго цвѣта. При съемкѣ фотографіи въ камерѣ Липпманъ кладетъ пластинку въ касету, задняя сторона которой имѣетъ ртутную поверхность, отражающую всѣ падающіе лучи обратно. Въ этомъ случаѣ, всѣ лучи, продѣлавъ въ толщѣ пластинки соотвѣтствующія волнистыя норки и отразившись отъ ртутнаго зеркала, вновь возвращаются черезъ толщу пластинки, прорывая опредѣленныя соотвѣтствующія углу отраженія норки и образуя своими волнами рядъ узловъ и петель, по строенію очень сходныхъ съ структурой упомянутаго перламутра. И какой бы мы свѣтъ ни направляли потомъ на фиксированную пластинку, образовавшіяся свѣтовыя норки пропустятъ черезъ себя и отразятъ только тѣ лучи, которыми раньше были прорыты эти норки. Отраженный сложный свѣтъ будетъ тоже синтезомъ всѣхъ прежнихъ лучей.

[2]) La Science au XX-e siècle, стр. 62. 1906. *Примѣч. перев.*

и представляетъ истинное торжество чистой науки; оно позволило впервые матеріализировать свѣтовыя волны, теоретическія основы которыхъ были разработаны французскимъ ученымъ Августиномъ Френелемъ.

Прямое фотографированіе цвѣтовъ путемъ приспособленія.

Интерферренціальный методъ воспроизводитъ лишь кажущіеся цвѣта, т. е. видимые только подъ опредѣленнымъ угломъ. Но уже при самомъ началѣ фотографированія многіе старались получить дѣйствительные цвѣта, производимые явленіями поглощенія разныхъ лучей свѣта; старались найти и приготовить такое свѣто-чувствительное вещество, которое было бы способно воспроизводить непосредственно всѣ цвѣта оригинала, которое принимало бы цвѣтъ того свѣтового луча, который на него дѣйствуетъ. Первыхъ результатовъ на этомъ пути удалось достичь Пуатвену.

Въ 1881 году поэту Шарлю Кросу пришла счастливая мысль—взять, въ качествѣ чувствительнаго слоя, смѣсь трехъ пигментовъ, соотвѣтственно окрашенныхъ въ три основные цвѣта: пигментъ синій, обезцвѣчивающійся подъ дѣйствіемъ оранжеваго свѣта, пигментъ красный, обезцвѣчивающійся подъ дѣйствіемъ зеленаго свѣта, и пигментъ желтый, обезцвѣчивающійся подъ дѣйствіемъ сине-фіолетоваго свѣта; эти три пигмента онъ располагалъ въ разныхъ порядкахъ то другъ надъ другомъ, то другъ подъ другомъ. Напр., онъ клалъ на стекло коллодій, окрашенный картаминомъ (растительной краской) въ красный цвѣтъ; когда этотъ слой засыхалъ, онъ накладывалъ слой желатина, окрашеннаго филлоціаниномъ въ синій цвѣтъ, и, наконецъ, послѣдній слой состоялъ изъ коллодія съ примѣсью куркумы, или индійскаго шафрана, придающаго коллодію желтый цвѣтъ. Теперь представимъ себѣ, что приготовленная такимъ образомъ чувствительная поверхность выставляется на солнце, но не прямо, а подъ защитой прозрачной ширмочки, окрашенной въ разныхъ частяхъ тремя цвѣтами: зеленымъ, фіолетовымъ и оранжевымъ. Свѣтъ, проникающій черезъ зеленыя мѣста ширмочки, т. е. свѣтъ, заключающій въ себѣ только зеленые лучи, пройдетъ сквозь слой желтаго коллодія и сквозь слой синяго желатина, не произведя въ нихъ никакого измѣненія, но онъ будетъ поглощенъ третьимъ слоемъ краснаго коллодія, который вслѣдствіе этого обезцвѣчивается. Значитъ, подъ зелеными мѣстами оригинала останутся только желтый да синій цвѣта, а смѣсь желтаго съ синимъ даетъ именно зеленый цвѣтъ. Такимъ же точно образомъ позади фіолетовыхъ мѣстъ получается фіолетовый цвѣтъ, позади оранжевыхъ — оранжевый цвѣтъ. Позади прозрачныхъ, но неокрашенныхъ мѣстъ ширмочки, всѣ три слоя одинаково обезцвѣтятся, и въ результатѣ мы увидимъ бѣлый цвѣтъ. Если въ оригиналѣ имѣются черныя мѣста, то подъ ихъ вліяніемъ всѣ три окрашенныхъ слоя останутся неизмѣнными, и ихъ смѣсь дастъ въ результатѣ почти черный цвѣтъ.

Механизмъ образованія цвѣтовъ на такихъ чувствительныхъ поверхностяхъ способныхъ отпечатываться, принимая окраску того свѣта, который на нихъ, падаетъ,—сталъ изучать въ 1895 г. Отто Винеръ. Въ результатѣ своихъ работъ онъ пришелъ къ заключенію, что идеальнымъ цвѣто-чувствительнымъ слоемъ было бы черное поглощающее вещество, составленное изъ различныхъ поглощающихъ веществъ, числомъ не менѣе трехъ, при чемъ каждое изъ нихъ поглощало бы всѣ цвѣта, кромѣ одного, и само измѣнялось бы подъ вліяніемъ поглощенныхъ цвѣтовъ. При дѣйствіи на такой слой простого окрашеннаго свѣта неизмѣннымъ осталось бы только соотвѣтствующее ему окрашивающее вещество. Сложный свѣтъ обезцвѣчивалъ бы—частью или цѣликомъ—или всѣ три окрашивающія вещества, или только два изъ нихъ.

Пользуясь указаніями Винера, сначала Эмиль Валло, а потомъ братья Люмьеры приговили именно такіе цвѣточувствительные слои, но оказалось, съ одной стороны, ихъ воспріимчивость была слишкомъ медленна, а съ другой—полученныя изображенія нельзя было фиксировать.

Тотъ же Винеръ показалъ, что такого рода приспособленіе цвѣточувстви-

тельной поверхности къ цвѣту того свѣта, который на нее падаетъ, представляетъ полную аналогію съ нѣкоторыми физіологическими явленіями, хорошо извѣстными естествоиспытателямъ. Кожа многихъ животныхъ въ концѣ концовъ, всегда принимаетъ окраску той среды въ которой они живутъ.

Гусеница Eupithecia oblongata, представляющая великое разнообразіе цвѣтовъ, питается цвѣтками, и ея окраска переходитъ въ красный, желтый, зеленый или сѣрый цвѣтъ, смотря по окраскѣ тѣхъ цвѣтовъ, которыми она питается.

Куколки Lanaïs Chrysippus, обыкновенно зеленыя, становятся бѣлыми, красными, оранжевыми, черными или синими, когда выкармливаются въ помѣщеніи, обтянутомъ бѣлой, красной, оранжевой, черной или синей бумагой.

По мнѣнію Отто Винера, подъ кожей этихъ животныхъ имѣется своего рода цвѣточувствительный слой, такъ что фотографу остается только послѣдовать примѣру природы и приготовить такія чувствительныя поверхности, которыя позволили бы воспроизводить цвѣта предметовъ.

Способъ фотографированія цвѣтовъ путемъ приспособленія—до извѣстной степени еще дѣло будущаго. Но и теперь можно сказать, что только этотъ способъ дѣйствительно даетъ возможность воспроизводить на бумагѣ цвѣтныя фотографическіе снимки, полученные на автохромныхъ, т. е. само-окрашивающихся или подобныхъ, пластинкахъ. Остается пожелать только, чтобы этотъ способъ сталъ предметомъ новыхъ и дальнѣйшихъ изслѣдованій.

Мы ни мало не удивимся, если желанное рѣшеніе вопроса найдутъ какъ разъ при изученіи явленій воспроизведенія пигментовъ у живыхъ существъ подъ вліяніемъ свѣта. Укажемъ среди этихъ пигментовъ на пурпуръ Энгельмана, развивающійся у окрашенныхъ пурпуромъ бактерій, и на хлорофиллъ, развивающійся подъ дѣйствіемъ нѣкоторыхъ лучей свѣта.

Прямое фотографированіе цвѣтовъ путемъ цвѣтового разсѣянія.

Въ своемъ сообщеніи Академіи Наукъ, сдѣланномъ въ 1906 г., проф. Липманъ показалъ, что для полученія фотографическихъ снимковъ, воспроизводящихъ цвѣта оригинала, необходимы два условія: 1) Чувствительная пластинка должна сохранять,—закрѣпить въ себѣ,—всѣ особенности отличій, существующихъ между различными радіаціями, которыя обыкновенно являются въ одномъ и томъ же падающемъ лучѣ; 2) для того, чтобы падающій свѣтъ могъ быть потомъ вновь воспроизведенъ съ его прежнимъ цвѣтомъ, необходимо, чтобы употребляемая система (пластинка) обладала свойствомъ давать обратное движеніе разнымъ радіаціямъ, дабы вновь получить синтезъ элементарныхъ цвѣтовъ.

Послѣ этихъ общихъ соображеній Липманъ задается вопросомъ: нельзя ли всякое физическое явленіе, позволяющее отличать другъ отъ друга два элементарныхъ цвѣта, положить въ основу системы прямого фотографированія цвѣтовъ? Не можетъ ли, напримѣръ, обычное цвѣторазсѣяніе въ спектроскопѣ послужить въ данномъ случаѣ для рѣшенія проблемы прямого фотографированія цвѣтовъ? Послѣ нѣсколькихъ опытовъ *) Липманъ убѣдился, что его соображенія вѣрны.

Андрей Шеронъ, простой любитель, не знавшій этихъ важныхъ предпосылокъ, незнакомый съ изслѣдованіями Липмана, одновременно съ послѣднимъ задумался надъ тѣмъ же вопросомъ и въ концѣ концовъ достигъ столь интересныхъ результатовъ, что намъ остается только удивляться его остроумію.

Его первоначальный аппаратъ состоялъ: изъ темной стереоскопической камеры, изъ двухъ стереоскопическихъ объективовъ, изъ двухъ бердъ (или ткацкихъ „основъ“ изъ металлическихъ нитей), изъ двухъ собирающихъ лучи въ фокусѣ, чечевицеобразныхъ стеколъ, за которыми слѣдовали соотвѣтственно двѣ призмы и два другіе стереоскопическіе объектива.

*) Эти опыты были описаны въ La Science au XX siècle, 1907.

Чтобы легче понять, какъ функціонируетъ этотъ остроумный аппаратъ, мы разсмотримъ только одну половину его (рис. 2). Объективъ O_1 отбрасываетъ на основу Tr (основа состоитъ изъ непрозрачныхъ нитей въ $^5/_{30}$ миллиметра толщ., съ прозрачными промежутками въ $^1/_{30}$ меллиметра, общая картина представляетъ видъ зубовъ частаго гребешка) изображеніе того предмета, который хотятъ фотографировать, съ его окраской. Возьмемъ и разсмотримъ четыре слѣдующіе другъ за другомъ прозрачные интервалы r, j, b, v въ основѣ Tr и предположимъ, что части снимаемаго предмета, проходящія въ четыре прозрачные интервала, окрашены въ разные цвѣта,—въ красный, желтый, бѣлый и фіолетовый цвѣта. Красный цвѣтъ, пройдя интервалъ r, пройдетъ затѣмъ черезъ объективъ O_2 и призму Pr и дастъ на пластинкѣ Pl красное изображеніе r_1, потому что тотъ же красный лучъ будетъ только отклоненъ немного призмой. То же случится и съ желтымъ свѣтомъ, прошедшимъ въ интервалъ j: онъ получится на фотографической пластинкѣ въ точкѣ j_1; тоже случится и съ фіолетовымъ, который, пройдя интервалъ v, упадетъ на пластинку въ v_1. Что касается до бѣлаго цвѣта, проникшаго черезъ интервалъ b,—онъ тоже пройдетъ, какъ и всѣ другіе, черезъ объективъ O_2 и призму Pr, но такъ какъ онъ сложный свѣтъ, то при прохожденіи черезъ призму онъ не просто отклонится, а разсѣетъ всѣ составные лучи свои въ формѣ обычнаго спектра и, значитъ, ляжетъ на фотографической пластинкѣ не въ одной точкѣ, а на пространствѣ r^1—v^1.

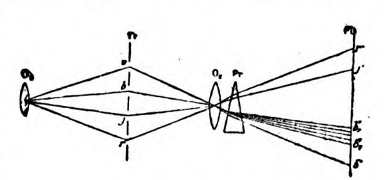

Рис. 2. Принципъ цвѣтной фотогр. по методу цвѣтового разсѣянія. O_1—объективъ; Tr основа; O_2 объективъ; Pr призма; Pl чувств. пластинка.

Вынемъ теперь эту фотографическую пластинку, проявимъ, фиксируемъ и высушимъ ее; затѣмъ, съ этого негатива приготовимъ позитивъ на стеклѣ и вставимъ его въ аппаратъ какъ разъ на то мѣсто, гдѣ была чувствительная пластинка Pl. Если мы теперь черезъ объективъ O_1 пропустимъ на рѣшетчатую основу Tr одинъ бѣлый свѣтъ, то свѣтовые пучки, проходящіе черезъ прозрачные интервалы r, j, b и v, пройдя дальше черезъ призму, дадутъ на позитивѣ—каждый изъ нихъ—полный спектръ (ибо всѣ они—пучки бѣлаго свѣта). И не смотря на это, если наблюдателя поставить позади позитива, то онъ не увидитъ этихъ спектровъ—кромѣ одного, произведеннаго бѣлымъ лучемъ, проникшимъ черезъ щель b. Изъ всего спектра щели r наблюдатель увидитъ только красный цвѣтъ, такъ какъ всѣ остальные цвѣта спектра будутъ закрыты непрозрачными мѣстами позитива. То же произойдетъ и со спектрами изъ щелей j и v: наблюдатель увидитъ тамъ соотвѣтственно только желтый и только фіолетовый свѣтъ. Рисунокъ 3 представляетъ одинъ изъ лучшихъ позитивовъ, полученныхъ вышеуказаннымъ способомъ. Прелесть изображенія ослабляется, къ сожалѣнію, признаками клѣтокъ сѣтки, которую употреблялъ, Шеронъ, подобно тому, какъ это дѣлается при гравюрахъ, и, кромѣ того, замѣтны еще линіи употреблявшейся имъ рѣшетчатой основы.

Рис. 3. Часть изображенія, полученнаго по методу Шерона. (увелич.).

Какъ ни велики результаты, добытые съ помощью такого примитивнаго аппарата, однако, для полной побѣды нужно еще много поработать.

Главный недостатокъ при практическомъ примѣненіи этого способа цвѣтной фотографіи заключается въ трудности получить спектры одинаковой

ясности и отчетливости. Для устраненія этого недостатка нужно добиться того› чтобы пучокъ свѣта встрѣчалъ призму подъ угломъ наименьшаго отклоненія; кромѣ того, чтобы добиться возможно совершенной отчетливости каждаго изъ спектровъ, нужно, чтобы свѣтовые лучи, достигнувъ призмы, образовывали не коническій пучекъ, а пучекъ изъ параллельныхъ лучей.

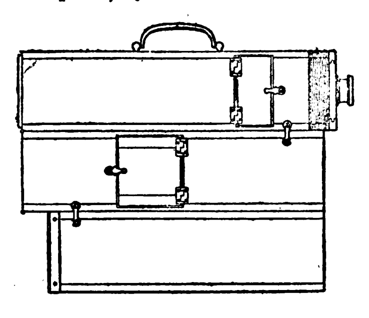

Рис. 4. Новый аппаратъ Шерона въ разобранномъ видѣ.

Обдумавъ разные способы рѣшенія такой задачи, Андрэ Шеронъ избралъ самый простѣйшій. Онъ состоитъ въ томъ, что примѣняется объективъ очень большого фокуснаго разстоянія — для отраженія на фотографической пластинкѣ изображенія, пропущеннаго черезъ рѣшетчатую основу, и для того, чтобы это отброшенное изображеніе помѣстилось цѣликомъ въ области отчетливыхъ спектровъ, образованныхъ свѣтовыми лучами, встрѣчающими призму подъ угломъ наименьшаго отклоненія или, по крайней мѣрѣ, подъ угломъ, очень близкимъ къ послѣднему.

Можно, напр.,—говоритъ Шеронъ,—воспользоваться объективомъ около 240 миллиметровъ фокуснаго разстоянія. Рѣшетчатая основа Tr и пластинка Pl должны находиться соотвѣтственно на двойномъ фокусномъ разстояніи отъ этого объектива. Если мы возьмемъ разстояніе въ 48 сантиметровъ, то разстояніе отъ основы до второго объектива и разстояніе отъ второго объектива до фотогра-

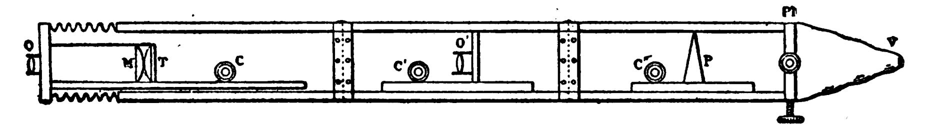

Рис. 5. Аппаратъ Шерона въ дѣйствіи.
O—первый объективъ; O'—второй объективъ; M—конденсаторъ; P—призма, V—окошечко; C, C', C''=колесики.

ческой пластинки должны быть каждое—въ 48 сантиметровъ. Если это среднее разстояніе увеличить только на 10 сант. (для того, напр., чтобы получить снимокъ въ 6×6), то для образованія изображенія такихъ размѣровъ: при отбросѣ его изъ перваго объектива на основу Pl—безъ чего обойтись никакъ нельзя,—намъ потребовался бы аппаратъ непомѣрно большихъ размѣровъ; 1 метръ 10 сант. длины на 9 сант. ширины. Но если при помощи зеркалъ или призмъ полнаго отраженія, заставить свѣтовые лучи два раза или въ два пріема, пропутешествовать внутри аппарата, то этотъ аппаратъ уже не потребуетъ столь большихъ размѣровъ : для стереоскопическаго формата 6×18, размѣръ аппарата можно сократить до сравнительно небольшой величины : 38×20×17 сант.

Прежде чѣмъ приступить къ постройкѣ такого, сокращенныхъ размѣровъ, аппарата—чего достигнуть было нелегко,—Шеронъ началъ свои опыты съ аппаратомъ въ 1 м. 10 сант. длины, приладивъ его такъ, чтобы онъ могъ дѣлиться на три куска для болѣе удобной переноски (рис. 4). И результаты получились довольно многообѣщающіе: при легкомъ перемѣщеніи глаза во внѣшнемъ окошечкѣ не получается ни малѣйшаго расхожденія *) цвѣтовъ; нанесеніе и фиксація

*) Въ обыкновенномъ стереоскопѣ оба глаза смотрятъ одновременно въ два отдѣльныя окошечка и на двѣ отдѣльныя одинаковыя картинки, и тѣмъ не менѣе должно получиться впечатлѣніе одной картины. Если же замѣчается раздвоеніе, или расхожденіе, впечатлѣніе портится. Расхожденіе это происходитъ или отъ неправильнаго расположенія стеколъ (окошечекъ), или отъ неправильной постановки и расположенія картинокъ. Въ аппаратѣ Шерона наблюдатель смотритъ однимъ глазомъ и въ одно окошечко; здѣсь важно добиться того, чтобы не получалось расхожденія цвѣтовъ при легкихъ передвиженіяхъ глаза въ предѣлахъ площади окошечка, или „глазка". *Примѣч. перев.*

цвѣтовъ на позитивѣ совершаются быстро и легко; наконецъ, такъ какъ рѣшетчатая основа отражается почти безъ всякаго увеличенія, то линіи ея почти незамѣтны.

Этотъ методъ, надъ усовершенствованіемъ котораго еще до сихъ поръ работаетъ Шеронъ, вѣроятно, возможно будетъ комбинировать съ новымъ способомъ стереофотографіи, основаннымъ тоже на употребленіи рѣшетчатыхъ основъ. Этотъ способъ недавно былъ очень основательно разработанъ Эстеваномъ *).

Непрямое фотографированіе красокъ по такъ называемому трихромному методу.

Въ то время, какъ одни ученые тщетно старались получить прямое фотографированіе цвѣтовъ, примѣняя способы Беккереля, Ніэпса, Сенъ-Виктора и Пуатвена,—другіе силились разрѣшить проблему цвѣтной фотографіи непрямымъ, обходнымъ путемъ.

Одинъ изъ первыхъ опытовъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ въ Royal Institute (въ Англійской Академіи Наукъ въ Лондонѣ) 5/17 мая 1681 года Кларкомъ Максвелемъ. Но лишь въ 1867 году два француза,—Шарль Кро и Луи Дюкосъ-дю-Горонъ, незнавшіе другъ друга, по странному совпаденію, сдѣлали сообщеніе и демонстрировали принципъ трехцвѣтнаго способа цвѣтной фотографіи—въ одномъ и томъ же засѣданіи французскаго Фотографическаго Общества. Первый, т. е. Шарль Кро, извѣстенъ больше, какъ поэтъ,—его стихи и до сихъ поръ считаются классическими. Второй же, Луи Дюкосъ-дю-Горонъ, замѣчателенъ тѣмъ, что ему первому пришла идея о кинематографѣ.

Принципъ трихромнаго метода (или метода трехъ цвѣтовъ) основанъ на слѣдующемъ явленіи: Если изслѣдовать спектръ небольшого протяженія, то получается впечатлѣніе, что онъ состоитъ не изъ семи цвѣтовъ радуги, а только изъ трехъ: изъ оранжево-краснаго, изъ зеленаго и изъ сине-фіолетоваго. Максвель еще раньше показалъ, что взятая въ разныхъ пропорціяхъ смѣсь изъ этихъ трехъ основныхъ цвѣтовъ, соотвѣтствующихъ, повидимому, органамъ воспріятія цвѣтовъ на нашей ретинѣ,—можетъ вопроизводить какъ бѣлый, такъ и всякій другой окрашенный свѣтъ **).

И вотъ, вмѣсто того, чтобы разлагать свѣтъ, исходящій отъ окрашенныхъ, или цвѣтныхъ областей оригинала, на всѣ цвѣта спектра—какъ это дѣлается при способѣ, основанномъ на цвѣтовомъ разсѣяніи,—Шарль Кро и Луи Дюкосъ-дю-Горонъ задумали разложить цвѣта оригинала только на три элемента. Вмѣсто того, чтобы примѣнять систему призмъ, линзъ и рѣшетчатыхъ основъ, они прибѣгли къ содѣйствію экрановъ, или ширмъ, играющихъ роль своего рода свѣтовыхъ фильтровъ. Этихъ экрановъ числомъ три; изъ нихъ одинъ пропускалъ только оранжево-красный свѣтъ, другой—только зеленый свѣтъ, и третій—только сине-фіолетовый свѣтъ.

Приготовивъ такіе экраны, или ширмочки, начинаютъ снимать съ оригинала послѣдовательно три негатива: первый негативъ снимается такъ, чтобы на чувствительную пластинку дѣйствовалъ только оранжевый свѣтъ, идущій отъ оригинала, такъ какъ всякій другой свѣтъ перехватывается экраномъ, помѣщеннымъ впереди или позади объектива, или же передъ самой чувствительной пластинкой. Второй негативъ, благодаря такому же употребленію зеленаго экрана, восприметъ только зеленый свѣтъ оригинала; и наконецъ третій негативъ тѣмъ же пріемомъ приметъ фіолетовый свѣтъ оригинала.

Разъ мы получили такимъ способомъ три отдѣльныхъ негатива съ одного и того же оригинала, мы можемъ теперь приступить къ соединенію, къ синтезу цвѣтовъ оригинала. Сдѣлать это можно двоякимъ образомъ:

*) См. La Science au XX Siècle, 1907, p. 57.

**) Это свѣтовое или цвѣтовое явленіе и легло въ основу теоретическаго обоснованія такъ называемой школы художниковъ-экспрессіонистовъ и декадентовъ. *Примѣч. перев.*

1) Приготовимъ изъ этихъ трехъ негативовъ, полученныхъ соотвѣтственно отъ дѣйствія оранжеваго, зеленаго и фіолетоваго свѣта, три позитива на стеклѣ и затѣмъ,—или просто положимъ ихъ другъ на друга, или же на одно и то же мѣсто отбросимъ отраженіе ихъ. Этотъ способъ называется оптическимъ синтезомъ. Придумывалось много фокусовъ для созданія хромоскоповъ, предназначенныхъ для оптическаго синтеза. Первый изъ нихъ былъ придуманъ тѣмъ же Дюкось-дю-Гороном. Изъ числа другихъ ухищреній стоитъ упомянуть оригинальный люмьеровскій способъ: вмѣсто накладыванія другъ на друга или отраженія на одномъ мѣстѣ всѣхъ трехъ одноцвѣтовыхъ позитивовъ, передъ глазами зрителя пропускаются послѣдовательно, постоянно и очень быстро всѣ три негатива; накладываніе цвѣтовъ другъ на друга или размѣщеніе ихъ совершается такимъ образомъ не на стеклахъ и не внѣ наблюдателя, а на самой ретинѣ его глаза, вслѣдствіе продолжительныхъ свѣтовыхъ впечатлѣній (фиг. 6).

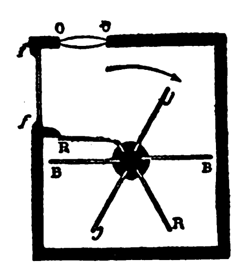

Рис. 6. Люмьеровскій хромоскопъ.

OO окуляръ, ff окно для освѣщенія мокрохромъ I, B, R, B′ и R′

2.) Сдѣлаемъ изъ тѣхъ же трехъ негативовъ три позитива, но только не на стеклѣ, а на тончайшихъ гибкихъ и прозрачныхъ пленкахъ, соотвѣтственно окрашенныхъ въ синій, желтый и красный цвѣта, и затѣмъ всѣ три пластинки наложимъ другъ на друга. Такой пріемъ называется пигментарнымъ синтезомъ. Достигается онъ множествомъ способовъ — фотохимическихъ или фотомеханическихъ. Въ этомъ случаѣ, каждая монохрома (т. е. пластинка, пропускающая только одинъ цвѣтъ) должна быть окрашена въ цвѣтъ дополнительный къ цвѣту той ширмы, которой пользовались для полученія соотвѣтствующаго негатива: негативъ съ краснымъ цвѣтомъ получается позади зеленой ширмы, синій негативъ—позади оранжевой и желтый—позади фіолетовой ширмы. Такимъ образомъ, если при пигментарномъ синтезѣ цвѣта получаются путемъ вычитаній свѣта, то при оптическомъ синтезѣ тотъ же результатъ достигается путемъ сложеній свѣта.

Трихромный методъ имѣетъ то неудобство,—особенно при употребленіи обычнаго фотографическаго аппарата,—что приходится послѣдовательно получать три отдѣльныхъ негатива. Для устраненія этого неудобства придумано множество хромографовъ, которые даютъ возможность получать всѣ три негатива сразу. Какъ на одинъ изъ самыхъ раннихъ и въ тоже время самыхъ простыхъ, можно указать на хромографъ Цинка (рис. 7 и 8), аналогичный хромометру, описанному Кро: Изображеніе, принятое объективомъ O, отражается послѣдовательно тремя плоскими зеркалами M, M′, M″ (изъ коихъ два первыя M и M′— прозрачныя) на три обыкновенныя чувствительныя поверхности BB, VV, и RR, соотвѣтственно приспособленныя для полученія синяго желтаго и краснаго цвѣтовъ; передъ ними соотвѣтственно помѣщены экраны: сине - фіолетовый, желто - зеленый

Рис. 7. Внѣшній видъ хромографа Цинка.

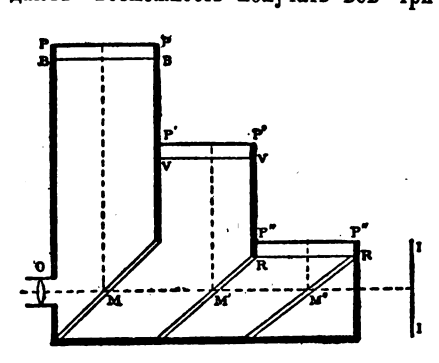

Рис. 8. Разрѣзъ хромографа-хромоскопа Цинка.

BB синій экранъ; PP позитивъ синяго; VV зеленый экранъ; P′P′ позитивъ зеленаго; RR красный экранъ; P″P″ позитивъ краснаго; JJ видимое изображеніе, полученное отъ сложенія трехъ монохромъ; M, M′ M″—зеркала

и красно-оранжевый. Этимъ аппаратомъ можно пользоваться на двое, какъ угодно: онъ позволяетъ не только получать отдѣльно три негатива, но получать и синтезъ трехъ цвѣтныхъ позитивовъ, иначе сказать—онъ, по желанію, можетъ служить и хромографомъ, и хромоскопомъ.

Непрямое фотографированіе цвѣтовъ на одной чувствительной поверхности; автохромія, или самооцвѣчиваніе

При первыхъ же опытахъ съ трихроміей многіе старались упростить эту процедуру, нанося отдѣльные цвѣта прямо на одинъ негативъ. Первому пришла въ голову эта мысль Луи Дюкосъ-дю-Горону въ 1869 г. Онъ сталъ наводить на прозрачной пластинкѣ чрезвычайно тонкія черточки, рядышкомъ, не закрывая одну другою,—послѣдовательно: фіолетовыя, зеленыя и оранжевыя, и при томъ такія тонкія и частыя, что въ одномъ сантиметрѣ помѣщалось по двадцати штукъ каждаго цвѣта, т. е. по шестидесяти черточекъ въ сантиметрѣ. Прежде чѣмъ отпечатлѣться на обычной чувствительной пластинкѣ, вставленной въ фотографическую камеру, свѣтъ проникалъ сквозь эту трехцвѣтную сѣтку, или рѣшетку, поставленную передъ чувствительной поверхностью. Когда изъ негатива, такимъ образомъ полученнаго, былъ сдѣланъ позитивъ на стеклѣ, его приходилось разсматривать черезъ такую же трехцвѣтную рѣшетку. И оно все бы ничего, но, въ виду цѣлаго ряда параллельныхъ линій, предметъ уподоблялся звѣрю въ клѣткѣ, котораго публика видитъ сквозь толстую рѣшетку. Дѣлать было нечего, пришлось разочароваться и поискать — нельзя ли сдѣлать какъ-нибудь лучше, наприм., увеличить число этихъ маленькихъ элементарныхъ экрановъ.

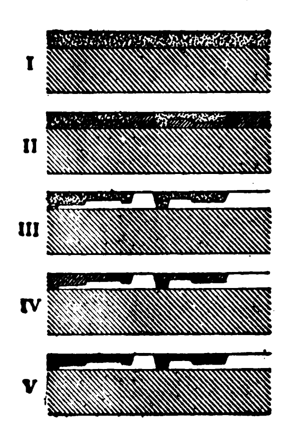

Рис. 9. Разрѣзъ автохромной пластинки, показывающій различныя фазы манипуляціи.

Этого впервые добились Люмьеры; имъ удалось очень счастливо разрѣшить эту довольно трудную задачу. И посмотрите, какъ они это просто сдѣлали. Они растерли въ пыль простой картофельный крахмалъ и стали съ помощью лупы подбирать мельчайшія зернышки, діаметръ которыхъ былъ отъ десяти до пятнадцати тысячныхъ миллиметра. Отобранныя такимъ образомъ зернышки-пылинки представляли 3% первоначальнаго крахмала. Затѣмъ эти зернышки они раздѣлили на три равныхъ части: одну часть окрасили въ фіолетовый цвѣтъ, другую—въ зеленый и третью въ оранжевый. Потомъ, высушивши ихъ, смѣшали однообразно всѣ вмѣстѣ, и получилась смѣсь—нейтральная, свѣтло-сѣрая масса. Затѣмъ они разсыпали эту смѣсь на поверхности стекляной пластинки съ смолистой крышкой,—для того, чтобы ни одно зернышко не оставалось лежащимъ на другомъ. Замѣченные интервалы, или промежутки, заполняли черными, непрозрачными зернами, а чтобы не осталось рѣшительно ни одного, даже малѣйшаго промежутка, весь этотъ слой ставили подъ прессъ и сплющивали всѣ зернышки [1]).

Оказалось, что въ одномъ квадратномъ миллиметрѣ помѣщается около 8.000 такихъ окрашенныхъ зернышекъ, т. е. на пластинкѣ въ 13×18 ихъ помѣщается 185.000.000 штукъ. Открывъ приготовленную такимъ образомъ трехцвѣтную сѣтку, на нее выливаютъ панхроматическую эмульсію, т. е. обычную фотографическую эмульсію, чувствительную ко всѣмъ свѣтовымъ лучамъ. Приготовленная такимъ образомъ чувствительная пластинка вставляется для съемки въ фотографическій аппаратъ, при чемъ стекляная т. е. чистая или голая, сторона пластинки обращается къ объективу. Послѣ съемки остается только проявить пла-

[1]) La Science au XX siécle 1904, p. 146, и 1907, p. 347.

стинки, чтобы получить воспроизведеніе, но отнюдь не цвѣтовъ самого оригинала, а лишь дополнительныхъ къ нимъ цвѣтовъ.

Казалось бы, что полученное такимъ путемъ изображеніе могло служить своего рода цвѣтовымъ негативомъ, и что съ помощью обычной фотографической копировальной рамки можно приготовить позитивъ на другой такой же точно пластинкѣ, чтобы получить, наконецъ, цвѣта самого оригинала. Ничего подобнаго! А тутъ подвертывается еще новое затрудненіе: послѣ проявленія пластинку, оказывается, фиксировать нельзя, т. е.—неподвергшееся дѣйствію свѣта бромистое серебро не растворяется; напротивъ, растворяется серебро, возстановленное проявителемъ, и составляющее темныя мѣста изображенія. Такимъ образомъ получаютъ позитивное изображеніе, но оно очень слабой интенсивности, такъ какъ темныя мѣста его образованы бромистымъ серебромъ. Тогда, при полномъ свѣтѣ, погружаютъ его въ энергичный проявитель, возстановляющій бромистое серебро, которое затѣмъ замѣщается болѣе непрозрачнымъ—металлическимъ серебромъ; цвѣта становятся болѣе ясными, но все еще не вполнѣ, вслѣдствіе зеленоватаго оттѣнка—если посмотрѣть на свѣтъ—отъ присутствія этого возстановленнаго серебра; исправляютъ это тѣмъ, что физическимъ способомъ увеличиваютъ толщину отложенія серебра. Послѣ этого цвѣта проявляются во всемъ своемъ блескѣ, и, чтобы придать имъ полную чистоту, достаточно обезцвѣтить слой эмульсіи, обыкновенно однообразно окрашенный вслѣдствіе всѣхъ этихъ операцій, и наконецъ—удалить, посредствомъ промыванія въ обычной фиксажной ваннѣ, небольшіе остатки невозстановленнаго бромистаго серебра.

Само собой разумѣется, что всѣ вышеописанныя операціи гораздо скорѣе и легче продѣлать, чѣмъ описать: благодаря огромной проницаемости тонкаго слоя чувствительной эмульсіи, продолжительность всѣхъ этихъ операцій не превосходитъ двадцати минутъ. Такимъ образомъ, **автохромія** доступна теперь всякому, кто умѣетъ проявлять пластинки.

Одна изъ погрѣшностей автохромныхъ пластинокъ заключается въ ихъ недостаточной прозрачности. Дѣло въ томъ, что полихромный (многоцвѣтный) экранъ поглощаетъ въ себя $^{9}/_{10}$ падающаго свѣта, вслѣдствіе чего времени для экспозиціи при автохроміи требуется больше, чѣмъ при обыкновенномъ фотографированіи, и, чтобы получить цвѣтной фотографическій снимокъ, приходится обязательно прибѣгать къ очень сильному свѣтовому источнику. Намъ извѣстно, что Люмьеры обратили особое вниманіе на это неудобство и въ настоящее время готовятъ какой-то новый способъ полученія полихромной сѣтки, на изобрѣтеніе которой они недавно взяли даже патентъ: это дастъ имъ возможность выдѣлывать болѣе прозрачныя пластинки, а какъ только фабрикація дихромныхъ (двухцвѣтныхъ) пластинокъ окажется возможной, онѣ тотчасъ же появятся на рынкѣ.

Въ настоящее время нѣтъ никакихъ средствъ воспроизводить множественныя копіи изображеній, полученныхъ на автохромной пластинкѣ, кромѣ воспроизведенія въ темной камерѣ на автохромной же пластинкѣ да воспроизведенія трихромнымъ методомъ на трехъ отдѣльныхъ пластинкахъ. Единственный методъ, который, принципіально, можетъ быть примѣненъ для полученія копій путемъ простого соприкосновенія,—это изобрѣтеніе **цвѣточувствительной** бумаги, которая давала бы цвѣта путемъ обезцвѣчиванія. Остается только пожелать, чтобы въ этомъ направленіи были сдѣланы надлежащія изслѣдованія.

Заключеніе.

Резюмируя все вышеизложенное, можно сказать, что въ настоящее время существуютъ два дѣйствительно практическіе способа цвѣтного фотографированія: интерференціальный методъ проф. Липпмана и трихромный методъ съ перетасовкой цвѣтовъ на такой одной чувствительной поверхности, какой является автохромная пластинка.

Интерференціальный методъ,—несмотря на значительный прогрессъ, совершившійся съ 1891 года,—въ практическомъ отношеніи операція очень деликатная, требующая необыкновенной тонкости; и кромѣ того, каждая операція даетъ только одно изображеніе, съ котораго нельзя снимать другихъ копій. Но разъ это одно изображеніе вышло удачно, результатъ получается прямо поразительный.

Можемъ ли мы упрекать этотъ методъ за то, что онъ требуетъ всякій разъ спеціальнаго дѣйствія свѣта для воспроизведенія каждой фотограммы?—„Если множественность имѣетъ свои выгоды—говоритъ Дюкосъ-дю-Горонъ въ своей книгѣ La Triplice photographique des couleurs et l'imprimerie,—то и рѣдкостность имѣетъ тоже свои достоинства. Пусть спросятъ обладателя картины, написанной великимъ художникомъ: желаетъ ли онъ, чтобы его картина имѣла по всему свѣту множество двойниковъ? Отвѣтъ его не трудно предугадать: онъ будетъ открещиваться и руками, и ногами. Несомнѣнно, верховная сила во множествѣ расплодила розу, названную царицею цвѣтовъ; но та же верховная сила закопала въ землю на чудовищную глубину и заставила тамъ одиноко лежать брильянтовые камни".

Трихромный методъ примѣняется теперь довольно широко во всѣхъ фотографическихъ мастерскихъ для производства фотографическихъ клише, приготовляемыхъ для иллюстрацій въ книгахъ.

Что касается до трихромнаго метода, упрощеннаго примѣненіемъ автохромной пластинки, то онъ теперь же дѣлаетъ цвѣтную фотографію доступной всякому любителю-фотографу, который при первыхъ же опытахъ можетъ достигнуть удовлетворительныхъ результатовъ. Въ тотъ день, когда будетъ найденъ хорошій цвѣточувствительный слой для быстрой съемки и средства фиксировать полученныя на немъ изображенія, печатаніе на бумагѣ множественныхъ копій съ автохромъ станетъ очень легкимъ, и проблема цвѣтной фотографіи будетъ окончательно разрѣшена.

Отъ редакціи.

Цвѣтная фотографія идетъ впередъ такими быстрыми шагами, что мы считаемъ нужнымъ, въ дополненіе къ изложенію автора, привести здѣсь слѣдующее сообщеніе инженеръ-технолога С. А. Вершова объ успѣхахъ ея въ самое послѣднее время:

„Теперь недалеко то время, когда, вмѣсто обыкновенныхъ, мы будемъ имѣть снимки съ передачей всѣхъ цвѣтовъ, оттѣнковъ и нюансовъ. Я былъ свидѣтелемъ моментальныхъ снимковъ, которые послѣ проявленія давали поразительную точность естественныхъ цвѣтовъ—съ передачей всѣхъ оттѣнковъ. Я видѣлъ готовые снимки на стеклѣ и фарфорѣ—лицъ, цвѣтовъ и спектровъ, и всѣ они поражали естественностью передачи.

Будучи немного знакомъ съ люмьеровскимъ способомъ полученія цвѣтныхъ снимковъ, я былъ тѣмъ болѣе пораженъ новымъ открытіемъ молодого изслѣдователя, В. Лундина, изъ Страсбурга.

Открытіе г. Лундина значительно отличается отъ люмьеровскаго способа. Помимо богатства оттѣнковъ, способъ Лундина имѣетъ еще слѣдующія преимущества: 1) снимокъ дѣлается безъ желтаго стекла, а это, помимо того, что даетъ возможность получить болѣе правильные оттѣнки, уменьшаетъ экспозицію раза въ четыре; 2) пластинка обращена своимъ чувствительнымъ слоемъ прямо къ свѣту, т. е. ее не надо переворачивать, какъ у Люмьера, благодаря чему можно получить снимки и на бумагѣ; 3) нужны всего двѣ ванны, и способъ проявленія ничѣмъ не отличается отъ таковаго же для обыкновенныхъ пластинокъ. Въ теченіе 10 минутъ пластинки готовы къ сушкѣ; 4) можно дѣлать моментальные снимки, такъ какъ чувствительность пластинокъ равняется 25°—26° Варнерке.

Изъ вышеизложеннаго видно, что открытіе г. Лундина даетъ возможность получать цвѣтныя фотографіи такъ же быстро и удобно, какъ обыкновенныя. На лундиновскихъ цвѣтныхъ пластинкахъ легко снимать, и онѣ одинаково быстро проявляются, какъ и обыкновенныя. А потому надо считать, что открытіе г. Лундина должно произвести полный переворотъ въ области фотографіи. Вотъ почему хотѣлось бы обратить вниманіе ученыхъ и изслѣдователей на труды Лундина, такъ какъ его открытіе обѣщаетъ сдѣлать цвѣтную фотографію доступной широкой массѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ принести не мало заслугъ и чистой наукѣ.

Отвѣты.

Подп. А. Блинову. Экзамены на званіе уѣзднаго учителя производятся въ особомъ испытательномъ комитетѣ — въ тѣхъ городахъ, гдѣ живетъ попечитель округа, или при гимназіяхъ (или прогимназіяхъ)—въ городахъ, гдѣ таковыя имѣются. Испытанія на званіе уѣзднаго учителя бываютъ полныя и сокращенныя, полное — для лицъ, не окончившихъ курса въ одномъ изъ среднихъ учеб. зав. Имперіи; имѣющіе же аттестаты объ окончаніи курса сред. уч. зав. подвергаются только сокращенному испытанію. Полное испытаніе—это значитъ: изъ главнаго предмета (избираемаго для преподаванія) въ объемѣ гимназическаго курса, а изъ общихъ и вспомогательныхъ—въ объемѣ курса уѣзднаго училища. Сокращенное только изъ главнаго предмета. Прошенія съ выраженіемъ желанія подвергнуться испытанію на званіе уѣзд. уч. подаются на имя попечителя (въ тѣхъ городахъ, гдѣ онъ живетъ) или на имя директора гимназіи или инспектора прогимназіи.

Подп. № 27231. Адресъ журнала „Практикъ Монтеръ“.—СПБ., Невскій, 140.

Подп. В. Августиновичу. Думаемъ, что наша „Энциклопедія“ вполнѣ удовлетворитъ васъ.

Подп. учит. Пустовалову. Совѣтуемъ обратиться въ „Лигу Образованія“ (Петерб. Больш. Конюшенная ул., д. № 1). Возможно, что здѣсь вы получите указанія, гдѣ искать помощи на постройку народной школы. Быть можетъ, и сама Лига, пользующаяся пожертвованіями общества, окажетъ посильную помощь.

Подп. А. Тарабановой. Литература по психологіи очень богата. Укажемъ вамъ нѣсколько книгъ, начиная съ болѣе популярныхъ. Проф. Эльзенгансъ. Психологія и логика. Краткій и популярн. учебникъ. Ц. 35 к.—Проф. Іерузалемъ. Руководство психологіи, ц. 75 к.—Проф. Бэльдуинъ. Психологія. Ц. 60 к.—Проф. Виндельбандъ. Свобода воли, ц. 35 к. —Проф. В. Вундтъ. Психологія и естествознаніе, ц. 40 к.—Эти книги изданы нами и указанныя цѣны — для подписчиковъ „В. З.“. Далѣе: Бехтеревъ В. Психика и жизнь. 1 р. 50 к.—Его же. Объективная психологія, 80 к.—Джемсъ У. Психологія. Изд. 5-е, ц. 2 р. — Махъ Э. Анализъ ощущеній и отношеніе физическаго къ психическому, ц. 75 к.—Челпановъ Г. Мозгъ и душа. 1 р. 50 к.—Его же. Учебникъ психологіи. Изд. 6-е, ц. 1 р.—Гефдингъ. Очеркъ психологіи, основанной на опытѣ. Изд. 5-е. Ц. 1 р. 50 к.—Его-же. Понятіе воли, ц. 30 к.—Штеррингъ. Психопатологія въ примѣненіи къ психологіи. Ц. 1 р. 50 к.

Подп. Нехаеву. Присланная вами рукопись для отдѣла „Познаніе Россіи“—не подходитъ, несмотря на хорошее изложеніе. Обращаемъ ваше вниманіе и вниманіе другихъ нашихъ сотрудниковъ по Познанію Россіи, что здѣсь нужно дѣлиться съ читателями лишь такими интересными свѣдѣніями о мѣстахъ, нравахъ, событіяхъ или достопримѣчательностяхъ, которыя могутъ быть мало извѣстными или совсѣмъ неизвѣстными въ другихъ мѣстностяхъ. Но толки о цвѣтеніи папоротника въ Иванову ночь, и о томъ, что цвѣтъ этотъ помогаетъ отысканію кладовъ, болѣе или менѣе извѣстны по всей Россіи. При описаніи не нужно забывать, что всѣ эти обряды—остатки прежняго идолопоклонства и народныхъ суевѣрій. Вы же описываете все съ такими подробностями и такъ художественно, что большинство неподготовленныхъ читателей можетъ принять ваше описаніе за дѣйствительность. Остатки прежняго идолопоклонства и суевѣрія очень распространены повсюду. Мы ставимъ себѣ задачею—бороться съ суевѣріями, а между тѣмъ, получаемъ массу рукописей, наполненныхъ почти одной „чертовщиной“: домовыми, вѣдьмами, лѣшими, русалками. Описаніе ихъ часто очень живописно, но согласитесь—въ обширной Россіи есть достопримѣчательности болѣе реальныя и болѣе цѣнныя, о которыхъ часто не знаютъ даже очень свѣдущіе люди. Просимъ подписчиковъ и читателей помочь намъ въ этого рода познаніи Россіи.

Подп. № 25924. Имѣется хорошее руководство проф. И. И. Калугина: Искуственный выводъ цыплятъ (Инкубація). Инкубаторы и всѣ принадлежности птицеводства можете выписать изъ с.-х. склада „Земледѣлецъ“. СПБ. Моховая, 42.

Прив.-доц. Г. Г. Швиттау.

Экономическая статистика,

какъ предметъ университетской науки*).

Давно уже установлено, что вообще для человѣка важнѣе что-нибудь сдѣлать, чѣмъ знать, какъ это дѣлать, и потому постоянно практика идетъ впереди теоріи. Это положеніе, которое Зиммель предпосылаетъ одному изъ своихъ соціологическихъ изслѣдованій, въ настоящее время съ полнымъ правомъ можетъ быть приложено къ статистикѣ вообще и экономической статистикѣ въ особенности.

Если признать существованіе научной статистики даже только со времени Адольфа Кетле, и то, по самому скромному счисленію, ей далеко за полстолѣтіе. Возрастъ болѣе чѣмъ достаточный для всякой науки, чтобы она могла прочно занять свое самостоятельное мѣсто въ кругу другихъ научныхъ дисциплинъ.

Между тѣмъ, не только у насъ въ Россіи, но даже и на Западѣ статистика, какъ спеціальный предметъ университетскаго преподаванія почти не существуетъ. Несмотря на цѣлый рядъ крупнѣйшихъ научно-статистическихъ изслѣдованій какъ въ области методологическихъ предпосылокъ, такъ и въ области матеріальнаго анализа, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, существуетъ предразсудокъ считать статистику чѣмъ то въ родѣ прикладного знанія, цѣнность и смыслъ котораго опредѣляются непосредственными задачами государственнаго управленія.

Подобный взглядъ на статистику, мнѣ кажется, служитъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ тормазовъ къ ея преуспѣянію не только въ смыслѣ научнаго творчества, но даже и въ смыслѣ ея приложенія для практическихъ цѣлей. Еще О. Контъ указалъ на тѣсную зависимость практическаго знанія отъ знанія теоретическаго, научнаго; и, открывая въ 1826 г. свой „Курсъ положительной философіи", онъ предупреждалъ своихъ учениковъ, что увлеченіе однимъ практическимъ знаніемъ въ ущербъ научному прежде всего должно отразиться на успѣхѣ ихъ практической дѣятельности.

Невольно по этому поводу вспоминаются слова Герцена: „Безъ науки научной", писалъ онъ Бакунину, „не было бы науки прикладной".

Съ этимъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ меньше всего считалась статистика и ея офиціальные представители.

Въ послѣдніе 30—40 лѣтъ обстоятельства складывались такимъ стран-

*) Вступит. лекція, читанная въ С.-Петербургскомъ университетѣ.

нымъ образомъ, что можетъ казаться, будто какой-то злой геній нарочно задался цѣлью направить всѣ возможныя средства къ тому, чтобы статистика никогда не стала духовнымъ достояніемъ широкихъ слоевъ общества.

Особенно поучительна въ этомъ отношеніи исторія международныхъ статистическихъ конгрессовъ. Создавшіеся по иниціативѣ талантливаго ученаго и изслѣдователя Кетле, эти конгрессы съ самаго своего возникновенія все болѣе и болѣе стали привлекать на свои засѣданія широкіе слои образованнаго общества. Такъ, на первомъ конгрессѣ въ 1853 г. записалось всего 153 чел., но уже на второмъ, въ 1855 г., число членовъ сразу достигло весьма почтенной цифры—751 чел. и на остальныхъ круглымъ счетомъ записывалось до 500 членовъ. Менѣе, чѣмъ черезъ 20 лѣтъ въ 1872 г., междунар. статист., конгрессы вдругъ прекращаютъ свое существованіе, и однимъ изъ основаній къ тому считаютъ, что вслѣдствіе своей популярности и слишкомъ большого наплыва членовъ—что вполнѣ понятно обусловливалось ростомъ интереса къ статистическимъ вопросамъ—эти конгрессы все болѣе теряли „симпатію“ правительствъ тѣхъ странъ, гдѣ они собирались.

На мѣсто междунар. статист. конгрессовъ были учреждены такъ наз. „Постоянныя комиссіи“; членами ихъ состояли почти исключительно представители администраціи, назначаемые соотвѣтствующими правительствами. Но уже черезъ нѣсколько лѣтъ и эти комиссіи, показавъ въ концѣ концовъ свою полную научную несостоятельность, прекращаютъ свое существованіе (въ 1878 г.). Десять лѣтъ не существуетъ никакихъ междунар. статист. учрежденій. Статистика въ каждой странѣ уходитъ на дно административной жизни, и общій интересъ къ ней быстро падаетъ. Возникшее въ 1887 г. очень замкнутое ученое учрежденіе подъ названіемъ „Междунар. Стастист. Института“, совершенно недоступное широкимъ слоямъ общества, не въ состояніи было поднять тотъ всеобщій интересъ къ статистикѣ, какой замѣчался повсюду раньше въ періодъ существованія междунар. статист. когрессовъ.

Такимъ образомъ, статистика, едва успѣвъ возбудить къ себѣ живой интересъ широкихъ соціальныхъ круговъ, спѣшитъ скрыться подальше отъ взоровъ любопытствующихъ и собираемыя ею данныя дѣлаются все болѣе достояніемъ членовъ администраціи и пищей для архивныхъ мышей.

Какъ это ни должно казаться страннымъ, но, несмотря на самыя неблагопріятныя условія для развитія статистической науки, интересъ къ ней въ настоящее время все таки еще значительно сохранился и у не спеціалистовъ-изслѣдователей; въ особенности у насъ, гдѣ одна изъ отраслей статистики, именно наша „земская статистика“, по выраженію покойнаго проф. А. И. Чупрова, „является крупнѣйшимъ факторомъ въ исторіи русскаго обществовѣдѣнія въ послѣднюю четверть вѣка“.

Что этотъ интересъ русскаго общества къ статистикѣ еще существуетъ, тому лучшимъ доказательствомъ можетъ служить, хотя бы, напр., та кипучая дѣятельность, какой отличается всякій разъ подсекція статистики при „Съѣздахъ русскихъ естествоиспытателей и врачей“. *)

И этотъ интересъ *долженъ быть*, и его естественно ожидать, если только хоть на мгновенье остановиться на томъ, что статистика можетъ дать и *несмотря ни на что* даетъ интеллигентному уму, жаждущему болѣе широкаго и глубокаго познанія окружающаго его міра.

Обыкновенно всякая наука въ самомъ своемъ названіи уже заключаетъ хоть нѣкоторое указаніе на природу и предметъ своего изслѣдованія. Но, въ отличіе отъ прочихъ наукъ, въ названіи статистики мы не находимъ ничего, что бы намъ отвѣчало на вопросъ, что является ея предметомъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ, равно какъ и самое понятіе статистики до сихъ поръ еще далеко не установлены. Въ 1863 Рюмелинъ насчитывалъ до 62 раз-

---

*) Въ 1894 г. было 89 чл., на слѣд. въ Кіевѣ 120 и въ 1901 въ Спб. около 370 чл.

личныхъ опредѣленій понятія статистики, а еще раньше, въ 1857 г., Кетле на статистическомъ конгрессѣ въ Вѣнѣ указывалъ на существованіе 180 различныхъ опредѣленій статистики.

За послѣднее время этого рода подсчеты, на сколько мнѣ извѣстно, не производились; но можно смѣло утверждать, что разногласія по этому вопросу скорѣй возросли, чѣмъ сократились.

Критическій разборъ этой статистики опредѣленій статистики выходитъ за предѣлы намѣченной мной темы.

Ближайшая моя задача сводится къ тому, чтобы указать на значеніе статистики, какъ предмета университетскаго преподаванія. Изъ всѣхъ вопросовъ статистики вопросъ объ общей научной цѣнности въ настоящее время мнѣ представляется наиболѣе существеннымъ для насъ, и потому именно на этомъ вопросѣ я бы и хотѣлъ остановить сейчасъ вниманіе читателей.

Но для того, чтобы лучше понять и оцѣнить особенности статистической науки, намъ необходимо нѣсколько остановиться на предметѣ статистики и на ея ближайшихъ, непосредственныхъ задачахъ.

Предметъ статистики—числовое выраженіе соціальныхъ явленій. Въ этомъ отношеніи статистика какъ по характеру изучаемыхъ ею явленій, такъ и по способу ихъ изслѣдованія рѣзко различается отъ наукъ естественныхъ. Это различіе выражается, между прочимъ, въ томъ, что статистическое явленіе противопоставляется родовому явленію, какъ предмету изслѣдованія естественныхъ наукъ.

Родовымъ явленіемъ въ естественныхъ наукахъ называется такое явленіе, которое опредѣляется присущими ему родовыми признаками, т. е. признаки даннаго явленія должны быть общи всему роду этихъ явленій. И въ тѣхъ случаяхъ, когда данное явленіе почему-нибудь отступаетъ по своимъ признакамъ отъ общаго рода, къ которому оно относится, мы называемъ такое явленіе „исключительнымъ“, „уродливымъ“, и оно дѣлается достояніемъ кунсткамеръ, но не служитъ обыкновеннымъ объектомъ естественно-научнаго изслѣдованія.

Такъ, напр., біологъ или физіологъ беретъ отдѣльный экземпляръ какого-нибудь растенія и все, что находитъ изъ своихъ наблюденій и опытовъ, распространяетъ на всѣ экземпляры даннаго вида растеній. Такимъ образомъ, предметъ изслѣдованія единиченъ, а результатъ общій для всего даннаго рода явленій. И въ тѣхъ случаяхъ, когда одновременно или послѣдовательно ведется нѣсколько однородныхъ изслѣдованій, то всѣ эти изслѣдованія всегда носятъ характеръ только повѣрки. Идеальнымъ требованіемъ естественно-научнаго наблюденія, въ этомъ смыслѣ, должно быть, чтобы отношеніе числа наблюденныхъ случаевъ (m) къ случаямъ, относительно которыхъ подмѣчено опредѣленное свойство (m^1), всегда поглощалось, т. е. что бы отношеніе m къ m^1, равнялось единицѣ $\left(\frac{m}{m^1}=1\right)$.

Совершенно инымъ путемъ идетъ процессъ установленія статистическаго явленія. Прежде всего статистика беретъ не единичный экземпляръ или случай, а множество случаевъ или экземпляровъ,—„массу“, потому и самыя явленія, изслѣдуемыя статистикой, называются массовыми явленіями.

Въ статистикѣ принимается за аксіому, что единичное явленіе никогда не служитъ предметомъ статистическаго наблюденія.

Всю массу наблюдаемыхъ случаевъ статистикъ прежде всего расчленяетъ на двѣ группы, смотря по тому, встрѣчается или нѣтъ изслѣдуемое имъ свойство или признакъ явленія. Предположимъ, изслѣдуется явленіе смертности въ дѣтскомъ возрастѣ. Для этого необходимо изъ общаго числа всѣхъ родившихся за данный періодъ выдѣлить число умершихъ до извѣстнаго времени, и отношеніе числа умершихъ къ общему числу родившихся за данный періодъ опредѣляетъ намъ коэффиціентъ смертности опредѣленнаго возраста. Слѣдовательно, въ статистическихъ наблюденіяхъ число наблюденныхъ случаевъ (m^1)—въ данномъ примѣрѣ общее число родившихся за данный періодъ—всегда должно быть

более числа, въ которомъ есть отмѣчаемый признакъ, слѣд., формула статистическаго числа $\frac{m}{m^1}$, гдѣ $m^1 > m$, т. е. мы имѣемъ правильную дробь, въ которой числитель—число случаевъ, обладающихъ даннымъ признакомъ, а знаменатель—общее число наблюденныхъ случаевъ. Но необходимо замѣтить, что эта дробь есть въ то же время выраженіе вѣроятности, такъ какъ подъ вѣроятностью въ математикѣ понимается отношеніе случаевъ, благопріятныхъ данному событію, къ общему числу возможныхъ случаевъ. Такимъ образомъ статистическое явленіе всегда покоится на вѣроятности.

Итакъ, отличительные признаки статистическаго явленія по сравненію съ явленіемъ родовымъ мы находимъ:

во 1-хъ въ процессѣ наблюденія: родовое явленіе можетъ быть установлено при наблюденіи единичнаго случая, статистическое явленіе—только въ результатѣ наблюденія надъ множествомъ, массой случаевъ;

во 2-хъ отличіе статистическаго явленія отъ родового мы находимъ въ самомъ характерѣ этихъ явленій: въ виду того, что статистическое явленіе покоится на вѣроятности,—ему необходимо присущи тѣ элементы, которые характеризуютъ всякаго рода вѣроятность, т. е. элементы: относительность, случайность и возможность.

Другими словами: статистическое наблюденіе оперируетъ преимущественно или исключительно надъ такими фактами или явленіями, по отношенію къ которымъ непосредственно мы не замѣчаемъ никакихъ постоянныхъ зависимостей.

Отсюда, необходимо замѣтить, что въ статистикѣ вовсе не примѣнимъ методъ, который такъ широко практикуется въ другихъ наукахъ, а именно: постепенный анализъ даннаго процесса явленій, въ смыслѣ изслѣдованія шагъ за шагомъ отдѣльныхъ ступеней этого процесса, представляющаго, какъ бы одинъ длинный рядъ постоянныхъ зависимостей.

Это обстоятельство, какъ мы увидимъ дальше, придаетъ особенное значеніе методу, присущему статистикѣ, такъ называемому статистическому методу, основанному на вѣроятности.

Таковы особенности статистическихъ явленій.

Въ тѣсной связи съ ними стоятъ и задачи научной статистики.

Задачи статистики можно расчленить на двѣ основныя группы: формальныя и матеріальныя.

Остановимся сначала на послѣднихъ, которыя въ свою очередь можно подраздѣлить на задачи описательныя и конструктивныя.

Статистика должна прежде всего констатировать фактъ; слѣд., по отношенію къ статистическимъ числамъ эта задача сводится къ установленію ихъ и приведенію ихъ въ опредѣленный порядокъ такъ, чтобы эти числа раскрывали передъ нами картину состоянія изучаемаго нами явленія, въ частности картину современнаго состоянія общества или государства. Поэтому, задачи этого рода и называются описательными. Онѣ ограничиваются установленіемъ какъ бы количественнаго анализа даннаго соціальнаго состоянія; этого рода данныя ведутъ прежде всего къ накопленію соціальныхъ индукцій, подчасъ весьма интересныхъ и важныхъ какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніяхъ. Поэтому, начавшіяся еще въ XVII вѣкѣ описательныя статистическія работы съ успѣхомъ продолжаютъ выходить и до настоящаго времени.

Правда, два столѣтія, пережитыя описательной статистикой, протекли для нея не безслѣдно. По сравненію съ трудами Ахенваля, Конринга, Шлецера и др., современныя изслѣдованія этого рода отличаются многими особенностями. Не говоря о бо́льшей полнотѣ и достовѣрности сообщаемыхъ данныхъ, современная описательная статистика выдвинула бо́льшее значеніе пріемовъ, которыми почти вовсе не пользовались въ прежнее время. Къ такого рода пріемамъ, напр., относится сравненіе статистическихъ данныхъ по времени, по мѣсту и обстоятельствамъ. Сравненіе по времени имѣетъ особенно важ-

ное значеніе, напр., при установленіи роста или паденія какого-нибудь соціально-экономическаго процесса: производства, вывоза, цѣнъ и т. д. Сравненіе по мѣсту важно при международныхъ сопоставленіяхъ. Наконецъ, для одной и той же мѣстности и въ одно и то же время описательная статистика дѣлаетъ сравненіе въ формѣ сопоставленій различныхъ явленій и обстоятельствъ.—Напр., состояніе заработной платы въ различныхъ отрасляхъ труда по полу, возрасту, степени обученности и т. д.

Описательныя задачи статистики имѣютъ особенно большое значеніе въ настоящее время въ экономической статистикѣ, такъ какъ даютъ возможность лучше понять характерныя особенности современной экономической жизни народовъ.

Но сами по себѣ описаніе и сравненіе еще не исчерпываютъ собою всѣхъ матеріальныхъ задачъ научной статистики. На ряду съ ними особенное значеніе имѣютъ задачи конструктивнаго характера. Этого рода задачи сводятся къ отысканію и установленію между различными соціальными явленіями постоянныхъ отношеній сосуществованія или послѣдовательности, т. е. то, что принято называть эмпирическими или статистическими законами. Сюда относятся, напр., зависимости, устанавливаемыя статистикой между голодомъ и ростомъ преступности, между концентраціей промышленности и процессомъ пролетаризаціи народныхъ массъ и т. д.

Если предметомъ статистики является числовое выраженіе конкретныхъ, случайныхъ, сильно-индивидуализирующихся явленій или фактовъ, то въ міръ разрозненности и разобщенности конструктивная статистика вноситъ опредѣленное „единство“ и „синтезъ“, т. е. отрывочное и разрозненное знаніе она обращаетъ въ методическое научное познаваніе.

Такимъ образомъ, общая задача конструктивной статистики направляется къ расширенію нашего міропониманія, которое складывается у насъ, главнымъ образомъ, подъ вліяніямъ обобщенныхъ, синтезированныхъ понятій, а не разрозненныхъ отдѣльныхъ представленій.

Въ этомъ отношеніи, можно сказать, статистика занимается явленіями только случайными, и въ то же время задача ея—устранить всякую случайность въ познаваніи окружающаго насъ міра.

Но установленіе постоянныхъ соотношеній, т. е. самое существованіе конструктивной статистики тѣснымъ образомъ обусловлено задачами статистики, которыя я раньше назвалъ формальными, или, какъ ихъ иначе называютъ, техническими.

Чтобы быть увѣренными въ прочности и постоянствѣ устанавливаемыхъ нами соотношеній, мы, естественно, прежде всего должны быть увѣрены въ самой техникѣ установленія статистическихъ чиселъ. Отсюда, необходимой задачей статистики являются изслѣдованія основъ достовѣрности и степени точности статистики чиселъ, и потому этого рода задачи статистики называются еще критическими.

Созданіе статистическихъ чиселъ есть прежде всего дѣло рукъ человѣческихъ, а если человѣку свойственно ошибаться, то вполнѣ понятно, что эти числа могутъ и должны быть, какъ все человѣческое, далеки отъ совершенства, т.-е. другими словами, въ этихъ числахъ могутъ быть ошибки и неточности.

Но такого рода несовершенство количественныхъ измѣреній далеко не исключительная особенность одной статистики; можно сказать, всюду, куда входитъ количественное измѣреніе, съ нимъ неразрывно связывается вопросъ о неточности или, вѣрнѣе, о степени точности. Такъ, мы знаемъ, что въ наукахъ физическихъ первымъ требованіемъ при количественныхъ измѣреніяхъ выставляется знаніе степени точности, что легко достигается при помощи современныхъ средствъ математики.

Ученіе о степени точности и въ статистикѣ тѣсно связано съ ученіемъ объ ошибкахъ и съ теоріей вѣроятности. Не изслѣдуя этихъ вопросовъ во всѣхъ деталяхъ, статистикъ ограничивается возможностью приложенія окончательныхъ математическихъ выводовъ или формулъ.

Кромѣ знанія степени точности данныхъ числовыхъ измѣреній, формальная

задача статистики имѣетъ въ виду выработку основъ для критики достовѣрности собираемыхъ статистическихъ данныхъ.

Въ настоящее время эти данныя собираются всякаго рода частными и оффиціальными учрежденіями. Неоднородность этихъ учрежденій, крайнее разнообразіе выполняемыхъ ими функцій, самыя различныя цѣли, для которыхъ собираются статистическія данныя—все это обусловливаетъ далеко неодинаковую степень достовѣрности статистическихъ чиселъ. Знакомство съ условіями собиранія этого рода данныхъ, со способами и пріемами ихъ количественнаго измѣренія является, такимъ образомъ, необходимой задачей статистики.

Этого рода задачи образуютъ въ статистикѣ особый отдѣлъ, который можно назвать **статистической техникой**.

Въ настоящее время статистическая техника является, такъ сказать, основой для научно-статистическихъ изслѣдованій.

Важность этого рода вопросовъ сознается въ послѣднее время все болѣе и болѣе, и потому весьма распространено—въ современныхъ статистическихъ изданіяхъ предпосылать самому содержанію вступительныя главы, посвящаемыя объясненію способовъ и пріемовъ собиранія и обработки сообщаемыхъ данныхъ.

Итакъ, общими задачами научной статистики въ настоящее время являются:

1) Задачи матеріальныя: а) описаніе и сравненіе и б) задачи конструктивныя;

2) Задачи формальныя, имѣющія въ виду выработку основъ для критики точности и достовѣрности собираемыхъ данныхъ.

Изъ установленнаго мною расчлененія основныхъ задачъ статистики на матеріальныя и формальныя можетъ казаться возможнымъ отнести первую группу задачъ къ статистикѣ, какъ наукѣ, а вторую группу—къ статистикѣ, какъ методу.

Извѣстно, что этотъ нѣсколько схоластическій вопросъ о томъ, что такое статистика, методъ или наука? еще до сихъ поръ мучитъ въ особенности тѣхъ, кто еще не приступалъ къ непосредственному знакомству со статистическимъ матеріаломъ, и кто такимъ образомъ еще не пріобрѣлъ особаго, такъ сказать, „чувства“ къ статистикѣ. Если, такимъ образомъ, вопросъ о противопоставленіи метода наукѣ рождается именно у тѣхъ, кто впервые приступаетъ къ изученію статистики, то само собой понятно, что, какъ бы этотъ вопросъ самъ по себѣ ни былъ малозначителенъ, на него долженъ быть данъ опредѣленный отвѣтъ.

Сейчасъ я не могу особенно детально останавливаться на этомъ вопросѣ, но считаю нужнымъ замѣтить по этому поводу слѣдующее:

Подъ методомъ изслѣдованія я понимаю совокупность **научно выработанныхъ** пріемовъ и способовъ, при помощи которыхъ случайное и единичное переводится въ область общаго систематическаго познаванія.

Такимъ образомъ, уже въ самое понятіе метода я включаю элементъ науки и научнаго изслѣдованія; безъ этого элемента не существуетъ истинной методологіи, которая по существу сама не что иное, какъ часть спеціальной науки—логики. Что касается ея отношенія къ матеріальному знанію, то еще О. Контъ указалъ, что „методъ не можетъ быть изучаемъ отдѣльно отъ изслѣдованій, при которыхъ онъ былъ примѣненъ: иначе получается наука мертвая, неспособная обогатить умъ людей, надъ ней работающихъ“.

Слѣдовательно, въ сущности научная статистика, или статистика, какъ наука, не должна вовсе противопоставляться статистикѣ, какъ методу; научной статистикѣ можетъ быть противопоставлена статистика практическая, или такъ называемая административная статистика.

Что же касается наличности такъ называемаго „статистическаго метода“ и факта его болѣе или менѣе широкаго приложенія къ наукамъ не спеціальнымъ, то самъ по себѣ этотъ фактъ не можетъ и не долженъ служить основаніемъ, чтобы—pars pro toto (беря часть вмѣсто цѣлаго)—**всю** статистику называть методомъ.

Наконецъ, я перехожу къ вопросу, который, какъ я сказалъ, представляется мнѣ наиболѣе значительнымъ изъ всѣхъ вопросовъ статистики, при современномъ состояніи этой отрасли научнаго знанія. Вопросъ этотъ о значеніи и

научной цѣнности для насъ статистики вообще и экономической статистики въ частности какъ предмета университетскаго преподаванія.

Здѣсь основное положеніе, по моему, заключается въ слѣдующемъ: Всякій изслѣдователь долженъ умѣть не только дѣлать обобщенія, но и самъ создавать для нихъ пригодный матеріалъ.

Я утверждаю, что недостаточность въ нашей области (экономической) дѣйствительно цѣнныхъ научныхъ обобщеній, на что такъ обычно теперь принято жаловаться, въ значительной степени обусловлена несовершенствомъ матеріала, надъ которымъ приходится оперировать. А это въ свою очередь зависитъ въ огромномъ числѣ случаевъ отъ нежеланія современныхъ изслѣдователей тратить свой трудъ на такъ называемую черновую работу. Какъ часто мы замѣчаемъ, что изслѣдователь охотнѣе предпочитаетъ дѣлать обобщенія и выводы изъ далеко недостаточныхъ источниковъ, чѣмъ предварительно затратить трудъ и энергію на установленіе раціональныхъ основъ для собиранія пригоднаго матеріала.

Въ этомъ отношеніи намъ особенно полезно помнить, что величайшіе художники ренессанса не отказывались сами составлять и добывать себѣ нужныя краски.

Такимъ образомъ, значеніе статистики, или говоря ближе къ нашему предмету—значеніе экономической статистики прежде всего должно заключаться въ томъ, что она устанавливаетъ раціональныя основы для критики и оцѣнки достовѣрности первичныхъ экономическихъ данныхъ—путемъ приложенія общихъ научно-статистическихъ требованій, съ одной стороны,—путемъ непосредственнаго знакомства съ самыми источниками экономическихъ данныхъ, съ другой.

Въ этомъ отношеніи статистика не является вовсе какой-то особенной и своеобразной научной дисциплиной. Въ настоящее время всякая крупная научная отрасль выдѣляетъ въ своихъ предѣлахъ циклъ вопросовъ съ характеромъ, по преимуществу, критико-техническимъ.

Въ широкомъ смыслѣ это вопросы методологическіе, и этимъ опредѣляется ихъ цѣнность для матеріальнаго содержанія каждой научной отрасли. Такъ, у естественныхъ наукъ: химіи, физіологіи и др. опредѣленно установлено ученіе о методахъ экспериментированія и демонстраціи.

Несомнѣнно, огромное количество вопросовъ и изъ наукъ общественныхъ также нуждаются въ подобнаго рода выясненіи техническихъ пріемовъ научнаго наблюденія. И прежде всего, разумѣется, сюда должны быть отнесены всѣ такъ называемыя массовыя явленія, допускающія числовое выраженіе, а слѣд., болѣе или менѣе точное измѣреніе.

Болѣе частнымъ образомъ, соотвѣтственно указаннымъ мною раньше общимъ задачамъ статистики, значеніе экономической статистики сводится къ слѣдующему:

1. По отношенію къ описанію экономическихъ явленій числовое выраженіе должно быть признано наиболѣе точнымъ и безспорнымъ.

2. По отношенію къ экономической теоріи значеніе экономической статистики выражается троякимъ образомъ:

а) экономическая статистика даетъ средства къ установленію постоянныхъ соотношеній между единичными и случайными экономическими явленіями. Напр., единичная цѣна сама по себѣ представляетъ мало интереса, но комбинація цѣнъ показываетъ намъ уровень цѣнъ, а послѣдовательный рядъ комбинацій устанавливаетъ общее движеніе цѣнъ и соотношеніе ихъ съ др. явленіями, которыми онѣ объясняются;

б) статистическія данныя служатъ во многихъ случаяхъ подтвержденіемъ и доказательствомъ правильности гипотетическихъ, или дедуктивныхъ положеній; такъ, напр., ученіе Мальтуса о населеніи, вопросы о концентраціи промышленности, успѣшности забастовокъ и т. д. получаютъ свое подтвержденіе или опроверженіе прежде всего въ статистическихъ данныхъ. Наконецъ,

в) экономическая статистика можетъ служить для цѣлей демонстраціи общихъ соціально-экономическихъ научныхъ положеній и обобщеній: этого рода демонстраціи часто могутъ представляться лучшимъ средствомъ для интерпрета-

ціи. и пониманія сложныхъ экономическихъ явленій. Сюда относятся всякаго рода графики, картограммы, таблицы и проч.

Само собою разумѣется, указанное мною значеніе статистики можетъ выходить далеко за предѣлы одной экономической науки, и тогда цѣнность статистики распространяется на всю область соціальныхъ явленій.

Какъ ни велико само по себѣ указанное мною значеніе статистики, но сказаннымъ оно еще не исчерпывается. Цѣнность изученія статистики опредѣляется еще тѣмъ, что въ огромномъ числѣ случаевъ статистика является единственнымъ методомъ познанія явленій, безъ котораго эти явленія оставались бы совершенно внѣ поля нашего вниманія и изслѣдованія.

Я уже указывалъ, что статистическія числа являются прежде всего выраженіями случайныхъ явленій, т. е. явленій, между которыми непосредственно мы не можемъ замѣтить никакой постоянной зависимости ни каузальной, ни телеологической, ни какой-нибудь общей функціональной. Это вполнѣ опредѣленно вытекаетъ изъ ученія о вѣроятности, на которомъ покоятся статистическія числа.

„Вѣроятность, говоритъ Лексисъ, имѣетъ дѣло только съ числовымъ выраженіемъ начала и конца состоянія какого-нибудь явленія; о причинахъ, вызвавшихъ данное начало или конецъ явленія, по существу, она ничего не знаетъ, иначе не было бы вовсе нужды прибѣгать къ вѣроятности" (Abhandlungen etc., 242).

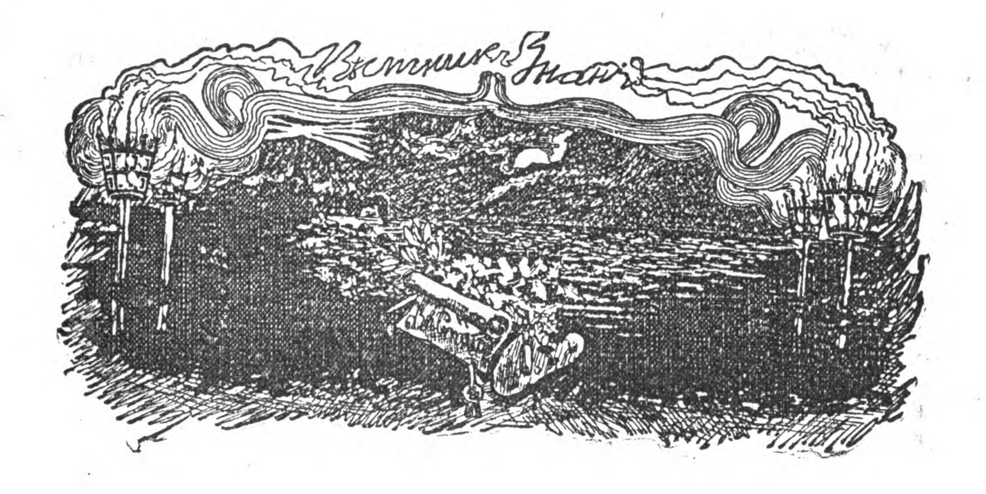
На то же указываетъ и Зигвартъ (Logik II, 675). „Въ той мѣрѣ, по скольку мы не въ состояніи установить какого-либо правила или закона по отношенію къ единичному явленію, счетъ (die Zählung) единичныхъ объектовъ является единственнымъ способомъ познать въ систематическихъ обобщенныхъ положеніяхъ то, что наше познаніе принимаетъ за случайное; но какъ скоро установленъ законъ, интересъ къ статистикѣ исчезаетъ".

Дѣйствительно, смѣшно было бы прибѣгать къ относительному и вѣроятному методу тамъ, гдѣ мы можемъ познать зависимость явленій инымъ, болѣе точнымъ и болѣе совершеннымъ способомъ. Но въ томъ то и состоитъ специфическая особенность, а, слѣдовательно, и чрезвычайная цѣнность статистическаго метода, что онъ проникаетъ въ такія, и только въ такія области явленій, познаніе которыхъ безъ него намъ было бы вовсе недоступно.

Я уже приводилъ примѣръ съ установленіемъ колебанія рыночныхъ цѣнъ. Совершенно очевидно, что эти явленія, столь существенныя при современномъ характерѣ экономическаго строя, не доступны нашему познанію никакимъ инымъ способомъ, какъ только при помощи статистики. То же можно сказать и относительно всей огромной, неисчислимой совокупности окружающихъ насъ ежеминутно явленій и фактовъ: рожденіе и смерть, довольство и нищета, милосердіе и преступность и т. д.—все это получаетъ свое опредѣленное выраженіе, доступное нашему познаванію и изслѣдованію почти исключительно при помощи статистики.

Въ это же время статистическій методъ выходитъ широко за предѣлы однѣхъ наукъ о соціальныхъ явленіяхъ. Благодаря методу большихъ чиселъ и ученій о вѣроятности, статистика расширяетъ предѣлы нашего общаго познанія, устанавливая единства въ мірѣ разрозненнаго и случайнаго безъ того, чтобы изслѣдовать шагъ за шагомъ каждую отдѣльную ступень въ цѣломъ рядѣ зависимостей. Въ отличіе отъ обычныхъ методовъ естественно-историческихъ изысканій, при статистическомъ методѣ мы познаемъ связь между явленіями помимо цѣпи зависимостей. Статистика, какъ бы игнорируетъ посредствующія звенья и сразу перекидываетъ нашу мысль къ конечнымъ зависимостямъ между данными явленіями. Такимъ образомъ, статистика и установляемый ею методъ получаютъ огромную общепознавательную цѣнность, и потому вполнѣ понятно, что эта отрасль научнаго знанія можетъ и должна занять одно изъ видныхъ мѣстъ въ общемъ процессѣ установленія нашего научнаго мышленія, а этимъ самымъ опредѣляется и мѣсто ея въ университетской наукѣ.

Прив.-доц. *Г. Г. Швиттау.*

Сейсмологія.

Н. Н. Фирсовъ (Л. Рускинъ).

Мессино-Калабрійское землетрясеніе.

(*Окончаніе*).

V. Гипотезы и теоріи современныхъ ученыхъ: Риккò, Подера, Альфани. Сейсмическая карта землетрясенія 29-го декабря.

Мы не будемъ вдаваться въ изложеніе всѣхъ теорій о происхожденіи землетрясеній; ограничимся только краткой передачей новѣйшихъ гипотезъ, о которыхъ современные итальянскіе ученые высказались со своей точки зрѣнія по поводу Мессино-Калабрійскаго землетрясенія. Тѣмъ болѣе, что эти гипотезы въ устахъ передовыхъ итальянскихъ знатоковъ предмета—профессоръ Риккò (Катанскій университетъ), Порена (Неаполитанскій универс.), Альфани (директоръ Флорентійской обсерваторіи) — совпадаютъ между собой въ главныхъ основаніяхъ, если не считать нѣкоторыхъ второстепенныхъ, еще спорныхъ, подробностей, дальнѣйшая разработка которыхъ, въ томъ или другомъ смыслѣ едва-ли поколеблетъ основную идею, подкрѣпляемую нынче обильными осязательными доказательствами.

Замѣтимъ, однако, въ виду сдѣланныхъ нами общихъ сравненій двухъ землетрясеній въ Мессинѣ и Калабріи (1783 г. и 1908 г.), что во времена перваго и позднѣе, въ началѣ XIX вѣка, преобладало мнѣніе, что „магнетизмъ" и электричество, главнѣйшіе, если не единственные факторы явленія. Докторъ Венціо, усердный изслѣдователь землетрясенія 1783 г., приписываетъ сотрясеніе земной поверхности исключительно дѣйствіямъ этихъ силъ.

Впрочемъ, и большинство современныхъ ученыхъ не устраняетъ „магнетизма" и электричества изъ области причинъ, вызывающихъ землетрясенія; но теперь не признаютъ въ нихъ главнѣйшей причины, а, основываясь на выводахъ соотвѣтственныхъ наукъ (геологія, химія, электричество, вулканизмъ, сейсмологія и т. д.), усматриваютъ главную причину большинства явленій этой категоріи, въ передвиженіяхъ (паденіе, столкновеніе между собою и пр. подземныхъ массъ) земной коры, которыя могутъ быть вызываемы въ свою очередь силами, относящимися къ области химіи и магнетизма, но главнымъ образомъ обусловливаются законами тяготѣнія.

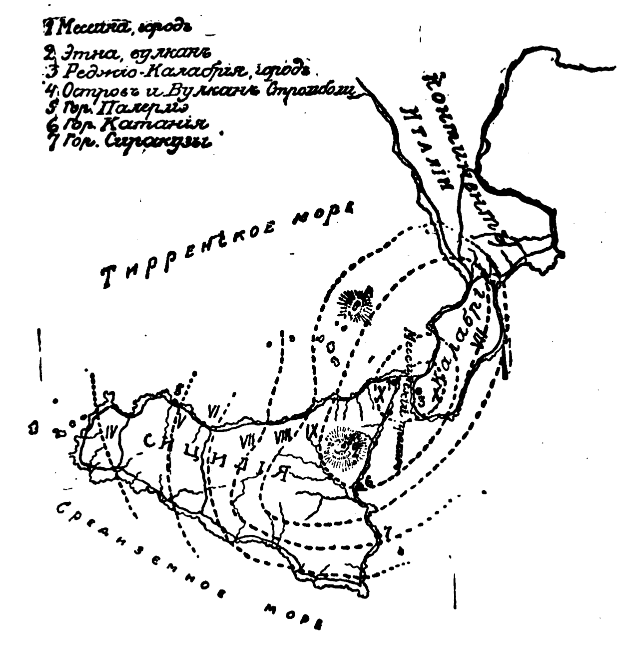
Это объясненіе примѣняется, какъ мы увидимъ ниже, не только къ Сикуло-

Калабрійскому землетрясенію и маремотто (моретрясенію неизбѣжно связанному съ первымъ по законамъ динамики), но и къ сотрясеніямъ въ отдаленныхъ пунктахъ земного шара, къ тѣмъ, напр., которыя обнаружились почти одновременно съ Мессинскимъ въ южной Персіи.

Подобной же теоріи держится и проф. Риккò, учившійся, а теперь учащій другихъ въ Катанскомъ университетѣ. Городъ Катанія находится въ Сициліи, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Мессины и толчки подземной силы, хотя въ слабой степени, отозвались и тамъ. Рикко въ Катаніи, (какъ Альфани во Флоренціи), провѣривъ указанія надлежащихъ инструментовъ, заключилъ что центръ землетрясенія лежитъ въ Мессинскомъ проливѣ (Сцилла и Харибда), и что оно вызвано внезапнымъ передвиженіемъ массъ въ соотвѣтствующихъ свободныхъ пространствахъ подъ внѣшней скорлупой земной поверхности.

Справедливость этого предположенія утверждалась въ умѣ ученаго по мѣрѣ того, какъ онъ провѣрялъ на поверхности земли внѣшнее проявленіе подземнаго толчка 28-го декабря. Къ этой провѣркѣ онъ приступилъ по порученію, возложенному на него министерствомъ земледѣлія немедленно послѣ первыхъ, самыхъ разрушительныхъ, толчковъ. Порученіе состояло въ томъ, чтобы опредѣлить, окрестъ Мессины въ особенности, а въ Сикуло-Калабрійской области вообще, пункты и линіи, наименѣе опасные для возведенія, въ случаѣ надобности, новыхъ человѣческихъ жилищъ.

Риккò немедленно приступилъ къ дѣлу. Онъ изслѣдовалъ, на сколько было возможно тщательно, силу центральныхъ подземныхъ толчковъ въ различныхъ отъ центра разстояніяхъ на земной поверхности. При этомъ онъ не упускалъ изъ виду и провѣрки своей теоріи вообще. Работой этой, въ практическихъ цѣляхъ, онъ долженъ былъ спѣшить. Ему приходилось провѣрять силу колебаній въ различныхъ мѣстностяхъ преимущественно по показаніямъ мѣстныхъ очевидцевъ грознагò событія. Результаты ея онъ самъ покуда считаетъ относительно поверхностными и „еще не рѣшающими“. Онъ считаетъ необходимымъ заняться подробными изслѣдованіями всей Сициліи и Калабріи, съ инструментами и таблицами [1]) въ рукахъ.

Тѣмъ не менѣе Риккò успѣлъ составить сейсмотическую карту, (см. рис.) на которой подвергшееся колебаніямъ земное пространство раздѣлено (при помощи инструмента Меркалли [2]) на нѣсколько полосъ по силѣ испытаннаго сотрясенія. Линіи, раздѣляющія одну отъ другой эти полосы, представляютъ, каждая въ отдѣльности, мѣстности, гдѣ сила землетрясенія выразилась одинаково.

---

[1]) Il Mattino. 19—20 января 1909 г.

[2]) Меркалли—итальянскій профессоръ. Имъ изобрѣтенъ инструментъ, по которому—какъ на термометрѣ температура—сила землятресеній обозначается градусами.

Десятымъ (X) градусомъ обозначены мѣста, подвергшіяся наибольшему разрушенію: совершенно уничтожены зданія, погибли десятки тысячъ людей и т. д. Сюда входятъ Мессина, Реджіо, и вообще пункты, лежащіе очень близко къ проливу съ обѣихъ его сторонъ. Форма этой центральной области нѣсколько эллиптическая съ діаметромъ около 40 верстъ. IX-мъ градусомъ обозначена полоса тоже много, однако менѣе центральной, потерявшая человѣческихъ жизней и зданій. Эта линія близка къ эллипсису; діаметръ ея—70 верстъ. Подъ VIII-мъ градусомъ (болѣе овальная линія; діаметръ около 180 верстъ), человѣческія жертвы оказываются рѣдкими, единичными, а зданія, хотя и давали трещины, но не рушились. Линія VII-го градуса проходитъ по мѣстностямъ, испытывавшимъ сотрясенія чувствительныя, но мало пострадавшимъ: человѣческихъ жертвъ вовсе не было; рѣдкія зданія дали незначительныя трещины. По линіи VI-го градуса прошли тоже довольно ощутительныя колебанія, однако безъ всякаго вреда. По V-му градусу ощущался только одинъ ударъ, сильный, однако никакого вреда, кромѣ паденія отдѣльно стоящихъ, мелкихъ предметовъ, не причинившій. IV-й градусъ касается, между прочимъ, столицы Сициліи, города Палермо, гдѣ землетрясеніе ощущалось очень слабо. Остальныя линіи обозначаютъ мѣстности, гдѣ толчки отмѣчены только спеціальными инструментами, чувствительность которыхъ такъ высока, что подобные имъ аппараты, существующіе далеко за предѣлами Италіи, заявили о движеніи земной коры въ Мессинскомъ проливѣ.

Словомъ, оказывается, что разрушительность явленія относительно быстро убываетъ по мѣрѣ удаленія отъ центральнаго пункта. Напримѣръ, Мессина вся обратилась въ развалины, тогда какъ городъ Катанія, отстоящій отъ нея немного болѣе, чѣмъ на 20 верстъ, уцѣлѣлъ.

Карта Риккò указываетъ также, что область распространенія по земной поверхности колебаній центра—эллиптическая, при чемъ продольный діаметръ въ большинствѣ случаевъ идетъ отъ сѣверо-востока на юго-западъ. А это направленіе совпадаетъ съ направленіемъ трещины, существующей въ глубинѣ земной коры, какъ давно доказано геологіей. Трещина эта столь глубока, что пронизываетъ слои коры, вплоть до кристаллическаго включительно (какъ утверждаетъ проф. Кортезе), которые въ отдаленнѣйшія еще времена жизни нашей планеты составляли непрерывную цѣпь горъ. Въ составъ этой цѣпи входили колоссальныя массы, нынѣ выдающіяся вершинами на поверхности континента Италіи—горы группъ Калабріи: Аспромонте и Силла.

Образованіе трещины на днѣ Мессинскаго пролива въ доисторическія времена причинило отторженіе Сициліи отъ европейскаго континента, и обратило ее въ островъ. Существованіе же этой трещины обращаетъ Мессинскій проливъ (подъ которымъ проходитъ значительная ея часть) въ весьма слабый и опасный пунктъ коры земного шара. Этимъ и обусловливаются тѣ относительно часто повторявшіяся землетрясенія и маремотто, слѣды которыхъ ясно опредѣлены современной наукой. Они имѣли мѣсто, ранѣе появленія человѣка, въ нынѣшнихъ Калабріи и Сициліи. Явленія эти повторялись и позднѣе; иногда слабо и безвредно, иногда жестоко, разрушительно и убійственно, когда они уничтожали и все созданное руками человѣка, и самого человѣка. Таковы были, напримѣръ, катастрофы 17 года и 526 года по Р. Х. Второе землетрясеніе поглотило, по мнѣнію проф. Риккò, едва ли менѣе человѣческихъ жертвъ, чѣмъ Мессино-Калабрійское 28-го декабря 1908 г.

Проф. Рикко утверждаетъ, что всѣ эти катастрофы (какъ и послѣдняя) обусловливались частичными разрушеніями краевъ роковой трещины на разныхъ пунктахъ ея протяженія. Колоссальныя скалы (въ подземныхъ и подводныхъ пустотахъ), обрушиваясь, сталкиваясь, падая одна на другую, вызывали соотвѣтствующее сотрясеніе земной поверхности и грандіозные всплески моря.

Нынче, какъ оказывается по изслѣдованію того-же ученаго, движеніе моря, сопутствовавшее колебанію земли, было направлено на западные берега Калабріи, гдѣ стоялъ городъ Реджіо, и на восточныя прибрежья острова Сициліи, гдѣ лежитъ Мессина. Море, покоившееся дотолѣ надъ центромъ сотрясенія, вне-

запно, всѣмъ объемомъ массы заразъ нахлынуло на востокъ съ такою мощью, что, напримѣръ, около виллы Санъ-Джіованни нѣсколько минутъ покрывало всю сушу земли; зданія очутились на глубинѣ почти двухъ саженъ подъ его поверхностью. На противоположномъ берегу пролива, въ городѣ Реджіо, море нахлынуло съ такой же силой. Массивное зданіе пристани паровыхъ паромовъ, воздвигнутое на берегу на мѣстѣ, всегда сухомъ и высокомъ, было залито водой съ такой стремительностью, что она въ отверстія крыши вырывалась кверху фонтанами.

Какъ въ Мессинѣ, такъ и въ Реджіо маремотто разрушило портовыя сооруженія, прочныя, массивныя дамбы; обрушило солидно выстроенныя городскія набережныя и пр. При этомъ, по изслѣдованію проф. Риккò, всѣ эти явленія могутъ только въ слабой степени быть объяснены рыхлостью верхняго слоя почвы, на которомъ въ послѣдніе вѣка воздвигались зданія. Причины должно скорѣе искать въ рѣзкомъ перемѣщеніи и провалахъ подводныхъ утесовъ по линіи главной трещины. Что подъ водой совершилось такое перемѣщеніе (а оно не могло совершиться, не отразившись далеко окрестъ ударами и толчками)— доказывается измѣреніями морской глубины въ заливѣ, сдѣланными въ первыя же удобныя послѣ катастрофы минуты командирами нѣкоторыхъ иностранныхъ судовъ, бывшихъ около Мессинскаго залива.

Особенно полезными въ научномъ отношеніи проф. Риккò считаетъ измѣренія члена вѣнскаго геологическаго института, д-ра Гревеница. Эти измѣренія, сравниваемыя съ прежними, нанесенными на морскія карты залива, указываютъ, что въ подводной части залива совершился большой переворотъ: глубина во многихъ мѣстахъ измѣнилась очень круто. А это измѣненіе можетъ быть объяснено, въ свою очередь, передвиженіемъ утесовъ и подводныхъ скалъ, вслѣдствіе того, что окраины трещины мѣстами обрушились.

Таковы объясненія проф. Риккó. Переходимъ къ развитію основъ той же гипотезы профессоромъ Ф. Порена *).

Мы останавливаемся на ней: 1) потому, что этой же теоріей современные ученые руководятся, практически опредѣляя наименѣе опасные пункты для возведенія новыхъ жилищъ, и 2) ее нынче обобщаютъ на весь гористый поясъ нашего полушарія, отъ Атлантиды до Малайскаго Архипелага включительно. Поясъ этотъ, проходя по Кавказу и югу русской средней Азіи, непосредственно интересуетъ и наше отечество.

Согласно этой теоріи, вся масса земной коры, на которую опираются мѣстности, пораженныя землетрясеніями (центръ ихъ въ настоящемъ случаѣ опредѣленъ учеными единогласно**) въ Мессинскомъ проливѣ), т. е. островъ Сицилія и юго-западный уголъ итальянскаго материка, Калабрія, состоитъ изъ связанныхъ между собою, болѣе или менѣе плотно, кусковъ; куски эти могутъ одинъ отъ другого отдѣляться при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Такой характеръ коры вообще свойственъ внѣшней оболочкѣ почти всей нашей планеты, но крѣпость взаимнаго сцѣпленія частей далеко не вездѣ одинакова. Словомъ, земной шаръ не цѣльный монолитъ, а нѣчто въ родѣ совокупности безконечнаго множества гигантскихъ, прихотливыхъ по формѣ и сцѣпленію кусковъ титанической мозаики. Связующій цементъ образовался изъ продуктовъ частичнаго разрушенія скалистыхъ обломковъ подъ вліяніемъ воды и вѣтровъ. Густая же сѣть трещинъ, образовавшихся при первоначальномъ распаденіи цѣлаго, существуетъ и доселѣ, хотя она не всегда явственна, ибо сверху куски какъ-бы спаяны между собой продуктами собственнаго частичнаго разложенія. Спайка эта въ большинствѣ случаевъ идетъ весьма далеко вглубь, но повсюду—гдѣ ближе, гдѣ дальше отъ внѣшней поверхности—трещины остаются разверстыми по направленію къ внутренней части планеты, къ ея ядру. Раздробленіе коры на

*) Lo Stretto di Messina ed i suoi Terremoti (Мессинскій проливъ и его землетрясенія).

**) При изложеніи теоріи мы преимущественно пользуемся работами профессоровъ Альфани, Риккó и Подера.

куски объясняется движеніемъ ея самой во времена, далеко предшествовавшія появленію человѣка,—движеніями, которыя вызывались, или пустотами, образовавшимися между нею и ядромъ планеты, когда она въ нѣкоторыхъ пунктахъ остывала быстрѣе ядра, или химическими процессами, разрушавшими связь цѣлаго, или механическими давленіями и т. д. Сегменты коры, отдѣлившіеся отъ ядра, образовали надъ соотвѣтственными пунктами поверхности послѣдняго нѣчто въ родѣ обширныхъ куполовъ и сводовъ, которые, въ свою очередь, съ теченіемъ времени подвергались частичному разрушенію. Прежде всего, въ силу притяженія къ центру земли, они обрушивались въ углубленія ядра или на его поверхность. При паденіи они дробились на болѣе или менѣе крупныя части. Такимъ образомъ, изъ отпавшихъ сверху кусковъ внизу формировались многія, весьма значительныхъ объемовъ, возвышенія: столообразныя, коническія, пирамидальныя, смѣшанныя, валовыя и т. д. Значительная часть ихъ, нагроможденная неправильно, непрочно, по самому положенію своему относительно центра земли, находится въ неустойчивомъ положеніи. Вершины и края ихъ либо остры, либо хрупки. Все взятое вмѣстѣ представляеть нѣчто въ родѣ цѣлой цѣпи горныхъ вершинъ. Тѣ изъ нихъ, которыя расположены въ значительномъ отдаленіи отъ морскихъ береговъ и отъ пунктовъ новѣйшихъ (относительно) геологическихъ переворотовъ, вообще говоря, пребываютъ въ покоѣ, и не крошатся, а если и крошатся, то весьма незначительно. Пространства, занимаемыя ими, называются итальянскими учеными асейсмическими.

Тѣ же группы, которыя по строенію своихъ подземныхъ холмовъ слишкомъ заострены кверху, или лежатъ близко къ обрывамъ, или очень истерзаны переформированіями, которымъ подвергались прежде, или изрыты впадинами и фистулами, и доселѣ словно ищутъ еще для себя удобнаго мѣста успокоенія. Области такихъ группъ называются: пенсейсмическими.

Группы же, формы составныхъ частей которыхъ особенно сложны, считаются геологами за „молодыя“ и представляютъ большую опасность для той части земной поверхности, подъ которою онѣ расположены. Онѣ болѣе всѣхъ остальныхъ группъ одного съ ними возраста (въ геологическомъ смыслѣ) подвержены обваламъ и разрушеніямъ. Изъ нихъ опаснѣйшія суть тѣ, которыя находятся подъ островами или вблизи морскихъ береговъ, ибо въ такомъ случаѣ вода имѣетъ почти всегда доступъ въ пространства, занимаемыя ими подъ земной корой. Высокое разнообразіе очертаній морскихъ береговъ и уровня морского дна обусловливается, главнымъ образомъ, этимъ послѣднимъ фактомъ; обвалы этихъ подземныхъ возвышенностей, скрывающихся подъ теллурической скорлупой нашей планеты, то расширяютъ, то заваливаютъ окраины отверстій; потрясаютъ морское дно, образуя въ немъ провалы, причиняютъ разрушительныя маремотто. На самой же поверхности земли они вызываютъ тѣ ужасныя явленія, которыя называются землетрясеніями.

Несомнѣнно, что разрушенію подземныхъ массъ (особенно тѣхъ, до которыхъ достигаетъ морская вода) могутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ содѣйствовать химическіе или магнетическіе факторы, но ихъ участіе не необходимо и во всякомъ случаѣ второстепенно.

Мѣстности послѣдней, особенно опасной категоріи, называются сейсмическими. Самыя крупныя землетрясенія, извѣстныя въ исторіи и наукѣ, происходили именно въ этихъ сейсмическихъ мѣстностяхъ, среди которыхъ Сикуло-Калабрійская занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Ко всѣмъ землетрясеніямъ, имѣвшимъ здѣсь мѣсто, вполнѣ примѣнима только что изложенная теорія. Она примѣняется передовыми итальянскими учеными спеціалистами и къ бѣдствію 28-го декабря 1908 года.

И вотъ почему.

Мессинскій проливъ словно нарочно приспособленъ для удобнѣйшаго проявленія и распространенія землетрясеній, благодаря особенностямъ геологическаго строенія земной коры въ этомъ пунктѣ. Онъ окруженъ многочисленными, и весьма значительныхъ размѣровъ, горами (и находится на ихъ линіи), такъ называемыми

въ геологіи молодыми, т. е. такими, подземная структура которыхъ не достигла еще достаточно устойчиваго равновѣсія. Эти горныя цѣпи какъ бы опоясываютъ все наше полушаріе, начиная на крайнемъ западѣ, въ области Атлантиды. Далѣе идутъ Сіерра Андалузская, Аппенины, Альпы, Карпаты, Иллирійскія горы, Кавказъ, Гималаи, Малайскіе острова. Послѣдніе представляютъ восточную окраину доисторическаго континента. Геологія доказываетъ, что тамъ, гдѣ въ наше время тянется этотъ гигантскій горный поясъ, во время древняго океаническаго періода существовало море, которому только черезъ нѣсколько милліоновъ лѣтъ послѣ его исчезновенія присвоили имя: Тэти (Teti). Этотъ океанъ на всемъ указанномъ протяженіи занималъ среднія широты, отдѣляя такимъ образомъ части сѣвернаго континента первичной эры отъ таковыхъ же южно-африканскихъ и австралійскихъ. Съ тѣхъ поръ до конца эоценоваго періода въ теченіе всего міоценоваго и даже въ началѣ пліоценоваго совершились въ покрытой имъ части земной коры чудовищные катаклизмы. Результатомъ этихъ переворотовъ является указанный выше поясъ горныхъ цѣпей, захватывающій и Мессинскій проливъ.

Процессъ образованія этихъ горъ еще далеко не былъ законченъ, когда по обѣимъ сторонамъ залива сталъ селиться человѣкъ. Между тѣмъ, Сикуло-Калабрійская область является и доселѣ еще опаснѣйшимъ пунктомъ земной поверхности и тѣмъ болѣе опаснымъ, что въ этомъ именно углу сходятся равнодѣйствующія особенно еще сильно проявляющихъ свою работу подземныхъ силъ.

Этотъ пунктъ—область Мессинскаго залива—находится на крайней возвышенности континентальной европейской массы и непосредственно соприкасается съ глубочайшимъ въ нашей части свѣта моремъ—Средиземнымъ. Область этого пункта, постепенно утончаясь, проходитъ подъ водой между раковинами Іоническаго и Торенскаго морей и захватываетъ ту роковую подводную трещину, которая пронизываетъ всю толщу земной коры даже до глубочайшихъ слоевъ. Какъ мы видѣли, самая земная кора этой Сикуло-Калабрійской области раздроблена на колоссальные куски, тѣсно связанные между собой продуктами вывѣтриванія и воздѣйствія воды. Размѣры этихъ обломковъ по истинѣ титаническіе. Подпираемые снизу глинистымъ слоемъ, который тянется между двумя углубленіями морского дна (размѣры, которыхъ можно назвать титаническими), утончаясь и принимая форму крутого остраго хребта, эти обломки земной коры сползаютъ то въ ту, то въ другую сторону (чаще, впрочемъ, въ западную) своей глинистой хребтообразной подставки. Если ко всѣмъ этимъ даннымъ,—такъ сказать, географическимъ,—мы присовокупимъ данныя сейсмологическія, опредѣленныя учеными, которые изслѣдовали характерныя черты землятресенія и маремотто 28 декабря, если примемъ въ соображеніе характеръ ихъ распространенія, то убѣдимся, что эти явленія были вызваны,—если не во всей своей полнотѣ, то главнѣйшимъ образомъ — сотрясеніемъ, имѣвшимъ мѣсто въ подземной глубинѣ и происшедшимъ отъ паденія обломка (или обломковъ), или отъ столкновенія обломковъ между собой, или даже обусловлены тѣмъ и другимъ вмѣстѣ.

Мы усмотримъ также, что мѣсто крушенія подземной массы соотвѣтствуетъ на земной поверхности горамъ Аспромонте и Пелоричи именно тамъ, гдѣ послѣдняя возвышенность образуетъ нѣчто въ родѣ плотины для Мессинскаго залива.

Подземный пунктъ такого столкновенія сейсмологи называютъ *ипоценромъ*; а соотвѣтствующій ему вертикально на земной поверхности—*эпиценромъ*. Отыскиваютъ его при помощи исчисленій и цѣлой сѣти изосейсмическихъ линій, т. е. такихъ, на всемъ *протяженіи* которыхъ внѣшнее напряженіе силы подземнаго удара оказалось одинаковымъ. Въ этомъ изысканіи и заключалась упомянутая нами выше работа профессора Риккò, къ которой онъ приступилъ тотчасъ же послѣ главныхъ ударовъ, и которая привела, какъ его, такъ и его сотоварищей по наукѣ, къ изложенному заключенію. Впрочемъ, проф. Риккò оговаривается, что работа исполнена по необходимости слишкомъ поспѣшно и будетъ въ скоромъ времени подвергнута тщательной провѣркѣ.

VI. Матеріальныя потери, обусловленныя мессино-калабрійскимъ землетрясеніемъ; исчисленія проф. статистики Р. Бенини.

Итоги матеріальныхъ утратъ, понесенныхъ Италіей вообще и Мессино-Калабрійской областью въ особенности, къ сожалѣнію, доселѣ не могутъ быть опредѣлены съ точностью, вслѣдствіе ловкаго (въ смыслѣ политическаго самосохраненія) хода премьера Джіолитти на парламентской шахматной доскѣ. Какъ мы упоминали выше, онъ распустилъ внезапно парламентъ и, назначивъ новые выборы въ палату депутатовъ немедленно, онъ словно заткнулъ ротъ всей прессѣ, дотолѣ тщательно и преимущественно занимавшейся изслѣдованіемъ послѣдствій бѣдствія и изысканіемъ средствъ облегчить положеніе населенія и націи. Послѣ роспуска парламента, пресса занялась исключительно выборной кампаніей, а землетрясенія 28-го декабря словно ни для нея, ни для націи не существовало.

Тѣмъ не менѣе, пользуясь нѣкоторыми данными, проскользнувшими ранѣе открытія выборной кампаніи, и частными сообщеніями компетентныхъ лицъ, мы можемъ предполагать, что число людей, лишенныхъ землетрясеніемъ жизни, колеблется между 150 — 200 тысячами.

Эту послѣднюю цифру, принимаетъ и профессоръ статистики римскаго университета Р. Бенини въ своей интересной статьѣ объ итогахъ экономическихъ потерь, понесенныхъ пострадавшей областью.

По его исчисленію, онѣ выражаются такъ:

Стоимость частныхъ земель, обратившихся изъ удобныхъ въ неудобныя	54	милл.	фр. *)
Стоимость разрушенныхъ построекъ	142	»	»
Стоимость погибшей движимой собственности	52	»	»
Стоимость собственности, принадлежавшей обществамъ, компаніямъ и пр.	32	»	»
Итого	280	милл.	фр.

Къ этому изслѣдователь присовокупляетъ потери, понесенныя казной и стоимость полезной работы, утраченной націей вслѣдствіе гибели 200.000 работоспособныхъ людей (онъ конечно принимаетъ въ соображеніе, на основаніи научныхъ данныхъ, составъ этой цифры по возрастамъ и полу). Сумма этихъ двухъ слагаемыхъ доходитъ до 250 милліоновъ франковъ. А, слѣдовательно, цѣлое экономической утраты превышаетъ полмилліарда франковъ.

Къ такому внушительному итогу, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ еще добавить ущербы общегосударственные: 1) 100 милліоновъ франковъ, которые парламентъ назначилъ на оказаніе въ различной формѣ пособія пострадавшимъ провинціямъ. Ассигнованіе этой суммы неминуемо сопровождается возвышеніемъ нѣкоторыхъ государственныхъ налоговъ. 2) Трудно исчислимый покуда, но очень ощущаемый уже нынѣ населеніемъ всей южной Италіи (а бѣднѣйшими рабочими классами по преимуществу), ущербъ, обусловленный вздорожаніемъ почти всѣхъ предметовъ потребленія, начиная съ хлѣба, чуть не на другой же день землетрясенія. Печеный хлѣбъ, мясо, овощи и пр. оплачиваются теперь, напримѣръ, въ Неаполѣ, почти на 15 — 20% выше цѣнъ конца прошлаго года. Конечно, Сицилія доставляла всегда не мало питательныхъ продуктовъ южной Италіи. Конечно, часть зерна, раннихъ плодовъ, овощей и мяса, доселѣ поставляемая обыкновенно Сициліей, въ эту зиму доставлена не будетъ, такъ что цѣна соотвѣтственныхъ продуктовъ можетъ нормально нѣсколько подняться, однако, далеко не такъ значительно, какъ ее подняла спекуляція. Какъ можно

*) 1 рубль = 2,66 франковъ (или, что все равно, итальянскихъ лиръ) по настоящему курсу.

судить по многолѣтнимъ примѣрамъ, дороговизна, если когда-нибудь и смягчится, то во всякомъ случаѣ далеко не до надлежащаго уровня. И, слѣдовательно, вздорожаніе хлѣба, по поводу мессинскаго землетрясенія, обратится въ хроническое обремененіе населенія.

Мессинцы, оставшіеся въ живыхъ, желаютъ, во что бы то ни стало, возстановить свой родимый городъ, не взирая на опасность, которой ему грозятъ подземныя силы, еще доселѣ напоминающія о себѣ толчками, хотя относительно слабой интенсивности, однако довольно частыми. Мессинцы хотятъ возрожденія Мессины, не взирая на уроки, повторявшіеся въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій даже на глазахъ исторіи. Едва ли можно сомнѣваться, что ихъ желаніе осуществится, т. е., что послѣ нынѣшняго землетрясенія городъ вновь возникнетъ даже пышнѣе прежняго, какъ то было и послѣ катастрофы 1783 года. Весьма вѣроятно, что значительная часть ассигнованныхъ парламентомъ ста милліоновъ франковъ на существенныя пособія населенію пострадавшей мѣстности уйдетъ на возстановленіе роскоши прекрасной «Султанши западнаго Босфора», какъ называютъ нѣкоторые итальянскіе географы, лежащій въ настоящую минуту во прахѣ городъ. И, по всей вѣроятности, это возрожденіе совершится въ ущербъ сельскимъ мѣстностямъ Калабріи, которыя потерпѣли, относительно, не менѣе, а нѣкоторыя и болѣе Мессины. Между тѣмъ жители этихъ скромныхъ уголковъ, разрушенныхъ катастрофой, такъ же какъ мессинцы жаждутъ вернуться на родимыя мѣста, обрабатывать поля и виноградники, политые потомъ многихъ поколѣній ихъ предковъ.

Ихъ желаніе столь же настойчивое, сколь непоборимое ни наукой, ни политикой *), по мнѣнію многихъ уравновѣшенныхъ и компетентныхъ умовъ,—опрометчиво и неразумно.

Н. Фирсовъ (Л. Рускинъ).

Отвѣты.

— **Подп. № 34323 и другимъ.** Методы лѣченія отъ заиканія и картавости бываютъ очень разнообразны. Мы не беремся указывать, какой изъ нихъ наилучшій. Кромѣ метода Эрнста (внушенія) есть много другихъ. Существуютъ и спеціальныя лечебницы, напр. лѣтняя въ Келломяки (Фин. ж. д.) Контора ея: СПБ., Итальянская № 15. Брошюра „Психотерапія“ А. К. Рейхе высылается безплатно.

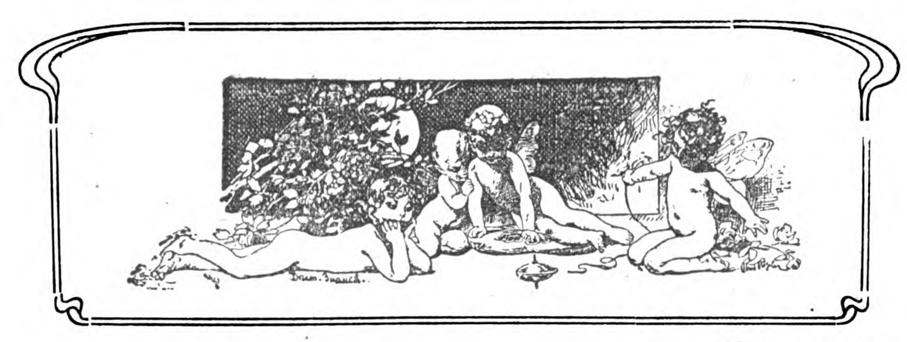
Подп. № 35726. При пріемѣ на обязательную военную службу заиканіе не составляетъ препятствія, но вольноопредѣляющемуся могутъ отказать въ пріемѣ на службу.—О СПБ. Общ. народныхъ университетовъ можно дать только хорошій отзывъ.

Подп. Шевелеву и др.—Для обработки бюджетной анкеты никакого срока не назначено: чѣмъ скорѣе и больше скопится матеріаловъ, тѣмъ лучше. Матеріалъ постоянно притекаетъ понемногу, но, понятно, что скоро придется заняться обработкой матеріала, и новыя сообщенія могутъ запоздать. Кромѣ того, въ сл. № будетъ помѣщенъ новый опросный листокъ духовной анкеты. Обѣ же анкеты послужатъ основаніемъ для подготовляемой къ печати книги.

Подп. № 25942.—Имѣя въ виду создать при редакціи маленькій Музей для вкладовъ всякихъ находокъ нашими подписчиками и читателями, мы съ благодарностью воспользуемся вашимъ предложеніемъ. Пришлите намъ 10 фунтовый зубъ съ подробнымъ описаніемъ мѣста, времени и обстоятельствъ, при которыхъ зубъ былъ найденъ.

---

*) Когда эта статья была уже закончена, въ итальянскихъ періодическихъ изданіяхъ стали появляться статьи, очевидно внушаемыя настояніями мессинцевъ, но не чуждыя по своему происхожденію нѣкоторымъ парламентскимъ группамъ, о необходимости возвести мощныя укрѣпленія,—по-просту крѣпости,—около Мессинскаго залива, въ виду политическихъ усложненій балканскаго вопроса.

Андрэ Франсуа-Понсэ.

Дѣтская литература.

Много писали, а еще болѣе пишутъ теперь для дѣтей, но критика—какъ литературная, такъ и философская—проявляетъ и по сію пору почти совершенное пренебреженіе къ подобнаго рода произведеніямъ. Я, съ своей стороны, не разсчитываю восполнить этотъ пробѣлъ; я хотѣлъ бы только указать на это странное явленіе раньше, чѣмъ позволю себѣ, высказать нѣсколько соображеній по поводу дѣтской литературы.

Да, теперь больше, чѣмъ когда-либо прежде, заботятся о дѣтяхъ—объ ихъ питаніи, жилищѣ, воспитаніи, играхъ; не интересуются только ихъ чтеніемъ! Между тѣмъ существуетъ особый родъ классической дѣтской литературы, относительно которой возникаетъ вопросъ, каково ея вліяніе и хороша ли она во всѣхъ отношеніяхъ. Изучаютъ душу ребенка, но не подозрѣваютъ того, что хорошимъ матеріаломъ для этого изученія могутъ служить тѣ авторы, которые спеціально пишутъ для дѣтей. Вѣдь, наблюдаютъ дѣтей во время ихъ отдыха и во время занятій, вѣдь, умѣютъ же наталкивать ихъ на размышленія и выслушивать ихъ. Почему же не стараются наблюдать за ними во время ихъ чтенія, говорить съ ними по этому поводу? Быть-можетъ, находятъ, что возиться съ этой ребяческой литературой есть дѣло, недостойное серьезнаго ума? Я не раздѣляю этого презрительнаго отношенія, какъ, несомнѣнно, и всѣ тѣ, кто сохранилъ свои первыя книги и иногда вспоминаетъ о нихъ съ тѣмъ нѣжнымъ и признательнымъ чувствомъ, котораго заслуживаютъ эти старые друзья.

Занимаетъ ли чтеніе дѣйствительно важное мѣсто въ жизни дѣтей? Соразмѣрно съ временемъ, которое они ему отдаютъ,—нѣтъ, не занимаетъ. Но надо принять во вниманіе впечатлѣніе, производимое имъ на дѣтскіе умы. До десяти или двѣнадцати лѣтъ дѣти, если они здоровы и хорошо развиваются, предпочитаютъ обыкновенно мирному отдыху во время чтенія шумныя игры, при которыхъ они могутъ удовлетворить своей потребности въ движеніи. Рѣдко можно увидѣть дѣтей, которыя оставляютъ какую-нибудь игру, напр., въ лапту или въ „разбойниковъ“, для того, чтобы сѣсть за книгу. Они предпочитаютъ читать вечеромъ около лампы, иногда послѣ уроковъ въ ожиданіи обѣда—словомъ, тогда, когда имъ больше нечего дѣлать. Но къ двѣнадцати годамъ—иногда раньше, иногда позже—чтеніе становится для дѣтей насущной потребностью. Повидимому, въ этомъ возрастѣ ихъ умъ требуетъ усиленной пищи. Они проглатываютъ все, что имъ попадается подъ руки; они проводятъ цѣлые дни, не трогаясь съ мѣста, съ книгой въ рукахъ; у нихъ есть свои укромные уголки, куда они скрываются тайкомъ, и гдѣ никто не можетъ помѣшать имъ читать, сколько душѣ угодно. И сколько бы они ни читали—мало ли, много ли,—всякая прочитанная вещь оставляетъ въ ихъ душѣ глубокій слѣдъ. Въ самомъ дѣлѣ, оставляя безъ вниманія все неинтересное, дѣти переживаютъ всѣ дѣйствія вмѣстѣ съ героями заинтересовавшихъ ихъ исторій. Вотъ почему, какъ мы увидимъ дальше, авторы произведеній дѣтской литературы стараются сдѣлать

своихъ героевъ симпатичными и близкими дѣтямъ по характеру и чувствамъ. Такимъ образомъ, слѣдъ, оставляемый чтеніемъ, безконечно глубже, чѣмъ думаютъ обыкновенно. Многія дѣти боятся темноты потому, что начитались исторій о привидѣніяхъ. Книги часто бываютъ причиной непонятной грусти или внезапнаго веселья. Когда въ концѣ романа „дѣти капитана Гранта“ находятъ своего отца, то радость маленькихъ читателей не поддается описанію. Кто изъ дѣтей не оплакивалъ смерти какого-нибудь храбраго героя, читая объ его послѣднихъ минутахъ? Ребенокъ съ трудомъ отличаетъ вымыселъ отъ дѣйствительности, и послѣдняя часто является въ его глазахъ продолженіемъ перваго Съ того момента, какъ онъ начинаетъ читать, его игры являются передачей прочитаннаго. Такъ, маленькая дѣвочка, начитавшись сказокъ, подходитъ къ вамъ, дотрогивается до васъ палочкой и строго говоритъ: „Я превращаю тебя въ барана,— ты больше не можешь говорить!“ Войдя какъ-то въ домъ своего пріятеля, я, пріотворяя дверь, получилъ по колѣну ударъ палочкой отъ серсо, привязанной къ длинной ниткѣ, и услышалъ, какъ маленькій мальчикъ, сидя на стулѣ, кричалъ своему товарищу, сидѣвшему у его ногъ: „Греби впередъ, ты же видишь, что онъ уже задѣтъ!“ Какъ оказалось потомъ, дѣти играли въ охоту на Левіаѳана и въ этотъ моментъ метали острогу въ кита...

* *
*

Первыя серьезныя книги (если ихъ можно такъ назвать), которыя мы видимъ въ рукахъ дѣтей, это—сказки и волшебныя легенды. До этого они только перелистываютъ книжки съ картинками, текстъ которыхъ, по необходимости упрощенный до крайности, имѣетъ въ глазахъ дѣтей чрезвычайно малое значеніе въ сравненіи съ рисунками (кстати слѣдуетъ пожалѣть объ обычной посредственности этихъ иллюстрацій).

Когда, знакомясь съ окружающимъ міромъ, ребенокъ приходитъ въ состояніе созерцательнаго и размышляющаго удивленія, котораго только и ждутъ, чтобы начать его ученіе, въ немъ пробуждается склонность къ чудесному. Собственно говоря, эта склонность существуетъ въ дѣтяхъ съ первыхъ дней рожденія, и впечатлѣнія ребенка сходны съ впечатлѣніями „Проснувшагося принца“, глазамъ котораго вдругъ представилось незнакомое великолѣпіе волшебнаго замка. Но въ то время, какъ принцъ сейчасъ же замѣчаетъ необычайность зрѣлища, ребенокъ далекъ отъ сознанія собственнаго изумленія. Только къ пяти годамъ онъ начинаетъ воспринимать ясныя и живыя впечатлѣнія отъ пребыванія въ мірѣ чудесъ, среди загадочныхъ лицъ, дѣйствія которыхъ онъ не можетъ объяснить. Къ этому времени ему даютъ читать волшебныя сказки, которыя въ данномъ случаѣ являются самыми подходящими и незамѣнимыми: чтеніе ихъ нравится ребенку чрезвычайно. Отчего ему не допустить, что феямъ извѣстно все, если его мама знаетъ всѣ его поступки—стоитъ только ей приложить мизинецъ къ уху? И отчего бы великанамъ не дѣлать семимильныхъ шаговъ и не носить деревьевъ на своихъ плечахъ, если его папа проходитъ комнату въ три шага и одной рукою поднимаетъ кресло? Изъ міра, въ которомъ онъ живетъ, онъ переходитъ легко и незамѣтно въ міръ чудесъ, и такъ какъ въ мірѣ дѣйствительности его интересуетъ именно то, что ему кажется чудеснымъ, то неудивительно, что онъ испытываетъ огромное удовольствіе, читая сказки Перро и братьевъ Гриммовъ, въ которыхъ гораздо больше чудеснаго, чѣмъ въ настоящей жизни.

Перро и Гриммъ—это самыя любимыя сказки ребенка. Ихъ передѣлывали, приспособляли, перекраивали на тысячу ладовъ. Я согласенъ съ тѣмъ, что все это дѣлалось съ искреннимъ желаніемъ принести пользу. Но думать, что упрощеніемъ языка и интриги можно сдѣлать сказки болѣе понятными дѣтямъ, большая ошибка. Это—ошибка психологовъ и педагоговъ, которые полагаютъ, что нужно опуститься до уровня дѣтей, чтобы навѣрное понравиться имъ; напротивъ, имъ надо всегда предлагать чтеніе, которое выше ихъ: непонятныя для нихъ слова и мѣста воспринимаются и усваиваются ими такъ же, какъ и все остальное въ книгѣ. Дѣти шести лѣтъ способны сравнивать Перро и Гримма,

оцѣнивать ихъ и даже смутно чувствовать ихъ различный характеръ. Одинъ мальчикъ въ такомъ возрастѣ на мой вопросъ, которая изъ этихъ двухъ книгъ ему больше нравится, отвѣтилъ, указывая на Перро: „Въ этой больше шика, а та лучше разсказываетъ!“ И, въ самомъ дѣлѣ, это сужденіе вѣрно: не то, чтобы я самъ думалъ, что у Гримма меньше „шика“, чѣмъ у Перро,—но очевидно, что ихъ манеры писать противоположны, и французскія сказки безконечно цвѣтистѣе нѣмецкихъ. Возьмите любую сказку Гримма и вы будете поражены жестокостью фабулы. „Вѣрный Иванъ“, жертва своей преданности, превращенный въ статую, не можетъ ожить до тѣхъ поръ, пока его господинъ не согласится убить своихъ собственныхъ дѣтей, чтобы ихъ кровью обрызгать его. Въ „Двухъ товарищахъ“ сапожникъ уступаетъ кусокъ хлѣба своему спутнику-портному съ условіемъ, чтобы тотъ позволилъ выколоть себѣ глазъ; на другой день онъ предлагаетъ ему ту же сдѣлку, а на третій оставляетъ слѣпого подъ висѣлицей, гдѣ вороны доканчиваютъ обгладываніе двухъ повѣшенныхъ. Правда, и у Перро есть Синяя Борода, который не менѣе жестокъ, но замѣтьте, что въ концѣ концовъ его большой ножъ выпадаетъ изъ рукъ прежде, чѣмъ сдѣлать свое дѣло. Есть у Перро еще великаны, приказывающіе готовить для себя въ пищу дѣтей, но почти всегда ловкій и снисходительный поваръ находитъ средство обмануть вкусъ хозяина, приготовляя молодого оленя или теленка подъ сочнымъ соусомъ. И наибольшее несчастье, которое выпадаетъ на долю героинь Перро, заключается въ злобѣ мачехи, какъ у Флорины и др., или въ ревности двухъ сестеръ, какъ у Сандрильоны, или въ мести злой феи, какъ въ „Спящей красавицѣ“.

Главное различіе между Гриммомъ и Перро—въ формѣ. У перваго нѣтъ ничего лишняго, мало подробностей, рѣдкіе портреты, замѣчательная сжатость, отсутствіе художественности и утонченности. Все это придаетъ повѣствованію быстрый, нервный тонъ, драматическій характеръ, что сильно дѣйствуетъ на дѣтей. Однако, послѣднія не переживаютъ сказокъ Гримма такъ глубоко всѣмъ сердцемъ и душой, какъ переживаютъ они сказки Перро. Прежде всего, герои Гримма безличны: почти никогда нѣтъ описаній ихъ наружности и костюма, которыми опредѣлялся бы непосредственно ихъ внѣшній образъ; „Два товарища“—люди неопредѣленные, похожіе на „Трехъ искателей наслѣдства“, похожіе на того, который отправился въ поиски за „Тремя золотыми волосками дьявола“, похожіе на рыбака, поймавшаго волшебную камбалу. Затѣмъ, во время разсказа не встрѣчается тѣхъ мелкихъ подробностей, красивыхъ, поэтическихъ, полныхъ вкуса, тѣхъ трогательныхъ мелочей, которыя не ускользаютъ отъ вниманія ребенка; такъ, достаточно одного слова, жеста, оттѣнка, чтобы привести въ восхищеніе эти маленькія воспріимчивыя души. Въ этомъ-то и заключается преимущество Перро. Онъ облекаетъ своихъ симпатичныхъ героевъ въ очаровательныя формы: „золотистые волосы, совершенно бѣлокурые, болѣе чистые, чѣмъ золото, и волнистые“, цвѣтъ лица, свѣжій, какъ заря, глаза „прозрачные, какъ источники живой воды“—вотъ его эпитеты. Такъ же выразительны и имена, которыми Перро надѣляетъ своихъ героевъ и героинь: Красавица, Лѣнивица, Плутовка; онъ одѣваетъ ихъ въ самые красивые ткани и цвѣта: Персинэ одѣтъ въ зеленый атласъ, Авенанъ—въ парчу, на немъ алыя и бѣлыя перья и тонко вышитый поясъ. Флорина любитъ платья изъ воздушной тафты съ застежками изъ драгоцѣнныхъ камней и гирляндами цвѣтовъ. И всюду Перро расточаетъ сокровища своего восхитительнаго воображенія. „Ослиная Кожа“ отправляется къ своей крестной матери „въ маленькомъ изящномъ кабріолетѣ, въ который запряженъ большой бѣлый баранъ, знающій всѣ дороги“. Когда Красавица садится ужинать, ей подаютъ „полныя вазы конфектъ и чаши съ вареньемъ“. Флорина разбиваетъ одно изъ яицъ, подаренныхъ ей феей, и получаетъ изъ него „маленькую карету изъ блестящей стали, отдѣланную золотомъ, запряженную шестью зелеными мышками, въ сопровожденіи двухъ крысъ—кучера розоваго цвѣта и форейтора сѣраго цвѣта“. Легко представить себѣ восторгъ ребенка, читающаго подобную сказку, и понятно, что эти сказки онъ всегда будетъ читать съ удо-

вольствіемъ, даже когда будетъ уже знать ихъ наизусть; таковы, напр., „Красная шапочка“, „Мальчикъ съ пальчикъ“ и т. п.

На ряду съ Перро и бр. Гриммами не слѣдуетъ забывать Андерсена. Его сказки полны нѣжной грусти и поэтической прелести; нужно замѣтить, что эти сказки, главнымъ образомъ, во вкусѣ маленькихъ дѣвочекъ. Герои Андерсена большею частью являются жертвами, переносящими всѣ удары судьбы съ грустью, но безропотно и не жалуясь; таковы безобразный утенокъ,—оловянный солдатикъ, возлюбленный бумажной танцовщицы,—одиннадцать принцевъ, превращенныхъ въ лебедей,—маленькая русалочка, отвергнутая принцемъ и превратившаяся въ пѣну. Сказки Андерсена слѣдуетъ посовѣтовать давать дѣтямъ: онѣ проникнуты чувствомъ доброты и снисходительности; у Андерсена изображены безобразные люди, которые добродѣтельны, добродѣтельные, которые все же остаются несчастными. Этого вы не найдете у Перро! Андерсенъ не только бьетъ на любопытство и воображеніе дѣтей, но и взываетъ къ ихъ чувству жалости. Вотъ почему только онъ одинъ имѣетъ на дѣтей истинно благотворное нравственное вліяніе, котораго нѣтъ и слѣда у Перро или Гримма. Правда, и у нихъ злоба, зависть, вѣроломство наказываются въ концѣ концовъ, но есть и такіе герои, какъ „Котъ въ сапогахъ“ и „Храбрый портняжка“, которые торжествуютъ, благодаря наглости, лжи и коварству.

И въ самомъ дѣлѣ проблема моральнаго значенія волшебныхъ сказокъ неосуществима. Сказка тогда занимаетъ ребенка, если она уноситъ его въ чудесный, волшебный міръ, и тогда все волшебное такъ овладѣваетъ вниманіемъ ребенка, что ничто другое не можетъ быть имъ замѣчено, и урокъ морали пропадаетъ. Но эта трудность, повидимому, уже обратила на себя вниманіе, такъ какъ дѣтямъ послѣ тѣхъ книгъ, которыя я отмѣтилъ, даютъ книги „Розовой Библіотеки“, т. е. произведенія m-me де-Сегюръ. Авторъ этихъ книгъ преслѣдуетъ уже нравственныя и воспитательныя цѣли. Впрочемъ, г-жа Сегюръ производитъ гораздо бо́льшее впечатлѣніе на дѣвочекъ; лѣтъ до 13—14 онѣ поглощаютъ одинъ за другимъ ея безчисленные романы; мальчики же не отличаются подобнымъ постоянствомъ: они скоро находятъ эту библіотеку слишкомъ „розовой“. Когда они начинаютъ „играть въ солдаты“, и ихъ начинаетъ мучить духъ воинственности, они требуютъ другого; въ „Судьбѣ Гаспара“ и т. под. нѣтъ вѣдь ни выстрѣловъ, ни битвъ. Въ то же время они чувствуютъ, какъ растутъ ихъ физическія силы. Предметы, которыми они занимаются,—и, главнымъ образомъ, географія, — открываютъ новое и значительное поле для ихъ воображенія. Фениморъ Куперъ и Майнъ-Ридъ затмеваютъ миролюбивую г-жу Сегюръ. По правдѣ сказать, чтобы находить удовольствіе въ этихъ разсказахъ объ охотахъ и путешествіяхъ, надо быть одержимымъ демономъ приключеній, что можетъ быть только съ дѣтьми подобныхъ лѣтъ. У Купера—еще больше, чѣмъ у Майнъ-Рида—разсказъ ведется медленно, натянуто и съ чисто англосаксонской тяжеловѣсностью, которую еще усиливаютъ неудачные переводы; ихъ герои ведутъ длинные монологи въ холодномъ торжественномъ тонѣ; описанія мѣстностей, замѣчанія объ ихъ флорѣ и фаунѣ безконечно длинны и читаются съ трудомъ, такъ что нечего удивляться скорости, съ которой дѣти пробѣгаютъ нѣкоторыя страницы: она позволяетъ имъ не замѣчать тяжести слога. Что же у нихъ остается, по совѣсти, отъ такого чтенія, и почему въ такомъ случаѣ оно кажется имъ такимъ привлекательнымъ? Дѣло въ томъ, что ихъ прежде всего поражаетъ обстановка дѣйствія, это изображеніе чуждыхъ, далекихъ странъ. И среди этого міра, совсѣмъ непохожаго на міръ, окружающій ребенка, живутъ люди съ еще болѣе необычными нравами и поступками. Этотъ міръ—міръ охотниковъ и индѣйцевъ, затерянный въ глубинѣ необъятныхъ лѣсовъ, въ странѣ, гдѣ вмѣсто дорогъ приходится пользоваться озерами и рѣками съ многочисленными порогами; эти племена краснокожихъ, Гуроны, Могикане и др.,—воины которыхъ разрисовываютъ себѣ тѣло и носятъ причудливыя имена: Быстроногій Олень, Соколиный Глазъ, Хитрая Лисица,—сидятъ на совѣтѣ въ кругу и курятъ общую трубку мира, говорятъ напыщеннымъ и таинственнымъ языкомъ.

музыкальнымъ голосомъ, умѣющимъ передавать всѣ оттѣнки звука—отъ самыхъ низкихъ до самыхъ высокихъ. Эти странные люди покидаютъ свои „вигвамы“ для того, чтобы броситься по тропѣ войны; они ведутъ эти войны, передвигаясь черезъ кустарники, подслушивая, выжидая, пускаясь на всевозможныя отважныя хитрости, давая другъ другу сигналы, подражая шипѣнію змѣй, бросая на всемъ бѣгу свои „томагавки“ во врага, наконецъ, скальпируя его и подвѣшивая его скальпъ въ видѣ трофея къ своему поясу... Вотъ въ чемъ заключается притягательная сила Купера. Привлекательность Майнъ-Рида—въ томъ же родѣ: канадскіе лѣса замѣняются у него равнинами Африки, охота на „блѣднолицыхъ“—охотою на дикихъ животныхъ, индѣйскія племена—готтентотами и т. п., сѣвероамериканскіе охотники—безстрашными молодыми людьми, вооруженными „роэрами“ и располагающимися лагеремъ въ „крааляхъ“. Иногда мѣсто дѣйствія переносится на море; тогда содержаніемъ повѣсти служитъ охота на китовъ, погоня за пиратскими кораблями и описанія на особенномъ морскомъ жаргонѣ бурь, кораблекрушеній и морскихъ битвъ.

* * *

Приноситъ ли дѣтямъ это чтеніе какую-нибудь пользу? Естественно бояться, что картины такой жизни — грубой и первобытной — разовьютъ въ мальчикахъ дикіе и жестокіе инстинкты, которые сдерживаются часто лишь съ трудомъ. Дѣйствительно, нерѣдко можно видѣть, какъ подъ вліяніемъ Купера ребенокъ вцѣпляется въ волосы сестры, желая снять съ нея скальпъ, или привязываетъ своего младшаго товарища къ стулу—столбу пытокъ. Но это—явленіе преходящее и, какъ это ни странно, продолжаясь недолго, оно оставляетъ за собою благодѣтельные слѣды: ребенокъ становится болѣе смѣлымъ и прямымъ; въ то же время ознакомленіе съ экзотическими странами и нравами несомнѣнно развиваетъ его умъ и развивало бы еще глубже, если бы было сдѣлано съ бóльшимъ искусствомъ. Къ несчастью, ни Майнъ-Ридъ, ни Куперъ имъ не обладаютъ. Майнъ-Ридъ, желая ознакомить своихъ юныхъ читателей съ жирафами, посвящаетъ этому цѣлую главу, которую начинаетъ такъ: „Можетъ-быть, нѣтъ на свѣтѣ четвероногаго съ болѣе граціозными формами, съ болѣе представительною и величественною внѣшностью, чѣмъ Камелеопардусъ, болѣе извѣстный подъ именемъ жирафа. Жирафъ былъ отлично извѣстенъ древнимъ римлянамъ и игралъ важную роль въ пышныхъ празднествахъ царственнаго народа, и т. д...“—Вы понимаете, что подобныя объясненія въ догматическомъ и достаточно холодномъ тонѣ отдаютъ скукой, и какъ равнодушенъ долженъ оставаться къ нимъ ребенокъ! Это—типичный примѣръ, и недостатки такихъ пріемовъ въ совершенствѣ сознаны другимъ авторомъ, котораго нельзя упрекнуть ни въ тяжеловѣсности разсказа, ни въ отсутствіи чувства, ни въ недостаткѣ искусства и который съ полнымъ правомъ считается мастеромъ своего дѣла: я говорю о Жюль Вернѣ.

Въ сущности, вовсе не легко обрисовать нѣсколькими штрихами столь же значительное, сколь и разнообразное творчество Жюль Верна. Однако, съ нашей точки зрѣнія, раздѣляемой и дѣтьми, можно благодаря впечатлѣнію, производимому на нихъ этимъ чтеніемъ, свести къ небольшому числу главныя причины его колоссальнаго успѣха. Обратите, прежде всего, вниманіе на то, какъ происходитъ завязка романа у Жюль Верна: будетъ ли это романъ приключеній, путешествій или научный—завязка всегда является въ формѣ загадки, задачи, которую предстоитъ рѣшить. Конечно, вы найдете то же самое у Купера или Майнъ—Рида: въ противномъ случаѣ не было бы интриги! Но у нихъ задачи очень расплывчаты и мало захватываютъ. Обыкновенно, дѣло идетъ о томъ, чтобы привести пару живыхъ жирафовъ, собрать изрядное количество бочекъ жиру, убивши тьму китовъ, или перевезти изъ одной крѣпости въ другую двухъ молодыхъ женщинъ черезъ страну, опустошенную индѣйцами. У Жюль Верна задача ставится непосредственно въ первыхъ двухъ-трехъ главахъ, какъ въ математикѣ: дано то-то и то-то, требуется найти то-то,—и данныя всегда вы-

бираются такимъ образомъ, чтобы отыскиваніе неизвѣстнаго было болѣе драматическимъ: найденъ въ бутылкѣ, попорченный водою документъ, изъ котораго, однако, можно понять, что капитанъ Грантъ потерпѣлъ кораблекрушеніе и находится въ безвыходномъ положеніи на пустынномъ островѣ, но названіе острова и указаніе долготы исчезли, остался только градусъ широты; для того, чтобы найти капитана, необходимо проѣхать вдоль этого градуса вокругъ земного шара! Появляется гигантская рыба въ водахъ Тихаго Океана; она движется быстрѣе, чѣмъ крейсеръ, и вооружена шпорой; она обладаетъ электрическою силою и уничтожаетъ всѣ корабли, подплывающіе къ ней слишкомъ близко. Эта рыба не подходитъ ни подъ одинъ извѣстный типъ—обитателей океана. Задача состоитъ въ томъ, чтобы уничтожить этотъ бичъ моря, захватить диковинную рыбу... и такъ далѣе... Какъ только ребенокъ открываетъ Жюль Верна, онъ тотчасъ попадается на выставленную ему приманку—и вотъ онъ пойманъ! Невозможно вырваться, онъ пойдетъ теперь всюду, куда захочетъ увлечь его авторъ. Тотъ, кто самъ не испыталъ этого, не можетъ представить себѣ, съ какимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждутъ дѣти разрѣшенія проблемы. Авторъ пользуется этимъ, чтобы оттянуть развязку, чтобы увлечь своего читателя, по ложному пути, вызывая соотвѣтствующія эмоціи. Ребенокъ все время волнуется! У Филеаса Фогга остается только одинъ день, чтобы прибыть къ назначенному часу и выиграть пари; вы чувствуете все учащающееся біеніе его сердца, вы переживаете вмѣстѣ съ нимъ его тоскливое томленіе въ послѣдніе часы и его радость, когда цѣль, наконецъ, достигнута.

Но Жюль Вернъ не довольствуется тѣмъ, что вызываетъ и постепенно усиливаетъ драматическія переживанія,—въ каждой изъ его книгъ имѣются еще стороны сантиментальная и юмористическая. На ряду съ главной интригой всегда есть на лицо легкая любовная интрига, создающаяся и развивающаяся вмѣстѣ съ первой; дочь капитана Гранта любитъ капитана „Дункана“. Мишель Строговъ любитъ Надю. Пьеръ Батори любитъ дочь Торонталя. И рядомъ съ главными персонажами романа, которые въ большинствѣ случаевъ, какъ и у Майнъ-Рида и Купера, рисуются людьми суровыми, флегматичными, стойкими, всегда находится мѣсто для какой-нибудь комической фигуры, для забавныхъ „эксцентриковъ“, выходки которыхъ бываютъ временами остроумы и которые носятъ странныя имена, въ родѣ Паспарту, Консейль, Паганель, Пуантъ-Пескадъ, Дарданторъ. Эта сантиментальная и комическая нотка сплетается съ драматической такъ, что при чтеніи нѣкоторыхъ мѣстъ ребенокъ въ одно и то же время и плачетъ, и смѣется, и дрожитъ!..

Выше мы говорили о неудачной манерѣ Майнъ-Рида въ описаніи флоры и фауны. И въ этомъ отношеніи ему также можно противопоставить Жюль Верна. Послѣдній, вообще, не признаетъ систематическаго и доктринальнаго изложенія. Если онъ хочетъ дать какія-нибудь свѣдѣнія изъ географіи, естественной исторіи, физики или химіи, онъ дѣлаетъ это въ формѣ разговора: одно дѣйствующее лицо, не знающее чего-нибудь, обращается съ вопросомъ къ другому, болѣе знающему, которое и даетъ требуемыя разъясненія въ простой формѣ бесѣды. Читатель, самъ этого не подозрѣвая, получаетъ маленькій урокъ.

Остается, наконецъ, сказать о томъ, что считается самымъ привлекательнымъ въ Жюль Вернѣ, въ чемъ видятъ главное его достоинство: это—умѣніе пользоваться современной наукой и ея результатами, кладя ихъ въ основу своихъ романовъ. Вотъ поистинѣ замѣчательная и плодотворная идея, судя по романамъ, которые она породила. Искусно перемѣшанная съ вымысломъ, наука придаетъ ему правдоподобіе, дѣлающее его, безъ сомнѣнія, болѣе интереснымъ. Но я съ своей стороны нахожу еще болѣе замѣчательной манеру Жюль Верна пользоваться этой идеей. Къ тринадцати или четырнадцати годамъ ребенокъ нуждается въ наукѣ; образованіе, которое онъ получаетъ, становясь все болѣе и болѣе научнымъ, начинаетъ приносить свои плоды. Проблема пара, электричества, эксплуатаціи великихъ силъ природы сильно интригуетъ его: онъ грезитъ о машинахъ, рисуетъ планы, игрушками его служатъ телеграфъ, гальванопласти-

ческій приборъ, столярный станокъ, онъ страдаетъ маніей изобрѣтенія. Между тѣмъ, онъ еще не въ состояніи понять мало-мальски трудное объясненіе; немножко механики привлекаетъ его, много механики уже отталкиваетъ. То, что ему нужно, это—не наука, а скорѣе иллюзія науки. Жюль Вернъ отлично понялъ это и какъ разъ то, что нужно, и даетъ дѣтямъ. Нигдѣ въ техническихъ описаніяхъ онъ не отбиваетъ охоты къ чтенію и не бываетъ скученъ. Пусть его объясненія иногда рудиментарны, но въ общемъ они не внушаютъ ребенку ложныхъ идей. „Какъ вы добываете электричество?“ спрашиваетъ профессоръ Аронаксъ у капитана Немо. Отвѣтъ: „При помощи батареи Бунзена, силу которой я поддерживаю, пользуясь въ качествѣ элемента натріемъ морской воды“.—А какъ вы сообщаете электрическую энергію архимедову винту „Наутилуса“?—Посредствомъ системы рычаговъ.—Ребенокъ удовлетворенъ; онъ нашелъ объясненіе ясное и на первое время достаточное. Такъ сообщаетъ ему Жюль Вернъ если не самую науку, то по крайней мѣрѣ вкусъ къ наукѣ и желаніе учиться; а это—самое важное въ такомъ возрастѣ.

* * *

Но, говоря о Жюль Вернѣ, мы выходимъ уже изъ предѣловъ дѣтскаго возраста; его романы находятъ столько же читателей среди взрослыхъ, какъ и среди дѣтей, такъ какъ они вполнѣ могутъ печататься въ газетныхъ фельетонахъ. Въ этомъ отношеніи многіе люди остаются до конца своей жизни тѣмъ, чѣмъ были въ 15 лѣтъ.

Намъ пора уже сдѣлать заключеніе. Что же вытекаетъ изъ этого бѣглаго изслѣдованія? Во-первыхъ, то, что изученіе дѣтскихъ книгъ является превосходнымъ средствомъ изученія самихъ дѣтей. Никогда не мѣшаетъ указывать на это родителямъ и воспитателямъ, у которыхъ въ распоряженіи имѣется не такъ ужъ много средствъ! Книга служитъ какъ бы термометромъ дѣтской души; она показываетъ намъ вкусы ребенка, его характеръ и ту точку, на которой онъ стоитъ въ данный моментъ на пути своего умственнаго развитія. Разспрашивайте своего ребенка объ его книгахъ; заставляйте его разсказывать ихъ содержаніе; спрашивайте, что онъ думаетъ о нихъ, что сдѣлалъ бы на мѣстѣ того или другого дѣйствующаго лица; вы узнаете его такимъ путемъ. Послѣ этого вы сможете вліять на него наиболѣе удобнымъ и дѣйствительнымъ образомъ.

Въ то же время, кромѣ этихъ отдѣльныхъ указаній, разборъ дѣтской литературы даетъ намъ очень важныя свѣдѣнія общаго характера; онъ показываетъ намъ, что въ каждомъ данномъ возрастѣ большинство дѣтей предпочитаетъ извѣстный родъ чтенія. Существуетъ средній типъ ребенка, проходящій въ своемъ развитіи извѣстное число періодовъ: періодъ мечтательнаго удивленія и волшебной фантазіи,—періодъ детальнаго наблюденія и доведеннаго до крайности подражанія,—періодъ сантиментальный,—періодъ грубости и любви къ большому размаху,—періодъ технической фантазіи и изобрѣтеній.

Наконецъ, изъ нашего разбора нѣсколькихъ авторовъ видно, что нѣкоторыя изъ этихъ книгъ, считающіяся плохими и ненужными, содержатъ въ себѣ много тонкаго искусства и психологической правды. Пора воздать должное тѣмъ, кто беретъ на себя трудную и неблагодарную задачу писать для дѣтей. Мы оставили безъ вниманія многихъ очень читаемыхъ и любимыхъ дѣтской публикой писателей, не говорили ни о дѣтскихъ журналахъ, ни по вопросу о стилѣ или объ иллюстраціяхъ и многихъ другихъ. Но если намъ удалось хотя бы только показать всю важность затронутаго нами предмета и необходимость основательнаго его изученія, то наша цѣль достигнута.

Проф. І. Деникеръ.

Самые древніе останки человѣка.

Извѣстно, что ископаемые останки человѣка, найденные до сихъ поръ, какъ въ Европѣ, такъ и въ другихъ частяхъ свѣта, не восходятъ по времени дальше середины геологическаго періода, который носитъ названіе четвертичнаго и непосредственно предшествовалъ современному.

Подлинные человѣческіе останки совершенно отсутствуютъ въ нижнихъ четвертичныхъ слояхъ, гдѣ раскопки открыли только присутствіе орудій шелейскаго или ашелейскаго типа. Что же касается человѣка третичнаго періода, то до сихъ поръ не было найдено ни орудій, ни человѣческихъ костей, которыя могли бы служить несомнѣннымъ доказательствомъ его существованія. Правда, по мнѣнію Евгенія Дюбуа, питекантропъ могъ жить въ пліоценовую эпоху, т. е. во времена образованія самыхъ верхнихъ слоевъ третичныхъ отложеній; но сомнительно, чтобы здѣсь дѣло шло о настоящемъ человѣкѣ. Даже болѣе того, голландскій ученый принимаетъ это указаніе съ оговоркой и признаетъ, что это напластованіе могло быть промежуточнымъ между верхнимъ пліоценовымъ и нижнимъ постъпліоценовымъ и вѣроятно даже относится прямо къ четвертичной системѣ.

Черепа и скелеты, подобные неандертальскому, найденные въ бассейнѣ Дордони и возбуждавшіе въ послѣднее время такой живой обмѣнъ мнѣній, относятся только къ серединѣ четвертичнаго періода.

Въ октябрѣ 1907 года Шетензакъ, нѣмецкій ученый, который въ теченіе 20 лѣтъ слѣдилъ за работой въ карьерѣ близъ Гейдельберга, надѣясь найти тамъ останки ископаемаго человѣка, извлекъ изъ пласта, относящагося несомнѣнно къ нижнимъ слоямъ четвертичной системы или промежуточному слою между этой послѣдней и пліоценомъ, замѣчательную челюсть, которая по всѣмъ признакамъ принадлежала самому древнему человѣку или даже предшественнику человѣка.

Каменоломня, гдѣ была обнаружена драгоцѣнная находка, Мауэровскій карьеръ (Sanden von Mauer), лежитъ въ 10 километрахъ къ юго-востоку отъ Гейдельберга, на глубинѣ 24 метровъ, и на разстояніи 75 сантиметровъ отъ скалистой основы, границы разрабатываемаго пласта. Рисунокъ 1 изобра-

жаетъ рядъ напластованій, которыя можно раздѣлить на 3 группы: ближайшій къ поверхности земли—толстый слой лесса до 5 метровъ мощностью (1); затѣмъ еще болѣе мощный до 6 метровъ слой древняго лесса (2); наконецъ на скалистой основѣ два ряда песчаныхъ слоевъ, (рис. 1, 3a и 3c.), раздѣленные пластомъ глины, пронизаннымъ прослойками булыжника (14 метр.). Эта послѣдняя группа раздѣляется на двадцать три слоя, тщательно разобранныхъ и изученныхъ Шетензакомъ въ его замѣчательномъ трудѣ, изъ котораго мы и почерпнули наши свѣдѣнія.

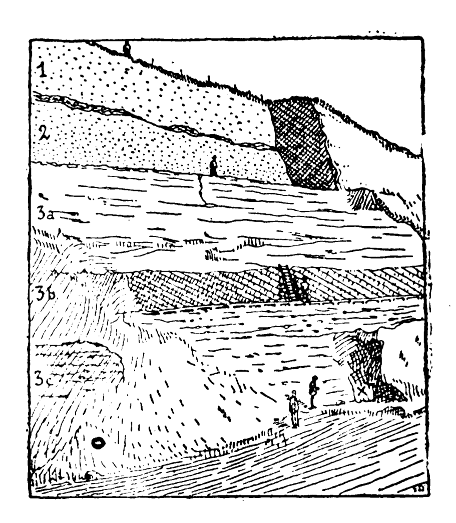

Рис. 1. Карьеръ въ Мауерѣ. Знакомъ × обозначено мѣсто, гдѣ была найдена челюсть.

Въ двѣнадцатомъ слоѣ этой верхней группы, начиная сверху, встрѣчаются валуны, вѣроятно занесенные ледниками; и подъ этими то валунами въ девятнадцатомъ слоѣ, состоящемъ изъ связанныхъ известью обломковъ булыжника, была найдена нижняя человѣческая челюсть. Въ этомъ слоѣ нашли кромѣ того остатки животныхъ четвертичнаго періода: оленя (Cervus elaphus), пещернаго льва (Leo spelaeus), бобра и т. п., но мѣсто мамонта (Elephas primigenius) занялъ видъ Elephas antiquus. Присутствіе этого животнаго, такъ же, какъ и остатки Equus Stenonis и различныя раковины пліоценоваго періода даютъ основаніе уподоблять его „пескамъ Мосбаха“, (между Майнцемъ и Висбаденомъ), доледниковому слою Норфолька („Forest Bed“) и слоямъ верхняго пліоцена въ Южной Европѣ.

Во всякомъ случаѣ этотъ слой является промежуточнымъ между пліоценомъ и верхнимъ постъ-пліоценовымъ слоемъ.

Человѣческая челюсть, найденая тамъ, удивительно сохранилась—у нея цѣлы всѣ зубы (рис. 2 и 3), но она во многихъ отношеніяхъ отличается отъ челюсти современнаго человѣка и его ископаемыхъ останковъ. Съ перваго взгляда она напоминаетъ нижнюю челюсть гориллы. Восходящая вѣтвь ея такъ же толста, какъ у гориллы (она почти вдвое шире соотвѣтствующей части челюсти современнаго европейца) и ея верхній край снабженъ такой-же небольшой выемкой, какъ и у названныхъ обезьянъ. Но тѣло челюсти гораздо короче, чѣмъ у гориллы. Толщина кости въ два раза превосходитъ толщину челюсти современнаго человѣка. Зубы-же напротивъ не больше зубовъ нашихъ современниковъ и совершенно не разнятся отъ нихъ по своей формѣ; они сидятъ тѣсно одинъ возлѣ другого и ни одинъ не выдается надъ другими. Подбородокъ рѣзко выступаетъ и носитъ ясно выраженные слѣды прикрѣпленій мускуловъ языка. Если положить челюсть на горизонтальную поверхность

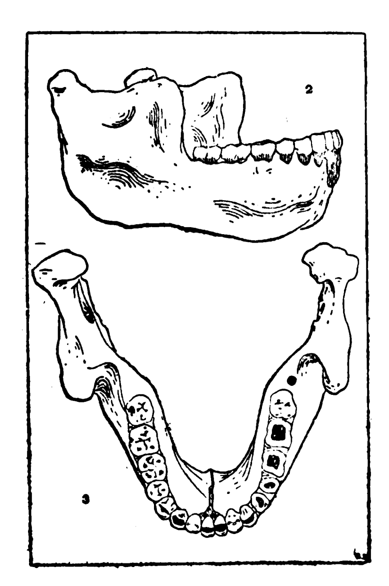

Рис. 2 и 3. Челюсть, найденная въ Мауэрѣ. 2—видъ сбоку, 3—видъ сверху.

то ея передняя часть, сосѣдняя подбородочному сочлененію (мѣсто, гдѣ соединяются двѣ горизонтальныя ея части), не будетъ касаться поверхности.

Можно-ли предположить, что эта челюсть принадлежитъ человѣку? Г-нъ Шетензакъ, повидимому, думаетъ это, такъ какъ онъ приписываетъ ее особому виду рода Homo, который онъ называетъ Homo Heidelbergensis.

Во всякомъ случаѣ онъ думаетъ, что этотъ „Homo" скорѣе былъ предшественникомъ настоящаго человѣка и даже общимъ предкомъ человѣка и человѣко-образныхъ. Въ самомъ дѣлѣ общій видъ челюсти отвѣчаетъ характеру челюсти человѣко-образныхъ; строеніе-же зубовъ точь въ точь такое-же, какъ у человѣка. По нашему мнѣнію, это обстоятельство не позволяетъ приписать найденную челюсть питекантропу, ибо оба зуба послѣдняго гораздо больше и гораздо массивнѣе, чѣмъ соотвѣтствующіе зубы человѣка.

Какъ-бы тамъ ни было, ни отъ кого не ускользнетъ важность этой находки, и сравнительное изученіе до-неандертальскаго существа,—для котораго будемъ надѣяться, найдутся скоро и другіе остатки, — и человѣка неандертальской расы обѣщаетъ быть въ высшей степени плодотворнымъ.

Отвѣты.

Подп. А. В. Г. Ст. Средняя С.-В. Мы не совѣтуемъ вамъ издавать разсказы на свои средства. Лучше предложите ихъ издателю Клюкину или Ефимову (оба—въ Москвѣ): они имѣютъ свои кіоски на жел. дорогахъ, и разсказы, посвященные преимущественно жел. дор. жизни, вѣроятно, будутъ охотно пріобрѣтены однимъ изъ этихъ издательствъ, а вы получите за нихъ гонораръ, не производя расходовъ и не рискуя ничѣмъ.

Подп. № 22345. Повивальный институтъ и повивальная школа, Надеждинская, № 5. За условіями поступленія обратитесь непосредственно. Въ СПБ. имѣется также Родовспомогат. уч. зав. Александринскаго, для женщинъ. Вас. Остр., Большой пр., № 49.

Подп. № 26981. Теоретическое знакомство съ соціализмомъ вамъ дадутъ слѣдующія сочиненія: Ж. Ренаръ. Соціалистическій строй. 25 коп.—Проф. Орано и А. И. Новиковъ. Соціализмъ и синдикализмъ. 25 к. (Эти двѣ книги имѣются въ нашемъ изданіи, цѣны—для подп. „В. З.").—Бебель. Общество будущаго. 55 коп.—Вандервельдъ. Соціалистическіе этюды (Соціалист. строй. 15 к., Соціализмъ и религія,—20 к., Соціализмъ и искусство—20 к.)—Шефле. Сущность соціализма. Съ примѣчаніями П. Лаврова. 25 к.—Бебель. Женщина и соціализмъ (наше изд.)—Марксъ и Энгельсъ. О коммунизмѣ. 20 к. (Другія названія этого сочиненія: „Философія исторіи", „Пролетаріатъ и общественный строй", „Манифестъ коммунистич. партіи"). Каутскій. Эрфуртская программа 20 к.—Туганъ-Барановскій. Современный соціализмъ въ его историч. развитіи. 75 к.—В. Черновъ. Конечный идеалъ соціализма. 10 к.—В. Черновъ. Соціологическіе этюды. 2 р.—Ферри. Соціализмъ и позитивная наука. 15 к.—Проф. К. Форлендеръ. Кантъ и Марксъ. Очерки этическаго соціализма съ предисл. Туганъ-Барановскаго. 1 р.—Русановъ Н. (Кедринъ). Соціалисты запада и Россіи (Фурье, Марксъ, Валлесъ, Моррисъ, Лавровъ и др.). 1 р. 25 к.

Подп. Ф. Гершелевичу. Журналовъ по кузнечному и слесарному производствамъ на рус. яз. нѣтъ,—имѣются только книги. Изъ нихъ укажемъ: Аббасъ. Краткій общедоступный курсъ по обработкѣ металловъ (150 рис.), 2 р.—Нетыкса. Краткое руководство слесарнаго дѣла. 60 коп.—Его же. Практическій курсъ слесарнаго искусства, 7 р. 50 к.—Сборникъ образцовъ простыхъ и современныхъ слесарныхъ работъ, двѣ серіи, ц. каждой серіи 10 р. 50 к.—Энгель. Слесарныя и кузнечныя работы (съ 150 рис.) 80 к.—Кнаббе. Кузнечное дѣло. 1 р.—Альдингеръ. Художественно-кузнечныя работы въ новомъ стилѣ. 5 р. 40 к.—Нетыкса. Краткое руководство кузнечнаго дѣла. 60 к. Феллеръ. Простыя кузнечныя работы для города и деревни. 12 вып., ц. всего изданія 7 р.

Подп. Г. Шведе. Можемъ указать книгу Шевріе—Руководство къ наглядному изученію перспективы путемъ рисованія простыхъ предметовъ съ натуры, съ практическими указаніями по рисованію пейзажей, 1 р. 20 к.

Подп. Николаеву. Приготовленіе типографской краски состоитъ въ слѣдующемъ: берется лучшая голландская сажа и погашается съ помощью спирта; затѣмъ, сажа смѣшивается съ олифой (олифа бываетъ трехъ сортовъ—слабая, средняя и крѣпкая) желательной крѣпости, — смѣшиваніе производится лопаточкой; наконецъ, эта смѣсь растирается на плитѣ—каменной, стеклянной или желѣзной—съ помощью куранта.

Подп. № 20224. Снаряды и приборы для экскурсій по собиранію естеств.-истор. коллекцій можно пріобрѣсти въ Петерб.: въ магазинѣ „Наука и Забава" на Караванной, или въ „Магазинѣ учебн. пособій и игръ" —Троицкая, 36.

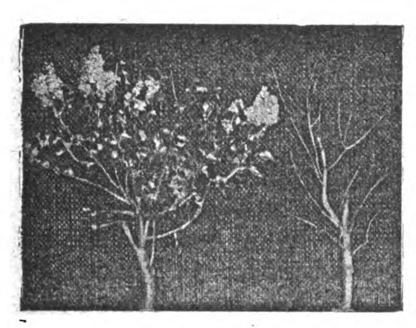

Рис. 1.

Д-ръ Г. Молишъ.

Новый способъ выращиванія цвѣтовъ.

Лѣтъ двадцать пять тому назадъ я былъ въ Вѣнѣ на весенней выставкѣ цвѣтовъ. Я переходилъ отъ одной группы цвѣтовъ къ другой, восхищался богатствомъ цвѣтущихъ тропическихъ и подтропическихъ растеній и наслаждался запахомъ и великолѣпіемъ красокъ экзотическихъ орхидей. Но ничто не поразило меня такъ, какъ группа растеній, выставленная садоводствомъ Ротшильда и долженствовавшая изображать четыре времени года. Передо мной стояло вишневое деревцо, изнемогавшее подъ тяжестью спѣлыхъ вишенъ; оно было окружено массой типичныхъ весеннихъ цвѣтовъ—первоцвѣтовъ, гіацинтовъ, нарциссовъ, тюльпановъ и др. Рядомъ съ нимъ—лѣтняя клумба: абрикосовое дерево съ спѣлыми краснощекими фруктами, окруженное цвѣтущими бальзаминами, макомъ, резедой и вербенами. Но едва вашъ глазъ насытился этимъ уголкомъ лѣтней природы, какъ васъ поражаетъ своей красотою третья группа—„осень“: виноградный кустъ съ спѣлыми гроздьями и персиковое дерево въ рамкѣ астръ и георгинъ; вѣтки персиковаго дерева гнутся подъ тяжестью зрѣлыхъ плодовъ. Группа „зима“, изображенная грушевымъ деревомъ съ зрѣющими зимой плодами и различными хвойными деревьями довершила этотъ своеобразный уголокъ растительнаго царства.

Только специалистъ можетъ понять, какая масса опыта и знанія нужны для того, чтобы заставить растенія, которыя при нормальныхъ условіяхъ цвѣтутъ и приносятъ плоды въ различныя времена года, цвести и приносить плоды всѣмъ вмѣстѣ, въ одинъ и тотъ же день. Дѣло въ томъ, что многія растенія не могутъ расти безпрерывно, а нуждаются въ такъ называемомъ періодѣ отдыха. Если вы послѣ осенняго листопада въ октябрѣ поставите въ теплой комнатѣ или оранжереѣ вѣтку вишневаго дерева, то она не пуститъ ростковъ; только послѣ того, какъ она болѣе долгое время будетъ отдыхать и затѣмъ полежитъ на морозѣ, она, при благопріятныхъ условіяхъ роста, начнетъ распускаться.

На основаніи долголѣтнихъ опытовъ садовники сумѣли сдѣлать себя отчасти независимыми отъ временъ года и выращиваютъ многія растенія въ необычныя времена года. Этого они достигаютъ или отсрочивая періоды отдыха, или выращивая особые сорта (такъ наз. Treibsorten) и пр.

Періоды отдыха, переживаемые растеніями, давно уже интересовали не только практиковъ, но и ученыхъ; послѣ цѣлаго ряда разнообразныхъ попытокъ и опытовъ, послѣднимъ удалось выработать много цѣнныхъ данныхъ, пользуясь которыми можно произвольно укорочивать періоды отдыха или даже не допускать ихъ. Въ качествѣ примѣра я могу указать на Г. Мюллера (Тургау), который не давалъ отдыхать картофельному клубню тѣмъ, что сейчасъ же послѣ

снятія картофеля держалъ его въ теченіе 14 дней на ледникѣ при температурѣ не выше нуля. Я могу также указать на извѣстнаго датскаго ботаника, В. Іогансена, который открылъ методъ выращиванія растеній съ помощью эфира. Если подвергать, напримѣръ, сирень переживающую періодъ отдыха, въ теченіе 24—48 часовъ дѣйствію паровъ эфира, то она немедленно начнетъ пускать ростки. Въ настоящей статьѣ я хочу сообщить о новомъ способѣ выращиванія, который на практикѣ былъ впервые примѣненъ къ сирени и ландышамъ; этотъ способъ я подвергнулъ серьезному научному изслѣдованію *).

Этотъ методъ состоитъ, въ существенныхъ чертахъ своихъ, въ томъ, что вѣтви или пустившіе корни кусты различныхъ древесныхъ растеній, какъ то: лѣсного орѣха (Corylus Avellana), сирени (Syringa vulgaris), Forsythia suspensa, кизиля (Cornus alba), крыжовника (Ribes grossularia), лиственница (Larix decidua), дикаго каштана (Aesculus Hippocastanum) и т. д., *опускаются въ воду, приблизительно, въ 30—20° Ц., гдѣ они лежатъ въ теченіе 9—12 часовъ и затѣмъ культивируются при умѣренной температурѣ.* Вслѣдствіе такого „купанья“ въ теплой водѣ, періодъ отдыха или укорочивается или совершенно устраняется, такъ что эти растенія, въ противоположность невыкупаннымъ, пускаютъ ростки. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

Первый опытъ. 19 ноября 1907 года были срѣзаны шесть вѣтокъ Forsythia suspensa. Три изъ нихъ въ теченіе двѣнадцати часовъ лежали въ водѣ, имѣвшей температуру въ 25—32° Ц., а три остальныя все это время оставались въ комнатѣ при обыкновенной температурѣ. Затѣмъ всѣ шесть вѣтокъ культивировали въ оранжереѣ. Успѣхъ новаго метода былъ поразителенъ: экземпляръ, лежавшій въ теплой водѣ, пышно расцвѣлъ уже черезъ двѣнадцать дней, тогда какъ на невыкупанномъ экземплярѣ цвѣты были еще закрыты (см. рис. 1).

Второй опытъ. На рис. 2 изображены два куста сирени. Верхушка лѣваго экземпляра 4 декабря 1907 года лежала двѣнадцать часовъ въ теплой водѣ (31—37° Ц.), со вторымъ кустомъ не дѣлали ничего. Затѣмъ оба экземпляра находились въ оранжереѣ при температурѣ въ 15—18° Ц. Черезъ 40 дней выкупанный кустъ распустился и пышно расцвѣлъ, тогда какъ его сосѣдъ только что началъ пускать ростки.

Третій опытъ. Наглядно можно убѣдиться въ дѣйствіи теплой ванны на растенія, если, напримѣръ, держать въ водѣ (25—30° Ц.) въ теченіе двѣнадцати часовъ лишь одну сторону системы орѣховыхъ вѣтокъ, снабженныхъ сережками. На рис. 3 указано мѣстное дѣйствіе ванны. *Черезъ шесть дней послѣ ванны* (27 ноября) *выкупанныя сережки зацвѣли, тогда какъ невыкупанныя казались совсѣмъ неизмѣнившимися.*

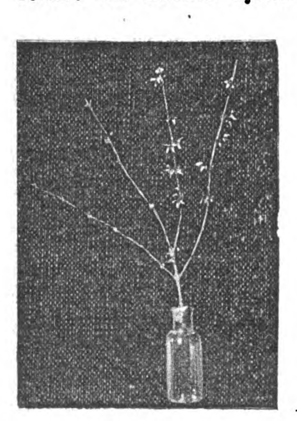

Рис. 2.

Четвертый опытъ. Такой же опытъ я сдѣлалъ одновременно и съ Forsythia suspensa. Правая половина системы была мною выкупана, а лѣвая—нѣтъ. Черезъ девятнадцать дней выкупанныя вѣтки зацвѣли, а на невыкупанныхъ цвѣты еще не распустились.

Если тотъ фактъ, что ванна оказываетъ на цвѣты мѣстное вліяніе, крайне интересенъ, то еще болѣе удивительно, что ванна сохраняетъ свое дѣйствіе долгое время. Если выкупанныя вѣтви посадить не сразу, а лишь послѣ того, какъ онѣ 2—4

*) Лицъ, желающихъ ближе ознакомиться съ исторіей этого метода и соотвѣтственной литературой я отсылаю къ своему труду: H. Molisch, Ueber ein einfaches Verfahren Pflanzen zu treiben (Warmbadmethode) Sitzgsber. d. Kais. Wiener Akad. Bd. XVII, Abt. I. 1908 г. № 87.

недѣли пробудутъ на воздухѣ поздней осенью или зимою при нормальныхъ условіяхъ, и затѣмъ культивировать ихъ, то онѣ распускаются такъ же, какъ если бы онѣ были посажены непосредственно послѣ купанья. Это значитъ, что дѣйствіе, оказываемое купаньемъ на вѣтки, сохраняетъ при болѣе низкой температурѣ свою силу въ теченіе нѣсколькихъ недѣль.

Успѣхъ этого метода выгонки растеній зависитъ отъ природы растенія, переживающаго стадію отдыха, отъ почекъ его, отъ времени года и въ особенности, отъ слѣдующихъ обстоятельствъ:

a) Отъ продолжительности купанья. Въ общемъ, купать вѣтку достаточно въ теченіе 6—12 часовъ. Держать вѣтки въ водѣ болѣе двѣнадцати часовъ обыкновенно не является цѣлесообразнымъ, такъ какъ онѣ при высокой температурѣ обнаруживаютъ большую потребность въ кислородѣ, а притокъ его въ воду сильно затрудненъ. При такихъ условіяхъ нормальное дыханіе замедляется, и въ результатѣ почки могутъ испортиться и даже отмереть.

b) Отъ температуры теплой ванны. Не для всѣхъ изъ изслѣдованныхъ нами растеній температура ванны должна быть одинакова. Тогда какъ ванна въ 30° Ц. сильно способствуетъ росту орѣха (Corylus Avellana), Forsithia suspensa, крыжовника (Ribes grossularia) и сирени (Syringa vulgaris), для кизиля (Cornus alba) и для березы (Betula alba) необходима ванна въ 35—40° Ц., а на нѣкоторыя растенія (напримѣръ, каштанъ) такая высокая температура несомнѣнно оказываетъ лучшее дѣйствіе.

c) Отъ интенсивности періода покоя. Теплая ванна оказываетъ вліяніе на періоды покоя нѣкоторыхъ растеній уже сразу послѣ осенняго листопада, а на другихъ лишь черезъ нѣсколько времени. Такъ выкупанныя вѣтви дикаго каштана и ясеня не распускаются въ концѣ лѣта, но за то очень хорошо въ декабрѣ и январѣ. Чѣмъ дольше отдыхаетъ растеніе, тѣмъ меньше разница въ ростѣ между выкупанными и невыкупанными экземплярами. Въ концѣ же стадіи покоя купанье можетъ даже затормазить ростъ растенія, какъ это я неоднократно имѣлъ случай наблюдать на орѣхѣ и Forsithia. Крайне интересенъ также и тотъ фактъ, что купанье оказываетъ у нѣкоторыхъ растеній различное дѣйствіе на ихъ почки листьевъ и цвѣтовъ. Тогда какъ осенью мужскія сережки орѣховъ начинаютъ, подъ вліяніемъ теплой ванны, сильно распускаться, на почки листьевъ, которые, какъ извѣстно, распускаются позже сережекъ, ванна въ это время не оказываетъ никакого дѣйствія. Только приблизительно послѣ новаго года ванна тоже ускоряетъ развитіе почекъ листа. Повидимому, почки листа переживаютъ болѣе долгую стадію покоя, чѣмъ сережки, и только послѣ того, какъ химическіе процессы, происходящіе въ почкахъ листа, достигнутъ извѣстной ступени, ванна можетъ ускорить ростъ растенія.

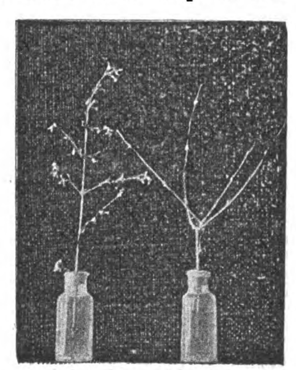

Рис. 3.

Такимъ образомъ, у садовниковъ имѣется теперь еще одинъ методъ, съ помощью котораго они могутъ заставить цвѣсти раньше нѣкоторыя растенія, сирень, ландыши азаліи и др. Хотя методъ Іогансена выращивать растенія съ помощью эфира далъ прекрасные результаты, но мнѣ кажется, что практики предпочтутъ методъ купанья растеній въ теплой водѣ, такъ какъ онъ болѣе дешевъ, простъ и безопасенъ. Вотъ почему этотъ методъ, по моему, будетъ играть выдающуюся роль въ садоводствѣ грядущаго времени.

Лордъ Кельвинъ.

Л. Людвиговичъ.

Памяти Уильяма Томсона—лорда Кельвина.

(26 іюня 1824—17 декабря 1907).

Труды лорда Кельвина колоссальны. Простое перечисленіе заглавій его произведеній заняло бы объемъ цѣлой статьи средняго размѣра въ нашемъ журналѣ; мы можемъ только попытаться на нѣсколькихъ примѣрахъ дать хоть нѣкоторое представленіе о важности и разнообразіи его трудовъ по всѣмъ отдѣламъ теоретической, опытной и промышленной физики, о его необычайномъ и постоянномъ трудолюбіи, о геніальности его взглядовъ и въ особенности о руководящемъ вліяніи, которое онъ оказалъ на самые выдающіеся умы Англіи и всего міра.

Сэръ Вильямъ Томсонъ воспитался въ двойной школѣ *) великихъ физиковъ и математиковъ начала XIX вѣка, французскихъ — Лапласа, Фурье, Френеля, и англійскихъ—Грина, Макъ-Куллоха, Гамильтона, Фарадэя.

Въ длинномъ рядѣ изслѣдованій, посвященныхъ приливамъ и отливамъ, ихъ анализу и предсказаніямъ ихъ наступленія, а также тѣмъ выводамъ, которые можно сдѣлать относительно твердости земного шара и его внутренняго состава,—виденъ еще ученикъ Лапласа, рядомъ съ которымъ, однако, выступаетъ и практическій англичанинъ. Занятый этими трудами въ области, въ которой ему пришлось много лѣтъ работать рядомъ съ П. Тэтомъ, и въ которой впослѣдствіи обнаружилъ такъ много мастерства и смѣлости Дарвинъ, Томсонъ совершилъ въ то же время громадную работу въ области электростатики и электромагнетизма. Эти труды его собраны были впослѣдствіи въ его Papers on Electrostatics and Magnetism. Здѣсь онъ внесъ порядокъ и ясность въ господствовавшую до того крайнюю путаницу, показавъ, что казавшіяся непримиримыми точки зрѣнія Кулона и Фарадэя въ сущности согласуются одна съ другою. Эта часть его трудовъ пользуется широкою извѣстностью, но молодежь уже не знаетъ, что ставшая классическою форма изложенія этихъ отдѣловъ физики почерпнута изъ мемуаровъ Томсона.

Какъ ни богато было его творчество, его мысль была еще быстрѣе. Въ 1845 году онъ изобрѣтаетъ методъ исчисленія электрическаго вліянія, называемый методомъ изображеній, и прилагаетъ его къ сферической поверхности; но онъ едва лишь успѣваетъ указать результаты его въ письмѣ къ Ліувилю (отъ 16 IX 1846), и его методъ оставался тайной для всѣхъ математиковъ и физиковъ, покуда, наконецъ, приготовляя къ печати свой трудъ по электростатикѣ, онъ не напечаталъ его (въ январѣ 1869 г.), вызвавъ всеобщее удивленіе изяществомъ и простотою разсужденій, приведшихъ къ такимъ важнымъ результатамъ.

Впрочемъ, и въ теченіе всей жизни Томсонъ мыслилъ быстрѣе, чѣмъ успѣвалъ печататься; на каждомъ шагу въ послѣдующихъ изданіяхъ трудовъ встрѣчаются добавленія въ скобкахъ съ такою помѣткой: „извлечено изъ записной

*) Томсонъ учился сначала въ университетѣ въ Глазго, гдѣ его отецъ состоялъ профессоромъ математики съ 1852, а затѣмъ въ Кембриджѣ (1841 — 1845). Тамъ онъ получилъ Smith'овскую награду и былъ удостоенъ ученой степени въ 1845 году. Въ то время въ Англіи еще не существовало лабораторій для студентовъ; Томсонъ поступилъ для дополненія образованія въ Collège de France, въ лабораторію Реньо, но вскорѣ (1846) былъ приглашенъ въ Глазго въ качествѣ профессора физики и занималъ эту кафедру въ теченіе болѣе, чѣмъ пятидесяти лѣтъ.

книжки такого-то года; еще не издано". И хоть и суховатая немножко замѣтка, извлеченная такимъ образомъ черезъ 10 или 20 лѣтъ на свѣтъ Божій, являлась часто такою же свѣжею новинкой, какъ и въ день, когда она была написана.

Въ 1845 году, во время своего перваго пребыванія въ Парижѣ, гдѣ онъ слушалъ лекціи Ліувиля и посѣщалъ лабораторію Реньо въ Collège de France, Томсонъ безуспѣшно старался раздобыть брошюру Сади Карно La Puissance motrice du feu. Познакомился онъ съ ея выводами только по англійскому переводу мемуара Клапейрона о томъ же предметѣ (1834).

Въ то время Джоуль уже опубликовалъ свои первыя изслѣдованія относительно теплоты, производимой насчетъ работы, но Томсонъ, познакомившійся съ Джоулемъ уже за два года до этого (на конгрессѣ Берлинскаго Общества, въ Оксфордѣ, 1847), не находилъ ихъ еще рѣшающими и отложилъ на послѣдующее время обсужденіе тѣхъ измѣненій, которыя вносились ими въ разсужденія Карно.

Въ 1851 году, принявъ окончательно принципъ эквивалентности и согласившись съ точкою зрѣнія Клаузіуса, Томсонъ тѣмъ не менѣе предлагалъ обосновать второй принципъ на совсѣмъ иной аксіомѣ: на „невозможности получить съ помощью неодушевленнаго механизма механическое дѣйствіе какой-нибудь части вещества, охлаждая его ниже температуры самаго холоднаго изъ окружающихъ предметовъ" и съ удивительною полнотою развилъ всѣ слѣдствія изъ этого положенія во всѣхъ областяхъ физики.

Поэтому, Томсона слѣдуетъ считать почти съ такимъ же правомъ какъ и Клаузіуса однимъ изъ основателей современной термодинамики. Но въ то время какъ Ранкинъ постоянно занятъ не столько фактами, сколько своеобразной и довольно запутанной гипотезой о строеніи вещества изъ молекулярныхъ вихрей, и въ то время какъ Клаузіусъ вскорѣ устремляетъ свое главное вниманіе на механическую теорію теплоты, Томсонъ ограничивается тѣмъ, что переводитъ принципы и факты на языкъ анализа, не прибавляя къ нимъ ничего гипотетическаго. Ему представлялась такая масса важныхъ выводовъ изъ этого ученія, что онъ взялся за работу, чтобы провѣрить нѣкоторые изъ нихъ. Отсюда ведетъ свое начало длинный рядъ опытовъ, которыхъ и однихъ хватило бы, чтобы составить репутацію другого ученаго.

Томсону не было еще и тридцати лѣтъ, когда, за исключеніемъ оптики, его геніемъ были изслѣдованы и объяснены всѣ отдѣлы физики. Онъ разбрасывалъ сѣмена идей, которыя должны были взойти только черезъ двадцать или тридцать лѣтъ, и которыя преобразовали впослѣдствіи электрическую промышленность. Въ это время ему представился случай практически примѣнить свои знанія на пользу своего отечества и всего человѣчества. Я говорю о замѣчательномъ предпріятіи, которымъ было создано телеграфное соединеніе двухъ континентовъ подводнымъ кабелемъ.

Хотя это исторія и достаточно извѣстная, однако же она заслуживаетъ того, чтобы вкратцѣ остановиться на ней. Нѣсколько кабелей было уже переброшено съ неодинаковымъ успѣхомъ черезъ нѣкоторые проливы, когда въ 1854 году Сайресомъ Фильдомъ (Cyrus Field) была основана могущественная компанія для соединенія кабелемъ Ирландіи и Соединенныхъ Штатовъ. Но инженеры-спеціалисты не умѣли даже поставить предварительныхъ опытовъ такъ, чтобы получить точныя указанія; они не имѣли и представленія о томъ, что распространеніе электрическаго тока въ данномъ случаѣ совершается по инымъ законамъ и не съ опредѣленною скоростью, постоянною во все время прохожденія по кабелю, независимо отъ способа подачи сигнала. Въ двухъ знаменитыхъ письмахъ, написанныхъ въ 1854 г. къ Стоксу, Томсонъ установилъ непререкаемую теорію распространенія электричества. Въ 1855 г. онъ въ статьѣ, напечатанной въ Отчетахъ Королевскаго Общества, развилъ ее примѣнительно къ передачѣ сигналовъ черезъ кабель. Томсонъ указывалъ здѣсь, что книга Фурье о теплотѣ—эта „математическая поэма", какъ онъ обыкновенно называлъ ее,—въ относившихся къ распространенію теплоты математическихъ уравненіяхъ Фурье

содержала все математическое рѣшеніе вопроса о распространеніи электрическихъ волнъ черезъ кабель. Изъ „рядовъ Фурье“ онъ выводилъ, что, если на короткой воздушной телеграфной линіи сигналъ достигаетъ своей полной силы на станціи полученія практически въ то же мгновеніе, какъ его подаютъ на станціи отправленія, то при передачѣ черезъ подводный кабель сигналъ запаздываетъ, растягивается и затемняетъ послѣдующій сигналъ. Тутъ обнаруживается вліяніе предыдущаго состоянія все равно, какъ въ политикѣ или во многихъ явленіяхъ естественной исторіи. Принятіе какого-нибудь закона парламентомъ не можетъ, напримѣръ, сразу измѣнить народъ; и въ самомъ дѣлѣ, фактическій результатъ какого-нибудь парламентскаго акта, проведеннаго съ самыми благими намѣреніями, часто оказывается чрезвычайно вреднымъ и его приходится отмѣнить или измѣнить его дѣйствіе.

Гербертъ Спенсеръ въ своей „соціологіи“ усиленно совѣтуетъ законодателямъ изучать науку о политикѣ. Томсонъ, можетъ быть, сказалъ бы: „изучайте математическую поэму Фурье“.

Если бы была сдѣлана попытка послать рядъ электрическихъ сигналовъ черезъ атлантическій кабель посредствомъ того же самаго аппарата и съ тою же самою скоростью, съ какою посылаются телеграммы между Лондономъ и Брайтономъ, то на станціи полученія телеграфистъ не имѣлъ бы ни малѣйшаго представленія о томъ, что со станціи отправленія пытались подать депешу, какой бы силы токъ ни былъ пущенъ въ кабель. Для того, чтобы заставить работать подводный кабель, нужно или дать каждому сигналу время дойти до конца, или же, такъ какъ это страшно замедлило бы передачу телеграммъ, необходимо, чтобы воспринимающій аппаратъ и телеграфистъ получающій депешу, былъ бы въ состояніи, подобно умѣлому врачу, распознающему болѣзнь, истолковать ее на основаніи однихъ только симптомовъ. Когда посылается, напримѣръ, буква „е“, то на другомъ концѣ длиннаго кабеля получается нѣчто совершенно различное, въ зависимости отъ того, что было послано передъ этимъ. Ни въ какомъ случаѣ, при скорости, скажемъ, тридцати словъ въ минуту и при длинѣ въ 3000 миль, даже и въ началѣ слова не получится чего-нибудь яснѣе намека; на третьемъ же мѣстѣ отъ начала слова сигналъ получится такой-же неясный,какъ, напримѣръ, поспѣшно написанная буква рукописи, которая угадывается скорѣе по смыслу.

Томсонъ желалъ имѣть воспринимающій инструментъ, который, въ отличіе отъ обычныхъ аппаратовъ, употребляющихся на телеграфныхъ станціяхъ, сдѣлалъ бы возможнымъ истолкованіе такихъ намековъ въ рукахъ умѣлаго телеграфиста и для этой цѣли изобрѣлъ „говорящій“ инструментъ—зеркальный гальванометръ.

Другой чрезвычайно важный фактъ, добытый этимъ изслѣдованіемъ, былъ тотъ, что никакимъ усиленіемъ баттареи невозможно побороть замедленія сигналовъ, получающагося благодаря примѣсямъ въ мѣдномъ проводникѣ кабеля. Въ виду этого необходимо опредѣлять сопротивленіе электричеству каждаго ярда мѣдной проволоки, употребляющейся для кабеля длинною въ тысячи миль.

Электротехникамъ того времени все это представлялось фантазіями невѣжественнаго и неопытнаго молодого человѣка, которому никогда въ жизни не приходилось проводить телеграфной линіи даже на разстояніи одной мили. А они считали себя уже вооруженными опытомъ. Правда первый кабель (1857), погруженный отъ береговъ Ирландіи, разорвался на растояніи 300 миль, вслѣдствіе большой глубины дна, и его пришлось бросить. Однако, въ слѣдующемъ (1858) году, когда погруженіе началось съ середины океана, гдѣ встрѣтились два парохода, везшіе по половинѣ кабеля, дѣло удалось довести до конца и 12-го августа 1858 г. оба материка были соединены. Въ теченіе мѣсяца происходилъ обмѣнъ депешами, но затѣмъ сигналы стали слабѣть и на передачу одной депеши всего въ 150 словъ отъ президента къ королевѣ понадобилось тридцать часовъ (въ настоящее время черезъ всякій хорошій атлантическій кабель можно передать такую депешу въ три—четыре минуты). Единственное средство, которое могли предложить противники теорій молодого Глазгосскаго профессора, заключалось въ примѣненіи Уайтхаузовскаго „молніеноснаго насоса“,

электромагнитной машины, развивавшей внезапно большую электродвигательную силу, когда арматура постояннаго магнита отодвигалась отъ его полюсовъ. Но эти разряды посылали только искры черезъ изолирующую обмотку изъ гуттаперчи и ускорили разрушеніе несчастнаго кабеля, такъ что даже три слова въ минуту, представлявшія предѣльную скорость этого кабеля въ его неповрежденномъ видѣ, смѣнились абсолютнымъ молчаніемъ.

Однако, какъ ни коротка была жизнь этого перваго трансатлантическаго кабеля, онъ позволилъ англійскому правительству передать въ Канаду чрезвычайно спѣшныя инструкціи, благодаря чему была оцѣнена экономія, достигаемая съ помощью кабеля. Поэтому, рѣшено было безъ промедленія снова взяться за дѣло.

Въ это время прежніе противники Томсона стали склоняться къ признанію его теоріи. Самъ Томсонъ велъ энергичную борьбу и слѣдуя, какъ онъ говорилъ впослѣдствіи—„парнелевской тактикѣ“ на собраніяхъ Совѣта Общества Атлантическаго кабеля, тормозилъ всѣ занятія своею обструкціей, пока не добился отъ директоровъ обѣщанія, что вся мѣдная проволока, предназначенная для кабеля, будетъ подвергаться испытанію насчетъ ея сопротивленія. Техническое руководство предпріятіемъ было довѣрено Томсону, и съ тѣхъ поръ начался для него періодъ кипучей дѣятельности: изслѣдованіе электропроводности мѣди и способы полученія металла наибольшей чистоты; изобрѣтеніе способовъ и инструментовъ для измѣренія электрическихъ величинъ въ лабораторіи и на борту судна; тщательнѣйшее изученіе способовъ подачи сигналовъ, позволяющихъ быструю передачу ихъ; выборъ изоляторовъ; приспособленія для погруженія кабеля; способы нахожденія различныхъ недостатковъ и поврежденій погруженнаго кабеля и т. д.

Въ это время весь міръ интересовался возможностью соединить электричествомъ оба берега Атлантическаго океана *).

Въ 1865 году пароходъ Грэтъ - Истернъ отправился изъ Ирландіи съ новымъ кабелемъ, который, однако же, послѣ трехъ разрывовъ пришлось бросить, несмотря на то, что уже было уложено двѣ трети (1186 миль), и хотя девять дней было потрачено на то, чтобы разыскать его; нѣсколько разъ даже удавалось зацѣпить его, однако же кабель лопался, и его пришлось бросить такъ же, какъ и его предшественниковъ. Наконецъ, въ слѣдующемъ, 1866 г. былъ уложенъ безъ особыхъ приключеній новый кабель. Первая телеграмма, отправленная президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, возвѣщала, „тріумфъ Томсона, славнѣе всѣхъ побѣдъ на полѣ битвы“.

Этотъ успѣхъ не остановилъ Томсона, и почти совсѣмъ безъ отдыха, онъ снова отправился въ экспедицію, на поиски брошеннаго въ предыдущемъ году кабеля. Благодаря точности астрономическихъ наблюденій капитана Моріарти и прекрасно функціонировавшимъ аппаратамъ, основаннымъ на теоріи Томсона о силахъ, дѣйствующихъ во время погруженія и подъема кабелей, Грэтъ-Истерну удалось послѣ двухмѣсячнаго труда выловить почти цѣликомъ кабель 1865 года, дополнить недостающія части и снова погрузить его въ воду; благодаря этому въ концѣ 1866 года между Англіей и Соединенными Штатами функціонировало уже два кабеля. Съ тѣхъ поръ шаръ земной уже былъ опоясанъ полнымъ поясомъ кабелей, и въ 1896 г., въ день юбилея В. Томсона, ставшаго съ 1892 года лордомъ Кельвиномъ, администраторы подводныхъ англійскихъ кабелей отправили черезъ 20.000 миль кабелей циркулярную поздравительную депешу изъ Глазго, которая вернулась на станцію отправленія менѣе, чѣмъ черезъ семь съ половиною минутъ.

---

*) Секретарю Томсона въ это время нерѣдко случалось быть послану на вокзалъ за нѣсколько минутъ до отхода почтоваго поѣзда съ такого рода запиской отъ Томсона: „Я пошелъ къ Уайту (механику), онъ долженъ спѣшно приготовить одинъ инструментъ. Ни въ коемъ случаѣ не пускайте почтоваго поѣзда въ Лондонъ, покуда я не явлюсь на станцію“. И съ такимъ почтеніемъ относились всѣ къ Томсону, что начальникъ станціи повиновался.

Во время этихъ экспедицій въ Томсонѣ пробудился морякъ, дремлющій во всякомъ добромъ англичанинѣ; недовольный созданіемъ цѣлаго новаго инвентаря инструментовъ для электрическихъ и магнитныхъ измѣреній, Томсонъ совершенно преобразовалъ буссоли, и приборы для измѣренія глубинъ на ходу, при чемъ самъ первый и началъ пользоваться ими на борту своей яхты, на которой имъ была написана большая часть его записокъ „Лалла Рукъ на морѣ“. Къ этому же времени относится и начало изслѣдованій, которыя онъ велъ до самой смерти, относительно волнъ, производимыхъ судами въ спокойной водѣ. Часть достигнутыхъ имъ при этомъ результатовъ онъ сообщилъ, не останавливаясь на доказательствахъ, въ одномъ изъ рефератовъ (On Ship Waves).

Во время перваго пребыванія во Франціи Томсонъ оцѣнилъ удивительную простоту метрической системы, и никто не сдѣлалъ болѣе него, для того, чтобы заставить англичанъ принять ее, сначала для научныхъ измѣреній, а потомъ и для обычныхъ житейскихъ нуждъ. Со времени своихъ первыхъ изслѣдованій распространенія электричества въ кабеляхъ, Томсонъ чувствовалъ необходимость принять связную систему единицъ для электрическихъ и электродинамическихъ измѣреній. Принявъ и расширивъ принципы, предложенные Гауссомъ и отчасти уже примѣненные на практикѣ Веберомъ, Кольраушемъ и имъ самимъ, онъ склонилъ въ 1861 году Британское Общество учредить комиссію для установленія абсолютныхъ единицъ электрическаго измѣренія; продолжавшіеся 20 лѣтъ труды этой комиссіи привели къ предложеніямъ, объединившимъ голоса самыхъ выдающихся ученыхъ Европы и принятымъ международною конвенціей въ 1881 году. Это была первая брешь, пробитая Томсономъ въ установленной закономъ системѣ англійскихъ единицъ, брешь, черезъ которую въ концѣ концовъ и пройдетъ вся метрическая система. Нужно прочесть трактаты объ электромагнетизмѣ, написанные до этого времени, для того, чтобы почувствовать, какое благодѣяніе заключается въ принятіи раціональныхъ единицъ, и какое вліяніе оно оказало на развитіе промышленности. Однако же, наука и промышленность обязаны Томсону не только абстрактною концепціей электрическихъ единицъ, но и множествомъ своихъ аппаратовъ и инструментовъ. Сопротивленія емкости получили свои измѣрительные приборы въ видѣ его зеркальныхъ гальванометровъ, квадрантныхъ, абсолютныхъ и чудныхъ портативныхъ электрометровъ, изобрѣтенныхъ Томсономъ какъ бы въ отвѣтъ на вызовъ Тэта [1]).

Съ самыхъ первыхъ лѣтъ своихъ занятій физикою, Томсонъ понялъ значеніе опытныхъ лабораторій.

Въ 1846 г., начавши рядъ опытовъ относительно электродинамическихъ свойствъ различныхъ веществъ (результаты этихъ опытовъ онъ опубликовалъ только черезъ десять лѣтъ) и найдя невозможнымъ производить самому всѣ измѣренія, Томсонъ попросилъ нѣсколькихъ студентовъ помочь ему; другіе вызвались сами, такъ что онъ могъ предпринять нѣсколько изслѣдованій сразу. На сотню его слушателей около 25 оказались достаточно свободными [2]), чтобы помогать Томсону въ его опытахъ по нѣскольку часовъ въ день. Старая аудиторія и кабинетъ оказались тѣсны для такого количества работниковъ. Томсонъ получилъ въ свое распоряженіе подвалъ старой профессорской квартиры, осталь-

---

[1]) Томсонъ самъ разсказываетъ. „У меня былъ одинъ электроскопъ (краснѣю, дѣлая это признаніе), которымъ я гордился въ то время; я гордился его малыми размѣрами и легкостью, съ которою его можно было доставить на вершину Готфеля (902 m.) и обратно“. Онъ вѣсилъ не болѣе ружья, 5,8 килограмма. Томсонъ демонстрировалъ его на конгрессѣ въ Эбердинѣ, въ 1858 г. Затѣмъ онъ приготовилъ другой, вѣсившій вполовину меньше. „Я показалъ его однажды съ большою гордостью профессору Тэту и сказалъ ему: вамъ бы слѣдовало тоже обзавестись такимъ же.—Я подожду, отвѣтилъ онъ, пока вы сдѣлаете карманный; изготовьте-ка электрометрикъ величиною съ апельсинъ и тогда я возьму его“. Таково происхожденіе этого послѣдняго нормальнаго электрометра (Рефератъ объ электрическихъ мѣрахъ. 1876).

[2]) Три четверти изъ нихъ были студенты богословскаго факультета! Гельмгольцъ особенно изумлялся этому обстоятельству.

ныя помѣщенія ея были преобразованы въ аудиторіи. Нѣсколько лѣтъ спустя за отмѣною одного экзамена осталась пустующею одна зала, смежная съ этимъ подваломъ; Томсонъ завладѣлъ ею, не дожидаясь даже разрѣшенія университетскаго совѣта. И это было и все до 1870 г., когда университетъ былъ заново отстроенъ за городомъ. Такова была первая физическая лабораторія на Великобританскихъ островахъ.

Ученики его съ восторгомъ вспоминаютъ то время, когда они изучали науку подъ его руководствомъ. И немудрено поэтому, что онъ съ полнымъ основаніемъ могъ сказать имъ гордыя слова: „Если вы желаете знать то, что имѣется въ книгахъ, то идите и читайте ихъ у себя. Я говорю вамъ то, чего нѣтъ въ книгахъ".

До послѣднихъ дней онъ сохранилъ свою любознательность. Трогательно было видѣть, съ какимъ проникновеннымъ вниманіемъ осматривалъ онъ бывало какой-нибудь новый приборъ и выслушивалъ объясненіе всѣхъ подробностей, какъ будто ему еще возможно было чему-нибудь научиться въ смыслѣ изобрѣтательности.

При своихъ дарованіяхъ одновременно теоретика и конструктора Томсонъ обладаетъ въ наукѣ, какъ англійской, такъ и всемірной, исключительной физіономіей; онъ представляетъ только самого себя. Онъ совсѣмъ не философствовалъ относительно науки, какъ Гельмгольцъ, онъ просто повиновался своей природѣ и, смотря по предмету, за который брался, примѣнялъ всѣ средства своего богатаго воображенія, трактуя совсѣмъ иначе тѣ отдѣлы науки, принципы которыхъ уже были установлены, и тѣ, которые еще находились въ процессѣ формировки.

Невозможность подняться совершенно надежнымъ путемъ отъ сложныхъ явленій къ болѣе простымъ, или подойти опытомъ къ элементарнымъ явленіямъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ науки, еще не заставляла его относиться къ нимъ безразлично. Напротивъ, будучи болѣе изслѣдователемъ, чѣмъ профессоромъ, онъ чувствовалъ, что его любознательность въ такихъ случаяхъ только возрастаетъ. И какъ, напримѣръ, относительно возраста земли, онъ никогда не задумывался ставить вопросы и искать отвѣты, частичные — за неимѣніемъ лучшихъ,—точно такъ же, когда онъ взялся за проблемы теоретической оптики, въ родѣ, напр., спектральнаго анализа, разсѣянія свѣта, круговой поляризаціи и т. д., очевидно связанныя съ однимъ основнымъ вопросомъ—о строеніи молекулы и даже атома, онъ изобрѣлъ и построилъ модели различныхъ структуръ для молекулы (а впослѣдствіи и для атома и электрона), все равно какъ химикъ пробуетъ неизвѣстное тѣло множествомъ различныхъ реактивовъ. Это модели—динамическія, столь же поучительныя и поистинѣ столь же общія, но только болѣе доступныя, какъ и дифференціальныя уравненія, матеріальнымъ переводомъ, которыхъ онѣ являются.

Томсонъ до конца своей жизни сохранилъ убѣжденіе, общее почти всѣмъ математикамъ и физикамъ, рожденнымъ въ первую половину XIX-го вѣка, что вся совокупность физическихъ явленій объяснима при помощи чисто механическихъ соображеній. Это подтверждаетса множествомъ его рефератовъ, его Baltimore Lectures (Балтиморскими лекціями), его остроумными и изящными механическими моделями и извѣстнымъ ученіемъ объ атомахъ - вихряхъ, о которомъ необходимо сказать нѣсколько словъ въ виду того значенія, которое обыкновенно признается за нимъ при оцѣнкѣ взглядовъ Томсона. Идея построенія физико-химическаго міра изъ подвижныхъ вихрей эфира въ пустомъ пространствѣ собственно говоря не нова. Около 1850 года Шали и Ранкинъ (чтобы не приводить другихъ именъ) печатали много статей очень неодинаковой цѣнности, въ которыхъ крайне путанныя соображенія были перемѣшаны съ остроумными догадками, а у Ранкина даже и съ глубокими взглядами на природу энергіи. Ранкинъ былъ въ Эдинбургѣ товарищемъ Тэта, друга и сотрудника Томсона, который часто бесѣдовалъ съ Ранкиномъ, вѣроятно, слушалъ его еще неясныя мысли о вихряхъ эфира и часто свидѣтельствовалъ свою любовь и уваженіе къ этому ученому. Въ 1858 г. появляется превосходная статья Гельмгольца о линіяхъ вихря, въ которой доказывается основное положеніе о неразрушимости вихря въ жидкости не обладающей треніемъ.

Томсонъ скоро замѣтилъ, какую ясность вноситъ это основное свойство въ спутанныя идеи Ранкина; онъ усвоилъ это положеніе (1867), упростилъ нѣкоторыя доказательства, придалъ удивительную ясность и указалъ громадное космогоническое значеніе этого положенія Гельмгольца, которое безъ Томсона осталось бы извѣстно однимъ лишь математикамъ. Въ теченіе почти двадцати лѣтъ эта теорія плѣняетъ его, и онъ посвящаетъ ей многочисленныя статьи, не скрывая, однако, трудностей, связанныхъ съ принятіемъ ея: его рѣчь въ Монреалѣ въ 1884 году носитъ осторожное заглавіе Acheminement vers une théorie cinétique de la matière.

Въ томъ же самомъ году въ балтиморскихъ лекціяхъ содержатся только простые намеки на вихревую или гиростатическую теорію эфира. Въ результатѣ послѣдняго ряда работъ, его рѣчь 10-го января 1889 года въ институтѣ инженеровъ-электротехниковъ заканчивается признаніемъ, что эта попытка объясненія касается едва лишь поверхности предмета, но также заявленіемъ увѣренности въ близкомъ или отдаленномъ успѣхѣ чего-нибудь, напоминающаго его ученіе о гиростатическомъ эфирѣ.

Высоко оцѣнивая установленную смѣлою интуиціей Максвеля связь между оптическими и электромагнетическими явленіями, Томсонъ никогда не бралъ исходнымъ пунктомъ своихъ изслѣдованій электромагнитную теорію свѣта; но онъ всегда былъ убѣжденъ, что частичныя теоріи свѣта, электричества и магнетизма будутъ когда-нибудь согласованы въ одну гармоническую теорію, имѣющую въ основѣ своей динамику.

Онъ долго отказывался отъ многихъ облегченій, которыя позволяютъ себѣ безъ дальнихъ размышленій горячіе сторонники электромагнитной теоріи.

И только въ изданіи 1904 г. своихъ Балтиморскихъ лекцій, значительно переработанномъ послѣ девятнадцатилѣтнихъ трудовъ, Томсонъ соглашается отказаться отъ старой схоластической аксіомы о непроницаемости, чтобы признать движеніе атомовъ сквозь эфиръ. Но развиваемое имъ при этомъ своеобразное ученіе совсѣмъ непохоже на упрощенное пониманіе, которымъ до сего дня довольствуются, даже не постаравшись формулировать его, электродинамисты. У него это динамическая концепція атома, являющагося центромъ силы, дѣйствующей на эфиръ и измѣняющей его распредѣленіе въ ограниченной сферѣ, соотвѣтствующей тому, что называется объемомъ атома. Томсонъ не безъ успѣха старался приспособить это пониманіе къ новымъ явленіямъ, которыми была обогащена наука со времени открытій сдѣланныхъ г-номъ и г-жею Кюри. Но онъ еще далеко не сказалъ своего послѣдняго слова.

Открытіе радія произвело на него сильнѣйшее впечатлѣніе; въ послѣдніе годы необычайныя качества этихъ новыхъ веществъ составляли почти единственный предметъ его размышленій, его бесѣдъ, его сообщеній въ Королевскомъ Обществѣ.

До послѣдняго дня сохранилъ онъ энтузіазмъ къ великимъ научнымъ трудамъ, и онъ проявлялъ его съ удивительной пылкостью и живостью. При чтеніи произведеній Томсона читателя чаруетъ не только глубина и остроуміе взглядовъ, не только юморъ и изящество изложенія ихъ, но также и деликатность, съ которою онъ пользуется понравившимися ему идеями другихъ ученыхъ, идетъ ли рѣчь о взглядахъ его брата Джемса Томсона, или его друзей Джоуля, Ранкина, Тэта, и особенно Стокса, какъ самыхъ знаменитыхъ, такъ и совсѣмъ мало извѣстныхъ. Его природная ласковость, впрочемъ, соблюдала всѣ оттѣнки отъ простой вѣжливости до самаго живого энтузіазма, особенно трогательнаго у этого осыпаннаго почестями знаменитаго старца, чувствовавшаго красоту и величіе открытія не взирая на то, кѣмъ оно было сдѣлано.

И лордъ Кельвинъ былъ окруженъ удивленіемъ, любовью и всеобщимъ уваженіемъ. Его юбилей былъ тріумфомъ, а смерть его трауромъ для физиковъ всего міра. Послѣ его смерти въ Electrical Review были сказаны патетическія слова: „Le roi est mort", но мы не можемъ прибавить: „Vive le roi", потому что если бы даже собрать населеніе всего земного шара, то и тогда нельзя было бы найти ему преемника.

Л. Людвиговичъ.

Практическая энтомологія.

Д-ръ А. В. Бекетовъ.

Болотная лихорадка и комары *).

(Окончаніе).

Говоря о значеніи комаровъ въ дѣлѣ распространенія маляріи, прежде всего надо замѣтить, что не всѣ комары способны передавать людямъ малярію. Въ этомъ повинны лишь комары, принадлежащіе къ роду анофелесовъ (anopheles). Комары другого, весьма распространеннаго рода — кулексовъ (culex) представляются въ этомъ отношеніи совершенно безвредными; за то въ жаркихъ странахъ они своими укусами обусловливаютъ заболѣваніе желтой лихорадкой, являющейся настоящимъ бичемъ тропическихъ странъ, и кровяной нитчаткой (filaria sanguinis), тоже довольно серьезной болѣзнью.

Въ виду практическихъ цѣлей весьма важно умѣть отличать простого комара отъ малярійнаго. Для этого необходимо обращать вниманіе на устройство головы того и другого. Послѣдняя прежде всего снабжена

---

*) См. „Вѣстникъ Знанія" № 6, 1909 г.

хоботкомъ — тѣмъ орудіемъ, которымъ комары прокалываютъ кожу животныхъ, чтобы напитаться ихъ кровью. Рисунокъ 1 представляетъ самку, прокалывающую кожу человѣка. Какъ видно, хоботокъ состоитъ изъ двухъ частей: прямолинейной, обращенной прямо внизъ, вонзающейся въ кожу, и изогнутой, остающейся на наружныхъ покровахъ (находится позади первой). Эти два образованія и представляютъ собой, собственно говоря, хоботъ. На самомъ дѣлѣ они устроены гораздо сложнѣе, чѣмъ указано: прямолинейное образованіе, назначенное для прокалыванія кожи, состоитъ изъ нѣсколькихъ, наложенныхъ одинъ на другой стилетовъ служащихъ для высасыванія крови. Что касается до изогнутаго образованія, то оно представляетъ собой не что иное, какъ родъ открытаго впередъ желоба,—въ которомъ обычно помѣщаются стилеты; это, собственно говоря,—предохраняющій футляръ для этихъ, столь дорогихъ для насѣкомаго органовъ. Надо замѣтить, что у самцовъ хоботокъ представляется

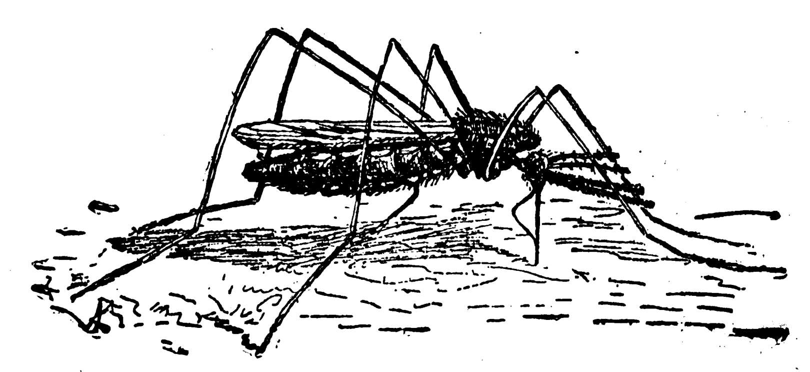

Рис. 1. Комаръ—самка Anophela maculipennis, прокусывающая кожу. [По Бляншару]. Сильно увеличено.

болѣе нѣжнымъ и мягкимъ и вовсе не приспособленъ для пробиванія кожи. Поэтому **самцы никогда не кусаютъ ни человѣка, ни животныхъ. Только самки сосутъ кровь.**

Народное мнѣніе, будто комаръ пьетъ кровь только одинъ разъ въ своей жизни, ошибочно. Опыты съ комарами въ неволѣ показали, что малярійный комаръ можетъ принимать кровь черезъ каждые 48 час.

Вообще, едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что нормальную, естественную пищу комаровъ составляютъ растительные соки. Милліоны ихъ не имѣютъ даже случая когда-либо сосать кровь теплокровныхъ животныхъ. Выращенные въ неволѣ комары охотно питаются подслащенной водой.

Кромѣ хоботка голова комаровъ бываетъ снабжена еще другими обраованіями. При разсматриваніи того же 1-го рисунка можно замѣтить выше хоботка пару щупальцевъ *) и выше послѣднихъ—пару усиковъ или сяжковъ, сидящихъ у самыхъ глазъ.

По этимъ органамъ легко отличить оба пола насѣкомыхъ. Самца можно узнать (рис. 2) по перистымъ усикамъ, похожимъ на два султана; у самки усики менѣе перисты. Что касается щупальцевъ, то длина полѣднихъ по отношенію къ хоботку можетъ служить для отличія рода **culex**

*) Слѣдуетъ имѣть въ виду, что обыкновенно щупальцы довольно плотно прилегаютъ къ хоботку у малярійнаго комара, отчего этотъ хоботокъ кажется только нѣсколько болѣе толстымъ (рис. 3—на немъ видны усики и такой утолщенный хоботокъ); для того, чтобы обнаружить эти длинные щупальцы у самки, слѣдуетъ концомъ пера, иглой и т. д. нагнуть хоботокъ книзу, и тогда прилегающія къ нему щупальца отдѣляются и рѣзко бросаются въ глаза.

отъ рода anopheles. Комары, у которыхъ оба пола имѣютъ щупальцы такой же длины, какъ хоботъ, принадлежатъ къ роду anopheles (рис. 2). Тѣ же, у самцовъ которыхъ щупальцы одинаковы по длинѣ съ хоботомъ, а у самокъ много короче послѣдняго, относятся къ роду culex. Самцы обоихъ родовъ отличаются по устройству конца щупальцевъ. У малярійнаго комара онъ представляется булавовидно утолщеннымъ, у самцовъ же обыкновеннаго комара щупальцы состоятъ изъ члениковъ, одинаково или почти одинаково узкихъ.

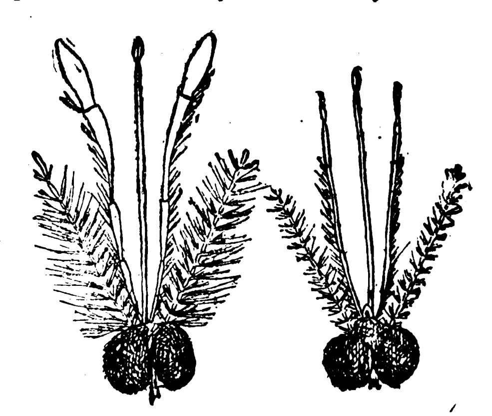

Рис. 2. Головка комара изъ рода Anopheles. [По Джойльсу]. Налѣво — голова самца, направо — самки. Сильно увеличено.

Кромѣ указанныхъ отличій, малярійный комаръ можетъ быть узнанъ по положенію тѣла во время покоя. При этомъ онъ поддерживается только двумя парами переднихъ ногъ, тогда какъ заднія ноги остаются приподнятыми (рис. 3); тѣлу же придаетъ почти перпендикулярное положеніе по отношенію къ поверхности (стѣна, потолокъ), на которой онъ сидитъ. Обыкновенный же комаръ располагается такъ, что тѣло его остается болѣе или менѣе параллельнымъ къ поверхности, на которой онъ находится.

Ноги у малярійнаго комара гораздо длиннѣе, чѣмъ у обыкновеннаго, онѣ почти въ два раза превышаютъ длину всего тѣла.

Слѣдующей особенностью, отличающей малярійнаго комара отъ простого, является расположеніе жилокъ на крыльяхъ. Третья продольная жилка (рис. 4, б) въ крылѣ малярійнаго комара, достигнувъ основной ячейки (рис. 4, в), проникаетъ въ нее въ видѣ очень короткой вѣточки,

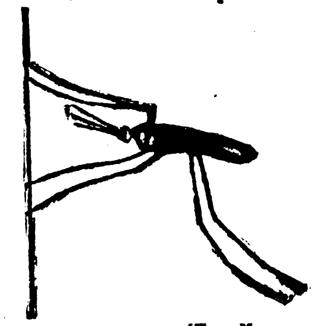

Рис. 3. Положеніе, принимаемое комарами во время покоя. [По Холодковскому]. Налѣво—culex; направо—anopheles. Увеличено.

тогда какъ въ крылѣ обыкновеннаго комара такого продолженія третьей жилки внутрь основной ячейки не замѣчается (рис. 5). Этотъ признакъ является особенно важнымъ, потому что крылья сохраняются лучше всего. Прочія же части (напр., усики, щупальцы) при храненіи комаровъ легко отламываются и поэтому лишаютъ возможности узнавать родъ этихъ насѣкомыхъ по засушеннымъ экземплярамъ.

Описанныя особенности настолько характерны, что по нимъ безъ труда удается опредѣлять родъ комаровъ и отличать самцовъ отъ самокъ *).

---

*) Я остановился подробнѣе на отличіяхъ обоихъ родовъ комаровъ, чтобы дать возможность желающимъ опредѣлить, водятся ли въ ихъ

Что касается до спариванія комаровъ, то относительно малярійнаго комара о немъ очень мало извѣстно. У обыкновеннаго комара оно совершается вечеромъ, для чего самцы, собираясь кучками, летаютъ въ воздухѣ, то поднимаясь, то опускаясь. Во время такихъ танцевъ отдѣльныя самки подлетаютъ къ такой группѣ танцующихъ въ воздухѣ самцовъ, при чемъ всякая приблизившаяся самка схватывается самцомъ, и парочка, спарившись, отлетаетъ въ сторону.

Яйца свои комаръ откладываетъ въ воду. Для этого самка садится или прямо на поверхность воды или на край какого нибудь плавающаго предмета, напр., листа. Въ большинствѣ случаевъ откладка яицъ производится рано утромъ (3—5 часовъ), рѣдко среди дня. Она совершается при тихой, безвѣтренной погодѣ.

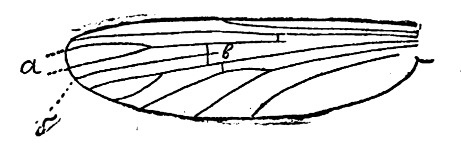

Рис. 4. Крыло малярійнаго комара. [По Порчинскому]. Чешуйки удалены. **а**—двѣ вѣтки второй продольной жилки; **б**—третья продольная жилка; **в**—основная ячейка. Увеличено.

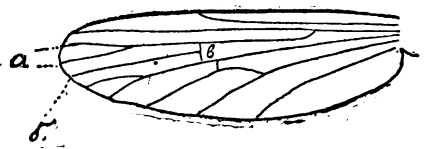

Рис. 5. Крыло обыкновеннаго комара. [По Порчинскому]. Обозначенія тѣ же, что на рис. 4. Увеличено.

Яйца обыкновеннаго и малярійнаго комаровъ отличаются другъ отъ друга не только по внѣшнему виду, но и по ихъ положенію на водѣ. Яйца обыкновеннаго комара конической формы съ закругленными концами, при чемъ головной конецъ болѣе толстый, всегда бываетъ обращенъ къ поверхности воды, а противоположный, задній ко дну; такимъ образомъ яйца эти занимаютъ вертикальное положеніе. Они бываютъ расположены кучками, лежатъ тѣсно другъ около друга; каждая кучка по своимъ очертаніямъ напоминаетъ лодочку.

Яички малярійнаго комара совсѣмъ другой формы. Они бываютъ около 1 мм. длиною; если на нихъ смотрѣть сверху (рис. 6, а, слѣва), то они имѣютъ правильную эллиптическую форму; при разсматриваніи ихъ сбоку (рис. 6, а, справа) ясно замѣтна ихъ плоская верхняя и выпуклая нижняя поверхность.

На водѣ эти яйца располагаются горизонтально, выпуклой стороной внизъ; лежатъ они не сплошной массой въ видѣ лодочки, какъ у обыкновеннаго комара, а или небольшими группами, или по одиночкѣ.

Личинка обыкновеннаго комара (рис. 6, b) извѣстна всѣмъ. Ее нетрудно замѣтить по забавнымъ кривляньямъ и прыжкамъ, которые она дѣлаетъ въ водѣ. Она почти все время находится въ движеніи, то плыветъ, извиваясь, то быстро расправляется и, какъ пружина, отскакиваетъ въ сторону. Время отъ времени она приближается къ поверхности воды и быстро тамъ останавливается, какъ бы подвѣшенная за коническій придатокъ, находящійся на заднемъ концѣ ея тѣла. Этотъ придатокъ представляетъ дыхательную трубочку: въ ея концѣ открываются трахеи всего тѣла. Здѣсь имѣется два небольшихъ отверстія, при помощи

мѣстности малярійные комары. Эти простыя наблюденія, произведенныя въ разныхъ мѣстахъ Россіи и напечатанныя хотя бы въ нашемъ „Вѣстникѣ Знанія“, позволили бы составить таблицу распространенія комаровъ рода anopheles въ Россіи, что въ связи съ данными медицинской статистики о распространеніи маляріи дало бы очень цѣнный научный матеріалъ о болотной лихорадкѣ.

Считаю при этомъ необходимымъ добавить, что нашъ малярійный комаръ, или лихорадникъ, носитъ названіе anopheles claviger.

которыхъ животное можетъ сообщаться съ атмосфернымъ воздухомъ. Оно хотя и живетъ въ водѣ, тѣмъ не менѣе не можетъ пользоваться растворенныиъ въ ней кислородомъ, какъ это дѣлаютъ, напр., рыбы. Оно можетъ дышать только воздухомъ.

Это обстоятельство, повидимому маловажное, привело, какъ увидимъ ниже, къ очень важнымъ выводамъ относительно борьбы съ тѣми болѣзнями, которыя передаются укусами комаровъ.

Пищу личинокъ составляютъ микроскопическія водоросли и другіе организмы, а также частицы гніющихъ растеній. Для принятія пищи личинки обыкновеннаго комара удаляются на дно лужи, куда онѣ также спасаются отъ опасности. На днѣ онѣ оставаться долго не могутъ; потребность въ воздухѣ заставляетъ ихъ снова подняться на поверхность воды.

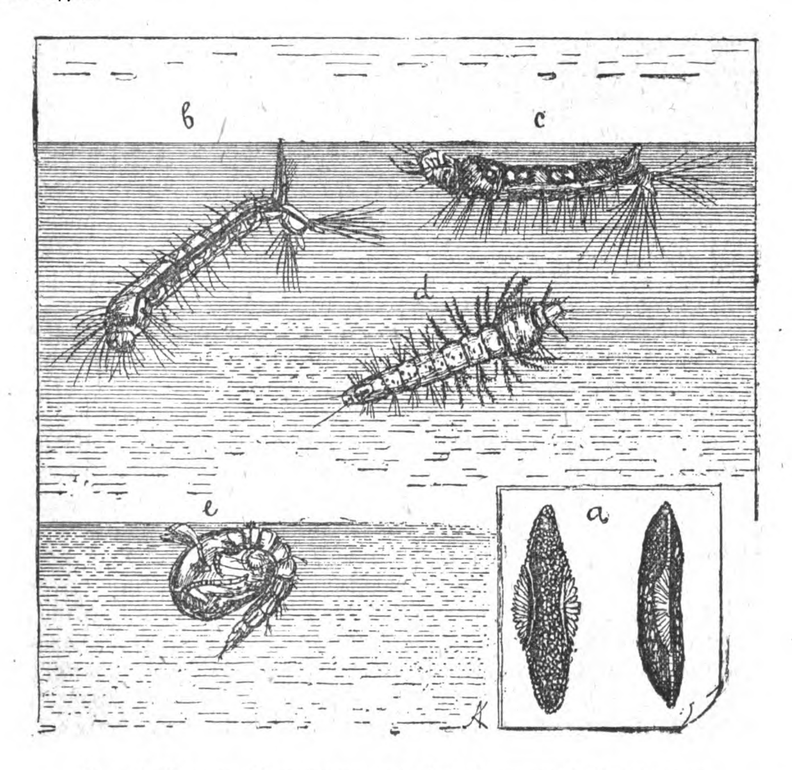

Рис. 6 Метаморфозы комаровъ [По Бляншару]. Увеличено.
a—яйцо **Anopheles** (налѣво — спереди, направо—сбоку); *b*—личинка **Culex**; *c* и *d*—личинки **Anopheles**; *e*—куколка.

Такъ какъ личинки обыкновеннаго комара питаются, главнымъ образомъ, разлагающимися органическими веществами, то этотъ комаръ выбираетъ для своего потомства воду, не отличающуюся особенной чистотой; онъ не не любитъ чистой воды и кладетъ яйца лишь въ стоячую воду. Такъ какъ, далѣе, для добыванія пищи личинки опускаются на дно обитаемыхъ ими водъ, то онѣ не встрѣчаются въ водѣ, глубиной превышающей одинъ метръ. Обыкновенно же онѣ живутъ въ водѣ, менѣе глубокой. Личинки легко заводятся въ канавкахъ и лужахъ изъ дождевой воды, особенно въ богатыхъ гніющими растительными веществами, въ непокрытыхъ сосудахъ съ долго стоящей водой, также въ водѣ, загрязненной нечистотами изъ сточныхъ трубъ или изъ отхожихъ мѣстъ. Онѣ могутъ жить только въ неглубокой, прѣсной, стоячей водѣ, но не въ текучей или морской.

Личинка малярійнаго комара *) не имѣетъ дыхательной трубочки; отверстія ея трахей открываются на предпослѣднемъ кольцѣ брюшка, будучи расположены на такомъ незначительномъ возвышеніи, что кажутся просто сидячими (рис. 6, c). Поэтому, эта личинка имѣетъ иное положеніе въ водѣ, чѣмъ предыдущая: она плаваетъ на поверхности въ родѣ горизонтально расположенной соломинки или вѣрнѣе листика, на который похожа своей травяно-зеленой или нѣсколько болѣе темной окраской.

Сравнительно съ личинками обыкновеннаго комара, личинокъ малярійнаго комара можно назвать лѣнивыми. Онѣ по цѣлымъ часамъ остаются у поверхности воды почти безъ всякаго движенія, лишь производя маленькіе водовороты находящимися у нихъ на головѣ густыми пучками щетинокъ. Этимъ онѣ вгоняютъ въ полость рта все, что находится около послѣдняго. Такъ какъ тонкая пеленка изъ микроскопическихъ организмовъ, покрывающая собой поверхность стоячей воды, доставляетъ этимъ личинкамъ обильный пищевой матеріалъ, то имъ, конечно, и нѣтъ надобности опускаться на дно водоема—тѣмъ болѣе, что необходимый для дыханія воздухъ онѣ могутъ получать лишь изъ атмосферы. Впрочемъ, во время опасности онѣ, подобно личинкамъ обыкновеннаго комара, также быстро оставляютъ поверхность воды и при помощи змѣеобразныхъ движеній опускаются глубже или на дно бассейна, въ которомъ живутъ.

Такъ какъ имъ не приходится въ погонѣ за пищей опускаться на дно, то онѣ водятся въ водахъ и болѣе глубокихъ, чѣмъ въ которыхъ живутъ личинки обыкновеннаго комара. Онѣ обитаютъ, главнымъ образомъ, въ болотной водѣ, но, за недостаткомъ ея, живутъ и въ другой водѣ и даже въ открытыхъ бочкахъ и кадкахъ съ водой. Ихъ находятъ не только въ стоячихъ, но и въ тихо текущихъ водахъ. Онѣ могутъ жить и въ солоноватой водѣ, если въ ней количество соли не превышаетъ 1,1/о. Ихъ нѣтъ только въ такой водѣ, которая сплошь покрыта ряской (Lemna), такъ какъ подъ листьями этого растенія личинки задыхаются. Излюбленнымъ мѣстомъ пребыванія послѣднихъ служатъ скопленія водорослей—то, что называютъ водяной ватой. Эти скопленія, поддерживаемыя на поверхности воды воздушными пузырьками, заключенными въ петляхъ водорослей, даютъ личинкамъ комаровъ обильный запасъ пищи и кислорода, а, главное, защищаютъ ихъ отъ самыхъ опасныхъ враговъ—рыбъ и личинокъ стрекозъ. Впрочемъ личинки малярійнаго комара и въ открытой водѣ не всегда дѣлаются добычей этихъ хищниковъ, такъ какъ, будучи мало подвижными и своимъ зеленымъ цвѣтомъ очень похожими на растенія, мало обращаютъ на себя вниманія. Иное дѣло—личинки обыкновенныхъ комаровъ. Эти послѣднія, не защищенныя своей окраской, рѣзко бросаются въ глаза не только при движеніяхъ, но также и при покойномъ положеніи, когда имѣютъ видъ какъ бы висящихъ съ поверхности воды предметовъ. Поэтому, онѣ быстро уничтожаются.

Куколка, въ которую превращается личинка комара, является по внѣшности, такъ сказать, муміей комара (рис. 6, e). На ней отличимы и голова и туловище и части рта, а также усики, ноги и крылья комара, заключенныя въ особыя оболочки. Въ общемъ куколку можно сравнить съ головастикомъ или вопросительнымъ знакомъ, такъ какъ тѣло ея образуетъ шаровидную часть, за которой слѣдуетъ родъ кольчатаго хвоста. Къ какому бы роду комаровъ куколка ни принадлежала, она всегда бываетъ одного и того же типа, за исключеніемъ деталей, на которыхъ мы не будемъ здѣсь останавливаться. Ея вздутая часть, соотвѣтствующая головѣ и груди бываетъ всегда на верху, когда животное поднимается на поверхность, чтобы дышать. На ней находятся двѣ дыхательныхъ трубочки, похожія на ослиныя уши. Пищи куколка не принимаетъ. Въ случаѣ опас-

*) Совершенно выросшая въ длину достигаетъ до 8 мм.

ности она быстрыми ударами брюшка, толчками удаляется отъ поверхности воды на дно своей родной лужи и, пробывъ здѣсь нѣкоторое время, медленно всплываетъ опять на поверхность.

Когда куколка вполнѣ созрѣетъ, то она дѣлается неподвижной и остается на поверхности воды. Часть ея спинной области высовывается изъ воды и подвергается изсушающему дѣйствію воздуха. Скоро въ кожѣ образуется щель, черезъ которую выходитъ уже готовое насѣкомое. Какъ только лапки послѣдняго освободятся, оно находитъ себѣ въ нихъ опору или на поверхности жидкости или на кожѣ личинки. Это—самый опасный моментъ въ жизни комара. Достаточно малѣйшаго вѣтерка или волненія воды, чтобы начинающее жить насѣкомое немедленно погибло. Укрѣпившись, какъ сказано, при помощи лапокъ, вылупляющійся изъ своей куколки комаръ мало-по-малу освобождаетъ крылья, онѣ расправляются, высыхаютъ...... и насѣкомое улетаетъ. Такъ происходитъ окрыленіе комаровъ.

Все развитіе обыкновеннаго комара (culex pipiens), отъ яйца до окрыленія, совершается при температурѣ 15°—20° (*C*) приблизительно въ теченіе отъ 3 до 4 недѣль. При болѣе высокой температурѣ оно можетъ совершаться въ теченіе двухъ (при 20° — 25°) и даже одной недѣли (при 25°—33°). Въ водѣ съ температурой ниже 12° развитіе комара не происходитъ. Въ теченіе лѣта обыкновенный комаръ размножается въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ, смотря по температурѣ и широтѣ мѣста.

Развитіе малярійнаго комара (anopheles claviger) продолжается нѣсколько дольше. Въ теплое лѣто оно идетъ быстрѣе. Подъ Москвою этотъ комаръ развивается, повидимому, въ двухъ поколѣніяхъ.

Теперь мы уже можемъ перейти къ разсмотрѣнію способовъ уничтоженія комаровъ. Нельзя, конечно, серьезно говорить о массовомъ истребленіи уже окрылившихся насѣкомыхъ, хотя нѣкоторыми и дѣлались подобныя предложенія. Наша власть можетъ простираться только на личинокъ и куколокъ. Наиболѣе практичнымъ и дешевымъ способомъ ихъ уничтоженія является примѣненіе керосина или мазута *). Оно основано на томъ важномъ свойствѣ этихъ жидкостей, что вылитыя въ воду, онѣ не смѣшиваются съ ней и по легкости остаются на ея поверхности, скоро облекая тонкой пленкой всю поверхность даннаго бассейна. Въ отравленныхъ такимъ образомъ керосиномъ или мазутомъ водоемахъ стоячей воды, заселенныхъ личинками комаровъ, черезъ двое сутокъ по отравленіи ихъ уже нельзя найти ни одной живой личинки или куколки комара. Надо помнить, что эти послѣднія, хотя и относятся къ водянымъ обитателямъ, тѣмъ не менѣе могутъ дышать только атмосфернымъ воздухомъ; когда онѣ поднимаются на поверхность, чтобы выдѣлить углекислоту и запастись кислородомъ, ихъ дыхательныя отверстія выполняются керосиномъ или мазутомъ, которые тотчасъ же распространяются по трахеямъ, какъ по капиллярнымъ трубкамъ. Такимъ образомъ, животное умираетъ отъ одновременно происходящихъ задушенія и отравленія. Достаточно очень небольшого количества керосина, около 10 куб. сантиметровъ на кв. метръ поверхности, для умерщвленія миріадъ развивающихся комаровъ. Возобновляя такое поливаніе 2—3 раза въ лѣто, можно обезвредить всю, бывшую опасной воду. Дожди только способствуютъ равномѣрному распредѣленію мазута по поверхности воды. Другія водяныя животныя, если только они дышатъ растворенныиъ въ водѣ воздухомъ, не подвергаются никакой непріятности отъ такого поливанія.

Дѣйствительность этой мѣры подтверждается массой фактовъ, которыхъ за недостаткомъ мѣста мы здѣсь приводить не будемъ. Достаточно упомянуть объ островѣ Азинарѣ, близъ Сардиніи, еще недавно на-

*) Мазутъ много дешевле керосина.

водненномъ комарами и бывшемъ тяжелымъ очагомъ болотной лихорадки; теперь благодаря этой простой мѣрѣ комары исчезли совсѣмъ, и лихорадка прекратилась за отсутствіемъ насѣкомыхъ, ее передающихъ.

Примѣненіе керосина возможно, само собою понятно, лишь въ стоячихъ водахъ и при томъ такихъ, изъ которыхъ не берутъ воду для пищи или питья, которыя не служатъ для купанья или водопоя, а также для украшенія даннаго мѣста. Во всѣхъ этихъ случаяхъ приходится прибѣгать къ другимъ способамъ уничтоженія комариныхъ личинокъ. Изъ нихъ наиболѣе доступнымъ является разведеніе рыбъ, поѣдающихъ указанныхъ личинокъ. Особенно полезными въ этомъ отношеніи являются живущія остатками мелкія карповыя рыбы. Можно указать на цѣлый рядъ подлежащихъ разведенію рыбъ, каковы: карпъ, карасъ, лещъ, язь, плотва, густера, гольянъ, ершъ, щиповка, налимъ, бычекъ, голецъ, вьюнъ, линь. Помимо разведенія рыбъ, слѣдуетъ вылавливать ту «водяную вату», которая служитъ убѣжищемъ для личинокъ комаровъ и скрываетъ ихъ отъ рыбъ, личинокъ стрекозъ и прочихъ ихъ враговъ.

Наиболѣе радикальнымъ способомъ борьбы съ комарами является, конечно, осушеніе болотистыхъ мѣстностей, проведеніе каналовъ, дренажей, посадка высушающихъ почву растеній, напримѣръ, эвкалиптовыхъ деревьевъ, вырубка мѣшающихъ провѣтриванію и высыханію почвы непроходимыхъ лѣсовъ и т. д. Дѣйствительность этихъ мѣръ можно наблюдать у насъ на Кавказѣ, гдѣ подобное культивированіе почвы даетъ возможность *) отвоевывать отъ природы ранѣе недоступныя (вслѣдствіе маляріи) для человѣческаго житья пространства. Насколько важными являются эти мѣропріятія, можетъ служить примѣромъ Италія, гдѣ вслѣдствіе маляріи жители вынуждены оставлять въ забросѣ свыше двухъ милліоновъ гектаровъ (гектаръ=2197 кв. саж.) годной для обработки земли. Къ сожалѣнію у насъ не имѣется подъ руками подобныхъ данныхъ о Россіи.

Утѣшительнымъ въ дѣлѣ истребленія комаровъ должно считаться то обстоятельство, что комары обыкновенно не распространяются далеко отъ мѣста ихъ происхожденія. Какъ извѣстно, они никогда не поднимаются высоко на воздухъ; они всегда летаютъ близъ поверхности земли и держатся обыкновенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они вывелись; да и тамъ то они показываются и вьются надъ землей только при спокойномъ состояніи атмосферы и тотчасъ же прячутся въ траву или подъ деревья, какъ только начинаетъ дуть вѣтеръ, который поэтому никогда и не относитъ ихъ хоть сколько-нибудь далеко отъ мѣста ихъ рожденія. Поэтому, нечего особенно бояться залетанія новыхъ комаровъ въ ту мѣстность, гдѣ они были уничтожены.

Теперь остается разсмотрѣть способы защиты отъ комаровъ, точнѣе говоря отъ ихъ укусовъ. Самой естественной мѣрой является извѣстный всѣмъ и употребляющійся всюду, гдѣ много комаровъ, пологъ. Его обыкновенно приготовляютъ изъ кисеи, тарлатана или другой какой-либо матеріи, имѣющей видъ сѣтки. Но онъ можетъ дать защиту только во время сна. Между тѣмъ, необходимо имѣть возможность входить и выходить изъ дома, предаваться текущимъ занятіямъ, не подвергаясь непрестаннымъ укусамъ насѣкомыхъ. Этого достигаютъ, закрывая всѣ отверстія въ домѣ металлической сѣткой съ квадратными петлями, сторона которыхъ не должна превышать двухъ миллиметровъ. Двери должны закрываться на блокѣ или другимъ какимъ-либо автоматическимъ способомъ. Оставленіе ихъ открытыми или полуоткрытыми неизбѣжно повлекло бы за собою проникновеніе внутрь дома комаровъ. Полезно устраивать двойныя двери или тамбуры у

*) Я употребляю выраженіе „даетъ возможность“ потому, что на самомъ дѣлѣ эта возможность только въ рѣдкихъ случаяхъ переходила въ дѣйствительность.

входа. Тогда изоляція отъ комаровъ будетъ еще полнѣе. Не надо думать, что такія огражденія сдѣлаютъ домъ похожимъ на тюрьму или склепъ. Металлическія нити настолько тонки, что не преграждаютъ доступа лучамъ свѣта и току воздуха и не препятствуютъ видѣть черезъ сѣтку *). Далеко не будучи тюрьмой, такое жилище вполнѣ гарантируетъ отъ укусовъ комаровъ. А насколько послѣдніе бываютъ несносными, объ этомъ знаетъ всякій, кому приходилось жить въ богатой комарами мѣстности. Они не даютъ ни минуты покоя, мѣшаютъ читать, заниматься письмомъ и т. д. Нервные люди приходятъ въ отчаяніе отъ одного ихъ жужжанія. Достаточно вспомнить искусанныя комарами и затѣмъ расчесанныя до крови лицо, руки и ноги, чтобы оцѣнить такую изоляцію жилищъ при помощи сѣтокъ. Мы уже не говоримъ здѣсь объ опасности получить такимъ образомъ малярію. Если бы это послѣднее обстоятельство было извѣстно болѣе широкимъ слоямъ, то малярія не выхватывала бы столько жертвъ.

Самбонъ и Лёвъ, изъ тропической школы въ Лондонѣ, построили въ окрестностяхъ Остіи, на самомъ болотѣ, въ мѣстѣ, которое считается самымъ нездоровымъ во всей Римской Кампаньѣ, деревянный домъ, гдѣ они вмѣстѣ съ рисовальщикомъ Терци и слугой провели 4 мѣсяца во время сезона лихорадокъ. Ихъ домъ былъ оборудованъ согласно только что сдѣланному описанію. Сами они не принимали ни хинина, ни другого какого либо лѣкарства, могущаго задержать развитіе плазмодіевъ. Въ ихъ крови въ началѣ опытовъ не было паразитовъ; не было ихъ и къ концу 4 мѣсяцевъ, тогда какъ окрестное населеніе все цѣликомъ было охвачено этимъ бичемъ. Они предавались въ теченіе дня, когда комары не летаютъ, самымъ разнообразнымъ занятіямъ. Единственной ихъ заботой было возвращаться домой до захода солнца, чтобы выйти изъ него только на завтра. Благодаря этимъ тщательно соблюдаемымъ предосторожностямъ, они могли одержать побѣду надъ болотной лихорадкой и доказать самымъ убѣдительнымъ образомъ. что ни испорченный какими то таинственными міазмами воздухъ, ни стоячая вода болотъ не играютъ ни малѣйшей роли въ происхожденіи лихорадки.

То, что продѣлано было въ Италіи, безъ большого труда можетъ быть повторено и въ другихъ мѣстахъ, и всюду, конечно, долженъ получиться тотъ же результатъ.

Живущіе въ малярійныхъ мѣстностяхъ и имѣющіе необходимость выходить изъ дома въ вечернее и ночное время (шоссейные сторожа и т. д.) должны накидывать на голову легкое кисейное или тюлевое покрывало, а на руки надѣвать толстыя перчатки, недоступныя для прокола комаровъ. Съ примѣненіемъ этихъ простыхъ мѣръ на извѣстной части сѣти Итальянскихъ жел. дорогъ, эти послѣднія стали болѣе оживленными; публика стала ѣздить и съ ночными поѣздами, торговля оживилась, благосостояніе населенія стало увеличиваться.

Въ иностранныхъ журналахъ можно видѣть рисунки оборудованныхъ при помощи желѣзныхъ сѣтокъ желѣзно - дорожныхъ станцій, домиковъ шоссейныхъ сторожей и частныхъ владѣльцевъ, а также изображенія защищенныхъ головными покрывалами и перчатками стрѣлочниковъ при исполненіи ими своихъ обязанностей и т. п. Постепенно эти несложныя приспособленія вошли во всеобщее употребленіе во всѣхъ странахъ, гдѣ наблюдаются причиняемыя комарами болѣзни. Японія сдѣлала инициативу въ ношеніи солдатами перчатокъ и вуалей, по крайней мѣрѣ въ лихорадочныхъ мѣстностяхъ. Она въ этомъ отношеніи опередила европейцевъ, умъ которыхъ, окутанный вѣковыми предразсудками, скорѣе мирится съ колоссальной заболѣваемостью солдатъ маляріей, чѣмъ допускаетъ раціо-

*) Сѣтки для оконъ изъ матеріи непрактичны, такъ какъ онѣ плохо пропускаютъ воздухъ.

нальную, но непривычную для глазъ обмундировку, находя, что всякія вуалетки и перчатки мало вяжутся съ военной службой.

Мы не безъ умысла остановились на всемъ этомъ. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые авторы находятъ совершенно излишними описанныя предосторожности при выходѣ изъ дома вечеромъ и ночью. Они основываются на своихъ наблюденіяхъ надъ жизнью комаровъ. Кожевниковъ, изучавшій малярійнаго комара въ одной сильно малярійной мѣстности Воронежской губерніи, въ своихъ описаніяхъ говоритъ, что эти комары попадались главнымъ образомъ внутри различныхъ строеній, въ жилыхъ помѣщеніяхъ всякаго рода, въ коровникахъ, сараяхъ, въ отдѣльныхъ будкахъ или вблизи этихъ строеній на лету въ вечернее время.

Ночныя наблюденія на берегу рѣки надъ комарами давали ему исключительно обыкновенныхъ комаровъ. Другія наблюденія давали единичныя указанія на малярійныхъ комаровъ, кусавшихъ ночью внѣ жилья. Въ общемъ, по мнѣнію Кожевникова, шансы быть укушеннымъ малярійнымъ комаромъ ночью на открытомъ воздухѣ ничтожны сравнительно съ возможностью быть укушеннымъ въ комнатахъ. Порчинскій приходитъ къ тѣмъ же выводамъ. Его наблюденія касаются не только среднихъ губерній Россіи, но и Астраханскаго края, Бессарабіи, Крыма и Закавказья (окрестностей Эчміадзина, Батума, Кутаиса). Повсюду, говоритъ этотъ авторъ, вечеромъ и ночью я не подвергался нападенію малярійнаго комара подъ открытымъ небомъ, тогда какъ у себя дома по вечерамъ и ночью велъ съ нимъ постоянную войну.

Грасси отмѣчаетъ, что малярійный комаръ настолько тѣсно связанъ съ человѣкомъ, что съ полнымъ правомъ могъ бы быть названъ домашнимъ насѣкомымъ.

Всѣ эти наблюденія очень цѣнны и утѣшительны, но изъ нихъ, по нашему мнѣнію, нельзя дѣлать категорическаго вывода о совершенной безцѣльности совѣтовъ оставаться дома послѣ захода солнца, а при выходѣ наружу надѣвать сѣтку на голову и перчатки. Вѣдь, изъ того, что шансы быть укушеннымъ малярійнымъ комаромъ на открытомъ воздухѣ ничтожны, вовсе не слѣдуетъ, что ихъ не надо принимать въ расчетъ. Вѣдь, не напрасно такъ осторожны въ этомъ отношеніи итальянцы и японцы.

Но изъ этихъ наблюденій слѣдуетъ сдѣлать другой важный выводъ— о необходимости самаго тщательнаго обереганія нашихъ жилищъ отъ попаданія туда комаровъ. Оказывается, что малярійные комары не только налетаютъ въ дома къ вечеру и остаются тамъ въ укромныхъ, плохо освѣщенныхъ уголкахъ на день, но что они даже зимуютъ въ нашихъ жилищахъ.

Порчинскій сообщаетъ, что въ Петербургѣ, въ самомъ центрѣ города, въ барской квартирѣ въ декабрѣ мѣсяцѣ появились комары (квартира расположена въ 3-емъ этажѣ) и по ночамъ нападали на спящихъ дѣтей, лица и руки которыхъ оказались искусанными. Комары эти, принадлежавшіе къ виду Culex pipiens, зимовали въ отдушинахъ паркетнаго пола. Точно также и пишущій эти строки обнаружилъ въ концѣ ноября (1907 года) въ своей квартирѣ, въ Москвѣ, нѣсколько летающихъ комаровъ изъ рода culex. Малярійный комаръ, зимующій при такихъ условіяхъ въ обитаемыхъ людьми помѣщеніяхъ, можетъ, конечно, въ нѣкоторыхъ случахъ, при достаточной температурѣ, служить причиной зараженія паразитомъ маляріи даже зимою, если въ томъ же помѣщеніи находится и больной малярiей *).

Вообще же комары зимуютъ, скрываясь въ лѣсахъ и паркахъ во мху, дуплахъ или подъ отставшей корой, въ нежилыхъ постройкахъ, сараяхъ, амбарахъ, чердакахъ, конюшняхъ и т. п. Находясь въ лѣсахъ,

*) Собирающійся зимовать комаръ не запасается человѣческой кровью. Находящіеся же въ его тѣлѣ паразиты зимняго времени не выносятъ. Поэтому, безъ новаго зараженія онъ не можетъ передать малярін.

садахъ и въ помѣщеніяхъ съ температурой окружающаго воздуха, комары зимуютъ въ состояніи оцѣпенѣнія. Перенесенные въ теплое помѣщеніе, они скоро приходятъ въ себя и начинаютъ двигаться. Слѣдуетъ замѣтить, что зимуютъ только самки. Самцы же оплодотворивъ самокъ еще до зимовки умираютъ. О томъ, что находящіеся въ тѣлѣ комаровъ паразиты не переносятъ зимняго времени и погибаютъ, мы уже упоминали.

Таково современное ученіе о болотной лихорадкѣ и объ ея распространеніи комарами. Въ настоящей статьѣ мы останавливались только на самомъ главномъ, приводя лишь необходимыя подробности.

Нечего и говорить, что мы не могли коснуться очень многихъ деталей. Между прочимъ, намъ не пришлось изложить тотъ споръ, который вели противники комариной теоріи маляріи. Въ настоящее время нѣкоторые ученые посягаютъ на существованіе нѣсколькихъ разновидностей паразита болотной лихорадки. Это противорѣчитъ фактамъ, установленнымъ до сихъ поръ. Въ литературѣ существуетъ рядъ примѣровъ, доказывающихъ, что комары передаютъ человѣку именно тотъ типъ маляріи, паразитомъ котораго они заражены.

Приведемъ два такихъ случая.

Англійскій врачъ Мансонъ осенью 1900 года выписалъ къ себѣ въ Лондонъ изъ Италіи живыхъ самокъ малярійнаго комара, сосавшихъ кровь у больного, страдавшаго трехдневной лихорадкой. Сынъ Мансона, тоже врачъ, никогда не бывавшій въ малярійныхъ мѣстностяхъ и никогда не болѣвшій малярiей, пожелалъ произвести надъ собой опытъ и предоставилъ нѣсколькимъ изъ полученныхъ его отцомъ комаровъ пососать кровь изъ своего тѣла. Черезъ нѣкоторое время, затѣмъ, онъ заболѣлъ малярiей и при томъ той ея формой, паразитами которой были заражены эти комары. Другой случай относится къ русскому ученому Фавру, который заразилъ самого себя, черезъ малярійнаго комара, паразитомъ тропической маляріи. Только серьезное лѣченіе избавило его отъ этой болѣзни.

Всѣ подобные примѣры и повели къ установленію того положенія, что каждый отдѣльный типъ маляріи вызывается особымъ паразитомъ.

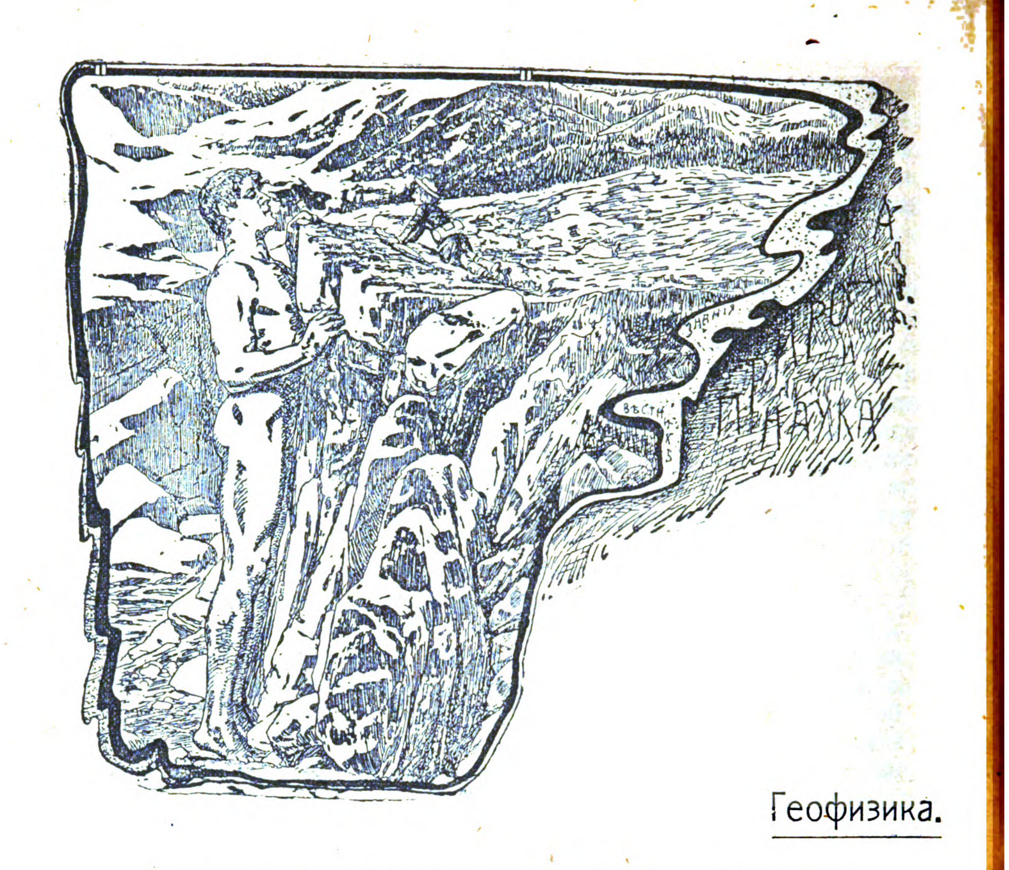
Вотъ противъ этого то положенія и дѣлаются теперь возраженія. Пленъ, Целли, ванъ-Воркгофъ и нѣкоторые другіе авторитетные изслѣдователи признаютъ лишь одну форму болотныхъ паразитовъ, способную, однако, различнымъ образомъ видоизмѣняться въ зависимости отъ климатическихъ условій и индивидуальныхъ особенностей промежуточнаго хозяина, человѣка, а также, вѣроятно, и истиннаго хозяина, малярійнаго комара. Мы не будемъ касаться подробностей, скажемъ лишь что выставляемые названными учеными факты довольно убѣдительны и, можетъ быть въ концѣ концовъ ихъ теорія будетъ признана всѣми. Но пока этотъ вопросъ еще въ періодѣ его разработки.

Въ заключеніе приведемъ слѣдующія слова проф. Бляншара *): «Уничтожить комаровъ, что не трудно, — это значитъ уничтожить болотную лихорадку, зараженіе кровяной нитчаткой, желтую лихорадку и другія не менѣе страшныя болѣзни; это значитъ открыть для бѣлой расы огромныя территоріи, гдѣ раньше ей, такъ сказать, было заказано обосновываться; это значитъ — приготовить новыя цивилизаціи и расы, судьбы которыхъ намъ невозможно даже предвидѣть; это значитъ — перевернуть ось міра; это значитъ, однимъ словомъ,—создать новое человѣчество, которое сумѣетъ покорить и подвергнуть обработкѣ еще дѣвственную и неизвѣданную природу».

Всѣми этими завоеваніями, добавимъ мы отъ себя, люди будутъ обязаны не пушкамъ и пулеметамъ, а микроскопу и свободному научному изслѣдованію.

Александръ Бекетовъ.

*) La Nature, 1908, № 1578.

Геофизика.

Директоръ обсерваторіи въ Бургѣ, Т. Морэ.

Внутренность земли.

Въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ самопишущіе приборы, отмѣчающіе все учащающіяся колебанія земной коры, доставили намъ много весьма цѣнныхъ указаній относительно внутренняго строенія земли. Сейсмографическія діаграмы показываютъ всю очевидность цѣлой серіи несомнѣнныхъ колебаній вплоть до того, что геологи называютъ «прелиминарными содроганіями». Эти колебанія передаются намъ, внѣ всякаго сомнѣнія, черезъ внутреннюю массу земного шара и, такъ какъ ихъ скорость связана съ затвердѣвшей средой, черезъ которую они проходятъ, то этимъ самымъ мы получаемъ возможность имѣть ясное представленіе о состояніи ниже лежащей массы.

Выводы изъ наблюденій показываютъ, что плотность центральнаго ядра земли заключается между плотностью стекла и стали.

Съ перваго взгляда это утвержденіе, повидимому, наноситъ смертельный ударъ прежней теоріи центральнаго огня, и не понятно, какъ мы можемъ согласовать новые факты съ тѣмъ основаніемъ, которое имѣемъ, полагая, что внутренность земли состоитъ изъ огненной массы или жидкой лавы высокой температуры.

Физика можетъ разрѣшить это видимое противорѣчіе. Если законъ геотермическаго градуса *) не теряетъ своей силы за предѣлами

*) Напомнимъ, что геотермическимъ градусомъ называется глубина въ метрахъ съ увеличеніемъ температуры на одинъ градусъ (стоградуснаго термометра).

осуществимаго въ настоящее время буренія, то смѣло можно сказать,— полагая на каждые 35 метровъ приращеніе въ одинъ градусъ, — что за 70-ю километрами земной поверхности температура доходитъ до 2.000°. Этой температуры вполнѣ достаточно для того, чтобы привести всѣ земныя породы въ состояніе плавленія.

Но на этой глубинѣ давленіе достигаетъ не меньше 20.000 атмосферъ. Это давленіе можетъ, стало быть, уравновѣсить дѣйствіе теплоты и привести жидкую лаву въ состояніе сопротивленія и бо̀льшей молекулярной сплоченности, чѣмъ у самыхъ твердыхъ тѣлъ земной коры. Однако, мы все-таки допускаемъ, что внутренность земного шара состоитъ изъ жидкаго ядра, раскаленнаго до-бѣла, или, скорѣе, газообразнаго, находящагося подъ очень сильнымъ давленіемъ.

Здѣсь, конечно, можно возразить, что все это основано на одной лишь гипотезѣ приращенія температуры въ глубокихъ пластахъ. Наши изслѣдованія, производившіяся только до 2.000 метровъ, не представляютъ и сотой части земного радіуса, и, въ самомъ дѣлѣ, мы изъ опыта не знаемъ, много ли превышаетъ внутренняя температура ту, которую мы имѣемъ за 2 километрами земной поверхности.

Но допуская ту гипотезу, что температура ядра не превышаетъ нѣсколько сотенъ градусовъ, сталкиваются съ другимъ затрудненіемъ. Откуда происходитъ теплота глубокихъ пластовъ, если та теплота, которую мы получаемъ отъ солнца, становится нечувствительной за поверхностнымъ слоемъ 16 метровъ толщины въ среднемъ?

Знаменитый физикъ Потье (Potier) сказалъ слѣдующее: «тотъ единственно фактъ, что при всѣхъ безъ исключенія бureніяхъ температура почвы всегда возрастала, заставляетъ насъ полагать, что теплота въ каждый моментъ передается глубокими пластами наружнымъ, а отъ нихъ — въ небесныя пространства, если только мы не будемъ отрицать закона природы, по которому теплота всегда переходитъ отъ тѣла болѣе теплаго къ болѣе холодному».

Для тѣхъ, кто и теперь считаетъ это лишь геологической гипотезой, мы можемъ привести доказательства другого рода.

Для астронома нѣтъ никакого сомнѣнія, что земля жидкаго происхожденія. Она слѣдуетъ тому же самому закону, что и небесныя тѣла, напримѣръ, планеты, плотность которыхъ мы знаемъ. Никакое иное толкованіе не могло бы дать намъ объясненія доказанныхъ сплющеній.

Въ частности строеніе земли, средняя плотность которой около $5^{1}/_{2}$, очень хорошо согласуется съ новыми изслѣдованіями относительно распредѣленія тяжестей, если допустить, что пласты распредѣлились, какъ въ жидкости, т. е. въ порядкѣ ихъ плотностей. Вещества земной поверхности, плотность которыхъ немного выше 2, должны, теоретически и въ цѣляхъ уравновѣшенія, быть замѣщены внутри металлами съ плотностью приблизительно между 7 и 10. Но тогда ставится послѣдній вопросъ: на какой стадіи охлажденія находится земля, и можемъ ли мы сказать по этому предмету что-либо опредѣленное? Да. Но и здѣсь намъ приходится обратиться къ области астрономіи.

Не входя въ подробное описаніе космологическихъ причинъ, которое увлекло бы насъ очень далеко, и не выбирая никакой космогонической гипотезы, мы можемъ сказать, что теплота земного шара — какъ и солнечная—есть результатъ конденсаціи молекулъ, которыя образовывали вначалѣ солнечную туманность.

Каковъ бы ни былъ механизмъ этого образованія, земля произошла отъ конденсаціи матеріальнаго кольца, вращавшагося вокругъ солнца или того шара, который долженъ былъ образовать солнце. Чтобы не усложнять этого вопроса вычисленіями и не прибѣгать къ побочнымъ гипотезамъ, предположимъ, что земное кольцо находилось въ настоящемъ своемъ

разстояніи отъ центра системы. Опредѣлить теплоту развиваемую конденсаціей, если извѣстна скорость движенія земли по орбитѣ, является, слѣдовательно, простымъ вопросомъ термодинамики.

Вычисленіе же указываетъ, при чемъ мы скорѣе отстаемъ отъ дѣйствительности,—что каждый килограммъ земли имѣлъ 108.000 скрытыхъ калорій, иначе говоря, могъ нагрѣть на одинъ градусъ 108.000 килограммовъ воды.

Разсѣялся ли этотъ громадный запасъ тепла послѣ образованія земного шара?

Дѣйствительно, каждый моментъ земля испускаетъ лучи въ пространство и теряетъ свою теплоту, но эта потеря извѣстна, и физики легко могутъ снабдить насъ точными цифрами.

Для каждаго килограмма земли потеря тепла незначительна и равняется въ среднемъ одной калоріи по прошествіи 2 милліоновъ лѣтъ.

Полагая, что она не измѣнялась въ продолженіе непрерывнаго ряда геологическихъ періодовъ, продолжительность которыхъ, по предположенію наиболѣе авторитетныхъ геологовъ, не превышаетъ 100 милліоновъ лѣтъ, вся потеря не могла достигнуть и 50 калорій на килограммъ. Мы могли бы принять въ расчетъ даже бо́льшую потерю тепла съ самаго начала конденсаціи, такъ какъ земная поверхность была нѣкогда больше, а кора меньше, чѣмъ теперь, противилась обмѣну температуръ. Итакъ, придавая этой потерѣ во всемъ цѣломъ величину во сто разъ бо́льшую, мы не будемъ имѣть и 5.000 калорій.

Столь незначительная, въ цѣломъ, потеря первоначально скрытыхъ калорій заставляетъ насъ полагать, что изъ тѣхъ 108.000 калорій, которыя мы имѣли при образованіи земного шара, остается еще достаточное количество, чтобы удержать внутреннее ядро въ жидкомъ состояніи.

Не извращая астрономическихъ дедукцій, недавнія сейсмографическія подтвержденія бросаютъ, наоборотъ, новый свѣтъ на понятія, пріобрѣтенныя уже посредствомъ заключеній болѣе справедливыхъ.

Мы можемъ коротко резюмировать совокупность фактовъ.

Земная кора, плотность веществъ которой приближается къ 2, имѣетъ толщину, заключающуюся между 50-60 километрами. За этой глубиной, приблизительно до 300 километровъ ниже земной поверхности, вещества должны находиться въ состояніи вязкой жидкости, о видѣ которой мы не можемъ судить, такъ какъ давленіе, подъ которымъ она находится, превосходитъ все, что мы можемъ реализовать въ нашихъ лаболаторіяхъ.

За этимъ пластомъ въ 300 километровъ теплота, несмотря на давленіе, слишкомъ значительна, чтобы позволить веществу остаться въ состояніи отличающемся отъ газообразнаго.

Впрочемъ, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ сейсмологіей, кажется, что внутри земли вещества не должны больше распредѣляться сообразно съ плотностью, и что это необъятное газообразное ядро должно имѣть большую однородность.

Черезъ это сжатое ядро передаются сейсмическія колебанія съ быстротою 12 километровъ въ секунду.

Перепонка, по которой мы ходимъ, и которая при своемъ сжатіи даетъ начало землетрясеніямъ, не покоится, слѣдовательно, на вѣчно зіяющей пропасти, готовой насъ поглотить. Этой пропасти на самомъ дѣлѣ не существуетъ,—матерія находится подъ нашими ногами. Для насъ не имѣетъ значенія, что она не тверда, въ томъ смыслѣ, который мы придаемъ этому слову, но мы знаемъ, что она затвердѣла, и вещества земли въ этомъ отношеніи ничуть не могутъ ей позавидовать. Этого намъ вполнѣ достаточно, чтобы продолжать награждать именемъ твердой земли материки, на которыхъ развивается человѣчество.

Гости маркизы Рамбулье:

1—М-мъ де Саблэ; 2—поэтъ Саразенъ; 3 — трагическій писатель Шапленъ; 4--Маркиза де Рамбулье; 5—Малербъ; 6—Пелиссонъ —исторіографъ Академіи; 7—8—Менажъ и Вуатюръ —поэты; 9 — Бальзакъ; и 10—Корнель.

А. Лесестръ.

Литературные кружки—плеяды поэтовъ.

Нѣтъ ни одного молодого человѣка, писавшаго за школьнымъ пюпитромъ александрійскіе стихи, который не мечталъ-бы не только о литературной славѣ, но и славѣ созданія новой школы. Стремленіе быть представителемъ, вождемъ какой-либо литературной группы соотвѣтствуетъ воинственной надеждѣ скромнаго лейтенанта обладать когда-либо маршальскимъ жезломъ. Надежды, увы, часто неосуществимыя! Жизнь расправляется по своему съ подобными надеждами, и ея иронія иногда доходитъ до того, что соперникъ Виктора Гюго превращается въ фельетониста народной газеты, или даже въ простого, честнаго лавочника. Одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ поэтовъ нашего времени недавно попалъ въ одинъ изъ восточныхъ округовъ Франціи, гдѣ ему пришлось въ теченіе 3 часовъ ожидать слѣдующаго поѣзда. На маленькой площади провинціальнаго городка онъ любовался бѣлымъ зданіемъ школы, ярко освѣщеннымъ солнечными лучами; трехцвѣтный флагъ весело развѣвался по вѣтру, напоенному благоуханіемъ ближнихъ деревень. Какой-то прохожій вывелъ писателя изъ задумчивости; это былъ бородатый мужчина съ такой огромной трубкой, которая, казалось, сосредоточивала въ себѣ все спокойствіе, весь душевный миръ провинціи.

— Однако, ты меня не узнаешь,—началъ онъ.

— Нѣтъ...

— Х. Ты прекрасно знаешь Х., поэта „Старинныхъ пѣсенъ“...

И это тотъ самый, который пятнадцать лѣтъ тому назадъ мечталъ о революціи во французской литературѣ и увлекъ за собой самую серьез-

ную и трудолюбивую молодежь! На писателя нахлынулъ цѣлый потокъ меланхолическихъ воспоминаній юности.

— Въ самомъ дѣлѣ! Если я не ошибаюсь! Но твои мечты? Твои намѣренія? Твоя поэзія?!

Тогда другой полу-шутя, полу-серьезно указалъ пальцемъ на маленькую дверь, куда скрылись ребятишки...

— Ты видищь... я не совсѣмъ не исполнилъ своего намѣренія, я—школьный учитель!

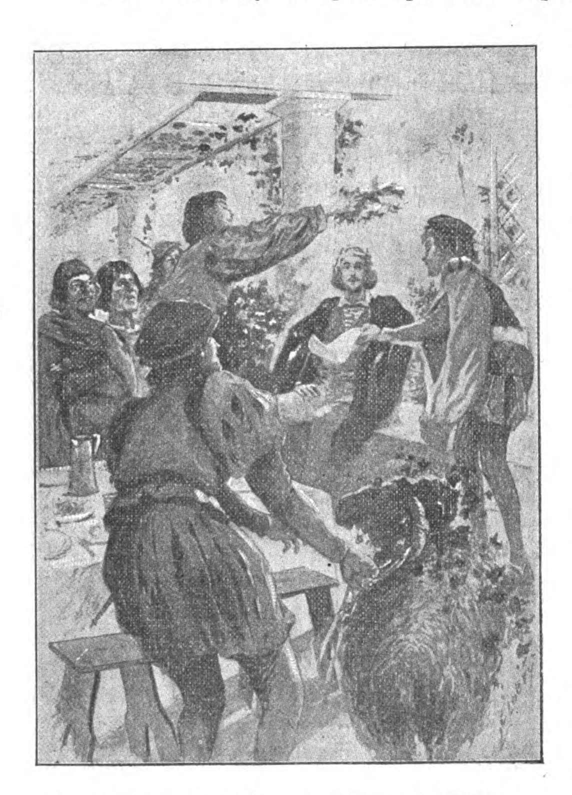
Много званныхъ, но мало избранныхъ! Обыкновенно истинный представитель какой-либо школы не стремится создать себѣ послѣдователей—они идутъ за нимъ, увлеченные силою его генія, новизной и оригинальностью его идей. Группировка, какъ намъ кажется, составляется такимъ образомъ, что спутники—ученики разъясняютъ и комментируютъ ясную и логичную идею своего вождя великаго поэта. Мы знаемъ также обстановку, въ которой развиваются эти идеи, будь это мрачный замокъ или кабачекъ пропитанный горькимъ запахомъ пива и прокопченный дымомъ трубокъ.

Созвѣздія литературнаго неба.

Первую плеяду составляли семь поэтовъ, которые жили при Птоломеѣ Филадельфѣ; въ нее входили Ликофронъ, Ѳеокритъ, Аратъ, Никандръ, Аполлоній, Филикъ и Гомеръ Младшій. Кто былъ ихъ учителемъ? Это неизвѣстно, и всѣ болѣе детальныя свѣдѣнія объ этой группѣ остаются пока апокрифическими.

Но вотъ другая, можетъ быть, болѣе знаменитая.

Въ 1554 году во время правленія короля Генриха III шесть поэтовъ, связанныхъ тѣсною дружбой прославляли успѣхи своего седьмого товарища. Эти шесть друзей были: Пьеръ Ронсаръ, Іокимъ дю-Беллей, Реми Белло, Николай Баифъ, Понту де-Тіаръ, Дора, тріумфаторомъ былъ Этіеннъ Жоделль, ставившій на сценѣ уже свою вторую трагедію: „Жертвоприношеніе Дидоны“.

Церемонія посвященія козла Жоделлю (XVI в.)

Тріумфъ Жоделля—былъ тріумфомъ плеяды, которая не хотѣла довольствоваться реформой французскаго языка и стиха и создала новый типъ театра: появилась трагедія. Мистеріи отошли въ вѣчность. До возникновенія романтической школы, т. е. въ теченіе трехъ съ половиною столѣтій, героями трагедій могли быть только греки или римляне.

Чтобы отпраздновать свой несомнѣнный успѣхъ, друзья поэты, вообразивъ себя героями древности, съ торжественными обрядами укра-

сили козла листвой и, слѣдуя языческому обычаю, отдали его Жоделлю, чтобы почтить славу поэта. И Ронсаръ, божественный Ронсаръ, создатель „Бригады“, какъ тогда называли этотъ кружокъ, произнесъ стихи и, обращаясь къ Жоделлю, говорилъ такъ:

«Pour avoir, en haussant le bas style françois
Contenté doctement les oreilles des rois
La Brigade qui lors au ciel levait la tête
Quand le temps permettait une licence honnête
Honorant son esprit gaillard et très appris
Lui fit présent d'un bouc, des Tragiques le prix» [3]).

Все это были молодые люди въ возрастѣ до 30 лѣтъ. Дора, ихъ учителю въ идеѣ подражанія красотамъ античнаго міра было 42 г., Пьеру Ронсару—ихъ руководителю—24 года. Они встрѣтились случайно; ихъ жизнь была полна приключеній. Ронсаръ познакомился съ дю-Беллей въ харчевнѣ, которая прежде играла роль клуба и позднѣе смѣнилась литературными кабачками. По происхожденію они были дворяне, а Понту-де-Тіаръ даже сдѣлался впослѣдствіи епископомъ. Увлеченные идеей красоты, они вліяли своей дѣятельностью настолько сильно, что это вліяніе чувствовалось на протяженіи столѣтій, считая и современную эпоху, которая создала своего рода культъ Ронсара, безусловно заслуженный имъ. Когда гробъ Ронсара, несомый Баи, Депортомъ и Амадро скрылся въ церкви Стараго Августина, епископъ дю-Перронъ могъ съ полнымъ правомъ воскликнуть:

— Природа одѣла трауръ, какъ въ день смерти великаго Пана!

Въ XVII вѣкѣ салонъ Рамбулье былъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ собиралась другая, богатая знаменитостями группа, которую Мольеръ увѣковѣчилъ въ своихъ комедіяхъ. Но послѣ того зрѣлое и вдумчивое изученіе показало, что эти „знаменитости“ были воодушевлены истинной любовью къ искусству, имѣли огромное вліяніе на современныхъ имъ великихъ писателей и на развитіе литературы.

Большая часть поэтовъ салона Рамбулье были разночинцы, исключая страшнаго Франсуа Малерба, который вычеркивалъ самыя лучшія строфы Ронсара, чтобы создать просодію, такую жесткую, такую неестественную, такую узкую, что никогда, кажется, французская литература не терпѣла болѣе тяжелыхъ ударовъ, какъ отъ руки этого безжалостнаго пуриста.

Вотъ имена посѣтителей салона маркизы Рамбулье: знаменитый мыслитель герцогъ Ля-Рошфуко; „забавный“ Шапеленъ; Вуатюръ, сынъ одного торговца виномъ; Гэ де-Бальзакъ, отличавшійся своимъ слогомъ; Раканъ—приторный авторъ „Пастушескихъ стихотвореній“; Годо—совсѣмъ маленькій поэтъ; Менажъ, который преподавалъ латынь г-жѣ Севинье и который послужилъ моделью для мольеровскаго Вадіуса, трагическій поэтъ Ля-Кальпренедъ; Саразенъ, Пелиссонъ, который прославился тѣмъ, что будучи въ тюрьмѣ, приручилъ паука. Поэты пригодились, чтобы сплести „Юліевскую гирлянду“ для m-me Рамбулье. И все-таки они создали кое-что: литературный салонъ. Маркиза Рамбулье цѣнила своихъ гостей за ихъ личныя качества, за ихъ одушевленіе. Корнель читалъ у нея Поліэвкта, а среди гостей, слушавшихъ его, былъ Конде.

M-me Рамбулье создала свой салонъ по своему собственному плану. У нея бывали также женщины-писательницы: m-me де-Саблэ, де-Ложъ, m-elle де-Скюдери, m-elle Полэ, m-me де-Клермонъ; молоденькая Боссюэ бывала также на этихъ собраніяхъ.

---

[3]) „За то, что онъ облагородилъ низкій французскій стиль, и умѣло усладилъ слухъ государей, «Бригада», идущая впередъ съ высоко поднятой головой, уважая его живой и просвѣщенный умъ, почтительно подноситъ ему козла“.

Романтики 1 — Викторъ Гюго; 2—Ламартинъ; 3—Викторъ де Лапрадъ; 4--Франсуа Викторъ Гюго; 5—Теофиль Готье; 6—Альфедъ Мюссе: 7—Сентъ-Бевъ;—8 Поль Мерисъ; 9—Отюстъ Вакери; 10—Петрюсъ-Борель.

И все-таки надъ знаменитостями смѣялись, и когда Мольеръ ставилъ свою комедію, вся зала узнала m-me Рамбулье и потѣшалась надъ ней. Сразу создалась масса анекдотовъ, которые передавались изъ устъ въ уста. Разсказывали, что пятилѣтняя дочь г-жи Рамбулье въ день своего рожденія подошла къ матери и сказала: „Милая мама, поговоримъ немного о государственныхъ дѣлахъ въ этотъ день, когда мнѣ исполнилось 5 лѣтъ“.

Во всякомъ случаѣ «свѣтъ» былъ созданъ, свѣтъ, заботящійся о литературѣ, гдѣ одни писатели должны были исчезнуть навсегда, а другіе черпали свое вдохновеніе. Два вѣка спустя, одинъ романистъ, суровый Альцестъ, бывшій врагомъ „знаменитостей салона Рамбулье“, сказалъ объ одномъ изъ своихъ товарищей, когда-то жившемъ жизнью богемы и начинавшемъ посѣщать салоны.

— Пропалъ нашъ X!—Онъ скоро закажетъ себѣ сюртукъ!

Теперь мы перейдемъ къ романтикамъ, къ звѣздѣ первой величины романтическаго неба — Виктору Гюго, который силою и величіемъ своей личности наполнилъ цѣлое столѣтіе.

Перенесемся на улицу Жанъ-Гужонъ, въ 1830, когда Шайо (Chaillot) было еще деревней, а Елисейскія поля—маленькимъ лѣскомъ.

Молодой поэтъ у себя; онъ знаменитъ, онъ создалъ новую поэзію, а ему всего 28 лѣтъ. Со времени Жоделля героями драмъ могли быть только представители античнаго міра; онъ вывелъ на сцену Карла Пятаго; со времени Малерба стихъ долженъ былъ слагаться по опредѣленному трафарету и течь медленно и тяжело „подобно классическимъ стихамъ и быкамъ“, какъ сказалъ позже Альфредъ Мюссе; онъ разбилъ этотъ трафаретъ, и его стихи понеслись, разсыпались, засверкали. Это Викторъ Гюго на другой день послѣ тріумфа „Эрнани“.

Парнасцы: 1—Арманъ Сильвестръ; 2—Теодоръ-де-Банвиль; 3—Леконтъ-де-Лиль; 4—Боделэръ; 5—Стефанъ Малармэ; 6—Поль Верлэнъ; 7—Франсуа Коппе; 8—Андре Теріе; 9—Анатоль Франсъ; 10—Гарокуръ; 11—Сюлли-Прюдомъ; 12—Катюлль Мендесъ; 13—Альберъ Глатиньи; 14—Мера; 15—Эдмонъ Ростанъ; 16—Казалисъ; 17—Леонъ Діеръ; 18—Морисъ Роллина.

Салонъ просторенъ и простъ. Въ одномъ углу, на гамакѣ, молодой поэтъ наслаждается послѣобѣденнымъ отдыхомъ. На стѣнахъ эскизы Эжена и Ахилла Деверіа и копія съ картины Луи Буланже.

Каминъ украшенъ двумя вазами руанскаго фаянса съ цвѣтами, а по бокамъ зеркала два медальона работы Сеньера. Въ центрѣ на каминѣ, вмѣсто часовъ, символъ романтизма, гримасничающій черепъ.

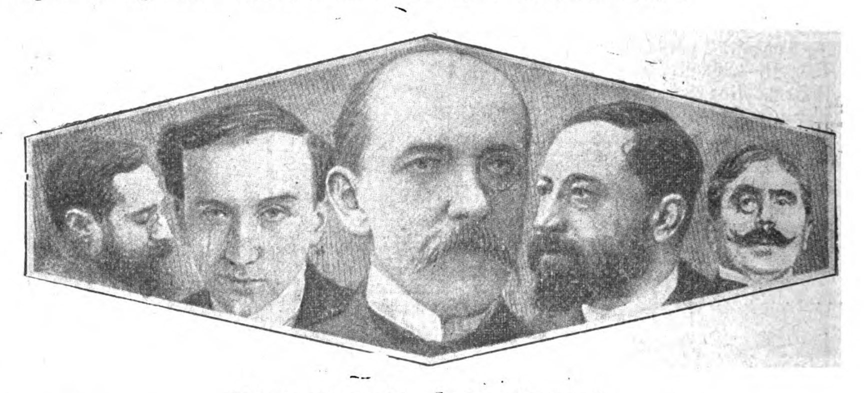
Появляются друзья; они приходятъ каждый день тѣсными группами, веселые, живые, полные надежды на будущее; одни изъ нихъ напр., Сенъ-Бевъ, покинули вскорѣ своего учителя; другіе подобно Виньи отказывались идти за нимъ въ его крайностяхъ. Одни, Жюль Вабръ, Филоте О'Неди, Огюстенъ Макъ-Ніа—остались неизвѣстными, другіе были черезъ нѣсколько лѣтъ забыты—назовемъ Жозефа Бушарди и причудливо красочнаго Петрюса Бореля. Нѣкоторыхъ постигла трагическая судьба: Жераръ де Нерваль повѣсился; а Александръ Дюма - отецъ и Теофиль Готье сдѣлались знаменитостями.

Плеяда писателей-романтиковъ одержала побѣду, враги-классики, были низвержены, „буржуа“ пришли въ отчаяніи. Приверженцы этой школы создали своеобразный костюмъ, идея котораго была внушена средними вѣками: сюртукъ постепенно принялъ видъ куртки, жилетъ превратился въ полукафтанье, брюки въ чулки.

Среди этихъ послѣдователей держалъ свои рѣчи Викторъ Гюго, вызывая шумные восторги, послужившіе впослѣдствіи предметомъ насмѣшекъ

Леконтъ де-Лиля. Они клялись разстроить сомкнутое каррэ классиковъ... А въ это самое время ломовики свозили камни на улицы Парижа для сооруженія огромнаго памятника, который Франція посвящала славѣ своего войска... Въ 1830 году на другой день послѣ постановки Эрнани, представитель романтической школы, Викторъ Гюго и его друзья слушали ломовыхъ, подвозившихъ камни къ Тріумфальной Аркѣ, къ той самой аркѣ, гдѣ впослѣдствіи приверженцы великаго учителя провели въ слезахъ всю ночь послѣ его смерти.

А вотъ и парнасцы. И главари, и рядовые солдаты, увлеченные искусствомъ и влюбленные въ форму, составляли группу свободныхъ, равныхъ сотрудниковъ, не подчиненныхъ тиранніи одного вождя: Леконтъ де Лиль, Катюль Мендесъ, Франсуа Коппэ, каждый имѣлъ свой идеалъ и своеобразную поэзію. Туда входили люди самыхъ разнообразныхъ профессій и положеній: Мендесъ былъ журналистъ, Коппэ бюрократъ, Глатиньи—актеръ. Собирались они у Катюля Мендеса на улицѣ Дуэ.

Поэты, создавшіе „свободный стихъ".
Франсисъ Жаммъ, Анри Батайль, Анри де Ренье, Гюставъ Канъ, Жанъ Мореа.

Парнасцы.

Холостая квартирка. Двѣ комнаты—спальня и салонъ, преобразованный въ рабочій кабинетъ. Мебели немного; на стѣнахъ «Добрый самарянинъ" и нѣсколько причудливыхъ акварелей Константина Гюи. Небольшая библіотечка, состоящая изъ разрозненныхъ сочиненій Гюго и Бальзака, лежащихъ въ перемежку съ томами стиховъ 1830 года и новѣйшихъ. Прислуга зажигаетъ лампу и приготовляетъ чай...

Вотъ Леонъ Кладель, Глатиньи, Малларме, который позже ушелъ изъ группы и сдѣлался главнымъ членомъ поэтовъ свободнаго стиха, Діеръ, Эредіа, Эрнестъ д'Ервильи, Валадъ, Мера.

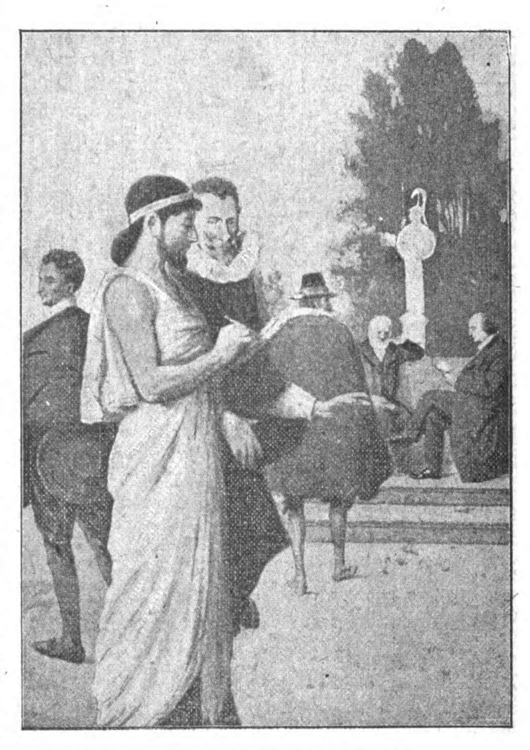
Позже мѣстомъ собраній отъ 4 до 6 часовъ служилъ магазинъ издателя Лемерра. Тамъ встрѣчались Андре Терье, Теодоръ де-Банвиль, Сюлли-Прюдомъ, Арманъ Сильвестръ, Вилліе де-л'Иль-Адамъ, братья Гро, де Лапрадъ, Отранъ, Сулари, Анатоль Франсъ и наконецъ Поль Верлэнъ, создавшій впослѣдствіи школу.

Парнасцы исповѣдовали безпримѣрный до того культъ искусства. Этотъ культъ, это поклоненіе искусству связывало ихъ другъ съ другомъ. Въ то время какъ Катюлль Мендесъ являлся ревностнымъ поклонникомъ Виктора Гюго, Леконтъ де-Лиль окунался въ самые источники греческаго генія, а Франсуа Коппе держался натурализма въ поэзіи, они продолжали оставаться добрыми друзьями, членами одного литературнаго кружка. Успѣхъ парнасцевъ начинается 1869 г.

Позже они стали собираться у Леконтъ де-Лиля, назначеннаго завѣдующимъ сенатской библіотекой; тамъ мы встрѣчаемъ Гарокура, Роллина,

Жана Ришпена, новаго академика Жана Экара, Робера де Монтескью, Анри де Ренье; тамъ возникла дружба двухъ поэтовъ Роземонда Жерара и Эдмона Ростана, близко связаннаго съ самыми выдающимися парнасцами.

Мы подходимъ теперь къ современнымъ поэтамъ. Прежде всего упомянемъ символистовъ, среди которыхъ, помимо отцовъ этого направленія Гюстава Кана и Жюля Лафоржа, назовемъ Жана Мореаса, возвратившагося къ классическому стиху, Шарля Муана, Вьеле Грифэна, Стюаръ-Мериля, Метерлинка и Верхарна.

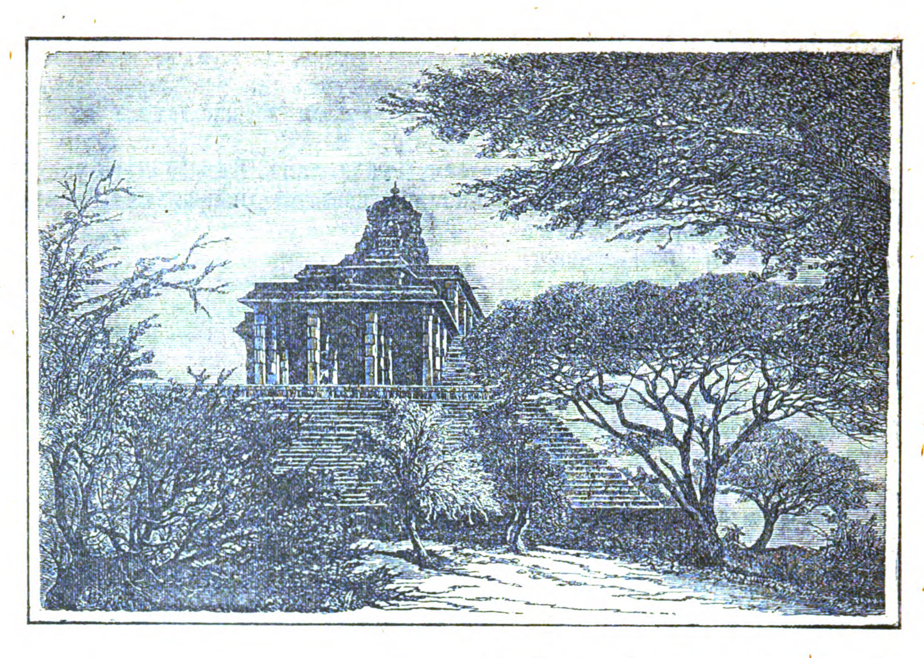

Представители различныхъ школъ.
На первомъ планѣ грекъ Ликофронъ (III в. до Р-Х.) и Малербъ, реформаторъ въ области фр. поэзіи конца XVI в.; налѣво Ронсаръ-предтеча фр. классиковъ; спиною къ нимъ—Рапенъ—одинъ изъ авторовъ Сатиры; прямо: Викторъ Гюго и Леконтъ-де-Лиль, глава парнасцевъ.

Народился свободный стихъ. Стефанъ Маллармэ покинулъ парнасцевъ и собралъ вокругъ себя ревностныхъ поклонниковъ, увлеченныхъ его словомъ.

Литературное кафэ народилось изъ подваловъ латинскаго квартала. Парнасцы были сдержаннѣе и хладнокровнѣе, другіе обладали болѣе подвижной и живой фантазіей юности. Но каждый членъ плеяды является своимъ собственнымъ образцомъ и учителемъ, или въ крайнемъ случаѣ учителемъ небольшого кружка. Символисты идутъ вразбродъ, кто въ лѣсъ, кто по дрова; у нихъ нѣтъ прямой и непосредственной связи съ обществомъ. Среди литературныхъ кафэ развивается взаимный антагонизмъ и даже ненависть.

Нужды нѣтъ! Все же изъ этой плеяды вышли гордые таланты современности! Всегда, во всѣ времена находились люди, насмѣхавшіеся надъ подобной кружковщиной у поэтовъ; но въ ней было и много хорошаго. Мы сейчасъ ощущаемъ недостатокъ въ такихъ кружкахъ, когда поэзія обуржуазилась, когда поэты безбоязненно выступаютъ въ журналахъ, гдѣ поэтессы отчасти благодаря таланту нѣкоторыхъ, отчасти благодаря тому шуму, который онѣ вокругъ себя поднимаютъ,—составляютъ единственную плеяду, привлекающую къ себѣ вниманіе общества. Но въ главѣ женщинъ-поэтессъ нашего времени нѣтъ пока еще славныхъ именъ...

Отдѣлъ беллетристическій.

МАРІЯ РАЧИНСКАЯ.

ЛИЛІИ ВЪ ДОЛИНѢ.

Старо-индійская легенда

Переводъ съ польскаго О. Вишневской.

Когда Кришнѣ исполнилось пятнадцать лѣтъ, мать его, дѣвственная Деванаки, оставила его и темною ночью и тайкомъ ушла въ мрачныя ущелья долины Меру, чтобы одиноко умереть въ невѣдомой странѣ.

— О, мой сынъ!—говорила она спускаясь въ безплодную, сожженную солнцемъ долину,—о, мой сынъ! Вотъ я развязываю ноги твои, скованныя материнской любовью и рукамъ твоимъ даю творческую силу тоски. О, дитя сердца моего! О дитя крови моей! Я удаляюсь!

Я попираю ногами собственное сердце, о, сынъ мой—попираю ногами свое сердце, изъ любви къ тебѣ, во имя любви, которая наполнитъ всѣ твои дѣла.

Ибо я родила Свѣтъ.

Я безболѣзненно родила тебя, о мука моя! о счастье мое!

Возлюбленный мой!—я удаляюсь.

Закрой глаза мои, о божественный Магадева и сердце мое закрой, а на уста мои положи святую печать молчанія!

А ты, безмятежно спящій тамъ, на ложѣ изъ сухихъ листьевъ и мха, прекрасный и чистый какъ лучезарный цвѣтокъ лотоса, сынъ мой, съ устами дѣвы и сердцемъ голубя, забудь свою мать и наши счастливые дни когда проснешься для подвига!“ . . . .

. . . .

Въ теченіе многихъ-многихъ дней и безконечнаго ряда омраченныхъ отчаяніемъ ночей тщетно искалъ Кришна свою мать, Деванаки.

Полубезумный отъ тоски и безпокойства онъ исходилъ всѣ скалистыя вершины Меру и благоухающія долины, и горныя ущелья. Ноги его распухли и

кровоточили, лицо высохло и почернѣло, а нѣкогда прекрасные и кроткіе глаза горѣли теперь зловѣщимъ огнемъ, точно глаза дикой пантеры.

Девять лѣтъ кряду искалъ Кришна свою мать, ибо возлюбилъ выше всего въ мірѣ эту тихую, кроткую и прекрасную женщину. Онъ вдоль и поперекъ прошелъ всю Индію, посѣтилъ безлюдныя, спаленныя солнечнымъ зноемъ пустыни, дѣвственные, необъятные, кишащіе ядовитыми змѣями и дикими звѣрями лѣса, богатые, многолюдные города и тихія уединенныя жилища святыхъ „риши", расположенныя у подножія горъ, у источниковъ холодной и чистой, какъ кристалъ, воды. Онъ окрѣпъ тѣломъ и духомъ, возмужалъ, но не думалъ о радостяхъ жизни, а все продолжалъ искать свою мать.

Онъ искалъ ее въ сплетенныхъ изъ манъ и пальмовыхъ листьевъ убѣжищахъ кающихся грѣшницъ и въ волшебныхъ дворцахъ Мандуры; онъ то голодалъ и ходилъ въ рубищѣ, то наряжался въ пурпуръ и злато и попиралъ ногами цвѣты выращенные въ садахъ Айодгіи, ибо измѣнчива человѣческая судьба, и колесо жизни не всегда катится по камнямъ.

Такъ развивались душевныя и умственныя силы Кришны, и вскорѣ онъ сталъ прекрасенъ какъ юный богъ Наріана, торжественно вступающій на тронъ всемірной власти. А сердце его осталось чисто, какъ сердце младенца, и печально, какъ сердце отлученнаго отъ матки ягненка—и въ то время, когда руки его свершали геройскіе подвиги, а уста гласили истину въ защиту бѣдныхъ и угнетенныхъ, сердце его плакало тоскою, не будучи въ силахъ понять, почему его покинула та, которую онъ возлюбилъ превыше всего въ мірѣ.

Но наконецъ среди своихъ безконечныхъ странствій онъ достигъ береговъ священной рѣки Ганга, не отыскавъ ту, которую искалъ—и когда онъ, укрѣпивъ свое сердце молитвой, троекратно погрузился въ очищающія струи, на него снизошелъ духъ Магадевы, свѣта міра и озаривъ его разумъ, далъ понять, отчего покинула его мать, дѣвственная Деванаки.

И когда онъ вышелъ изъ воды, то оставилъ на берегу рѣки все, чѣмъ обладалъ—свою богатую одежду, и украшенныя золотомъ сандаліи, и усѣянный драгоцѣнными камнями поясъ, и рыцарскій мечъ—и такъ, какъ былъ, нагой и босой, питаясь милостыней, отправился обратно на гору Меру, чтобы среди бѣдныхъ пастуховъ и анахоретовъ, которые глядѣли на дни его младенчества и дѣтства, провести семь лѣтъ въ покаяніи и благочестивыхъ размышленіяхъ.

И наступилъ наконецъ день, въ который Кришна молясь почувствовалъ въ себѣ могучій голосъ Магадевы, призывавшій его къ дѣлу. Тогда онъ спустился съ горы Меру и отправился въ густо заселенныя долины. Его нагое тѣло было изсушено постомъ, а изможденное лицо сіяло божественнымъ свѣтомъ.

И пошелъ Кришна къ людямъ съ пѣсней о любви къ всему сущему на устахъ—а когда наступила ночь, онъ, не имѣвшій крова надъ головою, сѣлъ подъ столѣтнимъ кедромъ и—запѣлъ.

Возвращавшіеся съ полей поселяне останавливались возлѣ него, а затѣмъ вернувшись домой, говорили между собою о пустынникѣ, пѣвшемъ прекрасныя, но безсмысленныя пѣсни.

— Какъ я могу любить враговъ своихъ—говорилъ Ману—какъ я могу любить Арія, угнавшаго съ моего пастбища мои стада и еще угрожавшаго, что убьетъ меня.

— Пусть гнѣвъ боговъ падетъ на голову его и головы его дѣтей—вторилъ ему младшій братъ, по имени Багра—и пусть гнойныя язвы разъѣдаютъ тѣло его потомковъ до десятаго поколѣнія.

Слыша это, жены и дочери земледѣльцевъ, сжигаемыя любопытствомъ, покинули ночью свои дома и, прячась одна отъ другой, окольными путями пробрались къ Кришнѣ.

Онѣ помѣстились почти у его ногъ и, окутанныя мракомъ ночи, молча слушали.

А Кришна пѣлъ.

„Подай мнѣ руку, о прокаженный братъ мой—подай мнѣ руку, не бойся.— Я слезами обмою раны твои, а сожженныя горячкой губы освѣжу холодной водой, ибо я люблю тебя, о прокаженный братъ мой, люблю твои гноящіяся раны и сердце твое люблю, одинокое печальное сердце.

„Наклони ко мнѣ твою голову, о сестра серна не убѣгай отъ меня, не

бойся. Я вырву руками стрѣлу, вонзившуюся въ твою ногу, острую ранящую стрѣлу—и обмою водою рану твою—ибо я люблю тебя, о сестра серна, прекрасная и быстрая, какъ порывъ вѣтра на вершинахъ далекихъ горъ...

„Не прячься отъ меня, о крошечный червячокъ, не цѣпенѣй отъ ужаса—руки мои не коснутся тебя, и нога не растопчетъ, ибо я люблю тебя, о ничтожный—люблю тебя такъ же сильно, какъ сестру серну и человѣческое сердце—а имя мое „Любовь“, о маленькій братъ мой, червячокъ“.

И слушая пѣсню Кришны, Айгая, тайкомъ прокравшаяся сюда вслѣдъ за другими женщинами, распутная Айгая, отдававшая свое прекрасное тѣло въ придорожныхъ кустахъ купцамъ, пастухамъ и случайнымъ путникамъ, вдругъ пала ницъ на землю и, громко рыдая, воскликнула:

— О кто ты? Кто ты, такъ прекрасно говорящій о любви? Скажи, кто ты?

Кришна очнулся отъ экстаза и, увидавъ женщинъ, пересталъ пѣть и сказалъ имъ:

Возвращайтесь домой, сестры мои, не пристало вамъ ночью выбѣгать на проѣзжія дороги, гдѣ можете встрѣтить купцовъ и воиновъ,—ваши мужья и сыновья безпокоятся о васъ—идите же домой...

Тогда женщины сильно опечалились, „полились слезы подкрашенныя сурьмою на груди подцвѣченныя шафраномъ“ и сказала старая Дьямуда, жена Нанды.

— Ты гонишь насъ, о господинъ, возлюбившій даже ползающаго въ травѣ червяка и имѣющій слова состраданія и ласки для ничтожнѣйшаго изъ созданій; ты гонишь насъ отъ источника утѣшенія, не давъ намъ омочить въ немъ умирающія отъ жажды уста... Вѣдь мы, какъ вьючныя животныя, завалены непосильной работой...

А бѣлая Шива молча обнажила плечи и руки, покрытыя синяками и ссадинами отъ побоевъ мужа.

— О другъ печальныхъ—рыдала хрупкая Арга,—возложи руку твою, похожую на цвѣтокъ лотоса, на наши пылающія огнемъ груди—о ты, чье имя состраданье, посмотри, какъ мы несчастны...

— Позволь намъ остаться, о господинъ, позволь намъ остаться—молили женщины—ибо мы возлюбили тебя больше всего въ мірѣ, о свѣтлый богъ съ глазами цвѣта лотоса. Сжалься надъ нами, оправдай возлагаемыя на тебя надежды. Вѣдь, ты—свѣтъ и радость жизни! Ты, умѣющій любить и прощать. Ты нашъ возлюбленный и отецъ!.. По тебѣ всю жизнь тосковали души наши... О, не отталкивай насъ!.. Не дай намъ умереть съ горя...

И потянулись къ Кришнѣ стройныя и прекрасныя руки—и наклонились трепещущія отъ рыданій груди и зашептали кроткія уста.

— Мы отнынѣ твои рабыни, господинъ...

Тогда Кришна, почувствовавъ безграничное состраданіе къ женщинамъ, позволилъ имъ остаться, училъ ихъ и утѣшалъ. А когда на востокѣ заалѣла заря, онъ имъ сказалъ:

— Ступайте теперь, о сестры мои, немедленно возвращайтесь домой. Телята и дѣти издаютъ ужъ жалобные крики, идите напоите ихъ и успокойте... исполняйте свой долгъ изъ любви ко мнѣ, изъ любви къ моимъ словамъ. Во всѣ часы дня и ночи я буду съ вами въ мысляхъ вашихъ и поселюсь въ сердцахъ вашихъ. Бремя ваше тяжело, о сестры мои, о возлюбленныя, несите его смиренно, въ память этой ночи счастья...

И послушно поднялись женщины съ мѣстъ своихъ и молча, какъ тѣни, безшумно удалились, закутавъ свои лица покрывалами.

А тогда подошли къ Кришнѣ двѣ дочери патріарха Нанды, которыя прибѣжали сюда за матерью и сидѣли, спрятавшись за цвѣтущимъ кустомъ магноліи, и сказали ему:

— Мы оставляемъ отца своего и мать, сестеръ и братьевъ, чтобы до конца дней своихъ служить тебѣ, о господинъ.

Кришна встревожился и сказалъ:

— Знаете ли вы, дочери мои, что вы дѣлаете? Я сплю на придорожномъ камнѣ, а питаюсь плодами дикой яблони и водой. Руки ваши потрескаются отъ солнечнаго жара, а ноги опухнутъ отъ странствованія по лѣсамъ и горамъ. Неужели вы согласны промѣнять наслажденіе на любовь? и счастье на страданье? Неужели вы готовы отказаться отъ земной страсти ради человѣка, презрѣвшаго тѣло. Я выжегъ въ себѣ

земныя желанія, о сестры мои—и слова мои стали точно цвѣты на вершинахъ покрытыхъ снѣгомъ горъ. Неужели вы не убоитесь идти за мною, вы, такія юныя и прекрасныя?

А стройная Сарасвати и Нихдали съ глазами газели съ улыбкой счастья на устахъ, молча, наклонили головы въ знакъ согласія.

. . . .

И ходилъ Кришна по свѣту, уча, утѣшая, исцѣляя, а вслѣдъ за нимъ шли, словно бѣлыя голубицы, предвѣстницы спасенія, Сарасвати и Нихдали.

А дальше по ихъ стопамъ шла, скрываясь въ тѣни придорожныхъ кустовъ и деревьевъ, Айгая, не смѣвшая показаться имъ на глаза.

А когда ее замѣтила гордая Сарасвати, воспитанная въ презрѣніи къ Айгаѣ, она сказала:

— Зачѣмъ ты прячешься отъ насъ, о сестра моя? Развѣ ты не знаешь, что все прощается возлюбившимъ страданіе.

Услыхавъ эти слова, Кришна заплакалъ отъ радости и, положивъ руку на прекрасную головку Сарасвати, сказалъ:

— О дочь моя, какъ прекрасна твоя душа!

А Сарасвати смиренно отвѣчала:

— Моя душа принадлежитъ тебѣ, о господинъ—она твоя до смерти.

И шли такъ рука объ руку святой мудрецъ, дѣвственницы и блудница, а число учениковъ Кришны возростало съ каждымъ днемъ и наконецъ набралось ихъ столько, что подвигались они по странѣ какъ туча, несущая спаленной огнемъ грѣха землѣ живительную влагу дождя.

Ходилъ такъ Кришна по землѣ, вѣщая о безсмертіи души и ея послѣдовательныхъ странствованіяхъ послѣ разлуки съ тѣломъ, проповѣдуя любовь и милосердіе, развивая въ людяхъ чувство собственнаго достоинства и стремленія къ добру ради самого добра, исцѣляя немощныхъ, поддерживая слабыхъ и указывая согрѣшившимъ очищающій источникъ покаянія.

И училъ онъ также, что враговъ своихъ надо любить всѣмъ сердцемъ, а о смерти думать, какъ о желанномъ избавленіи.

И казалось людямъ, слѣдовавшимъ за нимъ, что на землѣ наступаетъ царство Духа Божьяго.

. . . .

А когда Кришна палъ, пронзенный смертоносной стрѣлой преступнаго Ангада, сына тьмы, ученики подняли тѣло его, чтобы предать огню на кострѣ изъ кедровыхъ вѣтокъ.

И когда божественный Агни охватилъ костеръ и тѣло пророка, изъ толпы выступила гордая Сарасвати и спокойно взошла на костеръ, чтобы въ смерти соединиться съ возлюбленнымъ своей души. А за нею послѣдовали робкая и кроткая Нихдали и почернѣвшая отъ слезъ Айгая и много другихъ женщинъ, которыя слѣдовали за нимъ при жизни и клялись не покидать никогда. А ученики Кришны разсѣялись по всему свѣту.

СЕЛЬМА ЛАГЕРЛЕФЪ.

ВЪ ЗАЛѢ СУДА.

Зало суда въ деревенской глуши. Въ глубинѣ зала за судейскимъ столомъ сидитъ судья, человѣкъ высокаго роста, крѣпкаго тѣлосложенія, съ широкимъ, грубоватымъ лицомъ. Вотъ уже нѣсколько часовъ, какъ онъ рѣшаетъ одно дѣло за другимъ, и теперь ему стало какъ-то скучно и скверно на душѣ. Трудно опредѣлить, что мучило его—жара ли и духота въ залѣ, или же его настроеніе испортилось подъ вліяніемъ долгаго разбора всѣхъ этихъ житейскихъ дрязгъ, которыя, казалось, возникали только для того, чтобы показать любовь людей къ сутяжничеству, ихъ жестокость и корыстолюбіе.

Онъ только что приступилъ къ разбору одного изъ послѣднихъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ этотъ день. Передъ нимъ искъ о вознагражденіи расходовъ по воспитанію ребенка.

Это дѣло уже разбиралось въ предъидущемъ засѣданіи, и въ данную минуту читается протоколъ. Изъ него вид-

но, что истицей является бѣдная прислуга, а отвѣтчикомъ — женатый человѣкъ. По заявленію отвѣтчика, истица возвела на него неправильное обвиненіе, сдѣлавъ это исключительно съ корыстной цѣлью. Онъ признаетъ, что она нѣкоторое время служила у него прислугой, но что онъ не находился съ ней въ любовной связи, и что она не имѣетъ права предъявлять къ нему какія бы то ни было претензіи. Истица, однако, продолжаетъ настаивать на своемъ, и послѣ допроса нѣсколькихъ свидѣтелей судья рѣшилъ привести отвѣтчика къ присягѣ, предупредивъ его, что въ случаѣ отказа онъ будетъ вынужденъ удовлетворить искъ дѣвушки.

На судѣ присутствуютъ обѣ стороны. Истица еще очень молода и имѣетъ запуганный видъ. Она плачетъ со стыда и усиленно вытираетъ глаза свернутымъ въ комочекъ платкомъ, и кажется, будто у нея нѣтъ силъ развернуть его. Она въ черномъ, довольно новомъ платьѣ, но оно сидитъ на ней очень скверно; невольно приходитъ на умъ, что она у кого-то заняла его, чтобы явиться передъ судомъ прилично одѣтой.

Отвѣтчикъ же, судя по всему, весьма состоятельный человѣкъ. Ему лѣтъ подъ сорокъ. На видъ это—здоровый и сильный мужчина. По тому, какъ онъ стоитъ передъ судьей, видно, что онъ умѣетъ держать себя. Нельзя сказать, чтобы ему доставляло особое удовольствіе стоять тутъ, но смущеннымъ онъ себя не чувствуетъ.

Послѣ прочтенія протокола судья обращается къ отвѣтчику съ вопросомъ, настаиваетъ ли онъ на своемъ прежнемъ показаніи, и согласенъ ли онъ принести присягу.

На эти вопросы отвѣтчикъ отвѣчаетъ рѣшительнымъ „да“. Онъ роется въ жилетномъ карманѣ и вынимаетъ удостовѣреніе пастора, свидѣтельствующее о томъ, что онъ, отвѣтчикъ, сознаетъ всю важность и значеніе присяги и имѣетъ право присягать.

Въ теченіе всего этого времени истица не перестаетъ плакать. Она, повидимому, не можетъ преодолѣть свой страхъ и никакъ не рѣшается поднять глаза, она еще ни разу не взглянула въ лицо своего противника.

Но какъ только онъ сказалъ „да“, она вся вздрагиваетъ. Она дѣлаетъ шага два по направленію къ судьѣ, какъ будто хочетъ что-то возразить, но потомъ останавливается. Не можетъ быть— какъ бы говоритъ она себѣ—нѣтъ, онъ не могъ сказать этого, я, должно быть, ослышалась.

Тѣмъ временемъ судья беретъ въ руки удостовѣреніе пастора и дѣлаетъ знакъ служителю. Послѣдній подходитъ къ столу, чтобы взять библію и положить ее передъ отвѣтчикомъ.

Истица чувствуетъ, что кто-то прошелъ мимо нея, и всѣмъ своимъ видомъ обнаруживаетъ безпокойство. Она принуждаетъ себя поднять глаза, чтобы посмотрѣть на происходящее за столомъ, и замѣчаетъ, что служитель придвинулъ библію.

Она опять какъ бы хочетъ протестовать, но не рѣшается. Нѣтъ—говоритъ она себѣ—не можетъ быть, чтобы онъ поклялся, судья долженъ помѣшать ему.

Вѣдь, судья умный человѣкъ, и онъ, конечно, знаетъ, что чувствуютъ и думаютъ его соотечественники. Онъ же долженъ знать, какъ строги становятся всѣ люди, когда дѣло касается брака. Для него нѣтъ бо́льшаго грѣха, какъ тотъ, который она совершила. Вѣдь, судья, должно быть, знаетъ, какимъ позоромъ она покрыла себя, сколько горя и страданій пришлось ей перенести. Никто не хотѣлъ брать ее къ себѣ въ прислуги. Никто не хотѣлъ, чтобы она работала на нихъ. Ея собственные родители едва терпѣли ее въ своемъ домѣ и каждый день грозили выбросить ее на улицу. Нѣтъ, долженъ же судья понять, что она никогда не стала бы требовать денегъ отъ женатаго мужчины, если бы она на это не имѣла права.

Неужели судья подумаетъ, что она лжетъ; неужели судья подумаетъ, что она способна взять на свою душу такой тяжелый грѣхъ—обвинить женатаго человѣка, если въ дѣйствительности виновникомъ ея несчастья являлся кто-нибудь другой. Ну а если онъ это знаетъ, то онъ не долженъ допустить присяги.

Она видитъ, какъ судья пробѣгаетъ глазами удостовѣреніе пастора. И она начинаетъ надѣяться, что онъ вмѣшается въ это дѣло.

И дѣйствительно, судья о чемъ то думаетъ. Онъ раза два мелькомъ смотритъ на истицу, и при этомъ на его лицѣ еще яснѣе выступаетъ выраженіе отвращенія и скуки. Какъ кажется, онъ враждебно относится къ ней. Если даже истица говоритъ правду, то вѣдь, все же она—нехорошій человѣкъ, и какое ему дѣло до нея?

Иногда бываетъ, что судья вмѣшивается въ процессъ, какъ добрый и умный совѣтникъ, и благодаря его совѣтамъ спорящія стороны не разоряютъ окончательно другъ друга. Но сегодня онъ такъ усталъ, ему такъ все надоѣло, что онъ думаетъ только о томъ, какъ бы формально разобрать дѣло.

Онъ откладываетъ въ сторону удостовѣреніе пастора и обращается къ отвѣтчику; онъ надѣется, что тотъ ясно сознаетъ всѣ роковыя послѣдствія лжесвидѣтельства. Отвѣтчикъ выслушиваетъ его такъ же спокойно, какъ и раньше, и отвѣчаетъ съ уваженіемъ и съ сознаніемъ собственнаго достоинства.

Истица съ ужасомъ выслушиваетъ это. Она дѣлаетъ нѣсколько порывистыхъ движеній и судорожно сжимаетъ руки. Теперь она заговоритъ передъ судейскимъ столомъ. Она борется со своимъ смущеніемъ и всхлипываніями, сдавившими ей горло, и, въ концѣ концовъ, не можетъ произнести ни слова.

Итакъ, присяга должна быть принесена. Онъ будетъ клясться, и никто не мѣшаетъ ему.

До сихъ поръ она не допускала мысли, чтобы это могло случиться. Но теперь она убѣдилась, что это сейчасъ будетъ, что это наступитъ въ слѣдующую минуту. Ужасъ, болѣе сильный, чѣмъ какой она когда-либо ощущала, всецѣло охватилъ ее. Она вся замерла, она даже не плачетъ, ея глаза смотрятъ неподвижно.

Итакъ, онъ хочетъ предать свою душу вѣчному проклятію...

Она прекрасно понимаетъ, что это онъ дѣлаетъ изъ-за своей жены. Но если даже жена и будетъ жестоко упрекать его, онъ не долженъ изъ-за этого губить свою душу.

Нѣтъ ничего болѣе ужаснаго, чѣмъ лжесвидѣтельство. Какъ таинственenъ и отвратителенъ этотъ грѣхъ! Ему нѣтъ прощенія, нѣтъ забвенія. Когда произносится имя лжесвидѣтеля, ворота бездны отворяются сами собою.

Если бы она теперь посмотрѣла на него, то ей, пожалуй, показалось бы, что на его лицѣ лежитъ уже какой-то знакъ проклятія, наложенный на него гнѣвомъ Божіимъ.

Въ то время, какъ она стоитъ, охватываемая все бо́льшимъ и бо́льшимъ ужасомъ, судья показываетъ отвѣтчику, какъ онъ долженъ сложить свои пальцы для принесенія присяги. Затѣмъ судья раскрываетъ сводъ законовъ и ищетъ формулу присяги.

При видѣ того, какъ отвѣтчикъ кладетъ свои пальцы на библію, она дѣлаетъ шагъ по направленію къ судьѣ, и присутствующимъ кажется, что она хочетъ нагнуться надъ столомъ и схватить его руку.

Но послѣдняя надежда еще останавливаетъ ее. Ей вѣрится, что въ послѣдній моментъ отвѣтчикъ откажется отъ своего рѣшенія.

Судья нашелъ нужную страницу свода законовъ и теперь началъ громко и отчетливо произносить первыя слова присяги. Затѣмъ онъ останавливается, чтобы дать время отвѣтчику повторить за нимъ слова. И отвѣтчикъ дѣйствительно начинаетъ повторять ихъ, но ошибается, такъ что судья долженъ начинать сначала.

Теперь въ ней угасъ послѣдній лучъ надежды. Теперь она понимаетъ, что онъ хочетъ ложно поклясться, что гнѣвъ Божій будетъ тяготѣть надъ нимъ въ теченіе всей его жизни.

И вотъ она стоитъ, безпомощно сжимая свои руки. Это она повинна въ его грѣхѣ, она подала на него съ судъ.

Да, но вѣдь, она была безъ работы, она голодала, она мерзла отъ холода. Ея ребенокъ умиралъ. Къ кому же иначе она могла обратиться за помощью?

Но она никогда не считала его способнымъ совершить такой великій грѣхъ...

Судья снова прочиталъ текстъ присяги. Черезъ нѣсколько мгновеній свершится ужасное дѣло. Произойдетъ то, чему нѣтъ возврата, что никогда не можетъ быть ничѣмъ заглажено, ничѣмъ исправлено.

Въ тотъ моментъ, когда отвѣтчикъ начинаетъ повторять слова присяги, она бросается впередъ, протягиваетъ руки и схватываетъ библію.

Страшный ужасъ и отчаяніе внушили ей мужество и рѣшимость. Онъ не долженъ клясться, онъ не смѣетъ.

Служитель спѣшитъ къ ней, чтобы отнять библію и возстановить порядокъ. Она чувствуетъ отчаянный страхъ ко всему, что связано съ судомъ, и теперь увѣрена, что за ея порывъ она поплатится заключеніемъ въ тюрьмѣ. Но несмотря на это, она не отдаетъ библію. Чего бы ей это ни стоило, но она не позволитъ ему клясться. Онъ, который хочетъ клястьcя, тоже подбѣгаетъ къ ней и хочетъ вырвать книгу, но тщетно.

„Ты не смѣешь божиться", выкрикиваетъ она. „Ты не смѣешь".

Конечно, вся эта сцена производитъ въ судѣ переполохъ. Собравшіеся тѣснятся къ столу, присяжные поднимаются со своихъ мѣстъ, секретарь вскакиваетъ съ чернильницей въ рукѣ, боясь, какъ бы ее не опрокинули.

Но вотъ раздается властный и гнѣвный голосъ судьи: „Тише!", и всѣ люди оцѣпенѣли.

„Что съ тобой? Зачѣмъ тебѣ нужна библія?" сухимъ и твердымъ голосомъ спрашиваетъ судья дѣвушку.

Послѣ того, какъ ея ужасъ разразился этимъ порывовъ отчаянія, ей стало легче, и она отвѣчаетъ: „Онъ не смѣетъ клясться!"

„Тише, и отдай книгу!" приказываетъ судья.

Но она не слушается и обѣими руками охватываетъ библію.

„Онъ не смѣетъ присягать!" кричитъ она настойчиво.

„Неужели тебѣ такъ важно выиграть дѣло?" спрашиваетъ судья, и его голосъ дѣлается все рѣзче и рѣзче.

„Я отказываюсь отъ своего иска!" говоритъ она громкимъ пронзительнымъ голосомъ. „Я не хочу его принуждать клясться!"

„Чего ты кричишь?" спрашиваетъ судья. „Ты съ ума сошла?"

Ей не достаетъ воздуху, она хочетъ перевести духъ и успокоиться. Она сама чувствуетъ, что громко кричитъ. Судья, вѣроятно, считаетъ ее сумасшедшей, такъ какъ она не можетъ спокойно высказать свое рѣшеніе. Еще разъ она борется сама съ собой, стремясь овладѣть своимъ голосомъ, и на этотъ разъ ей это удается. Спокойно глядя прямо въ лицо судьѣ, она медленно, не громко и отчетливо говоритъ:

„Я отказываюсь отъ своего иска. Онъ отецъ ребенка. Но я еще люблю его, и не хочу, чтобы онъ приносилъ ложную клятву".

Она стоитъ, смѣло выпрямившись, передъ судейскимъ столомъ и смотритъ судьѣ прямо въ строгое лицо. Судья сидитъ, упершись руками о столъ, и долго не сводитъ съ нея глакъ. За это время въ немъ происходитъ цѣлый переворотъ. Выраженіе скуки и неудовольствія, лежавшее на его чертахъ, внезапно исчезаетъ, и его грубое лицо дѣлается прямо таки красивымъ подъ вліяніемъ нахлынувшаго чувства умиленія. Вотъ—думаетъ судья—каковъ мой народъ. Я не могу быть имъ недоволенъ, если одинъ изъ его низшихъ членовъ обнаруживаетъ столько любви и богобоязненности.

Но вдругъ онъ чувствуетъ, какъ его глаза наполняются слезами, и, какъ бы устыдясь своей слабости, онъ вздрагиваетъ и осматривается вокругъ себя. Онъ видитъ, какъ и писецъ, и служитель, и всѣ присяжные вытянулись впередъ, чтобы посмотрѣть на дѣвушку, которая стоитъ передъ судейскимъ столомъ, прижавъ къ себѣ библію. Онъ видитъ по ихъ лицамъ, какъ будто бы они созерцаютъ что то дѣйствительно прекрасное и высокое, что обрадовало ихъ до глубины души.

Затѣмъ судья переводитъ свой взоръ на публику, и ему кажется, что всѣ эти люди сидятъ нѣмые, затаивъ дыханіе, какъ будто бы они теперь услышали то, къ чему стремились больше всего въ жизни.

Затѣмъ глаза судьи обращаются къ отвѣтчику. Вотъ онъ стоитъ опустивъ голову и смотритъ внизъ...

Судья опять обращается къ бѣдной дѣвушкѣ. „Пусть будетъ такъ, какъ ты хочешь", говоритъ онъ. „Истица отказывается отъ иска", диктуетъ онъ секретарю.

Отвѣтчикъ дѣлаетъ жестъ, какъ будто бы онъ хочетъ что то возразить. „Ну что?" рѣзко спрашиваетъ судья. „Можетъ быть, ты противъ этого?" но отвѣтчикъ опускаетъ еще ниже свою голову и говоритъ едва слышно: „Ахъ, нѣтъ, такъ лучше всего".

Нѣсколько мгновеній судья сидитъ неподвижно, но затѣмъ отодвигаетъ свой тяжелый стулъ, подымается и, обогнувъ столъ, подходитъ къ дѣвушкѣ.

„Спасибо“, говоритъ онъ и подаетъ ей руку.

Теперь она уже положила библію на столъ и плачетъ, вытирая слезы скомканнымъ платочкомъ.

„Спасибо“, повторяетъ судья и беретъ ея руку такъ нѣжно и осторожно, какъ будто бы это было что то необычайно прекрасное и цѣнное.

ВИКТОРЪ ЕВГЕНЬЕВЪ.

КЪ СВѢТУ.

Персидская сказка.

Демоны содрогнулись.

Съ грознымъ шумомъ и дикимъ ревомъ, точно вихри, всю ночь носились обезкураженные чѣмъ-то невидимые злые духи, яростно врывались въ человѣческія жилища и, ничего не оставивъ въ нихъ на прежнемъ мѣстѣ, еще съ большей яростью стремились дальше.

Кровавый путь Дивовъ и трупы младенцевъ свидѣтельствовали объ ихъ свирѣпомъ, дикомъ разгулѣ.

И стоялъ плачъ великій и рыданія и вопль надъ страною той въ ту ночь.

„То суровый Ариманъ — богъ всего дурного, богъ всякаго зла, напоминалъ человѣчеству о своемъ могуществѣ, силѣ и власти надъ нимъ“,—говорили магуши въ своихъ поученіяхъ народу:—молитесь ему, чаще приносите жертвы, очищайтесь отъ грѣха передъ нимъ“.

И люди молитвами, слезами и кровавыми жертвами спѣшили умилостивить грозное божество, а въ сердцахъ ихъ теплилась надежда на скорое пришествіе свѣтлаго, великаго, мудраго и справедливаго бога Ормузда.

* *
*

...„То была ужасная ночь,—медленно продолжалъ магушъ Шейхъ-Али-Мирза дрожащимъ старческимъ голосомъ свое поученіе расположившемуся вокругъ него на землѣ народу,—страшная и въ то же время великая ночь, спасшая отъ руки Аримана родившагося тогда пророка Заратустру“... При имени пророка магушъ палъ ницъ на землю, его примѣру послѣдовали слушатели. Спустя минуту всѣ опять поднялись, и Шейхъ-Али-Мирза продолжалъ: „Этотъ великій учитель, посланникъ Ормузда, много свѣта пролилъ на землю, много добра совершилъ: до него сей благословенный туманъ, защищающій насъ отъ палящихъ лучей солнца, не былъ такимъ густымъ, какъ теперь; пророкъ открылъ глаза народу и показалъ ему свѣтлаго бога, великаго и мудраго Ормузда, котораго дотолѣ онъ не зналъ, но который всегда былъ его защитникомъ отъ козней Аримана; научилъ народъ любить все доброе, стремиться къ богу свѣта и ненавидѣть зло. „Чѣмъ точнѣе будете исполнять заповѣди мои,—говорилъ великій учитель,—тѣмъ вѣрнѣе достигнете успѣха въ вашихъ стремленіяхъ, и скорѣе будетъ побѣжденъ Ариманъ. Тогда Ормуздъ будетъ единственнымъ вашимъ богомъ и на всей землѣ воцарится миръ и любовь“.

„Такъ училъ Заратустра!

„Но не такъ говорилъ многовѣковой опытъ и убѣленная сѣдинами мудрость: слова великаго учителя могутъ быть приведены въ исполненіе только имъ самимъ или же другими великими пророками; а ихъ послѣ смерти Заратустры еще не было, хотя съ тѣхъ поръ прошло уже двѣ тысячи лѣтъ. Простые же смертные люди всѣ погрязли въ грѣхахъ и своими силами ни на шагъ не могутъ подвинуться впередъ по пути совершенствованія. И намъ, поэтому, нужно только молиться, ждать и вѣрить, что настанетъ то время, когда Ормуздъ побѣдитъ и восторжествуетъ надъ Ариманомъ, ниспошлетъ на землю божественный огонь, который очиститъ настоящій міръ, и оснуетъ свое вѣчное царство. Борьба между нашими богами и борьба упорная ведется отъ самаго ихъ рожденія уже

много-много тысячъ лѣтъ, и побѣждаетъ временно тотъ изъ нихъ, на чьей сторонѣ находимся мы, то-есть на чью сторону ведутъ насъ великіе пророки.

„Будемъ же, братья, молиться Ариману, дабы не навлечь на себя его справедливаго гнѣва; будемъ терпѣливо ждать и вѣрить въ скорое пришествіе Ормузда!"

Такъ училъ магушъ Шейхъ-Али-Мирза. И такъ учили всѣ маги. А люди съ благоговѣніемъ слушали и исполняли ихъ слова: молились одному и ждали, ждали, ждали другого.

„Друзья мои!

„Что пользы въ томъ, что Ормуздъ будетъ царствовать среди насъ, спустя лишь милліоны лѣтъ?! Сколько поколѣній народа должно безполезно погибнуть прежде, чѣмъ придетъ великій, мудрый и справедливый. Нельзя-ли попытаться достать съ неба божественный огонь и тѣмъ ускорить на сколько возможно приходъ царства, которое такъ долго и такъ томительно всѣ ожидаютъ"?!

Всѣ въ недоумѣніи переглянулись. Голосъ магуша невольно оборвался, и глаза всѣхъ искали говорившаго эти дерзкія, кощунственныя слова.

— „Кто говоритъ это"? боязливымъ шопотомъ пронеслось въ толпѣ.

— „Кто говоритъ"?! грозно крикнулъ Шейхъ-Али-Мирза.

Это—Гарунъ-Рашидъ,—юноша самонадѣянный, дерзкій и непокорный.

Онъ смѣло и рѣшительно выступилъ изъ кружка расположившихся около Шейхъ-Али-Мирзы слушателей и смѣло заговорилъ:

— Неужели правда то, что говоритъ магушъ? неужели мы должны ждать только великихъ людей, которые бы боролись за насъ", а сами не должны принимать въ этой борьбѣ никакого участія, кромѣ безплодной молитвы и жертвъ?! Нѣтъ? это ложь!! Великій Заратустра сказалъ: „Чѣмъ больше стремится человѣкъ вверхъ, къ свѣту, тѣмъ сильнѣе устремляются корни его въ землю." Онъ не говорилъ, что слова его могутъ быть осуществлены только великими людьми. Да этого и быть не можетъ: со времени Заратустры подобнаго ему не было; значитъ, по словамъ магуша, мы и весь міръ обречены быть вѣчными рабами Аримана!! Это безуміе!! Вы—ученые магуши, должны бороться съ глупостью и безуміемъ, а вмѣсто того вы упорно отстаиваете ихъ! Вы скрываете отъ народа истинный смыслъ яснаго ученія Великаго Учителя и насильно заставляете его быть рабомъ зла!!"

Молодой голосъ юноши звучалъ и переливался, точно аккорды органа. Каждому звуку его вторило эхо горъ и лѣсовъ и концентрическими кругами волнъ расходилось все дальше и дальше, постепенно теряясь въ безграничномъ горномъ пространствѣ Ирана.

Тогда противъ юноши выступилъ Саванъ-Таги, мудрость народа, правда земли, и сказалъ:

„Мысль твоя, Гарунъ-Рашидъ, прекрасна, но нельзя сказать, что она нова: въ твои лѣта каждый ее лелѣялъ. Посмотри на эту массу людей! Всѣ они украшены сѣдинами, свидѣтельствующими объ ихъ жизненномъ опытѣ! Спроси ихъ, и каждый тебѣ скажетъ, что въ былое время онъ страдалъ отъ такой же неотвязчивой мысли, но всѣ ихъ попытки осуществить ее не увѣнчались ни малѣйшимъ успѣхомъ! Знай, юнецъ, идеалъ — недостижимъ; къ нему можно только безуспѣшно стремиться. И участь твоей затѣи будетъ такая же. Ты молодъ и неопытенъ; душа твоя стремится освободиться изъ своей темницы, но, повторяю, не ты одинъ страдаешь этимъ... Послушай, Гарунъ-Рашидъ! Въ природѣ есть свои строго опредѣленные законы, которые не походятъ на законы человѣческіе. Вотъ въ этихъ то законахъ и обозначено время пришествія Ормузда. Время это опредѣлено точно, и оно прямой дорогой приближается къ намъ медленно, но безостановочно, подобно звѣздамъ. Помни: законы, созданные человѣкомъ, мы можемъ отмѣнить, но разъ навсегда установленные законы природы не въ силахъ измѣнить не только человѣкъ, но и сама природа. Кромѣ того, на краяхъ земли стоятъ высокія стѣны, на которыхъ и построено небо, гдѣ живетъ Ормуздъ, а въ раю его горитъ и свѣтитъ тотъ всеочищающій небесный огонь, о которомъ ты мечтаешь. И Ормузда, и огонь охраняютъ Изеды и строго смотрятъ, чтобы никто чужой не зашелъ туда. Скажи же послѣ этого, безумецъ, чего ты хочешь? Какое право имѣешь ты вести послушную толпу людей на вѣр-

ную гибель?! Убойся хотя тѣхъ проклятій, которыя посыплются на твою несчастную голову за твои дерзкія, неслыханныя слова, а, можетъ быть, и дѣла!!...“

— Не къ вамъ, сильные міра сего, я обращаюсь!—воскликнулъ Гарунъ-Рашидъ, прервавъ рѣчь Саванъ-Таги,—вы, слѣпые вожди слѣпыхъ, не хотите и не можете понять меня! Прирожденный рабъ не можетъ вообразить себя свободнымъ орломъ!

Къ вамъ, молодыя силы; я взываю! Вамъ суждено выполнить завѣщаніе великаго Заратустры. Трудная это задача, для рѣшенія ея необходимо подвергнуться страданіямъ, нищетѣ, а можетъ быть и смерти, тѣмъ болѣе, что вамъ приходится начать это дѣло съ самаго начала; но будемъ надѣяться на свои силы! Помните слова Заратустры: „Храни въ душѣ твоей героя! Храни свято свою возвышенную надежду!!“

Всѣ старики—мужчины и женщины—слушали новыя, непонятныя имъ слова и неодобрительно-уныло качали головами. Магушъ Шейхъ-Али-Мирза гнѣвно сверкалъ черными глазами; смуглое влажное лицо его было искажено кипѣвшей въ сердцѣ злобой, и отъ злости онъ не могъ вымолвить ни слова. А часть молодежи окружила Гарунъ-Рашида и радостно гремѣла:

„Да здравствуетъ Гарунъ-Рашидъ!! Пусть погибнетъ тьма!! Веди насъ, Гарунъ-Рашидъ: мы всегда съ тобой!!!“

И всѣ быстро двинулись съ мѣста и скоро безслѣдно исчезли въ густомъ, непроглядномъ туманѣ.

„Будьте прокляты!!! непокорные!“—злобно крикнулъ магушъ въ слѣдъ уходившимъ, когда они скрывались уже за горизонтомъ.

И туманъ поглотилъ ихъ.

* *
*

Прошло много лѣтъ.

Объ ушедшихъ безумцахъ не было никакого извѣстія. Люди пожалѣли о нихъ, родные поплакали, погоревали и мало-по-малу стали забывать. Магуши снова попрежнему учили молодое поколѣніе. Изрѣдка говорили ему слова Заратустры, но тутъ же спѣшили предостеречь его отъ ложнаго толкованія этихъ словъ, „такъ какъ были такіе безумцы,—говорили магуши, — которые хотѣли понимать законъ лучше своихъ наставниковъ, за что и были наказаны Ариманомъ; ибо и въ Зендъ-Авестѣ сказано: „Ученикъ не долженъ быть выше своего учителя“.

И текли такъ годы за годами. Текли медленно, однообразно, сѣро, скучно. Только изрѣдка вспоминалъ кое-кто о Гарунъ-Рашидѣ и со страхомъ и затаеннымъ желаніемъ увидѣть „что-то“ поглядывалъ въ ту сторону, куда онъ направился.

* *
*

Было утро.

Густой туманъ убаюкивалъ землю. Отдѣльныя вершины Ирана, окутанныя мракомъ, представлялись силуэтами великановъ въ пышной мантіи, съ громадной бѣлой шапкой на головѣ. Величественно - неподвижно стояли угрюмые исполины Эльбурсъ и Демавендъ и какъ будто о чемъ то думали.

Казалось, что ночь еще продолжается и будетъ длиться безконечно долго.

Но вдругъ вѣковѣчный туманъ всколыхнулся; безпокойно началъ онъ передвигаться взадъ и впередъ, то поднимаясь вверхъ надъ землею, то снова густой пеленой окутывая ее. Люди недоумѣвали, глядя на такое странное явленіе природы, и таинственно спрашивали другъ друга: „что это?“ А туманъ все безпокойнѣе носился изъ стороны въ сторону и разрывался на отдѣльныя части, сквозь которыя на далекомъ горизонтѣ ясно былъ виденъ пучекъ какого то загадочнаго свѣта. Съ большимъ нетерпѣніемъ люди ждали его приближенія, но свѣтъ приближался слишкомъ медленно. Прошли десятки лѣтъ, а необыкновенный свѣтъ, по вычисленію астрономовъ, придвинулся всего лишь на одну пядь.

Съ робкой надеждой, перевившейся съ тупой боязнью, старики стали поговаривать, что это „небесный всеочищающій огонь“, добытый Гарунъ-Рашидомъ, и густая краска стыда покрывала ихъ блѣдно-смуглыя морщинистыя лица при мысли этой: внутренній голосъ укорялъ ихъ за то, что они не пошли вмѣстѣ съ Гарунъ-Рашидомъ и погубили безплодно свою молодость.

Магуши напрягали послѣднія силы, увѣряя, что огонь тотъ пожретъ всѣхъ нечестивцевъ, которые осмѣлятся подой-

ти къ нему на близкое разстояніе. „Молитесь, чтобы Ариманъ укротилъ свой гнѣвъ: это онъ шлетъ намъ испытаніе“, —взывали магуши. Но народъ уже мало слушалъ ихъ: все вниманіе его было поглощено дивнымъ, невиданнымъ дотолѣ свѣтомъ. И теперь, какъ въ первый разъ, молодежь отважно устремилась по пути Гарунъ-Рашида, навстрѣчу добытому имъ небесному огню. Длинной вереницей шла она, извиваясь по узкой тропинкѣ, а къ ней и съ боковъ, и сзади примыкало все больше и больше народа.

* * *

И они шли.

Безконечною толпою двигались въ полумракѣ неясныя фигуры, опережая другъ друга. Шли старики и молодые; шли мужчины и женщины; шли взрослые и дѣти; шли даже магуши и ученые. Шли всѣ они по протоptенной Гарунъ-Рашидомъ дорожкѣ. И толпа ихъ все увеличивалась, ширилась, росла; небесный огонь приближался все скорѣе, и свѣтъ его надъ страной Персидской становился все ярче.

Въ предсмертныхъ судорогахъ метался туманъ...

Викторъ Евгеньевъ.

УГО ВАЛЬКАРЕНГИ.

МАТЬ И ДИТЯ.

Она — высокаго роста; роскошныя формы ея угадываются подъ длиннымъ, чернымъ манто, которое придаетъ ея фигурѣ особенную грацію, покрывая ее всю отъ шеи до ногъ, ниспадая до земли величественными складками, какъ у важной-дамы. Изъ - подъ причудливой бархатной шляпы съ снѣжно-бѣлымъ лебяжьимъ перомъ выбиваются черныя кудри, а за голубоватымъ отблескомъ вуалетки виднѣются черты блѣднаго, слегка нарумяненнаго лица, блестятъ нѣгою гордые глаза и улыбается горькой улыбкой красивый ротъ. За руку она держитъ ребенка, который безсознательно бѣжитъ около нея. Курчавая головка его покрыта свѣтлой поношенной шапочкой, костюмчикъ тоже свѣтлый и бѣдненькій, вокругъ таліи широкая голубая лента завязана бантомъ съ развѣвающимися по вѣтру концами. По наполненной туманомъ галлереѣ, освѣщенной падающимъ сверху электрическимъ свѣтомъ, проходитъ много людей. Всѣ жмутся отъ холода, кутаются и смотрятъ на нихъ. Кажется, будто, кромѣ затянутой въ перчатку руки женщины и голой ручки ребенка, ничто не соединяетъ эти два существа. Кажется, что одинъ только этотъ ребенокъ даетъ веселую, неподдающуюся зимнему холоду нотку и какую-то легкомысленную грацію ея строгому изяществу. Мужчины взглядываютъ на нихъ, пораженные контрастомъ ихъ фигуръ; затѣмъ улыбаются про себя. Другіе посматриваютъ внимательно съ сомнѣніемъ. Время отъ времени женщина останавливается передъ той или другой витриной и, держась прямо и серьезно, смотритъ. Ребенокъ смотритъ вмѣстѣ съ нею и стукается носикомъ о стекло. Она показываетъ ему то то, то другое; говоритъ съ нимъ тихо и ровно, иногда нагибаясь къ нему. Какой-то господинъ остановился и смотритъ на нихъ; другой стоитъ передъ великолѣпной витриной дамскихъ платьевъ; бѣгло взглядываютъ они на ребенка и устремляютъ пристально взоръ на нее. Оба господина посмотрѣли и прошли. Она идетъ дальше.

Подъ сводами галлереи Боккони, съ блестящими колоннами, красноватымъ темнымъ потолкомъ, съ роскошными лѣпными позолоченными украшеніями, съ разноцвѣтными хрустальными лампочками, рисующими радужные узоры на полу, взадъ и впередъ снуетъ народъ. Уличный мальчишка съ большой, совершенно бритой головой, безъ шапки, несетъ подъ-мышкой пустую корзинку, и шагъ за шагомъ идя позади, съ завистью смотритъ на ребенка. Онъ дразнитъ его, корча ему рожи, и потихоньку тянетъ за кушакъ, чтобы развязать его, подпѣвая и дразня ребенка. Пока мать ничего не замѣчаетъ, мальчишка безбоязненно пристаетъ къ нему. Наконецъ, малютка обора-

чивается и начинаетъ плакать. Мальчишка пугается и бѣжитъ прочь, прячется за колонны и стремглавъ выбѣгаетъ на площадь. Мать, узнавъ въ чемъ дѣло, завязываетъ кушакъ, платкомъ своимъ утираетъ слезы ребенка. Онъ успокаивается, и они идутъ дальше. Дойдя до конца галлереи, они возвращаются.— Она глядитъ. — Толпа рѣдѣетъ, холодъ становится сильнѣе, туманъ гуще; нѣкоторые магазины закрываются. Ребенокъ бѣжитъ за ней и плачетъ. Она наклоняется къ нему, уговариваетъ и утѣшаетъ его—она умѣетъ это. Она выходитъ изъ галлереи и идетъ по улицѣ Санта-Маргерита, сворачиваетъ въ улицу Санъ-Протасо, въ грязный, глухой переулокъ, останавливается, отпираетъ дверь, зажигаетъ маленькую свѣчку и поднимается по лѣстницѣ. Ребенокъ плачетъ сильнѣе. Она тихонько бранитъ его, беретъ его на руки, качаетъ и идетъ дальше, ворча. Дойдя до самаго верха, она ставитъ его на площадку и отворяетъ дверь своего жилища. Едва мерцающій огонекъ вонючей лампы освѣщаетъ кое-какъ грязную кухню. Лампадка на стѣнѣ озаряетъ святой ликъ. Она зажигаетъ свѣчку и сажаетъ ребенка на столъ. Изъ шкафа она вынимаетъ посудину съ остатками черноватой похлебки, изъ ящика стола вытаскиваетъ ложку, выливаетъ похлебку въ горшочекъ и, за неимѣніемъ дровъ и огня, разогрѣваетъ ее на свѣчкѣ. Ребенокъ ѣстъ, а когда кончилъ ужинать, начинаетъ хныкать. Она его успокоиваетъ, раздѣваетъ, цѣлуетъ, укладываетъ спать въ кроватку за ширмами. Ребенокъ умолкъ, заснулъ.—Она тотчасъ же беретъ брошенное на стулъ манто, гаситъ огонь и только не трогаетъ лампадку на стѣнѣ. Отворяетъ дверь и сходитъ съ лѣстницы. Она опять на улицѣ: входитъ въ кафэ, приходитъ, уходитъ, возвращается въ галлерею и прогуливается — долго разговариваетъ. Съ женщинами— она еще одна. Мужчина слѣдуетъ за ней, подходитъ, улыбается, заговариваетъ. Она отвѣчаетъ и тоже улыбается. Смѣхъ ея раздается въ пустынной галлереѣ.

Они идутъ вмѣстѣ, словно фантастическія тѣни, въ туманѣ; вмѣстѣ выходятъ на улицу Сильвіо Пеллико, идутъ по улицѣ Санта-Маргерита, въ переулокъ Санъ-Протасо. Останавливаются — входятъ вмѣстѣ. Онъ веселъ, скептически смѣется и шутитъ. Она проситъ, чтобы онъ молчалъ. Зажигаетъ свѣчку, освѣщая ему лѣстницу; ведетъ его осторожно; отпираетъ дверь и опять оборачивается, упрашивая не шумѣть.—Ребенокъ вѣроятно спитъ.—Онъ не вѣритъ, не знаетъ, ворчитъ и презрительно смѣется. Она зажигаетъ огонь, отворяетъ дверь, впускаетъ его и запираетъ.

Она улыбается ему, цѣлуетъ, отдается до разсвѣта... до утра...

Съ улицы поднимается стукъ экипажей, телѣгъ и доносятся человѣческіе голоса. Свѣтъ распространяется по комнатѣ, заливаетъ кровать, кухню, ширмы въ уголкѣ. Лампадка все еще освѣщаетъ святой ликъ. Онъ встаетъ, уходитъ. Не оборачивается, не думаетъ. Улыбаясь, вздрагивая отъ утренняго холода, легко и быстро шагаетъ по улицѣ, напѣвая пѣсню. Для нея начинается успокоеніе, ночь... Стоны и крики внезапно заставляютъ ее проснуться. Она надѣваетъ старое платье, накидываетъ старую пелерину, сходитъ внизъ. Черезъ нѣсколько минутъ возвращается. На столъ она ставитъ бутылку молока, кладетъ свертокъ и хлѣбъ. Одѣваетъ мальчика, сажаетъ его на столъ и, пока грѣется молоко, порывисто прижимаетъ его къ себѣ и цѣлуетъ. Потомъ отдаетъ ему все, что принесла:—кушай! кушай!

ВЛАДИМІРЪ ПЕЖИНСКІЙ.

АДАМЪ И ЕВА.

Переводъ съ польскаго О. Вишневской.

Въ полдень Архангелъ съ огненнымъ мечемъ появился у воротъ рая.

Супруги обмѣнялись полнымъ ужаса взглядомъ.

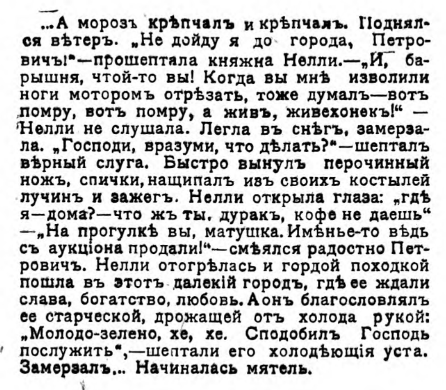
Подъ впечатлѣньемъ тяжелаго предчувствія смѣхъ застылъ у нихъ на губахъ.

— Дѣло плохо—прошептала Ева—навѣрно, насъ прогонятъ отсюда.

ЭФФЕКТНЫЯ

(Совѣты юмориста для

...А морозъ крѣпчалъ и крѣпчалъ. Поднялся вѣтеръ. „Не дойду я до города, Петровичъ!"—прошептала княжна Нелли.—„И, барышня, чтой-то вы! Когда вы мнѣ изволили ноги моторомъ отрѣзать, тоже думалъ—вотъ помру, вотъ помру, а живъ, живехонекъ!" —Нелли не слушала. Легла въ снѣгъ, замерзала. „Господи, вразуми, что дѣлать?"—шепталъ вѣрный слуга. Быстро вынулъ перочинный ножъ, спички, нащипалъ изъ своихъ костылей лучинъ и зажегъ. Нелли открыла глаза: „гдѣ я—дома?—что жъ ты, дуракъ, кофе не даешь" —„На прогулкѣ вы, матушка. Имѣнье-то вѣдь съ аукціона продали!"—смѣялся радостно Петровичъ. Нелли отогрѣлась и гордой походкой пошла въ этотъ далекій городъ, гдѣ ее ждали слава, богатство, любовь. А онъ благословлялъ ее старческой, дрожащей отъ холода рукой: „Молодо-зелено, хе, хе. Сподобилъ Господь послужить",—шептали его холодѣющія уста. Замерзалъ... Начиналась мятель.

...Маня!!.—какъ безумный закричалъ Чарскій. Со страшной ясностью припомнилось ему все: Воробьевы горы, размолвка, его позорная женитьба. Почему-то припомнилась борода извозчика, который сегодня везъ его въ клинику: „рыжая, какъ морковь, рыжая"... Комната поплыла, тупо ныли виски...—„Маня!" —Бросился, цѣловалъ безумно. „Трупный ядъ смертеленъ", промелькнуло въ головѣ. „Ничего, ничего,—шепталъ онъ,—такъ надо, такъ надо!.." Изъ угловъ ползли сумерки.

Утромъ сторожъ Михеичъ выметалъ трупы и бормоталъ:—„Тэ-экъ. Смерть достанетъ, смерть—она всѣхъ достанетъ,—ты думаешь, что вотъ ты отъ нея далеко, а она тутъ тебя, какъ разъ и достанетъ!"

Солнце ярко свѣтило. Воробьи задорно кричали, радуясь веснѣ.

Адамъ уныло поникъ головою и молчалъ. Онъ не понималъ, что́ означало это въ сущности почетное посѣщеніе, но чувствовалъ, что оно не предвѣщало имъ ничего хорошаго.

— Пропали мы—шептала въ отчаяніи Ева.

А нѣсколько мгновеній тому назадъ имъ было такъ хорошо! Они лежали рядомъ на мягкой травѣ подъ тѣнью деревьевъ, которыя защищали ихъ своими вѣтвями отъ солнечнаго зноя. Надъ ихъ головами проносились стаи разноцвѣтныхъ птицъ съ яркимъ опереньемъ, наполняя воздухъ сладкозвучнымъ пѣньемъ, а вдали глухо рокоталъ Евфратъ.

Они же, любуясь другъ другомъ, упоенные любовью, ослѣпленные богатствомъ вселенной, которую Господь создалъ для нихъ, наяву грезили о грядущемъ счастьѣ.

— Любишь?—спрашивала Ева.

— Люблю—отвѣчалъ онъ прижимая ее къ своей груди.

— И вѣчно будешь любить?

— И вѣчно... вѣчно...

— Такъ поцѣлуй...

— Гдѣ?

— Вотъ тутъ!

Адамъ наклонялся и цѣловалъ. Было такъ упоительно жарко. Вдали тихо журчала рѣка. Порою изъ лѣсной чащи выходилъ на поляну левъ, или выползалъ крокодилъ, перекочевывающій изъ Евфрата въ Тигръ.

Ева, смѣясь, манила къ себѣ животныхъ, а они, робко, приближаясь къ ней, лизали ей руки.

ОКОНЧАНІЯ РОМАНОВЪ

начинающихъ литераторовъ).

...Дѣлали большое и нужное дѣло. „Отречемся отъ стараго міра!" летѣли гордыя слова въ небо. Аркадій слушалъ ея чудный грудной контральто, мысленно цѣловалъ ея золотистые волосы. Не хотѣлось вѣрить, что она назначила ему на сегодня свиданіе. О, мое счастье! Вотъ она радость жизни, вотъ оно счастье, счастье, счастье... Что-то пѣло у него въ сердцѣ, стукалось въ горлѣ.

— Казаки, казаки!.. Побѣжали. Кто-то кричалъ пронзительно. Садился въ ухо противный крикъ, и странно чернѣлъ ротъ кричащаго. Кто-то бѣжалъ въ припрыжку. „Какъ мой раненый Трезоръ",—подумалъ Аркадій. Вдругъ что-то ударило сзади. Это казакъ выстрѣлилъ пикой. Смотрѣлъ и не вѣрилъ. И ея дѣвственный станъ пронзенъ, пронзенъ той-же пикой. Тянулся, чтобы передъ смертью обнять ее и умереть, благословляя судьбу. Тщетно—пика не давала. „Вотъ онъ полицейско-бюрократическій режимъ!"—мелькнуло у него. „За что, за что?!"—шептала Катя, смотря мутнѣющими глазами въ небо. Молчало небо.

А работы все не было и не было. Недѣлю питались подушкой.

Вбѣжала радостная. Бросила мужу три рубля: „... на—я, знаешь, косы продала—ну ихъ... ахъ глупый, не плачь, не плачь не надо"...—Какъ безумная схватила малютку сына, подбрасывала и припѣвала: „Будетъ живъ мой бутузикъ, будемъ бутузика кашкой кормить, вкусненькой!" Вдругъ остановилась въ ужасѣ. Окаменѣла. И съ ужасающей отчетливостью проговорила: „завтра кончается срокъ нашей подписки на „Humanité"... Пошли эти деньги. Ни слова, Николай, помни, ты—сознательный рабочій!"

Прошло четыре дня. Зелеными пятнами намѣчались трупы дѣтей на грязномъ полу.

Сознательный рабочій громко читалъ: „le syndicat des ouvriers a résolu de ne pas reculer devant les difficultés de la lutte"*).—И страшенъ былъ звукъ его голоса. „Восьми часовой рабочій день, борись!"—блаженно шептала Елена, умирая. Гдѣ-то фабричный гудокъ, точно отпѣвая свою жертву, затянулъ свою страшную пѣснь.

„Сатириконъ"

*) „Синдикатъ рабочихъ рѣшилъ не отступать передъ трудностями борьбы".

Затѣмъ она снова наклонялась къ Адаму:

— Любишь?

— Люблю—отвѣчалъ онъ, страстно сжимая ее въ своихъ объятіяхъ.

— А какъ мы назовемъ его?

— Не знаю... придумай какое-нибудь подходящее имя.

— Я-бы назвала его Каинъ... Нравится тебѣ это имя?

— Каинъ... Каинъ... Какъ это красиво звучитъ!.. О, Ева, такой женщины, какъ ты, навѣрно не будетъ другой въ мірѣ...

— Ну, такъ поцѣлуй...

Адамъ наклонялся и цѣловалъ. И снова водворялось молчаніе.

Имъ было такъ хорошо, такъ безконечно, райски хорошо... и вдругъ...

У вратъ рая стоялъ неподвижно, какъ изваяніе Архангелъ съ огненнымъ мечемъ въ рукѣ и сурово глядѣлъ по сторонамъ.

— Онъ ищетъ насъ—прошепталъ Адамъ.

— Ищетъ—какъ эхо, повторила Ева.—Надо кому-нибудь изъ насъ выйти и спросить, что ему нужно.

— Должно быть онъ пришелъ сюда изъ-за этого несчастнаго яблока—пробормоталъ Адамъ.

— Можетъ быть...—иди, поговори съ нимъ.

Но у Адама не было ни малѣйшаго желанія выходить къ Архангелу.

— Нѣтъ, нѣтъ — запротестовалъ онъ.—Ужъ лучше ты иди, ты лучше сумѣешь объяснить ему все.

— Но не могу же я показаться ему въ такомъ видѣ—съ раздраженьемъ отвѣчала Ева.—Мнѣ надо было бы привести себя въ порядокъ.

Мужъ поглядѣлъ на нее.

— Правда — печально прошепталъ онъ—Распусти волосы... или лучше знаешь что...

Торжествующая улыбка озарила его лицо. Онъ быстро сорвалъ съ росшаго рядомъ фиговаго дерева большой листъ и, подавая женѣ, сказалъ.

— На, этого, по-моему, довольно.

Они еще поспорили немного кому изъ нихъ выйти раньше и наконецъ порѣшили выйти вмѣстѣ.

Имъ не помогли ни мольбы, ни слезы, ни оправданія. Архангелъ былъ неумолимъ и не хотѣлъ даже слушать объясненій обезумѣвшихъ отъ отчаянья супруговъ. На всѣ ихъ отговорки и увертки онъ отвѣчалъ неизмѣннымъ рѣшительнымъ „вонъ“, указывая огненнымъ мечемъ открытыя врата рая.

Имъ въ концѣ концовъ пришлось покориться.

И пошли они, куда глаза глядятъ, сами не зная, куда и зачѣмъ идутъ. Острые камни пустыни ранили имъ ноги. Порою они оглядывались и тогда видѣли въ кровавомъ заревѣ заходящаго солнца, верхушки райскихъ деревьевъ и блестящую поверхность райскихъ воротъ изъ перламутра, закрывшихся теперь для нихъ навѣки.

Они шли въ глубокомъ молчаніи.

Вдругъ Ева, громко зарыдавъ, упала на землю.

Адамъ понялъ, что теперь ея любовь будетъ для него величайшимъ счастьемъ, а слезы страшнѣйшей мукой. И онъ въ испугѣ бросился къ ней.

— Что съ тобою, дѣтка?

Но она рѣзкимъ движеніемъ оттолкнула его отъ себя.

— Убирайся вонъ идіотъ!—крикнула она, заливаясь слезами.—Это изъ-за тебя насъ постигло такое страшное несчастье.

Адамъ онѣмѣлъ отъ изумленія.

Наконецъ, онъ прошепталъ дрожащимъ голосомъ:

— Какъ это изъ-за меня?.. Вѣдь, это ты сорвала яблоко и угостила меня имъ...

Ева схватилась за голову руками.

— Я?.. я?..—кричала она, поднимаясь съ земли.—Но, вѣдь, ты долженъ былъ предвидѣть, что изъ этого выйдетъ, и предостеречь меня... у-у-у, безмозглый болванъ!

— Но послушай, дорогая...

— Убирайся вонъ!—гнала его она, не подпуская къ себѣ.—Хорошъ у меня, нечего сказать, покровитель... Одинъ единственный мужчина на всемъ земномъ шарѣ и тотъ никуда не годится!..

И она истерички разрыдалась.

Адамъ ничего ей не отвѣтилъ.

Онъ сѣлъ на камнѣ, закрылъ лицо руками и сталъ анализировать свою вину...

— Правда, вѣдь онъ былъ мужчина...

А. ГЕРИНГЪ.

ЧЕЛОВѢКЪ ИЗЪ РЕТОРТЫ.

Мистеръ Джемсъ Бродбентъ, писатель и журналистъ, былъ непобѣдимъ въ измышлении странныхъ происшествій. Въ двѣнадцать лѣтъ онъ издалъ сорокъ восемь разсказовъ, изъ которыхъ каждый появлялся съ точностью часового механизма каждые три мѣсяца и содержалъ въ точности сто тысячъ словъ. Хотя это не были произведенія искусства, но хорошая, солидная работа, а, главное, всѣ они были сенсаціонны по темѣ. На каждой книгѣ своей мистръ Бродбентъ зарабатывалъ 200 фунтовъ, что составляло въ годъ около 800 фунтовъ. Но тщеславіе мистера Бродбента шло дальше, свой доходъ онъ желалъ довести до 1000 фунтовъ и поэтому рѣшилъ писать пять разсказовъ въ годъ. Похвальное намѣреніе. Но оказалось, что Лондонъ не давалъ достаточно поводовъ къ столь напряженному творчеству. Въ Лондонѣ мистръ Бродбентъ могъ писать только четыре книги и ни одной главы болѣе. Чтобы заполнить пять, требовалось особое побужденіе, иная среда, новыя переживанія.

Мистеръ Бродбентъ изучилъ карту вдоль и поперекъ и избралъ, въ концѣ концовъ, мѣстомъ своей усиленной дѣятельности Девонширъ. Согласно географіи тамъ были болота, морской воздухъ и солнечный свѣтъ. А это было нѣчто иное, нѣчто новое, этого не было въ Лондонѣ. Тамъ во всякомъ случаѣ было спокойно, а тишина способствуетъ работѣ.

Но именно въ этомъ послѣднемъ господинъ Бродбентъ жестоко ошибся. Онъ не прожилъ и мѣсяца въ своемъ сельскомъ домѣ, нанятомъ въ Девонширѣ, какъ изъ тюрьмы въ Дартморѣ бѣжалъ опасный преступникъ. Парень этотъ, у котораго былъ богатый выборъ въ окрестностяхъ, куда онъ могъ бы скрыться отъ глазъ закона, преднамѣренно остановилъ выборъ свой на жилищѣ мистера Бродбента. Послѣ отчаяннаго сопротивленія преступникъ былъ схваченъ полиціей въ кабинетѣ писателя, и при этомъ мистеръ Бродбентъ, который не былъ безучастнымъ зрителемъ этой борьбы, къ сожалѣнію, получилъ также свою долю. Мистеръ Брондбентъ былъ вынужденъ цѣлый мѣсяцъ носить правую руку на перевязкѣ, а это крайне неудобно для писателя.

Подчиняясь необходимости, мистеръ Бродбентъ старался привыкнуть писать на машинѣ лѣвой рукой, что ему и удалось безъ труда. Онъ сочинялъ непосредственно на машинѣ и только изрѣдка измѣнялъ написанное. И вотъ однажды въ понедѣльникъ, когда онъ былъ вполнѣ погруженъ въ работу, стараясь наверстать потерянное время, черезъ открытую на балконъ дверь появилась въ его комнатѣ странная фигура.

Мистеръ Бродбентъ дописалъ до конца фразу и однимъ движеніемъ рѣзко повернулся на своемъ креслѣ.

Субъектъ показался знаменитому писателю внушающимъ мало довѣрія. Предъ нимъ стоялъ человѣкъ небольшого роста, въ плохо сидящемъ на немъ сюртукѣ, доходящемъ почти до полу, и въ фуражкѣ, глубоко надвинутой на глаза. Подбородокъ субъекта скрывался въ воротникѣ, и единственное, что могъ разглядѣть мистеръ Бродбентъ, былъ уродливый носъ и черноватая щека.

Мистеръ Бродбентъ удивленно и безпокойно глядѣлъ на это существо.

— „Итакъ?" спросилъ онъ.

— „Простите, что я не снимаю шапку", сказало странное существо, „у меня есть на это причины".

Существо говорило высокимъ фальцетомъ, дѣлало остановку среди слова, странно глотая воздухъ, и затѣмъ продолжало далѣе. Въ его голосѣ было что-то странное, искусственное. Онъ напоминалъ мистеру Бродбенту граммофонъ.

Существо продолжало: „Обращаюсь къ вашему состраданію. Я прокаженный".

Слова эти оно произнесло безъ всякаго выраженія и снова съ странными перерывами въ каждомъ словѣ.

— „Вы вѣроятно также бѣжали изъ Дартмора?" сказалъ мистеръ Бродбентъ, рѣшивши въ душѣ тотчасъ бѣжать отъ этого непріятнаго сосѣдства.

— „О нѣтъ", отвѣчалъ незнакомецъ. „Я изъ лабораторіи профессора Бакстера. Я одно изъ его созданій".

— „Вы—чортъ, сударь!" вскричалъ знаменитый писатель, совершенно взволнованный. Какъ ни непріятно ему было посѣщеніе изъ Дартмора, но еще хуже казалось ему видѣть вблизи недоноска профессора Бакстера.

Какъ извѣстно, лордъ Бакстеръ разрѣшилъ проблему искусственнаго произведенія жизни и въ настоящее время занятъ изученіемъ стадій происхожденія и развитія жизненнаго процесса. Мистеръ Бродбентъ ясно вспомнилъ заявленіе профессора Бакстера на послѣднемъ академическомъ обѣдѣ. „Я стремлюсь", сказалъ великій изобрѣтатель, „построить автоматическое существо, обладающее высокой жизненной энергіей, большой мускульной силой и зачаточнымъ мозгомъ, слѣдовательно автоматическое существо, способное исполнять работу необученнаго рабочаго или мастерового. Да позволятъ напередъ отвѣтить на возраженіе, что созданіе такого существа окажетъ вредное воздѣйствіе на состояніе рабочаго рынка. Я не успокоюсь прежде, чѣмъ не сдѣлаю такое существо доступнымъ и для кошелька каждаго рабочаго. Тогда каждый будетъ имѣть въ домѣ этотъ механизмъ, который при небольшихъ расходахъ будетъ за него работать, такъ что господинъ его будетъ имѣть возможность гулять, заниматься спортомъ или посѣщать публичныя библіотеки. Такимъ образомъ, я думаю, что мое изобрѣтеніе станетъ благословеніемъ человѣчества".

Рѣчь была встрѣчена взрывомъ восторга, хотя она показалась нѣкоторымъ слишкомъ фантастичной. Это понятно, ибо хотя лорда Бакстера и считали величайшимъ геніемъ, героемъ двадцатаго столѣтія, тѣмъ не менѣе многіе все-таки покачивали головой, слыша его смѣлыя пророчества, исполненіе которыхъ казалось столь же невозможнымъ, какъ измѣненіе законовъ тяготѣнія.

Все это промелькнуло въ головѣ мистера Бродбента, когда онъ наблюдалъ маленькое существо въ плохо сидящемъ костюмѣ, которое слонялось по его комнатѣ. Онъ рѣшительно ничего не имѣлъ противъ того, чтобы Бакстеръ изготовлялъ свои „мыслящіе автоматы", пока онъ оставлялъ ихъ у себя. Но когда вещи эти начинали уже становиться въ тягость другимъ, было вполнѣ своевременно положить этому конецъ.

Такъ думалъ мистеръ Бродбентъ, но ему все-таки было любопытно, что же за штука, собственно говоря, это странное существо.

— „Не желаете ли раздѣться?"— сказалъ онъ.

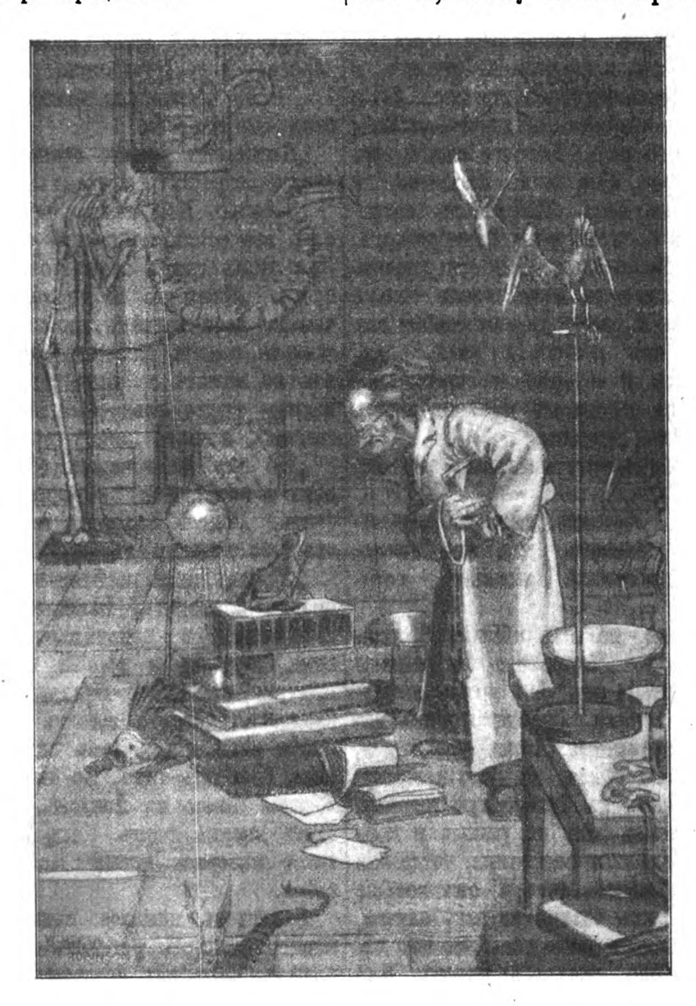
„Я сниму сюртукъ, если вы дадите мнѣ пріютъ до ночи" возразилъ тотъ.

„Хорошо", сказалъ мистеръ Бродбентъ, „вы можете до сегодняшняго вечера остаться здѣсь". Сказать это заставило его любопытство.

Съ особаго рода кряхтѣньемъ существо сбросило сюртукъ и шапку и стояло раздѣтымъ. Мистеръ Бродбентъ почувствовалъ нѣчто въ родѣ отвращенія, когда увидалъ, какъ было сложено это существо. Оно было ростомъ приблизительно

въ пять футовъ, имѣло тѣло животнаго, но человѣческія руки и ноги, голову животнаго съ уродливымъ черепомъ, по сторонамъ котораго росли вверхъ два уха. Все въ совокупности напоминало гнома.

„Вы, слѣдовательно, одинъ изъ автоматовъ лорда Бакстера", сказалъ, помолчавъ, мистеръ Бродбентъ.

„Нѣтъ", отвѣтило „оно" обиженно. „Я принадлежу къ его особымъ опытамъ. Онъ теперь усердно занятъ созданіемъ животныхъ съ человѣческимъ мозгомъ, и до сихъ поръ я являюсь лучшимъ результатомъ въ этой спеціальной области". Гномъ говорилъ съ забавнымъ самодовольствомъ.

„Но если вы довольны Бакстеромъ, а Бакстеръ вами", сказалъ Бродбентъ, „то что же, собственно говоря, вы отъ меня хотите? Куда вы вообще направляетесь? Бакстеръ живетъ отсюда на разстояніи пятидесяти миль, не правда-ли?"

„Я убѣжалъ отъ Бакстера", сказалъ гномъ, „чтобы поглядѣть на міръ. Я зналъ навѣрное, что онъ хочетъ снова растворить меня на мои элементы, и поэтому я рѣшилъ бѣжать. Это опасно, конечно, потому что Бакстера не такъ то легко обмануть. Я главнымъ образомъ убѣжалъ отъ Биллитера".

„Кто это Биллитеръ?" спросилъ мистеръ Бродбентъ.

„Его ассистентъ. Отвратительный человѣкъ. Всѣ существа ненавидятъ его. Я навѣрное знаю, что онъ съ удовольствіемъ ихъ мучаетъ. Я слышалъ, какъ они кричатъ въ его комнатѣ. Но Бакстеръ не противодѣйствуетъ. Это бываетъ именно тогда, когда у него лягушка, которая ему поетъ, и на это разсчитываетъ Биллитеръ".

„Лягушка, которая поетъ“, вскричалъ мистеръ Бродбентъ,—„квакаетъ, хотите вы сказать?“

„Нѣтъ, поетъ. Онъ устроилъ лягушку съ голосомъ, напоминающимъ Карузо. Вы не имѣете представленія, чего только Бакстеръ не устраиваетъ. Всюду онъ можетъ вложить мозгъ и голосъ. Онъ сдѣлалъ хорька съ умомъ, бо́льшимъ, чѣмъ у Канта. Лягушка должна ему пѣть въ извѣстные часы и никогда не устаетъ, а хорекъ непрерывно разрабатываетъ такія проблемы, до которыхъ не доросъ ни Бакстеръ, ни кто иной. До чего еще хочетъ дойти Бакстеръ, я не знаю. Вѣроятно, не знаетъ и онъ самъ. Когда онъ составилъ меня и далъ мнѣ развитіе въ ретортѣ, то очень обрадовался. Все это длилось 14 дней, мозгъ въ меня ввели только впослѣдствіи. Я самое удачное вообще изъ всего, что онъ достигъ до сихъ поръ. Хотя хорекъ и сильнѣе въ чистой логикѣ, но не обладаетъ обыкновеннымъ человѣческимъ разумомъ“.

Мистеру Бродбенту казалось, что онъ сходитъ съ ума.

„А какъ обстоитъ дѣло съ автоматами? Онъ сказалъ, что онъ хочетъ создать человѣческій автоматъ, который...“

„О, я знаю, что онъ обѣщалъ“, подхватилъ гномъ. „Чорта онъ безпокоится о человѣчествѣ! онъ все время насмѣхался надо всѣми. Онъ изготовилъ цѣлую кучу автоматовъ, вещи уродливыя, какъ смертный грѣхъ; съ массой мускуловъ и мозгомъ съ булавочную головку. Онъ разставилъ ихъ по угламъ и кормитъ ихъ пилюлями фосфатина, когда они голодны. Собственно говоря, онъ вообще приготовилъ ихъ только на тотъ случай, если кто придетъ поглядѣть, что онъ дѣлаетъ. Но они ничего не стоятъ. Ихъ умственныя способности слишкомъ малы и поэтому хорекъ долженъ постоянно придумывать новыя мысли. Бакстеръ вообще не можетъ, какъ слѣдуетъ, справиться съ мозгомъ. Ха, это трудная штука! Онъ не знаетъ даже, что выйдетъ изъ того, что онъ кладетъ въ реторту.

Биллитеръ приготовляетъ всевозможные пустяки въ маломъ видѣ: быковъ съ 6 ногами; животныхъ съ человѣческими головами; маленькихъ слоновъ съ плавниками, верблюдовъ, способныхъ летать и т. п. У него цѣлая коллекція. Бакстеръ хотя и говоритъ, что этого не надо дѣлать, но оставляетъ ему этотъ хламъ; онъ не смѣетъ сказать что-нибудь Биллитеру, такъ какъ тотъ слишкомъ освоился со всей его наукой. Онъ никогда не позволилъ бы, чтобы Биллитеръ дѣлалъ что-либо подобное, если бы объ этомъ подозрѣвалъ народъ. Но я то ужъ сообщу объ этомъ публикѣ“.

„Сколько же вамъ собственно лѣтъ? спросилъ м-ръ Бродбентъ.

„Около девяти или десяти мѣсяцевъ“, отвѣчало существо.

„Тогда вы знаете очень много для своего возраста“, замѣтилъ Бродбентъ.

„Именно. Мой мозгъ тончайшій аппаратъ изо всѣхъ, когда-либо созданныхъ“. При этомъ гномъ самодовольно ухмыльнулся. „Бакстеръ съ первыхъ дней начинялъ меня науками, чтобы посмотрѣть, сколько можетъ вмѣстить моя голова, но онъ не можетъ ее заполнить. Мнѣ приходится также ежедневно читать за него газеты“, сказало „оно“ гордо.

„Но что же говорятъ объ этомъ сосѣди и посѣтители?“ спросилъ м-ръ Бродбентъ. „Развѣ Бакстеръ не боится, что что-либо выйдетъ наружу?“

„У насъ мало посѣтителей. Когда кто-нибудь приходитъ, Бакстеръ водитъ по лабораторіи и показываетъ автоматы; меня, лягушку и хорька на это время прячутъ въ музей Биллитера. А наши ближайшіе сосѣди живутъ отъ насъ не менѣе пяти миль. Намъ всѣмъ недурно, пока Бакстеръ тамъ. Но иногда ему приходится ѣхать въ Лондонъ, и тогда все идетъ вверхъ дномъ. Какъ разъ сейчасъ такое скверное время. Поэтому то я и здѣсь.

Биллитеръ напился пьянъ и заставляетъ автоматы работать до смерти. Я видѣлъ, какъ онъ безпощадно ихъ билъ, такъ что нѣкоторые навѣрное сломались. Лягушка должна была 24 часа безъ перерыва пѣть Биллитеру, а хорекъ, какъ безумный, рѣшать проблемы. Когда настало время кормленія обоихъ, Биллитеръ не хотѣлъ имъ ничего дать. Я плакалъ, слыша, какъ лягушка жалобно пѣла о пищѣ. Хорекъ захворалъ отъ вычисленій и съ голоду. Но Биллитеръ только свирѣпствовалъ. Я сказалъ ему, чтобы онъ постыдился хоть предъ самимъ собой, а въ отвѣтъ онъ поклялся, что скажетъ Бакстеру, чтобы меня убили. И

онъ сдержалъ бы слово если бы меня схватилъ, но я ускользнулъ у него, юркнулъ изъ комнаты и заперъ за собой".

Здѣсь гномъ снова ухмыльнулся, вспоминая свою хитрость.

„Если бы эти автоматы понимали бы что-нибудь такое, они бы сообща возстали противъ Биллитера", продолжалъ онъ. „Но тамъ всякій заботится только о себѣ, и я не думаю, чтобы лягушка и хорекъ еще были живы, когда вернулся Бакстеръ.

Я нашелъ сюртукъ шапку и башмаки Бакстера и выскользнулъ вечеромъ изъ дома. Я шелъ всю ночь; на разсвѣтѣ я спрятался. Затѣмъ я увидалъ вашу открытую дверь и вошелъ. Итакъ, вы все знаете. Вы обѣщали дать мнѣ на этотъ день пріютъ".

Было чрезвычайно комично слышать слова эти изъ пасти гнома. Слова шли совсѣмъ гладко, но въ каждомъ предложеніи слышался трескъ, указывавшій на ошибку въ механизмѣ; голосъ былъ сухой и металлическій. Несомнѣнно, Бакстеръ удивительно далеко зашелъ со своими созданіями; но, несмотря на это, оставалось еще многое сдѣлать прежде, чѣмъ широкая публика могла бы принимать въ домѣ его творенія. Мистеръ Бродбентъ по крайней мѣрѣ рѣшилъ избавиться какъ можно скорѣе отъ своего гостя.

„А когда вы собираетесь въ путь?" спросилъ мистеръ Бродбентъ.

„Когда стемнѣетъ. Я думаю, лучше, если я пойду ночью. Если люди меня увидятъ, что-нибудь попадетъ въ газеты и тогда Бакстеръ прочтетъ. Я выйду послѣ заката солнца."

„А куда?"

„Не знаю", сказалъ гномъ. „Я хочу увидѣть свѣтъ, неизмѣримый міръ. Я запомнилъ все, что читалъ въ энциклопедическомъ словарѣ и газетахъ. У Бакстера очень интересно, и онъ кое чего достигаетъ. Вы, безъ сомнѣнія, тоже кое-что понимаете", добавилъ онъ вѣжливо. „Но я хотѣлъ бы услышать неумолчный глухой гулъ волнъ сношеній нашихъ большихъ городовъ, какъ недавно прекрасно выразилась одна газета. Я хочу увидѣть театральное представленіе и аристократію въ солнечный день въ паркѣ. Я хочу видѣть, какъ танцуютъ парни и дѣвицы".

„Все это прекрасно", сказалъ м-ръ Бродбентъ, „но вы же должны чѣмъ нибудь жить. Какъ вы объ этомъ думаете?"

„О, мнѣ немного нужно", сказалъ гномъ, „кажется я читалъ, что пища стоитъ много денегъ. Мнѣ нужно только время отъ времени маленькую пилюлю фосфата. На два пенса я могу кормиться мѣсяцъ. Я слыхалъ также, что квартиры и постели очень дороги. Я никогда не ложусь спать."

„Но вѣдь вы же должны отдыхать когда-либо, хотя бы въ углу на вязанкѣ соломы!" вскричалъ удивленный мистеръ Бродбентъ.

„Пожалуйста не смѣшивайте меня съ твореніями низшей породы", сказалъ гномъ немного рѣзко, „мнѣ не надо ни соломы, ни постели. Я вообще не сплю".

„Какъ?! Вы не спите?"

„Ни одно изъ твореній Бакстера не спитъ. Это одно изъ его главныхъ свойствъ. Въ этомъ онъ превзошелъ природу. Намъ ничего не надо, только изрѣдка немного фосфата. Въ этомъ мы превосходимъ естественныхъ существъ. Я могу работать двадцать четыре часа въ день, когда это требуется. Представьте себѣ, сколько я могу выработать за это время!—Не можете ли вы дать мнѣ временное занятіе, пока немного уляжется шумъ по поводу моего исчезновенія, и пока я немного привыкну?"

„Какое же я могу вамъ дать занятіе?" спросилъ мистеръ Бродбентъ.

„Секретаря, если желаете. Вы не знаете еще, на какія неоцѣнимыя услуги я способенъ. Я запоминаю все, что вижу, слышу или читаю. Я пока прочелъ половину энциклопедическаго словаря и знаю наизусть каждое слово. Сказать вамъ наизусть первую страницу? А— первая буква всѣхъ индо-европейскихъ алфавитовъ обозначаетъ одновременно первую полногласную. Совпаденіе, вѣроятно, впрочемъ, случайное. Алфавитъ..."

„Благодарю, благодарю! довольно"— прервалъ мистеръ Бродбентъ.

„Или, быть можетъ, вы желаете поэзіи? Тогда я могу вамъ процитировать оба „рая" Мильтона, настаивалъ гномъ „они хоть и длинны, но очень интересны".

Мистеръ Бродбентъ далъ ему продекламировать минутъ десять. Гномъ ни разу не запнулся и не ошибся ни въ въ одномъ словѣ.

„Благодарю! довольно“ сказалъ наконецъ мистръ Бродбентъ. Память ваша удивительна. Я все-таки не вижу, однако, какая мнѣ отъ этого можетъ быть польза. Я самъ писатель, и мнѣ не нужно ни словаря, ни Мильтона“.

„У Бакстера я работалъ и на пишущей машинѣ“ отвѣчалъ гномъ, „у васъ тамъ хотя и другая система, но я приспособлюсь. Смотрите-ка!“

Онъ пододвинулъ пишущую машину мистера Бродбента и началъ стучать, сперва медленно, но скоро со все возрастающей быстротой и увѣренностью.

„Прошу покорно“, сказалъ онъ и передалъ мистеру Бродбенту страницу, „я думаю, я все-таки могу быть вамъ полезенъ. Пожалуйста, попробуйте-ка со мной.“

Мистеръ Бродбентъ дѣйствительно сдѣлалъ опытъ съ гномомъ. Онъ нарядилъ его въ одежду изъ собственнаго шкафа, въ которой „гомункулусъ“ выглядѣлъ крайне комично. Когда же мистеръ Бродбентъ диктовалъ ему, шагая взадъ и впередъ по комнатѣ, то у него было вполнѣ такое чувство, что созданіе, которое увѣренно и умно работало тамъ на пишущей машинѣ, было человѣческимъ существомъ.

Нѣсколько дней спустя господину Бродбенту пришла счастливая мысль. Уже давно было у него тщеславное намѣреніе написать историческій разсказъ изъ временъ Стюартовъ. Но для этого необходимо было изучить источники, на что мистеръ Бродбентъ не имѣлъ ни желанія, ни времени. Работу эту онъ передалъ своему ассисенту. Онъ купилъ въ Лондонѣ „Исторію революціи“ Кларендона и передалъ ее гному для переработки.

Для разсказа у господина Бродбента была прекрасная идея, и все въ совокупности стало бы, благодаря невѣроятной памяти его секретаря, прекраснымъ произведеніемъ, если бы однако все не пошло иначе.

Ужъ на другой день послѣ того, какъ возникъ этотъ геніальный планъ, порядокъ былъ нарушенъ. Мистеръ Бродбентъ совершалъ какъ разъ свою обычную прогулку по салу и обдумывалъ свою послѣ-обѣденную работу. Начало должно было состоять въ описаніи ужасной борьбы въ саду Нью-Іоркскаго ресторана, гдѣ милліонеръ Раймондъ Келлеръ встрѣтился съ несчастнымъ, у котораго онъ отбилъ невѣсту. Мистеръ Бродбентъ мысленно рисовалъ себѣ положеніе, — какъ вдругъ за-уголъ дома завернулъ человѣкъ —маленькій господинъ въ толстой шубѣ. Мистеръ Бродбентъ тотчасъ же его узналъ. Въ Англіи былъ только одинъ человѣкъ, обладавшій такимъ большимъ носомъ, такими ввалившимися глазами, такимъ могучимъ черепомъ.

Это былъ лордъ Бакстеръ

„Мистеръ Бродбентъ“, сказалъ знаменитый ученый, „я подозрѣваю, что вы скрываете въ вашемъ домѣ одинъ изъ моихъ автоматовъ. Не возвратите-ли вы мнѣ его?“

Наступило то, чего опасались, но мистеръ Бродбентъ рѣшилъ вступиться за гнома. Безъ борьбы дѣло не могло обойтись, но онъ уже до такой степени привыкъ къ этому безплатному секретарю, что не отпустилъ бы его ни при какихъ условіяхъ. А кромѣ того: что же стало бы съ разсказомъ изъ временъ Стюартовъ?

„У меня въ домѣ нѣтъ никакихъ автоматовъ“, твердо отвѣтилъ мистеръ Бродбентъ.

„Сударь“, сказалъ спокойно лордъ Бакстеръ, „быть можетъ мы не сходимся только въ названіи. Я имѣю всѣ основанія предполагать, что подъ вашей защитой находится существо, похожее на гнома, но обладающее человѣческимъ разумомъ. Или вы будете отрицать этотъ фактъ?“

„Я не утверждаю этого и не отрицаю“, отвѣчалъ мистеръ Бродбентъ. „Въ своемъ домѣ я хозяинъ. Никому нѣтъ дѣла, находится ли такое существо на моей землѣ“.

„Тише, тише! мистеръ Бродбентъ!“ возразилъ Бакстеръ. „Я имѣю власть надъ этой тварью. Весь механизмъ моя собственность. Я его создалъ. Кому же принадлежитъ это созданіе, если не мнѣ?“

„Оно принадлежитъ себѣ самому“.

„Боюсь, что мы не можемъ сойтись въ этомъ пунктѣ“ закончилъ холодно Бакстеръ.

„Возможно, лордъ Бакстеръ. Ваше несчастное созданіе, какъ вы совершенно правильно замѣтили, искало здѣсь пріюта. Оставьте его здѣсь. Оно живетъ здѣсь въ покоѣ и трудѣ и имѣетъ немного радости, которой ему не хватало въ вашемъ домѣ“.

„А если я не желаю!“ спросилъ испытующе лордъ Бакстеръ.

„Тогда я предамъ дѣло гласности. Я писатель по призванію и имѣю нѣкоторое вліяніе на публику. Это оказало бы плохую услугу свободѣ вашей науки“.

„Па!“ презрительно вскричалъ лордъ Бакстеръ. „Я боюсь, вы переоцѣниваете ваше могущество. Я только что заглянулъ въ ваши фантастическіе романы и полагаю, что васъ то именно слѣдовало бы сократить въ вашемъ ремеслѣ. Кто выпускаетъ въ свѣтъ такой вздоръ, тотъ представляетъ либо общественный вредъ, либо общественную опасность. Я думаю даже, что здѣсь имѣетъ мѣсто то и другое. Но у меня нѣтъ однако времени на долгіе диспуты. Мой поѣздъ отходитъ черезъ полчаса. Позвольте“.

Не дожидаясь отвѣта, онъ прошелъ черезъ открытую дверь въ кабинетъ мистера Бродбента.

Мистеръ Бродбентъ слѣдовалъ за нимъ. Гномъ очевидно уже услыхалъ знакомый голосъ. Подавленный стоялъ онъ за пишущей машиной, дрожалъ съ головы до ногъ и въ ужасѣ двигалъ длинными ушами.

„А, да вотъ и нашъ молодой другъ“, вскричалъ лордъ Бакстеръ саркастическимъ тономъ, „прилично одѣтый и готовый къ работѣ. Бери свою палку и шапку, то есть мою палку и шапку и пойдемъ! У Биллитера прекрасныя пилюли фосфата для тебя“.

„Я не хочу!“ вскричалъ визгливо гномъ. „Я хочу остаться у мистера Бродбента. Не позволяйте! не позволяйте меня увезти!“ обратился онъ умоляющимъ жалобнымъ голосомъ къ мистеру Бродбенту.

„Успокойся, ты останешься!“ отвѣтилъ тотъ „я попрошу васъ, лордъ Бакстеръ, покинуть мой домъ!“

„Я пойду, но только со своимъ автоматомъ“.

„Это не автоматъ“ вскричалъ мистеръ Бродбентъ, это чувствующее существо и, какъ таковое“...

„Это только опытъ и, какъ таковой, удачный только на половину. Я долженъ былъ бы его наказать за то, что онъ убѣжалъ, но если онъ добровольно пойдетъ за мной, я согласенъ пренебречь этимъ и жить съ нимъ снова, какъ до того“.

„Я не хочу назадъ“, вскричалъ упрямо гномъ.

„На этотъ случай“, сказалъ спокойно лордъ Бакстеръ, и полѣзъ рукой въ одинъ изъ своихъ большихъ кармановъ, „я принесъ съ собой необходимое“. Онъ вынулъ небольшой аппаратъ.

„Я думаю, съ тобой всетаки надо покончить. Я работаю для человѣчества и мнѣ некогда спорить съ своими собственными неудачными произведеніями.

Онъ открылъ аппаратъ, изъ котораго тотчасъ ударили длинныя молніи.

„Аппаратъ васъ заинтересуетъ“, замѣтилъ онъ при этомъ спокойно, „вы можете употребить его въ одной изъ вашихъ сумасшедшихъ исторій. Это маленькій электрическій аппаратъ, въ родѣ аппарата Маркони. Онъ производитъ впечатлѣніе только на тѣла, настроенныя на волны одинаковой длины. Лучи его, какъ я долженъ, къ сожалѣнію, признать, не особенно пріятны соотвѣтствующимъ частямъ. Всякое живое существо реагируетъ на соотвѣтствующее ему число электрическихъ колебаній, и я могу аппаратъ этотъ поставить на любое желаемое число.

„Такъ какъ я въ состояніи знать совершенно точно число колебаній нашего большеротаго и длинноухаго друга, то я могу его заставить плясать, какъ мнѣ угодно. Я нажимаю только здѣсь кнопку, и, какъ вы видите, нашъ другъ замѣчаетъ уже, гдѣ жаренымъ пахнетъ“.

Пока изслѣдователь еще говорилъ, гномъ отчаянно вскрикнулъ и вскочилъ въ судорогахъ.

„Очень милое изобрѣтеніе, не правда ли?“ продолжалъ Бакстеръ насмѣшливо. „Число вашихъ собственныхъ колебаній, мистеръ Бродбентъ, только немного выше. Если вы это цѣните и любопытствуете, я могу охотно поставить и для васъ аппаратъ.—Надѣюсь мы согласны. Ну что, нажать ли мнѣ слѣдующую кнопку,“ „обратился онъ къ гному, „отъ этого конецъ будетъ еще мучительнѣе“.

Несчастное существо опустилось на полъ. Изъ глазъ ручьями текли слезы.

„Нѣтъ!“ простонало оно, „я иду“.

„Я такъ и думалъ“, сказалъ Бакстеръ, „я бы совсѣмъ ошибся въ твоихъ умственныхъ способностяхъ, если бы ты не былъ такъ благоразуменъ. Собирай свои вещи.“

Тогда лордъ Бакстеръ обратился къ господину Бродбенту и предложилъ ему свой портсигаръ.

— „Вы не курите? Прекрасно. Но вы позволите закурить. Послѣ интереснаго опыта я долженъ закурить“, прибавилъ онъ, зажигая спичку.

Безчувственность этого человѣка была столь же ужасна, какъ и могущество, которымъ онъ располагалъ. Во всякомъ случаѣ мистеръ Бродбентъ имѣлъ возможность увѣдомить міръ о томъ, что изобрѣлъ и создалъ этотъ ужасный человѣкъ.

„Лордъ Бакстеръ“, сказалъ онъ, „мы не понимаемъ другъ друга. Вы дѣлаете опыты, которые ни въ коемъ случаѣ не потерпѣло бы правительство страны, если бы оно о нихъ знало.“

„Напротивъ“, возразилъ тотъ, „я работаю надъ своими автоматами именно на благо страны“.

„Какъ обстоитъ дѣло съ вашей Карузолягушкой и вашимъ считающимъ хорькомъ; и какъ дѣло съ Биллитеромъ и его частными увеселеніями“...

„Ахъ такъ“, сказалъ лордъ Бакстеръ и злобно засмѣялся, „нашъ маленькій другъ, слѣдовательно, болталъ. Я это думалъ, но все это васъ не касается мистеръ Бродбентъ“.

Онъ оборвалъ разговоръ и направился къ гному, стоявшему въ сюртукѣ и фуражкѣ въ сторонѣ.

„На вашемъ мѣстѣ“ кинулъ онъ еще мистеру Бродбенту, я бы забылъ все, что здѣсь видѣлъ и слышалъ... Вы знаете мое могущество, и вамъ будетъ, вѣроятно, интересно знать, что разстояніе для меня не существуетъ. Я знаю также

приблизительно число вашихъ космическихъ колебаній, а это много значитъ. Я могъ бы изъ своей лабораторіи заставить плясать и васъ, нажавъ только на первую кнопку въ этомъ маленькомъ ящичкѣ. Дѣйствіе вы, вѣдь видѣли здѣсь на нашемъ юномъ другѣ, а мнѣ стоитъ только нажать на вторую кнопку, чтобы положить конецъ вашей жизни. Итакъ вычеркните,—я даю вамъ благой совѣтъ, этотъ эпизодъ изъ вашей памяти.—Теперь я могу еще какъ разъ поспѣть на поѣздъ.

„Маршъ!“ обратился онъ къ гному. У того все еще текли слезы по щекамъ.

„Будте здоровы, мистеръ Бродбентъ“, прошепталъ онъ жалобно. „Не забывайте меня“. Затѣмъ онъ натянулъ фуражку на лицо и послѣдовалъ за Баксгеромъ. Мистеръ Бродбентъ болѣе его не видалъ.—

Мистеръ Бродбентъ шагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Въ самомъ дѣлѣ исторія! Теперь онъ отсталъ на пять главъ въ своемъ разсказѣ; какъ ему наверстать опять съ своей непригодной правой рукой. Съ 1000 фунтовъ въ годъ дѣло обстояло плохо. Мистеру Бродбенту было вполнѣ ясно, что онъ никогда не получитъ снова такого секретаря.

Прости, прекрасная мысль о разсказѣ изъ временъ Стюартовъ, онъ никогда не будетъ написанъ. У мистера Бродбента нѣтъ ни времени, ни охоты проштудировать „исторію революціи Кларждона“.

Мистеръ Бродбентъ мрачно, стукнулъ по машинкѣ.

„Но люди должны это знать! Это скандалъ, если изготовляются лягушки, которыя поютъ, какъ Карузо, и хорьки, которые перекритиковываютъ критику чистаго разума. Государство обязано что нибудь сдѣлать для этихъ несчастныхъ созданій. Мистеръ Биллитеръ заслуживаетъ тюрьмы. Параграфъ такой-то Уложенія и наказаніяхъ, истязаніе животныхъ.—Къ черту съ разсказомъ!“

Мистеръ Бродбентъ отбросилъ въ сторону исписанные листы, сѣлъ къ письменному столу и крупными гнѣвными буквами написалъ на бѣломъ листѣ бумаги:

Созданія мистера Бакстера, или адъ на землѣ.

Разоблаченіе.

Однако—знаменитый авторъ въ испугѣ вскочилъ съ кресла —„Бакстеръ знаетъ мое число космическихъ колебаній. Чортъ его знаетъ, что это значитъ! Чортъ бы побралъ космическое число колебаній! Но ужъ если онъ нажметъ на прокл... кнопку, то пусть міръ хоть узнаетъ, кто мой убійца!“

Сказалъ, сѣлъ и съ трясущейся головой началъ мрачно писать.

Отдѣлъ юридическій.

Отвѣты юрисконсульта.

Подп. Циммерлингу. 1) Отношенія между актерами и антрепренерами регулируются общими постановленіями гражданскихъ законовъ о договорѣ личнаго найма. 2) Отставные нижніе чины изъ евреевъ, поступившіе на службу на основаніи прежняго рекрутскаго устава, и въ настоящее время сохраняютъ право повсемѣстнаго жительства въ Имперіи.

Подп. А. С. Морозову. 1) Льгота II разряда установлена для единственно способнаго къ труду сына, или отцѣ, также способномъ къ труду, и одномъ или нѣсколькихъ братьяхъ, къ труду неспособныхъ (ст. 48 уст. Воин. Повин.). Такимъ образомъ, вы пользуетесь льготою второго разряда по семейному положенію. 2) Такъ какъ надѣльная земля отобрана отъ васъ на опредѣленный срокъ и это удостовѣрено приговоромъ сельскаго схода, то вы имѣете нынѣ право требовать надѣль обратно (см. ст. 33 Общ. Пол.).

Подп. № 26823. При жизни наслѣдодателя наслѣдникъ никакихъ правъ на наслѣдство не имѣетъ.

Подп. № 20970. Лѣсоохранительный комитетъ совершенно правильно не разрѣшилъ вамъ вырубку лѣса, и подача какихъ-либо дальнѣйшихъ прошеній по сему предмету была бы безполезна.

Подп. № 15585. Усыновленный носитъ отчество и фамилію роднего отца, если опредѣленіемъ Суда ему не присвоены отчество и фамилія усыновителя.

Подп. № 30501. Вамъ слѣдуетъ предъявить въ судъ духовное завѣщаніе и просить въ исковомъ порядкѣ объ утвержденіи его къ исполненію, при чемъ вы обязаны доказать, что не представляли къ утвержденію завѣщанія въ теченіи 9½ лѣтъ по неизвѣстности его существованія или иной законной причинѣ.

Подп. П. М. Головансову. 1) Такъ какъ изъ содержанія духовнаго завѣщанія не всегда усматривается свойство имущества (родовое или благопріобрѣтенное),—то Судъ можетъ утвердить сіе завѣщаніе. Посему заинтересованному лицу подлежитъ заявить споръ противу той части завѣщанія, которая касается родового имущества. При этомъ распоряженіе завѣщателя о благопріобрѣтенномъ имуществѣ остается въ силѣ. Таковымъ можетъ быть только недвижимое имущество; а всякая движимость считается благопріобрѣтенною и можетъ быть завѣщаема безъ всякаго ограниченія. 2) Долгъ съ наслѣдниковъ завѣщателя можетъ быть взысканъ на основаніи ст. 1259 т. X ч. I. Родство значенія не имѣетъ. 3) Согласно уставу кассы деньги правильно выданы вашей мачихѣ и не могутъ быть потребованы отъ нея пасынкомъ.

Подп. № 35126. Для отвѣта на вашъ вопросъ необходимо знать, къ какому сословію вы принадлежите.

Подп. Сентищеву. 1) Вдова наслѣдуетъ въ недвижимомъ имуществѣ умершаго мужа въ 1/7 части, а остальное, при неимѣніи дочерей, дѣлится поровну между сыновьями. Утверждаться въ правахъ наслѣдства и ввестись во владѣніе вы можете и безъ согласія сонаслѣдниковъ. 3) Согласно ст. 21 уст. о нак. виновный въ клеветѣ освобождается отъ наказанія, если въ теченіе шести мѣсяцевъ не было по дѣлу никакого производства.

Подп. К. И. Сирота. Прежде чѣмъ продать надѣльную замлю, продавецъ обязанъ укрѣпить таковую за собою на основаніи указа 9 ноября 1906 года,

Подп. № 22591. Выдача пособія при указанныхъ вами условіяхъ будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія начальства.

Подп. «Александру». Оскорбленіе женщины на словахъ или на письмѣ карается по ст. 131 Уст. Нак. денежнымъ штрафомъ до 100 руб. или арестомъ на 1 мѣсяцъ. Подобныя дѣла подсудны Мировымъ и Город-

скимъ судьямъ и земскимъ начальникамъ по мѣсту совершенія проступка и не могутъ быть переданы на разсмотрѣніе другого судьи. Явка не обязательна. Въ случаѣ обвиненія дѣло можетъ быть перенесено въ Съѣздъ.

Подп. Володину. Метрическая выпись оплачивается гербовою маркою въ 75 коп. Никакихъ «добавочныхъ» при этомъ не полагается. Вамъ слѣдуетъ обратиться къ лицу, получившему «добавочныя»—съ просьбою вернуть ихъ вамъ; а въ случаѣ отказа жаловаться по начальству.

Подп. № 31853. По обстоятельствамъ дѣла и на основаніи ст. 533 т. X ч. I крестьяне не въ правѣ отнять отъ наслѣдниковъ вашего родственника ту землю, которую они уступили ему сорокъ лѣтъ тому назадъ. Для полученія на эту землю документовъ подлежитъ подать въ Мѣстный Окружный Судъ прошеніе объ укрѣпленіи этой земли по давности владѣнія.

Подп. № 21571. Редакція рекомендуетъ, „Общее Положеніе о крестьянахъ“ изд. Земскаго Отдѣла и „Уставъ Гражданскаго Судопроизводства“ изд. Гордона. Книги эти можете получить изъ книжнаго магазина „Право“ (СПБ. Владимірскій просп. № 19).

Подп. № 31005. Отъ непогашенія части соуды внесенными вами деньгами пострадали не вы, какъ покупщикъ мельницы, а товарищество крестьянъ. Посему вы и не имѣете никакихъ основаній требовать отъ Банка уплаты процентовъ на внесенную вами сумму.

Подп. № 24789. 1) Согласно ст. 80 и 81 т. X ч. I бракъ лица іудейскаго исповѣданія, перешедшаго въ христіанство, считается расторгнутымъ лишь въ томъ случаѣ, если супругъ, оставшійся въ іудействѣ не пожелаетъ оставаться въ бракѣ или не согласится дать подписку о томъ, чтобы рожденныхъ въ семъ бракѣ дѣтей ни прельщеніями, ни угрозами ни другими какими либо способами не приводить въ законъ іудейскій и обратившемуся въ православную вѣру супругу за содержаніе оной поношенія и укоризны не наносить. Въ этомъ случаѣ разрѣшеніе принявшему православіе супругу вступить въ новый бракъ дается мѣстнымъ епархіальнымъ преосвященнымъ, безъ особаго производства, какое установлено по искамъ о разводахъ. 2) На основаніи ст. 1416 Улож. о Наказ. „кто... будетъ... именоваться... именемъ другой фамиліи, тотъ за сіе подвергается: въ первый разъ денежному взысканію не свыше двухсотъ рублей; во второй, такому же взысканію не свыше пятисотъ рублей; а въ третій, аресту на время отъ трехъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ, и о томъ публикуется въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ и въ мѣстныхъ губернскихъ“. На практикѣ, однако, наименованіе себя по фамиліи гражданскаго мужа безъ всякаго злого умысла, а изъ соображеній удобства,—обыкновенно не вызываетъ судебнаго производства.

Подп. 31299. Согласно разъясненію М. В. Д. къ ст. I указа 9 ноября 1906 года, лица, не имѣющія въ деревнѣ усадебной осѣдлости и не ведущія хозяйства, не въ правѣ требовать укрѣпленія земли въ личную собственность. А такъ какъ изъ вашего письма можно сдѣлать выводъ, что земля была оставлена еще дѣдомъ, то вышеуказанное разъясненіе примѣнимо къ вашему случаю.

Подп. № 34736.—Единственный способный къ труду сынъ пользуется льготой перваго разряда по семейному положенію при отцѣ, неспособномъ къ труду.

Подп. Фаддѣеву. — Подайте на вашего повѣреннаго новую жалобу въ Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ на невозвращеніе Документовъ.

Подп. № 34787.—Православные псаломщики освобождены отъ воинской повинности (ст. 79, Уст. о Воин. Повин.) и отъ явки въ призывной участокъ (ст. 157 Уст.).

Подп № 33961.—На основаніи ст. 3 т. X, ч. I дѣвица, достигшая 16 лѣтъ отъ рожденія въ правѣ вступать въ бракъ безъ разрѣшенія духовнаго начальства.

Подп. № 5304. — Намѣреніе ваше вступить въ бракъ съ лицомъ, высланнымъ въ административномъ порядкѣ, не можетъ служить основаніемъ къ возбужденію ходатайства объ его досрочномъ возвращеніи изъ ссылки.

Подп. № 35135.—На основаніи ст. 49 Уст. о Воин. Повин. при опредѣленіи льготъ по семейному положенію считаются за родныхъ сыновей состоящіе въ семьѣ отчима или мачехи пасынки при жизни своей родной матери или родного отца. Такимъ образомъ, сыновья перваго мужа вашей матери (ея пасынки) за смертью ихъ отца не числятся въ семьѣ вашей матери; и такимъ образомъ, вы являетесь единственнымъ сыномъ и пользуетесь льготою перваго разряда по семейному положенію, если вашъ отчимъ достигъ возраста 55 лѣтъ.

Подп. Ки—ому.—Вамъ надлежитъ подать въ Окружный Судъ новое прошеніе съ приложеніемъ письменнаго согласія отца усыновляемыхъ.

Подп. А. Ѳ. П. — Для полученія денегъ опекунша должна подать въ Сиротскій Судъ прошеніе съ изложеніемъ обстоятельствъ дѣла, и основаній, по которымъ она проситъ о выдачѣ ей капитала малолѣтнихъ.

Подп. Сенченко. — См. отвѣтъ № 28010 въ № 3 журнала.

Подп. Журавлеву.—1) Согласно ст. 194 т. X ч. I дѣти обязаны доставлять содержаніе своимъ родителямъ, если сіи послѣдніе находятся въ бѣдности. Посему, если у отца есть крестьянскій надѣлъ и хозяйство, а у сына нѣтъ ничего и къ тому же отецъ прогналъ его со двора,—то присужденіе съ такого сына на содержаніе отца неправильно, и Уѣздный Съѣздъ по справедливости долженъ былъ бы отмѣнить рѣшеніе Волостного Суда.

Подп. № 20587.—На основаніи ст. 533 т. X ч. I вы имѣете право собственности на отцовскую землю по давности владѣнія и можете укрѣпить за собою это право черезъ Окружный Судъ по мѣсту нахожденія недвижимости.

2) Вы въ правѣ подать въ Окружный Судъ заявленіе объ отказѣ отъ наслѣдства;

но вы не въ правѣ при этомъ указать въ пользу кого вы отказываетесь: наслѣдство въ этомъ случаѣ переходитъ къ слѣдующему ближайшему родственнику.

Подп. № 16856.—Съ прошеніемъ о выдачѣ вамъ билета на право держанія охотничьяго ружья вы можете обратиться непосредственно на имя Губернатора.

Подп. Алексашину.—Потерпѣвшій увѣчье «при лѣсныхъ разработкахъ» въ правѣ искать съ хозяина вознагражденіе лишь въ томъ случаѣ, если несчастіе произошло по винѣ хозяина.

Подп. № 5846.—1) Согласно ст. II Уст. о Воин. Повин. къ жребью призывается ежегодно одинъ только возрастъ населенія, именно молодые люди, которымъ къ 1 октября того года, когда наборъ производился минулъ двадцать одинъ годъ отъ роду. 2) Согласно ст. 48 Уст. о Воин. Повин. льгота третьяго разряда по семейному положенію установлена для лица, непосредственно слѣдующаго по возрасту за братомъ, находящимся по призову на дѣйствительной службѣ. 3) Согласно ст. 62 Уст. о Воин. Повин., заявляется о желаніи отбыть воинскую повинность на правахъ вольноопредѣляющихся должны быть подаваемы не позже, какъ за два мѣсяца до призыва къ жребью.

Подп. И. Н. Звѣреву.—По дѣламъ гражданскимъ, производящимся, какъ въ общихъ, такъ и въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ, повѣренными могутъ быть, кромѣ присяжныхъ повѣренныхъ, лица, получившія особыя свидѣтельства на право ходатайствовать по чужимъ дѣламъ. Свидѣтельства эти выдаются Мировыми Судьями, Окружными Судами и Судебными Палатами. Судебное мѣсто, коему подано прошеніе о выдачѣ свидѣтельства, имѣетъ право удостовѣриться въ надлежащихъ познаніяхъ желающаго получить свидѣтельство на право хожденія по дѣламъ (ст. 406^1, 406^2, 406^6 Учр. Суд. Уст.).

Подп. Денисенко.—Несовѣршеннолѣтніе, подписавшіеся, какъ поручители, на векселѣ отца ихъ, не отвѣтствуютъ въ качествѣ таковыхъ за долгъ отца. Но если они примутъ послѣ отца наслѣдство, — то обязаны участвовать въ платежѣ долговъ наслѣдодателя пропорціонально полученной доли наслѣдства.

Отвѣты Юр. Консульта письмами.

П. В. Сакупу, І. Гисту, А. П. Морозову, Куликовскому, П. Семененко, подп. № 28377, Тарасовскому, К. И. Юрченко, Погорѣлову. Д. Тарасову, Куракину, А. Т. Ковалеву, Сосновскому, Д. И. Ильичеву, А. Романовскому, К. Матеусу, В. Добросердову, А. И. Совѣткину, В. Нощенко, В. П. Дуракову, С. М. Лукъянову, А. А. Рубину, В. Якубовичу, П. А. Костюкову, В. Дригайло, И. Шлейчуку, Н. Разумовскому, М. Варенцову, І. Федакевичу, Косинову, Х. З. Синдреру, А. Попову, подп. № 35816.

Отвѣты.

Подп. „Не-англичанину" и Гаухбергу. Произношенія въ англійскомъ языкѣ въ особенности въ короткихъ словахъ не объяснить. Существуетъ множество словъ, которыя сами англичане съ дѣтства заучиваютъ на практикѣ. Не смотря на видимый безпорядокъ въ произношеніи, общія правила всетаки, конечно, существуютъ. Но по этому поводу потребовался бы большой трактатъ. Современемъ мы разсчитывали возвратиться къ этому вопросу спеціально для русскихъ изучающихъ англійскій языкъ. Въ словарѣ Александрова указано произношеніе всѣхъ словъ.

Под. № 34179. Бухгалтерскихъ курсовъ много. Въ СПБ, М. В. Побѣдинскаго, Невскій 102; Курсы И. П. Бабенко, Владимирскій 7. Обратитесь туда, программы и условія высылаются безплатно. Общеобразов. курсы въ СПБ. Татарскій пер. № 3. Тамъ можно изучать и новые языки.

Подп. № 28487. Ваши безчисленные вопросы охватываютъ всѣ отрасли человѣческихъ знаній, теоретическихъ и прикладныхъ. Нельзя найти ни одного коллегіальнаго учрежденія, которое было бы въ силахъ отвѣтить на нихъ. Задавать такіе и столько вопросовъ значитъ безполезно отнимать время у редакціи на отвѣты массѣ другихъ подписчиковъ, которые дѣйствительно нуждаются въ опредѣленныхъ и строго ограниченныхъ свѣдѣніяхъ или совѣтахъ. Въ интересахъ самихъ подписчиковъ редакція протестуетъ противъ такого рода вопросовъ. Каждый вопросъ отнимаетъ время, требуетъ справокъ, цѣлой процедуры. Принимая во вниманіе положеніе подписчиковъ живущихъ въ глуши, мы часто даемъ даже такіе отвѣты и свѣдѣнія, которые не могутъ входить въ задачи редакціи, но нужно всегда помнить, что „Вѣстн. Зн." есть не простая справочная контора, а журналъ, преслѣдующій идейныя задачи и стремящійся всѣми силами создать изъ своихъ подписчиковъ идейную семью. Въ этихъ видахъ и введенъ отдѣлъ „Взаимопомощи". Наши подписчики и читатели могли убѣдиться, что мы съ радостью отзываемся не только на общественныя, но даже на семейныя и личныя тревоги ихъ— когда онѣ искренни и выливаются отъ чистаго сердца. Но встрѣчается много запросовъ, изъ постановки которыхъ видно, что сами авторы мало интересуются возможнымъ отвѣтомъ: „другіе молъ спрашиваютъ отчего же и мнѣ не спросить? Пусть ихъ тамъ голову поломаютъ!—Этого не должно быть. Во многихъ нашихъ предпріятіяхъ мы совѣтуемся съ нашими подписчиками, стараясь объ одномъ,—какъ съ наименьшей затратой силъ и расходовъ создать возможно дешевый журналъ отвѣчающій на возможно болѣе разнообразные духовные, умственные и нравственные запросы нашихъ читателей. Нужно же помнить, что наши силы и средства ограничены.

Индусская магія*).

Безъ сомнѣнія, многіе слышали о чудесахъ индійскихъ факировъ; многіе привыкли считать ихъ людьми, обладающими сверхъестественными силами, такъ какъ они совершаютъ то, чего не можетъ повторить ни одинъ человѣкъ западной культуры. Разсказываютъ, что факиръ можетъ заставить дерево вырасти въ нѣсколько минутъ на безплодной почвѣ или на палубѣ судна, что онъ можетъ бросить веревку вверхъ, и она повиснетъ въ воздухѣ безъ видимой поддержки, его помощникъ взберется по ней высоко вверхъ и его ноги, руки, туловище и голова отдѣльно упадутъ на землю, соединятся въ одно цѣлое, и помощникъ снова оживетъ! Онъ можетъ по желанію заставить камень плавать или тонуть въ водѣ, заставить мальчика исчезнуть изъ корзины и продѣлать сотню другихъ опытовъ, непостижимыхъ для насъ. Разсмотримъ нѣкоторыя изъ чудесъ индійскихъ факировъ, чтобы рѣшить, въ какой степени они неподдѣльны и въ какой мѣрѣ являются результатомъ фокусничества. Мы разсмотримъ сначала знаменитый фокусъ съ манговымъ деревомъ. Онъ являлся чудомъ для всѣхъ путешествующихъ по востоку съ незапамятныхъ временъ, и правильное объясненіе его насколько мнѣ извѣстно, еще никогда не было опубликовано.

Факиръ начинаетъ съ того, что дѣлаетъ небольшой бугорокъ изъ земли, смоченной водою. Это можетъ быть сдѣлано гдѣ угодно, на сушѣ, на палубѣ судна и т. д. Факиръ обыкновенно оставляетъ свои руки оголенными, повидимому, для того, чтобы сдѣлать этотъ фокусъ (если это фокусъ) болѣе труднымъ. Когда бугорокъ готовъ, факиръ вставляетъ въ него сѣмя манговаго дерева и поливаетъ его, чтобы заставить его рости. Затѣмъ онъ покрываетъ его кускомъ матеріи и, запустивъ руки подъ матерію, въ теченіе нѣсколькихъ секундъ что-то дѣлаетъ съ сѣменемъ. Вынувъ руки изъ-подъ покрывала, онъ водитъ ими сверху надъ матеріей, дѣлаетъ паузу и затѣмъ снимаетъ покрывало; присутствующіе видятъ что сѣмя проросло. Два крошечныхъ ростка виднѣются на поверхности земли. Заклинатель снова водитъ руками, и, когда покрывало снимается во второй разъ, передъ зрителями находится уже небольшое манговое деревцо. Этотъ фокусъ, вѣроятно, заинтриговалъ людей больше, чѣмъ любое изъ другихъ чудесъ индійскихъ факировъ. Онъ выполняется слѣдующимъ образомъ.

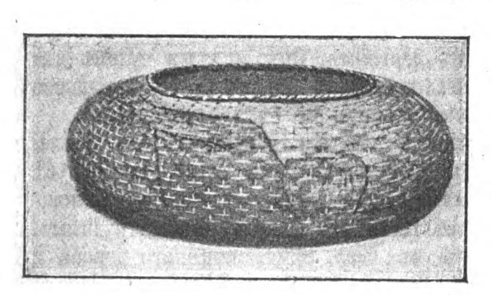
Сѣмя, которое факиръ вставляетъ въ землю, пустое внутри, и въ него помѣщена вѣтка манговаго дерева, предварительно приготовленная и сложенная. Листья этого растенія особенно пригодны для фокуса, такъ какъ ихъ можно свернуть въ небольшой комокъ. Сѣмя, содержащее манговый ростокъ, вставляется въ землю, и въ то время, какъ факиръ держитъ руки подъ покрываломъ, онъ вытягиваетъ часть свернутой вѣтви изъ сѣмени. Это повторяется нѣсколько разъ, пока вся вѣтвь не будетъ видна надъ землею, при чемъ получается деревцо вполнѣ почтительныхъ размѣровъ, выросшее изъ сѣмени. Если сѣмя предварительно подвергается осмотру, то заклинатель потомъ въ удобный моментъ подмѣняетъ его заранѣе приготовленнымъ для фокуса сѣменемъ передъ тѣмъ, какъ зарыть его въ землю.

Нѣкоторые путешественники разсказывали о гигантскихъ размѣрахъ выра-

*) Приводимыя здѣсь остроумныя объясненія, строго говоря, указываютъ только на способы подражанія „чудесамъ" факировъ и предполагаютъ со стороны послѣднихъ рядъ фокусовъ, обмановъ. Но съ такимъ рѣшеніемъ вопроса многіе, не безъ основанія, не считаютъ возможнымъ согласиться. *Редакція*,

щеннаго такимъ образомъ дерева и даже о созрѣвшихъ на немъ плодахъ. Вѣроятно, большая часть этихъ разсказовъ есть чистѣйшее преувеличеніе; однако, имѣется возможность вести фокусъ, или вѣрнѣе, расширить его такъ, что въ концѣ концовъ получится очень большое дерево. Это производится такъ: у заклинателя имѣется уже съ собою большое деревцо, скрытое подъ толстмъ кускомъ матеріи, являющимся точной копіей того куска, который примѣняется въ началѣ опыта. Покрывъ и открывъ нѣсколько разъ сѣмя и показавъ, что оно растетъ, факиръ, наконецъ, въ послѣдній разъ снимаетъ покрывало, и въ то время, какъ присутствующіе съ удивленіемъ глядятъ на чудесное растеніе, онъ пользуется случаемъ подмѣнить первое покрывало его копіей, содержащей большое дерево. Онъ быстро накрываетъ растеніе этимъ покрываломъ, и когда оно снимается въ послѣдній разъ, то передъ зрителями находится вполнѣ выросшее дерево, которое можетъ имѣть въ вышину нѣсколько футовъ. Оно до того находилось въ сжатомъ видѣ подъ покрываломъ. Зрителямъ не приходитъ въ голову посмотрѣть подъ покрывало въ послѣдній разъ, такъ какъ они передъ тѣмъ почти каждый разъ осматривали его и ничего подъ нимъ не находили. Поэтому они считаютъ, что подъ нимъ ничего не было и въ послѣдній разъ.

Перейдемъ теперь къ знаменитому фокусу съ корзиной, также ставившему втупикъ тысячи людей и въ то же время простому до смѣшного. Зрителямъ показываютъ большую овальную корзину съ отверстіемъ въ верхней части (см. рис.). Ее показываютъ пустой. Затѣмъ является маленькій мальчикъ въ курткѣ и съ тюрбаномъ на головѣ. Факиръ сажаетъ его въ корзину и покрываетъ ея отверстіе простыней. Корзина сравнительно такъ мала, что мальчикъ повидимому заполняетъ ее всю. Каково же удивленіе зрителей, когда факиръ вдругъ вскакиваетъ въ отверстіе корны и сильно отбиваетъ ногами по полу тактъ, показывая, тѣмъ что мальчикъ исчезъ, его въ корзинѣ нѣтъ! Для большей увѣренности онъ хватаетъ мечъ и пронизываетъ имъ корзину по всѣмъ направленіямъ. Изъ корзины не слышно ни звука. Присутствующіе хранятъ тягостное молчаніе. Очевидно, мальчикъ исчезъ. Заклинатель озирается вокругъ, кричитъ, и вотъ мальчикъ въ той же курткѣ и тюрбанѣ оказывается на сосѣднемъ деревѣ. Онъ спускается оттуда и удаляется. Факиръ бьетъ въ томъ-томъ (барабанъ), и послѣ нѣсколькихъ заклинаній корзина начинаетъ двигаться, простыня приподнимается, слетаетъ съ корзины и мальчикъ снова стоитъ передъ нами живъ и здравъ, какъ прежде. Этотъ фокусъ, какъ и предыдущій можетъ быть продѣланъ въ любой мѣстности, и на палубѣ парохода и т. д., чѣмъ доказывается, что потайные ходы здѣсь ни при чемъ. Какъ же онъ производится?

Корзина для фокуса съ мальчикомъ.

Во-первыхъ, о корзинѣ. Если хорошенько вдуматься въ назначеніе корзины, то легко видѣть, что благодаря ея оригинальной формѣ ею можно воспользоваться слѣдующимъ образомъ: маленькій мальчикъ, очутившись въ ней, сворачивается ужомъ вдоль внутреняго края корзины. Иначе говоря, онъ сворачивается кольцомъ какъ змѣя. Теперь очевидно, что заклинатель можетъ прыгнуть въ ея середину и стучать ногами сколько угодно, такъ какъ открытое мѣсто, по которому онъ ступаетъ, не занято туловищемъ мальчика. Онъ ступаетъ внутри кольца, образованнаго человѣческимъ тѣломъ. Когда онъ пронизываетъ мечемъ корзину, то мечъ проходитъ только тамъ, гдѣ не находится тѣло мальчика.

До сихъ поръ шутка ясна, но дальше, какимъ образомъ мальчикъ исчезаетъ и снова появляется на деревѣ? Въ фокусѣ на самомъ дѣлѣ участвуютъ два мальчика, совершенно одинаково одѣтыхъ. Первый и не думаетъ покидать корзину. Онъ просто остается неподвижнымъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ

сигнала проявить признаки жизни. Второй же въ удобный моментъ взбирается на сосѣднее дерево и кричитъ, когда видитъ, что настало время обнаружить свое присутствіе. Вотъ и весь знаменитый фокусъ съ корзиной.

Часто случается видѣть очень остроумный фокусъ, извѣстный подъ названіемъ „фокусъ съ сухимъ пескомъ". Факиръ приноситъ ведро, которое онъ наполняетъ водою. Затѣмъ показываетъ нѣкоторое количество обыкновеннаго песку, совершенно сухого. Чтобы доказать, что песокъ сухъ, фокусникъ беретъ горсть его и сильно дуетъ на него, отчего песчинки разлетаются по всѣмъ направленіямъ. Затѣмъ онъ беретъ еще одну горсть песка и бросаетъ его въ воду. Зрители могутъ видѣть песокъ лежащимъ на днѣ ведра подъ водою. Показавъ присутствующимъ, что у него ничего нѣтъ въ рукахъ, факиръ опускаетъ одну руку въ ведро, вынимаетъ горсть песка и дуетъ на него,—песокъ снова разлетается по всѣмъ направленіямъ и, слѣдовательно, остался совершенно сухимъ, какъ и до погруженія въ воду.

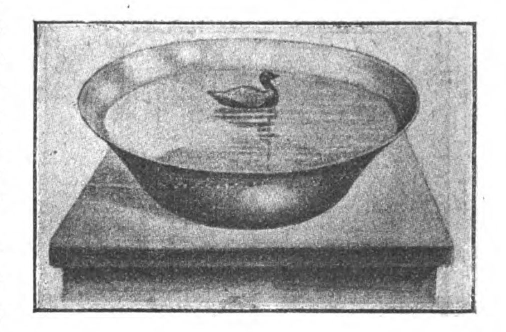
Это замѣчательно остроумный фокусъ, и онъ никогда бы не былъ раскрытъ, если бы его секретъ не былъ разсказанъ факиромъ. Онъ производится слѣдующимъ однимъ образомъ: отбираютъ чистый мелкій песокъ, тщательно промываютъ его нѣсколько разъ въ горячей водѣ и высушиваютъ на солнцѣ.

Часть этого песка кладутъ на сковороду вмѣстѣ съ кускомъ свѣжаго свиного сала и поджариваютъ на огнѣ до тѣхъ поръ, пока не сгоритъ весь жиръ. Въ результатѣ каждая песчинка оказывается покрытой тонкимъ слоемъ жира, благодаря которому песчинки не смачиваются водою, когда ихъ спускаютъ въ ведро, и потому остаются совершенно сухими.

Другой фокусъ, исполняемый индійскими факирами, извѣстенъ подъ названіемъ „фокусъ съ цвѣтными порошками". Факиръ проглатываетъ нѣсколько цвѣтныхъ порошковъ (окрашенный песокъ или сахаръ разнаго цвѣта): синій, красный, желтый и т. д. Тѣмъ не менѣе, онъ можетъ по желанію зрителей немедленно выдуть изо рта любой изъ порошковъ, названный зрителями. Это продолжается до тѣхъ поръ пока не будутъ по очереди выброшены всѣ проглоченные цвѣта.

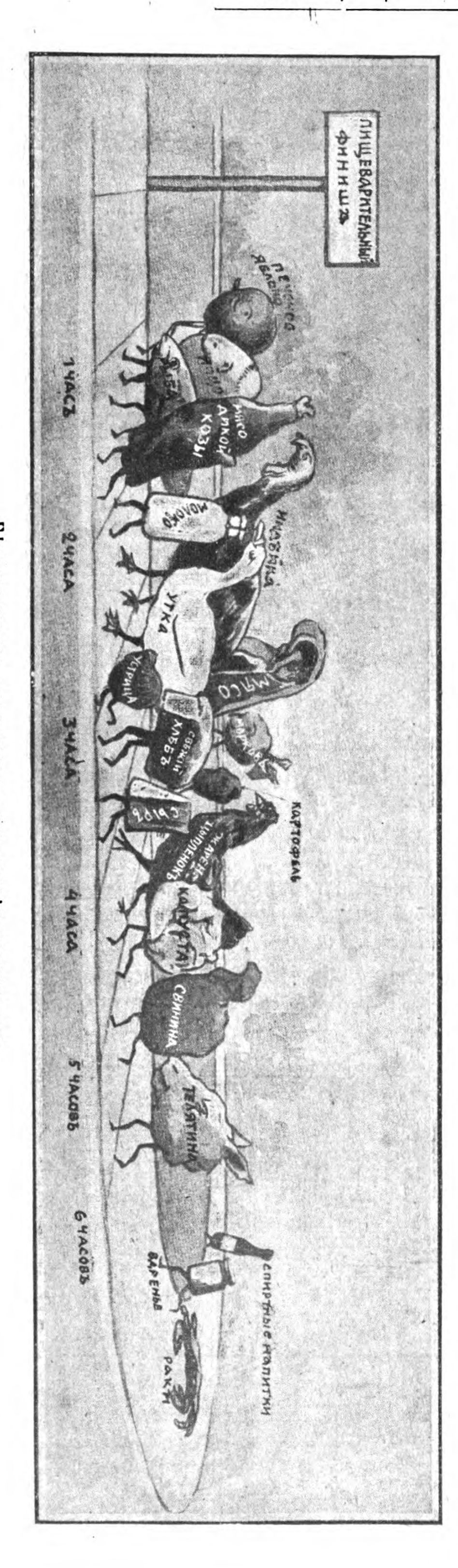
Факиръ дѣйствительно въ началѣ опыта глотаетъ цвѣтные порошки (себѣ во вредъ, скажемъ, между прочимъ). Но у него во рту спрятаны нѣсколько капсюль, каждая изъ которыхъ содержитъ порошокъ одного изъ проглоченныхъ цвѣтовъ. Онѣ находятся у него во рту между зубами и щекой и расположены въ опредѣленномъ хорошо извѣстномъ ему порядкѣ. Когда названъ какой-нибудь цвѣтъ, онъ просто проталкиваетъ впередъ капсюлю, содержащую порошокъ этого цвѣта, раскусываетъ ее зубами и немедленно выдуваетъ порошокъ. Это повторяется до тѣхъ поръ, пока не будутъ разломаны всѣ капсюли.

Иногда показываютъ маленькій фокусъ съ „ныряющей уткой". Зрителямъ показываютъ пустую миску, которую затѣмъ наполняютъ водой. На поверхность воды кладутъ маленькую игрушечную утку. По приказанію факира она ныряетъ, затѣмъ снова поднимается на поверхность и повторяетъ это нѣсколько разъ. По окончаніи фокуса утку передаютъ въ руки зрителей, которые могутъ разсматривать ее. Однако, сколько бы они ее ни разсматривали, секрета они не откроютъ. Онъ заключается въ слѣдующемъ: тонкая шелковая нить проходитъ черезъ незамѣтную дырочку на днѣ миски; когда факиръ кладетъ утку на воду, онъ незамѣтно накидываетъ на нее эту нитку. Ему нужно только дернуть за нитку, чтобы утка нырнула. Въ концѣ фокуса онъ разрываетъ нить, и утку можно разсматривать сколько угодно.

Фокусъ съ ныряющей уткой.

Біологія, физіологія, медицина и гигіена.

Бѣга пищевыхъ продуктовъ: кто скорѣе переваритъ.

Пища и ея удобоваримость.

Вопросъ о пищѣ и ея удобоваримости въ желудкѣ является, кажется, однимъ изъ важнѣйшихъ для всего человѣчества, и однако, какъ это ни странно, для средняго человѣка этотъ вопросъ остается малоизвѣстнымъ.

Для того, чтобы лучше себѣ представить это, мы даемъ здѣсь таблицу относительной удобоваримости разныхъ сортовъ пищи. Изъ этой таблицы мы увидимъ, что печеныя яблоки и сырыя (особенно взбитыя) яйца занимаютъ самое почетное мѣсто; къ яйцамъ близко подходитъ только нежирная вареная рыба. Затѣмъ идетъ мясо всякаго рода оленей, такъ какъ оно тоже переваривается въ теченіе одного часа. Затѣмъ идутъ молоко, индѣйки, утки и устрицы. Къ этому же разряду можно отнести свѣжій хлѣбъ и сыръ, потому что время, потребное для ихъ перевариванія, не превышаетъ трехъ часовъ. Далѣе идутъ, рѣпа, картофель, жареные цыплята и капуста. Далѣе, мы уже подходимъ къ разряду неудобоваримыхъ продуктовъ, которые завершаются свининой и телятиной, требующими, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, пяти часовъ для своего перевариванія. Въ разрядѣ шести часовъ и „больше“ мы встрѣчаемъ варенье, крабовъ и спиртные напитки всѣхъ наименованій. Многіе изъ другихъ родовъ пищи столь же неудобоваримы, какъ крабы и варенье,— особенно угорь, который требуетъ шести часовъ, такъ же точно, какъ и всѣ жесткіе фрукты. Изъ приложенной нами таблицы можно видѣть, что варка пищи на огнѣ помогаетъ пищеваренію или тѣмъ, что смягчаетъ ее, или тѣмъ, что вызываетъ въ ней химическія измѣненія, на которыя, въ противномъ случаѣ, потребовалась бы функціональная работа организма. Жиръ задерживаетъ пищевареніе, такъ какъ для превращенія въ усвояемую эмульсію онъ требуетъ долгаго процесса. По неудобоваримости его можно отнести въ одинъ разрядъ со свининой.

При нормальныхъ условіяхъ процессъ пищеваренія не долженъ продолжаться больше четырехъ съ половиной часовъ. Для людей же больныхъ и со слабымъ желудкомъ продолжительность пищеварительнаго процесса должна быть, конечно, еще меньше. Какъ результатъ многихъ повторныхъ опытовъ, мы даемъ здѣсь слѣдующую, весьма любопытную таблицу удобоваримости разныхъ сортовъ пищи:

Пища.	Способъ приготовленія.	Время. Часы	минуты
Яблоки, сладкія	Сырыя	1	30
„ зеленыя	въ компотѣ	1	35
Спаржа	вареная	1	30
Ячменный супъ		1	30
Ячмень	вареный (каша)	2	00
Бобы	вареные	2	30
„	растертые (пюрэ)	1	30
Мясо, тощее	жареное	3	00
„ нѣжное	пареное	2	45
Бифштексъ	слегка поджаренный	3	00
Мясо свѣже-просольное	вареное	2	45
„ давно-соленое	вареное	6	00
Свекла	вареная	3	45
Мозги	вареные	1	35
Хлѣбъ, свѣжій	печеный	3	30
Масло	топленое	3	30
Хлѣбъ съ масломъ (для кофе)		3	45
Капуста	маринованная, разсольная	4	30
Сельдерей	вареный	1	30
Цыплята	вареные	2	00
„	фрикассе	2	45
„	жареные	4	00
Сыръ, старый		3	30
Подслащенная смѣсь молока съ яйцами	вареная	2	45
Утка	жареная	2	00
Угорь (рыба)	жареный	6	00
Яица, свѣжія	сырыя	2	00
„	въ смятку	3	00
„	въ крутую	4	00
„	взбитыя (сырыя)	1	30
„	взболтанная яичница	3	00
Рыба, не жирныхъ сортовъ	вареная	1	30
„ „ „ „	жареная	3	00
Курица	вареная	4	00
„	жареная	4	00
Дичь (большинство птицъ)	жареная	4	15
Гусь	жареный	2	30
Рубленое мясо	подогрѣтое	2	30
Печенка (телячья)	слегка или сильно поджарен.	2	30
„ (бычачья)	„ „ „ „	3	00
Ягнятина	жареная на вертелѣ	2	30
Чечевица	вареная	2	30
Молоко	сырое	2	15
„	вареное	2	00
Баранина	варен. или жареная на вертелѣ	3	00

Баранина постная	жареная	3	15
Орѣхи		5	00
Устрицы	сырая	2	55
„	вареныя или пареныя	3	30
Лукъ	пареный	3	30
Горохъ	вареный	2	30
Поросенокъ, сосунокъ	жареный	2	30
Свинина, жирная	жареная	5	15
„ соленая	вареная	3	15
Картофель	печеный или жареный	2	30
Рисъ	вареный	1	00
Саладъ	сырой	3	15
Сосиски	поджаренныя	3	30
„	копченыя	5	00
Сало	вареное	5	30
Саго	вареное	1	35
Камбала (рыба)	жареная	3	00
Шпинатъ	пареный	1	30
Семга, свѣжая	вареная	1	30
„ копченая	вареная	4	00
Плоды съ косточкой	сырые	6	00
Тапіока	вареная	2	00
Потроха	вареные	1	00
Форель	вареная	1	30
Индюшка	жареная	2	30
„	вареная	2	15
Рѣпа	вареная	3	30
Телятина	жареная	5	00
Мясо дикихъ оленей и т. п.	жареное на вертелѣ	1	00

Къ вопросу о происхожденіи бактерій. Вопросъ объ условіяхъ распространенія холеры до сихъ поръ, какъ извѣстно, не рѣшенъ.

Петтенкоферъ небезосновательно указывалъ на почву и грунтовыя воды, какъ на источникъ, въ которомъ кроется проблема холерной эпидеміи. Только при извѣстныхъ почвенныхъ условіяхъ, въ зависимости отъ пористости почвы, ея геологическаго состава и высоты мѣста по его мнѣнію, заносъ холернаго яда можетъ вызвать холерную эпидемію; безъ этихъ же условій заболѣванія холерой могутъ ограничиться единичными случаями.

Будучи твердо убѣжденъ въ этомъ, Петтенкоферъ въ присутствіи ученыхъ принялъ внутрь холерную разводку въ количествѣ, которое согласно существующимъ представленіямъ относительно заразности холерныхъ вибріоновъ, могло бы заразить не только одного человѣка, но цѣлый городъ, даже десятки городовъ, и не заболѣлъ. Вскорѣ послѣ этого опыта, холерные вибріоны были приняты внутрь Эммерихомъ, также безъ вреда для организма. Принималъ ихъ безъ послѣдствій и нашъ знаменитый ученый профессоръ Мечниковъ...

Всѣ эти факты, а также опыты на животныхъ, создали убѣжденіе въ томъ, что существуетъ извѣстный иммунитетъ, т. е. невоспріимчивость, при которой организмъ не подвергается заболѣванію. Въ чемъ заключается этотъ иммунитетъ, или невоспріимчивость организма къ заболѣваніямъ холерой, окончательно не выяснено; извѣстно только, что при правильномъ функціонированіи фагоцитовъ (клѣтки селезенки, бѣлыя кровяныя тѣльца и пр.) организмъ противодѣйствуетъ холернымъ вибріонамъ и вообще бактеріямъ инфекціонныхъ болѣзней.

Но вопросъ о томъ, откуда берутся холерные вибріоны, до сихъ поръ всетаки остается нерѣшеннымъ. Одно лишь можно сказать, что послѣдніе, несомнѣнно, имѣютъ какую-то связь съ водою. Недавно опубликованныя работы профессора Денбара, если только результаты ихъ будутъ подтверждены изслѣдованіями другихъ ученыхъ, повидимому, помогутъ рѣшенію этого вопроса. Проф. Денбаръ состоитъ докторомъ гигіеническаго института въ Гамбургѣ и ведетъ свои изслѣдованія со временъ холеры 1892 г., когда онъ изучалъ воды бассейновъ Эльбы, Одера и Вислы. Въ 1896 году ему удалось получить чистую культуру одноклѣтчатой водоросли изъ семейства «Palmellaceae». Водоросли, какъ извѣстно, отличаются отъ бактерій, плѣсневыхъ и дрождевыхъ грибковъ тѣмъ, что онѣ, какъ и остальные высшаго порядка растенія имѣютъ хлорофиллъ.

На основаніи полученныхъ имъ культуръ клѣтокъ, Денбаръ пришелъ къ догадкѣ, перешедшей затѣмъ въ увѣренность, что бактеріи имѣютъ отношеніе къ жизненному циклу хлорофильныхъ водорослей.

Онъ находилъ внутри клѣтокъ водоросли образованія, подобныя холерному вибріону, а также особаго рода палочки, соединенныя въ группы, на подобіе лучей звѣзды. Далѣе, онъ доказалъ, что возникновеніе этихъ образованій имѣло мѣсто внутри клѣтокъ водоросли. Въ зависимости отъ опредѣленныхъ условій, изъ клѣтокъ водоросли чистой культуры возникаютъ то бактеріи, то плѣсневые, то дрождевые грибки.

Послѣ прибавленія извѣстныхъ химическихъ примѣсей въ зеленыхъ клѣткахъ водоросли, состоявшихъ изъ чистыхъ культуръ, спустя нѣкоторое время, отъ 5 и болѣе дней, независимо отъ измѣненія формы самихъ клѣтокъ, наступаютъ опредѣленныя измѣненія, какъ напр., исчезновеніе хлорофилла, появленіе одного или нѣсколькихъ сильно преломляющихъ свѣтъ шариковъ, размноженіе этихъ свѣтлыхъ сферическихъ тѣлецъ, разрывъ клѣтчатой оболочки, выступленіе ея содержимаго наружу и, наконецъ, превращеніе вышедшихъ извнутри клѣтки образованій въ разнообразныя формы бактерій, кокковъ, спириллъ, въ дрождевые и плѣсневые грибки.

Профессоръ Денбаръ пришелъ къ убѣжденію, что поразительно частое появленіе бактерій въ чистыхъ, свободныхъ отъ нихъ, культурахъ водорослей, не можетъ быть удовлетворительно объяснено ни посредствомъ гипотезы посторонняго загрязненія питательной среды химическихъ реагентовъ, ни инфекціей изъ воздуха. Слѣдовательно, бактеріи образовывались при извѣстныхъ условіяхъ непосредственно изъ клѣтокъ водорослей.

Если, такимъ образомъ, будетъ твердо установлена связь между водорослями и микроорганизмами, то вмѣстѣ съ этимъ не остается уже сомнѣнія въ томъ, что на развитіе микроорганизмовъ оказываетъ вліяніе солнечная радіація. Такъ какъ солнечная радіація непостоянна, то непостояненъ и электрическій потенціалъ почвы и воды, непостоянна также ихъ радіоактивность. Эти условія служатъ причиной того, что микроорганизмы развиваются то въ бо̀льшемъ, то въ меньшемъ количествѣ. Этимъ же объясняется появленіе и отсутствіе холерныхъ эпидемій. Зимой, когда солнечные лучи достигаютъ земли въ незначительномъ количествѣ, развитіе микроорганизмовъ прекращается, прекращается и холерная эпидемія для того, чтобы весною, съ первыми лучами солнца, появиться вновь.

Механическое опредѣленіе пола. Сельско-хозяйственная практика обогатилась недавно новымъ изобрѣтеніемъ, имѣющимъ не только частное прикладное, но и общее значеніе.

Англійскій инженеръ мистеръ Уильямсъ, уже много лѣтъ занимаясь птицеводствомъ, во время работъ въ своей мастерской замѣтилъ однажды странное явленіе. Висящіе на стѣнѣ на проволокѣ мелкіе стальные предметы начали дрожать безъ всякой видимой причины. Уильямсъ пожелалъ изслѣдовать это явленіе и нашелъ, что какъ разъ подъ пришедшими въ столь странное движеніе стальными предметами кто-то поставилъ корзину съ яйцами. Уильямсъ отставилъ корзину, чтобы посмотрѣть, не лежитъ-ли подъ нею магнитъ. Но какъ только онъ убралъ корзину, дрожаніе стальныхъ предметовъ тотчасъ прекратилось. И затѣмъ сейчасъ же возобновилось, когда корзина съ яйцами была поставлена на прежнее мѣсто. Очевидно, существовала какая-то таинственная связь между дрожаніемъ стали и куриными яйцами.

Послѣ многочисленныхъ опытовъ Уильямсъ нашелъ, что нежизнеспособныя яйца не приводили сталь въ движеніе, тогда какъ изъ яицъ, годныхъ для выводки цыплятъ, одни яйца заставляли сталь ходить маятникомъ взадъ и впередъ, а другія приводили ее во вращательное движеніе. М-ръ Уильямсъ взялъ яйцо первой категоріи и вывелъ изъ него цыпленка—получилась курочка. Вывелъ цыпленка изъ яйца второй категоріи—вышелъ пѣтушокъ. Такимъ образомъ, м-ръ Уильямсъ совершенно случайно нашелъ ключъ къ разгадкѣ и убѣдился въ присутствіи скрытой въ яйцѣ половой силы, приводящей кусокъ стали во вращательное движеніе, когда яйцо мужескаго пола, и заставляющей яйцо ходить взадъ и впередъ, когда яйцо женскаго пола.

Извѣстный въ Россіи мистеръ Стэдъ сообщилъ русскимъ обществамъ птицеводства о своемъ разговорѣ съ инженеромъ Уильямсомъ. На вопросъ, увѣренъ-ли Уильямсъ въ томъ, что не ошибается въ своихъ наблюденіяхъ,—Уильямсъ отвѣтилъ, что провѣрялъ ихъ тысячу разъ. Въ прошломъ 1908 году онъ вывелъ въ своихъ трехъ инкубаторахъ сотни яицъ и всегда безошибочно опредѣлялъ ихъ полъ, такъ что, смотря по желанію, получалъ больше пѣтуховъ или куръ.

Созданный м-ромъ Уильямсомъ аппаратъ состоитъ изъ тонкой стальной проволоки, на которой виситъ стальная гирька. Половое дѣйствіе, по словамъ изобрѣтателя, немину-

емо отзывается на аппаратѣ указаннымъ образомъ, все равно, отъ кого-бы оно ни происходило,—отъ человѣка, отъ птицы, отъ рыбы.

На прилагаемомъ рисункѣ изображены опыты, которые производились самимъ м-ромъ Стэдомъ надъ человѣкомъ. Эти опыты удались, какъ нельзя лучше. Подержавъ аппаратъ Уильямса надъ головой одного присутствовавшаго господина, Стэдъ увидѣлъ, какъ гирька сперва задрожала, а затѣмъ все быстрѣй и быстрѣй стала ходить кругомъ. Когда-же Стэдъ перенесъ аппаратъ на голову дамы, то круговращательное движеніе понемногу прекратилось, а затѣмъ гирька, какъ маятникъ, заходила взадъ и впередъ. Чудодѣйственный аппаратъ этотъ названъ мистеромъ Уильямсомъ «сексафономъ».

Причина трахомы. Директоръ глазной клиники при берлинской Charité, профессоръ Рихардъ Грефъ (Greef), сдѣлалъ важное открытіе, о которомъ онъ сообщаетъ слѣдующее: «Уже въ теченіе двухъ лѣтъ работаю я вмѣстѣ со своими ассистентами надъ отысканіемъ возбудителя трахомы. Теперь, какъ мнѣ кажется, намъ удалось это сдѣлать, и при томъ, именно, при помощи метода окрашиванія, который оказалъ уже столько важныхъ услугъ при изслѣдованіи возбудителей другихъ болѣзней. Открытому мною возбудителю я покуда еще не далъ никакого наименованія и называю его просто «тѣльцемъ трахомы». Доказательство, что мнѣ удалось открыть именно возбудителя трахомы, я получилъ путемъ прививокъ найденныхъ мною тѣлецъ человѣкоподобнымъ обезьянамъ. Правительство выдало въ мое распоряженіе большія суммы денегъ на производство дальнѣйшихъ опытовъ. Уже теперь практическимъ результатомъ моихъ работъ можно считать то обстоятельство, что трахома является заразительной лишь въ первой стадіи лѣченія больного, такъ какъ по окончаніи этой стадіи тѣльце трахомы уже не находится на поверхности глаза».

Астрономія и метеорологія.

Луны Юпитера и Сатурна. Интересные выводы получены физиками изъ наблюденій надъ восемью лунами Юпитера, этой планеты, столь богатой спутниками.

Первый спутникъ Юпитера имѣетъ чрезвычайно ясно выраженную эллипсоидальную форму (отношеніе осей равно 1:5), направленіе которой образуетъ съ „полосами“ Юпитера уголъ въ 28⁰. Второй спутникъ—сферической формы. Но особенно любопытенъ третій спутникъ, носящій названіе Ганимедъ. По объему онъ въ пять разъ превосходитъ объемъ нашей луны и производитъ впечатлѣніе „живой“ планеты. На его поверхности можно различать полярные снѣга, протяженность и блескъ которыхъ зависятъ отъ времени, равно какъ темныя пятна, появленіе коихъ связано, повидимому, съ вращеніемъ планеты.

Далѣе особенный интересъ представляетъ восьмой спутникъ, открытый гринвичской обсерваторіей въ началѣ 1908 года. Сначала колебались, отнести ли его къ „лунамъ“ Юпитера, или признать въ немъ небольшую планету, „сбившуюся“ съ пути и случайно оказавшуюся вблизи колосса—Юпитера. Послѣднее мнѣніе даже одерживало верхъ. Но теперь эту планету рѣшительно относятъ къ „лунамъ“ Юпитера. Размѣры ея чрезвычайно незначительны: діаметръ ея равенъ 56 километрамъ. Она относится къ звѣздамъ 17-й величины и можетъ быть усмотрѣна только инструментами наибольшей оптической силы. На Юпитерѣ „обыкновенный“ глазъ такого же устройства, какъ и нашъ, не могъ бы ее различить вслѣдствіе слабости ея свѣта.

Эта миніатюрная звѣзда описываетъ вокругъ Юпитера эксцентрическую орбиту и обѣгаетъ ее въ 2 года и 2 мѣсяца.

Наиболѣе крупный изъ спутниковъ Сатурна, извѣстный подъ именемъ Титана, въ отличіе отъ нашей луны, повидимому, окруженъ очень плотной атмосферой, благодаря чему края его кажутся темными, а центръ—сильно освѣщеннымъ.

Любопытно, между прочимъ, то, что, относительно полно изучивъ особенности лунъ Сатурна и Юпитера, наука пока безсильна пролить свѣтъ на характеръ поверхности самихъ этихъ планетъ.

Сношенія съ Марсомъ. Французскія газеты сообщаютъ о намѣреніи Пикеринга, профессора Гарвардскаго университета въ Соединенныхъ Штатахъ, сдѣлать первую фактическую попытку сообщенія съ жителями Марса при помощи свѣтовыхъ сигналовъ. Араго 60 лѣтъ тому назадъ предполагалъ на какой нибудь обширной равнинѣ расположить металлическія геометрическія фигуры, отъ которыхъ отражались бы солнечные лучи. Шарль Кро, изобрѣтатель цвѣтной фотографіи, предполагалъ соорудить искусственную звѣзду, которая бы имѣла блескъ звѣзды 8-й величины для обитателей Венеры или Марса и, періодически освѣщаемая, могла бы послужить для подачи сигналовъ нашимъ ближайшимъ сосѣдямъ въ міровомъ пространствѣ. Изъ подобной же идеи исходитъ и Пикерингъ. Въ сентябрѣ, когда Марсъ будетъ находиться ближе всего къ землѣ, Пикерингъ думаетъ воспользоваться отраженіемъ солнечнаго свѣта отъ громадныхъ параболическихъ зеркалъ, расположенныхъ въ извѣстномъ порядкѣ. Тогда же онъ поднимется, насколько возможно высоко, на воздушномъ шарѣ, снабженномъ самыми чувствительными инструментами, способными отмѣтить тѣ свѣтовыя вибраціи, которыя обитателями Марса могутъ быть направлены на землю.

Температура въ верхнихъ слояхъ атмосферы. Все болѣе и болѣе распространяется примѣненіе въ метеорологіи саморегистрирующихъ инструментовъ, и все богаче становятся добываемые при ихъ помощи резуль-

таты. При изслѣдованіи нашей атмосферы цѣнныя услуги оказываютъ небольшіе баллоны, наполненные водородомъ и снабженные аппаратами, отмѣчающими давленіе, температуру и влажность воздуха. Между прочимъ, одинъ баллонъ, выпущенный близъ Брюсселя въ концѣ истекшаго года, вмѣсто обычныхъ 10—15 километровъ, поднялся на небывалую высоту въ 29 километровъ. Вотъ результаты записанные его инструментами:

Температура, по мѣрѣ подъема баллона, измѣнялась сначала неправильно. На высотѣ 190—340 метр. температура поднялась съ 4,2° до 5,9°, на высотѣ 1520—2000 метр. она поднялась съ —3,4° до 1,2°. Такая неправильность объясняется особенностями воздушныхъ теченій въ нижнихъ слояхъ атмосферы. Но выше 3 километровъ пониженіе температуры происходитъ довольно правильно, а именно: при 3 клм. температура падаетъ до—3,2°, при 5 клм. до—14,4°, при 8 клм. до—36,2°, при 10 клм.—до—52°. Самая низкая температура оказалась на высотѣ почти 13 клм., она была равна —67,6°. Выше 13 клм. температура начинаетъ медленно подыматься, и на максимальной высотѣ въ 29 клм. она составляетъ —63,4°. Предположеніе о томъ, что въ очень высокихъ слояхъ атмосферы температура наростаетъ въ положительную сторону, уже давно существовало. Причину этого наростанія надо видѣть въ дѣйствіи теплоты, излучаемой землей. Но эта причина—гипотетическая, и съ несомнѣнностью баллоны подтвердили только самый фактъ наростанія температуры.

Химія и техника.

Проблема броженія и причина алкогольнаго броженія. Общимъ именемъ „броженіе" химія называетъ тѣ явленія превращенія, которыя обнаруживаются у многихъ тѣлъ изъ группы углеводовъ *), когда ихъ растворы подвергаются вліянію извѣстныхъ видовъ бактерій. Особенно легко переходятъ въ состояніе броженія сахарные растворы самыхъ различныхъ видовъ (сахаръ, наряду съ крахмаломъ и целлюлозой принадлежитъ къ наиболѣе важнымъ углеводамъ). Рѣшающую роль при процессѣ броженія играютъ два фактора: видъ бактерій и температура. Для каждаго вида бактерій существуетъ опредѣленная высота температуры, которая наиболѣе содѣйствуетъ ихъ развитію. Если температура измѣняется, то данный видъ бактерій теряетъ способность дѣйствовать, и его мѣсто заступаетъ новый видъ, который можетъ существовать при измѣнившихся условіяхъ. Слѣдовательно, изъ одного и того же раствора сахара мы можемъ, въ зависимости отъ данныхъ условій опыта, получать при броженіи самыя различныя химическія вещества, какъ, напримѣръ, алкоголь, уксусную кислоту, молочную или масляную кислоту; соотвѣтственно этому мы говоримъ объ алкогольномъ броженіи, объ уксусномъ броженіи, о молочно-кисломъ и масляно-кисломъ броженіи.

Алкогольное, или винное броженіе (которое является наиболѣе важнымъ въ техническомъ отношеніи и заслуживаетъ также наибольшаго интереса съ научной точки зрѣнія) наступаетъ тогда, когда къ содержащей сахаръ жидкости прибавляютъ дрожжи (Saccharomyces cerevisiae), принадлежащія къ классу Schizomycetes. Этотъ процессъ можно выразить слѣдующей формулой:

$$C_6H_{12}O_6 \rightarrow 2C_2H_5OH + 2CO_2$$

виноградный сахаръ алкоголь углекислота, т. е. 100 частей сахара распадаются на 51 часть алкоголя и 49 частей углекислоты. Но мы должны замѣтить, что даже при самомъ тщательномъ опытѣ нельзя получить больше 48 частей алкоголя, такъ какъ дрожжи въ теченіе времени своей жизненной дѣятельности всегда потребляютъ нѣкоторое количество алкоголя. Вышеприведенное равенство указываетъ только первоначальный и окончательный продуктъ алкогольнаго броженія, но оно не поясняетъ намъ причины превращенія сахара въ алкоголь. Вызывается ли оно дѣйствіемъ самихъ дрожжей, или же у насъ есть данныя для иного предположенія—вотъ старый спорный вопросъ, который нашелъ свое экспериментальное рѣшеніе лишь въ новѣйшее время и, отчасти, въ самые послѣдніе годы.

Для объясненія процесса броженія были выставлены двѣ діаметрально противоположныя одна другой теоріи; онѣ связаны съ именами двухъ великихъ химиковъ: Пастера и Либиха. Пастеръ считалъ броженіе чисто біологическимъ процессомъ и, на основаніи многочисленныхъ опытовъ, пришелъ къ тому заключенію, что безъ живыхъ дрожжей не могло бы имѣть мѣсто никакое броженіе. То явленіе, что содержащія сахаръ жидкости послѣ болѣе продолжительнаго стоянія на воздухѣ сами начинаютъ бродить, онъ объяснялъ такъ: воздухъ всегда кишитъ всевозможными зародышами, въ томъ числѣ и зародышами дрожжей, которыя осаждаются тамъ, гдѣ внѣшнія условія благопріятствуютъ развитію и процвѣтанію ихъ. Точно также многочисленныя дрожжевыя клѣтки осаждаются на поверхности винограда и другихъ плодовъ, такъ что при приготовленіи вина къ выжатому виноградному соку не надо прибавлять дрожжей. Но если дрожжи все-таки кладутъ въ сокъ, который долженъ быть подвергнутъ броженію, то это дѣлается только для того, чтобы помѣшать такъ наз. „дикому броженію" („wilde Gärung"); это „дикое броженіе", обусловленное другими бактеріями, ведетъ къ образованію вышеназванныхъ продуктовъ—уксусной кислоты и т. д.

Какъ мы видимъ, исходнымъ пунктомъ разсужденій Пастера былъ тотъ взглядъ, что дрожжи принимаютъ въ себя сахаръ, какъ пищу, и выдѣляютъ алкоголь и углекислоту

*) Химическія соединенія, молекулы которыхъ содержатъ 6 атомовъ углерода, а водорода и кислорода въ такомъ же количествѣ, какъ вода (11,11 или 88,99 вѣс. ч.).

какъ продукты обмѣна веществъ; Либихъ же считалъ броженіе лишь химической реакціей (измѣненіемъ), ничѣмъ не отличающейся отъ другихъ химическихъ реакцій, но онъ не могъ доказать своего взгляда экспериментальнымъ путемъ. Это удалось сдѣлать братьямъ Г. и Э. Бухнеръ (H. и E. Buchner), подробныя изслѣдованія которыхъ подтвердили въ 1900 году правильность теоріи Либиха. Они старались отдѣлить отъ дрожжей тотъ факторъ, который вызываетъ броженіе; они достигли этого прессованіемъ дрожжей и затѣмъ растираніемъ ихъ съ пескомъ. Они получили безцвѣтную жидкость („дрожжевой сокъ“), которая, какъ показало микроскопическое изслѣдованіе, не содержала въ себѣ больше ни одной цѣльной клѣтки, но тѣмъ не менѣе вызывала броженіе въ сахарѣ точно такимъ же образомъ, какъ свѣжія дрожжи. Даже болѣе: при сгущеніи „дрожжевого сока“ въ вакуумъ-аппаратѣ (аппаратъ для варки съ очень разрѣженнымъ воздухомъ) оставался бѣлый порошокъ, который былъ названъ цимазой и оказывалъ на сахаръ такое-же дѣйствіе, какъ дрожжи.

Цимаза, возбудительница алкогольнаго броженія, представляетъ собою вещество, которое надо отнести къ энзимамъ, или ферментамъ. Энзимы играютъ чрезвычайно важную роль въ тѣлѣ животныхъ и растеній. Природа пользуется ими для того, чтобы производить самые различные процессы созиданія и разрушенія. Но какъ ни разносторонне ихъ дѣйствіе, ихъ химическій составъ намъ еще очень мало извѣстенъ. Во всякомъ случаѣ, они близко подходятъ къ бѣлковымъ тѣламъ, и чѣмъ больше мы будемъ знать о бѣлковыхъ веществахъ, тѣмъ понятнѣе намъ будутъ становиться энзимы. Одно изъ ихъ самыхъ поразительныхъ свойствъ состоитъ въ томъ, что каждый энзимъ можетъ вызывать лишь одну реакцію. Берлинскій химикъ Э. Фишеръ (E. Fischer), пріобрѣвшій извѣстность своими изслѣдованіями бѣлка, сравнилъ это отношеніе между энзимомъ и зависимымъ отъ него процессомъ съ отношеніемъ, существующимъ между ключемъ и замкомъ. Подобно тому, какъ всякій ключъ отворяетъ только подходящій къ нему замокъ, такъ и энзимъ можетъ оказывать опредѣляющее дѣйствіе только на одинъ какой-нибудь процессъ. Поэтому, и цимаза дѣйствуетъ на сахаръ такъ, что образуется алкоголь и углекислота. Тѣмъ самымъ броженіе только косвеннымъ путемъ связано съ жизненной дѣятельностью дрожжей, поскольку благодаря дрожжамъ постоянно производятся все новыя и новыя количества Zymase, которыя, въ свою очередь, вызываютъ превращеніе сахара.

Проектоскопъ. Докторъ Чарльзъ Дунканъ изъ Нью-Іорка изобрѣлъ аппаратъ, не отличающійся новизной принципа, но новый по своей гуманной и въ то же время практической задачѣ; называется онъ проектоскопомъ. Аппаратъ этотъ, какъ показываетъ его названіе, имѣетъ цѣлью воспроизводить на экранѣ, при помощи зеркалъ и разнообразныхъ фотографическихъ процессовъ, движущіяся сцены хирургическихъ операцій, со всѣми лицами, которыя участвуютъ въ операціяхъ, дабы, такимъ образомъ, дать возможность студентамъ присутствовать на нихъ и поучаться, не усугубляя своимъ непосредственнымъ вниманіемъ тоски и страданій оперируемаго субъекта; больной даже и не подозрѣваетъ, что есть другіе свидѣтели его страданій, кромѣ хирурга и ассистентовъ. Кромѣ того, проектоскопомъ устраняется, такимъ образомъ, опасность зараженій отъ одежды и обуви, и избѣгается малѣйшій шумъ и даже шорохъ присутствующихъ. Аппаратъ Дункана тѣмъ хорошъ, что картины самыхъ интересныхъ операцій могутъ быть воспроизводимы во всѣхъ подробностяхъ и сопровождаемы фотографическими копіями устныхъ замѣчаній и объясненій профессора. Такимъ образомъ, облегчая участь больныхъ, новый аппаратъ облегчаетъ и всякому желающему изученіе медицины.

Новыя усовершенствованія телефона. Вслѣдъ за блестящимъ открытіемъ безпроволочнаго телеграфированія очередь настала за телефономъ. Тѣ же принципы въ основныхъ чертахъ приложимы и къ передачѣ звуковъ. Изъ Парижа сообщаютъ, что тамъ подъ наблюденіемъ морского министра Пикара происходили любопытные опыты между Парижемъ и Мелюномъ разговоровъ по телефону безъ проводовъ,—новѣйшее изобрѣтеніе двухъ молодыхъ лейтенантовъ флота Колина и Жане. Результаты были неожиданно успѣшны. Телефонъ безъ проводовъ работалъ лучше обычнаго телефона. Голосъ былъ слышенъ отчетливо и громко. Не было даже того неизмѣннаго шума, который почти всегда мѣшаетъ узнать, кому принадлежитъ голосъ при телефонированіи съ проводами.

Опыты закончились полнымъ тріумфомъ изобрѣтателей, и новымъ аппаратамъ можно предсказать блестящую будущность.

Но телефонированіемъ безъ проволокъ не ограничиваются стремленія къ усовершенствованію телефонной техники. Какъ извѣстно изъ газетъ, изобрѣтатель безпроволочнаго телеграфа Маркони работаетъ теперь надъ завершеніемъ новаго аппарата, который тоже обѣщаетъ составить эпоху въ своей области. Рѣчь идетъ о телефонѣ, записывающемъ произнесенные звуки. Подробности изобрѣтенія держатся еще въ строжайшей тайнѣ. Извѣстенъ только основной принципъ аппарата, имѣющаго назначеніемъ своимъ переводить всякое произнесенное слово въ написанное. Колебанія, которыя вызываются въ пріемной пластинкѣ звуковыми волнами, соотвѣтствующими отдѣльнымъ буквамъ алфавита, столь различны, что они производятъ различныя вліянія на электрическіе токи, находящіеся съ этою пластинкою въ связи. Съ своей стороны токи эти автоматически приводятъ въ движеніе клавиши пишущей машины. Маркони заявилъ, что трудъ его скоро будетъ приведенъ къ концу, и тайна новаго изобрѣтенія сдѣлается достояніемъ гласности.

